БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга представляет собой 22-й том из серии, посвященной Белому движению в России, и рассматривает боевые действия белых войск во время Великого Сибирского Ледяного похода, являющегося одной из наиболее трагических страниц истории Гражданской войны в Сибири. Хронологически поход охватывает период с середины ноября 1919 г. (оставление Омска) до середины февраля 1920 г. (расстрел А.В. Колчака и прибытие белых в район Читы). Затронуты также более поздние события: вытеснение белых из Забайкалья к осени 1920 г., судьбы Оренбургского, Уральского и Алтайского казачества, события во Владивостоке. Среди авторов тома известные мемуаристы – Петров, Сахаров, Мейбом, Ефимов. Большое внимание в книге уделено истории гибели генерала В.О. Каппеля.

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

- Великий Сибирский Ледяной поход
  -
  - Предисловие
  - Раздел 1
    - К. Сахаров[1]
    - П. Петров[42]
    - Ф. Мейбом[58]
    - Ф. Мейбом
    - В. Вырыпаев[73]
    - С. Марков[82]
    - Д. Решетников[91]
    - А. Камбалин[100]
    - Барнаулец
    - Ф. Пучков[116]
    - В. Варженский[128]
    - А. Ефимов[131]
    - К. Семчевский[148]
    - И. Киборт[150]
    - А. Парфин[154]
    - Е. Красноусов[156]
    - А. Ефимов
    - А. Котомкин[159]
    - Д. Филатьев[161]

        - Г. Клерже[168]
        - С. Витольдова-Лютык[179]
    - Раздел 2
        - А. Долгополов[183]
        - И. Акулинин[186]
        - Л. Масянов[197]
        - Н. Дорошин[219]
        - К. Хартлинг[222]
    - Послесловие
    - Приложения
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165

- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209

- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246

Великий Сибирский Ледяной поход

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2024
© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2024
© «Центрполиграф», 2024

Предисловие

Двадцать второй том серии «Белое движение в России» посвящен одной из наиболее трагических страниц истории Гражданской войны в Сибири – Великому Сибирскому Ледяному походу. Хронологически он служит продолжением девятнадцатого тома, повествующего о Белой борьбе на Востоке России под руководством адмирала А.В. Колчака, и охватывает время от оставления Омска и начала Великого Сибирского Ледяного похода до оставления белыми Забайкалья, то есть с середины ноября 1919-го до осени 1920 г.

Собственно Великий Сибирский Ледяной поход – под этим названием вошло в историю трагическое отступление белых армий Восточного фронта – продолжался три месяца: с середины ноября 1919 г., когда был оставлен Омск, по середину февраля 1920 г., когда остатки войск перешли через Байкал и пришли в район Читы, в расположение войск атамана Г.М. Семенова. Поход этот, проходивший в неимоверно тяжелых условиях, получил свое название по аналогии с легендарным 1-м Кубанским походом Добровольческой армии зимой – весной 1918 г.; характерно, что и знак, учрежденный для его участников, представлял собой точную копию знака Ледяного похода (с тем отличием, что меч поперек тернового венца был золотого цвета).

В декабре 1919 г. 1-я армия Восточного фронта, отведенная ранее в тыл для охраны Транссибирской магистрали, после ряда мятежей разложилась и перестала существовать (ее остатки в 500–600 человек были присоединены ко 2-й армии), а частям 2-й и 3-й армий пришлось совершить тяжелейший поход вдоль Сибирской железной дороги в Забайкалье (части 2-й армии в основном двигались севернее, а 3-й – южнее линии железной дороги). Во главе войск находились генерал К.В. Сахаров, а с 9 декабря 1919 г. и до своей смерти в конце января 1920 г. – генерал В.О. Каппель.

Сибирский Ледяной поход сопровождался большими потерями. Уже во второй половине ноября во многих частях они достигли от трети до двух третей боевого состава, на полк часто оставалось по 150–200 боеспособных людей. Особенно тяжелым был переход через Щегловскую тайгу, которая поистине стала кладбищем 3-й армии. Помимо преследующих армию красных частей и партизан, голодных и страдающих от мороза людей постигла эпидемия тифа, которым переболело абсолютное большинство участников похода (из-за сильных холодов процент смертных случаев был, правда, ниже обычного). Перед

Щегловской тайгой в войсках 2-й и 3-й армий числилось 100–120 тысяч человек (по другим мнениям – около 150) и, по приблизительным подсчетам, столько же беженцев. После Красноярска, где вследствие мятежа в тылу армию постигла катастрофа, на восток шло уже только примерно 25 тысяч человек, из которых не более 5–6 тысяч бойцов. Известно, что через госпитали в Верхнеудинске и Чите за февраль – март прошло около 11 тысяч тифозных.

По приходе в Забайкалье главнокомандующим и главой правительства (после смерти адмирала Колчака, выданного чехами и расстрелянного большевиками в Иркутске 7 февраля 1920 г.) стал генерал Г.М. Семенов, а армия (которой после смерти генерала Каппеля последовательно командовали генералы С.Н. Войцеховский, Н.А. Лохвицкий и Г.А. Вержбицкий) была сведена в три корпуса: 1-й (из Забайкальских войск Семенова), 2-й (Сибирские, Уфимские и Егерские части) и 3-й (Волжские, Ижевские и Воткинские части). При этом прежние корпуса сводились в дивизии, а дивизии в полки. В Чите армия имела 40 тысяч человек при 10 тысячах бойцов (войска Семенова в Забайкалье в январе – феврале 1920 г. насчитывали 11–16 тысяч человек), в мае в ней насчитывалось до 45 тысяч человек, из которых в полевых частях трех корпусов 20 тысяч. В ноябре 1920 г. армия была вытеснена из Забайкалья и перебазировалась в Приморье.

Оренбургские и уральские казачьи части отступали отдельно от основных сил Восточного фронта, и участь их была не менее трагичной. В конце 1919 г. при отходе Уральской армии на юг некоторые части совершенно прекратили свое существование, полностью погибнув от потерь на фронте и тифа. За два месяца похода Уральской армии из 12–15 тысяч до форта Александровского в начале 1920 г. дошло менее 3 тысяч, где более 1600 попало в плен и лишь менее 200 человек добрались до Ирана.

В настоящем издании собраны воспоминания об отходе белых формирований Восточного фронта, в том числе оренбургского и уральского казачества. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. В России эти воспоминания, за небольшим исключением, никогда не публиковались.

Содержание тома разбито на два раздела. В 1-м разделе публикуются воспоминания участников отступления вдоль Транссибирской магистрали, во 2-м – материалы о судьбе казачьих частей, отходивших отдельно от основных сил по другим направлениям, а также воспоминания о событиях во Владивостоке в период конца 1919-го – начала 1920 г.

В большинстве случаев публикации приводятся полностью (некоторые сокращения сделаны только за счет невоенной тематики). Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях участников событий и географических названиях; их правильное написание – в комментариях.

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ЛЕДЯНОЙ ПОХОД

Раздел 1

К. Сахаров[1]
Ледяной Сибирский поход[2]

Фактически армия теперь сошла на задачу прикрытия эвакуации – сплошной ленты поездов, вывозящих на восток раненых и больных, семьи офицеров и солдат, а также те запасы, военные и продовольственные, которые удавалось погрузить.

Армия свелась, в сущности, к целому ряду небольших отрядов, которые все еще были в порядке и в управлении, так как состояли они из отборного, лучшего в мире элемента. Сохранилась организация. Но дух сильно упал. До того, что проявлялись даже случаи невыполнения боевого приказа. На этой почве командующий 2-й армией[3]генерал Войцеховский[4]принужден был лично застрелить из револьвера командира корпуса генерала Гривина[5], который наотрез отказался подчиниться боевому приказу задержать корпус и дать красным отпор, а заявил, что он поведет свои полки прямо в Иркутск, к месту их первоначального формирования; на предложение Войцеховского сдать командование корпусом Гривин ответил также отказом.

По пути от Омска до Татарска была сделана социалистами попытка крушения поезда с золотом, но охрана оказалась надежной и не дала злоумышленникам расхитить государственную казну. Министр путей сообщения Устругов[6]руководил эвакуацией, находясь все время на самых тяжелых участках. Главная трудность заключалась в том, что не хватало на все эшелоны паровозов. Поезда простаивали по нескольку суток на небольших станциях и разъездах, среди безлюдной сибирской степи, занесенной снегом. Без воды, без пищи и без топлива, зачастую замерзая.

С каждым днем положение ухудшалось, так как число эвакуируемых эшелонов постепенно все возрастало; вскоре железнодорожный вопрос принял размеры катастрофы. Дело в том, что чехословаков, это главное воинство интервенции в Сибири, охватила паника, и они произвели в тылу страшное дело.

Расквартированы чехи были так: первая дивизия на участке Иркутск – Красноярск, вторая дивизия – в Томске, в третья занимала Красноярск и города западнее его, до Новониколаевска. 5-я польская дивизия имела главную квартиру в Новониколаевске и располагалась на юг до Барнуала и Бийска. Поляки, благодаря своему доблестному начальнику дивизии полковнику Румше[7] (бывшему русскому офицеру), решили драться против

большевиков совместно с нашей армией и просили вывезти по железной дороге только их госпитали, семьи и имущество («интендантура»). Совсем иначе повели себя знаменитые чехословацкие легионы. Как испуганное стадо, при первых известиях о неудачах на фронте бросились они на восток, чтобы удрать туда под прикрытием Русской армии. Разнузданные солдаты их, доведенные чешским комитетом и представителями Антанты почти до степени большевизма, силой отбирали паровозы у всех нечешских эшелонов; не останавливались ни перед чем.

В силу этого наиболее трудным участком железной дороги сделался узел станции Тайга, так как здесь выходила на магистраль Томская ветка, по которой теперь двигалась самая худшая из трех чешских дивизий – вторая. Ни один поезд не мог пройти восточнее станции Тайга; на восток же от нее двигались бесконечной лентой чешские эшелоны, увозящие не только откормленных на русских хлебах наших же военнопленных, но и награбленное ими, под покровительством Антанты, русское добро. Число чешских эшелонов было непомерно велико – ведь на 50 тысяч чехов, как уже упоминалось выше, было захвачено ими более 20 тысяч русских вагонов.

Западнее станции Тайга образовалась железнодорожная пробка, которая с каждым днем увеличивалась. В то же время Красная армия, подбодренная успехами, продолжала наступление, а наши войска, сильно поредевшие и утомленные, не могли остановить большевиков. Отход Белой армии продолжался в среднем по десять верст в сутки.

Из эшелонов, стоявших западнее Новониколаевска, раздавались мольбы, а затем понеслись вопли о помощи, о присылке паровозов. Помимо риска попасть в лапы красных, вставала и угроза смерти от мороза и голода. Завывала свирепая сибирская пурга, усиливая и без того крепкий мороз. На маленьких разъездах и на перегонах между станциями стояли десятки эшелонов с ранеными и больными, с женщинами, детьми и стариками. И не могли двинуть их вперед, не было даже возможности подать им хотя бы продовольствие и топливо. Положение становилось поистине трагическим: тысячи страдальцев русских, обреченных на смерть, – а с другой стороны десятки тысяч здоровых, откормленных чехов, стремящихся ценою жизни русских спасти свою шкуру.

Командир Чешского корпуса Ян Сыровой[8] уехал в Красноярск, их главнокомандующий, глава французской миссии генерал-лейтенант Жанен сидел уже в Иркутске; на все телеграммы с требованием прекратить преступные безобразия

чешского воинства оба они отвечали, что бессильны остановить «стихийное» движение. Вскоре Ян Сыровой принял вдобавок недопустимо наглый тон в его ответах, взваливая всю вину на русское правительство и командование, обвиняя их в «реакционности и недемократичности».

В эти дни ноября 1919 года наступило самое тяжелое время для русских людей и армии; все ее усилия и подвиги за весну, лето и осень 1919 года были сведены преступлениями тыла на нет. Заколебались уже и самые основания здания, именовавшегося Омским правительством. Выступила наружу тайная, темная сила, начали выходить из подполья деятели социалистического заговора. Сняли маски и те из них, которые до сей поры прикидывались друзьями России. Среди последних оказались, кроме руководителей чехословацкого воинства, также в большинстве и представители наших «союзников». К концу ноября все это объединилось к востоку от Красноярска, образовало свой центр в Иркутске и начало переходить к открытым враждебным действиям, ожидая лишь удобного момента, чтобы ударить сзади и раздавить Белое освободительное движение, совместно с большевиками, с их Красной армией, наступавшей с запада.

В это время Верховный Правитель и штаб находились в Новониколаевске. Был намечен следующий план действий: армия будет медленно и планомерно, прикрывая эвакуацию, отходить в треугольник Томск – Тайга – Новониколаевск, где к середине декабря должны были сосредоточиться резервы; отсюда наша армия перейдет в наступление, чтобы сильным ударом отбросить силы большевиков на юг, отрезая их от железной дороги. В то же время предполагалось произвести основательную чистку тыла: секретными приказами был намечен одновременный арест и предание военно-полевому суду всех руководителей заговора в тылу, всех партийных эсеров в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке. Были приняты резкие меры к привлечению всех здоровых офицеров и солдат в строй, для усиления фронта, а также для создания в тылу надежных воинских частей.

Чехам и их главарю Сыровому было заявлено, что если они не перестанут мешаться в русские дела и своевольничать, то русское командование готово идти на все, включительно до применения вооруженной силы. Одновременно командующему Забайкальским военным округом генералу атаману Семенову[9]был послан шифрованной телеграммой приказ занять все тоннели на Кругобайкальской железной дороге; а в случае если чехи не изменят своего беспардонного отношения, не прекратят безобразий, будут также нагло рваться на восток и поддерживать

эсеров, то приказывалось один из этих тоннелей взорвать. На такую крайнюю меру Верховный главнокомандующий пошел потому, что чаша терпения переполнилась: чехословацкие полки, пуская в ход оружие, продолжали отнимать все паровозы, задерживали все поезда; в своем стремлении удрать к Тихому океану они оставляли на страшные муки и смерть тысячи русских раненых, больных, женщин и детей. А Жанен и Ян Сыровой занимались легким уговариванием этого бесславного воинства развращенных, откормленных чешских легионеров и на все требования русских властей отвечали уклончивыми канцелярскими отписками.

Следующим важным мероприятием было возложение охраны на местах и мобилизационных функций на само население, главным образом на крестьянство, под руководством и наблюдением военных властей. Выяснилось совершенно определенно, что крестьяне Сибири, в большинстве своем, искренне желают оказать Верховному Правителю всякую поддержку, что они стоят непримиримо против большевиков и других социалистов, стремятся только к одному: не пустить к себе красных, уничтожить все шайки внутри областей, а затем вернуться к прежней русской спокойной жизни.

Но теперь, когда силой непреодолимой логики событий подошли к правильному и единственному решению, обнаружилось, что слишком много было потеряно времени, – еще раз и так полно подтвердилась истина, что «потеря времени смерти невозвратной подобна есть». Будь все эти меры проведены тремя-четырьмя месяцами раньше, когда мы были сильны на фронте, а вся вражеская нечисть не успела еще опериться и не сплотилась, – нам удалось бы сравнительно легко ликвидировать ее, русское национальное дело было бы спасено. К концу же ноября мы имели против себя уже окрепшую вражескую организацию, упорство и уверенность руководителей эсеровско-союзнического комплота. Они сумели всюду втереться сами или впустить своих агентов, которых в то неустановившееся время они вербовали всюду.

Но несмотря на это, Белой Русской национальной армии было бы вполне по силам справиться со стоявшей перед нею задачей, если бы эсеровская измена не свила гнезда и внутри нее. Дело началось с Гайды[10]; социалисты-революционеры сумели обойти его, окружив тонкой интригой и обработав грубой лестью; они проникли в штаб Сибирской армии[11], а оттуда в ее корпуса и дивизии. К несчастью, генерал Дитерихс[12], ставший во главе Сибирской армии, когда Гайда был выгнан, видимо, не понял всей опасности, не принял мер к искоренению заразы. А зараза

эта по мере отступления развивалась все больше и охватывала не столько войсковые массы 1-й армии[13], сколько верхи ее командования, причем и сам командующий этой армией, генерал А. Пепеляев[14], попался в сети и тайно состоял в партии. Все назначения на командные должности были проведены им так, что ответственные, руководящие посты получали только свои люди. Паутина плелась очень хитро, осторожно и почти неуловимо для постороннего глаза; пускались в ход самый беззастенчивый обман и ложные уверения. Так, А. Пепеляев, говоря с глазу на глаз со своими начальниками, уверял их дрожащим голосом, что сам он по своим убеждениям монархист.

Вторично главнокомандующий генерал Дитерихс не понял всей опасности или недооценил ее, когда он отдал приказ о вывозе 1-й Сибирской армии в тыл. Этим передавалась в руки эсеров русская вооруженная сила, в тылу нашей героической армии укреплялась вражеская цитадель.

Характерен из того времени и нравов такой эпизод. В Новониколаевск, при выводе 1-й Сибирской армии в тыл, была назначена гарнизоном Средне-сибирская дивизия, во главе которой Пепеляев только что перед тем поставил молодого, очень храброго, но совершенно сбитого с толку и втянутого в политику двадцатишестилетнего полковника Ивакина[15]. Когда я потребовал его к себе для доклада о состоянии дивизии, оказалось, что полковника в городе нет, еще не приехал. Через два дня – тоже нет; наконец, после третьего приказа является, делает доклад, а затем просит разрешения говорить откровенно.

– В чем дело?

– Я оттого запоздал, Ваше Превосходительство, что в пути ко мне приехали земские деятели, привезли штатское платье и убеждали спасаться – будто Вы меня арестовать собираетесь…

– За что?

– Да они толком не объяснили, а много говорили, то Вы недовольны 1-й Сибирской армией за то, что она эсерам сочувствует.

– А разве правда, что в Вашей армии есть сочувствие эсерам?

– Так точно, иначе быть не может; наша армия Сибирская, а вся Сибирь – эсеры, – бойко, не задумываясь отрапортовал этот полу-мальчик, начальник дивизии.

У меня в вагоне сидели мой помощник генерал Иванов-Ринов[16]и начальник штаба, которые не могли удержаться от смеха – до того наивно и ребячески бессмысленно было заявление Ивакина. Рассмеялся и сам автор этого политического афоризма.

После разъяснения полковнику Ивакину всей преступности этой игры, того, для какой цели пускают социалисты такие

провокационные выдумки, что они хотят сделать и их, офицеров, своими соучастниками в работе по разрушению и гибели России, – он уехал, дав слово, что больше никаких штатских в дивизию не пустит и все разговоры о политике прекратит. Этот молодцеватый и храбрый русский офицер произвел впечатление полной искренности; казалось, что он ясно понял теперь ту бездну, куда влекли его политиканы – враги России, понял, раскаялся и даже, видимо, возмутился их низкими интригами.

На другой день Верховный Правитель после оперативного доклада сказал мне недовольным голосом, что через приближенных людей до него дошли слухи, будто полковник Ивакин собирается в одну из ближайших ночей арестовать его и меня. Контрразведка штаба проверила настроение частей Средне-сибирской дивизии, которое оказалось нормальным, здоровым от какой-либо эсеровщины; я доложил это адмиралу, как и мой разговор с Ивакиным. Видимо, была пущена в ход обычная для социалистов двойная игра: старались обе стороны убедить в опасности ареста – для каждой, чтобы вызвать его со стороны старшего начальника и иметь предлог для выступления войсковых частей. Не надо забывать, что в то время настроение всюду было сильно повышенное – результат всех пережитых потрясений и неудач. Адмирал потребовал к себе полковника Ивакина, около часу говорил с ним и лично выяснил вздорность всей этой истории. Но, как показало дальнейшее, слухи все же имели основание, – работа и подготовка в этом направлении велись.

Очень жаль, что приходится останавливаться на ничтожных сравнительно обстоятельствах, происходивших на фоне тогдашнего титанического потрясения Восточной России. Но освещение этих фактов необходимо, ибо они устанавливают связь всего дальнейшего с теми основными положениями, которые были высказаны об эсеровско-чешском заговоре против Белой армии. Эти эпизоды и личности, проявлявшиеся осенью 1919 года, доказывали правильность диагноза болезни тыла, подтверждали выводы и укрепляли еще больше решимость в проведении мер по ликвидации гнезд заговорщиков. Русское национальное дело, Русская армия и будущность нашего народа требовали быстрых и решительных мер. Бесконечно грустно, что слишком поздно взялись за их проведение.

На фронте усталые, измученные, одетые в рубищах полки новых крестоносцев, сражавшиеся второй год за Русь и Крест Господень против интернационала и его пентаграммы, красной звезды. Тысячи верст боевого похода закалили части и сделали их стальными; бесконечные сражения, бои и стычки выработали в

офицерах и солдатах величайшую выносливость, выковали храбрость.

Армия отступала, но она уже накопила опять в себе силы для нового перехода в наступление, для нового рассчитанного прыжка тигра. Весьма возможно, что на этот раз уже окончательного, победного. А по всему огромному дикому пространству Сибири, по вековой тайге ее, по диким горным хребтам, по беспредельным степям и лесам, вплоть до самого Тихого океана, шел в то же время сполох, скрытый еще, но не тайный уже; вышедшие из подполья темные силы, слуги той же пентаграммы, готовили сзади предательский удар. Этот удар мы заметили, разгадали вражеские козни, и было еще время отразить его, а затем уничтожить с корнем гадину измены и предательства.

Ряд мер, о которых сказано выше, проводился срочно, в энергичной, напряженной работе. Дело начинало налаживаться, а вместе росла и уверенность, что мы переборем трудности, выполним план, спасем Русское дело. Несмотря на то что положение было крайне критическое и так угрожающе выглядели признаки этого сполоха, выходы имелись. А главное, было много истинных сынов России, объединенных общим страстным желанием спасти Родину; и на их стороне были и симпатии, и силы масс народных. Была армия, сильная духом и не малая числом, имелось оружие и боевые припасы, да к тому же в русских руках были остатки накопленного веками государственного достояния, значительный золотой запас. Вперед можно было смотреть бодро.

– Выгребем! – говорили часто мои помощники, когда совместно вырабатывали и проводили меры по ликвидации измены в тылу.

* * *

Теперь зимой, в конце ноября, настало время, когда на фоне сибирской жизни ярко выступили те пятна, зашевелились те злые гнезда эсеровщины, которые подготовлялись весной и летом и были скрыты почти ото всех глаз. Как волшебные тени, появились они вдруг, сразу. Сначала Владивосток, Иркутск, затем Красноярск и Томск. И то, что многим представлялось весной далекой злой опасностью, почти как несуществующий кошмар, стало выявляться наяву, вставать кровавым призраком новой гражданской войны в тылу. Откуда был дан сигнал к восстаниям, пока покрыто неизвестностью. Но видимо, из Иркутска, где к этому времени сосредоточилось все тыловое: совет министров,

все иностранные миссии Антанты, политиканы чехословацкого национального комитета и их высшее командование, а также масса дельцов разных политических толков, от кадет и левее.

Первое восстание разразилось во Владивостоке. Гайда, герой былых побед и новых интриг, живший в отдельном вагоне, сформировал штаб, собрал банды чехов и русских портовых рабочих и 17 ноября поднял бунт, открытое вооруженное выступление[17]. Сам Гайда появился в генеральской шинели, без погон, призывая всех к оружию за новый лозунг: «Довольно гражданской войны. Хотим мира!» Старое испытанное средство социалистов, примененное ими еще в 1917 году, перед позорным Брест-Литовским миром.

Но на другой же день около Гайды появились «товарищи», его оттерли на второй план, как лишь нужную им на время куклу; были выкинуты лозунги: «Вся власть Советам. Да здравствует Российская социалистическая, федеративная, советская республика!» На третий день бунт был усмирен учебной инструкторской ротой, прибывшей с Русского острова; банды рассеяны, а Гайда с его штабом арестован. Да и не представлялось трудным подавить это восстание, так как оно не встретило ни у кого поддержки, кроме чешского штаба да Владивостокской американской миссии; народные массы Владивостока были поголовно против бунтовщиков.

Адмирал Колчак послал телеграмму-приказ: судить всех изменников военно-полевым судом, причем в случае присуждения кого-либо из них к каторжным работам Верховный Правитель в этой же телеграмме повышал наказание всем – до расстрела. К сожалению, командовавший тогда Приморским округом генерал Розанов[18]проявил излишнюю, непонятную мягкость, приказа не исполнил и донес, что еще до получения телеграммы он должен был передать Гайду и других с ним арестованных чехам, вследствие требования союзных миссий.

Одновременно с Владивостоком зашевелился Иркутск. Там образовалась новая городская дума, в состав которой вошло на три четверти «избранного племени» – все махровые партийные работники. На первом же заседании этот вновь испеченный синедрион, вместо того чтобы заниматься городскими делами, потребовал смены министров, назначения ответственного кабинета, и заговорили о том же, что и Владивосток, – о прекращении Гражданской войны.

Но после подавления Владивостокского восстания иркутские дельцы стихли, снова спрятались в подполье. Командовавшему войсками генералу Артемьеву был послан приказ арестовать и предать военно-полевому суду всех эсеров и меньшевиков, членов

этой «городской думы». Неизвестно по какой-то причине и этот приказ не был выполнен; впоследствии генерал Артемьев[19]доносил, что преступники попрятались, а производить массовые обыски и аресты помешали опять-таки «союзные» миссии и чехи.

Совет министров проявил не только полную растерянность и бездеятельность, но во главе с социалистом Вологодским[20], этим «vieux drapeau», готов был чуть ли не подчиниться Иркутской городской думе. Верховный Правитель тогда решил сменить Вологодского и назначил премьер-министром Пепеляева (Виктора)[21], брата генерала, командовавшего 1-й Сибирской армией. В связи с этими событиями и другими признаками созревшей в тылу измены было собрано в Новониколаевске, в вагоне адмирала, несколько совещаний. Искали лучшего плана, наиболее выполнимого и обеспеченного решения. Выхода намечалось два.

Первый – выполнение намеченной военной операции в районе Томск – Новониколаевск, предоставление чехословакам убраться из Сибири при условии фактического невмешательства в русские дела и сдачи русского казенного имущества, полное использование для этого Забайкалья и сил атамана Семенова при поддержке японцев; намеченная отправка золотого запаса в Читу под надежную охрану; затем планомерное, систематическое уничтожение эсеровской измены и подготовка в глубине Сибири сил для новой борьбы весной.

Второй – предоставить всю Сибирь самой себе: пусть испытает большевизм, переболеет им; пусть все «союзники» с их войсками, нашими бывшими военнопленными, тоже попробуют прелестей большевизма и уберутся из Сибири. Верховный Правитель с армией уходит из Новониколавска на юг, на Барнаул – Бийск, в богатый Алтайский край, где соединяется с отрядами атаманов Дутова[22]и Анненкова[23]и, базируясь на Китай и Монголию, выжидает следующей весны – для продолжения борьбы, для ее победного конца.

Адмирал Колчак отверг второй план совершенно и остановился на первом; но он категорически отказался отправить золото в Читу. Сказалась отрыжка прошлой ссоры, проявилось недоверие. Было принято решение, что адмирал, а с ним и золотой запас останутся непосредственно при армии, не отделяясь от нее далеко. К несчастью, и это решение не было выдержано до конца, что и привело, как будет видно ниже, к самой трагической развязке.

Для более правильного и успешного проведения принятого плана, ввиду полной нежизненности бюрократической машины

так называемых министерств, был обнародован Верховным Правителем указ, которым выше совета министров ставилось Верховное совещание, составленное под председательством Верховного Правителя из главнокомандующего, его помощников и трех министров – премьера, внутренних дел и финансов. Этим актом министерства должны были свестись на простые исполнительные канцелярии, причем предполагалось сильно сократить их штаты.

Все это время я со своим штабом был занят разработкой и подготовкой новой операции, причем сосредоточение и выполнение ее было намечено на середину декабря. Чтобы легче парализовать политические интриги генерала Пепеляева и его ближайших помощников, был заготовлен приказ о превращении 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус со включением его во 2-ю армию генерала Войцеховского. Придя к этим решениям и начав их осуществление, Верховный Правитель отдал приказание переместить его эшелоны и мой штаб в Красноярск.

* * *

8 декабря вечером поезд моего штаба после долгих задержек пришел на станцию Тайга, где с утра уже находились все пять литерных эшелонов Верховного Правителя. У семафора стоял броневой поезд 1-й Сибирской армии, к самой станции была стянута егерская бригада этой же армии, личный конвой генерала Пепеляева, и одна батарея. В вагоне адмирала находились целый день оба брата Пепеляевы – генерал, приехавший из Томска, и премьер-министр – из Иркутска.

Когда я пришел к Верховному Правителю с докладом всех подготовленных распоряжений по выполнению принятого плана, то нашел его крайне подавленным. Пепеляевы сидели за столом по сторонам адмирала. Это были два крепко сшитых, но плохо скроенных, плотных сибиряка; лица у обоих выражали смущение, глаза опущены вниз, – сразу почувствовалось, что перед моим приходом велись какие-то неприятные разговоры. Поздоровавшись, я попросил адмирала разрешения сделать доклад без посторонних; Пепеляевы насупились еще больше, но сразу же ушли. Верховный Правитель внимательно, как всегда, выслушал доклад о всех принятых мерах и начал подписывать заготовленные приказы и телеграммы; последним был приказ о реорганизации 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус.

Адмирал поморщился и начал уговаривать меня отложить эту меру, так как она может-де вызвать большое неудовольствие,

даже волнения, а то и открытое выступление.

– Вот, – добавил он, – и то мне Пепеляевы уж говорили, что Сибирская армия в сильнейшей ажитации и они не могут гарантировать, что меня и Вас не арестуют.

– Какая же это армия и какой же это командующий генерал, если он мог дойти до мысли говорить даже так и допустил до такого состояния свою армию. Тем более необходимо сократить его. И лучший путь превратить в неотдельный корпус и подчинить Войцеховскому.

Верховный Правитель не соглашался. Тогда я поставил вопрос иначе и спросил, находит ли он возможным так ограничивать права главнокомандующего, не лишает ли он этим меня возможности осуществить тот план, который мною составлен, а адмиралом одобрен.

– А я не могу допустить генерала, который хотя и в скрытой форме, но грозит арестом Верховному Правителю и главнокомандующему, который развратил вверенные ему войска, – докладывал я. – Иначе я не могу оставаться главнокомандующим.

Все это сильно меня переволновало, что, очевидно, было очень заметно, так как адмирал Колчак стал очень мягко уговаривать пойти на компромисс; здесь он, между прочим, сказал, что оба Пепеляева и так уже выставляли ему требование сменить меня, а назначить главнокомандующим опять генерала Дитерихса.

Я считал совершенно ненормальным и вредным подобное положение и доложил окончательно, что компромисса быть не может.

– Хорошо, – согласился адмирал, – только я предварительно до утверждения этого приказа хочу обсудить его с Пепеляевым. Это мое условие.

Через несколько минут оба брата были позваны адъютантом, и две массивные фигуры вошли, тяжело ступая, в салон-вагон. Приказ о переформировании 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус произвел ошеломляющее впечатление. Сначала Пепеляевы, видимо, растерялись, но затем генерал оправился и заговорил повышенным, срывающимся в тонкий крик голосом:

– Это невозможно, моя армия этого не допустит…

– Позвольте, – перебил я, – какая же это, с позволения сказать, армия, если она способна подумать о неисполнении приказа. То Вы докладывали, что Ваша армия взбунтуется, если ее заставят драться под Омском, теперь – новое дело.

– Думайте, что говорите, генерал Пепеляев, – обратился к нему резким тоном, перебив меня, адмирал. – Я призвал Вас,

чтобы объявить этот приказ и заранее устранить все недоговоренное, – главнокомандующий считает, что эта перемена вызывается жизненными требованиями, необходима для успеха плана, и без этого не может нести ответственности. Я нахожу, что он прав.

Министр Пепеляев сидел, навалившись своей тучной фигурой на стол, насупившись, тяжело дышал, с легким даже сопением, и нервно перебирал короткими пальцами пухлых рук. Сквозь стекла очков просвечивали его мутные маленькие глаза, без яркого блеска, без выражения ясной мысли; за этой мутью чувствовалось, что глубоко в мозгу сидит какая-то задняя мысль, засела так, что ее не вышибить ничем – ни доводами, ни логикой, ни самой силой жизни. После некоторого молчания министр Пепеляев начал говорить медленно и тягуче, словно тяжело ворочая языком. Сущность его запутанной речи сводилась к тому, что он считает совершенно недопустимым такое отношение к 1-й Сибирской армии, что и так слишком много забрал власти главнокомандующий, что общественность вся недовольна за ее гонение…

– Так точно, – пробасил А. Пепеляев, генерал, – и моя армия считает, что главнокомандующий идет против общественности и преследует ее…

– Что Вы подразумеваете под общественностью? – спросил я его.

– Ну вот, хотя бы земство, кооперативы, Закупсбыт, Центросоюз, да и другие.

– То есть Вы хотите сказать – эсеровские организации. Да, я считаю их вредными, врагами русского дела.

– Позвольте, это подлежит ведению министра внутренних дел, – обратился ко мне, глядя поверх очков, министр. – Разрешите, Ваше Высокопревосходительство, снова выразить мне, – заговорил он, грузно повернувшись на стуле к Верховному Правителю, – то, что уже докладывал: вся общественность требует ухода с поста генерала Сахарова и замены его снова генералом Дитерихсом, а я, как Ваш министр-председатель, поддерживаю это.

– Что Вы скажете на это? – тихо спросил меня адмирал.

Я ответил, что не могу позволить, чтобы кто-либо, даже премьер-министр, вмешивался в дела армии, что недопустима сама мысль о каких-либо давлениях со стороны так называемой общественности; вопрос же назначения главнокомандующего – дело исключительно Верховного Правителя, его выбора и доверия.

– Тогда, Ваше Высокопревосходительство, освободите меня от

обязанности министра-председателя. Я не могу оставаться при этих условиях, – тяжело, с расстановкой, но резко проговорил старший Пепеляев.

Верховный Правитель вспыхнул. Готова была произойти одна из тех гневных сцен, когда голос его гремел, усиливаясь до крика, и раздражение переходило границы; в такие минуты министры его не знали, куда деваться, и делались маленькими, маленькими, как провинившиеся школьники. Но через мгновение адмирал переборол себя. Лицо потемнело, потухли глаза, и он устало опустился на спинку дивана. Прошло несколько минут тягостного молчания, после которого Верховный Правитель отпустил нас всех.

– Идите, господа, – сказал он утомленным и тихим голосом, – я подумаю и приму решение. Ваше Превосходительство, – обратился он, некоторой даже лаской смягчив голос, – этот приказ подождите отдавать, о переформировании 1-й Сибирской армии, а остальные можно выпустить.

Через несколько часов было получено известие о вооруженном выступлении частей Сибирской армии в Новониколаевске. Там собралось губернское земское собрание фабрикации периода керенщины, состоявшее поэтому тоже из эсеров; вызвали они полковника Ивакина и совместно с ним выпустили воззвание о переходе полноты всей государственной власти к земству и о необходимости кончить Гражданскую войну. Ивакин, не объяснив дела полкам, вывел их на улицу и отправился на вокзал арестовывать командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Оцепили его поезд и готовились произвести самый арест, но в это время к станции подошел, узнав о беспорядках, полк 5-й польской дивизии под командой ее начальника полковника Румши и предъявил требование прекратить эту авантюру, под угрозой открытия огня. Тогда Ивакин положил оружие, сдался. Офицеры и солдаты его полков, как оказалось, действительно не знали, на какое дело их ведет Ивакин; большинство из них думало, что он действует по приказу Верховного Правителя. Полковник Ивакин был арестован и предан военно-полевому суду.

На станции Тайга шли почти всю ночь переговоры из-за этого инцидента. Генералом Пепеляевым была выдвинута снова угроза бунта его армии, если Ивакин не будет освобожден, причем весь этот новониколаевский случай выставлялся им как самочинное действие войск. Через день полковник Ивакин пытался бежать из-под караула и был убит часовым. Ни одна часть 1-й Сибирской армии и не подумала выступать.

Адмирал Колчак обратился по прямому проводу к генералу

Дитерихсу с предложением снова принять пост главнокомандующего. Ночью же Верховный Правитель передал мне, что Дитерихс поставил какие-то невозможные условия, почему он не находит допустимым дальнейшие разговоры с ним. Затем той же ночью эшелоны Верховного Правителя были переведены на следующую станцию, чтобы не загромождать, как было сказано, путей станции Тайга. Наутро был назначен отход и моего поезда.

9 декабря (по старому стилю 26 ноября), как раз в праздник ордена Святого великомученика Георгия, который Императорская Россия привыкла так чтить и отмечать в этот день славу своей армии, я был арестован Пепеляевыми на станции Тайга. Дело произошло так. Утром я приказал двигать поезд на следующую станцию, чтобы там выяснить окончательно все вопросы, потому что оставлять дальше армию в таком неопределенном состоянии было бы преступно. Мне доложили, что расчищают пути, отчего и произошла задержка, но что в 9 часов поезд отправится. Вместо этого около 9 часов утра ко мне в вагон вошел мой адъютант поручик Юхновский и доложил, что генерал Пепеляев просит разрешения прийти ко мне. Я передал, что буду ожидать 15 минут.

А через 10 минут были приведены егеря 1-й Сибирской армии, и мой поезд оказался окруженным густой цепью пепеляевских солдат с пулеметами, полк стоял в резерве у станции, там же выкатили на позицию батарею. Егеря моего конвоя и казаки, которых всех вместе в поезде было около полутораста человек, приготовились встретить пепеляевцев ручными гранатами и огнем, но комендант поезда лично предупредил новое кровопролитие, которое было бы очень тяжело по своим последствиям для армии и сыграло бы только на руку врагам России.

В вагон, где я находился, вошли три ближайших к Пепеляеву офицера, всклокоченные фигуры, так похожие на героев Февральской революции, с вытащенными револьверами, и один из них, насколько помню полковник Жданов, заявил, что по приказанию премьер-министра Пепеляева я арестован.

– Прежде всего, потрудитесь спрятать револьверы, так как ни бежать, ни вести с Вами боя я не собираюсь.

Пепеляевские офицеры выполнили приказание, молча и несколько удивленно переглядываясь между собой.

– А теперь я сам пойду разговаривать с премьер-министром в сопровождении моего помощника генерала Иванова-Ринова и адъютанта. Вы можете также идти, если хотите, сзади.

Когда я вышел из вагона, чтобы объясниться с министром, и

проходил мимо оригинальной воинской охраны, арестовывавшей своего главнокомандующего, то все солдаты и офицеры вытягивались и брали под козырек. Отмечаю этот факт как доказывающий, что воинские части здесь были просто игрушкой в руках политиканствующих генерала и его брата-министра, а последние выполняли волю скрытого центра. Для меня было ясно уже и тогда, что я арестован по приказу эсеров.

Оба брата Пепеляевы сидели мрачно в грязном салон-вагоне командующего 1-й Сибирской армией, на столе, без скатерти, валялись окурки, был разлит чай, рассыпаны обгрызки хлеба и ветчины; генерал сидел развалясь, без пояса, в рубахе с расстегнутым воротом и также с взлохмаченной шевелюрой. И грязь и небрежность в одежде и позе – все было декорацией для большей демократичности.

Объяснение носило полукомический характер. Министр заявил мне, что для блага дела он решил меня арестовать, чтобы отделить от Верховного Правителя, «за то, что Вы имеете на него большое влияние», – докончил он; брат его, командующий армией, откровенно признался, что я виноват в оскорблении 1-й Сибирской армии, которую считал хуже других.

– А кроме того, Ваше Превосходительство, Вы хороший и храбрый генерал, это все признают, но Вы стоите за старый режим и… очень строгий. Нам такого не надо, – добавил этот парень-генерал.

– Кому это нам?

– Да вот офицерам… А впрочем, больше толковать нечего, – грубо басил он дальше, – арест уже сделан.

– Да. Сила на Вашей стороне, но Вы поймите, что Вы совершаете преступление, арестовывая главнокомандующего, оставляя армию без управления.

– Вы уже не главнокомандующий. Адмирал согласился просить еще раз генерала Дитерихса, а временно приедет и вступит в должность генерал Каппель[24].

Сначала Пепеляевы хотели везти меня в Томск, в свою штаб-квартиру, но потом оставили на станции Тайга, под самым строгим наблюдением, которое продолжалось до самого приезда генерала Каппеля, до вечера следующего дня.

Для него все происшедшее явилось полной неожиданностью. Каппель начал сейчас же переговоры с Пепеляевыми, затем по прямому проводу с Верховным Правителем, прилагая все усилия, чтобы разъяснить запутавшееся положение. Первая просьба генерала Каппеля к адмиралу Колчаку была – оставить все без ломки, по-прежнему: меня главнокомандующим, а ему вернуться на свой пост в 3-ю армию. Я просил настойчиво и определенно

вернуть меня на чисто строевую должность к моим войскам, также в 3-ю армию. Адмирал в это время был уже в Красноярске, откуда, за расстоянием, все переговоры сильно затруднялись и заняли несколько дней. А в это время армия оставалась без управления, у заговорщиков оказались развязанными руки и эсеровский план взрыва в тылу, сорванный было нами вовремя, стал снова проводиться ими в жизнь.

Как скоро стало известно, Верховный Правитель пошел на уступки братьям Пепеляевым и обратился к генералу Дитерихсу с предложением вступить снова в главнокомандование Восточным фронтом; и получил ответ по прямому проводу, что Дитерихс согласен на одном только условии, чтобы адмирал Колчак выехал немедленно из пределов Сибири за границу. Это вызвало страшное возмущение адмирала, да и Пепеляевы, сконфуженные таким афронтом, более не настаивали. Но начатая ими по скрытой указке социалистов-революционеров гнусная интрига стала разворачиваться с быстротой и силой, остановить которые было уже невозможно.

В Красноярске стоял 1-й Сибирский корпус[25]под командой генерала Зиневича[26], который все время действовал по директивам и приказам своего командующего, генерала А. Пепеляева. Зиневич, выждав время, когда пять литерных поездов адмирала проехали на восток, за Красноярск, оторвались от действующей армии, произвел предательское выступление. Он послал, как это повелось у социалистов с первых дней несчастия русского народа – революции, – «всем, всем, всем…» телеграмму с явным вызовом; там Зиневич писал, что он, сам сын «рабочего и крестьянина» (тогда это осталось не выясненным, как этот почтенный деятель мог быть одновременно сыном двух папаш), «понял, что адмирал Колчак и его правительство идут путем контрреволюции и черной реакции». Поэтому Зиневич обращается к «гражданской совести» адмирала Колчака, «убеждает его отказаться от власти и передать ее народным избранникам – членам учредительного собрания и самоуправлений городских и земских» (нового послереволюционного выбора, то есть тем же эсерам). В подкрепление своего убеждения генерал Зиневич заявил, в той же прокламации, что он отныне порывает присягу и более не подчиняется Верховному Правителю. Этой изменой командира корпуса, генерала Зиневича, Верховный Правитель совершенно отрывался от армии, был лишен возможности опереться на нее и оказывался почти беззащитным среди всех враждебных сил. С другой стороны, и действующая армия ставилась Красноярским мятежом в невозможно тяжелое положение, теряя связь с базой и

всеми органами снабжения.

Что это было – бесконечная ли глупость с позывом к бонапартизму или предательство, продажное действо. Видимо, и то и другое понемногу, – у Пепеляева бонапартизм, у Зиневича глупость, смешанная с предательством. Вскоре обнаружилось, что за спиной Зиневича стояла шайка социалистов-революционеров с Колосовым во главе.

* * *

Предательство, подготовленное эсерами, этим отребьем человеческого рода, созрело, иудино дело было совершено. В двадцатых числах декабря наша героическая армия готовилась дать генеральное сражение силам красных, чтобы остановить их наступление, прикрыть Центральную и Восточную Сибирь и получить возможность там за зиму провести все кардинальные перемены и подготовку для новой борьбы. В условиях суровой зимы двигались наши войска, делая перегруппировки, чтобы образовать ударные группы и совершить марш-маневры с обходом обоих флангов наседавших большевиков.

Северная группа должна была произвести удар примерно из района Томск – Мариинск, и для нее предназначалась 1-я Сибирская армия генерала Пепеляева, части которой должны были сосредоточиться из Красноярска и Томска. Но вместо этого сам Пепеляев и его ближайшие помощники теперь уже всецело отдались в руки социалистов-революционеров. В Красноярске, благодаря выступлению генерала Зиневича, началось брожение. А отсюда разложение перекинулось в Томск, главную квартиру 1-й Сибирской армии.

Гнезда в тылу, где зараза тлела месяцами, скрываясь под личиной покорности и даже содружества на общей почве ненависти к большевикам, зашевелились вовсю; вылезли из подполья эсеры и меньшевики, всюду устраивали открытые собрания, объявляли о переходе власти снова «в руки народа». Чехи, эти полки разъевшихся вооруженных до зубов тунеядцев, подавляли в тылу своей численностью, и они отдали свои штыки в распоряжение и на поддержку социалистов; боевая армия находилась далеко, да и была занята своим делом, держала боевой фронт и все время вела оборонительные бои, чтобы дать возможность вытянуть на восток все эшелоны. В тылу же не было сил, чтобы справиться с чехами, так как главная часть находившихся там русских войск, выведенные в глубокий резерв части армии генерала Пепеляева, была вовлечена, против их

желания, в гнусное дело политического и военного предательства. Чтобы поколебать их ряды, кроме выступлений в Новониколаевске и на станции Тайга, был брошен испытанный уже в 1917 году Лениным и Бронштейном клич: «Довольно войны!» Этот клич, как по команде, раздался из социалистического лагеря одновременно во Владивостоке, Иркутске, Красноярке и Томске. Вот где был истинно поцелуй Иуды: социалисты, зажегшие пожар гражданской войны, кричали теперь об ужасах ее, о морях братской крови, о необходимости немедленного прекращения; кричали для того, чтобы предать Белую армию, а с нею и всю Россию на новое, долгое и бесконечное мучение, на новое крестное распятие.

Тыл забурлил. Наполненный до насыщения разнузданными и развращенными чехословацкими «легионерами», сбитый с толку преступной пропагандой социалистов, не получающий, вследствие разрухи министерских аппаратов, правильного освещения событий, тыл считал, что все дело борьбы против красных потеряно, пропало; это впечатление усиливалось еще и тем, как поспешно неслись на восток в своих отличных поездах «иностранцы-союзники». И английский генерал Нокс со своим большим штатом офицеров, и предатель Жанен, глава французской миссии, главнокомандующий русскими военнопленными, американцы, и разных стран, наций и наречий высокие комиссары при российском правительстве, железнодорожные и другие комиссии – все рвалось на восток, к Тихому океану. Их поезда проскакивали через массу чехословацкого воинства, которое ехало туда же, на восток, руководимое одним животным желанием: спасти от опасности свои разжиревшие от сытого безделья тела и вывезти награбленное в России добро!

Но и всего этого оказалось мало. Это было лишь начало выполнения проводимого социалистами плана; руководителям интернационала нужно было покончить с Белой армией и ее вождем, Верховным Правителем. Когда пять литерных эшелонов, один из которых был полон золотом, подошли к Нижнеудинску, они оказались окруженными чешскими ротами и пулеметами. Небольшой конвой адмирала приготовился к бою. Но Верховный Правитель запретил предпринимать что-либо до окончания переговоров. Он хотел лично говорить с французским генералом Жаненом.

Напрасно добивались этого рыцаря современной Франции к прямому проводу весь вечер и всю ночь; ему было некогда, он стремился из Иркутска дальше на восток. Но, без сомнения, причина этого наглого отказа была другая: все эти радетели

русского счастья считали теперь свою роль оконченной, игру доведенной до конца; они, тайно поддерживавшие все время социалистов, теперь вошли с ними в самое тесное содружество и помогали им уже в открытую, чтобы разыграть последний акт драмы – предательство армии и ее вождя.

Представитель Великобритании генерал Нокс со своими помощниками был уже в это время во Владивостоке. Жанен спешил за ним и, рассыпаясь в учтивостях, послал ряд телеграмм, что он умоляет адмирала Колчака – для его же благополучия – подчиниться неизбежности и отдаться под охрану чехов; иначе он, Жанен, ни за что не отвечает. Как последний аргумент в телеграмме Жанена была приведена тонкая и лживая мысль-обещание: адмирал Колчак будет охраняться чехами под гарантией пяти великих держав. В знак чего на окна вагона – единственного, куда был переведен адмирал с его ближайшей свитой, – Жанен приказал навесить флаги великобританский, японский, американский, чешский (?!) и французский. Конвой Верховного Правителя был распущен. Охрану несли теперь чехи. Но, понятно, это была не почетная охрана вождя, а унизительный караул пленника.

Боевая армия находилась теперь еще дальше, корпуса ее только были направлены к занятому мятежниками Красноярску, никаких определенных известий о том, в каком состоянии армия, каких она сил, что делает, не было; кажется, руководители тылового интернационала, представители Антанты и заправилы-социалисты считали, что армии уже не существует. В тылу, в Иркутске и Владивостоке, эсеры, вновь выползшие теперь из подполья, как крысы из нор, захватили власть в свои руки.

Только в Забайкалье была сохранена русская национальная сила. Но когда атаман Семенов двинул свои части на запад, чтобы занять Иркутск и выгнать оттуда захватчиков власти – эсеров, то в тыл русским войскам выступили чехословаки, поддержанные 30-м американским полком, и разоружили Семеновские отряды. Вследствие этого части Иркутского гарнизона, оставшиеся верными до конца, не могли одни справиться с чехами и большевиками; под командой генерала Сычева[27]они отступили в Забайкалье, когда выяснилось, что оттуда помощь прийти не может.

Поезд с вагоном адмирала Колчака и золотой эшелон медленно подвигались на восток. На станции Черемхово, где большие каменноугольные копи, была сделана первая попытка овладеть обеими этими ценностями. Чешскому коменданту удалось уладить инцидент, пойдя на компромисс и допустив к участию в охране Красную армию из рабочих. Когда подъезжали к

Иркутску, тот же чешский комендант предупредил некоторых офицеров из свиты адмирала, чтоб они уходили, так как дело безнадежно. По словам сопровождавших адмирала лиц, чувствовалось, что нависло что-то страшное, молчаливое и темное, как гнусное преступление. Верховный Правитель, увидав на путях японский эшелон, послал туда с запиской своего адъютанта, старшего лейтенанта Трубчанинова[28], но чехи задержали его и вернули в вагон.

Японцы не предпринимали ничего, так как верили, – это я слышал спустя полгода в Японии, – заявлению французского генерала Жане-на, что охрана чехов надежная и адмирал Колчак будет в безопасности вывезен на восток.

Поезд с адмиралом был поставлен в Иркутске на задний тупик, и в вагон к Верховному Правителю вошел чех-комендант.

– Приготовьтесь. Сейчас Вы, господин адмирал, будете переданы местным русским властям, – отрапортовал он.

– Почему?

– Местные русские власти ставят выдачу Вас условием пропуска всех чешских эшелонов за Иркутск. Я получил приказ от нашего главнокомандующего генерала Сырового.

– Но как же, мне генерал Жанен гарантировал безопасность. А эти флаги?! – показал адмирал Колчак на молча и убого висевшие флаги – великобританский, японский, американский, чешский и французский.

Чех-комендант потупил глаза и молча в ответ развел руками.

– Значит, союзники меня предали! – вырвалось у адмирала.

Через минуту в вагон вошли представители социалистической думы Иркутска, в сопровождении конвоя из своих революционных войск. Верховный Правитель был им передан чехами; в сопровождении нескольких адъютантов адмирала Колчака повели пешком через Ангару в городскую тюрьму. С ним же вели туда и премьер-министра В. Пепеляева, который так все время ратовал за эту общественность и своими руками рубил дерево, на котором сидел.

Узнав об аресте Верховного Правителя, правильнее о предательстве, японское командование, располагавшее в Иркутске всего лишь несколькими ротами, обратилось с протестом и предъявило требование об освобождении адмирала Колчака. Но их голос остался одиноким – ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, ни Италия их не поддержали; силы японцев здесь были слишком малы, и они, не получив удовлетворения, ушли из Иркутска.

Социалистическая дума города Иркутска торжественно объявила, что она берет на себя всю полноту государственной

Российской власти и назначает чрезвычайную следственную комиссию для расследования преступлений Верховного Правителя адмирала Колчака и его премьер-министра В. Пепеляева, виновных «в преследовании демократии и в потоках пролитой крови». В то же время, опасаясь Русской армии, эта кучка инородцев-интернационалистов начала спешно фабриковать свою революционную армию. Во главе был поставлен штабс-капитан Калашников, партийный эсер, бывший долго в штабе Сибирской армии Гайды. Товарищ Калашников поспешил отдать ряд громких приказов об отмене погон, титулования, о введении обращения «гражданин полковник, гражданин капитан…» и начал собирать силы, чтобы ударить с востока по нашей боевой армии.

* * *

От задуманного плана дать большевистской армии генеральное сражение на линии Томск – Тайга пришлось отказаться, так как 1-я Сибирская армия Пепеляева почти целиком снималась со счета. Части ее, находившиеся в Томске, теперь с приближением красных выступили против белых в открытую по приказу своих новых вождей с лозунгом: «Долой междоусобную войну!» Новыми вождями явились те же подпольные комитеты эсеров с присоединившимися к ним старшими офицерами сорта А. Пепеляева, генерала Зиневича, полковника Ивакина. Строевое офицерство и солдаты в большинстве были обмануты и шли за новым лозунгом, потому что не видели другого выхода. Но те части 1-й Сибирской армии, которые присоединились к боевому фронту, вошли в него в районе Барнаул – Новониколаевск, остались до конца верными долгу.

Когда фронт нашей армии приблизился к Томску, то там произошло вооруженное выступление частей 1-й Сибирской армии с арестом и убийством лучших офицеров, с передачей на сторону красных. Сам командарм (как его называли) Пепеляев принужден был одиночным порядком в троечных санях скрытно пробираться из Томска на восток.

В то же время в Красноярске его достойный помощник, командир 1-го Сибирского корпуса генерал Зиневич, все атаковал по прямому проводу штаб главнокомандующего, добиваясь определенного ответа, какого курса будет держаться армия и согласна ли она подчиниться новой власти, присоединиться к ним для прекращения войны. Под конец Зиневич в компании со

своим политическим руководителем эсером Колосовым взяли угрожающий тон, заявляя, что если Белая армия не присоединится к ним, то весь Красноярский гарнизон выступит против нее с оружием в руках и не пропустит на восток.

Прямого ответа Зиневичу не давали, чтобы выиграть время. В то же время спешно стягивали к Красноярску части 2-й и 3-й[29]армий, имея целью с боем занять город и рассеять бунтовщиков. Части наши двигались ускоренными маршами через первую густую тайгу Сибири, по непролазным, глубоким снегам, совершая труднейшие в военной истории марши, теряя много конского состава и оставляя ежедневно часть обоза и артиллерии. От какой-либо обороны и задержки большевистской Красной армии, наступавшей с запада по пятам за нами, пришлось отказаться совершенно. Необходимо было спешить вовсю к Красноярску: там силы бунтовщиков увеличивались с каждым днем; были получены сведения, что и Щетинкин с одиннадцатью полками спускается вниз по Енисею из Минусинска, на поддержку Зиневичу.

В это время генерал Зиневич начал уже переговоры с большевистской Красной армией, через голову боевого фронта, использовав один неиспорченный железнодорожный провод. Зиневич вел переговоры с командиром бригады 35-й советской дивизии Грязновым, предлагая последнему свою помощь против Белой армии. Большевик, как и всегда, оказался цельнее эсера; всякое сотрудничество он отверг и потребовал сдачи оружия при подходе Советской армии к Красноярску. Тогда генерал Зиневич стал выговаривать «почетные» условия сдачи.

Особенно трудно было двигаться 3-й армии, которая имела район к югу от железнодорожной магистрали с крайне скудными дорогами, по местности гористой и сплошь заросшей девственной тайгой. По той же причине была потеряна связь со штабом 3-й армии.

Штаб главнокомандующего выжидал приближения корпусов в своем эшелоне, медленно продвигаясь на восток, простаивая по нескольку суток на каждой большой станции. В Ачинске на второй день нашего пребывания, около полудня, как раз когда к вокзалу подошел поезд одной из частей 1-й Сибирской армии, раздался около штабного эшелона оглушительный взрыв.

Был ясный морозный день. Солнце бросало с нежно-голубого холодного неба свой золотой свет, как гордую улыбку – без тепла. Мороз доходил до остервенения. По обе стороны яркого солнца стояли два радужных столба, поднимаясь высоко в небо и растворяясь там в вечном эфире. Я вернулся из городка Ачинска, куда ездил купить кошеву для предстоящего похода-

присоединения к 3-й армии. Только вошел в свой вагон, не успел еще снять полушубок, как раздался страшный по силе звука удар. Задрожал и закачался вагон, из окон посыпались разбитые стекла.

Схватив винтовку, которая всегда висела над моей койкой, я выбежал из вагона. На платформе у вокзала было смятение. Ничком лежало несколько убитых, и их теплые тела еще содрогались последними конвульсиями. Бежали женщины с окровавленными лицами и руками; солдаты пронесли раненого, в котором я узнал моего кучера, только что вернувшегося со мной. В середине штабного эшелона горели вагоны, бросая вверх огромные, жадные языки ярко-красного пламени.

Кровь и огонь… Вот провел офицер маленького прелестного ребенка с залитым кровью личиком и огромными глазами с застывшим в них выражением ужаса; мальчик послушно шел и только повторял:

– Мама, ма-ама… Хочу к маме…

Выйдя из вагона, я встретился с генералами Каппелем и Ивановым-Риновым; вместе направились к горящим вагонам. Надо было распоряжаться, чтобы спасти всех, кого можно, и не дать распространиться огню.

Число жертв было очень велико. Убитые, покалеченные, жестоко израненные; у одной девушки, сестры офицера, выжгло взрывом оба глаза и изуродовало лицо, несколько солдат также лишились зрения; многим поотрывало руки и поломало ноги. Кому это было нужно? Полз слух, что сейчас же вслед за взрывом последует атака красных, что взрыв, как подготовка к ней, произведен социалистами… Были высланы патрули и дозоры, вызвана из города воинская часть. Закипела работа по приостановке и очистке пожарища.

Кто сделал, на ком вина, что за причина? Все эти вопросы не удалось выяснить точно. Упорно держался слух, что злодеяние, – погибло и пострадало несколько сот человек, – что взрыв был произведен эсеровской боевой ячейкой. Возможно, – недаром эти приверженцы новой религии ненависти, социализма, своим знаменем взяли ярко-красный цвет, цвет страдания, разрушения и смуты. Кровь и огонь…

Через два дня, взяв всех раненых, наш эшелон двинулся дальше и вечером 3 января 1920 года подошел на станцию Минино, последняя остановка перед Красноярском. Здесь мы узнали, что в городе произошло «углубление» новой революции, что фактическими господами сделались большевики, что печальный герой генерал Зиневич, «сын рабочего и крестьянина», арестован и посажен в тюрьму. Чем-то не угодил!

Было решено брать Красноярск с боем, на следующий день с

утра. Действиями должен был руководить командующий 2-й армией генерал Войцеховский. Сначала все шло успешно. Наши части повели наступление на железнодорожную станцию, ворвались в нее, но вдруг неожиданно появился броневой поезд с красным флагом. Наши передовые роты повернули и начали отходить. Это подбодрило красных, которые перешли в контратаку. Наступление не удалось и было отложено.

На следующий день подтягивались новые части 2-й армии; удалось войти в связь и с 3-й армией, выход которой к Красноярску ожидался через сутки. Штаб главнокомандующего решил выйти из поезда, перейти из вагонов на сани. Жалко, что это было сделано так поздно. Во-первых, такой переход никогда не удается гладко сразу, всегда требуется три-четыре дня, чтобы все утряслось, чтобы заполнить все недочеты, во-вторых, служба связи и штабная ведется из походной колонны совершенно иначе, к чему надо также приспособиться, в-третьих, необходимо время, чтобы втянуть силы людей и особенно лошадей. Разместившись на санях, неумело, еще не по-походному, с массой лишних вещей, под охраной Екатеринбургской учебной инструкторской школы полковника Ярцова[30], – двинулся штаб главнокомандующего походным порядком. К вечеру пришли и остановились на ночлег в деревне Минино, северо-западнее города Красноярска.

Ночью в эту же деревню приехал генерал Войцеховский; составили военный совет. В результате мнение командующего 2-й армией восторжествовало, и генерал Каппель отдал приказ армиям двигаться дальше на восток в обход Красноярска; города решили не брать, так как гарнизон его усилился, подошел со своими полками с юга Щетинкин. Виделась такая угроза: если новая попытка взять Красноярск не увенчается успехом, белые войска попадут в положение безвыходное, между наседавшими с запада красными и бандами Красноярска. Решено было обходить город с севера.

6 января на рассвете наша небольшая колонна начала вытягиваться на дорогу, которая ведет из Минина на село Есаульское, переправу через Енисей. Дело в том, что, хотя стояла зима, все же необходимо было двигаться только на переправы: на север от Красноярска по обоим берегам реки тянутся высокие горы, несколькими грядами идут они, представляя серьезные преграды; часто попадаются между ними глубокие овраги; берега Енисея также очень крутые и обрывистые, в большинстве недоступные коннице и обозам.

В морозном тумане зимнего утра медленно подвигались длинные вереницы саней. Долгие, почти бесконечные остановки – в одну колонну вливались новые подходящие обозы. Теперь

вместе с штабом шли части 2-го Уфимского корпуса, 4-я и 8-я стрелковые дивизии и 2-я кавалерийская.

Дорога чем дальше, тем делалась все труднее. Лошадям тяжело было ступать и тащить сани по размолотому, перемешанному с землей, сухому снегу. Частые, неопределенные по времени остановки утомляли еще больше. Сознание у людей как-то притуплялось и от мороза, и от этих остановок, от полной неопределенности впереди… и от неуклюжих сибирских зимних одежд, в которых человек представляет собой беспомощный обрубок.

Туманное предрассветное утро перешло незаметно в серый зимний день. Около десяти часов снова остановка. По колонне передается приказание обозу остановиться на привал, а школе Ярцова и 4-й дивизии идти вперед. Оказалось, что все дороги к северу от Красноярска были заняты сильными отрядами красных. Завязались бои. Выбили наши красных из одной деревни, в это время начинается пулеметный обстрел со следующей гряды гор. Надвигались в то же время и отряды противника с запада. Большевистская артиллерия, выдвинутая от Красноярска, начала обстреливать наши колонны с юга. Враг оказался всюду, каждая дорога была преграждена в нескольких местах. Шел не бой, не правильное сражение, как это бывало на фронте, а какая-то сумбурная сумятица, – противник был всюду, появлялся в самых неожиданных местах.

Армия, представлявшая огромные санные обозы, – так как пехота вся к этому времени ехала в санях, – заметалась. Тучи саней неслись с гор обратно на запад, попадали здесь под обстрел большевиков и поворачивали снова, кто на север, кто на восток, кто на юг, к Красноярску. Большевики и мятежные войска из Красноярска высылали к нашим колоннам делегатов с предложением класть оружие, так как «гражданская война-де кончена». Нашлись среди белых легкомысленные части, которые поверили этому, не сообразили, почему же сами красные не кладут оружия… и сдались. Тогда комиссары стали высылать навстречу нашим новым колоннам этих сдавшихся белых солдат; толпами выходили они с криком:

– Война кончена, нет больше нашей армии! Кладите оружие!

Многие клали. Два Оренбургских казачьих полка сдали винтовки, пулеметы, шашки и пики; после этого вышел комиссар к безоружным полкам с такими словами:

– Ну а теперь можете убираться за Байкал, к Семенову, – нам не нужно таких нагаечников…

Зачесали казаки в затылках; их манила другая перспектива – вернуться в свои станицы, к своим семьям, хозяйству, двинуться

из Красноярска на запад. Пришлось же снова поворачивать на восток. И опять обманутые социалистами, шли казаки дальше тысячи верст на своих маштачках, безоружные. Но далеко не все попадались на удочку. Многие части дрались. Целый день продолжались бессистемные беспорядочные стычки вокруг Красноярска. Дробь пулеметной и ружейной стрельбы трещала во всех направлениях. На пространстве десятков верст творилось нечто невообразимое, небывалое в военной истории.

Предпоследним актом мировой драмы предательства национальной России был Красноярский бой, разыгравшийся 6 января 1920 года, как раз в русский сочельник, накануне праздника рождения Бога-Искупителя. Но вместо радостного гимна славословия раздавались теперь ругательства, хула, крики убиваемых и стоны раненых. До поздней ночи. Белая армия потеряла все свои обозы, артиллерию и более 60 тысяч убитыми, ранеными и пленными. Казалось, что цель объединенного интернационала достигнута, Русская национальная армия перестала существовать. Так казалось к вечеру этого дня и тем немногим из нас, которые пробились из окружения, когда разрозненные небольшие колонны стягивались к замерзшему дикому Енисею и становились на ночлег.

* * *

После кошмарно-тревожной ночи, закончившей Красноярскую трагедию, наступило славное зимнее утро, одно из тех, что бывают только в России на Святках. Чистый прозрачный свежий воздух. Белый снег блестит серебром и алмазами; нога утопает слегка в его упругой массе и при каждом шаге хрустит мелодичным волнующим звуком. С голубого неба лились потоки ярких, ослепляющих солнечных лучей, их тепло смягчало и без того некрепкий мороз, который только слегка щипал за щеки и бодряще прохватывал все тело. Офицеры и солдаты спозаранок, еще до свету, выбегали из жарко натопленных изб на улицу, чтобы подбросить лошадям сена или зайти к соседям узнать что-либо новое.

Было 7 января 1920 года – 25 декабря старого русского стиля, торжественные праздники Христова Рождества. Колокола высокой каменной церкви, белой с зеленым куполом, пели торжественным перезвоном на все село Есаульское, расходясь звучными волнами далеко, за Енисей, сзывая православных на общую молитву. И тянулись вереницы крестьян с серьезными бородатыми лицами, шли группы улыбающихся молодиц, разрумяненных морозом,

блестящих улыбками и ласковыми глазами, проносились ватаги мальчишек, тащивших салазки и с громким смехом и криком перебрасывавшихся снежками. На всех лицах лежала обычная печать того спокойствия и умиротворения, какое столетиями испытывали русские люди в этот великий праздник Славы в вышних Богу и мира на земле…

И только небольшие кучки офицеров и солдат, толпившиеся около избы, на церковной площади и по берегу Енисея, не участвовали в общей тихой радости. Они стояли, такие свои, близкие и в то же время отчужденные, ушедшие далеко от обычной жизни, оторванные от нее. У всех на лицах выражение неземной усталости, которая проглядывает во всем: из голоса, из улыбки, из каждого движения; работает все время и пробегает тенями по лицам напряженная мысль, к ней примешались недоумение и постоянное ожидание опасности. В то утро в селе Есаульском было две России: одна – старая, кондовая, спокойная, величавая Русь, другая – усталая, измученная, воюющая Россия, пытавшаяся быть новой, а теперь всеми силами жаждавшая старого счастья, спокойствия и мирного труда. Шесть лет воевали они, эти люди, и конца не видно было впереди…

То там, то тут слышатся разговоры; сообщаются новости, со вновь подходящими делятся сведениями за вчерашний тяжелый день.

– Все наши, кто вышли из боя, повернули теперь на север, прямо вдоль Енисея…

– Куда же они идут?

– Да куда? Прямо на север, чтобы хоть в тундрах укрыться и перезимовать, до весны…

– А много вышло-то вчера из боя?

– Почти половина полегла… – слышится унылый ответ.

Как игла впивается свежая новость, жужжит, как несносная комариная песнь.

– На запад не пройти – все дороги и все станции заняты красными.

– Генерал Войцеховский снялся сегодня рано утром с тремя полками из Есаульского и тоже пошел на север. Говорили, что если можно будет, то потом на Ангару выйдут.

– Надо и нам за ними идти.

– Не иначе как тоже на север…

Раздавались торопливые, опасливые заключения немногих, наиболее нервных и потрясенных вчерашним Красноярским боем. Масса же стояла молча, и только все озабоченнее и сумрачнее выглядели лица.

В стороне, около сельской школы, на бревнах сидела кучка

старших офицеров, обсуждая те же вопросы и по карте намечая путь. Только что подошел еще один небольшой отряд, егеря полковника Глудкина[31]с генералом Д.А. Лебедевым[32]во главе. Они пробились у Красноярска одни из последних и принесли нам последние сведения о красных; объяснялось, почему те не наседают теперь:

– Занялись грабежом огромных обозов, отбитых вчера. Почти все красные теперь в Красноярске. Дальше на восток если и есть большевики, то отдельные небольшие банды. Надо быстрее, не теряя времени, двигаться форсированными маршами – тогда пройдем.

Риск некоторый был. Но где его тогда не было?! Путь на север по Енисею лежал местами по ледяной пустыне, без признаков жилья на протяжениях в 80—100 верст; затем, даже при условии выхода потом на восток по реке Кан или по Ангаре, снова вышли бы на ту же опасность, пожалуй еще большую, так как это северное направление сильно удлиняло весь путь и вызывало большую потерю времени. Поэтому решено было двигаться на восток, придерживаясь в общем линии железной дороги.

– Запрягать, седла-а-ай, – раздались, звонко перекликаясь по улицам большого села, команды.

Люди встряхнулись и живо, с прибаутками кинулись по дворам. Через несколько минут выступили передовые дозоры, за ними небольшой авангард, и скоро весь отряд в составе немногим более тысячи людей вытянулся по зимней проселочной дороге. Проводники из местных крестьян обещали провести нас кратчайшим путем, в обход занятых красными деревень, на главный тракт. Времени терять было нельзя, поэтому шли почти без привалов, со скоростью, какую допускали наши не вполне отдохнувшие кони.

Небольшой отряд, состоявший на одну треть из конницы и на две трети из пехоты и пулеметчиков на санях, бодро продвигался вперед. Настроение было такое же, вероятно, какое бывает у людей, только что спасшихся от кораблекрушения. Разразилась катастрофа, пронеслась буря, сокрушительный, уничтожающий все ураган. И вот заброшенные в волне клокочущей стихии, они случайно лишь, потому что не потеряли сознания и способности рассуждать, ухватились за обломки, связали из них плот. Внизу ревет бездонная пучина, воет ураган, темно на горизонте; и плот, маленький и несчастный, носится, бьется, трепещет, но все-таки плывет, управляемый слабой рукой человека. Куда они плывут и зачем? Туда, к темному горизонту, где не видно ничего, но где все же есть надежда найти землю; плывут затем, чтобы не

опустить руки, чтобы бороться до конца со стихией и, может быть, победить ее взбунтовавшуюся силу. Главные чувства, которые испытывают люди в такие минуты, – врожденная радость и жажда жизни, безотчетная гордость сознания сил, надежда на успех, вера в победу…

Дорога шла по реке Есауловке, горный поток, бегущий между отвесных скал. Гигантскими стенами возвышаются они, то голые и гладкие, точно отшлифованные, то отходящие уступами вглубь и покрытые столетним лесом. Кедры, пихты, лиственницы и сосны громоздятся в полном беспорядке, окруженные густой девственной зарослью. Стремнина горной речонки до того быстра, что местами не замерзает даже в самые трескучие морозы; сани проваливались и скрипели полозьями по каменному дну. Изредка дорога уходила на берег, на узкую полоску его, под самые скалы. Часа через три попалось небольшое жилье сибирской семьи лесного промышленника, охотника. От двора отходит в лес небольшая, слабо наезженная проселочная дорога в соседнее село. Вышел из избушки лесовик. Мрачное, но не хмурое лицо здорового красно-бурого цвета, острые глаза, смотревшие с добродушным участием на обступивших его егерей и стрелков, широкие угловатые жесты и грубый голос с растяжкой на букву «о». Лесовик объяснил, что рано утром он вернулся из села, куда с вечера прибыла банда красных, человек в триста. Ждали еще.

Выслав в направлении на село, занятое большевиками, боковой авангард от конных егерей, отряд продолжал движение по реке. Горы и лесная чаща еще более дикие, путь еще труднее. В одном месте скалы сошлись вплотную: чтобы выйти на дорогу, пришлось свернуть в лес и пробираться между гигантами деревьями. Вдруг новое препятствие – обрыв в несколько десятков саженей перед выходом снова в ущелье реки. Остановка, долгий затор и острожный спуск саней, поодиночке, на руках.

В это время со стороны бокового авангарда послышалась, так привычная за последние годы, дробь ружейных выстрелов. Несколько пулеметных строчек. Выслали подкрепление и дозор на карьере узнать, в чем дело. Оказалось, что по дороге из села наступала колонна красных, которая после короткого боя с нашим авангардом отступила. Стрельба прекратилась, смолкли выстрелы, будившие эхо векового сибирского леса.

Короткий декабрьский день кончался; быстро катилось по синему небу большое красное солнце, а с другой стороны, из-за гор, между кедрами поднималась чистая серебряная луна. Еще прекраснее и сказочнее стала дикая природа – высокие, громоздящиеся друг на друга, как замки великанов, горы, темные глубокие ущелья и зубчатые стены лесов.

Зажглись на небе рождественские звезды. Отряд наш шел уже более десяти часов. Без остановок, без отдыха, без пищи. Наконец, только к полночи, горы стали уходить в сторону, дорога делалась легче, мы приближались к тракту.

Вернулись передовые дозоры и доложили, что в ближайшем селе большевиков нет, квартиры отведены. Остановились на ночлег. Спали вповалку, не раздеваясь, тяжелым сном уставших сверх меры людей, но чутким от сознания опасности, – спали с винтовками в руках. Несколько раз поднималась тревога. Раздавались одиночные выстрелы, раз разгорелась стрельба. Банды красных подходили к селу и тревожили всю ночь отдых отряда.

Рано, еще не заалелся край востока, все были на ногах, слышалась возня сборов в поход, раздавались в темноте отрывистые, охрипшие от сна и мороза голоса. Наскоро поев, выступили дальше. Теперь мы шли уже по Сибирскому тракту. Старая, много видевшая дорога, широкая, сажень в восемь, с мостами, с разработанными спусками и подъемами; бежит эта дорога на тысячи верст то степью бесконечной, то дремучими густыми лесами, то поднимаясь в дикие горы, рассекая каменные твердыни их.

По Сибирскому тракту чаще попадались большие села, где наш отряд мог делать и привалы, и иметь ночлег под крышей. Но последнее становилось труднее с каждым днем, так как здесь, по тракту, тянулись отдельные сани, небольшие партии и отряды, проскочившие через Красноярск раньше рокового сочельника; все они шли впереди нашего отряда, и ежедневно мы догоняли все новых и новых. Квартирьерам, которые высылались всегда на рысях вперед, приходилось иметь массу затруднений, иногда чуть не стычек, чтобы найти, занять и отстоять достаточное количество изб для своей части.

Через три дня мы вышли на железную дорогу у станции Клюквенная. До сих пор кругом нас были полные потемки, в них прорезывались слабыми отдельными проблесками-зигзагами кое-какие слухи, отрывочные сведения от местных жителей. Что творится в Иркутске и Владивостоке, каково положение в Забайкалье, где и сколько находится наших русских воинских частей, что делают союзники и их войска? Какого пункта достигла наступающая советская Красная армия? Все эти вопросы до сих пор были полны неизвестностью.

На станции Клюквенная мы нашли довольно много своих – воинские части и учреждения, которые прошли восточнее Красноярска раньше; там же стояло несколько чешских эшелонов и была польская миссия. Здесь царила полная растерянность

вследствие той же неясности, запутанности в обстановке. Питались и здесь, главное, слухами. Чехи встречали наших очень недружелюбно, так что на вокзал пришлось поставить от егерей вооруженный караул, чтобы обеспечить нашу безопасность, так как были попытки со стороны чехов обезоружить нескольких одиночных офицеров.

Вся железная дорога оказалась во власти чехов, нечего было и думать получить хотя бы один поезд для наших раненых и больных. Это можно было сделать только силой оружия. Как раз в эти дни на станции Клюквенная шел спор между чешским командованием и 5-й польской дивизией; братья-чехи категорически отказывались пропустить на восток даже санитарный польский поезд с женщинами и детьми.

На следующее утро наш отряд, увеличившийся в численности от присоединившихся новых частей, выступил дальше на восток. Целью движения был Иркутск, где, по сбивчивым данным, велся бой между частями атамана Семенова и местными красноармейцами. Стремление было – как можно скорее пройти туда, полнее собрать наши разрозненные силы и соединиться с Верховным Правителем, о предательском аресте которого мы тогда еще не знали. На станции Клюквенная стало известно, что трактом, немного впереди нас, идут части из состава 2-й армии под начальством генерала Вержбицкого[33], миновавшие Красноярск без боя за два дня перед главными силами белых армий; шли также из-под Красноярска два полка енисейских казаков.

Движение по тракту стало теперь гораздо труднее: каждой колонне, всякому отрядику хотелось проскочить вперед, никто не стремился добровольно изобразить арьергард и нести его тяжелую службу. Населенные пункты во время ночлега были переполнены сверх меры, причем опять-таки, благодаря расстройству управления, происходило занятие квартир чисто захватным правом, чуть не доводя дело до схваток.

На следующий день к вечеру наш отряд подошел к большому сибирскому селу Рыбному; на несколько верст растянулось оно по обе стороны тракта; две церкви, несколько каменных двухэтажных зданий. Оказалось, что в этом же селе ночуют и отряды генерала Вержбицкого, который вздумал было приказать егерям нашего отряда перейти в другой район. Те взялись за винтовки и пулеметы, и только путем переговоров с Вержбицким и отмены его требования удалось устранить готовое вспыхнуть столкновение.

Село Рыбное поразило всех нас своим богатством. Ведь это был январь месяц 1920 года, то есть пять с половиной лет прошло

с начала войны, и почти три года Россия билась в конвульсиях своей смертельной революционной болезни. И вот – в каждой избе Рыбного были огромные, неисчерпаемые запасы всякой провизии, именно неисчерпаемые, так как не только всего было вдоволь для самих жителей Рыбного, но сердобольные хозяйки всю ночь пекли нашим офицерам и егерям хлебы, жарили, варили и продавали нам запасы на дорогу. В каждом дворе было по нескольку десятков гусей, индеек, кур, всюду коровы и телята. Была даже такая роскошь, как варенье.

Отношение сибиряков-староселов к нашим отступающим отрядам было самое дружественное; все эти русские крестьяне настроены очень патриархально, привыкли веками, от поколения к поколению, к своему укладу жизни, к прочно сложившемуся порядку, понятиям и традициям. Они религиозны, умели уважать и слушаться начальство, свято чтили Царя. И теперь еще во многих избах оставались на стенах портреты покойного Государя Николая Александровича, Императоров Александра III и Александра II, от отцов и дедов. Революция, как зловонный ветер в чистое место, ворвалась в их жизнь со стороны, чужая, непонятная и враждебная им. В нас они видели своих, таких же противников революции, контрреволюционеров. И относились как к своим.

После Рыбного мы свернули немного на юг, чтобы там пересечь речку Кан. По всем собранным сведениям, в городе Канске, лежавшем в месте, где железная дорога сходится с трактом, собрались большие силы красных; брать Канск в лоб для нашего небольшого, бедного патронами отряда было непростительной роскошью, бессмысленным риском, – на винтовку было всего от 20 до 30 патронов и больше никаких запасов.

Через день подошли поздно вечером к огромному селу со странным названием Голопуповка (Верхне-Аманатское тож). Несколько длинных параллельных улиц, правильно пересекающихся под прямыми углами, число дворов свыше 4 тысяч. Вот где будет просторный ночлег, – думал каждый из нас. Но не тут-то было. Вся Голопуповка оказалась набитой войсками, улицы были запружены распряженными обозами, во многих местах горели костры, облепленные группами солдат. Это грелись те, кому не хватило места в избах. Наш отряд долго бродил в поисках, где бы остановиться, обогреться и поесть. Наконец с большим трудом кое-как разместились, прямо втиснулись на окраине села в курных избенках. Зато все были внутренне довольны, что снова собираются мало-помалу русские белые части; через несколько дней мы будем представлять

значительную силу, организованную армию.

Но не успели разложиться на ночлег, как в нашу избу вошли три офицера из состава частей, пришедших в Голопуповку накануне.

– Как хорошо, что Вы приехали, Ваше Превосходительство, – заявили они после первых приветствий, – а то здесь творится что-то невообразимое.

– В чем дело?

– Все деревни по реке оказались занятыми красными отрядами, высланными из Канска, где сосредоточились большие их силы; революционный большевистский штаб прислал письменное требование о сдаче оружия.

– Сегодня выслали разведку на реку Кан. Разъезды наткнулись на красных. Попробовали взять одну деревню с боем, потеряли убитыми нескольких драгун и отошли, – рапортовал другой офицер.

– Что же думают делать? Кто старший начальник в деревне?

– Ничего нельзя разобрать, Ваше Превосходительство, – мы оттого к Вам и пришли. Какой-то Совдеп идет. Собирались два раза на совещание начальников, – каждый свое тянет: кто в Монголию уходит, на юг, а некоторые – так даже большевикам сдаваться предлагают.

Несмотря на поздний час, я с генералом Лебедевым влезли опять в сани и принялись лично объезжать старших начальников всех частей, сосредоточившихся в Голопуповке. Некоторых приходилось поднимать с постели, других заставали на ногах, в сборах к вступлению. Действительно, растерянность была полная. Картина, нарисованная офицерами, оказалась бледнее действительности.

Часть начальников отрядов, – а здесь было много мелких частей, остатков от кадровых тыловых полков, – во главе с начальником 1-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенантом Миловичем[34], смотрели уныло и безнадежно. Решили идти в Канск сдаваться красным – обещана-де всем полная безопасность.

– А что же делать, – апатично добавил генерал Милович, – патронов мало, а дальше за Каном, – даже если и пробьемся, – еще целый ряд таких же, коли не худших затруднений.

В других местах почти та же безнадежность и неуверенность, но меньше апатии. Там решили повернуть из Голопуповки на юг и через горы уйти в Монголию.

– Да ведь это, господа, безумие! Посмотрите на карту: двести пятьдесят верст идти без жилья по горам, да и затем только редкие маленькие кочевья монголов. Ведь вы всех погубите!

– Как-нибудь выйдем… А что же иначе делать? – спросил

полковник Оренбургского войска Энборисов.

– Пробиваться силой, с боем, на восток.

– Нет, уж довольно. Теперь нас не заставишь больше, Ваше Превосходительство, – нервно произнес другой из монгольцев, офицер с русой бородкой, длинными волосами и всем обличьем интеллигента третьего сословия. – Теперь сами решили искать спасения.

Мы вернулись усталые только под самое утро домой, в свою избу; после небольшого совещания решено было отдать приказ, где я, как старший, объединял все части под своим командованием, распределял их на три колонны и в 9 часов утра приказывал выступить из Голопуповки на восток. Приказ заканчивался кратким напоминанием о воинском долге, о действительном значении для нас большевиков, а также указанием сборного пункта, порядка выступления и места явки всех начальников для получения боевых задач.

Окончив приказ и разослав его с ординарцами во все части и отряды, я прилег отдохнуть. В маленькой тесной избе вповалку спали офицеры и солдаты; здесь же прикорнула и большая семья хозяина избы, качалась на круглой пружине зыбка с грудным младенцем, который поминутно просыпался и пищал от непривычной шумной ночи. В комнате трудно было дышать, тяжелый кислый запах мешал заснуть. Я надел полушубок и вышел на улицу. Темная ночь, зимняя, глубокая, без просвета и без звезд, окутала землю. Улицы тонули в тумане, сквозь который мутными пятнами кое-где просвечивали костры. Часовые у ворот и дозорные нервно окликали каждую тень.

Темно было в деревне; тяжело и смутно было на душе у каждого из пяти-шести тысяч русских, занесенных сюда, в эту никому до сих пор не известную Голопуповку. Шестой год скитаний – сколько принесено за это время жертв для счастья родной страны. Личное счастье, семья, здоровье, кровь и самая жизнь. И за все это – очутиться загнанными где-то в глуши Сибири, в этой деревне с таким странным названием, как красному зверю в садке. Мрачным казалось настоящее, беспросветно тяжелым, обидным – прошедшие пять лет. А там впереди за деревней, на востоке, еще темнее. Там полная неизвестность, может быть, западня, а – кто знает – может быть, и конец страданиям – смерть безызвестная, мучительная, с издевательствами. Все представлялось неопределенным и зловещим. Ясно было одно – необходимо до конца быть твердым, сохранить бодрость в себе и в других.

Что-то скажет завтрашний решительный день?

* * *

С раннего утра все улицы Голопуповки пришли в движение; вытягивались запряженные санные обозы, стояли правильными рядами небольшие конные отряды, пехота шагала около саней, пулеметчики тщательно укутывали свои пулеметы, чтобы не застыли. Зимнее солнце поднималось тусклое и красное из ночных туманов, густых и белых, как паровозный пар. Вверху голубело небо. Воздух был свежий, бодрящий, наполненный крепким сибирским озоном. Настроение в отряде и даже обозах было приподнятое и как будто довольное. Не замечалось и следа вчерашней растерянности.

Один за другим являлись в избу, где расположился мой маленький штаб, начальники и старшие офицеры, чтобы получить боевую задачу и дать точные сведения о состоянии частей, о числе бойцов, количестве оружия и патронов. Последнее было всего хуже, – бедность в патронах была крайняя – в некоторых отрядах было на винтовку всего по 15 штук.

Наш отряд, состоявший вначале только из кучки в несколько сот офицеров и добровольцев, вышедших из-под Красноярска, да присоединившихся в Есаульском егерей, теперь увеличился до нескольких тысяч бойцов. Вошли почти все, сосредоточившиеся в селе. 1-я кавалерийская дивизия почти в полном составе не разделяла взглядов генерала Миловича и вошла в армию как одна из лучших боевых частей (под командой полковника Семчевского[35]). Из всех частей были составлены две боевые колонны, одна для удара с фронта, вторая обходная, а все обозы и мало боеспособные части вошли в третью колонну, которая должна была следовать по дороге за первой, в виде резерва.

Мороз за ночь покрепчал и здорово кусал щеки; пальцы коченели так, что больно было держать повод. День предстоял трудный: на таком морозе, после 15-верстного перехода, было тяжело вести наступательный бой. Объяснив начальникам боевой приказ, раздав задачи, я объехал войска и начал пропускать их у выхода из села. Несмотря на самые фантастические костюмы, на самый пестрый и разношерстный вид, чувствовалось сразу, что это были отборные, испытанные люди, стойкие бойцы. Красно-бронзовые от мороза и зимнего загара лица, заиндевелые от инея, точно седые, усы и бороды, из-под нависших также белых, густых бровей всюду смотрят глаза упорным, твердым взглядом – в нем воля и готовность идти до конца.

Колонны направились из села Голопуповка к реке Кан. Медленно, со скоростью не более двух верст в час, совершалось движение – вследствие трудных, ненаезженных дорог, также и из-

за того, что передовые части и разъезды шли крайне осторожно, нащупывая противника. Около трех часов дня первая колонна завязала бой; красные, имея все преимущества – и командующий правый берег реки, и богатство в патронах и артиллерии, и, наконец, возможность держать резервы в избах, отогревать их там, – оказывали нам серьезное сопротивление; все первые атаки были отбиты; наши потери убитыми и ранеными росли. Надо было торопиться с маневром, который был рассчитан на то, чтобы глубоким обходом крайнего левого фланга большевиков прорваться через Кан и ударить оттуда им в тыл. Я со штабом от первой колонны поехал вдоль левого берега Кана ко второй, обходной.

Темнело. Местность западного берега реки идет равниной с ложбинами и обрывами, с низким кустарником, засыпанным тогда на полтора-два аршина снегом. С реки и из оврагов поднимался густой зимний туман и медленно, упорно обволакивал всю равнину. Несколько наших троек и десятка два всадников продвигались в этом тумане почти наугад, без дороги. Целина, глубокий снег и темнота все гуще. Справа редкие звуки выстрелов, слева глубокая, зловещая тишина. Вот в тумане начинают светиться, как мутные пятна масляных фонарей, далекие костры. Все ближе и ближе. Различаем уже группы людей, громаду обоза и массу лошадей.

– Какая часть? Кто такие?

– Сибирские казаки-и-и, – слышится в ответ разрозненный крик с разных мест.

– А вы кто такие? – спохватился чей-то голос.

– Командующий армией.

Останавливаюсь. Подходят ко мне полковники Глебов[36]и Катана-ев[37]. Расспрашиваю, в чем дело, почему стоят здесь. Оказывается, что это все, что поднялось с Иртыша, из Сибирского, Ермака Тимофеевича, казачьего войска; поднялось и пошло на восток, не желая подчиниться интернационалу, власти Лейбы Бронштейна. Здесь и войсковое правительство, и воинские части, разрозненные сотни нескольких боевых полков, и семьи, старики, женщины, дети, и больные, и раненые, и войсковая казна. Толпа номадов, точно перенесшаяся за тысячи лет, из великого переселения народов. Больше обозов, чем войска. Но все же бригада набралась и под командой полковника Глебова двинулась на поддержку первой колонны.

Через час примерно я нагнал обходившие части, которые наступали под командой генерал-майора Д.А. Лебедева.

– Как обстоит дело?

– Наш авангард внезапно атаковал красных, те бежали.

Деревня занята нашими уже на восточном берегу.

– Сейчас же усильте авангард и направьте его вниз по реке, в тыл большевикам. В первой колонне вышла заминка.

Маневр удался вполне. Красные, только почувствовав наш нажим в тыл, дрогнули, началась паника, и они, бросая оружие, бежали по направлению к городу Канску. Наши войска, наступавшие в лоб, воспользовались этим, дружно ударили, и уже к 10 часам вечера все наши части были на восточном берегу реки. Захватили много оружия, патронов, взяли несколько пулеметов. Но пленных не было. Неистовство стрелков и казаков было беспредельно. Воткинцы из отряда генерала Вержбицкого, который наступал севернее моей первой колонны, ворвались в одну деревню и истребили в этой атаке несколько сот большевиков, трупы которых лежали потом кучами по берегу реки, как тихие безмолвные свидетели ужаса Гражданской войны.

Ночь после боев принесла войскам отдых, перерыв в опасности, спокойный ночлег. Характерная подробность. В занятых боем деревнях мы нашли такой обильный ужин, как будто нас ждали радушные хозяева. В каждой избе варилось мясо или свинина, а то даже и птица – куры, гуси, индейки, – жирные наваристые русские щи, пироги, ватрушки и сибирская брага. И всего в изобилии.

– Что, вы нас поджидали, что ли? – добродушно спрашивали хозяек стрелки, уплетая после голодного и холодного боевого дня так, что трещало за ушами.

– Нет, родимые, – с наивной откровенностью отвечали те, – не жда-а-ли. Вишь, понаехали к нам комиссары с приказом, чтобы варить, печь и жарить, что их войска много придет, что белых будут бить тута. Ну значит, по приказу мы и исполняли.

– Так вы для красных все это наготовили? – следовал грозный, в шутку, вопрос.

– А мы, батюшка, не знаем; нам все равно, что красный, что белый. Нам неизвестно…

После Кана мы шли несколько дней без препятствий. Прорыв линии большевиков и разгром, нанесенный им, нагнал такого страха, что дальше банды их бежали при одном нашем приближении. Мы двигались все время южнее железной дороги, опять оторванные от всего мира, в полной неизвестности, что творилось на западе и востоке, что ждало нас у Иркутска, куда мы так спешили, надеясь соединиться со своими.

Глухие места! Поистине, медвежьи углы. Села разбросаны на большом расстоянии одно от другого, разделенные вековым дремучим лесом, сибирской тайгой, по которой ни прохода, ни проезда, особенно в зимнюю пору. Между многими селами

совершенно не было дорог.

– Мы туда не ездим, нам без надобности, – отвечали обыкновенно крестьяне на наши расспросы, – вот к железной дороге, к станции приходится ездить, там есть дорога хорошая.

– Да ты пойми, мы не о том спрашиваем, войску надо не к железной дороге, а вот в это село, – добивались мы нужной дороги прямо на восток, – как туда проехать?

Мужики, даже местные старожилы, так называемые чалдоны, становились в тупик и в лучшем случае заявляли:

– Летом, мол, еще можно проехать вдоль речки, а зимою, слыхать, никогда и не ездили туда.

Приходилось сильно забирать на север, затем снова спускаться на юг; чтобы пройти расстояние в сорок верст, иногда делали восемьдесят и тратили два дня. К железной дороге и к тракту выходить мы не хотели, так как там было очень тяжело с фуражом. При ежедневном движении, при полном напряжении сил лошадей, этих наших верных друзей, было совершенно необходимо давать им хотя бы по десять фунтов овса в день. На тракте, в торговых селах, найти его могли только самые передовые отряды, идущим сзади не оставалось ничего. Плохо было и с сеном. К тому же как раз на этом участке были села, сожженные за время пресловутой охраны железной дороги. Через одни такие руины мы прошли на третий день после Красноярска. Огромное село, когда-то богатое, дышавшее довольством, полное своей, русской незлобивой жизни, представляло теперь пустырь, на котором тянулись на версты кучи обуглившихся развалин изб. Кое-где высились уцелевшие дома; там ютилось теперь по нескольку семейств напуганных и озлобленных крестьян. Да белая церковь стояла одиноко и сиротливо… Печальные следы подвигов защитников прав «русской демократии»!

Некоторые лошади нашего отряда прошли уже не одну тысячу верст, и теперь, вследствие беспрерывной работы и бескормицы, начали терять силы, выбывать из строя. Идет из последних сил и вдруг остановится среди дороги, и никакими усилиями не сдвинешь ее с места. А кругом глухая угрюмая тайга, занесенная снегом, трещит сибирский мороз, и чуть не по пятам за нами крадутся большевики. Что делать?

Нет-нет да и натыкаешься на такую картину. Стоят в стороне от дороги сани, выпряженная лошадь бессильно, с какой-то эпической покорностью, опустила голову, согнула устало ноги; рядом хлопочут около нее два-три человека, наши офицеры и солдаты, пробуют пробудить в животном энергию, или так, просто сидят безнадежно на санях и ждут своей участи, помощи или чуда. Но надо сказать, что никого у нас не бросали, не

оставляли товарища в трудную минуту. Таких злосчастных седоков, владельцев отслужившей вчистую лошади, забирали и распределяли с их незатейливым грузом по другим саням.

С каждым днем все больше и больше лошадей выбивалось из сил, оставалось навечно в тайге. Весь путь был уставлен, как вехами, этими животными. Проезжает обоз, мелкой, ровной рысью проходит вереница конного отряда, – иначе как гуськом нельзя было проехать по узким таежным дорогам, – оборачиваются мимоходом люди и грустным, тяжелым взглядом окидывают эту картину, которая так часто повторялась в дни Ледяного Сибирского похода.

Между столетними деревьями по колено в снегу стоит понуро лошадь. Почти без движения. Иной раз заботливый, благодарный хозяин набросает перед ней в снегу ворох сена. Не смотрит на него благородное животное. Безучастно и нехотя ухватило оно клок сена и стоит не жуя, провожая унылыми глазами проезжавшие без конца мимо сани. И во всей позе животного видна такая смертельная усталость, такой бесконечный и безвозвратный расход сил.

Стоит животное долго, упорно, затем ложится в снег, и кончена лошадиная жизнь. Вся тайга на тысячи верст была усеяна трупами таких лошадей, верно отслуживших свою службу. С каждой из них была связана молчаливая, тихая, но великая драма человеческой жизни. Сколько печальных мыслей, горьких чувств, сколько безысходного мужского горя и женских слез клубилось около каждой из этих тысяч павших лошадей. Не сосчитать, не представить и не понять…

В нашем отряде десятки лошадей ежедневно выбывали из строя. Положение создавалось трудное, почти страшное. Мы не имели права оставить никого из своих, все мы были связаны узами большими, чем дружба и братство. При каждом отряде ехали немногие семьи офицеров и добровольцев, мы везли всех своих раненых и больных; пока можно было, размещали по другим саням, но всему есть предел. Стало настоятельной необходимостью находить замену ослабевшим и павшим лошадям, искать ремонт у местного населения. Обменивали плохих лошадей у крестьян; пока были деньги, доплачивали, а затем поневоле перешли к тяжелым реквизициям.

Это было действительно тяжело, но неизбежно и неустранимо, как сама судьба. Крестьяне, особенно староселы-сибиряки, понимали, сочувствовали нам и не раз в откровенном разговоре высказывали это, а иной раз даже сами предлагали лошадей.

Приходилось поневоле установить реквизиции, кроме

лошадей и фуража, также на хлеб и на теплую одежду. Если бы не было реквизиций под расписку старшего начальника и только с его разрешения, то офицерам и солдатам пришлось бы просто-напросто отбирать: не умирать же им было от голода, не оставаться же в дикой тайге на верную смерть от мороза.

– Ты, парень, – утешали солдаты сибиряка-таежника, – дома ведь не замерзнешь, да и лошадь вот мы оставляем тебе, она не гляди, что слабая, она лучше твоей. Ты ее подкорми, так к весне она тебе так заслужит, не в пример против твоей.

И таежник, хотя и скрепя сердце, кивал головой и сам становился рядом помогать запрячь свою лошадь в сани белого воина. Ведь что это было: столкнулись в необычных революционных условиях два русских крестьянина – один с Волги или с Уральских гор, другой рожденный в холодной, беспредельной Сибири; несмотря на это, они были так близки, так родственны друг другу, как могут быть только близки сыновья одного народа, выросшие в одинаковых жизненных условиях, имеющие одну общую, присущую всем чисто русским людям душу.

Трудно было и с ночлегами. Иной раз на сотни верст в тайге не встретишь ничего, кроме новоселов, с маленькими избами, с плохими дворами, почти без хозяйственных построек, – беднота. А все люди отряда, проделав за день сорок – пятьдесят верст похода, изголодались, смерзли, застыли – кровь, казалось, замерзает в жилах. Всем надо дать место под кровом, в теплой избе. Втискивались в маленькие комнатушки почти вплотную – все вместе, от генерала до рядового стрелка. Но на всех не хватало помещений. Разводили костры на улице и по дворам; около огней окоченевшие люди проводили длинную зимнюю ночь, чтобы утром двигаться дальше на восток.

Число больных все увеличивалось. Тиф и простуда косили людей. Не редкость было встретить розвальни, на которых пластом лежали три-четыре человеческих тела, завернутые чем только можно и, как мешки, привязанные толстыми веревками к саням. Возница, офицер или стрелок, только изредка оборачивается, чтобы посмотреть, не развязались ли веревки, цел ли его безгласный живой груз. На каждой остановке подходили к ним друзья и несколько сестер милосердия, этих скромных больших героинь отряда, и заботливо распутывали больных, давали пить лекарство, кормили, поправляли и заворачивали снова. В долгий путь!

Не обходилось, естественно, без ссор из-за ночлегов. Квартирьеры что-нибудь напутали или несправедливо распределили избы; то опоздал кто-нибудь. Ездят пять-шесть

саней по селу в темноте, скрипят полозья по белому снегу, стучат в каждое светящееся оконце – напрасно ищут пристанища: все переполнено до отказа. В таких случаях приходилось еще уплотнять и назначать таких несчастных, безприкровных на целый район какой-либо части; только по строгому приказу впихивали тогда в полную избу к двадцати – тридцати человекам еще одного, двух.

Много неприятностей было с отдельными самостоятельными отрядами. После Голопуповки, когда мы прорвали Кан, никто, понятно, в Монголию не пошел; выждав время и результаты, все, перед тем будировавшие, двинулись вслед за нашим отрядом. Кроме них, появлялись еще и другие части, выныривали совершенно неожиданно откуда-то с боковых дорог. Благодаря постоянному движению, не было возможности привести все в порядок, установить какое-либо подобие организации; да и совершенно естественно, что внутри среди таких отбившихся отрядов накопилась значительная доля деморализованного элемента, не желавшего подчиняться стеснительным подчас приказам. С такими отрядиками было всего больше неприятностей и возни из-за ночлегов.

Кем-то из предприимчивых начальников одного из этих летучих отрядов был изобретен не лишенный остроумия способ добычи квартир. Движение наше происходило с частыми встречами и стычками с бандами красных, а при малейшей задержке нас нагоняли с запада авангарды Советской армии; естественно, от всего этого нервность в людях сильно повысилась. Вот на этом-то и построили все расчеты наши изобретатели.

Только расположились люди отряда на ночлег или привал, уплотнились выше меры, задали коням корму, поставили самовары. Впереди ночь отдыха. Вдруг с запада, откуда пришли, из тайги, раздается трескотня ружейных выстрелов, пулемет выпускает несколько строчек. Сейчас же высылаются дозоры, разведка – и в то же время торопливо запрягается обоз. Все тяжелое, небоеспособное снимается и, несмотря на усталость, плетется дальше на восток до следующего селения. Через час-полтора возвращается наша разведка.

– Никаких красных нет. Летучий отряд стрелял в двух верстах от нашего бивака.

– Что за причина?

– Говорят, что прочищали стволы, – ухмыляются наши разведчики, – пробовали пулеметы, не замерзли ли…

Через три дня после Канского прорыва наша колонна снова поднялась на север к железной дороге, там переночевали, прошли немного по тракту и спустились опять на юг. Здесь совершенно

неожиданно встретились с частями генералов Каппеля и Войцеховского, ушедших после Красноярска вниз по Енисею. Радость была полная – нашли друг друга люди, считавшиеся потерянными навсегда.

Эти отряды перенесли тяжелых невзгод много больше нас. Движение их по Енисею на север, а особенно от впадения в него Кана по этой реке на восток, было неимоверно трудно и полно таких лишений, что даже главнокомандующий генерал Каппель отморозил себе обе ноги. Кан в своем нижнем течении бежит сдавленный высокими скалистыми горами, стремнина реки здесь не везде замерзла, несмотря на трещавший тогда сорокаградусный мороз. Генерал Каппель провалился с санями в одну из полыней, промочил ноги, а ехать до ближайшего селения нужно было еще очень далеко и долго – переход в тот день выдался в 90 верст. В результате обе ноги оказались отмороженными. Сколько было среди них таких страдальцев, сколько было погибших – никто не знал и не узнает никогда.

С генералами Каппелем и Войцеховским шли части, прорвавшиеся из Красноярского разгрома в сочельник; за Есаульской их нагнали еще ижевцы и уральцы из состава 3-й армии, двигавшейся сзади и обошедшей Красноярск на следующий день после катастрофы.

Теперь если подсчитать все, что шло в колоннах генералов Вержбицкого, Каппеля, Войцеховского и моей, то можно было составить силу тысяч в тридцать бойцов, не считая бродивших отдельных летучих отрядов, до сих пор никому не подчинявшихся. Необходимо было возможно скорее провести организацию, свести все отряды в полки и дивизии, наладить службу связи и правильность походного движения; равно назревала крайняя необходимость упорядочить вопросы снабжения, добыть фураж, хлеб и патроны – с железной дороги, установить случаи и однообразную форму законных реквизиций. Не менее существенно и важно было поставить себе точную, по возможности, определенную и выполнимую цель. До сих пор все шли просто на восток – после разгрома, после крушения всех прежних усилий; до сих пор перед нами не было выбора задачи, потому что не было сил выполнить их; представлялось необходимым как можно скорее пройти тысячи верст угрюмой холодной тайги, чтобы скорее соединиться с русскими национальными войсками Забайкалья.

Теперь же, когда наши отряды составили внушительную силу сами по себе, стало возможным и нужным решить, как мы пойдем дальше. Надо было разобраться и уяснить себе ту общую обстановку и все ее частности, какая сложилась в Иркутском

районе, в Забайкалье и на Дальнем Востоке; до сих пор мы шли в совершенных потемках, верных сведений не имели; большинство же слухов было явно провокационного характера, выпускаемых из враждебных социалистических или чешских кругов. Усиленно поддерживалась версия, что войска атамана Семенова разбиты, сам он бежал в Монголию, все города до Тихого океана в руках советской власти. Цель была – поколебать наши ряды, убить дух, погасить веру в возможность дальнейшей борьбы.

Было решено дойти скорее до города Нижнеудинска и там собрать совещание из старших войсковых начальников, на котором выяснить все вопросы и принять правильные решения. Социалисты, считавшие, что они покончили с Белым движением, что армии под Красноярском были уничтожены, встревожились не на шутку, когда до них стали доходить вести о движении на восток массы отдельных отрядов. Но они успокаивали и себя, и свои красные банды тем, что «идут безоружные, разрозненные группы и отдельные офицеры, которых уничтожить, – как писали иркутские заправилы, – не трудно». Попробовали на Кане – обожглись. Теперь к Нижнеудинску были стянуты большие силы, причем красное командование решило дать нам отпор у села Ук, верстах в пятнадцати западнее города.

Колонна генерала Вержбицкого, имея в авангарде Воткинскую дивизию[38](сестру Ижевской[39], составленную сплошь из рабочих Воткинских заводов), лихой штыковой атакой обратила красных в бегство; наши полки ворвались в Нижнеудинск на плечах большевиков, которые понесли в этом бою очень большие потери.

От захваченных пленных, из местных прокламаций, приказов, из иркутских газет, частью и от чехов, эшелоны которых были на станциях западнее и восточнее Нижнеудинска, обстановка начала понемногу вырисовываться. Атаман Семенов крепко держал Забайкалье; в Приморье шла неразбериха, но «союзные» части еще оставались там; Иркутск в руках у социалистов, причем фактически там распоряжаются большевики-коммунисты; бывший сотрудник Гайды, эсер, штабс-капитан Калашников был назначен главковерхом, он-то и руководил теперь действиями красных банд для уничтожения «остатков белогвардейщины». Адмирал Колчак заключен в иркутской тюрьме; социалисты спешно вели следствие, собирали против Верховного Правителя обвинительный материал. Золотой запас стоит в вагонах на путях станции Иркутск и охраняется Красной армией. Чехословацкие войска решили соблюдать «вооруженный нейтралитет», чтобы сохранить для себя железную дорогу. В этом им помогали все союзники России, объявившие полосу русской железной дороги

нейтральной!

Вот те данные, которые выяснились перед военным совещанием, собранным генералом Каппелем в Нижнеудинске 23 января 1920 года. На нем был принят такой план: двигаться дальше двумя колоннами-армиями на Иркутск, стремиться подойти к нему возможно скорее, чтобы по возможности внезапно завладеть городом, освободить Верховного Правителя, всех с ним арестованных, отнять золотой запас; затем, установив соединение с Забайкальем, пополнить и снабдить наши части в Иркутске, наладить службу тыла и занять западнее Иркутска боевой фронт. Все войска, шедшие от Нижнеудинска далее на восток, сводились в две колонны-армии: 2-я, северная, генерала Войцеховского и 3-я, южная, под моим командованием. Главнокомандование оставалось в руках генерала Каппеля, который со своим штабом двигался при северной колонне.

* * *

После Нижнеудинска движение начало принимать все более правильный вид, был внесен порядок, приводилось в ясность точное число бойцов, всех следующих с армией людей; старались поднять и боеспособность частей. Результаты стали сказываться с первых же дней.

К этому времени чрезмерно усилился новый наш враг – разыгрались вовсю эпидемии. Тиф, сыпной и возвратный, буквально косил людей; ежедневно заболевали десятки, выздоровление же шло крайне медленно. Иногда выздоровевший от сыпного тифа тотчас заболевал возвратным. Докторов было очень мало, по одному – по два на дивизию, да и те скоро выбыли из строя, также заболели тифом. Трудно представить себе ту массу насекомых, которые набирались в одежде и белье за долгие переходы и на скученных ночлегах. Не было сил остановить на походе заразу: все мы помещались на ночлегах и привалах вместе, об изоляции нечего было и думать. Да и в голову не приходило принимать какие-либо меры предосторожности. Это не была апатия, а покорность судьбе, привычка не бояться опасности, примирение с необходимостью.

На ночлеге для моего штаба отводят дом сельского священника. Входим, а стоявшие там перед нами садятся в сани, чтобы после дневного отдыха продолжать путь до следующей деревни. Старика генерала Ямшинецкого, начальника Самарской дивизии, два офицера сводят с крыльца под руки; узнаю, что он пятый день болен. Предлагаю генералу остаться переночевать у меня.

– Благодарю, но уж разрешите не отделяться от своей части, – слабым, тихим голосом говорит он.

– Плохо чувствуете себя? Что с Вами?

– Да все жар сильный и голова болит. На морозе легче.

– Ну, поезжайте с Богом!

Священник и матушка хлопотливо и радушно принимали нас; ужин, огромный медный начищенный самовар и даже каким-то способом сохранившаяся бутылка вина. За столом, как и всюду, разговоры на больные и близкие для нас темы – о разрухе, о русском несчастье.

– Скажите, батюшка, как настроение крестьян? Чего они хотят?

Священник помолчал минуту и затем ответил:

– По правде скажу, что наши крестьяне так устали, что хотят

только спокойствия, да чтобы крепкая власть была, а то много уж больно сброда всякого развелось за последние годы. Вот, перед вашим приходом комиссары были здесь, все убежали теперь; так они запугивали наших мужиков: белые, говорят, придут, все грабят, насилуют, а чуть что не по ним – убьют. Мы все, прямо скажу, страшно боялись вас. А на деле увидали после первой же вашей партии, что наши это, настоящие русские господа офицеры и солдаты.

На местах была полная неосведомленность до того, что даже священник не имел никакого представления, какие цели преследовал адмирал Колчак, что представляла из себя Белая армия, чего она добивается.

– Крестьяне совсем сбиты с толку. Боятся они, боятся всего и больше молчат теперь, про себя думы хранят. Ну а только все они, кроме Царя, ничего не желают и никому не верят. Смело могу сказать, что девяносто процентов моих прихожан монархисты самой чистой воды. А до остального они равнодушны: что белые, что красные – они не понимают и не хотят никого.

Кончили ужин и долгие разговоры, в которых священник развивал и доказывал эти основные мысли. Ложимся спать. Я уже улегся в кровать, как входит из кухни адъютант, пошептавшийся там о чем-то со священником, и докладывает:

– Ваше Превосходительство, Вы лучше не спите на этой кровати: здесь отдыхал генерал Ямшинецкий, а у него сыпной тиф.

– Ну, какая разница?

И действительно – не все ли равно было спать на этой кровати или на полу рядом. И на каждой буквально остановке были так перемешаны больные и здоровые.

Через день утром выхожу садиться на лошадь, кругом идут сборы в поход; из нашей избы выводят под руки несколько слабых шатающихся фигур. В одной узнаю подполковника К., офицера с Русского острова. Узнал и он меня, смотрит с похудевшего лица огромными, какими-то туманными глазами. Здороваюсь, рука офицера горячая, как раскаленная печь.

– Что с Вами, подполковник?

– Виноват, Ваше Превосходительство, – отвечает он в полубреду, – сыпной тиф.

– Ну, поправляйтесь скорее, будьте молодцом.

– Постараюсь, Ваше Превосходительство…

С каждым днем все больше и больше больных; почти половина саней наших длинных обозов занята ими. Но, видимо, свежий воздух Сибири действовал лучше всяких лекарств:

смертных случаев почти не было, все, кроме очень пожилых людей, выживали.

Движение колонн было рассчитано так, что пять дней каждая из них должна была двигаться самостоятельно, по заранее составленному маршруту; расстояние между дорогами было от 60 до 90 верст, почему поддерживать связь на походе было почти немыслимо. Единственно, к чему мы должны были стремиться, – чтобы движение совершалось точно по расчету. Тогда около станции Зима (с городком того же названия) обе армии должны были сойтись в один и тот же день, соединиться снова, чтобы наметить дальнейший план действий.

3-я армия шла южной дорогой через два-три больших старых села и несколько новых деревень, созданных главным образом переселенческим управлением, в период перед самой войной, для новоселов. И местность, и деревни, и дороги – все было еще более глухое, дикое, заброшенное, жившее своим укладом, своими местными интересами, далекое от гремевших событий, от великой русской трагедии, разыгрывавшейся тогда на необъятных пространствах Руси.

Но и здесь оказалось несколько банд, сформированных социалистами; и здесь они распустили свою вредную паутину – кооперативы работали вовсю, не столько занимаясь снабжением населения товарами, как политическими интригами. Все эти банды бежали при одном приближении армии, бежали на юг, в горы.

На третий день марша до нас дошли слухи через крестьян, что генерал Каппель умер. Он сильно страдал от невыносимой боли в отмороженных ногах, простуда все больше охватывала ослабевший организм, началось воспаление в легких. Сердце не выдержало, и 25 января ушел от жизни один из доблестнейших сынов России, генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель. Всю свою душу он отдавал русскому делу, став с самого начала революции на борьбу с ее разрушительными силами. В.О. Каппель был полон веры в правду Белого движения, в жизненный инстинкт русского народа, в светлое будущее его, в возвращение на славный исторический путь. Чистый офицер, чуждый больного честолюбия, он умел привлекать к себе людей и среди подчиненных пользовался прямо легендарным обаянием. Смерть его среди войск, на посту, при исполнении тяжелого долга, обязанности вывести офицеров и солдат из бесконечно тяжелого положения, – эта смерть окружила личность вождя ореолом светлого почитания. И без всякого сговора, как дань высокому подвигу, стали называться все наши войска «каппелевцами»; так окрестили нас местные крестьяне, так пробовали ругать нас

социалисты, так с гордостью называли себя наши офицеры и нижние чины.

Я получил уведомление о смерти генерала Каппеля от Войцеховского на четвертый день пути; одновременно он сообщил мне, что, по смерти В.О. Каппеля, он вступил в главнокомандование белыми войсками.

2-я армия двигалась по Московскому главному тракту, вдоль железной дороги, по которой бесконечной вереницей тянулись поезда чехословацкого воинства. Странная и постыдная картина: в великодержавной стране по русской железной дороге ехали со всеми удобствами наши военнопленные, везли десятки тысяч наших русских лошадей, полные вагоны-цейхгаузы с русской одеждой, мукой, овсом, чаем, сахаром и пр., с ценным награбленным имуществом. А в то же время остатки Русской армии в неимоверных лишениях шли, ободранные, голодные, шли тысячи верст среди трескучих сибирских морозов, ломая небывалый в истории поход. И не имея у себя дома ни одного поезда, ни одного вагона, даже для своих раненых и больных!

Чехи продавали нашим частям продукты и фураж, но требовали расплаты золотом или серебром. Предлагали они нам купить и лошадей, но по ценам в несколько тысяч рублей за каждую. Были, понятно, и среди этих «легионеров» люди, не потерявшие совести и чести, но, к несчастью, таких было слишком немного, почему они и не имели почти никакого влияния. Чех-доктор, лечивший генерала Каппеля, уговаривал его перейти в чешский эшелон и ехать в теплом вагоне, но тот наотрез отказался – не было никакой гарантии, что те из них, которые предали адмирала Колчака и сотни русских офицеров, остановятся перед предательством и на этот раз.

Некоторые более слабые физически офицеры, много стариков и женщин ехали в поездах, занятых чехами. И мы знаем, в каких ужасных условиях они все были. Вечные угрозы выдачи большевикам, самое грубое обращение, требование исполнять все тяжелые, черные работы и кидание из милости, пренебрежительно, объедков. Пожилых людей, русских генералов, чехи-солдаты заставляли чистить своих лошадей, выносить помои, убирать вагоны, таскать дрова – за корку хлеба и остаток пустых щей. Разжиревшие военнопленные ехали в поездах, везли вагоны награбленного добра, измываясь над русскими людьми! Ни в одной стране, ни у одного народа было бы немыслимо даже что-нибудь близкое этому безобразно-гнусному явлению. Только наша русская дряблость да муть, поднявшаяся после революции, вызвали к жизни эту позорную страницу в Сибири.

Социалисты, захватившие теперь власть, напрягали все

усилия, чтобы рассеять и уничтожить нашу армию. Из Иркутска были высланы к станции Зима красные части – около 10 тысяч бойцов при пяти орудиях и даже с двумя аэропланами; главковерх штабс-капитан Калашников выехал сюда же, чтобы лично руководить действиями. Красные были в изобилии снабжены патронами и имели опять то же преимущество обороны в зимнюю стужу: они могли обогревать своих бойцов в теплых избах, в то время как наши стрелки подходили к месту боя иззябшие, продрогшие, с закоченелыми руками. Как тут стрелять и колоть!

Части 2-й армии подошли к станции Зима первыми и повели наступление с раннего утра. Около 9 часов, после упорного боя, красные отступили с передовой позиции, вынесенной западнее станции. К этому времени вышла и моя колонна; авангард быстро наступал, охватывая левый фланг большевиков. Те дрогнули и начали отступать. Главковерх Калашников со штабом уехал поездом в Иркутск; после этого, неожиданно для нас и для красных, выступил конный чешский полк, стоявший в эшелонах на станции Зима. Доблестный начальник 3-й чехословацкой дивизии майор Пржхал решил не оставаться безучастным, его честная солдатская натура заставила принять решение и взять на себя всю ответственность. Он выступил с конным полком своей дивизии и потребовал сдачи красных, гарантируя им жизнь. Большевики положили оружие и были собраны под стражей чехов в железнодорожных казармах.

Наши армии вступили в город Зиму. За помощь, оказанную нам майором Пржхалом, наши офицеры и стрелки были готовы простить все зло, сделанное легионерами и их руководителями раньше. Начали строить, с чисто славянской порывистостью, планы о дальнейших совместных действиях – операции против Советской армии. Но уже через несколько часов от Яна Сырового пришли по телеграфу и строжайший разнос майору Пржхалу, и приказание вернуть красным оружие, и требование ничего не давать белогвардейцам, не оказывать нам никакого содействия. Установившиеся было отношения между нами и чехами были сразу прерваны. Майор Пржхал, показав полученные им телеграммы, заперся в вагон, а его штаб, во исполнение приказа Сырового, захватил отбитый у большевиков денежный ящик и брошенные ими орудия; даже патроны, в которых мы испытывали самую острую нужду, выдавали нам под сурдинку, тайным образом.

Поражение у станции Зима расстроило планы большевиков. Их банды бежали на северо-восток, в направлении на город Балаганск. До самого Иркутска стала распространяться паника,

причем даже такие завзятые приверженцы большевиков, как развращенные социалистами рабочие Черемховских копей, сами разоружали банды красноармейцев. Иркутские заправилы попытались взять армию с другого конца – повели переговоры с стоявшим во главе белых войск генералом Войцеховским. Для этого была использована его старая связь с Чехословацким корпусом. От имени большевиков говорили из Иркутска по прямому проводу чешский представитель Благош и американский инженер Стивенс.

Было понятно само собою, что наша армия не сдастся ни на какие условия, поэтому эти почтенные дипломаты спрашивали, на каких условиях были бы мы согласны обойти Иркутск, чтобы избежать кровопролития. Генерал Войцеховский собрал совещание старших начальников для составления ответа. Поставленные нами условия сводились в общем к следующему:

1. Немедленная передача адмирала Колчака иностранным представителям, которые должны доставить его в полной безопасности за границу.

2. Выдача российского золотого запаса.

3. Выдача армии по наличному числу комплектов теплой одежды, сапог, продовольствия и фуража.

4. Исполнение всего изложенного под ответственностью и гарантией иностранных представителей, ведших переговоры.

Но все это с той стороны были только новые вольты, продолжение той же фальшивой игры краплеными картами: большевикам нужно было выгадать время. Поэтому чех и американец начали оттягивать ответ. Штаб с Войцеховским остались еще на один день в городе Зиме – войска выступили дальше на восток. Теперь моя армия, 3-я, шла по Московскому тракту, а 2-я армия дорогой, верст на 30–40 севернее.

Получились сведения о том, что большевики в Иркутске бьют тревогу, – там шла мобилизация рабочих, усиленные формирования, ежедневная спешная эвакуация ценнейших грузов на подводах по Балаганскому тракту на север. Нашей неотложной задачей стало двигаться как можно быстрее, форсированными переходами, чтобы налететь на Иркутск врасплох.

3-я армия шла день и ночь с самыми минимальными отдыхами. В нескольких местах мы встречали высланные из Иркутска красные банды, два раза задерживались на полдня, вели бои. Немало зла и хлопот при этом причинили нам латышские поселки. Императорское Русское переселенческое управление, в заботах о всех подданных Царя, отводило в Сибири большие наделы и безземельным латышам. Здесь образовались целые колонии этой народности, богатые землей и лесом, ни в чем не

нуждавшиеся. И вот характерно – в то время, когда русское крестьянство оказывало нам полное содействие, относилось сочувственно даже в дни наибольшей нашей слабости, эти колонисты-латыши организовывали банды, чтобы вести против белых партизанскую войну. Какая поразительная связь с тем явлением, что на протяжении всей грязной русской революции латыши являлись самыми ярыми углубителями ее, надежной опорой всех революционных вождей от Керенского до Бронштейна!

2-я армия встретила на своем пути более серьезное сопротивление, верстах в 70 северо-западнее Иркутска. Большевики боялись нашего движения на Балаганск, их базу, куда они вывозили все ценное; для прикрытия этого направления ими были высланы сильные части. Целый день, 6 февраля, и следующую ночь шел упорный бой во 2-й армии, причем она ввела в дело все свои силы. Моя армия также наткнулась в этот день на значительный красный авангард, но к вечеру рассеяла его и после небольшого отдыха продолжала движение, форсируя его до последнего предела. Гулко раздавались орудийные выстрелы боя 2-й армии, сначала на одной высоте с нами, затем стали отдаляться все дальше в тыл.

На следующий день после полудня авангард 3-й армии с налета занял станцию Инокентьевская, что лежит на западном берегу Ангары – против Иркутска. Движение было настолько быстро и так неожиданно было наше появление, что когда я со своим штабом въехал, одновременно с авангардом, в поселок Инокентьевский, то наткнулся на такую картину. Стоит длинный обоз. По обыкновению послал ординарца узнать, какой части.

– 107-го советского полка, – отвечали бородачи обозники, не узнав в наших закутанных в тулупы и дохи фигурах белогвардейцев, как и мы не распознали в них «большевиков».

– Для чего приехали сюда, «товарищи»? – спросил находчивый ординарец.

– За снарядами, в чихаус прислали, нас-то. А вы чьи будете?

– Штаб генерала Сахарова, командующего 3-й армией, – последовал громкий ответ.

Полная растерянность. Руки вверх и мольба о пощаде.

В то же самое время начальник разведывательного отделения штаба армии полковник Новицкий с пятью своими людьми захватил у красных два орудия, причем, обезоружив часть большевиков, остальным приказал держать караул до прихода наших.

Какие богатые склады нашли мы в Инокентьевской! Всего было полно: валенок, полушубков, сапог, сукна, хлеба, сахара,

муки, фуража и даже новых седел. Только теперь встало во весь рост преступление тылового интендантства и министерства снабжения, оставивших в октябре нашу армию полуголой. Всю ночь и следующий день шла спешная раздача частям из складов всего, что хотели, – и то больше половины мы должны были оставить в Инокентьевской – не на чем было поднять; разрешили брать местным жителям.

Занятие нами Инокентьевской облегчило положение 2-й армии, которая, отбив противника на север, свернула к Московскому тракту и должна была на следующий день выйти на Иркутск. Со всех сторон подтверждалась полная растерянность большевиков. Ясно было, что при быстром проведении операции взять Иркутск не составит большого труда. Только нельзя было терять времени.

* * *

Всю ночь, не ложась спать, проработали над составлением плана операции по овладению Иркутском. К утру приказ был готов. Атака назначалась в 12 часов дня. Генерал Войцеховский, прибывший в Инокентьевскую перед рассветом, согласился со всеми соображениями, одобрил план и послал распоряжение 2-й армии согласовать свои действия – ударом на Иркутск с севера.

Утром грянул гром. Сначала был доставлен документ за подписью начальника 2-й чехословацкой дивизии полковника Крейчия, адресованный «начальнику передового отряда войск генерала Войцеховского». В нем заключался наглый ультиматум – чехи категорически требовали не занимать Глазговского предместья и не производить никаких репрессий по отношению железнодорожных служащих, иначе чехи угрожали выступить вооруженно против нас. Надо пояснить, что Глазговское предместье расположено на высотах, командующих городом; не занимая его, мы оставляли бы в руках большевиков тактический ключ всей позиции; кроме того, там могли бы сосредоточиться красные в любых силах и бить во фланг наши наступающие части. И все это проходило бы под прикрытием чешских штыков.

Вскоре затем с разных сторон – в том числе и от чехов – поступили сведения, что накануне утром Верховный Правитель адмирал А.В. Колчак был убит комиссарами во дворе иркутской тюрьмы. Это печальное известие как громом поразило всех.

Картина смерти за Россию светлого слуги ее, адмирала А.В. Колчака, рисуется так, – по рассказам и описаниям многих лиц, пробравшихся затем из Иркутска на восток. Почувствовав, что им

Иркутска не отстоять, комиссары рано утром 7 февраля вывели из тюрьмы во двор Верховного Правителя и с ним министра В. Пепеляева. Последний страшно нервничал и умолял пощадить его жизнь. Адмирал хранил полное самообладание, вынул папиросу, закурил ее, отдав серебряный портсигар одному из красноармейцев сопровождавшего его конвоя. Величавое спокойствие адмирала Колчака так подействовало на красноармейцев, что они не исполняли команды комиссара и не стреляли. Тогда адмирал, отшвырнув докуренную папиросу, сам отдал приказ стрелять; по его собственной команде красноармейцы и произвели залп, прекративший жизнь одного из лучших сынов России.

Главная цель нашего быстрого движения к Иркутску – освободить адмирала – не удалась. Но тем не менее нужно было взять город, наказать убийц и искупить жертву великого человека продолжением дела, за которое он положил свою жизнь. Сведения все более подтверждали, что у большевиков дрожали поджилки и они не рассчитывали удержаться в Иркутске. Масса разведчиков и лазутчиков побывали в городе от нас, много переходило к нам и оттуда, из большевистского стана. Самое большое и неизгладимое впечатление оставили тогда два солдата-чеха, которые три дня слонялись по Иркутску, побывали во всех большевистских учреждениях с целью все разузнать. Затем эти добровольные разведчики вышли из Иркутска, пробрались на нашу сторону и явились прямо в мой штаб, требуя допуска ко мне.

Предо мною были два бравых солдата; загорелые, обветренные, добродушные лица, глаза смотрят смело и прямо, во всем облике та внешняя выправка и дисциплина, которая присуща только постоянному солдату. Чехи рассказали мне, что в Иркутске красноармейцы трусят нашей атаки и между собой поговаривают о том, что они сдались бы, если бы не боялись с одной стороны своих комиссаров, с другой – жестокой расправы белых.

– Брате-генерале, ничего не стоит взять Иркутск, ибо и их комиссары также боятся дюже. А рабочих-коммунистов всего несколько сотен, – закончил один из этих славных чехов.

Другой добавил:

– И позиции их совсем не страшны – они только местами понастроили из снегов окопы и облили их водой, чтобы лед был, но обойти везде можно. Я, брате-генерале, в Вашем штабе план всех их окопов нарисую. Мы везде были.

– Только скорее надо идти, и сразу Иркутск возьмете.

Это были последние из могикан, остатки тех братьев-чехов,

воинов школы полковника Швеца, майора Пржхала; их остались единицы, которые были поглощены морем разнузданной и трусливой массы легионеров новой школы Яна Сырового и всех его политических соратников.

Мы были готовы произвести удар. Но ультиматум, предъявленный, от имени 2-й чешской дивизии, полковником Крейчием, произвел на большинство наших начальников отрицательное впечатление.

Генерал Войцеховский собрал военный совет, на котором присутствовали десять старших генералов. Разобрали все данные предстоящей операции, обстановку в случае неуспеха, почти все напирали особенно сильно на ограниченное количество патронов у наших стрелков. Только два мнения – атамана енисейских казаков генерал-майора Феофилова[40]и мое – были за немедленное наступление для овладения Иркутском; остальные высказались за уклонение от боя и обход города с юга. Войцеховский присоединился к этому решению и отдал приказ отменить наступление.

Генерал Феофилов особенно волновался; он прослужил в Иркутске долгие годы, знал каждую складку местности, каждую тропинку. А его молодцы-казаки сетью разъездов входили чуть не в самое предместье города с юга. Феофилов доказывал, что мы возьмем Иркутск без всякого риска неудачи. А так преступно было отказаться от этого и оставить у большевиков массу арестованных офицеров, весь российский государственный золотой запас и богатые военным имуществом иркутские склады.

После военного совета я проверил настроение войск моей армии; все офицеры, посланные мной, принесли самые отрадные впечатления. Части ждали боя, желали его, и почти каждый офицер и солдат мечтали войти в Иркутск. Ультиматум чехов произвел на войска иное впечатление – все страшно возмущались, накопившаяся ненависть к дармоедам, захватившим нашу железную дорогу, прорвалась наружу.

– Не посмеют чехи выступить против нас. А если и выступят, то справимся. Надо посчитаться!!

Посоветовавшись еще с генералом Феофиловым, я отправился на квартиру к Войцеховскому и уговорил его дать мне разрешение произвести налет на Иркутск с юга одними моими силами. Не сомневаясь в успехе, мне удалось убедить в том же и его. Вернувшись к себе, я только начал отдавать распоряжения для боя, как был получен письменный приказ генерала Войцеховского с новым категорическим запрещением брать Иркутск.

В 11 часов ночи было назначено выступление авангарда для

обходного движения города. В Инокентьевской оставался заслон, который должен был демонстрировать подготовку нашего наступления на Иркутск и тем отвлечь внимание большевиков от наших обходящих колонн. Войска выступили сначала в южном направлении, чтобы затем свернуть на восток и через горы выйти к Байкалу.

Темная ночь. Зимняя стужа. Гудит ветер и крутит белыми снежными вихрями; от завывания бурана, от непроглядной темноты ночи делается еще тяжелее на душе. Все нервничают, все недовольны друг другом и собою. Чувствуется, что с этим отказом от овладения Иркутском рвется надежда, пропадает та светлая цель, которая вела нас тысячи верст через тайгу, снега Сибири и ее лютые морозы, через сыпной тиф и красные большевистские заставы…

Идем час, другой. Все молчат, нахохлились в этой воющей холодной зимней ночи, каждый полон своими невеселыми мыслями. Впереди, авангардом, Ижевская дивизия, затем егеря, мой небольшой штаб, генерал Войцеховский со своим штабом и дальше остальные части армии. В бездонной черной пропасти ночи не разберешь, как мы идем, – повернули раз, другой, третий – наконец и счет потеряли; не знаем, в каком направлении двигаться. Из-за темных туч и снежного буруна не видно звезд. Правильно ли идем? А! Все равно: такая безразличная усталость после всего – при авангарде проводники, авось не собьются.

Прошли лесом, где бурная ночная вьюга стала еще мрачнее и зловещее, спустились в овраг, поднялись. И перед нами замигали сотни огоньков.

Авангард остановился. Я проехал вперед узнать, в чем дело.

– Проводники сбились с дороги. Это Иркутск, – доложил мне начальник Ижевской дивизии, генерал-майор Молчанов. – Наши походные заставы подошли почти к самому предместью. Видно, здесь большевики не ждут нас!

Сама судьба стала за проведение плана генерала Феофилова и моего – захвата города внезапным налетом.

– Что это, нарочно Вы хотите настоять на своем, Ваше Превосходительство? – раздался сзади недовольный голос подошедшего к нам Войцеховского. – Ведь я приказал определенно – Иркутска не брать.

Я объяснил причину: проводник сбился с дороги, заплутался; выход к Иркутску для меня и моих подчиненных начальников – полная неожиданность. Но и большевики не ждут нас также. Надо этим воспользоваться и занять город, что теперь можно сделать почти без боя, без потерь. Но генерал Войцеховский упорно стоял на своем, не считая возможным менять налаженные и отданные

им распоряжения для обходного отступательного марша; он отдал снова приказ двигать авангард на юго-восток к Байкалу. Прощай, Иркутск!..

Долго и медленно двигались мы, усталые и обозленные. Заалел восток. Раздвинулись тени. Стало светлеть. Мороз усиливался и трещал теперь вовсю, чисто по-сибирски. Утром мы вышли к деревне, уже верстах в 15 восточнее Иркутска, и здесь остановились на привал. Надо было выкормить лошадей и дать людям обогреться. Через три часа выступили дальше.

Дикой горной дорогой шли мы весь день и еще одну ночь. Казалось, конца не будет этому длинному утомительному переходу. Мороз крепчал; сильный порывистый ветер вырывался из горных ущелий с воем и визгом, забрасывая сани, людей и животных целыми ворохами снега. Не было сил, двигала всеми какая-то посторонняя автоматическая воля. На вторые сутки, перед рассветом, наша колонна дотянулась наконец к большому прибрежному селу Лиственичному.

Здесь Ангара вливается в Байкал. Несется прозрачная, как хрусталь, река. Быстрый бег и такая чистота, что видна на дне каждая галька, видны плавающие форели. В самые лютые морозы не замерзает здесь вода. Кругом нависли горы, живописными утесами громоздясь друг на друга. А вдали расстилается ровная бесконечная гладь огромного озера, таинственного, полного мистических легенд, бездонного Байкала. Снова, второй раз за этот переход, всходило солнце. Первые косые лучи его окрасили ледяную поверхность озера и дальние горы в нежные розовые тона, как цветы вишневых деревьев. Ангара стала еще красивее и бежала с немолчным рокотом, точно живая широкая голубая дорога. Усталые люди, выбившиеся из сил кони подходили к концу своего бесконечно длинного пути.

Богатое прибрежное село Лиственичное раскинулось на берегу Байкала на несколько верст. Большинство жителей рыбаки; они и теперь, в этот крепкий февральский мороз, вытаскивали свои снасти и собирались ранним утром на ловлю. Есть в селе несколько мельниц, фабрика, пароходство и судостроительные доки. Но все теперь, со времени революции, заглохло, приостановилось; жизнь тлела еще кое-как при белых, поддерживаемая надеждой на лучшее будущее. Теперь исчезла эта надежда; впереди стоял призрак смерти и разрушения; приближалась власть красных…

Лиственичное встретило наши войска радушно, тепло, но именно с этим оттенком горечи обреченных на погибель. Они все-таки ждали, что мы выбьем большевиков из Иркутска, займем город, соединимся с Забайкальем и восстановим порядок. Сквозь

обычные разговоры, во взглядах, в отношениях просвечивала мысль: «Эх, отчего вы не можете защитить нас?! Да, верно, вы не можете…»

Наши части остановились в Лиственичном на продолжительный дневной отдых, чтобы подкрепить силы людей и конского состава для предстоящего на завтра перехода через Байкальское озеро. Ночевать здесь мы не могли – надо было освобождать место для идущей сюда же 2-й армии. Ее арьергарду пришлось уходить от Иркутска уже с боями, так как большевики, осмелевшие после ночного ожидания, увидевшие в нашем обходе слабость, решили преследовать, рассеять и уничтожить остатки «каппелевцев», как они писали в прокламациях и рассылали приказы по телеграфу на станции железной дороги, бывшие в их руках.

Несмотря на подход вплотную к Забайкалью, все еще обстановка там, впереди, рисовалась очень неясной: станция Мысовск по ту сторону Байкала была несколько дней тому назад в руках японцев. Как теперь, неизвестно, а было слышно, что будто большевики повели наступление, шел бой. Кто теперь там, где атаман Семенов, каковы его силы – никто в точности не знал. Лиственичное жило и питалось только слухами. Так же обстояло и с дорогой через Байкал. Раньше, в прежние годы, ездили прямо из Лиственичного или из Голоустного, верст 40–45 по льду; теперь совсем не ездят – незачем да и опасно, неравно и на большевиков наткнешься на другом берегу. Нам предстояло идти первым, нащупывая и прокладывая дорогу. К вечеру стали прибывать в Лиственичное передовые части 2-й армии. Моим войскам нужно было выступать дальше, пройти около 10 верст по льду до поселка Голоустного.

Байкальское озеро вулканического происхождения. Бездонной глубины бездна его бунтуется и клокочет иногда в самую тихую погоду; раздаются раскаты подземных громов, ворчит глухой рокот и поднимаются черные волны-валы. А зимой, когда морозы сковывают поверхность Байкала, в такие дни толстый слой льда грохочет, ломается, дает глубокие трещины, которые тянутся иной раз на многие версты. Рыбачьи села, что приютились кругом озера в диких Байкальских горах, живут в вечном страхе, поколение от поколения перенимая легенды о тайне своего «моря». Ни один настоящий, коренной байкалец не осмелится назвать его озером. Священное, таинственное море! Неизведанная, богатая и щедрая природа, но также и дикая, первобытная, полная крайностей, какие неизвестны в других странах. В Лиственичном жители нам рассказывали нескончаемые истории про трудность переезда через Байкал и в

обычное-то время, когда все рыбаки выезжают на лед уже с ноября, когда шаг за шагом устанавливают и провешивают они дорогу на другой берег.

– И есть ли переезд через море, не знаем, не можем сказать, – получали мы ответ.

– Часто гремит Байкал, почти каждый день; поди широкие и глу-бо-о-окие трещины посередине. А только в точности неизвестно.

– Не иначе как в Голоустное идти вам, а оттуда, может, и найдете проводников в Мысовск, на ту сторону.

– Только и про Мысовск в точности не знаем. Были там японцы две недели тому назад; да, сказывают, большевики наступление на них сделали… Ничего в точности не известно…

Это постоянное «неизвестно» было самое неприятное, тяжелое и давило на дух, на психику людей.

Тысячи белых воинов стояли, как и раньше, весь путь от Красноярска перед полной неизвестностью. Через всю Россию прошли они; своими ногами измерили беспредельные пространства Сибири, пробились сквозь сказочные препятствия. А что дальше? Изможденные и усталые, закаленные в боях, привыкшие к опасностям, смеявшиеся над голой бесстыдной улыбкой костлявой смерти, они надеялись на заслуженный отдых, верили в возможность продолжения борьбы, в успех своего правого дела, имели впереди цель. Верили до последнего дня.

В рядах белого войска были смешаны люди самых различных слоев русской жизни: гвардейские офицеры и солдаты, кадровые офицеры армии, для которых традиции седой старины, честь мундира и слава старых простреленных знамен были дороже всего; волжские и уральские крестьяне, оставившие свои черноземные поля, чтобы бороться до победы над захватчиком и насильником, жидом-комиссаром; казаки Урала, Иртыша и Енисея, верные потомки своих предков, строивших ширь и могущество Государства Российского; рабочие Ижевских, Воткинских и других уральских заводов бросили станки свои, чтобы победить врага России; сотни молодежи из сибирских городов – кадеты, студенты, реалисты и техники – составляли отборные партизанские отряды, беспощадные к коммунистам и комиссарам, бесстрашные в боях; и много отдельных русских людей со всех концов земли нашей, тех, что не могли и не хотели примириться с властью темного преступного интернационала, тех, которые поклялись уничтожать большевиков до конца, до самого своего смертного часа. Среди них были женщины и девушки, раньше избалованные красивой, нежной русской жизнью, – теперь делившие тягости похода и боев наряду с

офицером. У многих социалисты-большевики убили, замучили отца, мать, братьев, сожгли дома, разграбили имущество, надругались, растоптали все светлое. Теперь эти тысячи белых крестоносцев, напрягая остаток сил, дошли до священного Байкальского моря, достигли предела, за которым ждали отдыха, братской встречи, подмоги, опоры для дальнейшей борьбы. А вдруг это только мираж, обман доверчивого воображения?!

Люди от усталости, от изможденья трудами, голодом и тифом доходили до галлюцинаций. Вот высокий, стройный полковник, в тонкой серой, солдатского сукна шинели, но в погонах и форме своего родного гвардейского полка, входит легкой походкой в комнату. Лицо как у схимника, худое, прозрачное, с огромными ввалившимися глазами, горящими упорным тусклым огнем. Бескровные губы кривятся судорогой страданья-улыбки.

– Ваше Превосходительство, позвольте доложить, – Байкал трещит. Я выступил с авангардом, но пришлось остановиться, – нет прохода, трещины, как пропасть.

– Взять сапер, досок и бревен. Строить мост. Не терять времени. Продолжайте движение – Вы задерживаете все колонны.

– Невозможно – Байкал трещит. И нет дороги…

Подхожу, беру руку полковника – она горячая, как изразец раскаленной белой гладкой печки. В глазах глубокая пропасть пережитых страданий, собрался весь ужас пройденного крестного пути. Стройное, сроднившееся со строем и войной тело тянется привычно и красиво, несмотря на то что страшный сыпной тиф проник уже в его кровь и отравил ее своим сильным ядом. Слабела воля. Падали силы. Терялся смысл борьбы, и сама жизнь, казалось, уходила…

* * *

Темная ночь окутала и горы скалистого берега, и дали Байкала, и глубокое небо без звезд. Ничего не видно – черная бездна вокруг. Двумя яркими нитками прорезывают ее два фонаря у переезда – моста, сделанного наскоро через трещину.

– Держи правее, пра-а-ве-е-ей, черт! – слышится по временам крик.

Лошади волнуются, храпят, прядут ушами и неловко дергают, чуя опасность бездонной пучины. Проходит колонна, медленно и осторожно, одни сани за другими.

Лишь к полночи добираемся до Голоустного. Маленькая прибрежная деревушка, всего несколько рыбачьих изб, больших,

богатых, рубленных из столетних кедров – хоромы сибирских староселов. Останавливаемся на ночлег. Как камни, падают на лавки и на пол люди и засыпают тяжелым сном бесконечно уставшего. Только часовые стоят с винтовками у костров. Да полевые штабы составляют приказ на завтрашний переход, совещаются с проводниками, взятыми из голоустинских рыбаков.

– Господи, а в Мысовске-то, кажется, бой идет. Так и гудит артиллерийская канонада, – раздается нервный отрывистый шепот дежурного офицера, вернувшегося с улицы, с поверки постов.

Все выходят из избы, толпятся темные силуэты на берегу ледяного моря и замерли – жадно слушают, ловят далекие звуки. А там, из открытой черной пасти, несется немолчный рокот, то стихая на минуту, то усиливаясь снова, точно ворчащий звук отдаленной артиллерийской подготовки. Среди группы людей на берегу Байкала идет тихий разговор.

– Несомненно, это бой идет. Только где?

– Это не в Мысовске, Ваше Благородие; прямо вот так направление берите, туды, – машет рукой один из рыбаков Голоустного.

– Да, только что-то больно уж долго и громко шум идет, – раздается один сомневающийся голос. – Ведь у нас и на Германском фронте только в самые большие сражения так шумело. А сколько там одной тяжелой артиллерии бывало…

– Нет, это не пушки. Байкал трещит!..

– Ну вот! Спросите наших артиллеристов – всякий скажет, что это бой идет, артиллерийский. Очевидно, большевики атакуют в Мысовске семеновцев и японцев.

– Э-эх, хоть бы до завтра продержались, пока мы нашим на подмогу придем…

Разошлись, вернулись в избы, полные белогвардейцами, спавшими тяжелым глубоким сном. Заканчиваются последние распоряжения, рассылаются с ординарцами приказы. Добродушная круглолицая хозяйка избы со своими дочерьми возятся около печки и самовара, готовят на завтра подорожники. Добрые глаза их останавливаются на лицах офицеров, на спящих фигурах с выражением неподдельного участия и печали. За долгие годы войны, передумав и перечувствовав бесконечно много над ее ужасами, теперь впервые увидали эти простые люди армию, тысячи вооруженных солдат в их особом миру отношений, понятий и традиций; и над туманными грезами, над страшными легендами и сказками слегка приподнялся угол завесы…

До зари поднялись все, запряжены сани, поседланы лошади, отряд готов к выступлению, чтобы успеть засветло сделать этот

переход в 40–45 верст по ледяной дороге. Предутренний холод пробирает тело, еще не отошедшее от сна. Вытягивается колонна, проходит улицей Голоустного и спускается по отлогому берегу на Байкал. Жители затерянного поселка, рыбаки с семьями, провожают и прощаются добрыми, задушевными словами, идущими от сердца пожеланиями.

Выезжают троечные сани из большого двора, где стоял штаб отряда; хозяйка суетливо бегает около, засовывая жареных кур, хлебы, пироги, рыбу. Ее младшая дочь, крепкая четырнадцатилетняя сибирячка, стоит у дверей, кутаясь в толстый платок, и переговаривается с отъезжающими, блестя чистыми, белыми зубами.

– Поедем, Сонька, со мной, – обращается один из офицеров, одетый в оленью доху, улыбаясь глазами.

– А чаго-ж, и поеду… Только куды-ы-ы с тобой ехать. Нет, не хочу.

– Почему не хочешь?

– Да большевики-то тебя забьют, а с кем я одна останусь, – жеманно отвечает Сонька при общем дружном смехе…

Но у всех остается осадок горечи от этих простых, уверенных и жалостливых слов подростка-сибирячки: большевики забьют…

Тяжело было идти по Байкалу. Только местами попадались небольшие пятна, покрытые снегом, который осел, как песок на морских дюнах, тонкими, извилистыми, волнистыми линиями. Все пространство озера было ровной ледяной пустыней. Взошедшее солнце блеском своим сверкало и переливалось на льду миллионами брильянтовых искр. Ветер, вырвавшийся из гор, несся свободно и буйно, завывая по временам и ударяя с такой силой, что валил пешехода с ног. Ехать все время в санях было невтерпеж – мороз и пронзительный ветер обращали все тело в сплошную ледышку, ныли кости, останавливалась кровь. Люди вскакивали из саней и бежали пешком рядом, чтобы отогреться. Двигались очень медленно, с остановками, так как при авангарде шел специальный отряд проводников, байкальских рыбаков, с длинными шестами, определяя прочность льда, осторожно отыскивая путь, чтобы не наткнуться на трещину.

Всего труднее было с нашими лошадьми. Кованные на обычные подковы, без шипов, они шли по ледяной дороге Байкала, скользя и спотыкаясь на каждом шагу. Бедные животные напрягали все свои силы, видно было, как при каждом шаге вздувались и дрожали мускулы ног, как напрягалась спина и сгибалась шея, чтобы сохранить равновесие. Более слабые лошади выбивались из сил и падали. Пробовали их поднять, провести несколько шагов. И людьми и животными управляли не обычные

силы, а сверхъестественное напряжение воли: еще двадцать – десять верст – и все решится. И может быть, настанет заслуженный покойный отдых после многих тысяч тяжелого, полного опасностей Ледяного похода.

Февральское зимнее солнце поднялось невысоко и быстро стало спускаться по небосклону. Блестело яркими бликами необъятное ледяное пространство Байкала. По дороге попалось несколько старых трещин; на полтора аршина кристалл льда, как дивные гигантские аквамарины, а между ними черные полосы зияющей бездны бездонных вод. Кругом ровная, ровная пустыня, и лишь легкими силуэтами обрисовываются навстречу нам горы восточного берега. Мысовск!

Все меньше сил, все ближе вечер. И все больше падает на нашем пути бедных боевых слуг, наших усталых лошадей. Бредет животное по льду, ноги расползаются в стороны, не за что уцепиться стертыми подковами, не осталось сил в истощенном теле. И лошадь падает, грохается всей тяжестью. Нет больше возможности поднять ее. Быстро снимают седло или хомут, кладут на ближайшие сани… и дальше в путь. К концу дня вся дорога через Байкал чернела раздувшимися конскими трупами. Печальные вехи!

Людей двигала воля и твердость души, но шли из последних сил, изможденные, прозябшие до костей на ледяном ветру, голодные и бесприютные. Также скользили и расползались ноги, также не за что было уцепиться на скользкой дороге, также напрягалось тело – иногда равновесие терялось, падал человек. Лежит на льду, над бездонной пучиной Байкала, а мимо идут, идут свои, тянется безостановочно вереница пешеходов, саней и конных; кое-кто подойдет с участливым словом и дальше. Отлежится человек несколько минут, мысль стучит в усталой крови: «Вставай, вставай, вставай, – не то смерть, смерть, смерть…» Поднимается тяжело, точно с похмелья или после тяжелой болезни, и медленно бредет дальше. К близкой уже цели. В Мысовск…

Трудно дать настоящую картину тех дней – слишком необычна она, так угарно-устало прошли они, эти дни, и кажутся такими далекими, как кошмарный сон. Но представьте себе, заставьте себя на минуту, среди обычной вашей жизни в теплой обстановке, вообразить – тысячи верст сибирского векового простора; глухая тайга, куда не ступала нога человека, дикие горы с труднодоступными подъемами, огромные реки, скованные льдом, снег глубиной в два аршина, мороз трещит и доходит до 40 градусов по Реомюру, затерявшиеся в тайге и засыпанные снегом деревни. И представьте тысячи русских людей, идущих

день за днем по этим глубоким беспредельным снегам; целые месяцы, день за днем, в обстановке жуткой по своей жесткости и лишениям. А тут еще чуть не на каждом шагу опасность братоубийственной войны. Бродячие шайки красных рассыпаны всюду, с запада преследует организованная большевистская сила, Советская армия, с востока выдвинуты сильные отряды эсеров. И полная неизвестность. Где конец? Что будет дальше?

Байкал с его ледяной дорогой – это апофеоз всего Ледяного похода. Белая армия шла через озеро-море, не зная, что ждет ее на другом берегу, ожидая там противника, жестокого и беспощадного врага Гражданской войны. Но звуки, казавшиеся накануне гулом отдаленного артиллерийского боя, были иллюзией усталого слуха, возбужденного, уже больного воображения. То гудел Байкал, трещал, раскалываясь, лед.

К Мысовску мы подошли под вечер. Маленький заштатный городок расползся своими плоскими домами и избами по невысокому берегу озера, раскинулся одной длинной широкой улицей и несколькими переулками. Жители Мысовска толпятся небольшими кучками, издали наблюдая, как, извиваясь бесконечной лентой, приближается колонна белых войск. Молча, не отрываясь смотрят они, как вступают в их городок эти люди, прошедшие через всю Сибирь. И лишь только тогда, когда вслед за авангардом появляется штабной значок, флаг наполовину русский трехцветный, наполовину белый с синим Андреевским крестом, сами собой снимаются шапки, кучки людей подходят ближе, толпятся около колонны.

– Эх, не так бы вас встречать надо, родные, – раздался голос из толпы, – да нет у нас ничего.

– Настрадались-то сколько вы.

– Сердечные. Герои!

Сейчас же нашлась масса добровольных квартирьеров, звали наперебой офицеров и солдат к себе. И через час отряды уже отдыхали в просторных теплых избах, обогревались; и снова хозяйки пекли, варили и жарили, как на праздник.

В Мысовске оказалась рота японцев, их передовой отряд; временно оставили, как нам объяснили, – если бы еще два дня не пришли белые, то японцы ушли бы на восток, в Верхнеудинск. И тогда Мысовск заняли бы большевики…

Как только наши солдаты увидали первых японцев, которые стояли на железнодорожном полотне, проходящем над озером, радостный гул пошел среди наших. Посыпались остроты, шутки, крики. Маленькие японские солдаты, зябкие и закутанные в непривычные для них меха, стояли навытяжку и отдавали честь вступавшим в Мысовск русским войскам.

Вот отделяются несколько стрелков-ижевцев и бегут к японцам, стоящим зрителями. Рукопожатия. Самураи бормочут что-то на своем непонятном языке и улыбаются узкими раскосыми глазами. Наши хлопают радостно их по плечу:

– Здорово, брат-япоша, ты теперь будешь все равно как ижевец.

– Спасибо, японец, – один ты у нас верный союзник остался.

– Будешь помогать нам большевика бить?..

– Ура!.. Банзай!

Маленькие желтые люди тоже кричат «ура» и «банзай». Сразу устанавливаются близкие, дружеские отношения. И наши солдаты уходят под руки с «япошками» по квартирам. Тепло, уютно, и появилась уверенность в завтрашнем дне, в том, что кончился тяжелый поход, оправдались частью наши надежды на возможность нового дела, продолжения борьбы за Россию.

В Забайкалье крепко держался атаман Семенов со своим корпусом. В Мысовске оказался присланный им встретить нас полковник, который, впервые за это время, сообщил действительные, правдивые и полные сведения о положении в Восточной Сибири. Узнали мы, что большевики не рискуют еще наступать на Забайкалье из Иркутска, но зато организуют банды из местных жителей, снабжая их оружием, агитаторами и инструкторами. Западная часть Забайкалья кишит такими шайками и с каждым днем все больше волнуется. Передал нам полковник, что адмирал Колчак успел перед своим арестом издать следующий указ:

«УКАЗ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ

4 января 1920 года, г. Нижне-Удинск.

Ввиду предрешения мною вопроса о передаче верховной всероссийской власти Главнокомандующему вооруженными силами юга России генерал-лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей Российской восточной окраине оплота Государственности на началах неразрывного единства со всей Россией:

1. Предоставляю Главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа генерал-лейтенанту атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской восточной окраины, объединенной Российской верховной властью.

2. Поручаю генерал-лейтенанту атаману Семенову образовать органы Государственного управления в пределах распространения его полноты власти.

Верховный Правитель адмирал Колчак.
Председатель Совета министров В. Пепеляев.
Директор канцелярии Верховного Правителя
генерал-майор Мартьянов».

Узнали мы также, что японцы оказывают полную поддержку и помощь, которая еще, видимо, усилится с выходом нашей армии, – этого ждали, хотя никто не был уверен.

Скоро были получены из Читы телеграммы; атаман Семенов запрашивал о составе и силах армии и о том, какая и в чем первая неотложная нужда. Японское командование и миссия прислали горячий привет и восхищение перед подвигами Ледяного похода Русской армии.

Той же ночью мы получили несколько вагонов продовольствия и теплой одежды. Снова почувствовалась забота, прочная связь и опора, выросла еще более уверенность в том, что кончено тяжелое испытание. После одного дня отдыха, закончив эвакуацию части больных по железной дороге, двинулись дальше: 3-я армия на Верхнеудинск, 2-я – в район западнее его.

* * *

Действительно, все пространство западного Забайкалья кишело бандами; они организовывались по общей схеме, проведенной социалистами во всей Сибири, то есть с привлечением к работе органов кооперации и так называемых земств выборов 1917 года. Все распоряжения шли из Иркутска, оттуда же доставлялось оружие и патроны; военное руководство принял на себя товарищ Калашников, перешедший теперь от эсеров на службу к большевикам. Главным районом сосредоточения банд было большое село Кабанье.

Здесь и произошло первое столкновение. Передовые части 3-й армии после короткого боя выбили красных лихой конной атакой, овладели деревней и рассеяли банды. Путь был открыт. Остальные колонны прошли беспрепятственно до Верхнеудинска. Трудность движения заключалась теперь в другом. Забайкалье обычно отличается бесснежными зимами, не было исключения и в этом году; бедным нашим коням приходилось тянуть сани почти по голой земле или по рыхлому мелкому снегу, перемешанному с песком. Если бы не некоторые участки пути, когда можно было

идти рекою Селенгой, по льду, лошади были бы зарезаны окончательно.

Верхнеудинск – большой город с казармами, с каменными домами, магазинами, базарами, гостиным двором, имеет богатое население в несколько тысяч человек. Белые войска были здесь встречены так тепло и искренно, к ним все проявили такую массу заботливости и даже нежности, как могут сделать это только свои близкие люди. Но была и ложка дегтя в этом сладком меду. В Верхнеудинске, как всюду по Сибири, благодаря неопределенному курсу и слабости тыловых властей, эсеровщина пустила прочные корни. Повторялась одна и та же история: все слои коренного населения страстно желали порядка, ненавидели всеми своими силами злую революцию и тосковали по прошлому величию и покою под Царской Державой, а кучка пришельцев, наглых инородцев и своих, русских предателей кричала о завоеваниях революции, о правах «демократии» и об опасности реакции.

Как и всюду, здесь они были так же трусливы и наглы. После прихода армии, которую эти иуды предали вместе с ее вождем, они притихли и попрятались. Но через несколько дней была сделана первая попытка: застрельщики направились к генералу Войцеховскому и к японскому командованию, начали разнюхивать и разведывать. И увидали, что эти, видимо не понимая ничего в происходящем, продолжают верить их высокопарным словам об каких-то их правах, как народных избранников, о пресловутой демократии и пр. После первого успеха тотчас же вылезла вся шайка и часами стала заседать в доме генерала Войцеховского. Их работа была направлена теперь на то, чтобы поссорить Войцеховского с атаманом Семеновым и внести смущение в ряды армии.

Здесь же, в Верхнеудинске, пришлось встретиться с генералом Дитерихсом. Он как-то весь сжался, похудел и смотрел в сторону пустым взглядом своих еще не так давно молодых и вечно полных жизни глаз. Не долго говорил я с ним, не находилось ни с той ни с другой стороны настоящих слов – слишком велика была пропасть с того дня в Омске, когда он передал мне, в трудную минуту, главнокомандование боевым фронтом, а сам уехал на восток. С того дня прошло всего три месяца, но по пережитому, казалось, пронеслись годы. Величайшие напряжения спасти положение, непрестанные бои, ряд предательств, катастрофа, тысячи верст Ледяного похода дикой сибирской тайги – у нас всех; постоянное воспоминание с том, что бросил армию в трудную минуту, думы тяжкие и переживания в одиночестве, здесь в тылу, за Байкалом, у него и

несомненно муки совести с сознанием тяжести ответственности, которую снять может только жертва и подвиг, да исполненный до конца долг.

В Верхнеудинске стояла бригада японцев под командой генерал-майора Огаты. Во всем Забайкалье в ту пору одним из важнейших факторов являлись японцы. Их воинские части были ведь настоящей Императорской армией, такой, как наша в 1914 году. Организация и воинская дисциплина стояли так же высоко, как в обычное время; офицерский корпус и солдаты представляли отличный боевой материал, причем сила дивизии простиралась до 12–14 тысяч штыков и была достаточна для разгрома всех большевистских войск, если бы японцы решили выступить на помощь белым активно. Этого добивались от них давно и Директория, и Омское правительство, и теперь атаман Семенов; давно и напрасно, так как японцы, не говоря окончательно «нет», оттягивали время и в общем держались пассивно.

Необходимо – в целях справедливости и правды, а следовательно, и в интересах нашей Родины – сказать о том, что отношение японцев во всех случаях, кроме самого первого периода интервенции, значительно отличалось от всех остальных союзников. Только вначале, в 1918 году, японцы, и то не командование и не воинские части, а специальные миссии, стремились как можно больше и скорее набрать того, что плохо лежало; это были главным образом секретные карты и планы, делались съемки в районе Владивостокской крепости, занимались казармы в важных стратегических пунктах. Но уже с января 1919 года все это было совершенно устранено, отношения резко переменились в самую лучшую сторону. Поведение японского командования и войск стало вполне союзническим, даже рыцарственным. И они одни остались теперь в Сибири, чтобы помочь русским людям, русскому делу.

Положение их было не из легких. Как раз в те дни, в начале 1920 года, игроки мировой сцены начали перестраиваться. Слабое своей разрозненностью и расплывчатостью Белое движение отшатнуло Ллойд-Джорджа, Клемансо и К°, успев их напугать все-таки призраком возрождения сильной национальной России. Видимо, этот испуг и был одной из причин, почему они поспешили приложить преступную руку свою к предательству и погублению белых. Эти современные руководители мировой политики, только что проклинавшие большевиков, призывавшие «всех чистых русских людей к борьбе с этим врагом не только России, но всего человечества», начали говорить о невмешательстве в русские дела; Ллойд-Джордж шел дальше и уже нащупывал почву для переговоров с советским

правительством, с теми же большевиками. Под влиянием сложных и путаных причин «союзники» бросили белых и отошли от них, умыв руки.

Остались одни японцы. Они не отходили потому, что, во-первых, дух рыцарства, правила чести и верность слову живы и развиты в народе восходящего солнца значительно сильнее, чем в народах Европы, всех вместе и в каждом порознь; а во-вторых, – и это было немаловажно, – японцы опасались за Маньчжурию и Китай, где бурлили темные массы под влиянием большевистской агитации. Надо помнить, что Корея, провинция, присоединенная к империи лишь с 1911 года, представляет собой сильно взрывчатый, опасный очаг: покоренная, насильно подчиненная страна, лишенная своего национального правления, придавленная и имеющая потому много недовольных элементов.

Японские войска оставались на Дальнем Востоке и в Забайкалье, стремясь оказать нам самую полную поддержку. Но в этих своих стремлениях они наталкивались на французские и американские миссии, на своих друзей англичан. Императорскому японскому правительству приходилось сталкиваться не только с бездействием этих союзников русского народа, но и с открытым подчас противодействием; «союзники» выставляли Японии требование увести из Сибири войска и не помогать ни в коем случае колчаковцам, или, как теперь звали наши войска, «каппелевцам».

Стоявшая в Верхнеудинске бригада 5-й японской дивизии занимала казармы в самом городе. Командир бригады генерал Огата, человек недалекий и хитрый, с типичным раскосым лицом азиата, а не японца, с постоянной широкой улыбкой, выставил требования, чтобы наши части в городе не становились, указав на расширенную общесоюзническим советом нейтрализацию железной дороги. Долго спорили – мы не сдавались, Огата не хотел уступить, – наконец, пришли к соглашению: в город станут штабы с охраной, а части расположатся в военном городке в 8 верстах и в окрестных деревнях.

Там далеко было не спокойно. Красные партизаны, сорганизованные Иркутским штабом и главковерхом товарищем Калашниковым, совершали на деревни нападения, набеги, установили своеобразную блокаду, прекратив подвоз к городу крестьянами продовольствия и фуража. Приходилось снаряжать целые экспедиции, усиленные фуражировки.

Ежедневно много войск отвлекалось на службу охранения и разведки; отдых в Верхнеудинском районе получался очень куцый, а о регулярных занятиях нечего было и думать.

В самом городе охрана неслась японскими солдатами

исправно и неутомимо. Ходили патрули этих маленьких людей, так непривычных к морозам, завернутых в торчащий пушистый меховой воротник, в теплых шапках, в валеных сапогах. Трудно было объясняться им со случайными прохожими по ночам на улице, с нашими патрулями, вестовыми и с лицами командного состава. Пробовали установить общий пароль, пропуск и отзыв – ничего не вышло: слишком различен и труден для каждой стороны язык другой. Выйти из затруднения помогли чувства взаимной приязни. Наши скоро подметили, что японцы с особой симпатией относятся к нашей армии, к каппелевцам. Именем погибшего героя установился сам собою и пароль.

– Капель-капель? – спрашивал ночной японский патруль встречных офицеров и солдат.

– Каппелевцы! – раздавалось в ответ.

Приятной улыбкой скалились зубы маленького желтого солдата, и вместе с морозным паром вылетала какая-то фраза, сопровождавшаяся похлопыванием по рукаву или ласковым смехом. И расходились…

Было устроено несколько официальных обедов. Японцы дали первый в нашу честь, приветствовали – как переводчик с чисто восточной пышностью перевел речь генерала Огата – героев, сделавших небывалый в мире поход через ледяное море Сибири. Затем мы ответили японцам. Неприятно было только слышать, что в речах японских представителей звучала какая-то неверная, смущавшая нас нотка о нейтралитете союзников, об их общих обязанностях перед чехословаками. Эти нотки стали проходить через все их заверения о дружбе к национальной России, о необходимости борьбы с большевиками до полной победы над ними. Японцы, как люди очень компанейские, охотно пьют и любят выпить. К концу обеда обычно чувства шире, речи смелей, особенно у молодых офицеров. Эти определенно заявили о своей готовности драться с нами вместе, плечо к плечу. Только бригадир Огата, даже и под парами, не забывал своего основного мотива, а несколько раз так договорился даже до пространного и несвязного лепета о «демократии и демократичности».

Части 3-й армии, сведенные к этому времени, по моему представлению, в отдельный корпус, были в очень тяжелом положении; более половины личного состава болело тифом, причем многие перенесли обе формы: сыпной и возвратный. Все были измучены и страшно устали от последних месяцев зимней кампании, от многих тысяч верст похода; и физические силы, и, еще более, состояние духа требовали предоставления частям продолжительного отдыха; нужно было время, чтобы переформировать части, дивизии свести в полки, уничтожить

излишние штабы и учреждения, влить пополнения, вести регулярные занятия. Тогда через месяц-полтора можно было снова начать наступление на запад.

Главнокомандующий генерал-лейтенант атаман Семенов вполне оценивал эту необходимость. Через неделю им была прислана в Верхнеудинск монголо-бурятская дивизия на смену 3-го корпуса, которому было приказано двигаться походным порядком на Читу.

Несмотря на самое благожелательное отношение японского командования и их полное желание нам помочь, не могли предоставить для корпуса достаточного количества поездов. Из Верхнеудинска повезли только больных, раненых и Уфимскую дивизию, сведенную из бывшего Уфимского корпуса. Для остальных частей поезда были обещаны от Петровского Завода. Петровский Завод отстоит от Верхнеудинска верст на 140–150, на четыре перехода. Дорога предстояла крайне трудная, так как весь наш обоз, да и большинство пехоты двигались на санях. А этот район, к востоку от Верхнеудинска, отличался еще большим бесснежием; на десятки верст земля была совершенно обнажена или прикрыта слоем снега толщиною не более вершка.

Войска были распределены на три эшелона, одна группа двигалась за другой, чтобы таким путем всех обеспечить ночлегом. Местность здесь сильно пересеченная с оврагами и холмами, покрыта на три четверти густым девственным лесом; селения до крайности редки, расположены на 30–40 верст одно от другого, дорог очень мало. Впереди шли ижевцы и егеря, за ними Уральская дивизия, драгуны и волжане, в третьей группе казаки, оренбургские и енисейцы. Последние везли с собой своего маститого, смелого генерала Феофилова, который не избег общей участи и свалился в сыпном тифу.

Тяжелая дорога. Лошади, хоть и отдохнули в Верхнеудинске, с большим трудом тащат сани, скрипят, точно пробкой по стеклу, полозья, задевая землю, проходя по песку, цепляясь за камни. На подъемах из оврагов вечные заторы – приходится сани выносить на руках. Ночлеги в забайкальских деревнях с старосельческим населением, из тех же «семейных». Так прозвались издавна эти, одни из первых поселенцев угрюмого Забайкалья, староверы Петровской эпохи, которых выселяли сюда с их семьями. Истовые русские крестьяне, чуждые и враждебные не только непонятной им революции, но и всему, что пошло за ней. Повсюду чувствовалось здесь, а иногда открыто высказывалась одна общая основная мысль, причина этой враждебности: «Зачем отняли и погубили нашего Царя? Зачем разрушили нашу жизнь? Что вам еще надо?»

На этой почве разрасталось повстанческое движение, именно на этой почве контрреволюционности крестьянства. Большевики тонко использовали их, усилив свою агитацию и направив из Иркутска транспорты с оружием и патронами. Банды повстанцев группировались на юго-запад от Петровского Завода. Первой колонне было приказано атаковать их и уничтожить. Егеря и ижевцы повели бой, сильным натиском опрокинули красных и погнали их в горы. Но в этом бою был ранен в обе руки начальник первой колонны генерал-майор Молчанов[41].

Поэтому дело не удалось закончить – красных потрепали, отогнали, но не уничтожили.

Я со своим штабом шел с волжанами, в полупереходе сзади двигалась Уральская дивизия, на сутки позже шли казаки. Последний ночлег перед Петровским Заводом мы имели в большом бурятском ауле Коссоты. Среди пустынной всхолмленной местности, слегка запорошенной снегом, разбросано несколько сот мазанок и кибиток. Посередине высится капище-храм буддистов-бурят. Эти инородцы в массе своей настроены непримиримо к советской власти, к большевикам и всей социалистической братии. Немудрено, что здесь, среди зимовников бурят-буддистов, приходилось встречать повышенное и резко определенное контрреволюционное настроение.

* * *

С ночлега, из Коссот, волжане выступили рано утром, до рассвета. Мой штаб с конной Оренбургской сотней и квартирьерами 2-й колонны, общим числом не более 200 всадников, ожидал подхода головного отряда уральцев. Кони были поседланы, небольшой обоз запряжен. Около половины десятого утра летят верховые бурята, наши добровольные разведчики, и докладывают, что на Коссоты наступает банда красных, человек до тысячи. Вскоре прискакали с такими же донесениями из сторожевого охранения казаки.

Двинув вперед по дороге на Петровский Завод небольшой, в несколько саней, обоз, я приказал нашему маленькому отряду выходить из аула, чтобы затем с двух сторон атаковать красных и отбросить их на подходящих уральцев. Идем небольшой сомкнутой колонной, легкой спокойной рысью. Только вышли из последней улицы Коссот, как с ближайших холмов затрещали винтовки большевиков, заработал пулемет.

– Ваше Превосходительство, скорее, скорее, – кричит мне под ухом начальник штаба корпуса, полковник К.

– Не кричите, крики всегда вызывают волнение и беспорядок, – только успел я ему ответить, как сбоку послышались несколько испуганных голосов:

– Ваше Превосходительство, Ваша лошадь ранена!

Нагнувшись с седла, я увидал, что действительно из левого плеча Маруси била фонтаном темная, алая кровь. Любимая полукровка, делившая со мной поход от Уфы, напрягала усилия и еще выше выбрасывала в своем легком беге раненую стройную ногу. Виден был сбоку умный карий глаз лошади, смотревший напряженно и печально, но без малейшей тени испуга или страха. Прошло всего несколько мгновений. Вдруг Маруся рухнула на землю, придавив мне левую ногу, так что с трудом удалось мне ее вытащить. Вторая пуля в голову сразила моего верного боевого друга насмерть.

Лежа на земле, я видел, как весь небольшой отряд пронесся мимо меня; так что, когда мне удалось встать на ноги, я очутился один среди пустынного поля, одетый в неуклюжие меховые сибирские одежды; вот что было надето на мне: фуфайка, гимнастерка с погонами, шведская куртка, полушубок и меховая доха, а на ногах валенки. Красные, продолжая обстрел, двинулись вперед и приближались. Пришлось пережить несколько жутких минут, самых отвратительных.

Но вот из-за холмов, за которыми скрылся мой конвой, показались четыре всадника. Вскоре подъехали ко мне два офицера, полковник Семчевский и ротмистр Исаев, и два казака-оренбуржца. Подхватили меня и помогли выбраться. А вслед за ними смелый начальник партизанского отряда прапорщик Маландин лично подал из обоза мне тройку. Кошева подъехала, звеня колокольцами под дугой, сделала поворот и, забрав меня и одного раненого драгуна, плавно полетела обратно из-под самого носа красных; успели даже положить с собою мое седло, снятое казаком с убитой Маруси. Такие минуты способны вознаградить за многие дни, даже месяцы страданий и лишений. То самопожертвование, которое проявили господа офицеры и казаки, красота этого невидного, не показного, но большого подвига говорит лучше всяких слов о связи начальника с подчиненными, о той настоящей братской связи, которая некогда была присуща всей Российской армии.

Волжане, издали услышав перестрелку, повернули назад, на Коссоты, навстречу нам. И очень кстати, так как другая банда красных направилась по дороге к Петровскому Заводу, чтобы отрезать этот путь. Волжская кавалерийская бригада, предводимая лично своим бессменным начальником генералом Нечаевым, разбила большевиков; часть была уничтожена,

остальные убежали в леса. Красные, наступавшие на Коссоты, были прогнаны нашими силами. Часть всадников, спешившись под командой полковника Новицкого, повела на них наступление с фронта, а небольшой отряд пошел с фланга в конную атаку во главе с полковником Семчевским. Большевики бежали. Вскоре мы соединились с волжанами и уже к полудню без дальнейших помех достигли Петровского Завода.

Большой поселок, основанный еще в царствование Петра Великого, около каменноугольных копей и богатых залежей железной руды; несколько тысяч жителей – рабочие завода, торговцы, скотопромышленники, немного земледельцев. Сплошь почти все они те же «семейные», старообрядцы. В Петровском Заводе мы простояли несколько дней, ожидая, пока будут поданы составы, чтобы погрузить пехоту и штабы, которым был обещан переезд отсюда в Читу по железной дороге. Люди отдыхали, мылись в бане, приходили в себя от всего пережитого ужаса междоусобной войны.

Но не оставляло напряженное состояние, как не прекращались и слухи о новых опасностях. Наша разведка к этому времени была налажена уже хорошо и давала очень полные сведения. Было установлено, между прочим, совершенно точно, что чехи, которые все еще проходили эшелонами на восток, снабжали красные шайки оружием и патронами. В их поездах скрывались большевистские комиссары, и оттуда шло фактическое руководство военными действиями против замученной усталой Русской армии. На третий день нашего пребывания в Петровском Заводе на базаре несколько чешских солдат и офицеров продавали русские казенные вещи. А как раз перед тем мной был отдан приказ, запрещающий делать это нашим солдатам под страхом предания суду. Наш патруль, высланный от егерей на базар, отобрал у чехов казенные вещи. Те начали ругаться и грозить; тогда егеря выгнали чехов с базара плетьми.

Через несколько часов разведка доставила сведения, что в эту ночь чехи собираются выступить против нас с целью обезоружить отряды белых, стоявшие в Петровском Заводе. Были приняты меры, чтобы обезопасить себя. Выставили сторожевое охранение, сильные заставы, на станцию железной дороги отправили патрули. Старшему чешскому начальнику от моего штаба было послано требование, чтобы впредь ни один чех не смел приходить в поселок, во избежание недоразумений. В каждой части было приказано иметь всю ночь дежурные роты и сотни, в полной боевой готовности. Когда ночью я поверял части, то нашел, что все люди поголовно не спали. Все ждали, сжимая винтовки в

руках, выступления чехословаков. Настроение было самое бодрое, приподнятое и даже радостное.

«Эх, хорошо бы, если бы чехи выступили. Надо им помять бока. Довольно поизмывались они над Россией!» – так говорили наши офицеры, солдаты и казаки.

Чехи пробовали своими дозорами пробраться в Петровский Завод. Но, отогнанные нашими заставами, оставили эту затею.

На следующий день начали нам подавать поезда для отправки в Читу. Довольные, как дети, садились господа офицеры и стрелки в теплушки, лошадей грузили в открытые платформы-углярки; на весь корпус дали всего-навсего один вагон III класса. Но и за то мы говорили: спасибо от души. Ведь впервые за полтора месяца после Красноярска русские войска получили возможность воспользоваться своей собственной, русской железной дорогой.

Чехи пробовали и на этот раз протестовать, симулировали даже угрозу, но атаман Семенов с помощью дружественных японцев быстро привел этих шакалов Сибири в спокойное состояние, пригрозив, что если со стороны чехословаков последует хоть одно враждебное действие, то ни один из эшелонов не пройдет в полосу отчуждения. Чехи притихли. А наши войска двинулись дальше на восток по железной дороге. Не хватило составов только для конницы: 1-я кавалерийская дивизия и казаки пошли походом долиною реки Хилок. Насколько был тяжел этот бесснежный путь, можно судить по цифрам – только за пять дней их марша от Петровского Завода до Читы погибло около 30 процентов лошадей.

Железная дорога охранялась японцами. Но даже несмотря на это, было несколько попыток устроить крушение. В одном месте подорвали путь, портили стрелки, устроили взрыв небольшого моста как раз в момент прохода броневика «Забайкалец», который двигался непосредственно перед поездом моего штаба. Японские саперы быстро исправляли все повреждения; все их части представляли собой отличные организмы, не развращенные революцией, не испорченные демократизацией – так непохожие на остальных представителей наших бывших союзников. Дисциплиной они были проникнуты до того, что не было случая неотдания чести не только своим офицерам, но и нашим. Бросалась в глаза какая-то даже подчеркнутая ласковость к русским со стороны этих маленьких желтых людей. Они старались угодить каждому, от генерала до солдата, до каждого самого мелкого железнодорожного служащего. Особенно были велики их заботы о последних – им японцы даже доставляли продовольствие. Нередко можно было видеть одинокого японца,

простого солдата, который, попадая среди русских, принимался участливо разговаривать на плохом, ломаном русском языке и сейчас же вытаскивал папиросы, какие-нибудь лакомства, чтобы угостить белых хозяев-собеседников.

Пока мы шли, а затем и ехали до Читы, до новой столицы, приходилось слышать самые лучшие отзывы о новом главнокомандующем, атамане Семенове; среди части населения Забайкалья, даже у эсеров Верхнеудинска, самой ходячей фразой было: «Семенов-то сам хорош, – семеновщина невыносима». Это повторялось почти всеми и на все лады. Когда старались выяснить причины восстаний «семейных», этих крепких патриархальных староверов, обычно объяснения были те же: «Они воюют не против Семенова, а против семеновщины». Это был какой-то лозунг дня, подобный тем, которые с несчастного 1917 года туманили русские головы и бурлили массы. Нелепые ложные лозунги, заключавшие в себе полную бессмысленность. Так и здесь – атамана Семенова хвалили за его простоту, доступность, за силу духа, за искренность стремлений, твердость в борьбе, за чисто национальный русский курс, за его приемы и старание сделать все возможно лучше для широких масс народа, за справедливость, – и в то же время кляли семеновщину, то есть то самое, что только что нахваливали под другим названием.

В Читу наши части прибыли в конце февраля. Город, игравший все время Гражданской войны исключительное значение, бывший как бы второй столицей полусамостоятельного княжества, а теперь оставшийся единственным центром всего, что сохранилось от колоссальной русской национальной постройки на востоке. Все остальное было залито ядовитыми, смертельными волнами социалистической, интернациональной нечисти: или в виде кровавого жестокого большевизма, или, как переходная к нему ступень, безвольной, слюнявой эсеровщиной.

Чита производила впечатление полного порядка и большой энергичной работы. Внешнее впечатление было, что эта работа имеет все шансы на успех, что на этот раз, наученные горьким опытом больших разочарований и катастрофических неудач, русские люди нашли силы и умение пойти настоящим путем к победе за национальную самостоятельность, к возрождению жизни своей великой страны.

Человек, который стоял во главе и направлял работу и борьбу, был генерал-лейтенант, атаман Григорий Михайлович Семенов. Мне пришлось видеть его впервые теперь. Высокого роста, с большой головой, широкими, могучими плечами, одетый в русскую поддевку, с погонами, со знаком на них монгольской «суувастики», – форма монгольско-бурятской дивизии, – атаман

имел вид богатыря-самородка. Высокий гладкий лоб, из-под которого смотрят спокойные серые глаза, смотрят прямо, открыто и несколько испытующе, выражая большое внимание, постоянную и законченную свою мысль, храня в глубине волю, которой не сломать самым тяжелым испытаниям и неудачам. Размеренный, спокойный голос. Изредка освещается лицо улыбкой доброй, естественной и искренней. И во всей фигуре, и в лице, и в словах, речах и мыслях, во всей жизни и поступках – спокойствие, его главная черта. Редкая способность – оставаться самим собою при самых трудных обстоятельствах, при затруднениях и неожиданностях, которыми так богата стала русская жизнь за последние три года. После первой встречи у всех устанавливались с ним сразу ровные и доверчивые отношения, несмотря на то что более года – при работе на больших расстояниях – все время шли усилия со многих сторон, чтобы настроить всех против атамана Семенова. При дальнейшем знакомстве усилилось и подкрепилось первое впечатление, что это был человек с недюжинным, все охватывающим умом, с крепкой, совершенно не надломленной волей и с чисто эпическим спокойствием, которым было пропитано все его существо.

Атаман Семенов не старался казаться, а был действительно доступен всем и каждому. Несмотря на чрезвычайно занятое время, – так как вся масса государственных вопросов и организация дальнейшей борьбы падали на него, – он выслушивал каждого, кто имел до него дело; выслушивал и старался дать сейчас же, не откладывая, лучшее, наиболее правильное и справедливое решение. Депутации от крестьян, казаков, бурят, железнодорожников, приехавшая с фронта сестра милосердия или офицер, сельский священник, учитель, вдова солдата – все находили доступ к атаману. И уходили от него почти очарованные, ставшие его друзьями. Такое впечатление после первой встречи получали даже люди из враждебного ему лагеря, из так называемых демократов, или общественности; понятно, это бывало лишь тогда, когда попадались среди них люди честные. И еще более крепло и ширилось нелепое крылатое слово: «Семенов сам очень хорош, семеновщина невыносима».

Атамана Семенова не изменила революция; он был и остался русским человеком, преданным до конца Родине и любящим ее всем существом своим. Он был и остался убежденным монархистом, ибо атаман знал, что такое же убеждение, такую же веру исповедуют, в глубине своих душ, массы русского народа; он знал наверное, что вне возвращения на этот исторический путь невозможно ни возрождение России, ни самое существование ее

как великой, самостоятельной страны.

По приходе в Забайкалье наши войска были размещены по широким квартирам, 2-й корпус генерала Вержбицкого в Чите и ее окрестностях, 3-й корпус в ближайших деревнях. Начались усиленные занятия, реорганизация, принимались все меры к тому, чтобы добиться возможно большего числа бойцов, поднять боеспособность и через месяц повести наступление с целью очистить от большевистских банд всю восточную окраину России, от Тихого океана до Байкальского озера.

В то же время намечено было успокоение страны внутри: мерами устроения жизни, путем удовлетворения хотя бы примитивных, повседневных потребностей, так необходимых для рядового обывателя и для массы. Структура зародыша государственности слагалась так: атаман Семенов, как главнокомандующий и глава правительства, имел несколько помощников – управляющих отделами: внутренних дел, финансов и торговли, путей сообщения и иностранной политики; затем ему же подчинялся командующий Дальневосточной армией генерал-майор Войцеховский. В армию входили три корпуса: 1-й, образованный из забайкальских войск, 2-й и 3-й – из остатков армии покойного адмирала Колчака, вышедших сюда через всю Сибирь.

* * *

Войцеховский сразу занял по отношению к атаману Семенову позицию осторожного, вечно наблюдающего и готового на разрыв, случайного сотрудника, подчеркивая это и стремясь отмежевать и отвоевать себе возможно больше самостоятельности. Так продолжалось все пять месяцев пребывания генерала Войцеховского в Чите на посту командующего армией. К сожалению, это сыграло свою печальную роль, в числе других причин, в ускорении конца Забайкальского периода.

Враги русского народа пустили в ход опять-таки тот же прием, который они с большим успехом применяли с самого начала революции. И снова русские попались на крючок, пошли на приманку. Всячески стремились внести раскол в армии. Упорной и подчеркнутой работой укрепляли деление офицеров и солдат на два лагеря: семеновцы и каппелевцы. Первым говорили о нежелании каппелевцев воевать, о нежелании подчиниться атаману Семенову, о том, что каппелевцы ненадежны, что их командование собирается даже арестовать атамана; а армии, сделавшей Ледяной поход через Сибирь, твердили о том, что

семеновцы гораздо лучше всем снабжены и обеспечены, что в то время, как они, каппелевцы, шли с боями через Сибирь, семеновцы ничего не делали и т. д. Зарождалась глухая отчужденность, раздвоенность. Временами, особенно под влиянием алкоголя, вспыхивали ссоры и чуть ли не стычки. Большой работой офицеров и, главное, личным участием в ней атамана Семенова, который объезжал войска, близко подходил к ним и буквально очаровывал, удалось потушить эту рознь. Но не вполне. И через много, много месяцев она снова проступила наружу, как скрытая, не вполне вылеченная болезнь, и опять стала разъедать там русскую массу и мешать ее усилиям в смертном бою за нашу Родину, за ее жизнь и самостоятельность.

Все это не проходило незамеченным для иностранцев. Одни из них – те самые, которые подготовили и помогли разгрому адмирала Колчака, – потирали от удовольствия руки. Другие, наши друзья в тот период, японцы, искренно огорчались.

На потомков самураев произвела глубокое и сильное впечатление наша Гражданская война. Вникая во все ее подробности и в самую сущность, зная хорошо истинное положение вещей, японцы стали пылкими врагами большевиков. Все, начиная от генералов до маленького солдата – «мусимуси», желали искренно нашей полной победы над красным интернационалом. Это доказали они не раз делом, самым явным и страшным доказательством, сражаясь бок о бок с белыми войсками против коммунистов, и кровь самурая окрашивала не раз белые сибирские снега. Японское командование жадно, пытливо разглядывало условия нашей русской действительности, стараясь понять настроение масс, офицеров, солдат, стараясь уяснить себе, что такое подразумевается под словами «демократия» и «общественность». Особенно чутко относились они к начавшемуся делению на семеновцев и каппелевцев, искали разрешения новой загадки. Японское командование и офицерство прилагали все усилия, чтобы не дать расколу разгореться, чтобы помочь нам слить армию в один могучий, крепкий организм.

На одном обеде, который давали в честь прибывшего нового начальника военных сообщений, генерала Шибо, начальник 5-й японской дивизии генерал Судзуки произнес красивую речь о рыцарстве, установившейся дружбе двух армий, о будущем долгом общем пути двух народов-соседей; желал скорой победы над большевиками и социалистами, чтобы начать спокойно большую работу по возрождению великой страны. Судзуки закончил свою речь фразой: «И всегда тень императорского японского знамени будет рядом с тенью дружественного знамени великой Русской армии». Эта речь была знаменательна. Впервые

определенно заявлялось не только о поддержке, но и о совместных действиях. Скоро японские войска стали готовиться к выступлению на передовые позиции, чтобы помочь 1-му корпусу и дать время двум другим корпусам отдохнуть и привести себя в порядок.

Жизнь в Чите в то время била ключом. Все работали для общей цели – усилить армию, быть к весне готовыми к решительному наступлению, наладить в то же время порядок внутри области. Войсковые части пополнялись, снабжались, одевались, целыми днями вели занятия, чтобы выветрить дух партизанщины, невольно прививщийся за месяцы длинного похода. Работа кипела вовсю. И впереди, казалось, крепла надежда не только на возможность продолжения борьбы, но и на успех ее.

Самым жизненным и настоятельным в те дни было решение вопроса в Приморье, в частности во Владивостоке. Положение в этом городе было до сих пор в переходном состоянии; единственными войсками, охранявшими порядок, оказались там японские части. На них же опиралось и так называемое местное правительство, образовавшееся после всех описанных перипетий; в него вошло несколько безличных господ из партий эсеров и кадет да местные земцы. Большевики и примыкавшие к ним активные эсеры спрятались снова в подполье, откуда и направляли довольно свободно свою деятельность по организации своих шаек в окрестностях Владивостока, стремясь поднять пожар восстаний среди сельского населения. Из Москвы им была поставлена цель – сформировать Красную армию, которой и обрушиться на Забайкалье с востока, чтобы совместно с Советской армией от Иркутска задавить последнюю искру Русской Государственности. Надо отдать справедливость, что работа социалистов под руководством большевиков шла и на этот раз энергично, без потери времени.

Нам было чрезвычайно важно укрепить свою позицию во Владивостоке, сосредоточить там отборные войска, хотя бы в небольшом сначала числе, сформировать аппарат власти и образовать прочную базу. В этом отношении велась подготовка и шли переговоры атамана Семенова с японцами. Но опять-таки и здесь сказывалась ненормальность во взаимоотношениях начальников, Семенова и Войцеховского; сильно мешало заигрывание последнего с левыми элементами.

В этом отношении дошло до того, что Войцеховский разрешил генералу Пепеляеву вновь формировать дивизию. Пепеляев, робкий вначале от сознания своей огромной вины, смелел день ото дня; окруженный своими сторонниками из числа

революционных офицеров и партийных дельцов, он начал выступать уже открыто; печатались аршинные афиши, призывавшие каждого «честного сына Родины вступать в партизанскую дивизию имени народного героя генерала Пепеляева».

Прошел февраль. В середине марта наступили первые теплые дни, стало чувствоваться приближение весны. Войска вели усиленные занятия; целыми днями шла работа в поле, улицы города с утра были полны стройными колоннами войск, на полигонах раздавалась учебная стрельба.

В это время прибыл в Читу, совершенно неожиданно для всех, атаман сибирских казаков генерал-лейтенант П.П. Иванов-Ринов. Под Красноярском в день нашей катастрофы он отбился от колонны штаба генерала Каппеля и очутился отрезанным от своих. Трое суток провел атаман сибиряков в лесу, ночуя в заброшенном шалаше, в стороне от дороги. Затем, истощенный от голода, он пробрался в Красноярск, где и прожил, скрываясь, около двух месяцев, иногда попадая в самую гущу красноармейщины и советских деятелей. Присутствие духа выручало всегда генерала Иванова-Ринова. Нашлись у него и благожелатели, с помощью которых удалось достать паспорт на имя «гражданина Армянской республики»; благодаря этому он пробрался через Иркутск в Забайкалье не узнанным.

Генерал Иванов-Ринов привез самые полные, свежие сведения о состоянии Средней Сибири, попавшей теперь под власть Советов. Общее недовольство наступило уж через неделю после прихода Красной армии, а вслед за нею и Чрезвычаек. В резкую оппозицию большевикам стали все слои населения, даже рабочие заводов и железнодорожных мастерских; особенно сильно проявлялось недовольство новой властью у крестьян. Полки Щетинкина заставили его выступить с оружием в руках против комиссаров. Повсеместно вспыхивали восстания, которые не принимали больших размеров из-за всеобщей усталости, зимних холодов, а главное, потому, что не было вождей, да и все наиболее активные элементы ушли на восток или погибли.

Чрезвычайки проявляли страшную, неслыханную жестокость. Так, на словах была отменена смертная казнь, как милость победителей; но чтобы уничтожить захваченных в плен белогвардейцев, эти десятки тысяч офицеров, солдат и казаков, их сосредоточили в казармах, в особенных городках, около Томска и Красноярска, в невозможных, страшных условиях жизни, без воды, пищи и топлива, совершенно вне санитарных условий, без медицинской помощи. И смерть от тифа буквально косила там русских людей; ежедневно умирало по нескольку сот.

Мертвых не убирали, оставляя лежать вместе с живыми. Томск и Новониколаевск приобрели жуткое название «черных городов».

В городах с приходом большевиков исчезли все продукты, жизнь непомерно вздорожала. Комиссары стали тогда организовывать сбор продовольствия по деревням, посылая реквизиционные отряды, что окончательно озлобило крестьян. В то же время новые властители Сибири ничего не предпринимали для устроения жизни, для удовлетворения самых примитивных нужд населения; и не могли ничего сделать, и не хотели. Гордые своими победами над белыми, комиссары заговорили новым языком теперь даже с рабочими. Особоуполномоченный комиссар из Москвы, «товарищ» Смирнов, проехал в специальном поезде по всей Сибири до Иркутска, вводя повсюду 14-часовой рабочий день и грозя всем ослушникам расплатой, такой же суровой, как «с контрреволюционерами».

Большевики провели недели через три после завоевания Сибири аннулирование колчаковских денег, причем сделано это было самым беззастенчивым образом: служащим и рабочим выдали буквально накануне жалованье вперед этими самыми сибирскими (колчаковскими) знаками; затем аннулирование денег вводили по районам, и комиссары переезжали из одного города в другой, ведя на этом многомиллионную спекуляцию. Сибирь, начав испытывать большевизм, сразу почувствовала его смертельные объятия и начала повсеместно готовиться к свержению его. Эти сведения подтверждались многими офицерами и казаками, пробивавшимися почти каждый день из советской Сибири на восток. То же самое говорили и польские офицеры, вырвавшиеся в небольшом числе из большевистского плена. Ясно было, что при надлежащей работе в Приморье и в Забайкалье можно было летом получить мощную поддержку в массах Средней Сибири, при движении туда нашей армии. Но к сожалению, у нас-то самих мало было надежды наладить дело.

Крен влево, взятый штабом генерала Войцеховского, заигрывание с эсерами, непонятная дружба, после всего происшедшего, с чехословацкими войсками. Пепеляев продолжал взращивать свою дивизию махрово-эсеровского толка; несмотря на определенное несочувствие этому предприятию главнокомандующего атамана Семенова, вопреки самому настойчивому недовольству со стороны остальной армии, генерал Войцеховский взял его под свое непосредственное покровительство. Когда же вдобавок ко всему было проявлено желание поставить Пепеляевскую партизанскую дивизию снова в тылу наших корпусов, я окончательно решил уйти. Мне был дан отпуск за границу.

Тогда я собрал ближайших мне подчиненных начальников и объяснил им, как смотрю на создавшееся положение, на лежащий перед нами путь, что разрешение нашей задачи вижу в одном: идти в Россию с Царским знаменем, поднятым прямо и открыто. Для этого необходимо было предпринять ряд шагов в Европе. На этом заседании присутствовали шесть подчиненных мне старших офицеров, начальников крупных частей 3-го корпуса. Все они согласились с моей точкой зрения, высказали убеждение в необходимости такой подготовки в Европе, а далее и работы в самой России. Тяжело было уезжать и расставаться с теми офицерами, солдатами и казаками, с которыми вместе проделал всю кампанию, делил радость победы, горе поражения и труды Ледяного похода, которые стали близкими, как братья.

Перед отъездом из Читы я объезжал вверенные мне войска. Во всех частях были парады, служились молебны. Из многих разговоров с офицерами и солдатами приходилось убеждаться, что только открыто поднятый монархический флаг, с именем Законного Царя, вернет им потерянную веру в свои силы, в правду, в победу. Помногу и с полной откровенностью говорил я с атаманом Семеновым. Для меня выяснилось, что главнокомандующий не считал возможным в те дни идти резкими, определенными путями к намеченной цели. То было еще сумеречное время, когда мрак, окутавший Русскую землю в чаду трехлетней революции, не прояснился. Только-только загоралась заря сознания, изредка вспыхивали зарницы-проблески национальной мысли и чувства. Ум масс был еще в состоянии того тяжелого и трудного раздумья, какое бывает после сильного русского похмелья или от оглушительного удара по голове. Руководители и вожди зачастую чувствовали себя неуверенно и даже отставали от масс в ощущении жизненной необходимости, в сознании жизненной исторической правды.

Особенно памятно из дней перед моим отъездом за границу и дорого для меня воспоминание о параде в Ижевской дивизии. Ижевцы и егеря выстроены стальным каре на площади большого сибирского села. Весенний ветер рвет полотнища знамен и хоругвей, когда под живой трезвон выходит из церкви крестный ход. Высокое мартовское солнце заливает ярким светом всю площадь и горит бликами на золотых ризах священников. Служится напутственный молебен. Затем священник произносит короткую проповедь о нашей борьбе за Родину и Веру, о нашем долге победить и освободить русский народ от иноземных захватчиков власти. Старые ижевцы выносят икону Нерукотворного Спаса, которой священник благословляет меня. Парад. Стройными рядами проходят полки ижевцев и егерей.

Серьезные обветренные лица, молодцеватая выправка, прямой открытый взгляд русских витязей. После Ледяного похода все отдохнули, приоделись, подправились.

Затем обед в сельской школе, временном офицерском собрании. Много теплых заздравных речей. И первый тост за Святую Русь, за нашу Родину, которая будет жить, будет снова Великой и свободной! Этот тост был покрыт могучими радостными аккордами бессмертного русского гимна. У многих на глазах слезы; ценные мужские слезы воина текут по огрубелым лицам. А кругом школы гудит толпа егерей и ижевцев, гудит довольная, близкая, гудит не поганым революционным бессмысленным гамом, а близким, братским единением, какое было всегда между русскими господами офицерами и их солдатами. Среди последних многие, слыша гимн, крестятся. И раздается в толпе часто общая всем мысль: «Господи, неужто по-настоящему придет теперь освобождение!»…

П. Петров [42]
Зима 1919–1920 г. [43]

От Омска до Тайги

Дивизия[44] после Омска отходила южнее железной дороги, по Барабинской степи; сначала она входила в 3-ю армию, а в районе Оби перешла во 2-ю. Пространство от Иртыша до Оби – обширная равнина с перелесками, лесами, богатыми большими селами сибирских старожилов и бедными – новоселов.

Зима сковала поверхность; снег до Оби был неглубокий – можно было двигаться без дорог. Все впрягли лошадей в сани, дровни, переходы в 30–40 верст были пустяком. На наших 10-верстных картах почти нет деревень там, где на самом деле громадные села. На каждом ночлеге мы восполняли карты расспросами, а иногда высылали по пути офицеров для рекогносцировок. При отходах-переездах обыкновенно оставляли один полк или два слабых в арьергарде, а остальные отдыхали в полупереходе. Только там, где предполагали задерживать противника, собирались все части. Впрочем, таких случаев было немного, так как наши северные соседи, двигавшиеся вдоль линии железной дороги, двигались безостановочно.

Не знаем, какие планы были у командования наверху перед Омском. Было ли намерение удерживать Омск или сразу отводить войска в другой район – об этом имелись различные сведения. Судя по тому, что 1-я армия перевозилась в район Томска – Тайги, в начале ноября оборонять Омск не предполагалось и, видимо, намечался другой район для сосредоточения; очевидно, предполагалось только задерживать красных и выигрывать время. С назначением генерала Сахарова главнокомандующим фронтом слышали, что 1-ю армию хотели вернуть к Омску, но почему-то эта мысль была оставлена. Судьба Омска едва изменилась бы от присутствия частей 1-й армии в районе Омска. Плохо только то, что в тыл были отправлены части 1-й армии, уже разлагавшиеся. Надо было отправлять крепкие части, с определенной физиономией, притом непременно в такие пункты, как Красноярск, Иркутск.

После оставления Омска новое командование, естественно, должно было решать, что делать дальше. Обстановка была сложная и чрезвычайно неблагоприятная, угнетающая, почти безвыходная. Армия отходит; она еще не одета по-зимнему и

добывает одежду сама по дороге. Села на сани и, вопреки всяким приказаниям о задержке красных на таких-то и таких-то линиях, уходит на переход в день, стараясь оторваться от красных и ежедневных столкновений с ними. Подорван дух, нет надежды на успех, а потому нет желания жертвовать собой. Отходит идея борьбы, появились признаки желания уйти от борьбы куда угодно, только не к большевикам. Нет веры в соседей; всякая требовательность командного состава относительно стойкости, встреч красных считается как непонимание обстановки и чуть ли не желание отличиться. И действительно, когда мы решали дать сдачи красным, часто сами попадали в тяжелые положения. Красные отставали от нас, но мы начинали испытывать неприятности со стороны соседей.

Наконец, наши санитарные средства все слабели и слабели – нам трудно стало везти своих больных и раненых. А это отзывалось на исполнении боевых распоряжений. Раз нельзя обеспечить эвакуации раненых, как требовать упорных боев? Единственно отрадное у нас – держатся друг друга, а за командным составом даже наблюдают – не остался бы кто. Это стремление уйти подальше в тыл, не проявляя упорства, было, кажется, во всех частях, и нужно было много усилий, чтобы регулировать движение, не подводя соседей и сохраняя по возможности силы людей.

Боевой состав частей небольшой; много людей и повозок в обозах; там есть и семьи, которые уже не верят в эшелоны и пр. Попытки уменьшить обозы на марше дают мало – нужна для этого большая остановка. Да, впрочем, сопротивление красным в этот период и не зависит от числа штыков и сабель – все дело в духе.

Красные после Омска сначала преследовали слабо; потом, через несколько дней, нажим усилился и определились преследующие части. Местами они маневрировали на санях, и довольно удачно – мы попадали в рискованные положения. На железной дороге почти сплошная лента поездов с запасами, больными, беженцами, учреждениями и пр.

После Омска движение по железной дороге потеряло всякий порядок. Кто был сильнее, тот и брал паровозы. Чешские эшелоны, польские, союзных миссий шли во главе, не считались с распоряжениями русских властей. Командование всячески старалось вывести эшелоны и для этого требовало от войск стойкости, но это было безнадежным уже с первых дней отхода.

В тылу налицо признаки обычных при катастрофах брожений: обвинения, проекты спасения, наконец, признаки активности враждебных сил – эсеров и большевиков. В глубоком тылу внутренние фронты (Тасеево, Тайшет), в ближайшем – шайки

Щетинкина, Рогова. Последний в районе озера Чаны. При проходе войск они удалялись вглубь, но иногда «щипали» обозы и мелкие группы.

Население молчит, не показывая определенных симпатий, но местами уже готовы комитеты. Правда, мы добивались доставки продовольствия, мяса, фуража, но нельзя сказать, чтобы это делалось охотно; чувствовалась какая-то стена недоверия. К сведениям о советских порядках, о налогах и пр. относились как-то недоверчиво, как к измышлениям. А почти в каждой сибирской избе оставались портреты Царской семьи и Иоанна Кронштадтского. И пожалуй, правы были те, кто передавал, что Щетинкин объявил лозунгом движения: «За Советы и Царя». Во всяком случае, сочувствия не было видно; мы видели его позже, за Красноярском, хотя там населению наш проход обходился гораздо дороже. Наши солдаты иногда говорили: «Если бы знали, что здесь так относятся, ушли бы с фронта раньше».

При этой обстановке новый главнокомандующий решил сосредоточить армию в районе Томска, Ново-Николаевска и несколько южнее с целью организовать переход в наступление из этого района. 1-я армия должна была сосредоточиться в районе Томска, 2-я армия – в районе Ново-Николаевска и 3-я армия – южнее Ново-Николаевска.

Решение как будто и правильное, но оно покоилось на обстановке, толкуемой решающими в лучшую сторону, на недостаточном понимании происходящих событий, характера отхода, морального состояния частей, наконец, на неправильном учете времени. Если бы даже 1-я армия и не устроила предательства по отношению к своим недавним соратникам, а оказалась в одинаковом с другими моральном состоянии, и то, нам думалось, успеха от наступления ожидать было нельзя. Можно было, может, добиться только некоторой остановки и попытки наступления. Для настоящего порыва вперед не было никаких импульсов. Можно было применить в требовании наступления самые крайние меры, но без духа живого, без веры в большой успех, трудно было толкнуть вперед отходящую массу, инстинктом понимающую обстановку. Уже выше упоминалось, как отходили части: расчет сосредоточения, построенный на том, что отходы будут по 10–15 верст в день и что можно будет оттянуть и переорганизовать резервы, был ошибочным. На самом деле группы, оттягиваемые в резерв, не могли выиграть даже перехода между собой и передовыми частями.

Главнокомандующий со всей своей энергией начал наводить порядок в тылу; расформировывались тыловые учреждения, ставка, высылались на фронт офицеры. Увы, многие не могли

даже найти своих новых штабов и частей, так быстро менялось все. Посыпались строжайшие приказы, предъявлялись суровые требования, но все это в существовавшей обстановке было не более как свирепое размахивание картонным мечом. Эшелоны на пути начинали попадаться красным, и они усилили охоту за ними.

Армия быстро катилась назад. В районе станции Татарская я виделся с генералом Каппелем. Он передавал мне о планах на будущее и говорил о необходимости сократить дневные отходы назад. Вместе с ним от станции Тибисская мы доехали до штаба Уфимской группы[45]. И здесь он настаивал на стойкости. Из разговоров дорогой я вынес впечатление, что и генерал Каппель толкует обстановку оптимистично, закрывая глаза на то, что отступление совершается после двух неудачных попыток организовать большое наступление, причем оно происходит в условиях гражданской войны, когда всякие тыловые осложнения и перевороты неизбежны.

Если мы не верили в возможность наступления из района Ново-Николаевска, то на что же мы надеялись? Была действительно слабая надежда на то, что 1-я Сибирская армия запрет красным проход через Тайгу, а все остальное будет отведено в более глубокий тыл, к Иркутску, где за зиму оправится. Ведь между весенним и осенним наступлением было целое лето для подготовки; как же можно было рассчитывать на успех под Ново-Николаевском, в неизмеримо трудной обстановке, когда подготовиться надо было в две-три недели.

Мы приближались к Оби; начал уже меняться характер местности – она стала более закрытой и пересеченной. Снегу больше, и вне дорог двигаться уже трудно. Стараемся добросовестно выполнить приказы и раза два попадаем в опасное положение. Движение вдоль железной дороги принимает чересчур поспешный характер – наш фланг часто под угрозой удара с севера. Если так пойдет дальше, красные могут вступить в Ново-Николаевск раньше, чем мы перейдем за реку Обь.

По приказу командующего 2-й армией Уфимская группа организует маневр для улучшения положения в районе железной дороги. Части, двигавшиеся в районе железной дороги, должны перейти в короткое наступление в районе ст. Чулымская, а мы ударим с юга. Теряем целый день на сосредоточение вместе с оренбургскими казаками и в конце концов выясняем, что в районе железной дороги продолжается спешный отход. Нас выводят в резерв группы, собираемся отдохнуть, но красные, благодаря спешному отходу в районе железной дороги, получили возможность давить на наши тылы. В деревне Поваренково было

нападение даже на штаб группы и на групповой резерв. Мы избежали крупных неприятностей только благодаря бдительности.

14 декабря мы перешли в село Бердское на Оби. Большое село, вроде уездного города. Наша левая колонна должна быть еще на западном берегу Оби. Узнаем, что в Ново-Николаевске была какая-то попытка ареста генерала Войцеховского гарнизоном из состава 1-й армии, что помешали поляки. Ползут какие-то слухи о выступлении братьев Пепеляевых против генерала Сахарова. Получаем донесение, что 13 декабря красные были у Ново-Николаевска и утром могли быть уже в городе. На донесение об этом в штаб группы получаем внушение, что это ложные слухи. Вечером события показывают, что мы были правы. Пользуясь тем, что в Бердском была телеграфная станция 3-й армии, переговорил со штабом, бывшим южнее Бердского. Узнал о расположении частей и ориентировал в обстановке у нас. С Ново-Николаевском связаться не удалось – это наводило на размышления о справедливости слухов.

14 декабря в Бердском я решил выехать в штаб 3-й армии, куда меня вызвал с неделю назад генерал Каппель для получения нового назначения. Передал командование дивизией и решил на следующее утро быть в штабе группы, а затем уже выехать дальше.

К вечеру штаб перемещался, кажется, в деревню Еленевскую. Севернее по Оби должна быть наша левая колонна. В сумерках штаб во главе колонны выехал в деревню и не был встречен, как обычно, квартирьерами. Деревня длинная, поехали дальше и… в середине деревни столкнулись с входящим с другой стороны Курским советским полком. Я, новый начальник дивизии, начальник штаба и несколько человек вышли из саней, но не успели предупредить людей и распорядиться, как началась перепалка. И та, и другая сторона бросились куда попало, а мы, вылезшие из саней, остались в одиночестве. Сошли в какой-то овраг, решили выбираться.

Выбирались, увы, до рассвета, проплутав около деревни, по глубокому снегу в лесу, около 12 часов. Только благодаря очистившемуся небу и звездам мы, наконец, ориентировались и к рассвету вышли на мельницу, в 3 верстах от деревни, на той дороге, где накануне прошла наша левая колонна. Оказывается, она, узнав о взятии красными Ново-Николаевска и движении их по правому берегу Оби на юг, отошла. Донесение где-то запоздало. Хорошо, что красные не успели еще занять эту мельницу. Эта ночь заставила меня отложить отъезд. В штабе группы решили, что мы попали в плен к красным.

Отход продолжался. Распоряжений об остановке на Оби и переходе в наступление не получалось – очевидно, верны те слухи, что ходят о каких-то непорядках в Томске, в 1-й армии, об уходе Сахарова. Достоверных сведений нет, и в дальнейшем на нашем пути сибирская тайга. Мы заняты обследованием дорог – расспрашиваем, собираем карты, – разговоров о планах больше нет.

Местность после реки Обь уже совсем не та, что западнее, – пересеченная; без дорог ехать уже нельзя. Глубокий снег, точно мы попали в другую полосу, более обильную осадками. Населенные пункты здесь пока еще большие, но на картах их почти нет – приходится каждый день пополнять сведения расспросами. До Оби мы не чувствовали никаких стеснений в размещении на ночлег; после Оби сразу все изменилось; во-первых, через Ново-Николаевск хлынуло большое число обозов, население эшелонов начало бросать вагоны и там, где была возможность, пересаживались в сани. Вся двигающаяся на восток лавина начинала жаться к железной дороге; по мере приближения к тайге теснота стала ощущаться все более и более; раньше мы без всяких затруднений заканчивали свое дневное движение в 5–6 часов, становясь на ночлег до темноты; теперь рано выступаем, двигаемся целый день, часто останавливаясь, и не всегда успеваем добраться к ночлегу до темноты. На ночлегах недоразумения, теснота отчаянная, иногда простаивание на улице часами.

До тайги все дивизионные обозы и учреждения еще в сравнительном порядке; перед тайгой все начинает расстраиваться. Артиллерия с большим трудом, но все же тащится; скоро артиллеристам придется похоронить свои пушки в снегах тайги.

Мы переходим реку Томь у Усть-Искитимского и углубляемся в тайгу, направляясь на Мариинск – до него не менее четырех переходов – по страшной глуши. Счастье еще, что переселенческое управление последние годы проложило несколько дорог-просек и кое-где по дороге появились жилые оазисы – группы из трех – пяти домов новоселов.

Начинала все сильнее и сильнее давать чувствовать себя сибирская зима. Нужно сказать, что в армии еще перед Омском перестали надеяться на получение какой-либо обуви и одежды; в Омске нам удалось достать немного валенок, но это было каплей в море. После Омска начинается добывание полушубков и валенок, саней, лошадей по деревням на пути. Сначала все это шло в рамках платных реквизиций, но что дальше, то больше начиналось своевольство. С одной стороны, платные реквизиции

не давали сразу заметных результатов, с другой, холода увеличивались и, наконец, стоило только начать прибегать к таким способам одеть людей, начинаются злоупотребления. Борьба с такими злоупотреблениями в этой обстановке ограничивалась только мерами против злостных случаев и мародеров. И это скоро стало слабеть, так как люди мерзли.

Два-три дня движения по тайге были тяжелыми. Еще далеко до рассвета начинается выступление – вытягивание из набитого до отказа поселка. Брань, окрики, много всяких недоразумений. Наконец, лента вытягивается. Дорога – не свернешь ни вправо ни влево. Даже разъехаться трудно. Случится какой-нибудь пустяк с одной подводой – все стоит. 18–20 верст проходится почти в сутки – поздно ночью добираемся до нового поселка. Хлеба не достать, пекут по очереди на сковородке лепешки из тут же разведенного теста. Зато сколько было радости, когда тайга начала редеть и появились первые признаки, что ее прошли благополучно. Сравнительно благополучно, так как были и нападения: другая наша колонна поблизости к железной дороге была застигнута на ночлеге и не могла выбраться без больших потерь. Брошена часть обоза, артиллеристы не могли тащить дальше своих пушек.

От Тайги до Енисея

В двадцатых числах декабря мы выбрались к Мариинску, где стоял штаб 2-й армии генерала Войцеховского. Масса ошеломляющих новостей, увы, тяжелых, сулящих полное безнадежности будущее для армии и всех остатков Белого движения.

События в 1-й армии не ограничились выступлением Ивакина против Войцеховского в Ново-Николаевске. На станции Тайга братьями Пепеляевыми, при помощи своих частей, был арестован главнокомандующий генерал Сахаров, как чересчур «старорежимный» и будто бы ополчившийся против 1-й армии. От этого шага недалеко было до покушения на самого Верховного Правителя. Братья Пепеляевы не пристали открыто к восставшим в тылу, отрицали свое участие в выступлении полковника Ивакина, но, несомненно, колебались и не чуждались эсеровских настроений.

Скоро генерал Пепеляев на самом себе испытал развал своей армии. Вместо ожидаемого закрытия дороги для красных в тайге и у Томска, части 1-й армии выступили против былых своих соратников и чуть не арестовали генерала Пепеляева. Надежда на

1-ю армию, выведенную в тыл еще в первых числах ноября для того, чтобы, отдохнув, остановить дальнейшее наступление красных, разлетелась совершенно.

Скоро прибавилось еще предательство Красноярского гарнизона во главе с генералом Зиневичем, потребовавшим, чтобы отходящая армия подчинилась новой власти, какой-то «Земской», и сдала оружие. Мы тогда еще не знали, что делается в Иркутске, но, конечно, можно было предугадывать дальнейшее.

Вдоль железной дороги красные продолжали наседать, прибавилась угроза со стороны Томска. На железной дороге сплошная лента эшелонов. Уже много эшелонов не дошло до Тайги и попало к красным. Рассказывают потрясающие ужасы об этих эшелонах, особенно санитарных. Силою вещей принуждены обороняться и поляки, так как и их эшелоны не могут продвинуться. Чехи прошли за Красноярск, и там произошли возмутительные случаи с эшелонами Верховного Правителя: чехи отняли силой паровозы. 2-я армия выбралась из тайги, а о 3-й нет вовсе сведений. Она пробирается через тайгу где-то южными путями. Посылались разъезды, но безрезультатно.

Необходимо торопиться с движением к Красноярску, так как туда могли подойти советские части, а кроме того, были неопределенные сведения об отрядах Щетинкина, будто бы продвигавшихся к Красноярску. В то же время нужно было добиваться связи с 3-й армией и облегчить ей по возможности выход к железной дороге.

Вместо генерала Сахарова главнокомандующим был назначен генерал Каппель; Войцеховский категорически отказался, Каппель был вынужден согласиться. Командующим 3-й армией назначался я; приказ отдан чуть ли не 14 декабря, в день, когда я чуть не попал к красным в Еленевском, но не смогли передать его вовремя, и я узнал о нем дней через десять. Последние известия мне показались какой-то иронией. 3-я армия где-то, с ней нет связи; если выйдет благополучно, вольется в один поток отступающих. Какие там новые командующие армиями, когда нужен всего один, направляющий движение колонн к определенному месту, где можно отдохнуть, а может, отсидеться. Разве только для того, чтобы оставить прежнюю организацию?

Боевые действия – только для устранения препятствий с пути. Если бы была еще надежда, что в районе Иркутска благополучно и твердо, то можно бы мечтать о прикрытии Иркутска с запада, пользуясь каким-нибудь дефиле. Нужен один энергичный начальник для упорядочения движения и несколько колонных начальников. Кроме всего этого, я просто не считал себя способным вообще к такой роли. Я высказал генералу

Войцеховскому все это и затем в Ачинске генералу Каппелю. Он не настаивал на вступлении в командование, тем более что связи с 3-й армией все еще не было, несмотря на то что посылались кавалерийские части искать соприкосновения с ней.

В последних числах декабря я был в Ачинске у генерала Каппеля. За несколько дней до нашего подхода там на станции произошел взрыв, и эшелон главнокомандующего носил еще следы разрушений. На путях попадались следы человеческих жертв; рассказывались подробности. Генерал Каппель был озабочен отсутствием связи с 3-й армией и красноярским предательством. Генерал Зиневич все еще продолжал наивные разговоры о возможности ликвидировать Белое движение мирно, хорошо… подчинением новой власти, созывом «Земского Собора» и т. д.

При одном таком разговоре по телеграфу, кажется последнем, присутствовал и я. Из Красноярска говорил Зиневич, но, видимо, не один, так как чувствовалась разноголосица. Сначала шли уговоры о прекращении пролития крови, о подчинении новой народной власти, которая-де выговорила у советской власти гарантии, потом начинались угрозы непропуска, потом просьба о личном приезде Каппеля для переговоров. Ему говорили: предлагайте прямо сдаться советской власти – это будет понятно, а то лепечете какие-то наивности о промежуточной власти, демократической, о гарантиях и пр. В конце концов было заявлено, что предложения будут обсуждаться наличными старшими начальниками. Разногласий у нас по этому вопросу, конечно, не было; вопрос шел, конечно, о подчинении советской власти. Решено было торопиться к Красноярску, чтобы силой заставить пропустить отступающих.

Скоро стало известно, что в Красноярске произошел переворот – взял в руки власть Революционный совет, причем Зиневич был будто арестован. Перед нами был все тот же противник, но уже более определенный; правда, и он призывал к примирению или иначе – к подчинению.

В Ачинске я снова присоединился к 4-й Уфимской дивизии, которая шла вдоль железной дороги; по Сибирскому тракту шла другая колонна 2-й армии. О противнике в тылу как-то позабыли, хотя красные тоже торопились и надавливали на наш хвост. Внимание было впереди у Красноярска – что там? Одни ли «народоармейцы» или со Щетинкиным. Словом, после Ачинска наше отступление приобрело другой характер – превратилось в наступление.

Кажется, 4 января мы прошли Минино, куда прибыл и штаб 2-й армии. Дивизия к ночи стала на ночлег в деревне Бугач в 6–7

верстах от Красноярска. Рядом с нами ночевала 2-я Уфимская кавалерийская[46].

5-го решено захватить Красноярск; я получил приказание объединить действие частей, назначенных для захвата с запада, – 4-й Уфимской стрелковой и 2-й Уфимской кавалерийской; севернее нас с Сибирского тракта от деревни Заледеева должна оказать содействие колонна генерала Вержбицкого. Вечером начал собирать сведения о Красноярске и подступах к нему. Сведения разноречивые, однако кое-какое представление составилось, чтобы наметить действия на другой день. Получены непроверенные сведения, что 4-го числа в город вошли какие-то щетинкинские отряды.

Стали подсчитывать силы «дивизий». В стрелковой для наступления не больше двух батальонов да еще батальон ижевских пополнений. В кавалерийской 400–500 коней. Артиллерии нет. Настроение в общем такое, что вперед пойдут, задачи выполнять будут, но едва ли можно рассчитывать на закрепление за собой взятого, так как люди ночью нервничают. Могут просто проскочить, не закрепляясь. Однако наметили, что надо занять при успехе. Отдали распоряжения, послали с разъездом сообщение в колонну генерала Вержбицкого. Не получили ответа.

5 января на рассвете двинулись вперед конные части; приказано двигаться не задерживаясь до серьезной угрозы. Назначенные для атаки части в это время сосредоточиваются около разъезда Бугач в 3–4 верстах от Красноярска, подводы должны оставаться в тылу. Морозное утро, туманная мгла – сначала трудно разобраться. Надо торопиться, так как день короток. Сосредоточение выполняется, но около самого разъезда масса разных подвод – своих, чужих, каких-то неведомых обозов. Часть идет даже в Красноярск, видимо решив там остаться. Тратится время, чтобы прекратить хоть часть помех. Получается донесение, что передовые конные части вступили в переговоры с заставой красноярских войск, причем те запрашивают в городе указаний. Возможно будто, что пропустят без помехи. Вместо этого они приготовили пулеметы. Торопим развертывание частей; вдоль железной дороги и вправо – уфимские стрелки и ижевцы; левее уфимская кавалерийская.

Завязывается перестрелка. Наши части начинают продвигаться вперед по снегу. Откуда-то от города начинает бухать пушка, и разрывы ложатся у кавалеристов. Трудно сказать, чем бы кончился этот бой, наши продвигались не особенно уверенно, но все же продвигались; противник организовал какое-то обходное движение с юга, но у нас был резерв для

противодействия. Скверную роль сыграло движение из города польского бронепоезда. Заметили, что двигается небольшой поезд с флагом. Различают только красную часть флага. Подается назад часть действующих вдоль железной дороги, а затем правофланговые. Откуда-то начинают шлепать пули на разъезде – это увеличивает впечатление. Все отходит к саням. Начинать все снова и поздно, и бесполезно, так как люди намерзлись, нет уверенности в успехе. Большой ошибкой было утреннее промедление. Надо было развернуть все, что возможно, сразу в 3–4 верстах и двигаться без задержки; тогда бы, быть может, удалось сбить охранение и захватить город.

Вечером 5 января стоит вопрос, что делать дальше. Очевидно, что эшелоны через Красноярск не пройдут; сведения о подходе щетинкинских отрядов подтверждаются. Узнаем, что колонна генерала Вержбицкого простояла весь день в деревне Заледеева, а затем вечером прошла севернее Красноярска, не задаваясь помощью нам, а лишь открывая себе дорогу на восток. Из деревни Заледеева она могла надавить с севера на Красноярск, но штаб армии в это время не направил ее как следует или не проследил за выполнением приказа. Большевистская колонна, следовавшая по Сибирском тракту, по пятам за колонной генерала Вержбицкого, может быть к вечеру недалеко от нас и Красноярска; может завтра закрыть нам путь севернее Красноярска.

В наше распоряжение подходит 8-я Камская дивизия[47], но еще не подошла. От начальника дивизии получаю сведения, что утром может принять участие в бою не вся дивизия. Ночью вливается в деревню новый поток тыловых обозов и разных мелких частей. Приехал генерал Каппель; ознакомился с обстановкой. Началось беспорядочное обсуждение обстановки с присутствующими начальниками, как всегда бесполезное, так как в такие критические минуты нужно быстрое решение одного человека. В конце концов решено – утром 6 января возобновить атаку частями Уфимской группы и различными мелкими. Все расходятся. Получаю сведения, что красные подошли на Сибирском тракте верст на десять к деревне Дрокино, через которую идет дорога в обход Красноярска с севера. 8-я Камская дивизия не уверена, что ночью займет Дрокино, чтобы удержать ее утром.

Около полуночи написал донесение командующему 2-й армией, но не успел послать его, как генерал Войцеховский прибыл сам. Последний, ознакомившись с обстановкой, решил рано утром двинуть все части в обход Красноярска с севера, выдвинув для обеспечения прохода через Дрокино 8-ю Камскую

дивизию.

6 января мы рано утром направились на Дрокино; Красноярск рано утром, очевидно, ждал повторения наступления и молчал. К разъезду Бугач ночью подходили разведчики. Обычное выступление с недоразумениями с обозами – мешают вытянуться колонне. Подъехали к Дрокину; едем по речке между задворками и высотами по берегу реки. Миновали почти половину деревни, как завязалась перестрелка где-то близко. Свернули в деревню, там скоро стали свистать пули. Уфимские стрелки, разведчики 13-го полка, по распоряжению начальника дивизии быстро взобрались на кручу, чтобы висеть над деревней с востока, и открыли огонь по красным, подходящим с востока к деревне со стороны Сибирского тракта. Это заставило красных остановиться, а главное, помешало перерезать пути отхода.

Бой на окраине деревни вела 8-я дивизия; часть ее осталась, отстреливаясь, а часть проехала к Енисею, не останавливаясь; оказывается, она не успела выдвинуть часть для обеспечения отхода. 4-я Уфимская дивизия развернулась и начала наступать левее (западнее) деревни; красные спускались с высот верстах в двух; завязалась перестрелка. 2-я Уфимская кавалерийская дивизия, не ввязываясь в бой, свернула с дороги, направляясь к Енисею, и прошла через речку и горы. За нею свернули обозы и некоторые части, двигаясь напрямик. Я не видел, что творилось в тылу, но слышал, что, как только начался бой, многие повернули на Красноярск.

Бой не имел решительного характера, но все же он давал возможность пройти тем, кто не хотел сдаваться. Со стороны красных, наступавших к Красноярску, опасность была устранена, иначе было бы совсем скверно, так как из Красноярска навстречу подходившим советским регулярным войскам были выдвинуты отряды. Эти отряды не проявляли обычной активности, но обстреливали проходящих с разных пунктов.

Поздно вечером мы пришли в какую-то деревню верстах в пяти от Енисея. Лошади еле-еле вытащили; к счастью, огонь красных во время прохода был малодействителен. Пришли страшно подавленными, обеспокоенными участью ближних и друзей. Боялись, что уфимцы не смогут выйти из боя благополучно, что могут совсем не выйти. В 8-й Камской дивизии оплакивали тяжело раненного в бою командира полка, привезенного в эту деревню. Поздно ночью понемногу стало выясняться, кто вышел, кто остался. Каппель, Войцеховский и Бангерский[48]выехали, уфимцы выбрались – не знаем только, благополучно ли. Много людей попало в Красноярск; часть из них добровольно, решив, что дальше уходить некуда. В руки красных

попали большие обозы. В них много больных и раненых. Попали также эшелоны, не успевшие раньше пройти за Красноярск.

7 января (в день Рождества Христова по старому стилю) утром мы были в селе Чистоостровном на Енисее. Там нашли Войцеховского, узнали, что уфимские стрелки вчера вышли из боя благополучно. Есть сведения, что можно ожидать присоединения колонны 3-й армии, которая недалеко от Енисея. Обсуждался вопрос, как направить дальнейшее движение. Обстановка после вчерашнего дня и состояние людей таково, что какое-нибудь незначительное боевое столкновение может окончательно деморализовать массу, значит, приходится избегать боев.

После прохода севернее Красноярска колонны Вержбицкого красные выслали на север сторожевые отряды и стерегут дорогу от Есаульского, кажется единственную. Возможно, что ближайшие к Красноярску станции железной дороги заняты красными. Решено двинуть колонну вниз по Енисею с тем, чтобы выйти затем на железную дорогу по реке Кан целиной. Если же пройти по Кану окажется нельзя, податься на север вплоть до Ангары и двигаться по ней. Решение продиктовано, безусловно, впечатлениями вчерашних событий на массу. После стало ясно, что мы могли избежать движения по Кану, одного из самых трудных за весь отход. Мы могли пройти через Есаульское, направляясь примерно на ст. Клюквенная. Кажется, там и прошла какая-то небольшая колонна, накануне подошедшая к Есаульской.

Колонна направилась вниз по Енисею. Еще не решено окончательно, где свернуть на восток, по Кану или севернее. Собираются сведения о реке Кан – определенного мало: собираются карты, планы. Кто-то достал описание военного округа: в нем есть краткие сведения, что-то вроде «по разведкам офицеров генерального штаба р. Кан от устья до Канска 105 верст; на протяжении 90 верст от дер. Подпорожной нет жилищ, кроме нескольких охотничьих сторожек. Три порога, река замерзает в конце декабря». Не удается узнать, что представляют пороги; знают только ближайший к устью, который надо обходить, так как он во всю ширину реки.

С подходом к устью Кана сведения пополняются мало. Давно никто не ездил зимою по реке; раньше, говорят, ездили в какой-то завод, недалеко от Канска. Решено идти по Кану. Впереди должны идти уфимцы, затем камцы. От нашей колонны отделяются оренбургские казаки и небольшие пехотные части – не верят в возможность пройти по Кану. Они решили двигаться севернее.

Колонна эта проделала в эту зиму легендарный марш по Ангаре до устья Илима, по Илиму до Илимска, далее на Баргузин через Байкал и на Читу. В Читу она пришла в десятых числах

марта. В нескольких местах имела боевые столкновения, не избежала тех бед, что были в других колоннах, – тифозных заболеваний; к концу марта это был скорее транспорт с больными, чем войсковая колонна.

«Река Кан» не говорит ничего тем, кто не шел по ней или кто шел позднее по проложенной дороге. Зато она хорошо памятна уфимцам, камцам, тем, что шли в голове колонны. В деревне Подпорожной, откуда начиналось движение, оно не казалось трудным, опасались только, чтобы где-нибудь красные не преградили выхода.

Кажется, 9 января, после полудня, Уфимская дивизия, после отдыха в Подпорожной, начала движение по Кану; нужно было по лесной дороге, по просекам, обойти первый порог. Поднимаемся по лесной дороге в гору, а затем начинаем движение по целине какими-то просеками, прогалинами, с крутыми спусками. Люди прокладывают дорогу шаг за шагом вместе с проводниками; колонна через каждые несколько шагов останавливается. Уже в сумерках спустились на лед; широкая замерзшая река в обрывистых берегах. По берегу могучий лес, какого мы еще никогда не видали: ель, лиственница невиданной толщины уходят верхушками в небо; тайга непролазная. По такому гористо-лесному ущелью течет река – это коридор, по которому можно идти только на восток, не имея возможности свернуть ни вправо, ни влево.

Две-три версты двигаемся благополучно; трудно только прокладывающим дорогу. Но дальше… остановка и тревожные сведения – вода на льду. Что это? Лед ли опустился под тяжестью движения, или река не замерзла как следует – неизвестно и трудно уяснить, так как кругом уже ночь, морозная мгла; окружающее приняло фантастические очертания. Пешком по такой воде двигаться нельзя, хотя бы лед и выдерживал. Уже многие промочили обувь. Послали вперед конных разведывать, а пока ждали.

Несколько часов ожидания кажутся вечностью. На берегу, в охотничьей хижине, раскладывается костер – туда приехал генерал Кап-пель. Прислушивается к разговорам, которые вертятся: «вперед или назад». Чуть ли не собирается послать приказание Войцеховскому повернуть колонну, но надежда, что вода на льду случайная, ключевая, останавливает. Приходят сведения, что двигаться можно, вода поверхностная, нужно только больше растягиваться.

Движение возобновляется, но тревога за благополучный исход не оставляет; что скажут еще пороги, которых, по описанию, чуть ли не три. Ночь переходит в день почти

незаметно, мглистый, морозный день; мороз, к какому мы не привыкли, пронизывает сквозь кучу всяких одеяний. Сколько носов уже обмороженных. Целый короткий день двигаемся то по сухому льду, то с водой сверху, с остановками. На остановках кормят лошадей; разводят костры, размораживают краюхи хлеба, чтобы подкрепиться. Снова ночь. Что впереди, неизвестно. Проводники обещают, что скоро какой-то хутор, но его не видно. Подсчитываем, что в движении с остановками больше суток, прошли не менее 50 верст, значит, еще далеко.

На каждой остановке трагедия; сани во время движения по мокрым местам захватывают, загребают снег и обмерзают, становятся тяжелыми. Надо обрубать лед. Если же пришлось остановиться на мокром месте, то сани просто примерзают так, что лошади не могут их взять. Уже много окончательно выбившихся из сил лошадей; еле стоят или ложатся, чтобы больше не вставать. В воздухе крики, брань, разговоры. Примерзли сани на остановке и у меня. Пытаемся стронуть, впрягли лошадей из-под верха, не удается. Приходится бросать сани и садиться верхом. Проводники говорят, что до хутора не более 4 верст, обещаем кучеру прислать выручку к рассвету. Двигаемся верхом, у спутников начинается слуховая галлюцинация. Слышат где-то лай собак. Я твердо помню, что на переселенческой карте деревня Усть-Барга на левом берегу реки, а до нее должен быть хутор. Двигаемся не 4 версты, а около 10 – ничего. Валенки, намоченные около саней, замерзли, начинают чувствовать мороз ноги. Приходится слезать и бежать за лошадью, чтобы согреть ноги. В одном месте слышим стоны в санях – узнаем, что обморозил ноги и страшно продрог генерал Каппель.

Наконец, около полуночи добираемся до хутора и после короткой остановки – до желанной деревни. О красных нет никаких сведений, но и без красных много пострадавших, много обмороженных. Теплая изба, кусок хлеба и возможность лечь и заснуть в тепле, и мы испытывали незабываемое счастье, забывали об ужасных днях в лесном ущелье на реке. Наутро догнал нас и кучер и даже захватил часть вещей из саней.

Вся тяжесть перехода досталась на долю уфимцев и камцев. Мороз последнего дня сковал проделанную, разъезженную по реке дорогу, и следовавшие в хвосте части 3-й армии проехали по реке уже отлично.

После Красноярска и Кана дальнейшее движение шло без задержек. Были сведения, что нас задержит на реке Кан гарнизон Канска, затем повстанцы у Нижнеудинска, Тайшета и Зимы. Еще до подхода нашей колонны препятствие южнее Канска было

устранено другими частями; красные были побиты и ушли к Канску; остальное было впереди. После Кана – генерал Каппель болел и фактически распоряжался движением генерал Войцеховский.

Движение понемногу налаживалось; много недоразумений было из-за ночлегов. Когда на «дивизию» в густонаселенной местности сначала давалась большая деревня, дворов 40–50, считалось, что все страшно стеснены; когда же мы в движении сжались к железной дороге и проходили по малонаселенным местам, приходилось в 15–20 дворах располагаться двум «дивизиям». Споры о какой-нибудь избе бывали, но скоро как-то перестали считать стеснительным такое расположение.

Мы проходили сначала южнее железной дороги, затем пересекли ее, поднялись перед Нижнеудинском к северу и затем далее шли по Сибирскому тракту. Проходили большею частью по старым сибирским селам и деревням, и только местами попадались новые деревни. Несмотря на то что наше движение несло крестьянам много горя, мы часто встречали здесь хороший прием, а иногда прямо радушие. Движущаяся лавина, как саранча, поедала запасы, часто бесплатно; были случаи своеволия, раздевания богатых и бедных; брали сани, фураж, но со всем этим население как-то мирилось за редкими исключениями. Трагедии разыгрывались из-за лошадей – их жители прятали в заимки, угоняли в леса. Но те, кто терял свою лошадь или она выбилась из сил, находили спрятанное. Споры, жалобы, вмешательство старших начальников. И все же в конце концов лошадь отбивалась, так как если удавалось отбить ее у одного, то приходил другой нуждающийся и брал. Это одно из самых мрачных воспоминаний за время движения. Общее впечатление от продвижения по сибирским селам таково, что население было равнодушно к провалу Белого движения, равнодушно к разным воззваниям красных, но жалело нас как людей и как-то примирялось с теми несчастьями, что приносили проходящие.

Скоро начали разрастаться эпидемии тифов – сыпного, возвратного. И без того слабые части начали превращаться в санитарные транспорты. Мер предосторожности, конечно, никаких – во всех обозах тифозные. Двигавшаяся колонна – вереница саней, дровней, на большинстве два-три больных. Иногда везут мертвых, чтобы похоронить на ночлеге. У нас в штабе был случай, когда везли гроб с телом до следующего ночлега. Надо отметить, что крестьяне вовсе не боялись заразы, всегда помогали ухаживать за больными. То же самое было и в семьях рабочих, даже черемховских. Помню, в какой-то еврейской

семье близ Тулуна мы встретили самый радушный прием и уход за больными – хозяйка принесла даже свои подушки, белье. Больше опасались заразы в домах нашей служилой интеллигенции и всячески старались изолироваться.

28 января мы были в Тулуне: здесь узнали о смерти Каппеля от воспаления легких. Не вылечив еще как следует ног, уже ранее, видимо, простуженный, он где-то снова сел верхом и еще простудился. Покойный был не только начальником и старшим соратником, но и близким другом; недавно его видели бодрым, выздоравливающим – неожиданная смерть поразила нас, казалась бессмысленной, жестокой. Дальнейшее руководство колоннами взял Войцеховский, фактически в последнее время уже распоряжавшийся движением.

Неудача, постигшая красных, когда они пытались задержать нас южнее Канска, а затем у Нижнеудинска, заставила иркутское командование забеспокоиться. Оно, с одной стороны, распускало слухи о том, что «остатки колчаковцев» не представляют никакой силы, а с другой, решило на всякий случай готовиться к отходу на север. Для прикрытия же Иркутска с запада выслало какие-то части к Зиме. У Зимы отряд был побит и при неожиданном содействии чехов часть его обезоружена. Часть отряда бежала на север. В Иркутске поднялась тревога и, видимо по просьбе иркутских властей, чешский представитель начал переговоры с Войцеховским об условиях прохода армии через Иркутск.

На станции Зима я видел текст ответа Войцеховского, что посылался в Иркутск. В общем, выражалось согласие не трогать Иркутска при условии, если:

1) Верховный Правитель адмирал Колчак будет освобожден и передан под охрану иностранных военных частей;

2) выдачи части золотого запаса;

3) удовлетворения войск из иркутских складов одеждой, продовольствием и пр.

Переговоры ни к чему определенному не привели. Скоро стало известно, что чехи вообще настаивают на том, чтобы станция Иркутск и район около станции не были местом боевых действий, угрожая разоружением, если будет столкновение.

На 7 февраля мы ночевали в переходе от Иркутска; днем левая колонна 2-й армии вела бои с иркутскими красными севернее Сибирского тракта; решительных успехов не было. 7 февраля все наши «части» сосредоточились перед Иркутском; занята была станция Иннокен-тиевская с большими запасами военного имущества. Командование решало, что дальше делать – брать ли Иркутск силой или обходить. Известно было, что красные в городе не уверены в себе и обеспечивают отход на

север; на станции железной дороги эшелоны иностранных войск, которые заявляют нейтралитет и требуют под угрозой разоружения, чтобы боевые действия в районе станции не происходили.

Наши части к моменту подхода к Иркутску представляют сплошные транспорты тифозных. У нас в дивизии можно набрать 200–250 здоровых, за исключением тех, кто приставлен к больным как возчик. При неудаче может создаться чрезвычайно тяжелая обстановка для всей этой массы, так как других путей на восток, кроме проходящих через Иркутск, нет. Вечером узнали, что решено не задираться, а ночью обойти Иркутск с юга с тем, чтобы выйти восточнее на тракт, а затем продолжать движение к Байкалу и в Забайкалье. Мы должны выступить около 10 часов вечера.

Я не знаю сущности происходивших в тот день разговоров командного состава, но слышал, что генерал Сахаров порывался бросить свою колонну в бой, а Войцеховский не соглашался; он будто выговорил у чехов, что они не будут мешать проходу колонны сначала вдоль полотна железной дороги, а затем у самого Глазковского предместья и станции, так как другой дороги в обход Иркутска не было, а без дороги здесь движение невозможно. Мы должны были ночью быстро подойти к Глазкову и от него свернуть на Смоленское, а затем пройти на Марково, оттуда повернуть на север на Кузьмину или Ершово.

С вечера все были готовы к движению. Часов в десять началось движение вдоль железной дороги к Глазкову. Настроение нервное, особенно там, где дорога спускается под гору, и сани, дровни закатываются так, что опрокидываются; ломаются оглобли, рвутся завертки. Положение саней с больными ужасно, многие, потерявшие сознание, как-то заражаются общей нервностью и в полусознании начинают тревожиться. Подходим к Глазкову – полная тишина; что бы здесь было, если бы раздалось тявканье пулемета. Сворачиваем на юг и едем, едем довольно быстро всю ночь. Отдыхать нельзя, так как нужно до рассвета быть восточнее Иркутска. Часов в девять утра выходим на тракт – с высот виден город. Оттуда скоро доносятся пушечные выстрелы. Неизвестно по ком, по нам ли или по хвостам. В общем, все сошло благополучно. Только поздно вечером 8 февраля мы стали на ночлег в деревне Тальцы, двигаясь почти беспрерывно не меньше 18 часов. Лошади заморились страшно.

9 февраля днем мы были уже в селе Листвиничном на Байкале, 10-го в Голоустном, а 11-го в Мысовском, перейдя Байкал. Здесь были еще японцы. Наши солдаты с радостью передавали об этом. Началась отправка части больных в

санитарных поездах в Верхне-Удинск и Читу. После всех невзгод Мысовск нам показался обетованной землей; главное, не обманулись в надежде, что можно будет отдохнуть, а там, впереди, будь что будет. Разговоры о Семенове, о том, что он не поддерживал Колчака, как следует, а вел свою политику, что его части под Иркутском не выдержали экзамена, что вообще у него скверно и слабо – как-то смолкли.

Период движения от Омска до Байкала назвали затем Ледяным походом. Этот поход, в сущности, следует считать периодом ликвидации всего движения. Белое сопротивление сломлено на Тоболе; после Тобола попытки снова организовать сопротивление остаются на бумаге, так как вера в успех потеряна и начинается массовое движение на восток с единственной целью – уйти от войны. Пусть говорят, что уходили с целью начать движение снова; это неверно, об этом не думали. Психологически мы были сломлены, иначе не было бы и Красноярска. Думали другое: прежде всего уйти туда, где нет большевиков, где можно отдохнуть, получить передышку. Затем будет видно. Таилась надежда, что время работает на нас, что если белое оружие потерпело поражение в схватке с красным, то оно все же сыграло свою роль и, быть может, обстановка скоро переменится. И нужно признаться, что если бы в Забайкалье не было японцев, то вся масса была бы добита окончательно. Если бы оказалось, что Забайкалье до нашего прихода было оставлено японцами, остался бы единственный выход из враждебного района – это движение на Кяхту. Безвыходность положения толкнула бы и туда, но что бы стало с 10–15 тысячами одних тифозных в слабонаселенном районе.

В Забайкалье в 1920 году

Перед нашим прибытием в Забайкалье обстановка там была весьма тревожной и шаткой. Местная власть – атаман Семенов, недавно назначенный главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке, как известно, в отношении Омска держался ранее той линии, которая у нас получила название «постольку, поскольку». Еще в Уфе 1918 года, после Омского переворота, через наш телеграф велись переговоры атаманом Дутовым с ним относительно признания адмирала Колчака. Из этих переговоров было видно, что Семенов упирался. Позднее мы слушали, что трения между Омском и Читой не прекращались, а будучи уже в Чите, читали изданную при штабе брошюру, направленную против адмирала.

В декабре 1919 года обстановка в Иркутске (выступление против власти) заставила Верховного Правителя прибегнуть к содействию атамана Семенова; он был произведен в генерал-лейтенанты, назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке; ему, по-видимому, поставлено было задачей восстановление положения в тылу – в Иркутске. Восстановить положение, как известно, не удалось. В дальнейшем обстановка заставила Верховного Правителя (арест в Нижнеудинске) искать себе заместителя, и он 4 января 1920 года особым указом передал атаману Семенову всю полноту власти на российской восточной окраине, впредь до указаний генерала Деникина.

Какова же была обстановка на Дальнем Востоке, какие задачи встали перед атаманом Семеновым и что представляла собой фигура атамана. В Иркутске в середине января власть Политического центра скончалась, уступив, как везде, место Советскому Революционному Комитету. Хотя большевики и не пытались еще наступать в Забайкалье, но это обуславливалось лишь тем, что по линии железной дороги везде были иностранные войска. В разных частях края были «повстанческие» отряды, организованные большевиками и эсерами, вслед за переменой власти превратившиеся в большевистские. Такие отряды были в районе Верхнеудинска, Троицкосавска, Петровского Завода. В Восточном Забайкалье действовали партизанские отряды Якимова, Каратаева и др. Население Забайкалья, особенно восточной части, было взбаламучено разными отрядами и партизанами и в общем, с незначительными исключениями, было враждебно атаману.

На Амуре и в Приморье было не спокойно. В конце января во Владивостоке власть перешла в руки областной земской управы, полубольшевистской по содержанию, сдерживаемой в репрессиях присутствием иностранных войск. В полосе отчуждения К.-В. ж. д. власть атамана Семенова не признавали, и относились к нему отрицательно. Следом за двигающимися на восток «каппелевцами» двигались советские части.

Вооруженные силы атамана Семенова ни по количеству, ни по качеству не представляли собой надежной опоры. Неудачи под Иркутском, крушение фронта на Востоке отразились и на них в сильнейшей степени. Из этих сил Азиатская дивизия[49]барона Унгерна[50]представляла скорее угрозу для власти, чем опору, так как барон Унгерн в районе Даурии делал, что хотел. Таким образом, атаман Семенов принимал власть тогда, когда Чита и остатки армии были во враждебном кругу, а сам он не имел у себя твердой опоры. А ему нужно было: удержаться, помочь выйти

из тяжелого положения остаткам армии, дать им отдых, реорганизовать. Нужно было умиротворить сначала Забайкалье, а потом весь Дальний Восток. Нужно было объединить различные группы, а прежде всего военную силу, пришлую и местную.

Ясно, что при этой обстановке надежд на упрочение положения на Дальнем Востоке без посторонней помощи быть не могло. Всякие заявления о скором восстановлении противобольшевистского фронта собственными силами были просто словами. Сохранение положения в общем зависело от присутствия японцев и их отношений, так как американцы и чехи проходили и притом были определенно на стороне выступавших против Семенова. Уйди вместе с остальными японцы, и основная задача – сохранение положения – невыполнима, так как забайкальские части в это время были очень слабыми и малоспособными, а партизанские и большевистские силы многочисленны и довольно деятельны.

Наше прибытие сразу ничего дать не могло; да и в дальнейшем-то надо было считаться с психологией пришлых, прошедших всю Сибирь; психологически это были люди, державшиеся вместе для того, чтобы жить, оправиться и ждать благоприятной обстановки, а не закаленные бойцы при всякой обстановке, как старались их изобразить. Эти люди не хотели ни мириться с большевиками, ни воевать без веры в успех. Надо еще прибавить, что вся пришедшая масса шла на Забайкалье предубежденной против атамана Семенова, а главное, против его сподвижников и это предубеждение никто не старался рассеять, несмотря на заботы атамана Семенова о нас, начиная со вступления в Забайкалье. Как всегда при крушениях, масса склонна была видеть в атамане виновника многих бед, а особенно того, что население было против него, что он сам искусственно создал против себя партизанщину, закрывая глаза на безобразия, чинимые бароном Унгерном и разными отрядами и контрразведками.

В Верхнеудинске я слышал, что генерал Войцеховский собирал старших начальников, чтобы ознакомить с обстановкой и выяснить, как относиться к атаману. Это одно показывает, что атаман Семенов не пользовался доверием. Не знаю, что там говорилось, но слышал, что Войцеховский выехал в Читу с определенными намерениями выговорить для армии особые условия подчинения. Скоро мы получили сведения, что он будет командующим армией, а атаман Семенов оставляет за собой главное командование.

Войцеховский считал, что для пользы дела необходимо полное объединение с атаманом, но в то же время не считал

возможным полное подчинение, если атаман не пойдет навстречу пришедшим и не изменит радикально окружающую обстановку. Эти требования шли очень далеко – власть главнокомандующего над армией по существу должна быть фиктивной; всей организацией и управлением должен ведать только командующий армией; штаб главнокомандующего должен быть почти полностью упразднен; целый ряд сподвижников должен быть удален, так как эти люди были враждебны к пришедшим, как к помехе их личному благополучию. В общем, короче говоря, все забайкальское, местное должно быть поглощено пришедшими каппелевцами, как носителями общегосударственной идеи.

В этом было начало внутренней борьбы, которая не замедлила и велась затем вплоть до эвакуации Забайкалья и даже позже в Приморье, так как атаман не стал определенно и твердо на какую-нибудь одну точку зрения, а оставил во главе угла сохранение власти. Головокружительно быстро, без особых трудов, без военных знаний или талантов, вынесенный волной смуты наверх и призванный играть большую роль, он цепко ухватился за свое место, за свой титул.

Когда мы прибыли в Читу – во второй половине февраля, настроение там было совсем не твердое. Перед приходом, по рассказам, чуть не выехал даже атаман. Все, кто мог, выбирались в полосу отчуждения или Владивосток и таким образом уходили окончательно из армии. Остались те, кому деваться было некуда или кто решил быть вкупе до конца. Надежд на хорошее будущее не было, но, во-первых, прежде всего хотелось немного отдышаться, благо обстановка позволяла, а во-вторых, в глубине еще таилась надежда: время работает на нас, Сибирь испробует прелести большевизма и, быть может, мы вместе дождемся лучших времен. Когда же выяснилось, что японцы пока не уходят и на Пасхе они перед самой Читой дали сильный щелчок красным, настроение несколько окрепло – надежда на возможность отсидеться, устроиться, усилиться, окрепнуть увеличилась.

Первое время по прибытии в Читу большинство из нас просто отдыхало, не заглядывая вперед. Атаман шел как будто навстречу пришедшим и начал удаляться от своих прежних сотрудников; главным лицом в армии являлся Войцеховский. Не знаю, было ли известно атаману, что уже в Чите Войцеховский собирал снова начальников частей с тем, чтобы обсудить вместе, что делать дальше, чего держаться. К этому времени была выяснена обстановка в полосе отчуждения, неблагоприятная для атамана, а также выяснено положение во Владивостоке. Власть областной земской управы расценивалась раньше как терпимая, если она

окончательно отмежуется от советской России; теперь выяснено, что она не большевистская только в силу особых условий – присутствия японцев.

Между прочих был задан вопрос и об отношении к атаману. Большинство заявило, что атаман лично приемлем, а вот часть его помощников, а главное целую кучу безответственных лиц, надо переменить. Надо обезвредить барона Унгерна, являющегося сверхатаманом, несмотря на подчиненное положение. Обсуждался вопрос и о дальнейшей борьбе, при условии, что в Забайкалье стоят японцы. Признано, что в этот момент без них положения не удержать, что они нужны и что нужно действовать на фронте с ними сообща. Такое совещание, конечно, показывает на нездоровую обстановку. Пока атаман чувствовал себя шатко, он соглашался на главенство в военных делах Войцеховского, но как только обстановка несколько упрочилась и он сам разобрался в прибывших и увидел их слабые места, начались трения, начались несогласия, выявилась рознь.

Мелочи ежедневной жизни давали много пищи для всяких недоразумений. Войцеховский решил наводить порядок в армии, не считаясь с положением и принадлежностью к той или иной части нарушителей порядка; такие нарушители из забайкальских обитателей прятались за спину атамана и находили защиту; Войцеховский старался держать в своих руках все армейские вопросы, а помимо него шли к атаману, и тот разрешал их, нарушая единство управления и единообразие отношений.

Предполагалось, что в Чите будет один штаб, для чего командующий армией считался одновременно начальником штаба главнокомандующего. А все же оставался как бы другой штаб – помощника атамана по военной части. Атаман развил у себя такую систему назначений, наград и чинопроизводства, что окончательно развратил военнослужащих; всякий, кто хотел, мог добиться награждения. Войцеховский добился, что все должно идти через него, а все же были исключения.

Не знаю всех недоразумений, но в конце апреля Войцеховский ушел. Свой уход он объяснил тем, что, помимо его желания, обстановка сделала его как бы лидером оппозиции атаману, а спасение только в единении. Может быть, другому лицу удастся лучше сплотить воедино все забайкальские группировки. На его место прибыл генерал Лохвицкий[51], но положение не изменилось. Лохвицкий также не мог закрыть глаза на попустительство со стороны атамана Семенова, допускаемое им для своих близких приятелей. На этой почве скоро возникли недоразумения. Не мог он допустить особого положения для барона Унгерна и его частей, по которому те делали, что хотели.

Забайкальские части тоже были на каком-то ином положении, так как командиры их имели, по старой памяти, прямой доступ к атаману.

В результате менялись лица, а положение оставалось то же самое – внутренняя борьба, разлагавшая военную силу. Как всегда в таких случаях, обе группы все время имели своих определенных сторонников и сочувствующих. Между этими группами были еще промежуточные, которые то оставались в стороне, то склонялись в одну сторону, а то в другую. Обстановка чрезвычайно выгодная для появления разных советчиков, посредников, перелетчиков.

Атаман же не был той фигурой, которая смогла бы собрать всех воедино; не смог вообще подчинить всех, так и остался главнокомандующим «постольку, поскольку». Он, конечно, старался, пытался, но это были только разные попытки, а не серьезная работа по объединению. Нельзя же считать серьезной работой такие меры, как производства, денежные субсидии, банкеты и пр. Для того чтобы работа была серьезной, нужно было, чтобы все поверили в нее. Атаман должен стать на строго законный путь и не отступать от него ни для друзей, ни для забайкальцев, должен переродиться. Это было свыше его сил, тем более что прежние друзья, конечно, всегда могли уверить его, что все идет к умалению его власти, а может, к его устранению; эти друзья и знакомые не старались поддержать престиж атамана примерным поведением и примерной службой, а наоборот, всячески старались быть в особых условиях, пользуясь доступом к атаману, помимо прямого начальства.

Оппозиционная группа в принципе признавала, что нужно полное объединение всех сил, что атамана Семенова вредно не поддерживать, но как-то все шло не к объединению, а к распаду. В повседневной жизни каждый день всплывали такие факты, которые делали невозможным поддержание авторитета атамана. В этом помогали ему особенно его прежние соратники. Если бы атаман хоть раз заявил себя твердым в определенном курсе как с теми, так и с другими – может быть, все и сгладилось бы. Этой твердости вовсе не было – постоянные колебания, частые перемены под различными влияниями.

Жизнь шла; пока оставались японцы, можно было надеяться, что понемногу все выровняется и в конце концов в армии не будет ни каппелевцев, ни семеновцев. В апреле месяце, после того как люди вернулись в свои части из госпиталей и немного поправились и приоделись, решено было выдвинуть их на фронт в Сретенско-Нерчинский район. В мае месяце была предпринята операция с целью очищения от партизан Восточного Забайкалья. Она ничего особенного не дала, но показала, что пришедшие

«каппелевцы» при известных условиях снова годятся для боевой работы; местные части оказались слабее, за небольшими исключениями.

В армии со всеми тыловыми учреждениями насчитывалось около 45 тысяч человек и 17 тысяч лошадей; кормить же приходилось еще больше, так как выдавались пайки семействам не только военнослужащих и семействам, потерявшим на войне своих старших членов, но даже некоторым гражданским учреждениям и их семьям. В полевых частях трех «корпусов» насчитывалось до 20 тысяч человек. Военное управление до заявления японцев об эвакуации понемногу налаживалось, несмотря на различные камуфлеты со стороны атамана, под влиянием различных советников.

Организовывалось Военное совещание для разрешения всех вопросов армейского хозяйства и жизни; оно взяло на себя контроль над расходованием золотого запаса; атаман согласился на это, но сначала не всегда выдерживал, а потом и совсем перестал считаться с постановлениями. Военное совещание выработало определенную схему военного аппарата со всеми частями и начало сокращения различных ненужных учреждений; схема была утверждена, но все же выплывали на свет различные партизанские части, формирование которых разрешал лично атаман. Военное совещание провело меры обеспечения пайками семейств военнослужащих и разработало пенсионный устав. Наметило ряд мер по упорядочению снабжения армии и по изысканиям для этого средств.

Когда мы прибыли, то аппарат по гражданскому управлению был очень прост: был помощник по гражданской части Таскин, а у него несколько подчиненных органов по главным отраслям жизни края. Кажется, в начале июня под чьим-то влиянием, чтобы найти опору в общественности, было создано Народное собрание. Ко дню открытия собралось что-то около двенадцати членов; перед ними выступал атаман с декларативной речью, а за ним назначенный премьером Волгин. Это Народное собрание, конечно, не играло никакой роли. Появился Совет управляющих ведомствами.

Обстановка резко изменилась, когда японцы в первой половине июля заявили об эвакуации Забайкалья. Перед объявлением эвакуации они подписали с командованием Верхнеудинского правительства соглашение, по которому была установлена демаркационная полоса, за которую не должны переходить советские части, и выговорено право неприкосновенности Читы, где находился атаман Семенов как глава местного правительства, впредь до объединения всех

областей и организации одного буферного правительства ДВР. Японцы, видимо, рассчитывали на возглавление буфера атаманом.

Ясно было, конечно, что цена этим выговоренным условиям – нуль, и весь вопрос был в том, чем располагала советская власть в Верхнеудинске для немедленного, после ухода японцев, нападения на забайкальские военные силы и какую позицию по отношению к Семенову займут партизаны. Позиция партизан была не совсем ясна, так как во время наших майских и июньских операций на Сретенском фронте были заявления, что они воюют только против атамана. Во всяком случае, расчеты на то, что атаман может остаться во главе буфера, были слабыми. Последним днем эвакуации японцы объявили, кажется, половину августа. Приблизительно в месячный срок нужно было не только решить, что делать дальше, а провести целый ряд мер.

Я не участвовал во всех совещаниях атамана Семенова с командным составом, кроме одного, кажется в середине или во второй половине июля. К этому времени для армии было уже все выяснено и намечено командующим армией и речь, собственно, шла лишь о том, чтобы все зафиксировать в присутствии командиров корпусов и начать выполнение.

1. Признано, что с уходом японцев советская власть, стоящая за спиной Верхнеудинского и Амурского правительств, немедленно попытается ликвидировать Забайкалье, несмотря на соглашение с японским командованием. Силы Верхнеудинского правительства были слабы, но во всякое время могут быть усилены. Моральное состояние советских частей не важно. На Амуре формировалась дивизия.

2. Удержать Читу и все Восточное Забайкалье в тех границах, которые были при японцах, – задача непосильная, так как потребовала бы громадного количества войск. Нужна группа в Чите для обеспечения направления со стороны Верхнеудинска; нужна группа в районе Сретенска и Нерчинска, нужны войска для охраны железных дорог. При неуспехе в одной из групп другие могли быть поставлены в безвыходное положение. Решено было поэтому сосредоточить главную массу войск за рекой Онон с тем, чтобы базироваться на станцию Маньчжурия и удерживать за собой часть Южного Забайкалья. В Чите же, пока обстановка позволит, держать арьергард. Большое количество бронепоездов должны облегчить охрану железной дороги.

3. На станциях Маньчжурия – Даурия организовать базу армейского снабжения, причем оно целиком должно перейти в руки командования, так как гражданский аппарат, в руках которого были заготовки, рассыплется.

4. Решено попытаться войти в переговоры с Приморским коалиционным правительством относительно дальнейшей переброски армии в Приморье для переорганизации и для устройства. Для этой цели просили отправиться туда генерала Дитерихса.

5. Решено искать возможностей для устройства людей на службу в полосе отчуждения К. В. ж. д.

6. Решено эвакуировать из Читы все казенное имущество и различные запасы.

Я не слышал ни одного слова возражения со стороны атамана Семенова; он, казалось, всецело разделял взгляды командования. Командующий армией приступил к выполнению намеченного. Но скоро стало видно, что и здесь не будет единомыслия; будет разноголосица и сумбур. В то время как армейское управление начало проводить в жизнь план перемещения войск и эвакуации, в совете управления ведомствами одно время начали смотреть на это как на своеволие, так как «атаман еще не считает нужным эвакуацию» и распоряжение должно исходить от правительства. Когда атаману доказали, что так нельзя, что нужно проводить план, началась, наоборот, спешка. Позже, когда появился в качестве управляющего военным ведомством генерал Сыробоярский, когда, собственно, все уже было вывезено, вдруг поднят был крик о «поторопившихся в тыл» и началось требование снова возвращать часть эшелонов в Читу.

Стало известным, что атаман, согласившись стянуть войска за Онон, мечтает о возглавлении буфера, всячески цепляется за Читу и считает невозможным отдавать ее без боя. Для серьезного же боя надо подать войска из других районов, то есть нарушить принятый план. Появились истолкователи планов военного командования: те, кто за уход за Онон и за оставление Читы без серьезного боя, желают просто освободиться от атамана; желают ухода «каппелевцы» – значит, они мечтают окончательно забрать все в свои руки.

Те, кто за упорную оборону Читы, независимо от того, что из этого выйдет, те поддерживают атамана. Атаман, видимо, барахтался между этими двумя течениями, забыв о принятых решениях, и, как только получались благоприятные сведения из Верхнеудинска о слабости войск, начинал надеяться. Серьезной же работы с самого начала для подготовки в тылу сопротивления не производилось – ей сначала мешал барон Унгерн, безраздельно властвовавший в Даурии, а затем та политическая игра, которая происходила позже – до того момента, когда ей был положен предел наступлением красных. Рознь, которая во время летней работы как будто начала сглаживаться, стала снова

проявляться в самых острых формах даже между частями. Виновато было в значительной мере в этом и командование, которое не скрывало разногласий, а иногда даже усиливало их значение.

Для «каппелевцев» Забайкалье было кусочком русской территории, на которую они пришли зимой, после страшных испытаний в Сибири. На этом кусочке они отдохнули и даже начали снова борьбу с большевиками. Но они не хотели умирать за этот кусочек, не веря в полный успех дела, тем более что не видели поддержки ни в местном населении, ни даже в местном казачестве, так как забайкальские части не отличались большой боеспособностью. Пришедшие искали других возможностей. Для атамана Семенова Забайкалье – это был свой угол, который он не хотел терять, ибо с потерей его он терял все; сами забайкальцы удерживать свое не могут, и ясно поэтому его стремление удержать в Чите каппелевцев, поддержать и их обвинение, что они не хотят драться. «Накормили, обогрели, а они не желают воевать». Забыли только, что даже средства-то читинские были в свое время добыты каппелевцами.

К прежней розни, имевшей в корне причиной борьбу за власть, за главенство, примешалась еще рознь в понимании обстановки и в определении дальнейших целей для армии. Особенности уклончивого и переменчивого характера атамана не давали возможности разрешить разногласия коренным образом, и это имело, конечно, гибельные последствия.

Ко второй половине августа, согласно намеченному плану, армия сосредоточилась: 1-й Забайкальский корпус[52]в районе ст. Мациевская— Даурия, 2-й корпус[53]в районе ст. Оловянная и 3-й корпус[54]без Уфимской дивизии в районе ст. Борзя. В Чите оставлена Уфимская дивизия (прежняя Уфимская группа) с приданными ей частями. Последняя, с уходом японских частей, должна была держаться в Чите, сколько позволит обстановка, и принять меры для охраны своего ближайшего тыла, то есть держать в своих руках район ст. Карымская.

Общее число людей во всех группах было до 20 тысяч человек, но бойцов, конечно, гораздо меньше: в Уфимской дивизии с приданными ей частями было до 2 тысяч штыков и сабель, во 2-м корпусе до 3 тысяч; в 3-м корпусе до 3 тысяч и в 1-м корпусе до 3 тысяч. Считали, что с уходом японцев из Читы она долго не продержится, хотя Верхнеудинск был и слаб; поэтому в начале августа оттуда выступили штаб армии и атаман Семенов на ст. Борзя и ст. Даурия. Тылы были перемещены за Борзю. Как будто все начало проводиться по принятому плану.

В Верхнеудинске штаб армии считал, кажется, 30-ю советскую

дивизию и еще какую-то другую, обе неполные; кроме того, разные местные формирования. На Амуре формировалась Амурская дивизия; в Восточном Забайкалье сверх того были конные партизанские отряды. Из Верхнеудинска приходили сведения о разложении в советских войсках, о нищете и т. д. Верхнеудинск, очевидно, еще не был уверен в своих силах для наступления или выжидал японской эвакуации и не торопился с наступлением. Уфимская дивизия справилась с охраной города и с мелкими боевыми задачами – Чита оставалась в наших руках.

Бездействие верхнеудинского командования и сведения о развале советских войск там – с одной стороны, а с другой – надежда на примирение с партизанами, различные местные влияния внушают, по-видимому, мысль атаману изменить первоначальный план на более желанный и попытаться спасти положение, обратившись к поддержке общественности и населения и сговорившись с Владивостоком. Еще при японцах он устраивает свидание с уполномоченным Приморского правительства в полосе отчуждения Пумпянским, созывает свое «Народное собрание» и с согласия Приморского правительства в конце июля посылает во Владивосток делегацию во главе с Таскиным и генералом Хрещатицким с целью объединения.

После ухода японцев атаман Семенов пытается добиться, чтобы в начавшихся переговорах Приморского, Амурского и Верхнеудинского правительств об объединении ему было предоставлено право голоса. Делегация во Владивостоке пользуется поддержкой японцев; она идет вразрез с теми заданиями по переброске и устройству армии, которые получил генерал Дитерихс. Под благовидным предлогом хлопот в полосе отчуждения об устройстве армии атаман удаляет командующего армией генерала Лохвицкого; временно командующим назначается генерал Вержбицкий. В августе атаман разговаривает с проезжавшей в Верхнеудинск парламентской делегацией Приморского правительства, а затем, когда она возвращалась из Верхнеудинска, 24 августа на ст. Хадабулак заключает с ней предварительное соглашение о слиянии Забайкалья с Приморьем, о созыве общего Народного собрания. 25 августа опубликовывается оповещение об этом соглашении, произведшее своим содержанием и жаргоном удручающее впечатление на всю армию и названное впоследствии «пьяным манифестом». Во Владивостоке соглашение утверждено не было. Атаман Семенов издал указ о созыве нового Читинского Народного собрания на началах, принятых в Приморье, чтобы через него утихомирить партизан.

С Верхнеудинском же, при условии безопасности тыла, было,

конечно, возможно еще побороться. Бездействие Верхнеудинска и партизан не только внушают атаману изменить первоначальный план, но усыпляют бдительность командования – оно не изменяет в общем решения, но начинает тоже держаться за Читу; не обращает серьезного внимания на те сведения, что дает разведка; заражается политикой, стремясь подчинить в Чите все армии – и будущее Народное собрание, и атамана, как будто пребывание в Забайкалье было уже обеспечено.

Эти попытки атамана Семенова найти опору себе в демократизме успеха не имеют. Вдохновителем этой политики называли Завойко, обещавшего будто чуть ли не помощь Америки в будущем. Хадабулакский акт и обращение к населению у многих вызвали недоумение и способствовали только дальнейшему расколу в войсках. Генерал Лохвицкий из Харбина заявил, что этим актом атаман Семенов уничтожил силу указа Верховного Правителя от 4 января и потому он с армией отказывается дальше признавать атамана как главнокомандующего. Атаман Семенов принимает меры, чтобы генерал Лохвицкий не появлялся в районе армии. В армии начинаются еще большие недоразумения.

С первых чисел августа я был перемещен на станцию Маньчжурия и потому наблюдал события со стороны. Новое командование в лице Вержбицкого становится на ту точку, что в момент, когда возможно возникновение боевых действий или мирное урегулирование жизни, надо всячески стремиться к единству и потому не нужно афишировать расхождение с атаманом, тем более что это ослабит позицию армии в разговорах с Народным собранием.

Сентябрь месяц прошел неожиданно мирно, без выступления большевиков. Зато в это время, едва улегся хадабулакский шум, начали поступать сведения, что верхнеудинское командование сговаривается с амурским и партизанами и что оно даже перебрасывает свои силы по частям восточнее Читы, в обход города с севера.

Вместо того чтобы принять меры по окончанию сосредоточения армии, решено усилить охрану сообщений Читы с Оловянной, и с этой целью решено взять часть войск из тыла. Так манила Чита возможностями устроить мир или перемирие через Народное собрание. В конце сентября или начале октября Читинское Народное собрание было открыто и начало действовать. В первый момент физиономия собрания не была определенной, но большинство членов тем не менее было настроено явно оппозиционно к атаману Семенову. Наиболее интеллигентной и вместе с тем наиболее активной частью

собрания была группа социалистическая разных оттенков от народных социалистов до эсеров и эсдеков, состоявшая из представителей разных организаций и кооперативов во главе с Шрейбергом. Эта группа скоро и повела за собой собрание. Выдвинутое собранием правительство возглавилось Шрейбергом.

Первый вопрос, которым занялось правительство, было выяснение своей компетенции. Раз Народное собрание собрано, раз ему предоставлено право устраивать край, то не должен ли атаман Семенов с армией быть в полном подчинении. Для атамана это значило передать Народному собранию или правительству все, а главное – руководство военной силой и золотой запас; это значило стать только атаманом забайкальских казаков, не более. Атаман же, созывая Народное собрание, совершенно не склонен был выпускать из своих рук ни армию, ни золотой запас; он предполагал «возглавлять».

На этом начались первые и серьезные разногласия. Правительство, учитывая отсутствие в своих руках реальной силы, решило пойти на компромиссы с тем, чтобы постепенно завоевать намеченные позиции; оно понимало, что в нем нуждаются для успокоения Забайкалья. Таким образом, работа Народного собрания и выделенного им правительства началась в атмосфере недоверия к атаману. С другой стороны, и атаман Семенов, и командование армии не могли довериться вполне Народному собранию и отдать в его распоряжение и силы, и финансы, чтобы не повторить событий, бывших зимой в Иркутске. Создалась почва весьма благоприятная для политиканства.

Армия, в лице временно командующего армией генерала Вержбицкого и командиров корпусов, отказалась по призыву генерала Лохвицкого после Хадабулакского соглашения порвать открыто с атаманом и заявила о своем единстве перед лицом общей опасности, но, конечно, едина не была – это было тактическим шагом, не более. Хадабулакский акт уронил престиж атамана даже у забайкальцев, и потому командование армией, заявив о единении, всячески старается забрать все в свои руки. Атаман, не имея поддержки ни в командовании, ни в армии, всеми мерами старается сойтись с армией и идет навстречу ей во всем. Командующий армией генерал Вержбицкий и командиры каппелевских корпусов становятся господами положения и добиваются различных мер по обеспечению армии на случай ухода из Забайкалья.

Внешне получается как бы полное согласие; на самом деле борьба за власть, за влияние в армии, наконец, за план действий продолжается. В борьбе за власть фактически взял верх как будто командующий армией – к нему прислушиваются и атаман, и

новое правительство. Армия разбивается на несколько очагов в зависимости от того, куда клонится старшее начальство. Относительно дальнейшего плана, спокойствие на фронте и различные другие факты делают то, что нелепое стратегическое положение – растянутой в кишку вдоль дороги армии – перестает беспокоить. Начинается нажим на командование армией не только приостановить эвакуацию и устройство тыла, но даже вернуть обратно в Читу часть вывезенного.

Кажется, ко времени открытия Народного собрания в Чите туда переезжает командующий армией с частью штаба. Я не знаю всего, что там происходило, но, судя по отчетам о заседаниях и позднейшим событиям, генерал Вержбицкий направил всю свою деятельность к тому, чтобы завоевать доверие Народного собрания и из правительства сделать орган, считающийся во всем с армией, а не с атаманом, так как главнейший фактор в крае – это пришедшие каппелевцы и местные противобольшевистские силы, а потому всякое правительство должно прежде всего думать о судьбе армии. Отказавшись от открытого разрыва с атаманом, он при помощи Народного собрания предполагал избавиться от атамана как главнокомандующего; сентябрьский альянс его с атаманом после ухода Лохвицкого не был искренним. Как бы там ни было, но с открытием Народного собрания атаман должен был почувствовать, что у него нет поддержки ни в Народном собрании, ни в армии. Он, вероятно, просто распустил бы собрание или даже разогнал бы, но боялся, что это будет использовано против него.

В общем, начало октября в Чите проведено в разговорах об устранении атамана или о сведении его роли на нет. Армия в лице высшего командования не прочь поддержать этот шаг, если бы новое правительство не распространяло своих вожделений на полную власть над ней и на передачу золотого запаса. Запас же был в руках атамана Семенова под охраной бронепоездов. Единственным шагом правительства Народного собрания по умиротворению края были попытки сговориться с Верхнеудинском и амурскими властями; впрочем, с амурцами разговаривать хотели тогда, когда там готовились к нападению и потому делегация Народного собрания, направлявшаяся в Нерчинск, не была пропущена даже на ст. Зубарево.

В первых числах октября военная обстановка была такова. По данным штаба Дальневосточной армии, Верхнеудинская группа красных под командой Эйхе состояла из двух дивизий, пришедших из советской России, и двух дивизий местных формирований. Имелись сведения, что советские дивизии были не полного состава, а местные не закончили формирования, тем

не менее численность этой группы определялась около 15 000 штыков и 3000 сабель. Амурская группа, по тем же данным, состояла из двух дивизий амурских формирований и конных партизанских отрядов. Эти дивизии тоже не были готовы. Численность определялась в 8000—10 000 штыков и 5000 сабель. Имелись сведения, что Верхнеудинская группа пытается установить непосредственную связь с Амурской группой. Последующие события показали, что связь была достигнута, и дальнейшие операции обеих групп протекали во взаимодействии.

Дальневосточная армия располагалась в прежних группах, то есть была растянута от станции Черновская до Мациевской, причем к октябрю совершенно ясно определилась тенденция держаться за Читу больше, чем намечалось раньше. Такого решения определенно принято не было, но целый ряд распоряжений свидетельствовал, что в Чите настроены оптимистически относительно своего тыла. Почти законченная по первоначальному распоряжению командующего армией генерала Лохвицкого эвакуация даже осуждалась, как преждевременная. В тылу, по распоряжению атамана Семенова и генерала Сыробоярского, как нового управляющего военным ведомством, появилась комиссия, затормозившая совершенно эвакуацию. Появились приказы «в 24 часа» разгрузить такие-то станции и вернуть эшелоны. Появились требования – вернуть некоторые учреждения в Читу.

Читинская группа генерала Бангерского давала сведения о шевелении и нажиме красных в обеих группах, то есть Верхнеудинской и Нерчинской, но этим сведениям не придавали особого значения, и штаб армии все еще оставался в Чите. Управляющий военным ведомством был настроен еще более оптимистически – он мечтал о скором движении на запад. Народное собрание считал помехой всему – и единению, и будущим успехам; трудно сказать, как он представлял себе положение в тылу с партизанами. Командующий армией обсуждал меры по организации тыла, но все же, видимо, и ему не хотелось бросить Читу.

В общем, обстановка благоприятствовала красным. Растянутое положение Дальневосточной армии давало возможность Амурской группе красных прорвать это расположение в любом пункте с незначительными силами. Этим сразу нарушалась связь между группами армии, нарушалось железнодорожное движение, нарушалось снабжение, западные группы могли быть отрезанными.

Мне известно, что опасность положения командованием понималась, о ней неоднократно говорил генерал Бангерский,

указывая на необходимость разгрузки Читы, чтобы ее в любое время можно было оставить, то есть придерживался первоначального плана. Но по-видимому, все еще рассчитывали на результаты переговоров; даже неудачная попытка делегации Народного собрания проехать в Нерчинск для разговоров и сведения о появлении бронепоездов красных на ст. Урульга, то есть об угрозе железнодорожному узлу ст. Карымская не разрушили оптимизма. В середине октября в Чите открылся казачий съезд, на который прибыл атаман со всем своим штабом: съезд этот противопоставлялся работе Народного собрания и должен был поднять снова авторитет атамана. Настроение было праздничное, с банкетами и речами.

Штаб армии, ввиду угрозы ст. Карымская со стороны ст. Урульга, к 16 октября перебросил в Макавеево, Карымскую и Кручину части 1-й Маньчжурской дивизии из 1-го корпуса и усилил этот участок броневиками. Эта мера, конечно, не могла изменить положения; наоборот, она ставила в угрожаемое положение большие силы, чем ранее, так как дорога оставалась уязвимой в любом пункте. В эти дни началось шевеление Верхнеудинской группы, замечено было более сильное, чем обычно, передвижение красных к северо-востоку от Читы.

В ночь с 18 на 19 октября красные перешли в наступление, имея главной задачей захватом станции Карымская отрезать Читу от тыла и захватить ее со всеми остатками армии и имущества. Для большого разъединения войсковых групп, расположенных вдоль линии железной дороги, и воспрепятствования им оказать помощь Чите небольшие конные отряды были направлены для захвата и разрушения железной дороги на станциях Агу и Моготуй, Борзя и Хадабулак.

19 октября станция Карымская была занята красными. Части Дальневосточной армии отошли от Карымской в двух направлениях: большая часть на Макавеево, а часть на Моготуй. Расположение вдоль железной дороги было прервано. Атаки красных с севера на станцию Макавеево были отбиты, но часть Читинской группы, именно Маньчжурская дивизия, пострадала. В тяжелое положение попали броневики, которые не могли пробиться, так как мосты оказались попорченными; они были сожжены. Одновременно красные заняли станцию Агу, прервав связь с штабом 2-го корпуса в Оловянной. Попытка захвата станции Борзя и Хадабулака красным не удалась, но разъездам красных удалось попортить полотно железной дороги и телеграф, так что связь между Оловянной и Борзей тоже была нарушена.

Главнокомандующий и командующий армией с частями своих штабов были отрезаны в Чите. Командиры 1, 2 и 3-го

корпусов, бывшие при своих войсках на линии железной дороги, каждый самостоятельно начали принимать меры по охране своего района, общее руководство было потеряно. Оно должно было лечь на генерала Молчанова, как заместителя командующего армией. Читинская группа 20 октября попыталась пробить себе дорогу на восток вдоль магистрали, но была отброшена от Карымской, и перед командованием возник вопрос, как выбираться из Читы. Атаман Семенов вылетел из Читы на аэроплане, а командующий со штабами присоединился к общей колонне Читинской группы.

Находясь в Маньчжурии, мы все время ожидали этого удара; но все же, когда были получены первые сведения из штаба 3-го корпуса, надеялись, что Читинской группе удастся выбраться вдоль железной дороги, а не крутить для выхода по степи через Акшу. Этим ударом были разрушены те иллюзии, что строились в Чите. История дальнейшего не интересна, хотя она полна драматизма для участников.

Вопрос об уходе из Забайкалья, в сущности, решен был давно, и едва ли правы те, кто мечтал создать в районе Даурии какой-то укрепленный плацдарм, Даурию превратить в крепость и здесь отсиживаться до бесконечности. Но само собой разумеется, что обдуманное, цельное проведение первоначального плана могло дать выигрыш времени и не поставило бы армию в столь скверное положение. Особенно скверно отразилось это на хозяйстве армии. Брошено много эшелонов, станции забиты, и их трудно разгрузить. Распоряжение о возвращении некоторых эшелонов в Читу, остановка отправки имущества в тыл – все это создало хаос. Кроме того, как только определилось наступление красных и отход белых, начались захваты в полосе отчуждения КВЖД всякого армейского имущества под самыми разными предлогами.

Японская военная миссия на ст. Маньчжурия (полковник Изомэ), конечно, заявила протест против нарушения верхнеудинским командованием соглашения, но это были только слова, которые никого не испугали. «Напали-де партизаны – возмущенный народ, стихия, мы ни при чем» – так в общем ответил Краснощеков-Тобельсон, глава ДВР. Китайское командование на ст. Маньчжурия, в общем расположенное к нам, не могло, конечно, допускать свободного распоряжения русских военных властей на ст. Маньчжурия; не могло оно и справиться со всеми нахлынувшими вопросами; прибывали беженцы из разных районов, тыловые учреждения армии, семейства, эшелоны с грузами военного значения и т. д. Стоял вопрос – что же дальше, если армии придется перейти на китайскую территорию, где, конечно, будет предложено разоружение.

Прилетев на станцию Даурия, атаман Семенов объявил по

телефону о принятии им на себя непосредственного управления войсками, находящимися в связи с тылом: начальником штаба временно пригласил случайно прибывшего в Даурию генерала Сукина[55]. Войскам поставлена задача помочь Читинской группе присоединиться к остальной армии; в дальнейшем намечено сосредоточение всех сил в районе Борзя – Даурия. Необходимость удерживать ст. Борзя вызывалась наличием вблизи ее каменноугольных Харанорских копей, снабжавших углем железную дорогу, и нахождением на ст. Борзя последнего паровозного депо (до ст. Маньчжурия).

Постановка задачи в этой обстановке была правильной, но такова была атмосфера в армии, что приказ главнокомандующего генерал Молчанов считал узурпацией его прав, так как заместителем командующего армией он считал себя. Атаман же в операции до сих пор не вмешивался. Генерал Молчанов чуть ли не прислал резкую телеграмму, критикующую распоряжения атамана. «Сами знаем, что надо делать» – вот смысл телеграммы. Особенно критиковалось указание атамана о распределении сил для выполнения задачи.

К выполнению этой задачи части могли приступить только с вечера 22 октября, но и то не всеми силами. Части 2-го корпуса 23 октября из Оловянной повели наступление на Агу и утром 24-го заняли ее;

продолжая движение на Моготуй, 25-го заняли эту станцию, и здесь к частям 2-го корпуса присоединилась части сил, отрезанных ранее атакой красных. 3-й корпус генерала Молчанова не выполнил в точности того, что было указано атаманом; задача им была решена по-своему – часть сил оставлена в Борзе, которая укреплялась, а только небольшая часть была направлена на северо-запад на Верхний и Нижний Широнай. Это шевеление частей 2-го и 3-го корпусов вызвало переброску войск красных от ст. Зубарево долиной реки Онон в направлении к железной дороге. В дальнейшем опасения за тыл частей 2-го корпуса вызвали распоряжение о приостановке наступления их.

25 октября возвратился с разведки летчик, который 23-го был над Читой и видел там на площади красные флаги; южнее Читы он проследил движение двух войсковых колонн в направлении на Дарасун – видимо, это были наши читинские части. Атаман отдал приказ об отводе войск на восток; 2-му корпусу приказано отходить, удерживая арьергардами реку Онон до 29 октября; 3-му корпусу в общем оставаться в прежнем районе и обеспечивать себя с севера, а 1-му корпусу занять конницей Цыган-Олуевский и Сактуй.

26 октября 2-м корпусом была установлена связь с главной колонной генерала Бангерского, которая пришла в этот день в Агинское, направляясь на Цасучаевскую и Чиндантскую переправы через Онон. Командующий армией со штабами и небольшими прикрывающими частями спустился южнее, направляясь на Акшу. В дальнейшем намечалось, по мере отхода Читинской группы, вывести весь 2-й корпус в Даурию и туда же притягивать части Читинской группы, а Борзю удерживать частями 3-го корпуса. 1-й корпус должен прикрывать Даурию с севера и охранять железную дорогу до Маньчжурии.

В районе ст. Даурия приступили к возведению окопов и постановке проволочных заграждений, но работа двигалась слабо за отсутствием рабочих рук и материалов. Между тем красные, упустив Читинскую группу из Читы, стали сильнее развивать свой план фланговых ударов на железную дорогу. 22 и 24 октября они с севера ведут атаки на Бырку, но безуспешно. Разъезды красных начинают спускаться к железной дороге восточнее Борзи и даже восточнее Даурии, стремясь прервать движение по железной дороге. Около 29 октября выяснено присутствие значительных сил красных с артиллерией в районе севернее ст. Борзя; к этому времени части 2-го корпуса были все восточнее реки Онон, направляясь в эшелонах в Даурию.

Стоявшая 30 октября ясная, теплая, осенняя погода 31-го резко изменилась: подул ветер, пошел снег, а 1 ноября была уже суровая зима с морозом около 15 градусов при сильном резком ветре. Это обстоятельство захватило наши части врасплох; особенно плохо пришлось Читинской группе, совершавшей поход по пустынной местности. Выходя из Читы в теплую погоду, люди не захватили даже имевшейся теплой одежды, шли налегке. Зимняя одежда еще не была получена, так как заказы были сделаны поздно; даже часть готовой одежды была задержана в пути из Харбина китайскими властями. На станции Маньчжурия и в Забайкалье добыть необходимое количество было трудно. Атаман забил тревогу, требуя немедленно добыть одежду. В Читинской группе оказалось много обмороженных.

Наступившие холода несколько приостановили активность красных – до 4 ноября было затишье. 4 ноября части колонны генерала Бангерского вышли к переправам через Онон и заняли Чиндант, установив связь с Борзей. Выяснилось, что красные для воспрепятствования свободному отходу частей Читинской группы выслали свою конницу (говорили, что отряд Старичкова в 2000 коней) к югу от железной дороги и эта конница шла следом за генералом Бангерским, результатом чего были бои у переправы. Красным удалось занять Цасучаевский, но от Чинданта они были

отбиты с большими потерями. Нахождение красных в Цасучаевском могло затруднить выход колонны генерала Вержбицкого, почему 5-го и 6-го числа частями генерала Бангерского с придачей воткинцев была предпринята контратака.

Красные были выбиты и, сильно пострадав, отошли далеко, так как населенных пунктов ближе 40–50 верст не было, но это временное занятие Цасучаевского красными сыграло свою роль: колонна генерала Вержбицкого, следовавшая от Усть-Иля правым берегом Онона, получила сведения о присутствии красных у Цасучаевского, а потому следовавшая в авангарде конница и остатки Маньчжурской дивизии[56]были направлены вдоль монгольской границы прямо в Даурию. Этот переход по совершенно ненаселенной местности в мороз и вьюгу совершенно вывел из строя остатки Маньчжурской дивизии, и она прибыла в Даурию 7 и 8 ноября с большим числом обмороженных людей.

6 ноября в Борзю прибыл генерал Вержбицкий и отдал приказ о вступлении в командование армией, подчеркнув, что должны исполнять только его приказы. Вечером он был у атамана. Решено было для выигрыша времени удерживать район ст. Борзя, сохраняя железную дорогу до ст. Маньчжурия, на которой было много различных эшелонов. Не могу сказать, была ли у командования уверенность в удержании района Борзи, но для всякого было ясно, что трудно будет охранять дорогу на таком большом протяжении, хотя бы все население различных эшелонов взялось за оружие. Некоторое значение могло иметь то обстоятельство, что японцы заявили протест против выступления красных и грозили нарушителям. Атаман начинал надеяться, что японцы вернут часть своих эшелонов, в чем его, по-видимому, уверяли.

7 ноября красные значительными силами повели наступление на район Борзи с севера и запада, конница красных появилась в районе Цыган-Олуевский. С 9-го по 13-е упорные бои шли у самой Борзи; красные не раз влезали в самый поселок. В эти же дни они заняли Цыган-Олуевский, Сактуй, угрожая с севера железной дороге. Предпринятые две попытки выбить красных из Цыган-Олуевского и тем прекратить нажим на тыл Борзинской группы успеха не имели, так как велись небольшими силами. 13 ноября решено оставить Борзю; части 3-го корпуса стали отходить на Даурию, а 2-й корпус переводился на ст. Мациевская и Шарасун.

14 ноября было предпринято контрнаступление на Сактуй, чтобы устранить с этой стороны угрозу ст. Мациевская, но направленная для этой цели Забайкальская казачья бригада втянулась в деревню без разведки, попала в засаду и понесла

большие потери. Эта неудача окрылила красных, и они начинают настойчиво появляться у железной дороги и нападать на поезда. На Даурию они не нападали, так как там был более сильный гарнизон и кое-какие укрепления, а начали давить на тыл. 17 ноября они атакуют ст. Мациевская, где находились штабы армии и 2-го корпуса и скопилось много обозов. Атака была произведена незначительными силами, но неожиданно и произвела панику. Станция была потеряна, хотя на ней были достаточные силы для обороны, если бы охранение и разведка велись хорошо.

Потеря ст. Мациевская ускорила решение участи Даурии, хотя здесь красные после нескольких отбитых атак ограничивались лишь артиллерийским огнем. Утрата связи с тылом побудила генерала Молчанова поторопиться с выходом из Даурии, чтобы иметь возможность пробиться на ст. Маньчжурия до накопления в тылу красных. Вечером 19-го Даурия была оставлена, и утром 20-го части генерала Молчанова, легко прогнав красных со ст. Мациевская, подошли к разъезду 86 на границе. Остальные части армии были уже частью в поселке Маньчжурия, частью на Абагайтуе, северо-восточнее станции. День 20 ноября является последним днем вооруженной борьбы в Забайкалье.

Конец после ухода японцев был, конечно, предрешен, но он мог быть проведен без ненужных потерь, тяжелых положений, если бы у нас управляла одна воля, авторитетная и не шатающаяся. Еще раньше, чем вся оставившая Забайкалье масса людей ввалилась за границу, конечно, решали, что делать дальше, но в этом направлении, при господствовавшем разнобое, ничего не могло быть сделано. В конце июля выехал во Владивосток генерал Дитерихс, чтобы сговориться с Владивостокским правительством о переводе армии из Забайкалья. Послы атамана нашли, что разговоры ведутся не так, и сорвали их. Атаман сам говорит с японцами, китайским командованием, передает, что достигнута полная договоренность о переброске армии в Приморье, об оружии и пр. Когда же масса в действительности ввалилась на ст. Маньчжурия, весь хаос пришлось расхлебывать на месте пришедшим. Атаман часами разговаривал с полковником Изомэ; в конце концов показывал командованию бумажку, что оружие, сданное китайцам на ст. Маньчжурия, будет возвращено, неясно только когда и где, как будто по прохождении полосы отчуждения.

Оружие сдается китайскому командованию. Люди размещаются кое-как по вагонам и поселку. В поселке много спиртных напитков, начинается разгул, на последние гроши. Китайское командование и полиция проявляют большую

выдержанность и терпимость. В общем, стараются устроить всех и уладить всякие недоразумения.

Китайское военное командование получает из центра противоречивые указания и в конце концов действует по обстановке. Оно должно начать разгрузку на ст. Маньчжурия и отправку эшелонов транзитом в Приморье, но нет еще вагонов, нет разрешения на пропуск вагонов на Уссурийскую железную дорогу; Китайская Восточная ж. д. не соглашается на перевозку без уплаты наличными за каждый эшелон и только после заверения о немедленном расчете соглашается давать вагоны.

На станции несколько санитарных поездов с больными и ранеными. Большое количество эшелонов с хозяйственными грузами, эшелоны штабов атамана, армии, корпусов, семей военнослужащих и пр. Для перевозки требуется более 60 эшелонов. Эшелоны эти надо снабдить продовольствием на дорогу; от ст. Маньчжурия до ст. Пограничная – 1388 верст, надо организовать выдачу продовольствия и фуража в нескольких местах на дороге, так как неизвестно, скоро ли пропустит поезда Пограничная. Надо устроить запасы продовольствия в Приморье, в крае, где еще неизвестно, как встретят нас.

Оружие сдано; порядок поддерживают китайцы и небольшие русские команды. Красные на разъезде 86; хотя китайцы и заверяют, что не допустят никаких насилий над разоружившимися, но никто не уверен в безопасности, так как нет веры в стойкость китайских солдат. Ночи проходят особенно тревожно. Японская военная миссия в период, когда она протестовала против наступления красных вопреки соглашению, уверяла, что скоро вернутся войска, чтобы поддержать протест, получила около 17 ноября, кажется, роту. Об этой роте, видимо, и шла речь, когда передавалось: «Эшелон японцев прошел Цицикар или Хайлар». Командование старалось получить ответ, что сделает эта рота, если красные влезут на ст. Маньчжурия. Не знаю, что говорил Изомэ, но он выезжал два раза на разъезд 86 для переговоров с красными.

В этой обстановке началась переброска войск по КВЖД в Приморье. Первыми были пущены санитарные поезда и штаб атамана; затем начались отправки готовых эшелонов, причем очередь отправки часто зависела, помимо внесения денег, от частной предприимчивости. Много путаницы в первые отправки вносила горячность некоторых приближенных атамана и различных чинов для поручений, которые хотели все немедленно упорядочить, все проконтролировать и чуть ли не расправиться с разными лицами, тормозившими, по их мнению, отправку или недостаточно энергичными.

А обстановка на ст. Маньчжурия и в тылу день ото дня осложнялась и становилась нездоровой. Еще раньше велась агитация о реэвакуации каппелевцев, теперь она усилилась; в Харбине вовсю работали большевистская «конференция» и особая комиссия. Большевики пытались вести агитацию и на ст. Маньчжурия, распускались разные слухи, баламутящие людей. Появились люди с разными денежными претензиями к атаману и армии, которые начали добиваться удовлетворения претензий через китайское командование и японскую военную миссию, пользуясь затруднительным положением. Начались аресты армейского имущества и средств в полосе отчуждения КВЖД по этим претензиям и без всяких претензий. Один из банков, в который были направлены средства для реализации, учел обстановку и сорвал на реализации громадный куш. Не было уверенности, что армейские средства будут целы при прохождении полосы отчуждения при том безначалии, которое было в китайских войсках на разных станциях.

В Харбине эшелоны во время остановки окружались войсками и никто не выпускался из вагонов в город. Не было единства, как и раньше, у атамана и командования. Атаман носился с проектом переорганизации армии в корпус по приходе в Приморье и о полной перемене верхов командования. Из армии часть 1-го корпуса оставалась в районе Хайлара вместе с командиром корпуса. Каппелевцы во главе с командующим армией и двумя командирами корпусов решили в дальнейшем окончательно отмежеваться от атамана. Из-за неподготовки к отходу в Маньчжурию и вообще из-за бесцельных, по общей обстановке, последних боев, обострились взаимные отношения в кругу каппелевского командования. Были разговоры о том, что в Приморье армию должны объединить другие лица.

21 ноября атаман тайно, в вагоне полковника Изомэ, выехал со ст. Маньчжурия в Гродеково, оставив письма Вержбицкому и Бангерскому о том, что едет позаботиться о приеме армии. 25 ноября он отдал приказ о расформировании армии и подчинении остатков генералу Савельеву[57]. 22 ноября я зачем-то пошел в вагон атамана и узнал, что в этом большом атаманском вагоне теперь полковник Изомэ, а атаман уехал. Кажется, вдогонку атаману Вержбицкий послал письмо, в котором он изложил свой взгляд на положение. Он писал, что в последних событиях в Забайкалье, независимо от того, как они произошли, в глазах подчиненных виноваты они – атаман и командующий – и что, как неудачники, они должны в будущем отойти в сторону; лично он отойдет, как только закончит перевозку людей; советует то же сделать и атаману.

Пришлось организовать особые пункты для снабжения продовольствием и фуражом проходящих эшелонов по пути на главных станциях. Пришлось посылать особые продовольственные поезда для подачи довольствия.

25 ноября я выехал со ст. Маньчжурия и около 6 декабря был в Харбине. Штаб армии вышел со ст. Маньчжурия в хвосте эшелонов – опасения за безопасность людей кончились, но все еще не был решен вопрос о пропуске эшелонов на Уссурийскую дорогу. Он не был бы решен, наверное, еще долго – если бы наши эшелоны не решили дело иначе; со ст. Пограничная пешим порядком направлялись сначала в Гродеково и Никольск, а затем и в Раздольное, где явочным порядком занимали и устраивали пустые казармы. Штаб армии долго стоял на ст. Пограничная и, кажется, в середине января перешел в Никольск. За ним скоро прошли и последние эшелоны. Таким образом, два месяца были проведены в вагонах, в полосе отчуждения. А если бы приказ атамана о расформировании армии был выполнен буквально и ему удалось бы отобрать от нас все запасы?

В Приморье сразу образовались две группы войск: одна небольшая семеновцев в Гродекове, о которых атаман заботился; другая в Никольске и Раздольном – каппелевцы, которые окончательно отмежевываются от атамана, всячески растягивая свои запасы и ограничивая себя во всем. Отдельные люди и небольшие группы не выдерживают и переходят в Гродековскую группу, но главная масса каппелевцев не сдается. Так это и осталось; так в дальнейшем эти группы и не слились.

В распоряжении противобольшевистских сил, собравшихся в Забайкалье в начале 1920 года, оказался почти весь 1920 год, но этот год в истории Белого движения на востоке является совершенно бездейственным и разлагающим. Если остатки армий адмирала Колчака пришли сюда с подорванной верой в успех дела, с надеждой, что удастся отсидеться до более благоприятной обстановки, то все же они шли политически не развращенными. Здесь же они попали в обстановку разных группировок, закулисных влияний и приобщились к мелкой, часто личной политике.

Фигура атамана, к которой было еще раньше предубеждение, не оказалась такой, которая могла бы взять властно в свои руки всю массу и победить предубеждение. Наоборот, местная обстановка, личность атамана и его сотрудников и сподвижников способствовали распаду. Действительно, атаман мог быть и хорошим человеком, мог быть даже и способным, но у него не было совершенно ни характера, ни военного авторитета, ни ясного взгляда на вещи; одно было ясно: он хотел удержать

власть. В политике он хочет иметь свою собственную позицию и в то же время прислушивается к другим, прислушивается к японцам. В результате то признание Колчака, то забайкальский абсолютизм, то развязный демократизм, то подчинение Врангелю, то опора на общественность и т. д. В военных делах он и хотел бы, может быть, передать все в руки, скажем, Войцеховского, но ему нашептывали о его личных военных качествах, о том, что он сам может руководить, что нельзя слепо доверяться пришлым. Когда начинаются операции, он, конечно, не может не интересоваться их ходом, но без советников обойтись не может, а прав тот из советников, кто советует ему последним, ибо атаман не любит спорить, где не уверен в своих знаниях. Когда обстоятельства складываются критически и вопрос должен решаться вообще о судьбе не Забайкалья, а остатков Белого движения, он не может отбросить окончательно личные цели и интересы и остановиться на одном определенном плане – бросается в стороны, теряется и тем роняет свой авторитет совершенно. Наконец, в решительный момент не желает примириться с мыслью, что его роль может быть кончена, и всякими мерами, уже потеряв авторитет, старается удержать массу в своих руках, пускаясь на то, чтобы сделать из остатков движения просто «наемников». Заявив, что «довольно быть безвольной болванкой в руках интервентов», он укрывается в Порт-Артуре и ожидает случая выплыть во Владивосток на каком-нибудь «Мару», чтобы «возглавить» власть при содействии тех же интервентов. Атаман не оказался той фигурой, которая смогла бы хоть сколько-нибудь сносно и здорово поставить русское дело в Забайкалье.

Не оказалось и среди пришедших таких руководителей, которые сумели бы посмотреть на обстановку как следует, не предвзято и, отбросив все, оздоровить ее хоть относительно. Войцеховский сознался в своем бессилии и ушел во имя уничтожения оппозиции. Лохвицкий начал с того, что предполагал все поставить на здоровую почву, а кончил разрывом, который был бесполезен, когда нужно было думать о выводе армии. Вержбицкий забраковал протесты Лохвицкого, взял власть в свои руки, но не примирил враждующие группы, не стал искренним помощником атамана.

Решений было, в сущности, два: 1) Раз признана преемственность власти от адмирала Колчака, нужно было создавать авторитет атамана, поддерживая его и близко сотрудничая, несмотря на все дефекты, и 2) Не признавать его и заставить сразу же устраниться. Может быть, при близком сотрудничестве и удалось бы объединить все и устранить вредные

влияния. Но все это должно было быть сделано прямо, без задних мыслей, совершенно искренно. Все это не смогло бы, конечно, изменить нашей судьбы, но конец был бы другой.

Ф. Мейбом [58]
Тернистый путь [59]

В армии началась анархия. Командиры отдельных частей возомнили себя «Наполеонами» – в лучших случаях… по скромности, «атаманами» и перестали подчиняться каким-либо приказаниям главнокомандующего. Они по личным соображениям наступали и отступали и т. д. Казалось, что все рухнуло и настал конец нашей борьбе.

В столь тяжелое время для нашей армии пост главнокомандующего принял молодой и всеми нами любимый и уважаемый «Волжский Герой» генерал-лейтенант Каппель. Волжане и все белые бойцы как-то сразу воспрянули духом, говоря: «Там, где нашенский генерал Каппель, там поражения не может быть». Так думали волжане, и так думала вся армия. Он был не только простым руководителем Белой борьбы на Волге – для волжан он был олицетворением ее, он был «наш генерал»! Рядовые говорили: «Каппель выведет нас даже из ада… С Волги вывел и теперь выведет».

Уверенность бойцов оказалась действительностью. Собрав остатки армии в железный кулак, он нанес сразу несколько сокрушительных ударов красным. Красные никак не ожидали такого отпора и перестали преследовать нас, тем самым дав возможность нашей армии окрепнуть. Хотя наша армия и была малочисленной, но с приходом генерала Каппеля боевой дух и вера в победу окрепли, это дало нам возможность думать только о победном исходе событий. Быстрыми переходами наша армия оторвалась от красных, отходила в глубь Сибири.

Наш Верховный Правитель, адмирал Колчак, поверил нашим «так называемым союзникам» и, вопреки желаниям всего белого командования, не пошел с армией, а согласился на уверения «союзников» во главе с французским генералом Жаненом, был предан им и выдан красным, где по приговору большевистского революционного трибунала был расстрелян 20 января 1920 года.

Наша армия быстрыми переходами шла к Иркутску. Красное командование решило дать нам бой у станции Зима. Перед подходом к ст. Зима я с полком шел самостоятельно с северной части от тракта, только подходя к станции, спустился на тракт и встретил Воткинскую дивизию, возглавляемую Генерального штаба полковником фон Вахом[60]. Я немедленно вошел в его подчинение, влившись в состав Воткинской дивизии.

Начался бой. Противник хорошо окопался, сделав ледяные

окопы, также и его численность во много раз превышала нашу. Вокруг глубокий снег. Идет упорный бой. Глубокий снег не дает возможности ни нашей кавалерии, ни нам быстро сблизиться с противником. Всех раненых и больных сыпным тифом пришлось оставить на произвол судьбы, а обходную колонну, посланную на нашем левом фланге в обход станции Зима, пришлось задержать. Красные, увидев нашу цепь, начали отход к Зиме. Не знаю, каков был бы исход этого боя, если бы не случайность: к нашему великому счастью, на станции Зима стоял эшелон 1-го чешского полка в ожидании отправки по железной дороге. Командир полка – к сожалению, не помню его имени, – видя наше безвыходное положение, высадил полк и стремительно атаковал красных с тыла. Красные никак не ожидали такого исхода и в панике, бросая пулеметы и т. п., бросились врассыпную. Наш конный дивизион закончил эту рубку. Все наши командиры благодарили этого Витязя Славянства. Он же скромно отвечал, что он не мог поступить иначе, видя горсточку храбрецов, попавших в тяжелое, безвыходное положение.

Главные силы красных отходят к Иркутску. Мы идем за ними по пятам. Занимаем ст. Иннокентьевская, в 2–3 верстах от Иркутска.

Во время страшной снежной бури мы занимаем позицию для атаки Иркутска. Наши цепи медленно приближаются к городу. Огоньки города манят нас своим теплом и уютом. Мечтаем о тепле, а вокруг метет так, что можно подумать, что все ведьмы мира перетрушивают свои перины. Генерал Каппель получил неожиданное донесение, в котором «наши союзники» предупредили нас, что они не допустят никаких боев в черте города, поэтому предлагают генералу Каппелю вступить в мирные переговоры с красными. Еще одна провокация «наших друзей-союзников». Конечно, генерал Каппель игнорировал их предложение, тем более что он как раз получил точное донесение о судьбе адмирала Колчака. Нам ничего не оставалось, как, обходя Иркутск, идти прямо в жуткую сибирскую тайгу. Метель усилилась. Ее вой как бы провожал нас навсегда. Впереди шла кавалерия, прокладывая путь нам, пехоте, затем тянулись бесконечной вереницей сани с ранеными и больными сыпным тифом. Тиф – это был настоящий бич нашей армии. Он безжалостно косил и без того поредевшие ряды бойцов.

По обе стороны нашей армии шла армия голодных волков. В зимнее время волки собираются в большие стаи и атакуют все, что можно есть. Когда волки, раздраженные запахом людей, которыми можно хорошо закусить, обнаглели, то они попробовали напасть на сани моего обоза, но были встречены

пулеметной очередью. Сколько их было убито, не знаю, но через короткое время они уже вернулись к трупам своих товарищей и начали пожирать их. Вся наша артиллерия была брошена, за исключением нескольких частей, которые, разобрав орудия, везли их с собой. Последние запасы консервов кончились. Стали есть падшую конину; хлеб кончился, перешли на заваруху (смесь муки со снегом, получается клейстер). Кончились спички, не стало костров. Спали на снегу, и многие, засыпая, уже не просыпались. Сотни верст глубокого снега, тысячелетние гигантские деревья и непроходимый кустарник. Без дорог, по таежным тропам, наша Белая армия шаг за шагом шла без всякого ропота за своим вождем генералом Каппелем. Каждую пройденную версту она обильно покрывала телами белых героев. Измученные, голодные, но полные веры в своего генерала, они шли в полную неизвестность… с легендами и надеждами на каких-то японцев и атамана Семенова где-то в Забайкалье. Мой полк таял, сыпной тиф свирепствовал, количество саней, занятых больными, все увеличивалось. Как тяжело было ухаживать за ними! Большинство из них были буйными, и их приходилось вязать веревками – они кричали, некоторые пели, все это неслось по тайге, производя жуткое впечатление.

У стрелков и офицеров начались галлюцинации. Они видели в беспросветной тайге горящие костры, манившие их своим теплом, караваи хлеба на роскошно накрытых столах и т. п. и с криками бросались в густой кустарник тайги, где их встречали волки и разрывали на мелкие части. Уследить за людьми, измученными голодом и холодом, было невозможно. Да, огоньки мелькали в чаще тайги, но… это были лишь горящие глаза голодных волков, ожидавших возможности поживиться.

В один из таких печальных дней наша армия шла по довольно обширной поляне. На противоположной стороне поляны я заметил сани, и кто-то звал на помощь. С парой стрелков я поехал узнать, в чем дело. К моему изумлению, в санях сидела Надежда Васильевна. Быстро выскочив из своих саней, я бросился к ней. Она обняла меня, заплакала и смогла только произнести мое имя. Я распорядился, чтобы ее переложили в мои сани. Она вся горела – у нее начинался тиф. Она от волнения потеряла сознание. К моему счастью, в моем полку была сорокаведерная бочка спирту, которую я с помощью стрелков украл из польского эшелона. Во время всего пути я поддерживал этим спиртом всех своих стрелков. Этот «чудесный напиток», от которого слезала кожа с губ, поддерживал силы голодных и холодных воинов. Взяв кружку, я насильно влил немного этого живительного напитка в рот Надежде Васильевне. Она сильно закашлялась и пришла в

себя. Обняла меня, поцеловала и моментально уснула.

Красные, когда мы вошли в тайгу, первоначально не преследовали нас, думая, что тайга поглотит нас, то есть мы в ней погибнем и не сумеем выйти из нее. Точно так же думали и наши «союзнички» – «наши друзья»! Но через некоторое время они убедились, что наш брат и в воде не тонет, и в огне не горит (так говорит русская пословица)! Поэтому они начали нападать на хвост нашей армии, рассчитывая понемногу ликвидировать нас, но… В арьергарде встала знаменитая Ижевская дивизия во главе с ее легендарным по храбрости генералом Молчановым. Попытка красных отрубить хвост нашей армии была отбита генералом Молчановым настолько сильным ударом, что этот инцидент надолго отбил им охоту преследовать нас.

Злоба против союзников, особенно среди стрелков, росла не по дням, а по часам. Они их называли предателями, грабителями и т. п., также говоря, что когда действительно нужна нам помощь, то они смылись – разъехались по домам в теплых вагонах, да еще и с электричеством, в то время как настоящие хозяева Русской земли погибали от голода и холода. За этими разговорами всегда следовала угроза: «Погодите ужо, сквитаемся!» В этих простых солдатских словах было много правды. Мы, офицеры, думали также, что было бы лучше, чтобы они совсем не приезжали к нам. Помогать не помогали, но путать все были великие мастера.

Ко всем невзгодам на нас неожиданно свалилась еще одна беда. 26 января 1920 года умер наш Белый Вождь, наш главнокомандующий, наш герой генерал Каппель. Не усмотрели – он простудился, получил двухстороннее крупозное воспаление легких, а в тех условиях, в которых мы находились, вылечиться было немыслимо. Наша вера в победу со смертью нашего вождя поколебалась. Тайга стала для нас еще страшнее. Старые закаленные, испытанные множеством боев солдаты плакали, как малые дети.

Перед смертью генерал Каппель передал командование армией молодому георгиевскому кавалеру, Генерального штаба генералу Войцеховскому. В приказе о принятии им поста главнокомандующего было упомянуто о том, что ему удалось связаться с атаманом Семеновым в Забайкалье… еще немного усилий, и мы получим заслуженный нами и долгожданный отдых. Кончался приказ такими словами: «Во имя скончавшегося нашего Главнокомандующего, Белая армия будет с гордостью носить имя «Каппелевцев», а наш поход в военной истории будет занесен как «Ледяной Сибирский Поход». С нами Бог! За Россию, Каппелевцы! Вперед!» – подписал генерал Войцеховский.

Воистину, Бог был с нами! Армия, оторвавшись от ледяных

когтей тайги, потеряв 60 процентов всего своего состава, вышла к берегу озера Байкал. Был разрешен короткий привал, и мы вступили на ледяной покров озера. Это озеро носит и второе название – Святое Море, за чистоту и прозрачность воды, а также и за свой размер (30 тысяч квадратных верст). Наше командование выбрало кратчайший путь в 40 верст, чтобы достигнуть противоположного берега, где нас ожидала японская армия и части атамана Семенова.

Пройденный нами по тайге путь для нас был ужасным, но для «ижевцев» он был еще ужаснее. Под командой своего отважного, храброго генерала Молчанова они ни разу не допустили нападения красных на нас сзади. Генерал Молчанов много раз вынужден был переходить в контратаку, дабы оградить нас, дать возможность армии продолжать начатый путь.

Итак, мы на ледяном поле Святого Моря. Еще один тяжелый эпизод из нашего Ледяного похода. Неожиданно поднялась снежная буря с невероятно сильным ветром. Ветер был настолько силен, что груженые сани уносились силой ветра. То же получалось и с людьми, если они не были связаны друг с другом и не были прикреплены к саням – их уносило на верную гибель, они замерзали. От силы ветра лед быстро очистился от снега, и мы оказались на зеркальной поверхности льда. Продвижение было замедлено, так как и люди, и лошади скользили, падали, вставали, ползли, но все же старались продвигаться вперед. Иногда лед вдруг с большим шумом трескался, образовывались полыньи, через которые приходилось настилать доски, чтобы как-то перебраться дальше. Пехота шла локоть к локтю, держась крепко друг за друга. Ветер обжигал лицо, дышать было очень тяжело. Ветер пронизывал нас насквозь. Наши старенькие шинелишки не защищали нас совершенно. Я приказал всем саням связаться веревками, чтобы никто из наших не оторвался от колонны. На наших санях было около восьмидесяти человек во главе с моим адъютантом капитаном С. Поповым, больным тифом, да и моя любовь Надюша, тоже заболевшая тифом, была в них. Стрелок, шедший рядом со мной, нечаянно оторвался от цепи, я успел схватить его, но мы оба упали, и ветер понес нас, но… к нашему счастью, на нашем пути была большая глыба льда, задержавшая нас, а цепь наших стрелков помогла нам встать и прицепиться обратно к остальным.

Будучи уже в эмиграции, читая журнал «Часовой» за ноябрь 1959 года, № 403, я прочел воспоминания моего бывшего адъютанта капитана Сергея Попова, отличного офицера и адъютанта: «Вспоминаю и самого себя, как в сыпном тифу, при высокой температуре переправлялся через Байкал, лежа в санях, и

мой командир полковник Мейбом Федор Федорович прикрыл меня своей «лишней» шинелью, оставшись в легкой гимнастерке; под свист ветра, который, конечно, пронизывал его насквозь, он скакал около саней, падал, вставал и пробовал шутить, чтобы слышать меня (раз говорит, значит, еще не умер), – и эту поистине братскую офицерскую услугу дорогого мне командира полка Феди я не забуду никогда… Да! Действительно, только в несчастье познаются друзья! Где ты теперь? Если жив, откликнись, мой друг!» Я откликнулся, и с тех пор мы находимся в частой переписке. Он в Италии. После ледяных ветров севера приятно жить в солнечной Италии! Но возвращусь к прерванному эпизоду…

Наконец, вдали смутно начали обрисовываться очертания берега. Еще несколько мучительных часов похода, и мы, окончательно выбившись из сил, выбрались на берег. Стрелки да и офицеры в изнеможении падали на землю, и стоило большого труда заставить их подняться. В это время к нам стали приближаться какие-то странные фигуры. Подойдя к нам на довольно близкое расстояние, двое из них отделились от группы и, подойдя ближе, низко кланяясь, обратились к нам: «Каппель! Каппель!» Произношение было странное. Получив от нас утвердительный ответ, они опять начали кланяться и лопотать: «Каппель холосо, очень холосо!» Это был дозор Японской Императорской армии.

Новости о появлении японской армии быстро разнеслись по нашей уставшей армии. Так же быстро были созданы солдатские новости, которые так же молниеносно распространились по всей армии. Эти новости доходили до курьезов. Например: я стоял недалеко от старшего унтер-офицера, серьезно сообщавшего своим стрелкам, что красным теперь конец. Японский император сильно осерчал на красных и объявил им войну. Другие говорили, что японский народ никаких там дерьма-республик не признает и будет бить всех несогласных с ними. Конечно, все соглашались с такими заключениями.

Первый приказ был подвести всех раненых и больных сыпным тифом к санитарным вагонам и погрузить их в них. Я лично сам доставил мою Надюшу, просил доктора позаботиться о ней, и, несмотря на ужасную усталость, я дождался конца погрузки больных и раненых стрелков и офицеров. Также я дождался подвозки моего адъютанта капитана Попова. Подойдя к нему, перекрестил его, поцеловал в лоб и сказал: «Храни тебя Господь, мой друг!»

Станция и поселок Мысовой были забиты нашими частями. Порядок охранялся дисциплинированными, отлично

обмундированными казачьими частями атамана Семенова. О Боже! Какое счастье быть спасенным, быть живым, быть сытым и чувствовать тепло! Как мало нужно человеку, чтобы чувствовать себя счастливым! Но в то же время, получив необходимое, начинаешь мечтать и о большем! Ловлю себя на мысли: «Хорошо бы было выпить водочки!» Но где ее достать? Спирт – часть была распита, часть, остаток, пришлось выбросить перед переходом Байкала.

После погрузки всех моих раненых и больных я с остатком полка направился в маленький поселок в 2–3 верстах от Мысовой, где была расположена Воткинская дивизия. Нас встретил конный разъезд дивизии и проводил нас к месту расположения нашего полка. Все быстро разместились по хатам, а я пошел в штаб Воткинской дивизии к полковнику фон Ваху. Полковник фон Вах приказал мне выслать заставу на южную сторону поселка и сказал, что он берет на себя все другие направления охранения. По возвращении к себе в полк, как мне жалко было будить командиров батальонов и приказывать им выставить заставу! Так как я поместился в расположении 2-го батальона, то и приказал его командиру сделать это.

С удовольствием скидываю с себя одежду, которую не снимал ни разу после боев под станцией Зима. Мечтаю… сейчас съем горячего супа с нашим черным (ржаным) русским хлебом, напьюсь горячего чая, вкус которого уже почти забыл, и… лягу спать, спать без просыпу, до бесконечности…

Мой полк вошел в тайгу в составе 680 штыков, а на Мысовой от полка осталось 265 человек в строю, с 38 офицерами. Господь наш свидетель – мы вывезли всех наших раненых и больных.

На второй день нашего отдыха я собрал всех офицеров полка и решил из полка сделать отдельный 49-й Сибирский батальон. Всех стрелков разделил на две роты, сделав бывших командиров батальонов командирами рот, я же принял батальон. В этот же день я получил маршрут, по которому на следующий день утром мы должны были следовать. Наша цель – сосредоточиться в городе Чите, где находился штаб Забайкальского войска и штаб атамана Семенова. Какое будет счастье опять попасть на территорию, свободную от коммунистов!.. Также нам обещали, что по прибытии в Читу мы получим продолжительный отдых (отдых нам был нужен как воздух после всего пережитого и перенесенного!), а также будет смена всего нашего вооружения, главным образом винтовок…

В этот же день я чуть не стал жертвой несчастного случая, чуть не лишился жизни от руки моего же офицера. Ко мне в комнату вошел начальник хозяйственной части полка капитан

Попов, брат моего адъютанта. Я относился с большим уважением к этому честному и энергичному офицеру. Не обращая внимания на капитана, я продолжал возиться с моими сапогами, которые никак не хотели оставить мои ноги. В комнате я был один. Наконец, усилие – и сапог полетел в угол комнаты. С большим облегчением и удовольствием поворачиваюсь к капитану Попову и… встречаюсь с дулом нагана… На меня смотрят безумные глаза с дрожащими, перекошенными губами, и он почти шепотом говорит: «Ага! Попался! Помучил нас и довольно!.. Больше снегу не хочу!.. Ты слышишь… Не хочу!..» Мелькает мысль: это то, что происходило с большинством больных тифом, он бредит, – но знаю, что малейшее мое неосторожное движение, и я получу пулю в лоб. Сижу как вкопанный. К моему счастью, капитан стоял спиной к двери. Дверь тихонько отворилась, и я увидел дорогое мне лицо моего денщика. Он как кошка подкрался к капитану и бросился на него. Раздался выстрел… еще… еще… Я бросился на помощь моему денщику. На звуки выстрелов вбежали дежурные связисты, которым я сразу крикнул: «Не бить, тихонько, он болен!» Капитану скрутили руки, прибыл доктор Ломоносов и, посмотрев на капитана, сказал только одно слово: «Тиф». Быть убитым, да еще своим же офицером, хотя он и был в бреду, – это ужасно. Кто не видел больных тифом, тот не может представить себе всей трагедии происходящего с больными. Идя по тайге при сорокаградусном морозе, тифозные больные часто скидали с себя одежду, и, если мы не успевали одеть их, они замерзали. Как я уже указывал ранее, многих мы вынуждены были связывать по рукам и ногам, дабы удержать их в санях. В бреду человек способен на невероятные вещи.

На следующее утро батальон был выстроен и ждал моего прихода. Подойдя к батальону, я поздравил всех со скорым отдыхом, но предупредил, что, идя к Чите, мы можем столкнуться с партизанами и нам придется в таком случае, конечно, вступить с ними в бой. Но, посмотрев на лица своих бойцов, я увидел у всех одно выражение: «Пусть попробуют нас задержать, нас, жаждущих отдыха! Мы слишком зачерствели, поломают зубы!»

Так, как я предвидел, так оно и получилось. Пока мы шли вблизи железной дороги, все было хорошо, спокойно, но, как только нам пришлось удалиться от железной дороги, тотчас же появлялись красные партизаны, с которыми нам приходилось вступать в бой. Все эти схватки были молниеносными. Мы их сбрасывали с их позиций и отгоняли в сторону от нашего пути. Все мы тайно мечтали скорее добраться до Читы, где нам обещан заслуженный отдых, сытный обед, а может быть, и чарка водки будет.

После нескольких довольно серьезных боев мы окончательно нанесли серьезный удар партизанам, разбив их на мелкие части. В этих боях наш легендарный по храбрости генерал Молчанов, предводитель ижевцев, был ранен. К счастью, не так серьезно – в руку, и это ранение не удержало генерала от продолжения командования ижевцами. Фронт сдали частям атамана Семенова, и мы наконец-то подходили к Чите. Еще несколько верст быстрого марша, и мы были уже в районе слободы (пригорода) города Читы. Под звуки военного марша мы вступили в столицу Забайкалья.

Главнокомандующий Дальневосточной областью атаман Семенов лично встретил нас и поздравил с окончанием нашего похода и с продолжительным отдыхом! Но, Боже, что у нас был за вид! Я думал раньше, что солдаты Наполеона, когда они отступали из Москвы, выглядели ужасно, но, видя наших бедных, измученных физически и нравственно бойцов, верных сынов России, которых из-за их вида нельзя было назвать армией, я подумал: «Да, мы по виду перещеголяли французов!» Несмотря на нашу одежду, все бойцы проходили церемониальным маршем, с поднятыми головами, с развернутыми национальными знаменами перед атаманом Семеновым, сохранившим для нас кусочек этой национальной России – маленький островок среди бушующего, кровавого кошмарного моря. Меня поразили казачьи части атамана их превосходной выправкой и прекрасным видом. 1-й атаманский полк встречал нас почетным караулом. У меня и многих офицеров появились на глазах слезы – слезы радости и надежды на хорошее будущее. Контраст между нами и казачьими частями был только наружный: они все были в новеньком обмундировании, а мы были одеты кто в рваные полушубки, кто в рваные зипуны, на ногах были обмотки, на головах тоже всевозможные шапки, то есть то, что мы смогли достать у жителей, что они смогли пожертвовать нам, видя нашу нужду. Все мы были небритые и нестриженые. Отчасти это было хорошо, так как борода спасает от отмораживания подбородка и щек.

С разрешения командира корпуса генерал-лейтенанта Молчанова я перехожу со всеми офицерами и стрелками в свою родную Волжскую бригаду к генералу Николаю Павловичу Сахарову[61]. Получаю от него приказ передать моих стрелков на пополнение полков, а из оставшихся офицеров сформировать «офицерскую роту имени генерала Каппе-ля». С этим приказом 13-я Сибирская дивизия[62]закончила свое существование.

По приказу по войскам Дальневосточной армии все господа офицеры производятся в следующий чин и награждаются орденом «За Великий Сибирский Ледяной Поход». Этот орден представлял

собой терновый венок с золотыми мечами и носился на Георгиевской ленте.

Разместившись по квартирам, я сразу же начал поиски Надюши. Где она? Выжила ли? Начались хождения по госпиталям. На второй день моих поисков я нашел ее. Увидев друг друга, мы крепко обнялись и расцеловались. Она мне сообщила неожиданную для меня новость. Ее муж нашелся, и после ее выздоровления они уедут в Японию, где находится коммерческая фирма, для которой ее муж работает, а также что часть интереса этой фирмы принадлежит ее супругу. Эта весть меня ошеломила, но, взяв себя в руки, я пожелал ей всего лучшего… Вдруг она горько заплакала и сказала сквозь слезы: «Федичка, я люблю вас… и если хотите, то я пойду с вами…» Конечно, я хотел бы, чтобы она была моей, но… что я мог ей предложить? Снова новые походы, новые испытания? Взяв себя в руки, я твердо сказал: «Нет, Надюша. Я не могу вас взять по многим причинам. Основная – я очень люблю вас, чтобы снова послать вас на испытания… Нет, Надюша, разрешите последний раз вас обнять и поцеловать!» И, поцеловав и обняв ее, я с трудом вырвался из ее объятий и быстро покинул палату.

В раздумье я шел, сам не зная куда, и очутился перед рестораном «Кавказ». Нащупал в кармане единственный золотой (10 рублей), который я получил от казначея за Сибирский поход (какая ирония)! Спустившись в подвальчик, я увидел в нем массу офицерства с желтыми погонами. Это были офицеры частей атамана Семенова. Я скромно уселся в углу и заказал шашлык и графинчик водки. Ко мне подошел полковник, представился и, узнав, что я волжанин-каппелевец, скомандовал всем встать, а оркестр грянул Преображенский марш. Я растерялся. Затем он предложил тост за меня и наши каппелевские части. Грянуло «Ура!». На мой стол наставили уйму чарок с водкой. Меня просят сказать слово. Я согласился. Первый мой тост был за атамана Семенова. Продолжительное «Ура!» долго не смолкало. Затем я обратился ко всем присутствующим атаманцам и от имени всей нашей каппелевской армии поблагодарил их за сохранение для нас, к нашему приходу, «Островка Русской Национальной России».

– Братское спасибо вам, дорогие братья по крови и по нашему «Белому оружию»! Я высоко поднимаю бокал за вас, за нашего атамана!

После моего тоста поднялся такой шум, что трудно было понять, кто что кричит. Одно я понял: качать полковника! Качать полковника! Качать волжанина! И я летел в воздух, падал, опять взлетал и т. д. Я чувствовал, что я должен выбраться из этой

компании. Под видом того, что мне нужно пройти в уборную, я выбрался на свежий воздух и только тут почувствовал, что «офицер очень устал», иначе говоря, был пьян. Подозвав извозчика, отправился домой. Приехав, еле поднялся на второй этаж, где меня встретил полковник Житня и препроводил в мою комнату, где я упал на кровать, бормоча, как мне говорил полковник на другой день: «Прощай, Надюша, прощай, Надюша!» Конечно, я этого не помнил.

За время похода меня часто мучила мысль: где же мои братья? О гибели Бориса в Киеве я знал давно, с Эрнестом – доктором – мы были вместе еще в Германскую кампанию, затем встретились в Ново-Николаевске в Гражданскую войну, когда я лежал в госпитале с пулевым ранением в грудь. Опять пошел по госпиталям города Читы и нашел брата в одном из них. Он оправлялся от тифа и был уже в довольно хорошем состоянии. От него я узнал о гибели моего второго брата Георгия, который, будучи с разъездом под городом Барнаулом в Сибири, был зарублен красной кавалерией.

Итак, город Чита теперь будет служить пунктом отдыха и пунктом формирования новых частей. Тело нашего командира и вождя генерала Каппеля мы привезли с собой в город Читу и здесь с почестями похоронили его, хотя при отступлении опять выкопали его гроб и похоронили в городе Харбине в Китае.

Наша армия приступила в переформированию. Корпуса сводились в дивизии, а дивизии в полки. Образовалось три корпуса, 4-й корпус был на «особом» положении. Им командовал барон, генерал-майор Унгерн. Он абсолютно не признавал никаких распоряжений высшего командования, а поступал так, как хотел…

В 1-й корпус вошли все части Забайкальского войска, им командовал атаман Семенов. Во 2-й корпус вошли сибирские, уфимские и егерские части. Им командовал генерал Смолин[63]. В 3-й корпус вошли ижевцы, воткинцы и все волжские части. Им командовал генерал-лейтенант Молчанов.

Все казачьи части, как сибирские, уральские, оренбургские, и донцы имели свою собственную группировку и придавались корпусам для военных операций. Главнокомандующим армией был молодой, боевой генерал-лейтенант Войцеховский. Армия закончила переформирование и только ожидала снабжения ее новыми винтовками, пулеметами и артиллерией. Мы были готовы идти снова в бой.

Бои в Забайкалье

Приказом по корпусу все мои рядовые стрелки уходят на пополнение полков Волжской имени генерала Каппеля бригады. Я же формирую офицерскую роту при Волжской бригаде, которая находится под командой дорогого мне генерала Николая Павловича Сахарова, под началом которого я провел весь период боев от Волги до Уфы, где был тяжело ранен и где мне пришлось расстаться на долгое время с волжанами. И вот опять все мы вместе. В моей офицерской роте было 86 офицеров, но я надеялся, что те офицеры, которые находятся в госпиталях, по выздоровлении пополнят наши ряды. Я и мои офицеры часто посещали госпиталя, разыскивая больных офицеров, которые были с нами в Ледяном походе. Находя таковых, мы им сообщали, что сформирована офицерская рота и что по выздоровлении мы их ждем к себе.

Нам обещали обмундирование, но пока что обещание оставалось обещанием, и, как ни странно, мы настолько привыкли к ним, что относились совершенно спокойно к тому, что обещания редко выполнялись. Мои сапоги, как у нас говорят, «просили каши», то есть пальцы вылезали наружу, поэтому я заказал себе сапоги, а так как имел золотой, то они мне обошлись всего в два рубля. Остальную же одежду все мы старались чинить, но не особенно успешно – одну дырку зашьешь, другая уже тут как тут, но подождем еще – ведь обещанного три года ждут.

Моя офицерская рота быстро пополнялась за счет выздоравливавших. Она достигла уже 100 офицерских штыков, но я мечтал довести ее до 120–130 штыков.

Однажды меня вызвал к себе генерал Сахаров, но, странно, не в штаб бригады, а на его квартиру. Денщик его превосходительства встретил меня с улыбкой и сказал: «Генерал вас ожидают». Войдя в довольно просторную комнату, я был изумлен. Комната была переполнена народом. Я увидел генерала, шедшего ко мне навстречу, и только я хотел официально отрапортовать о прибытии, он сделал мне знак, что это совершенно в данном случае не нужно. Подойдя ко мне, он обнял меня и потянул к столу в глубине комнаты. Стол ломился от множества закусок, вин и т. п. Оказалось, что у генерала собрались все уцелевшие сестры милосердия и господа офицеры Волжской бригады (основанной на Волге). Среди присутствующих я увидел генерала Ястребцова и подполковника Лебедева, с которыми я был во многих боях. Николай Павлович подошел ко мне с поднятой чаркой, а что было налито в эту чарку, не знаю, но спросить об этом генерала нельзя, а нужно не моргнув глазом выпить все до дна. Генерал поднял чарку и предложил тост за волжского боевого офицера подполковника Мейбо-ма, с которым

он расстался под Уфой, и должны были дойти до Читы, чтобы встретиться опять. «Пью за нашего командира отдельной офицерской роты. Дай Бог, чтобы он сохранил ее для нашей Белой Армии».

Все встали и приветствовали меня. Ко мне подошел подполковник Герман Лебедев и обнял меня, а генерал сказал: «Сегодня мы все ляжем костьми!» (на простом языке – напьемся вдребезги!). Начались разговоры, пение и т. п. Я почувствовал, что чарочка, преподнесенная мне, действительно заставит меня лечь костьми, поэтому я незаметно покинул собравшихся и вышел на улицу. Я думал, что свежий воздух протрезвит меня, но получилось наоборот, и я решил идти в расположение роты пешком, чтобы успеть хотя немного прийти в себя.

Подходя к роте, я увидел закутанную женскую фигурку, стоящую недалеко от входа в роту, а невдалеке извозчика. Я ломал себе голову, кого это ожидает женщина, когда, перейдя улицу, я попал в объятия Надюши. Она просила меня провести этот вечер и ночь с нею, так как на следующий день приезжал муж, и они сразу же должны были выехать в Японию. Я возразил ей, что порядком выпил и в таком состоянии мне бы не хотелось быть с нею, но она настояла на своем, и мы сели на извозчика и поехали в гостиницу, где у нее был номер. Приехав туда, мы выпили по бокалу шампанского и под звуки цыганского оркестра удалились к себе в номер. Ночь пролетела незаметно… Под утро я забылся… Когда я проснулся, то Нади уже не было, но на столике у кровати она оставила мне письмо. Она писала: «Так лучше, мой дорогой, мой ненаглядный! Я молю Бога, чтобы Он послал мне от тебя сына, чтобы он был такой же, как ты, чтобы я могла перенести на него всю мою любовь к тебе. Как мне тяжело писать, но… прощай, мой дорогой и милый мальчик. Наверное, нам не будет суждено когда-либо встретиться! Обнимаю и целую тебя крепко. Да хранит тебя Господь! Твоя навеки Надя».

Прочитав письмо, я зарыдал, как малое дитя. Не знаю, как долго я сидел на кровати, не одеваясь, а лишь думая о том, что я потерял. В дверь постучали и спросили, когда можно будет прийти и прибрать комнату. Я оделся, спустился в столовую, заказал двойную порцию водки и яичницу. Я все никак не мог примириться с мыслью, что я потерял любимую женщину. Подняв стакан, я мысленно пожелал ей здоровья и счастья в будущей ее жизни и выпил водку залпом. К яичнице я не притронулся, мне было не до еды. Выйдя из гостиницы, я направился в роту и хотя не был пьян, но чувствовал себя как пьяный или больной. Я решил тогда, что всю мою любовь я отдам Родине на спасение ее от красного ига, да к тому же это был мой долг, долг офицера.

Армия отдыхала, но одновременно вела подготовку к предстоящим боям. Появилась забытая в походах отчетливость и дисциплина. В этой подготовке ижевцам и воткинцам было очень тяжело. Эти люди были все рабочими от станка, у них существовала своя особая дисциплина, дисциплина рабочего. Они не понимали и не признавали отдания чести всем офицерам. Признавали только своих офицеров, которым отдавали честь и называли их в большинстве случаев по имени и отчеству и относились к ним с большим уважением. Эти офицеры были также рабочими от станка. Дабы не вызывать недовольства в их частях, мы не предпринимали никаких изменений. Зато в боевом отношении их никто не мог превзойти. Они заслужили небывалую славу на полях сражений. Бывали случаи, когда ижевцы ходили в атаку на неприятеля с ножами и обращали его в бегство. Там, где на позиции стояли ижевцы, красные, узнав об этом, быстро отступали, стараясь не принять боя. Мы их уважали, а красные их боялись.

С утра и до вечера шли строевые занятия. Я со своей офицерской ротой этим очень мало занимался, да было бы и смешно учить офицера строю! Правда, иногда мы проходили по улицам Читы и тогда, как в военном училище, шли твердым шагом, с залихватской песней, а публика Читы смотрела на нас с восхищением и одобрением. Нам сообщили странную новость. Еврейское общество города Читы предложило атаману Семенову сформировать батальон из еврейских добровольцев. Это что-то новое! Конечно, разрешение они получили. Откровенно говоря, к этому известию мы отнеслись с недоверием. Мы боялись предательства и провокации.

После Ледяного похода через Сибирь я был прикомандирован, по моей личной просьбе, к родной мне Волжской дивизии, которой командовал теперь уже не подполковник, а доблестный и лихой генерал Сахаров (Волжский). Город Чита должен был служить для нас местом отдыха и нового формирования. Армия атамана Семенова, пропустив нас в тыл, заняла боевые участки. Тело любимого нами нашего Белого Вождя генерала Каппеля было с нами, и мы с почестью и со слезами на глазах похоронили его в Чите.

Бои на подступах к Чите. Забайкалье и ст. Маньчжурия

Итак, стоянка Волжской, имени генерала Каппеля дивизии – город Чита. Для моего штаба и остатков моего полка был отведен богатый особняк известного там адвоката – еврея Самуила

Самодурова.

Приказом за № 121 по войскам Дальневосточной армии все господа офицеры, совершившие Сибирский Ледяной поход, производились в следующий чин и награждались особым орденом на Георгиевской ленте. На ордене был терновый венок и золотой меч. Приказом же № 121 я производился в первый штаб-офицерский чин подполковника. В капитаны я был произведен за выслугу времени отделом производства Ставки Верховного Правителя, приказом № 563, еще будучи раненным в городе Ново-Николаевске.

За все это время меня очень беспокоила судьба моих двух братьев родных и приемного брата Бориса. Мой старший брат Эрнест был доктором, и мы с ним встречались еще в Германскую кампанию на Юго-Западном фронте. Георгий – поручик 5-го Уланского Литовского полка и, наконец, Борис – Генерального штаба капитан. Последних двух братьев я потерял из виду совсем, а старшего, к моему большому счастью, разыскал в городе Чите, больным сыпным тифом, в госпитале. Он прошел с 3-й армией весь поход и все страдания на должности начальника санитарной части армии. От него я узнал о Георгии и Борисе. Первый служил добровольцем-офицером в Драгунском полку, и судьба его оказалась очень печальной. Под городом Барнаулом, командуя разъездом, он попал под удар красной кавалерии, ударом сабли был выброшен из седла и подобран крестьянами, которые его выходили. Потом отряд Чека его арестовал и привез на суд в город Барнаул. Там его ожидала верная смерть, но счастливый случай спас его. Комиссар оказался другом его детства и сохранил его. Последние известия о нем я имел уже в эмиграции, в 1927 году, после чего вся переписка прервалась. Борис же был расстрелян большевиками в городе Киеве в 1925 году. С братом-доктором меня судьба связала еще очень надолго. Оба мы выполнили честно до конца наш долг перед Матерью-Россией, и только поездка моя в Америку оторвала нас на 26 длинных лет. Мы оба тогда уже были в эмиграции в Китае.

Возвращаюсь снова к нашей стоянке в городе Чите. Благодаря колоссальным потерям, перенесенным в походе, армия генерала Каппеля приступила к переформированию. Корпуса сводились в дивизии, а дивизии в полки. Образовалось три корпуса и 4-й Особый, отдельный генерала барона Унгерна, который находился на ст. Даурия. Он был действительно «отдельный», так как барон признавал Верховную Власть постольку, поскольку это было в его интересах. Это было маленькое «удельное княжество».

В 1-й корпус вошли все забайкальские, атамана Семенова воинские части. Во 2-й корпус – сибирские, уфимские и егерские

части, и командовал ими генерал Смолин. В 3-й корпус вошли все коренные, боевые генерала Каппеля части: волжские части, ижевские, воткинские, и командовал ими генерал Молчанов. Все казачьи части, как сибирские, уральские, оренбургские и т. д., имели свою собственную группировку и придавались к корпусам в зависимости от сложившейся боевой обстановки.

Приказом по корпусу я назначаюсь командиром Отдельного, имени генерала Каппеля, Офицерского отряда. Армия перешла от отдыха к горячей работе по боевой подготовке к предстоящим боевым действиям. Появилась забытая в походах отчетливость, поднялась дисциплина и выправка. Трудно приходилось нашим рабочим – ижевцам и воткинцам. Воинскую мудрость они постичь не могли. У них была своя, станковая, рабочая дисциплина. Честь отдать они забывали, но зато шапку снимет и своего офицера по имени и отчеству назовет. Так их и оставили в покое. Но зато в боевом отношении их никто не мог превзойти. Они заслужили незабываемую славу на полях сражений. Мы их уважали и любили, а противник боялся.

С утра и до вечера шли занятия. Всюду лилась залихватская боевая песня. На этих днях мы услышали странную для нас новость. Она не только удивила нас, но и поразила. Еврейское общество предложило атаману сформировать, на их собственные средства, Еврейский боевой батальон. Вот так история! Разрешение они получили и к формированию приступили. Откровенно говоря, мы к этому отнеслись весьма недоверчиво. Боялись предательства и провокации. В конце концов так и оказалось. Батальон был сформирован и отправлен в деревню Александровку, где и перебил своих же офицеров и перешел на сторону красных. А мне, с моим Офицерским отрядом, пришлось его ликвидировать. Был странный бой. С одной стороны предатели-евреи, а с другой, наступающей, – господа офицеры. Бой был очень короткий. Я нанес Еврейскому батальону сокрушающий удар, с обхватом обоих их флангов, и прижал их к озеру, где частями и переловили весь батальон. В начале боя они, видимо, страшно волновались. Об этом можно было судить по их беспорядочной стрельбе. Мои офицеры шли в атаку с папиросой во рту. Потери с нашей стороны были незначительны. После ликвидации Еврейского батальона мы снова вернулись в Читу и ожидали со дня на день перевооружения. Старые винтовки были сильно расстреляны. А кроме того, в отряде не сохранилось ни одного штыка.

В свободное от службы время я любил ходить на вокзал, где проходили чуть не ежечасно богатые составы поездов уезжающих «милых союзничков». И кого только там не было! Даже

итальянские альпийские стрелки в их причудливых формах. Их стоянка в Сибири, как экспедиционных войск, была главным образом расположена по линии железной дороги. До сих пор я не могу себе представить, для какой же, в конце концов, цели они были присланы к нам. Помогать они нам не помогали, а только мешали и занимались сплошной провокацией. В боевом отношении эти союзные воинские части были ниже всякой критики. А вели они себя так вызывающе, что со стороны казалось, что не они гости на Русской территории, а мы, настоящие хозяева Русской Земли, находимся в гостях у них. Смотришь на эти блестящие проходящие поезда, и невольно напрашивается сам собою вопрос: «Господа Союзники! За что же это вы плюнули нам, Русским Патриотам, в нашу душу?!» Но посмотришь на самодовольные рожи упитанных офицеров и приходишь к заключению: не стоит и спрашивать – не поймут. Где им? Ведь они победители! Какая ирония! Победители на крови и предательстве Русского народа.

Шел апрель месяц, и наступал великий для нас Праздник Святой Пасхи. Перед заутреней все господа офицеры роты почистились и надели все лучшее, что у них было. Заботами начальника хозяйственной части отряда были приготовлены пасхальные столы. Все было готово, чтобы встретить этот Святой Праздник так, как его встречала наша Святая Русь. Кроме дежурного взвода, вся рота пошла в церковь. За несколько минут до моего выхода из помещения я был вызван к телефону. Говорит начальник штаба Волжской бригады, Генерального штаба полковник Попов. По приказанию начальника бригады моя рота должна быть в полной боевой готовности. Тревога. Забыты пасхальные столы. Спешно разбираются винтовки, и с шумом выкатываются пулеметы. Стройно, попарно спускается рота на улицу. Стояла дивная пред-пасхальная ночь. Отряд выстраивался лицом к противнику и спокойно дожидался дальнейшего приказания. В штабе бригады я узнал подробности всех событий, которые произошли за несколько часов.

Красная армия, под командой товарища Блюхера, всей своей массой обрушилась на наш фронт. Части атамана Семенова не выдержали удара и отходят по всему фронту. Красными уже занята деревня Трех-Озерная, находящаяся в 10–12 верстах от Читы. Волжской бригаде дана боевая задача – выбить противника из деревни Трех-Озерной. Мой отряд идет в авангарде. Японская Императорская армия также принимает участие в этой боевой операции. Посмотрел на часы: было ровно 12 часов ночи. Подаю команду: «Господа офицеры, на молитву. Шапки долой». Проходит минута тишины. Снова команда: «Накройсь». И я

поздравляю роту: «Христос Воскресе!» Братские поцелуи, и рота, свернувшись в походную колонну, с лихой каппелевской боевой песнью:

С нами Каппель, сын России,
С нами славный Вождь всегда…

отчетливо проходила улицы города Читы. Кончился отдых. Снова для нас настала боевая пора.

Не доходя 3–4 версты до деревни Трех-Озерной, я вошел в огневую связь с передовыми отрядами красных. Развернувшись, мы пошли в атаку и, легко сбив противника, начали теснить его к деревне. Мой отряд, по диспозиции, шел в лобовой удар. Справа шла наша Волжская бригада, а правее ее шли части японской армии, говорят, в составе дивизии, а может быть, только полка: у этих самураев точно узнать ничего нельзя. Слева от меня – Оренбургская казачья бригада, 1-й Забайкальский полк, а еще левее – снова японская армия – ее конные части.

Противник укрепился на отличных позициях. Бой в полном разгаре и уже продолжается около трех часов. Красные упорно обороняют деревню, часто переходят в контратаки. Наконец мы переходим в решительное наступление, сбиваем противника, который быстро начинает отходить. Но со своим отходом они опоздали. Японские части в их тылу отрезали все пути к отходу. Три дивизии красных – в клещах. Началась ликвидация. Противник яростно бросался в бешеные атаки в самых различных направлениях, но прорваться ему не удалось. Кольцо все сужалось и сужалось. В отряде есть убитые и раненые.

Наконец красные всей своей массой, с диким ревом «Ура!», повернув свой фронт, густыми цепями, чуть ли не колоннами, повели штурм на мой участок. Этого я никак не мог ожидать. Какая могла быть у них цель прорвать фронт именно на моем боевом участке? От этого прорыва, если бы даже он им и удался, их положение не изменилось бы к лучшему. Ждем. Огня не открываем. Красные быстро приближаются. Еще минута ожидания… и огонь. Затарахтели пулеметы «максим», посыпалась частая ружейная стрельба. Но в нашем огне есть что-то странное: винтовочный выстрел не тот, к которому так привыкло ухо. Глянул на наши цепи и вижу, как выпущенные нами пули зарываются в нескольких саженях от нас в мягкий песок, поднимая его на воздух. Что случилось? Понять не могу, да и поздно. Противник уже совсем близко. Поднимаю отряд, и идем в контратаку, без штыков. Трудно сказать, чем бы этот бой закончился, если бы нам пришлось столкнуться с красными грудь

с грудью. К моему счастью, Оренбургская казачья бригада, неожиданно для меня и противника, лавой навалилась на его левый фланг, смяла его, и началась рубка. Красные бросились в панике, ища спасения, в деревню. Но оттуда шла лава японской регулярной кавалерии. Бой закончился полным поражением красных.

Приказал собрать все патроны, полученные мною из Читинского патронного завода. Оказалось предательство. Каждая гильза была заряжена неполным составом пороха. Попытка большевиков захватить Читу не удалась. Результатами для них оказалось уничтожение их лучших пяти дивизий – рабочих, московских, коммунистических частей. Масса пленных. Одних бронепоездов было взято два. А снаряжения и подсчитать было невозможно – всюду пушки, брошенные пулеметы и тысячи винтовок. Урок им был дан нами весьма серьезный. Но надолго ли? Нельзя было забывать, что этому боевому успеху помогла нам своим активным участием Японская Императорская армия. Но кто мог бы нам поручиться за то, что она не предаст нас так же, как и другие «союзники»? Снимется, уйдет и даже не потрудится предупредить нас; веры к ним ко всем у нас уже не стало. Потери в роте: 2 офицера убито и 10 ранено.

С той же боевой песнью, так же отчетливо мы снова маршировали по улицам города Читы. Нам обещан снова отдых и полное перевооружение новыми винтовками, которые мы и получили на второй день. Было интересно смотреть, как господа офицеры на сей раз бережно и даже с любовью обращались со штыками. Урок был тяжелый – идти на штыки, не имея их. С тех пор мне не приходилось видеть, чтобы у кого-либо в роте винтовка была без штыка.

На этих днях в нашей роте было большое торжество. Дамы господ офицеров роты своими руками и их милыми пальчиками вышили дивное знамя. На белом шелку золотыми буквами были вышиты слова: «За Святую Русь». А ниже: «Офицерская рота имени Ген. Каппеля». На левой стороне, в верхнем углу, в желтом императорском поле Двуглавый Орел, вышитый черным серебром. Посередине знамени художественно вышит наш орден «За Ледяной поход». Чудное знамя! После полной церемонии и торжественного богослужения знамя было передано нам из рук командующего армией генерал-лейтенанта Войцеховского. После этого состоялся парад и потом банкет роты, на котором присутствовали все высшие чины армии, во главе с атаманом Семеновым.

Красные, потерпев поражение или, вернее, позорный для них разгром, спокойно сидели и не беспокоили нас. Мы же, видя, что

японская армия продолжает стоять на своих боевых участках, так же спокойно продолжали свой отдых и подготовку к будущим боевым действиям. Но враги наши не спали, а упорно работали в нашем тылу и среди нас же самих. Большевистские и социалистические провокаторы сумели в конце концов внести разлад в наши ряды.

Совершенно неожиданно армия враждебно разделилась на два лагеря: семеновцев и каппелевцев. Дошло дело до того, что происходили даже столкновения. Провокаторство было ясно, и все же эта враждебность охватила даже некоторых начальников отдельных частей. Я боролся всеми мерами, чтобы моя рота не попала также под это влияние. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не начались жестокие бои по всему Забайкалью. Боже, как мне было обидно и досадно, что многие не поняли или не хотели понять, что все это дело рук большевиков. Ведь мы остались единственной армией Белых Патриотов на родной русской земле, и вдруг какая-то глупо-провокаторская враждебность. Не один я тогда, а тысячи нас вспомнили нашего Белого Вождя генерала Каппеля. Если бы он был жив, этого никогда бы не случилось!

Моя рота спешно погрузилась в эшелон и двинулась к городу Сретенску, расположенному на реке Шилке. Выбросив из него банду красных партизан, мы совместно с Волжской бригадой стали в нем гарнизоном. Дивный городок, утопающий в зелени, окруженный дикими горами, покрытыми ковром из фиалок.

В скором времени к нам прибыл и штаб нашего корпуса, с его командиром генералом Молчановым и начальником штаба Генерального штаба генералом Барышниковым[64]. Остальные части корпуса заняли исходные плацдармы, готовые перейти в наступление. Мы ожидали крупного масштаба боевых операций по очистке Забайкалья от партизан и их очагов.

Моя рота часто выходила в походы с целью разведки. Я нарывался на партизан, гонялся за ними безрезультатно и снова возвращался в Сретенск. В одном из таких боев я обходил нашу позицию. Бой уже закончился, и, как обыкновенно, партизаны удрали. Был дивный летний день. Поравнявшись с расположением 2-го взвода, я встретил командира взвода капитана Арсеньева. Стоим, разговариваем и курим. Неожиданно послышалось в воздухе какое-то приближающееся к нам журчание. Удар или, вернее, шлепок во что-то мягкое. Капитан Арсеньев, схватившись руками за живот, со стоном повалился на землю. Бросились к нему, расстегнули платье и обнаружили пулевую рану в живот. Пуля была на излете, а потому рана получилась рваная и тяжелая. Бедный Белый герой! Храбрец,

дивный офицер, прошедший с боями с берегов Волги до Забайкалья в строю, с винтовкой в руках, и погиб от какой-то шальной пули, пущенной в воздух. Вот трагедия! Он умер в страшных мучениях на руках сестры милосердия.

Армия перешла в наступление. Операция проходила успешно. Сбивая всюду красных, мы быстро гнали их и в результате окружили. Еще бы небольшое напряжение, и мы очистили бы все Забайкалье от красной нечисти. Но… у нас всегда случалось что-то… Так случилось и теперь. Барон Унгерн со своим корпусом, не предупредив нас, оставил фронт и ушел к себе в Даурию. Вся наша четырехдневная операция пошла насмарку. Конечно, мы противника сильно потрепали, но ликвидировать его нам не удалось, и товарищ Шевченко со своим 10-ты-сячным отрядом вышел из нашего окружения. Кроме того, он отрезал Волжскую бригаду от главных сил. Днем мы отбивались от наступающего со всех сторон противника, а ночью осторожно обходили его, стараясь выйти к реке Шилке. В течение 10 дней мы были фактически потерянными и нас уже начали считать погибшими. Наконец, нам удалось выбраться из окружения и войти в связь с нашей группой, которая выслала нам на помощь конную бригаду, с которой мы и отошли к нашим главным силам.

Наш поход был закончен, но по всему Забайкалью продолжались жестокие бои. Положение нашей Белой армии было не из приятных. Японская армия под ультимативным требованием союзников должна была начать эвакуацию своих частей. Еще раз, перед уходом, она нанесла сокрушающий удар по красным, еще раз спасла Читу от захвата ее большевиками. Но это было уже последним жестом самураев. Они грузились и уходили в Приморскую область, в порт Владивосток. Армия с лихорадочной быстротой перегруппировывалась, готовясь, может быть, к последним боям. Наш 3-й корпус шел на ст. Борзя.

Во время похода я получил неприятный для меня приказ. Командир корпуса приказал мне отправиться эшелоном на ст. Карымская и немедленно разоружить и арестовать весь состав бронепоезда «Повелитель» за мародерство и неподчинение приказу командующего армией. Секретно сообщалось, что есть предположение, что командир бронепоезда капитан Масалов работает для большевиков, и чтобы я принял все меры предосторожности. После ареста я должен сдать всех офицеров командиру 2-го корпуса генералу Смолину для предания военно-полевому суду. Этот эпизод был описан подробно в прошлом на страницах «Первопоходника».

Назревал серьезный вопрос, как наше командование решит задачу перехода по территории Китая. Мы слышали, что китайцы

не желают нас пропускать. Ну, тогда остается у нас одно решение – пройти с оружием в руках от ст. Пограничная до ст. Раздольная по территории Китая. Наконец, китайцы согласились пропустить нас с условием, что мы сдадим им оружие и они его вернут нам, когда мы достигнем Раздольной. Наше командование категорически отказалось, так как мы китайцам не могли довериться. Были готовы к бою, мой бронепоезд «Витязь» был готов. Чехлы с пушек сняты, наш национальный флаг поднят к бою.

Жду приказа открыть огонь. Наши передовые части перешли границу, но в это время появились японские офицеры и просили не начинать боя: они лично от их командования гарантируют, что оружие они примут, сохранят и отдадут нам, как только мы достигнем нашей границы. Офицеры могут сохранить и наганы.

Мы верили японцам, мы их знаем очень хорошо по совместной боевой работе в прошлом. Подали открытые вагоны, куда и начали мы сдавать оружие, что заняло два дня, и после этого мы двинулись в поход. Мой бронепоезд они просили взорвать. «Вам его больше не надо», – говорили японские офицеры. Я получил приказ – взорвать «Витязя».

– Прощай, наш верный друг! – И, заложив пироксилиновые шашки, зажгли шнур и отошли на довольно большую дистанцию. Колоссальный взрыв, не только от пироксилиновых шашек, но мы имели большое количество снарядов для нашей артиллерии. «Сомкнули ряды» и молча пошли к китайской границе.

Ф. Мейбом
Бронепоезд «Витязь» [65]

Бронепоезд «Витязь» родился неожиданно при необыкновенных обстоятельствах. Первое боевое крещение он получил при защите станций Урульга и Карымская. Произошло это после бесплодных переговоров между белым правительством в городе Чите и красным командованием. В возможность добиться мирного соглашения никто из офицеров, за малым исключением, не верил. Мы отлично знали, что даем красным возможность сделать перегруппировку войск, а когда они будут готовы, то без предупреждения перейдут в наступление. К сожалению, другого мнения было Читинское правительство. Оно было уверено, что мир уже почти подписан.

Первый удар красных был нанесен на ст. Урульга с целью захвата затем узловой станции Карымская. «Витязь» стоял на боевом участке с 1-м полком Добровольческой бригады. Командиром полка был доблестный офицер полковник Черкес. Метким огнем «Витязь» остановил красный бронепоезд «Товарищ Блюхер» и полностью уничтожил его со всем его составом, а затем сильным артиллерийским огнем заставил цепи красной пехоты залечь. Это дало возможность Добровольческому полку занять лучшую позицию. Подробности этого боя будут даны дальше.

По условиям перемирия Читинского правительства с красными, наш 3-й корпус, под командой генерал-лейтенанта Молчанова, походным порядком перешел по территории, занятой красными, из района города Сретенска в район поселка и станции Борзя. Там же была расквартирована состоявшая в 3-м корпусе Волжская имени генерала Каппеля бригада под командой молодого храброго генерала Н.П. Сахарова.

Я, подполковник Ф. Мейбом, автор воспоминаний, старый и коренной волжанин, начал Гражданскую войну в Казани рядовым офицером 1-й офицерской роты, которой командовал прекрасный человек и доблестный офицер гвардии полковник Радзевич. После упорных боев под ст. Свияжск и неудавшегося обхода группы генерала Каппеля, мы с помощью 1-го чешского полка полковника Швеца разбили латышскую бригаду Вацетиса и начали отход, задерживая противника на каждой удобной позиции. Наконец, перейдя в контратаку, в штыковой схватке опрокинули Кронштадтскую матросскую группу с латышским личным конвоем Троцкого. Отброшенный противник бежал к ст. Свияжск, преследуемый нами. Будь у нас кавалерия, то товарищ

Троцкий, находившийся среди своих бегунов, попал бы в наши руки. Было обидно, что он скрылся на наших глазах. И было больно слушать, когда из наших рядов раздались крики: «Кавалерию, кавалерию!» – зная, что ее у нас не было.

Я уже командовал офицерским взводом, когда получил приказ отправиться в Казань в распоряжение генерала К., который меня назначил в Первый Казанский стрелковый полк. В полку только два батальона, рядовой состав исключительно татары. Получаю приказ принять 1-й батальон. В батальоне 400 татар, из которых большинство никогда в армии не были и лишь небольшой процент служил в Императорской армии. В батальоне пять офицеров и нет совершенно унтер-офицеров. Делали все, что было в наших силах, чтобы привести рядовой состав в воинский вид, но это было не так-то легко – некоторые татары не говорили по-русски. Мучаем их и себя с утра до ночной темноты в построениях и, главным образом, рассыпному строю.

После 10 дней я получаю приказ идти на помощь отряду, защищающему Артиллерийские казармы. Начальником боевого участка был полковник Н.П. Сахаров. У него Георгиевский крест и Георгиевское оружие, что сразу же произвело на нас большое впечатление. Увидев батальон, он покачал головой и сказал, что даст мне возможность продолжать обучение еще несколько дней. С этого момента моя судьба была связана надолго с этим отличным другом и боевым командиром и со своими волжанами – до Уфы, где я был ранен и эвакуирован в Ново-Николаевский госпиталь. 2-м батальоном командовал капитан Г.Д. Лебедев[66], с которым мы были большие друзья. Царство ему небесное, как и другому нашему казанцу – полковнику Б.И. Попову[67].

Приказом адмирала Колчака все выздоравливавшие офицеры остаются в распоряжении начальников гарнизонов для пополнения вновь формирующихся частей. Выйдя из госпиталя, я явился к начальнику гарнизона генерал-лейтенанту Зощенко[68]и прошу разрешения вернуться обратно в волжские части. На это – назначение явиться в распоряжение командира 49-го Сибирского стрелкового полка. Командует полком гвардии полковник М. Представляюсь и получаю приказ принять первый батальон. В полку около 4000 штыков. Вновь сформированная 13-я Сибирская стрелковая дивизия имела не меньше 12 000 штыков. С этим полком я провел все бои и прошел Сибирский Ледяной поход до города Читы, командуя 1-м батальоном, потом был назначен помощником командира полка и, наконец, принял должность командира полка. В Чите началось переформирование частей из дивизий в полки, из полков в батальоны и т. д. От моего полка осталось в строю около 200 штыков, из которых 45 офицеров.

Получаю приказание передать солдатский состав в распоряжение генерала Сахарова, а из офицеров сформировать роту, которая получает наименование Офицерская рота при Волжской имени генерала Каппеля бригаде. Рота была пополнена и имела 75 штыков (офицеров).

С этой ротой я и прибыл на ст. Борзя, где сосредоточилась Волжская бригада. Получаю приказ от генерала Сахарова немедленно явиться к генерал-лейтенанту Молчанову.

Генерала Молчанова я очень хорошо знаю по его боевым операциям, по его безграничной храбрости, по его необыкновенной способности применять тактические приемы, наиболее соответствующие требованиям гражданской войны. Все это, вместе взятое, давало генералу ореол доблести военного Вождя с его легендарными по храбрости ижевцами и воткинцами. Но я, и не только я, а все знали, что он очень строг и Боже упаси не исполнить его приказа…

Генерал встретил меня очень любезно и объяснил мне мою задачу. Задача не боевая, но очень неприятная. Я должен с Офицерской ротой срочно погрузиться и отправиться на станцию Карымская, на которую на следующий день ожидается приход бронепоезда «П…». Мне предстоит арестовать командира бронепоезда капитана М. и всех офицеров и отправить их под конвоем в распоряжение командира 2-го корпуса генерала Смолина для предания военно-полевому суду за мародерство. Об исполнении приказа донести.

Не буду описывать подробно, как произошел арест. Это одно из самых неприятных для меня воспоминаний. Сообщу об этом кратко. Как только бронепоезд подошел на станцию, я попросил командира бронепоезда прийти ко мне в контору начальника станции, где я показал ему приказ об аресте. На это он мне ответил, что он не подчинен генералу Молчанову, что у него есть только один начальник – «наш Батька-атаман», и просит переговорить со штабом атамана. В этом я ему категорически отказал и предложил переговорить с генералом Молчановым. При этом я ему сказал, что разговоры ни к чему не приведут и что я должен выполнить данный мне приказ. «Вы арестованы и потрудитесь сдать ваше оружие полковнику Х…» Он сразу как-то осел и обратился ко мне с просьбой прочитать своим офицерам приказ и тем самым успокоить их. Приказ он обещал тотчас же вернуть: «В чем даю вам слово офицера»… Я очень пожалел, что поверил слову такого офицера. Поднявшись на бронепоезд, капитан М. отдает приказ «К бою» и полным ходом идет вперед. Воет сирена, пушки и пулеметы направлены на нас.

Я успеваю соединиться по прямому проводу с комендантом

станции Андриановка и приказываю ему задержать бронепоезд. Требую испортить железнодорожный путь, набросав на него все, что найдется под руками. Со своей ротой иду на хвосте бронепоезда. Показалась станция Андриановка. Бронепоезд сбавляет ход и наконец останавливается. Быстро выскакивает из вагонов Офицерская рота, развертывается в цепь и идет прямо на бронепоезд. Был жуткий момент – неужели откроют огонь по своим же офицерам?.. Бронепоезд без выстрела сдается… Арестованы все офицеры. Рядовые забайкальские казаки остаются на своих местах. Капитан М., подойдя ко мне, протянул мне руку. Он нарушил данное слово, и рука его так и осталась в воздухе.

Докладываю генералу Молчанову, что приказ полностью исполнен, и прошу указания, что делать с бронепоездом. Ответ: «Назначаю тебя командиром бронепоезда»… Никогда в моей жизни я не командовал бронепоездом, к тому же я пехотинец, а не артиллерийский офицер, но, зная генерала, я не осмелился возразить ему, и мне остался один выход – «Слушаю». Приказано выехать на ст. Урульга в распоряжение начальника боевого участка – начальника Добровольческой бригады генерала Осипова и встать на охрану этого участка совместно с командиром 1-го добровольческого полка полковником Черкесом.

Мы немедленно занялись перекраской бронепоезда, и его прежнее имя было заменено именем «Витязь». В это время шло еще злосчастное перемирие, но оно дало нам время на подготовку. «Витязь» был занят днем и ночью. Днем шла пристрелка различных целей, а ночью мы тихонько уходили ближе к расположению красных частей. Мне повезло, и я достал хорошего, знающего артиллерийского офицера, бывшего командира батареи в Императорской армии, кавалера Георгиевского оружия – капитана Федорова. Он в короткий срок привел артиллерию на бронепоезде в блестящее состояние и два месяца был незаменимым учителем молодых артиллерийских офицеров.

Я держал «Витязь» все время в работе, а сам учился управлять им. Главный секрет в командовании бронепоездом – это беспрерывная и умелая смена позиций, чтобы не дать противнику пристреляться. «Витязь» имел сильную артиллерию: три пушки трехдюймовых японских, одно дальнобойное орудие «кане» на тумбочной морской установке; 4,5-дюймовая мортира и пушка Гочкиса на башне у командира бронепоезда. Кроме того, мы имели десять пулеметов «максим» и восемь пулеметов «кольт». Команда бронепоезда состояла из 100 офицеров и 35 солдат. Часть команды обслуживала орудия, часть – пулеметы, и часть исполняла инженерные работы.

В один из дней нашей практики в артиллерийской стрельбе по закрытым целям снаряд из «кане» пошел «гулять» и угодил в поселок, где стоял конный полк красных. Убито несколько красноармейцев и шесть лошадей. Боже! Что тут началось… Приехала специальная комиссия из Читы с представителем от Дальневосточного правительства. Начались расследования, дознания и т. д. Хотели предать суду начальника орудия штабс-капитана Артомашева. Я, конечно, стоял за него и доказывал, что пушки старые и расстрелянные и что начальник орудия тут ни при чем. Хотя в глубине души я не особенно верил начальнику орудия, а также сам себе со своими доказательствами. Что особенно меня удивило, это что начальник боевого участка генерал Осипов[69]вместо того, чтобы дать голос за своего офицера, почему-то старался всеми силами утопить его. С этого дня наши отношения с ним стали строго официальными.

С офицерами же 1-го Добровольческого полка[70]у нас были самые дружеские отношения, а с полковником Черкесом[71]мы стали большими друзьями. Мы на бронепоезде «Витязь» жили, конечно, лучше, чем офицеры пехотного полка, и это нас очень стесняло, так как мы не так давно были в таком же положении, как и они. Поэтому они были ежедневными гостями на «Витязе». Мы доставали водку из Маньчжурии по железнодорожному пути и охотно делились с ними водкой, продуктами и т. д. Все это делалось как бы в одной офицерской семье.

Время шло, а слухи все упорнее и упорнее говорили, что красные готовы перейти в наступление. На нашем участке было все спокойно, за исключением донесения из заставы, что в тылу у красных идет какое-то передвижение, слышен как будто шум от движения орудий. Эти донесения я проверил лично и донес генералу О., на что получил ответ: «Прошу вас не беспокоиться, господин полковник. Предоставьте этим заниматься нам. Перемирие остается в силе». На этот грубый и неуместный ответ я решил не отвечать и поделился только с полковником Черкесом. Он вспыхнул, как порох: «Ну, это уж предел грубости генерала О., и я сейчас же переговорю с ним!» Я еле упросил его оставить это без последствий, доказывая ему, что скоро перейду в распоряжение генерала Молчанова, так как бронепоезд «Витязь» принадлежит 3-му корпусу.

В одну из темных ночей (забайкальские ночи – это что-то особенное, в 10 шагах ничего не увидишь) дозор задержал какого-то типа, который уверял, что он офицер 1-го Добровольческого полка. Его привели ко мне. Вижу по глазам – что-то с ним неладное. Звоню полковнику Черкесу, который говорит, что такого офицера у него нет. Значит – красный разведчик. В это

время входит офицер из дозора и показывает телефонную катушку, которую он случайно нашел на месте ареста. Все ясно. Приходит полковник Черкес, которому я и передаю пойманного типа. Полковник Черкес заставил его признаться, что он красный артиллерист, что их было трое и они вели провод к железнодорожному цейхгаузу. Он попался, а двое скрылись в темноте ночи. Красный артиллерист дал важное показание, что завтра утром начнется наступление, что собрано много пехоты и артиллерии, из Иркутска подошел бронепоезд «Товарищ Блюхер».

«Витязь» приводится в полную боевую готовность. Полковник Черкес передает генералу Осипову все сведения и просит прислать ему в резерв 2-й Добровольческий полк. Этого генерал Осипов не сделал и продолжал верить «перемирию». Мы с полковником Черкесом давно уже разработали план обороны. Ввиду того что поселок Урульга находился в котловине, пехотная позиция может быть расположена только на возвышенностях к северу от поселка. При наступлении красных я должен артиллерийским огнем бронепоезда помочь полку отойти на заранее подготовленные позиции.

«Витязь» готов к бою. Пыхтит и медленно выходит вперед. Прислуга у пушек и пулеметов. Подхожу к железнодорожному мосту и перехожу через него. Это моя подготовленная позиция с пристрелянными целями. Броневики красных должны выйти из-за поворота железной дороги на открытую местность, где я их встречу. Связался телефонной линией с полковником Черкесом. Все спокойно. Начинается рассвет. Появляется подозрение, что пойманный красный наврал. Ну, что же?!! Если не сегодня, то все равно это будет. Снова проверяю в голове наш план боя. Все кажется ясно и точно. Но в бою приходят часто неожиданные случаи, и тогда все зависит от быстроты решения и твердого исполнения.

Смотрю на часы – 5.30 утра. Но все еще очень туманно. Получаю телефонный вызов с передовой заставы, которая на дрезине находится в одной версте впереди «Витязя» и сообщает, что ясно слышен шум приближения к ним поезда. Приказываю заставе немедленно отходить к «Витязю». Не сомневаюсь, что идет «Товарищ Блюхер». Мы к встрече готовы. Решаю обрушиться на него всеми орудиями и сразу же идти на сближение. Моя рука лежит на кнопке «сирены» (огонь). Беспокоит меня только мой татарин с его «Гочкисом» – крутит его то туда, то сюда, пока я не шлепнул его по затылку, а он простодушно закричал: «Давай бить красных! Секим башка!»

Становится светлее, и за поворотом дороги показался белый дымок. Вот медленно показывается передняя площадка, и

наконец вылезает весь бронепоезд. Нажимаю кнопку… Завыла сирена, «Витязь» в одно мгновение опоясался огнем и задрожал всем корпусом. Поразительная картина!!! У красного бронепоезда все летит в воздух. Мы идем на сближение… громовое «Ура!» на «Витязе»… идут взрывы на «Блюхере»… Ничего от него не осталось. Он был уничтожен первыми залпами из всех орудий «Витязя».

1-й Добровольческий полк вступил в бой с пехотой красных и начал отход на выбранную заранее позицию. Открываю огонь по красной пехоте, бьем легкими орудиями на шрапнель и из тяжелых – гранатами. Цепи красных залегли. Красная артиллерия начала обстрел «Витязя» – снаряды рвутся вокруг, но попаданий еще нет. Начинаю маневрировать – быстро вперед и так же быстро назад. Мортирный снаряд красных попадает в переднюю артиллерийскую площадку и выводит из строя два японских орудия. Убито четыре человека и ранено пять. Следующий снаряд выводит из боя последнюю трехдюймовую японскую пушку. Взрыв был настолько сильным, что разбил две передние площадки. Осколок снаряда ударил меня в правое плечо так сильно, что я едва удержался, чтобы не упасть. Под огнем артиллерии противника инженерная команда отцепила разбитые платформы от состава «Витязя».

Мы отходим к позиции Добровольческого полка. Полковник Черкес говорил нам, что картина боя была изумительная, прямо феерическая. «Витязь» был как призрак среди взрывов снарядов, и его было трудно различить. Мы думали, что он никогда не выйдет из этого катастрофического положения. Наконец, снаряд попадает в паровоз, и «Витязь» остается неподвижным. К этому времени подходит 2-й Добровольческий полк, и полковник Черкес переходит в контратаку, а мы поддерживаем ее из двух оставшихся тяжелых орудий. На помощь «Витязю» подошел бронепоезд «Храбрый», взял нас на буксир и привел на станцию Карымская. Только тогда я заметил, что из правого рукава капает кровь и весь рукав мокрый от крови. Сняли с меня китель и увидели, что осколок снаряда нанес мне на правом плече довольно глубокую рану и затем глубоко врезался в стенку вагона. Его едва могли вытащить для меня, как сувенир.

«Витязь» представлял из себя жуткую картину. Прямых попаданий было около 12. Потери оказались тяжелыми: среди офицеров убито и ранено 16, рядовых, особенно казаков, убито и ранено 23. Всех складывали на задние площадки. Убитых покрывали брезентами, а раненым делали перевязки и клали рядом с убитыми. Так как бронепоезд «Храбрый» встал на место «Витязя», я просил разрешения отойти на ст. Андриановка, где

похоронить убитых и отправить дальше раненых. Но отправить куда? Обстановка совершенно не выяснена. Решаю оставить раненых в моей базе «Витязя». Доктор Добровольческого полка заботился о них.

Получаю приказ от генерала Осипова снова встать на охрану Карымского моста и охранять его до тех пор, пока броневики из Читы не пройдут мост, а затем взорвать его. Добровольческая бригада с бронепоездом «Храбрый» начинают отход к ст. Оловянная, связь будет по телеграфу. Странный приказ – оставить «Витязь» без пехотного прикрытия, с обнаженными флангами и незащищенным тылом. Выставив офицерскую заставу с четырьмя пулеметами на другой стороне моста, я выслал дозоры на оба фланга.

Ночью мы услышали громадные взрывы со стороны города Читы. Тревожные мысли… не рвутся ли бронепоезда, отступающие из Читы? Прошло около 12 часов, как Добровольческая бригада прошла мимо нас, но связи с ней нет. Становится как-то тревожно за судьбу «Витязя». Ночью у нас в тылу красные взорвали небольшой мостик, но инженерная команда быстро его восстановила.

Я решил простоять до вечера следующего дня. Если не получу распоряжений, возьму на себя ответственность взорвать Карымский железнодорожный мост и начну отход к ст. Седловая. Под вечер мои разведчики поймали трех красноармейцев, от которых я узнал, что большая колонна красных начала переправу в 5 верстах южнее железнодорожного моста. Через некоторое время на нас наткнулся казачий разъезд, отколовшийся от своей части, и начальник разъезда сообщил мне, что все бронепоезда были взорваны. Урядник был чрезвычайно рад, что встретил нас, и просил разрешения временно остаться у нас, бросив лошадей прямо на полянке.

Теперь надо быстро действовать. Приказываю взорвать мост, уже подготовленный к уничтожению. Предлагаю красноармейцам идти к своим, но они слезно просили остаться у нас. «Витязь» с предосторожностями отходит назад. Я жду взрыва и прихода подрывников. Они так основательно подготовили работу, что взрыв встряхнул весь «Витязь». Итак, назад на Седловую. Но кто там?

Пройдя Андриановку, я полным ходом двинул «Витязь» на подъем, и мы услышали сзади ружейную стрельбу. Это обходная колонна красных атакует Андриановку. Опоздали на один час, и этим дали нам возможность спастись. Горы, крутой подъем, обыкновенно поезда идут с двумя паровозами, но наш паровоз пыхтит и лезет наверх. Наконец добрались до самого высокого

пункта. Маленькая станция… Машинисты просят остановиться и осмотреть тормоза. Сказали, что все в порядке. Ну, с Богом! Начинаем спускаться, и быстрота поезда увеличивается все больше и больше. Главный машинист – Петр Сидорович Огурцов – из добровольно вольнонаемных, очень опытный, на него можно полностью положиться.

Неожиданно я услышал ясно артиллерийскую стрельбу впереди нас. Что же это такое?!! Кто ведет бой и с кем? Наверное, на Седловой! Приказываю уменьшить ход. «Витязь» стал на тормоза. Отдаю приказ быть готовыми к бою. Чем ближе к Седловой, тем яснее становится, что бой идет у этой станции.

Еще несколько крутых спусков и крутой поворот, и «Витязь» выкатывается на равнину-степь. Станция почти окружена густыми цепями красных, а на станции какая-то, по-видимому, белая часть обороняется. На момент я не мог разобраться в обстановке и с полного хода врезался в цепи красных. Они нас не ожидали, да еще с тыла. Открываем убийственный пулеметный огонь. Красные так растерялись, что сразу залегли, не двигаясь, а потом вся эта масса бросилась бежать к ближайшим укрытиям. Наши пулеметы косили их как траву, а артиллерия бьет на картечь. Из станции бегут цепи белых и кричат: «Витязь»! «Витязь»! Ура!!!» Это 1-й Добровольческий полк. Полковник Черкес ранен, и мы осторожно переносим его на «Витязь». Ранение не серьезное, но мучительное – в ногу, и думаем, что с повреждением кости.

Оказывается, что генерал Осипов, пользуясь бронепоездом «Генерал Корнилов» как перевозочным средством, сажал на него свои полки. Один полк оставался на месте, а другие по очереди переправлялись на другую станцию, в направлении к ст. Оловянная. Точно не знаю, но кажется, за все свои операции под Андриановкой генерал Осипов был смещен с поста начальника бригады. Вследствие его распоряжений 1-й Добровольческий полк попал в окружение, и, если бы не выручка «Витязя», его гибель была неминуема.

Наконец, связался со штабом 3-го корпуса, доложил обо всем, что произошло, и просил дальнейших распоряжений. Генерал-лейтенант Молчанов приказал немедленно двигаться на ст. Борзя, нигде не останавливаясь. Не доходя до ст. Борзя, встретился со Сводной дивизией (уральцы, уфимцы и ижевцы), которая под командой генерала Круглевского[72]вела бой с красными. Я задержался набрать воды и пошел на станцию представиться генералу Круглевскому (обворожительный человек и дивный генерал). Станция сильно обстреливалась батареей красных.

Генерал предложил мне сесть и вынул прекрасный золотой портсигар. Мы закурили. В это время граната разорвалась у входа

в станционное здание и обдала нас пылью и мелкими стеклами от разбитых окон. Генерал Круглевский совершенно спокойно попросил меня помочь ему и заставить батарею красных замолчать. Я не мог отказать ему, вызвал начальника артиллерии капитана Федорова и приказал ему поставить наблюдателя наверху водокачки и немедленно открыть огонь по красной батарее. Генерал предложил мне чаю, и в это время мы услышали, как мои два тяжелых орудия начали пристрелку. Скоро батарея красных замолчала. Я сердечно попрощался с генералом, которого уже больше не увидел – он был вскоре убит на ст. Даурия.

Перед переходом границы доблестный бронепоезд «Витязь» был нами взорван у разъезда 86. Короткая служба была у «Витязя», но своими подвигами он заслужил долгую память и славу.

В. Вырыпаев[73]
Каппелевцы[74]

Эвакуация Омска

В конце лета 1919 года, начиная с августа месяца, я отбывал «тифозную повинность». В течение почти трех месяцев у меня было три тифа: сыпной, брюшной и возвратный. Я был на излечении в городе Бийске, на Алтае, куда мне Каппель не раз присылал подбадривающие письма. Часто мне было не до происходивших событий, так как температура моя поднималась до 41,1 градуса. Все же к концу октября, несмотря на все, я стал немного поправляться. Я получил от Каппеля шутливо-дружескую записочку: «Что ты там валяешься по госпиталям, когда на фронте столько работы?»

Я попросил главного врача назначить врачебную комиссию, которая, осмотрев меня, нашла необходимым для поправления здоровья отправиться мне в спокойное место, в Японию или куда мне хочется, на три месяца. Я же направился совсем в другую сторону и прибыл к Каппе-лю числа 8 ноября через город Омск, который в это время был на границе трагедии.

Личный состав всех бесчисленных отделов и подотделов был погружен в специальные эшелоны, отправлявшиеся сплошными лентами по двум железнодорожным путям на восток. Очередь была за эшелоном Верховного Правителя, следом за которым должен был уйти эшелон «литера Д» с российским золотым запасом, добытым Каппелем в Казани. Тут же спереди и сзади этих двух эшелонов следовали эшелоны миссий разных государств, бывших на нашей стороне.

Но бесчисленные склады с вооружением, материальной частью, с комплектами теплых вещей и другим военным имуществом остались на своих местах в нетронутом виде добычей врага. Почему так произошло – скажу ниже.

Я встретил приятеля еще по Симбирску, упоминавшегося мной генерала Прибыловича[75], который предложил мне купе в своем эшелоне инспектора артиллерии Верховного Правителя. Поблагодарив его, я сказал, что хочу видеть генерала Каппеля. Через несколько минут Прибылович и я поехали на паровозе на станцию Куломзино, в 6 верстах от Омска, где на той стороне Иртыша стоял штаб 3-й Западной армии, которой тогда уже командовал Каппель. Дружески поздоровавшись со мной, Каппель

сказал:

– Так вот ты какой!

Я был истощен тифами, и вид у меня был довольно печальный.

Дальше Каппель сказал:

– Обстановка сейчас такая, что, если мы разойдемся хоть на сто шагов, мы можем никогда не встретиться. Поэтому размещайся в соседнем со мной купе, и будем держаться вместе!

Начало темнеть. Западный берег Иртыша был занят десятками тысяч всевозможных повозок, сгрудившихся на берегу непроходимой мощной реки, по которой густо шли разной величины угловатые льдины. Кроме железнодорожного моста, переправы через реку не было. И только в промежутки между поездами счастливым повозкам удавалось проскочить по этому мосту, чтобы продолжать свой путь дальше на восток. Каппель указал на бесчисленные обозные повозки сражавшихся с врагом наших частей; вокруг этих повозок сновали плохо одетые люди, разводившие костры, на которых готовили свою незатейливую пищу. Каппель тихо сказал:

– Если река не замерзнет, то часы этих повозок сочтены. Фронт совсем недалеко, а враг наседает… Переправы другой нет.

Но Провидение сжалилось над несчастными: мороз к ночи усилился. Идущие по реке Иртышу льдины остановились и стали соединяться между собой сначала тонкой, как паутина, корочкой льда, которая с минутами крепла. Кто-то догадался из пробитой проруби плескать на лед водой, и она моментально замерзала толстой корой. Через какие-нибудь час-два от плескания воды на льду образовалась крепкая корка, сначала выдержавшая тяжесть человека, а к утру по сделанным таким образом тропинкам осторожно стали проходить упряжки. Утром, когда рассвело, мы увидели, что по множеству сделанных через реку тропинок массой двигались спасенные Господом Богом обозные повозки наших частей.

Рассказ генерала Прибыловича

Командующим всеми армиями Восточного фронта (армиями Колчака) был хотя и пожилой, но опытный и бодрый генерал Дитерихс. Перед концом лета 1919 года Ставка приказала фронту (генералу Дитерихсу) сделать нажим на красных. Мобилизовали имевшиеся у частей резервы. Нажим удался. Наши части подходят к реке Тоболу и, не имея подкреплений, останавливаются.

Генерал Дитерихс, зная, что Омск не имеет резервов, послал в Ставку рапорт: приступить к разгрузке и вывозу на восток сначала материальной части, а затем и других омских складов. Когда Верховному Правителю передали для прочтения этот рапорт, у него был для переговоров командующий 3-й армией генерал Сахаров. Верховный Правитель дал ему для прочтения рапорт Дитерихса и спросил:

– В чем дело? Наши войска идут вперед, доходят до Тобола, а главнокомандующий (генерал Дитерихс) рекомендует эвакуировать Омск…

Решено было, что Дитерихс устарел. Ему послана телеграмма, выражающая удивление его рапортам. Дитерихс коротко ответил: «Если наши войска сделают хоть один шаг назад, то они не остановятся и у Омска». Возмущенный командующий 3-й армией генерал Сахаров, пользуясь тем, что когда-то сидел в тюрьме у большевиков вместе с адмиралом Колчаком, открыто заявил, что старик Дитерихс выжил из ума и что эвакуация Омска произведет невыгодное впечатление на союзников и на население, что это может подорвать престиж власти. Тогда как Омск и Иртыш можно укрепить, мобилизовав все население, и т. д. Сахаров был назначен главнокомандующим войсками восточной окраины, а Дитерихс отправлен в тыл для формирования добровольческих частей.

Когда я приехал из госпиталя в Омск, то сам видел большой величины расклеенный на станции и по улицам на больших зданиях и везде, где можно, чуть не аршинными буквами, приказ нового главнокомандующего, гласящий о том, что Иртыш и Омск будут укреплены в неприступную крепость и что красные могут войти в город только через наши трупы. Приказ был за подписью Верховного Правителя и главнокомандующего.

Потом Прибылович мне рассказывал, что, когда главнокомандующий доложил Верховному Правителю, что его эшелон готов и, чтобы не задерживать движение, должен выйти из Омска к вечеру, адмирал Колчак удивленно спросил:

– А как же мы покидаем Омск, когда выпущен приказ создать из него крепость?

Сахаров ответил:

– Так требует обстановка!

Переночевав на станции Куломзино, штаб 3-й армии перешел на станцию Омск. Не успели мы остановиться и соединиться телеграфом с тылом, как к нашему вагону подошел телеграфист со станции Омск и доложил, что Верховный Правитель ждет генерала Каппеля у прямого провода со станции Татарская (или Ново-Николаевска – хорошо не помню).

Каппель и я быстро пошли в телеграфное отделение. Хотя я тоже вместе с Каппелем читал телеграфную ленту, но дословно ее не помню. Хорошо помню ее смысл: в ответ на вчерашнюю телеграмму Каппелю с предложением принять главнокомандование, Каппель просил адмирала Колчака назначить кого-нибудь другого, так как он считает себя не подготовленным для такой должности и молодым (ему тогда было 37 лет), когда есть много старших и опытных. Колчак дал понять Каппелю, что для соблюдения формы он уже предлагал старшим, но он хочет его, Каппеля, видеть главнокомандующим.

Каппель привел такое возражение, что он с легким сердцем принял бы командование кавалерийским полком, но не эту должность. На это адмирал Колчак задал вопрос: «Ну а если вы получите приказ?» – «Приказ я должен буду выполнить!» – сказал Каппель. Через час Верховный Правитель прислал телеграфный приказ о назначении генерала Каппеля главнокомандующим.

Уходя из Омска, предыдущий главнокомандующий назначил командующего 3-й армией временно своим заместителем, не сообщив Каппелю, какие части имеются, на каком направлении находятся и какие склады и с чем остаются в Омске, не указав их адреса. Два пути железнодорожной линии были сплошь заполнены, в хвост один другому. В эвакуации Омска не было никакого порядка. В самом хвосте шло много санитарных поездов с больными и ранеными, которые вскоре и попали в руки красных. А также красные скоро овладели эшелонами с личным составом некоторых учреждений. И не трудно представить их участь…

В санях

После Омской катастрофы, в лютый сибирский мороз, плохо одетые бойцы совсем потеряли дух, веру в свою стойкость. Усевшись в наскоро добытые повозки и сани, ехали на восток люди с винтовками и пулеметами. Артиллерия, вследствие выпавшего глубокого снега, была не в состоянии ежедневно делать по 50–60 верст. Часть орудий, из-за выбившихся из сил коней, пришлось бросить, часть удалось пристроить на полозья, а часть, разобранными, просто укладывались в сани и везлись простым грузом.

На разные темы

Каппеля особенно раздражали солидные начальники, применявшие старинные методы, как будто это была не Гражданская война, а старое доброе время, со штабами, казначействами, интендантствами и т. д. Каппель говорил мне:

– Правда, многие из них посвятили когда-то свою жизнь служению Родине и даже в свое время были на месте, принося много пользы. Но теперь Гражданская война. Кто ее не понимает, того учить некогда. Нужно дать возможность работать в деле освобождения Родины не тем, кто, по каким-то привилегиям или за выслугу лет, имеет право занимать тот или другой пост, а тем, кто может, понимает и знает, что нужно делать… Большинство из нас, будучи незнакомы с политической жизнью государства, попали впросак. И многим очень трудно в этом разобраться. Революция – это мощный, неудержимый поток, и пытаться остановить его – сплошное безумие. Нужно знать, что этот поток снесет все преграды на своем пути. Но дать этому потоку желаемое направление и пустить его по желаемому руслу – было бы не так трудно. Мы этого не хотели понять…

Далее Каппель привел такой пример:

– Мы имеем дело с тяжелобольной. И вместо того чтобы ее лечить, мы заботились о цвете ее наряда. Теперь учить, что можно и как нужно, того, кто не понимает главного, – поздно!

Помню, он был особенно возмущен комиссией, посланной из Омска, чтобы посмотреть и познакомиться с восставшими против большевиков уральскими рабочими. Эта комиссия увидела, что у восставших против большевиков ижевцев и воткинцев вместо офицеров были начальниками старшие рабочие, к которым рядовые бойцы обращались со словом «товарищ». И только поэтому многие члены приехавшей из Омска комиссии говорили: «Это не наши солдаты, из них толка не будет!» А ведь восставших уральских рабочих было около 40 тысяч человек стойких бойцов. Это была сила, да и какой козырь против большевиков!

Восстали они в день, когда Каппелем была взята Казань, и впоследствии под командой доблестного генерала Молчанова прошли через всю Сибирь и бились с большевиками в Приморье до конца 1922 года, в неравных боях, один против десятерых, раздетые и почти безоружные против хорошо вооруженных и тепло одетых красноармейцев.

Каппель имел в виду большие переформирования в армии, но для этого нужен был какой-то рубеж для остановки отхода. Помню его слова: «Было бы очень желательно, чтобы таким рубежом, где можно спокойно заняться переформированием, было наше Забайкалье!..»

Эшелоны в затылок один другому, по двум линиям, медленно и даже с остановками тянулись на восток. Справа и слева от железной дороги бесконечными вереницами, иногда в несколько рядов, по сугробам, оврагам и ухабам тащились разнообразные повозки. В окно вагона я насчитывал в день более сотни выбившихся из сил лошадей, стоявших или лежавших вдоль дороги. Из-за недостатка воды или топлива на запасных путях станций и полустанков стояли беспомощно сотнями эшелоны, ожидая своей горькой участи. Могущие передвигаться люди бросали свои вагоны и шли пешком дальше, лишь бы уйти от красного ада.

Враг не дремал. Окрыленные успехом и захватом богатой добычи, большевики наседали с удвоенной энергией. Организованными бандами они нападали на беззащитные тянувшиеся обозы и творили над несчастными людьми холодящие мозг ужасы.

В Щеглове и близрасположенных деревнях и селах свирепствовала какая-то особенная по своим зверствам банда. Захваченных людей партизаны-бандиты обыкновенно раздевали донага и при 35—40-гра-дусном морозе обливали водой, подстегивая плетью или палками, пока несчастная жертва падала замертво. Были случаи, когда грудных младенцев убивали, хватая за ноги, об угол дома или о замерзшую землю. И вообще изощрялись над несчастными на разные лады. При подходе воинских частей эти зверские банды куда-то исчезали. Рассказы чудом спасшихся жертв о таких расправах потрясали слушателей.

Кроме этого, много людей гибло от свирепой стужи и недостатка теплой одежды. Из движущейся массы людей эпидемия тифа вырывала сотни жизней каждый день. Эта масса, движущаяся разными способами и больше пешком, налетала на редко попадавшиеся (в Сибири) деревни и, как саранча, уничтожала все имеющееся съестное, оставляя жителей на голод и холод (часто одежда тоже отбиралась проходящими). Соломенные крыши строений уходили на корм голодным лошадям. На станции Татарская я видел несколько платформ, высоко нагруженных мертвецами, издали походившими на какие-то коряги.

Слухи из далекого нашего тыла были тревожны. Старый главнокомандующий еще не сдал своего поста генералу Каппелю, а разослал приказ, в котором подробно разработал план, как под Ново-Николаевском будут разбиты повстанцы-партизаны, но не указал, какими войсками.

Генерал Войцеховский застрелил генерала Гривина

Остатки армий медленно двигались на восток, сплошной лентой тянулись туда и эшелоны. Где-то в районе станции Татарская или на самой станции, хорошо не помню, к вагону командующего 3-й армией генерала Каппеля, назначенного вместо генерала Сахарова, подошел автомобиль. Из него энергичным шагом вышел командующий 2-й армией генерал Войцеховский. Войдя в вагон, после краткого приветствия он доложил генералу Каппелю: «Два часа назад я застрелил генерала Гривина, командующего Северной группой».

«При каких обстоятельствах?» – спросил Каппель. «Согласно моей диспозиции, – ответил Войцеховский, – Северная группа, входящая в состав 2-й армии, сегодня должна была занимать ряд назначенных деревень. Еду туда – там никого нет, обратно – никого нет. Наконец, через 10–15 верст догоняю арьергард Северной группы. Спрашиваю: «Почему отходите?» – «По приказанию генерала Гривина, хотя с противником связь была утеряна». Добираюсь до штаба Северной группы, спрашиваю генерала Гривина, получена ли моя вчерашняя диспозиция. Гривин отвечает: «Да, получена!» – «Почему же отходите?» – «Чтобы сохранить кадры!» Я объяснил генералу Гривину, что своим отходом он оголил фланг наших войск и что красные могут зайти им в тыл. Далее я предложил генералу Гривину сейчас же написать приказ войскам Северной группы занять общую линию, то есть вернуться назад. «Такой приказ я не буду выполнять!» – заявил Гривин и схватился за эфес своей шашки. Я повторил приказание. Он вторично отказался его исполнить. После этого я выстрелил в генерала несколько раз. Он повалился мертвым».

– Очень прискорбный факт, но иначе вы и не могли поступить, – сказал Каппель.

– Я тут же сел за стол, – продолжал Войцеховский, – и написал: «Вступив в командование Северной группой, приказываю занять деревню Х., чтобы выравняться со своими левыми соседями». Назначил командующим группы бывшего начальника штаба и поехал к вам.

Бунт Барабинского полка под командой полковника Ивакина

Через два-три дня после доклада генерала Войцеховского штаб 3-й армии на рассвете подходил к станции Новониколаевск. Вследствие затора на железнодорожных путях эшелон Каппеля стоял недалеко от семафора. Со станции была слышна

перестрелка; там должен был стоять на путях эшелон командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Еще не рассвело, было почти темно, с неба падал снег или какая-то снежная крупа.

Желая скорее выяснить, в чем дело, Каппель, его адъютант прапорщик Борженский и я вышли из вагона и пешком направились вдоль стоявших составов на станцию, в штаб 2-й армии.

В полумраке, когда стрельба уже почти стихла, мы добрались до штаба 2-й армии. Каппелю доложили, что сибирский Барабинский полк 1-й армии генерала Пепеляева взбунтовался и пытался арестовать генерала Войцеховского. Но неподалеку находились теплушки польских частей, которые вовремя этот бунт ликвидировали. Арестованный командир Барабинского полка полковник Ивакин при попытке бежать был пристрелен.

Думая, что эшелон Верховного Правителя находится на станции Новониколаевск, Каппель прошел на станцию, но Верховного Правителя там не оказалось, так же как и эшелона штаба фронта генерала Сахарова. Они были еще ночью отправлены на восток.

На станции Новониколаевск и в городе на видных местах красовался на листах большого размера приказ о геройском подвиге генерала Войцеховского, застрелившего генерала Гривина. Приказ был подписан командующим фронтом генералом Сахаровым. Хорошо помню, что этот приказ на Каппеля произвел удручающее впечатление, и он мог только сказать:

– Что они делают? Уж если случилось такое несчастье, так лучше бы постарались его не рекламировать. Этот приказ вызовет отрицательное настроение в нашей армий. И как будут злорадствовать большевики! Какая благодатная почва для агитации против нас!

Вторично Каппель получил телеграмму от Верховного Правителя о желании личного свидания на станции Тайга.

Арест генерала Сахарова Пепеляевым на станции Тайга

В этот же день был выделен салон-вагон, одна теплушка и один паровоз, в которых должны были следовать на станцию Тайга генерал Каппель, я, несколько ординарцев и прислуга. Выбраться со станции Новониколаевск удалось только к вечеру и прибыть на станцию Тайга – на другой день утром. Нам сообщили, что эшелон Верховного Правителя только что вышел

на восток (на станцию Судженка, 37 верст от Тайги).

Каппель и я направились к поезду штаба фронта генерала Сахарова. Каппель числился временным заместителем и поста главнокомандующего еще не принимал. Эшелон главнокомандующего генерала Сахарова, к нашему изумлению, был оцеплен войсками 1-й Сибирской армии генерала Пепеляева, и вход в вагоны (а также и выход из них) был запрещен по приказу Пепеляева.

Отыскали салон-вагон, занятый генералом Пепеляевым. Каппель вошел туда один. Там он встретил министра Пепеляева, поздоровавшись с которым просил его информировать о положении дел и задал ему вопрос: «По чьему приказу арестован главнокомандующий фронтом?» Министр Пепеляев довольно возбужденно начал объяснять Каппелю: «Вся Сибирь возмущена этим вопиющим преступлением, как сдача в таком виде Омска, кошмарная эвакуация и все ужасы, творящиеся на линии железной дороги повсюду. Чтобы успокоить общественное мнение, мы решили арестовать виновника и увезти его в Томск (там стоял штаб 1-й Сибирской армии) для предания суду».

Генерал Каппель, взволнованный, не дал ему закончить и резко прервал его:

– Вы, подчиненные, арестовали своего главнокомандующего? Вы даете пример войскам, и они завтра же могут арестовать и вас. У нас есть Верховный Правитель, и генерала Сахарова можно арестовать только по его приказу!

(Каппель в данном случае предсказал точно. Генерал Пепеляев не доехал до Томска в свой штаб. 1-я армия взбунтовалась, и генералу Пепеляеву на середине дороги из Тайги в Томск пришлось покинуть свой салон-вагон и с небольшой группой приближенных идти на восток, включившись в общую отходящую ленту.)

Сказав это, генерал Каппель повернулся и вышел из вагона. Мы пошли на станцию и по дороге увидели хвост литерного эшелона Д, задний вагон которого сошел с рельс. Начальник рекомендовал отцепить сошедший с рельс вагон, а эшелон отправить дальше. Но когда до служащих станции дошел слух, что на станцию прибыл генерал Каппель, эшелон «Д» с государственным золотом ушел вслед за эшелоном Верховного Правителя, и вагон с золотом был быстро поставлен на рельсы…

На станции Каппель написал приказ генералу Войцеховскому и начальнику кавалерийской бригады 3-й армии, на случай его, Каппеля, ареста генералом Пепеляевым. Этот приказ я должен был доставить по назначению и рассказать то, что произошло.

Нам сообщили, что Верховный Правитель еще не прибыл на

станцию Судженка. Мы временно расстались. Каппель ушел в свой вагон, а я, смешавшись с бурлящим морем переполнивших станцию разношерстных людей, стал наблюдать за нашим вагоном. Через несколько минут в него быстро вошел генерал Пепеляев (ему тогда было 28 лет). Потом Каппель мне рассказал, что пришедший и сильно взволнованный генерал Пепеляев заявил:

– Арестовать главнокомандующего действительно можно только по приказу Верховного Правителя, и мы просим помочь нам достать этот приказ.

Генерал Пепеляев радостно приветствовал Каппеля и чуть ли не со слезами повторял ему: «Владимир Оскарович, только на вас одного теперь вся надежда…»

Позже оцепление было снято, но после свидания Каппеля с Верховным Правителем (о чем будет сказано позже) Верховный Правитель теперь уже Каппелю отдал приказ: доставить генерала Сахарова в Иркутск, где военная комиссия во главе с генералом Бутурлиным должна была вести следствие и разбор всей деятельности генерала Сахарова на посту главнокомандующего.

Личная переписка генерала Каппеля

Мне, изрядно изнуренному тифами и еще не вполне оправившемуся от них, Каппель не мог поручить какую-нибудь строевую должность. К тому же у меня сильно расстроилось зрение, и я сидел, редко выходя из вагона. Все же Каппель просил меня заняться его личной перепиской, так как частных писем накопилась большая груда. Большею частью это были просьбы о помощи от жен или родственников, потерявших связь с ушедшими в Белую армию бойцами. Многим была оказана помощь из штаба 3-й армии, а также многим Каппель помогал из личных средств – получаемого им жалованья, которое он расходовал до последней копейки, никому не отказывая.

Среди писем я нашел сообщение от его детей, которые из Кургана переселились в Иркутск, где были зачислены на военный паек, получаемый в очень небольших размерах, и переносили настоящую нужду: им не хватало белого хлеба, сахара и других продуктов. Писала мать жены генерала Каппеля, которая вместе со своим таким же престарелым мужем, как и сама, присматривала за малолетними детьми. Письмо было от 2–4 ноября. Я составил телеграмму командующему Иркутским военным округом – сделать распоряжение о выдаче семье генерала Каппеля 10 тысяч рублей – и подал на подпись Каппелю.

Он пришел в ужас и никак не хотел согласиться на такую большую сумму, не видя возможности в скором времени вернуть ее обратно. Пришлось уменьшить наполовину, и только тогда Каппель дал неохотно свою подпись.

Солдат, сопровождавший нас на станцию Тайга, разыскал жареного гуся, но мы не могли его купить, так как у нас не нашлось ста рублей за этого гуся.

Станция Судженка

Кажется, 3 декабря, в сильнейший мороз, рано утром, в сиреневом от мороза тумане прибыли мы на станцию Судженка, и наши два вагона остановились недалеко от здания станции. Была какая-то напряженная тишина. На запасных путях стояли четыре-пять эшелонов. Мы вышли из вагона и первого встречного спросили, где эшелон Верховного Правителя. Через несколько путей мы направились к крайнему эшелону, около которого (плохо было видно из-за тумана) три-четыре офицера, видимо, совершали утреннюю прогулку. Когда мы стали подходить, то из этой группы услышали вопрос (потом оказалось, что это был Верховный Правитель): «Скажите, а когда прибудет генерал Каппель?» Мы быстро подошли к этой группе, и Каппель, идя впереди и узнав адмирала Колчака, взял под козырек: «Разрешите явиться, я – генерал Каппель!»

Удивленный Верховный Правитель, быстро подойдя к Каппелю, пожал ему руку и спросил: «А где же ваш конвой?» Каппель ответил, что он считает лишним в тылу своих войск иметь конвой и тем загромождать и без того забитую линию железной дороги.

У Верховного Правителя Каппель пробыл около 3 часов. И когда Каппель выходил от него, Колчак вышел проводить его. Пожимая обеими руками руку Каппеля, адмирал сказал: «Только на вас, Владимир Оскарович, вся надежда». И по щеке адмирала Колчака, возможно от мороза, скатилась крупная слеза…

Потом, когда Каппель пришел в свой вагон, он долго рассказывал мне о разговоре с Верховным Правителем, уже во время хода нашего поезда обратно на станцию Тайга. Он показал приказ Верховного Правителя об аресте генерала Сахарова и о назначении комиссии для производства дознания о его деятельности.

Когда Каппель доложил об аресте Пепеляевым генерала Сахарова, Верховный Правитель был очень удивлен и сказал: «А генерал Пепеляев был так любезен, что дал мне свой бронепоезд

сопровождать меня со станции Тайга». (Бронепоезд был с половины дороги возвращен на станцию Тайга – видимо, после прибытия туда генерала Каппеля.)

Во время разговора Верховный Правитель предложил Каппелю взять несколько ящиков золота (на всякий случай) из эшелона литера Д. Однако Каппель от этого уклонился, сказав, что золото его свяжет, и дал совет Колчаку ближе держаться к своим войскам, чтобы армия чувствовала его присутствие. Адмирал ответил, что дорога и он лично охраняются союзниками, у которых достаточно для этого сил, так что он об этом не беспокоится.

Опять станция Тайга

Прибыв на станцию Тайга, Каппель рассказал о разговоре относительно ареста генерала Сахарова. Но, кроме этого (говорил не генерал Пепеляев, а его брат, премьер-министр, который потом был расстрелян большевиками в Иркутске вместе с Колчаком), Пепеляев доказывал Каппелю, что Гражданская война с большевиками в общероссийском масштабе с падением Омска закончена. Теперь идет борьба за области, в данном случае за Сибирь. Возглавлять эту борьбу теперь должны сибиряки, также и стоять во главе войск.

Каппель не без волнения возразил: «Прежде чем на это решиться, нужно считаться с действующей армией, большинство которой – не сибиряки. Среди армии есть много добровольцев-волжан, которым дорога вся Россия в целом. Захотят ли они защищать вашу Сибирь – нужно прежде всего спросить их»…

После ареста генерала Сахарова

Несмотря на привезенный Каппелем приказ об аресте генерала Сахарова (от 3 декабря 1919 года), все же Пепеляевы решили отцепить его вагон от штаба фронта и увезти его в Томск. Большого труда стоило Каппелю доказать Пепеляевым, что они не имеют права это сделать. И можно сказать, что Каппелю генерал Сахаров обязан своей жизнью, так как озлобление против него было большое и живым он оттуда не вернулся бы. Но к этому необходимо добавить и то, что у самого Каппеля на станции Тайга абсолютно не было реальной силы, ибо все они были еще далеко.

Со станции Тайга генерал Пепеляев уехал в Томск, до

которого не добрался. Его брат, министр Пепеляев, поехал на восток. Возвратившись с Судженки от Верховного Правителя, Каппель включился в эшелон штаба фронта, как главнокомандующий армиями восточной окраины, и стал передвигаться на восток.

Мариинск, декабрь 1919 года

Медленно, с остановками тянется на восток в несколько рядов вдоль линии железной дороги бесчисленное количество саней, всевозможных повозок и плохо одетых пеших и конных людей, оставляя по бокам вехи в виде брошенных и обессиленных или издыхающих лошадей.

Эшелон штаба фронта пришел на станцию Мариинск, забитую всевозможными поездами, двигавшимися на восток. Получено сообщение, что бывшее в городе начальство уже несколько дней как уехало из города. И теперь управляет городом и районом вновь сформированное представительство от земства, у которого в городе как раз происходит собрание-митинг. Было 5 часов вечера, до города от станции 3 версты. Каппель приказал приготовить пару запряженных коней, забрал меня, и мы немедленно поехали на собрание без всякой охраны и предупреждений. Там нас никто не ждал.

В небольшом зале за столом сидело человек 10–12. При нашем появлении произошло большое замешательство, когда Каппель назвал себя. Присутствующие, толкая друг друга, быстро начали вставать и гурьбой направились к выходу. Каппелю удалось задержать нескольких из них и наскоро объяснить, что бояться им нечего. В общем, повторилась та же картина, что была в шахте на Аша-Балашовской.

Когда волнение немного успокоилось и собиравшиеся уходить вернулись, Каппель поблагодарил их, как русских людей, за то, что они сорганизовались и взяли на себя заботу о Мариинском районе. Он объяснил им, что в данный момент сюда приходит армия, поэтому, естественно, и вся власть в районе должна перейти к воинским организациям и т. д. К этому времени все земские представители вернулись на свои места.

На следующий день делегация от земства явилась к Каппелю с хлебом-солью и большим списком того, что имеется у них на складах нужного для проходящей армии. И действительно, проходящие войска были снабжены полностью продуктами питания, а многие получили теплые вещи, полушубки, валенки и белье.

Через три дня эшелон штаба фронта должен был уходить дальше, а на его место пришел штаб 2-й армии генерала Войцеховского. Его тоже встретила делегация с хлебом-солью от земских представителей. Войцеховский объявил, что район Мариинска находится в ведении воинских частей, и прибавил: «Если вы будете чинить проходящим войскам препятствия, то я вас всех повешу!»

Потом рассказывали, что земских представителей было невозможно отыскать, а опустевшие склады были брошены…

Ачинск

Это – довольно большая сибирская станция. Все ее пути были забиты самыми разнообразными эшелонами до предела – эшелонами, ожидавшими своей очереди отправки на восток. Некоторые из них стояли уже несколько дней; колеса некоторых вагонов примерзли от вытекавшей грязной воды. Масса людей сновала туда и сюда через вагонные площадки или прямо под вагонами. В общем, несмотря на мороз, станция походила на большой муравейник в летнее время.

В восточном углу тупиков чехи заканчивали погрузку своих эшелонов. Их лошади стояли неподалеку привязанными к коновязям, а их совсем невоенный груз укладывался в товарные вагоны.

Эшелон штаба фронта стоял на восток от центра. Немного сзади его центра с левой стороны стояли три цистерны с бензином. Через несколько путей, к северу от цистерн, в самом центре стоявших эшелонов, стояли два вагона с черным порохом, ранее предназначенным для камчатских охотников. С другой стороны цистерн с бензином неподалеку стоял эшелон, принадлежавший 1-й Сибирской армии (генерала Пепеляева) с каким-то странным наименованием «эшелон особого назначения», под начальством капитана Зубова. Этот капитан Зубов по каким-то соображениям устроил «товарообмен» оружия (винтовок и револьверов) на черный порох, причем порох был упакован в бочках, неудобных для переноски. И было решено порох насыпать в мешки прямо под вагонами и под цистернами. А так как мешки не были достаточно прочными, то порох из них просыпался на снег, образуя черную дорогу, об опасности которой не задумывались участники обмена.

Взрыв

Цистерны стояли от нас примерно на расстоянии 20 вагонов сзади нашего вагона. Я шифровал телеграмму на небольшом столике близ окна. К главнокомандующему (генералу Каппелю) приходили с очередными докладами начальники воинских частей и чины штаба. Был обычный для того времени рабочий день штаба. Но в 12 часов дня или немного позднее я услышал короткий гул, а затем один за другим два оглушительных громовых раската, отчего толстые стекла окон салон-вагона, разбитые на осколки, влетели внутрь вместе с рамами. Находясь близко от окна, я силой влетевшего от взрыва воздуха буквально втиснулся лицом в стол, получив удары по голове от разбитых стекол. Первое, что я услышал сквозь грохот и лязг летевших во все стороны тяжелых вещей, был довольно спокойный голос Каппеля: «Вася, ты жив? Дай мою винтовку!»

Я шифровал телеграмму в его личном купе, где на ближайшем от койки крючке всегда висела его винтовка. Я взял винтовку и, переступая через лежавшие на полу оконные рамы, передал ее Каппелю, который уже выходил из вагона. И пока мы вышли и спустились с высоких подножек вагона на снег, прошло некоторое время. Но мы видели, как сверху с большой высоты летели издававшие странный вой тяжелые двери теплушек и обломки вагонов.

Нам пришлось плотно прижаться к вагонам нашего поезда, чтобы не быть раздавленными валившимися сверху тяжелыми частями взорванных вагонов. Двери товарных вагонов, падавшие с молниеносной быстротой углом, на наших глазах взрыхляли промерзшую землю на аршин и больше глубины. Жар от ревущего пламени, устремлявшегося на несколько саженей к небу, заставил нас вернуться к задней части нашего эшелона и обернуться туда, где справа и слева были нагромождены в несколько рядов горящие вагоны (теплушки), набитые корчившимися от огня еще живыми людьми – ранеными и тифозными. От горящей груды вагонов загорелись и другие уцелевшие от взрыва вагоны, наполненные больными, ранеными и просто беженцами, оглушенными взрывом.

Генерал Каппель дал распоряжение железнодорожникам отцепить уцелевшие от огня составы вагонов и вывести их из сферы всепожирающего огня. Конвой штаба фронта, состоявший из 70 человек, почти целиком погиб, находясь в вагонах близко от взрыва. Сзади нас уцелело, с разбитыми окнами, 17 вагонов из нашего состава. Остальные все погибли.

Допуская возможность выступления местных большевиков, Каппель приказал мне отправиться в город Ачинск (3 версты от станции) и вызвать добровольческую конную бригаду, в которой

мы (Каппель и я) были утром и все чины которой произвели на нас очень хорошее впечатление. Особенно толковым был их командир (фамилию его я забыл). Телефон, конечно, не действовал, так как здание станции было почти разрушено, с зияющими отверстиями вместо окон и дверей.

Пробираясь через пути, я увидел несколько тревожно бродящих, сорвавшихся с коновязи чешских лошадей. Поймав одну из более доверчивых, я сел на нее без седла, в одном недоуздке, и направил бедного коня по кратчайшей дороге к городу, применив все дозволенные и недозволенные способы к развитию его предельной скорости.

Подъезжая к зданию, где располагался штаб бригады, я увидел всю бригаду готовой к действию. Я наскоро объяснил, в чем дело, и получил другого, оседланного коня, так как доставивший меня конь еле стоял на трясущихся ногах. Ускоренным аллюром мы прибыли к месту взрыва и быстро разыскали генерала Каппеля, который и отдал нужные распоряжения командиру Добровольческой бригады.

Огонь, бушевавший, когда я уезжал, значительно утих, хотя вагоны еще продолжали гореть и в прогоревших отверстиях были видны корчившиеся в предсмертных муках люди. Помочь им было некому, и прибывшая Добровольческая бригада быстро организовала помощь.

Бесчинства чехов

Ачинский взрыв еще не был ликвидирован, как отовсюду с линии железной дороги стали поступать жалобы на бесчинства чехов. Они забирали не принадлежавшее им топливо, запрещали русским брать воду на станциях, отбирали у русских эшелоны и исправные паровозы и так далее. Наконец, со станции Нижнеудинск генерал Каппель получил известие, что чехи силою забрали два паровоза из эшелона Верховного Правителя, который отдельной телеграммой просил Каппеля повлиять на чехов, чтобы они прекратили подобное самоуправство.

Не имея под рукой свободных воинских частей, чтобы воздействовать на чехов, генерал Каппель решил просто пожертвовать собой: в ультимативной форме он потребовал от генерала Сырового, главнокомандующего чешскими войсками, немедленного отдания приказа прекратить чешские безобразия и пропустить эшелон Верховного Правителя на восток; в противном случае он вызывает Сырового на дуэль.

«Генералу Сыровому, копия Верховному Правителю,

председателю Совета Министров, генералу Жанену и Ноксу, Владивосток, главнокомандующему японскими войсками генералу Оой, командирам 1-й Сибирской, 2-й и 3-й армий. Командующему войсковых округов: Иркутского генералу Артемьеву, Приамурского генералу Розанову и Забайкальского атаману Семенову. Сейчас мною получено извещение, что вашим распоряжением об остановке движения всех русских эшелонов задержан на станции Красноярск поезд Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего всех русских армий, с попыткой отобрать силой паровоз, причем у одного из его составов даже арестован начальник эшелона. Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему нанесен ряд оскорблений и угроз, и этим нанесено оскорбление всей русской армии. Ваше распоряжение о непропуске русских эшелонов есть ничто иное, как игнорирование интересов русской армии, в силу чего она уже потеряла 120 составов с эвакуированными ранеными, больными, женами и детьми сражающихся на фронте офицеров и солдат. Русская армия хотя и переживает в настоящее время тяжкие испытания боевых неудач, но в ее рядах много честных, благородных офицеров и солдат, никогда не поступавшихся своею совестью, стоя не раз перед лицом смерти от большевистских пыток. Эти люди заслуживают общего уважения, и такую армию и ее представителя оскорблять нельзя. Я, как Главнокомандующий армиями Восточного фронта, требую от вас немедленного извинения перед Верховным Правителем и армией за нанесенное вами оскорбление и немедленного пропуска эшелонов Верховного Правителя и Председателя Совета Министров по назначению, а также отмены распоряжения об остановке русских эшелонов. Я не считаю себя вправе вовлекать измученный русский народ и его армии в новое испытание, но если вы, опираясь на штыки тех чехов, с которыми мы вместе выступали и, уважая друг друга, дрались в одних рядах во имя общей цели, решились нанести оскорбление русской армии и ее Верховному Главнокомандующему, то я, как Главнокомандующий Русской армии, в защиту ее чести и достоинства, требую от вас удовлетворения путем дуэли со мной. № 333. Главнокомандующий армиями Восточного фронта, генерального штаба генерал-лейтенант Каппель».

На эту телеграмму ответа не было. Бесчинства чехов продолжались.

Предательство генерала Зиневича

Помимо сведений о чешских безобразиях, генерал Каппель получил другие грустные сведения. Стало известно, что некоторые воинские части Красноярского гарнизона (куда шла теперь вся армия), во главе с генералом Зиневичем, перешли на сторону большевиков. К нашему прибытию на станцию Минино или Зеледеево (точно не помню) телеграфная связь еще не была нарушена, и из Красноярска со мной часто разговаривал инженер (бывший министр путей сообщения) Устрялов. Он подробно сообщал, что происходило в городе.

На улицах открыто появились части повстанческого отряда Щетинкина. Остатки белых частей спрятались, кто куда мог. Генерал Зиневич в своих выступлениях на митингах явно подыгрывался к большевикам, которые, впрочем, мало ему доверяли. Солдаты митинговали и призывали к миру с большевиками. Несогласных арестовывали.

В двадцатых числах декабря (1919 года) генерал Зиневич вызвал генерала Каппеля по прямому проводу. Каппель был занят с генералом Петровым и на мое сообщение о Зиневиче просил меня временно начать разговор. Телеграфное отделение было в соседнем вагоне. После обычных генеральских приветствий и некоторой паузы на телеграфной ленте появился вопрос: «Когда же вы наберетесь мужества и решите бросить эту никчемную войну? Давно пора выслать делегатов к советскому командованию для переговоров о мире». Я не нашелся что ответить, сказал телеграфисту, что «аппарат испорчен», просил обождать и пошел с докладом к Каппелю. Возмущенный Каппель внимательно просмотрел телеграфную ленту, пока аппарат щелкал впустую, и стал диктовать ответ, смысл которого был таков: «Вы, взбунтовавшиеся в тылу, ради спасения собственной шкуры готовы предать и продать своих братьев, борющихся за благо Родины. И, прежде чем посылать делегатов для переговоров о мире, нужно иметь их согласие – захотят ли они мириться с поработителями Родины…» Закончил генерал Каппель диктовку словами: «С предателями Родины я не желаю разговаривать».

Потом было сообщено, что большевики расстреляли в Красноярске много офицеров и самого генерала Зиневича.

Обход Красноярска

Атака Красноярска подошедшими частями не имела успеха. Наступавшими белыми частями вышедший со станции польский бронепоезд (с бело-красным флагом) был принят за бронепоезд восставших в Красноярске или даже за партизанский бронепоезд

Щетинкина, и цепи наступавших остановились. Мешала операции и плохая связь между наступавшими группами.

Пришлось обходить город с юго-запада и севера. Связь с 3-й армией, с настоящими каппелевцами, временно была утеряна. На другие части полагаться было рискованно. Пришлось выгрузиться из эшелона штаба фронта и двигаться походным порядком, в обход Красноярска. А так как ачинским взрывом был уничтожен целиком весь конвой главнокомандующего, известный всем атаман Иванов-Ринов, занимавший пост помощника главнокомандующего по административной части и имевший свою личную конвойную сотню, любезно предложил ее Каппелю. Штаб главнокомандующего выгрузился на станции Минино, чтобы обходить Красноярск.

После некоторой суматохи и беспорядочной перестрелки с какими-то отрядами, шедшими из Красноярска, мы в конце концов, обойдя город, выбрались к Енисею и по льду реки, по хорошо наезженной дороге, двигались в направлении деревни Есаулово. Атаман Иванов-Ринов со своим казначеем держались в стороне, и так как наши лошади двигались медленно, то мы решили, что он со своим казначеем решил подкормить лошадей, отъехав на берег к небольшому стогу сена.

Мы двигались дальше, и недалеко от деревни Есаулово нас окликнули дозорные. Разобравшись, что это были драгуны 1-й кавалерийской дивизии, мы втянулись в деревню и расположились по избам. Вскоре было обнаружено исчезновение атамана Иванова-Ринова; посланные его разыскивать вернулись ни с чем. Потом, когда мы добрались до Читы, там был слух, что Иванов-Ринов погиб, о нем жена служила панихиду и позже уехала в Японию. А вскоре в Читу с чешским эшелоном прибыл с паспортом персидского подданного сам Иванов-Ринов и был правой рукой у атамана Семенова.

Деревни Чистоостровская и Подпорожная и движение по реке Кан

6 или 7 января 1920 года в деревне Чистоостровской было созвано совещание начальников отдельных частей. По имеющимся сведениям было известно, что железная дорога от города Красноярска и на восток была в руках красных. На станции Клюквенная красные атаковали проходившие обозы и зверски расправились со всеми, кто там находился.

Решено было сделать обход севернее, пройдя по льду замерзшего Енисея. Этот поход иногда задерживался короткими

стычками с местными повстанцами. Во время одной из таких стычек шедший немного сзади командир симбирских улан был так нервно потрясен, что до соприкосновения с противником приказал погрузить полковое знамя под лед Енисея.

Дойдя до деревни Подпорожной, Каппель созвал военное совещание начальников двигавшихся по этому пути частей. Они раскололись на две группы: одна настаивала двигаться по Енисею дальше на север почти до самого Енисейска, чтобы сделать глубокий обход по северной Ангаре, что удлиняло наш путь на восток по снежной и почти безлюдной пустыне на 2 тысячи верст. Другая группа, во главе с генералом Каппелем, допускала обход только по реке Кан, впадающей в Енисей около деревни Подпорожной. Генерал Каппель горячо отстаивал этот второй вариант, предоставляя возможность желающим идти северным путем. При этом он сказал: «Если нам суждено погибнуть, то лучше здесь, чем забиваться на север, где климат более суровый»…

Первая группа во главе с генералом Перхуровым[76]и Галкиным[77]продолжала движение на север по льду Енисея. Вторая группа во главе с генералом Каппелем стала спускаться по крутому, почти отвесному берегу порожистой и местами (несмотря на январь) еще не замерзшей реки Кан, зажатой отвесными ущельями гор, покрытых непроходимой дикой тайгой. Обыкновенно зимой таежные охотники проезжали по льду реки до первой деревни Барги, 90 верст от деревни Подпорожной.

Передовым частям, с которыми следовал сам Каппель, спустившимся по очень крутой и длинной, поросшей большими деревьями дороге, представилась картина ровного, толщиной в аршин, снежного покрова, лежащего на льду реки. Но под этим покровом по льду струилась вода, шедшая из незамерзающих горячих источников с соседних сопок. Ногами лошадей перемешанный с водою снег при 35-градусном морозе превращался в острые бесформенные комья, быстро становившиеся ледяными. Об эти обледеневшие бесформенные комья лошади портили себе ноги и выходили из строя. Они рвали себе надкопытные венчики, из которых струилась кровь.

В аршин и более толщины снег был мягким, как пух, и сошедший с коня человек утопал до воды, струившейся по льду реки. Валенки быстро покрывались толстым слоем примерзшего к ним льда, отчего идти было невозможно. Поэтому продвижение было страшно медленным. А через какую-нибудь версту сзади передовых частей получалась хорошая зимняя дорога, по которой медленно, с долгими остановками тянулась бесконечная лента бесчисленных повозок и саней, наполненных самыми

разнообразными, плохо одетыми людьми.

Незамерзающие пороги реки проходилось объезжать, прокладывая дорогу в непроходимой тайге.

Через 4–5 верст по Кану проводники предупредили генерала Каппеля, что скоро будет большой порог и если берега его не замерзли, то дальше двигаться будет нельзя, вследствие высоких и заросших тайгой сопок. Каппель отправил приказание в тыл движущейся ленты, чтобы тяжелые сани и сани с больными и ранеными временно остановить и на лед не спускаться, чтобы не очутиться в ловушке, если порог окажется непроходимым.

При гробовой тишине пошел снег, не перестававший почти двое суток падать крупными хлопьями; от него быстро темнело, и ночь тянулась почти без конца, что удручающе действовало на психику людей, как будто оказавшихся в западне и двигавшихся вперед полторы-две версты в час.

Идущие кое-как прямо по снегу, на остановках, как под гипнозом, сидели на снегу, в котором утопали их ноги. Валенки не пропускали воду, потому что были так проморожены, что вода при соприкосновении с ними образовывала непромокаемую ледяную кору. Но зато эта кора так тяжело намерзала, что ноги отказывались двигаться. Поэтому многие продолжали сидеть, когда нужно было идти вперед, и, не в силах двинуться, оставались сидеть, навсегда засыпаемые хлопьями снега.

Сидя еще на сильной, скорее упряжной, чем верховой, лошади, я подъезжал к сидящим на снегу людям, но на мое обращение к ним встать и идти некоторые ничего не отвечали, а некоторые, с трудом подняв свесившуюся голову, безнадежно, почти шепотом отвечали: «Сил нет, видно, придется оставаться здесь!» И оставались, засыпаемые непрекращающимся снегопадом, превращаясь в небольшие снежные бугорки…

Генерал Каппель, жалея своего коня, часто шел пешком, утопая в снегу так же, как другие. Обутый в бурочные сапоги, он, случайно утонув в снегу, зачерпнул воды в сапоги, никому об этом не сказав. При длительных остановках мороз делал свое дело. Генерал Каппель почти не садился в седло, чтобы как-то согреться на ходу.

Но тренированный организм спортсмена на вторые сутки стал сдавать. Все же он сел в седло. И через некоторое время у него начался сильнейший озноб и он стал временами терять сознание. Пришлось уложить его в сани. Он требовал везти его вперед. Сани, попадая в мокрую кашу из снега и воды, при остановке моментально вмерзали, и не было никаких сил стронуть их с места. Генерала Каппеля, бывшего без сознания, посадили на коня, и один доброволец (фамилии его не помню),

огромный и сильный детина на богатырском коне, почти на своих руках, то есть поддерживая генерала, не приходившего в себя, на третьи сутки довез его до первого жилья, таежной деревни Барги – первого человеческого жилья, находившегося в 90 верстах от деревни Подпорожной, которые мы прошли в два с половиной дня, делая в среднем не более двух с половиной верст в час.

Я сам мало в чем принимал участие, так как был сильно ослаблен этим переходом, еще не оправившись от перенесенных тифов, и, очутившись в жилье, ничего не сознавая, почти упал на чью-то кровать.

Деревня Барга

Бесчувственного генерала Каппеля внесли в дом, раздели, положили в кровать. Ноги его, от колен и ниже, затвердели, как камень. Случайно оказавшийся с нами доктор был без аптеки и инструментов. Осмотрев растираемые снегом ноги больного генерала, он нашел, что у него обморожены пятки и некоторые пальцы на ногах и их нужно срочно ампутировать. И, не найдя ничего нужного в заброшенной деревне, ампутацию доктор произвел простым ножом.

Очнувшись ненадолго, генерал Каппель тихо спросил: «Доктор, почему такая адская боль?» Скоро после операции Каппелю стало легче. Слегка приподнявшись на кровати, он приступил к организации порядка движения, отдавая необходимые распоряжения.

В деревне Барге у богатого мехопромышленника нашли удобные сани, в которые предполагалось уложить больного генерала для дальнейшего движения. И когда утром доложили ему об этом, он сказал: «Это напрасно, дайте мне коня!» На руках мы вынесли его из избы и посадили в седло. И все двигавшиеся по улице были приятно удивлены, увидев своего начальника на коне, как обычно.

Вставать на ноги и ходить Каппель не мог, так что, приходя на ночлег, мы осторожно снимали его с седла, вносили в небу, клали на кровать, а доктор делал ему очередную перевязку. Так продолжалось несколько дней. В нашей группе в санях следовали профессора Генерального штаба: генералы Филатьев[78], Рябиков[79]и другие.

Через 8—10 дней после выхода из деревни Барги состояние Каппе-ля стало ухудшаться. У него пропал аппетит, временами был сильный жар, а у трех-четырех докторов, следовавших в общем движении, не оказалось термометра. Также термометра не

нашлось и в попутных деревнях. Доктора все свое внимание сосредоточили на больных ногах генерала Каппеля и совсем упустили из виду его покашливание и то, что как-то, когда я помогал ему одеваться, он потерял сознание. Его уложили в сани, в которых он ехал несколько дней.

Ук

Почти каждый день повстанцы – красные партизаны – пытались нас обстреливать. Но так как они были плохими стрелками, урона они нам не приносили, обыкновенно быстро разбегаясь и укрываясь в лесу или в деревне.

Однажды при выходе из деревни наши передовые части были сильно обстреляны с ближайшего перекрестка дорог. Нашим бойцам пришлось выйти из саней и повести наступление по глубокому снегу. Было убито трое повстанцев-партизан, трупы которых валялись прямо на дороге. А так как, объезжая их, можно было утонуть в глубоком снегу, то движение продолжалось прямо через трупы убитых повстанцев. Каким-то особенным звуком визжали железные полозья проходивших саней по зубам трупов. Этот звук, несмотря на полное тогда ко всему равнодушие, остался и до сих пор мной не забытым…

Верстах в 30–35 перед городом Нижнеудинском был большой бой с красными повстанцами около селения Ук. Повстанцы в конце концов все разбежались, оставив на месте боя около 30 трупов.

В селении Ук умер от тифа всеми любимый и уважаемый начальник Самарской дивизии[80]генерал Имшенецкий[81]. Он был примером доблестного и честного воина и пошел на войну с большевиками со всеми своими сыновьями…

Нижнеудинск

Город Нижнеудинск был занят нами после короткого столкновения с красными.

Генерал Каппель пригласил к себе на совещание начальников отдельных частей. Утром у него была высокая температура. А когда он одевался перед совещанием, то снова лишился сознания и даже стал бредить. Скоро к нему пришел бывший главнокомандующий генерал Сахаров, находившийся не у дел, и просил назначить его командующим 3-й армией.

После этого визита ослабевшему генералу Каппелю стало еще

хуже, и во время совещания, на котором обсуждались разные вопросы – о порядке движения, о назначениях и т. д., – генерал Каппель все время пролежал в кровати. На собрании было много разных лиц – многих из них я забыл… Когда Каппель, уже ночью, немного стал приходить в себя, он заговорил об этом совещании, делая свои выводы относительно присутствовавших, и закончил: «А я больше всех доверил бы генералу Молчанову: в его глазах еще светится искра Божия!»

Смерть генерала Каппеля

После Нижнеудинска ось движения шла по линии железной дороги; на ней сплошной лентой двигались на восток эшелоны, большей частью чешской. Я часто подъезжал к ним, так как они подолгу стояли где попало, с целью информации, которую давали начальники эшелонов, обычно сами знающие очень мало. Но когда они узнавали, что мы следуем с тяжелобольным Каппелем, то наперебой предлагали место для больного в эшелонах, гарантируя секретность и безопасность. Чехи вообще относились к генералу Каппелю с большим уважением. Многие знали его еще по волжским боям.

Но когда я уговаривал Каппеля лечь в чешский эшелон, он категорически отказывался, хотя чехи предлагали места для проезда с больным для двух-трех сопровождающих. На все мои доводы генерал Каппель отвечал, что в такой тяжелый момент он не оставит армию, а если ему суждено умереть, то он готов умереть среди своих бойцов. Закончил он фразой: «Ведь умер генерал Имшенецкий среди своих… И умирают от ран и тифа сотни наших бойцов!» После этого говорить с ним на эту тему было бесполезно.

20 или 21 января 1920 года, чувствуя, что силы его оставляют, Каппель отдал приказ о назначении генерала Войцеховского главнокомандующим армиями Восточного фронта. В последующие два-три дня больной генерал сильно ослабел. Всю ночь 25 января он не приходил в сознание.

На следующую ночь наша остановка была в доме железнодорожного смотрителя. Генерал Каппель, не приходя в сознание, бредил армиями, беспокоясь за фланги, и, тяжело дыша, сказал после небольшой паузы: «Как я попался! Конец!»

Не дождавшись рассвета, я вышел из дома смотрителя к ближайшему стоявшему эшелону, в котором шла на восток вместе с чешскими войсками румынская батарея имени Марашети. Я нашел батарейного врача К. Данец, который охотно согласился

осмотреть больного и захватил нужные принадлежности. Быстро осмотрев больного генерала, он сказал: «Мы имеем один патрон в пулемете против наступающего батальона пехоты. Что мы можем сделать?» И тут же тихо добавил: «Он умрет через несколько часов».

У генерала Каппеля было, по определению доктора К. Данец, двухстороннее крупозное воспаление легких. Одного легкого уже не было, а от другого оставалась небольшая часть. Больной был перенесен в батарейный лазарет-теплушку, где он через шесть часов, не приходя в сознание, умер.

Было 11 часов 50 минут 26 января 1920 года, когда эшелон румынской батареи подходил к разъезду Утай, в 17 верстах от станции Тулуна в районе города Иркутска.

Переход через озеро Байкал

После смерти генерала Каппеля тело его было положено в деревянный гроб и поставлено в одну из теплушек румынского эшелона. Однако мне удалось перебраться из румынского в чешский эшелон, где у меня были знакомые. Но и этот чешский эшелон, как и все, двигался черепашьим шагом на восток. На станции Иннокентьевская (перед Иркутском) нас догнали главные силы армии под командой генерала Войцеховского, и мне было предложено, вместе с гробом генерала Каппеля, присоединиться к войскам, сев в сани рядом с гробом.

В Иркутске была советская власть, восставшие войска и разные партизаны-повстанцы. Власть была захвачена подпольными организациями большевиков и их попутчиков. План генерала Войцеховского захватить город атакой подошедших войск и этим, может быть, спасти арестованного Верховного Правителя и многочисленных белых офицеров был нарушен ультиматумом чешского командования, в котором указывалось, что если произойдет атака и бой за Иркутск, то чешские войска принуждены будут начать разоружение двигающихся вдоль железной дороги остатков белых армий. Выбора иного не было, как только обойти Иркутск.

На рассвете февральского утра 1920 года главные части Каппелевской армии (так она стала теперь называться после смерти генерала Каппеля), обойдя Иркутск справа и дойдя до деревни Лиственичной на берегу озера Байкал, стали спускаться на лед Байкала. Стоял жестокий мороз (до 35 и выше градусов), толщина льда доходила до трех с половиной футов. Снежной крупой и ветром поверхность льда была отполирована, как

зеркало.

Вступившие на него кони со старыми подковами быстро падали и не имели уже сил подняться. Лед местами был так гладок, что без особых трудов упавшую лошадь можно было тянуть за гриву до места, где хоть немного было снега и была какая-то шероховатость. Там с помощью людей лошадь с большими усилиями вставала на ноги, но, пройдя небольшое расстояние до гладкого льда, снова беспомощно падала на зеркальной поверхности Байкала. Так случилось и с довольно крупным конем, везшим сани с гробом Каппеля. Большинство сопровождавших его шло пешком. После нескольких падений и под-ниманий конь отказывался встать на ноги. Возникла проблема: что делать дальше с гробом?

Время от времени был слышен как будто приглушенный выстрел тяжелого орудия, сопровождавшийся каким-то подземным гулом. Это трескался в длину толстый лед Байкала, отчего на льду образовывались трещины шириной с фут и больше, в которых показывалась вода, выходя и замерзая в то же время.

Гроб следовал непосредственно за головным отрядом волжан под командой молодого генерала Николая Сахарова. Сопутствующие высказали предложение: спустить на дно под лед гроб с телом генерала Каппе-ля. Но большинство было решительно против этого. До Мысовой оставалось около 50–60 верст дороги по льду. Преодолеть это расстояние с плохо кованным конем, который часто падал, было немыслимо.

Из собравшихся пеших и конных людей ко мне подъехал на очень маленькой лошадке, совсем неказистой, но бодро хрупавшей острыми шипами подков байкальский лед, один очень скромный доброволец – волжанин Самойлов – и предложил впрячь в сани его лошадь вместо беспомощно лежащего и не желающего вставать моего большого коня. Распрячь его не представляло труда. Но впрячь небольшую сибирскую лошадку в эту сбрую было нелегко, так как надетый на нее большой хомут своей нижней частью касался ее колен. Пришлось мобилизовать имеющиеся попоны, одеяла и прочее. И лошадка быстро потащила почти невесомые сани с гробом и двумя сопровождающими.

Уже рассвело на той стороне (восточной) Байкала. И не совсем ясно вырисовывались небольшие возвышенности района станции Мысовая. Сзади с лесистого берега села Лиственичного спускались и вытягивались бесконечные ленты повозок с каппелевцами. Сведений ни от кого не было, кем занята сейчас Мысовая. У всех было напряженное состояние.

Переход через Байкал продолжался целый день. С наступлением сумерек головные части втянулись в поселок Мысовой. Станция была занята японскими частями, и это известие сразу всех успокоило. Но наша часть все еще была на льду. Вслед за волжанами и за санями с гробом Каппеля двигались десятки саней с больными тифом каппелевцами, недавно еще бывшими грозными бойцами. Каппелевцы не хотели оставлять больных своих друзей и начальников: везли их погруженными по трое-четверо на каждых санях. Некоторые из них были в бреду, другие тихо стонали, третьи, изнуренные болезнью, беспомощно и тревожно смотрели вперед и вверх в ожидании неизвестного будущего.

В одних санях лежал мой одноклассник, с которым мы вместе служили в одной части в Первую мировую и в Гражданскую войну. Когда-то веселый и жизнерадостный, богатырского сложения красавец, сейчас он метался в жару. Когда сани, в которых его везли, временно останавливались недалеко от меня, я видел, как он, при сильнейшем морозе, сбрасывал с себя одежду и рвал ворот нательной рубашки, плохо отдавая себе отчет в происходившем. Я близко подошел к нему и громко крикнул: «Что ты делаешь? Так ты простудишься и умрешь». – «Все равно мне, я задыхаюсь», – как-то спокойно и безучастно ответил он.

В следующих санях везли моего другого соратника, который был совершенно без сознания. Также и в других санях беспомощно лежали больные тифом; многих из них я знал по Волге и в Сибири. Между прочим, страшная стужа и скудное питание почти не повредили больным тифом, переправлявшимся через Байкал. Многие совершенно выздоровели, а некоторые из них и теперь благополучно живут в Америке.

Наконец и мы втянулись в поселок Мысовой. Переход был окончен. На улицах, как в каком-то цыганском таборе, стояли сани, повозки, солдаты разжигали костры, куда-то везли раненых и больных, вели лошадей к привязям, и на все это с невозмутимым спокойствием взирали японские, одетые в шинели и меховые шубы (дохи) солдаты-часовые. А с Байкала все шли и шли люди, в санях, на лошадях и пешком…

Похороны генерала Каппеля

В конце февраля 1920 года через Байкал (по подсчетам некоторых начальников) прошло более 60 тысяч самых разнообразных повозок, саней, розвальней. Гроб с телом генерала Каппеля прибыл на Мысовую, и здесь же на следующий день была

отслужена первая панихида. Как-то до этого прошедшие через всю Сибирь бойцы не уясняли себе полностью факта смерти Каппеля. Просто большинство не представляло, что генерала Каппеля уже больше нет… Кем-то были распущены слухи, что в закрытом гробу якобы везлись какие-то ценности или деньги, а что сам Каппель уехал вперед, чтобы приготовить место идущим каппелевцам, и прочие подобные небылицы.

Но когда на панихиде была поднята крышка гроба и бойцы увидели покойника, то у многих невольно вырвался тяжелый вздох и мучительный стон. Многие закаленные бойцы не могли сдержать рыдания, и большинство находилось в подавленном состоянии. Некоторые с растерянным видом, искренне, не стесняясь, задавали вопрос: «Как же его нет? А что же теперь будет с нами?»…

Нельзя забыть, как толпа бойцов, не могущая попасть в церковь, где стоял гроб, упала на колени на улице, прямо на снег, при пении «Вечная Память!».

После панихиды гроб был погружен в товарный вагон, а для нас, сопровождающих, был отведен небольшой салон-вагон. В Чите была устроена забайкальцами торжественная встреча. На станции был почетный караул. И сам глава Забайкалья, атаман Семенов, тепло, по-русски, троекратным целованием приветствовал нас, сопровождавших гроб.

Обращаясь ко мне, он сказал: «Вы, полковник, столько пережили и перетерпели, что после похорон вам следует отдохнуть и пожить в Японии!» Я искренне его поблагодарил и сказал, что если есть возможность, то лучше положить в японский или американский банк какую-то сумму денег для детей генерала Каппеля. Атаман Семенов поспешно ответил: «Об этом не беспокойтесь! Все будет сделано!»

В мое распоряжение был назначен очень симпатичный участковый пристав (не помню его фамилии). По его указаниям был найден очень приличный гроб. Он сделал распоряжение о рытье могилы и почему-то очень убедительно настаивал, чтобы глубина могилы была не менее 8 футов.

В день похорон в городе Чите творилось что-то невероятное. Не только храм, но и все прилегающие к нему улицы были заполнены самым разнообразным по своему виду народом, не говоря уже о прекрасно одетых забайкальских частях, стройно шедших во главе с оркестром, игравшим похоронный марш. Такого скопления народа на похоронах я, проживший долгую жизнь, никогда не видел.

И когда гроб опускали в могилу, вставший на возвышение поэт Александр Котомкин-Савинский призвал всех к молчанию. И

при гробовой тишине с большим чувством прочел свое стихотворение:

НА СМЕРТЬ КАППЕЛЯ

Тише!.. С молитвой склоните колени:
Пред нами героя родимого прах.
С безмолвной улыбкой на мертвых устах
Он полон нездешних святых сновидений…
Ты умер… Нет, верю я верой поэта —
Ты жив!.. Пусть застывшие смолкли уста
И нам не ответят улыбкой привета,
И пусть неподвижна могучая грудь,
Но подвигов славных жива красота,
Нам символ бессмертный – твой жизненный путь
За Родину! В бой! – ты не кликнешь призыва,
Орлов-добровольцев к себе не сзовешь…
Но эхом ответят Уральские горы,
Откликнется Волга… Тайга загудит…
И песню про Каппеля сложит народ,
И Каппеля имя, и подвиг без меры
Средь славных героев вовек не умрет…
Склони же колени пред Символом веры
И встань за Отчизну, родимый народ!

Многие, слушая это стихотворение, не стыдясь своих слез, горячо и навзрыд плакали…

Почти через год, когда, по сложившимся обстоятельствам, Чита (где был похоронен Каппель) должна была быть оставлена, каппелевцы перевезли прах генерала в Харбин. При этом, когда на панихиде была открыта крышка гроба, оказалось, что тело покойника за этот год нисколько не изменилось. Лицо было таким же свежим, как после перехода нашего через Байкал на станции Мысовая в 1920 году. В Чите могила Каппеля была глубиной более 8 футов, в слое вечной мерзлоты, почему тело так и сохранилось.

Когда войска из Читы переходили в Приморье, к этому времени совместно с другими частями были сформированы пехотный полк имени генерала Каппеля, батарея и бронепоезд с его же именем. И почти все бойцы, за исключением очень немногих, называли себя каппелевцами. Они активно сражались против красных в Приморье и на Амуре до конца 1922 года.

Больше того, и наши противники (красные) почти во всех своих книгах о Гражданской войне самые стойкие и самые боеспособные белые части называют «каппелевцами».

Много прошло лет, давно нет В.О. Каппеля, но, помня его до сих пор, разбросанные по всему свету каппелевцы сохраняют о нем благоговейную память и, как когда-то пели его солдаты-добровольцы, помнят его завет:

Когда наш Каппель умирал,
Любить Россию нам завещал…

С. Марков [82]
Пятьдесят лет тому назад

Воспоминания о Великом Сибирском походе и о борьбе с красными в Забайкалье[83]

В основу своих воспоминаний уже пятидесятилетней давности о происходившей в 1919–1920 годах борьбе за свободу нашей родины я положил все то, чего я был свидетелем, а иногда и незаметным участником. А видел я и слышал гораздо больше, чем рядовые бойцы и даже офицеры боевых частей, потому что судьба забросила меня во время моего добровольного служения родине-России на службу при различных штабах, сперва при Ставке Верховного Правителя адмирала Колчака, затем – в штаб Барнаульской группы, превратившийся во время Великого Сибирского похода в штаб Северной группы, а в Забайкалье я служил в роте связи Инженерного дивизиона 3-го стрелкового корпуса (генерала Молчанова) и был телефонистом штаба корпуса. Затем, уже в Приморье, я вначале продолжал быть телефонистом, а потом стал экспедитором штаба Поволжской группы войск, как назывался после переформирования армии наш 3-й корпус. Во время всей моей службы я всегда жил с офицерами этих штабов, слышал все, что они говорили, и был свидетелем того, что в штабах происходило.

Все это происходило уже давно, 50 лет тому назад, в роковой для нас, борцов с большевиками в Поволжье, на Урале и в Сибири, 1919 год. Я был тогда мальчиком четырнадцати лет, но я весь горел желанием бороться за освобождение нашей родины от захватившего в ней власть красного произвола. Я верил в правоту нашей борьбы, как верили в это все, кто окружал меня тогда и с кем вместе я совершил наш крестный снежно-ледяной поход через всю Сибирь, поход частей «Народной армии» Поволжья и Урала, Сибирской армии, казачьих частей и многих других отрядов, объединенных во время похода в одну армию, с гордостью носившую имя своего вождя, генерала Каппеля, – «каппелевцев».

В поток этой отходящей на восток армии я влился в городе Омске. Был я тогда добровольцем «Особого отряда», составленного из молодых людей, не достигших еще восемнадцатилетнего возраста. Собрались они в этот отряд по распоряжению адмирала Колчака из различных войсковых соединений наших армий. Отряд нес службу связи при Ставке Верховного Правителя. Мы развозили пакеты, посылки, карты,

пропагандный материал, газеты, журналы и т. п. на фронт и по гарнизонам Западной Сибири. Когда нужно было послать секретный пакет, отправляемый обычно с офицером, мы заменяли такого офицера, доставляя пакет по назначению на автомобиле, на паровозе или просто верхом на коне.

Отряд был сформирован летом 1919 года, когда ничто еще не предвещало печального конца нашей эпопеи. После осеннего отступления и оставления Урала осенью 1918 года фронт стабилизировался в Приуралье. На фронт прибыли вновь сформированные уральские части, и в марте 1919 года наши войска перешли в наступление, заняв Уфу и Ижевский и Воткинский заводы. Но в середине лета, собрав большие силы, красные перешли в контрнаступление. Отсутствие резервов и недостаток вооружения и боеприпасов заставили наши войска отходить, а с отступлением начался и развал. Мобилизованные разбегались по домам, а некоторые части переходили к красным целиком. В особенности захватил этот развал Сибирскую армию, действовавшую вдоль железной дороги на Пермь и Вятку. Надо сказать, что в то время как «Народная армия» снабжалась почти исключительно за счет трофейного имущества, отбираемого в боях у противника, части Сибирской армии, пользовавшиеся особым расположением Ставки Верховного Правителя, были прекрасно вооружены и снабжены получаемым из-за границы снаряжением, но укомплектованы были мобилизованными сибирскими крестьянами, уже распропагандированными большевиками и злыми на чехов за их произвол, реквизиции, производимые различными отрядами, и за расправы с населением в случае неповиновения. Большинство населения Сибири состояло из недавних выходцев из России – переселенцев, которые, как и немногочисленный рабочий класс, были на стороне большевиков, так же как и поселенцы – бывшие ссыльные. Население городов относилось к воюющим сторонам индифферентно, но поведение иностранных войсковых частей – чехов, немногочисленных отрядов англичан и французов и «польского легиона», созданного из польских беженцев, нашедших во время Первой мировой войны убежище в Сибири, – вызывало всеобщее недовольство. Разочаровавшись во власти, пришедшей на смену большевикам, сибирские крестьяне говорили: «Нам бы хоть пес, лишь бы яйца нес».

Из казачьего населения Сибири одно лишь Сибирское войско само-мобилизовалось, и то не сразу после освобождения, а только зимой 1918 года. Остальные казачьи войска дали лишь добровольцев, но в общей своей массе казачество было все же настроено против большевиков. Самомобилизация сибирских

казаков была ловко использована большевиками, развившими яркую пропаганду среди переселенческого населения, жившего в районе земель Сибирского казачьего войска. Пропагандисты говорили, что казаки пошли с Колчаком потому, что он им обещал отобрать землю у переселенцев и отдать ее казакам (земли, на которых жили переселенцы, когда-то принадлежали войску и были им уступлены для заселения их переселенцами).

Ушедшие в тайгу и в степи во время освобождения Сибири большевики организовали партизанское движение и развили среди населения бешеную агитацию против белых. Наша же агитация и контрпропаганда почти отсутствовали, и об организации соответствующего аппарата даже и не думали, оставив это «поле битвы» противнику. Таким образом, надеяться на мобилизованных местных жителей не приходилось, они или разбегались, или же переходили к красным, и лишь небольшая их часть оставалась верной белым. Главными борцами с большевиками были добровольцы, но вскоре приток их прекратился, и белые армии таяли. Резервов не было, а находившиеся в тылу сибирские полки были ненадежны. Красные же слали против нас массы мобилизованных, влитых в существовавшие уже части, где эти мобилизованные были поставлены под руководство опытных и верных бойцов. У нас же продолжались все новые и новые формирования со множеством штабов, а верные добровольческие части таяли и по своей численности никак не соответствовали своим наименованиям (в ротах было по 30–50 штыков).

Напомню читателю, что в то время население Сибири исчислялось в 8—10 миллионов человек, из которых от 2 до 3 миллионов приходилось на различных инородцев, эскимосов, якут, чукчей, камчадалов, самоедов и прочих, живших своей, особой жизнью. Населенные пункты, от Омска на восток, располагались по железной дороге и по рекам. Через всю Сибирь, от Омска, шла единственная Сибирская железная дорога, а вдоль нее – Сибирский грунтовой тракт, и кое-где имелись проселочные дороги местного сообщения. Поперек Сибири, с юга на север, текли многоводные, широкие реки, иногда до 2 верст шириной, как Иртыш, Обь, Енисей. От Омска до Новониколаевска (550 верст) вдоль железнодорожного пути простиралась степь с разбросанными по ней березовыми рощицами. Тайга начиналась верстах в ста к северу от железной дороги, а на юг шла лесостепь. От Новониколаевска дорога входила в тайгу, которая спускалась далеко на юг и простиралась до самого Забайкалья (приблизительно 2000 верст), а от Красноярска (650 верст от Новониколаевска) начиналась таежно-гористая местность.

От Новониколаевска на Сибирской железной дороге шла на юг железная дорога, связывающая с Сибирью центры овцеводства, Барнаул и Бийск (до Барнаула 300 верст), а от станции Тайга, в 200 верстах от Новониколаевска, шла железнодорожная ветка на город Томск (50 верст).

Трактов, кроме Сибирского, не было, и лишь к югу от железной дороги имелись две-три проселочные дороги, шедшие с запада на восток. Годной для движения по ней была из них лишь одна, на город Щегловск, прорубленная в тайге, верстах в пятидесяти южнее железной дороги. Продовольствия имелось в Сибири достаточно, хлеб лежал в скирдах с 1914 года, и недаром большевики избрали во время движения в Сибирь лозунг: «Вперед, в Сибирь, за хлебом!»

К моменту отхода армии от Омска началась ранняя зима с сильными морозами от 25 до 40 градусов. Это спасло отступающую с ожесточенными боями армию: зима сковала реку Иртыш и дала возможность перейти на другой берег по льду. По всей Сибири бродили многочисленные красные партизанские отряды, и белые фактически держали в своих руках лишь города и населенные пункты, лежащие по линии железной дороги и по рекам. К югу от Красноярска целый район с городами Минусинском и Щегловском был захвачен красным партизанским отрядом бывшего штабс-капитана Щетинкина, численностью от 1 до 2 тысяч человек. Отряд этот имел пулеметы и даже артиллерию.

В Забайкалье находился атаман Семенов со своей «армией» в 3–4 тысячи человек. Он вел самостоятельную политику и держался в Забайкалье только благодаря присутствию там японских частей. В то время японские экспедиционные части находились в Приморье, в Уссурийском крае и в Забайкалье, а во Владивостоке были, кроме них, еще и американцы. Сибирскую железную дорогу от станции Тайга до Владивостока занимали чехи, не пропускавшие наши эшелоны на восток, благодаря чему начиная от станции Татарская, в 100 верстах от Омска, до станции Тайга, в 600 верстах, обе железнодорожные колеи были забиты стоявшими в затылок один другому эшелонами с беженцами, ранеными и больными и эшелонами различных эвакуированных учреждений. Положение людей, находившихся в этих эшелонах, было отчаянным: они не имели ни продовольствия, ни дров, а воду им приходилось добывать из снега (если были дрова) или же из находившихся вдоль пути болот, озер и речушек. Из-за отсутствия топлива многие паровозы замерзли. Целые эшелоны тифозных и раненых, помочь которым было некому и нечем, позамерзали со всем своим «грузом».

Покинуть же эти обреченные эшелоны могли лишь единицы, так как никаких других перевозочных средств не было, а уйти пешком далеко было трудно. Кое-кому удалось примкнуть к проходящим по Сибирскому тракту частям и обозам с беженцами и семьями чинов армии, но таких счастливцев было мало. Все же остальные обитатели этих «поездов смерти» или замерзли, или же попали в руки красных. Мало кто из них выжил, а ведь их были десятки тысяч!

Отходя от Урала, белые армии предприняли под Челябинском контрнаступление, окончившееся, однако, неудачей, и лишь под Петропавловском, собрав все резервы, удалось нанести красным сильный удар, задержав на какое-то время их продвижение. Развить этот успех не пришлось из-за развала частей Сибирской армии, отступавшей севернее железной дороги Златоуст – Челябинск – Петропавловск – Омск. И если до Омска отступавшие армии дрались за каждый удобный для обороны рубеж, за почти каждый населенный пункт и сохранялось еще какое-то подобие «фронта», то после оставления Омска никакого фронта уже не было. Почти все части влились на один Сибирский тракт и в походной колонне устремились на восток, к Новониколаевску. Бои вел лишь арьергард, сдерживавший наседавших на хвост колонны красных. Раненых и больных сдавать было уже некуда, и их везли с собой. Во время этого отступления лошадь была тем, что гарантировало жизнь. Погибла она – значит, погибнут и все те, кого она везет…

Быстрое продвижение красных от Урала отрезало белые части, находившиеся на Южном фронте, и генерал Белов со своей армией и уральцами ушел через песчаную пустыню в Китай. Туда же ушли и оренбуржцы с атаманом Дутовым, и атаман Анненков из Семиречья. Сибирские казаки, дойдя до своих станиц, просто разошлись по домам, и только небольшая их часть пошла с армией дальше на восток.

До Новониколаевска шли с надеждой на восстановление фронта где-нибудь около него, рассчитывая на сибирские части, находившиеся в районе Новониколаевска и Томска, но в Новониколаевске стало ясно, что сибирские части перешли на сторону красных. Чехи не пропускали наши эшелоны ни на восток, ни с востока, тыла уже не было, и нам оставалось или сдаться красным, или же пробиваться на восток, в Забайкалье, где были японцы и атаман Семенов. Для этого нужно было совершить 2000-верстный поход по бездорожью, через тайгу и горы, по слабонаселенной местности и в лютый сибирский мороз, поход с беспрерывными боями и со слабой надеждой на его благополучный исход. Иного выбора не было, так как сдаваться

мы не желали и об этой возможности даже и не думали.

Запасшись в Новониколаевске продовольствием в виде сибирского сливочного масла в трехпудовых бочонках и мешками муки, так же как и фуражом для коней, армия двумя колоннами вошла в тайгу и двинулась в свой Великий Сибирский поход. Одна колонна шла по Сибирскому тракту вдоль железной дороги, а другая – по проселочной дороге, верстах в 50—100 к югу от нее. В этих колоннах шли походным порядком войсковые части с семьями военнослужащих (таковых было немного), шли обозы беженцев, пришедших сюда с Поволжья и с Урала, шли обозы каких-то учреждений и штабов. На восток двигалась почти что стотысячная масса людей. Путь через тайгу был тяжел. Стояли сильные морозы от 25 до 40 градусов, всюду лежал глубокий снег, почти непроходимый. Справа и слева от дороги – лес. В случае порчи саней или усталости коня сани съезжали в снег, утаптывали его вокруг саней, производили нужную починку или давали отдых коню и затем снова вливались в беспрерывно идущую вереницу обоза. В случае же полного истощения коня или неисправимой поломки саней пытались втиснуться в какие-либо другие сани, что было почти невозможно, и тогда, бросая все, шли дальше пешком или же, проклиная судьбу, оставались на месте. Деревни в тайге были редки, и они были небольшими, поэтому зачастую ночевали в снегу, у костров.

Приблизительно на полпути между Новониколаевском и Красноярском в тайгу вдавалась степь, и здесь, в этой степной излучине, находился небольшой городок Щегловск. Он был занят красными партизанами, которых пришлось оттуда выбивать, и, в то время как шел бой, обозы, не останавливаясь, обходили город стороной и шли дальше на восток. За два дня до Рождества мы подошли к Красноярску и с боем заняли несколько окрестных деревень. Сам же город был занят перешедшими к красным частями 1-й Сибирской дивизии и артиллерийскими формированиями Сибирской армии, усиленными подошедшими с юга партизанскими отрядами Щетинкина.

Во время движения через тайгу отступавшие части войск перемешались с многочисленными обозами, что отразилось, конечно, на их боевой готовности, ружейных патронов и артиллерийских снарядов оставалось очень мало, а поставленная на полозья артиллерия потеряла значительную долю своей маневренности. В связи с этим нашим командованием было принято решение отказаться от попытки захватить город Красноярск, а отвлечь внимание противника демонстративным наступлением на железнодорожный вокзал, находящийся южнее города, и в это время направить весь обоз в несколько тысяч

повозок в обход города с севера. На это направление были также двинуты части войск, завязавшие бой с преграждавшим намеченный путь противником.

В ожидании возможности начать движение весь обоз был собран на поле, укрытом от наблюдения цепью высоких холмов, отделявших это поле от города. Но еще до того, как можно было тронуться в путь, небольшой отряд красных, подошедший с тыла, открыл по обозу огонь из пулеметов, вызвав там панику и смятение.

Кинувшиеся от огня вперед, прямо перед собой, повозки обоза перевалили через цепь холмов и сразу же попали под огонь со стороны города. Затем рассыпавшиеся на отдельные группы повозки, в панике метавшиеся во все стороны, стали обстреливаться также со всех сторон мелкими частями красных, которые тем временем заняли окружающие возвышенности. В какой-то момент к ружейному и пулеметному огню присоединилась и артиллерия красных, чьи снаряды, к счастью, чаще давали перелеты.

На эту стрельбу в тылу своем вскоре подошли наши части, успевшие уже сбить красных севернее Красноярска и этим открыть обозу дальнейший путь на восток. Все пространство, на котором метался расстреливаемый со всех сторон обоз, представляло собой месиво снега с брошенным имуществом, вплоть до мешков с серебряными деньгами. Всюду виднелись убитые и раненые люди и лошади, разбитые сани, в которых сидели окаменевшие от ужаса женщины и дети. Это была подлинно ужасная картина!

Ушла на восток лишь примерно половина обоза, в то время как другая его часть, потеряв, очевидно, надежду на спасение, вошла в Красноярск и там сдалась красным.

Уже стемнело, когда в уходившем на восток обозе услышали колокольный звон, доносившийся из близкой деревушки. Звон этот напомнил нам, что сегодня – канун Рождества Христова… Отойдя верст 10 от Красноярска, мы заночевали в большой станице Есаульской, а наутро по льду реки Енисея пошли к северу. Во время движения по Енисею к нам присоединились отдельные наши части, отступавшие не со всей армией, а иными дорогами, севернее нашего маршрута. Такое присоединение не всегда бывало «мирным». Так, на одной из ночевок на нашу сторожевую заставу наткнулся шедший с запада какой-то разъезд. На окрик нашего часового «Кто идет?» разъезд открыл огонь. Перестрелка продолжалась всю ночь, и лишь под утро выяснилось, что это – свои.

Дойдя до места впадения в Енисей реки Кан, армия

повернула на эту реку и двинулась к городу Канску (105 верст). Еще по дороге к устью реки Кан от колонны армии отделились 3-й Барнаульский полк[84](600 человек) с командиром полковником Камбалиным[85], 11-й Оренбургский казачий полк (500 человек) полковника Сукина[86]и отряд полковника Казагранди[87](500 человек). Командовал этой группой генерал Сукин[88], который, заболев, передал командование полковнику Камбалину, а 3-й Барнаульский полк принял капитан Богословский. Штаб группы состоял из бывшего штаба Барнаульского района, и в него входили следующие офицеры: Генерального штаба полковники Попов и Сальников[89], капитан Шиманский, поручик Зенцов и еще два-три других офицера. Я состоял при штабе в должности квартирьера. Этот наш отряд двинулся к северу, на реку Ангару, по которой шел до водораздела с рекой Леной, перешел затем на нее, вышел к Байкалу, перешел через озеро и прибыл в Читу.

Главные же силы армии, двигаясь по руслу реки Кан, совершили здесь самый трудный переход. Кан, быстрая горная река, замерзла не везде, и во многих местах поверх льда бежала вода. Лед был не одинаковой толщины и крепости, сани часто проваливались, и приходилось при 30-градусном морозе лезть в воду и спасать тонущих. Сам командующий, генерал Каппель, во время одной рекогносцировки провалился вместе с конем под лед, отморозив себе ноги и заболев воспалением легких. Большинство ночевок имели место в снегу, а если по пути встречались деревни, то они были настолько малы, что могли вместить в своих хатах лишь часть женщин и детей, раненых и больных. Питание было скудное, впроголодь, подвод не хватало, тиф косил ряды армии и уменьшал число бойцов.

От Канска движение продолжалось уже опять по Сибирскому тракту, где сел было больше, но зато приходилось пробивать себе путь на восток, отбиваясь от нападавших на колонну партизан. Во время этого пути скончался генерал Каппель и в командование вступил генерал Войцеховский. На станции Зима стало известно о выдаче союзниками адмирала Колчака красным и о требовании, предъявленном армии чехами, обойти Иркутск с юга. В случае же, если бы мы захотели выбивать красных из города, чехи угрожали разоружить армию. Почти одновременно было получено сообщение, что 7 февраля адмирал Колчак был расстрелян красными, и таким образом вопрос о его выручке отпадал. Драться же с хорошо вооруженными и снабженными чехами, не имея достаточно артиллерии, патронов и снарядов и при большем числе раненых и больных, нежели боеспособных солдат, было бессмысленно. Поэтому, обойдя Иркутск с юга, по реке Ангаре, вытекавшей из Байкальского озера, остатки армии

спустились к озеру и в ночь с 15 на 16 февраля 1920 года перешли его. Этим переходом через Байкал и был закончен Великий Сибирский поход.

Северная группа войск, в составе которой я и совершил свой поход, пройдя по Енисею еще верст 50, свернула на дорогу, шедшую через тайгу, от села Ивановщина, на левом берегу Енисея, к селу Яковлево, на реке Усолке (80–90 верст). Район, по которому мы шли, сокращая путь на реку Ангару, был логовом партизан, здесь они после освобождения Сибири прочно обосновались и в продолжение всей нашей борьбы с большевиками удерживали за собой бассейн реки Тасеевки, притока реки Ангары, в которую впадает река Усолка, но теперь можно было предполагать, что все красные партизанские отряды этого района ушли к Красноярску. Дорога, по которой мы шли по тайге через невысокие горы, водораздел между рекой Усолкой и Енисеем, вела в селу Яковлево, запиравшему выход из тайги. Яковлево было занято красными, и бой начался в невыгодных для нас условиях: развернуться в тайге по глубокому снегу было невозможно, и приходилось драться на узком пространстве. Стоял сильный мороз, не позволявший оставлять долго солдат в цепях. У красных было много пулеметов и одна мелкокалиберная пушка, «макленка», безуспешно старавшаяся нащупать наш обоз. Снарядов к ней было, по-видимому, у красных мало, и стреляла пушка редко. Наши атаки на село легко отбивались красными, так как наступление по глубокому снегу было «черепашьим», и бой был решен глубоким обходом села несколькими сотнями оренбургских казаков. Красные бежали, и мы заняли Яковлево. Сильно укрепленное село было, по-видимому, опорным пунктом партизан. По его окраинам были построены бревенчатые бункера, засыпанные снаружи для камуфляжа снегом и политые водой.

Из Яковлева наша колонна двинулась по льду реки Усолки к реке Ангаре. Пройдя по ней верст 200, до села Устьяновского, находившегося при впадении Усолки в реку Тасеевку, мы снова, сокращая путь, пошли таежной дорогой на село Пашино (верст 150), на левом берегу Ангары. Выйдя на Ангару, мы почувствовали простор: широкая, в две-три версты, река и вместо узкой таежной дорожки впереди хорошо накатанный путь. По сведениям, полученным от жителей, красных в этом районе имелось мало, лишь местные, маленькие и плохо вооруженные отряды, а подойти сюда с юга, от Сибирской железной дороги, красные могли только по двум дорогам, причем идти от железной дороги было очень далеко, верст 500, таежной дорогой. Поэтому появление их на нашем пути было маловероятным. Пространство от реки Ангары на юг было гористой местностью, покрытой

непроходимой тайгой, и нападение с той стороны было невозможным. Для удобства ночлегов в селах дальнейший поход мы совершали двумя эшелонами. В головном эшелоне шли 3-й Барнаульский и 11-й Оренбургский казачий полки, во втором – отряд полковника Казагранди. Переходы мы совершали не всегда одинаковые, длина их соответствовала расстоянию между двумя селами, от 30 до 50 верст. Села по реке Ангаре были большие, и «квартирного кризиса» не было. Питание было достаточным, как было достаточно и подвод, набираемых у крестьян для перевозки всей группы от села до села. Крестьяне охотно снабжали нас едой и подводами, так как за все мы платили, а дисциплинированность наших солдат и казаков сразу же создавала с жителями села дружественные отношения. Таким образом, наша Северная группа оказалась в гораздо лучших условиях, чем армия, отходившая по Сибирскому тракту. Идя по району, где жители занимаются охотой, мы приобрели, защищаясь от лютого мороза, всевозможные меховые одеяния, шубы, полушубки, дохи, унты (меховые сапоги), перчатки, шапки с длинными ушами, которые, обвитые вокруг шеи, защищали горло и нижнюю часть лица. Эти одеяния были, конечно, разнородными и лишили полки вида воинских частей, но зато было тепло и мороз не был больше нам страшен.

С красными партизанами мы встретились, лишь пройдя около 1000 верст. Придя на ночлег в какое-то село, кажется Кежма, мы были встречены населением этого села как-то чересчур радушно. Во всех хатах было приготовлено угощение и много спиртного. Такая встреча сразу же показалась нам подозрительной, и были отданы соответствующие распоряжения, уместность которых подтвердило сообщение одного крестьянина о том, что нас хотят напоить для того, чтобы партизанам, находящимся в тайге за селом, было бы легче взять нас ночью. Подтверждением этого сообщения было почти полное отсутствие в селе мужчин, хотя и в других селах их бывало не много, так как мужская часть населения этого района промышляла летом «мытьем» золота, а зимою – охотой на пушного зверя и только весной и осенью мужчины работали в селе. Спиртное, чтобы не было соблазна, мы вылили в снег, а прочее угощение съели с удовольствием. Партизаны на нас ночью не напали, наверное, кто-то из жителей сообщил им о провале их плана, и лишь через несколько дней они преградили нам путь, заняв село Тушимское, лежавшее на одном из больших островов реки Ангары. Ударом с фронта пехотой, а с флангов – кавалерией мы разбили партизан, и часть их на лыжах бежала в горы, другая же часть – вверх по реке Ангаре. Много их было зарублено казаками и конной сотней

3-го Барнаульского полка и взято в плен. Наши потери были ничтожны: ни одного убитого, лишь несколько раненых. Пленные партизаны были оставлены в селе, а мы после ночлега тронулись дальше.

Пройдя верст 150, мы остановились в селе Подпорожнем, при впадении реки Илима в Ангару. Отсюда по реке Илиму шел тракт на город Илимск и дальше, через водораздел рек Ангары и Лены, вдоль рек Купа и Кута на реку Лену. В Подпорожнем мы узнали, что вниз по Ангаре, в городке Братский Острог (верст 300), находится большой отряд красных и туда же бежали разбитые нами в Тушимском партизаны. Сведений об Иркутске и о нашей армии не было, и было решено перейти на реку Лену, не ввязываясь в бой с красными в Братском Остроге. Там, на Лене, будет видно, двигаться ли нам в Иркутск или же идти в Забайкалье.

Двигаясь по тракту на реку Лену, мы впервые за все время нашего похода ночевали в двух, пусть заброшенных и маленьких, но все же городках: Илимске и Усть-Кутске. В последнем мы остановились на дневку и впервые узнали общую обстановку. Наше движение на Иркутск отпадало, так как армия в начале февраля, дней десять тому назад, прошла Иркутск и двинулась в Забайкалье. Узнали мы и о трагической гибели адмирала Колчака. Вдоль реки Лены проходили тракт и телеграфная линия, почему мы и были в курсе всего происходящего в крае. Лена – река судоходная, и в Усть-Кутске зимовало несколько пароходов. Сел и деревень было больше, но население их было беднее.

Здесь заболевшего тифом генерала Сукина заменил на посту начальника колонны полковник Камбалин.

Ввиду того что наша армия прошла уже Иркутск и город был в руках красных, было принято решение идти в Забайкалье, для чего надо было пройти вверх по реке Лене верст 500 и свернуть затем по реке Чанчер к Байкальскому озеру. Шедший во втором эшелоне отряд полковника Казагранди не пошел за нами, а повернул на север, к городу Якутску, где и был захвачен красными.

Двигаясь на юг по реке Лене, мы все время ожидали столкновения с красными, так как знали о присутствии крупных их отрядов в этом районе. Пройдя беспрепятственно верст 200, мы узнали от жителей села, где заночевали, что здесь стоял небольшой отряд красных, ушедший при нашем приближении в сторону города Верхоленска. Этот отряд, все время усиливавшийся за счет присоединявшихся других мелких отрядов, отходил перед нами от села к селу без боя. Пройдя еще верст 100, мы потеряли двух казаков-квартирьеров, команда

которых шла с авангардом. Подъехав к очередному селу, они поехали вперед и в селе были схвачены красными, которые увезли их в следующее село Знаменское, где зверски истязали и затем еще живых, со связанными спереди проволокой кистями рук и с пропущенными сзади, под локтями, шестами спустили в прорубь, под лед, где мы и нашли их замерзшими. Это зверство возмутило всех нас до такой степени, что следующее село Грузновское, где красные решили нас остановить, было нами захвачено таким стремительным ударом, что красные не успели ни убежать, ни увести свой обоз. Те из них, кто выскочил на реку, пытаясь ускакать или уехать на санях, были порублены нашими казаками, да и все сельские улицы были покрыты зарубленными красными. Таким образом страдания двух замученных казаков были отомщены. В лес успело уйти всего лишь несколько десятков лыжников, и по льду ускакало на хороших лошадях несколько всадников. В захваченном нами обозе были ружейные патроны, которых у нас оставалось мало, и было взято человек 200 пленных. С коммунистами разговор был короткий – они заплатили за содеянное с казаками, а остальные были оставлены в селе.

Город Верхоленск (тысячи две жителей) был после короткого боя занят нашим авангардом, но здесь мы понесли потери: было трое убитых и несколько раненых. В городе к нам присоединились два юнкера Иркутского военного училища, спасшиеся из Иркутска и пришедшие сюда в штатском платье. Они рассказали нам об иркутской трагедии и о том, что навстречу нам идет от Иркутска сильный отряд красных под командой Каландарашвили. Встреча с этим отрядом была для нас нежелательной, так как патронов у нас было все же мало, а бойцов еще меньше, поскольку половина людей были больны тифом или же были ранены, и в бой мы могли выставить всего лишь четверть состава, человек 200–300. Но другого пути не было, и, надеясь на то, что нам удастся проскочить на дорогу к Байкалу, мы пошли на юг.

Пройдя верст 100, мы обнаружили, что село Бирюльки, лежавшее на нашем пути, занято красными. Предполагая, что перед нами небольшой отряд красных, мы повели наступление на село, но наступление сразу же захлебнулось из-за сильного огня противника. Стало ясно, что мы встретились с главными силами отряда Каландарашвили. Запас патронов у нас был на исходе, а красные перешли в наступление, и если бы не наши казаки, то здесь бы и был конец нашему походу. Мы отступили от села, и, на наше счастье, красные нас почему-то не преследовали.

В недалеком бурятском улусе мы узнали от одного охотника,

что от деревни Шевыкан, вблизи этого улуса, есть охотничья тропа на реку Чанчер, по которой идет зимний путь от реки Лены к Байкалу, переваливающий затем через Байкальские горы и по льду озера доходящий до заимки (верст 80–90) на полуострове Святой Нос, а затем через Баргузинский залив (верст 30) – в село Усть-Баргузин, откуда шел тракт на город Читу через городок Баргузин. В деревне Шевыкан (несколько хат) нам пришлось бросить все имущество, забрав с собою лишь самое необходимое и провиант. Оставили мы здесь всех безнадежно больных и очень тяжело раненных, так же как и не желавших идти дальше. У саней были сняты отводы, а раненые и больные были привязаны к ним веревками. Приготовившись таким образом к походу, мы тронулись в горы по узкой горной реке. Внизу был лед, а поверх него бежала сантиметров на 10 вода. Стоял мороз градусов в 20, валенки и унты, полозья саней и копыта коней покрывались льдом, который приходилось отбивать. Почти двухдневный переход до озера Тулон был кошмарным. Потом был такой же тяжелый 80-верстный переход без пути по плоскогорью, и мы вышли на зимний путь к Байкалу и через несколько дней дошли до озера. Было начало марта месяца 1920 года, и зима уже сдавала. Мы отдохнули день в тунгусском улусе, приготовили мостки для перехода возможных трещин по льду озера и тронулись в путь. К вечеру мы подошли к селу Усть-Баргузин и были из села обстреляны, но, как только мы развернулись в боевой порядок, обстрел прекратился. В селе не оказалось ни красных, ни местных жителей, и все указывало на поспешность оставления его.

Утром мы выступили на Баргузин (верст 30). Не доходя верст десяти до города, красные преградили нам дорогу при входе в ущелье, но были обойдены казаками и бежали, оставив город. В этом небольшом городке (тысячи полторы жителей) мы узнали, что с юга, по тракту от Верхнеудинска, шел на нас большой отряд красных (верст 300), и потому наш путь туда перерезан. Не могли мы идти и по старому Читинскому тракту, по которому ушли разбитые нами красные. Они усилились там местными отрядами, а мы, не имея патронов, не могли принять боя. Положение становилось как будто безнадежным, но опять-таки нас выручил случай. Нашелся проводник, который рассказал нам о возможности зимнего похода через глухую ненаселенную местность по руслам замерзших горных рек с текущей поверх льда водой, через перевалы гор, покрытых тайгой, и по плоскогорьям на равнину перед Читой и на Витимский тракт, шедший в Читу.

Пройдя верст 40 по дороге к реке Ина, наша колонна

поднялась по ряду горных рек на Баргузинский хребет и, перевалив его, спустилась на реку Витим. Этот трехдневный переход был очень тяжелым, так как путь шел по льду и камням замерзших горных рек, стоял мороз в 25–30 градусов и вокруг не было никакого жилья. Питались мы во время этого перехода осетриной, набранной на рыбных складах города Баргузина. Дойдя до реки Витим, мы оказались на плоскогорье и здесь встретили первый за три дня похода бурятский улус. Спустившись по реке, мы через сутки достигли приисковой резиденции, где узнали, что наш дальнейший путь по реке Витим и по тракту уже перерезан большим красным партизанским отрядом. Опять пришлось идти целиной, на этот раз степной, но снег был, к счастью, мелкий. Через четыре дня мы дошли до Яблонового хребта, спустились с него в Читинскую долину, где уже наступила весна, и 14 марта, по воде и грязи, дотащились до Читы и присоединились там к армии, для которой наше прибытие туда было полной неожиданностью.

* * *

Прибыв в Читу, мы сдали раненых и больных в госпиталя и санитарные поезда и пополнили наше вооружение и снаряжение. Из трех армий Сибири, Поволжья и Урала и других отдельных воинских частей, начавших свой Сибирский поход в количестве около 100 тысяч человек, в Забайкалье пришло не более 25 тысяч, из которых 11 тысяч больных и раненых. Остальные 75 тысяч или попали в плен к красным, или погибли во время похода. В Забайкалье была произведена реорганизация всех вооруженных сил, сведенных в три корпуса. Так как от 1-й Сибирской армии, когда-то самой многочисленной, остался всего лишь один 3-й Барнаульский полк, он был влит в состав 2-й армии, образовавшей 2-й корпус под командованием генерала Смолина. 1-й корпус был сформирован из частей войск атамана Семенова, находившихся в Забайкалье, с придачей к ним казачьих полков нашей армии, а из 3-й, Волжской, армии был создан 3-й корпус, в командование которым вступил командир Ижевской дивизии генерал Молчанов. Соответственно с переименованием армий в корпуса, дивизии были сведены в полки, а полки в батальоны. Кроме этих трех корпусов, были в Забайкалье и другие воинские части, не входившие в них. Самой крупной из таких отдельных частей был отряд барона Унгерна (1500–2000 человек), стоявший в военном городке на станции Даурия, недалеко от маньчжурской и монгольской границ. Здесь Унгерн «царствовал», ведя

самостоятельные боевые операции против красных и лишь номинально подчиняясь атаману Семенову. Довольно крупным соединением были дивизионы броневых поездов, охранявшие железную дорогу, а также железнодорожные части.

Все Забайкалье было в то время в руках многочисленных небольших местных красных партизанских отрядов, и только в районе города Сретенска были два крупных отряда, Якимова (до 1000 человек) и Каратаева (человек в 500). Был и еще один довольно крупный отряд (около 500 человек) Морозова, располагавшийся севернее города Читы. На западе фронт проходил где-то между Верхнеудинском и Читой (расстояние между ними 300–350 верст). На фронте стояли японцы, но боевых действий не было, и красные не пытались переходить в наступление. Свободными от красных были лишь железная дорога от Читы до пограничной китайской станции Маньчжурия и прилегающая к железной дороге полоса местности верст на 50 в одну и в другую стороны от полотна. Но партизаны проникали и в эту полосу, взрывали железнодорожный путь и нападали на гарнизоны станций. Была свободной от красных еще и часть Амурской железной дороги до города Сретенска (верст 350 от ст. Карымская). Охраняли эти железные дороги японцы совместно с частями атамана Семенова, и вся власть атамана держалась в крае только благодаря присутствию в Забайкалье японских частей, занимавших одновременно и Приморскую область, где русская власть находилась в руках красных.

Сразу же по прибытии нашей армии в Забайкалье атаман Семенов объявил себя преемником адмирала Колчака и главнокомандующим всеми вооруженными силами. Наш главнокомандующий, генерал Войцеховский, покинул армию и, пользуясь своими связями с чехами, уехал в Чехию. С ним вместе покинули армию и многие другие генералы, уехавшие в Маньчжурию или в другие страны. Командующим армией был назначен генерал Лохвицкий, причем 1-й корпус остался в непосредственном подчинении атаману Семенову. Благодаря этому сразу создалось разделение армии на «каппелевцев» и «семеновцев», отношения между которыми стали холодными, а иногда даже и враждебными. Причиной такого антагонизма было не только вынужденное подчинение атаману Семенову, но еще и расхождение во взглядах на политическую платформу нашей борьбы с большевиками. Мы продолжали борьбу, мысля, что будущее России и, в частности, вопрос правления решит сам русский народ, то есть стояли на политической платформе всего Белого движения. Семеновцы же стояли за монархию и считали бунтарями всех не согласных с этим. Начало этому антагонизму

положили не мы, а семеновцы, и если не было открытой между нами вражды, то только потому, что нас объединяла борьба с общим врагом.

А борьба предстояла серьезная. На западе стояла регулярная Красная армия, в настоящий момент остановленная японцами. На востоке – Сретенск и Нерчинск были в руках красных, в их же власти были Амурский и Уссурийский край и Приморская область. Но на востоке их силы были незначительны, и они могли только удерживать захваченные ими районы, изредка пытаясь наступать на Забайкалье, где лишь крупные населенные пункты имели гарнизоны, японские или семеновские. Эти гарнизоны были усилены нашими частями, впоследствии предпринявшими освобождение Забайкалья от красных партизан. Население Забайкалья в то время насчитывало около 250 тысяч человек, из которых даже забайкальское казачество не полностью поддерживало своего же атамана Семенова: половина войска держала «нейтралитет», а четверть стояла открыто за красных. Местные старожилы, так же как и буряты, были тоже нейтральны, а новые переселенцы, рабочие и крестьяне, и ссыльнопоселенцы поддерживали партизан. Таким образом, мы в Забайкалье имели лишь незначительное количество сторонников нашей борьбы с большевиками.

Местность в Забайкалье представляла собой лесостепь, покрытую сопками (невысокие круглые горы). К северу от Амурской железной дороги и на востоке расстилалась тайга.

Средства на содержание армии и области атаман Семенов черпал из захваченной им части золотого запаса, отправленной правительством адмирала Колчака в уплату за купленное в САСШ[90]оружие и снаряжение.

Сразу же по прибытии в Забайкалье наша армия начала боевые действия против красных. До того японские и семеновские гарнизоны предпочитали отражать нападения красных и изредка снаряжать карательные экспедиции. Мне неизвестно, был ли такой способ борьбы с красными, со стороны японцев, их собственной тактикой или же являлся результатом договоренности с большевиками, семеновцев же было так мало, что они не имели возможности вести активную борьбу, которая и была предоставлена нашим частям. Уже в конце марта Красная армия начала свое наступление. Сосредоточив большие силы в Верхнеудинске, красные потеснили наши части до Читы, до расположения японских частей, а в канун Пасхи они перешли в решительное наступление с намерением одним ударом покончить с нами и с японцами. Наступление успеха не имело, несмотря на численное превосходство красных, и они были разбиты. Японцы

остались на своих позициях, а наши части гнали большевиков почти до самого Верхнеудинска. После этого разгрома и до осени 1920 года красные уже не предпринимали серьезных операций и перешли к активным действиям лишь после ухода японцев из Забайкалья.

Всю весну и лето 1920 года наши части гонялись за красными партизанскими отрядами, очищая от них районы местности, где не было японцев. Мы заняли Нерчинск и Сретенск, оттеснив дальневосточные красные части на восток, к границе Амурского края, но идти дальше у нас не было сил, и мы перешли к обороне. Уничтожив мелкие партизанские отряды, мы приступили к операциям против отрядов более крупных и заняли их оплот – Нерчинский Завод.

В конце лета японцы заключили с красными перемирие, обязав и нас соблюдать его. По этому договору был образован между СССР и Японией буфер в виде Дальневосточной республики (ДВР) из областей Забайкальской, Амурской, Уссурийской и Приморской с красным правительством в Верхнеудинске и не признающим это правительство правителем Забайкалья, атаманом Семеновым. Платой за согласие красных на образование этого буфера был отвод японских войск из Забайкалья и из Уссурийского края. Японцы сохранили за собой лишь полосу в 100 верст вдоль Приморской железной дороги с городом Владивостоком и на восток от нее – участок Уссурийской железной дороги с городом Спасском, до станции Шмаковка.

Уходя из Забайкалья, японцы предложили и нам уйти вместе с ними, но наше командование во главе с атаманом Семеновым решило остаться здесь. Это решение было явной авантюрой, так как бороться с красными самостоятельно мы не могли, и нам оставалось или погибнуть с честью, или же сдаться на милость врага. Помощи получить мы не могли ниоткуда, а обещание японцев, что в случае нарушения красными условий перемирия они нам помогут, было только обещанием, выполнить каковое они, отведя свои войска за 2000 верст, в Приморье, а из него большую часть – в Японию, физически не имели возможности.

Генерал Лохвицкий в это время уехал, и на его место был назначен генерал Вержбицкий. При нашей малочисленности мы не могли удерживать все Забайкалье, и поэтому в конце августа все наши части были стянуты на Сибирскую железную дорогу, заняв ее от города Читы до ст. Маньчжурия. Вся остальная территория была оставлена красным. 1-й корпус и некоторые части 2-го и 3-го корпусов занимали город Читу и железную дорогу до ст. Карымская, 2-й корпус – ст. Оловянная и железную дорогу от ст. Карымская до ст. Борзя, 3-й корпус – ст. Борзя и

железную дорогу до ст. Даурия. На ст. Даурия находился отряд барона Унгерна, а от нее до границы – части 1-го корпуса. Такое расположение наших войск (до 25 тысяч бойцов) по одной линии длиною более 400 верст позволяло красным сосредоточивать свои силы в нужных им местах и, пользуясь своим превосходством в силах и в вооружении, нападать на нас тогда, когда они сочтут это нужным. Времени на подготовку у красных было достаточно, но почему-то это свое нападение они начали не на главные пункты нашей обороны, а атаковали в середине октября город Читу, причем даже не окружив ее. Части гарнизона Читы оставили город и отступили к маньчжурской границе дорогой, шедшей из Читы к расположению 3-го корпуса. Здесь они расположились на ст. Даурия, которую отряд барона Унгерна в это время оставил, уйдя в Монголию, причем никого не предупредил о своем уходе за границу. Во время отхода читинского гарнизона некоторые его части перешли к красным.

Шедшие за 1-м корпусом красные пытались отрезать нас от Монголии и атаковали части 3-го корпуса, стоявшие в селах южнее ст. Борзя, – Малые и Большие Чинданты. Атака была отбита, и красные отошли. Затем они последовательно напали на ст. Оловянная и на ст. Борзя. Подготовляя атаку ст. Оловянная, они подвезли ночью свои войска на поездах и выгрузили их в чистом поле. В это время уже выпал снег, а ночью разыгралась сильная буря (пурга), и красные понесли очень большие потери замерзшими и обмороженными. Когда к вечеру следующего дня пурга стихла и наш бронепоезд вышел на разведку, им было обнаружено более 2000 замерзших красноармейцев, которые были одеты очень легко, а никаких укрытий в степи не было.

К концу ноября части 2-го корпуса оставили ст. Оловянная и перешли в Даурию и на ст. Мациевская, а вскоре и мы оставили ст. Борзя. На ст. Даурия было получено приказание атамана Семенова удерживать Даурию в течение трех суток для того, чтобы иметь время подвезти японские войска и обеспечить им развертывание. Даурия представляла собой природное укрепление: она лежит в котловине, окруженной невысокими сопками, на которых были вырыты окопы, защищенные проволочными заграждениями. В военном городке были артиллерийские склады, позволявшие не жалеть ни патронов, ни снарядов. Оборонял Даурию 3-й корпус, усиленный некоторыми частями 2-го корпуса, а 1-й корпус и не участвующие в обороне части 2-го корпуса должны были обеспечивать тыл до маньчжурской границы (верст 25).

Оборона протекала успешно, но к концу второго дня боя было обнаружено присутствие красных в нашем тылу и мы оказались в

окружении. Оказалось, что части 1-го корпуса по приказу атамана Семенова ушли за границу, не предупредив нас. Воспользовавшись этим, красные атаковали части 2-го корпуса, не ожидавшие нападения с тыла и понесшие большие потери. Затем части 2-го корпуса отошли на юг и перешли монгольскую границу.

Оставшиеся в Даурии части 3-го корпуса, окруженные со всех сторон, исполнили приказание атамана Семенова и трое суток отбивали все атаки красных. К вечеру третьих суток корпус пробился на восток, а для того, чтобы не дать красным возможность преследовать нас, в Даурии остались трое смельчаков, получивших задачу взорвать по приходе красных в Даурию находившиеся там пороховые погреба. Когда части корпуса отошли уже на 5 верст от Даурии и проходили разъезд Шарасун, ночная тьма, скрывавшая наш отход, осветилась как днем, а раздавшийся сейчас же взрыв поколебал не только воздух, но и землю. Герои этого события догнали свои части и были впоследствии награждены. Понеся от взрыва огромные потери, красные нас не преследовали.

К утру мы подошли к Китайскому разъезду, последней русской станции перед маньчжурской границей. Путь к ней был прегражден красными, и нам опять пришлось пробиваться с боем. Перейдя границу, мы с горечью в сердце сдали свое оружие китайцам и перешли на положение «интернированных». Затем нас посадили в поезда и в конце декабря 1920 года через всю Маньчжурию перебросили в Приморье, оккупированное японцами, но управляемое красным правительством. Официально мы прибыли туда для расформирования и перехода на мирное положение. Расположились мы в местах расквартирования японских войск, чем обеспечивалась наша безопасность: остатки 1-го корпуса – на ст. Гродеково, 2-й корпус – в городе Никольск-Уссурийском и 3-й – в военном городке Раздольном.

Д. Решетников[91] Красноуфимский стрелковый артиллерийский дивизион во время Сибирского Ледяного похода[92]

13 ноября 1919 года, город Омск. Сегодня воскресенье, пошел после обеда побродить по улицам города. Хожу, наблюдаю за толпой. В городе лихорадочная торопливость, многие собираются уезжать, многие припрятывают более ценное и остаются в городе. Был в знакомой офицерской семье, ждут сына, но уезжать не собираются, – куда поедешь? Через город вереницей идут обозы, направляясь на Сибирский тракт, на город Ново-Николаевск. По улицам города расклеено кричащее объявление коменданта города, гласящее, что город ни в каком случае сдан не будет и что приняты все меры к отражению красных. Возвратился домой с тяжелым, гнетущим чувством. Под вечер с капитаном Зеленым поехали на станцию к начальнику артиллерии генералу Золнеру[93]. Станция забита составами до отказа. Каждую минуту уходят поезда на восток, воинские эшелоны, эшелоны с беженцами. Получили предписание идти дивизиону на перевооружение в город Красноярск. Потом были у коменданта станции, просили вагоны для погрузки дивизиона, он только замахал руками и взволнованно заговорил о том, что станция забита и он боится, что не успеет разгрузить станцию. Где тут думать о погрузке? Идите, господа, походным порядком, чем скорее, тем лучше, ведь Иртыш уже стал, а на той стороне нет частей, только беженцы да часть заплутавших обозов. А о погрузке лучше не думайте.

Возвратились домой, а нашего хозяина-священника уже нет. Ползут слухи о восстании назавтра. Наша бригада пришла в город и стоит в крепости около нового собора. Послал туда связь, написал начальнику штаба бригады просьбу об информации и что нам делать, написал также о полученном предписании. Ответ пришел быстро. В записке говорилось, что командир бригады также думал об уходе из города. Боя давать здесь не собираются, так как переправлявшиеся ниже города части уже отошли от Иртыша на 20–25 верст. Мер по охране города нет никаких, частей, назначенных защищать город, не видно.

Под вечер в городе стало неспокойно, обыватели кучками собираются на углах, о чем-то говорят, но при приближении солдата или офицера замолкают, глядят хмуро. Из кое-каких

вопросов удалось узнать о готовящемся восстании, и как на очаг указывали на Завод земледельческих орудий Рандруппа. По приказанию капитана Зеленого я на ночь приказал командирам батарей выставить усиленные караулы, лошадей зааму-ничить и половине людей быть готовыми. По слухам, противником занят 1-й разъезд от ст. Куломзино в 8 верстах по Челябинской линии.

15 ноября 1919 года. Станция Колония. 47 верст от города Омска. Вчера не было времени записать о том, что произошло 14 ноября. Утром встали все рано, солдаты водят лошадей на водопой на реку Иртыш, картина вполне мирная. Командир дивизиона капитан Зеленой занят пасьянцем, я читаю книжку. Так время тянулось до 10 часов утра. В 10 часов 15 минут на другой стороне Иртыша послышались редкие выстрелы, все выбежали на улицу к переулкам на Иртыш. На той стороне идет какой-то обоз, подвод 80—100. Часть обоза пошла рысью к нашему берегу, бежали и одиночные люди. Из поселка Куломзино показались всадники, они галопом шли на обоз, завернули часть повозок обратно в Куломзино. Вся эта картина разыгралась в несколько минут, другая часть обоза перешла Иртыш.

В 1 час 15 минут началась стрельба с пароходов, стоящих в устье реки Иртыша и Омки. Командир дивизиона хотел проехать к штабу бригады, но по мосту была открыта стрельба. В 2 часа с крыши Промышленного училища по нашей бригаде застучали ружейные выстрелы и затрещал пулемет. Части бригады повели наступление, и в училище были взяты пленные. Захваченные с оружием были расстреляны. В 3 часа в тылу бригады из завода Рандруппа началась стрельба. Посланный полк быстро восстановил положение. Вскоре было получено приказание уходить из города до села Н. в 22 верстах по Сибирскому тракту.

В 4 часа мы тронулись к выходу из города, шли по Пушкинской улице. На улице ни души. Я приказал людям держать винтовки наготове и в случае стрельбы собираться ко мне. По городу прошли благополучно. При выходе из города видели массу брошенных автомобилей. В одном автомобиле солдаты нашли табак и папиросы. Приказал все погрузить и на ночлеге раздать солдатам.

Быстро стемнело, поднялся ветер, было холодно. Орудия шли медленно, так как колеса вязли в снегу. К полуночи дотянули до села Н. На несчастье, все село забито Дивизией морских стрелков[94]. В одном доме нашел штаб полка, попросил дать место для нашего дивизиона. Командир полка сказал, что сейчас поздно, и просил размещаться по квартирам совместно с ними, а командиру дивизиона и мне предложил поместиться с ним.

Дивизия морских стрелков шла походным порядком от ст.

Колония, она имела назначение защищать Омск. Командир полка и офицеры штаба были навеселе и играли в карты. Нам предложили «по единой». Командир дивизиона непьющий, я же, грешный, выпить люблю. Выпили, попили чайку и легли спать, приказав разбудить в 5 часов. Командир дивизиона решил сделать три-четыре усиленных перехода, а затем идти тише. Под утро были слышны глухие выстрелы со стороны Омска, а затем на разъезде Малиновка начался пожар, горела артиллерийская база, слышались взрывы. Сгорело много снарядов.

Сегодня выступили в 5 часов утра. Дивизия морских стрелков еще не выступала. В 2 часа дня мы были на ст. Колония, решили здесь ночевать и ждать бригаду. Подпоручик Кипперман в союзе Сибирских Маслоделов выпросил 30 бочонков сливочного масла.

16 ноября 1919 года. Небольшая деревушка. Ночлег. Весь день на походе, идет снег и холодно. Идем быстро, связи с бригадой еще нет. 17 ноября вечером были в городе Мариинске, где стали по квартирам. Капитан Зеленой решил ехать в город Красноярск, чтобы приготовить для дивизиона квартиры. Взяв с собой четырех конных разведчиков, он уехал.

24 ноября. До города Н.-Николаевска 12 верст. Село Красный Яр. Неожиданно для нас в селе оказалась наша бригада. Нам отвели квартиры, кое-что выдали из обмундирования. Командиры батарей решили перейти на сани, поэтому скупают сани, платя до 100 рублей. Наши громадные фургоны сожгли. В городе Ново-Николаевске было восстание. 1-й Барабинский полк 1-й армии генерала Пепеляева хотел арестовать главнокомандующего генерала Войцеховского, но данный им отпор их охладил, и зачинщики были арестованы.

30 ноября 1919 года. Станция Чернореченская Сиб. ж. д. Прибыли под вечер, остановились в деревушке в 3 верстах от станции. На станции оказался эшелон шт. 3-й армии. У начальника арт. 3-й армии пытались узнать обстановку. Узнали, что в Красноярске неспокойно, кто-то переворачивается. Генерал Зольнер дал предписание, не заходя в Красноярск, выводить кадры дивизиона в Читу в распоряжение атамана Семенова.

1 декабря 1919 года. Город Ачинск Томской губернии. Сегодня рано утром на походе мы были обстреляны партизанами. Быстро поставили на позицию пулемет и дали две ленты по деревушке, откуда стреляли. Партизаны ушли в тайгу. Ночевали в какой-то деревне. Утром выступили в город Ачинск и, не доходя до него 8 – 10 верст, услышали громадный взрыв. В городе встали по квартирам, я поехал на станцию. Станция полуразрушена, горит состав главнокомандующего генерала Войцеховского, горит другой состав – какая-то техническая часть и эшелон беженцев.

Пути все разбиты, масса жертв, до 1000 человек. Трупы и части тел раскиданы на далекое расстояние. Картина ужасная… На станции ничего не узнал. Завтра идем дальше.

5 декабря. Станция Тайга Сибирской ж. д. Эти дни прошли незаметно в больших переходах. Вся наша громадная армия до 340 тысяч человек идет по одной дороге, по Сибирскому тракту. Пройденные деревни представляют безотрадную картину – нет сена, овса и даже соломы. Все обобрали идущие впереди части, которые невозможно перегнать на походе. Дорога забита обозами, и при малейшей остановке задние кричат: «Понужай!» На ст. Тайга много эшелонов беженцев и польских легионеров. Станция забита до отказа, поэтому мы прошли ее и остановились на ночлег в селе Боровском в 12 верстах от ст. Тайга. Чтобы пройти эти 12 верст, нам понадобился день. Дорога отвратительная, часто ломаются сани. Приходится долго стоять, так как обходной дороги нет, а снег больше двух аршин. Добрались до села, разместились и решили выступать с полуночи.

6 декабря. Небольшой разъезд. Выступили в час ночи, но, на наше несчастье, выступили и другие. Дорога до Анжерских копей одна, по тайге 15 верст. На восходе солнца мы были в Анжерских копях, прошли их не останавливаясь. Частей в поселке нет. Все боятся восстания углекопов, которое было на другой день. Сзади двигались сохранившие порядок части и легионеры, которые расправились с рабочими.

10 декабря. На остановке в деревушке почувствовал себя плохо, болит голова, слабость. Все время большие переходы – 60 и даже 80 верст. Погода не очень холодная, солнечные дни. При проходе около станции видел ужасную картину – польские легионеры очищали эшелоны от трупов. Их было очень много. Сколько их? Кто они? Эти замерзшие в вагонах, больные тифом, имена же их Ты, Господи, веси! По линии стоят на обоих путях покинутые составы с замороженными паровозами, станции полуразрушены, водокачки разбиты – это работа наших «братичей» – чехов, отходящих в эшелонах впереди. Говорят, что чешские эшелоны близко и они идут нормально, со всеми удобствами. Я чувствую себя хуже, сел на лошадь, но от головокружения пересел в кошевую.

12 декабря. На ночлеге в небольшой деревушке. Мне немного лучше. Идем мы быстро. На ночлег встали в стороне от Сибирского тракта. Других частей нет, крестьяне говорят, что близко бродят партизаны. На ночь выставлены усиленные патрули.

18 декабря 1919 года. Монастырь близ ст. Кемчуг. Как в тумане идут дни. В дивизионе много больных тифом. Орудия

пришлось бросить, сняли замки и панорамы. Холодно, идем ночами, к утру приходим в опустевшую от обозов деревню и стоим до 12 часов ночи, а затем «понужай». На одной остановке нас догнал командир Тобольской группы генерал Бордзиловский[95]. С ним ехала хозяйственная часть. Он был с женой и дочерью. У казначея их было много денег сибирскими знаками, а у нас все были израсходованы. Нам выдали взаимообразно 5 миллионов. В монастыре достали 200 пудов овса по 40 рублей пуд. Кемчуг прошли под вечер, там стояла Иркутская дивизия[96], и для нас не было места. Пришли в никем не занятую деревушку в стороне от тракта. Купили 120 пудов овса, вымылись в бане, надели чистое белье.

22 декабря. Зеледеево. 27 верст от города Красноярска. В село пришли под вечер, все забито до отказа. На улице обозы, остановились и мы. Здесь узнали, что в Красноярске власть захвачена эсерами, во главе восставших генерал Зенкевич. В город пришли партизаны Щетинкина и никого на восток не пропускают, всех обезоруживают, офицеров арестовывают и т. д. Что делать дальше? Решили проехать на ночлег в деревню Тарасовку, на 5 верст ближе к Красноярску. Вечером заняли половину деревни, во вторую половину пришла кавалерийская дивизия генерала Бангерского. Решили утром идти на село Чистоостровное, 18 верст ниже города Красноярска на берегу реки Енисея.

23 декабря. Село Чистоостровное. Сегодня пришел ко мне подпрапорщик Могильников, один из старослужащих дивизиона, и доложил, что в 1-й батарее был митинг. По словам Могильникова, поручик Лаврентьев и подпоручик Кипперман предлагали желающим остаться.

24 декабря. Станция Есаульская. В 5 часов выступили. Дорогой мне рассказали, что мы ночевали с партизанами отряда Щетинкина, они занимали край села. 16 человек осталось в селе. Переехали на другую сторону Енисея. Около разъезда стоит пустой состав штаба 3-й армии. В Есаульском сделали большой привал, а вечером выступаем на ст. Сорокино.

25 декабря 1919 года. Станция Сорокино. Цементный завод. Итак – «Рождество Твое, Христе, Боже Наш». Рождество Христово, а как много случилось за этот год! Год тому назад мы мечтали занять Москву и освободить всю Россию от красной заразы. «Суждены нам благие порывы». Сейчас мы толпа, стадо бездомное, люди, потерявшие все. Вечером появился капитан Зеленой, ему удалось выехать из города. Днем было небольшое происшествие – при выходе из Есаульской мы догнали двух дам, идущих по тракту. Одна оказалась княгиней Кантакузен. Они

просили Христа ради подвезти их до ст. Сорокино, что и было сделано. На цементном заводе уже разместился с квартирьерами капитан Зеленой. Управляющий заводом пригласил нас к ужину, во время которого я рассказал о дамах, идущих по тракту в туфлях и каракулевых шубках. Что потом было с ними, не знаю, знает только Бог, сколько несчастных обобрали «братья» чехи. «Братскую» помощь оказали они нам, закупорив дорогу эшелонами и не пропуская на восток даже поезда с больными и ранеными.

26 декабря 1919 года. Станция Рыбинская. Село Рыбное. Я серьезно болен, наверное тиф. Мой вестовой Комаров ухаживает за мной, как за ребенком. Раздобыл где-то курицу, накормил меня.

16 января 1920 года. Деревня Голопупово. Вчера мне было лучше. День был теплый. При подъезде к деревне увидел 1-ю кавалерийскую дивизию. Томский гусарский полк[97]этой дивизии ушел в город Канск сдаваться. Дорога впереди занята красными. В деревне Голопупово на наш дивизион в 483 человека отвели два домика. Люди очередями греются в домах и у костров. Вся деревня забита. Здесь собрались три командующих армиями – генералы Вержбицкий, Войцеховский и Сахаров. Сообщают, что города Иркутск и Нижнеудинск в руках большевиков. В Канске идет бой, цель – преградить нам дорогу. Вечером было созвано совещание начальников частей. Решено было выслать разведку, которая была выслана от Омского полка. Решил облегчить обоз и с писарем Мусихиным сожгли все ненужные бумаги.

20 января 1920 года. Село Бережные Челны. 17 января генерал Вержбицкий выслал конную разведку. Разведка, дойдя до деревни Аманаш, была обстреляна и, потеряв убитыми двух и четырех ранеными, отошла. По их рассказам, в Аманаше много красных и есть орудия. Решено обойти Аманаш по тайге, без дорог, с юга. Вечером подошли части Волжского корпуса генерала Каппеля. Генерал был в бреду с отмороженными ногами. Он, будучи больным тифом, не подавая виду, ехал верхом, 90 верст шли без дорог вверх по реке Кан. В одном месте лошадь генерала Каппеля провалилась, и он очутился по пояс в воде. Болезнь осложнилась. По рассказам очевидцев, много людей замерзло на привалах. Этот переход был беспримерным подвигом русского солдата. Поздно вечером части тронулись в обход. Впереди генерал Войцеховский с Уральским конным полком, составленным из конных разных частей. Командир полка подполковник Бек-Мамедов[98]. За конными пошел Уфимский арт. дивизион, затем понтонный батальон, затем ТАОН и мы, то есть Красноуфимский арт. стр. дивизион. В какой-то маленькой

деревушке сделали привал. Узнали от жителей, что дальше дорога одна, идет лесом. Выступили под утро. До села Бережные Челны 16 верст. Часов в десять вышли на тракт. Аманаш был обойден, за ночь сделали 37 верст, без дорог. По тракту же расстояние Голопупово – Аманаш 7 верст, Аманаш – Бережные Челны 13 верст, то есть всего 20 верст. По выезде на тракт увидели генерала Круглевского, командующего Уральской группой. Он предложил дивизиону влиться в Уральскую группу, что и было сделано.

Станция Зима Сибирской ж. д. При подходе к станции красные снова пытались преградить путь нашим частям. Произошел бой, кончившийся для красных печально. Первые атаковали Зиму Иркутская дивизия, затем Ижевская. Красные не выдержали и начали отходить к станции, где стояли чешские эшелоны. У красных было соглашение с чехами о нейтральной двухверстной зоне, поэтому они были обстреляны чехами и, попав под перекрестный огонь, в панике бросились бежать. Бегущих атаковали казаки енисейцы и оренбуржцы. Мы пришли под вечер, улица была завалена трупами, подбирать их было некому, да и не было времени. Дорого обошлась красным попытка не пропустить нас на восток.

1 февраля. Черемховские копи. Ст. Черемхово. Все дни чувствую себя очень плохо. Заболел и мой вестовой Комаров, с которым я встретился еще в Финляндском полку в 17-м году. За мной ухаживает писарь Василий Мусихин. В Черемхове узнали печальную новость – чехи и наши союзники выдали адмирала Колчака красным. Еще одной подлостью больше. В больнице я встретил знакомого офицера-иркутянина, который рассказал, как был убит генералом Войцеховским генерал Гривин, командир 4-го Сибирского корпуса. Около города Барабинска генерал Гривин отказался выполнить приказ генерала Войцеховского задержать красных, ссылаясь на утомление полков 3-й Иркутской дивизии, и указал, что задача непосильна, так как в полках очень мало людей. Между генералами произошел крупный разговор, во время которого генерал Войцеховский наповал убил генерала Гривина. Так бесславно погиб один из лучших генералов, первый поднявший знамя борьбы в Иркутске.

7 февраля 1920 года. Станция Инокентьевская, в 7 верстах от Иркутска. Мы делаем большие переходы. По слухам, наше командование решило взять Иркутск с боя, поэтому Уральскому конному полку приказано перейти на другую сторону Ангары и, заняв села Урик и Оск, отрезать красным путь отступления на север. Наш дивизион идет с Уральским полком. Не доходя 17 верст до Инокентьевской, полк свернул с тракта на Ангару и, в

одной деревушке взяв проводника, без дороги перешел Ангару. Обоз с больными идет непосредственно за полком. Не доезжая версты до села Урик, головной эскадрон был обстрелян. Подполковник Бек-Мамедов двумя эскадронами атаковал красных. В полчаса бой был кончен, на улице лежали трупы красных, жителей не было.

Только что расположились спать, приказ выступать в Инокентьев-скую. Ночью без проводника перешли Ангару и утром в 7 часов были в Инокентьевской. Мы стоим недалеко от штаба группы. Я, капитан Зеленой, поручик Лаврентьев, подпоручик Кипперман и подпоручик Молоков поместились в одном доме. Старуха хозяйка, узнав, что я иркутянин, принесла чаю с молоком, белого хлеба. Капитан Зеленой пошел на станцию и там нашел почти пустой санитарный поезд. Он уговорил врача взять тифозных, и 93 человека были взяты в поезд. Города части брать не будут.

В Инокентьевской узнали о расстреле адмирала Колчака 6 февраля в тюрьме. Адмирал умер как подобает офицеру, отказался завязывать глаза, закурил папиросу и сам встал к стене. После первого залпа упал мертвым.

Наше командование – генералы Войцеховский, Вержбицкий, Сахаров и Лохвицкий – решили города не брать, обойдя его с юга. По сведениям, генерал Сычев с войсками атамана Семенова стоит в Мысовой, там же стоят и японцы.

8 февраля 1920 года. Сегодня в 8 часов утра поручик Ландышев, командир взвода шести орудий, открыл по Иркутску огонь. Не прошло и 15 минут, как показалась цепь чехов. К генералу Войцеховскому приехал чех-офицер и заявил, что генерал Сыровой дал им приказ: «Если мы не прекратим огонь, наступать на нас». Батарее было приказано прекратить огонь. Получен приказ выступать в 3 часа ночи.

9 февраля. Станция Михалево Забайкальской ж. д. 23 версты от Иркутска. Выступили в 3 часа, у моста через реку Иркут взяли вправо, проехали две-три версты, свернули в лес, идем без дороги на деревню Решоты. Кони идут тихо, часты поломки саней. В Решотах сделали небольшой привал. Дальше пошли к Иркутску и через два часа были в деревушке Царь-Девица, 5 верст от Иркутска. В Царь-Девице не останавливались. Красные, занимавшие деревню Лисиху, открыли из орудий огонь. Один из снарядов упал недалеко, но никто не пострадал. К вечеру были в Михалеве. Меня знобит. Пришедший врач смерил температуру – 40, сказал, что нужна диета.

10 февраля 1920 года. Село Лиственечное на берегу Байкала. Сегодня сделали 28 верст по тракту и под вечер были в

Лиственечном. Я приказал завезти меня в мой дом, он оказался занятым генералом Сахаровым, и, когда я вошел в переднюю, солдат не хотел меня пустить. Разыгралась забавная сцена – я ему сказал, что это мой собственный дом, а он повторял, что дом отведен генералу Сахарову. На наш разговор вышел генерал Сахаров, а из другой комнаты мама. «Что Вам нужно, поручик?» – «А вот, – говорю, – Ваше Превосходительство, это мой собственный дом, а меня не впускают». Мама стояла молча, а затем, узнав меня, бросилась с криком: «Дима, родной мой!» Генерал Сахаров распорядился очистить для меня комнату. Мама суетилась, плакала и улыбалась сквозь слезы. Приготовили ванну, вымылся, переоделся. Мама просила меня остаться здесь. Вечером пришли знакомые, тоже просили остаться, говорили, что укроют меня, а там будет видно. Выздоровеете, отправим за Байкал. На все уговоры я заявил, что иду с моим дивизионом. Мама начала готовить в дорогу гуся, куриц, варенья и даже не забыла про табак. Я оставил маме все ненужные мне вещи.

Взял только отцовскую офицерскую шашку. Просил сжечь все мои рубахи.

Ночью меня разбудил вестовой поручика Лаврентьева с запиской. Он болен тифом, отморозил ноги и остается в ж. д. больнице. Просит сделать документы на имя солдата. Я приказал Мусихину написать удостоверение, поставил печать и подписал за ком. дивизиона. Мусихин доложил, что выступление назначено на 2 часа ночи, что прямой дороги на Мысовую нет и части идут на Голоустинское 42 версты, а затем пересекают Байкал, идя на Мысовую 67 верст. Я лег отдохнуть и скоро уснул.

11 февраля 1920 года. Станция Мысовая. В 2 часа ночи меня разбудили мама и Мусихин, который доложил, что дивизион готов к выступлению. Мама плакала как по покойнику. Обещал ей писать. Зять принес мне хорошие катанки. Мама дала продуктов для солдат. Перецеловался со всеми, уселся в кошевую, и Мусихин тронул лошадей. Мама долго шла около саней и, наконец, отстала. Тяжело было на душе. Остаться здесь я не мог – меня здесь все знали. Лучше было ехать. Когда подъехали к дивизиону, он спускался на лед. Кони шли быстро. Дорогой я уснул, проснулся в селе Голоустинском. Здесь стояли три часа и под вечер выступили на Мысовую, 67 верст по Байкалу. Дул ветер, лед был чистый, некованые лошади падали и оставались лежать на льду. Ехали всю ночь и в 12 часов дня 11 февраля прибыли в Мысовую. В Мысовой стояло несколько эшелонов с чехами и стояла японская часть. На станции чистота, караул несут японские солдаты, маленькие, опрятные, в громадных меховых шапках, они производили приятное впечатление.

Встретил знакомого, который угостил меня папиросой. На мой вопрос, где можно купить папирос, он ответил, что в чешском эшелоне можно купить папиросы и сахар. Когда я вошел в вагон-теплушку, то был поражен, увидев хорошую мебель, диван, кресла…

17 февраля 1920 года. Верхнеудинск. В Мысовой стояли два дня, а затем походным порядком пошли в Верхнеудинск. Из Мысовой выступили рано, ночевали в Большереченской, утром тронулись дальше. Впереди шли строевые части, а сзади обоз с больными и имуществом. В 10 часов утра обоз Уральской группы был обстрелян из села Кабанск ружейным огнем. Обоз остановился, и часть его бросилась назад. Енисейская казачья бригада[99], оказавшаяся близко, выбросила перед обозом цепь и пошла наступать на Кабанск. Когда путь был свободен, мы быстро двинулись в Кабанск. На церковной площади лежали убитые красные. Проехали деревню Нюки и поздно ночью добрались до села Брянского, где стояли наши части. Нам отвели квартиру в доме машиниста, было тесно, но хозяева оказались радушны. Я чувствую себя скверно – приступ возвратного тифа… Утром тронулись, в 7 часов, было уже светло. Вечером были у железнодорожного моста через Селенгу. Пришли в станицу Заудинскую, предместье города Верхнеудинска.

20 февраля 1920 года. Город Верхнеудинск. Мне много лучше, ездил в корпусной инженерный городок. По возвращении застал веселую картину – наши добыли спирт и варят какую-то смесь с сахаром. Приехал генерал Семенов, дядя атамана Семенова, привез приказ и теплое обмундирование. В приказе говорится – за беспримерный Великий Сибирский поход всех офицеров произвести в следующий чин, солдат в следующее звание. Старшинство с 11 февраля 1920 года. Сегодня вечером генерал Круглевский приказал вывести части к оврагу для упражнения – бросания ручных гранат.

26 февраля 1920 года. Город Верхнеудинск. Завтра выступаем походным порядком двумя колоннами. Эшелонов нам не дали. Больных приказано погрузить в санитарный поезд. Отправили их, но возвратили, так как поезда не оказалось.

28 февраля. Станция Петровский Завод. Вчера выступили – наша колонна – Уральский отряд, ижевцы – воткинцы и 1-я кавалерийская дивизия. До поздней ночи шли какой-то лесной дорогой. Остановились в избушке заготовщиков шпал. Рано утром были в старообрядческой деревне Брянь. Здесь была небольшая перестрелка с партизанами. Поздно ночью прибыли в Петровский Завод. Мне стало хуже, и меня поместили в санитарный поезд № 105. Первый раз после Верхнеудинска уснул крепко.

3 марта 1920 года. Город Чита. Поезд прибыл в 10 часов утра. Пошел к заведующему санитарным поездом с просьбой выписать меня. Итак, Великий Поход сделан, я – жив, но не здоров. Кончился этот «понужай». С 14 ноября по 3 марта 1920 года сделано более 3000 верст. Я испытал три тифа, были случаи, когда, имея температуру 40,6 градуса, ехал верхом. Слава Создателю, это кончилось, а что ждет впереди – поживем – увидим.

А. Камбалин [100]
3-й барнаульский сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе [101]

После тягостного оставления 1-й Сибирской армией Вятской и Пермской губерний и всего Урала с его богатейшей промышленностью, в августе месяце 1919 года части ее задержались на линии реки Тобола, где в течение сентября – октября вели с переменным успехом бои с ордами красных. Надежды, возлагавшиеся главным командованием (генерал-лейтенант Дитерихс) на степную конную группу генерала Иванова-Ринова по обходу правого фланга красных южнее городов Петропавловска и Кургана и разгрому их, к великому сожалению, не оправдались.

Положение на Восточном фронте Белой борьбы было крайне напряженным. Красные проявляли необычайную активность, вводя в бой все новые и свежие части, перебрасываемые из Европейской России. Пропаганда большевиков широкой волной разливалась в нашем тылу, по всему простору необъятной Сибири, проявляясь в огне повстанческого движения, охватившего огромные районы, как, например, Славгородский, Бийско-Кузнецкий, Минусинский, Гасеевский, что к северу от города Канска, и Иркутский (Балаганский и Верхоленский уезды). Наконец, и сибирская деревня, до того спокойная и пассивная, была охвачена революционной заразой. Хотя в Сибири и отсутствовали важнейшие стимулы этого движения в виде больного аграрного вопроса, свойственного и характерного для деревни Европейской России, но стремление к столь своеобразному пониманию свободы пьянило и туманило головы неуравновешенной части населения.

Ряд ошибок местной администрации, отсутствие твердой власти на верхах, бесчинства и грабежи как добрых союзников – чехов и поляков, так и наших карательных отрядов только подливали масло в огонь деревенского революционного движения, играя на руку большевикам.

Красные не жалели ни сил, ни средств, дабы раздуть это брожение и ввести его в русло коммунизма. Сотни агитаторов и военспецов переправлялись разными способами через фронт в наш тыл и вели свою преступную работу – если не при прямом содействии, то, во всяком случае, при благосклонном сочувствии местной интеллигенции социалистического толка (эсеров). Представители земства, народного просвещения, городских

самоуправлений и особенно кооперации душою почти поголовно были на стороне большевиков. Власть и армия оказывались в изолированном положении, могли полагаться только сами на себя и на незначительный слой городской буржуазии.

При создавшейся политической обстановке не только нельзя было рассчитывать на достаточные пополнения частей армии, но сплошь и рядом приходилось от них отказываться или просеивать и тот немногочисленный контингент распропагандированных пополнений, что попадал в измотанные и поредевшие части. Случаи одиночных перебежек и переходов целых наших рот и батальонов к красным все учащались, внося ослабление и деморализацию в войска. Приближалась зима с ее сибирскими трескучими морозами и невзгодами. Снабжение частей продовольствием, амуницией и вооружением с каждым днем становилось затруднительнее, так как транспорт пришел в расстройство, да к тому же он почти всецело находился в иноземных руках братушек чехов и других союзников, безобразному и своевольному хозяйничанию коих на сибирских железных дорогах не было предела. Достаточно было какому-нибудь паршивенькому чешскому комендантику маленькой станции не дать паровоза к поезду – и состав простаивал на станциях сутками, хотя бы и имел груз особой важности, такой, как огнестрельные припасы, медикаменты и прочее.

Неуспехи наши на реке Тоболе решили участь города Омска – резиденции Верховного Правителя и Временного правительства. Эвакуация правительственных и тыловых учреждений из Омска, предпринятая, кажется, еще в конце сентября, шла полным ходом, чем окончательно нарушила движение по Сибирской железной дороге.

Части 1-й Сибирской армии генерал-лейтенанта Пепеляева к означенному времени (сентябрь, октябрь) занимали на Ялуторовском направлении район: город Ишим, ст. Голышманово, Тюмень Омской железной дороги и от нее к северу, почти до Тобольска. В начале ноября распоряжением Ставки 1-я Сибирская армия была сменена соседними частями и, кажется, свежепополненным корпусом генерала Каппе-ля и оттянута в район Средней Сибири для переформирования и пополнения. Полки после долгих мытарств и потери драгоценного времени из-за перегруженности Сибирской железной дороги эвакуацией прибыли в свои родные города.

Штаб 1-й Сибирской стрелковой дивизии (генерал Мальчевский[102]), 1-й Ново-Николаевский Сибирский стрелковый полк и 2-й Барабинский Сибирский стрелковый полк – в город Новониколаевск, 4-й Енисейский Сибирский стрелковый полк и

штаб 1-го Средне-Сибирского корпуса (генерал Зиневич) – в город Красноярск, 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк – в город Барнаул, штаб 1-й Сибирской армии (генерал Пепеляев) и 2-й Сибирской стрелковой дивизии[103](5-й Томский Сибирский стрелковый, 6-й Мариинский, 7-й Кузнецкий и 8-й Бийский Сибирский стрелковый полки) полностью – в город Томск.

Отправив 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк под командой своего помощника капитана Богославского в город Барнаул, я по распоряжению начдива 1-й Сибирской остался в городе Омске для выполнения особой, возложенной на меня, задачи.

Омск переживал свои последние дни под властью белых. Беспорядок и нервная суета царили везде и всюду. Шла спешная хаотическая эвакуация тыловых учреждений, штабов и беженцев. Станция Омск и город были забиты поездами, обозами и разношерстными частями войск, как проходящих с фронта, так и местных, наскоро формируемых (например, Морской полк). Стояла зима, но реку Иртыш еще не сковало льдом, и все мы с тревогой посматривали на западный берег реки, где скопилось невероятное количество обозов войсковых частей, в том числе и нашей 1-й Сибирской дивизии. Переправа же, за остановкой паромов-пароходов, была только одна – железнодорожный мост у станции Куломзино.

Панические слухи о предполагаемом восстании местных большевиков еще больше усиливали растерянность и неурядицу в городе. Для подавления могущих быть беспорядков наш 2-й Барабинский Сибирский стрелковый полк был временно задержан в городе Омске и стоял эшелоном на путях в районе бывшей Всероссийской выставки на юго-восточной окраине города. У командира названного полка полковника Ивакина я и приютился на время пребывания своего в городе Омске. Кстати, могу подтвердить, что из общения с полковником Ивакиным за эти дни у меня не осталось в памяти ничего такого, что могло бы дать хоть незначительный намек на ту тяжелую трагедию, что разыгралась в городе Новониколаевске спустя недели две. Я подразумеваю восстание 2-го Барабинского Сибирского стрелкового полка и смерть полковника Ивакина. Очевидно, это уже в Новониколаевске эсеры обработали полк Ивакина и толкнули его на государственное преступление.

Выполнив возложенное на меня поручение начдива, я за два дня до занятия красными города Омска покинул его навсегда. С тяжелым чувством горечи я расставался с городом Омском, ставшим мне дорогим и родным по незабываемым воспоминаниям первых шагов своей офицерской службы в 11-м

Сибирском Семипалатинском полку в 1909–1910 годах. Это был один из старейших Сибирских полков (в 1911 году праздновал свой 200-летний юбилей), покрывший свое старое знамя славой в Русско-японскую войну в составе 4-го Сибирского корпуса генерала Зарубаева и из рядов которого вышли широко известные в Белой армии Сибири доблестные генералы Г.А. Вержбицкий и И.С. Смолин.

Наконец, эшелон 2-го Барабинского Сибирского стрелкового полка получил распоряжение из штаба фронта отбыть к своему месту назначения в город Новониколаевск, и после бесконечных и нудных задержек на станциях мы двинулись на восток. Сибирская железная дорога была буквально забита поездами. Движение совершалось без соблюдения обычных правил и порядка, да и некому было за ним следить. Служащие дороги выбивались из сил; порою опускали руки, терроризируемые самовластными комендантами эшелонов. Иные бросали службу и укрывались. Многократно наблюдались случаи саботажа и скрытого вредительства, так как среди железнодорожников было немало большевиков.

Картины замороженных в пути паровозов, заносимых метелью вдали от жилья поездов и сотни замерзших трупов в неотапливаемых теплушках, штабеля из трупов тифозных, снятых с проходящих эшелонов, недостаток воды для паровозов, полное отсутствие продуктов питания на станциях, когда-то изобиловавших всякою снедью, крушения и смерть от рук красных партизан, нагло нападавших даже на эшелоны воинских частей, были обычными явлениями в то кошмарное время. Без чувства ужаса нельзя вспоминать все это и теперь, через 18 лет.

Оставив эшелон барабинцев в пути, я с большим трудом, пересаживаясь с поезда на поезд, добрался до города Новониколаевска, откуда до города Барнаула по Алтайской железной дороге, как я узнал, ехать было немного свободнее и легче. Установив связь со штабом 1-й Сибирской дивизии, во временное командование коей за болезнью генерала Мальчевского вступил полковник Ивакин, я уехал в город Барнаул к своему полку.

Знакомую и нерадостную картину эвакуации я застал и в городе Барнауле. Власть правительственных учреждений оканчивалась на окраинах города, ибо уезды пылали ярким пламенем крестьянских восстаний. Особенно активно и дерзко действовали крупные партизанские отряды товарища Рогова в районе между Новониколаевском, Барнаулом и Бийском и товарища Мамонтова в Кулундинской степи Славгородского уезда (между Барнаулом и Семипалатинском). Рогов, бывший

фельдфебель, уроженец Бийского уезда, пользовался большой популярностью среди местных крестьян и благодаря этому, а также знанию местности успешно партизанил с весны 1919 года и был неуловим для многочисленных карательных отрядов, высылавшихся в разное время из Барнаула и Бийска. Осенью 1919 года Рогов совершенно терроризировал Барнаул своими дерзкими налетами на пригородные деревни, снабжавшие барнаульские базары продуктами питания, вызывая тем недостаток продовольствия и брожение в городском населении, особенно среди рабочих Главных мастерских Алтайской железной дороги. Был случай, когда команда нестроевой роты 3-го Барнаульского полка, посланная за сеном в деревню Затон на правый берег реки Оби, вернулась без подвод: последние были отобраны налетевшим отрядом красных партизан, при этом люди наши были избиты и едва удрали в город.

Высшая военная власть в городе и губернии (Алтайской) была сосредоточена в руках особоуполномоченного от штаба Томского (или Средне-Сибирского) военного округа (командующий войсками генерал-лейтенант Матковский[104], впоследствии расстрелянный большевиками). В должности этой состоял добрейший генерал-майор Биснек[105]– старый боевой офицер, георгиевский кавалер, участник мировой войны, но человек малоприспособленный к особым условиям Гражданской войны и особенно плохо разбиравшийся в политике. Между тем ему же, несмотря на наличие гражданской власти в губернии, приходилось сталкиваться и решать вопросы вне его компетенции, как, например, дела следственной комиссии, полиции, продовольственные и прочие. В ближайшем ведении штаба особоуполномоченного была борьба с повстанцами, поэтому все части войск, расположенные в городах Барнауле, Бийске и Камне, в оперативном отношении также подчинялись ему.

В описываемое время в городе Барнауле находились следующие части войск: 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк (три батальона неполного состава при 20–22 пулеметах), 15-й Воткинский запасный полк (состава слабого, точного не помню), Отряд особого назначения Алтайской губернии – две сотни (командир отряда полковник де Липпе-Липский), дивизион артиллерии Морских стрелков – около 12–16 легких орудий английского образца (командир дивизиона полковник С-ко) и полк «Голубых улан» в составе двух эскадронов (1-й дивизион находился в городе Семипалатинске при штабе Степного корпуса), сформированный из местной молодежи еще тотчас же после освобождения Барнаула от красных в июне 1918 года

(командир полка полковник Андрушкевич). Кроме этого, была только что сформирована дружина ополченцев («крестовиков»), влитая мною впоследствии на пополнение 3-го Барнаульского полка. На охране Алтайской железной дороги в Барнауле стоял 13-й Железнодорожный охранный батальон – две роты и, наконец, дружины самоохраны в ближайших окрестных деревнях.

В городе Бийске стояли 52-й Сибирский стрелковый полк (13-й Сибирской стрелковой дивизии) – командир полка полковник Поляков[106], инженерная рота и мелкие команды железнодорожной охраны. На линии Алтайской железной дороги между Барнаулом и Семипалатинском, в районе станций Рубцовка – Шлейская против партизан товарища Мамонтова оперировали два полка 12-й Сибирской стрелковой дивизии (кажется, 45-й и 46-й Сибирские стрелковые полки) с двумя бронепоездами под общим командованием полковника Бранденбурга (или Брандербургера?). В оперативном отношении, впрочем, они были подчинены штабу Степного корпуса.

Количество войск было достаточное, но в боевом отношении можно было рассчитывать далеко не на все части, ибо пропаганда большевиков коснулась уже многих из них, а общее напряженное политическое положение и военные неудачи заронили сомнение и внесли упадок духа. Зарождавшаяся деморализация сказывалась в городе чуть не в ежедневных бесчинствах, в самоуправствах и грабежах («реквизициях») чинов частей, особенно долгое время пробывших в тылу и побывавших в карательных экспедициях против непокорных деревень. Отличались этими подвигами «Голубые уланы» и Отряд особого назначения, – в составе последнего было немало авантюристического и сомнительного по большевизму элемента.

В городе царил полный застой в общественной и торговой жизни, вызванный беспорядочной эвакуацией и неуверенностью в завтрашнем дне. Железнодорожное сообщение с Новониколаевском и Бийском прерывалось по нескольку раз в неделю налетами красных партизан, разрушениями мостов, разъездов и станций, а также порчей телеграфа.

В конце ноября 1919 года, вскоре по моем прибытии в город Барнаул, штаб особоуполномоченного с генералом Биснеком эвакуировался на восток, и распоряжением штаба главнокомандующего генерала Каппеля на меня было возложено временное командование частями войск Барнаульского и Бийского районов впредь до прибытия назначенного на эту должность Генерального штаба полковника Д.Н. Сальникова (бывший наштаверх при генерале Дитерихсе) с заданием во что бы то ни стало обеспечить владение этим районом, важным как в

стратегическом, так и в экономическом отношениях, ибо край этот всегда изобиловал запасами хлеба, мяса и других продуктов. Помнится, что во время мировой войны одна только станция Барнаул, например, ежедневно грузила и отправляла на фронт до десяти вагонов мяса из запасов огромных, прекрасно оборудованных холодильников Военно-промышленного комитета. Не нужно забывать, что Барнаул до и во время войны являлся крупным центром алтайской кооперации с ее многочисленными оборотами в торговых, промышленных и заводских предприятиях края. Богатства Алтайской губернии были неисчерпаемы.

Удержанием этого района обеспечивалась связь с 2-м Степным корпусом[107], действовавшим на Семиреченском и Западно-Алтайском фронтах (Усть-Каменогорский уезд Семипалатинской области). Между тем с падением Омска и переездом штаба фронта в город Новониколаевск наш фронт откатывался все дальше и дальше на восток, приближаясь к рубежу реки Оби, где, по-видимому, наше командование и предполагало задержаться и дать отпор красным.

В 3-м Барнаульском полку шла горячая организационная работа – пополнялись поредевшие ряды батальонов, приводилась в порядок хозяйственная часть полка, шло обучение пополнений. Заботы о теплом обмундировании легко разрешались покупкой такового в кооперативах и у крупных шубных и пимокатных фирм, как то братьев Бухаловых, Кашина, Голалаева и др. Ввиду предполагаемой эвакуации казначейства и банков, еще до их отъезда по моему распоряжению части войск запаслись нужными суммами разменных денежных знаков; так, например, наш полк имел в денежном ящике до 12 миллионов рублей. Для полка сумма небывалая! Эта предусмотрительность начальника хозяйственной части полка штабс-капитана Бухалова (бывшего местного купца, прекрасного хозяина и коммерсанта) впоследствии, во время похода по рекам Ангаре и Лене, нам оказалась очень кстати.

Не оставлены были без внимания и забот семьи как чинов 3-го Барнаульского полка, так и других частей гарнизона. Еще в конце ноября несколько эшелонов с семьями офицеров, снабженных продовольствием, с комендантами-офицерами из числа раненых отбыли из Барнаула на Новониколаевск, который и проскочили благополучно, но, к великому огорчению, в дальнейшем в районе станции Тайга-Боготол эшелоны разделили общую участь тысяч других беженцев, застрявших в пути и попавших в руки красных.

Доля некоторой вины в этом печальном событии падает и на штаб уполномоченного генерала Биснека, и вот почему. Еще в

конце октября месяца, когда положение в городе Барнауле было очень тревожным и даже угрожающим со стороны местных большевиков, группа семей чинов нашего полка обратилась через мою жену Е.А. Камбалину к генералу Биснеку с просьбой о предоставлении им возможности выехать в город Иркутск или Забайкалье. Главным затруднением для частных лиц была, конечно, невозможность достать вагон, что легко могло устроить лицо власть имущее. Штаб генерала Биснека не только ничего не сделал в этом направлении, но моя жена даже подверглась незаслуженным упрекам со стороны генерала Биснека, заявившего, что отъезд офицерских семейств вызовет дурные толки в городе и осложнит и без того тяжелое положение. Разыгравшаяся с семьями трагедия в дальнейшем указала, кто был дальновиднее и кто решительнее поступал в такое исключительное время. Несколько энергичных дам, в том числе моя жена, М.А. Окорокова – жена известного в Барнауле инженера А.М. Окорокова (бывшего министра торговли Омского правительства), все-таки достали теплушку и после ряда мытарств на Сибирской железной дороге добрались благополучно до города Читы.

С оставлением Барнаула правительственными учреждениями и штабом уполномоченного вся власть в городе, уезде и, насколько возможно было, в глубь по Алтайской губернии была сосредоточена в руках командующего войсками Барнаульского и Бийского районов. Генерального штаба полковник Сальников все не прибывал и, как впоследствии выяснилось, сказался больным, дабы не забираться в такую глушь, не быть вдали от больших штабов в такое изменчивое, тяжелое время. Вместо него назначен был Генерального штаба полковник И.И. Попов[108](бывший наштакор 2-го Сибирского у генерала Гривина), мой однокашник по Иркутскому юнкерскому училищу, ожидавшийся приезд коего для меня был особенно приятен еще и по установившимся у нас личным дружеским отношениям со школьной скамьи и по Русско-германской войне.

Очередной перерыв железнодорожного сообщения у станции Черепановая Алтайской железной дороги и крушение бронепоезда, на котором спешил в Барнаул полковник Попов, вынудили его возвратиться в Новониколаевск. Значительные денежные суммы для частей района, которые вез с собой полковник Попов, мы так и не получили, но, к счастью, не обогатили ими и красных партизан. Таким образом, волею судьбы мне самому пришлось, удерживая бразды правления, принять меры по выполнению задачи, поставленной войсковым частям района. Налаженного аппарата для управления никакого не было.

Пришлось попросту использовать офицеров штаба 3-го Барнаульского полка и лично войти в тесный контакт с командирами частей. Неоценимые услуги делу оказали своими неустанными трудами оперативный адъютант штаба 3-го Барнаульского полка штабс-капитан Р-цев, начальник службы связи штабс-капитан Каблуков, его помощник поручик Васильев и др.

Поддержка связи с Новониколаевском и Бийском и охрана железной дороги требовали больших усилий и значительного расхода людей. Имеющийся слабый бронепоезд, сооруженный из углярок, непрерывно курсировал на названных выше участках железной дороги, разгоняя группы и мелкие отряды красных партизан. Роты 3-го Барнаульского полка, как наиболее стойкие и надежные, были единственной нашей опорой в предпринимаемых операциях, поэтому и вся тяжесть боев, естественно, ложилась на них. Не раз самому приходилось выезжать на паровозе в экстренных случаях на угрожаемые участки фронта.

В эти дни, помню, ко мне явился небезызвестный капитан Сатунин[109], знаменитый своей успешной партизанской борьбой с красными на Алтае еще весной и летом 1918 года, приведшей к освобождению от большевиков всей Ойратии (Каракорумский уезд) и южной части Бийского уезда. Базой его был пограничный таможенный пост Кош-Агач на Чуйском тракте, что идет долиной рек Катунь и Чуй на Кобдо в Монголии. Капитан Сатунин, решительный и отважный кадровый офицер, сумел в Ставке (Омск) убедить, кого было нужно, принять его план партизанской войны с большевиками на Алтае и, заручившись личными полномочиями Верховного Правителя адмирала Колчака, прибыл в Барнаул, направляясь к старым знакомым местам для повторения однажды удачно выполненного предприятия. Ехал он со своим начальником штаба моряком Елачичем[110]. Его интересовали вопросы вооружения, снаряжения, снабжения денежными средствами и набора добровольцев в отряды; эти вопросы предстояло разрешить в Бийске – переходном пункте по пути на Алтай.

Затруднений к разрешению их в положительном смысле с моей стороны не встречалось, и мы быстро с ним столковались. Капитану Сатунину разрешено было взять потребное количество винтовок, гранат, пулеметов и патронов из Бийского гарнизона, о чем начальнику последнего даны были соответствующие распоряжения. Дело с деньгами было сложнее, так как для Монголии и Алтая ему нужно было серебро, а не бумажки Сибирского правительства. К счастью его, капитан Сатунин застал в Бийске еще не успевшее эвакуироваться государственное

казначейство, серебряным запасом коего он и воспользовался. Ответственность за эту операцию я принял на себя, что и подтвердил особым распоряжением на имя управляющего Бийским уездным казначейством.

Впоследствии я узнал, что капитану Сатунину удалось в Бийске набрать отряд из офицеров и добровольцев до 300 человек, хорошо вооружить, снабдить всем необходимым и даже прихватить на всякий случай одно старое легкое орудие. Отряд своевременно ушел в горы, где он успешно боролся с красными в течение зимы 1919/20 года. Весной 1920 года в отряде на почве якобы недовольства своевольством капитана Сатунина в расходовании запаса серебра вспыхнул бунт, окончившийся трагической смертью Сатунина и расколом отряда на две части, одна из которых под командой поручика Кайгородова[111](или Смоленникова?) до конца года лихо и дерзко громила красных в Западном Алтае, в своих смелых налетах доходя до линии реки Чарыш и даже реки Алей. Семьи и одиночные люди отряда Сатунина пробрались в город Кобдо, где и осели, находя неизменное и заботливое покровительство тамошнего российского консула г. Кузминского, с которым многие впоследствии выехали в Центральный Китай, когда красные проникли и в Монголию.

Не успел я расстаться с капитаном Сатуниным (числа 3–4 декабря 1919 года), мне доложили, что меня желает видеть полковник Бранденбург (а может быть, Бранденбургер – точно не помню). Я поражен был видом вошедшего – изможденного, одетого в отрепья штатского пожилого человека. Но то, что он поведал, было еще ужаснее. Полковник Бранденбург – начальник отряда, действовавшего на Семипалатинском направлении, только что пешком с семьей и несколькими офицерами добрался до Барнаула со станции Алейская (верст 80 западнее Барнаула), где стоял его штаб и два бронепоезда. Три дня тому назад вспыхнуло восстание на одном из бронепоездов. Восставшие артиллерийским огнем расстреляли другой бронепоезд, разгромили штаб отряда и подняли восстание в 45-м и 46-м Сибирских стрелковых полках. В последних бунтовщики перебили почти всех офицеров и передались красным. Полковник Бранденбург с семьей чудом уцелел и спасся бегством в степь. Обстановка, сообщенная им, крайне осложняла наше положение, создавая непосредственную угрозу Барнаулу с запада.

Оказав содействие пострадавшим по отъезде их в Новониколаевск, я немедленно собрал совещание начальников отдельных частей гарнизона, на котором мы все выработали план обороны города Барнаула и большого железнодорожного моста

через реку Обь. Лично объехав намеченные позиции по боровым песчаным холмам к западу от Барнаула, мы с начальником артиллерии полковником С-ко разработали и действия артиллерии в случае наступления красных. Отдав приказы на случай боя и приняв меры на случай выступления местных большевиков, стали ждать дальнейшего развития событий, которые не замедлили разыграться.

В течение этих же тревожных дней в городе Новониколаевске произошел бунт 2-го Барабинского Сибирского стрелкового полка, которым командовал полковник Ивакин (он же являлся временно командующим 1-й Сибирской стрелковой дивизии). Это трагическое событие косвенным образом бросило тень и на мое доброе имя. Дело в том, что, временно командуя войсками Барнаульского и Бийского районов, я оставался и законным командиром 3-го Барнаульского полка, поэтому по своей должности поддерживал связь с полковником Ивакиным, обмениваясь с ним депешами служебного характера. Нередко он осведомлял меня об общей обстановке на фронте и в тылу, а также о политических событиях момента. Некоторые его депеши были для меня довольно загадочны, особенно по вопросам политики, но, целыми днями поглощенный текущими делами, я не особенно в них вникал. Говорил он, между прочим, что намечается якобы новый состав правительства при участии земцев и других общественных кругов, что с ними ведутся переговоры. С его слов у меня создавалось впечатление, что все это делается лицами, причастными к правительственным кругам, и с согласия высшего командования и что сам командарм 1-й Сибирской генерал Пепеляев принимает во всем этом близкое участие.

Как солдат, я считал, что вопросы политики меня не касаются, и отдавался всей душой боевой работе. Неожиданно однажды меня посетил председатель барнаульской уездной земской управы г. Каллистратов (тип интеллигента-народника). Принятый один на один, он повел такие речи: Омское правительство-де оказалось несостоятельным вывести страну из создавшегося тяжелого положения, власть скоро перейдет в руки представителей земства и общественности, война должна быть закончена миром с большевиками, которые-де теперь уже не те, многому научились и сумеют восстановить порядок и хозяйство. Довольно крови – мы братья. Достаточно вашего слова – и Барнаул будет спасен от разрушения и жертв. Всем господам офицерам прощение и сохранение занимаемых положений, вы будете назначены командующим Барнаульским округом и пр. Долго и сладко пел мне г. Каллистратов свою насвистанную

большевиками песенку. Терпеливо его выслушав, я привел ему свои возражения и посоветовал обратиться к представителям правительственной власти в Новониколаевске, так как сам я представляю только военное командование и других полномочий не имею. Категорически отказываясь принять предложение, я заявил, что принял и выслушал его как частное лицо, а не как представитель военной власти, иначе дело это могло принять для него дурной оборот.

Я не придал этому посещению большого значения, так как последние сведения из Новониколаевска были крайне неутешительны и давали повод думать, что мы в Барнауле долго не засидимся. В этот же день была получена телеграмма из штаба фронта о том, что переворот, затеянный якобы полковником Ивакиным, не удался, части 2-го Барабинского Сибирского стрелкового полка разоружены. Сам «вор» Ивакин арестован и предан военно-полевому суду. Как громом поразила меня эта весть. Тогда только мне стали понятны и посещение земца Каллистратова, и загадочные намеки полковника Ивакина на какую-то земскую власть и общественность.

Искренно мне стало жаль несчастного Аркадия Васильевича Ивакина, еще не так давно доблестно водившего свой полк в бой, громившего красных и на Байкале, и на Урале, и на реке Каме, до глубины души ненавидевшего большевиков. Нервный, вспыльчивый, преданный Белой Идее, но политически безграмотный, как и большинство офицеров, он поддался сладким уговорам и обману бесчестных левых политиканов и пал жертвой безвременья.

Отношения наши с ним не остались без внимания со стороны штаба фронта. Генерал Каппель потребовал от меня представить ему объяснения по этому делу и всю переписку мою с полковником Ивакиным, что и было мною выполнено безотлагательно. По-видимому, генерал Каппель удовлетворился моими объяснениями и понял, что если, быть может, с большой, впрочем, натяжкой, я и был виновен в недонесении, то для обвинения меня в соучастии данных никаких не было. Дело предали забвению. Генерал Каппель вновь подтвердил приказ: удерживать Барнаульско-Бийский район во что бы то ни стало.

Из разноречивых сведений, добытых впоследствии, полковник Ивакин, по одной версии, будто бы застрелился, по другой – убит при попытке к побегу. Зная решительный характер Ивакина, я склонен думать, что первая версия более вероятна. Утрата веры и шатание умов в годы лихолетья и смуты – явления обычные. Из эпохи Гражданской войны мы знаем примеры предательства и измены покрупнее и поярче ивакинского.

Перехожу к продолжению своего повествования о последних днях города Барнаула под властью белых в декабре (5–9) 1919 года. Партизанские красные отряды в окрестностях Барнаула начали проявлять необычайную активность и дерзость. Город был наводнен их тайными агентами, которые при содействии местных большевиков – рабочих пимокатных, канатных и других заводов, а также железнодорожных мастерских Алтайской дороги вели бешеную пропаганду, сея смуту и панику в населении и деморализуя части войск. Агитаторов не раз ловили в казармах 3-го Барнаульского полка и расправлялись с ними беспощадным образом. Существовавшая в городе контрразведка эвакуировалась со штабом уполномоченного, своей же мы за краткостью времени и отсутствием опытных руководителей наладить как следует еще не успели. Впрочем, в каждой отдельной части были организованы свои ячейки внутренней разведки с весьма ограниченным полем деятельности. Этим исчерпывались наши меры по борьбе с большевиками на этом важном участке Гражданской войны.

За пренебрежение этим могучим средством воздействия на душу, на психологию массы, за неумение поставить на должную высоту развитие этого действительного рода оружия мы жестоко платились в течение всей Гражданской войны. Результаты агитации красных агентов стали уже обнаруживаться: 5 декабря караул у железнодорожного моста через реку Обь из состава 13-го железнодорожного охранного батальона с пулеметом скрылся, уйдя к красным. Приказал Отряду особого назначения принять на себя охрану моста, командиру же 13-го железнодорожного охранного батальона разоружить – как ненадежные – две роты батальона, занимавшие караулы на станции Барнаул.

В городе внешне царил порядок, но слухи ходили один невероятнее другого. Наиболее прозорливые из обывателей запасались провизией и топливом. Зажиточная масса населения, припрятывая свои ценности, опрощалась, переряжаясь в отрепья и подделываясь под пролетариат. Более непримиримые и здоровые духом вступали добровольцами в свой родной 3-й Барнаульский полк и в уланы. Вызвал у меня сомнение наш 3-й батальон, только что наполненный бородачами прифронтового полка. Пришлось до поры до времени его не вооружать полностью и установить бдительное наблюдение за его расположением в центре города, в помещении бывшего кинотеатра.

6 декабря наши разведывательные части обнаружили наступление красных со стороны деревни Ересной, что на Змейногородском тракте в 5–7 верстах на юго-запад от города Барнаула. Пехотные наши части спокойно заняли намеченные

позиции, артиллерия морских стрелков изготовилась к отбитию атаки, и, как только красные дошли до пристрелянных рубежей, мы открыли губительный огонь по их цепям.

Красные не ожидали такого дружного отпора и в панике бежали назад, потеряв много убитых и раненых. От последних мы узнали, что перед нами части товарища Мамонтова, пополненные из 45-го и 46-го Сибирских полков, перешедших на их сторону в районе станций Алейская – Поспелиха. «Голубые уланы» удачно преследовали красных верст на 10–15, а затем вернулись в Барнаул.

Между тем телеграфная связь с Новониколаевском была прервана снова. Потребовалось усилить охрану промежуточных станций: Алтайская, Повалиха и Тальменка, причем последнюю подкрепил охранной ротой, прибывшей из Новониколаевска под командой поручика С. Носкова (проживающего ныне в Лос-Анджелесе), и легкой отдельной батареей из французских пушек, имевшей незначительный запас снарядов и являвшейся излишней в городе Барнауле ввиду отсутствия упряжек и конского состава.

7 декабря красные прислали через какого-то общественного деятеля Плотникова предложение сдать им Барнаул без боя, обещая всякие гарантии, амнистии и прочие блага, коими еще раз пытались внести смуту в войска гарнизона. После моего категорического отказа вступать с ними даже в разговоры они снова повели энергичное наступление на том же направлении, содействуя ему демонстрацией на станцию Барнаул с севера, со стороны Глядена (возвышенный левый берег реки Оби). Нам не стоило больших затруднений и на сей раз рассеять красные орды метким огнем многочисленной артиллерии доблестного полковника С-ко, оказавшегося прекрасным опытным боевым офицером. Наш бронепоезд успешно оборонял станцию Барнаул и подступы к ней. Помимо этих операций к западу от Барнаула, все эти дни происходили мелкие боевые столкновения с партизанами на железнодорожных линиях на Бийск и Новониколаевск. Было очевидно, что между отрядами Рогова и Мамонтова существовала тесная связь для согласования их действий. Окружение Барнаула становилось все более тесным, оставляя открытым только путь на восток. Последние сведения из штаба фронта были крайне неутешительные: красные были уже к востоку от города Барабинска, а затем из-за нового перерыва проводов мы снова лишились контакта с Новониколаевском. С этой минуты мы могли рассчитывать только на самих себя да на Господа Бога.

8 декабря красные, вероятно, делали какие-то перегруппировки и особой активности не проявляли. В Бийске все эти дни тоже шли бои с красными партизанами, но гарнизон

города мужественно отстаивал свои позиции. С утра 9 декабря большевики опять, но еще более настойчиво, по всему фронту перешли в наступление на Барнаул, причем против железнодорожной станции появился уже бронепоезд, очевидно, один из наших взбунтовавшихся на ст. Рубцовка. Неоднократные атаки красных мы отбивали легко артиллерийским и пулеметным огнем, переходя затем в короткие контратаки. Положение в городе между тем становилось все более и более тревожным, каждую минуту можно было ожидать выступления местных красных. Комитет городской самообороны, сформированный по просьбе горожан города под председательством капитана Тенисова (бывшего помощника командира 13-го железнодорожного охранного батальона) и подчиненный моему штабу, едва справлялся с возраставшими случаями убийств из-за угла, ночными грабителями, бесцельной стрельбой на окраинах и пр.

Все боеспособные части, а их было не так много, были в расходе, резервов никаких. Как известно, характер партизанской войны выматывает войска больше, чем большой бой с регулярными частями. Во вверенных мне частях также заметна была большая усталость, что непосредственно влекло упадок духа и боеспособности. Полная невозможность наладить связь со штабом фронта приводила в отчаяние. Можно было догадываться, что штаб фронта в течение трех дней не предпринимает со своей стороны никаких мер для установления с нами связи неспроста: очевидно, он занят чем-то более важным, – а это могло быть только приближение фронта к реке Оби, – и создавшейся угрозой самому Новониколаевску. При наличии этого условия наше сидение в Барнауле становилось нелепостью, ибо единственный путь отхода на восток вел на Новониколаевск к Сибирской железной дороге.

Некоторые объективные признаки, уловимые только для военного чутья, стали подтверждать мои догадки. Собранные днем начальники частей высказались за оставление Барнаула и, таким образом, за сохранение частей, оставшихся еще боеспособными. В соответствии с этим 9 декабря я отдал приказ войскам Барнаульского района в ночь на 10 декабря, а Бийского немедленно с получением приказа оставить занимаемые позиции и отойти на правый берег реки Оби к узловой станции Алтайская.

К вечеру бой затих и части в полном порядке оставили Барнаул, передав власть в городе и места заключения городскому комитету самоохраны. Штаб мой около 10 часов вечера на санях выехал на станцию Алтайская. Ненадежный разоруженный 3-й батальон Барнаульского полка так и остался в городе, разойдясь

по домам. Нежелание его воевать и уходить из города мы удовлетворили. Наш бронепоезд под утро последним покинул мертвую станцию Барнаул. Город погрузился в мрак и тишину, нарушаемую только скрипом саней по холодному снегу.

С чувством глубокой тоски и боли покидали мы навсегда родной и милый Барнаул, давший нам столько незабываемых светлых минут, связанных с боевой славой родного 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка. Наш полк тесно и крепко был связан с национально настроенными кругами населения Барнаула. Нельзя обойти молчанием любовь и заботы о полке барнаульских промышленников и купечества. Биржевой комитет во главе со своим председателем добрейшим М.А. Морозовым, помимо разновременных подарков полку полушубками, валенками и бельем, ежемесячно присылал полку по вагону белой муки. Таким образом, за время пребывания на Уральском фронте мы всегда питались отличным белым хлебом. Комитет полковых дам с председательницей Е.А. Камбалиной не раз баловал нас присылкой на фронт белья, табака и всякой снеди, до пельменей и окороков включительно. Барнаул считал наш полк своим, родным.

Начался наш Сибирский Ледяной поход.

* * *

На ст. Алтайская с только что прибывшего из Бийска последнего поезда в штаб явился командир 52-го Сибирского стрелкового полка полковник Поляков и доложил об оставлении ими Бийска и об обстоятельствах, предшествовавших этому событию. Бийск, подобно Барнаулу, был окружен кольцом красных партизанских отрядов, не дававших никому возможности выйти из города. Немногочисленные части гарнизона измотались и таяли ежедневно от дезертирства.

Порядок в городе поддерживался офицерскими ротами и добровольцами отряда капитана Сатунина, предполагавшего со дня на день покинуть Бийск, направляясь на Алтай. Ясно было, что с уходом последних надежных частей в городе оставаться было немыслимо. Местные большевики канатных и кожевенных заводов и табачной фабрики вели безудержную агитацию и готовы были начать резню при первом удобном случае.

8 декабря капитан Сатунин выступил из Бийска на станции Улала и Кош-Агач, увозя с собой семьи чинов своего отряда. Всех ненадежных солдат 52-го полка полковник Поляков разоружил и распустил по домам, с оставшейся же небольшой группой верных

и преданных патриотов из числа офицеров и солдат за несколько часов до получения моего приказа отбыл из Бийска.

Грустна и печальна была эта наша встреча с дорогим Василием Ивановичем, полковником Поляковым, мягкосердечным и отзывчивым человеком и прекрасным боевым офицером. В прошлом нас связывала совместная служба в 44-м Сибирском стрелковом полку (в 1910 году) и дружная плодотворная работа в Барнаульском гарнизоне тотчас же после освобождения его от большевиков в июне (11–14) 1918 года, когда полковник Поляков был назначен подполковником Пепеляевым начальником гарнизона, а я его начальником штаба. Долго мы с ним беседовали в ту зимнюю морозную ночь в теплой, уютной квартире начальника станции, вспоминая далекое невозвратное прошлое и обсуждая тягостное положение настоящего. К утру полковник Поляков уехал в Новониколаевск в штаб фронта для личного доклада о положении дел на нашем фронте, но добраться туда ему не удалось, и он, бросив поезд, походным порядком ушел в Кузнецкую тайгу, где встретил и присоединился к каким-то частям нашей армии.

10 декабря красные вошли в Барнаул и принялись наводить свои порядки, о чем мы узнали от бежавших из города знакомых. Мы этот день посвятили укреплению позиций и разведке. Бронепоезд наш неоднократно доходил до железнодорожного моста через реку Обь и оттуда посылал свои гостинцы в покинутый город и на станцию Барнаул. Мост нами оставлен был в полной сохранности, так как для разрушения такого грандиозного сооружения у нас не имелось никаких технических средств. Все, что мы были в состоянии сделать, – это разобрать в нескольких местах рельсы на мосту и тем оградить себя от внезапного налета красного бронепоезда.

Для обеспечения правого фланга мною в деревню Повалиху был выдвинут Отряд особого назначения и, кажется, 15-й Боткинский запасный полк, остальные части занимали позиции у деревни Чесноковки по возвышенностям правого берега реки Оби; небольшой заслон выставили и по железной дороге на Бийск. Ст. Повалиха охраняла рота железнодорожного охранного батальона.

Попытка связаться с Новониколаевском снова не привела ни к чему: где-то в районе ст. Черепановой партизаны перерезали пути и провода. К вечеру разведка и бронепоезд красных вели перестрелку с нашими частями. На следующий день (11 декабря) с утра большевики предприняли решительное наступление на ст. Алтайская, отбитое нами без большого труда и потерь; после полудня наступление красных возобновилось, причем значительные силы они направили по тракту на ст. Повалиха,

откуда и выбили наш Отряд особого назначения, создавая тем угрозу нашему тылу у ст. Повалиха. Еще с утра отправленные в тыл на реку Озерки наши обозы и парки едва проскочили через деревню Повалиху, когда туда вошли красные.

Судя по интенсивности боя у Повалихи, можно было предполагать, что главные силы красных идут по тракту; к тому же и начертание линии Алтайской железной дороги в этом участке таково, что это направление для красных было кратчайшим для нанесения удара. Между тем на этот участок мы не могли послать артиллерию, вследствие малой проходимости проселочных дорог для колес из-за глубокого и обильного снега. Полотно железной дороги было единственным шоссе для нашей артиллерии.

С наступлением вечера приказал отходить частям на разъезде Озерки и дальше на ст. Тальменка, откуда были получены тревожные сведения об угрозе станции со стороны обложивших красных. Желая переговорить по телефону с Тальменкой, я с несколькими ординарцами по пути заехал на ст. Повалиха. Меня поразила тишина, мрак и пустота на станции. С трудом разыскал сторожа-старика, от которого и узнал о печальном и жутком эпизоде, разыгравшемся за полчаса до нашего приезда. Во время разгара боя в деревне Повалихе (2 версты на северо-запад) охранная рота взбунтовалась, убила командира роты, разгромила станцию, забрав телефон и телеграфные аппараты и начальника станции (моего старого знакомого Малецкого) – заложником, ушла к красным в деревню Зудиловку (3 версты на юг). При свете принесенного сторожем фонаря помещение станции имело картину полного дикого разгрома.

Подождав подхода своих частей, я приказал бронепоезду разрушить железную дорогу в нескольких наиболее чувствительных пунктах, а затем, посадив на него один батальон 3-го Барнаульского стрелкового полка, выехал на выручку ст. Тальменка. Часть двигалась двумя параллельными колоннами: обозы, парки, Отряд особого назначения и 15-й Прифронтовой Боткинский полк – по тракту Повалиха – Усть-Тальменское. По полотну железной дороги вся артиллерия, полк «Голубых улан» и 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк.

Утром 12 декабря, прибыв на ст. Тальменка и узнав об обстановке от начальника охраны поручика Носкова, я высадил батальон барнаульцев и приказал им расположиться в соседнем большом селе Усть-Тальменском. Едва квартирьеры вошли в улицу села, как с противоположной стороны въехал какой-то разъезд. Сойдясь вплотную, наши стрелки вдруг заметили, что всадники были без погон и со звездами на головных уборах.

Сомнений не было – красные.

Началась беспорядочная стрельба и рукопашная свалка. Услышав выстрелы, командир батальона тотчас же выслал роту на выручку. Разъезд красных разбежался, но вслед за этим с северной стороны села из леса показалась большая цепь красных, держа направление на село. С места в карьер, развернув остальные роты батальона, я двинул их в бой. Защелкали винтовки, затрещали пулеметы, и станция наполнилась свистом и завыванием пуль. Разыгрался жестокий встречный бой…

Для поддержки наступления барнаульцев приказал открыть огонь батарее французских орудий, которая стояла, погруженная на платформы поезда на запасных путях. Орудия снимать было некогда, повернули их только жерлами в сторону красных и открыли огонь. Водонапорная башня сыграла роль хорошего наблюдательного пункта. Бой разгорался, огонь красных, особенно пулеметный, все усиливался. Положение было не из веселых. Подхода наших главных сил можно было ожидать не раньше чем после полудня, да и трудно было рассчитывать на достаточную боеспособность людей, совершивших 45-верстный ночной марш в условиях суровой сибирской зимы.

Бронепоезд наш выдвинулся за станцию в сторону Новониколаевска до разрушенного места пути и фланговым огнем стал косить цепи красных. В это время к западной окраине длинного села подошел обоз 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка. Начальник хозчасти, капитан Бухалов, видя всю картину боя, собрал всех наличных вооруженных чинов обоза, рассыпал их в цепь и внезапно ударил красным во фланг. Обозники, как и 1-й батальон, показали себя молодцами.

Охваченные с обоих флангов огнем и встретив энергичный контрудар с фронта, красные не выдержали и наконец, понеся потери, откатились за лес, из которого вышли. В течение этого времени с юго-востока группа красных партизан обстреливала станцию. От захваченных пленных выяснилось неожиданное и важное обстоятельство: мы имели дело с регулярными частями Красной армии. Красная дивизия, вышедшая из города Камня, что на реке Оби ниже Барнаула, шла наперерез Алтайской железной дороги, и одна бригада ее в составе 229-го и 230-го Старорусского пехотного полков вышла на участок Тальменка – Черепановая. Пленные были 230-го Старорусского полка. Сомнений больше не было в том, что Новониколаевск оставлен нами, чем и объяснялось его упорное молчание. Если бы мы задержались в Барнауле на день-два дольше, единственным выходом, и то гадательным и чреватым неблагоприятными последствиями, было бы отступление на Алтай и Монголию.

С подходом всех наших частей к Усть-Тальменскому – Наумовой на совещании начальников решили двигаться на восток в Кузнецкий уезд до установления связи с частями отходящей армии. Вследствие обнаруженных на походе затруднений из-за перегруженности обозов и плохого состояния зимних проселочных дорог я приказал начальникам отдельных частей по их усмотрению разгрузить парки и обозы от излишнего груза, орудия поставить на платформы или разобрать и везти на санях; всех солдат и офицеров вооружить винтовками и всех лишних нестроевых чинов поставить в строй. Батареи с французскими орудиями, как неподвижные, бросить, приведя орудия в негодность. Бронепоезд разоружить и подорвать, пулеметы с него передать в строевые части. Меры были героические и трудно проводимые в жизнь, но от выполнения зависело сохранение жизни тысячам бойцов, не желавшим попадать в руки красных палачей.

Кажется, самое трудное человеку расстаться с накопленным богатством и состоянием, поэтому командиры частей, как заботливые хозяева-скопидомы, очень неохотно соглашались на мои предложения. Бедный полк. С-ко, запасливый хозяин, пришел в ужас от мысли, что ему придется бросить около 1000 пудов овса, вывезенного им из богатого и хлебного Барнаула. Все выездные городские шикарные экипажи и сани тоже должны были попасть в руки новых владельцев в лице мужичков Тальменки и Наумовой, так как лишние лошади необходимы были для орудий, снарядов и пр.

На выполнение всех этих мероприятий оставалось очень немного времени, так как, согласно приказу по войскам, наутро предстоял поход вверх по реке Чумыш на юго-восток от ст. Тальменка. Оторвавшись от регулярных красных частей, мы сделали в этом направлении два-три перехода, встречая только мелкие банды партизан, а затем двумя колоннами (для сокращения длины колонны) повернули круто на северо-восток на большое село Маслянино, расположенное в предгорьях Салаирского хребта с его «черневой» тайгою. Левая колонна под командой командира 15-го Прифронтового Боткинского полка в районе деревни Пеньково имела перестрелку с какими-то неизвестными частями, впоследствии оказавшимися 25-м Екатеринбургским полком нашей 7-й Уральской дивизии[112]. Это было первое наше соприкосновение со своей армией.

Все эти дни похода стояли тихие, ясные, морозные дни и звездные тихие ночи. Обычно с ночлега выступали около 5–6 часов утра, с малым привалом в полдень в попадавшихся довольно часто деревнях, на ночлег прибывали около 7–8 часов

вечера. Питались хорошо, настроение у людей было бодрое. Богатый хлебом и фуражом, не разоренный еще Гражданской войной, Чумышский район обеспечивал нам все необходимое. Меры походного охранения соблюдались неукоснительно, так как край кишел партизанами и бандитами. Как курьез, помню следующий случай в деревне Маслянино.

Авангард «Голубых улан», не доходя до села, известил местный Совдеп, что идет своя Красная армия – встречайте. Легко поддавшиеся на этот трюк совдепщики действительно устроили им триумфальную встречу с красными флагами, плакатами и торжественными речами, при большом стечении деревенской любопытной толпы народа. У полковника Андрушкевича хватило духу разыграть роль красного командира до конца и узнать о имеющихся запасах фуража, продовольствия и численности местных партизан. Можете себе представить, как вытянулись и побледнели рожи у совдепщиков, как онемели и прилипли языки их к гортани. Как стайка вспугнутых воробьев, в мгновение ока толпа рассыпалась по деревне, когда скинутая с плеч бурка обнажила блестящие золотые погоны полковника Андрушкевича.

Более тесное соприкосновение и связь с частями нашей армии произошли в большом горнозаводском селе Егорьевском, на ночлеге в котором мы встретили штаб и части Ижевской дивизии с генералом Молчановым во главе. От последнего мы узнали горькую истину об оставлении нами Новониколаевска и о беспорядочном отходе по всему фронту частей армии генерала Каппеля. Я лично навестил генерала Молчанова в его штабе и был встречен радушно и любезно как им, так и его молодым и приветливым начальником штаба. Мы без больших затруднений, со взаимной предупредительностью разрешили все спорные вопросы по расквартированию частей на ночлег и наметили маршрут дальнейшего движения на восток. Особенное внимание было обращено на возможную обеспеченность людей кровом на ночлегах, ибо район предстоящих двух-трех переходов был горный, таежный и малонаселенный.

За чашкой чаю во время краткого досуга вспоминали мы с генералом Молчановым старое, невозвратное боевое прошлое наших славных частей – 50-го Сибирского стрелкового полка и 6-го Сибирского саперного батальона зимой 1915 года в Польше. Картины кровавых боев с немцами у знаменитой Воли Шидловской и в Болимовском лесу в конце января 1915 года и дальнейшее до апреля месяца позиционное сидение наше, на удержанных этих позициях, рисовались нам яркими и живыми. В техническом отношении тогда война была кровавее и беспощаднее, но враг был достойный и благородный, мы, бойцы,

не знали тогда ни жгучей ненависти и злобы к врагу, ни издевательств и пыток и того морального упадка и разложения, что несет в себе всякая гражданская война. Атмосфера братоубийственной войны удушающая, она-то и является самой неприглядной, невыносимой особенностью этой борьбы. Известное изречение «человек человеку – волк» как нельзя лучше определяет нравственный облик гражданской войны.

Распрощавшись с любезными хозяевами, я вернулся в свой штаб и отдал приказ частям Барнаульской группы о дальнейшем движении через Салагирский хребет в бассейн реки Томь в Щегловский уезд, с общим направлением на город Щеглов. Кузнецкая тайга (по-местному «чернь») составляла издавна владения Кабинета Его Величества, управлялась местным отделом Алтайского горного округа, когда-то разрабатывавшим также многочисленные богатейшие рудники, как, например, Сузунский, Змеиногорский, Локтевский, Ридцеровский, Зыряновский и др. Лесные богатства этого края, главным образом лиственных пород, неисчислимы. При тихой зимней погоде, при легком морозце, пощипывавшем нос и щеки, сказочную картину являла вековая тайга, с ее великанами елями, оснеженными тяжелыми пластами рыхлого, сверкающего алмазами снега. При обилии атмосферных осадков порою покров снега достигал 2–3 аршин глубины.

Малонаезженные местные дороги, позволявшие упряжку лошадей только «гусем» (уносом), доставляли немало огорчений и хлопот нашим походным колоннам, особенно артиллерии морских стрелков. Кони и люди выбивались из сил, поминутно вытаскивая из сугробов ту или иную подводу с орудием или со снарядами. Достаточно было неосторожно ступить на шаг от дороги в сторону, как лошадь по брюхо проваливалась в рыхлый снег, беспомощно барахтаясь в нем, не находя твердой точки опоры для ног. Поразительное безмолвие лесной пустыни – тайги в такую погоду нарушалось обозным скрипом, людским говором и криком солдат, подбадривавших провалившихся в снег лошадей. Измученные и усталые приходили мы на ночлег, где в тесных избах лесников и засыпали тяжелым мертвым сном.

От деревни Вагановой, на восточном склоне Салагирского нагорья, мы вздохнули свободнее, так как вступили в равнинную полосу Щегловского уезда, богато населенную и обильную продовольствием и фуражом. Кузнецкий и Щегловский уезды Томской губернии всегда славились своими отличными сибирскими ломовыми лошадьми – обстоятельство, имевшее для нас немаловажное значение, так как благодаря малочисленности казенного обоза мы широко пользовались обывательскими

подводами из попутных деревень.

На остановке в деревне Вагановой произошли важных события, определившие характер дальнейшего похода 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка. Дело в том, что в этом районе мы влились в общий фронт отходящей армии генерала Каппеля, связались с соседними частями 7-й Уральской дивизии (вр. командующий полковник Бондарев) и, кажется, 7-й Кавалерийской дивизией. Так как дальнейшее движение самостоятельной группы войск Барнаульского и Бийского районов, возникшей совершенно случайно, являлось крайне затруднительным ввиду забитости дорог частями других более значительных групп, а также и невозможностью установления связи с генералом Каппелем и получения новых заданий и маршрута для вверенной мне группы, я решил последнюю расформировать, откомандировав 15-й Прифронтовой Боткинский полк в 7-ю Уральскую дивизию, полк «Голубых улан» в 7-ю кавалерийскую дивизию и артиллерию в Бригаду Морских стрелков, то есть попросту отправив части по своим коренным высшим соединениям, я остался со своим 3-м Барнаульским Сибирским стрелковым полком и Отрядом особого назначения. Последний, впрочем, тоже скоро покинул нас, неожиданно, тайком, уйдя куда-то в сторону Сибирской железной дороги.

Такое «самоопределение» Отряда особого назначения меня не удивило и не огорчило нисколько, ибо за время похода он зарекомендовал себя с самой отрицательной стороны. Привыкший к своевольству и к грабежам, имевший весьма слабое представление о воинской дисциплине, при слабовольном начальнике отряда полковнике де Липпе-Липском[113], отряд этот не блистал боевыми подвигами.

Итак, я снова принял свой 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк, который хорошо знал и в который верил. Счастлив подтвердить, что эта вера меня не обманула в продолжение дальнейшего в несколько тысяч верст похода, при самых тяжелых климатических условиях, при обстановке полной безнадежности боев, хаоса, развала власти и армии. Неожиданно освободившись от трудного управления большой колонной из случайно составленных частей и тем сняв с себя бремя тяжелой ответственности, я почувствовал небывалое облегчение и все силы свои отдал заботам о вверенном мне полке.

Задачей полку я поставил установление связи со штабом 1-й Сибирской дивизии и присоединение к частям 1-й армии генерала Пепеляева. Из этого задания естественно вытекало и направление нашего движения на северо-восток к Сибирской железной дороге через деревни Журавлиха, Тарасово, Окунево,

Салтыково, Летуново и город Щеглов. Движение небольшой колонны в один полк имело много тактических преимуществ и легко обеспечивало нам транспортные средства, продовольствие, фураж и кров на ночлегах.

Помню, как уговаривал меня начальник 7-й Уральской дивизии войти в состав его колонны и двигаться южной частью Щегловского уезда наперерез Мариинской тайги по старым приисковым дорогам и далее на восток через Мариинский уезд. Маршрут этот был ему указан штабом армии. Имея уже небольшое представление о состоянии таежных дорог и не доверяя этому направлению, я отказался от предложения. Предчувствие меня не обмануло: 7-я Уральская дивизия из Мариинской тайги выйти не смогла, была настигнута красными и сложила оружие. Впоследствии полковник Бондарев командовал какой-то красной бригадой при наступлении их на Читу в мае 1920 года.

Столкновений с красными партизанами на своем пути к городу Щеглову не имели. Правда, один раз мы вспугнули банду их, хозяйничавших в каком-то селе недалеко от Щеглова и сжегших там церковь. Другой раз, только что войдя в какую-то богатую деревню и расходясь по квартирам, роты были обстреляны ружейным огнем со стороны соседней деревни. Оказалось, что какая-то конная часть нашей же армии решила попугать нас и выжить из этой богатой деревни, дабы самой использовать ее для ночлега и сбора подвод. Расчет их не удался: «нашла коса на камень» – сами же они потеряли несколько человек ранеными.

Не доходя с запада нескольких верст до города Щеглова, ночью мы втянулись в деревню Летуново, сплошь забитую обозами и войсками и озаряемую ярким пламенем многочисленных костров. Найдя квартиру штаба, я представился начальнику Уральской группы 3-й армии генералу Соколову[114], у которого шло совещание с командирами частей; между последними я запомнил генерала Круглевского, совсем еще юного, но уже с Георгием на груди, увенчанного боевой славой (начдив 11-й Уральской дивизии), и начдива 13-й Сибирской генерала Зощенко (служившего когда-то в 10-м Омском резервном полку).

Получив исчерпывающую информацию о положении дел и видя, что в районе Щеглов – ст. Тайга мне не найти частей 1-й Сибирской армии, я решил двигаться на восток с частями 3-й армии, поэтому просил генерала Соколова включить мой полк в его группу и колонну. На мою просьбу отвести моему полку для ночлега хоть несколько халуп генерал Соколов заявил, что

деревня Летуново совершенно забита обозами, но в полутора верстах от Щеглова есть свободная деревня, которую можно занять, но предупредил, что нет пока никаких сведений, в чьих руках находится город Щеглов, ибо бой предыдущего дня с красными партизанами, занявшими Щеглов, окончился вничью.

Делать было нечего. Люди замерзали на подводах, нуждаясь в крове и горячей пище. Оставив у генерала Соколова офицера для связи, я выслал в указанную выше деревню на разведку конную сотню полка, и полк двинулся туда тотчас же. К нашему счастью, не только большая деревня, давшая нам хороший отдых, но и город Щеглов были оставлены партизанами.

На следующее утро, заняв указанное приказом по колонне место, мы двинулись в тяжелый крестный путь через город Щеглов в Мариинскую тайгу. Дорога от города Щеглова до села Красный Яр (Мариинский уезд) пролегает горной, таежной местностью, с очень редкими и бедными поселками новоселов, протяжением до 80–90 верст. Кругом стеной непроходимая, особенно зимой, тайга с глубоким снежным покровом и разъезженным, избитым до невероятности, единственным переселенческим трактом.

Первый переход (около 20–25 верст) прошли сносно, ночевали наполовину в домах, наполовину у костров. По мере дальнейшего продвижения трудности все возрастали, количество обозов увеличивалось, ехали уже в 2–3, а иногда в 4–5 рядов; малейшая задержка в голове колонны отражалась часовыми и больше простоями под открытым небом при 20—25-градусном морозе. Обмороженных из-за легкой одежды и плохой обуви становилось все больше и больше. Единственным спасением были костры, едкий дым которых устилал наш путь. Только в нашем положении можно было оценить, что значит «греться у своего костра». Не только отсутствие горячей пищи, но у многих и запасы хлеба подходили к концу. Лошади падали от бескормицы и отсутствия водопоя.

При многих частях следовали семьи военнослужащих и беженцы. Всюду слышался плач детей и стоны больных и раненых. Дикие сцены драк и самоуправств при желании обогнать впереди идущую подводу наблюдались не редко. Злоба и отчаяние, холод и голод, страх за семью и близких, угроза со стороны наседавших красных понизили нравственную чувствительность, пробуждая самые низменные инстинкты человеческой натуры. Управление отсутствовало совершенно, а между тем штабов и высшего начальства было хоть отбавляй.

Положение становилось трагическим и могло кончиться более печально, если бы в арьергарде не было столь стойкой и

доблестной Ижевской дивизии генерала Молчанова. В районе станции Тайга Сибирской железной дороги красные вели упорные бои с эшелонами 5-й Польской дивизии. После полудня второго дня пути, видя, что дальнейшая задержка в дороге гибельно отзывается на личном составе полка, я решил бросить излишний обоз и, посадив части людей верхом, приказал остальным двигаться вперед пешком обочинами дороги и между рядами повозок.

По мере приближения нашего к деревне Кузьминой, что в расстоянии двух третей пути от Щеглова, дорога оказывалась все более забитой брошенными повозками, трупами павших лошадей, грудами упряжи и амуниции; валялись на дороге и в стороне от нее в снегу орудия, снаряды и даже пулеметы и патроны. Было несколько несчастных случаев взрыва брошенных на дороге ручных гранат; эти взрывы вносили еще большую сумятицу и панику.

Деревня Кузьмина, расположенная в глубокой котловине при речке, была буквально забита войсками и обозами, спешившими в ней подкормить и напоить лошадей да и самим подкрепиться чем Бог послал. К востоку от Кузьминой тракт был относительно свободен, и части, вовремя проскочившие пробку в Кузьминой, на рысях подкатывали к Красному Яру. Очевидно было, что корнем всех бед и напастей была пробка в этой злополучной деревне, что явилось результатом абсолютного отсутствия управления со стороны высших штабов.

Оставив в нужных местах на дороге маяки, я лесной тропой обошел деревню Кузьмину справа и, выйдя южнее ее к мельнице, остановил полк на ночлег. В течение ночи подобрались и остальные. В колонне под Кузьминой мы оставили только несколько подвод с самым необходимым грузом, причем начальник хозчасти капитан Бухалов лично остался с ними, обещая дотянуть их до Красного Яра во что бы то ни стало. Свою задачу он выполнил блестяще благодаря своей находчивости сибиряка и настойчивости.

Наутро мы бодро выступили в поход и без особых задержек, но усталые и разбитые к вечеру вошли в большое и богатое село Красный Яр. У ворот поскотины этого села можно было наблюдать забавную картину, напоминавшую базар или ярмарку. Множество людей толпилось у костров и выкрикивало названия своих частей, собирая таким образом своих отсталых из подходящей колонны.

Дневка в Красном Яру дала нам возможность собраться, обогреться и привести в порядок расстроенные ряды и хозяйственную часть. Потеряли мы много подвод и материальной

части из запасов вооружения и снаряжения. Впереди в боях мы могли рассчитывать только на то, что вынесли на себе: винтовки, некоторый запас патронов и несколько пулеметов. О продовольствии и транспортных средствах беспокоиться особенно не было смысла, так как мы знали о богатстве сел и деревень Мариинского уезда, а денежный сундук с миллионами сибирок начхоз капитан Бухалов спас и вывез в сохранности.

Барнаулец
Ледяной поход 3-го барнаульского стрелкового полка (северный путь) [115]

9 декабря 1919 года после упорного боя с превосходящими силами противника 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в составе Барнаульской группы оставил город Барнаул и отступил на станцию Алтайская. Здесь предполагалось задержаться до установления связи со штабом 3-й армии, которому подчинялась группа, находившимся где-то около города Ново-Николаевска. Однако прерванная связь не восстанавливалась, и 12 декабря под натиском противника была очищена и станция Алтайская. Барнаульский полк начал свой «Ледяной поход».

Первый серьезный бой после оставления ст. Алтайская полку пришлось принять на другой же день у деревни Усть-Тальменки. Когда первые роты полка вошли в деревню, с другой стороны в нее входил 229-й советский полк и части 230-го советского полка. В то же время с севера, востока и юга надвигались красные партизаны. В происшедшем бою 229-й советский полк был разбит и, понеся крупные потери, отступил из деревни. Партизаны, наступавшие с севера и пытавшиеся перерезать линию железной дороги, были рассеяны, а подходившие с востока и юга атаковать деревню не решились.

Блестящий результат боя не выводил, однако, группу из тяжелого положения, в которое она попала вследствие отсутствия связи с Ново-Николаевском и порчи железной дороги красными бандами. Нечего было и думать об использовании поражения противника, который, видимо, концентрировал силы для окружения группы. Приходилось изменять принятое вначале решение идти на север, и вся группа, оставив железную дорогу, повернула на северо-восток.

Бой под городом Красноярском задержал полк, и при дальнейшем следовании сначала вниз по Енисею, а потом по реке Кан полк оказался в хвосте армии. Постоянные ночлеги под открытым небом, недостаток хлеба и фуража, как следствие прохождения впереди целой армии, – все это, осложнявшееся сравнительной многочисленностью полка, вынудило командование в лице начдива 1-й Сибирской полковника Камбалина и комполка Барнаульского капитана Богославского соединиться с 11-м Оренбургским казачьим полком и, образовав, под общим командованием генерал-майора Сукина,

самостоятельную колонну, двинуться от села Бол. Балчуг отдельно от остальной армии на север.

Узнав о движении колонны к северу, красное командование так называемым Тасеевским фронтом решило преградить единственную проходившую через тайгу дорогу у деревни Яковлевки. Однако ни прекрасная позиция, усиленная окопами, ни пулеметы, подкрепленные артиллерией и бомбометом, не помогли красным задержать движение колонны, и 14 января, после упорного боя, они принуждены были очистить деревню и отойти на Тасеево.

Бой под Яковлевкой освободил дорогу на реку Ангару. Величественная река с дремучей тайгой на скалистых берегах, утомительно-однообразные переходы в продолжение почти целого месяца без дневок, несколько стычек с красными, поворот на реку Илим, перевал через водораздел на реку Кут и, наконец, река Лена. Занятие села Усть-Кутского поставило перед командованием вопрос о выборе направления для дальнейшего движения. По полученным от жителей и случайно находимых газет сведениям движение на город Иркутск не сулило ничего хорошего. Представлялось выбирать между направлением на город Якутск вниз по реке Лене, на город Киренск с дальнейшим движением вверх по реке Киренге в обход озера Байкал или же вверх по Лене на город Верхоленск с дальнейшим движением через озеро Байкал. После продолжительного обсуждения было выбрано направление на город Верхоленск. Иркутское красное командование, делавшее неудачные попытки задержать колонну еще на реках Ангаре и Илиме, решило дать серьезный отпор надвигавшимся «белым» у деревни Грузновской, где им было сосредоточено до 700 человек при нескольких пулеметах.

22 февраля, после переговоров, во время которых наше командование предлагало красным пропустить колонну без боя, а красные требовали сложения оружия, в деревне Грузновской произошел бой, окончившийся полным поражением красных. По собственным донесениям красного командования, опубликованным и в телеграмме Верхоленского исполнительного комитета от 24 февраля, красные потеряли в этом бою более 300 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен, потери же барнаульцев исчислялись всего двумя ранеными.

Блестящий успех под деревней Грузновской открывал дорогу для дальнейшего движения вверх по реке Лене. В то же время перехваченные донесения и телеграфные разговоры противника указывали на решимость красного командования задержать колонну во что бы то ни стало, для чего с разных направлений стягивались значительные силы. Надо было спешить, и, отпустив

пленных, колонна, не задерживаясь в Грузновской даже на ночлег, продолжала движение.

Занятие села Жигалова, успешный бой под городом Верхоленском, где барнаульцы похоронили павшего в бою одного из храбрейших офицеров полка поручика Першина, и, под угрозой встречи у села Качугского с крупными силами противника, поворот в тайгу.

Между тем занятие Жигалова и Верхоленска заставило красных забить тревогу в самом городе Иркутске. Сильный отряд в 2000 штыков с большим количеством пулеметов и мадьярской кавалерией, под общим командованием Карандашвили, тщетно прождав северную колонну у села Кагучи и узнав о ее движении через тайгу к истокам Лены, быстрым движением занял лежавшую на пути колонны деревню Бирюльку. Тяжелый бой с подавляющим численностью противником, осложненный незнанием местности, вынудил генерала Сукина отклониться от прямого пути к озеру Байкал и поставил вопрос о движении в обход Байкала с севера. Однако предложение одного из крестьян провести отряд к Байкалу, минуя занятую противником деревню Бирюльку, решил вопрос о движении колонны прямо на юг.

Предстояло совершить 110-верстный переход без дороги по тайге, горным перевалам и истокам рек. Так как единственный способ передвижения был верховой, то всех не бывших в состоянии сидеть на лошади, больных и тяжелораненых пришлось оставить с фельдшером (врачей не было) в последней деревне. Тяжелые минуты расставания пережили уходившие; еще тяжелее, вероятно, было остававшимся…

Потянулась бесконечная тайга. Люди, не отдыхавшие несколько суток и выдержавшие тяжелый бой у Бирюльки, спали или галлюцинировали, сидя в седлах. Лошади падали от голода и усталости, но, как будто чувствуя, что от них зависела жизнь всадника, поднимались и шли снова. Наконец, после 180-верстного перехода с остановками на несколько часов, открылся Байкал. И люди, и животные, как будто понимавшие психику своих владельцев, воспрянули духом. После ночлега на берегу в бурятской деревне отряд в один день делает 110-верстный переход по льду озера Байкал к деревне Усть-Баргузинской. Однако надежда на то, что за Байкалом не будет красных, не оправдалась, и под городом Баргузином барнаульцам и оренбуржцам снова пришлось выдержать бой с загородившим дорогу противником. Кавалерийский обход решил судьбу боя, и противник, поспешно очистив город Баргузин, бежал в разные стороны. Предстояло движение на город Читу, так как, по сведениям жителей, Верхнеудинск был уже в руках красных.

Больные и раненые не позволяют уже рисковать снова сталкиваться с бандами, и потому командующий колонной решается снова идти на Читу прямым путем без дороги.

Восьмичасовой отдых в городе Баргузине, ночлег в селе Бадон и поворот прямо на юг. Немногие малодушные перед последним испытанием не выдерживают и остаются в селе Бадон. Это – не привыкшие к тайге оренбуржцы. Теперь отряду дорогой служили замерзшие речки, сначала река Илийка, потом река Кичмей и река Витим. Причудливые горные массивы, сдавившие речку, замерзшие водопады и пороги, сверкающие на солнце миллионами оттенков глыбы льда представляли бы чарующую картину для всякого туриста, но отряду с измученными лошадями, испытывавшему недостаток в фураже и останавливавшемуся на короткие двухчасовые привалы под открытым небом, приходилось тяжело. Только через три дня пути без остановок на ночлег, не видя человеческого жилья даже издали, достигли реки Витим с первыми стогами сена и бурятскими поселками. Поход облегчался. От бурят получили сведения о наличии в районе города Читы правительственных войск. Это подняло дух даже самых слабых и позволило отряду продолжать безостановочное движение до самой Читы.

14 марта северная колонна под командой генерал-майора Сукина подошла наконец к городу Чите и барнаульцы закончили свой исключительный по тяжести Ледяной поход.

Ф. Пучков [116]
8-я камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе [117]

Своеобразные и значительные события, известные под общим названием Сибирского Ледяного похода, отходят в даль времени, не получив должного освещения. Между тем эта красивая и яркая страница истории Гражданской войны заслуживает, по справедливости, быть отмеченной и сохраненной в памяти тех, кому дорого все, что связано с именем Русской армии. Разбитые и гонимые, остатки сибирских, уральских и волжских частей проявили исключительную стойкость, величие духа и непримиримость к врагам Родины, достойную лучших представителей великой нации. Те неисчислимые лишения и страдания, кои выпали на долю несчастной и героической армии, едва ли имеют равное во всей мировой военной истории. Зимний поход остатков армии адмирала Колчака по справедливости получил эпитет легендарный; в этой оценке похода сходятся одинаково и друзья и враги Белой армии.

Но какие бы легенды ни рассказывались о Сибирском Ледяном походе, они не воздадут должного участникам его в той мере, как это сделало бы законченное и беспристрастное описание событий конца 1919-го и начала 1920 года. Между тем, несмотря на весь интерес к походу, до сего времени не появилось не только законченного описания всего похода, но даже отдельных, наиболее значительных эпизодов его. Как нам кажется, причина заключается прежде всего в отсутствии документов, относящихся к истории похода. В своеобразной обстановке похода часто не было ни времени, ни возможности отдавать письменные распоряжения, а зачастую просто не было бумаги. По той же причине никто не мог вести систематической записи событий. Наконец, то немногое, что имелось на бумаге, оказалось в большинстве утерянным при бесконечных окружениях и прорывах. Кроме того, весь поход протекал в обстановке исключительно сложной и запутанной, при большом количестве крупных и мелких частей, принимавших участие в боях и передвижениях, зачастую без всякой связи между собой и без общего руководства. Поэтому даже детальные записи о действиях какой-либо отдельной части не дали бы полной картины событий.

Позволительно усомниться, чтобы теперь, много лет спустя после окончания похода, возможно было восстановить всю историю его в целом. Представляется поэтому крайне важным

записать хотя бы то немногое, что еще остается в памяти участников похода, и таким путем сохранить этот единственный в своем роде эпизод из истории Русской армии для последующих поколений.

В основу предлагаемых воспоминаний положены: 1) краткие повседневные пометки в записной книжке автора, отмечавшие пунктуально места ночлегов 8-й Камской стрелковой дивизии и наиболее существенные события; 2) несколько подлинных приказов по 2-й армии и 2-му Уфимскому корпусу; 3) копии трех донесений о состоянии частей дивизии в конце 1919 года; 4) краткие, отрывочные записи двух участников похода; недостающее восстанавливалось по памяти. Все приводимые даты, названия пунктов, имена участвовавших лиц и частей совершенно достоверны. Не претендуя на законченность описаний, автор воспоминаний стремился быть по мере сил точным и беспристрастным, полагая в этом лучший путь воздать должное участникам героического похода.

От Тобола до Щегловской тайги

До настоящего времени не установлено, откуда считать начало Ледяного похода; все сходятся лишь на том, что поход закончился переходом через Байкал, хотя боевые невзгоды армии продолжались еще долгое время спустя. Но откуда вести начало? В сущности, мало кто задавался вопросом, что именно сделало зимний поход через Сибирь «Ледяным», какие тягости и невзгоды дали ему это своеобразное название, ибо было бы совершенно неправильным брать в основание этого только одни климатические признаки. Физические трудности, встреченные армией на ее скорбном пути – суровый климат, огромные расстояния, недостаток, а часто и полное отсутствие питания и крова, плохая одежда, – отнюдь не все, и даже не главное.

В зимнюю кампанию 1918–1919 годов, на предгорьях Урала, армия была одета много хуже и страдала от морозов больше, однако никому не пришло на мысль назвать уральские походы «ледяными». В Сибирском походе, наряду с физическими, на армию пали тяготы иного порядка, неизмеримо труднейшие. Армия оказалась в исключительно тяжелых стратегических и моральных условиях. В конце 1918 года молодая армия опиралась на огромный, богатый и достаточно обеспеченный тыл; ее операции протекали в родных, дружески настроенных районах; силы ее росли с каждым днем, а вместе с ними крепла и надежда, что новая, национальная власть станет прочно на ноги и успешно

справится с огромной задачей по освобождению Родины.

Конец 1919 года армия встретила в совершенно иных условиях. Потерпев полную неудачу в осенних боях на Тоболе и Иртыше, разбитая армия оказалась окруженной разбушевавшейся враждебной стихией – восставшим против нее сибирским населением; дезорганизация армейского механизма росла с каждым днем и грозила похоронить в собственных развалинах оставшееся крепким и стойким основное добровольческое ядро армии; единственная железная дорога оказалась в исключительном распоряжении враждебно настроенных к армии чехов; власть распылилась, старшее командование временно выпустило управление из рук, и несчастная масса, лишенная базы и снабжения, потерявшая всякую надежду на помощь извне, должна была сама искать пути из безвыходного положения. И все это на фоне горького сознания колоссального краха, несбывшихся надежд и полной своей беспомощности. Армия шла в обстановке, леденившей не только тело, но и сердце, когда даже истинно мужественные люди сознательно искали смерти в бою или убивали себя, предоставляя друзей и подчиненных их собственной участи.

Разумеется, к этому положению пришли не сразу. Могучая армия, потрясавшая все здание советов и ставшая надеждой миллионов русских людей, не могла развалиться за один день: она умирала с честью, после бесконечного ряда наступательных и арьергардных боев и изнурительных походов, умирала медленно, отбиваясь как смертельно раненный, но еще грозный лев. Был, однако, рубеж, по времени и пространству, который положил резкую грань между двумя периодами, когда катастрофическое положение армии стало ясным для всех, когда рушились окончательно надежды даже у наиболее неисправимых оптимистов. По времени это был декабрь 1919 года, по месту – Щегловская (Мариинская) тайга; с этим связан и окончательный распад белой государственности, и развал вооруженных сил, обратившихся из армии с прочной нормальной организацией в некоторое подобие партизанского отряда.

* * *

Блестящее наступление на Тобол в сентябре 1919 года и последующая оборона реки в октябре были лебединой песней 8-й дивизии[118], как и всей армии вообще. Ряд энергичных мер, и особенно поголовное вступление сибирского казачества, вызвали временный подъем в настроении утомленных бойцов, и успех

вновь – в последний раз – улыбнулся умирающей армии. Однако чрезвычайное напряжение подорвало последние моральные силы армии и вызвало огромные потери. По свидетельству бывшего командующего 3-й армией генерала Сахарова, 2-й Уфимский корпус[119]потерял в Тобольской операции около 9 тысяч человек. Львиная доля этих потерь пала на 8-ю дивизию, выполнявшую наиболее сложные и ответственные задачи; в эти тяжелые дни в боях пало не менее половины состава дивизии. На Тоболе наступление армии замерло и вскоре сменилось отходом. В оборонительных боях на Тоболе, в половине октября, дивизия дралась еще с обычной стойкостью и упорством. Впоследствии мне пришлось прочесть воспоминания красных командиров, пытавшихся прорваться на участке дивизии, и я с чувством запоздалого удовлетворения убедился, как дорого стоили им эти безуспешные попытки. Только общий отход армии вызвал очищение линии реки Тобола и 8-й дивизией. Но уже через несколько дней, 22 октября, у деревни Камышной дивизия побежала без всяких видимых причин. Предел сопротивляемости был перейден; требовались энергичные меры для спасения частей и хотя бы частичного восстановления их боеспособности. После моих настоятельных ходатайств в конце октября дивизия была отведена в резерв 3-й армии, получила несколько рот пополнения из мобилизованных Акмолинской области, но фактически не имела почти ни одного дня отдыха: фронт безостановочно катился на восток, вынуждая нас к ежедневным передвижениям по невылазно грязным дорогам.

В начале ноября произошла смена главнокомандующих армиями. Генерал Дитерихс, не считавший возможным при создавшихся условиях защищать город Омск, вынужден был оставить свой пост. Его место занял командующий 3-й армией генерал Сахаров, давший адмиралу Колчаку обязательство отстоять линию реки Иртыша, а с нею и город Омск. К этому времени фронт находился уже восточнее реки Ишима, всего в нескольких переходах от Иртыша. Новый главнокомандующий решил бросить на усиление отходящего фронта все, что возможно. Это решило участь 8-й дивизии: сомнительный отдых был прерван, и 8 ноября дивизия получила приказ о передаче ее в распоряжение командующего Волжским корпусом генерала Каппеля. Последовал ряд тяжелых арьергардных боев, но неотвратимое свершилось: 14 ноября Омск был занят красными.

* * *

Падение Омска предрешило конец Белого движения в Сибири. Власть оказалась застигнутой врасплох, без всякого плана на этот случай, распылилась на огромном пространстве от Ново-Николаевска до Иркутска и фактически перестала существовать. Вся территория от Омска до Байкала фактически выпала из рук, чему больше всего способствовала невозможность пользоваться железной дорогой, забитой бесчисленными эшелонами, а к востоку от Ново-Николаевска фактически захваченной чехами для своей эвакуации на родину. Тяжелое положение белой власти и армии окрылило надежды всех враждебных им элементов. По всему огромному тылу сразу же усилилось партизанское движение, а в городах начались организованные выступления левых групп интеллигенции и рабочих, сумевших увлечь за собой малонадежные гарнизоны городов и даже части 1-й армии, отведенной в конце октября на укомплектование в район Ново-Николаевск— Томск – Красноярск.

Верховный Правитель, со Ставкой и золотым запасом, медленно двигался на восток, делая иногда ненужные остановки, пока, наконец, не оказался затертым в веренице эшелонов, оторванный и от совета министров, и от армии, быстро отходившей на восток. К концу ноября управление страной перестало существовать. С этим совпало резкое изменение в отношениях между союзниками и правительством адмирала Колчака, вызванное прежде всего столкновением интересов в использовании железной дороги. Чешский корпус находился в полном движении на восток. 20 тысяч занятых им вагонов растянулись бесконечной линией от Ново-Николаевска до Забайкалья. Будучи фактическими хозяевами дороги, чехи не допускали движения русских эшелонов, делая исключение только для поездов Правителя. Все наличные паровозы оказались в их руках; немногие оставшиеся в распоряжении русской администрации отбирались силой, а беженские эшелоны и санитарные поезда оставлялись на пути, по маленьким станциям и разъездам, без воды, топлива и пищи. Наиболее трудным для прохождения по железной дороге оказался район станции Тайга, где выходили на магистраль многочисленные эшелоны 2-й чешской дивизии, расквартированной в районе Томска. Все русские эшелоны, оказавшиеся к этому времени западнее ст. Тайга, оказались обреченными на гибель. Особенно трагично было положение санитарных поездов и эшелонов с семьями офицеров и солдат, перевозимых на восток из района Омска, Ново-Николаевска и Барнаула. Эвакуация Омска, неоднократно начинавшаяся, по разным причинам откладываемая, безнадежно

запоздала. Огромные запасы, частично уже вывезенные на восток и вновь возвращенные, почти полностью были брошены в Омске и достались красным.

Для сентябрьского наступления на фронт было двинуто все пригодное к бою, и ко времени падения Омска в тылу надежных русских частей почти не было. В октябре, распоряжением генерала Дитерихса, 1-я армия была снята с фронта и размещена по городам вдоль магистрали, от Ново-Николаевска до Канска. Мера, разумная сама по себе, оказалась трагически неудачной: 1-я армия давно уже подтачивалась умелой пропагандой, которую не умел или не хотел остановить исключительно непригодный командный состав. За единичным исключением, части 1-й армии вскоре оказались увлеченными общим мятежом тыла, нанеся отходящей армии последний и наиболее тяжкий удар.

В эти дни наиболее трагические сцены разыгрались вдоль полотна великого Сибирского пути, где гибли брошенные русские поезда. Все, кто мог двигаться, с подходом красных разбегались по соседним деревням или вслед за уходящей армией. Но огромная масса больных и раненых, неспособных двигаться и совершенно раздетых, замерзала целыми эшелонами. То, что творилось в этих обреченных поездах, является, несомненно, одной из страшных страниц Гражданской войны. Даже всегда равнодушные к чужим страданиям красные вожди не скрывали своего ужаса при виде тех картин, кои представились им в этих передвижных кладбищах.

* * *

А мимо них спешно проходили части армии, бессильные оказать какую-либо помощь. Потерпев поражение на линии реки Тобола, 2-я и 3-я армии безостановочно отходили на восток, задерживаясь лишь для коротких, изнурительных арьергардных боев. Главное командование требовало упорной обороны, вначале для защиты Омска, а после сдачи его – для прикрытия эвакуации. Регулярная Красная армия вела энергичное преследование, наступая главным образом вдоль железной дороги и в стоверстной полосе к югу. С отходом на правый берег Иртыша армии вступили в сферу действия партизанских отрядов. Базой и центром сосредоточения партизан являлся огромный треугольник Камень – Барнаул – Славгород, откуда производились налеты в сторону магистрали, к Семипалатинску и на Алтайскую железную дорогу. Здесь действовала целая партизанская армия, разделенная на четыре корпуса, насчитывавшая в своем текучем

составе от 40 до 75 тысяч бойцов. Их до дерзости смелые налеты оказались наиболее чувствительными для 3-й армии и Степной группы, отходивших южнее железной дороги; однако и в непосредственной близости от магистрали тыл был насыщен партизанами. В районе Татарска, в непосредственном тылу сибирской столицы, штаб 8-й дивизии провел одну ночь в хате, откуда только что ушел штаб 9-го революционного полка с каким-то странным местным названием. В этот период оказались разгромленными несколько войсковых штабов, сильно пострадала часть обозов, а 8-я дивизия потеряла целиком одну из батарей, отведенную в тыл вследствие порчи орудий и ночевавшую в 20 верстах за штабом дивизии. Дрались зачастую на все стороны, спокойных ночлегов больше не было.

Остатки 2-й армии отходили вдоль железной дороги значительно спокойнее, но здесь сильнее чувствовался нажим регулярных красных частей. Обе армии несли огромные потери, особенно от болезней. Уже в этот период началось отсеивание от частей всех ненадежных элементов, отставáвших на походе или переходивших на сторону красных. Снабжение расстроилось полностью. С потерей Омска исчезли ближайшие к армии склады боеприпасов, продовольствия и одежды, а вместе с ними сразу же перестали действовать армейские органы снабжения. Все, что оставалось в глубоком тылу, оказалось прочно отрезанным от армии великим хаосом на железной дороге: ни один поезд на запад не был пропущен чехами. Та же участь постигла и санитарные учреждения, что вынудило таявшие части везти своих многочисленных больных и раненых при войсковых обозах. Ближайший армейский тыл оказался до крайности загроможденным огромными обозами своих и чужих частей, иногда уже переставших существовать, армейских учреждений и даже отделов Ставки, не погруженных в поезда. Все это теперь шло в хаотическом беспорядке, без плана и часто без приказов, поедая все на своем пути и до крайности затрудняя довольствие строевых частей.

Чтобы дать некоторую иллюстрацию состояния армии, приведу сущность моих донесений о состоянии 8-й дивизии во второй половине ноября 1919 года: «В составе Волжского Корпуса 8-ая дивизия оставалась десять дней и за это время была использована в полной мере, как было принято в отношении чужой части, оказавшейся к тому же численно сильнее всего Волжского корпуса. Дивизия выполнила ряд сложных ответственных задач, дважды совершала фланговые марши по 20–25 верст, упорно и добросовестно оборонялась при общем, иногда, казалось, беспричинном отходе слева и справа. Штаб

корпуса, видимо, не любил сложных и неприятных забот о тыле, и снабжение вконец расстроилось. Передвигаясь чисто по-кавалерийски в бедно населенной степи, дивизия потеряла связь с обозами, мокла, голодала и холодала, неся огромные потери в боях и еще большие от болезней. Все сибирское пополнение в первых же боях осталось у красных, обстреливая иногда, при сдаче, своих. Потери в полках достигли от $^1/_3$ до $^2/_3$ боевого состава; одно время оставалось по 150–200 боеспособных людей на полк. Больных и раненых мы вынуждены были оставлять при частях, так как никто не желал отправляться в тыл, особенно после очищения Омска, когда стало известно, что часть госпиталей брошена, а санитарные поезда не двигаются… Подача продовольствия из тыла остановилась; вагонная хлебопекарня, обслуживавшая дивизию, была брошена в Омске, заготовить же хлеб своим попечением интендантство дивизии не могло, даже при условии обеспечения мукой, так как огромные обозы корпусов, армейских учреждений и бесчисленных отрядов всяких наименований при своем движении пожирали все, как саранча. Дошло до того, что я вынужден был отправить 32-й Прикамский полк к обозам 2-го разряда, чтобы обеспечить хозяйственные заготовки силой. Отпуск денег прекратился, и части жили реквизициями или мародерствовали… Конский состав к наступлению зимы оказался неподкованным, и небольшое число здоровых лошадей в конных командах шли на сбитых подковах, чаще в поводу. В артиллерии лошади шли из последних сил, и мы опасались, что орудия придется бросить. К тому же, расстреляв весь свой запас снарядов и не получая пополнений из тыловых парков, артиллерия оказалась в положении ценного, но бесполезного груза, требовавшего постоянных о себе забот и прикрытия…»

«Настроение в частях дивизии резко упало. Рядовые офицеры и даже стрелки, научившиеся за время Гражданской войны оценивать события по достоинству, недоумевали, почему так настойчиво требовалось упорство в арьергардных боях и что мы могли прикрывать при отходе, когда все ценное, и даже больные и раненые, были брошены в Омске, а за нами укрывались бесконечные обозы, скорее вредные, нежели полезные для нас, да несколько слабых, малонадежных дивизий, отведенных в тыл на укомплектование. Создавалось впечатление, что лучшие добровольческие дивизии и наиболее крепкие казачьи части были умышленно оставлены на фронте на избиение. Начался ропот, появилась трещина в отношениях между офицерами и стрелками, чего не было за все время существования дивизии. Хроническое недоедание, переутомление и крайняя нервная напряженность

привели к тому, что ночью части перестали принимать бой. Днем, однако, держались по-прежнему упорно, доходя иногда до рукопашного боя; так, командир 29-го Бирского полка был ранен сабельным ударом в голову»…

С отходом в район озера Чаны, когда окончательно установился санный путь, части не замедлили использовать богатый опыт предыдущей зимней кампании, когда все передвижения делались на санях. Теперь, когда численный состав полков дошел до минимума, сделать это было легче, и никто не пытался остановить реквизицию саней и конского состава, ибо силы людей окончательно истощились. Вскоре все оказались на санях, и отход пошел значительно быстрее. От Тобола до Иртыша фронт отходил со средней скоростью 10 верст в сутки, от Иртыша до Оби 12–13 верст, а от Оби до Томи 25–28 верст, причем отдельные суточные переходы доходили до 45 верст. Последний период совпал, однако, с коренным изменением планов командования армиями и оценки им обстановки. Необходимо сказать об этом несколько слов.

* * *

В начале ноября 1919 года главное командование армиями перешло в руки генерала Сахарова. Большой оптимист по характеру, генерал Сахаров всегда расценивал обстановку в розовых тонах и ставил армиям и корпусам явно непосильные задачи. Таким он был на посту командующего 3-й армией и таким же остался в роли главнокомандующего. Не отрезвила его и позорная оборона Омска, коей он обязался перед Верховным Правителем. Полагая, очевидно, возможным восстановить боеспособность армий простым приказом, генерал Сахаров, перед лицом катастрофического их состояния, продолжал носиться с идеями «решительных ударов» и достижения «конечных успехов». Конкретно, план генерала Сахарова к началу декабря сводился к тому, чтобы сосредоточить сильную ударную группу в районе Томск – Колывань – Ново-Николаевск и нанести сокрушающий удар по преследующим красным частям, отбрасывая их к югу от железной дороги; начало наступления приурочивалось к середине декабря. В ударную группу предполагалось включить всю 1-ю армию и еще несколько дивизий, заблаговременно отводимых в район сосредоточения. Одновременно намечался ряд мер по очистке и оздоровлению глубокого тыла, а также по усилению строевых частей путем привлечения в строй всех здоровых и боеспособных офицеров и солдат. Разумеется, план этот не имел

ни малейших шансов на выполнение. Не располагая железной дорогой, генерал Сахаров не мог бы доставить в район сосредоточения не только 1-ю армию, растянутую на восток от Канска, но вообще ни одного стрелка и ни одного вагона груза. Не смог бы он также снять заблаговременно ни одной дивизии с фронта, втянутого в непрерывные и изнурительные арьергардные бои. Фактически, к этому не пытались даже приступить.

По непонятным причинам оптимизм главнокомандующего разделялся в значительной мере командующим 2-й армией генералом Войцеховским, коему со второй половины ноября был подчинен 2-й Уфимский корпус. Исполняя определенные указания главнокомандующего, генерал Войцеховский в начале декабря отдал приказ о реорганизации армии, сущность коей сводилась к свертыванию всех корпусов в дивизии, дивизий в полки и т. д. Предполагалось таким образом уничтожить большую часть обозов и расформировать массу штабов. Проект этот, выдвигавшийся и раньше, имел в основе разумные мысли, но в обстановке беспрерывного и спешного отхода армии был совершенно невыполним. Кроме того, приказ оставлял в рядах армии совершенно разложившиеся, небоеспособные части, расценивая их наравне с крепкими добровольческими полками, в то время как обстановка ясно подсказывала необходимость опереться на немногие уцелевшие части, собирая около них все здоровые элементы. Позднее именно к этому привела сама жизнь. Необходимо было также сосредоточить внимание на полном расформировании многочисленных мелких отрядов и обозов уже исчезавших частей, армейских учреждений и штабов без войск. В этом духе мною был представлен подробный доклад, с коим командующий 2-м корпусом согласился и поручил мне изложить его основные пункты лично командующему 2-й армией.

Утром 4 декабря я оставил дивизию в районе деревни Ярки и к вечеру 8-го добрался до Ново-Николаевска, где в это время находился штаб 2-й армии. Здесь я нашел обстановку, в корне измененную событиями последних дней. Накануне штаб 2-й армии и генерал Войцеховский были арестованы взбунтовавшимся гарнизоном Ново-Николаевска, состоявшим из трех полков 1-й Сибирской дивизии. Это было первое из серии выступлений частей 1-й армии, шедших под лозунгом «война Гражданской войне». Благодаря своевременному вмешательству Польской дивизии восстание было быстро ликвидировано, командующий 1-й дивизией полковник Ивакин арестован и на другой день был убит при попытке бежать. 9 декабря на ст. Тайга командующий 1-й армией генерал Пепеляев арестовал генерала Сахарова и предъявил адмиралу Колчаку требование о смещении

его с поста главнокомандующего.

Адмирал настоял на немедленном освобождении генерала Сахарова, но вынужден был согласиться на отрешение его от должности. Главное командование было вручено генералу Каппелю, после того как генерал Войцеховский отказался принять это назначение.

Мой доклад генералу Войцеховскому значительно поколебал его оптимизм в оценке состояния частей армии и связанных с этим возможностей. Генерал Войцеховский в конце уже склонен был согласиться, что невозможны никакие наступательные операции с расстроенными частями, без огнеприпасов и налаженного снабжения, что необходим спешный отвод в глубокий тыл большинства частей и полная реорганизация их в спокойной обстановке, при условии успешного задержания красных на каком-либо удобном рубеже. Что же касается переформирования частей, генерал Войцеховский согласился отложить выполнение его приказа до более удобного момента. Признавая, что переформирование на ходу – чрезвычайно сложная операция, генерал Войцеховский привел для иллюстрации любопытный факт: чтобы облегчить тяжелую задачу расформирования мелких отрядов и бесконечных обозов несуществующих частей и учреждений, был отдан приказ о спешном отводе в тыл 1-й кавалерийской дивизии, коей поручалось, заняв пути отхода, задерживать и силой расформировывать всех, к этому предназначенных. Однако кавалерийская дивизия оказалась не в силах выполнить поставленную ей задачу, так как не смогла отделиться от фронта и выиграть необходимое пространство: отходящая на санях пехота не отставала от своей кавалерии, шедшей на переутомленных лошадях.

Вечером 12 декабря я возвратился к дивизии, найдя штаб в одном переходе от Оби. Мы подошли вплотную к тому рубежу, откуда по плану генерала Сахарова предполагалось начать наступление. Новый главнокомандующий оценил, однако, обстановку более трезво, поняв, что 1-я армия совершенно ненадежна, а 2-я и 3-я слишком расстроены.

15 декабря в Мариинске генерал Каппель отдал приказ № 778, в котором, признавая неготовность армий к наступлению и враждебное отношение населения западнее Оби, указал отвести армии за линию реки Золотой Катат, к востоку от Щегловской тайги. В частности, на 1-ю армию возлагалась задача, прикрывая частью сил направление Томск – Ичинское через северную часть тайги, все остальные силы немедленно сосредоточить в районе железной дороги, дабы запереть узкие дефиле – выходы из тайги

– на главном направлении, пропустив здесь части 2-й армии. Эта последняя, по проходе линии реки Золотой Катат, направлялась спешно в район Ачинска, в распоряжение главнокомандующего. 3-я армия должна была закрыть выходы из тайги к югу от железной дороги, отправив заблаговременно на указанный рубеж свои резервы. Считаясь с истощением боеприпасов, разрешалось оставить при дивизиях лишь минимальное количество орудий, отправив всю остальную артиллерию в тыл.

Рубеж, избранный для задержания победоносного движения красных, был исключительно удачен и при некоторой боеспособности армий, особенно первой, давал все возможности на успех. Однако приказ главнокомандующего безнадежно запоздал; штаб его не принял никаких мер, чтобы облегчить и ускорить прохождение лесистой полосы, и тайга, вместо защиты, погубила армию.

Щегловская тайга

Щегловская тайга, преграждавшая все пути отхода армий непрерывной стеной, начинается в тундре севернее Томска и тянется сплошной стеной на юго-восток, до слияния с обширными Алтайскими лесами. Ширина тайги, в границах между рекой Томь на западе и рекой Золотой Катат на востоке, равняется примерно 60–80 верстам. Почти на всем протяжении это девственный лес, растущий на пересеченной местности, сплошь заваленный гигантским валежником, а ко времени подхода армий – покрытый глубоким снегом. Глядя на эту страшную чащу огромных осин и сосен, не мыслилось, чтобы вне дорог возможно было движение даже опытных лыжников, не знакомых с каждой складкой местности. Находившиеся в нашем распоряжении карты, устаревшие и неполные, указывали только два пути поперек тайги: железнодорожную магистраль и так называемый Большой Сибирский тракт, уходивший далеко на север, на Томск – Ичинское, фактически вне полосы отхода армий; естественно, это обстоятельство не могло не вызвать чувства острой тревоги за судьбу армий, особенно 3-й, сдвинутой далеко на юг для прикрытия района Бийск – Барнаул. С подходом к тайге выяснилось, однако, наличие еще одного хорошего пути поперек тайги и нового переселенческого тракта, начинавшегося в 17 верстах севернее города Щегловска и выходившего к деревне Золотая Горка на реке Золотой Катат. Имелась, кроме того, продольная дорога от ст. Тайга к деревне Дмитриевке, на Щегловском тракте, и несколько коротких подъездных дорог

чисто местного значения. Полотно дорог, узкое, слегка поднятое и окопанное канавами, допускало движение в две повозки; однако узкие мосты, пропускавшие в большинстве не более одной повозки, уничтожали все выгодные стороны широкого полотна дорог. Две огромных и непрерывных стены леса, сопровождавшие дороги на всем их протяжении, обращали пути движения в узкие дефиле, не допускавшие совершенно никаких обходных движений; защита их была возможна самыми малыми силами пехоты с пулеметами, богато снабженными патронами. Вдоль главных путей разбросано несколько мелких переселенческих деревушек, не дававших проходящим частям ни крова, ни продовольствия для людей, ни фуража для непомерно большого конского состава.

Крайняя бедность путей и их свойства чрезвычайно облегчали задачу, возложенную генералом Каппелем на 1-ю и 3-ю армии. Оборона выходов из тайги на восток сводилась к преграждению двух-трех узких дефиле и требовала минимального расхода сил, при условии заблаговременной подготовки обороны и богатого снабжения пехоты огнеприпасами. Остановка на этой линии, особенно продолжительная, сулила армиям огромные выгоды: столь необходимый отдых, реорганизация, устройство тыла, хотя бы частичное, – и тогда положение резко изменилось бы к лучшему. Даже короткая задержка, при плачевном состоянии армий, являлась бы огромным выигрышем. Однако предварительно предстояло выполнить сложнейшую операцию: провести армии, с их гигантскими обозами, через тайгу по двум узким коридорам, длиною в 60–80 верст. Никакой подготовки к быстрому и безболезненному проходу на восток сделано не было. Огромная и разношерстная масса обозов и мелких частей подходила к западным выходам из тайги, не подозревая, что она собой представляет. Не было сделано ничего даже для информации крупных строевых соединений, хотя имелись довольно полные и свежие карты, изданные переселенческим управлением. Впоследствии из бесед с участниками похода я вывел заключение, что приказ генерала Каппеля № 778 о защите выходов из тайги или совсем не дошел до 3-й армии, или же застрял в штабе этой последней – в корпусах о нем не подозревали.

По приказу № 778 2-я армия, в состав коей входил 2-й Уфимский корпус, должна была пересечь тайгу вдоль железной дороги, для 3-й предоставлялся Щегловский переселенческий тракт. Предполагалось, что все передвижения 1-й армии будут закончены заблаговременно, до подхода к тайге частей фронта.

* * *

Двигаясь безостановочно в своей полосе вдоль железной дороги, 8-я дивизия перешла реку Томь у деревни Большая Подьяковка вечером 21 декабря, втянулась в разреженную здесь тайгу и ночевала в небольшой деревушке Барановке. Отсюда, по приказу, предстояло свернуть круто на северо-восток, чтобы выйти к железной дороге восточнее ст. Тайга, на присоединение к остальным частям корпуса. Путем опроса жителей удалось установить, что дивизии предстояло от деревни Барановки пройти несколько верст на восток, до пересечения с дорогой ст. Тайга – деревня Дмитриевка, повернуть в сторону ст. Тайга и, пройдя две-три версты, снова свернуть на глухую лесную дорогу, выходящую куда-то восточнее ст. Тайга. Предполагалось, что по этому пути прошли уже обозы 2-го разряда и артиллерия дивизии, выдвинутые сюда заблаговременно.

Утром 22-го дивизия выступила из деревни Барановки и продвинулась беспрепятственно до перекрестка с дорогой ст. Тайга – деревня Дмитриевка. Здесь движение внезапно и прочно остановилось. Пробираюсь к голове колонны и нахожу объяснение: навстречу нашему движению, от ст. Тайга на деревню Дмитриевку, идет непрерывная лента обоза. Сейчас на походе все части кажутся одинаковыми, и нужен опытный глаз, чтобы найти характерные отличия строевой части; проходят какие-то артиллерийские части и парки, принадлежащие к составу 2-й армии. Перед нами встает вопрос – что делать дальше? Чтобы продолжать движение по маршруту, необходимо повернуть налево, в сторону ст. Тайга; но о встречном движении по узкой дороге не может быть и речи; нужно, следовательно, силой остановить встречное движение, выдвинув какую-либо часть к следующему перекрестку дорог. Но имеет ли смысл и возможно ли вообще движение дивизии на северо-восток, к железной дороге, если оттуда идет непрерывная лента частей и обозов на южный путь? Очевидно, что вдоль железной дороги не все благополучно, если части 2-й армии вынуждены делать длительное кружное движение. Попытки получить какую-либо информацию от проходящих частей оказываются неудачными: никто не знает, что делается на северном пути, и никто не может объяснить, чем вызвано их движение на юго-восток.

Ждать и колебаться, однако, не приходилось: нельзя оставлять в бесконечном ожидании застывшую в дремучем лесу дивизию. Отдаю приказание свернуть на Щегловский тракт. Пропустив полностью проходящую мимо нас часть, приказываю задержать следующую и вытягиваю дивизию по направлению к

деревне Дмитриевке, предполагая иметь в ней ночлег. Но тайга дает себя знать с первых же шагов: движение идет крайне медленно, с длительными, раздражающими остановками, в большинстве ничем не объяснимыми, ибо причины их часто где-то далеко впереди. Лишь поздно ночью дотягиваемся до деревни Романовки и размещаемся на ночлег в тесных и грязных хатах переселенцев.

* * *

Рано утром 23 декабря дивизия выступает из деревни Романовки. На этот раз движение идет еще медленнее, чем накануне; остановки чаще и продолжительнее, и только к 2 часам дня штаб дивизии, шедший в голове, дотянулся до деревни Дмитриевки, пройдя всего 10–12 верст. Дмитриевка, небольшая деревушка, расположенная по косогору на правом берегу реки Бирсас, внезапно открылась перед нами с левого, возвышенного берега реки. И сама деревня, и небольшие поля, очищенные от леса, представляли необычайную картину: все было залито сплошным серым морем людей, лошадей и повозок. Оживленная сельская ярмарка представила бы лишь бледную копию с этого огромного комка людей и животных, застывшего неподвижно на снежных полях и улицах деревни. Наше движение остановилось прочно и, по-видимому, надолго. Чтобы попасть в деревню, необходимо пересечь мост и гать через долину реки Бирсас, так как обрывистый левый берег не допускает движения без дороги.

Бросаю сани и пробираюсь пешком к мосту. Оказалось, что здесь мы столкнулись с другой линией обозов: с юго-запада, от Щегловска, учреждения и обозы частей 3-й армии. Остатки строевых частей 3-й армии, уже отброшенные к тайге, в стремлении протиснуться в узкие входы единственного для них пути нажимают на свои обозы, создавая невероятнейшую давку и сумятицу. Кто только не устремился к этой спасительной дороге! – В моих руках случайно оказался приказ по 3-й армии от 9 декабря 1919 года, отданный после подчинения командующему армией частей Бийск-Барнаульского района; приказ дает перечисление войсковых частей, действующих в этом районе, упоминая три пехотных и один конный полк, при двух дивизионах артиллерии, и 14 мелких самостоятельных отрядов, чем, однако, состав войск района не исчерпывался. Все эти бесконечные по числу отряды долго действовали в Бийск-Барнаульском районе, охраняя Алтайский край и железную дорогу от партизан, обросли хозяйственными учреждениями и

теперь, с отходом армии, устремились на восток, смешавшись с огромными армейскими обозами. Сюда же потянулись некоторые из центральных учреждений, не погруженные в Омске в эшелоны, часть обозов 2-й армии, атаманы отделов с управлениями, чины гражданской администрации, полиция и просто беженцы. Шли тяжело нагруженные сани с армейским имуществом, с продовольствием, с домашним скарбом… Не было ни малейшей возможности проследить деление на какие-либо части и самостоятельные учреждения – шел один огромный обоз, в величайшем беспорядке, без малейшего признака направляющей руки.

Здесь, в деревне Дмитриевке, в центре величайшей сумятицы, бесполезно было пытаться водворить порядок – это необходимо было сделать заблаговременно, и прежде всего – со стороны восточного выхода из тайги; только оттуда можно было ускорить проталкивание обозов, ускорить и упорядочить их движение вдоль всего пути. Сделать это мог только штаб главнокомандующего, но, по-видимому, быстрый отход армий застал его врасплох; к тому же генерал Сахаров мечтал о наступательных боях западнее тайги, а генерал Каппель не имел достаточно времени, чтобы справиться с быстро развивающимися событиями.

Нечего думать о дальнейшем немедленном движении: необходимо остановиться, обдумать положение и принять какие-то радикальные меры. Намечаю место для остановки: прекрасные здания переселенческой школы, которые сделали бы честь любому уездному городу. Нужно пройти до них полверсты. Чтобы протолкнуть маленький обоз штаба дивизии при помощи энергичной комендантской команды, понадобилось четыре часа! Узнаю, что в бесконечной массе обозов на улице деревни застряли обозы 2-го разряда; посылаю узнать, почему задержались. Отвечают – стоим на улице вторые сутки и не можем протолкнуться к выходу из деревни.

После нескольких часов мучительных размышлений и совета с командирами полков решаю принять следующие меры: бросить в Дмитриевке все повозки, за исключением крайне необходимого числа; посадить всех верхом, тех же, кому не хватит коней, вести походным порядком, используя конский состав посменно; сани оставить только для больных и раненых и для немногих женщин и детей, следовавших при частях; оставить в Дмитриевке всех больных и раненых, кои могут рисковать встречей с красными частями. Согласились остаться добровольно врач и сестра милосердия; снабдили остающихся продовольствием на несколько дней; осталось, если память не изменяет, 65 стрелков и

несколько офицеров. Это был первый случай оставления частями своих больных и раненых, сделанного с тяжелым сердцем. Чтобы окончательно разгрузиться, пришлось оставить также большую часть пулеметов, бесполезных теперь при отсутствии патронов, и даже столь дорогой для нас груз – продовольствие.

К вечеру 22 декабря строевые части 3-й армии начали медленно втягиваться в тайгу, подходя к двум узким выходам с разных направлений. Регулярные части красных давили на арьергарды армии, отходившие с непрерывными боями. Несколько партизанских отрядов, действовавших под общим руководством т. Рогова в районе Щегловска, непрестанными налетами на ближайшие тылы корпусов наносили отходившей армии большой урон. В одном Щегловске погибли сотни бойцов, в том числе много офицеров. Остро чувствовалось отсутствие столь необходимой здесь железной руки и тесного руководства отходившими корпусами. 23 декабря у входов в тайгу были случаи взаимного обстрела прикрывающих отход частей, благодаря отсутствию взаимной информации и общего руководства. Тяжелая и неблагодарная задача прикрытия выходов из тайги пала на остатки 7-й Уральской стрелковой дивизии, Ижевский конный полк и Кадровый (запасной) полк Воткинской дивизии, неизвестно какими путями оказавшийся на южном направлении – сама дивизия отходила вдоль железной дороги в составе 3-й армии. В ночь на 24-е последние прикрывающие части втянулись в тайгу и вся армия разместилась плотной массой в узком коридоре между рекой Томь и деревней Дмитриевкой.

* * *

На рассвете 24 декабря 8-я дивизия выступала из деревни Дмитриевки. Движение шло в импровизированном строю – справа по четыре, чтобы занимать возможно меньше места в глубину. Немногочисленные повозки распределены равномерно по колонне, дабы обеспечить им помощь в нужную минуту. Огромное большинство всадников на импровизированных седлах или совсем без них; едут по двое, немногие идут пешком, в расчете ехать посменно; никто не оставил сбрую, предполагая использовать ее по ту сторону тайги. Около версты движение идет без дороги, по расчищенной здесь тайге; затем густой лес заставляет свернуть на тракт и вклиниться в бесконечную линию саней и всадников. Теперь колонна дивизии в полной власти этого медленно движущегося потока – идет, как катится он, и останавливается, когда он укажет; нечего и думать о руководстве

им, можно только плыть по течению. Движение неизмеримо хуже, чем накануне: ежеминутно останавливаемся и без конца стоим, раздраженные и бессильные что-либо сделать; только в редких случаях причина задержки в поле зрения, можно вмешаться и устранить препятствие; гораздо чаще то, что держит, где-то далеко впереди, и остается терпеливо ждать или бессильно злиться. Местами движение возможно в две повозки в ряд, иногда же дорога суживается, образуя пробку, с неизбежной давкой, озлобленной руганью и потерей времени. Очень часто тысячи людей стоят в ожидании, пока исправят лопнувшую сбрую у одной повозки или перепрягут истомленную пару коней. Горе тем, кто идет самостоятельно, вне организованной части: таких, при задержке, сбрасывают с дороги; помогают только своим.

С наступлением темноты делается еще хуже; многие возницы засыпают, спят и истомленные кони, пока идущие сзади не догадаются расследовать причину длительной остановки. И так шаг за шагом в течение всего короткого, унылого зимнего дня и еще более печальной длинной ночи. Гнетущее чувство, создаваемое медленным, однообразным движением, усугубляется мрачной декорацией, как будто нарочито созданной природой для этой драмы десятков тысяч людей и лошадей; две гигантских стены угрюмого леса давят своей непроницаемой массой, не прерываясь ни на минуту; впереди все та же извивающаяся лента обозов; все чаще и чаще по краям дороги, как безмолвные часовые, неподвижные фигуры брошенных лошадей; кругом посиневшие, истомленные лица людей, как будто потерявших надежду, что эта медленная пытка когда-нибудь кончится. Нервы напряжены до крайности, взаимное раздражение и злоба дошли до предела, и все вокруг буквально насыщено потоком жестоких и бессмысленных ругательств, не останавливаемых даже присутствием женщин и начальствующих лиц.

Днем не останавливаясь проходим мимо маленького поселка Александровского и поздно ночью проваливаемся в глубочайшую котловину, на дне которой затерялся поселок Успенский. Несколько убогих хат поселка затоплены потоком людей и повозок; останавливаться здесь бесполезно, так как занят каждый вершок очищенного от леса пространства. С огромным трудом пробираемся через массу саней, брошенных без призора, и движемся дальше. Ночь скрыла от нас драму, разыгравшуюся несколькими часами раньше: здесь брошена почти вся артиллерия дивизии и масса ценного имущества.

К рассвету угрюмый вид тайги начал заметно изменяться, чувствовалась близость открытого пространства. Около 9 часов утра 25 декабря голова колонны втянулась в гостеприимные

улицы большой деревни Золотая Горка, где я приказал остановиться на большой привал. 30-верстное расстояние между деревнями Дмитриевка и Золотая Горка было пройдено в 26 часов.

* * *

К вечеру 25 декабря 8-я дивизия сосредоточилась на ночлег в деревне Красный Яр, так как квартиры в деревне Золотая Горка были нужны для вновь прибывающих частей. Мрачное дефиле продолжало изрыгать их без перерыва; к вечеру 25-го начали подходить головные части 3-й армии. Как выяснилось впоследствии, отход через тайгу для частей 3-й армии был неизмеримо труднее, нежели для нас, так как им пришлось идти с боями, под непрестанным напором красных. Весь день 24 декабря тяжелую задачу прикрытия несли Воткинский кадровый полк (300 штыков) и Егерский батальон 7-й Уральской дивизии (150 штыков). Несмотря на удобства обороны в узких дефиле дороги, истомленные арьергарды, давно уже расстрелявшие свои патроны, отходили поспешнее, чем этого требовала обстановка, и нажимали на свои скопившиеся в лесу части. Два непрерывных потока обозов, стекавшихся в деревню Дмитриевку, проталкивались дальше на восток только по одному пути и притом со скоростью не более одной версты в час.

Уплотнение частей и обозов 3-й армии западнее деревни Дмитриевки дошло до предела и грозило катастрофой. Особенно тяжелым оказалось положение у деревни Кедровки, где обозы шли в шесть рядов. Здесь началась паника, которую поднял начальник 7-й Уральской дивизии, бросивший свой штаб и ускакавший вперед; только энергичное вмешательство начальника Ижевской дивизии восстановило порядок. Обстановка, однако, требовала принятия решительных мер. Пример подал Волжский корпус, в котором было приказано посадить всех людей верхом, сбросив с дороги все орудия и повозки. Для ускорения этой болезненной операции Волжская конная бригада получила приказ рубить постромки у всех повозок, попадавшихся ей на пути. Пришлось спешно бросить в деревне Кедровке и прилегающих хуторах больных и раненых. То, что 8-я дивизия сделала накануне в деревне Дмитриевке обдуманно и планомерно, частям 3-й армии пришлось выполнить в «пожарном» порядке.

Части Ижевской дивизии и 2-я Оренбургская казачья бригада из района деревни Кедровки прошли в Дмитриевку по

заброшенной и занесенной снегом летней дороге, указанной им местными жителями. Общее положение армии несколько улучшилось, однако и при этих условиях арьергарды могли подойти к деревне Дмитриевке только к вечеру 25 декабря. Здесь пришлось сдерживать натиск красных уже по трем направлениям: по летней дороге, по главному тракту и по дороге на ст. Тайга. Общее руководство обороной и разгрузкой деревни Дмитриевки взял на себя начальник Ижевской дивизии генерал Молчанов, пробравшийся сюда к утру 25-го. Хаос в деревне к этому времени не уменьшился; все дворы, улицы и выходы из деревни были завалены брошенным имуществом, санями, орудиями и пулеметами. Избы оказались переполненными ранеными и больными, преимущественно тифозными, брошенными без призора и пищи. Для расчистки выходов из деревни пришлось часть саней сжечь. Благодаря самоотверженной работе арьергардов удалось протолкнуть на восток большую часть обозов. Однако этот успех был куплен дорогой ценой: в арьергардных боях погибли почти полностью остатки 7-й Уральской дивизии и среди них – 25-й Екатеринбургский полк, один из лучших на всем Восточном фронте; понесли тяжелые потери и другие арьергарды.

Вечером 25 декабря деревня Дмитриевка была оставлена. Отсюда прикрытие отхода армии пало исключительно на Ижевскую дивизию. Ряд принятых мер несколько ускорил движение обозов, но задача арьергарда не стала легче. Весь день 26-го в прикрытии дрались посменно 2-й стрелковый и Конный полки Ижевской дивизии; это был уже третий день марша по тайге, без сна, отдыха и пищи. Истомленные люди шли и дрались из последних сил. Свои патроны давно уже были израсходованы, пополнение их брали по дороге в брошенных санях. К ночи на 27-е арьергард подошел к котловине у поселка Успенское. К этому времени все дно котловины, напоминавшей преисподнюю, оказалось совершенно заваленным санями, орудиями, всяким имуществом и не менее чем тысячью брошенных истомленных коней. Образовалась пробка, над пробитием которой ижевцы работали несколько часов. С помощью случайно найденного керосина сожгли около трех тысяч саней; одновременно горело всякое, долго спасаемое армейское и гражданское имущество, горели замерзшие и еще теплые трупы больных, женщин и детей. С невероятным усилием и буквально чудом ижевцы вытянули из этого ада четыре орудия, остальные были брошены в общем кладбище. Все убогие хаты поселка были забиты тифозными, оставленными на милость неба и произвол красных. Сотни совершенно обессиленных коней неподвижно стояли вдоль

дороги, другие, еще способные передвигаться, бродили по поселку в поисках корма и, привлекаемые светом, стучались мордами в окна хат…

Устроив из саней два завала, арьергард сумел удержать красных до полуночи, пока все способное двигаться не ушло из котловины. Всю ночь и первую половину дня 27-го арьергард вел бой, обороняя каждый поворот дороги и устраивая завалы из саней. После полудня 27-го арьергард вышел к деревне Золотая Горка. Прикрывающие части вошли в тайгу вечером 23-го и вышли из нее после полудня 27-го, пройдя, таким образом, 60-верстное расстояние за четверо суток.

* * *

Один из красных летописцев назвал Щегловскую тайгу кладбищем 3-й армии. Преследуя армию, красные, по его словам, ехали по трупам сотен павших коней и даже замерзших людей, полузанесенных снегом. Тысячи истомленных, неспособных двигаться коней были брошены вдоль дороги. У деревни Кедровки красные подобрали около десяти тысяч повозок; две саперные роты работали сутки безостановочно, чтобы очистить от них дорогу для проезда.

Страшная тайга осталась позади, и если она не оказалась в действительности кладбищем для личного состава отходивших белых армий, то, вне всякого сомнения, похоронила все надежды на будущее. Погибла почти вся материальная часть, включая артиллерию. Как выяснилось впоследствии, по южному пути прошли каким-то чудом четыре орудия 8-й артиллерийской бригады и четыре – Ижевской, вдоль железной дороги – одиннадцать орудий Воткинской дивизии. Нужно сказать, что артиллерия подошла к тайге на совершенно истомленных конях и тягостный безостановочный переход через тайгу оказался ей не по силам. Кроме того, на ухабистой, разбитой дороге не выдерживали тяжелого груза ни одни сани: даже наиболее прочные, нагруженные разобранными орудиями, разбивались вдребезги на протяжении нескольких верст. Воткинцы спасли свои орудия, распределив их между пехотными частями и вывезя их буквально на плечах людей; артиллерия 8-й дивизии шла отдельно и не могла прибегнуть к спасительной помощи пехоты.

В той обстановке, в какой пришлось впоследствии совершить марш до Забайкалья, артиллерия и пулеметы, также в большинстве брошенные в тайге, оказались бы только обременяющим грузом, но в момент выхода из тайги потеря их

казалась непоправимым несчастьем: армия стала фактически почти безоружной, без всяких перспектив на быстрое восстановление ее боеспособности и даже со слабой надеждой на самое спасение ее. Вместе с тем перед участниками похода воочию встали те грозные тяготы, кои таились, быть может, на каждом шагу их к цели, пока еще никому не ведомой. Зарождались сомнения, что высшее командование сумеет эти грядущие препятствия предусмотреть и вовремя устранить. Однако в первые дни размеры катастрофы оставались еще неясными; была еще надежда, что 1-я и 3-я армии сохранили хотя бы некоторую боеспособность и что они смогут задержаться у выходов из тайги и дать столь необходимый теперь выигрыш времени. Но события последующих дней рассеяли и эти надежды.

От Щегловской тайги до Красноярска

Утром 26 декабря 8-я дивизия выступила из деревни Красный Яр в общем направлении на северо-восток, стремясь выйти поскорее из района 3-й армии и сблизиться со 2-м корпусом, связь с коим была утеряна. Хотя движение и ночлеги производились с мерами охранения, но мы оставались в спокойной уверенности, что движемся в безопасном от красных районе, под прикрытием 1-й армии, занимающей северные проходы через тайгу. Но уже на втором переходе, при выходе из деревни Камышевское, 29-й полк, шедший в конце колонны, был атакован красными, наступавшими со стороны железной дороги, и понес небольшие потери. Донесение командира полка определенно указывало на присутствие регулярных красных частей. Стало ясным, что на севере не все благополучно. Вскоре начали поступать донесения о встречающихся на пути движения группах безоружных солдат из состава 1-й армии; все они предъявляли документы об увольнении из рядов армии и заявляли, что расходятся по домам.

Несколько позднее стало известным, что 1-я армия перестала существовать. 17 декабря в городе Томске, где находился штаб 1-й армии, произошло вооруженное выступление левых групп интеллигенции и рабочих, к коим примкнула большая часть гарнизона. Подготовка к выступлению велась открыто и без всякого противодействия со стороны генерала Пепеляева, прекрасно осведомленного о существовании и планах революционных организаций. Не сделав никаких попыток подавить восстание, генерал Пепеляев выехал из Томска с конвоем и частью командного состава, не пожелавшего оставаться

с мятежными частями. Самостоятельно ушел запасной батальон Ижевской дивизии, расквартированный в Томске.

Гарнизоны Мариинска и Ачинска были, по-видимому, распущены, Красноярский гарнизон тоже взбунтовался, и около генерала Пепеляева остались только его конвой и небольшая группа офицеров и верных долгу солдат, всего около 400 человек. С этим небольшим отрядом генерал Пепеляев вел наблюдение за красными, отходя вдоль железной дороги. Через несколько дней генерал Пепеляев заболел тифом и был положен в чешский санитарный поезд, а остатки его армии, всего в составе 500–600 человек, были присоединены для похода ко 2-й армии.

Прорыв красных вдоль железной дороги возбудил естественные опасения за участь 3-й армии, которая должна была, по приказу генерала Каппеля, удерживать южные выходы из тайги. Уже к полудню 27-го, когда последние части 3-й армии подходили из тайги к деревне Золотая Горка, авангарды красных находились значительно восточнее. Если бы 3-я армия попыталась выполнить приказ № 778, то уже на следующий день она оказалась бы глубоко обойденной с севера. Но, как я отметил раньше, приказ № 778 никогда не дошел до частей 3-й армии. Кроме того, измученная четырехдневным голодным и холодным маршем по тайге армия не была способна ни к какому сопротивлению. Временно командовавший армией генерал Барышников уже утром 27-го начал движение на восток, южнее железной дороги, оставив для защиты выходов из тайги Ижевскую дивизию и 2-ю Оренбургскую казачью бригаду. Ижевцы, вышедшие из тайги последними, буквально падали от изнеможения и засыпали прямо на снегу там, где их ставили для боя. Когда поздно вечером 27-го обозначилось наступление красных частей, начальник арьергарда отдал приказание об отходе.

Таким образом, план генерала Каппеля – реорганизовать армию, удерживая линию реки Золотой Катат, – отпал, нужен был какой-то новый. Пока же для 8-й дивизии оставался в силе первый приказ – идти в район Ачинска. До ст. Итат дивизия двигалась по проселочным дорогам на 20–30 верст южнее железной дороги. Уже на первом переходе после тайги появилось много новых саней, а через два-три дня все двигались по-прежнему на санях. Части шли теперь компактно, в полном своем составе, присоединив обозы второго разряда. Соприкосновение с красными было утрачено, и только по отрывочным сведениям из отряда генерала Пепеляева можно было приблизительно установить линию их продвижения. На третьем переходе от Красного Яра догнали 8-ю артиллерийскую бригаду и только

здесь окончательно выяснили судьбу орудий: с бригадой шли только четыре орудия 4-й батареи.

Двигалась бригада очень медленно; тяжело загруженные сани везли и ценное артиллерийское имущество, и ненужный хозяйственный хлам, необходимый, по мнению артиллеристов, при новом формировании батарей. Я приказал выбросить все ненужное на первом же ночлеге, однако на следующем переходе все оказалось почти по-старому. Приказываю вторично разгрузиться на большом привале, для чего разрешаю задержаться на полчаса. На ночлег бригада не прибыла, и мы никогда не узнали, какая судьба ее постигла. Не подлежит сомнению, что добровольно остаться у красных бригада не могла: личный состав ее, в большинстве добровольческий, с прекрасным командным составом, не оставлял желать лучшего. Остается предположить, что бригада была полностью захвачена какой-нибудь красной частью, спустившейся к югу со стороны железной дороги.

* * *

Еще до подхода 8-й дивизии к Ачинску выяснилось, что общая обстановка резко изменилась к худшему: помимо потери выходов из тайги и развала 1-й армии, начался ряд крупных восстаний в тылу.

Ближайший к армии гарнизон города Красноярска, состоявший в большинстве из частей 1-го Сибирского корпуса, занял явно враждебное к армии положение. Начальник гарнизона, командующий корпусом генерал Зиневич, выбросил лозунг, общий для всех взбунтовавшихся частей, – «война Гражданской войне» – и обратился к генералу Каппелю с предложением разоружиться. К генералу Зиневичу примкнуло несколько частей, слабых численно и малонадежных в боевом отношении, но их выступление развязало руки активным большевистским группам и открыло возможность выхода с юга партизанских отрядов Щетинкина и Кравченко, действовавших в районе Минусинска. Важнейший пункт армейского тыла, с огромными артиллерийскими запасами, попал во враждебные руки и ставил армию между двух огней. Слабо занятый в первое время, Красноярск в любой момент мог оказаться в руках большевиков и обратиться в труднопроходимое для армии препятствие, как это впоследствии и случилось.

Затягивая умышленно свой ответ Зиневичу, генерал Каппель отдал приказ об ускорении движения к городу Красноярску и

далее на восток, назначив 2-й армии для сосредоточения район Вознесенское— Свищево – Балайское, причем в отношении гарнизона города Красноярска указал применить силу оружия, если бы он попытался остановить движение армии. Приказ, по-видимому, отдан в городе Ачинске утром 31 декабря, ибо в 2 часа 30 минут того же числа генерал Войцеховский отдал уже свой приказ № 1800/оп., сохранившийся у меня в копии.

Сообщая данные обстановки, генерал Войцеховский отметил, что чехи предполагают очистить Красноярск 2 января. По-видимому, в то время наше командование еще питало надежду на чешское содействие армии или рассчитывало, что чехи могут оказаться на нашей стороне силою событий, вынужденные защищать бесконечную линию своих эшелонов от надвигавшейся Красной армии. Приказ допускал также, что на марше к Красноярску армия может быть атакована с юга отрядами Щетинкина и Кравченко, действующими от Минусинска по кратчайшему направлению на участок железной дороги Кемчуг – Красноярск. Что же касается регулярных красных частей, то их положение совершенно неправильно определялось к утру 31 декабря в районе Суслово – Тяжун, примерно в 120 верстах от города Ачинска; между тем уже на следующий день после полудня уходивший последним с большого привала в Ачинске 29-й Бирский полк был атакован авангардом красных. Приказ совершенно не упоминал о соседях – остатках 3-й армии, – несмотря на обычную в этом отношении пунктуальность генерала Войцеховского: по-видимому, связь с ними порвалась окончательно. Как выяснилось впоследствии, к 31 декабря головные части 3-й армии уже подходили к линии дороги Ачинск – Минусинск, примерно в 50 верстах южнее Ачинска, то есть к тому району, откуда ожидалось наступление партизанских отрядов.

Частям 2-й армии приказ № 1800/оп. ставил следующие задачи:

1) Авангард (полковник Макри[120]) – части особого назначения – выдвигался вдоль железной дороги для выяснения обстановки и обеспечения железнодорожных станций.

2) Прикрытие с юга: две конные колонны – а) казачьи части под командой генерала Волкова[121]и б) 1-я Кавалерийская дивизия – следовавшие одна за другой по населенным пунктам на 20–25 верст южнее железной дороги на высоте колонны главных сил, для разведки в Минусинском направлении и прикрытия железной дороги и общего движения армии.

3) Главные силы армии в двух колоннах: правая, следовавшая по полотну железной дороги в двух группах: а) в голове 4-я

Уфимская стрелковая дивизия, Уфимская кавалерийская дивизия и запасной батальон Ижевской дивизии, под общим командованием генерала Петрова и б) Уфимская группа генерала Бангерского (без 4-й дивизии), следовавшая в одном переходе за головной группой; левая колонна, под командой генерала Бордзиловского, в составе Тобольской и Южной групп и Томских военно-училищных курсов, направлявшаяся вдоль большого тракта на высоте колонны генерала Петрова, с указанием перейти реку Енисей севернее Красноярска, не заходя в город.

В особые колонны выделялись спешенная тяжелая артиллерия под командой генерал-майора Беляева[122], армейские лечебные заведения и обозы разных учреждений. Колонна генерала Беляева должна была двигаться по путям севернее большого тракта, держась на высоте колонны генерала Бордзиловского, а колонна обозов, с небольшим прикрытием, по большому тракту, за левой колонной. Предполагалось, что голова главных сил армии достигнет линии города Красноярска к вечеру 4 января и 5-го перейдет в район сосредоточения; колонна генерала Бангерского должна была подойти к тем же пунктам на сутки позднее.

Приказ генерала Войцеховского отнюдь не перечислял всех мелких частей и особенно учреждений и обозов, достигших к 1 января линии города Ачинска. Огромные обозы смешанного состава, никому не подчиненные или утерявшие связь со своими высшими соединениями, двигались самостоятельно по путям армейских колонн. Они заполняли дороги и места ночлегов, следуя и располагаясь без всякого порядка, затрудняя до крайности поддержание связи и боевой готовности строевых частей. Боеспособный элемент буквально тонул в хаосе, ими создаваемом.

Временами положение становилось настолько угрожающим, что штаб Уфимской группы вынужден был отдать приказ – принять все меры, до применения оружия включительно, чтобы не допустить посторонние обозы на путь движения группы. Приказ остался на бумаге, ибо движение на обоих путях – по полотну железной дороги и по большому тракту – сделалось стихийным и потребовалось бы расстрелять тысячи людей и лошадей, чтобы остановить эту живую лавину. И хотя генерал Войцеховский требовал в своем приказе расформирования и объединения всех мелких частей и обозов, в обстановке форсированного движения об этом нечего было и думать. Упорядочить движение и создать что-либо стройное из великого хаоса удалось лишь в малой степени.

Наиболее характерной особенностью приказа генерала

Войцеховского явилось указание на полную перемену фронта. С этого момента командование видит своей главной целью движение на восток, сообразно с чем дано и наименование колонн. Главная опасность усматривалась также с востока и отчасти с юга, со стороны Минусинска. Одной из причин такой неверной оценки явились неточные данные о главном враге армии – регулярных красных частях: приказ считал их на 100 верст дальше, нежели они оказались в действительности, и поставил в арьергард беззащитные обозы, почти без прикрытия. Большую роль в этом отношении сыграло, несомненно, исчезновение 1-й армии; остатки ее к этому времени растворились в общей массе обозов, перестав исполнять даже скромную, но столь необходимую роль наблюдения за красными. Преувеличенные опасения за Минусинское направление явились следствием полной потери связи с 3-й армией. Последняя, как выяснилось позднее, шла от Щегловской тайги почти на линии арьергардов 2-й армии, в 50–60 верстах южнее железной дороги. Благодаря быстрому движению и отсутствию хороших дорог с юга на север штаб 3-й армии не смог установить связи ни с генералом Каппелем, ни с ближайшими частями 2-й армии. Вечером 2 января ядро корпусов и штаб 3-й армии находились уже почти на переход восточнее тракта Ачинск – Минусинск. Отсюда генерал Барышников пытался установить связь по телеграфу с Ачинском, но к этому времени Ачинск был уже занят авангардом Красной армии. Не имея никаких сведений о штабе генерала Каппеля и 2-й армии, генерал Барышников решил идти на сближение с ними, наметив для этого ст. Кемчуг, куда вели сравнительно хорошие дороги.

* * *

На марше от Ачинска до Красноярска 8-й дивизии были назначены ночлеги: 2 января – деревни Козулинское, Чернореченское; 3-го – Кемчуг, Большой Кайдан; 4-го – ст. Кача; 5-го – Красноярск и 6-го – ст. Сорокино, деревни Магальская, Лопатино – в районе, назначенном для сосредоточения армии. Приказ о движении был получен 1 января в городе Ачинске, куда дивизия прибыла после безостановочного движения от Щегловской тайги, особенно тяжелого до выхода на большой тракт, когда пришлось двигаться по скверным, плохо укатанным дорогам, в сильно пересеченной местности. При выходе из Ачинска, где был дан большой привал, шедший в арьергарде полк был атакован красными, наступавшими вдоль железной дороги с запада. Этим в корне разрушались представления о безопасности со стороны регулярного красного фронта, однако высшие штабы склонны были приписать эту атаку местным партизанам, подошедшим к Ачинску с юга.

В течение трех последующих дней движение и ночлеги дивизии производятся строго по приказу. На этом участке своего крестного пути армия снова втягивается в тайгу, правда не столь дикую и неприступную, как Щегловская, но с единственной, по существу, годной для движения дорогой – большим Сибирским трактом. Снова погружаемся в невероятный хаос, созданный множеством никем не управляемых обозов. Несмотря на все принимаемые меры, на каждом мелком перекрестке страдаем от вклинивания посторонних частей, расплываемся на ночлегах, в полном бессилии поддержать хотя бы относительный порядок и боевую готовность. Движемся большею частью непосредственно по полотну железной дороги, лишь изредка съезжая на грунтовый путь там, где допускает тайга и рельеф местности. Обгоняем массу неподвижных, точно застывших эшелонов, последние русские поезда; в Красноярске, где сосредоточена в это время Польская дивизия, – уже хвост чешских эшелонов. Вереница саней вынуждена лавировать между поездами, занимающими оба пути; иногда тот или другой поезд вдруг начинает двигаться и, если сзади не успевают вовремя предупредить, десятки саней с людьми и конями летят под откос. На ночлегах мелкие населенные пункты и железнодорожные станции переполнены до отказа. Неожиданно наталкиваемся здесь на конные части, которые должны были двигаться значительно южнее; приказы явно не выполняются. Одновременно претендуют на свое место под

кровом и те, кто не упомянут ни в одном приказе. Но под крышей зачастую нет места даже для больных и женщин, поэтому большинству приходится коротать морозные ночи на улицах, у костров.

Вечером 3 января дивизия достигла ст. Кемчуг. Впервые не прибыл своевременно на ночлег обоз штаба дивизии: днем на одном из перекрестков волна обозов отрезала его и вынудила свернуть на большой тракт, где он затерялся в общей медленно движущейся массе обозов. Прибыл он на ст. Кемчуг только утром 4-го, после безостановочного суточного движения, в то время как части дивизии начинали новый переход. Пришлось дать обозу большой привал. Через час после отъезда штаба Кемчуг был атакован и занят красными, и обоз погиб, оставив всех чинов штаба с тем, что они имели на себе.

Поздно ночью в Кемчуг прибыл начальник 3-й Оренбургской Казачьей бригады генерал М.[123]М. со своим маленьким штабом и ночевал в занятой нами хате. Мне неоднократно за время Гражданской войны приходилось сталкиваться с генералом М., и всякий раз наши встречи оканчивались каким-нибудь несчастьем. Повторялось это с такой регулярностью, что мы оба обратили на это внимание, и в ночь на 4-е я не мог не подумать, что очередное несчастье не за горами. Но даже и эта мысль не омрачала удовольствия видеть генерала М., одного из первых оренбургских партизан, обаятельного по внешности и характеру, молодого и полного сил. Утром 4-го оба штаба уходили из Кемчуга одновременно. В тот момент, когда я, уже одетый для похода, делал последние распоряжения, внезапно раздался выстрел: генерал М., находясь в двух шагах от меня, сумел незаметно вынуть наган и выстрелить себе в сердце. Общее несчастье и личное горе сломили мужественного бойца. За время похода полностью погиб один из его полков, другой понес огромные потери, что угнетающе подействовало на генерала М. Через минуту он умер, с трогательными словами любви к жене и ребенку, затерявшимся где-то в обреченной линии русских эшелонов. Так трагически закончилась наша последняя встреча…

За несколько минут до отъезда штаба дивизии в Кемчуг неожиданно прибыл штаб 3-й армии. Опасаясь появления красных у Кемчуга раньше, чем подойдут его отходящие части, генерал Барышников обратился с просьбой – прикрыть Кемчуг силами 8-й дивизии. Однако к этому времени даже последние повозки частей успели скрыться из вида и повернуть их с пути вдоль полотна железной дороги было физически невозможно. Через полчаса после выхода штаба дивизии со стороны ст. Кемчуг послышался ружейный и пулеметный огонь. Опасения генерала

Барышникова сбылись – станция была захвачена красными, и сам он со штабом спасся чудом.

Следующий пункт для ночлега дивизии – маленький, бедный поселок при ст. Кача – оказался забитым людьми и повозками сверх всякой меры. С огромным трудом удалось поместить под крышу женщин и немногих больных, все остальные ночевали у костров. Сам я, совместно с командиром корпуса, нашел приют в хате, занятой сибирским атаманом и штабом генерала Волкова; удалось даже забыться на два-три часа, спрятав голову под стол и предоставив ноги в распоряжение всех проходящих.

5 января около 3 часов дня штаб дивизии прибыл на разъезд Минино – последнюю железнодорожную остановку перед Красноярском. К моему удивлению и тревоге, на разъезде оказались эшелоны штабов фронта и 2-й армии, которые, по предположениям, уже должны были пройти Красноярск. Около эшелонов видно было много саней, только что наспех собранных в окрестных деревнях: производилась разгрузка обоих штабов, поезда дальше не идут. Дело плохо. Нашел генерала Войцеховского в пустом уже вагоне, за картой, и узнал о событиях, разыгравшихся в Красноярске за истекшие сутки. К подходу армии Зиневич оказался уже отстраненным и арестованным; к власти стали большевики; с лихорадочной поспешностью и энергией организовывалась оборона города, и армия встретила уже открытого врага. Подойдя с колонной к Красноярску вечером 4-го, генерал Петров не решился в темноте атаковать город и ночевал в районе деревни Минино. Утром 5-го колонна повела атаку на город и железнодорожную станцию. Гарнизон Красноярска, усиленный свежими формированиями из рабочих дружин, оказал упорное сопротивление. Несмотря на отсутствие артиллерии и недостаток патронов, пехота ворвалась в город и заняла станцию. Оставалось проявить еще небольшое усилие, чтобы окончательно очистить город, но неожиданное появление бронепоезда, по некоторым данным – польского, внесло смятение в ряды атакующих; странную роль сыграл начальник особых отрядов полковник Макри, отдавший приказание об отходе без всяких видимых оснований. Атакующие части поспешно отошли, не успев даже вынести своих раненых; запасной батальон ижевцев, имевший в строю 680 человек, вывел из боя только 380; понесла большие потери и пехота 4-й дивизии; конница завязла в снегу и сделать ничего не могла. Решено было атаки не повторять и выждать подхода других частей 2-й армии, тем временем очистить эшелоны обоих штабов и перейти на санный обоз.

Не получив никаких приказаний для следующего дня, я отдал

приказ о ночлеге в районе деревень Минино и Зимино: штаб дивизии, 29-й полк и Егерский батальон в деревне Минино, остальные полки – в деревне Зимино. Генерал Каппель со штабом, под прикрытием Екатеринбургской инструкторской школы и остатков Образцовой Егерской бригады, направился также в деревню Минино; генерал Войцеховский решил на эту ночь вернуться в свой поезд. Здесь же, на разъезде Минино, наскоро был сформирован санитарный поезд, куда посадили часть больных и раненых и большую часть семейств из обозов штабных эшелонов. Поезд был направлен в Красноярск, откуда начальник Польской дивизии полковник Румша обещал провести его на восток. Вскоре Польская дивизия была захвачена красными, и вместе с ней погиб последний русский эшелон.

* * *

В то время как 2-я армия пробивалась к Красноярску через тучи своих обозов, двигаясь вдоль железной дороги и севернее, остатки 3-й армии блуждали южнее железной дороги. 2 января генерал Барышников сделал неудачную попытку войти в связь с генералом Каппелем через Ачинск, уже занятый красными, после чего решил вести части к железной дороге. В сравнительной близости к полотну железной дороги шла большая конная группа, состоявшая из нескольких казачьих полков, конного полка Ижевской дивизии и остатков 11-й Уральской стрелковой дивизии[124], посаженных на коней. Действуя необъединенно и без всякого руководства, группа неоднократно выходила к железной дороге, но всякий раз с запозданием, находя намеченные пункты занятыми красными, и снова уходила на юг, теряя время и последние силы на обход по бездорожной лесистой местности. Часть казаков митинговала, раздавались голоса за сдачу, однако наиболее энергичные и непримиримые шли вперед и увлекали колеблющихся на новую попытку пробиться. Положение казалось особенно трагичным днем 4 января, когда кончились неудачей несколько попыток выйти к железной дороге. После бесконечного блуждания в лесу, без сна, без пищи и отдыха, большей части группы удалось, наконец, к утру 5-го выйти на полотно дороги восточнее станции Кемчуг, откуда красные в течение 4-го вперед не продвинулись. Ижевский конный полк, оказавшийся всего в 3 верстах от ст. Кемчуг, взял на себя прикрытие общего отхода.

Пехотные полки Ижевской дивизии, с остатками артиллерии, утром 4 января находились на марше от поселка Рыбного к ст.

Кемчуг. К полудню медленно двигавшаяся колонна остановилась окончательно, пройдя примерно половину расстояния до станции; выяснилось, что Кемчуг занят красными и дальнейшее движение вперед невозможно. Обратный путь на Рыбный был прочно закрыт непрерывным потоком обозов, занявшим всю длину и ширину дороги; чтобы идти назад, нужно было предварительно повернуть тысячи повозок; следовало также ожидать, что Рыбный уже занят красными, шедшими за ижевцами по пятам. Ввиду полного отсутствия дорог на восток от тракта Рыбный – Кемчуг, начальник Ижевской дивизии генерал Молчанов решил вести части без дороги, по компасу, наметив конечным пунктом небольшую деревушку в 12–15 верстах восточнее Рыбного. Пришлось вновь бросить все сани, последние четыре орудия, остатки пулеметов и имущества. К вечеру каким-то чудом вышли прямо к намеченному пункту и после короткого отдыха возобновили движение в направлении на ст. Кача. После безостановочного суточного движения генерал Молчанов сосредоточил всю дивизию у ст. Кача, образовав арьергард отходящей армии. В то время как 2-я армия сосредоточивалась в узкой долине северо-западнее Красноярска, остатки 3-й армии к вечеру 5 января растянулись вдоль железной дороги между ст. Кача и разъездом Минино.

Большая часть армии погибла, однако, не дойдя до ст. Кача, растворившись между обозами и попадая в плен вместе с ними, не будучи в состоянии оказать какое-либо сопротивление.

Река Кан

Картина страшного разгрома армий под Красноярском нам, собравшимся в штабе 2-й армии в ночь на 7 января, представлялась еще мрачнее, чем она была в действительности. Генерал Войцеховский располагал лишь отрывочными и неполными сведениями о судьбе частей армии, не представлял себе, чем он может располагать и какова боевая ценность спасшихся частей; ровно ничего не было известно о судьбе всей левой колонны армии, хотя генерал Войцеховский и предполагал, что она успела переправиться через Енисей и уйти на восток; даже о судьбе генерала Каппеля стало известно только из моего доклада. С такими данными предстояло решать, что делать дальше; было ясно одно – надо уходить немедленно на восток, по пути собрать и привести в порядок все, что можно, войдя в связь с частями, уже перешедшими на правый берег Енисея. Путь отхода вдоль железной дороги, прямо на восток от района

Чистоостровское – Есаулово, казался опасным, так как можно было ожидать сопротивления со стороны местных партизанских отрядов, а главное – преследования из района города Красноярска. Опрос местных жителей установил, что существует еще один, зимний путь к городу Канску – вдоль рек Енисея и Кана, в обход угрожаемого участка пути. Однако этот путь был опасен в другом отношении: ввиду поздней и необычайно мягкой зимы дорога по реке Кану, по-видимому, еще не проложена и направлением этим еще никто не пользовался.

Войцеховский предложил решить, куда идти. Я ответил, что части дивизии временно небоеспособны; неизвестно точно, сколько бойцов вышло; необходимо время, чтобы командный состав мог взять людей в руки, переформировать части и перераспределить остаток боевых припасов; желательно поэтому на ближайшие дни избегать всяких боевых столкновений и предпочесть преодоление естественных препятствий. По этим соображениям я высказался за путь по рекам; ко мне присоединился и командующий группой генерал Бангерский, на этом же решении остановился и генерал Войцеховский.

Принятое решение впоследствии оказалось совершенно неправильным. Преследования со стороны Красноярска не было в течение нескольких дней; головные части Красной армии, сравнительно слабого состава, буквально утонули в том море людей и повозок, которое осталось в районе Красноярска; город сам по себе, с огромными складами имущества, особенно артиллерийского, представлял собой слишком лакомую добычу, чтобы оставить его без надежного прикрытия. Красноярский гарнизон, пестрого состава, со свежесформированными частями, мог действовать только накоротке и безусловно не был пригоден для операций в поле. Это делало наш отход вдоль железной дороги безопасным на несколько дней и избавляло нас от тягостей похода по реке Кан; однако в ночь на 7 января обстановка представлялась нам совершенно иначе, и всякое иное решение, кроме принятого, казалось невозможным.

* * *

Утром 7 января Уфимская группа, штабы и конвой главнокомандующего выступили на север, следуя по левому берегу Енисея или же, временами, по льду реки. Впереди, применяя старые наименования, шла 4-я дивизия или то, что от нее осталось; затем 8-я, 12-я Уральская[125] и Уфимская конная[126], на которой лежало прикрытие движения со стороны

Красноярска, так как о выходе на этот же путь 3-й армии еще не было известно. Для ночлега назначены были: деревня Атамановское для 4-й дивизии, деревня Шиверская для 8-й и 12-й и поселки южнее последней – для Уфимской кавалерийской. Задержанный на пути генералом Войцеховским, я прибыл в деревню Шиверскую позднее других и, к моему удивлению, не нашел никого – части ушли на ночлег в деревню Атамановское. На мой запрос о причинах самовольного ухода командиры полков дали объяснение, что неисполнение приказа вызвано было отчасти стихийным желанием поскорее оторваться от противника, отчасти опасением, что конница не будет выполнять своей задачи по прикрытию колонны. У меня не хватило духа потребовать от измученных людей возвращения в деревню Шиверскую, и я предпочел пойти на крайне неприятное объяснение с генералом Войцеховским; к тому же деревня Атамановское оказалась достаточно просторной, чтобы разместить всех прибывших.

Утром 8-го – короткий переход в деревню Подпорожное, расположенную у устья реки Кан. Здесь нашли на большом привале 4-ю дивизию, что вынудило и нас остановиться на несколько часов. Проверка имевшихся раньше сведений о реке Кан установила окончательно, что путь по реке до Канска вообще существует и им изредка пользуются местные жители, но в текущем году по реке еще никто не проходил. Причина – мягкая зима. Кан, быстрая горная речка, изобилует порогами и замерзает окончательно только после сильных сибирских морозов. Местные жители выражали сомнение в возможности прохода, так как считали, что мы не сможем одолеть порогов, где под снегом струится вода; безусловно были непроходимы пороги у устья реки, но их можно обойти, пересекая огромную лесистую сопку, занявшую весь угол между Енисеем и Каном; дальше по реке обходы порогов были абсолютно невозможны по характеру берегов. Ближайший населенный пункт вверх по реке – деревня Барга – находился примерно в 80 верстах от Подпорожной по прямой линии, причем единственная имевшаяся у них старая переселенческая карта указывала деревню Баргу на правом берегу реки; впоследствии мы нашли деревню на левом берегу.

Картина открывалась невеселая, но выхода у нас не было. Возвращаться назад, чтобы выйти к железной дороге, особенно теперь, после потери двух суток, было поздно; оставалось идти вперед. Вскоре после полудня 4-я дивизия выступила из деревни Подпорожное, имея в голове колонны генерала Каппеля с его конвоем. 8-я дивизия начала движение через три часа, в предположении, что 4-я дивизия, прокладывавшая дорогу по

целине, успела уже выиграть достаточное пространство. Начался медленный, утомительный подъем в гору по плохо укатанной дороге. День на редкость теплый; падал небольшой снежок. Уже в полной темноте поднялись на вершину горы и здесь надолго остановились: впереди застыл неподвижно хвост 4-й дивизии. Командированный на разведку офицер вернулся и доложил, что в голове колонны движение почти остановилось: люди и повозки тонут; продвижение было успешно, хотя и требовало огромных усилий, при дневном свете, ночью же приходится находить сухие места под снегом ощупью; кое-где вода струится во всю ширину реки, и там люди и лошади идут по колено в воде; идущие в голове высказывают сомнение в самой возможности дальнейшего движения.

Оставалось терпеливо ждать, пока очистится дорога, остановившись на горе так, как двигались, ибо сход с дороги в дремучем лесу невозможен. На душе – гнетущее чувство сознания своей полной беспомощности; оставалась только надежда на чудо – на внезапный и лютый сибирский мороз. Около 8 часов вечера небо начало проясняться, сквозь верхушки высоких сосен выглянул неполный лик луны, и желанный мороз, крепкий и беспощадный, спустился на непокорную речку. Вдоль дороги появилась линия костров, но спать никто не мог – слишком холодно. В полночь с реки пришла записка генерала Каппеля, адресованная генералу Войцеховскому и для сведения старших начальников. Люди в голове колонны на грани отчаяния, и генерал Каппель высказал соображение о необходимости бросить все сани, посадить людей верхом, оставив в деревне Подпорожное всех раненых, больных и женщин, как это было сделано в Щегловской тайге. Я хорошо знал, что эта мера для нас психологически неприемлема: в частях остались только те, кому пути назад нет, и никто не пожелает оставить позади беспомощных людей. Вместе с тем я надеялся, что утром, особенно после мороза, движение пойдет гораздо быстрее и легче. Нужно было воспрепятствовать рекомендуемой генералом Каппелем мере, и я решил вернуться в Подпорожное и настоять перед генералом Войцеховским выждать с решением до утра. Командующий армией оказался того же мнения, и убеждать его не пришлось.

Бесконечная, томительная ночь прошла в ожидании, в попытках согреться и задремать. За час до рассвета последние повозки 4-й дивизии исчезли, и с первыми лучами ясного, морозного дня мы оказались на льду реки.

* * *

К этому времени голова колонны, по-видимому, продвинулась значительно вперед, и начало нашего движения по реке пошло с большой быстротой. Утреннее солнце осветило своеобразную картину. Ровная, белая лента реки Кан, шириною в 200–250 шагов, вьется между двух обрывистых, поросших вековым лесом стен, подобно бесконечному белому коридору. Высокие холмы по обоим берегам временами отходят от реки, иногда же нависают над самым руслом. На всем протяжении от устья Кана до деревни Барги нигде не удалось заметить ни малейшего прорыва в этих стенах, куда мог бы проскользнуть человек; все двигавшиеся по реке тысячи людей и лошадей оказались запертыми более прочно, чем если бы они попали в самую надежную тюрьму.

Узкая дорога через Щегловскую тайгу казалась тягостной, стеснительной, связывавшей по рукам и ногам. Открывшаяся перед нами величавая, Богом созданная дорога сверх того устрашала. Можно было надеяться, что под соединенными усилиями тысяч решительных людей Щегловское дефиле разорвется и даст выход запертому в нем людскому потоку; здесь, при спуске на Кан, можно было поставить старую, всем известную надпись: «Оставь надежду, входящий сюда». Эти две стены лесистых гор, покрытых снегом, пробить не смог бы никто.

По белому полю реки местами выступали огромные красноватые пятна, подобные ржавчине: здесь пробилась на поверхность незамерзшая струя воды; дорога шла, извиваясь, обходя эти опасные места. Сейчас они были безвредны, так как легко видны, но ночью голова колонны должна была ощупывать их с большой осторожностью. Становилось понятным, почему нас заставили просидеть на горе целую ночь.

Через два-три часа после спуска на лед штаб дивизии, шедший в голове, догнал хвост 4-й дивизии, и движение сразу замедлилось. Стало очевидным, что проложенная и укатанная дорога кончилась и теперь нужно идти с той же скоростью, с какой головные люди прокладывали свой опасный путь.

Около 11 часов сделали привал, рассчитывая легко наверстать потерянное время, быстро двигаясь по проложенной дороге. Штаб остановился у обрыва северного берега реки, под ярким, но не греющим солнцем. Разложили костры, согрели чай из растопленного снега, «завели» пресные блины и с наслаждением съели скудный, но горячий завтрак на тридцатиградусном морозе.

Пока мы отдыхали, голова колонны сделала, видимо, очень небольшой прогресс, так что потерянное нами пространство было быстро выиграно и мы должны были принять общий медленный

темп движения. До сих пор колонна шла в большом порядке – все на своих местах, очень мало отставших в головных частях. Около 3 часов дня вдоль колонны 8-й дивизии потянулась разрозненная линия всадников: шла Уфимская кавалерийская дивизия. Утомленная, видимо, общим медленным движением и частыми остановками, конница решила продвигаться параллельно, но скоро перешла на общую дорогу, вызвав разрывы в частях и общий беспорядок. Вслед за тем вся эта смешанная масса, надвинувшись вплотную на 4-ю дивизию, пошла уже двумя, а иногда тремя колоннами, пролагавшими самостоятельные пути. С наступлением темноты не было уже возможности различить, где и какая именно часть движется, и управление движением фактически прекратилось.

Перед вечером неожиданно наткнулись на странную находку; на уступе северной скалистой стены приютилась маленькая охотничья избушка; в ней – грубо сложенный очаг, чтобы приготовить горячую пищу для нетребовательного заблудившегося охотника. Это было единственное «жилье», встреченное нами на всем пути от деревни Подпорожное до деревни Барги.

С наступлением темноты пошел снег и сразу же потеплело. Окружающие скалы и лес приняли фантастические очертания. Бесконечные вереницы людей и повозок двигались теперь в странной тишине, навеянной усталостью и жутким молчанием величавой природной декорации. Медленное, монотонное движение начинало усыплять, усталый взор напрасно искал какого-нибудь просвета впереди, за каждым поворотом реки рисовались огни деревни; и вскоре они действительно замелькали по обоим берегам реки, а слух ловил лай собак и другие знакомые звуки человеческого жилья. Но вскоре огни исчезали, звуки расплывались, а впереди, в бесконечной смене, появлялись новые повороты и извилины капризной горной речки.

Вероятно, я задремал с открытыми глазами и не заметил, как мой крупный, широко шагавший конь вынес меня к голове колонны. Впереди – только два-три десятка всадников и ни одной повозки, и я двигался теперь по узкому, рыхлому следу, только что проложенному в девственном покрове реки. Конь шел медленнее и осторожнее по неверной дороге и вскоре начал останавливаться; чтобы облегчить его, я решил чаще спешиваться, но каждый шаг по рыхлому снегу тотчас же напоминал мне, что я и сам безмерно устал; сказывалось недосыпание – за последние пять ночей спал в среднем не более двух-трех часов. После нескольких попыток протащить вперед и себя, и не желавшего идти коня я в изнеможении свалился у дороги, поднялся и снова

упал; ни сил, ни желания еще раз подняться; почувствовал, что начинаю засыпать. Бесконечная усталость и апатия давили на плечи, на ногах – точно свинцовые подошвы. Тщетно оглядывался на проходящих и не мог различить ни одного знакомого лица.

Неожиданно из темноты показалась фигура всадника с заводной лошадью; кто-то спрыгнул ко мне и помог сесть на свежую лошадь; всадник оказался офицером конного дивизиона 8-й дивизии. Покачиваясь и держась в седле исключительно силой воли, я смог проехать еще несколько сот шагов. Выручил новый сюрприз. Шедшие в голове движения люди наткнулись на какую-то изгородь и небольшой сарай, приютившийся на уступе скалистого берега. Немедленно был разведен костер, и появился неизбежный кипяток. Когда мы добрели до сарая, костер уже весело трещал и чай был готов. Чьи-то дружеские руки подняли меня к костру, другие протянули чашку мутного чая и кусочек сала, и через несколько минут я ожил.

Было, по-видимому, около полуночи, когда после короткого отдыха я возобновил движение. Небо прояснилось, стало вновь необычайно холодно. После остановки ехал с группой случайно собравшихся людей, среди коих – генерал П. с женой; оба едут верхом на импровизированных седлах: сани их примерзли к дороге во время одной из вынужденных остановок, и их пришлось бросить. Всякое представление о пройденном пространстве давно уже было утрачено, и мы ожидали появления деревни Барги за каждым поворотом реки. Повторились те же галлюцинации, что и накануне вечером, но на этот раз лай собак и крик петухов слышал не только я, но и все окружающие. Тщетно заглядывали мы в каждую расщелину, в каждую складку высокого правого берега реки, где наша карта указывала деревню Баргу, все напрасно – звуки исчезали, и перед нами оставались только неприступные берега и белое поле реки. Около 3 часов утра рельеф левого берега реки начал смягчаться, русло расширилось, и мы подъехали к деревне Барге.

Слишком утомленный, чтобы ощущать какое-нибудь радостное чувство, зашел в первую попавшуюся хату и почти без чувств повалился на приготовленную кем-то солому…

* * *

Растянувшиеся части продолжали подходить к деревне Барге до полудня 10 января; отдельные повозки прибыли значительно позднее. Переход Уфимской группы от деревни Подпорожное до деревни Барги занял от 36 до 48 часов. Тяжелее всего он был для

4-й дивизии и конвоя генерала Каппеля, прокладывавших дорогу по целине. Трудная сама по себе задача становилась невозможной там, где головные всадники вступали в полосу незамерзшей воды. Пропитанный водой снег обращался в месиво, мгновенно замерзавшее и резавшее ноги коней. Полозья саней, попавших в такую полосу, примерзали при первой же остановке, и нужны были крайние усилия людей и лошадей, чтобы сдвинуть их с места. Очень часто при этом сани отрывались, и приходилось их вновь привязывать, что в темноте и на тридцатиградусном морозе было мучительной операцией; множество саней пришлось бросить, переводя их пассажиров на соседние сани или сажая верхом. Были случаи, когда зазевавшийся или задремавший возница попадал в открытую полынью; так случилось с одним из стрелков Егерского батальона 8-й дивизии; догадливые товарищи по роте влили в него бутылку скверного, но крепкого рома, обернули в сухое тряпье и благополучно довезли до Барги.

Особенно тяжело было во вторую ночь, когда усталость людей и лошадей дошла до предела; люди засыпали и в санях, и в седлах. Жестокий холод заставлял спешиваться и гнал из саней, и засыпавшие на ходу люди неизбежно попадали в воду и промачивали валенки. Не думаю, чтобы кто-нибудь остался необмороженным в эту ночь; у большинства пострадали ноги. Сильнее всех поплатился генерал Каппель, застудивший легкие и обморозивший обе ноги, что вызвало его смерть две недели спустя. В этом же аду двигались наши больные и раненые, женщины и даже дети…

Мы проложили по реке хорошо обозначенную, укатанную и безопасную теперь дорогу. Шедшие за нами части 3-й армии потратили на весь путь всего 12–14 часов, не испытывая особых неудобств и лишений.

Переход по Кану тяжело отозвался на состоянии дивизии. Еще не оправившись после разгрома у Красноярска, части подверглись новому испытанию, выведшему из строя большое число людей обмороженными. Длинный неведомый путь впереди представлялся теперь особенно грозным и чреватым всякими лишениями. Суровая сибирская зима впервые дала себя почувствовать и оказалась страшнее, чем мы ожидали. На следующих переходах поступили донесения о добровольно отставших людях, хотя число их было незначительно. Лично я пришел к убеждению, что к подобным экспериментам без крайней необходимости прибегать больше не следует: суровая природа сильнее нас и страшнее возможных встреч с противником.

В ночь с 10 на 11 января 8-я дивизия имела ночлег в деревне Филипповке (Высотина), откуда предполагалось свернуть на

Канск вдоль железной дороги и большого тракта. Однако с выходом к железной дороге у ст. Заозерная выяснившаяся обстановка заставила генерала Войцеховского изменить направление.

К этому времени левая колонна 2-й армии, в командование коей вступил генерал Вержбицкий, двигаясь благополучно вдоль большого тракта, достигла линии реки Кан, к югу от города Канска. Вслед за нею продвигалась сводная колонна под общим начальством генерала Сахарова, в состав которой вошли остатки Степной группы, 1-й кавалерийской дивизии, Енисейской казачьей бригады и несколько мелких частей. Сведения, собранные этими колоннами при движении от Красноярска, определенно установили, что район Канска сильно занят; здесь сосредоточены были несколько партизанских отрядов, к которым присоединился гарнизон Канска и население ближайших деревень. В задачу этой пестрой группы не входила, по-видимому, попытка остановить отходившую на восток армию: их желание ограничивалось только охраной своего района от ограблений и экзекуций, коим местное население подвергалось раньше. От Канска оборонительная линия спускалась на юг по реке Кан, примерно до района деревни Аманаш. Наступление головных частей колонны генерала Вержбицкого встретило упорное сопротивление на заранее подготовленной позиции и было отбито с потерями; на следующую ночь пришлось прорываться в промежуток между населенными пунктами.

Не желая без крайней надобности подвергаться потерям, генерал Войцеховский приказал Уфимской группе обойти укрепленный партизанский район, двигаясь на деревни Бородино, Усть-Ярульская, Подъян-да и далее на деревню Александровка. По-видимому, генерал Войцеховский считал возможным пойти на некоторую потерю времени, так как армия вышла уже в район, занятый чешскими эшелонами; шедшая в хвосте Польская дивизия к этому времени была сосредоточена главными силами у ст. Клюквенная и должна была принять на себя первый удар красных, при движении их от Красноярска на восток.

Двигаясь беспрепятственно, Уфимская группа к вечеру 13-го сосредоточилась в огромной деревне Александровке, в 20–25 верстах северо-восточнее деревни Подъянды, и здесь впервые за два последних месяца имела полную дневку. Был дан больше чем полный отдых: большинство людей получило баню, о которой начинали забывать и которая была так необходима ввиду свирепствовавших в рядах армий всех видов тифа.

На 15 января был приказан переход в деревню Тинское, лежащую на большом тракте. Ввиду значительной величины

перехода – около 50 верст – намечался на второй половине пути большой привал. Остановка произошла, однако, значительно раньше. Пройдя около 20 верст от деревни Александровки, колонна остановилась в маленькой переселенческой деревушке, чтобы пропустить части 3-й армии, шедшей наперерез нашему движению. Через несколько минут после остановки я был вызван к генералу Войцеховскому; в его хате, кроме него, я нашел генерала Бангерского и начальника штаба армии генерала Щепихина[127]. Генерал Войцеховский объяснил неожиданную задержку, сообщив, что 3-я армия и сводная колонна генерала Сахарова решили идти по ряду переселенческих пунктов, разбросанных в тайге южнее железной дороги. Путь этот должен был вывести на большой тракт где-то около Нижне-Удинска, но где именно, точно никто не знал. Генерал Войцеховский объявил собравшимся, что, ввиду временной небоеспособности частей и возможности встретить на большом тракте крупные партизанские отряды, он решил с Уфимской группой свернуть на дорогу 3-й армии; по-видимому, его пугала перспектива прохода через район грозного Тайшета.

Оценить достоинства и недостатки принятого генералом Войцеховским решения было нетрудно. Еще накануне в деревне Александровке я знал о южном направлении и приказал собрать все сведения о нем; разведка установила возможность движения по нему, однако с большими трудностями. На некоторых участках пути зимой движение не производилось на расстоянии 60–70 верст, поэтому предстояло прокладывать дорогу по целине или же делать длинные обходные движения. Район был слабо населен и беден продуктами и фуражом. Было ясно, что идущие впереди части заберут в населенных пунктах все, что там имелось, а мы обрекались на хроническую голодовку, при неизбежных ночлегах в поле, у костров. Впечатления от перехода по реке Кан были еще слишком свежи в памяти, и я доложил командующему армией, что категорически отказываюсь вести дивизию за 3-й армией.

Отказ выполнить оперативный приказ генерала Войцеховского был более чем опасен; всего два месяца назад он собственноручно застрелил командира корпуса за подобный поступок. Но в данном положении иного выхода я не видел… Последовало горячее и неприятное объяснение, и я ушел к себе, ожидая вслед, в лучшем случае, приказа об отрешении от командования. Большой привал окончился, и приказ не прибыл. Дивизия возобновила движение на Тинское; за ней выступили остальные части Уфимской группы и штаб 2-й армии.

Поздно ночью прибыли в деревню Тинское и нашли ее занятой Добровольческой бригадой, шедшей в хвосте колонны

генерала Вержбицкого. Ночевать пришлось в большой тесноте, но в дальнейшем подобное совместное расквартирование уже не повторялось. Войдя в связь с колоннами, генерал Войцеховский упорядочил движение; Уфимская группа двигалась за колонной генерала Вержбицкого, примерно в полупереходе, в соответствии с расположением населенных пунктов. Благополучно миновали сожженную деревню Бирюсу и мирный теперь Тайшет – места бесчисленных партизанских налетов на железную дорогу и схваток их с чехами. Села по тракту казались вымершими, что не могло не отражаться на нашем снабжении. В районе деревни Бирюсы мы обогнали последний собственно чешский эшелон и вновь поставили некоторую преграду между собой и преследующими красными частями, что было крайне важно в связи с теми препятствиями, которые обрисовались на нашем пути.

От Кана до Иркутска

С выходом к железной дороге штабы генералов Каппеля и Войцеховского получили возможность несколько ориентироваться в общей обстановке путем сведений, собранных у чехов и железнодорожников. Полная темнота, в которой до сего времени шло движение армии, несколько рассеялась, но открывшаяся картина была малоутешительной. Окончательно выяснилась не только полная потеря всего тыла, но и явная его враждебность к армии. Предательский арест Верховного Правителя и образование Политического центра в Иркутске не оставляли сомнений в том, что ждет армию на ее дальнейшем пути. Положение в самой стране, вне Иркутска, было еще хуже, так как здесь повсюду царили партизаны, склонные признать только настоящую красную власть, без всяких розовых оттенков. Следовало ожидать со дня на день официального водворения советской власти на всем пространстве до Байкала. Вместе с тем отпадала всякая надежда на какое-либо содействие со стороны так называемых союзников и их единственной реальной силы – Чешского корпуса.

При всей сложности и неблагоприятности обстановки наше положение и наши возможные планы на будущее выяснились окончательно. Армия потеряла верховное возглавление и всякую связь со страной, которую еще вчера только была призвана защищать. Без боевых припасов, денег и продовольствия, перегруженная больными, пораженная свирепствующим в ее рядах тифом, преследуемая смертельным врагом, она должна была теперь прокладывать себе дорогу силой, в поисках

безопасного клочка земли, который смутно обрисовывался где-то за Байкалом. Следовало спешить, насколько допускали силы людей и лошадей, чтобы, с одной стороны, предупредить организацию и усиление враждебных армии элементов на пути к Байкалу, с другой – поставить возможно большее количество медленно ползущих чешских эшелонов между арьергардом армии и регулярными красными частями.

Вечером 19 января Уфимская группа достигла деревни Алзамайское, где на следующий день имела дневку. К этому времени окончательно выяснилось, что первая попытка остановить и разоружить армию будет сделана в районе Нижне-Удинска, где сосредоточилось несколько партизанских отрядов и вооруженных рабочих дружин. У ст. Ук, в 15 верстах западнее Нижне-Удинска, спешно подготовлялась укрепленная позиция, замыкавшая выход из тайги, которая тянулась примерно от района Алзамайской до Нижне-Удинска. Район для обороны был избран удачно; он не допускал развертывания крупных сил для атаки; кроме того, атакующие части должны были предварительно сделать не менее трех переходов по тайге, с перспективой голодных и холодных ночлегов. Учитывая последнее обстоятельство, генерал Войцеховский приказал Уфимской группе свернуть от деревни Алзамайское на северо-восток, с тем чтобы выйти кружным путем к деревне Хинкул, в 20 верстах восточнее Нижне-Удинска. 3-я армия должна была выйти в тот же район с юга, в то время как колонна генерала Вержбицкого прокладывала себе путь фронтальным движением вдоль дороги, используя свое исключительное преимущество – действующие орудия Воткинской дивизии.

С 21 по 24 января колонна генерала Бангерского со штабом армии обогнули полукруг от деревни Алзамайское до Нижне-Удинска, следуя по ряду мелких переселенческих деревушек – Катарма, Гродненский, Широково, Щипицыно, Коксатайская, заброшенных в глухой тайге и живших мирной жизнью, бедных и фуражом и продовольствием. На пути выяснилось, что прямой дороги от деревни Коксатайской к деревне Хинкул в зимнее время нет, что заставило колонну свернуть на Нижне-Удинск, занятый уже нашими частями. Накануне генерал Вержбицкий атаковал красный заслон у ст. Ук и после короткого боя разбил его наголову. Нижне-Удинск был занят уже без боя, так как красные очистили город и большой тракт, спешно уходя в стороны от дороги. Почти одновременно вышли к Нижне-Удинску и части 3-й армии.

24 января больной главнокомандующий, чувствуя приближение смерти, назначил своим заместителем генерала

Войцеховского, а генерала Сахарова – командующим 3-й армией. Через день генерал Каппель умер.

* * *

В Нижне-Удинске из перехваченной телеграммы стало известно, что красные организуют новую, более серьезную попытку остановить армию. Иркутский совет, ставший к власти с 24 января, спешно выдвигал к ст. Зима сильный отряд под командой товарища Нестерева; численность отряда определялась от 1 до 4 тысяч. Чехи допустили пользование железной дорогой для перевозки отряда Нестерева, потребовав только, при ведении боевых действий против белых, соблюдения трехверстной нейтральной зоны вдоль железной дороги.

Новый главнокомандующий организовал дальнейшее движение армий тремя колоннами: 1) генерал Сахаров (остатки 3-й армии и Степной корпус) должен был двигаться проселочными дорогами в 20–25 верстах южнее большого тракта; 2) генерал Вержбицкий (южная и Тобольская группы и остатки 1-й армии) – следовать по большому тракту, имея задачей атаковать и уничтожить красный заслон у ст. Зима; 3) Генерал Бангерский (Уфимская группа) – следовать за колонной генерала Вержбицкого примерно в одном переходе.

На первом переходе от Нижне-Удинска я пережил тяжелый моральный удар: с большого привала повернула назад и ушла в Нижне-Удинск конно-разведческая команда 30-го Аксинского полка, во главе с прапорщиком Н. Сформированная исключительно из добровольцев, команда имела блестящее боевое прошлое, включавшее ряд конных атак на пехоту, силою до полка. Трудно было представить себе часть более стойкую в боевом и моральном отношении, и ее неожиданная сдача никогда не была удовлетворительно объяснена. Впоследствии один из стрелков Аксинского полка, случайно застрявший в Нижне-Удинске, догнав свою часть, рассказал, что несчастных обезоруженных разведчиков водили раздетыми до белья по улицам города для общего посмеяния и издевательства. Не трудно себе представить, какая судьба постигла их в дальнейшем.

30 января генерал Вержбицкий атаковал отряд Нестерева. Красные заняли довольно сильную природную позицию в нескольких верстах западнее ст. Зима, успели возвести снежные окопы, полить их водой и сосредоточить большое количество огнеприпасов. После упорного боя, обойдя удачно левый фланг расположения красных, генерал Вержбицкий сломил их

сопротивление. Неожиданное для обеих сторон появление конного чешского полка в тылу красных обратило их поражение в полный разгром. Сам Нестерев со штабом и около тысячи красных бойцов были разоружены и задержаны чехами, остальные рассеяны или перебиты.

2 февраля Уфимская группа имела в поселке Зима дневку, последнюю до прихода в Забайкалье. С 3 февраля началось быстрое, безостановочное движение к последнему и, как казалось тогда, самому серьезному препятствию на пути армии – к Иркутску.

Иркутск и Байкал

После катастрофы у ст. Зима красные уже не пытались остановить армию вооруженной силой. Через посредство чехов было сделано нелепое предложение о разоружении, получившее достойный ответ. Оставшийся в их распоряжении недельный срок, потребный для прохождения расстояния от ст. Зима до города Иркутска, красные энергично использовали, чтобы организовать оборону Иркутского района по новому плану. Иркутск был спешно эвакуирован как новыми властями, так и большей частью свежеорганизованной военной силы. Руководители перенесли свою ставку на Верхоленский тракт, развернув вооруженные отряды по Балаганскому тракту, вдоль правого берега реки Ангары; город Иркутск оставался на крайнем левом фланге расположения, флангового в отношении наступающей Белой армии. В то же время были приняты экстренные меры по обезвреживанию Иркутска изнутри; спешно разоружено все население, все подозрительные, с их точки зрения, арестованы; заключен договор с чехами о нейтрализации предместья Глазково, прилегающего непосредственно к ст. Иркутск и занимающего командующее над городом положение; этим большевики обеспечили от обхода свой левый фланг. Спешно возводились снежные окопы на западной окраине города, баррикадировались улицы и приспособлялись к обороне здания. Утром 7 февраля был убит адмирал Колчак, чем большевики надеялись устранить один из главных побудительных мотивов для атаки нами Иркутска. Нужно признать, что в этом они были правы: при малейшей надежде найти Верховного Правителя в городе армия атаковала бы Иркутск немедленно же с подходом к нему.

Вечером 7 февраля авангард 3-й армии, шедший в голове общего движения, внезапно в поселке Иннокентьевском атаковал

и захватил два орудия и обоз красных, разгружавших военные склады. Немедленно же начальнику авангарда было вручено ультимативное требование начальника 2-й чешской дивизии о полной нейтрализации Глазковского предместья. В качестве мотива указывалось оградить от насилий семьи железнодорожных служащих, занятых перевозкой чешских войск.

В этот день 8-я дивизия, двигаясь из деревни Усолье в деревню Сухую вдоль реки Ангары, имела бой с группой красных, перешедших на левый берег реки у деревни Усть-Китой (Зверево). Красные ушли на правый берег, не оказав серьезного сопротивления.

На 8 февраля Уфимская группа получила задание занять деревню Усть-Куду на правом берегу реки Ангары и оставаться в ней до прохода на восток группы генерала Вержбицкого, сделавшей накануне неудачную попытку выйти на Балаганский тракт в районе деревни Мальшинское. После короткой перестрелки деревня Усть-Куда была занята около 9 часов утра, и группа оставалась в деревне до поздней ночи, ведя перестрелку с появлявшимися по временам группами красных; со стороны противника действовали два легких орудия. Около 8 часов вечера неожиданно было получено приказание оставить деревню Усть-Куду и перейти в поселок Иннокентьевский, ввиду намеченного в эту ночь движения в обход города Иркутска.

К этому времени наша агентурная разведка и чешская информация установили окончательно факт расстрела Верховного Правителя. Выяснилось также отсутствие в городе значительных групп белых, нуждающихся в нашей выручке; отпали соображения о материальной выгоде занятия города Иркутска, так как красные увели с собой абсолютно всех лошадей, а наличные перевозочные средства армии не позволяли поднять даже те склады, что были найдены в поселке Иннокентьевском. Отпадали, таким образом, все серьезные соображения в пользу атаки города, и в то же время увеличились опасения чешского вмешательства – и не в нашу пользу – при первом удобном случае. Приходилось также считаться с крайней ограниченностью наших огнестрельных припасов и возможностью контратаки красных. На совещании генерала Войцеховского со старшими начальниками 3-й армии все эти соображения склонили большинство к решению отказаться от атаки и обойти Иркутск с юга.

Генерал Войцеховский присоединился к мнению большинства и отдал приказ начать обходное движение в ночь с 8 на 9 февраля. Намеченный путь шел вдоль железной дороги до моста через реку Иркут, где, в непосредственной близости от города,

поворачивал по рекам Иркут, Кая на деревни Медведево, Марково и далее, огибая огромную лесистую сопку и выходя снова на большой тракт в нескольких верстах восточнее города Иркутска. Для прикрытия движения всех частей была оставлена в военном городке, непосредственно против западной окраины города, Енисейская казачья бригада с двумя захваченными накануне орудиями.

Около 11 часов вечера дивизия начала движение от поселка Иннокентьевского, следуя за 3-й армией. Ночь была чрезвычайно холодной и, против обыкновения, с сильным ветром. Я продрог до костей и, чтобы хоть немного согреться чашкой горячего чая, задержался с частью штаба на несколько минут в деревне Марково, благодаря чему оторвался от частей дивизии. На спуске к Ангаре по узкой лесной дороге произошла обычная задержка в движении, и когда мы, наконец, выбрались на открытое место, то увидели две уходящие по разным дорогам колонны. Полагая, что это одно из обычных разветвлений пути, мы направились за правой колонной и, как выяснилось позднее, попали на переселенческую дорогу, уклонявшуюся на юго-восток по ряду лесных хуторов. В надежде найти поворот налево двигались по ней до вечера, пока удаляющиеся паровозные свистки не убедили нас, что мы ушли далеко на юг. По счастью, уже в полной темноте удалось обнаружить едва заметный след зимнего пути, приведшего нас поздно вечером к ст. Михалево, где мы вынуждены были остановиться после суточного непрерывного движения от деревни Усть-Куды. Части дивизии ночевали в указанном им районе деревень Большереченская и Тальцы.

К вечеру 10 февраля Уфимская группа сосредоточилась в деревне Лиственичное, на берегу Байкала. Ночевавшие здесь накануне головные части 3-й армии в это время уже начали движение через Байкал.

* * *

Несложная обычно операция перехода через Байкал предстала на этот раз перед армией в ином виде. Лед на озере встал лишь незадолго до прибытия армии – исчез пар посередине, по наблюдениям местных жителей. Еще никто в этом году не переходил Байкал, и ни один из опытных проводников не брался вести голову колонны непосредственно от деревни Лиственичное на поселок Мысовск. Лица, хорошо знавшие особенности причудливого Байкала, строение его льда и ничем не объяснимое периодическое появление трещин, рекомендовали продвинуться

предварительно вдоль западного берега Байкала до деревни Голоустное (45 верст) и только оттуда пересечь озеро, пройдя до Мысовска еще 45 верст. Это несколько удлиняло общий путь по озеру, но делало его безопаснее.

Еще более осложняла обстановку наша полная неосведомленность о том, что делалось по ту сторону Байкала. Чешские источники определенно говорили, что накануне в районе Мысовска был бой, в результате которого поселок и станция оказались в руках сильной группы красных с артиллерией и бронепоездом. Приходилось также считаться с возможностью появления у деревни Голоустное сильного и весьма активного отряда партизана Карандашвили, который, по некоторым сведениям, еще накануне выступил с Верхоленского тракта в направлении на деревню Голоустное.

Произвести разведку льда не представлялось возможным, так как это потребовало бы не менее двух суток, между тем в деревне Лиственичное безостановочно прибывали новые части. Поэтому генерал Войцеховский приказал 3-й армии выступить после полудня 10 февраля на деревню Голоустное, где переночевать, и 11-го пересечь Байкал по линии Голоустное – Мысовск.

Наибольшую опасность при движении по озеру представляли внезапно появляющиеся и столь же внезапно исчезающие трещины во льду. В предвидение этого головные части имели необходимый материал для перекрытия трещин, однако применить его пришлось только однажды на всем пути до деревни Голоустное. К вечеру 10-го голова 3-й армии благополучно достигла деревни Голоустное, не обнаружив там противника.

11-го утром Уфимская группа выступила из деревни Лиственичное, и в то же время Ижевская дивизия, шедшая в голове 3-й армии, начала движение поперек Байкала. Ижевцам пришлось прокладывать свежий путь, идя по компасу; местные жители категорически отказались быть проводниками и помогли только определением положения Мысовска на далеком рельефе гор восточного берега озера. Путь оказался исключительно трудным, так как почти все лошади шли на старых, стертых подковах, скользили и падали на каждом шагу, вызывая ежеминутные остановки. Движение шло крайне медленно; люди выбились из сил в непрестанных усилиях понудить несчастных животных идти вперед или поднять упавших. Живые вехи из брошенных лошадей отчетливо обозначили пройденный путь; одна только Ижевская дивизия оставила на льду около ста лошадей. Только с наступлением темноты дотянулась голова колонны до гостеприимного Мысовска, занятого передовыми

частями Японского экспедиционного корпуса.

Уфимская группа благополучно прошла участок пути от деревни Лиственичное до деревни Голоустное и после шестичасового большого привала, в ночь на 12 февраля, выступила на Мысовск. Пришлось преодолеть те же трудности, хотя и в меньшей степени, так как дорога была уже обозначена и укатана шедшими впереди. На рассвете 12 февраля 8-я дивизия подошла к Мысовску, пройдя за сутки около 90 верст.

Ледяной поход окончился…

На походе

Весь поход с линии реки Томь до Байкала можно разделить на три периода, отличных друг от друга по особенностям движения, вызванным отчасти обстановкой, при которой движение происходило, отчасти использованием опыта первых недель похода. Первый период – от реки Томь до реки Енисея, второй – от реки Енисея до района города Канска и третий – далее до Байкала.

Наиболее характерной особенностью первого периода являлось сохранение некоторой видимости боевого фронта в сторону основного врага – регулярной Красной армии, со всеми особенностями его управления. Армии отходили на широком сравнительно фронте в 70–80 верст, получали определенные, точно формулированные задачи там, где командование было в состоянии поддерживать связь со своими колоннами. Конечная цель движения для главного командования еще не была ясна, так как отсутствовали точные сведения и о событиях в тылу, и о боеспособности своих частей. Катастрофа, пережитая 2-й и 3-й армиями в Щегловской тайге, исчезновение 1-й армии и восстания в тылу захватили главное командование врасплох. Управление фронтом чувствовалось лишь очень слабо, благодаря, быть может, особенностям генерала Каппеля, личная доблесть которого не могла возместить отсутствия в нем умения разобраться в создавшемся хаосе, проявить необходимое предвидение событий и показать железную руку при водворении порядка. Следует сказать, однако, что задача была явно непосильной для ординарного человека, ибо расстройство в управлении армиями и корпусами дошло до предела, не завися от внутреннего порядка в самих частях, так как боеспособный элемент временами буквально растворялся в море обозов, шедших на восток хаотически, без приказов и определенной цели. В этом отношении следует особенно выделить марш по

Щегловской тайге, а также по лесистой местности между Ачинском и Красноярском. Порядок при движении и на ночлегах на этих этапах пути можно определить кратко – хаос.

В промежутке между двумя лесными участками 8-я дивизия двигалась самостоятельно, имея на большей части пути свою дорогу, по которой шли лишь немногие посторонние части и обозы. Благодаря этому можно было сохранить должный боевой и внутренний порядок в частях и даже несколько прибрать их к рукам, что было так необходимо после тяжких потрясений, пережитых в Щегловской тайге. Полки получали свои районы расквартирования, заранее отведенные квартирьерами, что облегчало снабжение продовольствием и фуражом. На походе удавалось также сохранить полный порядок, чем дивизия резко выделялась на общей хаотической картине похода.

На участке Ачинск – Красноярск все резко изменилось. Скопление обозов на обоих главных путях было таково, что строевые части буквально утонули в их стихийном потоке, и, несмотря на чрезвычайные усилия, не удавалось поддержать даже видимости порядка. Утром 3 января на моих глазах обоз штаба дивизии был отрезан и увлечен на другую дорогу; мы вынуждены были предоставить его собственной участи, сознавая, что осталось только одно средство повернуть его на свое направление – открыть огонь по тем, кто пересекал нашу дорогу. Пытаясь оградить порядок движения в частях Уфимской группы, командующий группой распорядился не допускать никаких посторонних обозов на полотно железной дороги, назначенное для движения группы, применяя, если понадобится, оружие. Когда я при личной встрече спросил, действительно ли это имеется в виду приказанием, то получил в ответ неопределенное пожатие плечами. Было очевидно, что точное выполнение приказания повлекло бы к гибели сотен своих же людей и в некоторых случаях все же не дало бы ожидаемых результатов.

Еще хуже было на ночлегах. При походном движении, особенно днем, удавалось удерживать под наблюдением хотя бы мелкие строевые части, до батальонов включительно; на местах ночлегов и это было невозможно. Мелкие населенные пункты, назначаемые приказом для ночлегов, еще задолго до прихода дивизии оказывались забитыми до отказа людьми и повозками. Нужно было бы и здесь применение оружия, до открытия огня включительно, чтобы очистить хоть несколько хат для больных и для семейств. Фактически во многих случаях это делалось, причем огонь, чаще всего пулеметный, открывался, разумеется, в воздух, но результата своего обычно достигал, создавая невероятный хаос и подвергая «выселяемых» всем ужасам ночлега

в лесу. В дивизии, однако, такой способ отвода квартир за весь поход не применялся ни разу. Но чтобы не оставлять всех на открытом воздухе, у костров, и дать людям хотя бы небольшой отдых, приходилось вклиняться и распыляться среди ранее пришедших частей. Переполнение обычно доходило до таких пределов, что даже и на улицах невозможно было сохранить компактное расположение строевых единиц. Нечего было и думать об организации обороны на таких ночлегах, и часто не имело даже смысла охранение, так как дороги оставались занятыми идущими всю ночь обозами. Наутро требовались особые меры, чтобы собрать и вытянуть в походную колонну рассеявшиеся роты и батальоны; в этом случае помогала сплоченность частей и боязнь людей отстать от своего полка. Легко себе представить, что получалось при действительном нападении красных, хотя бы и незначительными силами, на такой квартиробивак. В этом отношении дивизия была счастлива: ее ночной отдых за весь поход ни разу не был нарушен красными. Атаки красных на беспорядочное скопление наших частей у ст. Кемчуг и в особенности в деревне Зеледеева окончились катастрофически.

До Ачинска полки дивизии двигались компактно, везя при себе весь свой тяжелый нестроевой груз в виде больных, раненых и семейств. На марше к Красноярску, в ожидании атаки с юга, обозы были отделены от строевого элемента, и этот распорядок оказался чрезвычайно благоприятным для них утром 6 января, когда удалось весь небоевой состав выбросить вперед и тем избавить от тяжкой необходимости пробиваться сквозь красную завесу.

Во второй период, на участке пути между городами Красноярском и Канском, армии рассыпались на несколько колонн, предоставленных самим себе и зачастую не подозревающих о своих соседях. На порядке движения сказалось очень остро поражение, понесенное в боях под Красноярском. Но уже со второго перехода удалось добиться некоторой видимости порядка; дивизия шла по приказу, не перемешиваясь ни на походе, ни на ночлегах, за исключением части пути по Кану. В этом сказались первые усилия генерала Войцеховского стать ближе к частям и взять налаживание порядка в свои руки. В одном случае, тотчас после Красноярска, имело место невыполнение приказа со стороны частей дивизии, но в дальнейшем это не повторялось ни разу. Характерные особенности этого периода – общая растерянность, вызванная отчасти отсутствием связи между колоннами и их изолированностью, стремление избегать столкновений даже со

слабым противником и идти по линии наименьшего сопротивления.

Прорвавшись через оборонительную линию реки Кан, обе армии наконец объединились и вошли в связь друг с другом. Разъяснилась обстановка, установлен был в общих чертах план действий и конечная цель движения. Отсорились огромные обозы, неспособные части и учреждения, и состав армии свелся лишь к немногим строевым соединениям. Благодаря этому управление армейскими колоннами упростилось и явилась возможность установить строжайший порядок на походе и на ночлегах. Те немногие мелкие части, коим удалось выйти из красноярского окружения, были или расформированы, или включены в другие соединения и не могли уже осложнять или нарушать общий распорядок. В частности, для 2-й армии, разделенной на две колонны, порядок движения и ночлегов был определен рядом приказаний генерала Войцеховского, игравшего вообще доминирующую роль во всем походе. Заболевший после похода по реке Кан генерал Каппель теперь уже совсем не чувствовался в войсках. До Нижне-Удинска, со вступлением в главное командование генерала Войцеховского, обе армии придерживались одного, общего для всех порядка.

Привожу сущность одного из приказаний генерала Войцеховского, отданного 17 января в деревне Вайроновское. Им указывалось: 1) зарегистрировать все части, входящие в колонны, мелкие расформировать или свести в более крупные; так же поступить и с учреждениями; 2) всем новым частям дать наименование и в приказах указывать их точное место на марше; 3) весь небоевой элемент (больных и семьи) сводить в особые колонны; одиночным лицам реквизиции воспрещены. Общее наблюдение за выполнением указанного порядка возлагалось на особое лицо (генерал Макри), стоявшее во главе специального отряда. Ему разрешалось сбрасывать с общей дороги все части и учреждения, не вошедшие в определенную колонну, не допускать их на ночлеги и передавать в распоряжение ближайшей строевой части; водворять на места всех следующих или ночующих не по маршруту; принимать и разбирать все претензии от местного населения; арестовывать и направлять к командующему армией для повешения всех виновных в грубых нарушениях порядка реквизиции лошадей и продовольствия, а также и тех, кто реквизирует ненужные предметы; ему же было предоставлено исключительное право реквизиции у кооперативов.

* * *

Для лучшего понимания всех особенностей похода необходимо отметить прежде всего наиболее характерную черту его, клавшую отпечаток на все стороны жизни армии, до боя включительно: это – способ передвижения. Все без исключения передвигались на лошадях, верхом или в санях. Нет сомнения, что никаких человеческих сил не хватило бы на преодоление пройденного армией пространства, особенно в зимнее время и после напряженной, в высшей степени подвижной летней кампании между Волгой и Иртышом. Весь поход в седле проделали кавалерийские части и конные команды пехотных полков, но и конница была вынуждена вести огромный санный обоз для больных, семей и скудного хозяйственного имущества. К концу похода некоторые пехотные части пришли к выводу, что боеспособных людей полезнее везти в седлах: это давало возможность держать их более компактно и в руках, сокращало глубину колонн и время развертывания для боя.

Лошадь явилась истинной спасительницей армии. На походе в глазах всех без исключения, от командующего армией до последнего рядового, она уподоблялась верблюду в пустыне. Пала лошадь – погиб и всадник или все едущие в санях, если не выручали соседи или не было под рукой заводной. Как и во всем, в крепких, сплоченных частях одиночные падежи лошадей в пути не вели ни к каким тяжелым осложнениям; неудачники забирали сбрую и свой несложный багаж и размещались на соседних санях; но в мелких и слабых частях и для тех одиночек, которые присоединялись в пути, изгоняемых, главным образом, из чешских эшелонов, – для них потеря лошади была зачастую трагедией. В большинстве случаев по этой именно причине части войск не принимали к себе «чужих», полагая, что достаточно забот и о своем личном составе.

Лошадь, как никогда, пользовалась исключительной заботой людей. На нее устремлялись тревожные глаза на походе, ей отдавалась первая мысль на ночлеге. И если, тем не менее, армия потеряла огромное количество лошадей, павших в пути или брошенных в полном истощении, то это объясняется необычайной интенсивностью движения и относительной бедностью района вдоль пути, особенно на лесистых участках. За весь поход части имели по три-четыре дневки, совершая огромные переходы, доходившие в отдельных случаях до 90—100 верст в сутки. Ковать лошадей было некогда и нечем, и бедные животные поминутно калечились на твердой, обледенелой дороге. Особенно плохо приходилось тем частям, которые шли во втором или даже в третьем эшелоне: идущие впереди съедали все, и никакие приказы – оставлять необходимое для тыловых частей –

обычно не помогали.

При решении вопроса о квартирном районе на следующей остановке (а это автоматически определяло величину перехода) руководствовались прежде всего хозяйственными соображениями и, главным образом, возможностью добыть фураж. Обычно за пять-шесть часов до выступления головы колонны вперед высылались квартирьеры; если пункты ночлега расположены были компактно, квартирьеры объединялись в одну сильную группу, особенно когда можно было ожидать встречи с партизанскими отрядами, как это было непосредственно после красноярского прорыва, в районе Канска и Тайшета и на подступах к Иркутску. Вместе с ними шли фуражиры, снабженные возможно точными инструкциями по предварительному распределению района; детали решались на местах. С течением времени установился точный порядок распределения и самого сбора фуража, почти исключавший возможность недоразумений между частями дивизии; лично мне почти никогда не приходилось вмешиваться в «фуражные» споры между полками – все разрешалось полюбовно. Выработались практические приемы по розыску скрытого фуража, по обнаружению путей на заимки, где сибиряки обычно хранят сено. Что особенно нервировало и заставляло глядеть вперед с тревогой – это невозможность сделать сравнительно солидные запасы фуража и везти их с собой. Редкие сани имели на себе мешок зерна и охапку сена; огромное большинство полагалось на то, что найдут на большом привале или на ночлеге. Роль нормальных заготовительных органов, естественно, свелась на нет, а в крупных соединениях они, за ненадобностью, просто исчезли.

С довольствием людей обстояло значительно проще. Предполагалось, что роты и команды сами позаботятся о себе, собирая натурой в тех домах, которые отведены им под квартиры. Питались буквально «чем Бог послал», чаще всего горячими блинами, то есть попросту наскоро разведенной в воде мукой, часто без соли. Сварить регулярный обед, даже для начальствующих лиц, было часто совершенно немыслимо, если распорядительному квартирьеру не удавалось подогреть радушие сибиряков. Особенно тяжело было, как и во всем, тем частям, которые шли в хвосте: к их приходу и продукты, и радушие хозяев обычно уже истощались.

Привожу, для иллюстрации, выдержку из записей командира конного полка: «…К утру добрались проклятой дорогой до Латышских хуторов. У них огромные просторные хаты. В одной увидел много брошенных больных разных частей. Посреди стояла большая лохань с вареной картошкой и коробок с солью. Съел три

картошки и поехал дальше… По счастью, картофель был уже приготовлен, иначе пришлось бы ехать дальше совершенно голодным». После двух недель полуголодного странствования, непрерывных боев, окружений и прорывов тот же командир полка с удовольствием отмечает: «К вечеру остановились в богатой деревне, где ели гуся и белый хлеб»… Следует сказать, что это было на первый день Рождества.

Как это ни странно звучит, но своим сравнительным благополучием в продовольственном отношении армия обязана отчасти огромному количеству тифозных больных: несчастных держали на строжайшей диете, то есть попросту не кормили.

* * *

Все, что не выдавалось жителями добровольно, бралось путем реквизиций. В первые недели похода, когда еще имелись денежные знаки, части, приученные к легальному порядку, за все платили. Но деньги скоро истощились, и пришлось перейти на квитанции. Разумеется, ни квитанции, ни так называемые сибирские деньги, вскоре аннулированные большевиками, ничего реального населению не давали, но это было единственное средство бороться с тем развращающим влиянием, которое реквизиции обычно оказывают на войска. Было потрачено множество усилий, чтобы ограничить число лиц, имеющих право производить реквизиции, а также и количество реквизируемого. Разрешалось брать только жизненно необходимое, под расписки командиров частей. Однако последнее требование можно было осуществить в сравнительно полной мере только при реквизиции лошадей и совершенно невозможно в отношении продовольствия и фуража, ибо в этом случае приходилось иметь дело с сотнями хозяев, разбросанных на большом пространстве.

Самым тяжким бременем для населения явилась реквизиция лошадей. Правда, все это сознавали и старались ограничиться строго необходимым, оставляя обязательно на замену всех истощенных лошадей, но все же некоторые районы остались после прохода армии почти без лошадей. Нужно отметить, что многие добровольцы пришли в армию со своими конями; лично я знал таких, которые привели по две-три лошади; и когда его лошадь падала истощенной, такой доброволец считал себя вправе взять крестьянскую. В некоторых мелких населенных пунктах, особенно в тайге, был взят начисто весь фураж и жители поставлены в критическое положение; тяжело было сознавать это, но иного выхода не было.

Выполняя посильно требования приказов о реквизиции только жизненно необходимого, приходилось сталкиваться с оригинальными явлениями и до некоторой степени расширять это понятие. Припоминаю случай, когда мне пришлось защищать подчиненного стрелка и спасти его от смерти. На одном из ночлегов баба-сибирячка пожаловалась генералу Войцеховскому на грабеж у нее двух теплых юбок. Виновник, стрелок 29-го полка, был обнаружен, и генерал Войцеховский приказал немедленно предать его полевому суду, со всеми явными и неизбежными последствиями. Совершенно очевидно, что «грабитель» взял юбки не для продажи или подарка, а чтобы смастерить себе теплые обертки или укрыть одного из бесчисленных больных. Попытка моя убедить на этом основании генерала Войцеховского отменить приказ вызвала резкий отпор. Пришлось прибегнуть к иному ходу и просить разрешения объявить частям, что впредь командующий армией берет на себя снабжение всем необходимым. Намек был понят, и приказ отменен.

Я мог со спокойной совестью отстаивать своих подчиненных, ибо в общем они давали ничтожное количество поводов для обвинения в жестокостях и несправедливостях к населению. Сибиряки имели основания жаловаться только на реквизиции, которых мы, при всем желании, избежать не могли. Ни массовых, ни даже частичных «экзекуций» и «эксцессов» не было, так как никто не имел никаких личных счетов с населением в полосе движения армии, не было и времени и достаточной энергии, чтобы свести эти счеты; все желания истомленных людей на ночлегах сводились к тому, чтобы добыть все необходимое, отдохнуть и двигаться дальше; вне этого на их внимание могли претендовать только больные товарищи. С своей стороны, жители также давали мало поводов к нападкам на них; в худшем случае они были индифферентны к войскам, особенно последних эшелонов, исключая, разумеется, жителей немногих районов, встретивших армию с оружием в руках. На некоторых участках пути пришлось пожать плоды работы тыловых охранных частей, особенно иностранцев. В районе Тайшет – Бирюса мы нашли ряд сожженных деревень; кое-где жители заблаговременно уходили в сторону от дороги, оставляя пустые хаты и тем затрудняя до крайности довольствие людей. Исключительно этим же объясняется упорное сопротивление, оказанное армии населением района города Канска. С появлением большевиков у власти вдоль дороги к Иркутску была развита энергичная пропаганда, побуждавшая жителей уходить в глубь страны; иногда отдавались просто приказы, с угрозами ослушникам, но исполнялись эти требования только в редких случаях.

Ни своеобразные методы довольствия людей, ни вся ненормальная обстановка жизни не повлияли на падение дисциплины в рядах армии. В частях оставались только исключительно надежные люди, спаянные долгой совместной боевой работой и общим тяжким горем. Хотя иерархическая командная лестница оборвалась, оставшись без верховного возглавления, и подчинение стало, по существу, добровольным, оно было полным, как никогда за все время Гражданской войны. Отчасти по инстинкту, отчасти по природному здравому смыслу рядовой состав понял, что спасение от общего врага и от тысячи естественных опасностей необычайного пути заключается в организованности и порядке, а следовательно – в необходимости соблюдать строжайшую дисциплину. Не было и речи о принуждении оставаться в рядах армии и продолжать ее крестный путь. Во всех частях неоднократно, в особенности перед лицом тяжких испытаний, производился опрос о добровольности пребывания в рядах армии. Обычный кодекс наказания за проступки, конечно, уже применяться не мог; был введен новый, созданный жизнью, где на первом месте стояла угроза выбросить из рядов части и оставить у красных.

В общей атмосфере измены и предательства или, в лучшем случае, равнодушия, встреченных армией на ее пути, естественно, должна была укрепиться вера в своих испытанных боевых начальников и товарищей и тяга к сплочению с ними. Вполне понятна была и уверенность рядового состава, что только они, их старые начальники, должны и могут найти выход из создавшегося положения и спасти армию. И нужно сказать, что командный состав эти ожидания оправдал в полной мере. Известны лишь немногие случаи, когда командный состав ставил на первый план личное спасение. Так, в Щегловской тайге один из командующих дивизиями, зараженный общей паникой, бросил свои части и, в попытке спастись, рубил направо и налево. Другой старший начальник, случайный свидетель этой сцены, разрядил свой наган, пытаясь остановить или пристрелить забывшего свой долг офицера, но, к сожалению, промахнулся. Через год этот «доблестный» начдив был уже у красных и сражался против своих вчерашних друзей. Бросил свой штаб и конвой сибирский атаман генерал Иванов-Ринов, чтобы спастись, следуя в одиночку; умышленно уехал в Красноярск генерал Богословский, начальник штаба генерала Каппеля; но это, кажется, все случаи оставления своих постов начальствующими; у рядового командного состава случаи дезертирства были еще реже. И хотя командный состав, находясь в абсолютно одинаковых условиях с солдатской массой, опростился до крайности и почти утратил свои внешние

отличительные особенности, авторитет его у подчиненных никогда не был так высок.

Нужно отметить также, что сплоченность и взаимная выручка в частях иногда принимали уродливые формы, в виде деления всех на «своих» и «чужих»; отношение к «чужим» в некоторых случаях делалось не только индифферентным, но прямо враждебным. Этим объясняется гибель многих «одиночек», отбившихся от своей части или выброшенных из чешских эшелонов. Участники похода рассказывали ряд поистине трагических случаев, имевших место в пути и особенно в тайге, когда люди гибли на глазах сотен равнодушно проходивших мимо повозок. Однако те, кто испытал всю тяжесть длинных переездов на сибирском морозе, не вынесут резкого осуждения этому равнодушию. Мне припоминается фраза одного из старых писателей-революционеров, побывавшего в якутской ссылке. Рассказывая об одном дорожном случае, когда он проехал равнодушно мимо замерзавшего человека, писатель так определил свое душевное состояние: «Совесть замерзла». Участники похода имели очень много возможности заморозить свою совесть.

Были, однако, немногие своеобразные части, которые не только принимали, но даже ловили и силой удерживали в своих рядах всех боеспособных одиночек. Делалось это, очевидно, с целью увеличить состав части и тем поднять удельный вес ее командира.

* * *

Особенно ярко и в трогательных формах проявилась взаимная выручка в отношениях к больным и раненым. В трудные моменты жизни армии, при прорыве у Красноярска, в тайге, на марше по реке Кан, она доходила до самоотвержения. Здоровые буквально жертвовали жизнью для спасения беспомощных товарищей. Но даже и повседневное, полумирное движение представляло тысячи случаев для проявления заботы и любви к соратникам. Страшный бич армии – тиф – преследовал ее на всем протяжении от Иртыша до Забайкалья и прекратился уже значительно позже, когда армия стала на более удобные квартирные стоянки Забайкалья, где забота о больных пала уже на медицинский персонал.

Первые заболевания тифом начались еще задолго до Щегловской тайги, и так как больных пришлось вести при частях, без всякой изолировки, то болезнь начала быстро

распространяться. Несмотря на то что большая часть больных была оставлена в Щегловской тайге, зараза все же осталась и стала особенно интенсивно распространяться после прохода Ачинска, когда сгущенность на путях движения достигла предела. Нечего было и думать о принятии каких-либо мер предосторожности. За отсутствием дневок и потребного числа и размера бань невозможно было вымыть людей. Не говоря уже о солдатах, многие офицеры не имели запасной смены белья. Больные и здоровые останавливались на ночлегах и больших привалах в тех же самых хатах; если же, при широких квартирах, и удавалось отвести для тифозных отдельные помещения, назавтра в те же хаты могли попасть здоровые люди. К этому скоро привыкли, и никто уже не беспокоился принятием каких-либо мер предосторожности для себя лично; наиболее предусмотрительные избегали только ложиться на кровати, предпочитая спать прямо на полу, так как обычно кровати предоставлялись больным.

Среди больных можно было найти все разновидности тифа, со всевозможными осложнениями; некоторые успели переболеть двумя или даже тремя формами болезни. Невозможно сказать в точности, сколько именно успело переболеть за время похода, но, несомненно, большинство участников его. В штабе 8-й дивизии и штабных командах переболело 100 процентов солдат и 50 процентов офицеров. В некоторых частях временами число здоровых значительно превышалось числом больных. 32-й полк, вообще слабого состава, фактически вышел из строя: в нем, кажется, все переболели. Дольше всех крепились командующий полком капитан О. и его жена, самоотверженно ухаживавшие за больными; по прибытии в Читу свалились и они. При таких условиях поход и особенно бой становились чрезвычайно сложными предприятиями. Приходилось складывать больных по три-четыре в одни сани, привязывать и поручать воле Божией и надсмотру одного из товарищей. Столь же трудно было иногда уделить много внимания больным и на ночлегах, где на здоровых падала забота по заготовке продовольствия и фуража, изготовлению несложного обеда и уходу за лошадьми. Нужно сказать, однако, что неподражаемое терпение наших больных значительно облегчало уход за ними. Питание их часто сводилось к одной воде, и эта строгая поневоле диета, видимо, была только на пользу; помогало, несомненно, и постоянное пребывание на свежем воздухе. Только этим единственно можно объяснить исключительно малый процент умерших, среди которых были главным образом больные какими-либо сложными формами тифа. Естественно, что никто не думал о широкой врачебной

помощи; незначительный медицинский персонал растворился в море больных.

Губительнее всего тиф отозвался на местном населении. Армия оставила ему тяжелое наследство в виде широко распространившейся заразы, что в советских условиях не могло не вызвать страшных последствий. Пострадала и 5-я советская армия, шедшая по нашим следам; тиф оставил глубокие следы во всех ее частях, до штаба армии включительно.

Оглядываясь назад и вспоминая повседневную жизнь похода, нельзя не прийти в восхищение от неослабной и самоотверженной заботы о больных. Изо дня в день, на походе и остановках, когда хочется только теплого крова и немного пищи, когда трудно думать о чем-либо, кроме отдыха, и нет сил что-либо делать, своеобразные братья и сестры милосердия разносили полузамерзших больных по хатам, раскладывали по лучшим углам, как беспомощных детей, готовили им пищу, забывая о себе, дежурили около больных ночью, чтобы наутро вновь начать выполнение той же программы. В этом отношении огромную роль сыграли те женщины, на долю коих выпала тяжкая доля сопровождать своих мужей на их крестном пути. В 8-й дивизии число семей было ничтожно и ограничивалось преимущественно офицерским составом, так как семьи солдат при отходе армии оставались на местах.

Были, однако, части, где число семей достигало значительной цифры; так, в Ижевской дивизии ехало около 250 женщин и детей. Объяснялось это тем, что многие ижевцы увезли свои семьи при эвакуации завода и позднее разместили их на стоянке своего запасного батальона; вместе с ними большинство семей ушло в Ледяной поход. Большое зло в нормальной боевой обстановке, женщины принесли огромную пользу в походе, взяв на себя тяжелую задачу питания бойцов и ухода за больными и ранеными. Трудно сказать, какое количество людей обязано своей жизнью их заботливым, неутомимым рукам.

* * *

И вот эта пестрая армия, загруженная больными и семьями, связанная огромным обозом, утомленная до предела и промерзшая до костей, должна была вести бои, пробиваясь через ряд поставленных на ее пути живых преград. Трудно сказать, что сталось бы с армией, если бы дорогу ее преградили регулярные красные части достаточно сильного состава. Возможно, что безвыходность положения подвигнула бы непреклонных и

решительных людей на небывалый подвиг и армия смела бы всякое препятствие. Но на ее счастье, взбунтовавшийся тыл не имел в своем распоряжении ничего, что могло бы явиться серьезным для армии противником. Приходилось считаться с партизанами, имевшими за собой не менее года боевого опыта, со свеженабранными отрядами рабочих и взбунтовавшимися частями Белой армии, несшими тыловую службу. Эти последние могли бы явиться серьезным противником, если бы они имели должное руководство и энтузиазм рабочих-большевиков. Но старый командный состав, в огромном большинстве, за ними не пошел, а порыва от мобилизованных белой властью солдат ждать было нечего.

Без большого преувеличения можно сказать, что армия шла, опираясь главным образом на свою старую боевую репутацию. Всем казалось, что идет та самая армия, которая меньше года назад докатилась почти до Волги и совсем недавно потрясла до основания весь красный фронт своим блестящим наступлением на Тобол. Никто не подозревал, что это только тень старой армии, хотя и составленная из отборных, решительных, не допускающих мысли о сдаче людей, но, в сущности, почти безоружная и могущая дать только горсть бойцов.

Сейчас уже не представляется возможным определить, какое именно количество бойцов могла бы выставить вся армия в наиболее критические периоды похода. Когда решался вопрос об атаке Иркутска на совещании старших начальников с генералом Войцеховским, то при подсчете выяснилось, что вся 3-я армия, правда очень слабого состава, могла бы дать не более 2 тысяч бойцов. 2-я армия, включая и Уфимскую группу, была значительно сильнее, но я не думаю, чтобы в этот день генерал Войцеховский мог рассчитывать более чем на 5–6 тысяч бойцов, и это из общего числа в 22–24 тысячи людей. Нужно добавить, что эта горсть людей была растянута вдоль дороги на огромном протяжении и понадобилось бы не менее суток, чтобы подтянуть их к месту боя. Вся армия везла четыре действующих и семь разобранных орудий с ограниченным запасом снарядов; в большинстве дивизий было не больше двух-трех действующих пулеметов, с ничтожным числом патронов; еще беднее были запасы патронов у стрелков…

При таких условиях пехота не могла вести длительного методического боя; огнеприпасы всей армии были бы израсходованы в первом же бою. Не допускал этого и суровый климат; сзади цепей, на морозе, ждали результатов боя больные и семьи, для которых каждый лишний час ожидания мог быть гибельным. Характер противника также не требовал строгой

методики боя, поэтому столкновения решались обычно молниеносными налетами. Редким исключением явился только чисто оборонительный бой дивизии под Красноярском, когда пришлось иметь дело с регулярными частями красных, и до некоторой степени бой у ст. Зима, где колонна генерала Вержбицкого вынуждена была развернуться и вести длительный наступательный бой против укрепившегося противника.

В. Варженский [128]
Великий Сибирский Ледяной поход [129]

Отступление началось

Весной 1919 года, как только схлынули весенние полые воды и реки вошли в свои берега, части Белой Сибирской армии, стоявшие на подступах к городу Глазову Вятской губернии, были опрокинуты красными и, не сдержав натиска, стали отступать. Здесь оперировали части корпуса генерала Пепеляева. Этот корпус, пополненный после взятия Перми целой дивизией[130], сформированной из набранных по мобилизации местных жителей занятого района, именовался уже 1-й Сибирской армией. Там, в Черданском полку вновь сформированной Пермской дивизии, находился и я.

Какие причины понудили к отступлению нашу армию, я сказать не могу, так как во время Гражданской войны не представлял из себя ничего, кроме ничтожной единицы в огромной массе человеческих групп, и по молодости, без всякого критического отношения, механически исполнял все то, что делали все меня окружающие.

Были слухи, что на левом фланге, где-то на Волге и, кажется, у Казани, чехи оголили фронт, уйдя со своих позиций, и там образовали опасный прорыв. Волжская группа откатилась, а мы для выравнивания фронта сделали то же самое. Но это были только слухи. В чем была истинная причина – установить было трудно. Достоверно было только одно, что мы отходили и отходили, правда, первое время – планомерно, в порядке, согласно приказам высшего командования.

Дальше перед нами лежал Урал с его тесными проходами по ущельям, с рабочими поселками горнозаводской промышленности, из которых большой процент, по моему мнению, тяготел к нашему врагу и этим, конечно, создавал угрозу отступающим, чем только и можно объяснить тот стремительный уход нашей армии за Урал, на равнину Тобольской губернии, где простирается так называемая Западно-Сибирская низменность.

Имея у себя в тылу главный штаб Верховного Правителя адмирала Колчака в Омске и целую богатую Сибирь как тыл, откуда можно было черпать провиант и живую силу, то есть пополнение, армия в этот период была еще и физически и морально крепка и могла не только сдерживать противника, но и

переходить в наступление. В то время у всех была какая-то уверенность, что армия дальше реки Тобола, с опорными пунктами Тюмень – Ишим, отступать не будет.

Поезда, полные беженцев из Перми и других городов, медленно и даже весело двигались по живописным местам Урала. Чудная летняя погода. Очаровательные, с соловьями, ночи… Остановки в лесу или на берегу красивых озер, не доходя до станций, ввиду их перегрузки… Прогулки… Собирание цветов… Оставление записочек на стенах вокзалов родным и друзьям, едущим в следующих эшелонах, чтобы не потеряться… Все это создавало скорее беспечную картину приятного и не совсем обычного путешествия; ожидания быстро надвигавшейся трагедии не было заметно.

Несмотря на глубокую веру как самого командования, так и всей движущейся массы в благоприятный исход создавшегося положения, участившиеся переходы к красным целых рот, а иногда и батальонов внушали большие опасения.

Численность отступающих двух групп армии, то есть с Камы от Перми и с Волги от Казани, где, как потом говорили, и произошла главная катастрофа, вряд ли была менее чем 500 тысяч человек, а может быть, даже и больше, по сведениям неофициальным.

Правда, вооружение было не однородное: здесь были и русская трехлинейка, и американский винчестер, и японская винтовка, но все без исключения имели оружие и достаточное количество патронов. Была у нас и артиллерия, но какого калибра, в каком количестве и как обстояло дело с боеприпасами, я, как пехотинец, судить не берусь.

В августе 1919 года армия, как и предполагалось, подошла и остановилась на линии Тюмень – Ишим и держалась там до ноября. Ввиду участившихся к этому времени революционных вспышек в тылу и расстроенного транспорта, армия не получала необходимого снабжения и поэтому, конечно, не могла удержать своих позиций от натиска красных.

Месяца за два до оставления намеченной по Тоболу линии обороны командование, вероятно, заранее учло, что позиции эти удержать будет трудно. Поэтому с позиции была снята целая 1-я армия генерала Пепеляева, как более других нуждающаяся в отдыхе и необходимом переформировании, и направлена на линию рек Обь – Иртыш, как естественное препятствие, за которым можно обороняться с меньшими силами. Главный штаб 1-й армии во главе с Пепеляевым занял город Новониколаевск на Оби.

Намечалась еще и третья линия обороны, дальше на восток

по реке Енисею, с главным опорным пунктом в городе Красноярске, куда и был направлен Средне-Сибирский корпус генерала Зиневича. Этот корпус, хорошо отдохнувший в резерве, должен был пополнить и поддержать остальную часть армии, если она не удержится на первой и второй линиях и отойдет к Енисею; тогда эта соединенная армия явится труднопреодолимой силой.

Высказанное предположение, если оно и не встретит признания, все равно не является главной мыслью моих записок, так как вопросов стратегического или политического порядка я не собираюсь обсуждать. Цель моего рассказа – передать переживания и ощущения живого человека, попавшего в водоворот человеческих страстей, с одной стороны, и в труднейшие природные условия – голода, холода, эпидемии тифа и преследования неумолимого врага в течение чуть ли не целого года и на протяжении многих тысяч верст – с другой.

Эвакуация штаба Верховного Правителя из Омска и сдача последнего врагу лишили армию общего командного руководства, и она перестала быть тем, что называется армией, распавшись на отдельные части, с трудом, а порой и очень неохотно кооперирующие друг с другом.

Сказывалась очевидная перегрузка армии уходящими с ней штабами, административными учреждениями, госпиталями, семьями военнослужащих и просто массами разнообразных беженцев, чуть ли не превышающих численно боевой состав. Этот балласт занял все передвижные средства железной дороги, где вначале неосмотрительно по двум колеям линии пустили поезда в одну сторону, что вскоре абсолютно лишило армию возможности пользоваться железнодорожными путями. Грунтовые дороги были также загружены той же массой с домашним скарбом. Все это не только мешало, а просто трагически лишало армию какой-либо боевой мощи и возможности маневрировать, и от этого картина день ото дня становилась все мрачней и мрачней.

Поезда, идущие один за другим на расстоянии 40–50 шагов, еле ползли и постоянно останавливались среди полей и лесов. Пешие без труда обгоняли «счастливцев», которые раньше так комфортабельно расположились в вагонах. Чем дальше, тем становилось все хуже и хуже. Некоторые паровозы, не набрав достаточно топлива или воды, выходили из строя и, держа за собой огромную вереницу составов, способных двигаться, стояли на парах и напрасно расходовали свой запас.

Порой и даже довольно часто можно было наблюдать трагикомическую картину снабжения водой заглохшего паровоза.

Для этой цели весь эшелон, без исключения, становился цепочкой в два ряда, от паровоза до ближайшего водяного источника. Здесь были важные барыни и нежные барышни в модных шляпках и изящных туфельках на высоких каблучках (это было все, что они захватили с собой на короткое время вынужденной поездки, так как в полную катастрофу не верил никто), солидные и холеные мужчины, чуть ли не с моноклями и в лайковых перчатках, старики и дети различного возраста… Такой примитивный конвейер работал до изнеможения, подавая воду ведрами, кастрюлями, ковшами, бутылками и даже чайными чашками – одним словом, все шло в работу, что было в эшелоне из посуды… И если удавалось пустить машину в ход, то ненадолго… Через некоторое время она опять умирала, и снова производилась та же отчаянная попытка.

* * *

Наступала ненастная сибирская осень, с бесконечно нудными дождями, с пронзительным, холодным северным ветром. По утрам начинались заморозки. Положение создавалось печально-плачевное. Скученность, плохое питание, скверные санитарные условия и переутомление – все это способствовало и приготовляло благоприятную почву для эпидемии сыпного и возвратного тифа, которая не заставила себя долго ждать.

При наличии только что сказанного, без особо сильного воображения можно себе представить тот неописуемый ужас массы людей, которым сопровождался этот трагически легендарный поход и о котором, в сущности, ничего еще не было сказано.

Эпидемия начала косить людей без жалости и без разбора. Тысячи больных в непосредственной близости со здоровыми увеличивали число жертв. Попытка сдавать тифозных в поезда не помогала, так как везде выяснялось отсутствие медицинской помощи и самого необходимого для ухода за больными. Здоровые бежали в панике, а больные оставались на произвол судьбы и гибли. Вскоре можно было видеть чуть ли не целые эшелоны, груженные окоченевшими трупами, которые стояли ужасающими привидениями на запасных путях железнодорожных станций.

На грунтовых дорогах дело обстояло не лучше. Загнанные и голодные лошади дохли или, издыхая, молчаливо и с упреком смотрели грустными глазами, полными слез, на проходивших, и в этих глазах было столько горькой тоски, что без содрогания нельзя было пройти мимо. Вся дорога, насколько мог видеть глаз,

если вы шли в хвосте или даже в середине колонны, была усеяна трупами этих честных и безвинных жертв, друзей человека.

Отступление Великой французской армии в 1812 году от Москвы, трагизм которого так потрясающе ярко отмечен в истории и в нашей классической литературе, вряд ли может не только сравниться, но даже сколько-нибудь приблизиться к испытаниям, постигшим всю ту почти миллионную массу людей, которые начали этот страшный Сибирский Ледяной поход в полудикой необъятной стране, при холоде в зимнее время до 50 градусов по Реомюру и закончили его ничтожной цифрой живых свидетелей в 10–15 тысяч человек.

* * *

Страшная сибирская зима наступала так же быстро, как и теснящий нас противник. Ко всем физическим и нравственным страданиям прибавилось еще одно – мороз. Отсутствие теплой одежды особенно заставляло это чувствовать. Люди умирали теперь не только от пули или сыпного тифа, но и оттого, что просто замерзали.

После сдачи Омска моральное состояние воинских частей резко понизилось, и только немногие из них еще сохранили, и то относительно, свою дисциплину и какую-то боеспособность. Даже в самых стойких частях превалировала идея не борьбы с врагом, а личного спасения: как бы от врага поскорее уйти.

Оставив позади себя опасную для нас преграду – Иртыш, который мы перешли по льду, замерзшему чуть ли не накануне нашей переправы, мы покатились к Красноярску, на Енисей.

Как в конце Первой мировой войны у солдат, уходящих с фронта, появилась своя, много говорящая фраза: «Крути, Гаврила», – так и у нас было свое, не менее меткое выражение: «Понужай!» «Понужай», то есть «погоняй», в смысле «удирай». И здесь есть нескрываемая и горькая ирония над собственным не совсем благородным чувством низменного инстинкта человеческой натуры. Так, «понужая», мы докатились до станции Тайга, где ожидала нас еще одна неприятность. Здесь в первый раз на сцену появились значительные партии красных партизан, которые преградили нам дорогу. По собранным сведениям, отряд партизан, стоявший на нашем пути, был значительной силой. И вот, чтобы избежать излишних потерь, мы спустились в тайгу и по руслу какой-то небольшой замерзшей реки – другой дороги в тайге не было – двинулись в обход ожидавшей нас засады.

Несмотря на опасность, в которой мы находились, нельзя

было не заметить феерической обстановки, которая нас окружала. Войдя в дремучий лес, мы как бы очутились в снежном царстве легендарной тайги: девственный белый покров лежал на причудливых ветках столетних сосен, елей, лиственниц и пихт таким слоем, что дневной свет едва проникал через его толщу, и все это создавало впечатление фантастической сказки.

Нарушая покой зимнего сна зачарованной тайги, мы шли по чистому, едва запорошенному льду неизвестной мне реки. Двигаясь со скоростью не больше 20 верст в сутки, на третий день не совсем обычного путешествия под снегом или, вернее, как бы в снежном туннеле мы снова вышли на Сибирский тракт у деревни Ковровой.

Путь от станции Тайга до Красноярска, расстоянием в 400 верст, при частых стычках с мелкими партиями партизан, которые беспокоили нас, как ищейки затравленного зверя, возбуждал в нас не страх быть убитыми – к мысли о смерти мы давно уже привыкли, – но ужас быть захваченными в плен. Вот что давало нам силы идти и идти, и мы с помощью того же «понужай», делая по 20 верст в сутки, через три недели, под самое Рождество, были у Красноярска.

В то время как вся отступающая или, вернее, бегущая масса людей с обозами и бесконечной лентой едва двигающихся поездов подходила к Красноярску, последний был занят сильным отрядом партизан Щетинкина, бывшего штабс-капитана из фельдфебелей, состоявшим из отличных стрелков-охотников, о которых говорили, что они чуть ли не за версту бьют без промаха в глаз.

Также было известно, по слухам, что наш белый генерал Зиневич, командующий Средне-Сибирским корпусом 1-й Сибирской армии генерала Пепеляева, со всем гарнизоном Красноярска перешел на сторону красных. Таким образом, в Красноярске получился внушительный боевой заслон против полуголодных, изнуренных и к тому же морально подавленных и плохо вооруженных частей Сибирской и Волжской армий, с большим процентом больных.

При создавшемся положении, отказавшись, после неудачной попытки, от мысли взять Красноярск с боя, наше командование заметно растерялось, и общего организованного плана прорыва разработано не было, а начальники отдельных частей действовали по своей собственной инициативе, не имея связи с другими. Единственно, что было общей идеей, это – проскользнуть за Енисей, обойдя Красноярск с севера.

Отряд, в котором я находился, выбрал маршрут верстах в двадцати к северу от города, где расположился противник.

Двигались мы ночью, со всеми предосторожностями, рассчитывая неизвестно на что, шли через большое село во время рождественской службы в местной церкви, мимо которой мы проходили крадучись. А здесь и поджидал нас враг.

Завязался бой. Конечно, это было только сторожевое охранение… Победа осталась за нами, то есть мы проскользнули за Енисей, но стоило это недешево: мы понесли большие потери. В этом ночном бою под Рождество я потерял своего младшего брата, с которым шли до Красноярска вместе. Здесь, у Красноярска, принимая в расчет и всех эвакуирующихся, наши потери были не меньше 90 процентов всей движущейся массы. За Красноярск, занятый партизанами, не прошел ни один эшелон, шедший другими путями.

Прорывом некоторой части армии у Красноярска и уходом ее за Енисей заканчивается первый и, может быть, самый страшный период Великого Сибирского Ледяного похода не только географически, так как мы вступили в новую и более трудную область Средне-Сибирской возвышенности, но и по духовно-психологическому значению этой борьбы.

Здесь, и только здесь, под Красноярском, – это, конечно, мое личное мнение – наше Белое движение потерпело полное крушение. Если до этого и была еще какая-либо надежда удержать за собой часть сибирской территории и возобновить борьбу с новым упорством и меньшими ошибками и промахами, допущенными нашими политически полуграмотными вождями, то после разгрома у Красноярска она окончательно рухнула даже у самых больших оптимистов.

Так закончился первый этап Ледяного Сибирского похода.

От Красноярска до Иркутска

После Красноярска за Енисеем армия хотя и состояла из тех же воинских частей, что и прежде, но по формации эти части было далеки от тех, наименование которых они за собой сохранили. Это не были уже дивизии, бригады и полки, а какие-то жалкие их остатки. К этому времени вся армия полностью вряд ли превышала численность в 20–25 тысяч человек. Настоящее заключение я делаю на основании положения своего полка. Теперь он состоял из двух батальонов трехротного состава по 25–30 человек в роте и полковой конной разведки в 150 всадников, то есть всего 300 бойцов в полку, а нестроевой роты не было вообще.

Другие части были укомплектованы не лучше. Правда, по

качеству состав был выше, так как в нем превалировал физически и морально здоровый элемент, сумевший вынести все трудности и лишения похода. Кроме того, теперь армия не была уже обременена массой беженцев, и поэтому части приобрели большую подвижность и боеспособность. Здесь сильнее окрепла убежденность в несовместимости нашей идеологии с большевиками, а также сознание своей обреченности, выйти из которого можно только в крепкой спайке, когда «один за всех и все за одного».

Если до Красноярска мы шли в неизвестность, то теперь перед нами была уже определенная цель, правда еще трудно достижимая, но цель: там, за Байкалом, в неведомой Чите, наш, как нам тогда казалось, единомышленник атаман Семенов, и трудный путь уже скрашивается тусклой надеждой на скорое окончание наших лишений.

* * *

От Красноярска до Иркутска еще более тысячи верст. Стояли первые дни января 1920 года, и сибирские морозы день ото дня свирепели все больше и больше.

Отряд в 25–30 тысяч человек мог двигаться или, вернее, уходить от врага как будто бы легче, но суровые условия местности и климат сильно затрудняли переходы, которые были по-прежнему и тягостны, и опасны.

Местное население, распропагандированное большевиками, относилось к нам враждебно. Питание и фураж достать было почти невозможно. Эпидемия тифа не прекращалась. Деревни, которые попадались нам на пути, порою бывали совершенно пусты и представляли из себя до ужаса неприятную картину. Жители, напуганные распространяемыми ложными слухами о наших зверствах скачущими впереди нас большевистскими пропагандистами, в страхе убегали в лесистые горы, где и оставались, пока мы не покидали их насиженных гнезд. В таких поселках мы находили только больных стариков, не имеющих сил уйти в горы, и бездомных или забытых собак, которые, поджимая хвосты, боязливо и виновато жались к пустым хатам, даже не тявкая. Бывали случаи, что жители, покидая деревню, оставляли специально для нас у общественной избы собранные продукты питания и фураж, как бы положенную дань, желая задобрить нашу «алчность» и этим избежать неминуемого, по их мнению, разгрома родного гнезда.

Красные партизаны также не дремали и час от часу наглели

все больше и больше. Нередко поселки, в которых мы предполагали сделать ночлег, приходилось брать с боя и держать сильное сторожевое охранение от шаек из местного населения. Помню, как однажды ночью мы пришли в большое село, которое делилось маленькой речкой почти на две равные части. Заняв квартиры за речкой, ближе к выходу, расположились на ночлег… Утром, только что забрезжил рассвет, караул обнаружил, что в первой половине того же села ночевали крупные силы красных… После короткой схватки мы ушли и продолжали путь без серьезного нажима со стороны врага.

Вспоминается и другой случай, когда после длинного и изнурительного перехода, получив сведения, что неприятеля поблизости нет, мы расположились на дневку. Предвкушая хороший отдых в теплой избе зажиточного сибиряка, мы до полуночи развлекались игрой в карты. В тот вечер мне особенно везло, и я выиграл один миллион рублей на сибирские деньги. Передав выигрыш полковому казначею для хранения в денежном ящике (у нас это практиковалось), я лег спать. Ночью, задолго до позднего зимнего рассвета, неожиданно напали красные, и после короткой и беспорядочной перестрелки мы отступили, а казначей вместе с денежным ящиком, в котором находился и мой миллион, достался красным. Такие эпизоды, как только что приведенные, не представляли собой редкости, и мы рассматривали их как курьезы похода.

Помимо курьезов бывали и серьезные положения. В одном из таких мы оказались у города Канска, расположенного в 200 верстах к востоку от Красноярска по Восточно-Сибирской железной дороге.

Приближаясь к Канску, мы уже имели сведения, что он занят красными. Во избежание всяких нецелесообразных столкновений, наши части армии направились в обход города с юга по проселочным дорогам и двигались верстах в 25 правее Канска. На этом направлении наш авангард вошел в один незначительный поселок, по названию, кажется, Голопуповка, и выслал от себя разведку в сторону соседней деревни, находящейся верстах в трех-четырех впереди. Разведка, вышедшая за околицу, тотчас же была встречена сильным огнем противника и принуждена была вернуться обратно.

Попытка сбить красных всем авангардом вместе также не имела успеха, и отряд вернулся в исходное положение в ожидании подкрепления. Следующие за головным отрядом части армии одна за другой втягивались в поселок, и скоро вся армия сосредоточилась в этой небольшой деревне. Все дороги вокруг нас были заняты красными, и мы находились в западне, в которой

пробыли целых три дня. Дольше оставаться стало уже невозможно, так как все запасы продовольствия в деревне были израсходованы и наступал неизбежный голод.

Со смертельным страхом, закусив до боли губы, чтобы не вырвался стон, с каменным сердцем мы ждали своей участи. Женщины вели себя не хуже мужчин и не впадали в панику. Даже дети не плакали и только с ужасом, охватившим их маленькие души, молчали.

При одном воспоминании о тех далеких переживаниях в небольшой сибирской деревне даже теперь, спустя 40 лет, по коже пробегает мороз… Попытки пробиться, предпринимаемые не один раз в различных направлениях, как отдельными командами лихих удальцов, так и целыми частями, успеха не имели… Командование растерялось… Дисциплина упала, и только страх держал всех вместе.

На третий день было созвано военное совещание командиров частей, включая батальонных командиров, которое так же, как и под Красноярском, решило предоставить каждой части свободный выбор действия, то есть – спасайся, как можешь… И вот одни, желая смягчить врага, пошли в Канск, где находился главный штаб красных, добровольно сдаваться на милость победителя. Другие, преимущественно конные части, бросились на юг, без дорог, лесом, по кратчайшей линии к монгольской границе. Третьи решили снова ударить в лоб, готовые умереть или пробиться на восток. В числе последних находился и наш полк, по инициативе которого выбрано было это направление. Полк пошел, как нам казалось тогда, на верную смерть первым.

На четвертый день, ранним морозным утром, при каком-то тупом молчании, точно обреченные, мы решительно двинулись. Впереди команда конных разведчиков, за ней на подводах пехота, дальше обоз с повозками больных, раненых, а также женщин и детей. Конные, выйдя за поскотину поселка, по узкой дороге вначале легкой рысью, а затем в карьер понеслись к следующей деревне, стоящей на невысоком пригорке. Задание их было – проскакать деревню, даже под огнем, и с тыла снова повернуть на нее, когда пехота подойдет с фронта…

Этого рассказать нельзя… Это надо пережить, чтобы понять всю радость и сумасшедшее изумление, когда деревня, где вчера вечером стоял сильный заслон, о который разбилась не одна наша попытка, оказалась пустой. По неизвестным нам причинам красные ушли, и мы отделались легким испугом, если это можно назвать «легким».

У этого барьера, как и у Красноярска, наша армия подтаяла еще больше. Части, направившиеся на Канск, по сообщению

солдатского вестника, так там и остались. Другие, выбравшие путь на Монголию, прокладывая себе дорогу по тайге в девственном глубоком снегу, претерпели много лишений, но в конце концов, с большими потерями, все же снова вышли на Сибирский тракт и связались с нами. Мы, взявшие как бы самое неверное и опасное направление, оказались – конечно, относительно – в самом выгодном положении.

От всех больших и малых стычек, где так или иначе неизбежно бывали потери, армия хотя и медленно, но заметно убывала. Беспокойство, тяжелые переживания и продолжающаяся еще эпидемия сыпного и возвратного тифа, так как к этому времени в отступающих частях не было ни медицинского персонала, ни медикаментов, также имели огромное влияние. Больные не могли попасть в госпиталь и оставались в своих частях, в лучшем случае – под присмотром свих друзей, проводя большую часть времени на суровом сибирском морозе; к удивлению всех, они довольно скоро поправлялись. Впоследствии я слышал, что это явление натолкнуло медицину на мысль лечить тиф холодом и что этот способ будто бы с успехом применялся на практике.

Большую часть своего пути армия двигалась вдоль полотна железной дороги и только изредка, и то вынужденно, отклонялась от своего прямого направления. Поэтому мы были живыми свидетелями того, как в классных вагонах с комфортом ехали чехи. Они ехали в направлении Иркутска, увозя с собой много награбленного русского добра. Чехи, онемеченные славяне, алчно захватывали все, что попадалось им под руку и имело какую-либо ценность. Они везли мебель, рояли, какие-то товары и даже русских женщин… Но не многие из последних добрались до Владивостока. На Китайско-Восточной железной дороге чехи под предлогом, что идет контроль, не разрешающий их дальше везти, прятали своих подруг в мешки и на ходу поезда выбрасывали их из вагонов.

Мы не могли забыть, что эти чехи – недавние наши враги, затем наши военнопленные Первой мировой войны, потом вынужденные наши союзники, которые предательски ушли с фронта на Волге и Каме в числе чуть ли не 40 тысяч и обнажили наши фланги, что дало возможность противнику угрожать нашему тылу. Все это, вместе взятое, дополненное привилегированным положением этих господ в данный момент, вызывало бессильную злобу и горькое оскорбление национальных чувств, которое доходило до ненависти. Самодовольные, сытые, уверенные в превосходстве своих сил, они цинично смотрели из окон классных вагонов на изнуренных, голодных, плохо одетых и

бессильных настоящих хозяев земли русской – участников трагического Ледяного похода. Подобное явление могло случиться только в небывалое лихолетье в нашей истории, и кто виновник этих стыдных страниц ее – когда-нибудь скажет справедливый строгий судья – сам русский народ!

В дополнение к сказанному как иллюстрацию можно привести и мой личный случай, который, я думаю, не был единственным. Проходя мимо стоявшего на пути чешского эшелона, я поравнялся с одним упитанным чехом, который сидел на ступеньке вагона и издевательски смотрел на нас, проходящих. В руках у него был большой кусок белого и, как мне казалось, очень вкусного хлеба. Заметив мой голодный взгляд, он нагло предложил обменять хлеб на мой наган. Я отказался. Тогда он швырнул хлеб далеко в снежные кусты и, произнося ругательства, скрылся в вагоне.

Вообще говоря, вряд ли можно найти подходящие слова и краски, чтобы обрисовать те чувства, которые испытывали мы при таких встречах. Лично у меня не раз навертывались бессильные слезы, и такие же слезы я видел и в глазах других. Слезы эти навертываются и теперь, хотя много, много убежало с тех пор лет… Но забыть – нельзя.

* * *

Когда мы подходили к Иркутску, до армии дошли слухи, что Верховный Правитель адмирал Колчак, который, после сдачи Омска 14 ноября 1919 года, ехал в чешском эшелоне, 5 января 1920 года был арестован чехами, а 24 января того же года был выдан в Иркутске красным с разрешения французского генерала Жанена. Как выяснилось после, адмирал Колчак был расстрелян 7 февраля 1920 года в Иркутске. Это было как раз в то время, когда мы были в его предместье, на ст. Иннокентьевская.

Как ни тяжело было переживать полученные сведения и как ни велики были злоба и ненависть к чехам, но делать было нечего: пришлось проглотить и эту горькую пилюлю. Если бы адмирал шел с армией, этого с ним не случилось бы.

Во второй период нашего похода, то есть на пространстве Красноярск – Иркутск, главнокомандующим мы считали уже генерала Каппеля, который был назначен на место генерала Сахарова 11 декабря 1919 года. Генерала Каппеля я лично не знал и не видел, но имя его среди войск было в ореоле славы, как бесстрашного и доброго рыцаря-полководца. Генерал Каппель, как говорили, точно простой солдат, делил с армией все лишения

и невзгоды, не покидая ее ни при каких обстоятельствах. Поэтому каждый участник Сибирского похода с гордостью называет себя каппелевцем, как и вся армия присвоила себе наименование Каппелевской.

Говорят, что генерал Каппель во время обхода Красноярска с севера по реке Кан, где части, которыми он лично руководил, протаптывали себе дорогу по занесенному снегом льду в свирепый сибирский мороз, отморозил себе ноги и схватил воспаление легких. На ногах началась гангрена, и где-то в глухой сибирской деревушке доктор простым ножом без всякой анестезии ампутировал ему пятки и пальцы ног. Совершенно больному генералу Каппелю предлагали лечь в госпиталь чешского эшелона, но он наотрез отказался, сказав: «Ежедневно умирают сотни бойцов, и, если мне суждено умереть, я умру среди них».

Каппель умер 26 января 1920 года недалеко от Иркутска, на разъезде Утай. Тело его было перевезено в санях через Байкал и похоронено сначала в Чите, а потом, с потерей Забайкалья, было взято в Харбин и погребено в ограде Иверского храма, который, насколько я помню, назывался также и военным. Накануне своей смерти, то есть 25 января, Каппель отдал приказ о назначении генерала Войцеховского главнокомандующим Сибирской армией.

* * *

Сказать что-нибудь о новом главнокомандующем мне трудно, так как сведений о нем у меня почти никаких нет, кроме слухов и солдатского вестника, хотя я и видел его не один раз. Одного того, что он по личному выбору генерала Каппеля являлся его заместителем, было вполне достаточно для его авторитета в армии. Упрочившийся «земский» порядок в Сибирской Народной армии, какой усвоили каппелевцы, при генерале Войцеховском не изменился, и это вызвало к нему симпатию и уважение войск. Он так же, как и его предшественник, отлично понимал, что этот сам собой установившийся уклад вызван естественными обстоятельствами народной борьбы против узурпаторов государственной власти, что особенно ярко выразилось в Сибири и на Урале, где восстания начались с низов, по собственной инициативе населения. Пятьдесят процентов армии составляли крестьяне и рабочие, не бывшие раньше воинскими чинами, но связанные невзгодами трудной походной жизни в одну дружную и крепкую семью, которая стремилась к одной определенной цели: если не победить, то и не покориться.

Вот что представляла из себя Сибирская армия к этому времени. Уклад жизни воинских частей был весьма своеобразный: сознательная дисциплина при исполнении служебных обязанностей и приятельское отношение вне службы. Нижние чины называли своих начальников не по чину, а по должности: господин ротный, или господин командир, или просто господин начальник… Более пожилые иногда обращались по имени и отчеству.

Вестовых или денщиков для личных услуг офицерам не полагалось, но солдаты сами по доброй воле прикомандировывались к офицерам по их личному почину. Так, у меня был до беззаветности преданный мне Ефим Осетров. В строю на положении простых бойцов было также немало и офицеров, иногда даже чином выше командира роты, в которой они находились. Питались все из общего котла. По квартирам размещались без офицерских привилегий, за исключением высшего командования и генералитета.

О форме будущего правления в России разговоров никогда не было. У всех была только одна цель – освободиться от большевиков.

При генерале Войцеховском все осталось по-прежнему, без перемен. Так под его водительством мы дошли до Читы.

* * *

Здесь я позволю себе вернуться к своему вестовому Ефиму Осетрову, который, будучи не единственным, может служить хорошим примером в подтверждение высказанных мыслей о взаимоотношениях в Сибирской армии.

Ефиму было не более 18 лет, когда он был взят как подводчик из деревни Томской губернии. Он давно мог бы вернуться обратно, так как подводы брались только от деревни до деревни, но Ефим не уходил, хотя его никто и не задерживал. По возрасту он еще не мог быть на военной службе, но, пристав к отступающим, пошел с нами, неизвестно куда и зачем. В подводчиках с ним был его отец, мужик лет пятидесяти, который не пожелал оставить своего неразумного малыша, как он выражался, и следовал за ним, то есть с нашим отрядом. Оба они сделали весь поход, добросовестно исполняя все солдатские обязанности, ни разу не высказав ни сожаления, ни раскаяния.

На вопрос: «Почему ты не остался дома?» – Ефим отвечал: «А пошто? Вы же идете!.. Так и я пошел». – «То мы… Нам оставаться нельзя». – «Все едино, – заявлял он, – они бы меня погнали.

Только у них, вишь, не так гоже. Мы наслышаны малость. Мне ваш порядок вакурат по нраву»…

Ефим не знал ни службы, ни строя, ни уставов. Он не понимал чинопочитания, но был как бы сама дисциплина. Начальников он знал и каждого называл просто – «господин командир». Офицеров без должности он называл «барин» и только меня одного, в отличие от всех остальных, величал «господин поручик». Он очень быстро освоился и, прикомандировавшись ко мне в качестве вестового, бросил обоз, достал винтовку и не упускал случая при всякой стычке принять в ней участие, но всегда был около меня.

Желая подражать сыну, пытался то же делать и его отец, но Ефим строго на него цыкнул:

– Куда лезешь, старик? Иди к лошадям!.. За скотиной тоже досмотр нужен!

И отец повиновался.

Немало таких Осетровых было в нашей армии, а особенно, вероятно, много их было в Воткинской и Ижевской дивизиях, так как обе дивизии сплошь состояли из рабочих и крестьян этих заводов. Вот это и делало нашу армию народной, а отсюда и земской, и в этом был залог ее крепости, которая дала возможность преодолеть страшные препятствия и вынести Ледяной поход… Страшный Сибирский поход в 5 тысяч верст… Без дорог, через ущелья гор, таежные дебри и жестокие морозы, без необходимого отдыха, пищи и сна. Остатки армии до конца не потеряли твердости духа и боеспособности.

* * *

В последних числах января 1920 года наш авангард имел еще один бой у станции Зима, к которому часть, где я находился, подошла уже к шапочному разбору. Красные были разбиты, и последний путь до Иркутска мы сделали без неприятностей.

В первых числах февраля того же года армия заняла северное предместье города Иркутска, где были расположены казармы воинских частей, квартировавших здесь в мирное время. Город Иркутск был занят красными, а на путях около вокзала стояло несколько чешских эшелонов. Настроение было приподнятое, так как наше намерение было – пробиться через город.

Чехи выступили посредниками, с угрожающим предостережением, что если мы затеем бой, то они, чехи, выступят против нас. Мы получили также от чехов заверение, что красные не будут препятствовать нам пройти к берегу Байкала.

После некоторого отдыха мы покинули военный городок и обошли Иркутск с запада. Красные и чехи не рискнули нарушить свое обещание, и мы, посмотрев на столицу Восточной Сибири – Иркутск – со стороны, без помехи вышли к берегу Байкала.

По диким степям Забайкалья

Оставив позади себя закованный в ледяную броню суровый Байкал, мы очутились в Забайкалье, на станции Мысовая, где мы хорошо отогрелись, прилично отдохнули и неплохо подкрепились, но все же долго не задерживались, и, с уходом со станции японцев, которые покинули ее на другой день, мы двинулись дальше тем же походным порядком, что и прежде.

Надежда, что в Забайкалье будет легче, так как, по слухам, которыми мы питались в пути, власть здесь находится в руках атамана Семенова, а ему помогают японцы, – фактически не оправдалась. Правда, японцев мы видели на Мысовой, попадались они нам и дальше, на других станциях, но они всегда уходили раньше нас, как правило, и мы по-прежнему оставались одни. Частей атамана Семенова мы не встречали, они, вероятно, охраняли только резиденцию атамана, то есть Читу, до которой по прямой воздушной линии было не менее 500 верст, а может быть, и больше.

Предоставленные сами себе, мы одиноко брели, отмеряя шагами уже пятую тысячу верст. Обстановка, вопреки нашим ожиданиям, не изменилась. Так же было холодно, так же плохо обстояло дело с питанием, и так же нас окружали только враги. Снега было меньше, это правда, как в Забайкалье бывает всегда, он даже местами не покрывал всей земли, но это утешало нас мало, так как все равно было и опасно, и трудно, как во время всего похода.

Вдруг почему-то припомнилось из географии, что все Забайкалье лежит на 1000 метров выше уровня моря и что к востоку от Байкала проходит целый ряд горных хребтов: Хамар-Дабан, Яблоновый, Даурский, Нерчинский и др. Все они богаты золотом. Как странно!.. Все это когда-то было в книжке, в небольшом растрепанном учебнике, за невыученный урок из которого нередко получали единицы… А теперь?.. А теперь вот собственными ногами шагаю по этому самому – Хамар-Дабану… Да ведь это же каторга!.. Настоящая каторга!.. Каторга со всеми ее рудниками и острогами… Горный хребет перевалить трудно… Тяжелеют ноги, а мы идем, все идем… и идем…

Держимся ближе к полотну железной дороги, где станции,

разъезды, полустанки со своими поселками расположены чаще, чем в стороне от железной дороги, в лесистых горах и степных просторах, где и на сотню верст трудно найти жилье, кроме бурятской юрты.

На железнодорожные пункты красные нападали реже, так как на некоторых из них еще стояли японцы, и это облегчало наше положение. Нельзя было, конечно, не обратить внимания на то обстоятельство, что, когда мы появлялись на станции, занятой японцами, последние через несколько часов ее покидали. Ясно было видно, что японцы эвакуируются, и после ухода нас вслед за японцами вся территория, включая и покидаемую станцию, оставалась красным.

При разговорах с японцами, которые хотя и плохо, но многие говорили по-русски, они отвечали неизменно одной и той же заученной фразой: «Нась-ему ка-мадь-иню ницьй-и-го ней-из-вець-и-ноу!» И упорное молчание дальше. Это все, что мы могли от них узнать. Если японцы уходили и оставляли нас одних, значит, так надо по каким-то высшим соображениям, и мы не рассуждая, безропотно подчиняясь, шли и шли дальше, надеясь только на себя.

Местное население нам заметно не сочувствовало, но еще больше оно не сочувствовало власти атамана Семенова, хотя считать их большевиками было очень опрометчиво, так как означало сознательно толкать их в объятия последних. Люди просто беспокоились за свое добро, которое так нещадно расхищалось и гибло при Гражданской войне, и они только старались порою его защитить, особенно от тех, которые уходили неизвестно куда, унося с собою их добро, – вот и все.

Ну так или иначе, но сочувствия по отношению к нам у населения не было. В лесистых горах подстерегали нас красные партизаны, из которых запомнились имена: отряд Старика, он же и Ворон, отряд какой-то свирепой женщины-коммунистки, отличавшейся неимоверной жестокостью, и еще какой-то знаменитый Карандашвили – все они, вероятно, по моему предположению, из местных каторжников.

Дружелюбнее других к нам относились инородцы-буряты, у которых мы всегда находили радушный прием. Гостеприимство бурят выражалось в неизменном угощении чаем, называемом «сливан». Он приготовляется из настоя кирпичного чая на горячей воде с примесью кобыльего или козьего молока, топленого бараньего сала и соли. На вкус подобная бурда – тошнотворное пойло, а по способу приготовления – и того хуже. От любезно предложенного угощения отказаться нельзя – это кровная обида хозяину, а буряты доставляли нам, и всегда по своей инициативе,

ценные сведения о красных, благодаря которым мы не раз благополучно выходили из почти безвыходного положения.

Здесь, я думаю, уместно сказать несколько слов о бурятах, на которых в то время красные не обращали внимания, смотря на них как на дикарей. Дикие забайкальские степи, живописные весной, когда они покрыты красивым ковром различных полевых цветов – лилиями, пионами, тюльпанами, а летом – ковылем, полынью и другими степными травами, весьма удобны для пастбищ. Занимаясь скотоводством, буряты испокон века облюбовали эти места для своих стад и являются здесь самым многочисленным племенем из всех инородцев.

Во время похода по Забайкалью, бродя по просторам бурятских кочевий, я не раз наблюдал, как в неоглядной желто-бурой степи вдруг появлялась и маячила на горизонте черная точка… Ближе, ближе, но все еще далеко-далеко – степной наездник-бурят на низкорослой монгольской лошаденке не сидит, а как-то своеобразно примостился одной половиной своего корпуса, без седла, и мчится к нам со сведениями о красных.

Уходящая за горизонт глухая, молчаливая степь… Одинокий узкоглазый монгол… и какой-то неуловимый, загадочный на всем отпечаток Азии, который нельзя объяснить. В нем, как в миражном мареве, воображение уносит нас в историю… Мысль горит!.. Да не горит, а полыхает!!! И летит в тьму веков, где фантазия бередит покой далеких, далеких былей, в которых слышится мистический топот бешеного нестройного галопа азиатских орд, попирающих мою родную Русь.

Может быть, здесь… И вернее всего – здесь!.. Или где-нибудь недалеко, вот так же и Чингисхан одиноко скакал по этим степям, обуреваемый своей дерзкой и непокорной мыслью – покорить весь мир. Отсюда Чингисхан послал свои орды в Европу, и они беспрекословно потекли миллионной лавой и затопили Россию на целых триста лет, что и спасло Европу от той же участи. Отсюда может прийти и та желтая опасность, о которой так много говорили во время Русско-японской войны. В этом есть что-то апокалиптическое. Отсюда, как из бездны зверя, можно ждать, что желтая опасность с красной идеологией неудержимым потоком зальет весь мир, и если Западу не удастся разрушить тот барьер, который он пытается разрушить, ему спасения больше нет.

…И хрястнет нежный их скелет
В тяжелых азиатских лапах…

Отправка больных

На одной железнодорожной станции, при которой расположен какой-то большой завод, кажется Черемховские Копи (за точность не ручаюсь), верст за 250 от Читы, нам удалось установить, что продолжать движение вдоль железной дороги нельзя, так как нас поджидают сильные засады. Мы решились на крайность.

Соорудив по настойчивому требованию специальный поезд и погрузив в него всех наших раненых, которых до сего времени мы везли с собой, а также больных, детей, женщин и просто слабых, отправили его в Читу через станции, занятые красными, полагаясь на Провидение… Остальные, способные преодолеть ожидаемые трудности, уничтожив или бросив обременяющий нас обоз, превратив его во вьючный, более удобный при движении в горах и ущельях, двинулись к северу от железной дороги по труднопроходимым тропам малонаселенной местности.

Этот последний путь до Читы, продолжавшийся две-три недели, был физически и морально чуть ли не труднее всего предыдущего пути. Первые полтораста или двести верст партизаны не давали нам дышать. Они выбивались из сил, чтобы преградить нам дорогу или как можно больше вывести нас из строя. Местность им очень благоприятствовала.

Особенно бывало жутко в тесных ущельях, где мы проходили, стиснутые неприступными скалами, по узкой тропинке, растянутые цепочкой по одному, а нас поливали дождем метких пуль из-за каждого камня. К счастью нашему, надо сказать, что атакующие нас партизаны не отличались ни храбростью, ни тактическими соображениями. Стоило десятку наших смельчаков забраться на вершину, где обыкновенно располагались красные, как они, иногда целая сотня, бросались по коням и быстро скрывались в лесистых зарослях сопок, оставляя нам открытый путь.

Ближе к Чите поселки становились чаще. Здесь партизаны, напуганные карательными отрядами атамана Семенова, были уже не так дерзки. Жители очень замкнуты, и трудно было узнать, на чьей стороне их симпатии, хотя они охотно делились всем, что имели. Поселки большие и богатые.

Не доходя до Читы верст 100, однажды в ясное утро первых дней марта, только что покинув ночлег и вытянувшись за деревню, на холмистом горизонте мы увидели группу всадников, которые, очевидно, следили за нами. Трудно было определить, как велик отряд, но по грубому подсчету наметанного глаза он не превышал сотни. Что это были за люди и сколько их было еще, скрытых от нашего взора, сказать было невозможно, поэтому для предосторожности мы приняли боевой порядок и продолжали

двигаться, так как другого выбора не было.

Когда же наши конные решительно пошли на соприкосновение с предполагаемым противником, таинственные всадники быстро без выстрела скрылись за соседними холмами. Наши их не преследовали. В течение всего текущего дня загадочные конные больше не появлялись, и мы, хотя и в напряженном состоянии, но без всяких эксцессов сделав дневной переход верст в 25–30, остановились на ночлег в поселке, оказавшемся на нашем пути. Здесь от жителей мы узнали, что виденная нами конная группа – высланная из Читы нам навстречу сотня забайкальских казаков. По рассказам, они пошли обратно, так как не могли установить, что это за вооруженная масса.

На другой день картина повторилась та же. Снова появились те же всадники и так же, не связавшись с нами, ушли, хотя мы и подавали им разные сигналы, но это не помогло. Сделав так же дневной переход и снова расположившись на ночлег, мы установили точно, что это – казаки атамана Семенова, которые одну из прошлых ночей провели в этом поселке. По их словам, видя нас, они не рискнули подойти к нам, так как еще не были уверены в том, кто это – свои или красные. В конце концов, желая связаться с посланными нам навстречу казаками, мы решили послать кого-нибудь из местных жителей для сообщения казакам, что это действительно свои – каппелевцы. Нашлись два охотника, и мы были уверены, что завтра произойдет желанная встреча.

В эту ночь спалось как-то неспокойно… Мешало приподнятое настроение – Чита, конец длинного, почти годового похода… страшного, изнурительного, с неописуемыми лишениями… Поход в тысячи верст… и вот она, эта сказочная «Атлантида», и из нее настоящие живые люди… Значит, это не миф… Радостное, тревожное чувство не давало покоя. Так, вероятно, должны себя чувствовать потрепанные сильной бурей моряки, потерявшие всякую надежду когда-либо увидеть твердую землю, когда вдруг, совершенно неожиданно, над кораблем они замечают птиц, порода которых держится всегда вблизи берегов… Из груди вырывается крик радости: «Земля!» – хотя ее еще и не видно… Она и не так близка, но они уже воскресли… Ура!

На третий день мы, забыв усталость, шли бодро и нетерпеливо всматривались в туманную, холодную и пустую даль, ища призрачных всадников. В голову лезли сомнения, а воображение рисовало предательство, измену и т. п., – что вообще может создать фантазия… Кругом было тихо и безлюдно. Верст пять не доходя до большого села Думы, которое живописно и правильно раскинулось на отлогом холме, мы на дороге увидели долгожданную казачью сотню, на этот раз не уходившую, а легкой

рысцой двигавшуюся в нашем направлении. Наши конники, увидев казаков, без команды понеслись к ним навстречу. Казаки, заметив этот нетерпеливый порыв, перешли на галоп, и быстро, с радостным криком обе группы смешались, обнимаясь и засыпая друг друга вопросами.

Вскоре, также торопясь, подошла и вся наша колонна. Оживление было пасхальное, и радости не было конца. Говорили, кричали, шутили, острили, обнимались и, входя в село, первый раз за весь Сибирский поход мы готовы были петь. Был действительно какой-то праздник, и нарядные жители встретили нас восторженно. Пользуясь гостеприимством и забыв все невзгоды, мы устроили дневку.

Цель отдыха в 40 верстах от Читы имела свои основания. Во-первых, собрать и привести в какой-то порядок изнуренные походом части, а во-вторых, самолюбивое намерение – не уронить воинской чести и бодро вступить в город.

Остальную часть пути в 40 верст мы покрыли в один день и в начале марта 1920 года, под вечер одного прекрасного и уже почти весеннего дня, мы радостно входили в обетованную Читу.

* * *

К моменту прихода в Читу вся Сибирская или Каппелевская армия, как ее тогда называли, под командованием генерала Войцеховского, представляла из себя жалкие остатки в 15 или 20 тысяч от тех 700 тысяч человек, которые двинулись с берегов Камы и Волги. Дух и порядок этой группы резко отличались от основных начал войска атамана Семенова. В основных идеях этих начал для нас было столько острых углов, что надо было иметь много ловкости и такта, чтобы умело маневрировать и не напороться на один из них. Даже в первые дни нашей встречи эти отношения едва удержались на острие ножа.

А. Ефимов[131]
Ижевцы и воткинцы[132]

Отошли в село Язовское (25 верст от Бетенева). Около 18 часов штаб дивизии только отошел из Язовского, как красные, обойдя с тыла, набросились на части дивизии, оставшиеся там и готовые выступить. После упорного боя ижевцы пробились с большими потерями. Во 2-м полку убито 13, ранено 10, без вести пропало 68. В полку состоит раненых и больных 53, в строю осталось 91 штык и 47 в командах. В егерском батальоне из 150 осталось 60; в 4-м полку штыков еще меньше.

Отступили ночью в деревню Николаевскую, где ночевала Самарская дивизия. Все спали и, поднятые нами, не хотели верить, что противник подходит. Выстрелы, донесшиеся с заставы, подтвердили приближение красных. Бросились спешно запрягать обозы и готовиться к выступлению. Только начали двигаться – деревня была сильно обстреляна. Видны были вспышки от выстрелов, а стрельбы не слышно из-за шума загремевших по мерзлому грунту телег. Еще не все обозы успели обменять колесные повозки на сани. 1-й Ижевский полк прикрывает отход. В этой деревне погибли начальник штаба Самарской дивизии подполковник Мягков[133]с несколькими своими офицерами, не предупрежденные начальником дивизии генералом Сахаровым о выступлении. Спасся только один капитан Смирнов, выпрыгнувший из окна и прибежавший в штаб Ижевской дивизии в нижнем белье.

За этот период – конец ноября, середина декабря – ижевцы часто шли в арьергардах и, сдерживая красных, несли тяжелые потери. Небольшие кучки бойцов, оставшиеся в полках, были измучены. Во всей дивизии оставалось в строю 400 человек.

Начальник дивизии решил привлечь на помощь Ижевский конный полк, формировавшийся с августа в тыловом районе и теперь шедший впереди дивизии, в двух-трех переходах. Командир полка, подполковник барон Жирар де Сукантон[134], и его помощник штаб-ротмистр Рачинский, формировавшие полк и взявшие с собой все отпущенные на формирование и хозяйственные суммы, уехали в тыл для приобретения седел и другого имущества. Они не давали о себе знать, и местонахождение их не было известно. Генерал Молчанов отправил командовать полком, с согласия командующего армией генерала Каппеля, своего начальника штаба, подполковника Е. В обязанности начальника штаба дивизии вступил капитан

Цветков.

Состав Ижевского конного полка: 4 эскадрона, команды учебная, пулеметная и подрывная и хозяйственная часть. В строю 25 офицеров, 400 сабель и 4 пулемета. В строю только всадники, имеющие седла. Кроме того, около 300 строевых ехало верхом на попонах, на подушках или в санях в ожидании покупки седел уехавшими формировальщиками. Вскоре состав полка увеличился на два эскадрона. Эти два эскадрона состояли из воткинцев и были взяты в свой конвой Фортунатовым – членом Самарского правительства, который хотел пробраться через Тургайские степи в армию генерала Деникина. После нескольких переходов воткинцы увидели безнадежность этой затеи и вернулись назад. Не имея возможности сразу найти свой дивизион, они присоединились к ижевцам. Генерал Молчанов включил их в Ижевский конный полк. Они получили нумерацию 5-й и 6-й эскадроны, но продолжали именоваться воткинскими.

Отъезд подполковника Сукантона и его помощника в тыл и их долгое отсутствие вызвали в полку недоумение и осуждение. Возмущало также и то, что они, кроме ассигнованных на покупку седел крупных сумм, кажется около двух миллионов сибирскими деньгами, забрали и полковые суммы. Встретив нового командира ужином, поручик Багиянц[135], временно командовавший полком, расплывшись в улыбку, заявил:

– Полковник барон Жирар де Сукантон взял из полковых сумм 200 тысяч и уехал с ними за седлами. Через неделю прислал ротмистра Рачинского, который забрал остальные 40 тысяч и уехал покупать уздечки. А вам, господин полковник, ничего не осталось!

Новый командир ответил:

– Раз не с чем удрать в тыл, придется остаться с вами!

При подходе к реке Оби предполагалось остановиться и дать отпор красным на линии Томск – Колывань – Новониколаевск. С правого фланга должна была ударить 1-я Сибирская армия.

Но расчет на то, что части этой армии, отдохнув и приведя себя в порядок, вольют свежие силы в ослабевшие ряды 2-й и 3-й армий, не сбылись. Не только не было получено ожидавшейся помощи, но пришлось пережить ряд предательских выступлений. Вышли они из состава старших чинов армии, попавших под разлагающее влияние левых партий и чешских главарей, которые стремились свалить правительство адмирала Колчака.

Еще в ноябре, на третий день после захвата Омска красными, во Владивостоке было поднято восстание бывшим командующим Сибирской армией генералом Гайдой при поддержке эсеров и чехов. Здесь, в ближайшем тылу фронта, в городе

Новониколаевске 7 декабря поднял восстание командовавший 1-й Сибирской дивизией полковник Ивакин и арестовал командующего 2-й армией генерала Войцеховского. 9 декабря командующий 1-й армией генерал Пепеляев, при поддержке своего брата, председателя совета министров, арестовал главнокомандующего генерала Сахарова. Все эти выступления были подавлены или кончились ничем, но тяжело отразились на положении правительства и на военном руководстве.

Вся 1-я Сибирская армия, за исключением 3-го Барнаульского полка, окончательно вышла из строя – рассыпалась или перешла к красным. Генерал Пепеляев должен был сам спасаться от ареста своими взбунтовавшимися солдатами. Позднее гарнизон города Красноярска, в составе 4-го Енисейского полка и других частей, вместе с командиром 1-го Среднесибирского корпуса генералом Зиневичем открыто выступили с оружием против своих недавних соратников по борьбе с большевизмом.

К бывшим бедствиям, обрушившимся на отступавшую Белую армию – суровой сибирской зиме при отсутствии снабжения одеждой, толпам беженцев, запрудившим дороги, перемешавшимся с обозами и внесшим беспорядок в движение, болезням, в особенности широко свирепствовавшему тифу, преследованию противником, успешно задерживать которого становилось все труднее за невозможностью пополнять огнестрельные запасы, падению духа от неудач и т. д., – теперь присоединилось предательство из своих рядов целой армии, что количественно уменьшило наши силы и действовало угнетающе на состояние духа.

При таких мрачных обстоятельствах отступавшая армия приближалась к Щегловской (или Томской, или Мариинской) тайге. Зима позволила сравнительно легко преодолеть замерзшие реки, но никто не предполагал, что зимою будет встречено такое трудноодолимое препятствие, как тайга, и никакой заблаговременной подготовки к проходу через нее сделано не было.

Тайга

К вечеру 22 декабря Ижевская дивизия, двигаясь в арьергарде 3-й армии, сосредоточилась в городе Щегловске – преддверии в тайгу. Верстах в девяти к юго-западу от города в деревне Комиссарово был оставлен Конный полк дивизии с задачей прикрывать с этого направления Щегловск до тех пор, пока дивизия и другие части армии не войдут в тайгу. Обстановка

указывала на возможность трагического исхода. В Щегловске и у входа в тайгу скопилось большое количество частей, обозов и беженцев, ждавших очереди двигаться дальше. Сюда попали и части 2-й армии, которые должны были идти севернее, а также многочисленные тыловые учреждения, не принадлежавшие к составу 3-й армии. Узкая переселенческая дорога допускала движение только в два ряда. Расчеты, что 3-я армия, двигаясь без больших интервалов, может спокойно и благополучно пройти тайгу, не оправдались.

На Ижевский конный полк, первый раз вступавший в бой, легла тяжелая задача. Было похоже на то, что здесь начинается боевая жизнь полка и здесь же наступит его конец – тот почетный и славный конец, который выпадает на долю арьергардов, жертвующих собою для спасения главных сил. Большинство состава полка было из старых обстрелянных бойцов – ветеранов борьбы на родном заводе и последующих боев под Уфой, на Урале и в Западной Сибири, и это давало уверенность, что все, что необходимо сделать, будет исполнено.

На рассвете 23 декабря застава, наблюдавшая за противником, занявшим деревню Ягуново (5 верст к югу от деревни Комиссарово), донесла о появлении красных. Дежурный эскадрон, под командой прапорщика Щербакова, немедленно выступил навстречу и загнал противника обратно в Ягуново. Появились первые раненые – прапорщик Щербаков, получивший рану в голову, и два всадника. Спешенный эскадрон начал перестрелку с красными, засевшими в ближайших избах деревни.

Деревня Ягуново была не далее полуверсты. Местность к ней понижалась и была открытой. На слегка возвышенном плоскогорье, где рассыпалась цепь эскадрона, росли кусты, хотя и бывшие теперь без листьев, но дававшие некоторое укрытие от взоров врага. На оба фланга были выдвинуты заставы, имевшие хороший обзор.

Позиция оказалась удобной. Все движения противника были хорошо видны, и его попытки перейти в наступление быстро прекращались огнем. На подмогу подошли еще один эскадрон и станковый пулемет. При пулемете находился корнет Волков, недавно прибывший в полк из военного училища. Ему было приказано незаметно выдвинуть пулемет в цепь, прикрываясь кустами. Но корнет Волков вылетел по дороге на открытое место. Застрочил пулемет красных, и корнет Волков упал, сраженный пулей в лоб.

Перестрелка с красными продолжалась до 1 часу дня. Около этого времени левая застава донесла, что к деревне, находящейся южнее Ягунова, подходит большая колонна. В бинокль заметили

пушки. Когда неизвестная колонна вошла в деревню, правофланговая застава сообщила, что противник из Ягунова на санях, числом около 200, уходит на запад. Расположение в колонне обозов и артиллерии, а также бегство красных из деревни Ягуново указывали, что появившаяся колонна состоит из наших отставших частей.

Для занятия Ягунова и связи с неизвестными был послан резервный эскадрон. Но едва он появился на виду Ягунова, его оттуда обстреляли. Убита одна лошадь. Эскадрону приказано отойти обратно в резерв. В это же время со стороны неизвестной колонны позиция Конного полка была обстреляна артиллерией. Из Щегловска подошел на помощь 3-й Ижевский полк. Необходимо было выяснить, кто занял Ягуново. Было очевидно, что это была передовая часть таинственной колонны.

Подъехали две подводы, и крестьяне попросили разрешения пропустить их домой через деревню Ягуново. Им было сказано сообщить солдатам, находившимся в деревне, выслать двух всадников для встречи с двумя нашими для опознания. Не без удивления поскакавшие вперед ижевцы встретились с воткинцами. Последние принадлежали к запасному батальону Воткинской дивизии под командой полковника Камбалина – командира 3-го Барнаульского полка. Главная часть всей колонны состояла из частей 7-й Уральской горных стрелков дивизии под командой полковника Бондарева.

Конный полк ижевцев, получив приказ присоединиться к дивизии, в 4 часа дня выступил из деревни Комиссарово в Щегловск и к вечеру прибыл к назначенному месту на короткий отдых. Дальнейшее прикрытие города Щегловска с юго-западного направления возлагалось на 7-ю Уральскую дивизию. Боевое крещение Конного полка оказалось его первым успехом, хотя обстановка на рассвете этого дня не предвещала ничего хорошего. Полк потерял двух офицеров и восемь всадников и задержал красных от прорыва к городу Щегловску до появления отставших частей отходящей армии.

Из города Щегловска последние части Ижевской дивизии, в том числе Конный полк, поздно вечером выступили в деревню Боровушку. На северо-восток от этой деревни, углубляясь в тайгу, идет упомянутый переселенческий тракт. С запада к деревне подходят две дороги – от города Щегловска и из района к северу от этого города. Со стороны Щегловска направление прикрывалось 7-й Уральской дивизией. Дорога к северу не охранялась.

Это беспокоило временно командующего 3-й армией генерала Барышникова. Подошедший к Боровушке еще днем 23

декабря 1-й Ижевский полк был послан командующим на беспокоившее его направление. Командир полка получил задачу продвинуться до ближайшего селения и удерживать его до распоряжения. Оказалось, что на дорогу, по которой двинулся полк, выходили с западной стороны еще две дороги. На обе было выставлено охранение по батальону (к этому времени – не более 100 бойцов в каждом). С третьим батальоном командир полка продолжал движение до встречи с противником. До деревни полк не дошел. Встреча произошла в лесу, недалеко от глубокого и широкого оврага. Отбросив за овраг передовую группу красных, батальон занял берег оврага, и здесь разгорелся продолжительный бой.

В деревне Боровушке у командующего армией шло совещание, на которое отправился только что прибывший из Щегловска начальник Ижевской дивизии генерал Молчанов. Там обсуждался вопрос об обороне подступов к Боровушке. Один из присутствующих, генерал Роме-ров[136], доказывал, что красные с севера наступать не будут. Генерал Молчанов, знавший, что красные с утра пытались пробиться к Щегловску, но без успеха, и что они спешно бросились на север из занимаемой ими деревни Ягуново, когда появилась 7-я Уральская дивизия, заявил, что следует опасаться именно за северное направление. Генерал Ромеров горячо возражал: «Интуиция подсказывает мне, что оттуда они не появятся». Генерал Молчанов отвечал: «Моя интуиция подсказывает, что они ударят оттуда». В это время входит ординарец от командира 1-го полка с донесением, что полк отбивает упорные атаки красных.

Командир полка просил прислать какие-нибудь части, чтобы сменить два батальона, поставленные для обеспечения дорог. Эти батальоны не имели против себя противника, бездействовали и нужны были для поддержки батальона, уже ввязавшегося в бой. Бросить же охрану дорог было невозможно – по ним могли подойти новые силы противника. Подкрепление выслано не было. Вечером позднее командир получил выписку из приказа по армии, где было указано, что в 7 часов утра его сменит бригада под командой генерала Сахарова.

Всю ночь шла перестрелка с красными. Были тяжелые потери. Тяжело ранен в грудь навылет командир батальона капитан Блинов. В 7 часов утра никаких частей для смены не появилось. Посланный к генералу Сахарову офицер привез обещание скорой смены. В 9 часов утра командир 1-го полка узнал, что генерал Сахаров со своими частями уже двинулся на восток. Не дождавшись смены и не получив никаких приказов, командир полка собрал полк и около 10 часов 24 декабря двинулся на

Боровушку и дальше в тайгу. Красные не преследовали.

Конный полк, достигнув деревни Боровушки около полуночи, не мог найти никакого помещения для отдыха. Вскоре получил приказ двигаться дальше. Выступив из деревни, полк влился в общую колонну. Было темно и морозно. Звезды слабо освещали широкую просеку, покрытую глубоким снегом. Посреди просеки дорога, и на ней два ряда саней. Движение медленное, с частыми, продолжительными остановками. Усталые всадники дремлют в седле. По временам спешиваются, чтобы согреться и дать отдых лошадям. Несколько ночных часов показались необыкновенно длинными.

Начало светать, и двигаться стало легче – видно дорогу и движение впереди. Но картина кругом унылая. Нагруженные людьми и разным имуществом сани медленно, с большими перерывами ползли дальше по мере того, как продвигались передние. По бокам просеки дремучий лес, загроможденный валежником, пересеченный оврагами, занесенный снегом – совершенно непроходимый. Навряд ли и отряд лыжников мог бы двигаться через него. По временам кто-нибудь начинал кричать: «Понужай!» Несколько голосов подхватывали. Толку не было. Кто-то сзади сообразил открыть стрельбу. Люди тревожно насторожились, усилились крики «понужай».

Повозки двинулись вперед. Минимальные дистанции между санями, в полшага и меньше, исчезли. Кое-где лошади полезли передними ногами на впереди идущие сани. Усилились крики и ругань. Понемногу все успокоилось. Были попытки обгонять, вылезая в сторону. Ослабевшие лошади делали несколько прыжков в глубоком снегу и останавливались. Иногда снег попадался не очень глубокий или кто-то уже проехал в стороне и оставил след, соблазняя выехать и обогнать остановившихся. Но зато было трудно вновь влиться в основные два ряда. Против этого особенно боролись части и отряды, двигавшиеся сомкнуто и в порядке и боявшиеся быть раздробленными. Всадникам было легче. Кое-где можно было обгонять обозы, следуя по обочине или за канавой дороги, где конные, прошедшие раньше, протоптали тропинку.

Тяжелой дорогой, иногда обгоняя обозы, следуя «гуськом» по одному, к 8 часам утра 24 декабря добрались до латышских хуторов. Выступив из Боровушки в полночь, за эти 8 часов прошли только 10 верст. Латышский поселок расположился вправо от дороги. Полк свернул туда, чтобы дать людям погреться, лошадям дать отдых и найти для них корм. Напрасные надежды. Раньше прошедшие здесь части, обозы и беженцы уже все подобрали.

Латыши живут в хорошо построенных, просторных домах. Большие окна, внутри чисто и светло. В домах много оставленных больных, главным образом тифозных. Тяжелая судьба выпала им на долю. Если везти дальше – все равно замерзнут при медленном движении и отсутствии впереди больших деревень. Бледные лица с воспаленными, тоскливыми глазами. К тяжелой болезни прибавляется тревога за предстоящую судьбу, может быть, с издевательствами и пытками от победителей-палачей.

Через полчаса полк двинулся дальше. На тракте – никаких изменений к лучшему. То же продвижение на несколько шагов и продолжительная остановка. Дорога стала шире, или, вернее, местность позволила протоптать новые пути – сани двигались в три или четыре ряда, но в общем еще медленнее. Около глубоких оврагов, занесенных снегом, опять приходилось восстанавливать движение в два ряда – мосты не пропускали больше.

За день продвинулись на 7–8 верст и перед наступающими сумерками достигли хутора Граничного (один брошенный дом). Недалеко, верстах в 5 или 6, деревня Дмитриевская. Здесь главная пробка. Как потом выяснилось, к этой деревне подходит дорога с севера, и еще один поток людей и обозов, из 2-й армии и тыловых учреждений, вливается на назначенный для 3-й армии путь движения через тайгу.

Около хутора Граничного послышались сзади выстрелы. Наверное, желание «понужать» передних. Сначала никто не обратил внимания. К этому способу торопить медленно ползущие обозы уже привыкли, как пришлось помириться и с тем, что помочь этому ничем нельзя. Неожиданно впереди, шагах в тридцати, из рядов повозок сорвался начальник 7-й Уральской дивизии полковник Бондарев. Он уже раньше со своими санями, где сидела его жена, и с группой конного конвоя, покинув дивизию, пробивался вперед, расталкивая других. Бросившись в сторону, Бондарев с санями и ординарцами пробовал выскочить вперед. Его конвой на хороших, крепких лошадях пробивал дорогу в снегу. Но вот сани застряли среди деревьев. Бондарев выпряг лошадей и посадил жену верхом. Нервная команда: «Леля, за мной!» – и панический полковник бросился дальше.

Многие из ближайшего обоза последовали его примеру, бросая сани и удирая верхом. Ижевцы кое-чем поживились. Нашли в брошенных санях патроны, продукты, сено и овес, теплые вещи… Потом узнали, что неподалеку был генерал Молчанов, который хотел прекратить панику и стрелял в Бондарева из револьвера. К сожалению, не попал. Тот только поспешил удрать подальше.

Начало темнеть, и казалось, что придется опять провести

ночь среди медленно двигавшейся обозной змеи. Но неожиданно повезло. От проводника генерал Молчанов узнал, что в стороне от дороги к югу, верстах в трех-четырех, есть небольшая деревушка Нижние Конюхты, имеющая около 20 дворов. От нее можно потом выйти через деревню Верхний Барсаж прямо в деревню Дмитриевскую.

Дорога на Н. Конюхты очень плохая, с крутым подъемом в гору, и, так как этот путь дает большой крюк, никто им не пользуется. При создавшемся на главной дороге заторе путь на Н. Конюхты сулил не только ночной отдых, но и беспрепятственное движение к деревне Дмитриевской. Генерал Молчанов согласился с начальником 2-й Оренбургской казачьей бригады, нашими давнишними боевыми друзьями, оказавшимися рядом, идти на Н. Конюхты.

На загроможденной таежной дороге было невозможно поддерживать связь. Но каким-то путем генерал Молчанов узнал, что Конный полк дивизии находится недалеко, и приказал свернуть на Н. Конюх-ты. Пробравшийся к полку ординарец должен был указать дорогу. Всадники начали пробираться среди саней на правую сторону тракта, прошли около 100 шагов по снегу и свернули на малозаметную лесную дорогу.

Настала ночь. Люди не могли ничего видеть – ни дороги, ни склонившихся над ней деревьев. Даже звезды лишь изредка мелькали через завесу невидимых веток. Только лошади как-то нащупывали дорогу. Подъем на гору по дороге к деревне Н. Конюхты оказался очень трудным – лошади скользили и падали. Пришлось идти осторожно и медленно. Одолев этот подъем, двигались дальше легко и, пройдя 3 или 4 версты, добрались до деревни. Редко в походе крестьянская изба казалась такой уютной и отдых столь желательным. Хотя заполнили избы до предела, но поместились почти все под крышей, и даже не казалось тесно. Достали кое-что поесть и покормить лошадей – правда, очень немного. Странно, что общая волна движения, загромоздившая тракт, все пожравшая на своем пути, оставила в покое этот пункт, недалеко отстоявший в стороне. Если кто и знал об этом, не сворачивал, боясь потерять место в колонне.

На рассвете 25 декабря части ижевцев и 2-й Оренбургской казачьей бригады, отдохнувшие и обогревшиеся в течение нескольких ночных часов, выступили к деревне Дмитриевской через другую таежную деревушку Верхний Барсаж. 1-й и 4-й эскадроны оставались до 12 часов в Н. Конюхтах, а затем перешли в Верхний Барсаж, выставив охранение в сторону Н. Конюхт. Полк в полдень получил приказ перейти в деревню Дмитриевскую. Здесь в полном разгаре шел упорный бой.

Перед полуднем противник появился с севера от хутора Одина (к северо-западу от деревни Дмитриевской). Возможно, что это был отряд красных, который вечером 23 декабря наступал на деревню Боровушку с севера и встретил упорное сопротивление 1-го Ижевского полка. Не будучи в состоянии продвинуться к Боровушке, этот отряд пошел в более глубокий обход, с выходом в наш тыл у деревни Дмитриевской. По этому пути в предыдущие дни шли некоторые части 2-й армии, в том числе 8-я Камская дивизия.

Движение красных с севера на деревню Дмитриевскую, при успехе, могло отрезать всю часть растянувшейся колонны войск и обозов, которые еще не достигли этой деревни. Но первая атака противника была отбита. После полудня нажим с этой стороны начал усиливаться. Красных отбивали воткинцы и Егерский батальон Уральской дивизии.

Вскоре началось наступление и со стороны хутора Граничного. Здесь сдерживали упорно наседавшего врага полки 7-й Уральской дивизии. В деревне утром было еще большое скопление людей и обозов. Около какого-то здания, кажется школы, лежали разобранные и испорченные орудия. Взрывать их боялись или не имели для этого средств и портили колеса и ломкие части топорами и ломами. Было брошено и много пулеметов и другого ценного боевого и хозяйственного имущества.

В деревне появились какие-то неизвестные, пытавшиеся вызвать возмущение среди усталых солдат перемешавшихся и деморализованных частей. Четырех из этих лиц захватили и отвели в штаб стрелки одного из уральских полков. У выхода из деревни в беспорядке скопились обозы, стояла ругань и шла перебранка – кому идти вперед. Прибывший утром в деревню Дмитриевскую генерал Молчанов со своими офицерами и ординарцами начал наводить порядок в деревне и при выходе на дорогу. Была установлена очередь для движения, приказано бросить сани и уходить верхом или пешком тем, лошади которых измучены. Недалеко за Дмитриевской движение затормозилось из-за большого скопления обозов. Эти обозы не могли пройти далеко и были обречены на захват красными. Закупорив дорогу, они обрекали на гибель и тех, кто двигался за ними, в том числе строевые части, ведшие арьергардные бои.

Накануне Волжской конной бригаде было приказано скинуть такие обозы в сторону и освободить дорогу, для чего обрубить постромки и заставить обозников и беженцев следовать дальше верхом или пешим порядком. Это не всегда помогало. После прохода бригады владельцы саней возвращались обратно,

исправляли постромки и вновь загромождали дорогу. Генерал Молчанов послал два эскадрона с энергичным офицером поручиком Багиянцем сжечь эти застрявшие обозы, не считаясь ни с какими протестами. Заставить выпрягать лошадей, садиться верхом и уходить. Сани собирать в кучу и сжигать, чтобы собственники не возвращались и не впрягали лошадей вновь. Только для больных и детей разрешалось делать исключение.

Чтобы проверить, насколько Багиянц понял свою задачу, генерал Молчанов спросил его:

– А если встретишь командующего армией, едущего в санях, что будешь делать?

– Сожгу сани и предложу ехать дальше верхом. Скажу, что диктатор тайги, генерал Молчанов, приказал так поступить, – ответил Багиянц твердо.

Генерал Молчанов убедился, что приказ понят и будет выполнен. Захватив банки с керосином, найденным в обозах же, Багиянц с двумя эскадронами сжег от двух до трех тысяч саней и уничтожил за деревней Дмитриевской образовавшуюся пробку из неподвижных обозов. К вечеру деревня была очищена. Много разных отбившихся частей удалось протолкнуть или уничтожить.

Больше 7 часов уральцы и воткинцы отбивали атаки красных. Эти части почти полностью погибли. К вечеру красные продвинулись к самой деревне. Ижевцы – 1-й полк и два эскадрона Конного полка – ввязались в бой и задержали красных у выхода из деревни. Вскоре получили приказ отходить. Прикрывал отход 2-й Ижевский полк. В коротком столкновении в двух эскадронах был убит один офицер и потеряно около десяти всадников.

Проходили мимо догоравших костров из саней обозов и беженцев. Можно было видеть, как пламя уничтожало сундуки с одеждой, одеяла, подушки и прочее добро; шипело сибирское масло, которое везли целыми бочонками; по временам взрывались патроны и ручные гранаты, пугая наших лошадей… На перекрестке к хутору Тугановскому, который лежал к северу от дороги, был выслан разъезд для выяснения, не занят ли хутор противником. Красных там не оказалось. Ночью пришли в поселок Александровский, где встретили утро 26 декабря.

2-й полк, без нажима красных, видимо отдыхавших после тяжелого боя у Дмитриевской, отошел к поселку Александровскому. В охранении была оставлена рота с пулеметом. На помощь роте охранения был утром послан 1-й эскадрон, который выслал вперед разведку. Пробыли в поселке до полудня. Здесь же был и командир Егерского батальона 7-й Уральской дивизии полковник Андерс, один из немногих

офицеров, вышедших из боя. Потрясенный гибелью дивизии, он с рыданиями бессвязно повторяя рассказ о гибели уральских полков, кого-то обвиняя в этой трагедии, и грозил разоблачить каких-то виновников этой катастрофы.

Александровский – небольшой поселок, весь объеден. Для себя не нашли ничего. Лошадям могли дать только многолетнюю высохшую солому с крыш сараев, которую они жевали очень неохотно. Противник не показывался. В полдень выступили дальше на поселок Успенский. В арьергарде остались два эскадрона. На перекрестке с дорогой, направлявшейся к хутору Придорожному, образовался новый затор. Опять пришлось большое количество саней сжечь и уничтожить это неожиданно появившееся препятствие. Сделано это было как раз вовремя. Красные возобновили свое преследование. 2-й полк, сменивший конный арьергард, дал противнику отпор и понес потери, но заставил красных остановиться, не доходя до перекрестка путей на хутор Придорожный. В полку кончаются патроны. Капитан Володкевич направился к застрявшим обозам найти патроны и пропал.

Поздно вечером 2-й полк и два эскадрона Конного полка, находившиеся в арьергарде, подошли к поселку Успенскому – всего три или четыре бедных избы, расположенные на дне глубокого оврага. Дым застилал овраг, и через дым светили огни многих сотен костров. Невозможно было сказать, кто здесь находится, но большая площадь, на которой виднелись костры, указывала, что здесь скопилось несколько тысяч людей. По крутой дороге спустились вниз, казалось – в «преисподнюю». Начали разыскивать начальника дивизии. Он был занят разгрузкой дамбы, по которой шла дорога дальше, – торопил тех, кто был в состоянии двигаться вперед, и заставлял съезжать в сторону ехавших на измученных лошадях.

Нашли генерала Молчанова в одной из изб, когда он, после разгрузки дамбы, зашел для ознакомления с дальнейшей дорогой. Маленькая керосиновая лампа слабо освещала довольно просторную комнату. На полу, вдоль стен, лежало много больных тифом. Некоторые уже были мертвыми, их вынесли и сложили снаружи. На их места положили других тифозных, недавно привезенных. Посреди избы обогреваются толпы людей. С трудом можно было протиснуться в угол, к столу, где начальник дивизии сидел за картой и расспрашивал местного жителя о дороге.

Вскоре к столу стал пробираться ординарец штаба и тащил какого-то штатского в потертой, но теплой шубе. Этот молодчик вел агитацию за прекращение дальнейшего похода и за сдачу красным. Один из многочисленных агитаторов, проникших в

ряды отступавших под видом беженцев. Они имели успех среди солдат, отбившихся от своих частей, угнетенных тяжелыми условиями похода и потерявших веру в благополучный исход. Для таких агитация советских агентов давала какую-то надежду на спасение. Агитатор оказался тупым и малоречистым. Он прямо не отрицал свою вину, а упорно повторял: «Я не против вас, я за народ, я за справедливость»… На свою беду он нарвался на тех, кто хорошо узнал «справедливость» и «заботу о народе» пославших его. После допроса не оставалось сомнения, что он – большевистский агент. Приговор был короткий – расстрелять. Ординарцы вывели его за избу и, чтобы не делать тревоги, выстрелом из маленького «бульдога» закончили его службу нашему врагу.

2-й полк должен был сменить конных ижевцев, но в темноте и сутолоке найти его не удалось. Генерал Молчанов приказал командиру Конного полка принять обязанности начальника арьергарда, разыскать 2-й полк и прикрыть поселок Успенский.

Появился пропавший капитан Володкевич. Он, взяв из 5-го Воткинского эскадрона один взвод, отправился в хутор Придорожный набрать патронов для 2-го полка. В этом полку патроны были на исходе. Его предприятие оказалось удачным. Он вернулся из хутора с воткинцами, и все они были обвешаны башлыками и вещевыми мешками, наполненными пачками патронов. Володкевичу удалось наткнуться на обоз какого-то полка, где среди хозяйственного имущества были запасы нужных ему патронов, а для перевозки их ему дали башлыки и мешки. Обоз этот, на совершенно обессиленных лошадях, дальше двигаться не был в состоянии. Начальник обоза с большей частью своих подчиненных ушел вперед с небольшим количеством повозок.

Капитан Володкевич сообщил выступившей вперед заставе Конного полка, что по его следам двигается отряд красных – слышен скрип саней. Вместо противника было встречено несколько саней наших отставших, вышедших из хутора Придорожного вслед за Володкевичем. Застава заняла место в лесу, верстах в полутора-двух от поселка Успенского. Вперед выехал на разведку офицер с одним всадником.

Об этой разведке офицер вспоминает: «Просека слабо освещалась звездами, но на матовой снежной полосе можно было заметить всадников на полтораста – двести шагов. Кругом полнейшая тишина. Появление противника мы могли услышать задолго до того, как его увидеть. По сторонам дороги – брошенные сани, иногда одиночные, в других местах группами. Послышался скрип полозьев. Опять тихо, и снова скрип. Поехали

навстречу. Заметили одиночные сани. Ехал больной фельдшер. Измученная лошадь едва плелась и, сделав несколько шагов, останавливалась на отдых. Сказал фельдшеру, что деревня близко и чтобы он поторопился.

Двинулись дальше. Брошенный возок, и оттуда, заслышав нас, слабый голос: «Ваня! Ваня! Скоро ли дальше?» Среди окружающей мертвой тишины показалось, что голос идет из-под могильной плиты – голос заживо погребенного, брошенного больного, которого какой-то Ваня оставил здесь на дороге замерзать, а сам отпряг лошадей и удрал. Мы ничем не могли помочь несчастному и не откликнулись на его зов.

Проехали еще вперед. Еще одни сани, запряженные парой лошадей. На них священник с двумя маленькими дочками, и опять еле бредущие лошади. Священник понукал лошадей вожжами. В меховой шапке, с маленькой заиндевевшей бородкой, с измученным лицом. Глаза священника выражали необыкновенное страдание и покорность судьбе… Если иконописцу нужно бы было найти лицо, с которого писать Лик Спасителя на Кресте, нельзя было бы найти более подходящее. Маленькие спутницы священника, попавшие в одну из самых зловещих трагедий братоубийственной войны, испуганно смотрели на нас. Но, наверное, они не понимали, какая участь может постигнуть их отца – служителя Христа, военного священника.

Проехали дальше. Красные не появлялись. Но нельзя было зарываться далеко. Прошло полчаса со времени встречи со священником, и никто больше не показывался на опустевшей дороге. Возвращаясь назад, остановились в двух местах, где было брошено много саней, и, вытащив их на дорогу и запутав постромками и вожжами, устроили завалы. Препятствие не очень значительное, но, когда красные начнут разрубать веревки, разбрасывать сани и ругаться, застава будет предупреждена об их приближении. На обратном пути к заставе священника и фельдшера не встретили – они успели добраться до деревушки. Возок, из которого слышался призыв к Ване, был безмолвен…»

К полуночи вышло из поселка Успенского все, что могло дальше двигаться. Как и в Дмитриевской, здесь было брошено много саней и разного имущества. Нашими артиллеристами, прошедшими днем или двумя раньше, была оставлена здесь часть наших пушек. Не было возможности с обессиленным конским составом вытащить всю артиллерию. С большими усилиями вытянули из оврага четыре пушки, сняв с остальных замки и панорамы. Около полуночи генерал Молчанов со штабом отправился в деревню Глухари, в 9—10 верстах от Успенского.

Через час или два после полуночи красные подошли к поселку. Застава наша их обстреляла и отошла к своему эскадрону. Арьергард – два эскадрона, около 120 всадников – перешел через дамбу и остановился на берегу оврага. По слуху определили подход красных к спуску в овраг. Встретили их тремя залпами. Не столько для того, чтобы нанести потери, сколько для того, чтобы дать понять противнику, что двигаться без сопротивления ему не удастся. Вместе с тем эти залпы, пронесшиеся над головами сидевших у костров, предупреждали о подходе неприятеля. Кто еще имел возможность выбраться – мог это сделать.

Ночь была очень морозная. Стоять на месте и поджидать противника было невозможно. Поочередно сменяясь, эскадроны останавливались на короткое время, спешивались, высылали дозоры и медленно двигались дальше. Красные, видимо, были заняты обезоруживанием оставшихся в поселке Успенском и несколько часов нас не тревожили.

Приближалось утро 27 декабря. Наступали пятые сутки, когда, кроме короткого ночного отдыха в деревне Конюхте, два арьергардных эскадрона были беспрерывно в седле или на ногах, двигались или стояли в колонне обозов, несли сторожевку или отстреливались от противника. Отсутствие сна и пищи давали себя знать. Усталость была необыкновенная. Тем не менее никто не жаловался на этот изнурительный поход и, падая иногда в снег от усталости на остановках, находил откуда-то силы вскакивать на ноги и быстро выполнять полученный приказ или команду. В продолжение пяти часов арьергард медленно двигался к деревне Глухари, до которой оставалось еще версты две. Близился рассвет. Выстрелы дозорных предупредили о появлении врага. Немедленно об этом донесено начальнику дивизии.

Деревня Глухари, как и пройденный хутор Успенский, лежала в долине горной речки, но спуски к ней были более пологие. Всем находившимся там частям был отдан приказ выступить дальше. Арьергардные эскадроны, по-прежнему действуя по очереди, занимали позиции, задерживая красных, и отходили, когда противник рассыпал свои цепи и открывал ружейный и пулеметный огонь. В упорный бой не ввязывались из-за отсутствия пулеметов и за недостатком патронов. Более частые остановки на удобных позициях, обыкновенно у поворотов дороги или на перегибе местности, заставляли преследовавшую нас красную конницу спешиваться, разворачиваться, открывать огонь, потом вновь собираться и проделывать вскоре все сначала. Огонь по красным открывали неожиданно, и это заставляло их двигаться осторожнее и медленнее. Высылкой дозоров они

старались вызвать нас на преждевременное открытие огня.

Около 7 часов утра деревня была почти свободна от частей и обозов, когда оба эскадрона подошли к ней и перешли на восточный край оврага. Здесь была занята позиция с хорошим обстрелом к противоположному берегу оврага и спуску в деревню, по которому должны были подойти красные.

Послышались их первые выстрелы. Некоторое количество обозников, еще остававшихся в деревне, бросились в беспорядке удирать, на подъеме дороги сгрудились и перемешались. Кое-как распутались и стали подниматься вверх. Некоторые передумали и спустились обратно в деревню. На той стороне оврага появилось около эскадрона красной конницы и за ней пехота. Оживленная перестрелка продолжалась минут двадцать. Одиночные сани еще покидали деревню, последние из них выскакивали под пулеметным огнем противника. Послышались выстрелы с правого фланга – красные пробовали обойти нас. Около 8 часов мы начали отход. Дорога шла по пересеченной местности, и это давало возможность часто останавливаться на удобных позициях и задерживать наших преследователей.

На пути от деревни Глухари до деревни Большая Золотогорка останавливались около 15 раз и заставляли противника спешиваться и рассыпаться в цепь. В нескольких местах загородили дорогу брошенными санями. Иногда прекращали огонь, но оставались укрыто на позиции. Красные собирались на дорогу, чтобы двигаться дальше, и вновь попадали под огонь. Было заметно, что они имели потери. Нам везло: не давая красным пристреляться и вести действительную стрельбу, мы своевременно отходили и не имели потерь на всем участке пути от Глухарей до Золотогорки.

На улицах Большой Золотогорки было много обозов и людей, видимо не собиравшихся следовать дальше. Всадники, заранее посланные предупредить о скором появлении красных, были встречены недружелюбно. «Отправляйтесь сами, а с нас довольно!» – «Куда там ехать, на край света, что ли?» – и другие ответы в том же роде слышались на предложение покидать деревню.

За деревней Золотогоркой протекала по широкой долине река Золотой Катат, разветвлявшаяся на много рукавов. Через реку шла дамба с мостами. На восточном берегу стоял выселок Малая Золотогорка. Местность сразу переменилась, тайга кончилась, и кругом были открытые поля и редкие небольшие перелески. В выселке – довольно значительной деревне – также еще находились некоторые наши части и начальник Ижевской дивизии со штабом.

К 12 часам 30 минутам арьергардный эскадрон вел с красными перестрелку, находясь на восточном конце дамбы. Патроны кончались, и с нашей стороны раздавались отдельные редкие выстрелы. Был получен приказ задержать противника два часа. Срочно второй эскадрон был послан в деревню найти патроны в находившихся там обозах. Нашли несколько десятков пачек. Немного, и пришлось экономить. Деревня была вскоре очищена от наших частей. Под угрозой обхода пришлось отойти раньше времени и арьергарду. Противник проводил нас сильным обстрелом из нескольких пулеметов, но, заняв деревню, остановился на привал, дав арьергарду возможность выиграть второй час.

Отойдя на версту, арьергард остановился у небольшого пригорка и выставил охранение. Всадники спешились. Поджидаем противника. Недалеко от дороги стоял маленький амбарчик с висячим замком. Чутьем голодных людей догадались, что тут можно чем-то поживиться. Четыре дня почти ничего не ели. Скудные запасы сухарей на черный день скормили своим походным друзьям – лошадям. Сбили замок и нашли сырое замороженное мясо, подвешенное большими кусками. Наструганное ножом тонкими ломтиками, мясо показалось очень вкусным и приятно освежило пустые желудки. Даже некоторые лошади не отказывались от этой, столь несвойственной для них пищи.

Тайга осталась позади. Дорога больше не шла посреди просеки, проделанной в мрачном, непроходимом лесу. Несмотря на необычайную усталость, голод и отсутствие патронов, стало веселее.

После большого привала красные возобновили преследование. Задерживая их, мы стали отходить к селу Красный Яр. Там собрались почти все части дивизии. К вечеру 27 декабря дошли до села. На помощь измученным эскадронам вышли остальные эскадроны Конного полка и 1-й Ижевский полк. Ночью подошли красные и повели наступление на село. Их атака была отбита. В 1-м полку убит командир батальона капитан Помосов.

Движение к Красноярску

При переходе через тайгу 3-я армия понесла огромные потери. Погибли у деревни Дмитриевской, почти целиком, 7-я Уральская дивизия и Воткинский кадровый полк. Оставлена большая часть артиллерии, и только ижевцам удалось вывезти

четыре орудия. Брошено много пулеметов, погибло много обозов. Застряло большое количество беженцев, не бывших в состоянии протащить тяжело нагруженные сани на обессиленных лошадях, не получавших корма.

Обозные части Ижевской дивизии, в том числе Конного полка, удачно прошли тайгу, двигаясь через нее на два-три перехода впереди боевых частей. Ижевцы привыкли действовать дружно во всех случаях: в боях и в походе. Поэтому и тыловые части дивизии шли сомкнуто, не разбиваясь и не перемешиваясь с другими частями, насколько было возможно в создавшихся тяжелых условиях. Начальники хозяйственных частей и комендантты, в большинстве энергичные и находчивые офицеры и чиновники, прилагали все усилия, чтобы продвигать порученные им обозы в целости и сохранности. Теперь обозы поджидали боевые части, чтобы двигаться дальше совместно.

После прохода тайги намечался план остановить красных у восточных выходов из тайги, загородив их отрядами с большим количеством пулеметов, обильно снабженными патронами. Если бы это удалось, можно было бы выиграть время для приведения в порядок перепутавшихся частей, подтянуть отставших, дать некоторый отдых и восстановить боеспособность. Но обстановка этого не допускала.

Некоторые части 1-й армии, двигавшейся на правом фланге фронта, перешли на сторону красных, а частью разоружились и разошлись. Сибирский тракт, проходивший через Томск, был открыт противнику для выхода в тыл 2-й и 3-й армиям. В Красноярске шли усиленные приготовления левыми группами к восстанию с целью отрезать отступавшим движение на восток. На свою сторону эти группы привлекли командира 1-го Сибирского корпуса генерала Зиневича и подчиненные ему войска. Генерал Зиневич объявил об «окончании» Гражданской войны и потребовал от главнокомандующего генерала Каппеля сложить оружие. К взбунтовавшемуся гарнизону Красноярска шли на усиление большие отряды красных партизан Щетинкина, Кравченко и др.

Вместо задержки красных на восточной границе Томской тайги и приведения себя в порядок отступавшим армиям приходилось торопиться к Красноярску и двигаться в тяжелых условиях. От Щегловской тайги до Красноярска более 400 верст. Не доходя до города, к югу тянется новая полоса тайги, не имевшая дорог с запада на восток. Эта тайга находится на левом берегу реки Енисея, примерно к югу от участка железной дороги ст. Кемчуг – Красноярск. Ст. Кемчуг – в 85 верстах к западу от города Красноярска.

Все отряды и обозы, двигавшиеся южнее железной дороги, главным образом из состава 3-й армии, находились под ударом быть прижатыми к этой тайге и отрезанными от путей отступления. Необходимо было выбраться на железную дорогу возможно скорее. Последним пунктом выхода из ловушки являлась станция Кемчуг.

Тяжелые условия перехода через Щегловскую тайгу задержали 3-ю армию, и она двигалась на полтора-два перехода на уступе позади 2-й армии. Теперь, после прохода тайги, шли по нескольким дорогам и по сравнительно населенному району. Можно было ночевать под крышей и находить продукты, а для лошадей – корм. Лошади были сильно изнурены, и многих приходилось заменять покупкой или обменом. Сибирские крестьяне нередко вполне добровольно обменивали изнуренную лошадь на свою, в хорошем теле. Это освобождало их от подводной повинности или же захвата крепкой лошади бесплатно или за обесцененные кредитные билеты. А изнуренную лошадь можно «выходить».

Измена генерала Зиневича в Красноярске заставляла ускорить движение, чтобы не дать возможности перешедшему на сторону красных гарнизону и подходившим к ним на усиление шайкам партизан организовать оборону города и закрыть нам дальнейший путь отступления. Не приходилось думать о столь необходимом отдыхе и приведении перепутавшихся частей в порядок. О дневках забыли, ночлеги и привалы были сокращены до предела, величина переходов увеличена.

Несмотря на большие потери в тайге, дороги и на этом участке пути были загромождены большим количеством частей, обозов и беженцев. Только немногие части двигались в порядке. Большинство было разбито на мелкие группы и перемешались с обозами и беженцами. На случай потери связи с начальником дивизии частям ижевцев было приказано пробиваться к железной дороге и двигаться к Красноярску.

Конный Ижевский полк в ночь 27–28 декабря выступил из деревни Красный Яр и, проделав большой переход, дошел до деревни Ново-Троицкой. После еще одного или двух переходов полк нагнал свою хозяйственную часть. Кажется, впервые после выступления из Омска, где полк формировался, он оказался собранным в полном составе. Генерал Молчанов захотел посмотреть полк и отдал приказ, перед выступлением на следующее утро, построить полк для смотра.

Привыкнув за последнее время к малочисленности частей, выстроенный Ижевский полк показался по крайней мере конной бригадой. Шесть эскадронов, учебная команда, пулеметная и

подрывная команды, штаб с командами связи и комендантской, хозяйственная часть, санитарная и ветеринарная части и, наконец, детище Гражданской войны – «семейный» дивизион, в котором насчитывалось около 200 жен, детей и стариков. За боевыми частями каждого эскадрона в 90—100 сабель стояли по 30–40 всадников «запаса», не имевших седел, многие без шашек, сидевшие на попонах или других приспособлениях. Всего было выстроено более 800 всадников, с обозными и нестроевыми до 1000 человек, не считая семей. Благодаря большому обозу неудивительно, что построенный для смотра полк казался много больше, чем полк нормального состава. Но несмотря на разнообразие обмундирования, разномастность лошадей, не говоря уже о необычном виде обоза, полк представлял стройное зрелище.

В условиях тягости похода, после ран, нанесенных всем частям армии проходом через тайгу, здесь чувствовались порядок и дисциплина – результат забот и работы начальников всех степеней и однородности и сплоченности состава. Адъютант полка отправился доложить начальнику дивизии, что полк построен для смотра. Но вместо прибытия генерала Молчанова был получен приказ отправить обозы дальше, а полку приготовиться немедленно к выполнению боевых задач. Полку не пришлось больше встретиться со своей хозяйственной частью.

Продолжая делать большие переходы, полк к вечеру 1 января 1920 года (по нов. ст.) достиг села Назарова, находившегося в 30 верстах к югу от города Ачинска. За пять дней было пройдено 250 верст. Назарово расположено на тракте Ачинск – Минусинск, вдоль которого идет телеграфная линия. 2 января задачей полку назначалось движение к городу Ачинску и удержание этого пункта от захвата противником. Полк приготовился к выступлению, но в 9 часов утра на телеграфной станции было получено сообщение, что Ачинск уже захвачен большими силами красных. Об этом было немедленно послано донесение начальнику дивизии.

В Назарове большая толкучка. Много частей, обозов и беженцев. С юга подошел 1-й Прифронтовой полк, действовавший против красных шаек Щетинкина. Полк этот, видимо, накануне распада. Из строя слышны выкрики солдат: одни хотят скорее идти дальше, другие требуют отдыха. К 11 часам утра получен приказ двигаться на Покровское (Чернореченское) для новой попытки выйти к железной дороге и Сибирскому тракту. В 11 часов 15 минут два эскадрона с пулеметами двинулись к деревне Улуй – ст. Чернореченская; за ними – остальные части полка.

Дойдя до деревни Улуй и выступив дальше, заметили

двигавшуюся нам навстречу Оренбургскую казачью бригаду. Высланный вперед офицер узнал от казаков, что район ст. Чернореченская в руках красных. Они опять опередили нас. Чтобы не задерживать двигавшихся навстречу оренбуржцев, Ижевский полк свернул на восток через Себеж на Плодбище, куда прибыл в полночь и остановился на короткий ночлег.

В 7 часов утра 3 января полк выступил на ст. Козулька, выставив заслон против красных, занявших Чернореченскую. Разведка выяснила, что Козулька в руках противника. В 16 часов 30 минут два эскадрона были направлены на Ничково – Шерловка – ст. Кемчуг, чтобы с этой станции выдвинуться на запад и прикрыть ее от захвата противником. Переходы огромные. Вернее, в день делаем несколько переходов, двигаясь и ночью, с небольшими остановками для отдыха в деревнях.

4 января в 5 часов утра, задолго до рассвета, двинулись на Шерловку – ст. Кемчуг. Когда рассвело, увидели знакомую неприятную картину – дорога была загромождена обозами в три-четыре ряда. Но с конными можно было по обочинам двигаться вперед. По дороге выяснилось, что движение остановилось, так как за Шерловкой красные. Они заняли дорогу к ст. Кемчуг, выставили пулеметы и отражают попытки их отбросить. В колонне терпеливое ожидание.

Около 7 часов утра 4 января Конный полк ижевцев собрался в Шерловке. Здесь уже было несколько строевых частей, в том числе 4, 11 и 17-й Оренбургские казачьи полки, один кавалерийский полк из 1-й кавалерийской дивизии и еще несколько небольших частей, почти все конные. Старшие начальники собрались на совещание, которое происходило под председательством командира 5-й Оренбургской бригады – генерал-майора Кручинина. Решили сбить красный заслон и пробиться на ст. Кемчуг. Задачи распределили по взаимному соглашению.

Деревня стояла на поляне, окруженной лесом. Красные занимали северный участок леса, через который шла дорога, и их позицию можно было бы укрыто обойти с обоих флангов. Но в лесу был глубокий снег, и обходящим частям пришлось бы потерять много времени на такой маневр. Поэтому решено было отбросить красных наступлением в лоб. Слева от дороги повели наступление цепи спешенного Конного полка. Казаки наступали на обоих флангах. Ижевцы должны были атаковать в конном строю, когда цепи подойдут к противнику.

Спешенные всадники Конного полка смело пошли в атаку по ровному снежному полю под жестоким огнем красных пулеметов. Их прорыв замедлялся глубоким снегом. Падали убитые и

раненые, но офицеры кричали: «Вперед!» От Ижевского конного полка в голове атакующих шел 1-й эскадрон под командой поручика Лумпова. Снежная поверхность поляны не давала возможности развернуться и атаковать всем полком. Приходилось вести атаку эшелонам, притом только по дороге. Поручик Лумпов собрал свой эскадрон к северной окраине деревни. Но он раньше времени выскочил вперед, и красные пулеметы сосредоточили весь огонь по колонне появившихся всадников. Эскадрон понес большие потери и повернул обратно. Был тяжело ранен выделявшийся своей храбростью прапорщик Чирков.

Все эти действия походили больше на самоубийство от сознания безвыходности положения и от отчаяния. При обходе противника с флангов или с одного из флангов, может быть, было бы потеряно 2–3 часа времени, но успех был более вероятен. После неудачи атаки расстроенные части скопились на поляне в лесу к востоку от деревни. Было около 2 часов дня. Продрогшие бойцы начали разжигать костры. Положение казалось безвыходным. Отступать назад по загроможденной дороге или обороняться в деревне было бессмысленно. Повторять атаку и пробиться к железной дороге успеха не сулило – было ясно, что красные крепко там обосновались. Все искали выход из этого безвыходного тупика.

На поляну подошел еще один отряд из остатков уральских полков под командой генерала Круглевского. В этом отряде было 350–400 человек, все конные. При отряде три-четыре знамени старых императорских частей. Генерал Круглевский предложил командиру Ижевского конного полка двигаться дальше вместе. Он сообщил, что у него есть проводник из местных лесничих, который отлично знает тайгу. Проводник обещал через чащу леса вывести на дорогу, которая приведет к железнодорожному полотну к востоку от ст. Кемчуг. Но надо сделать большой обход в 8—10 верст, чтобы обойти полосу непроходимой молодой заросли. Предложение это вызвало недоверие. Плутать по таежному лесу, когда, по собранным сведениям, железная дорога была верстах в двух от Шерловки, совершенно не улыбалось.

Генерал Круглевский отправился с проводником на юг, Ижевский полк на север к железной дороге. На всякий случай один всадник Ижевского полка был оставлен на месте и должен был запомнить путь генерала Круглевского. На поляне было много следов по всем направлениям, и найти путь генерала Круглевского в темноте приближающейся ночи было бы очень трудно.

Пройдя по редкому лесу не более полуверсты, ижевцы встретили непроходимую стену молодого березняка. Вынули

шашки и стали рубить проход. Но скоро убедились, что работа эта медленная и конца березняку не видно. Повернули обратно на поляну. Наступал вечер, был сильный мороз, горело много костров. Ижевцы подъехали к большому костру, около которого расположился круг оренбуржцев. Шло совещание. Говорил, кажется, урядник. Стараясь громким голосом придать убедительность своим словам, он доказывал, что идти дальше некуда, прошли уже много и все жертвы и страдания оказались напрасными… «Если удастся пройти здесь, – говорил он, – то погибнем в другом месте. Надо начать переговоры с красными о сдаче и поставить условие, чтобы всем сдавшимся добровольно, не исключая всех офицеров, была дарована жизнь». Он заметил, что подъехали ижевцы, и добавил: «Вот ижевцы тут, надо действовать вместе, тогда будет легче сговориться с большевиками, и они примут наши условия». Мрачно смотрели кругом говорившего остальные казаки. Был тут и их командир бригады, председательствовавший утром на собрании старших начальников. Опершись обеими руками на эфес шашки, он угрюмо возражал оратору.

Совещание могло затянуться, а время было дорого. Начинало темнеть. Могли подойти красные. И так было непонятно, почему они еще здесь не появились. Поляна была недалеко от деревни, где они, наверное, уже хозяйничали. Возможно, что разоружение попавших в их руки наших войск и обозов заняло все их внимание. Ижевцы двинулись дальше. Оставленный маяком всадник, следивший за уходом генерала Круглевского, показал дальнейший путь.

Совсем рядом с костром оказался густой лес молодых сосен, и через него шла узкая, протоптанная в снегу тропинка. Трудно было поверить, что надо было входить в какую-то темную дыру, когда кругом был редкий лес огромных деревьев. Нагнувшись к самому седлу и задевая ветки деревьев, начали пробиваться по этому узенькому коридору в полной темноте. Через сотню-полторы шагов вышли опять в редкий лес и по протоптанным следам пошли дальше. Примерно через час вышли на лесную дорогу. У дороги стоял стог сена, от которого нам достались мелкие клочья, разбросанные кругом. Не побрезговали и этим даром судьбы, чтобы подкормить лошадей. Движение на север.

На рассвете 5 января вышли на железную дорогу. Ближайший верстовой столб указывал цифру 632, но откуда был счет – не знали. Предположительно это было версты три к востоку от ст. Кемчуг. Пошли по сильно укатанной и теперь пустынной грунтовой дороге, шедшей около железнодорожного полотна. Видно было, что тут прошли тысячи саней. За минувшие три дня

– с 2 по 4 января – прошли более 150 верст. От Ачинска до ст. Кемчуг всего около 85 верст, но с попытками выйти к железной дороге приходилось делать кружные движения, возвращаться и проделывать это несколько раз. На измученных задолго до этого лошадях, при плохом питании и коротких остановках для отдыха трудно было рассчитывать обогнать красных, которые начиная с Ачинска опередили нас.

Но вот, наконец, обогнали и, казалось, достигли цели последних дней. Но особенной радости не было заметно. Боязнь за оставшихся позади действовала угнетающе. Где семьи, где остальные части дивизии, где генерал Молчанов?.. Все они следовали позади, и их благополучный выход был под большим сомнением. Не хотелось спасаться одним, и не было желания попадать под чье-либо другое начало. Генерал Молчанов являлся для всех ижевцев незаменимым, и они не представляли себе, чтобы его можно было потерять.

В 9 часов утра 5 января на ближайшем железнодорожном разъезде сделали привал и выпили пустого чая. Через полчаса выступили дальше. К ночи должны были добраться до станции Кача. Впереди широкая, росная, совершенно свободная дорога. Такую бы в тайге – тогда не погибла бы там большая часть нашей армии. Неизвестно, были ли за нами какие-либо наши белые части или нет. На всякий случай прикрывались с тыла, а на север, где шел Сибирский тракт, вели наблюдение.

Поздно вечером добрались до ст. Кача. Около нее небольшая деревня Становая. Вошли в деревню и встретили своего ижевца. Радостная весть быстро пробежала по колонне полка. Генерал Молчанов с некоторой частью остальных полков дивизии благополучно прорвался через тайгу. Налицо был сильно поредевший, но больше других сохранившийся 1-й полк, часть 2-го и остатки малочисленных 3-го и 4-го полков. 1-й полк, потеряв на походе из Красного Яра связь с начальником дивизии и выполняя приказ пробиваться в таком случае к железной дороге, направился на город Ачинск. В пути командир 1-го полка встретил 3-й и 4-й полки и предложил командирам этих полков взять для верности направление к востоку от Ачинска. Они не согласились и предпочли идти прямо на Ачинск. 1-й полк вышел благополучно на железную дорогу, а 3-й и 4-й полки, по-видимому, погибли при подходе к Ачинску. 1-й полк ждал остальных на ст. Кача.

Генерал Молчанов, достигнув со своим штабом и артиллерийским дивизионом села Рыбного, находившегося на окраине тайги, остановился на ночлег. Выяснив к утру, что дорога на Кемчуг забита обозами, он расспросил местных крестьян о

тайге и путях через нее. В тайге находился маленький поселок, к которому дороги нет, но охотники ходят туда без затруднений – тайга проходима. От этого поселка есть лесная дорога к железной дороге, выйдя на которую можно дойти до ст. Кача.

Узнав точно направление, генерал Молчанов по компасу вышел со своим штабом как раз к указанному поселку и из него достиг ст. Кача. Артиллерия под командой полковника Якубовича, по настойчивой просьбе последнего, должна была выйти через полчаса. Лошади артиллерийского дивизиона совершенно выдохлись, и полковник Якубович просил дать лишнее время для отдыха и корма лошадей. Генерал Молчанов сначала на это не соглашался, но потом разрешил, подтвердив приказ выступить не позже как через полчаса. Артиллерия ижевцев (последние четыре орудия) уже не выступила с места своего ночлега и была захвачена противником. С артиллерией или где-нибудь в ближайших деревнях погибло и большинство наших обозов.

Станция Кача и расположенная около нее небольшая деревня Становая были забиты большим количеством перемешавшихся частей и обозов. Большинство было из 3-й армии, но были здесь и отставшие из 2-й армии и разных тыловых учреждений. По улицам бродили отдельные потерявшиеся люди и разыскивали свои части. Кое-как отдохнули и обогрелись, вклинившись в переполненные избы.

Положение создалось не из блестящих. Далеко не всем шедшим южнее железной дороги удалось преодолеть встреченные препятствия. Осколки перемешавшихся частей представляли собою неорганизованную, уставшую и морально издерганную массу, неспособную к бою. К северу от железной дороги, верстах в десяти, проходил Сибирский тракт, а в чьих руках находились селения на этом тракте – никто не знал. 2-я армия прошла в Красноярск, но где была она расположена и где были ее арьергарды – известно не было. Уже несколько дней не было связи ни со штабом главнокомандующего генерала Каппеля, ни со 2-й армией.

Ночью начальник Ижевской дивизии дал задачу Конному полку, усиленному имевшимися налицо пешими частями дивизии, выдвинуться утром на тракт и «оседлать» его, заградив противнику дорогу на восток. Предполагалось, что красные уже могли подойти по тракту в район севернее ст. Кача. В 5 часов утра 6 января Конный полк ижевцев начал собираться к выступлению, пробираясь через загроможденную санями улицу. Многие обозы также готовились к дальнейшему движению на Красноярск и запрягали лошадей.

Не успел полк собраться, как к западу от деревни затрещали ружейные выстрелы. Поднялась паника. Ночевавшие в деревне бросились в беспорядке в сторону Красноярска. Не успевшие запрячь лошадей торопились, волновались и кричали. Деревня быстро опустела. Волна панически настроенных людей вовлекла в свой поток и тех, кто еще не совсем потерял хладнокровие и способность сопротивляться. На месте остались генерал Молчанов со своим штабом и готовившийся к выступлению Конный полк. Генерал Молчанов взял ближайший второй эскадрон и бросился с ним на выстрелы.

Врагом, поднявшим панику, оказалась кучка в 20 человек большевиков-железнодорожников, которые учли моральное состояние уставших и потрясенных неудачами белых бойцов и решили этим воспользоваться. Увидев мчавшихся на них всадников, большевики бросились бежать, но были настигнуты, окружены и уничтожены. Необходимость выхода на тракт отпала. Конный полк получил задачу: после ухода из деревни Становой всех, кто еще здесь застрял, отходить к Красноярску, сдерживая противника, если он начнет преследование.

С генералом Молчановым находилась его супруга, которую обстоятельства похода заставили двигаться верхом. У нее через плечо висела большая кожаная сумка – денежный ящик дивизии. При сложившейся обстановке все могло случиться. Чтобы избежать возможности потерять все деньги сразу и, с другой стороны, облегчить своей жене тяжелую ношу, генерал Молчанов тут же, на дороге, выдал командиру Конного полка 1200 тысяч рублей сибирскими деньгами. Ценность их после падения Омска значительно упала, но других денег не было, и эти казначейские билеты еще служили для расплаты за продукты и фураж. Командир полка в свою очередь снабдил деньгами командиров эскадронов.

Эшелонировав эскадроны для последовательной охраны и обороны дальнейшего пути, полк не спеша отходил на восток. Красные не появлялись. Стемнело, когда полк приближался к последней перед Красноярском станции Минино, находившейся в 15 верстах от города. За 2–3 версты от этой станции на железнодорожных путях стояли один за другим поезда. Они, не было сомнения, были обречены на захват красными. Из вагонов выглядывали беспокойные лица беженцев. Спастись от большевиков им не удалось, и теперь наступило для них томительное ожидание своей судьбы.

Ближе к станции – также вплотную – стояли эшелоны Польской дивизии. Один из поляков закричал в нашу сторону, на что-то намекая:

– Продайте револьверы, вам они больше не понадобятся!..

Из наших рядов ему ответили:

– Вам в вагонах они и совсем не нужны!

Поздно вечером 6 января полк сосредоточился у станции Минино, оставив охранение в будке на железной дороге, верстах в двух от станции. В квартире начальника станции – штаб дивизии. Генерал Молчанов собирает сведения. Ничего отрадного: Красноярск в руках красных; все пункты на путях к городу и в обход его заняты значительными силами взбунтовавшегося гарнизона, местными отрядами большевиков и подошедшими бандами партизан; 5 января утром части 2-й армии наступали на город, но потерпели неудачу; армия прорвалась на север;

теперь все пункты на север заняты отрядами противника; в ближайших деревнях большое количество измученных и павших духом людей сдаются красным; на юг дорог нет. Для нас закрыты все пути. Генерал Молчанов мрачен. Никогда его не видели таким. Он не признавал непреодолимых препятствий, и, если ныне не находит выхода, значит, дело идет к нашему концу.

* * *

Для лучшего представления о сложившейся обстановке следует остановиться на тех событиях, которые произошли перед прибытием 3-й армии. Не приходится говорить о том, что об этих событиях нам пришлось узнать позже. О многих подробностях удалось услышать через несколько лет из докладов, воспоминаний и разговоров с участниками похода. Много осталось неизвестным, неясным или забытым. Здесь приводятся сведения о движениях и действиях более значительных отрядов, сохранивших некоторый порядок, боеспособность и прорвавшихся из красной западни.

Как указывалось ранее, Томская (Щегловская) тайга, из-за бедности путей, внесла большое расстройство в движение войсковых частей, перемешавшихся с огромными обозами, тыловыми учреждениями и беженцами. Распад 1-й армии в Томске и восстание генерала Зиневича в Красноярске не позволили 2-й и 3-й армиям останавливаться для приведения себя в порядок и урегулирования движения по дорогам. Управление было крайне затруднено. Приказы и донесения часто не доходили по назначению. Только немногие части могли поддерживать некоторый порядок и относительную боеспособность.

2-я армия генерала Войцеховского двигалась в более

благоприятных условиях, имея, кроме второстепенных путей, два главных – Сибирский тракт и вдоль железной дороги. Поддержание связи было более обеспечено, и руководство движением было в твердых руках. Начиная с Ачинска движение шло в предположении, что цель похода – проложить путь на восток. Фронт менялся в этом направлении, или, вернее, приходилось действовать на два фронта: наступать на восток и отражать напор противника с запада.

2-я армия двинулась в следующем порядке: впереди (на восток), вдоль железной дороги, – авангард в составе частей особого назначения под командой полковника Макри; колонны главных сил двигались: по тракту – колонна генерала Вержбицкого, в составе Тобольской и Южной групп; вдоль железной дороги, за авангардом, – группа генерала Петрова и в переходе, сзади, – группа генерала Бангерского;

южнее, по второстепенным дорогам, для прикрытия с юга, шли казачьи части генерала Волкова и 1-я кавалерийская дивизия. Обозы частей 2-й армии, тяжелая артиллерия и лечебные заведения двигались отдельно.

Передовые части подошли к окрестностям Красноярска 4 января. Утром 5 января была назначена атака города. Группа генерала Петрова в составе 4-й Уфимской стрелковой и 2-й Уфимской кавалерийской дивизий должна была атаковать город с запада. Группа генерала Вержбицкого, ночевавшая в селе Зеледееве, получила задачу атаковать Красноярск с севера. При Уфимской дивизии находился запасный батальон ижевцев, принявший участие в наступлении. Этот батальон квартировал в Томске, и к нему собирались для поправки раненые и больные ижевцы и проходили обучение новички, не бывшие раньше в строю.

Во время восстания в Томске 17 декабря 1919 года подпольных организаций и гарнизона все верные долгу части покинули город. Запасный батальон выступил в полном составе из Томска, под командой капитана Ильина. Не имея возможности присоединиться к своей дивизии, он был временно прикомандирован к 4-й Уфимской.

В бою 5 января под Красноярском Запасный батальон наступал с уфимцами от разъезда Бугач, южнее железной дороги – на правом фланге боевого участка. Наступление оказалось неудачным. Кавалерийская дивизия, действовавшая к северу от железной дороги, застряла в снегу. Отряд особого назначения полковника Макри начал отступать без видимых оснований. Польский бронепоезд, появившийся из Красноярска, на флаге которого была заметна только красная полоса, был принят за

принадлежавший противнику; это вызвало смятение в рядах наступавших. Наступление не было поддержано атакой с севера колонной генерала Вержбицкого; по неизвестной причине эта колонна простояла день в Зеледееве и только вечером двинулась вперед и прошла севернее Красноярска, пробив себе дорогу. Запасный батальон ижевцев понес в этом бою большие потери: из состава в 680 штыков вышло из боя только 380 бойцов.

У Красноярска

Деревня Зеледеево была вечером 5 января занята регулярными красными войсками, наступавшими по тракту. Противник грозил сжать 2-ю армию с двух сторон. При таких условиях предполагаемая повторная атака на Красноярск, с несомненным ударом красных с запада в тыл атакующим, могла закончиться новой неудачей или тяжелым поражением и большими потерями. Неуверенность в успехе побудила старших начальников – главнокомандующего генерала Каппеля и командующего 2-й армией генерала Войцеховского – отказаться от захвата Красноярска и обойти город с севера.

Был намечен путь прорыва из района Минино – Зимино, через деревню Дрокино, на деревню Темерино (на старых картах – Темирино) и далее, в обход города севернее. Для движения в Темерино из Дрокина, которое расположено на большом тракте, необходимо было пройти по тракту 2 версты в сторону Зеледеева, находившегося в руках красных, и повернуть к северо-востоку, по дороге на Темерино. Для обеспечения этого перекрестка была назначена Камская дивизия генерала Пучкова, которая до рассвета 6 января выступила на Дрокино.

Прорваться благополучно намеченным путем удалось только посланным вперед обозам Камской дивизии, под прикрытием 29-го Бирского полка. Навстречу остальным полкам Камской дивизии, развертывавшимся для обеспечения перекрестка, уже подходили цепи противника из Зеледеева. Произошел упорный бой. Полки камцев понесли тяжелые потери. Испытывая недостаток патронов, камцы должны были отойти от перекрестка к деревне. Поворот с тракта на дорогу в Темерино удержать не удалось.

Подходившие к району Дрокина отряды искали возможности прорваться к северу без дорог. Так, одной из первых прошла 2-я Уфимская кавалерийская дивизия, начальник которой генерал Кантакузен сообщил генералу Пучкову, что он имеет хорошего проводника, и прошел мимо, не оказав помощи. Подошедшие

вслед 4-я Уфимская дивизия и некоторые другие части подкрепили камцев и приняли участие в отражении красных при их попытках захватить Дрокино.

Прибывший к полю боя главнокомандующий генерал Каппель со своим конвоем выдвинулся для угрозы правого фланга противника, но красные успели предупредить этот маневр своими резервами. Генерал Войцеховский посылал на помощь все, что еще не потеряло боеспособность, в том числе 3-й Барнаульский полк, в большом порядке подошедший из Минина. Бой затянулся на несколько часов и дал возможность многим частям проскочить на север. Камская дивизия, выйдя из боя с большими потерями, собралась в Темерине к 15 часам. Уфимская подошла туда же к вечеру.

Генерал Войцеховский, распоряжавшийся в районе Минина, не успел, по-видимому, пройти со своим штабом и штабом Уфимской группы генерала Бангерского через Дрокино и к ночи на 7 января достиг села Есаулова, пробившись туда под прикрытием 3-го Барнаульского и 11-го Оренбургского казачьих полков.

Левая колонна 2-й армии – группа генерала Вержбицкого – вечером 5 января под давлением красных оставила Зеледеево и обошла Красноярск с севера, пробившись через красные заслоны. В этой группе находилась Воткинская дивизия, которая сохранила все свои пушки. Воткинцы при подходе к Красноярску выслали разведку в самый город. Отправился для выяснения обстановки начальник конной разведки 57-го Воткинского полка поручик Орел, который и побывал в разных местах города и в штабе красных. Его разведка помогла выбрать правильную дорогу мимо Красноярска. Сам он, послав донесение с переодетым всадником, присоединился к полку после прохода воткинцев за Красноярск.

Также небольшая группа генерала Сахарова, бывшего главнокомандующего, прошла севернее Красноярска в село Есаулово, выступив утром 7 января дальше по реке Есауловка, и достигла большого Сибирского тракта. В отряде генерала Сахарова насчитывалось немногим более тысячи людей.

Ко всем крупным отрядам, указанным выше, присоединилось много людей, не желавших попадать в руки красных и находивших в себе силы идти дальше на новые опасности и невзгоды. Но было не меньше, а скорее больше отказавшихся от дальнейшего движения, уходивших в Красноярск сдаваться или ждавших на месте своей участи. Чрезмерная усталость, отсутствие средств передвижения, потеря веры в возможность успеха в борьбе с красными и другие подобные причины заставляли павших духом людей сдавать свое оружие и

оставаться на милость мстительного победителя.

Прорыв у Красноярска остатков 3-й армии

На квартиру начальника станции Минино, где генерал Молчанов собирал сведения о происходивших за день событиях и о путях возможного выхода из окружения, приехал генерал Круглевский. Было около 22–23 часов в ночь с 6 на 7 января. Генерал Круглевский подтвердил сведения, что 2-я армия прорвалась днем на север, сообщил, что красные обезоруживают отставших и добровольно оставшихся и что в деревне Минино командующий 3-й армией генерал Барышников собрал старших начальников на совещание. Генералы Молчанов и Круглевский отправились на совещание. Там очень обрадовались прибытию начальника Ижевской дивизии. Оказалось, что от 3-й армии вышло не много частей, но и среди пришедших идут колебания: идти ли дальше или сдаваться.

Агенты большевиков ведут усиленную агитацию среди измученных людей и уговаривают идти в Красноярск, где им будто бы ничто не угрожает. Сильное впечатление произвел чей-то доклад о том, что некоторая часть состава Волжской кавалерийской бригады отказывается идти дальше. Бригада пользовалась заслуженной боевой славой, и ее полки считались среди лучших и стойких в армии. Доклад этот, как потом оказалось, не вполне отвечал действительности. Выяснилось также, что, кроме поредевших частей Волжского корпуса, налицо есть только группа уральцев, собравшихся около генерала Круглевского в числе 400 человек, и ижевцы. Ижевцы составляли наиболее сильную и крепкую часть армии. Их осталось тоже немного – около 700 человек, половина – конный полк.

На совещании было решено пробиваться, притом не теряя времени, как только к деревне Минино подтянутся ижевцы. Генерал Молчанов вернулся на станцию и отдал приказ немедленно собираться. С собой не брали ни одной повозки – все должны были быть верхом или пешими. Путь был без дорог, между деревнями, которые заняты противником, окружившим нас со всех сторон. Предстояло пересекать овраги и прокладывать дорогу по сильно пересеченной местности.

В большой комнате квартиры начальника станции разыгрывалась тяжелая драма. Жена адъютанта, штабс-капитана Виктора К., лишь минувшим летом вышедшая замуж, полная, болезненная и в положении, не могла ехать верхом. Также и еще две женщины не согласились на этот способ передвижения. Их

оставляли на попечение жены начальника станции, которая обещала им помочь при первой возможности выехать домой в Ижевск. Многие стали писать письма своим близким. У всех на душе было тяжело, некоторые плакали. И трудно было сказать, кто кого оплакивает – остающиеся уходящих в неизвестность или уходящие остающихся во враждебном окружении?

Были срочно стянуты эскадроны, бывшие в охранении. Двинулись на север и вошли в деревню Минино. Светлая ночь. На улицах и площадях толпы солдат. Масса саней, костры. Ярмарка, а не войсковой бивак. Многие уже решили дальше не идти. Идет агитация за сдачу. Появился корнет Хорошунов, уже без погон и без оружия. Прибыл он в полк во время его формирования, а с началом боевых действий исчез в тыл. Подошел к строю, когда прошла голова колонны, и агитировал за сдачу. Доложили командиру полка, и тот приказал его привести. Хорошунов немедленно скрылся.

Командир 1-го эскадрона корнет Лумпов с несколькими всадниками отправились разыскивать свои семьи. Может быть, Хорошунов толкнул их на это – почти наверняка! – ложными сведениями. Лум-пов – хороший офицер и храбрый, исполнительный командир эскадрона, но он отправился на розыски, не спросив разрешения командира полка. Наверное, боялся, что этого разрешения не получит. Что с ним и со всадниками, уехавшими с ним, случилось – осталось неизвестным. Агитация на ижевцев не действовала, встретиться с семьей – другое дело.

На улице были сложены несколько больших куч винтовок, шашек, подсумков для патронов и тому подобное. Часовые если и были – удрали при приближении полка. Всадники, не имевшие шашек, подобрали их из кучи и пополнили немного запас патронов. Патронов было мало – не во всех брошенных подсумках можно было найти пачку или одну-две обоймы. Патронный голод давно давал себя чувствовать.

Необычно было это прохождение через селение, наполненное толпами людей, большинство которых было еще вчера солдатами, а теперь стало инертной и безличной массой, безучастно относившейся и к себе, и к другим. Не будь сложившиеся обстоятельства так беспросветны, эти толпы можно было бы объединить, организовать и восстановить из них хорошие боевые части.

Генерал Молчанов поехал доложить генералу Барышникову, что ижевцы собраны. В штабе у генерала Барышникова все еще продолжали обсуждать, что делать. Один из присутствующих успел съездить на разведку в деревню, которая считалась в руках

противника. Там его не было. «Возвратившись с разведки, – пишет «Волжанин» в своих воспоминаниях (журнал «Крестный Путь», № 4), – я застал собрание в полном разгаре. Докладываю и настаиваю на немедленном движении. Опять разговоры… Наконец, слава богу, все решено, собираемся выходить из хаты… резкий стук в окошко и голос генерала Молчанова: «Ижевцы подошли, айда, поехал!»

Не ожидая распоряжений и избегая разговоров, генерал Молчанов повел остатки дивизии на север. У него надежный проводник из местных крестьян. Впереди идет 1-й Ижевский полк, за ним – Конный полк. Ночь светлая, местность видна на две-три версты. Пошли без дорог, взяв направление, по совету проводника, западнее Дрокина. 1-й полк высылает свою конную разведку, она была обстреляна, – противник нас обнаружил. 1-й полк развернулся и продвинулся в направлении выстрелов. Деревни не видно, а с ближайших голых сопок по цепям ижевцев открыт пулеметный и ружейный огонь. Дистанция предельная, и огонь не действителен. Наши цепи ответили редкими выстрелами и скоро замолчали, сберегая патроны. Командир полка получил задачу сдерживать противника, пока не подойдут все части 3-й армии, и затем следовать в арьергарде.

Конный полк двинулся дальше на север. Возвышенное плато было занесено снегом, но кони шли без особого труда. Следовавшая за полком остальная колонна 3-й армии взяла влево, чтобы избежать потерь. Когда красные заметили большую колонну, они, видимо, посчитали, что их окружают, и начали разбегаться из Дрокина. Двигались по разным направлениям, больше в сторону Красноярска. Дозоры Конного полка донесли, что впереди наблюдается что-то странное: по снежному полю от Дрокина в сторону Зеледеева быстро катятся какие-то черные шары. Передовой эскадрон полетел навстречу, развернувшись на ходу в лаву.

Черными шарами оказались головы подводчиков и красноармейцев, которые что-то гнали по большому тракту. Перегиб местности скрывал лошадей, сани и туловища людей, видны были только головы. Заметив опасность, сани помчались быстрее, а находившиеся сзади повернули обратно. Успели захватить только двое саней (некоторые говорят, что только одни).

– Давай деньги! – закричал один всадник конвоиру.

– Вот тут много денег, – ответил красноармеец, показывая на мешки.

Ближайшие конники спешились и проверили. Действительно, там было мелкое разменное серебро.

– На передних санях есть золото, – сказал красный.

Поручик Багиянц и несколько всадников помчались догнать сани с золотом. Меньше чем через десять минут вернулись. Их измотанные кони не могли, конечно, состязаться со свежими лошадками крестьян, и драгоценный груз умчался в Зеледеево. Всадники Конного полка разбогатели. На одном из следующих ночлегов у одного из них были срезаны переметные сумы с серебром, и столь нужный ночной отдых превратился в неприятную сторожевку своего богатства. Кроме серебра, с санями были захвачены два или три наших солдата, попавших в плен. Конвойный был 269-го полка, 30-й красной дивизии.

К северу от большого тракта местность была более пересеченной. Приходилось перебираться через овраги, заполненные снегом. Движение было медленным и утомительным, пока не вышли на дорогу к деревне Темерино. К этой деревне, расположенной на идущем далеко на север Енисейском тракте, подошли глубокой ночью. Здесь сторожить нас был поставлен отряд красных. Ночь была морозная, и красноармейцы забрались в избы, не выставив даже часовых. Около первой избы захватили два пулемета «Максим», находившиеся на санях. И пулеметы, и сани с лошадьми были для нас приятным подарком.

В избе встретились с проспавшими нас пулеметчиками, с удивлением оглядывавшимися кругом, когда мы их обезоруживали: они готовились к таким же действиям в отношении нас. С печи слезли несколько человек наших, попавших в красный плен, и попросили принять их в наш отряд. Генерал Молчанов отнесся к ним очень сурово. «Если вы уже сдались красным, то нам вас не надо». Головная застава, проехавшая вперед по улице, донесла, что конные и пешие красноармейцы через огороды удирают в поле. Из-за чрезвычайной усталости преследовать их не стали.

1-й полк полтора часа оставался против Дрокина, пока не прошли мимо все части 3-й армии и присоединившиеся к колонне группы отставших от частей, прошедших здесь днем. После короткого отдыха, отогревшись в избах, Конный полк двинулся на село Чистоостровское. Забрезжил рассвет, и наступил день 7 января, по старому стилю 25 декабря – праздник Рождества Христова. Вечером разместились на ночлег в богатом селе. Жители праздновали Великий Праздник и радушно приняли нас. Накормили сытно и вкусно. Давно мы не видели отличного белого хлеба и сладких булок, жареных поросят, гусей, уток и прочего. Наши верные, выносливые друзья-кони получили вдоволь сена и овса. К сожалению, отдых продолжался только

четыре часа, но это был первый определенный отдых с 3 января. Подходили другие части, и надо было очистить им место.

Выступив в полночь, догнали арьергард 2-й армии – 2-ю Уфимскую кавалерийскую дивизию. Никакого противника с направления от Красноярска не появлялось. Пошли по пути 2-й армии к устью реки Кан.

* * *

3-я армия, или то, что от нее осталось, благополучно проскочила у Красноярска мимо заслонов, расставленных красными. Место прорыва было выбрано удачно. Поздний час ночи – около четырех часов – и мороз также содействовали успеху.

Главная часть регулярной Красной армии прошла в Красноярск. В Дрокине, по-видимому, был поставлен заслон из состава перешедшего к красным гарнизона или из партизан, стойкостью не отличавшихся. Обнаружив прорыв нашей армии, этот отряд открыл стрельбу издалека, а потом разбежался. Следующий эшелон Красной армии, который мог подойти и заночевать в большом селе Зеледееве, в 10–12 верстах от Дрокина, или не слыхал стрельбы, или не поспел на помощь.

Но больше всего успеху прорыва содействовали точность и быстрота энергичных распоряжений. Это следует отметить, так как началось далеко не гладко. Обстановка же требовала смелых действий.

Командующий армией генерал Барышников и другие собравшиеся к нему старшие начальники много времени теряли на совещания, которых было несколько, на разведку, на ненужные разговоры, даже на посылку агентов в Красноярск. Об этом довольно подробно говорят воспоминания одного, уже упомянутого, участника этих совещаний. Большинство стояло за прорыв, но все топтались на месте. Самый прорыв они представляли себе не как боевую операцию, вообще сложную и трудную, а как нечто вроде пробега через прорыв в расположении противника разъезда конницы.

С армией (хотя бы силою не больше полка), даже не обремененной артиллерией и обозом, но уже сильно деморализованной походом, так просто прорваться не удалось бы. Еще не прошло суток, как на станции Кача часть этой армии в несколько сот бойцов, а может быть, и более тысячи, в панике бежала от выстрелов 20 большевиков. Спас там положение генерал Молчанов. Он же решительно взял на себя руководство

прорывом.

Командуя дивизией ижевцев, он не собирался только с ними уйти из окружения, как это сделал со своей дивизией генерал Кантакаузен и другие, а благополучно вывел из него всю армию. Бесполезное совещание он прерывает коротко: «Айда, поехали!» Помощи никакой не просит. Только что прибывшие из арьергарда ижевцы идут вперед. У Дрокина попадают под обстрел. Что бы получилось с измученными, подавленными духом бойцами и с такими же измученными и не могущими решить, что делать, начальниками – показывает вышеприведенный пример того, что случилось у станции Кача.

Генерал Молчанов разворачивает против Дрокина 1-й Ижевский полк и приказывает командиру полка оставаться на месте, затем – следовать в арьергарде. Обеспечив проход армии мимо деревни Дрокино боковым отрядом из 1-го Ижевского полка, генерал Молчанов на него же возложил обязанности арьергарда для прикрытия дальнейшего движения с тыла. Сам же генерал Молчанов догоняет Конный полк и идет с ним на следующую встречу с врагом у деревни Темерино. Не возьми генерал Молчанов инициативу в свои руки, навряд ли 3-я армия вышла бы из окружения.

В описании этих действий можно прочитать упрек командующему армией генералу Барышникову за его неспособность справиться с управлением армией в исключительно тяжелых условиях и его стремление собирать ненужные подробности обстановки, теряя на это много времени и давая врагу время на разложение и уничтожение наших колеблющихся частей.

Генерал Барышников не пользовался авторитетом опытного военачальника и только временно командовал армией. Это не лишает признания за ним того, что он, как умел, готов был исполнить свой долг и был способен идти на самопожертвование. Когда 3-я армия была отрезана южнее станции Кемчуг от выхода к железной дороге, генерал Барышников прибыл на эту станцию перед самым захватом ее противником. Не получив помощи от частей 2-й армии, уже находившихся в движении на Красноярск, генерал Барышников не пошел вместе с ними для своего спасения, а вернулся к порученной ему армии, отлично зная, что она почти обречена на гибель. Забегая вперед, надо отметить, что через три месяца, при переформировании пришедших в Забайкалье армий и корпуса, генерал Барышников выдвигал на пост командира 3-го корпуса, составленного из частей 3-й и половины 2-й армий, генерала Молчанова, а сам после принял у него должность начальника штаба.

Действия красных под Красноярском вызывают некоторые недоумения. После боя у Дрокина, когда части 2-й армии прорвались на Темерино или Есаулово, авангард красных прошел в Красноярск. Здесь пришельцы почувствовали себя очень неуверенно. Только этим можно объяснить отправку ценностей казначейства города в свой тыл, на Зеледеево. Боялись ли они повторной атаки на Красноярск, или на денежные суммы предъявляли свои требования местные большевики и партизаны – осталось неизвестным. Также трудно сказать, какие причины заставили красных отказаться от преследования наших войск в первые дни после прорыва. Если их авангардные части были переутомлены, то за ними шли другие крупные силы. От Омска до Красноярска они располагали пятью дивизиями.

Для полной оценки положения, в котором находилась 3-я армия после прохода Щегловской тайги, интересно отметить, как красные представляли сложившуюся обстановку. 1 января они подходили к Ачинску. К югу, на уровне с Ачинском, к этому же времени подошли передовые части 3-й армии. Продвигаясь удобными путями, враги четыре дня опережали наши части, двигавшиеся труднопроходимыми проселочными дорогами.

Все эти дороги упирались в бездорожную тайгу, и красные имели полное основание считать, что 3-я армия не успеет выиграть потерянное пространство и ее гибель неизбежна. В час ночи на 2 января комиссар авангардной красной бригады говорил по аппарату с Красноярском. Его собеседником был эсер Колосов, который пробовал выговорить какие-то милости от победителей за предательскую работу своей партии в тылу противобольшевистского фронта. Для комиссара эсер Колосов был только «прихвостнем буржуазии», и он заявил ему:

«Завтра мы займем Красноярск… 3-я армия нами отрезана. Ни на какие соглашения не пойдем» Заключительная фраза относилась к представителю с.р. партии: «Мавр сделал свое дело»…

Расчеты красных полностью не оправдались. Им не удалось, как предполагал комиссар, захватить Красноярск «завтра», то есть 3 января. Да это и не имело большого значения. Город уже несколько дней находился в руках большевиков и их сообщников, преграждая белым армиям дорогу на восток. Не удалось им также уничтожить полностью 3-ю армию. Понеся большой урон, потеряв еще сохранившиеся остатки артиллерии и обозы, строевые части армии пробились на запад, достигли района Красноярска и отсюда вторично проложили дорогу через заслоны красных.

Река Кан

После коротких ночлегов в селе Чистоостровском части 3-й армии двинулись следом за 2-й армией к устью реки Кан.

Конный Ижевский полк выступил в полночь 7–8 января и через некоторое время встретил арьергард 2-й армии – один из полков 2-й Уфимской кавалерийской дивизии. Восстановилась связь со 2-й армией и с шедшим с ней главнокомандующим, генералом Каппелем. Эта связь оборвалась перед подходом к Щегловской тайге, около 19–20 декабря, может быть – раньше. Три недели к армии не доходили приказы и ориентировки главнокомандующего и сведения о движении соседей. Случайные, краткие сообщения от случайных лиц, иногда по слухам, в счет, конечно, принимать не приходилось.

В арьергарде 3-й армии при движении из Чистоостровского двигался, согласно распоряжению начальника дивизии, 1-й Ижевский полк. Преследования со стороны противника не было.

Конный Ижевский полк, сделав переход около 28 верст, утром 8 января пришел в большое село Атамановское. Село оказалось пустым. Обнаруженный в одной избе дряхлый старик, единственный житель села, оказавшийся налицо, сообщил, что село подвергалось нападениям карательных отрядов. Бывали жестокие расправы с жителями за налеты красных партизан на железную дорогу. При появлении наших частей большевистские агенты распространили слухи, что идут большие силы «колчаковцев», от которых никому не будет пощады. Поэтому все население ушло в леса.

Вследствие большой усталости и людей, и лошадей полку устроили «большой привал». В брошенных избах можно было найти картошку, муку и для лошадей – сено. Приказано не брать ничего лишнего и никаких вещей.

В 14 часов полк приготовился к выступлению в деревню Подпорожное. От проводника узнали, что в эту деревню жители ездят зимой по льду Енисея – путь короче и удобнее. Но проводник не был жителем села Атамановского и не знал, где удобный спуск к реке. Из села несколько лесных дорог вели в сторону Енисея. Узнать о нужной, правильной дороге было не у кого. Выбрали наугад одну и по ней, пройдя версты две, вышли к реке.

Берег оказался крутым, высотой в пять-шесть саженей. Выбрали мелкую ложбину, почти прямо спускавшуюся к реке, по-видимому русло небольшого ручья. Сначала несколько спешенных всадников прошли по ложбине, проверили дно и умяли снег. Сделали пробу сводить вниз лошадей. Первый конь начал скользить, поджал задние ноги, сел на круп и благополучно скатился к реке. Большинство съехало тем же порядком, а

некоторые падали на бок и скатывались в таком положении. Сани спускали без лошадей. Они шли вниз хорошо, ни одни не перевернулись и, достигнув ледяной поверхности реки, продолжали с разбегу скользить дальше на 100–150 шагов.

Примененный способ отправки лошадей и саней с высокого берега реки понравился всадникам и вызвал оживление. Начали биться об заклад: спустится очередной конь сидя или повалится на бок, проскочат ли следующие сани дальше других или нет, пролетят мимо или ударятся в уже находящиеся внизу… Операция спуска на лед заняла не больше двух часов. Заседлав коней, полк двинулся на деревню Подпорожное, куда пришел около 20 часов 8 января.

В этот же день после полудня из деревни выступили на Кан части 2-й армии. Впереди шла 4-я Уфимская дивизия, в составе которой находился запасной батальон ижевцев. За уфимцами двигалась 8-я Камская дивизия. Главнокомандующий генерал Каппель со своим штабом и конвоем шел впереди с уфимцами. Его начальник штаба, генерал Богословский, отстал под Красноярском, сдался врагам и был позднее расстрелян красными.

Указанным передовым частям прокладывание дороги по быстрой горной речке досталось тяжело, со многими жертвами (помороженными) и с потерей значительного количества лошадей, саней и имущества. В некоторых местах ледяная поверхность реки была покрыта водой и под ней было трудно находить безопасный путь. Очень большим препятствием оказались пороги, где вода бурлила среди камней и найти проход являлось рискованным делом, отнимавшим много времени. Недостаточно крепкие морозы последних дней привели к тому, что Кан еще не покрылся льдом в той мере, когда движение по нему могло происходить безопасно. Движение ночью еще больше усиливало все трудности. Жители этого района еще не пробовали ездить по Кану.

Совершенно непроходимыми были пороги при впадении Кана в Енисей. Но их можно было обойти, поднявшись на гору, подходившую к деревне, и спустившись на Кан выше порогов. Подъем на крутую гору, сначала по лесной дороге, потом по просекам и целине, оказался не легким, с частыми задержками и занял много времени. Так же тяжел был и спуск на лед. К реке головная часть добралась в сумерках. Прошли несколько верст вверх по Кану и остановились: на реке – вода. Были посланы конные разведчики выяснить, возможно ли дальше двигаться.

Наступила темная ночь. Ударил сильный мороз. Вдоль пути остановившейся колонны зажглись костры. Долго не

возвращались разведчики. Начали опасаться, что дальше не пройти. Заговорили о необходимости бросить сани и двигаться верхом. Раненых, больных и семьи следовало отправить назад в Подпорожное. Решение – двигаться ли дальше – пришло из рядов ижевцев запасного батальона. Участница похода О.П. Петрова, супруга генерала Петрова, вспоминает об этом эпизоде: «Ижевцам, видимо, надоело ждать, и, кроме того, до них дошел слух, что семьи отправят обратно. Они крикнули: «Айда!» и покатили к голове колонны. На минуту остановились перед полыньями, – наверное, представляли себе безнадежность возврата в Подпорожное, – и вновь крикнули «Айда!» и – снова покатили. Лед их выдержал. Это были не настоящие полыньи, и вода сверх льда от каких-то ручьев с берегов… За ними снова все потянулись. Вопрос разрешился сам собой»…

Движение передового отряда было медленным. Приходилось осторожно выбирать дорогу, так как встречались полыньи, в которые проваливались неосторожные люди. Наступивший мороз укреплял лед, но, когда сани попадали в места с водой, смешанной со снегом, они быстро обмерзали, и усталые лошади с трудом вытягивали их на сухое место. Если лошади не могли быстро протащить сани, то они примерзали ко льду и их с трудом могли освободить. Много примерзших саней было брошено.

Наступил день 9 января. Ночной мороз не сковал полностью ледяную поверхность Кана. Движение продолжалось, как накануне, с частыми задержками. Вскоре после полудня 2-я Уфимская кавалерийская дивизия, видимо утомленная медленным движением позади передовых частей, обогнала колонну, прокладывая свою дорогу. Но пришлось выйти на общую дорогу, перемешавшись с другими частями. Происшедший беспорядок нарушил управление движением. Тяжелый поход продолжался.

Приходит вторая ночь на Кане. Участники вспоминают о необычайной усталости, жестоком морозе, апатии, галлюцинациях, охвативших многих. За каждым поворотом реки ждут появления давно ожидаемой деревни Барги. Начинают мерещиться огоньки, слышится лай собак и крики петухов… Торопятся к этим признакам жилья. Все пропадает… Впереди по-прежнему только ледяная поверхность реки, сжатая темными берегами. От усталости люди засыпали в санях и в седле. Мороз гнал их согреться. Соскакивали на лед и пробовали бегом разогреть промерзшее тело. Часто попадали в воду, промачивали валенки и ноги. Было много обмороженных. Очень тяжело поморозился генерал Каппель, шедший впереди с разведчиками и вместе с ними отыскивавший в воде проходы для двигавшейся

сзади колонны. Он обморозил ноги и получил воспаление легких.

Медленное продвижение по Кану передовых дивизий вынудило оставшиеся в деревне Подпорожной части 3-й армии оставаться на месте весь день 9 января. Они получили неожиданную дневку. Правда, эта дневка не дала настоящего полного отдыха. Небольшая деревня не могла приютить под крышей всех. Люди по очереди сменялись для того, чтобы согреваться в избах. Больше времени приходилось проводить у костров на улице деревни, прыгая на месте и оттирая носы и уши, сильно страдавшие от жестокого мороза.

Мороз, с другой стороны, оказал огромную услугу при дальнейшем движении по реке. Для 3-й армии переход по Кану до деревни Усть-Барга, равный примерно 80 верстам, был значительно легче, чем для шедших впереди Уфимской и Камской дивизий. К утру 10 января все пороги были скованы морозом и вода, во многих местах покрывавшая поверхность льда и сильно затруднявшая продвижение передовых частей, обратилась в крепкий лед.

Ижевский конный полк, выступивший в 5 часов утра 10 января, остановившийся на полпути для короткого, получасового привала, достиг деревни Усть-Барга за 19 часов, в то время как уфимцам, прокладывавшим дорогу, пришлось потратить около 36 часов, а отставшие подходили еще позже.

К 11 января прошедшие по Кану части собрались в деревне Усть-Барга и в ближайших деревнях. Дальнейший кратчайший путь и более удобный лежал через город Канск. По сведениям, там собрались крупные силы красных – подошли с севера, из района Тасеева и других мест партизаны, перешел на сторону противника Канский гарнизон и были собраны местные большевистские отряды. Красные усиленно укрепляли позиции на подступах к городу. Заняты были также селения, лежавшие на реке Кан, к югу от города Канска.

Ввязываться в бой, не приведя в порядок свои силы после событий у Красноярска, после тяжестей перехода по реке Кан, не зная еще, кому удалось пройти, не имея в запасе огнеприпасов, – не было никаких оснований. Связь с отрядами, прошедшими мимо Красноярска, еще не была налажена. Дня через два были получены сведения из группы генерала Вержбицкого, что попытка пройти через город Канск встретила упорное сопротивление красных. Генерал Вержбицкий решил пробиваться в обход Канска с юга. Такое же решение было принято генералом Войцеховским для движения с Уфимской группой (4-я Уфимская и Камская стрелковые дивизии, 2-я Уфимская кавалерийская дивизия и несколько мелких единиц). Генерал Войцеховский, чтобы

избежать столкновений с противником своих сильно пострадавших частей в боях у Красноярска, решил сделать обход города Канска, по маршруту: Высотина – Заозерная – Бородино, Усть-Ярульское – Подъяны.

3-я армия двинулась по более короткому пути на ст. Бражное. В голове армии шла Ижевская дивизия с конным полком в авангарде. Из штаба армии на разведку в Канск вызвался подполковник Ловцевич[137]. В солдатской шинели без погон он отправился во вражий стан. В одном месте он был задержан красным патрулем: «Что-то ты похож на колчаковского капитана…» Но Ловцевич сумел отвертеться от подозрений и удачно выполнил свою задачу. Побывав в разных районах города, он собрал ценные сведения, подтвердившие, что красные имеют в Канске значительные силы и продолжают усиленно укреплять свои позиции.

Ижевский конный полк выступил из Усть-Барги 11 января и через деревню Орловку пришел в деревню Ивановку, где расположился на ночлег. Утром 12 января полк через деревню Солянку и через переезд железной дороги у 909-й версты дошел до села Бол. Уринское на большом Сибирском тракте. При пересечении железной дороги была встреча с чехами. Их эшелон стоял около переезда, и в нем было несколько конских вагонов. Один из всадников спросил у чехов, не могут ли они дать немного овса; те ответили, что есть только для себя.

– А если я заплачу вам серебром? – задал вопрос всадник.

Лица чехов сразу прояснились.

– О, мы очень бы хотели привезти домой, на «память» русские серебряные монеты!

Быстро организовался торг, и была установлена цена на овес. За мерку величиной примерно в гарнец взималась плата «на память», что-то около 30 копеек. Захваченное под Красноярском серебро пригодилось, чтобы подкормить наших верных походных друзей.

В другом духе произошла встреча у 1-го Ижевского стрелкового полка. Полк подошел к железнодорожному разъезду, от которого собирался двинуться чешский эшелон. Заметив, что полк начал переходить через полотно железной дороги, привыкшие к беззастенчивому хозяйничанью в тылу чехи отправили командиру полка требование приостановить движение, пока их эшелон не пройдет дальше на восток. Требование было предъявлено как подлежащее немедленному исполнению. Командир полка тут же отдал приказ командиру пулеметной команды поставить по два пулемета с каждой стороны дороги и открыть огонь по вагонам, если эшелон двинется, а чешскому

посланцу заявил:

– Отправляйтесь к своему командиру и доложите мой ответ.

Чех поспешил удалиться. Эшелон не двинулся, пока весь полк не перешел через железнодорожное полотно.

Необходимо оговориться, что один из чинов 1-го полка уверяет, что этот эпизод произошел раньше, у Ачинска. Это не соответствует ходу событий. К району Ачинска полк подошел 1 или 2 января – в то время все чешские эшелоны были в Красноярске или дальше к востоку.

В селе Бол. Уринское были сделаны попытки узнать от местных крестьян, занято ли Бражное отрядами красных, есть ли у них орудия и так далее. На все вопросы получались ответы, что им ничего не известно. Уклончивые, боязливые ответы говорили о возможности встречи с противником.

Обход города Канска

У Канска и к югу от него красные готовились не пропустить остатки нашей армии на восток. За исключением некоторых небольших частей, двигавшихся отдельно и ставших жертвой противника, остальные отряды без особых затруднений проложили себе дорогу. По-видимому, первой к району Канска подошла группа генерала Вержбицкого (Воткинская, Иркутская, Омская и Добровольческая дивизии с приданными и присоединившимися частями). От группы была выслана усиленная разведка на город. Она была встречена красными на их укрепленной позиции и отошла на свои главные силы с потерями.

Генерал Вержбицкий решил обойти Канск через село Бражное, около 20 верст к югу от города. В авангарде группы в эти дни двигались, по очереди, Воткинская и Иркутская дивизии. В тот раз, 11 или 12 января, впереди шла Воткинская дивизия. Воткинский конный дивизион[138]атаковал отряд красных партизан, загородивших дорогу. Партизаны не выдержали атаки и разбежались. Часть их, несколько десятков человек, бросившиеся или загнанные на реку, были порублены воткинцами. Заняв село Бражное, группа генерала Вержбицкого остановилась на ночлег.

Южнее действовала группа генерала Сахарова. Со своим небольшим отрядом он к вечеру 10 или 11 января подошел к большому селу Голопуповка (Верх. Аманаш) и там застал много действовавших самостоятельно частей, в том числе – 1-ю кавалерийскую дивизию, Сибирскую казачью бригаду, отряд оренбургских казаков и других. По сведениям генерала Сахарова, в селе находилось 5–6 тысяч человек.

Генерал Сахаров объединил действия всех этих частей и на следующее утро атаковал красных двумя колоннами. Одна из этих колонн вела наступление в лоб и была задержана противником. Другая обошла красных с их левого фланга и ударила в тыл. Противник дрогнул и, бросая оружие, бежал к городу Канску. После атаки Воткинским конным дивизионом красных партизан в Бражном противник быстро очистил большое село и бежал в город Канск. Группа генерала Вержбицкого расположилась в селе на ночлег. Это было в ночь на 11 января. Утром группа продолжала поход. Красные, получив сведения об уходе наших частей, вновь заняли Бражное.

13 января утром 3-я армия из села Бол. Уринское двинулась на Бражное. Конный полк ижевцев выступил в 3 часа утра, получив задачу отбросить красных из Бражного и обеспечить

проход через него частей армии. Подойдя к селу, полк развернул два эскадрона в лаву и двинулся в атаку. С севера, из района села Ачикаул, начался обстрел шрапнелью на высоких разрывах. В селе Бражном противника не оказалось. По словам жителей, красные партизаны бежали, как только заметили наше появление. Они удовлетворились артиллерийским обстрелом с расстояния 6 верст, не причинившим никакого вреда.

Но перед нашим приходом, в промежутке времени после ухода группы генерала Вержбицкого, в засаду попал один егерский батальон. На льду реки лежало до 200 трупов зверски зарубленных егерей и среди них несколько женщин и детей. Навстречу нам выбежала обезумевшая женщина и умоляла спасти ее. Из ее истерических слов, прерываемых рыданиями, можно было понять, что красные убедили егерей сложить оружие и обещали всем полную пощаду. Когда егеря сдали оружие, их всех порубили вместе с женами и детьми. Несчастная успела скрыться в крестьянском дворе, спрятаться в курятнике и боялась оттуда выходить до нашего прихода. Ее взяли в сани для больных, и впоследствии она вышла замуж за командира 5-го эскадрона корнета Вахрушева.

Выдвинув заслон на северную сторону села с задачей следить за противником и не позволять никому направляться в его сторону, полк пропустил все части армии и через час выступил дальше.

К Нижне-Удинску

Дальнейший путь 3-й армии лежал по малонаселенной местности с труднопроходимыми дорогами. К вечеру, сделав за день 50 верст, полк через Даниловский завод прошел в небольшую деревню Гавриловку и расположился на ночлег. Это был последний пункт, нанесенный на карту. Дальше в течение последующих четырех дней приходилось идти, расспрашивая жителей. На пути встречались заимки или выселки… Эти мелкие населенные пункты на карте не указаны.

14 января перешли в поселок Тарамба. 15 января, перед выступлением утром на следующий переход, сильно опьяневший всадник 2-го эскадрона бросил гранату в избу, отведенную для 1-го эскадрона. Причина – ссора из-за какого-то пустяка. Был ранен один всадник и убиты две девочки – дочери хозяина избы. Сразу же состоялся полевой суд, и бросивший гранату был присужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Часть одной Сибирской дивизии, попавшая на нашу дорогу,

пошла ночью пробиваться по заброшенному и занесенному старому тракту. Конный полк в 7 часов утра выступил по этому же пути, но через 10 верст уткнулся в застрявшие обозы. Повернули обратно, дошли до поселка Верхне-Требушное, немного отдохнули и двинулись по тяжелой заснеженной дороге. Остаток дня и всю ночь шли медленно. В 8 часов утра 16 января, пройдя всего 60 верст за 25 часов, достигли деревни Саранчет, где отдыхали целый день.

17 января к вечеру достигли деревни Камышелеевки. Сверх ожидания, этот район оказался значительно заселенным. Можно было достать разные продукты и корм для лошадей. Кроме того, сюда доходили разные новости и самые разноречивые слухи. Здесь, например, мы услышали следующее о генерале Деникине: то его армия разбита и отступает… то взял Москву, Самару, Уфу. О чехах – выступили против Семенова и захватили у него три бронепоезда и… вместе с Семеновым бьют большевиков… О красных – получили признание их власти от иностранцев и… бежали из Москвы в Екатеринбург…

18 января переходом в 45 верст через Шелихово – Таловку перешли в село Благодатское. 19 января сделали 70-верстный переход через деревню Тамбор в Алгашет на большом Сибирском тракте. Здесь встретились с группой генерала Вержбицкого. 20 января из-за тесноты квартирования перешли в Замзор, всего 6 верст. 21 января двинулись на ст. Ук в 30 верстах от Нижне-Удинска. Прошли мимо ст. Камышет, где, по некоторым сведениям, за несколько дней до нашего прихода сдался красным Учебный полк Морской дивизии под командой полковника Песоцкого.

У ст. Ук красные пытались преградить дорогу, но были разбиты воткинцами, шедшими в авангарде группы генерала Вержбицкого. После короткой перестрелки отряд противника бросился бежать и столпился на мосту у восточного выхода деревни. Здесь их атаковал Воткинский конный дивизион и изрубил до полусотни человек. Остальные разбежались в лесу, близко подходившем к станции.

Другой очевидец, офицер железнодорожных войск, полковник И., который обычно шел с передовыми заставами, имея под своей командой квартирьеров от всех частей группы, дополняет эти краткие показания, он сообщает, что навстречу колонны вышла депутация от большевиков. Они обратились к воткинцам с призывом, что пора прекратить вражду, перейти на мирное положение и зажить счастливой жизнью. Воткинцы выслушали знакомые медовые речи и перебили всю депутацию. По словам рассказчика, это произвело сильное впечатление на отряд

красных, приготовившихся к бою, и они начали разбегаться. По его словам, в рядах отряда было некоторое количество солдат конвоя какого-то большого штаба, перешедших на сторону красных в Нижне-Удинске. Они первые покинули свои места и убежали в лес. После захвата воткинцами станции они появились из своего убежища и просили принять их обратно в Белую армию. Веры им не было, не было и пощады: их постигла участь красных комиссаров.

Дорога в Нижне-Удинск была открыта. Красные поспешили город очистить, и он был занят частями генерала Вержбицкого без боя. Достигнув села Ун 21 января после полудня, Ижевская дивизия на следующий день оставалась на месте, получив дневку. 23 января Ижевская дивизия перешла в город Нижне-Удинск. Здесь многим из обросших в походе посчастливилось постричься в парикмахерских. Это удовольствие стоило 550 рублей на омские деньги, еще бывшие в ходу.

Уфимская группа 2-й армии двинулась от станции Алзамай в обход Нижне-Удинска с севера для удара по красным с тыла. Группа прошла тяжелой и малонаселенной дорогой четыре дня и вышла к городу, когда он был уже в наших руках.

Пространство от рубежа реки Кан до Нижне-Удинска, по тракту около 300 верст, было пройдено сравнительно благополучно. Небольшие шайки партизан нападали только на мелкие отряды и, получая отпор, разбегались после первых выстрелов.

После Кана начал быстро налаживаться порядок. Группы 2-й армии, двигавшиеся по тракту, 17 января получили распоряжение в кратчайший срок зарегистрировать все части и дать их списки в штаб армии и соседям. Мелкие части подлежали расформированию и сведению в более крупные. Устанавливались строгие правила для взимания продуктов с обязательной выдачей расписок за подписью командиров отдельных частей. Генерал Макри, исполнявший со своим отрядом обязанности военной полиции, получил право проверки частей и учреждений, не вошедших в группы. Эти части лишались ночлегов и получения продовольствия. Никто не вошедший в группу не мог идти по пути армии. Генерал Макри должен был принимать претензии от жителей, объяснять им причину необходимости брать у них продовольствие под квитанции и следить за сохранением порядка, арестовывать нарушителей порядка и отправлять их в штаб армии и т. д. Только генерал Макри имел право делать реквизицию в кооперативах. К сожалению, сам генерал Макри и чины его отряда не были безупречны в исполнении возложенных на них обязанностей и их действия вызывали нарекания.

3-я армия под командой генерала Барышникова и отряд генерала Сахарова, двигавшиеся южнее железной дороги, прошли более длинный путь. Дорог было мало, особенно в направлении с запада на восток, и приходилось не раз делать большой круг, прибавляя к переходам десятки лишних верст. При этом попадались участки дорог, занесенных снегом, по которым никто перед ними не ездил. Но и в этих частях порядок был быстро налажен. Никаких мелких, самостоятельно двигавшихся отрядов здесь не встречалось – они шли по тракту и вдоль железной дороги. Не приходилось иметь дело и с шайками красных партизан. В этом малонаселенном районе их, наверное, совсем не было. Кроме того, на двигавшиеся в порядке части, выставлявшие на ночлегах бдительное охранение, партизаны нападать не любили.

В Нижне-Удинске генерал Каппель 23 января созвал совещание старших начальников. Он тяжело страдал от полученной на реке Кан простуды, и здоровье его ухудшилось. Он уже не был в состоянии нести свои обязанности, и генерал Войцеховский часто распоряжался за больного главнокомандующего. Генерал Каппель назначил генерала Войцеховского своим заместителем. В командование 2-й армии предназначался генерал Вержбицкий. На должность командующего 3-й армией, после опроса присутствующих, генерал Каппель назначил генерала Сахарова.

Прорыв армии из окружения под Красноярском и продвижение дальше на восток вызвали у красных большую тревогу до самого Иркутска. С одной стороны, они успокаивали себя тем, что вышли только жалкие остатки разбитой ими армии адмирала Колчака, а с другой стороны, они дрожали от приближения этих остатков и не имели надежды их остановить. Для затруднения нашего движения красные распространяли слухи среди местного населения о жестокостях и насилиях белых и в некоторых случаях заставляли крестьян уходить в горы и леса, забирая с собой все продовольствие.

Наши «иноземные союзники», в свою очередь и в своих целях, чернили как наших командиров и вождей начиная с адмирала Колчака, так и солдатскую массу, состоящую, по их мнению, из преступников и всяких отбросов. Захватив в свое пользование железную дорогу и устанавливая вдоль нее «нейтральные» полосы, «союзники» не только хотели обеспечить себе спокойное продвижение, но также затруднить наше движение и содействовать разложению армии, которой они несколько месяцев тому назад помогали.

Генерал Войцеховский счел необходимым напомнить

генералу Жанену, из кого состоит армия, к чему привел эту армию нейтралитет «союзников», и предупредил, что армия будет открывать себе дорогу силой. Здесь приводится телеграмма генерала Войцеховского:

«Чита. Генералу Жанену. Копия атаману Семенову, генералу Вержбицкому, генералу Бангерскому и генералу Феофилову (генерал Феофилов – начальник отдельной Енисейской казачьей бригады, в этот период был командующим Казачьей группой, в состав которой входили все части). 20 января точка части первой и второй армий объединенные моим командованием подходят к Н.-Удинску точка. Возникшая по Сибирской магистрали новая гражданская власть последовательно перерождается в совдепы точка. В тылу армии исключена возможность образовать фронт против большевиков западнее Красноярска и Канска точка. По-видимому перерождение в совдеп происходит в Н.-Удинске так как уже имели место боевые столкновения моих частей с бандами и частями стремящимися не пропускать армию на восток точка. Войска армии не могут оставаться в сфере советской власти и вынуждены открывать себе дорогу силой точка. Нейтралитет объединенных иностранных войск фактически выразился в Красноярске в непропуске всех русских эшелонов что привело к оставлению большевикам всех средств жизни и запасов имевшихся в армии и артиллерии точка. В состав армии входят несколько тысяч добровольцев рабочих ижевцев, воткинцев, михайловцев и других не менее демократических, чем земство Иркутска и Н.-Удинска и добровольно стремящихся уйти из сферы большевистской власти, так как предательство в тылу и нейтралитет иностранцев лишили их временно средств борьбы точка. Связи с Главновостоком (атаман Семенов, которому адмирал Колчак передал всю власть на территории Российской Восточной окраины) в данный момент не имею точка. Не ориентирован в общей обстановке и полагаю, что в свою очередь разного рода власти русские и не русские военные и гражданские на пути следования армии могут не быть ориентированы в отношении цели и условиях движения армии почему и довожу все вышеизложенное до вашего сведения точка. № 034/ок. генерал-майор Войцеховский».

После взятия Нижне-Удинска выяснилось, что здесь находятся на складах большие запасы нашей армии. При переходе власти к красным чехи выставили к этим складам своих часовых и объявили их своими трофеями. Необычная жадность их ко всему, что плохо лежит, поражала и возмущала всех, хотя в отступающей армии не знали и малой доли того, что эта хорошо организованная шайка мародеров нагружала в вагоны и везла во

Владивосток. Для подошедших наших солдат, сильно нуждавшихся в обмундировании и теплом белье, чехи открыть склады отказались.

По рассказу уже упомянутого полковника И., к чехам был отправлен офицер, знавший многих из них. Он заявил чехам: «Вы помните меня еще от лета 18-го года, когда мы вместе разгоняли красных на Кругобайкальской железной дороге. Теперь вы с удобствами едете в поездах и всем хорошо снабжены. Мы идем по дорогам, мерзнем и голодаем. Вы откроете нам наши склады, или мы разрушим все мосты по железной дороге, и вам придется идти также пешком». Чехи открыли склады, и наши части получили нужную одежду, сахар и многое другое.

Перед выступлением из Нижне-Удинска были получены сведения о предательстве адмирала Колчака, выданного чехами «политическому центру» в Иркутске. Другие сведения говорили, что красные готовятся дать нам сильный отпор у станции Зима.

От Нижне-Удинска к станции Зима

От Нижне-Удинска армии двинулись в прежнем порядке: 2-я по Сибирскому тракту и вдоль железной дороги, 3-я по проселочным дорогам, отстоявшим от главных путей на 20–50 верст.

Район, по которому шла 3-я армия, был довольно населенным, и по пути встречались большие села и деревни. Было много легче доставать продукты, и не было так голодно, как на переходах от реки Кан до Нижне-Удинска. Но тяжело ударило другое бедствие – сильно распространившийся тиф. С каждым днем таяли ряды бойцов и увеличивались обозы с больными.

От Нижне-Удинска до ст. Зима было, считая по железной дороге, около 240 верст. Подтверждались сведения, что под Зимой красные готовились преградить нам дорогу. Марши были рассчитаны так, чтобы к 30 января обе армии подошли на переход к Зиме, а 31 января совместными усилиями разгромили противника. Группе генерала Вержбицкого ставилась задача ударить на противника с фронта, 3-й армии генерала Сахарова – атаковать во фланг и тыл.

3-я армия выступила из Нижне-Удинска 24 января. Впереди шла Ижевская дивизия. После перехода в 54 версты заночевали в деревне Чеховской. В следующие дни – 25–30 января, – делая переходы по 30–50 верст через селения Патербей, Икей, Одон (в этой деревне было недостаточно помещений, и Конный полк перешел на ночлег 6 верст дальше, в деревню Каргол), Утолей и

Или, достигли 30 января села Батома. Это село находилось примерно в 35 верстах от Зимы. Из Батома часть дивизии вечером перешла в поселок Чебытовский.

29 января, на ночлеге в деревне Или, узнали, что генерал Каппель скончался 26 января. Его смерть тяжело переживалась всем составом армии. Он пользовался большой любовью за его выдающиеся качества военачальника, всегда показывавшего примеры доблести и самопожертвования. Это и было причиной его преждевременной смерти. На суровой горной реке Кан он шел с передовым отрядом разведчиков, разыскивая проходы среди незамерзших порогов, промочил ноги и жестоко простудился. Уже совершенно больной, он заставлял подавать ему верховую лошадь, с трудом садился в седло и отправлялся встречать остатки своих полков, зная, что его появление поднимает силы измученных бойцов.

Вечером, по приходе в поселок Чебытовский, получили сведения, что на ст. Зима прибыли из Иркутска в поездах значительные силы красных с большим количеством пулеметов. Неопределенно говорилось о присутствии артиллерии. Ижевцам отдан приказ чистить винтовки и проверить и распределить ограниченный запас патронов. Перед рассветом должны были выступить на ст. Зима. Сильный мороз – ниже 35 градусов Реомюра.

Глубокой ночью пришла весть, что у Зимы идет бой. Никаких подробностей не сообщалось. Было 5 часов утра. Генерал Молчанов приказал частям дивизии немедленно двигаться к Зиме. Конный полк собрался по тревоге и выступил в авангарде. В эскадронах были выделены всадники на более крепких лошадях, которые двинулись вперед. Остальные следовали сзади, насколько позволяли силы измотанных лошадей.

На рассвете подошли к селу, из которого можно было видеть вдали ст.

Зима. Там было тихо. Крестьяне сообщили, что накануне был большой бой и красные бежали. Вскоре прибыл из Воткинской дивизии унтер-офицер и подтвердил, что красные были разгромлены и понесли большие потери.

Бой у станции Зима

Приказом генерала Войцеховского армиям Восточного фронта № 1 от 27 января, то есть на другой день после смерти генерала Каппеля, сохранившиеся части штабов фронта и 2-й армии соединены в один «штаб войск Восточного фронта». На

должность Начальника штаба войск Восточного фронта допущен генерал-майор Щепихин. В соответствии с принятой группировкой войск и существовавшей ранее организацией и для удобства управления войска фронта временно составляют три колонны: а) части 3-й армии – колонну генерала Сахарова; б) соединенные предыдущими приказами главнокомандующего части 1-й и 2-й армий – колонну генерала Вержбицкого; в) части Уфимской группы и приданные ей – колонну генерала Бангерского. Вступив в командование указанной ему колонной, генерал Вержбицкий назначил командующим Южной группой начдива 4-й Сибирский Стрелковой дивизии генерал-майора Смолина.

2-я армия генерала Вержбицкого, или, согласно новому приказу, колонна генерала Вержбицкого, двигалась быстрее, чем это предполагалось. Передовая Тобольская группа под командой генерала Бордзиловского вечером 29 января дошла до села Кимельтей и остановилась на ночлег. До Зимы оставалось 25 верст. По чьему распоряжению или по чьей инициативе было решено не терять времени и атаковать красных на день ранее назначенного срока – выяснить не удалось. Во всяком случае, Тобольская группа, при необходимости в поддержке, могла рассчитывать на помощь двигавшейся позади Южной группы и следовавшей за ней колонны генерала Бангерского.

Для описания боя у Зимы послужили: 1) статья В. Антоновича «Бой у г. Зимы» («Крестный путь» № 4) и 2) показания участников боя – воткинцев. В описании Антоновича сообщаются подробные сведения о действиях Иркутской дивизии и отсутствуют почти полностью данные о действиях воткинцев. По утверждению Антоновича, бой носил упорный характер, продолжался 5 часов и не может быть сомнения, что все силы Тобольской группы участвовали в бою. К сожалению, о действиях пехоты воткинцев не удалось собрать каких-либо подробностей, за исключением противоречивых сведений о потерях.

В 8 часов 30 минут утра 30 января боевые части Тобольской группы – Иркутская, Сибирская и Воткинская дивизии – под командой начальника Иркутской дивизии полковника Ракитина[139]выступили по тракту из села Кимельтей на деревню Ухтуй, где красные поджидали их на укрепленной позиции. Деревня Ухтуй находилась верстах в трех от Зимы. Позиция красных протянулась по фронту примерно на 3 версты. Правый фланг располагался по возвышенному берегу реки Ока, огибая деревню Ухтуй. Избы деревни были приспособлены для обороны. Левый фланг протянулся к железной дороге и загибался назад для обеспечения от охвата, не доходя до железной дороги.

Позиция состояла из снежных окопов, политых водой, и во многих местах перед окопами устроены засеки. Местность перед позицией была совершенно открытой, и на ней лежал глубокий снег. За правым флангом позиции, на противоположном берегу реки, местность заросла густым непроходимым кустарником, не дававшим возможности произвести охват этого фланга. В общем, позиция была сильной, с отличным обстрелом.

Позиция была занята силами красных численностью около 4000 бойцов с большим количеством пулеметов. Генерал Сахаров указывает другую численность – 10 тысяч бойцов при пяти орудиях и даже с двумя аэропланами («Белая Сибирь», с. 267), но это не подтверждается другими источниками. Отряд красных состоял из надежных, большевистски настроенных шахтеров из Черемховских угольных копей, нескольких партизанских формирований, коммунистов Иркутска и других поборников советской власти. Этот отряд в нескольких поездах, при содействии чехов, был переброшен из Иркутска.

Части полковника Ракитина из села Кимельтей выступили в следующем порядке: авангард под командой капитана Зилова: конные дивизионы Иркутской и Воткинской дивизий и 10-й Байкальский полк. Всего 400–450 бойцов. Главные силы под командой начальника Воткинской стрелковой дивизии подполковника фон Ваха: 9, 11 и 12-й полки, Егерский батальон и артиллерийский дивизион Иркутской Стрелковой дивизии и Воткинская стрелковая дивизия со 2-й батареей при двух действующих орудиях. Остальные пушки воткинцев везлись разобранными. Всего около 1500 бойцов при четырех орудиях. За главными силами двигались в санях раненые и большое количество больных тифом. В конце Тобольской группы следовали остатки Тобольской Стрелковой дивизии в количестве около 100 человек и с ними генерал Бордзиловский.

Конные дивизионы, отогнав разъезды и заставы красных, к 11 часам утра подошли к деревне Ухтуй, развернулись на широком фронте и повели демонстративное наступление для выяснения расположения противника. Задача была успешно выполнена – фронт и фланги противника выяснены. В 12 часов авангард, а затем и главные силы развернулись и пошли в наступление. Движение сильно затруднялось глубоким снегом по пояс.

Противник встретил наступавших сильным ружейным и пулеметным огнем. Наши части залегли в снегу и начали подготовлять атаку ружейным и пулеметным огнем. Орудие Иркутской батареи открыло огонь по правому флангу противника. На этот участок энергично наступал Егерский батальон капитана Дубова. Егеря трижды переходили в атаку.

Капитан Дубов был убит. Красные, обманутые энергичными действиями Егерского батальона, начали передвижение своих резервов к правому флангу.

Полковник Ракитин решил, сковывая противника с фронта, нанести удар в его левый фланг. Для этой цели он направил сюда 11-й Нижне-Удинский полк под командой полковника Долгово-Сабурова[140]. Малочисленность всех полков обеих дивизий, за последнее время сильно ослабленных распространением тифа и насчитывавших в своих рядах всего лишь по 150–200 штыков, вызвала необходимость усилить 11-й полк частью воткинцев. В составе Воткинской дивизии находились остатки 49-го полка 13-й Сибирской дивизии под командой капитана Ф. Мея[141], принявших участие в ударе на фланг противника.

Отряд полковника Долгово-Сабурова скрытно обошел противника и атаковал его во фланг и с тыла. 2-я Воткинская батарея капитана Верцинского помогла успеху действий пехоты обстрелом из своих двух действующих орудий. Противник был сбит, и, развивая успех, атакующие части двинулись вдоль позиции красных. Резервов у Нестерова не оказалось, задержать спешно продвигавшийся отряд белых было нечем, и у красных поднялась паника. Этому содействовали также чехи. Совершенно неожиданно для обеих сторон чешская кавалерия, находившаяся на ст. Зима, выгрузила и поседлала своих коней и показалась в тылу у красных. Сведения участников боя о действиях чехов расходятся. Одни говорят, что чехи атаковали и рубили большевиков. Другие отрицают это и уверяют, что появление чехов оказало лишь моральное воздействие на красных, усилив их панику.

Чешская кавалерия выступила по приказу начальника 3-й чехословацкой дивизии майора Прхала, одного из немногих чехов, сохранивших в себе чувство долга и чести и готового прийти на помощь своим братьям по оружию. К этому времени другие чины чешского воинства, во главе с командующим армией генералом Сыровым, уже давно встали на дорогу уклонения от какой-либо помощи и к прямым предательствам. Сыровой выразил большое неудовольствие действиями майора Прхала и приказал вернуть оружие взятым в плен красным солдатам и отправить их в Иркутск.

Потери большевиков были велики. Около 1000 человек вместе с Нестеровым, которые бежали к своим вагонам, были разоружены, но, как выше указано, были отправлены в Иркутск, с возвращением оружия, по приказу покровительствовавшего им генерала Сырового. Большая часть отряда Нестерова, бросая винтовки, пулеметы и патроны, бежала спасаться из деревни

Ухтуй на восток, к Балаганску. На месте боя красные оставили около 800 убитых и раненых. Имея в своих рядах плохо обученных бойцов, привыкших в партизанских действиях нападать на малочисленного противника, и притом врасплох или ночью, они не проявляли упорства в бою, не умели действовать холодным оружием и, конечно, не могли противостоять закаленным бойцам белых частей.

Все же бой продолжался около 5 часов. Вскоре наступили сумерки. Проходившие мимо побоища с содроганием рассказывали, как стонали и хрипели сотни раненых, кончая жизненный путь на морозном снежном поле. Незначительный кадр медицинского персонала наших частей был занят помощью своим и не имел возможности подать помощь многочисленным павшим врагам. Наши потери, по сравнению с противником, были незначительны. Антонович указывает, что Иркутская дивизия потеряла 15 убитыми, 67 ранеными и несколько обмороженными. Точных сведений о потерях воткинцев не сохранилось. Называли цифры от 30 до 100. Начальник Воткинской дивизии определял потери в 50–60 человек. Следует отметить, что свирепствовавший тиф сильно ослабил боевой состав белых частей. У воткинцев в конном дивизионе болели в эти дни командир дивизиона ротмистр Дробинин[142], командир 1-го эскадрона поручик Рябков, еще несколько офицеров и половина всадников. Также сильно были ослаблены стрелковые полки.

Пришлось принять меры к усилению пехоты. У воткинцев за цепями пехоты шли в наступление артиллеристы тех батарей, пушки которых везлись разобранными, и нестроевые разных категорий. Все были вооружены винтовками, взятыми от больных. Город и станция Зима с находящимся около нее поселком для железнодорожных служащих были заняты без боя.

Интересное показание о бое написал командир 3-го взвода 1-го эскадрона воткинцев корнет Бут. Оно приводится здесь с небольшими сокращениями.

«Наше наступление велось по большому тракту, а противник, когда был разбит, отступал через деревню Ухтуй, которая растянулась по высокому берегу реки Ока. Мой 3-й взвод 1-го эскадрона, человек 15, и взвод или два конных егерей стояли в прикрытии на левом фланге за небольшим бугром и наблюдали, как пехота Воткинцев и Егерей по открытому полю наступала на деревню. А в это время противник был укрыт за постройками домов и обстреливал нашу пехоту из нескольких пулеметов. Пехотинцам оставалось только залечь. Одно орудие Воткинцев посылало снаряды в деревню.

После некоторого времени красные начали сдавать.

(Примечание: корнет Б., видимо, не видел и не знал о действиях обходной колонны.) Егеря первые получили приказ «По коням!». Я сейчас же последовал за ними и скомандовал: «Шашки вон, за мною, ура!» Мы карьером помчались на деревню, но шашки пришлось отставить, так как мороз давал себя чувствовать, да и противника пока не было видно. Он был уже на главной улице, пехота на подводах и всадники перемешались и торопились к выходу. Мы въехали через боковую улицу, перпендикулярную к главной улице. Для прикрытия отступления противник выставил пулемет на подводе, но на наше счастье четыре пулеметчика не смогли его запустить. Они так там и остались на месте, долго не мучившись.

Я оглянулся назад и вижу, что нас впереди только 5–6 человек моего взвода, а остальные и Егеря отстали. Видимо, лошади были уставшие, да и люди полубольные. Смотрим – последние всадники противника проскакали мимо и, заметив нас, еще больше дали ходу лошадям. Казалось, что бой закончен и на улице никого из противников не осталось. Повернули направо и едем по направлению к городу. Вдруг в одном дворе я заметил четырех красноармейцев, которые ожидали, когда мы будем проезжать мимо этого дома. Ворота были открыты. Черемховцы дали залп и убили моего коня. Я успел только махнуть своим ребятам остановиться, чтобы они не попали в ловушку. Я даже с лошади не упал, а как-то спрыгнул. Смотрю – в проулке стоит поседланная лошадь, как будто ожидающая меня.

Я быстро вскочил на нее и выехал на главную улицу в надежде, что они еще во дворе. Но красные, увидев, что я удираю от них на ихней же лошади, дали несколько выстрелов. Я почувствовал, что лошадь останавливается и падает. Теперь надежда только на свои ноги. Я одет в ватную куртку и легкую шинельку, а они в дубленых полушубках и от меня отстали, хотя и продолжали стрелять. Это уже было в самом конце деревни. Я увидел, что навстречу мне идет отряд всадников со стороны Зимы. Оказалось, это был эскадрон Иркутского дивизиона.

Рассказал им, что за мною гнались четыре черемховца и что они находятся где-то близко – будьте осторожны.

В последнем доме во дворе я опять вижу лошадь. Видимо, хозяин ее остался на поле брани или прячется где-нибудь. Вот на этой лошади мне удалось добраться до города Зима. На следующий день я обнаружил, что у лошади пробита пулей шея. Пришлось и эту, уже третью лошадь оставить на месте. Был слух, что чехи напали на красных и отбили от них батарею в 6 орудий, которая стояла на площади, и что это помогло нам завладеть городом Зима».

Из показания корнета Б. видно, что в составе четырехтысячного отряда красных находились бойцы, которые пробовали оказывать сопротивление и тогда, когда почти весь отряд разбежался. Могли также быть и скрывшиеся по дворам, не успевшие бежать с остальными. Был отдан приказ быть настороже, тщательно обыскать дома и дворы в деревне Ухтуй, в городе Зима, на станции и в примыкавшем к ней поселке, где жили железнодорожные служащие. Среди последних находились большевики. Обыск отнял несколько часов, и из разных укромных мест было извлечено несколько десятков попрятавшихся красных. Часть из них была найдена на сеновалах, где они зарылись в сено.

Под Зимой была одержана полная победа, причем с нашей стороны участвовало не более одной десятой общего боевого состава всех наших сил. Об этом в Иркутске, уже подпавшем, с помощью чехов, во власть большевиков, было хорошо известно. Утешаясь распространением слухов, что идут жалкие, обессиленные остатки армии Колчака, красные правители Иркутска, учитывая опыт Зимы, лихорадочно готовились к защите и в то же время подготовляли свое бегство на север. Всполошились и наши «союзники», не знавшие, что им делать и как выпутываться из той неразберихи, которая создалась с их благосклонной помощью.

От Зимы к Иркутску

От Зимы генерал Войцеховский двинул войска тремя путями: на правом фланге, к югу от железной дороги, шла 3-я армия генерала Сахарова; в центре, по большому тракту, двигалась Уфимская группа 2-й армии под командой генерала Бангерского, и на левом фланге, севернее главного пути, шла другая часть 2-й армии – колонна генерала Вержбицкого. Для необходимого отдыха была назначена всем одна дневка. В следующие дни все группы усиленными маршами должны были двигаться к Иркутску. Подтверждались слухи, что Верховный Правитель был предан генералом Жаненом и чехами и находится в руках своих врагов. Надежда освободить его заставляла торопиться к Иркутску.

3-я армия выступила из района Зимы 1 февраля. В авангарде армии – Ижевская дивизия генерала Молчанова, имея в голове Конный полк. К вечеру дивизия дошла до села Холмогой, пройдя 49 верст. На 2 февраля была назначена дневка. 3 февраля прошли около 25 верст до деревни Зон и, после привала, достигли селения Куйта, пройдя еще 18 верст.

На следующий день сделали переход в 41 версту до большого села Узкий Луг на реке Белая. Не доходя нескольких верст до этого села, начали встречать свадебные партии, ехавшие весело на тройках в разукрашенных санях, с песнями и гармошками. Странно было видеть этих радостно настроенных, счастливых людей, которых как будто не затронули ни война, ни кровавые события революции, которые не хотели знать ни забот, ни тревог.

Несмотря на эту, казалось, совершенно мирную жизнь, население этого района было под сильным нажимом большевиков, и их агенты вели здесь усиленную пропаганду против правительства адмирала Колчака и нашей армии. Недалеко находился крупный очаг красных – Черемховские угольные копи, где большинство рабочих было обольшевичено и посылало немало пополнений в красные партизанские отряды. В бою под Зимою, по некоторым сведениям, участвовало в красном отряде более тысячи черемховцев. На ночлегах приходилось бдительно охраняться и иметь наготове дежурную часть.

Узкий Луг – большое село, которое двумя параллельными улицами растянулось по берегу реки на 3–4 версты. На ночлег полк расположился сосредоточенно, а дежурный эскадрон был готов ко всяким случайностям. Некоторые крестьяне предупреждали о влиянии красных и необходимости быть настороже.

О намерениях тех, которые шли на поводу у большевиков и являлись местной властью, можно судить по следующему случаю. К командиру полка явился находившийся здесь артиллерийский капитан С. и просил его арестовать и вывести арестованным из села. Местные большевики следили за ним и грозили расправой, – и арест необходимо было проделать, чтобы не пострадала семья капитана – жена, ее родители и родственники. Перед выступлением на следующий день командир 3-го эскадрона, которому было поручено проделать этот «арест», подъехал к дому капитана С. и предложил ему следовать с полком, как обвиненному в самовольном уходе из рядов армии. Домашние плакали и просили освободить от ареста, но «исполнители» закона были неумолимы. Арест был выполнен, как было условлено. Собравшиеся соседи сочувствовали капитану и его семье, и родные избежали преследования красными властителями. Тяжело переживала «арест» жена увезенного капитана. Она ожидала скорого рождения ребенка, и разлука с мужем была для нее действительной трагедией. Позднее, через несколько месяцев, преодолев много препятствий и испытав ряд всевозможных приключений, она вместе с рожденной вскоре после ареста мужа маленькой дочкой вырвалась в Харбин, где

встретилась с мужем.

В день прихода в Узкий Луг многие ижевцы Конного полка попали вечером на свадебные пиры. Гостеприимные хозяева любезно их встречали и угощали. Ижевцы же, как разбогатевшие под Красноярском захваченным от красных серебром, щедро делились с собравшимися блестящими гривенниками, 15- и 20-копеечными монетами. Впоследствии пришлось услышать преувеличенные рассказы о том, что ижевцы целыми горстями разбрасывали серебро.

5 февраля Конный полк перешел в село Тайтурка, которое находилось верстах в десяти от железной дороги и тракта. При подходе к этому селу вновь были встречены веселые свадебные партии местного населения. 6 февраля был назначен переход в 40 с лишним верст в село Биликтуй. Утром этого дня полк вышел к железной дороге и к идущему рядом большому тракту к югу от поселка Мальта (или Мальтинское). К востоку, параллельно к указанным путям, в 7—10 верстах от них протекала река Ангара, в это время скованная льдом. По собранным сведениям, красные расположили свои отряды за Ангарой, по правому берегу реки. Нам следовало идти к Иркутску, не обращая внимания на противника, засевшего за рекой, и очищать от него только пункты на нашем пути, если бы они были заняты его частями.

Красные держались пассивно. Мы прошли спокойно станции и поселки Усолье, Тельма и другие и, сделав переход в 40 верст с лишним, к вечеру без боя заняли село Биликтуй. Находившийся здесь небольшой отряд красных при нашем приближении ушел на Усть-Китой. Один эскадрон был выслан для разведки на Усть-Китой и имел короткую перестрелку с красными, которые отскочили за реку. Ночь прошла спокойно.

Задача на 7 февраля – захватить станцию Иннокентиевская, в 6 верстах от Иркутска. Город Иркутск лежал на правом берегу реки Ангары. На левом берегу, где шла Сибирская железная дорога и находилась станция Иркутск, было предместье Иркутска – Глазково. Около этого предместья находились казармы, занятые красными частями. Как потом оказалось, большевистские главари, по настоянию чехов, боявшихся, что произойдут бои у Глазкова и станции Иркутск, где скопились их эшелоны, увели свои войска в Иркутск. Кроме того, боясь разгрома, подобного тому, как у Зимы, они готовились к отступлению от Иркутска на север, и оставлять своих у Глазкова было бы бессмысленно.

Утром 7 февраля авангард полка – два эскадрона под командой подполковника Соловьева, пройдя станцию Суховская, около 9 часов утра встретил в районе деревни Зверево отряд красных. Здесь дорога сближается с рекой Ангарой. После

получасовой перестрелки красные были отброшены за реку.

К вечеру полк подошел к ст. Иннокентиевская. У станции были расположены огромные склады нашей армии. Захвачены подводы с красноармейцами, приехавшими из Иркутска за разными продуктами. Обнаружена одна трехдюймовая пушка, не имевшая замка. Несколько в стороне кто-то видел второе брошенное орудие. За неимением необходимых лошадей и сбруи, пушки оставлены на месте, и было только донесено о них начальнику дивизии генералу Молчанову. Эта пушка, или пушки, объявлялись как «трофеи» несколькими частями, прибывшими позднее, но никто не соблазнился их взять себе.

По сведениям оставшихся на месте сторожей складов, здесь было много разного военного имущества, в том числе обмундирования и продуктов. Одного сахара, несмотря на усиленное расхищение, числилось до 30 тысяч пудов. Нашим войскам удалось использовать эти богатые запасы лишь в небольшом размере. Брали, что находили, из теплого обмундирования и белья, сахар и продукты. Вывозить лишние запасы было не на чем. Из ближайших деревень красные, подготовляя отступление на север, угнали все крестьянские подводы, а наши ограниченные обозы были загружены ранеными и больными. К ночи 7–8 февраля у станции Иннокентиевская собрались все части 3-й армии.

Уфимская группа следовала от Зимы без задержек по большому тракту. 7 февраля, после ночлега в районе Усолье, группа перешла к ст. Суховская. 8-я Камская дивизия, проходя мимо деревни Усть-Китой, имела бой с красными. Так же как накануне в столкновении с ижевцами, противник не оказал большого сопротивления и ушел на правый берег Ангары.

8 февраля Уфимская группа получила задачу захватить деревню Зверево на северном берегу Ангары и удерживать этот пункт, пока не пройдет группа генерала Вержбицкого, находившаяся около одного перехода позади. В 9 часов утра группа выбила красных из деревни Зверево (следует отметить, что, по некоторым источникам, деревней Зверево называется упоминавшаяся раньше деревня Усть-Китой, находившаяся на левом берегу Ангары, а на правом берегу, при впадении реки Куда, стояла деревня Усть-Куда).

Красные в течение дня делали попытки отбросить Уфимскую группу из захваченной у них деревни, ввели в действие свою артиллерию, но успеха не имели. Вечером группа получила приказ перейти на ст. Иннокентиевская.

Группа генерала Вержбицкого предположительно выступила 1 февраля из города Зимы для следования к Иркутску по

Балаганскому тракту. На этот тракт группа вышла в районе между городом Балаганском и селом Каменка (или Каменское). Точных сведений о задаче, данной генералом Войцеховским этой группе, не имеется. По некоторым данным, группа генерала Вержбицкого должна была захватить Александровскую тюрьму и освободить там арестованных большевиками сторонников адмирала Колчака и затем подойти к Иркутску с севера. В этой группе, в рядах Иркутской дивизии, было много жителей Иркутска, которым хорошо были известны подступы к городу.

Свирепствовавший тиф продолжал опустошать наши ряды и замедлять движение. На ночлегах часы для отдыха сокращались, чтобы хоронить умерших. Уход за больными был осложнен необходимостью на больших привалах и на ночлегах вносить больных и раненых в теплое помещение и при выступлении обратно укладывать в сани. В Конном дивизионе воткинцев большую благодарность и добрую память заслужил подпрапорщик Евдоким Кудрин – начальник службы связи. Он, не считаясь с усталостью, работал на остановках, перетаскивая десятки, иногда до сотни раненых и больных, приноровившись делать тяжелую работу часто без помощи других и отказываясь от отдыха, пока все не будут в тепле. Казалось, что сам он не восприимчив к заболеванию тифом. Но вот на ночлеге в Каменке он свалился в тифу и скоро умер, к общему горю всего дивизиона и особенно всех больных и раненых. Каменка осталась в памяти воткинцев как место, где они потеряли подпрапорщика Евдокима Кудрина, самоотверженно и не жалея сил заботившегося о раненых и больных.

По воспоминаниям полковника И., которыми приходилось уже пользоваться, головной отряд генерала Вержбицкого, под командованием генерала Бордзиловского, подойдя к Александровской тюрьме, пытался захватить ее открытой силой, но понес потери. Тюрьма представляла собой прочные каменные постройки с толстыми стенами. Чтобы пробить в стенах брешь, требовалось время и значительное количество гранат. У воткинцев и иркутян в скудных запасах снарядов были только шрапнели. От штурма пришлось отказаться. По словам полковника И., у иркутян был убит один из командиров полков.

К 8 февраля все части собрались к ст. Иннокентиевская и к ближайшим поселкам. От Зимы до Иркутска мы прошли довольно спокойно. После разгрома у Зимы красные держались пассивно и лишь разведывательные части следили за нами и быстро скрывались при нашем приближении. Только под Александровским заводом и у деревни Усть-Куда были встречи, которые могут назваться боевыми столкновениями.

Иркутск

В историю Гражданской войны Иркутск вписал свои особые страницы с самого начала распространения большевистской власти. Как Петроград и Москва, Иркутск не покорился без сопротивления власти узурпаторов и дал бой прислужникам красного интернационала. Как в обеих столицах, в Иркутске отпор большевикам дали те же верные сыны своей родины – офицеры, юнкера, кадеты и учащаяся молодежь, при бездействии притихших и попрятавшихся горожан. Как и по всей России, большевики ждали, что «это будет последний и решительный бой», наступит их власть и с ними «воскреснет род людской». Но это был только раскат отдаленного грома надвигавшейся грозной Гражданской войны.

Захватив власть в Иркутске, красные главари собрались обезоружить тревожившие их Иркутское военное училище и две школы прапорщиков. Приказ большевиков о сдаче оружия был отвергнут. Большевики обратились к вооруженной силе и 8 декабря 1917 года повели наступление на район города, где находились училище и школы. Вспыхнули бои. У юнкеров были винтовки и пулеметы, у их противников, кроме того, артиллерия. По сведениям красных историков, бои продолжались 10 дней, до 17 декабря. Юнкера занимали центральную часть города. Большевистские отряды наступали с окраин. Подкрепления к ним прибывали по железной дороге из Черемхова, Канска, Красноярска и других мест.

От обстрела города красной артиллерией было разрушено и сгорело много зданий и жилых домов. Убитых насчитывалось у юнкеров около 50 человек и несколько офицеров, в красных убито до 400, были убитые и среди жителей. Несмотря на большое преимущество в силах, большевики не могли одолеть юнкеров и пошли на хитрость. Они согласились на перемирие и переговоры, обещали установить в городе не большевистскую власть, а выбранную на широком представительстве. Был подписан договор, и юнкера доверчиво сдали оружие. После этого большевики вновь захватили власть полностью в свои руки и начали вылавливать безоружных противников. Части из них удалось спастись, скрывшись в Забайкалье и Маньчжурии.

Противники большевиков не сдались и продолжали тайно готовиться к уничтожению их власти, поджидая удобного момента. Выступление против красных Чехословацкого корпуса дало толчок к действиям тайных организаций против большевиков. Одним из первых городов был освобожден 25 мая 1918 года, совместными действиями русских организаций и

чехов, Новониколаевск. После изгнания затем большевиков из Омска эта группа – из русских под командой Пепеляева и чехов под командой Гайды – двинулась на восток, на Красноярск и дальше на Иркутск.

Чтобы отвлечь внимание и силы большевиков и содействовать скорейшему освобождению железной дороги и города, иркутская местная организация решила действовать. Под руководством полковника Эйлерс-Усова[143]должны были выступить против красных несколько отрядов, общей численностью в 1000 штыков. Наиболее крупный отряд в 600 штыков ожидался от Союза фронтовиков. Выступление было назначено в ночь с 12 на 13 июня. Из обещанных фронтовиков явилось 20 человек, и притом без оружия. Часть остальных отрядов захватили тюрьму и освободили 108 заключенных. Этим успех ограничился. Появились красные цепи и броневые машины, – восставшие отступили и распылились. Некоторые ушли в лес и там прятались от мести большевиков. Подробное описание этого восстания сделано участником – полковником Долгово-Сабуровым.

Через месяц, 12 июля, Иркутск был освобожден. Большевики благополучно покинули город, взорвав пороховые погреба, и бежали по железной дороге в Читу. Первоначальную охрану города приняли небольшие группы местной военной организации. Около 2 часов пополудни с севера вступил отряд конницы под командой есаула Сибирского казачьего войска Красильникова[144]. Вечером подошли с запада сибирские отряды капитана Пепеляева и чехи под командой капитана Гайды.

После освобождения от красных Иркутск обратился в главный центр глубокого тыла, как в деле снабжения белых армий Восточного фронта военными материалами, прибывающими через Владивосток из-за границы, так и в отношении столкновения политических интересов разных партий и группировок, отечественных и иностранных, которые в конце концов и привели к крушению усилия антибольшевистских сил. В Иркутске была сформирована, первоначально из местных добровольцев, 3-я Иркутская дивизия Сибирской армии, прибывшая осенью 1918 года на Уральский фронт. Дивизия участвовала в весеннем наступлении к Волге и Вятке, прошла Сибирский Ледяной поход и продолжала честно нести свою службу Родине до конца. Дивизия иркутян являлась одной из лучших в Сибирской армии.

Около Иркутска, у станции Иннокентиевская, еще от мирного времени оставались большие интендантские склады. Хотя частично разграбленные, они теперь пополнялись и служили для белых армий Восточного фронта. Ко времени излагаемых здесь

событий эти склады привлекали внимание как сменявшихся хозяев с русской стороны, так, в особенности, и ненасытных чешских интендантов.

Перед захватом Омска красными правительство адмирала Колчака (его министры) отправились в Иркутск, куда прибыли 19 ноября. Сам Верховный Правитель, адмирал Колчак, покинул Омск накануне его сдачи и продолжал держаться ближе к фронту. В Иркутске, который велением судьбы должен был стать новой столицей, правительство оказалось в тяжелом положении. На власть и руководство событиями претендовали группы местных деятелей и разных партий, и во все дела вмешивались иностранные оккупанты. Собравшиеся сюда эсеры и близкие к ним партийные дельцы образовали «Политический центр», разлагавший власть Омского правительства и стремившийся захватить правление в свои руки. Как и прежде, эсеры встречали большую поддержку у чехов. Агенты большевиков сначала подпольно, а постепенно все более открыто вели борьбу против правительства. В конце декабря начались восстания. Крепких надежных частей для поддержания порядка было немного, и они были малочисленны.

Еще в сентябре, при наступлении к Тоболу, адмирал Колчак, предвидя возможность осложнений в тылу, собирался послать в Иркутск испытанную, надежную часть с энергичным командиром для охраны порядка и спокойствия в этом важном пункте. Его выбор пал на Ижевскую дивизию под командой генерала Молчанова. Для предварительной подготовки к передвижению дивизии адмирал Колчак командировал к генералу Молчанову одного штаб-офицера из своего штаба. Посланец прибыл в дивизию, привез на весь состав дивизии, в подарок от адмирала Колчака, погоны защитного цвета и имел продолжительный разговор с генералом Молчановым. Переговоры дали благоприятные результаты – необходимость иметь устойчивый тыл вполне была понятна. Но на отправку дивизии в Иркутск не согласился командующий 3-й армией генерал Сахаров. Он заявил, что отправка ижевцев в тыл сильно ослабит армию и вести успешные операции он не сможет. На этом вопрос заглох.

В конце декабря около Иркутска загремели выстрелы. 21 декабря восстали рабочие на Черемховских угольных копях. 25 декабря произошло восстание в Глазковском предместье. Подавить это восстание помешало вмешательство Жанена. Через два дня восстание перебросилось в Иркутск и начались бои на улицах города. Подошедшие 29 декабря на помощь части из Забайкалья, под командой генерала Скипетрова, имели успех в наступлении на Глазковское предместье, но чехи обстреляли их с

тыла. Забайкальские части отступили.

Бои на улицах Иркутска продолжались до 3 января 1920 года. Небольшие отряды, защищавшие город, под командой генерала Сычева, отступили к Байкалу для переправы на пароходах в Забайкалье. Отступившие захватили с собой арестованных в Иркутске большевиков и эсеров, всего 31 человека, подготовлявших и руководивших восстаниями. Они были убиты на Байкале, и это вызвало большое возмущение, в особенности сильное среди «союзников». Когда большевики уничтожали сотнями духовенство, «буржуев», офицеров, крестьян и рабочих – это никого из иностранцев не возмущало. Об уничтожении в Ижевске почти 8000 рабочих и их родных и около такого же числа в Воткинске, как месть за восстание против кровавого большевистского гнета, плакать и вспоминать тоже не стоит. Сочувствие «гуманных» иностранцев не распространяется на тех, кто не пришелся им по вкусу.

Об искренности возмущения со стороны чехов и Жанена убийством иркутских заложников судить не будем. Но это убийство было впоследствии использовано предателями адмирала Колчака как попытка к оправданию своих подлых действий. По этому поводу следует напомнить, что в это время адмирал Колчак был задержан в Нижне-Удинске и его связь как с армией, так и с тылом была чехами прервана. Что общего мог иметь адмирал Колчак с убийством на Байкале?

В то время, когда в Иркутске происходили события, кратко здесь описанные, то есть в декабре 1919 года и в первые дни 1920 года, армии адмирала Колчака подходили к Красноярску, в 1000 верстах от Иркутска, чтобы пробить себе путь на восток. В этот же период времени адмирал Колчак торопился к Иркутску к своему правительству и был несколько раз задержан в пути чехами, уже тогда подготовлявшими свое предательство. 17 декабря поезд адмирала Колчака был задержан на 6 дней в Красноярске, 24 декабря, когда адмирал прибыл в Нижне-Удинск, его задержали здесь до 8 января.

К этому времени Иркутск уже был в красных руках и тернистый путь адмирала Колчака подходил к концу. 15 января чехи, по указаниям генерала Жанена, главнокомандующего «союзными» войсками, предали адмирала Колчака на расправу большевистских палачей. Этим злодеянием они купили себе у большевиков право двигаться дальше беспрепятственно. 7 февраля на рассвете адмирал Колчак и председатель совета министров В. Пепеляев были расстреляны на берегу реки Ангары дружиной левых эсеров. Более подробно путь и смерть славного адмирала Колчака были описаны во многих изданиях, из которых

следует выделить книгу генерала Петрова «Роковые годы», где автор посвятил адмиралу Колчаку отдельную главу.

К вечеру этого же, печальной памяти, дня передовые части нашей армии – немногочисленные остатки когда-то крупных сил адмирала Колчака – начали сосредоточиваться к ст. Иннокентиевская.

В обход Иркутска

Три вооруженные группы собрались к 8 февраля в районе Иркутска: белые, красные и «союзники». Взаимоотношения между первыми двумя были совершенно ясны: это были враги, каждый из которых искал полного уничтожения другого. Третья группа – «союзническая» – состояла из частей Чехословацкого корпуса, и отношение их к русским постоянством не отличалось, колебалось и менялось в зависимости от разных обстоятельств. Стремление чехов и прочих «союзников» к этому времени заключалось в желании скорее выбраться из-под перекрестного огня русских враждующих сторон. Огромное количество грузов, вывозимых чехами из Сибири, сильно замедляло их движение на восток.

После Красноярска регулярные части Красной армии настигли чехов. Попытки чехов задержать преследование взрывами мостов оказались безрезультатными. Как военная сила чехи за год с лишним на охране железной дороги основательно разложились, и боеспособность их сильно понизилась. Около Канска в середине января красные бьют чехов и захватывают их бронепоезд вместе с командой. Продолжая взрывать мосты, чехи, однако, пробуют прибегать к переговорам о перемирии. Сначала им это не удается. В конце января, желая остановить красных, чехи под Нижне-Удинском вводят в бой значительные силы с пятью бронепоездами. Их снова бьют, они теряют 4 бронепоезда, артиллерию и 16 эшелонов. Часть чехов, бросив вагоны, покидает поле боя и поспешно удирает пешим порядком.

Через несколько дней, в самом начале февраля, у станции Тулун (в 100 верстах за Нижне-Удинском) красные вновь опрокидывают чешский арьергард и забирают 9 эшелонов. Сведения эти взяты из красных источников, и, возможно, их трофеи преувеличены. Чехи о своих поражениях хранят полное молчание. Наконец, чехам удается добиться перемирия, и 7 февраля в селе Куйтун (75 верст за ст. Тулун) они подписывают договор о прекращении военных действий. Пункт 5 этого договора: «Чехо-войска оставляют адмирала Колчака и его сторонников, арестованных Иркутским Ревкомом, в распоряжении

Советской власти под охраной Советских войск и не вмешиваются в распоряжения Советской власти в отношении к арестованным». Пункт 6 говорит о передаче золотого запаса.

Обращает на себя внимание содержание пункта 5. Адмирал Колчак был предан чехами уже 15 января, а в день подписания мирного договора, рано утром, он погиб. Представитель мирной делегации (переговоры затянулись на три дня) от Красной армии комиссар Смирнов мог не знать о расстреле адмирала Колчака. Он беспокоится, что чехи еще могут его спасти или вмешаться в его судьбу. Поэтому пункт 5 требует от чехов, чтобы «чехо-войска оставили адм. Колчака в распоряжении Советской власти» и не вмешивались в распоряжения «в отношении к арестованным». Беспокойство комиссара Смирнова было напрасным. Чехи тщательно подготовили и «добросовестно» выполнили предательство. Смирнов в своих воспоминаниях («Борьба за Урал и Сибирь») отдает чехам должное: «…его (адмирала Колчака) ждала более горькая участь. В Нижне-Удинске поезд Правителя захватывают чехо-словаки; Колчака везут заложником, выдают образовавшейся в Иркутске революционной власти, и этой ценой чехи получают выход из Сибири».

Предательство чехами адмирала Колчака и его смерть вызвали огромное озлобление в рядах войск, дошедших до Иркутска. Горячие головы были готовы повернуть оружие против чехов. Но главные предатели – генерал Жанен и генерал Сыровой – были уже за Байкалом. Жанен 14 января, накануне выдачи адмирала Колчака, утвердив предательство, скрылся в Верхне-Удинск. Сыровой также «своевременно» исчез за Байкал. Оттуда, в безопасности от возмездия, он диктовал свои приказы оставленному на станции Иркутск начальнику 2-й чешской дивизии полковнику Крейчию. Последний, при подходе наших передовых частей к ст. Иннокентиевская, прислал им свое распоряжение, где пишет: «Я решил ни в коем случае не допускать занятия Глазкова вашими войсками»…

Чехи привыкли себя считать полными хозяевами Сибирской железной дороги и заводили там свои порядки. Вдоль железной дороги они установили трехверстную «нейтральную» полосу, в которой запретили появляться вооруженным отрядам как красных, так и белых. Нарушителей этого распоряжения они угрожали разоружать. Отступающая армия не обращала внимания на наглое требование. Колонны наши двигались, в зависимости от имевшихся путей, рядом с колеей железной дороги, иногда по полотну железной дороги, занимали для ночлегов и привалов станции, разъезды и прилегающие к ним поселки. Это, конечно, хорошо знал и полковник Крейчий. Знал он и то, что его грозное

предупреждение является лишь пустой угрозой. Навряд ли он мог сомневаться в том, что белые части, пробившие себе дорогу через все препятствия на протяжении 3000 верст, разоружить себя никому не позволят. Его предупреждение не допустить и разоружить, скорее всего, предназначалось вниманию его начальников, уже удравших в тыл. Отметим запись одного красного писателя, по-видимому правильно определяющую действительное настроение чехов: «Из чешской информации было также известно, что белых движется не меньше 35 000, что это самые крепкие части Белой армии и что их даже «сами» чехи вынуждены бояться» (Парфенов. «Борьба за Дальний Восток»). В подтверждение сказанного советский писатель ссылается на газету «Чехословацкий дневник» от 18 января 1920 года.

Дальнейшую судьбу нашей армии решали не красные и не чехи. С приближением к Иркутску дошли сведения, что преданный чехами адмирал Колчак погиб рано утром 7 февраля в то время, когда армия начала движение к ст. Иннокентиевская с последнего ночлега. Армия не успела спасти его. Вернее, приближение армии с намерением освободить адмирала Колчака, о чем красные знали из требований генерала Войцеховского, заставило беспощадных убийц поспешить с расправой над ненавистным для них Верховным Правителем.

Главная цель нашего движения для захвата Иркутска отпала. Встал вопрос – нужно ли теперь атаковать и брать город? Генерал Войцеховский утром 8 февраля прибыл на станцию Иннокентиевская, где уже находились все части 3-й армии, и собрал старших начальников на совещание. Немногие были за захват Иркутска. Большинство стояло за то, чтобы миновать город и направиться, без ненужных задержек, в Забайкалье. Генерал Войцеховский согласился с мнением большинства.

Причиной такого решения было тяжелое состояние людского и конского состава в армии. Огромное количество раненых, больных и обмороженных, по приблизительному подсчету, доходило в частях до 80 процентов. Для захвата Иркутска можно было собрать около 5000 здоровых бойцов. Этого количества было достаточно, чтобы разгромить собранные наскоро неустойчивые красные отряды. Бой под Зимой показал ясно их низкую боеспособность. Приготовления к отступлению на север говорили, что красные командиры не надеялись на успешную оборону Иркутска.

Но захват большого города, размещение там 15–20 тысяч раненых и больных и потом новые сборы в неизбежный дальнейший поход не соблазняли отступающую армию. Было неразумно делать остановку на несколько дней, когда впереди

можно было рассчитывать на долгий отдых в благоприятных условиях, устройство раненых и больных в госпиталях, пополнение боеприпасов и приведение всех частей в полную боевую готовность.

По вполне понятным причинам были недовольны указанным решением чины армии, у которых в Иркутске находились родные. В том числе у некоторых ижевцев и воткинцев сюда были эвакуированы их семьи, и теперь они поджидали встречи со своими отцами и мужьями. Некоторые семьи заранее, когда в Иркутске начали захватывать власть красные, переправились в Забайкалье и там ждали прихода армии. Тяжелая драма произошла в Воткинском конном дивизионе. Со дня своего формирования 25 мая 1919 года в командование 2-м эскадроном дивизиона вступил прибывший из Иркутского военного училища хорунжий Аристарх Пуцилло. Все походы и бои он провел, командуя своим эскадроном, был выдающимся командиром, его любили подчиненные и сослуживцы, его очень ценил командир дивизиона ротмистр Дробинин. За свою отвагу Пуцилло получил два производства в следующие чины и дослужился до штабс-ротмистра. В Иннокентиевскую он прибыл, болея тифом в тяжелой форме. В Иркутске у него оставалась семья; его отец – офицер Императорской армии – был в отставке. Известие, что армия не будет брать города, сильно взволновало ротмистра Пуцилло. Будучи в полубредовом состоянии, он незаметно для присутствующих вынул револьвер и застрелился. Через пять дней, когда воткинцы были уже в Мысовке, в штаб дивизиона пришла сестра Пуцилло и спросила, где может встретить своего брата. Его семья успела заранее выехать из Иркутска. Не трудно представить отчаяние и горе семьи, узнавшей о его преждевременной, напрасной смерти.

Генерал Войцеховский отдал приказ о дальнейшем движении в обход Иркутска с юга. Начало движения – в полночь 8–9 февраля. Путь был выбран со ст. Иннокентиевская вдоль железной дороги, переход через реку Иркут и, не доходя до Глазковского предместья, сворот на юго-запад к селу Смоленскому. Отсюда по ряду мелких поселков и дачных мест – движение в обход большой лесистой возвышенности, расположенной к югу от Глазкова. Затем снова поворот к востоку и выход к реке Ангаре. Дальше можно было двигаться к селу Лиственичному, у истока Ангары из Байкала, по реке или выйти на правый берег, где шел тракт. Об этом решении генерал Войцеховский предупредил чехов, чтобы избежать недоразумений с их стороны. Чехи были удовлетворены решением не брать город и обещали не чинить никаких препятствий.

Впереди шла 3-я армия с Ижевской дивизией во главе. За ней Уфимская группа 2-й армии и в конце – группа генерала Вержбицкого. В авангарде Ижевской дивизии шел Конный полк, выступивший в 23 часа. Ночь была темная и морозная. Пройдя Смоленское, продолжали движение через поселки Медведево, Марково, Кузьмиха, Груди-но и к утру достигли Ангары около станции и поселка Михалево. После спуска на лед пошли по реке. Недалеко от Михалева с небольшого острова, находившегося на середине реки, раздались выстрелы. Пули просвистели высоко над головами.

Передовой эскадрон бросился в атаку, и выстрелы немедленно прекратились. Без сопротивления 38 человек – весь гарнизон острова, поставленный, чтобы задержать наше движение, – побросал винтовки. Эти люди, поняв, что им дали непосильную задачу и что отступить с острова им некуда, благоразумно сдались. Для очистки совести они дали несколько выстрелов поверх наших голов. Они поспешили сдать свои патроны, ручные гранаты и сложить тут же брошенные винтовки. Далее до самого села Лиственичного никаких столкновений не было.

В Лиственичное Ижевская дивизия пришла в 19 часов вечера 9 февраля, пройдя 80–90 верст и останавливаясь по дороге лишь на короткие привалы, чтобы погреться, дать отдых и подкормить лошадей. Вслед подошли остальные части 3-й армии и расположились на ночлег. Уфимская группа ночевала в Михалеве, Тальцах и Большереченском. Группа генерала Вержбицкого также благополучно, без столкновения с противником, обошла Иркутск по пути, пройденному предыдущими частями.

Первые два-три дня красные преследования не вели, по крайней мере сколько-нибудь значительными силами. В Уфимской группе, при подходе к реке, были слышны со стороны города орудийные выстрелы. Кто и куда стрелял – было не ясно. Возможно, что нашим врагам, засевшим в городе, нужно было создать впечатление, что белые атаковали Иркутск, но были отброшены.

Переход через Байкал

Лиственичное – большое село, прижатое горами к озеру и вытянувшееся по берегу на 5–6 верст. Расположившись по квартирам, начали собирать справки о том, что делается кругом. По сведениям жителей, отряд красных, находившийся здесь, при нашем приближении бежал через Ангару на станцию Байкал, где

нашел убежище в чешских вагонах. Жители также сообщили слух о большом бое накануне где-то в районе Мысовска. Кто с кем дрался – они не знали. Мысовск, по их сведениям, в руках красного отряда с бронепоездами.

О возможности перехода через Байкал сведения были неутешительны. Еще никто в эту зиму не переправлялся через Байкал. Незадолго до нашего прихода на середине Байкала стояло озеро тумана – признак, что здесь находится полынья – место, не покрытое льдом. Этого облака теперь не видно, но лед на середине озера не может быть достаточно окрепнувшим. Местные жители советовали для перехода Байкала пройти сначала вдоль берега до села Голоустного, а из него пересечь Байкал на Мысовск. Переход напрямик, около 70 верст, был бы очень утомительным.

Вскоре по приходе в Лиственичное генерал Молчанов собрал командиров ижевских частей и дал им важные указания. Еще в 1910 году, будучи молодым офицером 6-го Сибирского саперного батальона, стоявшего около Иркутска, он получил задачу, совместно с другим офицером, сделать инструментальную съемку острова Ольхон. Этот остров, расположенный в 200 верстах к северо-востоку от Лиственичного, служил для жительства прокаженных. Генерал-губернатор и командующий военным округом генерал Селиванов предполагал дать острову другое назначение и приказал сделать точную съемку. Поручик Молчанов не только сделал съемку, но и подробно ознакомился с особенностями Байкала и окружающей природы. По печатным источникам и по расспросам местных жителей он отлично знал, какие препятствия можно встретить при переходе озера в зимнее время, и теперь его знания весьма пригодились.

Прежде всего, он указал, что гладкая поверхность льда на озере является пагубной для лошадей, имеющих стертые подковы и шипы. Приказал перековать лошадей, большинство которых давно не перековывались. Навинтить новые шипы на подковы, которые допускают это сделать. Затем рассказал, что на льду могут встретиться трещины или эти трещины могут образоваться неожиданно под ногами идущих, и при этом раздается грохот, похожий на пушечную пальбу. Это не должно вызывать беспокойства. Трещина образуется от перемены температуры и от притока в озеро воды из многочисленных речек и ручьев, впадающих в Байкал с окружающих гор. Трещина медленно расходится, и ширина ее доходит иногда до 2–3 аршин. В длину она простирается на многие версты. Потом лед начинает сходиться, края трещин сталкиваются, ломаются, и обломки льдин нагромождают барьеры до 2 аршин и выше. При этом

происходит грохот, напоминающий стрельбу из нескольких пулеметов.

Для перекрытия трещин генерал Молчанов приказал запастись досками, а для устройства проходов в барьерах захватить лопаты, топоры и другие подходящие инструменты. Затем он сообщил, как поступают местные жители, если лошадь соскользнет в трещину. В этом случае крестьяне накидывают под шею лошади уздечку и начинают ее душить. Задыхаясь, лошадь набирает воздух и легче плавает. Улучив момент, двое сильных людей, взявшись за гриву и хвост, вытаскивают лошадь на лед.

Окончив свои указания, генерал Молчанов приказал немедленно приняться за перековку возможно большего количества лошадей. Кроме того, приказал вызвать желающих пойти со следующего ночлега на разведку дороги на Мысовск и выяснить, что там делается и кто занимает станцию и поселок. В Ижевском конном полку успели перековать, с помощью местных кузнецов, больше половины лошадей.

Утром 10 февраля части 3-й армии выступили на Голоустное. В авангарде шла Ижевская дивизия с Конным полком впереди, но все всадники как полка, так и конной разведки 1-го полка и разных команд, успевшие перековать лошадей, были собраны вместе и двигались впереди. Они должны были «нацарапать» дорогу для идущих сзади.

Лед, действительно, оказался гладким и чистым. Двигались вдоль западного берега Байкала на расстоянии от него не более 1–2 верст. Необычайная чистота льда и воды позволяла видеть отлично дно Байкала на глубине десятков саженей. День был морозный, но почти безветренный. Переход в 45 верст показался неутомительным. Тяжело пришлось лишь лошадям, имевшим изношенные подковы. Две сотни перекованных лошадей не смогли сделать путь по льду достаточно шероховатым и не скользким.

К вечеру дошли до села Голоустного. По количеству дворов – около 230 – село было достаточно большим, но крестьяне не были зажиточными – необходимых продуктов было мало и еще меньше фуража. Здесь удалось перековать еще многих лошадей. Сведения о той стороне Байкала были те же, что и в Лиственичном. Мысовск считался занятым красными. О переходе через Байкал ничего определенного – никто еще на ту сторону не переходил.

На разведку вызвалось несколько желающих. Генерал Молчанов назначил от 1-го Ижевского полка поручика Лучихина и от штаба дивизии поручика Понятовского. Они переоделись крестьянами, должны были ночью дойти до Мысовска, сделать разведку и встретить колонну 3-й армии где-то на середине

Байкала. С большим трудом был найден проводник. Никто из местных жителей не хотел взяться за рискованное дело. Наконец, уговорили одного сравнительного молодого парня, который согласился отправиться за вознаграждение золотом и с условием, что он поедет не как проводник, а как пассажир двух «крестьян». Старики снабдили его разными советами из опыта прошлых лет: как идти через замерзшее «море», где в этом году поздно замерзали полыньи, как обойти эти места, как ориентироваться ночью по контуру сопок или по огням станций и деревень и т. д. Перед заходом солнца разведчики в санях отправились в дорогу.

11 февраля, еще до рассвета, части ижевцев спустились на лед и начали переход. Двинулись по указанному жителями направлению. Начало светать, и вскоре на той стороне из-за гор появился красный шар восходящего солнца. Байкал показал свою величественную зимнюю красоту. Особое внимание привлекали ледяные барьеры. Как только солнце поднялось повыше, причудливые осколки льда засверкали всеми цветами радуги. Казалось, мы проходили мимо скал, осыпанных бриллиантами. Через барьеры пришлось пройти несколько раз, расчищая проходы. Величина некоторых осколков льда была очень значительна. По ним можно было судить, что ледяной покров Байкала является прочным.

Больше половины пути мы прошли без задержек. Оставалось не более 20 верст. Неожиданно позади раздался гром, и глухие раскаты, отражаясь от берегов, прокатились по Байкалу. Заранее предупрежденные и готовые к появлению трещин, мы спокойно продолжали движение.

Прошло несколько минут, и от следовавшей за нами части подлетел генерал Х. Молодой и нервный, он был храбрым командиром в обычной боевой обстановке, но очень недолюбливал те случайные происшествия, которые именуются «внезапностями». Такой «внезапностью» оказалась для него трещина, образовавшаяся, как потом выяснилось, как раз под его лошадью. О возможности появления трещин он был осведомлен и в своем отряде имел доски для устройства перекрытий. От неожиданности и грохота он забыл о предупреждениях. Решил, что трещина возникла оттого, что шедший впереди отряд ижевцев двигался тесной колонной по три. Генерал яростно обрушился на командира полка: «Полковник! Что вы делаете? Вы губите армию! Хотите ли вы, чтобы все потонули? Потрудитесь двигаться в строю по одному!»

Было ясно, что какие-либо доводы или объяснения являлись бесполезными. Командиру отряда, который не входил в подчинение генерала Х., оставалось или предложить ему не

вмешиваться не в свое дело, или растянуть полк «гуськом». Первое, в присутствии всего полка, было нежелательно – не позволяло чинопочитание, и без того не крепкое в Гражданскую войну. Командир скомандовал перестроиться в колонну по одному.

Едва успели на ходу сделать это перестроение, как с командиром полка поравнялись сани, в которых ехали командующий 3-й армией генерал Сахаров и начальник дивизии генерал Молчанов. Сани пошли рядом. Послышался голос генерала Сахарова: «Полковник! Для чего вы растянули свой полк? Вы должны знать, что толщина льда может выдержать тяжелую полевую артиллерию. Соберите полк в колонну по три! Разведчики вернулись. В Мысовске красных нет. Там японцы. Разведку и охранение высылать излишне!» – «Слушаюсь, Ваше Превосходительство!» – последовал ответ. Сани прибавили ход. Генерал Молчанов успел сказать: «Полковник! Я же вас предупреждал!» Плохо в чине полковника пересекать зимой Байкал. За 15 минут можно получить разнос от трех генералов и чувствовать себя «без вины виноватым».

Перейдя Байкал, части 3-й армии разместились в Мысовске на ночлег. На 12 февраля назначена дневка. Переход был совершен благополучно, ветра почти не было, и это было особенно важно для наших многочисленных раненых и больных. Единственно, на что можно было жаловаться, – это тяжелая дорога по льду для лошадей, имевших сношенные подковы и шипы. Когда они падали на лед, их трудно было вновь поставить на ноги, а если это удавалось, то не надолго. Они вновь падали, и большое количество их было оставлено на льду. Следовавшие за 3-й армией определяли число брошенных лошадей до 300. Крестьяне в Мысовске получили разрешение забирать оставленных на льду лошадей в свою собственность. Значительная часть этих лошадей была таким образом спасена от замерзания.

Вслед за частями 3-й армии двигалась Уфимская группа, которая 11 февраля вышла из Лиственичного утром и к вечеру достигла Голо-устного. После краткого шестичасового ночлега группа выступила в ночь на 12 февраля на Мысовск и к вечеру без особых приключений достигла этого пункта. В этот день на Байкале дул сильный ветер и идти было труднее – часто сани заносило в сторону.

Группа генерала Вержбицкого выступила из Лиственичного утром 12 февраля, из Голоустного ночью 12–13 февраля и днем 13-го прибыла в Мысовск. Генерал Вержбицкий оставил для прикрытия со стороны Иркутска арьергард в составе двух дивизий

– Воткинской и Добровольческой[145]. Добровольческая дивизия должна была удерживать Лиственичное до утра 13 февраля. Дивизия выставила в сторону Иркутска заставу с большим количеством пулеметов (около 10) под командой поручика Нагурского. В дивизии не все части оказались надежными. Инженерным дивизионом командовал капитан Синев, но за его спиной работал его заместитель капитан Гастиан, оказавшийся предателем. Во время стоянки под Иркутском на ст. Иннокентиевская капитан Гастиан подговорил некоторых чинов дивизиона остаться у красных, и свой замысел он скрытно и ловко выполнил, воспользовавшись частыми отлучками командира дивизиона капитана Синева, уходившего в штаб дивизии. От двух офицеров – прапорщика Семененко и сильно болевшего поручика Грибули – честных и верных своему долгу офицеров, Гастиан свои планы скрывал. Этим двум офицерам удалось в последнюю минуту, с большими трудностями, выскочить из западни и догнать свою уходившую после всех дивизию.

Приключения энергичного прапорщика Семененко, заболевшего вскоре тифом, чрезвычайно интересны, но сообщить их в краткой форме невозможно – они составляют целое повествование.

Застава добровольческой дивизии, выставленная в 7—10 верстах по дороге на Иркутск, ждала возможного появления красных. Но рота мадьяр, видимо единственная вполне надежная для красных часть, обошла заставу по горам и неожиданно напала с тыла. Часть заставы с поручиком Нагурским прорвалась к своим. Остальные с несколькими пулеметами попали в руки мадьяр и, по всей вероятности, были перебиты. Мадьяры, может быть, и не были сторонниками большевиков, но отличались большой жестокостью и за это пользовались доверием у красных.

Прапорщик Семененко, догнав с больным поручиком Грибулей дивизию, достиг села Лиственичного и устроился на ночлег. Среди ночи дивизия была поднята тревогой. Раздались команды «в ружье», и все подготовились к встрече врага. Красные не появлялись – не хотели вступать в бой с более многочисленным противником или пошли в обход. Село Лиственичное растянулось вдоль берега Байкала на 5–6 верст и было пересечено несколькими оврагами. По оврагам в село спускались с гор дороги. Обороняться в селе, при невозможности определить, откуда появится противник, было трудно. Начальник дивизии генерал Крамаренко[146]приказал спускаться на лед и двигаться на Голоустное. Дивизия дошла до Голоустного к вечеру 13 февраля, остановилась на большой привал и ночью выступила

на Мысовск, куда прибыла в полдень 14 февраля.

В Голоустном оставалась Воткинская дивизия, выставившая охранение на Лиственичное и на север. Были получены сведения, что конный отряд партизан под командой Каландарашвили (более известен как «Карандашвили») должен был обойти с севера через деревню Тарбеево (30 верст от Голоустного) район нашего перехода через Байкал и преградить нам путь. Со стороны Лиственичного красные не показывались. С севера появились красные партизаны, но описания встречи с ними противоречивы.

Начальник Воткинской дивизии полковник фон Вах в своем докладе о переходе через Байкал сообщает о бое добровольцев у Голоустного и об атаке красного разъезда Воткинским конным дивизионом. Разъезд был изрублен, и только начальник разъезда – бывший юнкер Иркутского военного училища – был взят в плен. Он дал сведения о действиях красного гарнизона Иркутска. При отходе Воткинского конного дивизиона из деревни шальной пулей был тяжело ранен в живот прапорщик Худяков. Он был оставлен в избе ввиду сильного мороза, который не позволял спасти его при продолжительном переходе через Байкал. Один из офицеров дивизии посвятил ему стихотворение. Последние строки его говорят:

…Раной смертельною
Измучен он был и не мог он вздохнуть.
В жару он метался… и труп свой страдальческий
По смерти Байкалу в бреду завещал.
И память о нем и о жизни скитальческой
Байкал нам – свободным – хранить обещал.

Воткинцы Конного дивизиона не подтверждают этих показаний, не помнят об атаке в этом месте красного разъезда, что могло быть где-то в другое время, и в своих рядах в это время у них не было прапорщика Худякова. Тяжело раненный был, предположительно, из воткинцев-пехотинцев или из какой-либо команды. После ухода воткинцев из Голоустного красные партизаны спустились с гор в деревню. Они осторожно появились на берегу, когда ушедшие были на льду Байкала.

На одних санях, где везлась разобранная пушка воткинцев, сломалась оглобля. Артиллеристы остановились для починки. Партизаны обстреляли группу остановившихся. Их выстрелы никакого вреда не нанесли и едва были замечены, когда несколько пуль на излете упали невдалеке. На лед красные спуститься не решились и не выслали даже разъезда вслед за последними белыми частями, уходившими на ту сторону

Байкала. К вечеру 14 февраля переход всей армии был закончен.

В Мысовске, вместо предполагавшихся там красных врагов, мы встретили японцев, принадлежавших к отряду их экспедиционных войск. Японцы знали отлично о нашем движении и встречали нас очень приветливо. По имени нашего погибшего последнего главнокомандующего генерала Каппеля мы получили прозвание «каппелевцы», и это наименование осталось за нами до конца борьбы с большевизмом. Японские часовые, встреченные на берегу Байкала, весело кричали нам:

«Карашо каппель». Из всех «союзников» японцы оказались единственными, которым было чуждо предательство и которые не заботились только о спасении своей шкуры.

Настроение в наших рядах повысилось. Правильно генерал Петров писал: «…после всех невзгод Мысовск нам показался обетованной землей; главное, не обманулись в надежде, что можно будет отдохнуть, а там, впереди, будь что будет». Из Читы атаманом Семеновым в Мысовск был прислан поезд с продуктами и фуражом. Первая получка, кажется, со времени перехода в середине ноября через реку Иртыш, когда прекратилась доставка продовольствия и приходилось питаться на местные средства и часто голодать.

Комендантом поезда был полковник Бельский[147]. Он также доставил первые санитарные вагоны для раненых и больных. Для встречи нашего командующего генерала Войцеховского был выслан почетный караул из юнкеров Читинского военного училища. Присланный караул отличался от наших частей отличной пригонкой обмундирования, блестящей выправкой и строевой подготовкой. У нас это все было давно забыто. Вспомнились слова Аракчеева: «Война портит войска».

Самое большое удовольствие вызвало то, что раненые и больные могут быть размещены в госпиталях, получат хороший уход и не будут страдать и умирать от морозов или от отсутствия медицинской помощи. Правда, огромное количество раненых и больных, прибывших с армией, не могли быть быстро переправлены в госпиталя. Значительная часть еще оставалась при своих частях и должна была вместе с ними совершить некоторый путь походным порядком на санях, прежде чем санитарные поезда могли справиться с неожиданно большим количеством раненых и больных.

К. Семчевский [148]
Блестящая разведка [149]

Полковник Новицкий, о котором будет дальше речь, был в феврале 1920 года, в конце Сибирского Ледяного похода, начальником разведки в штабе 3-й армии, только что переименованной в 3-й Отдельный корпус. Корпусом командовал генерал-лейтенант К.В. Сахаров, бывший одно время главнокомандующим всеми армиями адмирала Колчака. Пишущий эти строки был генерал-квартирмейстером штаба.

Перейдя по льду через озеро Байкал, части корпуса двигались поэшелонно в направлении на Читу. Западная часть Забайкалья кишела красными партизанскими отрядами, так что движение белых частей шло под непрерывной угрозой с обоих флангов.

Не доходя города Петровска-Забайкальского, штаб корпуса остановился на ночлег в улусе Коссоты. Головные части корпуса двинулись на рассвете дальше. Штаб остался в Коссотах, дожидаясь подхода к вечеру следующей колонны, чтобы вместе с ней попытаться «обезвредить» большое скопление – несколько тысяч – конных красных партизан в селе Харауз, являющихся угрозой для следующих за нами остатков белых армий.

Узнав, вероятно, что штаб остался в Коссотах только с конвойной сотней, значительные силы конных красных перешли в наступление, чтобы окружить улус, находящийся в котловине. Под ружейным огнем с ближайших высот штаб, на повышенных аллюрах, пытался вырваться из ловушки. Были раненые. Под генералом Сахаровым была убита лошадь. Он остался лежать в снегу. Конные красные уже приближались к нему, но нам удалось опередить их и выхватить генерала у них буквально из-под носа.

Полковник Новицкий с частью спешенных казаков отражал наступление красных с фронта, а мне пришлось во главе остальной части сотни в конном строю атаковать лаву красной конницы, пытавшейся замкнуть кольцо окружения. Почти чудом нам удалось вырваться из казавшегося безвыходным положения. К полудню, возбужденные от только пережитого, мы прибыли в Петровск-Забайкальский вместе с вышедшими нам навстречу нашими головными частями. В городе оказались японцы.

Вот подлинный текст разговора по прямому проводу из города Петровска-Забайкальского полковника Новицкого, назвавшегося командующим Хараузским советским партизанским отрядом, с командующим Забайкальской группой советских войск Калашниковым и военкомом Поздеевым в городе Верхне-Удинске.

Петровск: У аппарата командующий передовым Хараузским советским отрядом Щукин. Попросите к аппарату начальника группы советских войск.

Верхне-Удинск: Командующий у аппарата…

Петровск: Прошу сообщить фамилию командующего. У аппарата командующий передовым Хараузским советским отрядом Щукин.

Верхне-Удинск: У аппарата командующий Забайкальской группой Калашников.

П.: Приветствую вас, товарищ, и докладываю, что передовой Хараузский советский отряд, состоящий из двух батальонов Прибайкальского советского полка и конного Мухоршибирского отряда, под моей командой сегодня около 11 часов по местному занял город Петровск-Забайкальский. Разбитые остатки белых банд бежали к станции под защиту японских войск, станция занята японскими войсками. Есть данные, что белые совместно с японскими войсками попытаются произвести контратаку, чтобы выбить нас из города. Через три-четыре часа должны подойти главные силы Восточного фронта из села Хараузского. Прошу указаний и ориентировку.

В.-У. (Калашников): Здравствуйте, товарищ. Поздравляю вас с успехом. Вы должны заявить японскому командованию, что между мною и комиссаром армии и японским генералом Огато установлена нейтральная зона – это магистраль и прилегающие к ней станции, кроме того, японцы заявили мне о соблюдении ими строгого нейтралитета. Нам даны указания из центра представителями советской власти, чтобы строго соблюдать лояльность по отношению японцев и не занимать линии впредь до их эвакуации, которая ими предрешена. Поставьте это японскому командованию в самой вежливой форме, укажите, что мы боремся с реакционными элементами типа Семенова и других и просим японцев сохранить условия нейтралитета, невмешательства в наши внутренние дела, дабы не произошло неприятных столкновений, могущих быть тяжелыми для нас всех. Постарайтесь все вопросы с японцами разрешить мирным путем. Со мной у аппарата военный комиссар Поздеев, который может вам дать аналогичные указания. К вам в скором времени прибудут новые силы, чтобы имели возможность действовать обходными движениями на ст. Хилок и идти по направлению к Чите. Сейчас уступаю место товарищу Поздееву, который будет говорить с вами. Товарищ Лебедев выезжает к вам завтра, – желаю успеха.

В.-У.: У аппарата военный комиссар Поздеев, скажите вашу фамилию, с кем говорю…

П.: У аппарата товарищ Щукин, здравствуйте, товарищ Поздеев, продолжаю незаконченный разговор. Дело в том, что нашим отрядом уже совершена, пожалуй, непоправимая ошибка: в горячке уличного боя убито несколько японских солдат. Это может создать серьезный конфликт. Прошу вашего содействия для его улаживания перед японским командованием в Верхне-Удинске. Прошу также сообщить, когда можно ожидать товарища Лебедева, будет ли и когда прислана помощь реальной силой, не хватает также оружия и патронов. Можно ли ожидать сюда подхода белых банд, отходящих от Верхне-Удинска по железной дороге? Все эти вопросы ввиду серьезности момента требуют спешного разрешения.

В.-У.: Здравствуйте, товарищ. Поздравляю вас и в лице вашем партизанский отряд с успехом, революционной победой, желаю эти успехи развить далее на общее дело. Теперь дам указания, надеюсь, что они вами будут исправлены, то есть постараемся здесь договориться с японским командованием. Убийство японских солдат, по моему мнению, не может повлиять на наши переговоры и отношения с японским командованием, потому что вы действовали как партизан без нашего ведома и наших директив. Предупреждаю, что подобные ошибки, если таковые будут допущены с настоящего момента, то есть с момента нашей с вами связи, могут повлечь печальные последствия, поэтому прошу вас без указаний никаких самостоятельных действий против японцев не иметь. Мы сегодня же войдем в переговоры с японским командованием, изложим о событиях у вас и заверим, что с сего момента перейдете в наше подчинение и будете действовать только по нашему указанию. Вы должны в свою очередь заверить нас, сможете ли вы проводить наши приказы в жизнь, дисциплинированы ли ваши отряды, чтобы каждое наше приказание, которое вы получите, было исполнено точно и беспрекословно. В свою очередь, будем требовать от японского командования, чтобы дали приказ своим частям по линии не вмешиваться в нашу революционную борьбу с реакцией. Наши директивы таковы: всячески избегать столкновений с японскими войсками, путем дипломатических сношений устранять всячески малейшие трения. Магистраль находится под охраной японцев и чехов и является нейтральной зоной. Своего контроля по дороге и занятия станций вы можете добиться путем дипломатическим с японским командованием… (Перерыв на час.)

Я продолжаю. Товарищ Лебедев отправляется сегодня к вам. Оружие также отправляется к вам с ним. Действуйте обходными движениями и столкновений с японцами избегайте – магистраль является нейтральной зоной. Сообщите подробно обстановку, при

которой взят Петровский Завод, занята ли станция железной дороги или только город. Если занята станция, то ее нужно освободить от наших отрядов, а город держите в своих руках. Сейчас был в японской военной миссии по вашему делу. Переговоры назначены сегодня к 18 часам. Японцы заявили, что им ничего не известно о происшедшем, они опасаются, что если станция занята вами, то японский представитель не сможет говорить с Верхне-Удинском. Если японцы лишены связи, то предоставьте им возможность снестись с японским командованием в Верхне-Удинске. Переговоры могут быть успешны, когда обстановка занятия Петровского Завода будет подробно известна как нам, так и японской военной миссии. Вы информируйте нас, а японский представитель пусть информирует свою миссию.

П.: Петровский Завод не занят нашим отрядом, занят только город. Станция занята японскими войсками. Военком отряда товарищ Воробьев отправляется на станцию для улаживания конфликта. Думаю, что все сойдет благополучно. Обстановка занятия города Петровска вкратце такова… (Здесь выдумка полк. Новицкого.)

В.-У.: Еще раз благодарю вас, товарищ Щукин, и ваши доблестные революционные войска с большой победой. На ваш вопрос могу ответить следующее. Каппелевские отряды, находившиеся в Верхне-Удинске, третьего дня уже прошли Старо-Курбинское по Старо-Читинскому тракту на Читу. С ними был бой, но все-таки они пробились и теперь преследуются нашими войсками, наседающими на арьергарды белых. Часть семеновцев же, вышедших из Верхне-Удинска, направляется, по-видимому, на Петровский Завод, навстречу им высланы части партизан Удинского фронта и 2-й конный советский полк. Дальнейшие сведения не поступали, но что они идут по реке Уде, выяснено точно.

П.: Можно ли ожидать прихода в скором времени регулярных советских войск к нам в Забайкалье?

В.-У.: Регулярные части под Иркутском и вряд ли будут скоро в Забайкалье.

П.: Какова общеполитическая обстановка? Каковы ближайшие задачи и перспективы для советской власти и, в частности, для нашего Забайкалья?

В.-У.: Зависит от положения на Западе. Между прочим, гарантируйте приказом по вашему отряду сохранение жизни семеновцам и каппелевцам, перешедшим к нам с оружием в руках… Расстраивайте ряды противника широким оповещением, что мы всем сдавшимся добровольно гарантируем сохранение

жизни… Выпустите к ним воззвание о переходе с оружием на нашу сторону. Японцы и другие иностранцы должны пользоваться полной неприкосновенностью, другими словами, соблюдайте с ними дружественный нейтралитет. Не имеете ли еще вопросов?

П.: Какие сведения с Деникинского фронта и ликвидировано ли восстание против советов в районе Челябинска и Казани?

В.-У.: Деникин разбит в пух и прах. Восстание против советов – вымысел.

П.: До свидания, товарищ, полковник Николаев.

В.-У.: Ответа не последовало, провод был разъединен.

И. Киборт[150]
Один из малоизвестных эпизодов Великого Сибирского Ледяного похода[151]

В своей книге «Белая Сибирь» генерал-лейтенант К.В. Сахаров охватывает почти все события, имевшие место в дни Белого движения в Сибири. Но в небольшой книжечке немыслимо было детализировать упоминаемые им события. А потому обо всем сказано в чрезвычайно сжатой, конспективной форме.

Мне, как состоявшему во время похода, в течение двух месяцев, офицером-ординарцем при командующем у-й армией генерал-лейтенанте Сахарове, хотелось бы без всякой предвзятости дополнить некоторыми данными об эпизоде, имевшем место вблизи улуса Кассоты Забайкальской области 4 марта 1920 года, очевидцем и участником которого, в числе других, был и я. Думаю, что не безынтересно знать, как командующий армией, в условиях нормального походного движения, едва не попал в плен к красным, как это произошло и кто спас положение.

Хотя и с большим опозданием, в интересах исторической точности, я посвящаю эти строки благородному рыцарю генерал-лейтенанту Сахарову и всем тем незаметным серым героям, которые своими действительно изумительными подвигами вписали навеки свои имена в легионы погибших за честь и славу великой и горячо любимой нашей Родины, в борьбе против интернационального коммунизма, на необъятных просторах Российского государства.

15 января 1920 года в поселке Тарамба (Енисейской губернии), что приблизительно в 70 верстах на восток от города Канска, я был назначен офицером-ординарцем при командующем 3-й армией, от Отдельной Енисейской казачьей бригады (генерал Феофилов).

Всего лишь несколько дней перед тем я и сотник Яковлев В., по ходатайству начальника Отдельной Енисейской казачьей бригады, вернулись для службы в свою бригаду из Сибирской казачьей группы генерала Волкова, и вот опять мне предстояло отправиться в служебную командировку… Очень не хотелось оставлять в такое время своих станичников, но приказ требовал исполнения, и я, согласно инструкциям, полученным от начальника штаба Енисейской казачьей бригады есаула Ковригина, взяв назначенных со мною 12 казаков от 2-й сотни (прапорщика Вербицкого) 2-го Енисейского казачьего полка, в

которой я состоял младшим офицером, немедленно отбыл к месту своего назначения в штаб 3-й армии. Разыскать местонахождение штаба армии на походе является нелегкой задачей, однако мне посчастливилось, и приблизительно часа через три я уже явился в распоряжение начальника службы связи штаба армии. К этому времени также прибыли офицеры-ординарцы и от других дивизий: от Ижевской дивизии (генерала Молчанова) прапорщик Кожевников, от Уральской дивизии (генерала Круглевского) штабс-капитан Авдейчик, от 1-й Кавалерийской (генерала Кислицына) ротмистр Исаев О. При каждом офицере-ординарце было по 10–15 всадников. Все были подчинены начальнику службы связи, а на походе находились непосредственно при командующем армией.

Ввиду полного отсутствия технической связи, в дни Сибирского Ледяного похода и старшие, и младшие начальники пользовались «живой связью», иными словами, контакт между частями и штабом поддерживался исключительно только через конных посыльных.

Ночлег в улусе Кассоты Забайкальской области, о котором генерал-лейтенант Сахаров говорит, что он был спокойным, на самом деле был очень тревожным. Очевидно, генерал Сахаров многого в ту ночь не знал… Всю ночь усиленными разъездами охранялись подступы к улусу со стороны села Тарбоготайского, занятого красными, и не без основания ожидалось их нападение на проходящие части нашей армии, что через несколько часов полностью и подтвердилось.

Это село памятно нам, енисейцам, еще по 1918 году, когда 1-й Енисейский казачий полк (хорунжий Розанов) совместно с чехами и с частями только что созданной Сибирской армии участвовал в походе от Красноярска до Читы. 1-я сотня под командой сотника Фереферова, в которой я в то время служил, имела задачу по очистке Тарбоготайского района от большевистских банд, в составе которых тогда, летом 1918 года, было много мадьяр и латышей.

После ухода из Кассот, рано утром 4 марта 1920 года, Ижевской группы генерала Молчанова и Волжской группы генерал-майора Сахарова Н., как пишет сам командующий армией генерал-лейтенант Сахаров, штаб армии ожидал подхода к улусу авангарда отряда генерала Круглевского, и «около половины десятого буряты сообщили о появлении красных»… Несомненно, это ошибка, так как красные напали на улус до рассвета, вскоре после ухода строевых частей Ижевской и Волжской групп.

Несмотря на то что штабу армии известно было о

готовящемся наступлении красных, стало быть, элемента неожиданности не могло быть, тем не менее первые же выстрелы нападавших внесли растерянность среди чинов штаба и, что еще хуже, почувствовалось отсутствие единого руководства. Начинался рассвет, когда я получил приказание от начальника службы связи занять со своими казаками один из переулков, идущих от центра улуса в южном направлении, то есть в сторону села Тарбоготайского. Прибыв беспрепятственно к выезду из улуса и заняв удобное положение для наблюдения и встречи противника, я стал ожидать дальнейших приказаний, без которых я не должен был оставлять занимаемый мною переулок.

Стрельба на заставах и у высланных разъездов постепенно усиливалась, и, судя по выстрелам, нетрудно было определить, что красные не пытаются занять улус, а продвигаются в восточном направлении, по-видимому, с намерением отрезать нам путь на Петровский Завод.

Численность красных трудно было определить, но, во всяком случае, они превышали нас во много раз. Не получая никаких дополнительных приказаний, я решил отправить двух казаков в штаб армии для выяснения ситуации и получения дальнейших задач. Через 10 минут посланные вернулись и доложили, что штаба армии в улусе нет и, по словам хозяина дома, где квартировал штаб армии, все выступили по дороге на Петровский завод. Об этом меня никто не поставил в известность, и это является лишним подтверждением растерянности, царившей в штабе, которая позднее едва не погубила командующего армией генерал-лейтенанта Сахарова.

В это время мы заметили приближавшийся к нам разъезд красных – 15–20 всадников. Подпустив шагов на двести и обстреляв красных, я приказал садиться «по коням», и вскоре мы двинулись ближайшей улицей по направлению к Петровскому Заводу. Красные, заметив наше движение, начали обстреливать, но недолго. Это дало нам возможность выйти на главную дорогу и через 20–25 минут соединиться со штабом армии, который стоял неподвижно среди поля, обстреливаемый с ближайших холмов красными. Положение было критическое, так как противник постепенно приближался…

Командующий армией принял решение оказывать предельное сопротивление до подхода строевых частей, которые могли появиться в любой момент. Каждому из нас даны были специальные задания. Всем приказано было «спешиться» и коноводам укрыться в ближайшем овраге.

Мне с моими 12 казаками приказано было немедленно двигаться на «выстрелы» по дороге на Петровский Завод и

выяснить причины стрельбы в лесу за поскотиной, до которой было около 2 верст. Благодаря этой стрельбе штаб вынужден был остановить движение на Петровский Завод. Местность, где задержался штаб армии, была открытой, изредка чередовалась небольшими перелесками и холмами и покрыта неглубоким снегом. Такова была обстановка, когда я отправился с разъездом в разведку, от результатов которой в тот момент фактически зависела судьба всего штаба армии. Было уже около 8 часов утра. Приближаясь к лесу, я выслал вперед дозор, который вскоре остановился у поскотины. Нетрудно было понять причину этого. Из леса навстречу нам двигался разъезд приблизительно коней 12–15, который, заметив нас, тоже остановился. От разъезда отделились два всадника и стали приближаться к нашему дозору, к которому одновременно подошел и я с разъездом. Расстояние между нами и неизвестными всадниками был шагов 150. Началась всем знакомая в Гражданскую войну «перекличка»:

– Вы кто такие? Какого полка?

На такие вопросы обычно следовали такие же ответы:

– А вы кто такие? – и т. д., но на сей раз «перекличка» закончилась очень быстро, так как мой вестовой татарин Даулетбай Миньяров стал кричать по-татарски, и в ответ тотчас же весело ответили тоже по-татарски, и сразу выяснилось, что это свои. Разъезды съехались, спешились, и начались дружеские разговоры.

Встреченный нами разъезд был от Волжского драгунского полка, и молоденький корнет – начальник разъезда – рассказал о нападении красных на проходившие части ижевцев и волжан, которое было отбито с большими потерями для противника. Были убитые и раненые и в наших частях. В числе раненых был и доблестный начальник Ижевской дивизии генерал Молчанов. Разъезд волжан был выслан с задачей довести до сведения командующего армией, что путь на Петровский Завод свободен.

Поблагодарив и простившись с корнетом, я широким аллюром повел свой разъезд обратно к штабу армии, который все еще продолжал оставаться на месте, отстреливаясь от засевших в кустах красных. Но незадолго до моего прибытия к штабу армии красные вдруг почему-то прекратили обстрел и начали панически отходить по направлению села Тарбоготайского.

Вскоре выяснилась причина этого отступления. В тылу у красных, со стороны улуса Кассоты, появился конный отряд, который карьером мчался по дороге к штабу армии. Красные приняли эту конницу за авангард очередного эшелона наших строевых частей и, не рискуя втягиваться в бой, немедленно стали отходить. На самом деле это были всего лишь квартирьеры

Отдельной Енисейской казачьей бригады под командой прапорщика Токмина Петра[152], который, прибыв в улус Кассоты и узнав от бурят о том, что произошло со штабом армии, тотчас принял решение идти на выручку штаба. Его смелое решение, быстрые действия, без сомнения, спасли не только командующего армией, но и весь штаб, оказавшийся в безвыходном положении без строевых частей.

Было уже 10 часов утра, когда, после моего доклада, командующий армией приказал возобновить движение на Петровский Завод, а прапорщику Токмину с его полусотней енисейцев возвращаться в улус для выполнения ранее возложенных на него обязанностей бригадного квартирьера Отдельной Енисейской казачьей бригады, которая к полудню должна была прибыть на ночлег в улус Кассоты.

Штаб армии, оставив злополучное место, быстро двинулся вперед и скоро втянулся в лес, где еще оставались следы недавнего боя. По обеим сторонам дороги лежали тела убитых красных и виднелись брошенные сани. К вечеру того же дня штаб армии благополучно прибыл на ночлег в Петровский Завод. Пока я был в разъезде, с командующим армией произошел ужасный случай, о котором я собственно и хочу сказать. Был момент, когда красные приближались к штабу армии, их обстрел был очень интенсивным и у командующего армией, который следовал верхом на лошади в окружении своего конвоя из оренбуржских казаков, была сначала ранена, а потом убита его лошадь. Как сам генерал Сахаров пишет в своей книге: «Маруся рухнула на землю, придавив мне левую ногу… лежа на земле, я видел, как весь небольшой отряд пронесся мимо меня… я очутился один среди пустынного поля… красные приближались, продолжая обстрел… пришлось пережить несколько жутких минут, самых отвратительных. Но вот из-за холмов, за которыми скрылся конвой, показались 4 всадника. Вскоре подъехали ко мне два офицера, полковник Семчевский и ротмистр Исаев и два казака; подхватили меня и помогли выбраться из-под самого носа красных. Такие минуты способны вознаградить за многие дни, даже месяцы страданий и лишений. То самопожертвование, которое проявили господа офицеры и казаки, красота этого невидного, непоказного, но большого подвига говорит лучше всяких слов»…

Весьма трогательно и благородно со стороны генерала Сахарова так лестно аттестовать полковника Семчевского и ротмистра Исаева за их действительно геройский поступок и в то же время умолчать о позорном поведении начальника конвоя, бросившего на произвол судьбы, перед наступающей цепью

красных, командующего армией! Позор нависшего пленения командующего армией лег бы несмываемым пятном на остатки той героической армии, с которой доблестный генерал Сахаров прошел весь тернистый путь борьбы за Национальную Россию, с берегов Волги до Тихого океана. Но, слава богу, этого не случилось!

Но ни рыцарский поступок полковника Семчевского, ротмистра Исаева и двух казаков конвоя, ни упорное сопротивление всех чинов штаба армии не изменили бы нависшего над окруженными злого рока… тысяча красных, наступавших на штаб армии, неминуемо смяли бы малочисленных защитников, и гибель или плен для всех был неизбежен, и поэтому нетрудно сделать верный вывод, что только правильное решение и смелые действия прапорщика Токмина предотвратили трагедию. За этот подвиг прапорщик Токмин предлежал статутной награде – если не орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия, то, наверное, Георгиевским оружием. Но он не получил никакой награды, так же как не получил никакого наказания и начальник конвоя, позорно бросивший на произвол судьбы своего командующего армией.

Говорят, «мир тесен»… и это действительно так. Много лет спустя после описываемых событий судьба забросила меня в Шанхай, в этот громадный (тогда международный) город, где я в 1932 году поступил на службу лейтенантом в Русский отряд французской полиции. Тогда же в полиции я встретил ротмистра Исаева, который тоже служил в полиции. В Шанхае же я встретил и другого ординарца при командующем 3-й армией – прапорщика Кожевникова. Не раз мы в приятной обстановке «вспоминали минувшие дни»… Там же, в Шанхае, под ударами жестокой судьбы и неудачно сложившихся обстоятельств печально и преждевременно закончил свою жизнь и наш герой описываемого трагического эпизода с генералом Сахаровым, доблестный прапорщик Токмин, произведенный в 1921 году в Приморье в хорунжие и сотники. До Шанхая сотник Токмин был в команде енисейских джигитов, которая под начальством бывшего доблестного командира Енисейского казачьего полка, лихого джигита полковника Бологова, довольно долго, с большим успехом работала по контракту с цирком Изако. Я хорошо знал сотника Токмина. Он происходил из зажиточных казаков станицы Алтайской 2-го военного отдела Енисейского казачьего войска. В службу вступил в 1915 году. По внешности был красивый, жгучий брюнет, среднего роста. Лихой джигит и очень хороший вахмистр 2-й сотни 1-го Енисейского казачьего полка. Произведен за

отличия в боях и участие в Великом Сибирском Ледяном походе в прапорщики.

После ухода нашей армии из Забайкалья на станции Маньчжурия 22 ноября 1920 года Отдельная Енисейская казачья бригада, как и все прочие части армии, была переформирована и свернута в полк, который вошел в состав вновь сформированной Сводно-Казачьей дивизии под командованием генерал-лейтенанта Панова[153](Оренбуржец). Приказом по Енисейскому казачьему полку я был назначен командиром 3-й сотни, и в числе младших офицеров у меня был прапорщик Ток-мин, о котором, как о герое, беззаветно любившем Родину и Казачество, я сегодня с гордостью вспоминаю и благоговейно склоняю голову пред его безвестной могилой.

А. Парфин[154]
Переход через озеро Байкал[155]

Несколько часов езды – и перед взором открылся вдруг Байкал. Тут же железнодорожная станция Байкал, у которой Ангара берет свое начало, наполняя русло кристальной чистоты водой. От истока вниз, на 5–6 верст, она не замерзает. Густой туман вздымается на воздух от воды, заволакивая солнце белой пеленой. На поверхности воды видны ныряющие утки; не улетая на зиму на юг, они находят здесь «и стол и дом» готовыми на целый год.

По берегу озера вытянулось село Лиственичное, вдоль которого дорога круто поворачивает к северу, налево. У поворота остался арьергард в качестве надежного прикрытия; у него имелось три десятка пулеметов, которыми надеялись сдержать попытки красных наседать на каппелевские войска и мешать их переправе у деревни Голоустной. Под защитою испытанных бойцов войска спокойно направлялись к ней, чтобы осуществить легендарный переход по льду озера Байкал.

Прийти до сумерек в Голоустную мы, конечно, не могли. От последнего ночлега расстояние 60 верст потребовало дневного и ночного марша в течение 20 часов. Пришли туда лишь ночью, в 3 часа 11 февраля. Первое, что там бросилось в глаза, это множество костров, горевших ярко у дороги, на отлогом берегу. Вокруг каждого из них стояли люди, согреваясь пламенем огня, а позади людей к кострам тянулись лошади искать от холода защиты. О размещении в домах можно было не мечтать; ночь надо было проводить под звездным небом. Мороз не ослабевал. Луна была окутана туманом, и ореол вокруг нее не обещал хорошего в отношении погоды.

Жители пугали трещинами озерного льда, невольно вспомнилось предостережение крестьян перед Иркутском. Командование разослало приказание войскам обзавестись досками для перехода через полыньи, а лошадей предписывалось подковать на острые шипы, чтобы они не падали от скольжения по поверхности гладкого льда. В Беженский отряд подобная инструкция не поступала, и поэтому поздно было думать, где раздобывать доски и острые шипы.

Почему-то на душе не было спокойно. Совсем не думалось об опасностях от красных, озеро Байкал затмило о них. Как встарь, так и теперь оно слыло священным и обитаемым каким-то духом. Сейчас оно ничем себя не проявляло. Но кто поручится за то, что

через час оно не примет грозный вид и не разразится гневом на пришельцев за покушение свершить неслыханное преступление – вести кровопролитный бой на этих берегах, которые не видели сражения испокон веков.

Такие мысли странные полезли в голову в остаток ночи, когда мороз мешал предаться сну и заставлял или ходить, или стоя греться у костров. В ночное время пройти по озеру не менее 60 верст считалось неосуществимым; на ледяной равнине легко было заблудиться, и поэтому решили дожидаться дневного света.

Около восьми утра солнце выглянуло из-за прибрежных гор, осветив все озеро и наш бивак, в котором не было палаток, а были огненные точки с дымом, обозначавшие места костров. Было тихо, ветру не было ничуть. Переход через озеро Байкал начался без видимых помех. Одна колонна за другой вытягивались струнко, когда сходили с берега на лед. Мы выехали ровно в десять, немного опоздав, и тем нарушили расчет времени до наступления темноты.

Сначала ехали довольно бойко по хорошо протоптанной дороге. Подул легкий ветерок с левой стороны. Через полчаса ветер усилился и вскоре превратился в угрожающий буран. Ни туч, ни облаков не было на небе, но солнце застилалось снежной мглой, висевшей в воздухе высоко и несшейся с севера на юг. Откуда взялся снег, наверняка никто не мог сказать; на зеркально гладком льду его не было совсем. Вероятно, его сдувало сильным ветром с берегов, несло по озерному коридору несколько сот верст и на пути взвивало к небесам, образуя тучу снежной пыли, слепившую глаза.

Не обозначенная вехами дорога едва улавливалась глазом, так как на узенькой дорожке в ширину саней трудно было различать следы подковных шипов. Наши лошади с гладкими подковами стали скользить на льду и, устав держаться крепко на ногах, падали тем чаще, чем быстрей они бежали. Поэтому движение замедлилось и совершалось почти шагом. А ветер все крепчал, усиливался постепенно. Силой ветра легко сбивало сани вправо от дорожки и увлекало туда же лошадей. Но вне проторенной дорожки, слегка избитой острыми шипами, упавшие лошади обессиливались и не могли подняться без посторонней помощи, сами по себе. Приходилось раньше втаскивать их на дорожку и лишь тогда помочь им подняться.

Пристяжная лошадь наших саней то и дело падала на лед, а при вставании теряла силы, изматываясь совершенно. Тревога закрадывалась в душу, как бы не пришлось отпрячь ее и бросить на дороге. Но тогда сомнение являлось, удастся ли без пристяжной приехать в Мысовую до наступления темноты. Ведь

сбившимся с пути грозил конец фатальный – застыть на холоде, погибнув не в схватке со врагом, а от ярости стихии.

Голова Беженского отряда ушла от нас вперед; мы же все больше и больше отставали, заставляя сзади ехавшие сани объезжать нас сбоку, или останавливались на наезженной дороге и ждали, пока те пройдут, минуя нас. Требовалось как-то облегчить положение нашей пристяжной, и вот приходилось выходить из саней и бежать с ней рядом, помогая при падении вставать.

Пожалуй, это обстоятельство приобретало важное значение для нас, не давая ощущать жестокий холод так болезненно, как это испытывали те, кто не покидал своих саней. Движение пешком и бег очень согревали зябнувшее тело, но с руками было просто горе. Чтобы помочь лошади подняться, надо было вынуть их из рукавиц, а вынешь – через минуту они закоченеют, и приходилось совать их поскорей обратно в рукавицы.

Попеременно с князем Болховским мы ехали в санях и иногда пробовали завернуться в одеяло, но попытки были тщетны. Ветер вырывал его из рук и развевал по воздуху горизонтально, не давая возможности закутаться в него. Холод был невыносим для всех, в особенности для конных. Многим из них становилось нестерпимо ехать с застывшими руками и ногами. Слезая с лошадей, они умоляли взять их в сани, а лошадей бросали на произвол судьбы.

Им скользкий путь и ветер Баргузин послали день жестоких испытаний. Сначала лед не позволял идти уверенно и заставлял скользить, терять устойчивость и падать. Потом в усилии встать на ноги лошадь доходила до большого напряжения и траты сил. Выбившись из сил, она делалась помехой саням, замедляя их движение и подвергая людей риску не добраться вовремя до Мысовой. Став обузою, лошадь отпрягалась и отдавалась на расправу бешеной стихии.

А злобный ветер словно этого и ждал: со всею яростью налетал на брошенную лошадь и сбивал ее направо, где не было дороги. Но стоило лошади сойти на зеркально гладкий лед, как она уже считалась обреченною на смерть. Много раз она пыталась вернуться на дорогу, по которой шли войска, но с каждым разом падала и все больше уклонялась в сторону, сносимая порывами ветра дальше и дальше от дороги. Так постепенно лошадь удалялась приблизительно на сто шагов, пока не падала окончательно, чтобы больше на вставать.

Бедные животные являли жалкую картину, лежали сотнями на льду. Другие кое-как еще держались, стоя на ногах: то в одиночку, то группами – по четыре и по пять. Все стояли против

ветра, смотря на уходивших к восточному берегу Байкала и провожая их усталым взглядом. Возможно, в этом взгляде немой укор ушедшим выражался за то, что бросили безжалостно во власть разбушевавшейся стихии. Им было не по силам и невмоготу стоять на одном месте и застывать от ледяного ветра. Вот у одной из них подкосились ноги: она стала на колени и застыла в этой позе, борясь с надвигавшейся смертью. Потом вдруг рухнула на бок, чтобы замерзнуть и заснуть навеки.

Нигде не приходилось видеть такого количества брошенных и павших лошадей. Гибли лошади не только слабые, но и сильные из-за того, что не были подкованы на острые шипы. Если утром можно было слышать недовольство на не обозначенную вехами дорогу, то теперь оно должно было умолкнуть. Дорога была провешена весьма заметно: не вехами, не прутьями и не флажками, а трупами несчастных лошадей.

Так мстил сердитый дух Байкала за нарушение неприкосновенности своих владений. Холод, ветер и мороз были его оружием зимой; ими он разил неведомых пришельцев, заставлял их бежать или умирать на льду от стужи. Казалось, этот дух должен был бы почувствовать удовлетворение и умилостивиться при виде сотен жертв, устилавших длинный путь на протяжении 60 верст.

Но нет! Еще одно оружие осталось у него, которое пускалось в ход не столь для истребления, сколь для устрашения земных существ. То были зияющие трещины на льду, о которых столько говорили крестьяне окрестных сел и деревень.

Студеный, леденящий ветер всецело овладел воображением людей, спешивших перейти по озеру как можно поскорей. О трещинах временно забыли и вспомнили о них, когда стали подходить к середине буйного Байкала. Внимание путников вдруг приковалось к странному явлению: среди обломков льда торчала голова коня. Вокруг ее и дальше поперек дороги лежали глыбы льда, нагромоздившиеся друг на друга. Лазуревый и сине-купоросный цвет их был неописуемо красив.

Не нужно было говорить и объяснять: голова и глыбы поведали о драме, происшедшей здесь до нас. Разверзлось озеро с необычайным треском и поглотило в свою холодную пучину все то, что оказалось там в момент разрыва льда: чьи-то сани целиком с людьми и лошадьми.

Сейчас оно сомкнулось и закрылось, дав нам возможность избежать опасной переправы через полынью. В пути еще раз встретились такие обломки льда, но без признаков трагедии, постигших несчастливцев. Какое счастье было уйти из этих мест благополучно! Не все, однако, уцелели. На следующий день озеро

продолжало вырывать людей и лошадей, подвергая их ужасной смерти.

Перед сумерками ветер стал стихать, и, когда подъехали к другому берегу Байкала, наступила темнота. Но она уже не пугала, дорога впереди была покрыта снегом и явственно обозначалась на белом фоне снежного покрова. Лошади быстрее побежали. Въехали на берег и догнали свой Беженский отряд, терпеливо поджидавший нас у поворота к городу Мысовску.

Вздох облегчения вырвался у измученных людей. Получалось впечатление, что позади осталось поле жесточайшей битвы, где боролись не с врагом, а с силами природы. Здесь не было героев, чьи имена могли бы оставить славу по себе; тут были только жертвы разгневанной стихии, о которых обычно вспоминают не с гордостью, а с сожалением на весьма короткий срок. Был, мол, такой-то человек – и перестал существовать. В бою он подвига не совершил, погиб бесславно, не справившись с природой. О нем вспоминают иногда, когда подходит какая-нибудь дата помолиться за него перед Божьим престолом или на одной из панихид.

Но если была битва, то полагалось где-то быть перевязочному пункту. Нечто в этом роде было устроено в Мысовске. Не успели мы приехать, как привели нас к зданию, в котором предполагался ночлег для прибывавших. Расположились в теплом помещении, начали отогреваться, но недолго это продолжалось. Вбежали в комнату сестры милосердия, умоляя нас помочь оттирать обмороженных в тот день. Таковые вслед за ними не замедлили прийти.

Вот является лихой поручик, улыбаясь во весь рот. Подошел к столу, сбросил на пол рукавицы и давай стучать пальцами об стол. Не живые пальцы, просто деревяшки! Покоробило слегка при виде издевательства над собственным несчастьем. Кто-то не выдержал подобной сцены и громко закричал: «Скорей воды холодной принесите!» Принесли. Поручик сунул в воду свои бесчувственные пальцы, продолжая улыбаться и смеяться. Через несколько минут корка льда покрыла пальцы толстым слоем. Их вынули и стали оттирать. Не легка была работа оттирать, скоро уставали. Уставших сменяли другие, чередуясь между собой. Таким образом оттерли отмороженные пальцы, не дав им отвалиться, и намазали гусиным салом под конец.

Ввели другого. Такая же история с ногами. Уже сил не хватало оттирать, но сестры умоляли не бросать, а оттирать, насколько то было возможно. Усталостью пренебрегая, оттерли и этого несчастного, потом забастовали. Не стало больше сил. Сестры перешли в другие комнаты с такой же просьбой к другим

продолжать спасение вновь прибывавших. Замерзших совершенно не показывали никому; втихомолку хоронили их на следующий день, воздвигая простой крест над неоплаканной могилой.

Таков был переход через Байкал – ледяной в буквальном смысле слова. Леденели лошади от стужи и гибли на байкальском льду; леденели также люди, отмораживая себе руки, ноги с последствиями на всю жизнь. Трескучие морозы при безветрии не страшны – страшен сильный ветер при морозе.

Е. Красноусов [156]
Переход через Байкал [157]

Переход через район Тулуна и Черемхова, перешедших на сторону красных еще в конце декабря 1919 года, совершался в чрезвычайно тяжелых условиях. Частям Сибирской армии буквально приходилось пробивать себе дорогу на восток. Каждая стоянка для отдыха, каждый ночлег добывались с боя, который приходилось вести головным частям колонны. Разбитые белыми авангардными частями красные не уходили назад, а рассеивались и снова нападали на сзади идущие части; везде был фронт, не было простой возможности спокойно отдохнуть после тяжелого перехода в суровую сибирскую зиму.

Шли несколькими колоннами, причем кавалерия обычно двигалась проселочными дорогами, к северу и к югу от «большого сибирского пути», по которому шла пехота и санитарные обозы. Разбитые на главном тракте красные, откатившись в стороны, неизменно встречались с белыми кавалерийскими колоннами. «2-я батарея» (3-й взвод Офицерской сотни) поочередно с другими взводами сотен и полков, составлявших Сибирскую казачью бригаду, то шла в голове колонны как разведка, то несла сторожевое охранение на местах номеров. Наряды эти бывали почти ежедневно и окончательно выматывали людей и лошадей.

Кажется, 9 февраля 1920 года Сибирская казачья бригада еще до полудня вышла на «большак» и вошла в огромное седо (Усолье?). После ночного перехода каждый предвкушал заслуженный отдых, тем более что село прямо кишело частями и обозами (трудно было в то время отличить, где кончалась воинская часть и начинался обоз), то есть была полная возможность хоть на некоторое время не попасть в наряд и спокойно отдохнуть раздетым.

Однако эти ожидания не оправдались: только успели задать корм лошадям и сами уселись за неприхотливую, наскоро приготовленную, но горячую еду, как ординарец из штаба привез приказание – через 2–3 часа готовиться к выступлению под Иркутск.

К Иркутску шли ускоренным маршем, почти не делая привалов, иногда шли даже рысью и к вечеру подошли к ст. Иннокентиевка (верстах в семи от Иркутска). Мы не знали в то время, что адмирал Колчак был передан «союзниками» в руки красных и уже расстрелян в Иркутске дня за два до этого (7 февраля).

В Иннокентьевке опять было объявлено, что это только лишь привал и что через несколько часов мы выступаем дальше. Снова спешно кормили измученных лошадей, а сами старались тоже хоть немного отдохнуть, лежа на полу своей хаты. Кто-то приходил к нам, и мы слышали сквозь дремоту, что на станционном складе можно получить одеяла и даже кое-какое обмундирование и белье; но даже и это столь заманчивое приглашение мало трогало нас, так как усталость брала свое: отдых был дороже всех прочих земных благ.

Уже в темноте выступили из Иннокентиевки и двинулись вдоль полотна железной дороги по направлению к Иркутску. Вдали мелькали огни большого города, но неприветливо было это мигание, ведь город был в руках красных. То и дело на железнодорожном полотне встречались чешские бронепоезда, прислуга которых находилась на своих «боевых» постах и недружелюбно смотрела на проходившую колонну белых бойцов. Их орудия и пулеметы были направлены в нашу сторону. Почему? Как нам пояснили потом, между «союзниками» и красным Иркутским правительством было заключено временное соглашение, по которому нам было предоставлено право «пройти мимо Иркутска, не заходя в него». По этому соглашению каждая сторона, открывшая огонь, будь то белые или красные, должна была немедленно попасть под огонь «братушек» и их бронепоездов.

Проходим Глазковское предместье. Вот и мост через Ангару, столь знакомый мне за время моего учения в Иркутске (в Оренбургском военном училище) всего лишь год тому назад. Приказано не курить и не останавливаться. Идем как автоматы, не только потому, что безумно устали и мы, и наши кони, но гнетет еще и мысль: почему мы не заходим в Иркутск? почему мы его не берем, а идем по его окраине, не имея права даже курить и останавливаться?

Еще два часа беспрерывного движения. Идем уже по какой-то глухой проселочной дороге, кругом непроходимая тайга. Чтобы не заснуть, большую часть пути идем пешком, хотя ноги уже почти отказываются двигаться. Вдруг впереди послышалось несколько винтовочных выстрелов. Колонна остановилась, сна как не бывало. Но остановка была очень кратковременной, через несколько минут движение возобновилось и мы увидели причину остановки: трех-четырех мертвых красных, по-видимому, их разведка или дозор, следивший за нами, неосторожно обнаруживший себя… Расчет короткий: обмен выстрелами, и более сильный двигается дальше, не обращая внимания на трупы убитых.

Уже на рассвете вышли мы на Ангару, где-то у ст. Михалево. Здесь год тому назад, на полигоне, еще юнкером артиллерийского училища, я проходил выпускную стрельбу из орудий. Тогда мы были полны надежд на счастливое будущее, рассчитывали на скорую победу над красными и на восстановление прежней великой и могучей России. Сейчас, на рассвете 10 февраля 1920 года, мы входим в это небольшое селение усталыми, измученными, полуизгнанниками своей Родины, так как после позорного «обхода» Иркутска, без права постоять за себя на своей земле, мы иначе и не могли себя рассматривать. Колонна остановилась. Объявлено, что будем кормить лошадей и отдыхать до полудня.

«Будем кормить». А чем? На это нам ответить не могли. Клочки соломы и сенная труха, добытые в деревушке, и овес, запасенный еще в Иннокентьевке, до некоторой степени разрешили этот вопрос. Сами разбрелись кто куда, стараясь найти теплый угол. Маленькая деревушка не могла вместить нас всех, поэтому на улицах зажглись костры, около которых грелись промерзшие люди. Офицеры «2-й батареи» сумели забраться на какую-то небольшую баржу, «зимовавшую» во льду Ангары у этой деревушки. Без особой охоты обитатели баржи, угрюмо косясь на наше оружие, сварили нам картошки, и, когда голодные непрошеные гости набросились на эту неприхотливую еду, они услышали впервые красную «агитку»: «Куда идете, товарищи?», «Зачем?», «Ведь дальше будет еще хуже», «Утонете или померзнете на Ангаре», «А дальше – Байкал, куда пойдете?», «Оставайтесь с нами, мы вас прокормим до весны, а весной будете работать с нами на барже».

То ли неожиданность такого разговора, то ли подсознательное чувство благодарности к этим людям, накормившим и обогревшим нас после тяжелого, более чем стоверстного перехода, то ли простая усталость явились результатом того, что хозяева наши остались целы и невредимы, а мы успели поспать часа два-три, до нового приказания выходить дальше. Но на наше место уже входили новые постояльцы, а мы двинулись вдоль Ангары к Байкалу. Где-то переходили через эту реку, шли по льду, нередко покрытому водой, так как быстрая река местами не застыла, несмотря на сильнейшие морозы, и из этих незастывших «ям» шел морозный пар. В ушах все еще звучали слова наших «михалевских» хозяев – «замерзнете или утонете в Ангаре, а дальше – Байкал загородит вам дорогу». Можно было действительно утонуть в Ангаре, провалившись в какую-нибудь полынью, но мы не утонули и под вечер вошли в Листвиничную на берегу Байкала.

Стемнело быстро. Едва успели задать скудный корм лошадям, как наступила темная ночь. Мы замертво полегли спать по избам. «В желудке были одни незабудки», как живописует русская поговорка, но даже простая возможность спать «в избе», хотя и с пустым желудком, была большим утешением.

Проспали всю ночь. Рано утром получили от сотенного артельщика и фуражира очень скромные порции сена для лошадей и немного гречневой крупы для себя, а из штаба получили предупреждение, что около полудня выступаем на север, вдоль берега Байкала, и что «там» никакого фуража и продуктов мы не найдем: «запасайтесь здесь». Где запасаться и как? В приказании по этому пункту никаких указаний не было, а артельщик и фуражир объявили, что достать ничего и ни за какие деньги нельзя. Потуже подтянул свой пояс и со вздохом положил в переметные сумы свою порцию гречневой крупы, оставив ее для лошади: ей предстояла работа везти меня дальше… в неизвестность.

Шли до позднего вечера вдоль берега озера по избитой проселочной дороге. «Красавец Байкал!» А я его и не заметил, хотя и шел в течение полдня по его берегу: мысли были где-то там… впереди, в близком уже неизвестном. Что там ожидало меня? Куда мы идем? Почему сошли с «большака» и идем проселком? Снова невольно вспомнились слова «михалевцев»: «А там Байкал загородит вам дорогу, куда пойдете?» Вот и загородил дорогу, и пошли мы по его берегу туда, куда вело нас «начальство».

Не буду идеализировать, да теперь и не помню, что нас в то время толкало двигаться все дальше и дальше, даже не зная куда. Думаю, что чувство самосохранения и стадности играло в то время немалую роль: остановись – и ты в руках красных, а раз передние идут, значит – есть еще какой-то выход.

Ночью вошли в Голоустное. В утренние часы мы рассмотрели эту небольшую, бедную рыбацкую деревушку, но в ту ночь мы ее не видели: ведь электрического освещения на улице этой забытой Богом и людьми деревеньки не было, а кругом шумела мрачная, непроходимая тайга да слышался гул ломавшегося байкальского льда.

«2-й батарее» все же посчастливилось: всунулись в какую-то избу, где не раздеваясь улеглись вповалку на полу, вплотную друг к другу. Лошадей кормить не было надобности, так как кормить их было нечем, и наши четвероногие друзья и помощники, согнувшись в дугу, тряслись на морозе, хотя и прикрытые всяким тряпьем и одеялами, имея «на ужин» лишь пригоршни гнилой соломы и камыша, которые сумели найти в Листвянке и привезли

с собой их заботливые хозяева.

Несколько часов не сна, а тревожной дремоты, и наступило утро. Никто не будит нас, не торопит. Мы сами выскакиваем наружу в поисках хоть какого-нибудь фуража для своих лошадей. Снова клочки полугнилой соломы и камыша с крыш изб и бань и моя «железная» порция гречневой крупы несколько подбодрили моего друга-коня. Из штаба передают: осмотрите лошадей, главным образом подковы, перед обедом выступаем… через Байкал, куда ночью уже двинулись передовые части. Осмотреть подковы нетрудно, но исправить обнаруженные недочеты невозможно, так как своей кузницы нет, нет и запасных подков.

Еще в Листвянке мы оставили своих тяжелобольных раненых, так как брать их с собой в этот переход через Байкал было невозможно. Остались там и те, кто не нашел в себе больше сил и воли идти «в неизвестность», и притом с риском погибнуть от мороза на льду озера или в одной из его трещин, может быть, от пули красного врага, который мог ожидать нас на том берегу.

С опустошенной недавно пережитыми событиями душой, с жутко щемящим страхом смерти вступили мы на лед озера Байкал еще до обеда 12 февраля 1920 года. Это было «еще до обеда» в смысле определения времени, в прямом же смысле слова мы тронулись в поход даже «до завтрака», так как не имели утреннего чая, а на обед у нас тоже не было ни крошки съестных продуктов. Там, по ту сторону Байкала, мы могли ожидать пищи и пристанища или же смерти, другого выбора не было.

Дороги нет, идем по жалким останкам следов от копыт и полозьев саней головной колонны, вышедшей в поход еще ночью. Где они сейчас, что с ними? Ветер гонит снежную пыль, заметая эти следы, но вскоре мы и без них можем точно определить направление, так как то и дело попадаются брошенные сани со скарбом, мертвые трупы лошадей и людей, не выдержавших перехода. Они, как вехи, указывают нам путь. Куда? К весьма сомнительному пристанищу или смерти? Этот вопрос нас только и интересует. Большую часть пути приходится идти пешком, так как усталые полуголодные кони сами едва передвигают ноги по скользкому льду. Садиться на коня можно только лишь на занесенных снегом «плешинках», и то с соблюдением величайших предосторожностей, чтобы лошадь не поскользнулась и не упала, а сил и у самих уже почти не оставалось. Беспрерывно дующий ветер насквозь пронизывает изношенное обмундирование, и на коне долго не просидишь, опять ищешь подходящее место и слезаешь с коня, стараясь на ходу хоть немного разогреться.

Впереди ничего не видно, кроме ровной глади, казалось, бесконечного озера. Невольно оглядываешься назад. Там, вдали,

чернеют уже еле видной полоской Голоустное и прилегающая к нему тайга и горы. Они все дальше и дальше отодвигаются от нас.

Мертвые «вехи» попадаются все чаще и чаще. Часто слышны и громоподобные раскаты, вначале пугавшие нас: это ломался байкальский лед, открывая трещины-пропасти, которые иногда тотчас же, а иногда немного позднее начинали снова сходиться, захватывая в свои мертвые объятия все, что не успело выскочить из них. Через незакрывшиеся трещины проходим по каким-то доскам, по-видимому оставленным головной колонной или имевшимся в голове нашей колонны. Попадаются сани и лошади, зажатые в подобных трещинах, и мы сами каждую минуту ждем, что вот-вот раскроется бездна и под нашими ногами, увлекая нас под лед, который немедленно покроет нашу ледяную могилу.

Шли молча, сосредоточенно, не обращая внимания ни на что, кроме своего коня. Это было шествие обреченных на смерть людей, в сердцах которых только чуть теплилась искра надежды: а вдруг удастся перейти Байкал и найти убежище на том берегу?! Скрылось Голоустное. Теперь уже кругом, куда только хватает глаз, до самого горизонта, видна гладь холодного, мертвого льда. Шли целый день, не останавливаясь для привала. Наступили сумерки, а мы все еще не видели конца нашего перехода, беспрерывная цепь черных «мертвых вех» продолжала показывать нам путь. Шли «по инерции», напряженно вглядываясь усталыми глазами вперед, в ночную тьму. Ничего не видно. По-прежнему бухает ломающийся лед, по-прежнему дует холодный ветер, но мы уже «вмерзлись» и ко всему относимся безразлично.

Вдруг впереди послышались какие-то выкрики. Невольно прислушиваемся к ним: «Огоньки, огоньки». Напрягаем зрение и действительно различаем где-то далеко-далеко слабые мерцающие огоньки. Значит, приближаемся к противоположному берегу озера-моря. Колонна даже как-то оживилась, казалось, и лошади заметили эти мерцающие огоньки и быстрее зашевелили усталыми ногами. Изредка слышались разговоры, но «черные мертвые вехи», попадавшиеся все чаще и чаще, упорно напоминали нам, что еще не окончен наш крестный путь и мы можем не дотянуть до этих огоньков. Огоньки мелькают уже довольно отчетливо, и их появляется все больше и больше.

Не отрывая от них уставших глаз, мы шли еще добрых два-три часа, теперь уже задумываясь о другом: что нас ждет там, у этих огоньков. Будет ли это дружеская встреча или последний, неравный бой, принимая во внимание нашу полную измученность и непригодность к принятию этого боя.

Колонна снова затихла. Огоньки неожиданно исчезли. Что это такое? Неужели нам только казалось, что мы видим огоньки

жилищ, а это был мираж? Но вот, скрытые от нас сугробами снега, наметенными около берега озера беспрерывными ветрами, замелькали они уже совсем-совсем близко. Еще несколько минут движения, и… перед нами освещенные окна домов, слышен лай собак, чувствуется запах дыма. В голове колонны слышны выкрики, слышатся даже какие-то команды. Слышим и мы команду: «Офицерская сотня, ко мне!» Стрельбы не слышно. Значит, нас встречают друзья. Поспешно, насколько позволяют силы коня, двигаемся на голос командира сотни. Какие-то квартирьеры ведут нас к квартирам. Еще несколько минут движения по селу, и мы во дворе своей «квартиры».

Разместились без скученности, ибо пришедшая раньше нас головная колонна, вступившая в Мысовую 12 часов тому назад, уже вышла из села и разместилась в соседних поселках, освободив для нас столь необходимое нам тепло и заготовив для нас фураж и продукты питания. Быстро получили корм для лошадей и… в теплую хату. Приветливая хозяйка уже вскипятила самовар, на столе жареная рыба, картошка, хлеб: все то, чего мы так давно не видели; все то, о чем мы могли лишь только мечтать во время движения в обход Иркутска и дальше по Ангаре и на Байкале. Кто-то где-то узнал, что на станции стоит даже бронепоезд японцев. Чувство полного покоя и безопасности охватило нас, оттаяло промерзшее на морозе тело, и, благодаря в душе Господа Бога за дарованное нам чудесное спасение, мы полегли спать в теплой избе и даже раздетыми, не выставляя охранения. Через несколько минут все спали мертвым сном.

Уже по привычке проснулись рано утром. Сразу же сытная кормежка для лошадей и вкусный горячий завтрак для нас. Хорошо отдохнув за ночь, мы вспоминали как кошмарный сон только что закончившийся переход через Байкал. Кто-то даже успел сбегать на станцию и подтвердил, что там стоит японский бронепоезд. Казалось, что мы были в полной безопасности: ведь по-прежнему гулко ломавшийся лед Байкала отделял нас своей 45-верстной полосой от преследовавших нас красных, а рядом «под боком» если не союзник, то все же и не враги – японцы и эшелоны чехов, поляков и сербов, двигавшихся по Кругобайкальской железной дороге. Мы уже строили планы, как, дойдя до Читы, остатки нашей армии будут снова приведены в порядок и мы сможем возобновить вооруженную борьбу с красными. Как мы ошибались, не зная действительной обстановки…

В тот момент мы еще не знали, что части атамана Семенова сидели в Забайкалье под крылышком японцев, в районе Читы, но не могли уходить и на сотню верст в сторону Байкала, так как

район этот кишел красными партизанами и нас ожидали уже почти на следующий день Кабанье и другие села и деревни, разбросанные во все стороны от железной дороги, через которые нам пришлось «пробивать» себе дорогу к Чите.

Сравнительно безопасна была лишь линия железной дороги, по которой двигались на восток бесконечные эшелоны «интервентов», увозившие с собой из России награбленное ими русское добро. Они шли во Владивосток, а оттуда… к себе на Родину. Мы для них были чужие, и наши нужды их не трогали.

Прекрасно одетые в форму, сшитую из нашего русского сукна, сытые и лоснящиеся от довольства и «легкой жизни», они пожирали массу самых разнообразных и лучших по качеству продуктов если и купленных, то на наши же русские деньги, изъятые ими из наших банков и казначейств. В конских вагонах кавалерийских и артиллерийских частей лениво жевали русское сено и овес сытые, закормленные наши, русские лошади. На вагонах-площадках стояли наши, русские орудия и обозные повозки, а в вагонах-теплушках, прекрасно оборудованных, с беспрерывно топившимися печами, с комфортом размещались «братушки» и пр., вооруженные нашими, русскими винтовками, пулеметами и револьверами.

Они чувствовали себя и держали себя как хозяева, а мы, русские – настоящие хозяева России, в это время плелись вдоль линии железной дороги в оборванном, прожженном обмундировании, заедаемые вшами, полуголодные, ведя в поводу «подобие лошадей», деливших с нами общее горе на голодном пайке. Наши раненые и больные домерзали, валяясь на санях обоза, прикрытые всяким тряпьем, но мы не имели возможности поместить их в санитарный поезд по той простой причине, что таких поездов у нас не было: весь подвижной состав и паровозы были в руках «интервентов».

Захватив в свои руки подвижной железнодорожный состав, «бра-тушки» добили Белую армию Сибири и внесли в нее дезорганизацию. Они ограбили Россию, они предали в руки красных Верховного Правителя адмирала Колчака, они заставили нас идти походом в суровую сибирскую зиму целые тысячи верст, неся бесчисленные жертвы убитыми, ранеными, обмороженными. Они явились одной из причин провала вооруженной Белой борьбы в Сибири.

Но «Бог правду видит, хоть и нескоро скажет», – говорит русская поговорка, а другая добавляет: «Отольются волку овечьи слезки», и чешское предательство 1919 года через двадцать лет было отомщено, хотя и чужими, не русскими руками, и они пережили такой же кошмар, какой они создали нам на нашей

Родине.

А. Ефимов
Сибирский зимний поход [158]

Прошло сорок лет. Уходят в прошлое воспоминания мрачных лет Гражданской войны, и поток новых событий заслоняет их туманной пеленой. Но не все исчезает в бездне забвения. Многое из того, что было пережито, забыть невозможно.

Кто из участников Гражданской войны в Сибири не помнит зиму 1919/20 года?! От Тобола до Забайкалья в течение четырех суровых месяцев пробивалась на восток армия адмирала Колчака, не желая положить оружия перед красными полчищами.

Не забыть этих длинных утомительных переходов, жестоких боев в неравных условиях с врагом, появлявшимся со всех сторон, стонов замерзающих раненых, бреда тифозных, вагонов с замерзшими больными и ранеными, измен своих, предательства «союзников», борьбы с суровой сибирской природой…

Казалось, чтобы уничтожить до последнего человека остатки отступающей армии, все объединилось в крепкий союз – и злая воля людей, и слепые силы природы. Но это не так. И именно слепые силы природы были к нам более благожелательны, более «человеколюбивы», чем ослепшее, озверевшее среди войн и революционного угара человечество.

В особенности с чувством глубокой признательности вспоминаются могучие сибирские реки. Не они ли своими величавыми размерами, широкие и глубокие, многоводные и быстрые, могли преградить нам дорогу и уничтожить всякую возможность к дальнейшему движению?! Но они ни разу не предали нас. По чудесному приказу Небесных Сил они покрывали свою поверхность ледяным покровом в последний момент и пропускали нас дальше.

* * *

В первой половине ноября армия широким фронтом подходила к Иртышу. Единственная переправа – железнодорожный мост у Омска, приспособленный для пешего и конского движения. Через него поток повозок, людей и лошадей. Только часть армии могла переправиться через этот мост. Переправа остальной части армии зависела от Иртыша. Покроется он льдом – переправятся, а нет – катастрофа неизбежна.

В 1812 году 14 ноября самоотверженные саперы Наполеона, работая по горло в воде, построили мосты через Березину, и часть его армии спаслась от преследования Кутузова. У этой переправы Наполеон потерял $^2/_3$ своих сил из имевшихся у него к этому времени 30 тысяч. До 20 тысяч были убиты, утонули, замерзли или взяты в плен. Погибла почти полностью артиллерия.

Но Иртыш не был Березиной, и никакие саперы не смогли бы здесь соорудить моста. Части армии, которые должны были переправляться южнее Омска, выслали вперед своих саперов, чтобы искусственно утолстить и укрепить лед, если Иртыш станет. Но когда саперы подошли к реке, она еще не замерзла. Правда, на поверхности плыли мелкие льдины и «сало». Нужен был крепкий мороз, чтобы «сало» обратилось в ледяной покров… Иначе судьба худшая, чем наполеоновской армии на Березине, ожидала всех, кто подходил к Иртышу южнее Омска. Мороз начал усиливаться 10 или 11 ноября, лишь за три дня до подхода армии к реке.

Иртыш покрылся тонким льдом. Саперы начали усиленно укладывать солому и ветки, поливая их водой. Так была укреплена дорога на слабом льду Иртыша саперами Ижевской и других дивизий. В 11-й Уральской дивизии саперы достали рыбачьи сети и перегородили реку, когда по ней еще плыло «сало». Сети задержали мелкий лед и «сало», и, как только грянул мороз, получился сразу довольно толстый слой ледяной коры. Всячески изощрялись саперы, торопясь подготовить Иртыш к приему подходивших войск.

При первой возможности начали осторожно переправлять обозы. Дорога была опасная. Шаг в сторону – и можно было оказаться подо льдом. Где-то провалилась и утонула партия беженцев, торопившихся переправиться раньше времени, несмотря на предупреждение саперов. На нашей переправе свернули в сторону и сразу пошли под лед два быка с санями. Постепенно обозы переправились. За ними начали переходить реку войска. Это было 14 ноября, в тот самый день, в который наполеоновские саперы 107 лет тому назад строили свои мосты через Березину. С особой осторожностью перетаскивали пушки, таща их веревками на больших дистанциях друг от друга. Переправа прошла благополучно. Когда последние дозоры перешли на восточный берег Иртыша, артиллерия разбила снарядами укрепленную на льду дорогу и на два-три дня задержала преследование врага.

Иртыш нас пропустил.

* * *

Понеся огромные потери, особенно при проходе через Щегловскую тайгу, армия в начале января подошла к Красноярску.

Здесь нас ожидал новый удар. Командир 1-го Сибирского корпуса генерал Зиневич с частью своих полков перешел на сторону красных и закрыл путь на восток. Попытки передовых частей армии, измученных тяжелым походом и перемешавшихся с толпами беженцев, выбить изменников из Красноярска и проложить себе дорогу не удались. Новое испытание судьбы тяжким молотом ударило по истомленным, издерганным, изголодавшимся и иззябшим бойцам. Многие потеряли веру в возможность пробиться дальше и пошли сдаваться в Красноярск.

Некоторым частям удалось проскочить мимо города на восток. Остальные, во главе с главнокомандующим генералом Каппелем, двинулись на север, чтобы обойти Красноярск кружным путем по реке Кан, притоку Енисея. Пробившись с боями на север, части армии, растянувшись по Енисею, встретили Рождество Христово (7 января 1920 года по нов. ст.).

Ижевская дивизия встретила Великий Праздник в богатом селе, придя туда поздно вечером. Крестьяне гостеприимно приняли нас и досыта накормили. Наши верные походные друзья – лошади получили дачу овса, которого не видали много дней. Здесь был ночлег в течение четырех часов, и это был первый определенный отдых с 3 января. Пять дней мы почти не вылезали из седла.

Ночью 8-го пришли к устью реки Кан в деревню Подпорожную. Она была забита ранее прибывшими частями, которые готовились к дальнейшему движению. Река Кан протекала между отвесными скалистыми берегами, пробив себе в горах дорогу. В нескольких местах на ней были «пороги», где вода бурлила и пробивалась на поверхность льда. Эти места окончательно замерзали только после сильных морозов, обычно после Рождества. К нашему приходу некоторые наиболее бурные пороги еще не замерзли. Кан не хотел нас пропускать. Но двигаться было надо – отступления назад не было.

9 января авангард тронулся в путь. Первые пороги у самого устья, особенно трудно проходимые, обошли, поднявшись на крутую лесистую гору и спустившись с нее выше порогов. Следующие пороги обходить было невозможно. Две каменных стены по бокам не допускали другого движения, как только по льду реки. Нужен был крепкий мороз, который бы окончательно сковал реку. Плохо одетые, мы сильно страдали от морозов в 15–20 градусов, но теперь молили о морозе в 40 градусов. И он «закургузил», когда передовые части двинулись вверх по Кану.

Тяжело пришлось этим первым частям – Уфимской и Камской дивизиям, – с которыми шел и генерал Каппель, показывая пример. На порогах вода не успела замерзнуть и вырывалась на поверхность льда, и в этот жестокий мороз нужно было ходить по ледяной воде и искать проходимые места. Люди промачивали ноги, и валенки обращались в ледяные глыбы.

При проходе Иртыша вода замерзла под нашими ногами. Кан замерзал вместе с ногами, шедшими впереди. В этих гиблых местах сани сразу примерзали ко льду, если усталые лошади не смогли протащить их через порог «одним духом», не останавливаясь. Много примерзших саней было брошено. Легко прошли на второй день по проторенной дороге следующие части, когда вся река была скована крепким льдом.

Пропустил нас и Кан, но взял за это тяжелый выкуп. Было много замороженных. Особенно тяжела была для всех потеря нашего главнокомандующего – генерала Каппеля, который промочил ноги, сильно простудился и после тяжелых страданий умер 1 января.

* * *

Впереди оставалась большая и грозная преграда – Байкал. Обходных путей вокруг Байкала нет, или где-то один, очень кружный, у самой монгольской границы, удлинявший дорогу верст на триста.

Сообщение через Байкал зимой поддерживалось сначала ледоколами, потом по льду. После постройки Кругобайкальской железной дороги ледоколы не ходили. Железная дорога теперь была в руках чехов-«союзников». Захватив подвижной состав, они стремились скорее выбраться в Приморье – к Владивостокскому порту.

Пока сзади был надежный щит – Белая армия, «союзники» беспечно жили в Сибири в 1919 году, спекулируя, скупая ценности и грабя, плетя сети интриг, занимаясь тайными предательствами, жестоко расправляясь с сопротивлявшимся им сибиряками карательными экспедициями…

Теперь на их хвост наступил большевизм. В стремлении спастись и вывезти свои «трофеи» союзники перестали чем-либо стесняться. Предавали и продавали все и всех – и свои честь и достоинство, и Белую армию, и мирное население, и в своей собственной среде одни других. Этот период знаменуется цепью самых гнусных, отвратительных и уже не тайных, а открытых предательств. Перестали пропускаться по русской железной

дороге поезда с русскими беженцами, ранеными и больными. Они тысячами гибли, замерзая в холодных вагонах поездов без паровозов. После Красноярска была предана и попала в руки красных Польская дивизия, составлявшая часть сил «союзников». Дошла очередь до главных сил союзнической армии – чехов.

Но они купили себе право двигаться дальше новым омерзительным предательством – выдачей адмирала Колчака, которому за несколько дней до этого гарантировали свою защиту. Продвигавшейся Белой армии ставился ряд преград и затруднений.

Трудно было сомневаться в том, что эти «друзья» втайне желали отступающей армии гибели в пучинах Байкала, чтобы не осталось в живых опасных для них и неподкупных свидетелей их злодейств и предательств. Участи армии обрекались шедшие с нею семьи – женщины, старики и дети. Для них не было места в 20 тысячах русских вагонов, в которых ехали 40 тысяч чехов и везлось их «благоприобретенное» добро.

Такова была удручающая обстановка, когда армия адмирала Колчака, преданного союзниками и замученного врагами, подходила к озеру Байкал. Можно ли было надеяться хотя бы на небольшую помощь от всех этих «друзей» и «союзников»? Нет! Все наши надежды были, как и раньше, только на чудесную помощь Всевышнего, на то, что Байкал замерзнет раньше срока и пропустит нас с нашими ранеными, больными и семьями.

Байкал, когда начинаются морозы, покрывается льдом сначала у берегов. Середина не замерзает очень долго. Там остается полоса открытой воды – «полынья». Над «полыньей» в безветренную погоду стоит туманное облачко и предупреждает о непроходимости Байкала.

Мы подошли примерно недели на две раньше того времени, когда устанавливается переправа, и на три-четыре недели ранее, когда можно быть уверенным, что переправа уже существует. Санный путь через Байкал открывается во второй половине февраля, иногда в начале марта.

9 февраля передовые части поздно вечером прибыли на берег Байкала в большое село Лиственичное. Жители сообщили, что еще никто не пытался переходить на тот берег.

Наш путь через Байкал лежал на Мысовск, до которого было около 60 верст. Расстояние слишком большое, чтобы сделать его в один переход на усталых лошадях и при полной неизвестности о том, что делается на середине Байкала. Поэтому 10 февраля прошли по льду Байкала вдоль берега на север, к деревне Голоустной, лежавшей против Мысовска. Отсюда переход был в 4 версты.

В Голоустной крестьяне также еще не пробовали переправляться на ту сторону, считая, что рано и опасно. Нужно было выслать разведку, чтобы выяснить, замерз ли Байкал посредине и кто находится в Мысовске. Вызвались на это два офицера Ижевской дивизии – поручик Понятовский и Лучихин. Они переоделись в крестьянское платье. Долго никто из жителей деревни не решался идти проводником. Наконец один молодой парень, после обещания щедрой награды в 25 рублей царскими золотыми, согласился. Старики напутствовали его многочисленными советами, накопленными из опыта десятков лет ими самими и их прадедами.

Трое разведчиков спустились на лед и двинулись в путь, скрывшись вскоре в просторах ледяной пустыни. В передовых частях армии шли деятельные приготовления для завтрашнего перехода. Начальник авангардной Ижевской дивизии – генерал Молчанов, еще будучи молодым офицером, делал съемки на Байкале на острове прокаженных Ольхон и уже тогда познакомился со свойствами Байкала. Он рассказал об особенностях озера и дал инструкции для перехода.

При неожиданной прибыли воды лед на Байкале дает трещины, появляющиеся с оглушительным грохотом. Их бояться не следует. Но нужно запастись досками, чтобы перекрывать трещины мостками. В трещины иногда попадают лошади. В таком случае надо накидывать узду на шею лошади и начинать ее душить. Задыхаясь, лошадь вбирает воздух и легче плавает. Улучив момент, надо за голову и хвост вытолкнуть ее из трещины на лед. Когда лед снова сходится, края трещины ломаются и нагромождают целый вал ледяных осколков. Нужно иметь лопаты для расчистки этих барьеров.

На гладкой как зеркало поверхности льда с истертыми подковами наши лошади скользили и падали. Чтобы «наковырять» дорогу, вперед посылался сборный отряд, составленный из всадников, которым удалось перековать своих лошадей на новые подковы с острыми шипами. 11 февраля утром, не дожидаясь возвращения разведчиков, авангардные части начали переход. Движение шло благополучно.

Трещины покрывались досками, и движение протекало без задержек. Только для несчастных истомленных лошадей этот переход был страшно тяжел. Они скользили и падали, и многие, обессилев, оставались на льду Байкала. После нашего перехода крестьяне подбирали их и вывозили к себе на санях.

Бегут немереные версты одна за другой. Вот и середина Байкала. Всюду крепкий лед. От одного к другому передают, что вернулись с того берега разведчики: весь Байкал проходим, в

Мысовске красных нет, там отряд японцев. Байкал нас пропускает. Байкал пройден. Байкал остался позади, и мы в Забайкалье… Еще один этап борьбы с красным гнетом закончился. На очереди – следующий.

А. Котомкин [159]
О чехословацких легионерах в Сибири [160]

Зима 1919/20 года принесла всей Сибири невиданные ужасы, неисчислимое количество смертей. Длительная трагедия, равную которой трудно найти во всей мировой истории, началась после падения Омска (14 ноября 1919 года), окончилась же весной; последний ее этап видел еще покрытый льдом Байкал.

Фронт как-то неожиданно быстро стал подвигаться от Урала на восток, и вскоре спешно начал эвакуироваться Омск. Армия, измотанная непрерывными боями, морозами и постоянным нервным напряжением, не могла уже сдерживать врага. Начался последний акт обороны, но надежды защитить столицу рушились. Прикрываемое армией из последних сил, началось всеобщее отступление. Русские люди за годы «великой бескровной» навидались великих исходов, но такого ужасного, как был этот сибирский великий исход, не было и – сжалится Господь над Россией – не будет больше.

Эвакуационные поезда длинной лентой вытянулись между Омском и Ново-Николаевском. На 150 верст к западу от Ново-Николаевска растянулись эшелоны эвакуации Омска и стали. Дальше двинуться оказалось невозможным – впереди железная дорога была безвыходно закупорена. Стояли лютые морозы. Сзади накатывалась огненным валом регулярная Красная армия. По сторонам лежала бесконечная холодная сибирская тайга, в которой не разыскать ни крова, ни пищи. Замерзавшие беженцы, кто поздоровее, выходили из вагонов и беспорядочными толпами шли на восток, шли, пока были сильны, а раненые, больные, матери с детьми беспомощно оставались замерзать.

Почему случилось так, что прямая артерия страны – Сибирская магистраль – не смогла послужить эвакуирующимся из Омска, и десятки тысяч беженцев и раненых остались замерзать в тайге? В газете «Дело России», номер 14, 1920 год, так описывалась эта страшная история: «Постепенно замирала жизнь в этих эшелонах смерти. Затихали стоны умирающих, обрывался детский плач, и умолкало рыдание матерей. Безмолвно стояли на рельсах красные вагоны-саркофаги со своим страшным грузом, тихо перешептывались могучими ветвями вековые сибирские ели, единственные свидетели этой драмы, а вьюги и бураны напевали над безвременно погибшими свои надгробные песни и заметали их белым снежным саваном. Главными, если не единственными виновниками всего этого не передаваемого словами ужаса были

чехи. Вместо того чтобы спокойно оставаться на своем посту и пропустить эшелоны с беженцами и санитарные поезда, чехи силою стали отбирать у них паровозы, согнали все целые паровозы на свои участки и задерживали все, следовавшие на запад. Благодаря такому самоуправству чехов весь западный участок железной дороги сразу же был поставлен в безвыходное положение. Более пятидесяти процентов имеющегося в руках чехов подвижного состава было занято под запасы и товары, правдами и неправдами приобретенные ими на Урале, на Волге и в Сибири. Тысячи русских граждан, женщин и детей были обречены на гибель ради этого проклятого движимого имущества чехов».

Доктор Крейчи также описывает это ужасное положение на Сибирской железной дороге, но, как увидим, отнесся к этому весьма прохладно (если не считать риторических рассуждений), беспокоясь только о своих «гошах». Он подтверждает факт отвратительного эгоизма чешских легионеров и их бесцеремонное самоуправство, вернее – фактический захват Сибирской железной дороги.

«…В то же самое время мы должны считаться с опасностью, которая нам угрожает с запада. Красная армия, как уже видно, не остановится в Омске. Все говорит о том, что она пойдет дальше, чтобы захватить всю среднюю Сибирь. Поэтому является главнейшая необходимость, чтобы как можно скорее мы выбирались оттуда на восток. Хотя большевики еще очень далеко, но на магистрали наступает такое положение, которое может стать страшной угрозой нашей эвакуации. Множество русских воинских поездов наскочили на нашу наизападнейшую позицию, почему произошел там страшный хаос и затор. Наше главнокомандование отдало распоряжение, чтобы наши отряды упорядочили дорогу от Ново-Николаевска до Красноярска. И так как это не удалось, то нам ничего более не остается, как помнить только о своих собственных интересах. По приказу ген. Сырового, никакой иной поезд не должен был пропущен на восток впереди наших эшелонов. Не было сделано исключение и для семи поездов, в которых убегает из Омска Колчак с государственным золотым запасом. Бывший Верховный Правитель торчит где-то в безумном заторе на дороге и тщетно возбужденными телеграммами добивается проезда – наше командование отвечает твердокаменным – «нельзя». Я не осмеливаюсь себе даже представить, какое несчастье, какое множество страшных бед заключает в себе эта остановка потока бегущих. Это загромождение пути для тысяч и тысяч русских военных и штатских, которые, будучи мучимы тщетным ожиданием,

проводят целые дни и даже недели в поездах, не могущих тронуться с места, и гибнут при этом от голода, морозов и тифа! Все же было бы для нас гораздо лучше, если бы мы могли еще в начале осени оставить дорогу на запад от Красноярска».

Какое завидное, иезуитское спокойствие! Тысячи и тысячи – в том числе дети – гибнут от холода, голода и тифа, потому только, что дорога захвачена «нашим войском». Поборник права и справедливости, представитель «наигуманнейшего» президента Масарика, полномочный посланец республики, сделал ли он хоть один шаг, чтобы прекратить это вопиющее безобразие, эту неслыханную жестокость? Нет, ни одного шага не сделал, ни одним пальцем не пошевелил. Раненые и больные, дети и старики так и остались в снегах, остались замерзать… А его «ксенофонтовы воины», его превзошедшие Александра Македонского, от Геродота еще невиданные храбрецы и герои при одном только еще далеком стуке копыт большевистского коня ринулись бежать, как спугнутое звериное стадо… Они именно панически бежали, забыв все, как обезумевшие звери, не считаясь решительно ни с чем и ни с кем!

Горькой иронией звучит незадолго перед этим выпущенный чехами известный Иркутский меморандум, в котором они обратились ко всему культурному миру, жаловались на реакционную власть Колчака, допускавшую жестокости и несправедливости. Да не как-нибудь жаловались, а взывали во имя человечности, вопияли ради справедливости, возмущались, как рыцари добра и защитники обижаемых. Да, то были хорошие, светлые слова, слова для европейской сцены, кимвал, бряцающий для Европы, а здесь же, за русскими кулисами, – о, здесь, на деле совсем другое. Здесь можно все, ведь русские – дураки, да и бессильны, в кровавой грязи затоптанные лежат.

После крокодиловых слез культурный европеец, посланец президента Массарика, меланхолически рассуждает: «Колчак, остановленный нами на своем пути, не будет смотреть на нас дружески. Конфликт с ним явится неизбежным. Хорошо, если бы нам еще загодя удалось повлиять на левое колчаковское крыло, на демократических кадетов и на прогрессивную буржуазию, чтобы создать новую власть, которая удовлетворила бы земцев и социалистов. В этом именно направлении в этих иркутских кругах и работает д-р Гирса, и уж с 20 ноября начинают говорить об улучшении положения».

Положение, как мы уже знаем, с Рождества «улучшилось». Маленький Макиавелли, доктор Гирса, потрудился – власть от Иркутстка до Нижне-Удинска перешла в руки эсеров, и сам адмирал, только что прибывший в Нижне-Удинск, оказался в

сфере этой новой власти. Хаос и ужас, воцарившиеся на железной дороге, паническое самоуправство чехов, а также беспомощное топтание «главнокомандующего» генерала Жанена обрисовываются из нижеприводимых телеграмм.

28 ноября тогдашний командующий Сибирской армией генерал Сахаров секретно сообщает: «Иркутск, генералу Сыровому, генералам Жанен и Нокс, Владивосток, главнокомандующему японскими войсками Оой, представителю техсовета Стивенсу. Начальнику Томской ж. д. было приказано из пропускаемых эвакуированных эшелонов вывозить не менее 12 эшелонов в сутки. Запрошенный о причинах невыполнения приказания начальник дороги донес следующее: «Вмешательство чешских войск опрокинуло все расчеты. Когда паровозы забираются принудительным порядком и угрозами, то планомерная работа невозможна. Чехи своими эшелонами забирали паровозы из Тайги и гнали их до Боготола и Красноярска, не считаясь ни с какими заявлениями администрации. Назначенные из Красноярска для усиления Тайги и Томска паровозы чехи не выпускают из Красноярска. Точно так же не пропускают боготольские паровозы для оказания помощи Тайге. Запас угля из-за отсутствия паровозов упал до 150 тысяч пудов при расходе ежедневно 160 тысяч. Погруженные углем вагоны не продвигаются, а порожняк не может быть подан вследствие насильственного захвата паровозов». Из этого донесения совершенно ясно, что при таком отношении чешских войск к железнодорожному аппарату неминуема гибель нескольких сотен наших эвакуированных людских эшелонов, находящихся к западу от Тайги; в числе этих эшелонов обречено на гибель много эвакуируемых представителей и граждан союзных держав. Катастрофа неминуемо должна разразиться и над чешскими эшелонами, которые, забирая паровозы от угольных поездов, не дают продвигать порожние вагоны в угольные копи. Кроме того, чешскими поездами забиты крупные распорядительные станции Томской дороги, и движение всей массы наших эвакуируемых эшелонов происходит чрезвычайно медленно, вследствие чего в эшелонах развилась эпидемия тифа и смертность достигла ужасающих размеров… Спасти положение еще можно, если чешские войска будут отправляться в числе трех эшелонов в сутки с каждой распорядительной станции и будут подчиняться требованиям жел. дор. администрации. Если Ваше Превосходительство не в силах разрешить удовлетворительно этот вопрос, то прошу о назначении в Красноярск распорядительной комиссии от представителей союзного, чешского и русского командования для урегулирования

перевозки чешских войск, которая должна производиться непререкаемым распоряжением главначвоса и министра путей сообщения Устругова, по заданиям, вырабатываемым комиссией. Если и это окажется недействительным, то все равно, видя перед собою верную гибель, нам не останется ничего, как решиться на последнее средство, которое я здесь не называю. Прошу срочного ответа. Н. Николаевск. 28 ноября. № 391».

Телеграмма генерала Жанена: «Иркутск. 18 ноября 1919 года. Его Превосходительству господину Третьякову. Я получил сегодня утром циркулярную телеграмму Колчака. Он обращается к помощи дипломатических представителей по поводу некоторых мелких фактов, для того чтобы представить ряд неопределенных ходатайств, которые трудно удовлетворить даже в нормальное время. Априори, я не могу не констатировать, что эта телеграмма еще более затрудняет возможно скорое и удовлетворительное разрешение положения, к чему мы оба стремимся. С одной стороны, невозможно в порядке следования выяснить неопределенное число эшелонов неустановленного назначения, из коих некоторые не представляют никакой пользы (поезда с военнопленными, как это имело место последние дни, поезда с материалами, не могущими быть использованными в настоящих условиях, поезда с русскими беженцами, направляющимися на Дальний Восток, поезда автомобильной школы и т. д.). К тому же, чтобы это сделать, было бы необходимо иметь список этих поездов. Вашему Превосходительству известно, как мне, что некоторые поезда, быстрой отправки которых желали все дипломатические и военные представители, как, например, эшелоны с завозом, остались позади, благодаря адмиралу. Эта просьба слишком неопределенна. Тем не менее я должен добавить, что опубликование телеграммы № 215 и следующих адмирала будет, к моему сожалению, рассматриваться чехословаками как вид объявления войны. Соответствующее состояние умов лишит результатов всякого вмешательства, которое я желал бы предпринять для удовлетворения требованиям положения дел. После этой телеграммы мое вмешательство может только вызвать нежелательный результат, и некоторые приказы рискуют привести к формальному непослушанию и бунту. Как я только что осведомился, приняты меры, чтобы поезд адмирала, поезд генерал-квартирмейстера и поезд г. Пепеляева продолжали свой путь. Я буду продолжать делать что могу, и, как я вам сказал во время нашей первой беседы, мое желание – помочь русскому народу в его тяжелых страданиях. Я забыл еще заверить ваше превосходительство, что два поезда с золотом будут взяты под особую охрану и

доставлены сюда. Генерал Жанен».

Как видит читатель из этой телеграммы, генерал Жанен был простой марионеткой, он не только не командовал, но он даже боялся вмешаться в творимые безобразия, он приглядывался к «состоянию умов» и соглашался со всем, ибо знал, что никто его не послушает. Положение на железной дороге получилось такое, что русские не смели и думать даже воспользоваться своей собственной дорогой. На адмирала Колчака за его требования просто цыкали. Между прочим, отношение к адмиралу – уничижительное обращение с ним лично – просто поражает и напоминает какое-то ослиное лягание, недостойное офицера. Когда это еще делает генерал Сыровой – удивляешься, но не очень – традиции не крепки в генерале, недавнее коммивояжерство выпирает. Но когда это делает генерал Жанен, представитель армии великой державы, армии старой, с давними устоями, щеголяющей воинской честью, – удивляешься, и очень удивляешься.

Захват чехами железной дороги в свое исключительное пользование вызвал невозможность дальнейшего планомерного отступления Сибирской армии. Она не имела куда укрыться, увернуться от наседавшего врага. К ее услугам оставалась, если хотите, застывшая под снежным покровом сибирская тайга, таежные санные дороги, безлюдные просторы, скованные морозами. Это кажется невероятным, но так и случилось – Сибирская армия сошла с железной дороги и по льдистым рекам, тайгою стала уходить на восток. Так провела Сибирская армия на морозах и в снегах всю зиму, не расставаясь с седлом, проделала путь через всю Сибирь и в январе 1920 года вышла в Забайкалье.

Задержание в пути адмирала Колчака подняло в армии взрыв негодования, и 18 декабря главнокомандующий генерал Каппель телеграфно вызвал генерала Сырового на дуэль – за оскорбление Русской армии. Но, как говорится, «Васька слушает да ест» или еще – «брань на вороту не виснет», – генерал Каппель даже не получил ответа.

Последний бой, который Сибирская армия дала большевикам под Красноярском, был последним ударом для нее – она была разбита. Отдельными отрядами разошлись ее остатки по таежным дорогам, кто на север, кто на восток. Потом, в ужасных условиях, отряды кое-как собрались вместе и под началом генерала Каппеля стали пробираться на восток, в надежде пробиться на Иркутск и закрепиться там. Двигались они по возможности параллельно железной дороге. К каждому селу подходили с опаской – нет ли красной засады. Одеты – кто во что, патроны – на вес золота, довольствие зависело от местного населения – когда

большевиками село не ограблено, так сыты, а то и несколько дней идут впроголодь. От железной дороги часто их отгоняли – удалялись опять на север таежными дорогами, в обход, минула опасность – спускались и опять дальше, все в заветном направлении – на восток. Этот Сибирский Ледяной поход прекрасно описан генералом Сахаровым в его книге «Белая Сибирь». О нем в Европе почти не знают.

У адмирала Колчака не было никаких надежд соединиться с армией, и он, вероятно, даже не имел точных сведений, где находятся войска. Плененный чехами, адмирал целый месяц находился в мучительной неизвестности, и везли его черепашьим шагом, из милости, с постоянными издевательствами. 29 декабря, когда поезд стоял в Нижне-Удинске, от генерала Жанена получена была телеграмма следующего содержания: «1) Поезд Верховного Правителя задержать. 2) Золотой запас передать чешской охране. 3) Железную дорогу считать нейтральной зоной и не допускать на ней военных действий».

В Нижне-Удинске в это время уже была желательная чехам власть, и можно себе представить, что переживал адмирал Колчак (ибо местные власти все время требовали его выдачи, митинговали перед самыми окнами его вагона). 4 января он просит генерала Жанена доставить его семь литерных поездов в Забайкалье и сообщает, что подписал бумагу о передаче власти во всей восточной российской окраине атаману Семенову. 5 января от генерала Жанена последовало распоряжение: «Из всех литерных эшелонов на Восток будет пропущен только один вагон, в нем могут ехать лишь адмирал, как частное лицо, и его сопровождающие».

Адмирал ответил: «Я не могу оставить своих спутников на растерзание безумной толпы и остаюсь делить с ними участь». От генерала Жанена получено: «Я все сделал, что мог».

Адмирал предложил своему конвою и спутникам разойтись, кто может. В это время офицерами был предложен разработанный план – бежать из поезда и пробираться в Монголию, – адмирал отказался. Это был его второй отказ от этого плана. 8 января 1920 года вагон адмирала, прицепленный к чешскому эшелону, вышел со ст. Нижне-Удинск на восток. Вагон был битком набит, в нем помещалось 100 человек. На вагоне были вывешены пять союзных флагов: Франции, Англии, Америки, Японии и Чехословакии. 13 января адмирал Колчак проезжал ст. Черемхово (крупный рабочий центр – депо и угольные копи), где к чешской охране присоединилась охрана Иркутского «Политического Центра». 15 января прибыли в Иркутск. На вокзале стояли шпалерами войска «Революционной армии»…

Итак, перевернута самая темная страница из пребывания чехов в Сибири. Адмирал Колчак, безоружный, уже частный человек, был передан ими с рук на руки в Чека, на смерть. Его передал полномочный представитель президента Массарика доктор Благош, заменявший в то время в Иркутске доктора Гирсу. Мы видели, как подготовлялся этот зловещий финал. Этим генералы Сыровой и Жанен закончили длинный ряд «славных» дел, закрепили свои имена в истории. Да, в сибирскую лютую зиму 1919/20 года имена эти под каждым снежным сугробом повторялись с проклятиями. Впрочем, что им заочные проклятия умирающих в тайге «русских дикарей», их не смущали ни прямые вызовы на дуэль, ни вопли о пощаде в виде открытых писем и телеграмм. Ниже я приведу два открытых письма, напечатанных в дальневосточных газетах 1920 года. Первое письмо – капитана польских войск – обрисовывает положение 5-й польской дивизии, которая по милости чехов должна была сдаться большевикам на ст. Клюквенная.

«Открытое письмо генералу Сыровому. Как капитан польских войск, славянофил, давно посвятивший свою жизнь идее единства славян, обращаюсь лично к Вам, генерал, с тяжелым для меня, как славянина, словом обвинения. Я, официальное лицо, участник переговоров с Вами по прямому проводу со ст. Клюквенная, требую от Вас ответа и довожу до сведения Ваших солдат и всего мира о том позорном предательстве, которое несмываемым пятном ляжет на Вашу совесть и на Ваш «новенький» чехословацкий мундир. Но Вы жестоко ошибаетесь, генерал, если думаете, что Вы, палач, славянин, собственными руками похоронивший в снегах и тюрьмах Сибири возрождающуюся Русскую армию с многострадальным русским офицерством, 5-ю Польскую дивизию и полк сербов, и позорно предавший адмирала Колчака, безнаказанно уйдете из Сибири. Нет, генерал, армии погибли, но славянская Россия, Польша и Сербия будут вечно жить и проклинать убийцу возрождения славянского дела.

Я приведу только один факт, где Вы были участником предательства, и его одного будет достаточно для характеристики Иуды славянства, Вашей характеристики, генерал Сыровой. 9 января сего года от нашего польского командования, с ведома представителей иностранных держав, всецело присоединившихся к нашей телеграмме, было передано следующее: «5-я Польская дивизия, измученная непрерывными боями, дезорганизованная беспримерно трудным передвижением по железной дороге, лишенной воды, угля и дров, и находящаяся на краю гибели, во имя гуманности просит Вас о пропуске на восток пяти наших эшелонов (из числа 56) с семьями воинов, женщинами, детьми,

ранеными, больными, обязуясь, предоставив Вам в Ваше распоряжение все остальные паровозы, двигаться дальше боевым порядком в арьергарде, защищая, как и раньше, Ваш тыл».

После долгого, пятичасового, томительного перерыва мы получили, генерал, Ваш ответ, ответ нашего брата славянина: «Удивляюсь тону Вашей телеграммы. Согласно последнему приказанию генерала Жане-на, Вы обязаны идти последними. Ни один польский эшелон не может быть мною пропущен на восток. Только после ухода последнего чешского эшелона со ст. Клюквенная Вы можете двинуться вперед. Дальнейшие переговоры по сему вопросу и просьбы считаю законченными, ибо вопрос исчерпан». Так звучал ответ Ваш, генерал, добивший нашу многострадальную 5-ю дивизию.

Конечно, я знаю, что Вы можете сказать мне, как и другим, что технически было невозможно выполнить наше предложение; поэтому заранее говорю Вам, генерал, что те объяснения, которые Вы представили и представляете другим, не только не убедительны, но и преступно лживы. Мне, члену комиссии, живому свидетелю всего происходившего, лично исследовавшему состояние станц. Клюквенная, Громодская и Заозерная, Вы не будете в состоянии лгать и доказывать то, что доказывали генералу Жанену. Если бы Вы, не как бесчестный трус, скрывавшийся в тылу, а как настоящий военачальник, были бы среди Ваших войск, то Вы увидели бы, что главный путь был свободен до самого Нижне-Удинска. Абсолютно никаких затруднений по пропуску пяти наших эшелонов быть не могло. У меня есть живые свидетели, специалисты железнодорожного дела, не поляки, а иностранцы, бывшие 7, 8 и 9 января на ст. Клюквенная, которые, несомненно, подтвердят мои слова.

Я требую от Вас, генерал, ответа только за наших детей и женщин, преданных Вами в публичные дома и общественное пользование «товарищей», оставляя в стороне факты выдачи на станциях Тулуне, Зиме, Половине и Иркутске русских офицеров на моих глазах, дружественно переданных по соглашению с Вами, для расстрела, в руки товарищей.

Но за всех их, замученных и расстрелянных, несомненно, потребуют ответа мои братья-славяне, русские, и Великая Славянская Россия. Я же лично требую от Вас ответа хотя бы только за нас, поляков. Не я, а беспристрастная история соберет все факты и заклеймит позорным клеймом, клеймом предателя Ваши деяния.

Я же лично, как поляк, офицер и славянин, обращаюсь к Вам: К барьеру, генерал! Иначе я называю Вас трусом и подлецом, достойным быть убитым в спину.

Капитан Польских Войск в Сибири Ясинский-Стахурек. 5 февраля 1920 года».

Генерал Сыровой ничего не ответил на это письмо, как не ответил он и раньше на вызов к барьеру генералом Каппелем. В Харбине же он получил за успешную эвакуацию от генерала Жанена орден Почетного легиона.

А вот что пишет генералу Жанену другое лицо, полковник Сыробоярский: «Как идейный русский офицер, имеющий высшие боевые награды и многократные ранения и лично известный Вам по минувшей войне, позволяю себе обратиться к Вам, чтобы высказать о том леденящем русские сердца ужасе, которым полны мы, русские люди, свидетели небывалого и величайшего предательства славянского нашего дела теми бывшими нашими братьями, которые жертвами многих тысяч лучших наших патриотов были вырваны из рабства в кровавых боях на полях Галиции. Я лично был ранен перед окопами одного славянского полка австрийской армии, находящегося ныне в Сибири, при его освобождении от рабства. Казалось, год назад мы получили заслуженно справедливую братскую помощь, когда, спасая только свои жизни, бывшие наши братья чехи свергли большевистские цепи, заковавшие весь русский народ, ввергнутый в безвыходную могилу. Какой стихийной волной по Сибири и по всему миру пронесся восторг и поклонение перед чешскими соколами и избавителями. Одним порывом, короткой и победной борьбой чехи превратились в сказочных богатырей, в рыцарей без страха и упрека. Русский народ на долгие поколения готовился считать их своими спасителями и освободителями.

Назначение Ваше на пост Главнокомандующего всеми союзными войсками в Сибири было принято всюду с глубоким удовлетворением. Но вот с Вашего приезда чешские войска начали отводиться с фронта в тыл, как сообщали, для отдыха от переутомления. Русские патриоты, офицеры, добровольцы и солдаты, более трех лет боровшиеся с Германией за общие с Вашей Родиной идеалы, своей грудью прикрыли уходивших чехов. Грустно было провожать их уходившие на восток эшелоны, перегруженные не столько боевым имуществом, но более всего так называемой военной добычей. Везлась мебель, экипажи-коляски, громадные моторные лодки, катера, медь, железо, станки и другие ценности и достояние русского народа. Все же верилось, что после отдыха вновь чешские соколы прилетят к братьям русским, сражавшимся за Уральским хребтом. Но прошел почти год, и мы вновь свидетели небывалого в истории человечества предательства, когда славяне-чехи предали тех братьев, которые, доверившись им, взяли опущенное ими оружие

и пошли защищать идею славянства и самих их от большевиков. И вот, когда они, спокойно оставив в тылу у себя братьев, оторвавшись на тысячи непроходимых верст, приняли на себя все непосильные удары и, истомленные и обессиленные, начали отходить, поднялись ножи Каинов славянства, смертельно ударивших в спину своим братьям. Я не знаю, как и кем принимались телеграммы от русских вождей-патриотов, полные отчаяния, с смертельным криком о пощаде безвинных русских бойцов, гибнущих с оружием в руках, защищая непропускаемые чехами эшелоны с ранеными и больными, с семьями без крова и пищи, с женщинами и детьми, замерзающими тысячами. Я прочел телеграмму генерала Сырового, которая еще более убедила нас всех в продуманности и сознательности проведения чехами плана умерщвления нашего дела возрождения России. Кроме брани и явного сведения личных счетов с неугодным чешскому командованию русским правительством и жалкой попытки опровергнуть предъявленные к ним обвинения в усугублении происходивших бедствий Русской Армии и Русского Народа, в них не было ничего. А что думает г. Сыровой о брошенных и подставленных под удары большевиков братьях поляках и сербах, кровавыми жертвами устилающих свой путь?

Ваше Превосходительство! Ваш преждевременно поспешный отъезд в тыл возглавляемых Вами частей лишил Вас возможности быть непосредственным свидетелем и беспристрастным судьей всех ужасных преступлений, производимых Вашими подчиненными. Сведения, поступающие к Вам из источников явно тенденциозного свойства, не могли дать истинной картины всего происходящего. Лучший судья человечества – время – даст будущей истории и фактические данные о роли возглавляемых Вами чехов в переживаемые тяжкие дни России. Сейчас, когда уже замерли предсмертные стоны умирающих армий и их героев вождей и когда некому и не о ком безнадежно молить у Вас о пощаде, я позволю себе высказать Вам то, что прошло на моих глазах за два месяца эвакуации из Омска. Чехи, своей подготовительной работой разложив глубокий тыл наших армий, захватив и парализовав единственную магистраль, дававшую армиям жизнь, в то же время укрепляли тот несложный эсеровский, а вернее большевистский рычаг, который позволил кучке негодяев воспользоваться слабостью доверенного чехам тыла, чтобы создать хаос и дезорганизованность, тем более что чехи открыто содействовали негодяям и убийцам. Объявив нейтралитет железной дороги, допустили пользование ею восставшим, но воспретив это даже Верховному Правителю. На некоторых пунктах линии железной дороги с первых дней

восстания из чешских броневиков выдавалось вооружение так называемой «народной» армии, с которой они установили соглашение о взаимном нейтралитете до ухода чехов. Задерживались и выдавались наши офицеры, едущие на восток. Вы, Главнокомандующий союзных частей со дня своего приезда, не зная обстановки, осуждали атамана Семенова из-за его недоразумения с Верховной властью, а теперь со всей Вашей армией готовы видеть в нем врага за то, что он остался верен той власти, в подчинении которой Вы ранее его лично убеждали и от которой Вы так быстро отвернулись.

Просто в тупик становишься от сопоставления всех производимых Вами – нашими союзниками – опытов с нашей больной и искалеченной Россией. Неужели же кошмар событий сдачи Одессы уже изгладился из Вашей памяти? Но ведь то, что происходит сейчас в Сибири, несравнимо с предательством Одессы, похоронившей в себе все, что было лучшего, честного и идейного в ней. Неужели же и здесь, в Сибири, существует неумолимое решение не дать даже одиночным борцам, которых вы снабжали оружием, одеждой и тем самым поддерживали в борьбе с большевиками, выйти из той искусственно созданной Вами обстановки, где они неминуемо должны погибнуть. Об издевательствах и оскорблениях, нанесенных чехами главе и представителю Русской армии адмиралу Колчаку, говорить не приходится, так как неожиданная перемена в поддержке неформально признанной Вами Всероссийской власти вызывает сомнения в чистосердечности прежних отношений. Скажите же, наконец, Ваше слово о Вашем отношении ко всем ужасам происходящего. Если Вы глава без командования и подчиненности Вам чехов, что открыто обсуждается всеми, то мы не будем связывать все разыгрываемые сейчас как по нотам события с Вашим именем, как представителя и ответственного исполнителя приказов французского правительства. В таком случае скажите Вашей далекой Франции, что русские патриоты не верят, что ей чужды страдания тех, кто спас ей Париж, и они просят если не помощи себе, то хотя бы непокровительства тем, кто в данные дни является предателями нашего святого дела возрождения Родины. Полковник Сыробоярский. 14 января 1920 года. Ст. Черемхово».

Второе открытое письмо к генералу Жанену: «Г. генерал. Я вынужден продолжить к Вам свое слово, но не с новыми вопросами, а с последним словом русского офицера к генералу французской службы, позором и предательством покрывшим свой голубой мундир не только, я уверен, в глазах непосредственных свидетелей текущих событий, но и всего человечества, всего

мира. Я, только что хранимый судьбой, избегнув предательства чехо-командования, приказавшего меня арестовать, прибыл в Иркутск. Ужас, парализовавший понимание совершенного Вами, охватил меня. Верховный Правитель и Главнокомандующий Русских Армий, адмирал Колчак, подлым и гнусным и позорным способом предан Вами. Иркутские газеты сообщают о гнусном воровстве русского народного достояния – золота, переданного Вашим приказом возглавляемым Вами «рыцарям» чехам. Невозможно перечислить все подобного рода «подвиги» Ваших войск, но каждый новый превосходит предыдущий, и мы со стиснутыми зубами ждем конца им. Но неужели же Вы, г. генерал, думаете, что, предав на позорную смерть врагам человечества нашего Верховного Правителя, Вы удушили слова истины, похоронив их на снеговых полях Сибири, среди погибающих там русских патриотов, или Вам привет из гостеприимно Вами приготовленной Иркутской тюрьмы? Но помните, генерал, что русский патриот и рыцарь может взойти и на эшафот незапятнанным джентльменом, чего нельзя заслужить никаким цветным мундиром, прикрывающим ничтожество, предательство и трусость.

Остановите же, генерал, свой постыдный бег на восток под охрану американских, японских и чешских штыков, в район атамана Семенова, еще не зараженный Вашей работой. Разоружение частей атамана Семенова в Верхне-Удинске ясно расшифровывается всеми как новая гнусная провокаторская попытка обмануть будущих судей Ваших преступлений, валив на атамана Семенова и на его войска всю вину в безграничном хаосе Вашей чешской эвакуации. Оглянитесь назад. Неужели Ваше место в позорном тылу Ваших погибающих войск? Если Вы позорите себя, то пощадите мундир Вашей благородной родины, ведь она мать, вверившая Вам детей поляков, румын, сербов. Ведь Вашими стараниями и воспитанием братья чехи, удушив своих слабейших братьев, похоронили их в вырытых ими могилах. Но справедливое возмездие близится и для чехов. Неужели же Вы, не ожидая его, хотите бежать, спасая себя, на восток? Взгляните, какие кровавые следы отмечают Ваш путь. Знаете ли Вы, какие ужасные проклятия несутся Вам вслед от всех брошенных и загубленных Вами братьев русских, поляков, румын и сербов? Неужели же благородная Франция позволит Вам вступить своими окровавленными братской кровью ногами на землю, освященную кровью тех, кто дал ей победу? Полковник Сыро-боярский. Город Иркутск. 17 января 1920 года».

У легионерского историка доктора Штейдлера в его книге «Чехословацкое движение на Руси» есть очень откровенные

страницы, повествующие о днях январских. Эти страницы восстанавливают полную картину, предшествовавшую выдаче адмирала Колчака, подтверждая все нами вышеприведенное: «… Последним организованным остаткам Сибирской армии ген. Каппеля, идущим за нами, достигнувшим в начале января линии Ачинск – Красноярск, был путь на восток внезапно заперт. Попытка каппелевцев пробиться 5 января с боем через Красноярск окончилась неудачей, и Сибирская армия, отброшенная от магистрали, принуждена была предпринять страстнотерпный воинский поход по трактам и замерзшим рекам до Забайкалья. Тремя днями позднее последние чехословацкие эшелоны находились только в 100 верстах восточнее Красноярска на ст. Клюквенная. Того же дня, именно 8 января, Красноярск был занят авангардом регулярной Красной армии, и таким образом создалось серьезное положение нашего арьергарда. Часть Польского легиона, находящаяся еще западнее Красноярска, и все остальные польские эшелоны, стоящие между Красноярском и Пинчино, с тремя эшелонами сербов, – были 10 января 1920 года настигнуты неприятелем. Катастрофа нашего арьергарда была полнейшая. Целая польская дивизия и сербский полк добровольно сдались небольшому советскому отряду, исключая малые остатки, сохранившиеся в чехословацких эшелонах.

Благодаря этому событию наши эшелоны пришли к прямому соприкосновению с большевистским авангардом. Чехословацкое командование, желая избегнуть нового конфликта, который означал бы, вопреки директивам с родины, задержку нашей эвакуации на неопределенное время, выслало 11 января парламентеров к большевистскому авангарду. Большевики, возгордившись неожиданным успехом, сдачей целой польской дивизии, – встали, однако, против продолжения эвакуации чехословацкого войска на восток, категорически потребовали выдать оружие, считать себя за военнопленных и, как таковые, отправляться под охраною Советов домой через Запад.

Вследствие этого естественно, что переговоры были прерваны с чехословацкой стороны, и 12 января наши части оставили ст. Клюквенная, на следующий день занятую авангардом красных. Для сокращения количества эшелонов вышел наш 2-й кавалерийский полк на конях и прикрывал таким образом отъезд 12-го полка, стесненного только в двух поездах. Большевистская артиллерия покушалась, обстреливанием нашего заднего отряда, открыть бой, но наши части, замешкавшись только на взрыве мостов и полотна железной дороги, как можно скорее уходили из зоны досягаемости Красной армии.

В тот момент русская демократия, которой удалось свергнуть

режим Адм. Колчака, собственно, главным образом, благодаря нашему благожелательному ей нейтралитету и благодаря тому, что нашей воинской силой была на Байкале ликвидирована опасность, грозящая ей от семеновцев, – держалась к политике чехословацкого войска недоверчиво и подозрительно. Одной из причин было наше запутанное отношение к Адм. Колчаку. Поезда его вместе с остатками казанского золотого запаса дошли в начале января 1920 года только до Нижне-Удинска, где застиг их уже политический переворот. Колчак, личная стража которого, кроме офицеров, разом перешла к повстанцам, в критической для него ситуации обратился к помощи дипломатического корпуса в Иркутске. Высокие комиссары союзных держав взяли Адм. Колчака под охрану, как частное лицо, ибо перед тем, 4 января, он заявил свое решение сложить власть и подписать соответствующий отступной декрет по приезде в Верхне-Удинск. Так как единственною союзною силою были там только наши эшелоны, то проведение охраны бывшего верховного правителя и золотого запаса было поручено чехословакам… Так иронией судьбы случилось, что чехословацкое войско, выполняя волю союзников, принуждено было взять на себя охрану ненавидимого Правителя и подвергнуться новым нападкам сибирской демократии, требующей суда над Адм. Колчаком. Это неестественное отношение чехословацкой охраны Адм. Колчака становилось чем далее, тем более ненадежным и, в особенности, в связи с описанным неуспехом мирных переговоров с большевиками, грозило если не всей нашей эвакуации, то большей части войска, находящегося еще до сих пор западнее Байкала. Особенно чувствовалась объявленная забастовка черемховских каменноугольных копей, саботаж железнодорожных служащих – все это требовало наискорейшего успокоения. Поэтому, по приказу генерала Жанена, Адм. Колчак и министр-председатель Пепеляев были отвезены в Иркутск и там 15 января сданы властям «Политического Центра» для суда особой Чрезвычайной Комиссией. Золотой же запас остался под смешанной чехословацко-русской стражей на Иркутском вокзале…

Одновременно с этими событиями и целая ситуация для нашего заднего звена, угрожаемого большевиками, начала улучшаться. Отступающие остатки Каппелевской армии, пробивающиеся дорогою параллельно магистрали, грозили настоящей погибелью всем новым советским властям в городах на магистрали, воински еще не укрепленных и ожидающих усиления только от прихода регулярных войск большевистской армии. Победный бой Каппелевского передового отряда 19 января 1920

года на ст. Ук уничтожил большевистскую власть в Нижне-Удинске, совет скрылся, а разбитые красноармейцы прибежали с просьбой об охране к чехословацким эшелонам. Естественно, что дальнейший успех Каппелевцев усилил бы еще более хаос политически-военных отношений на магистрали».

Значит, короче говоря, особа покойного адмирала Колчака весьма и весьма послужила для содействия чешской эвакуации, а именно: чехи захватили его для того, чтобы откупиться им от преследующих большевиков… Сунулись было с мирными предложениями, но ушли «несолоно хлебавши». Отвезли его в Иркутск и сдали в тюрьму – тогда большевики стали милостивее – «ситуация улучшилась». В своем позорном бегстве от большевиков чехи непрерывно бросали им умилостивительные жертвы: сначала вагоны-саркофаги омской эвакуации, потом отобранная у Русской армии железная дорога, армия кинута в снежную тайгу, затем Польский легион, прикрывавший тыл бегущих чехов, покуда мог, а также полк сербов. Но и эти умилостивительные жертвы, удивительные по жестокости и столь обильные, что едва ли древние язычники для умилостивления своих идолов приносили столько человеческих жертв сразу, – Красного Молоха не умилостивили.

Красные шли дальше, ближе к своей цели. А что было этой целью? Армия обезврежена, и добивать ее не надо, сама погибнет в снегах, аппарат верховной власти Колчака разрушен, тыл захвачен, то есть сделан советской власти грандиозный новогодний подарок! И как говорится, ни «за понюх табаку» – даром все получили, за один конский топот «небольшого советского отряда».

Остается одно, последнее – уничтожить самого адмирала Колчака. Тут чехи сделали «маленький обход» с целью выиграть время – они повезли Колчака не прямо на запад, в руки красных, а на восток, в Иркутск, и там держали его как выкуп, передав в тюрьму «для суда демократии». «Демократия» же эта, сидевшая на плечах чехов, ровно через 10 дней «в полном порядке» превратилась в советскую власть, причем, естественно, отношение к чехам в Иркутске не переменилось, а, как пишет доктор Штейглер, осталось приятельским.

Из этого «обхода» проистекли дальнейшие беды: каппелевцы, о которых уже забыли и жертвоприносители, и истуканы, вдруг вылезли из тайги, собрались с последними силами и испортили всю с таким трудом налаженную идиллию – начали поколачивать встречные Совдепы. Чехи забеспокоились – не ровен час, выбьют каппелевцы местных большевиков, захватят опять власть белые – скверно ведь будет после всего!.. И большевики в панику

ударились – если каппелевцы выбьют местных красных, то они захватят Иркутск, первым делом выпустят Колчака и, чего доброго, придется начинать все сначала. Надо во что бы то ни стало не дать каппелевцам усилиться и не дать им разогнать местных большевиков, а как это сделать? Самим нельзя, далеко еще, но можно через чехов – стоит только «ухудшить ситуацию».

И ситуация ухудшается – второе мирное предложение, уже сделанное большевиками в двадцатых числах января на ст. Венгерка, увеличило требования большевиков и заострило старые. Кроме того, были высланы красные воинские колонны, грозившие отрезать задние чешских эшелоны около ст. Тайшет. Молох требовал новых жертвоприношений… В дальнейшем мы и увидим, чем чехи улучшили свою ситуацию.

Будущий историк соберет рассеянное по сибирским дорогам, по дикой тайге и незнакомым селениям подвижничество остатков Сибирской армии, и Ледяной Великий поход каппелевцев через всю Сибирь восстанет перед потомками во всей своей скромной славе. Каждый день этого мученического похода будет известен нам, каждое событие армии отметит какое-то место на сибирской карте. Теперь же наше дело современников-очевидцев – рассказать о них то, что глаза наши видели и уши слышали.

Временами побеждая местных большевиков, каппелевцы все же не смогли закрепиться на магистрали, ибо чехами железная дорога была объявлена нейтральной, и боев на ней не допускалось. Каппелевцы шли дальше, рассчитывая сконцентрироваться у Иркутска.

При подходе к ст. Зима каппелевцы узнали, что из Иркутска им навстречу высланы красные войска. На станции же Зима скопилось большое количество чешских эшелонов 3-й дивизии. Здесь случайно чехи были вовлечены в бой и помогли измученным каппелевцам выиграть бой. «Случайно же» это произошло вот как – мне рассказывал один енисеец-хорунжий, между прочим известный ученый-почвовед и участник Обской экспедиции, которого Гражданская война сделала «свирепым» хорунжим.

У чехов было заключено с большевиками условие, чтобы в свои эшелоны русских не принимать, и отставшим от армии отрядам или одиночным русским приходилось пускаться на разные хитрости, чтобы проехать по железной дороге в чешских эшелонах, причем не обходилось и без трагических курьезов. Так, например, часть енисейских казаков, спасаясь от большевиков, проехала в Читу в чешских эшелонах, но… в пустых гробах! Днем енисейцы забирались в новые гробы, стоящие в теплушке-мастерской, закидывали себя стружками и лежали не шевелясь.

Ночью же выползали, крались между вагонами, заглядывали в благополучные чешские теплушки.

И вот когда каппелевцы подошли к Зиме, а против них на станцию приехали красные эшелоны из Иркутска, енисейцы сыграли с чехами маленькую «шутку»: чтобы заварить хорошую кашу и оттянуть силы красных от измученных каппелевцев, казаки подкрались в пустой чешской теплушке со стороны большевиков и бросили внутрь ручную гранату. Раздался невероятный взрыв, переполох и крики:

– Красные стреляют по чешским эшелонам!

Надо сказать, что как раз начальник 3-й чешской дивизии, полковник Прхала, и его начальник штаба, майор Квапил, – отличнейшие солдаты, одни из тех немногих офицеров, у которых чувство воинской чести не было спрятано в карман. Они тяготились бездельем среди насыщенной атмосферы войны. Может быть, они рады были случаю побить красных, тем более что силы красных здесь были ничтожны. Красная армия еще была далека.

Моментально раздалась команда: «По коням!» Вместе с каппелевцами чехи окружили красных, и в результате красный десант был взят в плен. За эту помощь каппелевцам полковник Прхала и майор Ква-пил по телеграфу получили сильный нагоняй от генерала Сырового и приказ: тотчас же выпустить всех пленных, возвратив им оружие. Каппелевцы говорили, что «потихоньку» они, каппелевцы, были снабжены и оружием от 3-й дивизии.

Подход каппелевцев к Иркутску вызвал в красных панику. Город заградился баррикадами, и началась даже частичная эвакуация на север, по Якутскому тракту. 7 февраля каппелевцы вошли в Иннокентьевскую (4 версты от Иркутска). Штаб Каппелевской армии, во главе с генералами Войцеховским и Сахаровым, имел уже план занятия Иркутска. Части каппелевцев уже начали обходить Глазковское предместье (стратегический ключ к городу). Но 8 февраля утром от начальника 2-й чешской дивизии, стоявшей в Иркутске, майора Крейчи, и представителя Чехословацкой республики, известного нам уже ранее доктора Благоша, было получено категорическое требование не занимать Глазкова, иначе чехи выступят вооруженно против каппелевцев. Начались переговоры по телефону. Со стороны большевиков говорил все тот же доктор Благош.

Главным требованием каппелевцев было освобождение адмирала Колчака и доставка его в лагерь белых. Каппелевцы еще не знали, что накануне, на рассвете 7 февраля, адмирал Колчак и Пепеляев были расстреляны. Главнокомандующий, генерал

Войцеховский, который вел переговоры с чехами, внезапно изменил свое решение брать город – ему сообщили, что адмирал убит. Он отдал распоряжение обходить город без боя, направляясь по тракту на Байкал… Зловещая правда поползла по войску, поражая бессильным отчаянием и без того прибитых невзгодами людей.

В темную ночь 8 февраля 1920 года тучи саней каппелевцев окружили Иркутск, вереницы всадников заполнили все дороги. Заветная цель, куда стремились через всю Сибирь, манившая отдыхом, – обманула. Прошли нескончаемые версты, изнемогающие от лишений, оставалось сделать последнее усилие, и вот – забытое наслаждение – вымыться, содрать с себя грязную, кажется, приросшую к телу, вшивую одежду и по-настоящему, по-человечески заснуть… Но нет! Дальше, еще дальше! Отдых не скоро, еще снежные версты бесконечны, много сотен верст еще лютого мороза, слепящей пурги и колючих сибирских туманов.

Обошедшая Иркутск Каппелевская армия спустилась на ледяную равнину Байкала, отправляясь на другую сторону, к станции Мысовая, и оттуда через леса и горы на Читу.

Вот несколько строк, рисующих каппелевцев в походе устами одного из участников его («Восточная Окраина». 1920. Февраль. Путник. «Из эпизодов Великого Похода»):

«Была уже ночь, когда мы подъехали к Байкалу. Бесконечная ледяная равнина легендарного «священного моря» уходила от крутых уступов гор в глубь нависшего над землей мрака, и мысль одинаково мирилась как с тем, что конец этой равнины недалек, так и с тем, что, быть может, у ней нет конца.

Говорят, иногда ледяная кора Байкала с треском разрывается, раскрывая полосу воды, как будто страшная глубина разверзает пасть, чтобы проглотить случайного путника и дать ему покой и ласку водяных струй на дне моря.

Спускаемся на лед, вверяя себя и своих мечущихся в тифозном жару товарищей – холоду и капризам ледяной равнины. Разве можно перед чем-нибудь останавливаться? Разве теперь есть на свете что-нибудь страшное, что еще не смотрело нам в глаза?

Гладкий, скользкий лед. Дороги нет. Только после некоторых трудов нам удалось отыскать узкую полоску набитых копытами следов.

– Валька, жив?

– Жи-ив, – доносится из повозки слабый и какой-то детски покорный голос. – Покурить бы!

– Нельзя!

– Ну, одну папиросочку-у?..

– Нет, нет. Потерпи!

Лошадям идти необычайно трудно, в особенности некованым. Они то и дело срываются со следов, скользят и падают.

Навстречу едет какой-то мужик.

– Куда вы? – спрашивает.

– В Мысовую, дядя, в Мысовую!

– Эка хватили, в Мысовую! Я туда же было поехал, да вернулся. На середке-то такой ветер и холод, что ни в каком тулупе не вытерпишь. Да и сани с дороги сдувает, все время боком идут.

– Ну, авось проедем!

Едем уже больше часа, но огоньки, оставшиеся назади деревушки, кажутся все еще настолько близкими, как будто мы не двигались вперед, а все время топтались на одном месте. К счастью, ветер затих, и мы благополучно миновали страшную середину Байкала, а к утру были уже вблизи противоположного берега. «Священное море» оказалось милостивым к нам. Как-то пройдут другие?

Коротенький отдых, мгновение мертвого, свинцового сна – и снова в путь. Свежий морозный воздух не может прогнать странного состояния полусна, полубодрствования. Напрягаешь усилия, чтобы не заснуть и не свалиться с седла, стараешься развлечься наблюдением медленно уходящей назад панорамы лесистых гор или пытаешься вслушиваться в разговоры солдат, – но веки все больше и больше наливаются тяжестью, бороться с которой наконец не хватает ни воли, ни сил. Ловишь еще отрывок разговора, мелькает сквозь сонную пелену еще один пейзаж – и забываешься… Но Бог знает, сон это или нет! Или, быть может, весь этот бесконечный путь только долгий, необыкновенный сон, от которого мы вот-вот проснемся?

Какие-то тени мелькают, кого-то в чем-то убеждаешь, хочется не то плакать, не то смеяться, или вдруг на мгновение увидишь себя в знакомой комнате, освещенной керосиновой лампой с зеленым абажуром, а потом кто-то подхватит тебя безвольного и понесет в бесконечную даль, где так просторно, тихо, покойно и так легко, легко… Меж сосен мелькают огоньки – один, другой. Видны темные пятна изб.

– Что, деревня какая-то? Остановимся?

– Где какая деревня? – слышишь недоумевающий ответ. Долго и пристально всматриваешься в сосны, огоньки и избы, – вот они тут, перед тобой, но очнешься – и никакой деревни нет, а все та же дорога и те же горы и лес.

Иногда видишь чудесные города, раскинувшиеся по обеим сторонам дороги. Красивой архитектуры дома, сказочные дворцы,

башни, раскинутые средь опушенных инеем садов, тянутся до горизонта, утопая в молочно-синеватом мареве. Или вдруг вырастут два великана. Они подают друг другу руки и крепко жмут их. Не веришь себе, осматриваешься, проверяешь, не во сне ли это, встряхиваешься, но нет, – вот лошадь, лука седла, твои колени, шинель, ты все это видишь и трогаешь рукой. И удивленный, смотришь на города и великанов, пока не пропадет странное очарование миража. Это явление испытывали многие из нас. Боже, как натянуты нервы!

В этой деревне все дома были уже заняты приехавшими ранее частями, и для нас не нашлось ни одного угла, где бы можно было приткнуться и отдохнуть. Но безвыходного положения не бывает. Вскоре мы нашли сруб большого дома, без крыши, с вырубленными дверью и окнами, и решили, что лучшего помещения не стоит и искать. Через несколько минут посреди сруба горел уже костер, вокруг которого мы и расположились, подвесив над огнем котелок. Ноги устали от многочасовой езды верхом, и теперь так приятно протянуть их.

Настроение у всех заметно поднялось. Посыпались остроты относительно комфорта и избытка воздуха в приютившем нас помещении. Все, что осталось позади, было забыто, и теперь все внимание было поглощено возможностью отдохнуть хотя бы в таких условиях. Обветренные суровые лица, на которые костер бросал красные, колеблющиеся блики, оживились бодрой, искренней веселостью.

В дверях появился какой-то солдат.

– Куда прешь? Не видишь, что помещение занято!

– Гы-ы! Помещение!

– Какой части? Здесь, брат, нашему дивизиону квартира отведена, а потом заворачивай оглобли и ищи своих! Ишь ты, завидно, что у нас не душно и не тесно, вот и лезут.

Солдат хохочет, хохочем и мы. Вскоре появился и другой претендент на нашу квартиру. Чья-то лошадь всунула морду в окно и, глядя на нас большими умными глазами, принялась приветствовать бесконечными поклонами.

– Ты какой части? Куда лезешь? Здесь нам отведено помещение, а для вашей породы другие квартиры есть!

Наконец, усталость берет свое, и, наскоро закусив, мы отдаемся крепкому сну под треск костра и тихую ночную молитву неба, глядящего на нас в дыры сруба…»

К приходу каппелевцев в Чите загодя начали готовиться. Подготовлялись прежде всего помещения. Чита – маленький деревянный город. Реквизировалось все – театры, кафе, гостиницы, частные квартиры, даже сараи, склады и конюшни. На

всех заборах можно было видеть следующее объявление:

«Граждане Забайкалья! В Читу в скором времени прибывают отряды, предводительствуемые генералами Войцеховским и Сахаровым. Велик и труден был переход славных полков зимой, при невероятно тяжелых условиях, в беспрерывных боях, на нескольких фронтах. В движении на Восток им пришлось брать с бою каждый шаг своего пути.

Но все преодолели мощные ряды стойких борцов. Сейчас они в Забайкалье, готовые после кратковременного отдыха к дальнейшей борьбе. Измученные, голодные, но не павшие духом, славные сибирские полки несут нам с собой безопасность. Они будят в нас надежду на успех правого дела и родят уверенность в скором избавлении Родины от насильников. Будем же достойными согражданами этих мужественных бойцов.

Их жертвы неизмеримы и неоплатны. Так постараемся же все до единого, сколько в наших силах, скрасить их пребывание среди нас. Собирайте пожертвования, несите каждый, что может – чай, сахар, табак, теплое белье, платье и обувь, то есть все то, чего давно уже были лишены в боях и походах наши дорогие гости. Помните, что если мы еще не все потеряли, если наши семьи пользуются благополучием и безопасностью, то всем этим мы обязаны едущим теперь к нам борцам.

Не забывайте, что им, нашим защитникам, предстоит новая борьба за общее благо Родины и за наше личное благополучие. Они сделали так много. Нам остается сделать так мало: радушно встретить тех, перед кем мы в неоплатном долгу.

Так не будем же терять времени и станем уже сейчас готовиться к достойному приему приходящих полков. Они общие наши гости, в одинаковой мере всем нам дорогие, и поэтому во встрече их должно принять участие все население. Покажем им, что Забайкалье умеет быть и радушным, и благодарным.

Земной поклон Вам, славные герои! Мы ждем Вас, дорогие гости!»

И вот настал день, когда весь город буквально был затоплен санями и всадниками. Все ворота были раскрыты настежь, дворы кишели санями и лошадьми; по улицам шпалерами стоял народ и – плакал… Потому что нельзя было не зарыдать при виде этого нищего воинства, укутанного, умотанного в такое тряпье, какого я до этих пор представить себе не мог. Короткая шиненка (некогда все тот же «мундир английский»), обмотанная одеялом, перетянутая в талии ремнем; на шее – кусок бараньей шкуры, тоже привязанный тряпицей, голова накрыта заплатанной шапчонкой, насунутой на самое лицо, заросшее бородой; на ногах разбитые валенки, у которых подошва привязана проволокой, а

сзади соломенная стелька тащится…

Сани, сани, сани… В них лежат привязанные веревками больные, главным образом тифозные, также замотанные в грязное, вшивое тряпье. А кое-где торчат в соломе с полдесятка тоже привязанных к саням – детей… Мохнатые, заиндевелые, худые, скелетоподобные лошади – многострадальные, верные друзья дальних путников косят умным глазом на рыдающую по сторонам толпу…

Я стоял в толпе, потрясенный зрелищем. Вот уже десять лет прошло, а спокойно не могу я вспомнить этого… Помню, как ударил соборный колокол: похоронный звон поплыл над этой необычайной картиной. Это каппелевцы привезли в часовню тело генерала Каппеля, и архиерей велел звонить похоронную встречу почившему герою.

Потрясенный город не спал и ночью. Всюду были огни, слышался возбужденный говор и скрип саней. «Они» все ехали и ехали… Первые дни город представлял какой-то лагерь кочевников – на улицах, на площадях, во дворах, в общественных садах – всюду стояли сани, копошились люди и жевали в кормушках кони. Все было переполнено. Казалось, что в Чите не осталось ни одной свободной щели. Всюду на дверях, воротах, домах стояли написанные цифры. А с западных дорог тянулись новые вереницы саней и всадников…

Не было в те дни в Чите ни одной хозяйки, ни одной просто сердобольной матери, которая тогда не пекла бы, не варила, не стряпала всего, что только могла. Пришельцы, отвыкшие не только от привета и ласки, но просто разучившиеся сесть на стул к столу, по-человечески есть вилкой и ножом, озирались с застывшей на лице растерянной улыбкой, уверенные, что они спят и им снится, что поход кончился. В парикмахерских было не пробиться, и волос на полу были горы, ходить по ним было мягко, как в овине по соломе. Пахло керосином…

У гроба генерала Каппеля, стоявшего в часовне на Соборной площади, была густая толпа. Люди подходили и уходили. На полу, около гроба, все росла кучка денег, неизвестно кем начатая, – измятые, опущенные из трудовой ладони бумажки, неходящие ныне медяки и гривенники – кто что мог. В Соборе служилась беспрерывная панихида – много, много неотпетых, оставленных в тайге боевых товарищей дожидалось конца похода, чтобы оставшиеся в живых спели им, по обычаю отцов, вечную память и помолились бы об их вечном упокоении.

Читинские газеты этого времени выходили пестрыми от воззваний и объявлений, так что ни передовой, ни статей, ни даже известий поместить было негде. Некоторые из воззваний и

объявлений, характеризующих обстановку, привожу здесь («Восточная Окраина», начало марта 1920 г.):

«Граждане! В Читу каждый день прибывают новые части генерала Войцеховского. После трудных испытаний боевой жизни и чрезмерных лишений тяжкого перехода герои фронта нуждаются во временном отдыхе. Им нужны хотя бы элементарные удобства, которых они давно не видели. Их, эти удобства, можем дать мы, все время пользовавшиеся благополучием домашней жизни и уютом.

Для людей, в течение многих месяцев не знавших нормального сна, забывших, что такое вовремя приготовленный обед, – для них даже незначительные мелочи жилого уюта имеют громадное значение. А между тем, приходящие части эти удобства как раз не находят. Особенно затруднительно обстоят дела с помещением. Отсутствуют мелочи, без которых немыслима сколько-нибудь нормальная жизнь. Нет даже таких вещей, как ложки, чашки, тарелки, ножи. Отсутствие таких вещей ставит в затруднительное положение как войсковые части, которые приходится размещать по частным квартирам, так и население.

На нашей обязанности сделать так, чтобы все это было завтра же. Пусть каждая семья, хозяйка, каждый гражданин откажутся от двух-трех из этих вещей в пользу братьев-солдат – и у них все необходимое окажется налицо. Ложки, чашки, тарелки, ножи и прочую домашнюю утварь несите в Областный Отдел Призрения (Александровская ул., здание Областного Управления). Там будут принимать их от Вас с признательностью ежедневно, кроме праздничных дней, с 9 до 3 часов дня».

Д. Филатьев [161]
Катастрофа Белого движения в Сибири [162]

Колебания адмирала Колчака

Лишь 12 ноября вечером Верховный Правитель и штаб главнокомандующего покинули Омск в семи поездах, из коих три были с золотом. В ночь с 13-го на 14-е Омск был занят красными, так что, промедли мы еще полсуток, Колчак, штаб и золото попали бы в руки красных. Вот к чему мог привести ничем не объяснимый страх Колчака покинуть Омск, а также его непонятная доверчивость ко всякого рода авантюристам, когда они умели задеть его больное место. Но и отъезд из Омска вовсе не обозначал решимости адмирала ехать в Иркутск, чтобы управлять. На предложение совета министров ускорить переезд в Иркутск он отвечал: «Я буду разделять судьбу армии». В действительности он не был ни при армии, ни при своем правительстве, а, доехав до Новониколаевска, остановился там и 21 ноября отдал следующий приказ: «Считаясь с необходимостью моего пребывания при армии, доколе обстоятельства того требуют, повелеваю образовать при мне и под моим председательством Верховное совещание в составе главнокомандующего, его помощников, начальника его штаба, генерал-квартирмейстера, председателя совета министров и министров военного, внутренних дел, иностранных дел, путей сообщения, финансов, снабжения и продовольствия или их заместителей. На Верховное совещание возложить разработку общих указаний по управлению страной для объединения деятельности отдельных ведомств и согласования ее с работою армии».

Неизвестно, кто был составителем этого замечательного документа, который устанавливал управление страной из поездов, долженствовавших передвигаться на восток по мере безостановочного отступления армии. Из министров со штабом ехали только министры путей сообщения и снабжения и заместитель от министерства внутренних дел. Как рисовалось адмиралу Колчаку управление страной при помощи совещаний по телеграфу, осталось неизвестным, но ясно, что никакого управления не было и быть не могло. Совещание оказалось мертворожденным. Ехать дальше Новониколаевска адмирал не пожелал, а между тем его семь поездов забивали станцию, не

позволяли принять лишних семь поездов с беженцами и отставшими управлениями, и эти поезда в числе семи ежедневно отрезались красными, отправлявшими их пассажиров кого на расстрел, кого на работы в копи. Поезда были сверх предельного состава, и в теплушках было набито по сорок человек с женами и детьми (в это самое время чехи, как правило, ехали по четыре человека в теплушке с таким же количеством русских баб, а в некоторых теплушках были даже поставлены пианино – «от благодарного населения»).

Адмирал ничего не хотел слушать об отъезде если не в Иркутск, то хотя бы в более глубокий тыл, чтобы освободить станции от его поездов. Наконец, он потребовал, чтобы его вагон с паровозом отправили на запад, «к армии», как он выражался. Пришлось докладывать ему, что движение идет лентами по обеим колеям в одну сторону и что не только паровоз, но и вагонетку нельзя пустить для встречного движения. Тогда он решил ехать к армии на санях. От этого его удержали, объяснив, что армии, как он понимает, сейчас нет, а есть тоже лента, но саней, на которых войска двигаются по дорогам, а на ночь распыляются для ночлега по попутным деревням.

Состояние Сибирской армии

Что же представляло в то время то, что продолжали именовать «армией», на которую Колчак и Сахаров, сидя в вагонах, рассчитывали как на силу, что на каком-то рубеже она остановится и, перейдя к обороне, окажет красным упорное сопротивление, а весной снова начнет наступление. В этих розовых мечтах на будущее все было, как оказалось, сплошной фантазией, не соответствовавшей ни действительному состоянию войск, ни внутреннему положению в Сибири.

Численность войск никому известна не была, наугад ее принимали в 60 тысяч человек; на самом деле едва ли было и 30 тысяч, по крайней мере, до Забайкалья дошло только 12 тысяч, да столько же примерно осталось добровольно под Красноярском, итого около 25 тысяч, которых, однако, отнюдь нельзя было назвать «солдатами». Мужики, ехавшие на санях по два-три человека, хотя и имели при себе винтовки, но пользоваться ими готовы были, не вылезая из саней. Покинуть сани никто не хотел ни при каких обстоятельствах – каждый знал, что сойдешь – дожидаться не станут и бросят на произвол. Такова была психология «едущих». Я испытал ее на себе: ночью подо мною свалилась лошадь и придавила меня в сугроб; мимо проехали

сотни саней с солдатами, и ни один на крики о помощи не отозвался, а некоторые отвечали «нам не до тебя»; полчаса бился, пока удалось выбраться из-под лошади, а затем поднять и ее. Орудий не было вовсе, пулеметов тоже, за исключением двух-трех, сохранившихся у воткинцев.

Пока ехали по тракту вблизи железной дороги, штабы армий имели возможность телеграфировать в поезд главнокомандующего и изо дня в день доносили одно и то же: «Такая-то армия, после упорного боя с противником в превосходном числе, отошла на такую-то линию». Эта линия всегда отстояла на 25–30 верст от предыдущего ночлега. Но раз были ежедневно упорные бои, то должны были быть и потери, тяжесть которых усугублялась тем, что при войсках не было ни врачебного персонала, ни перевязочных средств. Неопытные в службе, Сахаров и его штаб спокойно отмечали на карте новые линии расположения войск, делали сводки для Колчака и подшивали телеграммы к делу. Я как-то посоветовал генерал-квартирмейстеру Бурлину запросить армии о потерях и что делается для облегчения раненых. Несмотря на многие повторения, ответа ни от одной армии не последовало. Желая впоследствии, когда штаб главнокомандующего соединился в пешем движении после Красноярска со штабом 3-й армии, выяснить этот вопрос, я расспрашивал офицеров, почему они не давали ответа на запрос о потерях. В ответ услышал: да никаких потерь у нас и не было, кроме как сыпнотифозными, не было и никаких боев. Шли мы совершенно мирным порядком, становились на ночлег по деревням, утром варили завтрак, потом запрягали и ехали дальше. Красные ночевали, следуя за нами, на нашей предыдущей остановке. Иногда они поднимались раньше нашего, приближались к нам версты на три и начинали стрелять из пулеметов. Тогда мы немедленно запрягали и уезжали. Однажды один из наших командиров полка решил предупредить красных и сам первый открыл стрельбу по ночлегу красных. Они сейчас же снялись и отступили, а мы пришли и съели приготовленный ими завтрак.

Так дело шло до Красноярска, начальник гарнизона которого, генерал Зиневич, решил идти на мир с большевиками и уговаривать Каппеля сделать то же самое. Каппель, разумеется, не согласился на это и отказался ехать на свидание к Зиневичу в Красноярск.

Так как было ясно, что штабной поезд через Красноярск не пропустят, то на последней перед городом станции мы вышли из вагонов и пересели на сани. Вдоль полотна шла 2-я армия генерала Войцеховского, которому Каппель поручил выбить из

города взбунтовавшийся гарнизон.

Войска были двинуты тремя колоннами, но ни одна из них до города не дошла, испугавшись, как объяснили начальники колонн, броневика, показавшегося на железной дороге к западу от Красноярска. Броневик оказался польским (поляки шли в хвосте чешских эшелонов), огня не открывал и явился лишь предлогом для отмены атаки, в которую войска и не рвались.

На другой день, 5 января, Каппель решил сам руководить наступлением. И вот тут получилась незабываемая картина, могущая дать полное представление, что представляла из себя Сибирская армия как сила.

Из Красноярска, для преграждения нашего пути, была выслана полурота пехоты с пулеметами, которая заняла высоты к северо-западу от города верстах в трех от него. На противоположном плато собралось несколько тысяч саней с сидящей на них нашей «армией». Тут же верхом Каппель и с ним несколько всадников. Прогнать красноармейскую полуроту можно было обходом влево и ударом в лоб. Однако ни один солдат из саней выходить не пожелал. Тогда посылается рота офицерской школы, она открывает огонь вне действительности выстрела, красные, конечно, из-под такого огня не уходят и тоже продолжают палить в воздух. «Противники» замирают друг против друга до темноты, и ночью все, кто хотел, свободно прошли в обход Красноярска и даже через самый город. Таковых оказалось вместе с 3-й армией, шедшей южнее, около 12 тысяч человек, получивших впоследствии наименование «каппелевцев». Примерно такое же число сдалось добровольно Красноярскому гарнизону, не по убеждению, разумеется, а потому, что устали бесконечно отступать и двигаться в неизвестность.

В то самое время, как была двинута вперед офицерская рота, чтобы отогнать красных, в тылу у последних находилась наша кавалерийская дивизия князя Кантакузина[163], прошедшая мимо Красноярска несколько раньше. Несмотря на то что дивизия состояла всего из 300–350 всадников, ей ничего не стоило прогнать красную полуроту хотя бы только обозначением атаки в тыл. Но такая активность даже и в голову не пришла начальнику дивизии. Возможно, что он хорошо знал цену своей дивизии. Через два дня, в первый день Рождества, эта дивизия стояла на ночлеге в деревне Барабаново и была радушно принята жителями. Я вместе с генералом Рябиковым ехал на санях при этой дивизии. В 9 часов вечера, когда мы укладывались спать, вдруг раздались отдельные выстрелы из соседней рощи. Начальник дивизии приказал выбить стрелявших из рощи. Раздается команда: «К пешему бою, такой-то взвод вперед», и…

ни одна душа не двинулась. Дивизия поседлала коней, запрягла сани и двинулась куда глаза глядят.

Как курьез, можно привести такой случай. В тайге (не на тракте) селения редки и очень малы. В одном из таких селений расположилась на дневной привал какая-то часть и приступила к варке чая. Идущая вслед за нею другая часть знала, что ей места в деревне уже не найти, все будет забито до отказа, а до следующего жилья надо идти верст 15. И вот командир это части, не доходя полуверсты до деревни, открывает пальбу вверх. Как только послышались выстрелы, бивакировавшаяся часть немедленно запрягла и понеслась вперед. Такова паническая психология: отлично знали, что в тайге красных быть не может и что сзади на несколько верст тянется своя лента саней, но раз стреляют, значит, запрягай и уходи. Я как раз подъехал сзади, когда чай варила уже новая часть, и офицеры со смехом рассказывали, как они очистили себе стоянку.

Последние дни власти адмирала Колчака

И вот на такую-то армию все еще рассчитывал несчастный адмирал, переставший совершенно разбираться в обстановке. Тогда мы, видевшие его ежедневно на докладах, лишь странностями его характера объясняли себе предъявлявшиеся им неосуществимые требования или его необычайные желания, например оставаться в Новониколаевске. Теперь приходит в голову, что едва ли в то время он был вполне нормален, и возможно, что под влиянием сплошных неудач в нем произошел какой-то внутренний сдвиг, мешавший ему спокойно расценивать обстановку. Одна предвзятая идея сменялась другою: вслед за нежеланием покидать Омск он так же упорно не хотел ехать в Иркутск, не признаваясь, однако, что, собственно, отталкивает его от этого города, где уже находились все его министры. Вернее всего, что он думал, что если не оторвется от армии, то не утратит и свою власть. При этом в его голове совершено не укладывалось, что никак нельзя сочетать параллельность движения – его по железной дороге и армии санным путем; ему все хотелось соединить несоединимое.

Впрочем, у Колчака были свои основания опасаться Иркутска, только он их скрыл от нас, его ближайших помощников. Как это выяснилось впоследствии, у него в это время были телеграфные переговоры с советом министров, в которых впервые прозвучало слово «отречение» от власти, то есть юридическое оформление того, что фактически уже совершилось, ибо в руках Колчака в это

время не было ни армии, ни какого-либо аппарата управления – благодаря своему упорству, он оказывался в своем поезде как бы между небом и землею. Но даже и для отречения, и для передачи власти кому-то или чему-то естественно было быть в том же Иркутске. В крайнем случае, можно было отречься по телеграфу, пересесть на сани и отправиться к одному из штабов трех армий, чтобы соединить свою судьбу с армией, не претендуя более на возглавление. Колчак и на это не решался и продолжал колебаться, как и прежде, рассчитывая на какой-либо чудесный поворот событий.

Не подлежит сомнению, что на колебания адмирала оказывала влияние боязнь за судьбу золота, которое невозможно было перегрузить на сани, но и ехать с ним дальше по железной дороге, при враждебности чехов и населения, было небезопасно. Проехал бы в свое время Колчак сразу же в Иркутск одновременно с министрами – и золото было бы сохранено, и сам адмирал уцелел бы, да и весь ход событий мог бы быть иной.

Кстати, о золоте. Генерал Жанен еще в Омске предлагал адмиралу взять золото под свою охрану и гарантию и вывезти его на восток. Адмирал на это предложение отвечал: «Я лучше передам его большевикам, чем вам. Союзникам я не верю». Этот без надобности слишком грубый ответ был по существу, может быть, и правилен, так как персональная и единоличная гарантия Жанена не могла почитаться достаточной. Возможно, что при том ходе событий, какой они приняли в Сибири, золото поступило в подвалы банков союзников и пошло бы в счет русских долгов. Но ничто не мешало Колчаку потребовать совместной гарантии союзных правительств, что золото не будет ни в каких обстоятельствах ими реквизировано. Во всяком случае, странно, что Колчак предпочитал в крайнем случае передачу золота большевикам. Когда оно действительно к ним попало, то именно через золото они могли укрепить свою власть и раскинуть коммунистические сети на весь мир. Это нетрудно было и тогда предвидеть, и надо было принять действительные меры, чтобы золотой запас не перешел в руки большевиков. Да только Колчак не обладал ни каплей дара предвидения и, благодаря своей импульсивности, действовал вопреки самому простому расчету.

Когда, наконец, адмирал решился покинуть станцию Новониколаевск, где так много было потеряно напрасно времени, и тронулся со своими поездами в путь, то доехал только до станции Тайга и здесь вновь остановился. Тут к нему прибыл навстречу новый председатель совета министров Пепеляев и предъявил сразу три ультиматума: об отречении, о созыве Земского собора и о смещении генерала Сахарова. За словесными

требованиями Пепеляева-министра стояла реальная сила его брата, генерала Пепеляева, командующего 1-й армией, части которой находились на самой станции. Положение Верховного Правителя сделалось поистине трагическим. Но братья Пепеляевы отказались от требования отречения, Земский собор отпадал сам собою за невозможностью его собрать, и оставался вопрос о Сахарове. Адмирал по телеграфу предложил Дитерихсу вновь вступить в главнокомандование, и тот согласился, но поставил условие, чтобы Колчак передал всероссийскую власть Деникину. Условие для адмирала было явно неприемлемым. Как ненужной и предложенная мера в виде рокировки с Деникиным. Сделать передачу власти Деникину ощутимой было невозможно, и положение его ни на йоту не изменилось бы от получения телеграммы от Колчака, что он слагает с себя и возлагает на Деникина звание Верховного Правителя. Дело было не в названии, а в средствах, но ни армией, ни золотом подкрепить Деникина Колчак уже не мог, как не мог и Деникин поспеть в Сибирь для спасения положения. Вопрос сводился к одному лишь празднословию.

Братья Пепеляевы ускорили ход событий: Пепеляев-генерал окружил своим батальоном штабной поезд и арестовал Сахарова. Колчак отчислил Сахарова от должности, но на самый факт ареста никак не реагировал. (С.П. Мельгунов неверно говорит, что Сахаров был освобожден подошедшим отрядом Каппеля. Ни такого отряда, ни самого Каппеля на ст. Тайга не было, да и освобождать Сахарова не было надобности – Пепеляев его немедленно отпустил, когда узнал, что Сахаров отчислен от должности. Пепеляев-министр взял обещание, что над Сахаровым будет наряжено следствие для предания суду.)

Как бы ни относиться к генералу Сахарову, но отмеченный арест его Пепеляевыми, да еще в присутствии самого Верховного Правителя, был явлением отрицательным, свидетельствовавшим о развале армии даже на ее верхах и о полном падении авторитета адмирала. Как бы для вящего доказательства, что с ним больше не считались, тот же батальон 1-й армии, который арестовывал Сахарова, не выпустил поезд Верховного Правителя со станции Тайга, а еще хуже то, что Колчак при этом пассаже не решился самолично сделать какое-либо распоряжение, а прислал ко мне своего правителя канцелярии уладить это дело, так как мне были подчинены и министр путей сообщения, и заведующий воинскими перевозками. Пришлось идти к Пепеляеву-генералу за объяснениями. Он объяснил случившееся «недоразумением» и распорядился пропустить поезда Верховного. Однако при нормальных условиях военной жизни таких слишком

показательных недоразумений не случается. Оба эти случая показывают, как быстро испаряется власть не наследственная или не опирающаяся на силу и на авторитет, завоеванный на полях сражений.

Колчак уехал и на следующей станции отдал приказ о назначении главнокомандующим генерала Каппеля, бывшего до того командующим 3-й армией, человека и офицера во всех отношениях выдающегося. Но что мог он сделать, когда всякое командование обратилось в фикцию. Адмирал с тремя поездами отправился в Иркутск, но успел свободно доехать только до Нижне-Удинска, где в это время власть находилась уже в руках Совдепа. На станции адмирала встретила враждебно настроенная толпа, которая, однако, при наличии у него многочисленного и надежного конвоя никакой опасности не представляла и задержать его поезд не могла, задержка в движении могла быть только со стороны, но и это препятствие не было непреодолимым, ибо чехи открыто против Колчака не выступали. Тем не менее, от Нижне-Удинска адмирал уже не поехал дальше как Верховный Правитель, а перешел как бы на положение пленника чехов. На станции Нижне-Удинск он получил два телеграфных предложения: одно от совета министров об отречении в пользу Деникина, другое от союзных представителей – поступить под охрану чехов.

Предложение совета об отречении и передаче власти Деникину, как ранее аналогичное предложение генерала Дитерихса, отправлялось от совершенно неправильного соображения, что, когда Колчак получил в Омске телеграмму о признании его Деникиным, он, объявляя об этом в приказе, назначил Деникина своим заместителем на случай своей убыли. Колчак в данном случае поступил применительно (и вовсе не продуманно) к военно-полевому уставу, требующему, чтобы в предвидении боя каждый начальник указывал своего заместителя. Это делается с той целью, чтобы в ответственной боевой обстановке не было перерыва в управлении в случае смерти, ранения или внезапной болезни начальника. Но одно дело бой, другое – управление государством. У Колчака не было наследственных прав распоряжаться своей властью по своему усмотрению, к тому же Омская конституция, то есть Постановление о временном устройстве государственной власти в России, гласила, что «в случае отказа от звания Правителя, осуществление его власти переходит к совету министров». Таким образом, адмирал Колчак был дважды не прав: он не вправе был назначать Деникина своим постоянным преемником, а назначать его временным заместителем, применительно к уставу полевой

службы, не имело смысла, так как фактически Деникин не мог заменить временно адмирала в Омске.

В одинаковой мере и совет министров поступил неправильно, предложив Колчаку отречься в пользу Деникина. Он мог предложить ему отречься, но заместителя должен был выбрать сам, и, конечно, не Деникина, а на месте такого, который мог бы немедленно вступить в должность для спасения тонущего корабля. Выбрать по тогдашним условиям можно было только одного из двух: Дитерихса или Семенова. Тогда могло бы и не случиться последующей катастрофы и власти, и адмирала Колчака.

Падение совета министров в Иркутске. Переход власти к Политическому Центру

Адмирал от власти не отрекся, а 4 января 1920 года, находясь в Нижне-Удинске, отдал по телеграфу приказ, коим назначил главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке атамана Семенова. Это назначение, при отсутствии прямого отречения, как бы свидетельствовало, что Колчак не покидал надежды вернуться к власти, если ему удастся благополучно проехать на восток.

Насколько мне известно, подлинный приказ от 4 января нигде не сохранился, и в войсках Каппеля, когда они пришли к Чите, даже возникло сомнение – не являлся ли этот приказ апокрифом. Приказ этот, несомненно, существовал, но так как он мог быть получен в Иркутске или накануне, или в день падения совета министров (5 января), то практического значения для правительства он иметь, очевидно, не мог бы. Между тем Гинц, бывший управляющий делами совета, жалуется на то, что назначение Семенова поставило в затруднение совет и ускорило его падение. Приходится поэтому допустить, что был еще какой-то другой приказ о назначении Семенова, до нас не дошедший. Он был, по-видимому, отдан 23 или 24 декабря, потому что 23 декабря Колчак получил в пути телеграмму от военного министра Ханжина[164]такого содержания: «Иркутский гарнизон не в состоянии выделить достаточного отряда в Черемхово для восстановления порядка. Необходима немедленная присылка войск из Забайкалья. Временное подчинение Иркутского округа атаману Семенову необходимо». Вероятно, как ответ на эту телеграмму Семенов и получил назначение, которое совершенно неожиданно ускорило развязку, вместо того чтобы упрочить положение в Иркутске колчаковского правительства.

Дело в том, что в донесениях Колчаку еще в Омске Семенов неизменно сообщал, что располагает хорошо организованными, прочными войсковыми частями. Эти донесения и внушили Колчаку веру, что при надобности можно будет опереться на войска Семенова. Та же вера руководила и Ханжиным, когда он просил подчинить временно Иркутский округ Семенову. В действительности все донесения Семенова оказались сплошной ложью, и когда от него потребовали в Иркутске подкрепление, то он мог выслать лишь 300 человек под командой некоего Скипетрова[165], генерала семеновского производства.

События в Иркутске развивались в следующем порядке. 24 декабря произошло восстание в казармах 53-го полка в Глазковском предместье у вокзала, отделенном от города рекой Ангарой, через которую мост, случайно или умышленно, оказался разорванным. По этой причине парализовать восстание оказалось невозможным, поэтому начальник гарнизона, генерал Сычев, решил привести взбунтовавшийся полк к покорности бомбардировкой казарм. 26 декабря он уведомил о своем намерении генерала Жанена. В ответ на это извещение генерал Жанен сообщил, что он не допустит обстрела и в свою очередь откроет огонь по Иркутску. Иными словами, генерал Жанен становился на сторону повстанцев против правительства Колчака, а подчиненные Жанену чехи захватили в свои руки все перевозочные средства через Ангару и таким образом лишили Сычева всякой возможности подавить восстание 53-го полка.

27 декабря Сычев получил телеграмму из села Лиственичного от командира семеновского дивизиона броневых поездов Арчегова[166], что он идет в Иркутск, но союзники препятствуют движению. Эти бронепоезда так и не дошли до Иркутска. Другой отряд семеновцев в числе 112 человек добрался до Иркутска на автомобилях, но по своей малочисленности помощи оказать не мог, успев лишь вызвать озлобление бессудной расправой с захваченными им заложниками.

31 декабря и 1 января 1920 года в Иркутске происходили бои между восставшими и гарнизоном, оставшимся верным правительству, усиленным семеновцами, о которых выше упомянуто. Победы не оказывалось ни на одной стороне. В городе оказалось сразу два правительства: совет министров правительства адмирала и Политический Центр, создавшийся из земцев и социалистов-революционеров, который опирался на восставшие воинские части. В сущности говоря, обе стороны были одинаково бессильны и в равной мере не имели никакого основания считать себя правительствами, ибо никаких подчиненных им органов управления не имели и власти своей

даже в городе ни на кого распространять не могли. Разница была лишь в том, что совет министров, большая часть которого уже отъехала на восток, держась по инерции, никакой активности не выявлял, а Политический Центр энергично агитировал в населении. Население держалось пассивно, выжидая, чья возьмет.

Вновь вмешался генерал Жанен и предложил свои посреднические услуги между враждующими сторонами. 2–4 января тянулись безрезультатные переговоры в вагоне Жанена. Гордиев узел был разрублен самым неожиданным образом. 5 января на улицах Иркутска были расклеены объявления о «падении ненавистной власти Колчака» и о принятии власти Политическим Центром. Совет министров, то есть правительство адмирала Колчака, никем не свергнутый и не отрекавшийся от власти, вдруг прекратил существование, уподобив свое положение Вампуке, где один выходит из-за кулис и объявляет толпе: «Я вас завоевал». Толпа отвечает: «Он нас завоевал». Оставшиеся еще в Иркутске последние министры так стремительно уехали на восток, что даже не предупредили о самоупразднении и отъезде своих помощников, чем поставили их в критическое положение.

Так автоматически прекратилась власть диктатора адмирала Колчака. Его непрестанные колебания и нерешительность принесли свои неизбежные плоды. Проезжай он безостановочно из Омска в Иркутск, события шли бы, несомненно, иным путем, так как, в крайнем случае, не чувствуя себя в безопасности в Иркутске, он мог бы вместе со своими министрами переехать в Читу. Антибольшевистская власть продолжала бы существовать. С другой стороны, и совет министров, получив от Колчака извещение, что он решил остаться при армии, должен был действовать энергично и предложить адмиралу или немедленно прибыть в Иркутск, или отказаться от власти, и совету выбрать на его место другого – местного, а не фантазировать насчет передачи власти Деникину, который при всем желании не мог бы сделать ничего, чтобы потушить немедленно пылавший сибирский пожар.

Тут попутно возникает вопрос, чем кончилось бы дело, если бы генерал Жанен и чехи не вмешались 26 декабря в пользу восставшего 53-го полка и не держали бы сторону Политического Центра вообще. Ответить на этот вопрос сколько-нибудь определенно, разумеется, нельзя, так как все зависело от многочисленных «если». Раз восстание было бы подавлено и совет министров обнаружил бы достаточную энергию, чтобы противостоять новым, неизбежным попыткам к свержению правительства, то продержаться нужно было только в течение

месяца – до 8 февраля, дня подхода к Иркутску войск Каппеля. Положение было бы спасено. Но по ходу событий мы уже знаем, что ни совет министров в целом составе, ни кто-либо из его отдельных членов не несли в себе нужной энергии и даже простого провидения грядущих событий. При таких условиях и при недоброжелательном нейтралитете союзников в любую минуту можно было поскользнуться на апельсиновой корке.

Что касается до «союзников», которых у нас нередко обвиняют в вероломстве и эгоизме, то тут как будто кроется недоразумение. Забывают, что в действительности никаких «союзников» у нас не было со дня подписания Брест-Литовского мира. Союз возобновился на короткое время в Сибири, когда чехи были двинуты из Владивостока на Урал, и он вновь кончился 11 ноября 1918 года, в день подписания перемирия. Начиная с этого дня, у Колчака не было союзников, но еще находились «сочувствующие», главным образом полковник Нокс. Название же «представители союзников» употреблялось по старой памяти и отнюдь не соответствовало действительности. Чехи, коих было большинство, думали только о том, чтобы поскорее выбраться из Сибири домой. Для этого надо было быть уверенным в непрерывности движения по железнодорожной магистрали. Они ее захватили в свои руки и повели себя как в завоеванной стране, пользуясь нашей слабостью и невозможностью силой противостоять их разнузданности. Горе побежденным! Так же точно не сочувствием восставшим и Политическому Центру следует объяснить угрозу генерала Жанена бомбардировать Иркутск, если бы генерал Сычев открыл огонь по Глазковскому предместью, а паническим страхом, что может при обстреле пострадать вокзал и задержать продвижение «союзников» на восток. Ведь их продвижение ничем не отличалось от панического бегства.

Предательство чехами адмирала Колчака

Во время описанных иркутских событий адмирал Колчак находился со своими поездами на ст. Нижне-Удинск, где он был задержан по распоряжению генерала Жанена, как это видно из посланной Колчаком Каппелю телеграммы от 27 декабря: «Я задерживаюсь в Нижне-Удинске, где пока все спокойно. Чехи получили приказание генерала Жанена не пропускать даже моих поездов в видах их безопасности». Какую опасность предвидел Жанен, отдавая свое распоряжение, решить теперь мудрено. Если мотив безопасности был искренен (в чем позволительно

сомневаться), то, значит, Жанен проявлял известную заботливость к судьбе адмирала. Загадкой остается, почему эта заботливость через несколько дней превратилась в полнейшее и бессердечнейшее безразличие, когда Колчака выдавали подчиненные Жанена на распятие.

Вслед за изложенным распоряжением о непропуске поездов адмирала последовало новое приказание, на этот раз от штаба союзных войск, переданное Колчаку командиром Чешского ударного батальона майором Гассеком, что не только поезда должны быть задержаны, но и конвой Верховного Правителя должен быть разоружен. Этот акт уже ни в коем случае не мог быть отнесен к заботливости об особе адмирала, а должен был быть продиктован все тем же паническим страхом чехов, опасавшихся, что Колчак, при его известной вспыльчивости, мог попытаться силой проехать, что повлекло бы за собою вооруженное столкновение конвоя с чехами.

После протеста адмирала Гассек получил новые инструкции от Жанена:

1) Поезда адмирала и с золотым запасом состоят под охраной союзных держав.

2) Когда обстановка позволит, поезда будут вывезены под флагами Англии, Соединенных Штатов, Франции, Японии и Чехии.

3) Станция Нижне-Удинск объявляется нейтральной.

4) Конвой не разоружать, а в случае вооруженных столкновений между войсками адмирала и нижне-удинскими разоружить обе стороны.

Вслед за этим охраняющие адмирала чехи получили новую инструкцию: «Если адмирал желает, он может быть вывезен союзниками под охраной чехов в одном вагоне».

Приведенные данные я заимствую у генерала Занкевича[167], состоявшего при адмирале в должности генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего и ехавшего с Колчаком в поезде от Омска до Иркутска. К сожалению, Занкевич не приводит ни дат получения приведенных распоряжений, ни кем каждое из них было подписано. Без этого совершенно невозможно разобраться, что, собственно, заставило адмирала принять решение бросить свои поезда и пересесть в чешский вагон, что и привело его к трагическому концу. Между тем последовательность распоряжений и текст их не дают основания считать, что союзники «требовали» от адмирала покинуть поезда и конвой. В одном говорится, что поезда будут пропущены, когда обстановка позволит, в другом – «если адмирал пожелает». Значит, он мог бы пожелать и остаться в Нижне-Удинске

выжидать, когда обстановка позволит ему проехать в своих поездах и с конвоем. Все это темные страницы.

Надо думать, что на психологию Колчака подавляюще действовало, что он был оторван от всяких сношений и с армией (Каппель со штабом пересел на сани 22 декабря), и с советом министров, с которым, надо думать, союзники не давали ему телеграфной связи. Во всяком случае, Колчак решил, что с его поездами на восток его не пропустят и надо принимать какое-то иное решение. Явилась мысль, горячим сторонником которой был сам Колчак, – двинуться на лошадях через Монголию со всем конвоем в 500 человек. Чехи предложили дать точные сведения из разведки, где, в каком числе можно ожидать встречи с красными.

Адмирал собрал конвой, в преданность которого себе верил безгранично, и спросил, кто желает с ним идти. За исключением нескольких человек, все отказались. Разочарование страшно потрясло Колчака. Зачем только было спрашивать: конвой был на службе, приказал бы ему выступать, не вводя в соблазн, и пошли бы без разговоров. Тогда решено было идти одним офицерским отрядом в числе 60 человек, но и от этой мысли Колчак отказался по пустячному поводу. Один из бывших при нем морских офицеров предложил, что будет более безопасно, если Колчак сядет в чешский поезд, а офицеры пойдут одни через Монголию; за ними одними, наверно, никто гнаться не будет. Из этого разговора Колчак вывел заключение, что все его бросают, и после долгого раздумья сказал: «Делать нечего, надо ехать». Это превратное умозаключение показывает, пожалуй, больше всего, что Колчак утратил всякую энергию и активность, почему и остановился на самом пассивном и в то же время наиболее обидном для его даже личного самолюбия решении.

Генерал Занкевич сделал еще одно предложение – Колчаку переодеться солдатом и скрыться в одном из чешских эшелонов. К счастью, Колчак этим советом не воспользовался и не уподобился Керенскому. Слишком было бы зазорно Верховному Правителю садиться в чешский эшелон в одежде солдата. Да чехи, несомненно, выдали бы его и в таком виде, потому что его выдачей, как увидим ниже, они покупали себе у красных право беспрепятственного следования до Байкала. Но вместе с тем изумляет ответ, который дал адмирал Занкевичу на его предложение: «Не хочу я быть обязанным своим спасением чехам». Зачем же в таком случае он вслед за этим пересел к чехам, хотя и без переодевания солдатом? Какая-то странная непоследовательность мышления, свидетельствовавшая о полной потере душевного равновесия, толкавшей на принятие самого пассивного из всех возможных решений.

Жаль, что ни Колчаку, ни его окружению не пришел в голову еще один наипростейший выход: пересесть в сани и двинуться на запад навстречу армии Каппеля. Где последняя находилась при ее следовании по тракту, легко было узнать через чехов или поляков по железнодорожному телеграфу, так как штаб Каппеля очень часто останавливался на ночлег у железнодорожных станций. При расстоянии между Красноярском и Нижне-Удинском в 500 верст, двигаясь навстречу друг другу, можно было встретиться с 3-й армией, шедшей все время по тракту, уже через пять дней. Адмирал спасся бы так же точно, как спаслись все мы.

Адмирал покинул свой поезд и перешел в вагон 2-го класса под флагами английским, американским, японским, французским и чешским. Это вывешивание союзных флагов было одной комедией, так как вопрос о выдаче адмирала Политическому Центру был уже решен чехами, с одобрения или только по попустительству со стороны генерала Жанена. Садясь в чешский поезд, Колчак не выговорил никаких условий о своей безопасности. Генерал Занкевич удостоверяет, что в инструкции, которую получил начальник эшелона, майор Кровак, значилось, что «в Иркутске адмирал будет передан Высшему Союзному Командованию». Мы и чехи, добавляет он, были уверены, что от Иркутска конвоирование будет возложено на японцев. При приближении к Иркутску Кровак предупредил Занкевича, что в данное время происходят какие-то переговоры между Сыровым и Жаненом и что он не знает, пойдет ли вагон дальше Иркутска. По прибытии в Иркутск начальник эшелона бегом направился к Сыровому и, вернувшись спустя короткое время, с волнением сообщил, что адмирала решено выдать Иркутскому революционному правительству. Колчак вступил на свою Голгофу.

Это было 15 января. На вокзале спешно составлялся акт передачи Верховного Правителя Политическому Центру, причем техника передачи была заранее установлена особым соглашением между чешским доктором Благошем и представителем Политического Центра Косьминским. В своем усердии перед Политическим Центром чехи выдали всех, ехавших в вагоне адмирала, даже женщин. Спаслось всего несколько человек, в том числе генерал Занкевич, которые вышли незаметно из вагона. Присутствовавшие на вокзале японцы молчаливо наблюдали сцену передачи адмирала, но, по словам японского полковника Фукуды, когда передача уже состоялась, он, Фукуда, разыскал Сырового и предложил ему в тот же день, 15 января, взять на себя перевозку адмирала, если чехи извлекут его из тюрьмы. Сыровой отказался, потому что эта услуга подвергла бы его войска мести,

которой он хотел избежать, выдавая адмирала «трибуналу русского народа».

Адмирала Колчака и премьер-министра Пепеляева немедленно отправили в тюрьму, остальных лиц, его сопровождавших, перевезли туда же на другой день. Над адмиралом и Пепеляевым было наряжено следствие, но его до конца не довели, и 6 февраля 1920 года их расстреляли накануне подхода к Иркутску Каппелевской армии.

Когда по приходе поезда в Иркутск Колчаку объявили, что он будет выдан революционному правительству, он схватился за голову и воскликнул: «Значит, союзники меня предают!» Это восклицание было криком наболевшей души, вполне понятным в положении несчастного адмирала, но едва ли оно соответствовало действительности. В самом деле, о каких союзниках могла идти речь. Ведь ни одно правительство, в лице своего высокого комиссара, не давало гарантии в безопасности адмирала. Если бы подобная гарантия была дана, то она и была бы, несомненно, выполнена, так как на измену своему слову союзные правительства никогда не пошли бы. Да и самое предательство, как ненужная жестокость, не имело цели, а несмываемым пятном на правительства ложилось бы. Предавали Колчака вовсе не союзники, а чехи, и только одни чехи, а союзники, в лице их комиссаров и военных миссий, оставшихся еще в Иркутске, лишь умывали, как Пилат, руки и не сделали даже попытки, чтобы удержать чехов от задуманной ими низости. Из всех союзников, если переданный выше рассказ генерала Занкевича верен, лишь один генерал Жанен принял непосредственное участие в выдаче адмирала. Это явствует из сообщения майора Крова-ка Занкевичу в пути, что «ведутся какие-то переговоры между Сыровым и Жаненом» и что именно к Сыровому Кровак бросился по приходе поезда в Иркутск.

Чтобы оправдать себя в предстательстве, чехи в своем обращении к Сибири заявляли, что они передавали адмирала Колчака для народного суда не только как реакционера, но и как врага чехов, так как он якобы приказал атаману Семенову не останавливаться перед взрывом туннелей, чтобы задержать чешское движение на восток. В действительности Колчак никогда такого распоряжения не делал, но о возможности его был сделан намек в телеграмме Каппеля Жанену, если не ошибаюсь, из Ачинска. Телеграмма эта проходила через мои руки, была ли послана, я не знаю. В ней значилось дословно следующее: «… доведенные до отчаяния, мы будем вынуждены на крайние меры…» По-видимому, телеграмма была отправлена, дошла по назначению и понята правильно, то есть, что если нам суждено

погибать из-за чехов, то путь и они погибнут вместе с нами. Желание и решение законные в стране, где мы были хозяева, а Жанен и чехи не званные нами гости.

Чтобы сложить с себя вину, чешский командующий генерал Сыровой выпустил обращение «К братьям», в котором объявлял, что эвакуация чехов была решена еще 28 августа совершенно независимо от положения на Сибирском фронте. Десяток русских эшелонов, по его словам, отходящих в паническом страхе из Омска по обоим путям, грозил прервать не только планомерное проведение чешской эвакуации, но и завлечь их в арьергардные бои с большевиками. Поэтому, говорит Сыровой, «я распорядился остановить отправку эшелонов на линии Николаевска на восток, пока не пройдут наши эшелоны в первую очередь. Только таким образом мы выбрались оттуда. Это нисколько не повредило движению поездов по отправке на фронт и для снабжения. Между задержанными очутился и адмирал Колчак со своими семью поездами и стал жаловаться союзникам и Семенову на наше войско».

В этом обращении «брата Сырового» столько же лжи, сколько наивности. Во-первых, русских эшелонов было не десяток, а тысячи; во-вторых, отходить по железной дороге «панически», вообще говоря, нельзя до тех пор, пока движение совершается согласно железнодорожным правилам. Но как только чехи взяли движение в свои руки, то их переезд действительно получил вид панического бегства по железной дороге. Каждый эшелон овладевал паровозом как собственностью, ставил на него часовых и заставлял машиниста ехать до тех пор, пока паровоз без осмотра и продувания не приходил в негодность. Тогда он бросался и брался другой от всякого нечешского эшелона. Ясно, что о кругообороте паровозов при таких условиях думать не приходилось.

Столь же правдиво заявление Сырового, что такой порядок не повредил бы обратному движению по отправкам на фронт и для снабжения. Он, конечно, знает, что ни того ни другого не было и быть не могло. Сознательная ложь, будто чехам грозила опасность быть вовлеченными в арьергардные бои с большевиками. От этой опасности они гарантировали себя тем, что в задние эшелоны назначили поляков и румын. Ни одного чеха там не было, и даже железнодорожные коменданты-чехи заменялись польскими, как только проходил последний польский эшелон. Как себя чувствовали поляки, мы увидим дальше.

Вопрос о предательстве адмирала Колчака чехами нельзя затушевать никакими обращениями «К Сибири» и «К братьям». Братья выдали потому, что иркутские революционеры грозили

чинить препятствия движению до взрывов полотна включительно. Перед этими угрозами «братская совесть» спасовала. Вопрос ясен.

Было бы крайней недобросовестностью и явно неумным переносить на весь чешский народ преступления, совершенные в Сибири маленькой горсточкой этого народа, именовавшейся «чешскими легионами», заброшенными в далекую нашу окраину и развращенными нашей же революцией. Но столь же неумно и малопорядочно было бы замалчивать содеянное чехами, и особенно их старшими начальниками, которые обязаны были поддерживать порядок среди них и не позволять им вести себя бандитами в дружественной и союзной стране, встретившей чехов с распростертыми объятиями.

Самым волнующим русское сознание вопросом является бездействие в указанном направлении главнокомандующего чешскими войсками генерала Жанена. К сожалению, нет никаких данных, чтобы разобраться в причинах и мотивах его бездействия ни тогда, когда чехи творили всяческие безобразия в Сибири и на железной дороге, ни тогда, когда они столь позорно предали Колчака, доверившегося предложению стать под их охрану. Те выступления в печати, которые делал сам генерал Жанен, служат не к выяснению, а к затемнению вопроса. В них он, когда правильно, когда предвзято, судит о наших русских действиях, об ошибках Колчака, о недостатке жертвенности у офицеров, среди которых встречались старавшиеся уклониться от службы на фронте и т. п. Но в этих чисто русских делах мы сумеем разобраться и без помощи генерала Жанена. Но вот чего мы сами никогда не поймем: почему генерал Жанен не захотел обуздать самоуправство чехов, почему он ни разу не ответил на обращения к нему главнокомандующего Каппеля, который умолял его предоставить распоряжаться на русской железной дороге нашему министру путей сообщения, причем заверял, что от этого не произойдет ни сокращения, ни задержки в движении чехов. А самое главное, чего до сих пор не разу не сказал генерал Жанен, это: мог ли и хотел ли он предотвратить предательство чехами адмирала Колчака на расстрел и по какому праву он предоставил чехам свободу распорядиться Колчаком как пленником, тогда как добровольно он отдался им лишь под охрану. На этот счет мы имеем лишь косвенное указание у Гинца, который передает со слов чиновника для поручений Язвицкого, командированного на ст. Иркутск для переговоров с союзниками, такую фразу генерала Жанена: «Мы психологически не можем принять на себя ответственность за безопасность следования адмирала. После того как я предлагал ему передать золото на мою личную ответственность и он отказал мне в доверии, я ничего уже не могу

сделать» (генералу Жанену достаточно было бы объявить, что ни один чех не будет отправлен морем, если адмирала не доставят живым и невредимым в Забайкалье, и вопрос был бы разрешен не только «психологически», но и реально).

Вот чудовищная психология, где жизнь человека, да еще возглавителя союзного, на протяжении четверти века, правительства, сопоставляется с золотом. Если ты в свое время не доверил мне 657 миллионов золота, то я «психологически» не могу гарантировать твою жизнь. В таком случае естественно тоже «психологически» допускать, что генерал Жанен разделял взгляд подчиненных ему чехов, что Колчака надлежало предать народному суду. Но по какому праву он и чехи брали на себя такое решение? Скажут ли когда-нибудь об этом генералы Жанен и Сыровой? Едва ли. Между прочим, в «Monde slave», 24/XII, с. 239, Жанен объясняет, что он не мог посылать на убой чехов для спасения Колчака. Оправдание более чем странное, так как никто на чехов не покушался, как и на Колчака. В Иркутске силы революционеров были так ничтожны, что им и в голову не могло бы прийти вступить в бой с чехами. К тому же был очень простой способ обезопасить Колчака: очистить при его проезде станцию от посторонних и пропустить поезд без остановки.

Что же касается до бесчинств, творившихся чехами на железной дороге, то ни Жанен, ни Сыровой не могут отговариваться неведением. Сидя в глубоком тылу в Иркутске, хотя им следовало бы быть ближе к задним эшелонам, они могли не вполне ясно представлять себе, что делалось там, где люди соприкасались с большевиками. Однако у них имелись в бесконечном числе телеграммы Колчака, Каппеля, министра путей сообщения, другие сведения, не доверять которым у них не было основания.

Сейчас эта страница истории перевернута, но не закрыта навсегда.

Конец Белой борьбы в Сибири

В январе 1920 года с отъездом из Иркутска совета министров и с почти одновременным переходом адмирала на положение чешского пленника закончилась фактически и юридически агония власти Верховного Правителя, начавшаяся еще под Курганом после неуспеха казаков и ускоренная затем легкомыслием Сахарова, взявшегося удерживать Омск, равно нерешительностью самого адмирала, не сумевшего определить свое место ни при армии, ни при своем правительстве и оставшегося, в конце

концов, буквально между небом и землей. Золотой запас перешел к большевикам.

От прежнего совокупного могущества правительства адмирала Колчака осталась одна армия, которая, разделившись на две колонны, стихийно двигалась на восток, не зная ничего из того, что происходило в Иркутске. Вторая армия шла по дорогам к северу от железнодорожной магистрали, третья к югу; первая армия как-то распылилась.

Памятуя красноярский опыт, Каппель принял меры, чтобы вторая армия, по возможности, не встречалась с красными, и поэтому вскоре после Красноярска свернул с дороги и пошел по реке Кан. Получился небывалый в военной истории 110-верстный переход по льду реки, куда зимою ни ворон не залетает, ни волк не забегает, кругом сплошная непроходимая тайга. Мороз был до 35 градусов. Одно время мы попали в критическое положение, когда в конце пути наткнулись на горячий источник, бежавший поверх льда и обращавший его в кашу. Вереницы саней сгрудились у этого препятствия, так как лошади по размокшему льду не вытягивали, а обойти его не было возможности из-за отвесных берегов. Боялись, что лед рухнет под тяжестью такого количества саней и лошадей, но все обошлось благополучно, перебрались поодиночке, вылезая из саней. Промокшие валенки немедленно покрывались ледяной корой. Чтобы избегнуть воспаления легких, последние за рекою 10 верст пришлось идти пешком в пудовых валенках. На этом переходе Каппель схватил рожистое воспаление ноги и затем легких и вскоре скончался. Умерших во время перехода тифозных складывали прямо на лед и ехали дальше. Сколько их было, никто не знает, да этим и не интересовались, к смертям привыкли.

Этот легендарный Ледяной Сибирский поход сравнивают обычно с Ледяным походом Корнилова и даже считают его более трудным. Надо правду сказать, что такое сравнение, хотя и лестное для нас, шедших по Кану, совсем неправильно. Наше положение было неизмеримо легче корниловского, потому что мы не имели перед собою противника, нам не приходилось «пробиваться», а это коренным образом изменяло дело. Затем яркое солнце, полное безветрие позволяли легко переносить мороз, да и одеты все без исключения были в валенки и полушубки, никто, кроме того, не шел пешком. У Корнилова было совсем иное положение, и нам не приходится равняться на его Ледяной поход.

У станции Зима мы столкнулись с красным отрядом, который, к счастью для нас, был атакован с тыла чехами и частью перебит, частью взят в плен. Грустно было проезжать мимо

валявшихся трупов своих же русских людей (конечно, уже до белья раздетых, на этот счет исключения не было) и смотреть на испуганно выглядывавших из-за ворот деревни жителей, видевших в первый раз Гражданскую войну и ничего в ней не понимавших.

До Иркутска добрались благополучно. Здесь узнали, что адмирал был накануне расстрелян. Этим отпадал главный мотив, чтобы атаковать город. Чехи, как в свое время было с генералом Сычевым, предупредили, что они не допустят обстрела Иркутска со стороны Иннокентьевской, где мы находились. Это обстоятельство не играло большой роли, так как в Иркутске красных почти не было – они ушли накануне – и город можно было взять с любой стороны, но на совещании начальников начальник Воткинской дивизии, генерал Молчанов, заявил: «Войти в город мы, разумеется, войдем, а вот выйдем ли из него, большой вопрос, начнется погром и грабеж, и мы потеряем последнюю власть над солдатом». Это мнение было решающим, и в ночь с 7 на 8 февраля обошли город с юго-западной стороны. Красные послали вдогонку несколько артиллерийских выстрелов, и тем дело кончилось. В конце февраля без приключений добрались до Забайкалья и, наконец, вздохнули спокойно – теперь между нами и красными стояли японцы.

В Забайкалье собралось около 12 тысяч человек, не считая жен и детей. Это все, что осталось от когда-то хотя и не грозной, но многочисленной 800-тысячной армии. Так сумел адмирал Колчак растратить доставшееся ему богатое имущество, без славы, без почестей и без ратных подвигов.

Попытки возродить армию кончились ничем. Мы продержались в Забайкалье ровно до тех пор, пока там оставались японцы, которых красные не осмеливались атаковать. Как только ушли японцы, так и наши войска отступили в Маньчжурию, были там разоружены китайцами и невооруженными перевезены в Приморскую область. В конце 1921 года генерал Дитерихс, возглавивший армию, пробовал восстановить сопротивление красным, двигавшимся от Благовещенска, но безуспешно. Его небольшой армии пришлось сначала эвакуироваться в Корею, потом распылиться по разным китайским городам, ища заработков.

С эвакуацией в Китай был закончен последний этап Сибирской борьбы, когда-то, четыре года назад, начатой так успешно и сулившей так много. Возглавленное 18 ноября 1918 года адмиралом Колчаком дело потерпело полное крушение. Это не дает еще оснований, чтобы история вынесла ему обвинительный приговор. Он делал все, что было в его силах и

умении, а за свои ошибки жестоко расплатился мученической кончиной. Но, несомненно, история отметит роковую для Колчака и России случайность, что адмирал оказался в Омске в тот самый момент, когда Директория доживала свои последние дни и сам собою народился вопрос о единовластии. Нашелся ли бы тогда не только в Омске, но в России человек, который не указал бы на Колчака как на как бы судьбой предназначенного диктатора. Тогда в Омске власть должна была достаться ему, как законная дань его славе по командованию флотом в Балтийском и Черном морях. Впоследствии другим, а может быть и самому Колчаку, стало ясно, что из всех возможных тогда кандидатов он был, по характеру и по его неподготовленности к военному и государственному управлению, наименее пригодным для носителя верховной власти. Но таков был перст судьбы.

Г. Клерже[168]
Ледяной поход[169]

С момента оставления Омска все управления штаба Верховного главнокомандующего прекратили свое фактическое существование. Вне всякой связи с войсками и войсковыми штабами продвигались эшелоны бывшей омской Ставки, никому не нужные и только даром забивавшие своими громадными составами длинную Сибирскую магистраль.

Иностранные войска сравнительно заблаговременно убрались на восток. Однако чехословацкие и польские эшелоны сильно запоздали эвакуацией из Западно-Сибирского района. Они, вытянувшись почти одновременно с общей массой поездов, нагруженных различными правительственными учреждениями омской и местной краевой администрации, частично перепутались с последними и, в конце концов, бросили свои хвостовые эшелоны. Брошенные без паровозов, эти составы еще больше забивали путь и сделали совершенно невозможным продвижение вперед находившихся позади русских эшелонов.

Бесконечная кишка русских поездов постепенно уменьшалась. С хвоста эту кишку неизменно «откусывали» преследовавшие неотступно по пятам части Красной армии, а с головы, по мере того как эта кишка упиралась в образовавшиеся пробки, она превращалась в вереницы «понужающих» вдоль полотна железной дороги многочисленных саней и двигающихся гусеницей всадников и пешеходов. Только части войск продолжали сохранять относительный вид своей первоначальной организации, но что касается других учреждений и не принадлежащих к ним составов, то там уже с половины пути между Новониколаевском и Красноярском образовалась из них сплошная «каша»…

Стихийное стремление всей массы людей как можно скорее продвинуться на восток, чтобы уйти от непосредственного соприкосновения с наседающим и не дающим покоя противником, делало свое печальное дело. Задняя масса давила переднюю и еще больше усиливала общую неразбериху, причиняя невыразимые страдания всем без исключения, кто имел несчастье совершать этот беспримерный в истории так называемый Ледяной поход.

Здоровье и жизнь каждого из участников этого похода потеряли всякое значение. На падающих, отстающих, умирающих и замерзающих никто не обращал совершенно никакого

внимания. Каждый в этой ужасающей обстановке предоставлен был самому себе и собственной выносливости и изворотливости. Не выдерживаешь – значит, погибай, но на другого не рассчитывай. И каждый это отлично понимал, и никто не требовал от другого ни сочувствия, ни помощи. Малодушные и слабосильные сразу сдавали и прекращали свой крестный путь, передаваясь на сторону жестокого противника, но твердые духом и упорные в своем стремлении уйти как можно дальше на восток уходили и уходили.

Но немногие из них, однако, достигли того, чего хотели. Этот «счастливый» удел, видимо, немногим был написан на роду в это каиново время… Несчастная, вернее, несчастливая Белая Русская армия в Сибири, среди дремучей тайги и глубоких снегов, в лютые морозы была предоставлена самой себе. В Сибири было много вооруженных иностранных сил, но эти силы не помогали, а мешали русским антибольшевистским войскам.

Если вследствие бездарности военачальников Белая Русская армия приговорена была к медленному угасанию и замерзанию, то что же сделали господа министры правительства адмирала А.В. Колчака, чтобы предотвратить это несчастье? Куда девалась дипломатия, которая не сумела найти надлежащих форм и положений, чтобы принудить или заинтересовать прежних союзников прийти Белой армии в Сибири на помощь если не в самом начале процесса вооруженной борьбы, то, во всяком случае, в наиболее тяжелый период существования последней.

Некоторые историки Белого сибирского движения слишком сильно обвиняют чехов и отчасти поляков в том, что они не помогали Русской армии в разгар ее борьбы с большевиками, а, уходя через Сибирь во Владивосток, значительно поживились за счет русской государственной казны и ее золотого запаса. Справедливы ли эти обвинения в полной мере?! Что чехи отказались под конец воевать и воспользовались благами плохо оберегаемого русского достояния, это верно. Однако после того, как перед читателями прошла картина страшного развала в управлении русскими вооруженными силами в Сибири, где сами русские не щадили ничего того, что клонилось к успеху борьбы их с большевиками, то можно ли требовать от чехов и поляков, чтобы они были «больше русскими, чем сами русские»? Конечно нет. Чехи видели нелады на верхах русского военного командования, которое не только вело между собою отчаянную борьбу, но и вступало в борьбу с чешским военным командованием.

Автору настоящих воспоминаний, как одному из старших офицеров Генерального штаба омского периода, на своих плечах

пришлось перенести столько невзгод и отчаянных внутренних трений, что трудно было справляться со своими прямыми задачами по службе. Где же было возможно успеть распространить свою положительную работу и на урегулирование взаимоотношений с иностранцами, в том числе с чехами, поляками, с сербами и с другими войсками интервентов, прежних союзников России? Регулировать отношения с чехами как братьями по крови, как с участниками первых антибольшевистских выступлений на Волжско-Уральском и Сибирском фронтах надо было во что бы то ни стало. Ведь не было столь серьезных причин для внутренней борьбы с чехами, чтобы, ввязываясь в нее, русские могли поставить на карту свое собственное существование. Не одно военное русское командование повинно в порче отношений с чехами, и среди чехов находились лица, которые обостряли углы в вопросах взаимоотношений и в вопросах вмешательства во внутреннюю русскую политику. Однако даже эти недочеты не должны были бы иметь полного перевеса над здравым рассудком и сознанием громаднейшей ответственности, лежащей на плечах всех без исключения общественно-политических деятелей того периода русской истории.

Среди чехов было немало лиц, которые искренно болели душой за разруху, царившую в рядах белого русского лагеря, и за нелады последних с чехами. Заметную роль в политической, скорее в секретной, форме отношений того времени играл чешский полковник Заячек. Он, как заведующий чешской контрразведкой, лучше других знал всю «подноготную» различных взаимоотношений и потому точнее, чем другие, мог судить о том, насколько они могли влиять на то или иное складывающееся внутреннее положение. Еще в период весенних первых неурядиц в 1919 году он неоднократно приходил в служебный кабинет автора настоящих воспоминаний и ему, как помощнику начальника Главного штаба, сетовал на целый ряд обстоятельств, которые мешают совместной русско-чешской дружной работе. Он стремился вполне добросовестно к установлению общей линии понимания и в лице своего собеседника искал прямого сочувствия. Естественно, что в этом направлении он встречал взаимную искренность. Однако, как тонкий и чуткий наблюдатель, полковник Заячек не мог не заметить того, что и автор настоящих воспоминаний в тот период разговоров уже не в силах был оказать своего влияния на благоприятный оборот взаимоотношений чехов с русскими, ибо он сам был в состоянии полного преследования со стороны своего прямого начальства – генералов Степанова[170]и Марковского[171].

Неумная контрразведка Марковского ему доносила, что «полковник Клерже вошел в контакт с чешской контрразведкой, очевидно, он что-то замышляет». Получая эти «донесения» на своего помощника, Марковский не обращался к нему за разъяснениями, а шел с «соответствующим» докладом к военному министру генералу Н.А. Степанову. На попытку автора настоящих воспоминаний завязать с генералом Марковским разговор на тему о необходимости улучшения взаимоотношений с чехами он смотрел как на желание первого «играть видную политическую роль» и, конечно, всячески этому противодействовал. Коль скоро в таких простых вопросах нельзя было не только договориться, но и установить даже самое примитивное взаимное понимание, то можно ли после этого удивляться, что вообще с чехами вышел, в конце концов, такой страшный по своим последствиям разлад. С этой точки зрения автору настоящих воспоминаний приходилось стать, как это ни кажется парадоксальным, на защиту чехов и, пользуясь настоящим случаем, определенно сказать, что в том, что чехи стали индифферентными к судьбам борющейся с большевиками Сибири, виноваты не они – чехи, а только одни русские.

Помимо чешского вопроса, на фоне Белого движения в Сибири имелся еще один важнейший и значительный фактор, которого не только не использовали, но который преступно небрежно отвергли и затоптали. Здесь прямо и без всяких обиняков надо говорить о той роли, которую могла и должна была сыграть в Белом русском движении в Сибири Япония. Маленького роста, неизвестно откуда-то появившийся, в больших «американских» очках в черепаховой оправе, министр иностранных дел И.И. Сукин[172]«вершил» политику хитроумного Омска. Через свои «розовые» американские очки этот клопеныш-министр с подозрительностью и с крайним предубеждением смотрел на великую восточную державу и жестоко предостерегал всю коллегию омского кабинета от «неразумных» соглашений с Японией.

– Америка и Европа нас признают, и они нам помогут. Ни одной пяди русской земли японцам, – таков примерно был лозунг министерства иностранных дел несчастного всероссийского Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака.

– За свою помощь Япония потребует чуть ли не пол-Сибири, – думали «глубокомысленные» омские дипломаты, среди которых, в роли товарища министра иностранных дел, состоял и профессор М.П. Головачев.

Перед генералом Жаненом, который командовал интернациональной армией, собранной в Сибири, омские

министры изгибались в три погибели и в то же время почти совершенно не считались с видным представителем Японии генералом Фукудой, одно прямое и ясное солдатское слово которого, сказанное не из корыстных намерений, могло бы повернуть всю обстановку в Сибири, а может быть, и во всей, по тому времени, России в благоприятную для Белого движения сторону…

Вместо того чтобы, не обращая внимания на противодействие других союзников, гневом которых вечно пугал всех И.И. Сукин, настоять на том, чтобы японцы ввели в Сибирь несколько своих дивизий для охраны большей части Сибирской железнодорожной магистрали, омские дипломаты довели до того, что японцы, преследуемые несправедливыми подозрениями, сосредоточились в районе к востоку от Байкальского озера и, по своей инициативе, начали оказывать поддержку той белой группировке, которая находилась в оппозиции Омскому правительству.

Как показал опыт последующей вооруженной борьбы с большевиками в Забайкальской области, на Амуре и в Приморье, те же японцы понесли весьма большие потери офицерами и солдатами в боях с большевиками, тем не менее, однако, ни одной «пяди» русской земли себе за эту помощь своей кровью они не потребовали.

Военный представитель Великобритании генерал Нокс, работавший в полном контакте с генералом К.В. Сахаровым, распоряжался во внутренних делах омского аппарата как у себя дома, и ему повсюду оказываемо безграничное доверие, однако совершенно не на таком привилегированном положении находился военный представитель ближайшей соседней державы генерал Фукуда. А между тем если бы состоялось солидное принципиальное соглашение с последним, то при помощи японской вооруженной силы, выдвинутой в район Красноярска и Иркутска, можно было бы вполне обеспечить полное спокойствие в тылу армий адмирала А.В. Колчака и предупредить те серьезные восстания в центре Сибири, которые, в сущности, и нанесли самый сильный вред белому Сибирскому фронту. То же соглашение предотвратило бы политическую «игру» против адмирала А.В. Колчака и в Забайкальском районе.

Помимо всех этих весьма радикальных выгод, которые сулились при полном единодушии с японцами, можно было бы воспользоваться и технической помощью последних в вопросе налаживания правильного железнодорожного сообщения по всей Сибирской магистрали. Образцовая постановка железнодорожного дела в Японии доведена до высокой степени совершенства. Изумительная точность расчетов и педантичная

аккуратность в соблюдении всех маршрутных сообщений, которыми славятся все японские железные дороги, в случае, если бы была применена в Сибири, во время эвакуации Белой армии из Омска не получилось бы такого невероятного хаоса и безобразия. Даже большевики, после десятка лет своего хозяйничанья в России, когда убедились, что наладить железнодорожное хозяйство и движение в надлежащей мере они не могут, пригласили к себе, в качестве инструкторов, японских железнодорожных специалистов и инженеров. Эти инструктора в течение долгого времени работали на многих линиях русских железных дорог и принесли заметную пользу русскому железнодорожному хозяйству, даже в условиях тяжелой и малоподвижной советской системы управления.

Бесконечно путаясь в «ориентациях» и не находя прямого выхода из создавшейся трагической обстановки, адмирал А.В. Колчак даже свою собственную судьбу отдал не на попечение Японии, которая одна-единственная, по тому времени, могла оказать реальную помощь соответствующей вооруженной силой, а на попечение одновременно… всех великих держав. В результате такой «политики» его литерный поезд, разукрашенный флагами пяти великих держав, самым простейшим способом был передан в руки прямых и открытых врагов адмирала, как Верховного Правителя всея России.

В то время как в Иркутске происходила «передача» адмирала и золотого запаса в руки Политического Центра, в соседней Забайкальской области находилась в полной боевой готовности вся 5-я японская дивизия во главе с генералом Судзуки. В течение времени меньше чем через сутки передовые части этой дивизии, находившиеся в городе Верхнеудинске, могли появиться в пределах Иркутского района, принять на себя полную охрану Верховного Правителя и доставить его в ту же Забайкальскую область для дальнейшего продолжения, совместно с японцами, вооруженной борьбы против большевиков. Ведь эту же самую борьбу японцы вели весьма интенсивно уже после гибели адмирала в Забайкальском и Приморском районах, помогая войскам атамана Семенова и последующего Приамурского (Меркуловского) правительства! Почему же того самого они не сделали бы совместно с адмиралом?

Вина за полный провал политики и за гибель жизни самого Верховного Правителя лежит исключительно на министерстве иностранных дел Омского правительства и персонально на самом министре И.И. Сукине и его ближайших помощниках. Этот жесточайший промах Омской дипломатии должен был войти в историю всего Белого движения как самая мрачная и тягостная

картина всего испытания, которое выпало на плечи всех, чаявших прихода избавления России от большевиков со стороны Востока.

Японцы отлично разбирались во всех тонкостях и хитросплетениях омской дипломатии и так как сами не искали для себя никаких специальных выгод за счет русского народа, то и не видели для себя необходимости проявлять свое рыцарское, самурайски-бескорыстное отношение к Омску. Среди флагов пяти великих держав, под сенью которых несчастный русский адмирал А.В. Колчак шествовал на свою последнюю голгофу, развевался флаг и Страны восходящего солнца. Однако на присутствие японского флага в данном случае надо смотреть лишь как на церемониальное участие его в обычной траурно-погребальной процессии. И в этой печальной погребальной процессии не видно было ни министра в черепаховых «американских» очках, ни его ближайших помощников. А где они были, действительно, в это время?! Не знал об этом, вероятно, в тот момент и сам адмирал.

На санях по шпалам

Покинув затертый в общем заторе поездов эшелон Осведверха, автору настоящих воспоминаний пришлось пересесть на сани и в них продолжать свой дальнейший путь на восток. Длинной вереницей тянулись впереди и позади колонны из таких же саней, которые стремились сохранить свое прежнее организационное устройство. Двигались группой и уже заметно поредевшие в своем составе сотрудники Осведверха.

Временами, когда впередиидущая вереница саней неожиданно останавливалась и не пропускала позади тянущуюся колонну, некоторые нетерпеливые смельчаки выезжали на полотно тут же пролегающей Сибирской железнодорожной магистрали и продолжали свой путь прямо по шпалам. Каждую минуту эти смельчаки рисковали своей жизнью, ибо сзади идущие по линии поезда, вынырнув неожиданно из-за поворота, могли наскочить на них. В таких случаях, а повторялись они очень часто, среди едущих по шпалам саней поднималась невообразимая паника, в результате которой сани бросались с полотна в сторону и нередко падали с большой высоты под откос. Нервы у всех были перетянуты до последней крайности, и бывало так, что эта самая паника поднималась и безо всякой причины.

Компанию в этом походе на санях с автором настоящих воспоминаний разделял ближайший его помощник по Осведверху профессор А.М. Оссендовский. Большие вместительные сибирские сани-розвальни, запряженные тройкой сытых лошадей, быстро

скользили по накатанной зимней дороге. Полулежа, закутанные в теплые шубы и «дохи», путешествовали в течение нескольких дней они в одних санях от Ново-Николаевска до станции Тайга.

В длинных и нескончаемых беседах проходило это удивительное и памятное на всю жизнь «путешествие». Проведенное вместе время в Кокчетавских степях, где случалось не раз побывать на охоте «по зверю и птице» и куда с «сосланным» начальником Осведверха добровольно согласился отправиться и профессор А.М. Оссендовский, а также впечатления от омской катастрофы служили предметом самых оживленных между ними разговоров и воспоминаний. Профессор А.М. Оссендовский был изумительный и интересный рассказчик, с которым можно было проводить целые дни, причем никогда не иссякала у него тема для самых занимательных и душу захватывающих повествований. В жизни своей, полной всяких охотничьих, а также политических приключений и злоключений, было не мало глубоких переживаний, тем не менее, они нисколько не отразились на живом и весьма общительном его характере. Близко подружившись с ним, автор настоящих воспоминаний видел в нем не только весьма ценного помощника и сотрудника, но и дорожил им, как личным проникновенным советником и доброжелательным другом.

К сожалению, не доезжая станции Тайга, совместное путешествие должно было прерваться, так как профессору А.М. Оссендовскому пришлось повернуть на север и отправиться в город Томск, где находилась его жена. Надо было взять ее с собою и потом снова догнать в пути колонну Осведверха. Тепло простившись с профессором, автор настоящих воспоминаний и не подозревал того, что следующая встреча у него с ним произойдет только через полтора года. В то время как санная колонна Осведверха добралась до станции Тайга, уже получились сведения, что в городе Томске произошло восстание гарнизона и, таким образом, профессор А.М. Оссендовский с семьей попал в очень тяжелое положение. Было сразу очевидно, что скоро ему оттуда не выбраться и его личной жизни, как видного участника антибольшевистской пропаганды, грозит большая опасность.

Только во Владивостоке летом 1921 года, когда там образовалось одно из последних антибольшевистских правительств, привелось, при совершенно случайных обстоятельствах, снова увидеться с профессором А.М. Оссендовским. Много, много пришлось ему пережить после того, как он покинул сибирские походные сани-розвальни начальника омского Осведверха. Вырываясь из большевистского плена, в котором он пробыл около года, он проник в Монголию и кружным

путем добрался до Владивостока, как раз в то время, когда там снова появилось белое правительство и автор настоящих воспоминаний прибыл в этот город в роли начальника штаба атамана Г.М. Семенова. Вскоре после этого А.М. Оссендовский покинул Владивосток, отправляясь через Америку в Европу и Польшу.

Через два года потом появилась в печати книга, написанная профессором, под названием «Боги, люди и звери», в которой он, в самых захватывающих и натуральных красках, рисует все свои переживания и бедствия, перенесенные во время плена и бегства из последнего. Находясь в Америке и в Европе, А.М. Оссендовский продолжал свою пропагандную работу антибольшевистского характера, иногда поддерживая связь письмами с пишущим эти строки. Интересовался он вопросами непосредственного участия и руководства в русской революции, особенно, в большевистский ее период, со стороны германского Генерального штаба. В связи с этим он запрашивал, не сохранилось ли в распоряжении автора настоящих воспоминаний материалов по этому поводу из числа тех, которые имелись в свое время в омском Осведверхе. Материалы, подтверждающие этот вопрос, конечно, были, но они или погибли в общем пламени, когда под Ново-Николаевском был подожжен эшелон Осведверха, или, если вообще уцелели, попали в руки большевиков.

От Тайги до Балая

На станции Тайга, от которой железная дорога имеет ветку на Томск, по прибытии санной колонны Осведверха представилась возможность снова пересесть в поезда. Значительная часть эшелонов 5-й Польской дивизии, двигавшейся в хвосте, растянувшейся впереди ленты чешских поездов, еще не успела покинуть ст. Тайга. У поляков имелись в полном комплекте вагоны и паровозы. Они сами, при помощи временно устанавливаемой своей военной комендатуры, распоряжались продвижением своих эшелонов.

При содействии русского коменданта, руководившего эвакуацией, протекавшей через Тайгу с Омского и Томского направлений, удалось с большим трудом получить вагон-теплушку и в нее погрузить жалкие остатки наполовину растерявшегося в пути личного состава Осведверха. В невероятной тесноте разместились в вагоне-теплушке с семьями, среди которых были и многодетные, и в таком виде двинулись от Тайги на восток. По мере знакомства с чинами польского

эшелона, уже в пути удалось разместиться по различным теплушкам.

Первоначально движение шло без перебоев, но потом начались задержки и замедления из-за недостатка воды и топлива на промежуточных станциях. Зачастую на перегоне между станциями в паровозе воды не хватало и ее приходилось восполнять снегом. В этих случаях все едущие в эшелоне, без различия ранга и служебного положения в польской и русской армии, брались за лопаты и ведра и становились на работу. После получаса такой интенсивной работы поезд отправлялся до ближайшей водокачки и там уже пополнял свой водяной запас. Таким образом, весь расчет движения был построен на постоянной «водяной мобилизации», и все едущие в эшелоне с большим вниманием следили за наличием в паровозе воды или снега. При малейшем упущении в этом вопросе грозила полная остановка поезда, ибо паровозы немедленно замерзали. Все промежуточные станции и депо были заставлены замерзшими в пути паровозами, для разогревания которых не всегда имелась возможность из-за недостатка рабочих в паровозных депо или из-за умышленного уклонения их от работы. Крепчавший мороз и большевистская агитация делали свое дело.

Все большее и большее количество эшелонов прекращало свое движение, и отстающие сзади стремились пересесть в уплотняемые передние эшелоны. С теми или иными препятствиями и задержками польский эшелон в течение нескольких дней дотянулся до станции Минино. По дороге, в Ачинске, пришлось наблюдать печальные остатки разрушений, произведенных взрывом мин, которые находились в одном из эшелонов морского ведомства. Груды отдельных частей искалеченных тел, рук и ног были сложены в пирамиды на перроне вокзала и ожидали своего погребения.

Польский эшелон проходил через станцию Ачинск через три дня после того, как на ней произошел страшный взрыв, разрушивший сразу пять эшелонов, стоявших на станционных путях. В одном из эшелонов находились чины штаба бывшего главковостока генерала Сахарова полковник Оберюхтин[173]и заменивший его в должности начальника штаба генерал Богословский[174]. У полковника Оберюхтина пострадала от взрыва жена, а генерал Богословский ранен был сам. На обоих этот взрыв и его последствия произвели такое неизгладимо тягостное впечатление, что они уже тогда открыто говорили о невозможности дальнейшего сопротивления большевикам и о необходимости прекращения против них вооруженной борьбы. Все тогда почему-то были уверены, что ачинский взрыв был

организован или тайными агентами большевиков, или партизанами Щетинкина, который действовал в Минусинском районе. Однако имеются полные основания утверждать, что это дело было следствием небрежного обращения с минами, которые на станции Ачинск перегружали из одного вагона в другой.

В ночь на 6 января, то есть через семь недель после того, как автор настоящих воспоминаний покинул Омск в польском эшелоне, он достиг станции Минино, расположенной по соседству с городом Красноярском с западной его стороны. Здесь перед его глазами перестала одна из печальнейших картин последнего отблеска угасающей Омской военной организации. Штаб главковостока генерала В.О. Каппеля, сменившего «убранного братьями Пепеляевыми» генерала К.В. Сахарова, покидал свои вагоны, пересаживался на лошадей и отправлялся в сторону от полотна железной дороги в северном направлении.

В Красноярске произошло большевистское восстание. Военная власть в городе перешла в руки бывшего начальника формировавшейся здесь дивизии, генерала Зиневича, который воспротивился дальнейшему продвижению через Красноярск на восток армии генерала В.О. Каппеля. Настроение немногочисленных чинов штаба, садившихся на лошадей, хотя и было достаточно бодрое, тем не менее, уже чувствовалось, что в этот момент происходила агония последних призраков власти адмирала А.В. Колчака, о местонахождении которого не имелось к тому времени никаких сведений.

Войдя в пустеющий вагон штаба, автор настоящих воспоминаний встретил в нем бывшего генерал-квартирмейстера последнего периода омской Ставки генерала П.Ф. Рябикова, который в кратких чертах набросал данные об общей обстановке. По мнению последнего, продолжение продвижения по железной дороге на восток, через Красноярск, не обещало никакого успеха. Тут же, на станционных путях, приходилось наблюдать картину полной растерянности среди тех из чинов того же штаба и других эшелонов, которые были перегружены своими семьями и вещами до чрезвычайности и в этой безвыходной обстановке, без всякой надежды достать лошадей и сани для дальнейшего путешествия, не знали, что делать. Они, действительно, были в безысходно трагическом положении.

На бывшего дежурного генерала Ставки полковника Леонова[175], ехавшего со своей молодой женой, это трагическое обстоятельство так сильно подействовало, что он тут же лишился рассудка и, стоя на путях, что-то бессвязно бормотал, беспомощно протягивая ко всем встречным свои руки. Тяжелая и жуткая картина, но такие сцены были кругом, потому что станция

Минино была последним этапом, до которого докатился последний призрак умирающей омской власти.

После Минина все предоставлены были самим себе. Те, кто мог, цепляясь за армию, идти с нею в глухую бездорожную зимнюю Сибирскую тайгу, тот мог еще рассчитывать вырваться из когтей надвинувшейся смерти и дикого ужаса, но кто этой возможности не имел, тот погибал или сдавался. Не пересекли меридиана Красноярска полковник Оберюхтин и генерал Богословский, оставшись в лагере большевиков. Какова была судьба помешавшегося на станции Минино полковника Леонова, так и осталось неизвестным и по сей день. Генерала П.Ф. Рябикова автор настоящих воспоминаний с тех пор уже не встречал. Прорвавшись с армией до Читы, он вскоре потом покинул Дальний Восток и уехал в Сербию. Трагическая обстановка, при которой произошла последняя встреча с пишущим эти строки, видимо, оставила в памяти генерала П.Ф. Рябикова такое тяжелое и всесокрушающее впечатление, что когда он встретил в Чите ранее уехавшую туда жену автора настоящих воспоминаний, то на ее естественный вопрос о судьбе своего мужа он нарисовал ей такую печальную картину, что в трагической гибели последнего сомневаться почти не приходилось.

Хотя и опасно было двигаться через Красноярск с польским эшелоном, но ввиду того, что иного выхода не было, надо было рисковать. Бросать всех чинов Осведверха с семьями в этот трагический момент также было нельзя. Поляки волновались, так как не были уверены, что они пройдут через восставший Красноярск без боя, но у них тоже не было выхода. Они решили двигаться по железной дороге. Невольно с ними потянулся навстречу полной неизвестности и лютой опасности и автор настоящих воспоминаний с Осведверхом.

Однако риск оказался не так велик. На вокзале все находилось в сравнительном порядке, польскому эшелону не причинили никаких препятствий и неприятностей, и он смог продолжать свой путь и дальше от Красноярска на восток. По общему впечатлению, которое сложилось в этот момент у пишущего эти строки, напрасно генерал В.О. Каппель предпринял тяжелое обходное движение всеми силами своей армии вокруг Красноярска с севера, тогда как последний можно было бы взять без особого сопротивления, простой лобовой атакой. Очевидно, даже у военачальников, перенесших слишком длительное нервное и военное напряжение в течение нескольких лет Великой и Гражданской войн, в конце концов силы для активного противодействия иссякли и они настолько сами «выдохлись», что

предпочитали идти только по «линии наименьшего сопротивления». Инициатива и активность, видимо, твердо покинули ряды Белой армии в Сибири, и она только стремилась уйти и уйти.

В Забайкалье, в Забайкалье, скорее и во что бы то ни стало! Вот что было лозунгом того ужасного времени, и никто уже не помышлял о серьезном восстановлении фронта. Также потом, два месяца спустя, без боя оставляя адмирала А.В. Колчака и золотой запас на произвол судьбы, обходил с севера Иркутск и последующий главковосток генерал Войцеховский. Точь-в-точь как это самое два месяца перед этим, под Красноярском, проделал и генерал Каппель.

К.В. Сахаров

А.Г. Ефимов

Д.В. Филатьев

И.Г. Акулинин

Адмирал А.В. Колчак

Генерал-лейтенант В.О. Каппель

Генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев

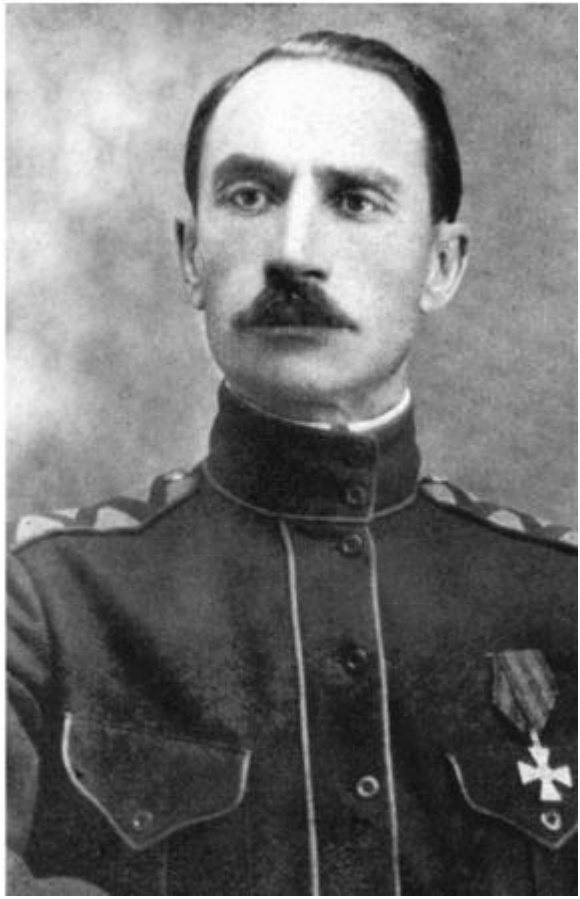
Генерал-майор С.Н. Войцеховский

Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс

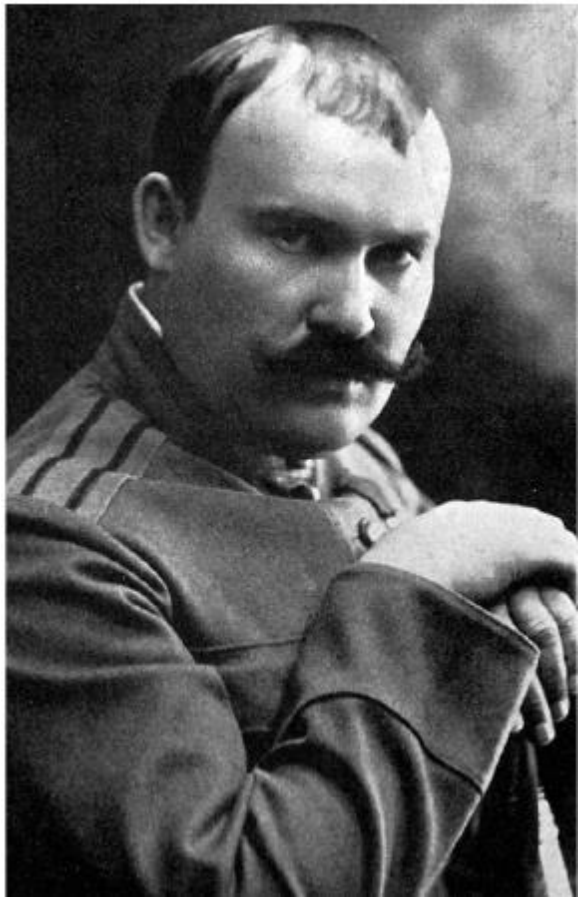
Генерал-лейтенант В.С. Толстов

Генерал-лейтенант М.В. Ханжин

Генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий



Генерал-лейтенант И.С. Смолин



Генерал-лейтенант Г.М. Семенов

Генерал-лейтенант А.И. Дутов

Генерал-лейтенант П.П. Иванов-Ринов

Генерал-майор В.М. Молчанов

Генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий

Генерал-майор В.И. Акутин

Полковник Т.И. Сладков

Есаул И.Д. Яганов

Войсковой старшина И.И. Климов

Полковник В.Н. Дробинин

Генерал-майор А.П. Перхуров

Генерал В.О.Каппель в гробу

Солдаты белой армии после похода

Начало перехода через Байкал

Поход по р. Кан

Большевики только и учитывали эту надломленную волевую психологию Белой стихийно отступавшей армии и стремились преследовать ее по пятам, зарываясь сами в это время до

последней крайности. Этот факт стал для автора настоящих воспоминаний очевидным во всей его полноте тогда, когда он попал в плен к большевикам и лично слышал об этом красноармейские разговоры и приказы передовым частям 30-й советской дивизии, которая гналась за армией Каппеля и Войцеховского.

– Товарищи, скорее, скорее вперед, нагоняйте белогвардейцев, иначе они могут легко оправиться и нам тогда несдобровать, так как мы слишком зарвались и малочисленны. Не давайте опомниться врагу от понесенного им поражения. Не теряйте времени на чай, обед и ужин, вперед, вперед!

– Недорубленный лес скоро вырастает, – покрикивали комиссары, подбадривая своих подчиненных для дальнейшего преследования.

Так гнали весьма слабую и такую же вымотанную, как и Белая, Красную армию ее командиры, стремясь не дать противнику передохнуть ни на один день.

Если бы Белая армия сохранила способность сделать хотя бы самый несложный обходной контрманевр, то зарвавшиеся слишком вперед преследующие части Красной армии, действительно, могли бы попасть в мешок и быть сравнительно легко разбитыми.

Как это ни странно, но значительный процент отсталых или сдавшихся красным солдат из армии Верховного Правителя автоматически попадал в ряды передовых преследующих частей противника и в один миг из «белогвардейцев» переделывался в рьяных красноармейцев. И эти «перелеты» были более ревностными исполнителями своих обязанностей, чем остальные красноармейцы. Такова психология Гражданской войны. Таковы уродливые последствия проигранных в этой войне решительных операций.

Итак, с отрывом остатков армии адмирала А.В. Колчака от поездных эшелонов все то, что находилось к востоку от Красноярска, на путях Сибирской железной дороги, оказалось вне всякого вооруженного прикрытия и превращалось в беспомощное «беженство». Только те, кто так или иначе поустраивались при польских или чешских эшелонах, могли считать себя до некоторой, весьма относительной, степени в безопасности. Все, имевшие сани и лошадей, ушли за армией.

К востоку от Красноярска польскому эшелону, в котором, теперь уже случайно очутившиеся на «беженском» положении, двигались остатки былого Осведверха, удалось пройти только четыре станции. Вследствие того что у многих впередиидущих эшелонов замерзли паровозы, они остановились и загородили

собою весь путь, который имел здесь только одну колею. Получилась безнадежная пробка. Простояв в напрасном ожидании от впереди лежащего ближайшего Канского деповского участка помощи паровозами, все пассажиры польского эшелона начали не на шутку волноваться.

Позади были только одни красные, и помощи в случае их приближения к вагонам ждать было неоткуда. Поляки определенно решили вооруженного столкновения с большевиками не принимать и перейти к ним совершенно добровольно в надежде, что их никого не тронут и после некоторого времени отправят, через Европейскую Россию, на родину. В вагонах стоящего в глухом снежном поле эшелона началась большевистская агитация. На немногочисленных русских поляки начали смотреть с явным недружелюбием и даже злобно, как бы считая их прямыми виновниками случившегося с эшелоном несчастья. Положение создавалось безвыходно драматическое. Среди русских поднялась паника, но никто из находившихся в вагонах не хотел покидать их. Почему-то все надеялись, что какое-то чудо должно спасти их. Но «чудо» ниоткуда не приходило.

Автор настоящих воспоминаний делал отчаянные попытки произвести разведку положения вокруг эшелона и впереди его для того, чтобы нащупать хотя какой-нибудь признак наличия белых отрядов, идущих вдоль железной дороги на санях или лошадях, и чтобы сдать туда женщин и детей, а мужчин присоединить к колонне. Ничего нигде видно не было. Армия, видимо, была уже далеко, так как со дня разрыва прямой связи с нею прошло больше трех суток. Сколько хватало возможности пройти пешком вперед по линии железной дороги, было видно, что все паровозы в польских эшелонах 5-й дивизии стояли замерзшими.

Эшелон, в котором следовал Осведверх, находился одним из хвостовых в этой печальной ледяной колонне. Обледенелые паровозы, обледенелые вагоны, заледеневшие сердца пассажиров. Вот он, знаменитый отныне Ледяной поход. Картина была жуткая и непередаваемая.

Кругом ни души. Недалеко впереди виднеется занесенная снегом глухая сибирская станция под названием Балай. Поляки не проявили какой попытки покинуть эшелоны, чтобы с оружием в руках походным порядком двинуться вперед. У них имелась для этого полная возможность. Во всех эшелонах 5-й Польской дивизии погружено было значительное количество лошадей, артиллерийских повозок и даже саней. При намерении оторваться от вагонов можно было бы использовать все имеющееся под рукой

для того, чтобы вывезти на лошадях женщин и детей, а самим двигаться пешим строем. Но поляки и слышать об этом не хотели. Им дорог был тот обильный скарб, которым они нагрузили за долгий срок путешествия свои вагоны.

С левой стороны эшелона, на дороге, проложенной санями ушедшей на восток Белой армии, появились красные конные разъезды. Двигаясь рысцой на сытых рослых и совершенно свежих лошадях, красные кавалеристы кричали в сторону вагонов о том, чтобы все оружие поляки складывали перед собою на снег, а лошадей немедленно выгружали из эшелонов. В одно мгновение ока из всех широко раздвинутых дверей теплушек потянулись польские легионеры и начали составлять в козлы винтовки и около них наваливать горы ручных гранат и патронов. Только некоторые из польских солдат злобно ругались про себя и небрежно швыряли амуницию из вагонов в придорожную довольно глубокую, запорошенную пухлым снегом канаву.

Русская часть пассажиров была совершенно пассивна. На всех лицах было написано полное уныние. Большинство молчало и с тупым равнодушием наблюдало за процедурой разоружения польских легионеров. Красные кавалеристы быстро продвигались вперед, за ними следовали другие и другие. Они все были увешаны большими красными бантами, лентами и повязками через плечо или около локтя. «Недорубленный лес скоро вырастает», и потому они торопились вперед, чтобы побольше отрезать и без того уже стоящих в полной покорности польских эшелонов.

Время шло. Скоро появятся те, кому надлежит ведать попавшими в плен «белогвардейцами». Ожидать этого момента – значит сознательно надевать на свою шею мыльную веревку. Приходилось действовать.

Приняв решение во что бы то ни стало уйти от грозящей личной смертельной опасности, автор настоящих воспоминаний пошел вдоль тех вагонов эшелона, где имелись русские, и тихим голосом, чтобы не привлекать общего внимания, предлагал всем желающим покинуть вагоны для того, чтобы прорываться на восток пешим порядком, присоединиться к нему. Первый, который ответил отказом следовать за своим офицером, был личный вестовой автора настоящих воспоминаний. У него оказалось «больное горло», и он боялся «простудиться». Личный адъютант поручик Хусаинов, видимо от горя, был мертвецки пьян, и от него ничего толком добиться было нельзя. С ним случалось, что, дорвавшись до четверти с чистым спиртом, он – молодой еще юноша, хотя и татарин – припадал к ее «устам» и пил, пил, пока не отваливался от горлышка наполовину опорожненной бутыли.

Спирту в эшелоне у поляков было сколько угодно, и бедный Хусаинов стал жертвой своей страсти во время этого печального пути. Мертвецкий пьяный, он и попал на «учет» вскоре прибывших из Красноярска агентов Чека. Будь он трезв, не пришлось бы ему остаться в руках большевиков, ибо следовать пешком он наверняка не отказался бы.

Все остальные, как сговорившись, отвечали решительным отказом, а некоторые даже ругались, считая прорыв через линию красного фронта еще большим безумием, чем сдача на волю «победителя». Дамы и девушки с ужасом смотрели на решившегося уходить «бывшего» начальника Осведверха и, со слезами на глазах нашептывая молитвы, благословляли его крестным знамением. Только один из всего состава Осведверха и других лиц нашелся, кто решил разделить сверхопасную попытку прорыва через выдвинувшуюся далеко вперед большевистскую линию фронта. Этот один-единственный был полковник Лев Николаевич Канабеев[176].

В этом безумном решении было бы трудно справиться одному, и потому автор настоящих воспоминаний облегченно вздохнул, когда убедился, что в своем положении он не оказался совершенно одиноким. Взяв с собою по маленькой котомке с бельем, полотенцем и мылом, двинулись две печальные фигуры на восток, прижимаясь ближе к вагонам, чтобы не привлечь на себя внимание со стороны проезжающих мимо красноармейских кавалеристов. Погоны, конечно, были сняты, внешний вид изменен.

От вагона к вагону, от эшелона к эшелону пробирались они, пока не достигли самого дальнего из шедших впереди эшелонов, после чего открывалось довольно большое безлесое пространство, вдали которого виднелась памятная теперь этим безумным пешеходам на всю жизнь станция Балай. Вечерело. Оглядываясь по сторонам и совершенно не зная, что их ждет в ближайшей к станции Балай деревушке, они решили продираться к ней и оттуда дальше на восток, придерживаясь линии железной дороги. Так как военную карту брать было опасно, ибо наличие ее могло привлечь внимание любого красноармейца, а тем более комиссара, решено было пользоваться только схематической картой, приложенной к обыкновенному железнодорожному путеводителю, на которой ничего, кроме тоненькой линии дороги и отмеченных на ней станций, почти не было. С такой картой уходить далеко в сторону от железной дороги было рискованно, и потому волей-неволей пришлось, уходя на восток, придерживаться полотна железнодорожной линии. Итак, в Балай так в Балай. А там увидим, что дальше делать.

И увидели! По пути подвернулся мужичонка на розвальнях, возвращавшийся со стороны в деревню при станции Балай. Переговорили с ним. Он охотно согласился взять двоих «заблудившихся в пути путешественников» для того, чтобы показать хату, где можно переночевать в безопасности от большевиков. Смекалистый мужичонка, по мере того как вез и подгонял почему-то все время «упрямившуюся» свою лошаденку, расспрашивал своих ездоков о том да о сем и чему-то загадочно ухмылялся. Хотя такое поведение мужичка не совсем обоим спутникам понравилось, тем не менее, никто из них не хотел в эту минуту даже и думать, что, может быть, за этой загадочной улыбкой простодушного русского мужичка кроется жестокое коварство и предательство.

Потом-то горе-путешественники научились «уму-разуму», а пока что, на первый же раз, влипли в грязную историю с полного маху. «Смекалистый русский мужичонка», сразу догадавшись, что имеет дело с офицерами Белой Русской армии, решил их доставить «живьем» прямо в лапы большевиков. И доставил.

– Пожалуйте, господа хорошие, здесь вам лучше всего будет отдохнуть, – ехидно ухмыляясь, сказал он, остановившись около дверей небольшой деревенской хаты.

Пока оба путешественника вылезали из саней и собирали свой «дорожный пешеходный багаж», в это время мужичонка проворно скрылся за дверями избы и оттуда вышел в сопровождении нескольких вооруженных винтовками и ручными гранатами красноармейцев.

– Вот господ ахвицерей привез я к вам в гости, – залепетал, подленько хихикая, случайный возница.

Красноармейцы обступили и начали немедленно шарить по карманам, отыскивая оружие, а потом повели «колчаковских шпионов» в хату, из которой они все вышли. Мужичонка же быстро смотался, подобострастно откланиваясь перед красноармейцем, который в этот момент играл роль самого «высшего местного начальства».

Началась вакханалия обыска, в котором принимали участие все находившиеся в хате красноармейцы, а их было не меньше десяти – двенадцати человек. Все рвали, тащили, снимали, тут же примеряли на себя, передавали друг другу то, что им не нравилось, и снова начинали шарить по карманам, ища денег и золотых вещей. Пришедший комиссар поселка несколько приостановил грабеж, пригрозив красноармейцам расстрелом за мародерство, указав на то, что на площади поселка уже валяется труп одного из расстрелянных только что им мародеров. Это отрезвило «доблестных» красноармейцев, которые состояли все из

таких же «простодушнейших русских мужичков», каким был только что «доставивший» пленников в хату случайный возница.

Ночь была кошмарная. Ночью допрашивали и угрожали, а когда комиссар выходил из избы, то красноармейцы снова шарили по карманам пленных. По настроению окружающих можно было думать, что не дальше как на рассвете «колчаковские шпионы» будут расстреляны.

Оставаясь в ночной темноте со своими, может быть, последними в жизни мыслями, автор настоящих воспоминаний передумал все, что только знал и помнил из своей жизни более или менее примечательного. Воспаленное воображение рисовало мрачную, но вполне натуральную картину расстрела на окраине деревни в предутренней полумгле. Временами начинались галлюцинации, доходившие до того, что на груди чудились кровоточащие огнестрельные раны и «ощущался» терпкий, сладковатый запах собственной теплой крови.

На следующее утро состоялся первый допрос. В течение первой половины ночи, перед допросом, арестованных «колчаковских шпионов» продержали в том же помещении, куда они были доставлены мужичком-провокатором, но на вторую половину ночи почему-то перевели в помещение железнодорожной станции Балай. Под конвоем двух полусонных красноармейцев автора настоящих воспоминаний и полковника Л.Н. Канабеева, наполовину ограбленных, отправили по пустынным и вымершим улицам маленького поселка. В самом глухом из переулков шедший впереди конвоир-красноармеец по фамилии Карманов выхватил из-за борта шинели небольшой, блестящий смитовский револьвер и, направив его в голову автора настоящих воспоминаний, стал требовать, чтобы тот отдал ему надетое на пальце золотое обручальное кольцо. Как ни была глуха и жутка обстановка, требование Карманова не было сразу исполнено. На повторные требования он также получил решительный отказ. Обозленный Карманов взвел курок и намеревался было выстрелить. Второй конвоир вмешался тоже в эту своеобразную борьбу из-за обручального кольца и, придерживая одной рукой Карманова, стал «убеждать» автора настоящих воспоминаний прекратить дальнейшее сопротивление и отдать Карманову кольцо, так как в противном случае «товарищ Карманов беспременно убьет»…

– Он у нас известный сумасшедший из всех красноармейцев, – наставительно заверял второй конвоир.

После этих слов Карманов еще более рассвирепел и с налитыми кровью глазами и с хрипящим криком снова набросился и стал тащить с пальца кольцо сам. Дальнейшее

сопротивление было бесполезно. Кольцо перешло в руки «защитника Октябрьской революции». Во время обыска в караульном помещении этот самый Карманов, имя которого всеми остальными красноармейцами часто повторялось, отличался наибольшей озлобленностью и грубостью. Его побаивались, когда он на кого-нибудь из других окрысивался. Возможно, что в послужном списке этого «героя Октября» числилось уже к тому времени немалое количество невинно загубленных им душ из числа тех, которые причислены к «врагам русского народа».

Потеряв самую дорогую память, автор настоящих воспоминаний пришел в крайне возбужденное состояние. Кипевшая в душе злоба требовала выхода. Отняв кольцо и спрятав его в карман, товарищ Карманов снова зашагал впереди арестованных, идущих сзади него гуськом, по узенькой, протоптанной в снегу тропинке. Карманов отделился на несколько шагов вперед, а задний конвоир тоже приотстал. Пользуясь тем, что в это время проходили около станционных путей, сплошь заставленных порожними и груженными вагонами, пишущий эти строки, наполовину обернувшись к Канабееву, предложил ему напасть на сзади идущего красноармейца, оглушить его ударом кулака по голове, вырвать винтовку и броситься под вагоны на ту сторону заставленных в несколько рядов путей. То же самое должен был проделать с идущим впереди Кармановым и автор настоящих воспоминаний.

Настроение было так возбуждено, что самый размер опасности не представлялся уже таким рискованным. К сожалению, Л.Н. Канабеев, чувствовавший себя все время в полном упадочном настроении, не согласился и даже запротестовал. Тот же протест и также к сожалению пришлось услышать от него и в помещении железнодорожной станции, где, находясь в полутемной комнате и около полудремлющих красноармейцев, автор настоящих воспоминаний снова пытался повторить тот же прием нападения и бегства. Случай был благоприятный. На столе стояла маленькая и единственная в большой комнате керосиновая лампа, задуть пламя которой не представляло никакой трудности и, в темноте, вырваться наружу за двери станции. Но Канабеев запротестовал и тут, считая, что неудавшимся бегством можно еще больше ухудшить положение. Видимо, в глубине души Канабеев все же надеялся, что «непротивлением злу» легче будет избегнуть смертельной опасности.

Не сомкнув глаз, арестованные «колчаковские шпионы» дождались рассвета. Едва забрезжило туманное зимнее утро, их

повели к председателю Чрезвычайной комиссии 263-го пехотного советского полка, в расположении которого они были задержаны. В маленькой избушке происходил детальный допрос. Благодушно попивая чай, в разговорной форме опрашивали арестованных два члена Чека. Видимо, на них появление новых людей не производило никакого, кроме простого любопытства, впечатления. Слишком много без того они навиделись в погоне за белыми по всей Сибири на протяжении многих месяцев непрерывной своей «чекистской» работы. Справедливость требует отметить, что особой придирчивости в допросе не чинилось.

Сравнительно нетрудно было изворачиваться от всяких скользких вопросов, тем более что за долгое ночное бессонное мытарствование все «оправдывающие и смягчающие вину обстоятельства» были всесторонне взвешены и продуманы. На вопрос, откуда и почему арестованные появились среди красных войск в районе глухой станции Балай, полковые чекисты получили объяснение в том духе, что автор настоящих воспоминаний, будучи «грузинским подданным» (Грузия еще сохраняла свои добрососедские к РСФСР отношения) и имея коммерческие дела в Сибири, предпринял с Кавказа путешествие сюда, кружным морским путем, через Владивосток, и вот в пути между Канском и Красноярском пассажирский поезд, который его вез, затормозился навстречу идущими колчаковскими эшелонами и прекратил свое дальнейшее движение. Ввиду этого «несчастья» теперь надо снова возвращаться через Владивосток на «родину» и пока что пользоваться всякими способами передвижения, и пешим порядком в том числе. Помогло присутствие полученного в свое время в Петрограде грузинского паспорта.

Внимание старшего из допрашивавших чекистов было привлечено прекрасно сшитой и отороченной мехом шубой-бекешей, которая была надета на авторе настоящих воспоминаний и которую не посмели снять с плеч «колчаковского шпиона» простые рядовые красноармейцы. Это «право», очевидно, «принадлежало» только высшим представителям советского военного командования. Не закончив допроса, старший из следователей полковой Чека предложил пишущему эти строки или «продать» ему шубу, или «обменяться» с ним на его дрянненькое ватное пальтишко. Но так как шуба чекиста была простенькая, то он даже предложил «доплатить разницу ее относительной стоимости». Как ни жалко было расставаться в лютую сибирскую зиму с теплой шубой, перед лицом надвинувшейся опасности пришлось с «радостью» согласиться на чрезвычайно «выгодное» предложение. Шуба перешла на плечи судебного следователя советского военного трибунала, а

подозреваемый в «военном шпионстве, агент» получил возможность вырваться из затянувшейся на его шее веревки.

Благостное настроение чекиста распространилось и на Л.Н. Канабеева, который, кстати говоря, по уговору, чтобы не сбиться в показаниях, должен был стараться на допросе как можно больше молчать и предоставить выворачиваться из «грязной истории» одному только автору настоящих воспоминаний. Л.Н. Канабеев на этом допросе фигурировал, по подложному паспорту, под видом старого запасного полкового писаря какого-то пехотного полка и под фамилией Кондратьева. Такие паспорта, «на всякий случай», имелись на руках у некоторых из предусмотрительных, которые отлично понимали, как легко во время Гражданской войны очутиться в подобном, как теперь, и пренеприятном положении. Автор настоящих воспоминаний тоже подправил в своем грузинском паспорте свою фамилию в таком виде, что она никак не «напоминала» собою настоящую. Вместо Генерального штаба полковника Клерже в лапы чекистов попался «случайный, запутавшийся среди воинских эшелонов грузинский коммерсант, по фамилии Каернея».

Словом, худо или плохо, но без шубы, в драном грязненьком, засаленном пальтишке, без всяких вещей, с маленькой котомкой белья отпущен был на свободу, но без права двигаться на восток автор настоящих воспоминаний и «случайный его спутник» по злосчастному пассажирскому владивостокскому поезду, Николай Кондратьев. Итак, после Балая Каернея и Кондратьев вышли «обновленными» и очень сильно «облегченными». Никакого «лишнего багажа». «Товарищи» над этим потрудились весьма добросовестно.

Когда немного опомнились после минувшей ночи «горе-путешественники» да осмотрелись, то обнаружили, что черные «галифе», которые Каернея надел для теплоты в зимнюю стужу поверх основного костюма, оказались на ногах Кондратьева, а шапка Кондратьева на голове Каернея. Это второпях и в споре караульные красноармейцы «перепутали», когда снимали с арестованных «колчаковских шпионов» их одежду, примеряя на себя, передавали друг другу не нравившиеся им вещи и путали таковые со своими. Очевидно, красноармейцу, которому достались черные «галифе» Каернея, понравились больше брюки Кондратьева и он, сняв с него эти брюки, всучил ему то, что только что было стащено с ног Каернея. Вот они – гримасы «великой и бескровной революции» и не менее «великого пролетарского Октября». Стоит ли после этого упоминать о золотых часах и прочих личных ценных предметах памяти, которых Каернея лишился в эту примечательную балайскую ночь.

Канабеев-Кондратьев был прав. Гасить лампу и бежать от таких «добрых» и «облегчающих карманы Кармановых» едва ли было бы благоразумным. Получив свободу, Каернея и Кондратьев стали перед вопросом – куда идти? На запад или на восток? В руках имелось маленькое письменное удостоверение, выданное Чрезвычайной комиссией 263-го пехотного советского полка (один из трех полков 30-й советской дивизии, которая во главе Красной армии преследовала отступающую армию Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака), по которому разрешалось из Балая выехать на запад в город Красноярск, то есть в обратную от Владивостока сторону. Естественно, что такое удостоверение бывших осведверховцев не удовлетворяло.

Надо было двигаться на восток, чтобы так или иначе нагнать свою армию. Большевистское удостоверение было немедленно порвано и выброшено. Озираясь по сторонам и заметая следы своего последующего маршрута, окольными путями двинулись, придерживаясь линии дороги, а временами и прямо по полотну дороги, мерно шагая по шпалам, Каернея и Кондратьев, ежеминутно обдумывая каждое слово и объяснение, которое придется давать по поводу цели и намерения своего «путешествия» в таком виде. Гнетущие мучительные мысли все время преследовали путешественников, которых смертельная опасность сторожила на каждом шагу, при каждом неосторожном слове. Случай с балайским «смекалистым» возницей показал, что и населению верить совершенно нельзя. На каждом шагу измена и предательство. На каждом шагу подозрительные взгляды и расспросы. Обязанность придумывать всевозможные «версии» была возложена на Каернея, который только что в Балае выдержал, можно сказать, блестящий в этом духе «экзамен». Но эта обязанность была мучительно тяжела. Выдержать эту танталову пытку в течение двух последующих месяцев, во время которых пришлось мытарить между передовых наступающих советских воинских частей, мог только тот организм, который жадно требовал достижения намеченной цели.

Белая армия уходила довольно быстро, советские части старались не отставать, и посему, чтобы не запутаться среди глубокого расположения тыловых советских штабов и учреждений, где легко могли встретиться лица, которые распознали бы разницу между «Каернея» и настоящим носителем этого грузинского псевдонима, приходилось форсировать свои переходы. В этих трудных и опасных условиях приходилось продвигаться среди частей 30-й советской дивизии, на плечах

которой и лежала задача неусыпно преследовать отступающие части армии Верховного Правителя. Бредя большею частью пешком по шпалам, а иногда умудряясь подсаживаться на паровозы случайных поездов, идущих на восток, продвигались со скоростью 25–30 верст в сутки два замаскированных белых офицера.

Нагнать Белую армию в этих условиях было невозможно. Приходилось думать только о том, чтобы не отстать, и самое большее, о чем можно было мечтать в то время, это вырваться как-нибудь вперед перед расположением передовых советских частей.

– Вот если бы да у нас было в руках удостоверение какого-нибудь советского комиссара, явились бы мы в деревню да потребовали бы по наряду лошадей и сани и махнули бы на них прямо в Иркутск. Живо бы обогнали все красные части, – размечтался в своих разговорах Кондратьев-Канабеев.

– Да, да, – отвечает ему Каернея…

Как бы в шутку последний начал шарить по карманам засаленного пальтишка, только что полученного с плеч комиссара 263-го полка, и… вдруг вытаскивает самое настоящее удостоверение последнего. Глазам своим не веря, стали обсуждать, как в действительности использовать эту удивительную случайную находку. Риск был большой, особенно в случае, если бы красные арестовали спутников раньше, чем они использовали бы удостоверение, и притом эту самую бумажку при обыске нашли бы в их карманах.

Преисполненные надежд, двинулись в ближайшую деревню. Выбрали избу зажиточного мужика и решили остановиться в ней для отдыха и осуществления своего плана. Хозяева оказались радушными, предложили чаю и вкусных сибирских шанежек. Попив чайку, уже думали затеять с хозяином разговор о лошадях. Вдруг дверь в избу отворилась, на пороге появились вооруженные до зубов местные комиссары и арестовали обоих мечтателей. Обыскав карманы, они нашли удостоверение.

– А это что значит, господа хорошие? – многозначительно смотря обоим в глаза, начал допытываться один из них.

Пришлось начистоту сознаться в том, что оно попало случайно при «обмене шубами» и что о присутствии удостоверения в кармане даже и не «подозревали»…

– Сейчас проверим, и если это не подтвердится, то…

Арестованные и без объяснений отлично понимали, что дело плохо. Даже если полковой чекист подтвердит правильность, то, во всяком случае, он может вспомнить, что не разрешил им двигаться на восток, а приказал двигаться на запад в Красноярск.

Снова арестованные, Кондратьев и Каернея пережили немалые волнения. Около двух дней прошло в таком напряженном ожидании. К счастью, ответ получился благоприятный и запрета в продвижении на Иркутск не последовало. От имени коменданта поселка Иланского Гуляева и за скрепой судебного следователя Иланского исполкома Евг. Долгорукова на имя обоих «путешественников» выдано было новое удостоверение, предоставляющее возможность двигаться теперь и по железной дороге, и по проселкам без препятствий. Это обстоятельство значительно облегчило положение, и можно было снова возобновить прерванный путь на Иркутск.

Сильно измученные переживаниями и бессонными ночами, решили горе-путешественники один-два дня передохнуть в Иланском и потом двинуться в дорогу. Забрались в хату простого и скромного мужичка и стали там отсыпаться и отъедаться. Имея гуляевское удостоверение, чувствовали себя сравнительно в безопасности, так как сами большевистские власти благонадежность их «удостоверяли». Опасались только того, чтобы не попасться на глаза тем из чинов Красной армии, которые могли лично их опознать. Уже подумывали собирать свои котомки и с ближайшим «маневровым» паровозом отправиться в Нижне-Удинск.

В это время в поселок стала прибывать какая-то новая советская пехотная часть и быстро заполнять все свободные помещения под свой постой. Во двор, где находились «Каернея» и «Кондратьев», прибыла команда около двадцати красноармейцев. Шумной толпой и с хохотом ворвались они в избенку, и первое, что вырвалось из уст Канабеева-Кондратьева при виде этой ватаги, – это изумление от присутствия среди них… бывшего вестового полковника Клерже, который только десять дней тому назад под Балаем отказался следовать за своим офицером из-за «болезни горла». Произошла короткая мимическая сценка. Обе стороны друг друга узнали и в первый момент остолбенели.

– Выдаст или не выдаст, – как молния блеснула в голове «Каернея» мысль.

«Кондратьев» побледнел как полотно и решил, что все пропало. Сделав вид, что не узнал, бывший вестовой быстро вышел из избы, но этот маневр его показался еще более подозрительным и опасным. Очевидно, он что-то обдумывает или дает «белым офицерам» возможность скрыться. Медлить было нельзя ни секунды. Каернея и Кондратьев, как были полуодетые, схватили шубы и выскочили на улицу, оставив в избе котомки с бельем и мылом. Завернув за угол, они стали быстро удаляться в сторону от поселка. В наступающей мгле темнеющего зимнего

вечера, проваливаясь в сугробы глубокого снега, спешили они в ближайший железнодорожный городок. Там надо было скрыться до утра и на рассвете уйти из Иланского. В воспаленном мозгу чудилась организованная сзади погоня и облава, так как если даже «вестовой» не выдал, то хозяин избушки, не видя возвращения вышедших «до ветру» его случайных постояльцев, мог поднять непрошеную тревогу и «искать» беглецов. Мужичонка был такой же лукавый, как и балайский «возница». Все можно было ожидать.

Во время этого «шпально-ледяного похода» на многое пришлось насмотреться и в благодушии характера русского мужичка жестоко разочароваться. Видели своими собственными глазами, как эти самые «добродушные» мужички со злобой гнали прочь из своих изб буквально замерзающих на морозе отсталых солдат Колчаковской армии. Последнюю ночь в Иланском провели, проспав на полу в маленькой квартире сторожа железнодорожной школы, у которого была куча детей и среди коих, как наутро выяснилось, свирепствовала… натуральная оспа. В довершение всех невзгод Каернея заразился этой неприятной азиатской болезнью и через десять дней после Иланского свалился в большой температуре.

На станции Тулун, куда добрались всеми правдами и неправдами, пришлось застрять на продолжительное время. К счастью, Каернея был не один. Кондратьев, как мог, сердечно ухаживал за ним и даже нашел какую-то сердобольную сестру милосердия из ближайшего полевого лазарета, которая была, конечно, не красная. Она – женщина – лучше русского «добродушного мужичка» поняла всю трагедию русских офицеров и сделала что могла, не навлекая на себя подозрений со стороны большевиков, чтобы скрыть и помочь выпутаться из создавшегося положения. Безусловно хорошо относились к «путешественникам» и железнодорожники, особенно машинисты, в помещении паровозных бригад которых приходилось ночевать не раз, когда в простых деревенских избах зачастую встречали весьма недружелюбно.

В Тулуне, как слышали из общих разговоров, умер заболевший и замерзший в походе, последний из назначенных Верховным Правителем адмиралом А.В. Колчаком, главнокомандующий Восточным фронтом генерал В.О. Каппель. Эта грустная новость произвела весьма тягостное впечатление на двух русских офицеров, которые, сами находясь в ужасном положении, видели, как Белая армия таяла и расстраивалась даже на самых своих верхах.

В поезде начальника 30-й советской дивизии

После десятидневного лежания в Тулуне Каернея, с поддерживающим его под руку Кондратьевым, достав случайно сани, кое-как добрались до большой деповской станции под названием Зима. Здесь находился штаб 30-й советской дивизии. Впереди дорога была занята тремя полками этой дивизии, и двигаться вдоль линии дороги пешком было абсолютно невозможно. Ходили слухи в поселке, что с чехами идут переговоры о беспрепятственном вступлении красных в Иркутск, а также о том, что Белая армия уже вся ушла в Забайкалье. С минуты на минуту вся 30-я дивизия втянется в Иркутск и окончательно отрежет всякое сообщение с Забайкальем, попасть в которое можно было и теперь почти только чудом или путем новых многомесячных мучений и мытарств. Для начальника 30-й дивизии уже приготовлен был поездной состав.

Надо было изыскивать героические способы, чтобы «вскочить» в Иркутск до того момента, пока его не покинули еще последние чешские эшелоны. Задача была почти невыполнимая. Передумав все хоть сколько-нибудь правдоподобные комбинации, решили действовать, как говорится, очертя голову. Терять было нечего. Думали, думали и надумали: идти в… штаб 30-й советской дивизии и просить разрешения проехать в Иркутск с поездом начальника дивизии. Мы, мол, железнодорожные рабочие и должны попасть в Иркутск как можно скорее, так как один из нас болен (благо вся физиономия у Каернея от только что перенесенной оспы была покрыта оспенной коростой) и нужно лечение, а то, может, и операция.

С этой мыслью пошли в помещение местной школы, где помещался штаб дивизии, и нерешительно вошли в него. Слушать простых железнодорожных «рабочих» в штабе советской дивизии никто не хотел, и в пропуске в Иркутск, да еще в эшелоне самого начдива, конечно, отказали. Уныло понурив свои головы, стояли в нерешительном раздумье в штабе советской дивизии два белых офицера Генерального штаба. Они теряли последнюю надежду проникнуть в желанный Иркутск. Подражая простонародным манерам, усиленно сморкался прямо на пол Кондратьев-Канабеев и слегка поругивал порядки в пролетарском государстве, где «нашему брату пролетарию нет никакого внимания и помощи». Строчившие какие-то бумаги штабные красные борзописцы не обращали никакого внимания на эти сетования «рабочих-железнодорожников». И только один из них предложил самим «просителям» обратиться непосредственно к «товарищу наштадиву».

– Сейчас он выйдет, и вы поговорите с ним, – сказал он.

Хотя разговор с «наштадивом» не входил в планы отчаявшихся в своем положении новоявленных «пролетариев», тем не менее они сделали вид, что готовы были ожидать выхода из другой комнаты высокого штабного начальства. Подняв выше воротники и надвинув на глаза возможно сильнее свои шапки, с некоторым беспокойством ожидали они появления лица, которые могло их узнать, несмотря на радикальную маскировку. Ожидать пришлось недолго. Но поговорить не удалось. Как только распахнулась дверь и в ней показался начальник штаба советской дивизии, из соседней комнаты неожиданно появились одетые в богатых черных шубах с каракулевыми воротниками два плотных мужчины и прямо подошли к нему.

– Товарищам Песоцкому[177] и Колегову[178] выдать усиленный продовольственный паек, как чинам штаба дивизии, – громогласно приказал наштадив одному из пишущих чиновников, после того как выслушал обращение к нему этих двух лиц.

На лицах Каернея и Кондратьева изобразился сплошной ужас. Песоцкий и Колегов только три месяца тому назад занимали довольно видные должности офицеров Генерального штаба в Ставке адмирала А.В. Колчака. Они уже изменили, служили у большевиков и получали «усиленный советский паек»! Забыв в один момент, зачем пришли в штаб, оба «пролетария», не дождавшись очереди разговора с наштадивом, мгновенно выскочили из помещения на улицу.

На вокзале стоял и дразнил своей полной готовностью к отправлению в Иркутск советский эшелон начальника 30-й дивизии. До смерти хотелось попасть в него, чтобы проскочить полторы сотни верст, отделявших станцию Зима от столицы Центральной Сибири. Все вагоны сплошь набиты были красноармейцами. В конце состава прицеплена была теплушка, оборудованная под походную кухню. В ней около большого бака со щами и кашей возились два кашевара. Блеснул еще маленький луч надежды. Авось кашевары согласятся нелегально впустить в вагон своего «брата-пролетария». Началось уговаривание. Долго отказывались кашевары, не уступая никаким доводам и причинам.

Раздались отправные свистки, и поезд начал медленно двигаться…

– Товарищи, мы будем чистить вам картошку и рубить дрова, только пустите к себе в теплушку! – в отчаянии взмолился Кондратьев.

Кашевары сдались, и в один миг шпальные путешественники очутились в спасительной теплушке. От радости «в зобу дыханье

сперло». В течение нескольких часов, не останавливаясь ни на одной из промежуточных станций, специальный советский «экспресс» мчал на всех парах. Торжествующе въезжал в покинутую белыми войсками предбайкальскую столицу советский военачальник. Не менее «торжествующе» чистили картошку, рубили дрова и подкреплялись жирными советскими щами и кашей два «загримированных белобандита». Каждый радовался по-своему…

Счастье, случай, изворотливость и упорство сделали то, что, оторвавшись от Белой армии в полупути, испытав все способы передвижения и преодолев все препятствия, добрался, наконец, снова до хвоста чешских эшелонов в Иркутске автор настоящих воспоминаний, в сопровождении разделившего с ним тяжкий беспримерный «ледяной поход» полковника Генерального штаба Л.Н. Канабеева. Радостно обнялись горемычные путешественники, когда почувствовали под ногами почву территории, на которой еще не иссякла власть «чехокомандования». В Иркутске проживали родители Л.Н. Канабеева. Благодаря их теплой заботливости и участию автор настоящих грустных воспоминаний принял некоторый образ подобия человеческого. Помылись, постриглись, побрились и надели чистое теплое фланелевое белье. Душа и тело ликовали. Хотелось забыть все невзгоды, лечь в чистую постель и беззаботно долго, долго спать.

Не тут-то было! К родителям Канабеева пришел один из знакомых, который служил на телеграфе, и сообщил им, что по линии дана депеша о «задержании начальника Осведверха полковника Клерже, который исчез из польского эшелона в районе Красноярска». Сообщивший эту новость предупредил, что слухи о появлении Клерже уже достигли иркутских тайных агентов большевиков и что розыски его начались.

Куда девались мечты о сладком отдыхе. Скорее в вагоны ближайшего чешского эшелона! Забившись в наиболее укромное место, пришлось сидеть в вагоне, не показываясь на линии путей и на вокзале, в течение нескольких часов. Тут же рядом, во всю длину пути, стоял поезд с русским золотым запасом, который охранялся чехами и большевиками. Об участи, постигшей бедного Верховного Правителя адмирала Александра Васильевича Колчака, расстрелянного в том же Иркутске тремя неделями раньше, автор настоящих воспоминаний в точности узнал только в этом чешском эшелоне. Поезд тронулся и пошел в загадочное Забайкалье. Занавес над закончившейся омской драмой опустился.

С. Витольдова-Лютык [179]
На восток… [180]

Бегство из Омска

В ноябре 1919 года муж и я жили в 20 верстах от города Омска, занимаясь сельским хозяйством. Тихо и мирно протекали дни вдали от городской сутолоки. Время от времени приходилось ездить в город за покупками, и тогда поражала нас суматоха и нервное состояние, каковое царило в столице Сибирской республики. Тревожные вести о неудачах на большевистском фронте приходили все чаще и чаще. Говорилось о кровавых расправах большевиков с оставшимся населением, с беженцами, настигнутыми в дороге, и пленными. На смену этим страшным сведениям приходили более утешительные, и мы, успокоенные, возвращались домой, где жизнь наша вступала опять в свою колею. Помню снежный ветреный день, когда за окнами нашего маленького домика остановился верховой, подав письмо моему мужу. Наши хорошие знакомые сообщали нам, что возможна сдача Омска большевикам, и поэтому знакомые предлагали место в своем вагоне, чтобы дать возможность и нам двинуться на восток – туда, куда тысячи людей убегали, ища защиты от зверств большевистских банд. Уложив вещи, мы двинулись в город. В степи по дороге шли люди, одетые в солдатские шинели. Каждый из этих солдат-фронтовиков спешил добраться домой до прихода большевиков, бросая фронт на произвол судьбы, забывая о своем долге солдата. Одни из этих дезертиров, наслушавшись большевистских бредней, шли домой, где потом с распростертыми объятиями встречали большевиков, стараясь зарекомендовать себя ярыми коммунистами. Другие, видя, как пустеют ряды серых шинелей, как разлагается армия, как расправляются большевики с пленными, бросали винтовку и грязные окопы и в безотчетном страхе уходили с фронта, пробираясь окольными путями на восток, полузамерзшие и голодные. Мне страшно было смотреть на эти движущиеся шинели, казалось, что в каждом человеке выражалось злорадство и неприязненное отношение к нам, «буржуям». При въезде в город уже начали попадаться многочисленные группы людей, направлявшихся от города в снежные поля.

У наших знакомых царил переполох. Каждую минуту открывались входные двери, впуская белый столб морозного

воздуха, а за ним новоприбывшего с новыми сведениями. Складывались вещи, делались запасы на дорогу, хотя никто не верил, что уезжает надолго, а может, и навсегда. Все еще верили в силу колчаковских войск, вернее, говорили о каких-то американских, английских и японских полках, следовавших якобы с востока на фронт на помощь Колчаку. Надеясь на силу иностранных штыков, думали, что Омск не станет добычей большевиков. Хотелось верить в эту легенду о какой-то могучей руке, способной отвратить грозу, надвигающуюся с запада. Не раз приходило желание вернуться домой, в свое уютное гнездышко, чтобы в зимние вечера сидеть в теплой комнате, прислушиваясь к завыванию ветра в степи. Скрепя сердце присоединялись мы к мнению наших знакомых, что оставаться нельзя, так как опасность со стороны большевиков еще не миновала. «Вы ничего не сделали им злого, вы были всегда вне политики, но вы буржуи, этого достаточно для большевиков, ищущих в каждом интеллигентном человеке новую жертву для удовлетворения своей ненасытной классовой ненависти», – говорили наши знакомые. Начались поездки в вагон, устройство этого временного нашего убежища. Знакомые наши Малиневские получали полвагона для себя, полвагона для служащих и их семей. (Малиневский служил в одной из типографий.) Семья Малиневских состояла из пяти человек. Он – лет 30, жена его, Юрик, их сын, пятимесячный ребенок. Мать Малиневского, старушка энергичная, добродушная, полная розовых планов на будущее, и дочь ее, сестра Малиневского, девица лет 32, без памяти любившая брата. Был и шестой член семьи, это старая няня Ляли (уменьшительное имя Малиневской), нянчившая теперь маленького Юрика.

12 ноября. Морозный ноябрьский вечер. Мы сидим в столовой за столом и ждем Малиневского, который должен узнать, что будет с Омском. Нервы приподняты у всех. Смеемся, шутим. «Колчак покинул город», – произнес Малиневский, входя в комнату. Итак, завтра в путь неизвестный и, может быть, далекий!!

13 ноября. Вещи уже отправлены на станцию. Последний стук затворяемой двери, и мы садимся в санки. Сердце сжалось. Нас вперед звала заря спасения, горевшая где-то на далеком востоке, а потому нельзя было терять драгоценного времени на размышления: «Ехать, не ехать!»

Город представлял печальное зрелище. Люди ехали, бежали озабоченные. В глазах одних я читала страх, в других – апатию ко всему. Люди спешили ехать и идти, временами формировались целые обозы, и вся эта масса двигалась на станцию. Там и сям

валялись трупы лошадей, которые представляли из себя скелеты. Некоторые из них лежали уткнув нос в пучок сена, который заботливый хозяин бросил им, оставляя животное на произвол судьбы. Мы в вагоне-«теплушке», перегороженной на две части: в одной семья Малиневских, а в другой мы и остальные пассажиры. Я и муж заняли место около окна на верхних нарах. Повесили большой кусок картона, отделивший нас таким образом от соседей. Получилась маленькая комнатка, где можно было лежать, – с трудом сидеть. На верхних нарах рядом с нашей комнатой помещались два наборщика типографии, бухгалтер, помощник Мали-невского. Внизу – один австрийский пленный Чесик Хмель, знакомый Малиневских и два брата К.

Обед сварили на печке, стоявшей посредине вагона. Малиневские и муж поехали в город сделать последние закупки провизии. Малиневский вскоре вернулся, но без моего мужа.

Объявили нам о скором отправлении поезда. Спускался зимний вечер. Затихал говор и шум около эшелона, все ждали с минуты на минуту отправления эшелона, а мужа все не было. У меня явилось предчувствие, что с мужем случилось что-то. Это предчувствие не обмануло меня. Малиневский был вызван кем-то в город и через час вернулся с мужем, который, как оказалось, был арестован одним колчаковским полковником, принявшим мужа за заведующего складами типографии и требовавшим от него сдачи таковых. Только согласие полковника на уведомление Малиневского спасло мужа от ареста. Малиневский разъяснил пьяному полковнику, что в данном случае произошла ошибка. Ужин в непривычной для нас обстановке. Разговор не умолкает.

Приехал к нам в вагон злополучный заведующий складами. Таким образом наша вагонная семья еще увеличилась. Сидели до полночи, попивая чай, делясь своими впечатлениями.

14 ноября. Рано утром почувствовали мы, как наша теплушка двинулась с места, застучали колеса. «Мы едем!» – в один голос крикнули мы, как будто среди нас были такие, которые не верили, что мы действительно поехали. Но коротка была наша радость, поезд прошел только 8 верст и остановился. На наш вопрос, почему не едем, получили ответ, что пути заняты по «четному» и «нечетному». Целые ленты поездов стояли перед нами. Уныло потянулись часы, сон отлетел, а в душу закралось беспокойство. Жадно выслушивались все сведения, приносимые нам прибегавшими из города жителями и солдатами. Каждый был напуган взрывом моста, выстрелами в городе и рассказывал ужасы.

Вечер. Едем дальше. Станция Калачинская. Поезд замедляет ход. Мы лежим в своей комнатке и прислушиваемся к тому, что

творится в вагоне. Кто-то громко рассказывает, что большевики заняли город Омск сегодня в 10 часов утра, то есть через четыре часа после нашего выезда.

«Омск горит», – услышали мы голос вошедшего в вагон Хмеля. Мы начали поспешно одеваться и выходить, чтобы убедиться в правоте его слов. Нашим глазам представилось ужасное и в то же время красивое зрелище. Ночь была тихая, светлое ясное небо, миллиарды звезд, мигавшие где-то в глубине небесного свода, а на западе все небо было красное и краснота эта была неровная. Местами красные, как кровь, языки, трепеща, простирались в небо, а местами темные полосы дыма с темно-алыми отблесками пламени смешивались и тоже неслись дальше, дальше от этой грешной земли.

«Небо краснеет от пролитой на земле крови», – подумала я, всматриваясь в это окровавленное небо и стараясь уловить, что говорилось вокруг нас. «Большевики стреляли по всему городу, а теперь подожгли его со всех сторон», – говорил какой-то солдат. «А ты откуда знаешь так подробно?» – «А я в последний момент убежал. Еще войска не было, а большевики в одиночку уже разъезжали – видимо, местные. При мне и мост белые взорвали, а большевики пришли совсем с другой стороны». – «А с какой? А много их было?» – послышались вопросы, на которые солдат не успевал отвечать. Я слушала и думала о всех тех, кого оставила в Омске.

Небо трепетало, и темные тени дыма уходили в небесную даль. Муж влез на вагон, предлагая и нам сделать то же, так как наша теплушка имела лестницу, ведущую на крышу, где было виднее. Но мне казалось, что за этими домами, скрывавшими от нас часть кровавого неба, я увижу то, что никогда не хотела бы видеть, что-то ужасное, никогда не забываемое. Казалось, что я услышу отчаянные крики и стоны со стороны огневой завесы. Слышны были глухие выстрелы, повторявшиеся все чаще и чаще. Кто-то крикнул, что, может быть, пороховые погреба загорелись в Омске. Все ухватились за эту мысль, и казалось нам, что вместо Омска найдем руины, обгоревшие одинокие трубы, свидетельствующие о том, что здесь жили люди, которых ужасная смерть неожиданно вырвала из среды живых.

Тысячи мыслей самых ужасных теснились в голове, пока голос мужа не вывел меня из оцепенения. Вернулись в вагон. Через несколько минут поезд тронулся, унося нас дальше от кровавого облака.

25 ноября. Едем дальше. Поезда идут двойными рядами по четному и нечетному пути. Целая лента черных паровозов у красных вагонов-теплушек. Можно было встретить и классные

вагоны, но это преимущественно были или какой-нибудь штаб, или санитарные поезда.

Уже полторы недели, как мы в дороге. Дни тянутся серые, унылые, похожие один на другой. Когда мы ехали, когда слышался стук колес и я, сидя у окна, смотрела на мелькавшие перед моими глазами кусты, дома, тогда приходили светлые мысли, как мечты крылатые, ясные: я видела Владивосток, а там широкий морской простор, горячее солнце, зовущее к жизни, красивые страны и, наконец, Литва – цель нашей дороги. Там давно уже ждет отец своих любимых сыновей (моего мужа и его брата), до сих пор не зная, живы ли они. В эти минуты все казалось легко исполнимым, казалось, что скоро мы будем во Владивостоке. Когда же поезд останавливался и стоял целыми днями, то тогда охватывала нас такая тоска, что хотелось бежать куда-нибудь, скрыться от этой непрошеной гостьи. А останавливался наш поезд не только на станциях, иногда на целую неделю стоял в поле, где не было ни капли воды. Носили снег и варили чай. День начинался с раннего чая, который должен быть сварен ночным дежурным вагона. Обязанности такого дежурного сводились к тому, что он всю ночь поддерживал огонь в железной печке и не пускал никого в вагон. Я любила дежурить, так как только тогда было просторно в вагоне. Можно было мыться, стирать белье. С непривычки пухли руки и слезала кожа, но нужно было научиться все делать самой. Может быть, и нас ждет советская школа жизни. Столовались мы с Малиневскими. Обед обыкновенно готовила мать Малиневского. Обеды были ее гордостью: действительно, таких вкусных щей и борща я никогда нигде не ела. Но нельзя было допустить, чтобы все время готовила добрая старушка, так как печка находилась против дверей, и варившая обед легко могла простудиться.

Решено было готовить по очереди. В первый же день моего дежурства старушка Малиневская объявила голодовку, объясняя нам свой поступок тем, что, вероятно, ее обеды никому не нравятся, и потому мы отстранили ее от ежедневного дежурства на кухне. Нам едва удалось успокоить и убедить старушку, что совсем иные причины побудили отказаться от ее вкусных обедов. Весь вагон любил старушку, и нас забавляло ее постоянное, но добродушное ворчание, на которое никто никогда не обращал внимания. В этом ворчании было все: нарекание на капусту, что долго варится, а все, наверное, голодные, бедный де Дюнэк (ее сын), наверное, падает в обморок и то, что Ляля сама кормит ребенка, а не дает ему хлеба и супу, и поезд стоит, и погода плохая и т. д. Но стоило кому-нибудь из нас сказать, что обед вкусный, как у старушки являлось великолепное настроение. Ей

всегда казалось, что Ляля недостаточно внимательна к мужу и что Дюнэк плохо выглядит и голоден. А в действительности каждый бы позавидовал настроению Малиневского.

Дни шли за днями. Мы безнадежно стояли в поле. Женщины занимались домашним хозяйством, то есть пекли булки в железной печке, стирали, починяли белье, варили, жарили, а мужчины рубили дрова, носили воду; если же поблизости не было воды, а надо было для паровоза, то носили снег мешками и сыпали в тендер. Это была мучительная работа: много, много мешков со снегом уходило в эту черную пропасть. Когда же снег стаивал, оказалось, что где-то на дне тендера лишь немного воды.

Вечером часто приходил комендант эшелона и, стуча в дверь кулаком, кричал: «Взять оружие! Лечь в цепь на насыпь и быть начеку». Мужчины одевались и выходили. С нами оставался только один. В такие вечера часы тянулись долго, долго. Никто не спал, всем делалось как-то не по себе, разговор не клеился, да и не хотелось прерывать этой немой тишины. Я сидела в своем уголке и смотрела в окно, в снежную даль.

А ночь молчала, слышно было только, как ветер несет снег. Мне так хотелось уловить хоть один звук, напоминавший о том, что наши близкие тут с нами. Иногда удавалось услышать сдержанный кашель и даже шепот. Делалось как-то отраднее на душе, слыша знакомый голос. Мужчины по очереди приходили греться, а мы тревожно спрашивали: «Слышно ли что-нибудь? С какой стороны идут большевики? Холодно ли?»

Дров не было, а морозы были сибирские. Нужно было учиться красть на станциях шпалы, дрова, заборы, но скоро и на станциях не оказывалось запаса топлива. Люди все-таки не терялись и во всем находили выход. Однажды, подъехав к одной большой станции, мы увидели, как пассажиры нашего эшелона тащат громадные бревна и толстые доски. На наш вопрос: «Откуда?» ответили: «Кипятильник ломают». Мы пошли в указанном направлении и вскоре увидели, что на том месте, где был кипятильник, то есть дом, построенный из огромных бревен, стояли одиноко труба и печь с котлами. Стены разобрали по вагонам, и они исчезли в черных отверстиях теплушек, так же исчезло железо с крыши и потолок. Каждый тянул столько, сколько мог. В пять минут от кипятильника осталось одно только воспоминание.

На другой день, по приказанию нашего коменданта поезда, был разобран громадный цейхгауз и все в один миг было сложено на крыши вагонов и тендера. Делались запасы, так как предполагали стоять снова в поле, где топлива нет. На месте цейхгауза стояли только четыре столба. Так разрушалось в пять

минут все то, что создавалось неделями, месяцами.

10 декабря. Скоро уже месяц, как мы в дороге. Казалось бы, далеко должны быть, а в действительности продвигаемся черепашьими шагами. Боязнь быть отрезанными большевистскими бандами, рыскавшими в окрестностях, вдоль железнодорожного пути, приходила все чаще и чаще. Запасы истощились, надо было подумать о новых. Впереди вставал призрак голода. Решено было послать Чесика Хмеля (австрийский пленный, знакомый Малиневских, ехавший все время с нами) в Ново-Николаевск за провизией, но с тем, чтобы он ждал на станции Ново-Николаевск, так как мы надеялись все-таки через день-два быть уже в Новониколаевске. Но наши надежды обманули нас, сегодня уже пятый день, как уехал Чесик, а мы все время стояли в поле. Напрасно мы радовались сегодня ночью, что нас повезли. А повезли нас как курьерским, «наверное и ближайшую станцию проедем», смеялись мы, и никто не спал от охватившей нас радости, но недолго длилось это веселое настроение, так как нас везли только от разъезда Кольчугина до станции Чик. И теперь снова стоим и переживаем тяжелые минуты. Тревожные вести доходят со всех сторон. Слышим, что большевики в 30 верстах от нас, то слышим, что они пришли из Колывани, перерезая железнодорожный путь, захватывая таким образом в плен целые эшелоны. Что было с этими несчастными пленными, известно только им и их палачам.

Тянутся унылые часы, сыпятся мешки со снегом в тендер, жгутся трехдюймовые доски, тают наши запасы, а с ними тает и надежда на спасение. Вечером слушаем пение помощника Малиневского, разговариваем, пробуем даже шутить, а мысли надоедливые стучатся в мозг, «уехать бы дальше, не сидеть в этих тесных теплушках», а напряженный слух, вместо пения, старается уловить все звуки за этими дощатыми стенами теплушки. «Не едет ли кто? Не стреляют ли?»

Наступает день, несущий с собой едва мерцающий след надежды на лучшее. Но жизнь безжалостна не только к нам, она иногда показывает нам во всей наготе страдания чужих людей и таким образом заставляет нас забыть, хоть ненадолго, о своих невзгодах.

Помню светлый, солнечный день, наш поезд стоял в степи. Я только что вернулась с прогулки, то есть ходила около вагона, пользуясь случаем, что нечетный путь около нашего поезда был свободен. Я радовалась, что вырвалась из душной теплушки и вдыхала всей грудью морозный свежий воздух. Но вскоре вдали увидела черное чудовище, подвигавшееся по нечетному пути. Пришлось вернуться в вагон, так как рядом с нашим эшелоном

остановился санитарный поезд. Через несколько минут послышался несмелый стук в двери нашей теплушки. «Войдите», – ответил муж, стоявший около дверей. Никто не отозвался, а стук повторился, едва слышный, нерешительный. Мы открыли дверь и увидели вместо человека скелет в солдатской зеленой шинели. Из рукава выглядывала исхудалая рука, которая поднялась было внутрь вагона, но потом тяжело опустилась на пол теплушки, и мы услышали едва слышный шепот: «Хлеба, дайте хлеба». И скелет снова закачался, как бы от сильного ветра. А на бледном молодом лице выразилась мука. «Умираем мы все, уже третий день ничего не ели». Ляля подала ему кусок хлеба и мяса, а он шатающейся походкой направился к своему поезду.

Я поднялась в свою «комнату» на второй этаж и снова заняла свое место около маленького окна. Взглянула на стоявший рядом поезд и сейчас же спрятала голову, чтобы не видеть той жуткой картины, какая представилась моим глазам. На буферах и площадках вагона были сложены голые трупы один на другом и завязаны веревкой, чтобы во время хода поезда не свалились. Трупы, застывшие в разных позах со скрюченными пальцами, с головой, откинутой назад, со стеклянными бездушными глазами.

Около поезда не ходили, а ползали солдаты, исхудавшие от тифа и голода. Их распаленный мозг не отдавал отчета в том, что они делали. Ползали, ели снег, просили есть и, когда получали хлеб от пассажиров нашего поезда, жадно ели и, почти не жуя, проглатывали. Их, вероятно, ждала такая же участь, как тех, которые были привязаны к буферам. И это колчаковская армия, о которой до сих пор писали, что она «планомерно отступает». Отступает в мир иной – «потусторонний», а от большевиков бежит, пока хватает сил. Она умирает не на поле брани со штыком в руке, а от грязи, тифа и голода хворает, мучается, а потом тела ее бойцов бросают в большую яму, едва прикрытую снегом.

Когда вспоминаю об этой встрече, то сердце щемит какая-то жалость к тем, которые так мучились. Как сейчас вижу это бледное безусое лицо и глаза… глаза голодного зверя, и в то же время столько мольбы и муки было в его взгляде.

Старушка Малиневская вынесла суп в котелке, отдала солдату, стоявшему вблизи нашего вагона. Как он жадно ел, как благодарил, рассказывал, что уже три недели хворает. «Сначала еще было хорошо, доктора были, сестры, санитары, а теперь? Теперь весь персонал болен, оставшиеся здоровыми два санитара и сестра оставили наш поезд, не имея больше сил оставаться в этой движущейся могиле. А нам некому принести есть. Мертвые лежат в вагоне, надо их вынести, но некому думать об этом. Нас

вши заели, грязь». Его шипящий шепот звучит и теперь в моих ушах. Слушая его, нам казалось, что он бредит.

Помощник Малиневского пошел в санитарный поезд отнести больным пищу и посмотреть, насколько правдивы слова солдата-рассказчика. Вернулся взволнованный и сказал: «Не ходите туда! Наша помощь ничто. Если бы вы видели, что там творится… В некоторых вагонах больные лежат в три этажа. Много таких слабых, что не могут двинуться с места. Более сильные на третьих полках. Насекомых масса, ползают по одежде, одеялам. Некоторые больные отбывают свои естественные потребности в вагоне на своих постелях, а в вагоне находятся 40 человек. Многие уже умерли и пока что лежат там, где и больные. Персонал весь болен. Доктор, больной тифом в легкой форме, рассказал мне, что они со дня на день ждут прибытия поезда в Ново-Николаевск. Там есть надежда оставить тяжелобольных и будет назначен новый персонал для сопровождения санпоезда. Там они получат продукты, а теперь запасов никаких. Что будет с ними, не знаю!» – закончил помощник Малиневского.

Санитарный поезд тронулся. Замелькали перед нами грязные окна классных вагонов, унося с собой больных и мертвых и туши замороженного человеческого мяса, привязанные к буферам. Отъедут несколько верст, будут снова стоять в степи, снова выползут едва живые люди и будут просить есть и спасти их. А потом выкопают яму, сбросят туда голые трупы, засыпят снегом, и дальше повезет поезд свои жертвы, и будут расти на широких сибирских степях одинокие курганы, так называемые могилы безымянных солдат.

12 декабря. Никто почти не спал сегодня. Ночь казалась длинной, длинной. Начальник нашего эшелона сказал, что мало надежды на дальнейшее продвижение. Дорога занята даже за Ново-Николаевском. Сотни эшелонов стоят, дожидаясь очереди на отправку. Одним словом, образовалась «пробка», нет времени жать ее разгрузки, так как большевики в 30 верстах. Стоим опять в степи.

Помню безбрежное поле, в 50–60 шагах от пути несколько кустиков, чернеющих, как грязное пятно на белоснежной скатерти. Поезда стоят в два ряда; из каждого паровоза клубится дым, а около вагонов люди озабоченные, нервные. С каждой стороны железнодорожного пути двигаются обозы. Здесь автомобили, грузовики и легковые, и санки большие и маленькие. Городские, сытые лошади и худые, загнанные. Мужчины, женщины, дети сидят на своих узлах, чемоданах, на бочонках с маслом. Я стою около дороги и наблюдаю эту необычайную картину. Вот едет старик с громадной седой бородой, держит на

коленях внука, мальчика лет девяти; на носу дрожат очки, готовые каждую минуту свалиться. Дед ни на что не обращает внимания. Его глаза впились в листок газеты, и он с нетерпением читает те строки, которые часто несут нам желанную надежду. Какое впечатление вынес он от чтения, не знаю. Проехал этот старичок мимо.

Едет баба с детьми. Вожжи держит дрожащими, замерзшими ручонками мальчик лет 12, тесно прижавшись к продрогшей сестренке, лет 9—10. А баба, повязанная громадным платком, обнимает самого младшего ребенка, причитает и плачет. Верная Сивка везет их в неведомую даль. Измученная, голодная, идет она в обозе, не желая отстать от других, предчувствуя своим благородным лошадиным сердцем, что если отстанет, то не услышит голоса своей хозяйки и маленьких друзей своих. И плелась она, едва, едва таща свои усталые ноги.

А теперь едут санки, нагруженные больными солдатами, по четыре человека лежат в санях. Полузамерзшие, в своих тонких шинелях, покрытые рогожей, они едут, пока по одному не сбросят их в яму или не положат в санитарный поезд. Некоторые спят, а вот у этого бородатого старика взгляд устремлен в лазурное небо. Может быть, он молится? За кого? За свою ли грешную душу или за тех, кого оставил в родной стороне и которых никогда уже не увидит. Видно, что он забыл о зле и смерти, так как по лицу расплывается улыбка умиления, а в широко открытых глазах дрожит слеза, как капелька росы в летнее утро. Много, много таких трогательных картин мелькало перед нашими глазами, и все это больше прибавляло отчаяния, когда мы сидели среди снежной пустыни и ждали, что пошлет нам судьба. Ночью, прижавшись к мокрому окну и всматриваясь в ночную тишину, я видела то же зрелище. Так же ехали люди, не зная отдыха, забыв о сне.

13 декабря. Утро вставало туманное, как бы нехотя вставало солнце, изредка освещая землю своими благодатными лучами. Мы, не спавшие всю ночь, решили сегодня купить лошадей и присоединиться к общей массе, двигавшейся на восток. Муж и Малиневский чуть свет пошли искать лошадей в соседнюю деревню, лежавшую на запад от нашего места стоянки. Два часа дня. Никто еще не притронулся к пище. Вещи наши были уже сложены, и мы ждали мужа и Малиневского. Тесно было в вагоне, хотелось простора, свободы, чувствовалось так, как будто сердцу было тесно и оно хочет одним ударом порвать связывавшие его оковы. Я и Ляля вышли из вагона. Около поезда царило беспокойство. Все уже знали, что эшелон дальше не идет.

Вагон-магазин, где хранились запасы, был открыт, оттуда

выбрасывали вещи: куски сукна, полотна, сапоги, кожа, бочонки масла, мясо. Проходившие мимо отступавшие, вернее, бежавшие с фронта солдаты гурьбой толпились около вагона-магазина. Хватали наперебой летевшие из вагона вещи, рвали, резали перочинным ножом сукно, полотно, сапоги закидывали на плечо, разрубали шашками бочонки с маслом и ели его жадно.

Кто набирал много – так, что не мог нести, отходил в сторону и продавал по очень низкой цене беженцам, едущим и идущим. Я и Ляля смотрели стоя в стороне на этот разгром. Из типографии выбрасывали шрифт. Хотели уничтожить все, чтобы большевикам ничего не оставить. Поезд разгружался, люди, бросив часть вещей, уезжали, а по вагонам лазили солдаты, рылись в оставленных вещах, выбирая нужные, более ценные, разбрасывая во все стороны одежду, обувь и вещи домашнего обихода. Мы слышали, как они говорили, что большевики уже в 20 верстах. Снова пришли со стороны Колывани и «отрезали» часть эшелонов.

Вот подъезжают к нашему вагону санки, крытые кошмой. За ними другие. На них сидит высокий мужчина. Это князь Лев Голицын[181]приехал за своей семьей из Ново-Николаевска, куда он ездил закупить провизию и лошадей. Его вагон был прицеплен к нашему поезду, а теперь и его постигла та же участь, что и нас. Взволнованное, красивое его лицо разрумянилось на морозе. Нахмурив брови, он спешит, не обращая внимания на окружающее, усаживает своих детей в широкие крытые санки, а сам садится в другие. Все уезжают. Пустеет поезд. Уже не клубится дым из черной трубы паровоза, а из вагонов, открытых настежь, высовываются лица, с тоской смотря на уезжающих. Это те, которые остаются, за неимением средств купить лошадей, это преимущественно одинокие женщины с детьми или старики. Я и Ляля, стоя около телеграфного столба, не можем оторвать усталых глаз от широкой дороги, где двигается черная масса, извиваясь как змейка. Оттуда ждем наших мужей. Но почему их нет? Не попали ли они в руки большевиков? Кровь стучит в висках, а сердце мучительно ноет. Слезы то и дело навертываются на глаза, но мы это скрываем друг от друга, боясь показать слабость духа. Минуты ползли. Мы ползли не двигаясь, не разговаривая.

Мимо проходит мужчина и несет ребенка, а за ним спешит его жена с маленьким узелочком в руке.

«А вы пешком?» – вырывается у меня вопрос, когда они поравнялись с нами. «Да», – едва слышным голосом ответила она, и глаза ее заблестели. «А ваши вещи?» – спросила Ляля. Женщина ничего не ответила, махнула рукой, еще ниже наклонила голову и торопливыми шагами пошла вперед. Мужчина обернулся,

прижимая к себе ребенка, и проговорил: «Нам не нужны вещи, вот наше добро, и его мы не оставим». И тоже зашагал торопливо, унося с собой все свое состояние, веру в свои силы и отцовскую любовь к этому маленькому существу, которое он так нежно прижал к своей груди. Скрылись и они, их поглотила та змейка, что ползет извиваясь по дороге.

Наконец, и мы дождались своих. Они приехали, приведя с собой 13 подвод. Малиневскому, имевшему большую семью и много вещей, нужно было большое количество лошадей. Для Ляли и маленького Юрика была сделана будка из войлока, почти наглухо закрывавшаяся. В этой будке была подвешена громадная лампа, которая нагревала временное обиталище малютки. Старая няня присоединилась к Ляле, а Малиневский был за кучера. Началось складывание вещей на санки, суета. Уже вечерело, а до Ново-Николаевска было 30 верст.

«Кому надо муки?» – раздался мужской незнакомый голос.

Муж и я обернулись и увидели перед собой колчаковского милиционера в кожаной черной куртке.

«Князь Путятин[182]и я ехали этим эшелоном, так как эшелон дальше не идет, то князь бросает вещи и мы идем пешком. Князь берет только маленький чемоданчик, и у нас остается немного муки и масла – наши запасы на дорогу. Бедный князь! Как он пойдет?»

Муж уже не слушает милиционера, бросает вещи на санки и идет в вагон, где находился князь. Князь в маленьком служебном вагоне, он торопливо складывал вещи в маленький ручной чемоданчик, куда входило только одна пара белья, полотенце, мыло и еще несколько мелких вещей. Это был уже пожилой мужчина с седой окладистой бородой, с добрыми серыми глазами и добродушным лицом. Видно было, что он взволнован, не заметил даже вошедшего в вагон мужа, а когда последний спросил, почему князь идет пешком, то ответил: «Так пришлось, не достал лошадей, должен идти пешком, так как искать теперь подводы нет времени, большевики недалеко». – «Может быть, вы согласитесь ехать с нами?» – предложил муж. «То есть как?» – с радостью в голосе спросил князь. «Я имею свободное место и могу даже взять с собой некоторые ваши вещи». – «Нет! Я стесню вас, теперь никто не располагает свободным местом».

Видимо, князь боролся сам с собой. Согласиться – значит стеснить, идти пешком – значит попасть в руки большевиков.

Благодаря настойчивым просьбам мужа князь согласился ехать с нами.

«Знаешь, Туся, кто поедет с нами? – спросил меня муж, входя в наш вагон. – С нами поедет старый князь Путятин. Жаль его, так

взволнован, хочет идти пешком. Но что с ним будет в дороге?»

И муж рассказал о своей встрече с князем.

Я рада была, что мы едем и что можем кому-нибудь помочь в эти тяжелые минуты.

Собрала свои вещи, окинула еще раз взглядом вагон и вышла. Около саней увидела мужчину среднего роста, одетого в солдатскую шинель с погонами и пуговицами защитного цвета. На голове была надета фуражка, а на плечи был накинут башлык. По большой окладистой бороде узнала князя.

«Не знаю, как благодарить вас за то, что не оставили старика, а я уже хотел идти пешком, но мне Бог послал вас», – говорил князь приятным басом, не скрывая своей радости.

Я села на розвальни, с одной стороны сел муж, а с другой князь. Но не остался и Федор – денщик князя, предлагавший нам муку и масло. Он сел на другие санки, нагруженные вещами.

Малиневский с Лялей поехал первым, а за ним Малиневская с дочерью, дальше потянулись санки с вещами, на них сидели бухгалтер типографии, делопроизводитель, Павел – сторож типографии, Федор, а остальные лошади шли гуськом без кучера. Наши санки были последние – замыкали наш обоз. Дорога была хорошая. Вплелись и мы в общий беженский обоз. Несмотря на близость большевиков и на наступивший вечер, разговор велся оживленный. Вероятно, у всех были приподняты нервы и каждый старался как можно больше говорить, чтобы отогнать невеселые мысли. А мысли были невеселые, потому что каждый из нас знал, что дорога предстоит далекая, так как надежды попасть в какой-нибудь идущий на восток эшелон не было.

Князь произвел на нас впечатление очень хорошее, мне казалось, что мы давно уже знакомы с ним. Он много рассказывал нам о себе, о том, что ему пришлось пережить за последнее время в Сибири, где он был уже три года. Семья его, то есть жена, сын и дочь, остались в Царском Селе. Он ехал в Сибирь ненадолго, но Колчак, фронт на Урале, все неурядицы в России разбили его планы. В 1918 году большевики по приходе в Сибирь арестовали его, и он ровно год просидел в одиночной камере, ни на минуту не забывая о родной семье и лелея мечту увидеться с женой и детьми. Но судьба бывает жестока и не всегда посылает нам то, что мы хотим. По приходе Колчака он был освобожден и назначен по охране железной дороги.

«Вот память о тюремных стенах, – говорил князь, показывая на белую бороду. – Никогда не носил такой большой бороды, а после тюрьмы оставил!»

Весь его рассказ дышал тоской о семье, о доме; видимо, тяжело ему было на старости лет жить вдали от близких.

«А сын? Уже теперь большой. Может быть, погиб, как погибли столько юных сил в России. Только бы не в рядах большевиков, мне кажется, что я легче перенесу его смерть, чем известие о его службе у большевиков!»

Голос его задрожал и умолк, всматриваясь в серую темноту ночи, спускавшуюся на землю, как будто ждал, что за этой серой завесой он увидит родные черты.

«Жена не знает, где я и что со мной. Но, видно, не кончились мои испытания… О ней я слышал, что она выехала в Петроград. А теперь мой план таков: ехать во Владивосток, а там дать знать жене, где я, и при первой возможности ехать самому дальше или ждать семью во Владивостоке. Когда я их увижу?» И снова умолк, и снова тоскливый взгляд, устремленный в туманную даль, говорил нам о том, что душа его и мысли были далеки, далеки. Что думал он? Что чувствовал в эти минуты этот одинокий старик? И я задумалась, задавая себе вопрос, вернемся ли мы в старое гнездышко, где провели столько счастливых дней, или под напором большевистских банд мы поедем в неведомый край? Мысли вихрем проносились в голове. Моментами казалось, что мы медленно едем и не успеем уехать от большевиков, но когда задумаемся, когда мысли одна за другой унесут нас в иной далекий мир, то мы и не замечаем, как уменьшается расстояние между нами и Ново-Николаевском. Около города шумно. Картина та же, какую мы видели во время нашей дороги. Только теперь и мы тянемся в этой черной бесконечной змейке.

Было уже поздно, когда нас встретил Ново-Николаевск своими темными улицами. Ехать уже было невозможно, устали лошади. Князь предложил заехать в железнодорожную милицию, его все знали, и там переночевать. Малиневский думал с утра отправиться в город искать комнату для жены, сына и матери, так как везти сына в тридцатиградусный мороз он не решался. Тем более, что неизвестно было, как долго придется ехать. Приехали прямо в милицию. Нам уступили небольшую комнату, где мы все расположились на полу, подостлав под себя шубы, и закрылись одеялами. Я моментально заснула, успокоенная настроением милиционеров, уверявших нас, что Ново-Николаевск не будет отдан большевикам, так как есть приказ о наступлении. Никто из нас и не подумал о том, что если армия бежит, а большевики триумфальным маршем идут от Омска без боя, то какое же может быть наступление. Эти слова успокоили нас, усталых, и нам казалось, что дальше Ново-Николаевска не поедем. Но пробуждение отрезвило нас.

14 декабря. Я открыла глаза и с любопытством смотрела вокруг. Мне здесь все нравилось: и эти грязные окна, и

заплеванный пол, на котором мы все «вповалку» спали, и то, что места здесь больше, чем в вагоне, где-то на верхней полке. Думали пробыть в Ново-Николаевске целый день, а если будут утешительные сведения, то и два дня. Я собиралась пойти к одному нашему старому знакомому адвокату, от него узнать подробно о настроении в городе и вообще посоветоваться, что делать.

Муж уехал в город, хотел привезти Чесика и поискать сена для лошадей. Он уехал, а с обеда началась суета и тревога в городе. Разнесся слух, что большевики подходят к Ново-Николаевску. Я так никуда и не пошла. Ходила и прислушивалась к тому, что вокруг говорилось. А слухи были самые разнообразные, одни говорили, что большевики еще далеко, другие, что уже в 8—10 верстах. Наконец, князь объявил нам, что звонил к начальнику штаба, спрашивая его о положении на фронте. Начальник штаба ответил, что сегодня же, не медля ни минуты, мы должны уехать, так как в Ново-Николаевске подготовляется местное восстание, а большевистская регулярная армия подходит к Краснощекову, то есть находится в 8 верстах от города. Беспокойство овладело мной и князем. Муж еще не вернулся, Малиневских тоже не было, они уехали с вещами на найденную сегодня утром квартиру. Уже вечерело, когда вернулся муж и Чесик, рассказывая нам, что в городе уже неспокойно. Начинаются разгромы магазинов. Мы кормили наскоро лошадей, ожидая с нетерпением Малиневских, чтобы вместе ехать.

Ночь наступила бесшумно, в далеком небе зажигались звезды, переливаясь темно-лиловыми огоньками; казалось, что там, в вышине, тихо и спокойно.

Милиция помещалась около самых железнодорожных путей. Станция была вся освещена электричеством, что творилось там, мы не видели, так как нас отделял от железнодорожных путей большой цейхгауз. Слышали стук колес поездов, свистки паровоза, какие-то крики, громкие разговоры, в которых можно было уловить страх, беспокойство и приготовления к скорому отъезду. Чесик, князь, муж, милиционер Федор, все суетились около лошадей. Запрягали, укладывали последние вещи. Я не могла сидеть одна в полутемной комнате, меня пугали эти грязные стены, внушавшие мне теперь отвращение, страх. Я вышла на улицу и услышала выстрелы где-то далеко, а потом несколько совсем близко. Через минуту раздался оглушительный взрыв и стекла задрожали в окнах. Я невольно вскрикнула. «Склады на станции взорвали», – спокойным голосом проговорил проходивший мимо солдат. Не успели мы придти в себя, как

услышали пронзительный крик женщины, бежавшей из полосы, освещенной электричеством, в темную улицу, а за ней бежал мужчина.

«Большевики идут, большевики», – кричала задыхавшимся голосом баба и скрылась в темном коридоре улицы. Этот раздирающий душу крик так повлиял на меня, что я ничего не могла сказать от волнения. Позднее оказалось, что эта баба была поймана как воровка. Она хотела уйти от солдат, но один догонял ее, а она кричала, думая, что ее преследователь ее оставит, когда услышит, что «большевики идут». Все это сообщил нам милиционер, бывший на станции, а теперь пришедший посоветовать нам скорее уезжать, так как местные большевики уже занимают город.

Раздался снова выстрел и снова взрыв. Но я уже освоилась. «Мост взорвали», – сказал нам кто-то, проходивший мимо. Хотелось уехать дальше от милиции, где нас большевики без всяких расспросов поставили бы к стенке. Стрельба началась порядочная. Стреляли, скрываясь в темных углах улицы, из-за заборов ворот, не зная, в кого попадет шальная пуля. Моментами опасно было оставаться на улице, так как пули летали совсем близко. Я села в санки и терпеливо ждала. «Если суждено мне теперь умереть, то пуля везде меня найдет», – сказала я и еще плотнее закуталась в доху, ожидая, когда тронется наш обоз. Малиневского не было, а ждать уже было опасно и даже бесполезно, так как, может быть, его арестовали или убили по дороге.

Решили двинуться в путь. Но в ту же минуту мы увидели Малиневского, возвращающегося с семьей, которую не хотели принять на квартиру, нанятую Малиневским. Оказалось, что хозяин был большевик, с радостью ожидавший своих единомышленников, и потому и не хотел принять буржуев.

«Не знали, вырвемся ли мы из города, везде уже большевики!» – крикнул нам Малиневский и, стегнув лошадь, скрылся в темной сияющей пасти улицы. Потянулись и мы, сворачивая на боковые маленькие улицы, чтобы не встретиться с большевистским патрулем.

Глухие темные улицы. Ни одного прохожего, только один наш обоз, скрипящий полозьями. Время от времени слышим стрельбу. При каждом выстреле я съеживаюсь, как бы стараюсь быть едва заметной.

«Не бойтесь! Как-нибудь вырвемся, ведь это стреляет тот, кому не жаль пули и кто в действительности не умеет стрелять», – говорил князь.

Казалось, что нет конца этим темным улицам, что мы едем в

каком-то лабиринте и не можем найти выхода. Свернули еще влево, проехали несколько шагов, и наш обоз остановился. Не нужно было спрашивать почему, так как мы услышали целое море голосов. Мы стояли на горе, а под горой двигалась черная масса. «Большевики», – подумала я. Но оказалось, что страхи были напрасны, так как черная движущаяся масса была полком белых, выходившим из города. Мы вмешались в их обоз и все вместе выехали в белую степь. Дальше, дальше от этого города, где льется кровь, слышны крики и стоны.

С левой стороны дороги тянулись железнодорожные пути, и там стояли поезда, освещенные окна которых так манили к себе усталых путников. Казалось, за этими окнами тепло и уютно. Лошади время от времени фыркали, снег скрипел под санками. Я была настроена пессимистически, несмотря на скорую езду и на оживленный разговор мужа с князем.

Как бы в подтверждение моих мыслей лошади остановились. Перед нашим обозом стояли тысячи санок, лошадей. Взволнованные голоса слышались отовсюду. Выяснилось, что дорога идет через овраг, настолько крутой и со столькими ямами, что почти все санки перевертывались. Иной дороги не было, так как овраг был узкий и по сторонам дороги были сугробы (овраг проходил под небольшим железнодорожным мостом). Надежды на скорое продвижение не было, а нам каждая минута была дорога. Если кто шел искать лучшей дороги, то уже не возвращался, так как не мог в такой массе народа найти своих.

Ветер усиливался и крутил большие столбы снега, залеплял глаза и где-то в широкой степи выл и злился, как бы за то, что люди эти стесняют его простор. На минуту успокаивался и потом с новой силой поднимал снег и отдавался дикой пляске. Белый пушистый снег заносил нас все больше и больше.

Муж отошел от санок, и его фигура моментально скрылась за белым столбом снега. Что-то оторвалось в груди. Князь, Чесик, Малиневский начали звать его. Я выскочила из саней и, утопая по колено в снегу, путаясь в огромной дохе, напрягала свое зрение в том направлении, где исчез мой муж.

Князь уговаривал не волноваться, но в его голосе слышалось беспокойство. Я уже не слушала его, искала за белыми снежными столбами фигуру мужа, но вместо него видела снег, снег и снег. А за белыми облаками снега слышались голоса полные отчаяния, мольбы и муки, голоса зовущие своих близких, знакомых, которых поглотила эта ненасытная, белая степь, и свистящий, свирепый и жалобно-протяжный ветер. Пишу эти строчки, а в ушах звенят голоса, выходящие из сотни грудей: «Ко-о-ля», «Ма-а-ма», «Шта-аб о-округа», «Телеграфная роота»… Кричали

наперебой люди и метались, как в клетке.

Не помню, как муж очутился около наших санок. Он не слышал наших голосов и искал нас, и только счастливая случайность привела его к нашему обозу. Он наткнулся на санки, где сидел Федор, а благодаря тому, что наши санки стояли гуськом, ему удалось добрести до саней, где сидели я и князь.

Толпой овладевало беспокойство. Слышались голоса, что-то рассказывающие, и часть санок свернула в сторону. Оказалось, что поехали на Каменку, то есть объезжают злополучный овраг. Сотни санок стояли, дожидаясь очереди перед оврагом. Мы не последовали их примеру. Стоять, мерзнуть и ждать большевиков здесь нельзя, на объезд требовалось не мало времени, а мы его не имели. А в сказку о далеком расстоянии между нами и большевиками мы не верили. Кто-то предложил искать дорогу на железнодорожное полотно. Все приняли это рискованное предложение, и обоз наш свернул в сторону. Дороги не было. Лошади тронулись в снегу, а мы за ними падали, набирали полные сапоги и рукава снегу, вставали, падали и, наконец, добрели до полотна железной дороги. Лошади едва втянули санки на высокую насыпь. Сели мы в санки, оглядываясь по сторонам. Никто не последовал нашему примеру. Вероятно, в душе называли нас сумасшедшими, так как паровозы приходили и с одной стороны и с другой, привозя с собой уголь. Другой же путь, нечетный, был занят эшелонами, сквозь маленькие окошечки теплушек виднелся свет. Лошади наши отдохнули немного, и обоз наш тронулся. Застучали копыта по шпалам, и понемножку замолкнул гул голосов в степи. Никто из нас не думал о том риске, какому мы подвергались; каждый думал, что человек со зверским лицом страшнее, чем та мгновенная смерть, которую мог бы нести с собой поезд, идущий в ту или иную сторону. «Дальше от большевиков» – единственная заветная мысль в усталом мозгу.

Разъезд. Спускаемся с насыпи и подъезжаем к маленькому домику стрелочника. Здесь отдыхают люди и лошади. У дома стоят несколько десятков подвод. Мы вошли в дом. Я в первый момент не могла понять, где мы: густые облака дыма заволокли нам глаза, и в нос ударил удушливый запах махорки. Едва переступив порог, я наткнулась на что-то мягкое, оказалось, что это был лежащий человек. Чтобы добраться до следующей комнаты, нужно было перешагнуть через груды спящих тел. Люди, утомленные дорогой и переживаниями, так отдались сну, что никакая сила не заставила бы их проснуться. Временами слышались бессвязные слова: кто-то бормотал во сне. «Это солдаты, больные тифом бредят», – объяснил нам кто-то из

приехавших и сидевших в комнате сторожки. Больные лежали вместе со здоровыми, а вши переползали с одних на других, заражая здоровых. Эти насекомые были везде, в белье, волосах и на верхней одежде. Видя это, почувствовала и я, что меня начинают мучить эти беспокойные, отвратительные паразиты, набранные в вагоне и в милиции, где мы ночевали. Удалось нам пробраться в другую комнату. Здесь тоже нет свободного места. Но нет больных солдат. Оживленный разговор слышится со всех сторон. Каждый делится своими впечатлениями.

Ляля положила Юрика на какую-то корзину. Ребенок даже не проснулся, бледное его лицо казалось восковым. Ляле уступили место, и она кормила малютку, а я пробралась в самый угол комнаты и села на полу. Какая-то усталость сковала мое тело, усталость тела, нервов, духа. Веки сомкнулись, и мне казалось, что меня душат какие-то кошмарные сны. Я открываю глаза, стараясь бороться со страшными видениями. А временами, наоборот, дума моя уносилась за грань реального и блуждала в царстве дорогих мне воспоминаний. Вспоминались все светлые минуты моей жизни, как будто кто-то невидимой рукой стер все грустное, тяжелое, что было в моем прошлом, как будто нарочно хотел показать мне в эту минуту, когда я была среди несчастных, голодных, больных и усталых, какова была моя жизнь и как мы мало ценим все, что посылается щедрой рукой Создателя.

Чьи-то слезы, громкий плач вывел меня из приятного оцепенения и вернул к действительности. В дверях стояла дама лет тридцати, брюнетка, и сквозь слезы и громкие рыдания что-то рассказывала, поминутно прерывая свое повествование. Все время слышались слова: «Он стоял на коленях раненый, не защищался. Он первый был убит». Оказалось, что ее мужа убили на станции Ново-Николаевск при отступлении белых, а она, преследуемая страхом, ехала куда глаза глядят.

Я вспомнила Ново-Николаевск, глухие выстрелы, освещенную станцию, странный взрыв… Представила себе раненого офицера, хотевшего своим поступком дать пример другим, как нужно сражаться. Но некогда мне было философствовать, вспоминать и мечтать. Надо ехать, а так не хочется выходить на мороз из этой теплой задымленной комнаты.

Перед нами снова снежное поле и две черные ленточки на белом ковре. Снова огоньки вагонов ласково манящие, скрип полозьев и думы, эти вечные спутницы человека. Говорили мало. Всех успокаивала тишина безбрежной степи. Да и о чем говорить, когда мысли невольно возвращались к нашей дороге. Я думала об убитом офицере, о всех знакомых в Ново-Николаевске, которые переживают теперь ужасные минуты.

Местность не изменилась, та же равнина, то же звездное небо, чуждое нам, дышавшее спокойствием. «Которая звезда моя и мужа?» – задавала я себе вопрос, вспоминая рассказ моей старой няни о том, что каждый человек имеет свою звезду, а когда он умирает, то звезда гаснет. Эта простонародная сказка пришла мне теперь на ум. «А звезды убитого офицера уже нет», – мелькнуло в мыслях.

15 декабря. Село Сокур. Квартир почти нет. Стоит какой-то полк. Начальник этого полка ответил нам, что опасности со стороны большевиков пока нет. А в действительности им был уже дан приказ об оставлении этой деревни. Наши мужья знали об этом, но нам не говорили, чтобы не пугать, так как все равно мы должны были остаться здесь на ночлег, иначе лошади пристанут. Мы, женщины, занялись приготовлением ужина и через несколько минут услышали пушечные выстрелы. Оказалось, что отступающая колчаковская артиллерия взрывала орудия, которые нельзя было вытащить из глубокого снега.

Все спят, лежа на полу. Темно и душно в маленькой комнатке. Мне не спится. Я встаю осторожно, переступаю лежащие тела, иду в кухню. Там горит маленькая лампочка, едва освещающая кухню. На печи спят мужики, их голые ноги торчат и свешиваются в сером полумраке комнаты и припоминают мне голые трупы на буферах поезда. Около стола сидела женщина, подперев руками голову, и о чем-то думала. Она встрепенулась, когда увидела меня, и на мой вопрос, почему она не спит, ответила: «Сердце болит. Большевики идут, а мой сын у Колчака служит, все жду, что придет, а его все нет и нет». Она замолкла, устремив взгляд на горевшую лампу. Я присела у стола и, усталая, задремала. Проснулась, когда уже светало.

16 декабря. Едем через станцию Сокур, там остались наши отставшие две подводы. Станция представляет печальное зрелище. Колчаковцев давно уже след простыл. Везде стояли брошенные поезда. Черные пасти вагонов страшили своей темнотой. Казалось, что в каждом вагоне лежит кто-нибудь больной или умерший от холода и голода. Беспокойно ходил броневик, производя маневры, а сирена разрывала душу своим визгливым, протяжным криком. Как будто старая колдунья накликала беду. Выехали в степь. Сзади послышался топот, мы обернулись и увидели отряд колчаковцев, это был уже арьергард. Они обогнали нас, крича: «Уезжайте скорей, а то большевики вас догонят». А сами гнали лошадей, несясь вперед и обгоняя все беженские обозы. Они отнимали у нас последнюю надежду уйти от большевиков. Тянется степь привольная, бесконечная. Ни кустика – ни хатки. Где голубое небо сходилось с белой пеленой,

туда тянуло нас, усталых путников. Казалось, что там ждет нас что-то хорошее. Заехали к священнику и выпили чаю. Сегодня еще предстояло долго ехать, чтобы не встретиться с большевиками, подходившими с юга.

Уже вечер. Давно перед нами сверкают приветливые огоньки сибирской деревни, но она оказалась дальше, чем мы думали. Вот и село. Пахнуло на нас теплом, уютом, горячим чаем. На улице было тесно и шумно, как будто в ярмарочный день. Нас окружил солдатский обоз, назойливо кричали солдаты, стараясь нас обогнать. Каждый из них хотел пробраться вперед, так как дело шло о занятии квартиры в Ояше (так называлось село). Муж вылез из саней и, держа лошадь под узду, шел впереди, боясь потерять связь с нашим обозом. Князь шел около саней с вещами. Кто-то наехал на наши санки, они накренились, и я упала. Удалось мне схватиться за санки, и я ползла по снегу. Лошади тянут санки, вместе с ними и меня. Сзади идет чья-то лошадь, временами задевая за мои ноги. Я чувствовала, что долго так не выдержу. Пальцы коченели, а носом я все время ударялась о санки. Кричала, звала мужа, но в общем хаосе меня никто не слышал. Я начала уже терять силы и надежду на спасение, как вдруг увидела, что кто-то наклонился надо мной, помогая встать. Мы въезжали в какие-то ворота. Здесь будет ночевать наш обоз.

Мы в теплой комнате, но не одни. В каждом углу на полу сидят десятки людей. Одни спят, другие пьют чай, а некоторые сидят, бессмысленно устремив вперед усталый взгляд. Их мысли далеко от окружающей обстановки. Они устали переживать, на них нашла минута отупения. Ничто не взволнует их в этот момент.

Мужчины наши ушли узнать, какой полк стоит в селе. Старушка Малиневская готовила чай, а я сидела как инвалид. Нос был похож на большую синюю сливу, ныл, а рука была как деревянная, вспухла в плечевом суставе.

По выражению лиц вернувшихся мужчин видно было, что мало утешительного принесли они с собой. Не обманули нас наши догадки: разъезд впереди уже занят большевиками, они «отрезали» нас, придя с юга. Но мы не унывали, разговорились с командиром полка, находившегося в селе. Он сказал, что выход из создавшегося положения – это обход в 50 верст по ужасно гористой местности. Полк выходит утром, если мы хотим, то можем присоединиться, «нужно только, чтобы лошади отдохнули, так как дорога предстоит не легкая», – закончил полковник.

Пришлось согласиться на это путешествие. В комнате шло совещание с одной группой офицеров и беженцев, убеждавших всех ехать теперь, не медля ни минуты, только не с левой стороны

железнодорожного полотна, а с правой, так как там не встретятся большевики и ночью можно благополучно объехать разъезд, занятый красными. К этой группе присоединились еще некоторые беженцы, и они все вместе выехали. Среди выехавших, помню, был один офицер – совсем мальчик. Знала я его, когда он был еще гимназистом в Омске. Теперь он уговаривал ехать свою жену, она отказывалась, говоря, что лучше остаться до утра, она не хочет ехать, так как предчувствует, что что-то ужасное ожидает их, если они сейчас поедут. Но ее уговорили ехать. Утомленная, разбитая, последовала она за своим мужем. А рано утром мы уже узнали от чудом спасшегося офицера, приехавшего верхом в то село, где были мы, что весь обоз, выехавший ночью, попал в руки какой-то бродячей большевистской шайки. Все были убиты, и в том числе та молодая пара. Его, как офицера, мучили, вырезали погоны на теле, потом убили, а вещи были разграблены.

Каждый из нас благодарил Бога, что и на этот раз нам удалось избегнуть страшной участи.

17 декабря. Ночь зимняя, длинная для нас пролетела как одна минута. Каждый из нас по очереди спал на полу, приходилось больше сидеть, так как было очень тесно в комнате. Каждый нерв, каждый сустав болел, а голова тяжелая, как налитая свинцом, одурманенная страшными мыслями, невольно клонилась на свернутый войлок или пальто, служившие нам вместо подушки. Веки закрывались, ничего не снилось, ничего не переживалось. Утро морозное, светлое, ясное. Казалось, что природа хотела последние минуты жизни человека скрасить чем-нибудь и поэтому посылала ему такие ясные, хорошие дни. Ветра не было, снег поскрипывал, отдохнувшие за ночь лошадки бодро бежали. Надежда лазурными крыльями навевала нам светлую веру в хороший исход нашей дороги.

Вдали синели горы, а мы ехали равниной, поросшей лесом. Горы перед нами невысокие, но неприступные своей крутизной, на которой лежит ледяная кора, а съехав немного с дороги, лошади попадали в глубокий сугроб. Долго мучились мы перед этими скользкими горами. Лошади, дотянув подводы с вещами до половины горы, катились вниз с ледяной коры. Мы все тянули лошадей, утопая в снегу, идя рядом с дорогой, и на более скользких местах сворачивали лошадей в снег, где они, ныряя, с большим трудом достигали верхушки горы. Полк уже давно был на горе, а мы в ужасе считали потерянные при подъеме минуты. Окончились наши мучения, мы стоим усталые, но довольные и отряхиваем снег. «Ну, с Богом дальше», – говорит князь, и мы снова на санках тянемся гуськом, не теряя из виду полковника, обоз которого, на наше счастье, отъехал недалеко. С этим обозом

ехал и офицер, вернувшийся ночью.

Уже смеркалось, когда мы доехали до маленькой невзрачной деревушки, расположенной на склоне горы. Подъехали к одному из первых домов. Деревня была бедная. Встретили нас очень враждебно, настроение крестьян чисто большевистское. «Как можно скорей выбраться из этой берлоги», – думала я, не вылезая из саней. Нетерпеливо ждали мы, когда Ляля накормит ребенка, которого она понесла в хату. Мужчины спрашивали крестьян, где большевики, далеко ли? «Едва ли добьются правды», – мелькает мысль. Но все-таки узнали – большевики в 20 верстах, так и можно было предполагать, судя по настроению деревни. Полковой командир, однако, со своим полком остается ночевать в этой занесенной снегом, забытой маленькой деревушке. Полк расквартирован, а мы едем дальше. Ехать, ехать! Пока хватит сил. К нам присоединяется один полковник Соловьев со своим маленьким обозом в 12 лошадей, и мы едем. Пока мы ждали, когда окончатся сборы, улица деревни наполнялась все больше и больше. Привезли каких-то солдат тифозных, лежали они в санках, едва прикрытые рогожей, и видно было, как у некоторых зуб на зуб не попадал от холода. Мы опять в степи. Деревушка с криками пьяных солдат, стонами больных осталась за нами. Кругом тишина, прерываемая только шелестом ветвей придорожных кустов, мы иногда обмениваемся словом, двумя. Полковник Соловьев, зная дорогу, едет вперед. Наши санки замыкают шествие. Оглянешься назад и видишь в темной дали огоньки деревни, оставленной нами. Влево от дороги видны такие же огоньки разъезда, занятого большевиками. Ночь светлая, ясная. Лучи месяца рассыпались по белой пелене, и снежный покров искрится зеленоватыми огоньками. А степь безбрежная спит, как зачарованная, ни шелеста, ни звука. Придорожные кусты, растущие кое-где, кажутся нам издалека какими-то чудовищами, а их прихотливые изменчивые тени двигаются на снегу. Отрадно и спокойно было вдали от людей. Не было страха, хотелось так ехать без конца, хотелось, чтобы никогда не кончалась эта тихая степь, эти звезды, мерцавшие с далекого свода, и чтобы никогда не устали добрые лошади, везущие нас без ропота и устали. Минуты летели, расстояние между нами и оставленной деревушкой увеличивалось, а с ним росла надежда на скорое избавление.

Неужели мне это кажется? Или снится? Все молчат, значит, мне только показалось, что из придорожных кустов выскочил всадник на коне и, увидев нас, понесся в белую степь. Сердце на минуту застыло, в глазах страх, а в мозгу мысль, внезапно пришедшая, как этот всадник, внезапно появившийся и

вернувший нас к действительности.

«Разведчик, – думаю я, – только какой? Белый или красный?» Смотрю на князя украдкой и вижу, что и он видит всадника, видит, как ноги коня отделяются от земли и разбрасывают во все стороны белый пушистый снег.

Всадник несется, и за ним неотступно следует его серая тень. Он поехал в сторону разъезда, занятого большевиками.

«Разведчик», – говорит князь. Муж соглашается с ним. Я вижу, что они взволнованы этой встречей… Поедет, скажет большевикам, что идет обоз, и большевики догонят нас. И тогда, тогда – страшно подумать. Изрубят нас на куски, и никто не будет знать, кто эти путники, что встретили свою смерть в незнакомой степи.

Мы так были заняты своими мыслями, что не заметили, как нас стал догонять какой-то отряд всадников. Ближе и ближе черные силуэты. Что несут они с собой? Я бросаю украдкой пули, данные мне на хранение князем. Освобождаю все карманы от пуль, которые могли бы послужить поводом к страшной развязке.

Наши санки замыкают наш обоз, и мы первые узнаем, что ждет нас всех. Оглядываюсь, вижу уже не черные силуэты, а солдат вижу ясно, даже лицо первого: у него значок и винтовка, а также остальных с винтовками. Я отворачиваюсь, закрываю глаза, бессвязно шепчу «Отче наш». Едва слышным голосом повторяет князь, а муж прижимает меня к своему плечу, как бы стараясь защитить от того страшного, что несут с собой черные силуэты солдат.

«Большевистский отряд догоняет. Вероятно, разведчик был недалеко от этого отряда, – говорит князь, вернее, шепчет и сжимает револьвер. – Если большевики, то я застрелюсь, я им живой не отдамся», – шепчет снова князь.

«Теперь смерть», – говорю я.

Все трое поддаемся мысли, все ближе слыша топот лошадей. Князь благодарит нас за что-то, мы не слушаем. Сердце минутами замирает…

Отряд, нагонявший нас, делится на две группы. Одна едет с правой стороны, другая с левой. Мы в коридоре… вместо стен – лошади и солдаты. Мы молчим… Молча прощаемся, пожимая друг другу руки, и удивительное спокойствие наступает в душе. Нет ни боязни, ни страха, только сознание, что мы должны умереть. Теперь я понимаю, какое чувство испытывает солдат, идя навстречу смерти, он верит в нее, как во что-то «неизвестное», и покорно примиряется с этой мыслью. Въезжает еще несколько подвод с солдатами, врезываются в наш обоз, ничего не говоря, посматривая на нас исподлобья.

«Какая часть идет?» – слышим мы вопросы, кто-то что-то ответил, снова молчание. Солдаты шепчутся, плюются, курят папиросы. Едем, томимые жгучим вопросом. Кто они? На наши вопросы они молчат.

Уже недалеко деревня, слышится лай собак, и огоньки видны. Спасены или плен? Солдаты поговорили, пошептались и оставили нас. Белые или красные? Если белые, то почему они не поехали с нами в деревню, а свернули в сторону разъезда, занятого большевиками? Если красные? Тогда почему они дали возможность нам ехать дальше? Загадка.

Савинково – большое село. Мы в чистой теплой хате, выпили уже два самовара. Мужчин наших нет, они ушли в село на разведку. Я греюсь около печки и смотрю, как хозяйки дома, одна старая, другая молодая, стелят постель для Ляли и ребенка. Заботливые, добрые, угощают нас свежей булкой. Старая вздыхает поминутно, повторяя «Господи помилуй». Это не большевистская семья. Здесь веет стариной. Патриархально и строго.

Мужчины наши вернулись. В деревне нашли военную часть, начальник которой сказал, что идут в обход, так как следующая станция Болотная через несколько часов будет занята, а может быть, уже занята большевиками. Нам в обход идти не советовал, так как пришлось бы вступить в бой с партизанскими отрядами, бродившими в этих окрестностях. По его словам видно было, что он никуда не собирается, то же советует и нам сделать. Как позднее оказалось, он первый перешел на сторону большевиков.

Полковник Соловьев, ехавший с нами, вернулся после разведки злой, бегал по комнате, называя всех солдат, находившихся в этом селе, большевиками. Пошел искать еще какую-нибудь военную часть, но безуспешно. Надо было самим решить, что делать? Хозяйка дома посоветовала обратиться за указаниями к богатым крестьянам. Через полчаса мужчины вернулись с твердым решением ехать на Болотную. Таков был совет старожилов богатой сибирской деревни. Обходом нельзя – кругом бродят партизанские большевистские шайки. А Болотная, может быть, еще не занята; вся надежда на «может быть». 3 часа ночи, хозяева не спят, провожают, дают нам хлеб, чай. Торопливо крестят размашистым широким крестом и шепчут: «Спаси Вас Боже». В их словах звучат самые лучшие, искренние пожелания от души, от чистого сердца.

Где вы теперь? Живы ли? Неужели Господь не отплатит вам добром за ваше доброе слово для бедных, чужих для вас, путников, случайно занесенных судьбой под ваш уютный кров? Сведет ли нас когда-нибудь судьба, чтобы пожать ваши честные руки и поблагодарить вас за вашу ласку, горячее участие и

привет?

18 декабря. Нас окутала морозная пелена. Светает. Встает лениво зимний день. Въезжаем в лес. Узкая дорожка вьется и исчезает в чаще леса. Белокорые березки стоят, как невесты, одетые в белые подснежные платья. Кажется, что они спят. Снится им теплая весна и знойное лето.

Уже видны дома, постройки. Слышны свистки паровозов, подъезжаем к станции. Дым из домовых труб поднимается в белую мглу неба и исчезает, разлетается.

«На станции белые или красные?» – спрашиваем какого-то мужика, встретившегося нам при выезде из леса. Молчание служит ответом. «Так все запуганы, что боятся отвечать», – говорит муж.

Обоз наш остановился. «Была не была», – крикнули мы и двинулись на станцию. Виден поезд – красные теплушки и черный шипящий паровоз. Видим какой-то флаг на последнем вагоне, кажется красный. Наверное, большевики, белые не сидели бы так спокойно. Поезд все ближе и ближе. Около вагонов солдаты с винтовками. Флаг не красный, а белый с малиновым, на вагоне надпись большими буквами «Штурмовой батальон».

«Поляки!» – в один голос крикнули мы, и наши бедные лошадки почувствовали на своих боках удары кнута. Хотелось ближе подъехать к вагонам, еще раз, еще десять раз прочитать надпись по-польски «Szturmowy bataljon» и удостовериться, что мы не спим, что нам не снится.

Въезжаем прямо на путь. Поляки выскакивают, с любопытством разглядывая нас, говорят, что все уже эшелоны ушли со станции и только оставлено несколько боевых, чтобы принять бой, так как большевиков ждут тут с минуты на минуту. Вступая в бой с большевиками, эти последние эшелоны давали возможность продвинуться дальше на восток всем эвакуировавшимся.

Мы уже ничего не слышим. Летим, а не едем. Радость, что Бог не оставляет нас в тяжелые минуты, добавила нам энергии. Поляки с ужасом смотрели, как мы едем между рельсами, кричат, показывают на дорогу, а потом, махнув безнадежно рукой, говорят: «Отчаянный народ».

Пишу правдиво свои переживания, не скрывая того страха, который преследовал меня всю дорогу. Вся тогдашняя обстановка давала повод к этому, так как в действительности никакой армии тогда не существовало и мы, беженцы, должны были или оставаться и ждать «гуманных» поступков со стороны большевиков, или ехать все время, находясь под страхом попасть в руки большевистских банд, оперировавших за полосой

железной дороги.

А вдоль великого Сибирского пути беженцев и отступающие войска преследовала регулярная большевистская армия, шедшая с юга от Семипалатинска и с запада, она шла, занимая без препятствий села и деревни, население которых встречало ее дружелюбно. Дружелюбие проявлялось не потому, что сибирские крестьяне были большевиками. Нет! Они почти не знали, что такое большевизм, так как царствование этих друзей народа длилось в Сибири не долго. А правление Колчака они уже почувствовали на своих боках, так как белые мечом и огнем хотели искоренить зародки большевизма.

Сам Колчак – это благородный светлый ум. Все его несчастье заключалось в неумении подобрать подходящих людей, которые помогли бы ему выполнить его задачу: спасти Сибирь от большевистской заразы.

Но эти люди не оправдали его надежд. Солдаты, слушая большевистские бредни о равенстве и братстве, недружелюбно относились к своим офицерам, которые, в свою очередь, стояли далеко от солдата и не всегда понимали его запросы. Колчак чересчур верил в молодые силы России, и офицерство его складывалось главным образом из молодежи, молодежи, способной на подвиги, горячей и преданной, но легкомысленной и непрактичной.

Большую роль играли в Сибири союзные войска, они состояли из чехов, освободивших от большевиков в 1918 году Сибирь, поляков и очень незначительно части латышей. Начальником Чешской дивизии был генерал Гайда, имя тогда магическое для чешского солдата. А теперь, кажется, «развенчанный герой».

Польская дивизия начала формироваться сейчас же после перехода власти в руки Временного Сибирского правительства, состояла она из добровольцев, главным образом из бывших австрийских военнопленных, которых больше привлекала военная служба, чем сидение в концентрационных лагерях.

Во время формирования Польской дивизии произошел раскол среди офицеров. Часть очень небольшая, во главе с бывшим представителем начального Польского военного комитета поручиком Л. и его заместителем поручиком Б., была против формирования польской дивизии в Сибири, желая строго придерживаться постановления съезда военных поляков – не вмешиваться во внутренние междоусобицы России. Будучи далеко от своей отчизны, Польская дивизия всецело бы зависела от русских военных властей и в силу необходимости должна была бы подчиняться правящей партии. В случае же неподчинения ее

ждала печальная судьба, так как на помощь рассчитывать было неоткуда.

Военнопленные были иного мнения, видя в большевиках немецкий авангард.

Предсказание комиссара Польского военного комитета поручика Л. исполнилось. Польская дивизия выполняла роль жандармерии, будучи на охране железной дороги, и ездила на усмирение большевистских восстаний в сибирских деревнях.

Конечно, тут нельзя винить поляков, так как они всецело подчинились колчаковской власти и, как военные, должны были точно исполнять приказания высшей власти.

Судьба Польской дивизии была такова: она уходила на восток последней (первыми шли чехи, потом латыши, а потом уже поляки), а так как Колчаковской армии уже не существовало, только незначительная ее часть, то поляки принимали бой и служили арьергардом для всех едущих на восток.

Весь великий Сибирский путь был сеян могилами польских солдат, погибших на поле брани на чужой, далекой им земле, и только незначительной части офицеров и 1000 солдат удалось пробраться через восток на родину.

Польской дивизией командовал полковник Чума, а начальником штаба был полковник Румша. Все союзные войска, а фактически только чехи и поляки, ждали распоряжения от главнокомандующего союзными войсками генерала Жанена о продвижении на восток. Но оно пришло так поздно, что послужило поводом к трагической судьбе Польской дивизии. Получив этот долгожданный приказ, начали приготовляться к отъезду. Все были уверены, что поедут во Владивосток, а там через синий морской простор в родные края.

Эта надежда, как оазис в пустыне, притягивала, манила, и каждый лелеял эти мечты. Вагоны были устроены как квартиры. Из каждой теплушки сделали более или менее приличную комнату. Посреди стояла железная печка, которая всех согревала и кормила.

19 декабря. Станция Юрга. Бухгалтер Малина, как прозвали мы его, поехал вперед, чтобы узнать, нет ли квартиры. Нас моментально отрезала волна беженцев, и «разведчик Малина» скрылся из виду. Напрасны были наши усилия найти его. Решили, что он, не найдя свободной квартиры и нас среди едущих беженцев, поехал вперед. Ждали мы его возвращения часа полтора, а потом свернули в село Поломошное. Ах, как нас тут встретили! Вот большевики были бы довольны таким приемом буржуев.

«Буржуи проклятые приехали», – шипели бабы, а парни

зловеще посматривали в нашу сторону. Старушка Малиневская накормила нас вкусными бифштексами и, довольная собой, ласково посматривала на наши сытые физиономии. Она задремала, сидя. Ляля и я вполголоса разговаривали и даже потихоньку смеялись, смотря на добродушное лицо Малиневской.

Юрик лежал на столе, на подушке, тешился свободой и от удовольствия сосал палец правой ноги. Мать с безграничной любовью смотрела на свое сокровище. А я с жалостью смотрела на ребенка, видя, как он позеленел, похудел от постоянного пребывания в душной кибитке, где целый день горела лампа, нагревая «карету».

В комнате послышались шаги, вошли какие-то офицеры, среди них один брюнет небольшого роста. Его мы встретили во время одной остановки. Последний раз видели его в Ояше, откуда мы уезжали, а он приехал. Теперь он образовался, увидя нас.

«И вы здесь? Приятно встретить кого-нибудь из своих спутников, так как их все меньше и меньше остается в живых. Знаете! Ояш был взят большевиками в 10 часов утра, а мы еще были в Ояше и отходили с боем. Но что может сделать наша горсточка людей? Моего товарища разрубили на маленькие куски. Помните, со мной был такой высокий, молодой офицер?»

В нашей памяти пробудились воспоминания, и перед глазами предстал высокий, мощный мужчина, который еще за два часа перед смертью весело смеялся. «Немного осталось из нашей партии», – задумчиво говорит офицер, прислонившись к горячей печке. Итак, Омск был сдан 14 ноября в 10 часов утра, а мы выехали в 6 часов утра. В Ново-Николаевске мы были во время местного восстания и выехали из города в 5 часов вечера, а город был занят регулярными войсками в 7 часов вечера. Со станции Ояш уехали в 8 часов, а станция была сдана в 10 часов утра. На станцию Болотная приехали в последний момент перед сдачей. Одним словом, какая-то Высшая рука оберегала нас все время.

Прекрасный зимний день. Тепло, отрадно. Резво бегут лошадки. Нас все радует в этот солнечный день. А солнце, такое приветливое, согревает нас своими благодатными лучами. Смеемся, разговариваем и любуемся, как пушистый снег попадает нам в лицо и легкий ветерок холодит разрумянившиеся щеки.

«На несчастье одного строится счастье другого» – припоминаются мне эти слова, столь правдивые. На станции Болотная поляки имели бой с большевиками, поэтому вышла задержка и большевики не идут нам по пятам. Мы довольны этим, а бедные поляки много потеряли солдат. Много жизней людских стоило это наше счастье. Подъезжаем к маленькой деревушке, домов в десять, живописно расположенной на горке. Бедность

царит ужасная – это не сибиряки, а украинцы-новоселы.

В какой бы дом мы ни постучались, везде больные тифом. Остановились у добродушной бабы, она озабоченно суетилась, виновато, сконфуженно посматривала на нас. Потом выяснилось, что ее сын – дезертир Колчаковской армии, не хотел впустить нас, «буржуев», и все время ворчал на мать за ее доброту к нам. Несмотря на его косые взгляды и ворчание, мы выпили чаю и улеглись на полу спать. На том полу, где полчаса тому назад лежали тифозные солдаты.

«Иного выхода нет. Может быть, Бог спасет и от болезни, как спасает от большевиков», – утешили мы себя и преспокойно ложились. Дежурили мужчины по очереди всю ночь, кормили лошадей.

20 декабря. Морозное утро. 7 часов утра. Сквозь маленькие заледенелые окошки пробивается дневной свет, серый и сонный. Наших мужчин нет в комнате. Малиневская хлопочет около стола, зовет всех чай пить. Я вышла во двор, ища мужа. Не успела я пройти несколько шагов, как где-то недалеко раздалось «та-та-та-та» – пулеметные выстрелы. Все собрались во дворе и прислушивались. Пулемет трещит совсем близко, вдали виден дымок, поднимающийся высокой белой мглой в утреннее небо.

«Скорей уезжайте!» – кто-то крикнул в открытые ворота, проезжая мимо двора, где мы стояли. «Большевики заняли Тутальскую, сейчас бой на мосте с поляками, последние отступают. Большевики будут здесь через полчаса. Бой в полутора верстах от деревни!» – крикнул Федор – денщик князя.

Я вбежала запыхавшись в хату, повторяя слышанное. Все засуетились. Сын хозяйки принял гордый вид и, постояв несколько минут в раздумье, вышел из хаты. Баба причитала, но скрыть своей радости, смешанной со страхом, не могла.

Малиневская преспокойно пила чай и равнодушным голосом говорила: «Глупости! Не так плохо, как говорят, вас нарочно пугают, а вы и чаю как следует не выпьете». – «Но разве вы не слышите, что совсем близко стреляют?» – спрашиваем мы. «Стреляют! Стреляют! Пусть себе стреляют, если мы будем всегда так лететь, то человек скорее захворает от этой езды, чем от того, что большевики догонят», – ворчала Малиневская, и никакие уговоры не помогали.

Ляля кормила ребенка, а старушка пила чай. Лошади стояли запряженные. Стрельба не умолкает. Мы выходим и садимся в санки. Выезжаем за ворота. Наш выезд подействовал, выезжают и Малиневские в переполохе, оставляя мешок с детским бельем.

Поляки отступают. Из нашей деревни хорошо видно, где идет бой. Бой на горе, а мы должны проехать под горой, так как

деревня, в которой мы ночевали, лежала в стороне от тракта, а дорога, соединяющая деревню с трактом, шла оврагом недалеко от места боя.

Спускаемся в овраг. Пулеметный концерт все ближе и ближе. Пролетело несколько пуль над головами, гоним лошадей, стараясь как можно скорей уйти от этой злополучной горы. Оказалось, что не мы одни попали под обстрел. В овраге ехали беженские обозы. Тут уже ехали, но не в один ряд, а в три-четыре ряда, наскакивали на деревья, валялись вещи, брошенные на дороге. Опрокидывались санки, падали люди, вещи. Люди кричали, стонали, некоторые падали, попадали под лошадь, и там ждала их смерть.

Сзади ехала колчаковская конница. Отступая, она все топтала на своем пути, желая всех опередить. Поляки, видя, что поддержки со стороны колчаковцев не будет, отступали, а большевики, увидев с горы удиравшую конницу, в овраге, и беженцев, начали стрелять, и пули их летели над нашими головами.

Все больше и больше брошенных вещей на дороге, это затрудняет нам дальнейшее продвижение. Санки все время накреняются, то в одну, то в другую сторону, рискуем вылететь из саней.

Какой-то солдат наскочил на наши санки. Думала, что упадет вместе с лошадью к нам в санки. Но на счастье, удержался, свернул в сторону, поехал между деревьями, поодаль дороги. Кто-то отчаянно закричал, это солдат наскочил на дерево, лошадь споткнулась на брошенное кем-то седло, и солдат упал. Лошадь одна бежала дальше. Наша лошадь привыкла идти за санками, а тут на повороте дороги наш обоз пересекла конница и наша лошадь, не находя санок, за которыми шла все время, остановилась. Не помогли крики и кнут. Стоять было опасно, так как на нас могли наехать, пришлось выскочить из саней и отвести лошадь в сторону.

Муж схватил лошадь под узду, а я и князь бежали рядом. Как нас тогда никто не задавил, не знаю. Наше счастье, что конница проехала и редели беженские обозы. Мы бежали, таща за собой лошадь, прося проезжающих привязать ее к санкам. Но все были глухи к нашим просьбам. Все ехали с испуганными лицами, занятые своими мыслями.

Перед нами менялись санки, люди, а мы, не имея сил бежать, стояли в стороне и с ужасом прислушивались к тревожным свисткам польского штурмового батальона.

Последние обозы беженцев проезжают мимо нас, а мы молча стоим. Каждый из нас понимает ужас нашего положения. Мы уже

не просим, чтобы нас взяли, чтобы позволили привязать нашу лошадь к санкам. Безнадежно!

Кто может думать о нас, чужих для всех в такую минуту. Мимо едут санки-розвальни. Один мужчина правит, а сзади спиной к лошади сидят другой и две женщины, глаза сидевшего в санях мужчины посмотрели на нас с сочувствием. Что-то толкнуло нас к этому незнакомому человеку. Мы побежали за санками, прося позволения привязать лошадь. Видимо, наши лица выражали столько просьбы, мольбы, что он кивнул в знак согласия. Толкнул в бок мужчину, который правил, и они свернули с дороги. Мы «притащили» за узду нашу лошадь и привязали ее к розвальням. Едем. Не знаю, нашлись ли бы тогда такие слова благодарности, которые могли бы выразить все, что было в нашей душе. Нет! Нет таких слов благодарности за спасение жизни, и еще тогда, когда спасавший сам бежит от смерти и дорожит каждой минутой.

Лес кончился. Стройные сосны, кедры – свидетели страшного отступления – тихо шумели, как бы укоризненно говоря, что люди сами портят себе жизнь, не умея ценить того светлого и прекрасного, что несет она с собой.

В поле, среди массы беженцев, мы увидели кибитку Малиневского и остальной наш обоз. Мы его догнали, поблагодарили еще раз своих спасителей и, привязав лошадь к нашему обозу, двинулись дальше.

Сегодня должны доехать до Тайги. До города не доедем, но хотя бы углубиться в сибирскую тайгу, уйти дальше от большевиков.

Ехали целый день без остановки. Кто хотел есть – рубил топором или шашкой замерзший, как камень, хлеб, а вместо воды ел снег. Когда кому-нибудь было холодно и он почти замерзал, того поили водкой, и он бежал рядом с лошадью. Зубы болели от тающего во рту хлеба, а по телу пробегала дрожь. Но человек – это создание, которое может перенести в смысле нравственном и физическом.

Вечером доехали до разъезда Яшкино, никто не рискнул остановиться, так как настроение здесь было большевистское, что говорило о близости большевиков. Поздний вечер. Въезжаем в лес. В тот лес, которыми богата Сибирь. Лес, полный тайны, задумчивый и грустный.

В поле ветер, воя и кружась над нами, нагонял какую-то безотчетную жуть, а при въезде в лес нас охватила тишина торжественная, как будто мы перешагнули в какое-то святая святых и боимся пошевельнуться, чтобы не нарушать этой тиши. Сладкая грусть, как тихая ласка, тоска о чем-то хорошем росли в

душе.

Нам казалось, что мы добрели уже до цели и стоим у тихой пристани. Мы действительно стояли. Сотни санок растянулись в одну змейку и стояли целыми часами на месте. Называю лесную дорогу змейкой, так как она действительно представляла из себя узенькую ленту, настолько узкую, что только одни санки могли поместиться в ширину дороги, а с боков возвышались сугробы снега, местами достигавшие роста человека. Ничего не видно, кроме снега, вековых деревьев и санок, близко стоявших одни за другими. Что делается дальше перед нами и за нами, не видно, ничего не известно. Мы в полутемном коридоре…

Тихо… Спокойно… Ни голоса, ни звука. Все молчат, временами шепот и фырканье лошадей, кое-где треснет сучок, задетый зайцем, который, наткнувшись на наш обоз, летит в сторону, или сухая ветка отвалится и, падая, стряхивает иней с елей и сосен. А вверху вечнозеленые сосны и ели шепчутся, недоумевают, кто смел нарушить их покой. Мы, замерзшие, сидим в санках, и не хочется разогнуть обледеневшие ноги. В ушах звучат какие-то чудные звуки, а лес рассказывает старые, слышанные в детстве сказки. Душа уносится в это царство чародея, веки смыкаются, стряхивая с ресниц холодный иней. Хочется заснуть. Но кто-то будит меня, тормошит, тащит из саней. Тогда я чувствую, что я совсем холодная, как этот снег, что окружил нас со всех сторон.

«Надо двигаться, ходить, выпить водки. Ты совсем замерзнешь», – слышится сквозь сладкую дрему голос мужа. Я едва шевелила губами, мне так хочется сказать, чтобы оставили меня в покое. Мне так хорошо, тепло и спокойно, так приятно слушать лесную сказку. Но мне вливают в рот водку, которая неприятно обжигает губы. Дрожь и чувство холода говорят о горькой действительности.

Я пробуждаюсь. Меня вытаскивают из саней, я начинаю топтаться, бороться с мужем и пью холодную водку. Согреваюсь, ложусь в санки, и меня закрывают с ног до головы всем, что имеем из теплых вещей. Мороз 32 градуса; хорошо, что ветра нет.

Первое впечатление после въезда в лес прошло. Все вполголоса разговаривают, топчутся, постукивая нога о ногу, рубят хлеб, закусывают.

Вдали слышится однотонное понукание лошадей – это артиллерия везет орудия, виновница задержки, так как артиллерия шла впереди, а мы, беженцы, ехали за ней. На лесной узкой дороге было так много снега, что орудия тонули в сугробах и приходилось расчищать дорогу, вытаскивая пушки из глубокого снега. Некоторые беженцы стояли здесь с утра, передвигаясь в

чащу леса черепашьим шагом. Вся дорога была взрыта, и санки ныряли в громадных ямах.

Костер нельзя было развести, так как большевистская разведка, видя огонек, могла бы набрести на наш след. Надо было вооружиться терпением, запастись энергией и ждать. Ждать час-два-десять.

Позднее мы слышали, как погибли здесь беженцы, настигнутые большевиками. Некоторых беженцев-офицеров убили, распяли на санках, и, оставив эти голые изуродованные трупы, большевики шли дальше, неся за собой смерть и издевательство.

Те, которые каким-нибудь чудом остались живы, замерзли в лесу, и вся эта прекрасная дорога через сибирскую тайгу усеяна была трупами. Все ящики, корзины, весь скарб, что везли с собой эти люди, был вытащен на снег, разбросан, что было ценное, то было унесено с собой, а остальное лежало рядом со страшными трупами в ужасных позах, с запекшейся кровью, с вывернутыми руками.

Мы всю ночь простояли в этом лесу. Всю ночь мерзли, прыгали, боролись и усталые садились в санки, чтобы снова, едва передвигая ноги, вылезти и скакать, глупо размахивая руками.

21 декабря. Ночь тянулась долго. Надоел этот лес, пугавший своей темнотой. Под утро добрели до какой-то сторожки или разъезда. Не помню, как я очутилась в комнате, где было много милиционеров. Здесь мы устроились только благодаря князю, который сказал свою фамилию дежурному милиционеру. Дали нам место на полу. Комната была грязная, небольшая, заплеванная. На асфальтовом полу лежали солдаты.

Какой-то услужливый солдат подал мужу пень. Этот пень послужил мужу стулом, а я села на пол, положила голову на колени и моментально заснула, не чувствуя удушливого запаха махорки и пота, не слыша ругани и грубого смеха. Проснулась. В комнате светло. Мужа нет. Моя голова лежит на полушубке, заботливо подложенном мужем. Села, протерла глаза и вспомнила, где я. Выйдя на улицу, увидела около наших санок костер, а из саней князь и мой муж тащили еле живого Чесика Хмеля, который, лежа в санках, начал замерзать. Он бессмысленно тряс головой, что-то бессвязно бормотал и стучал зубами. Его принесли в ту комнату, где мы отдыхали. (Малиневские проспали сидя в соседней комнате.)

Времени на горячий завтрак нет. Едем. Наконец и станция Тайга перед нами. Уже вечерело, когда мы приближались к этим домикам, из труб которых выходил дым, густой, серый, прямым столбом поднимаясь вверх. После долгих усилий удалось найти

маленькую комнатку у какого-то татарина во втором этаже, куда мы попали только поздно вечером, так как целый день прошел в поисках пристанища. Сначала заехали к какому-то железнодорожнику и там встретили беженцев, ехавших из Екатеринбурга. Несчастные скитались уже пять месяцев. Что значили наши переживания в сравнении с их переживаниями?

Итак, мы уже в теплой комнате, первый раз, кажется, за всю дорогу мы были в чистом помещении. Соседнюю комнату занимала семья татарина, болевшая тифом.

Мужчины наши узнали, что охраняют станцию Тайга поляки, кроме того, стоит здесь несколько колчаковских эшелонов.

Ехать дальше на лошадях нельзя, так как вдоль железнодорожного пути хозяйничает банда известного большевика Щетинкина, ехать все время обходом нет сил, кругом тайга, надо хорошо знать дорогу, и где гарантия, что удастся уйти от какой-нибудь бродячей партизанской банды, скрывавшейся в лесах. Все говорило за то, что надо искать другой способ передвижения или оставаться в Тайге. Последнее было невозможно, так как никто не принимал беженцев, боясь большевиков. Оставалось искать кого-нибудь из знакомых в польских эшелонах и просить позволения ехать в их поезде. Малиневский с мужем сразу после чаю вышли. Вернулись довольные, говоря, что наверное удастся устроиться в польском эшелоне, и даже в таком, который не принимает участия в боях. Этот эшелон назывался «железнодорожная рота», на обязанности которой лежала починка всех польских паровозов.

Спокойно заснули мы в эту ночь.

22 декабря. Утром окончательно узнали, что приняты в польский поезд. Не могли дождаться, когда будем грузиться. Князь ехал с нами. Он был записан как мой отец, я называла его «папаша», или по-французски «papa». Никто не понял бы той радости, какую мы переживали. Мали-невский встретил в железнодорожной роте своего знакомого поручика К., ему мы и обязаны за все то хорошее, что он для нас сделал, отвоевывая нам место в поезде, прося об этом начальника эшелона. Мы на станции.

Не чувствуется здесь беспокойства, не видно испуганных, озабоченных лиц беженцев, замерзших и голодных, нет той сутолоки, какая царит в городе. Наши подводы стояли вдоль эшелона, по очереди подвигаясь к вагону, в который мы грузились. Я с благодарностью смотрела на польского часового и так была погружена в свои радостные мысли, что не заметила, как из наших саней кто-то стянул доху мужа, а другой украл шкуру вола, которую мы стелили в санях, лошадей мы оставили на

произвол судьбы около вагонов, и через пять – десять минут их уже не было. Взяли их железнодорожники и беженцы.

В польском эшелоне

Мы в вагоне. Встретила нас миловидная женщина лет 35, хохлушка. Она говорила, что муж ее сегодня дежурит на станции. В правой стороне теплушки стоял стол и две кровати. На одной из них лежало двое детей, мальчик и девочка, с любопытством посматривавших на нас, высовывая головы из-за подушек. Это были дети наших хозяев теплушки. Левую половину вагона они уступили нам. А было нас семь человек. Я, муж, князь и еще одна семья, ехавшая из Ново-Николаевска, но одновременно с нами грузившаяся в этот вагон.

Эта семья, так же как и мы, ехала в колчаковском поезде, а потом на лошадях. В тайге она встретила поручика К., и он устроил ее в этот поезд. Итак, наши новые спутники, как и мы, благодаря доброму сердцу поручика К. имели теплый угол в польском эшелоне. Семья эта состояла из старушки матери, двух дочерей и зятя (офицера, мужа старшей дочери).

Семья Малиневских и Чесик помещались в соседнем вагоне, где им также уступили половину теплушки; хозяева их вагона производили несимпатичное впечатление, очень неохотно приняли они своих новых гостей. Не скажу, чтобы и наша хозяйка была довольна нашим присутствием. Она нервничала, ожидая мужа, даже выходила два раза, ища случая встретиться с ним и рассказать, что у них поручик К. отобрал полвагона и какие-то неизвестные беженцы преспокойно разложили свои вещи и весело попивают чай, согретый на ее печке. Но хозяин вагона долго не показывался.

9 часов вечера. Мы мирно разговариваем, сытые, согретые. Двери вагона открылись, и вошел мужчина и стал кричать: «Кто имел право влезть в мой вагон? Я никого не принимаю». Перед нами предстала фигура солдата, одетого в зеленую военную шубу, какие имели все союзные войска. Меховой воротник и обшлага, широкий пояс с револьвером, и в руках винтовка. С левой стороны лица у него был шрам, начинавшийся от щеки и шедший под ухом на затылок. Глаза горели каким-то злым огоньком. Таков был хозяин нашего нового убежища. Муж объяснил ему, как мы попали сюда, кто нас устроил.

Наступил мир в нашей новой коммуне, и через четверть часа Нотович сидел с нами, слушая наши рассказы о злополучном путешествии. От него мы узнали, что в данный момент на

станции Тайга находятся первый польский полк, штурмовой батальон и польский броневик «Краков». Русских эшелонов немного – три-четыре, русский броневик «Забияка» и, кажется, еще другой, «Дедушка».

Нашу мирную беседу прервали выстрелы, раздававшиеся где-то недалеко. Выскочили узнать. Оказалось, что на соседнем пути загорелся вагон с патронами. Подозревали в поджоге местных большевиков. Поляки энергично принялись ликвидировать пожар, оттянув горевший вагон подальше от поездов, стоявших на станции.

Ночь ничего не предвещала страшного. Как-то спокойно чувствовалось, сидя в вагоне и слушая временами шаги часовых, ходивших вдоль эшелона. Рядом, на соседнем пути, стоял русский поезд, через стекла запыленные и грязные можно было видеть офицеров, их жен и детей.

23 декабря. Я дремлю, но сквозь дремоту слышу выстрелы. Опять, опять. Надо проснуться, узнать, может, мне только кажется. Я сажусь на кровать, протираю глаза и такое же недоумевающее выражение вижу на всех лицах. Князь, муж, наш новый спутник прислушиваются и молча спрашивают друг друга глазами. Хозяина вагона уже нет, только жена его, стоя посреди вагона, слушает, откуда стреляют. Выстрелы все чаще и чаще. Уже где-то недалеко стучит пулемет. Около вагона слышатся торопливые шаги, беготня и временами голоса, отдающие какие-то приказания. Не успели мы сообразить, в чем дело, и поделиться своими предположениями, как отворилась настежь дверь, и в вагон вскочил бледный Нотович. Губы его от волнения тряслись, и он прерывающимся голосом крикнул: «Большевики нас окружили. В четыре часа ночи заняли город, и при помощи местных большевиков они теперь окружили станцию. Начался бой. Перестреляют сейчас нас всех, ехать не можем, так как наш эшелон не имеет паровоза. Он еще в ремонте, в депо. Где дети? Где дети?» – кричал он беспомощно, хватаясь за вещи, лежавшие в вагоне, бросаясь к детям, которые испуганно смотрели во все стороны и не могли понять, что случилось. Поцеловав сына, прижал дочь к своей груди, отошел от их кроватки. Еще раз устремил свой взгляд на малюток, жену, и, видимо, какая-то страшная мысль мелькнула в его голове. Шрам побелел, а лицо налилось кровью. Махнул рукой на детей и бросился к дверям.

«Одеть детей!» – крикнул он и исчез в настежь отворенных дверях. Жена его начала плакать и, обращаясь к нам, спрашивала: «Зачем одевать? Куда мы пойдем? Везде стрельба! Бедные дети! Бедные мы все! Что теперь с нами будет? Куда он ушел?» Она то плакала, то молилась, прижимая к себе малюток, то звала мужа

через отворенную дверь. Мы не могли даже ее утешить. Не могли дать ей хоть маленький луч надежды на спасение. Беспомощные, сидели мы в тесном вагоне, прислушиваясь к усиливавшейся канонаде. То вставали, подходили к дверям, слушали, то снова возвращались и старались в глазах один у другого прочитать отрадные мысли. Но их не было. Тревога, беспокойство были у всех на лице. Мужчины наши не имели даже оружия при себе, кроме револьвера князя. Да и нужно ли было оружие в такой момент, когда горсть людей, имевшая около себя женщин и детей, будет защищаться от вооруженных солдат.

Сидели и ждали развязки, отгоняя от себя страшные мысли, рисовавшие в нашем воображении кошмарные картины. Я подошла к дверям, мне казалось, что кто-то раненый стонал и хотел войти в вагон. Но никого не было, только под вагонами соседнего поезда польские солдаты, держа наготове винтовки и скрываясь за темными колесами, стреляли. Пулемет с левой стороны нашего поезда работал интенсивней. Кто-то крикнул, что большевики атакуют русский броневик «Забияку».

«Значит, уже так близко», – подумала я, припоминая, что броневик стоит через несколько путей от нас. Наша хозяйка одела уже детей и теперь то и дело подходила к дверям, ожидая мужа и расспрашивая поминутно проходивших мимо солдат. Затем она взглянула в маленькое окошечко теплушки и, позвав меня, сказала: «Что там делается! Посмотрите!»

Я вскочила на лавку, но долго смотреть не могла, так как увидела через рассеявшийся дым целую кучу трупов и большевиков в белых меховых шапках с красными лентами, бежавших навстречу полякам.

«Скоро придут к нам», – мелькнуло в мыслях. «Какая глупая и ужасная смерть нас ждет». И мною овладело отупение, равнодушие, прерываемое иногда минутами нетерпения. «Скорей бы, скорей смерть или жизнь». Страха нет, хотя положение действительно становилось ужасным. Паровоза не было, а кольцо большевиков становилось все уже и уже. Мы помощи ниоткуда не ждали, а большевики подходили к Тайге с новыми силами.

А что делалось в русских эшелонах, где ехало преимущественно офицерство! Кровь холодеет в жилах при воспоминании о том, что мне, как невольному свидетелю, пришлось увидеть. Перед нашими глазами разыгрывались драмы. Из русского поезда выходили пассажиры, с безграничным страхом, озирались, осматривались по сторонам. Выражение лица изменялось. Люди бледнели еще больше при виде безвыходного положения.

Спасения нет! Это каждый чувствовал и метался во все

стороны, в скорой смене надежды и отчаяния. Прошло уже несколько лет, как все это было пережито, но в памяти до сих пор горят, как неугасимые огоньки пережитого, страшные воспоминания, яркие, кровавые, озаренные холодным зимним солнцем и налитые кровью.

Помню открытые двери нашего вагона, а напротив вагон второго класса колчаковского поезда. Из него выскочил русский полковник. Лицо чисто русское, небольшая, с проседью бородка. Одет в зеленый френч и синие брюки. За ним выбежала дама лет 35. «Ну, что? Как?» – задавала она вопросы, стоя на площадке вагона и держась за косяк двери. Она не дождалась ответа, соскочила со ступенек на перрон и подбежала к полковнику. Схватила его за плечо и впилась пытливыми глазами в лицо. «Спасения нет? Ну, говори скорей!» Трясла она все сильней за плечо мужа. А он что-то лепетал, беспомощно разводя руками, и осматривался по сторонам.

Он схватился за револьвер и быстрыми шагами направился в сторону канонады. Жена, схватив его за руку, что-то говорила со слезами в голосе. Он остановился. Тихими шагами возвратился обратно, стал думать о чем-то важном, нахмурив брови, стиснув зубы. Какая-то борьба происходила в нем.

При этой сцене из вагона выскочила девочка лет девяти-десяти, смуглая, худенькая, с выражением испуга в красивых черных глазах. «Папа! Папа!» – крикнула она и с плачем бросилась к родителям. Она не чувствовала холода, стоя на морозе в коротеньком платьице, чулочках и серых ночных туфлях.

«Папа!» – повторил еще раз детский голос. При этих знакомых детских словах полковник поднял голову, сделал несколько шагов по направлению к ребенку. Снова остановился. На озабоченном лице легла новая складка, решимостью дышали его черты. Скользнула тень жалости, но он махнул рукой, как бы отгоняя назойливую муху. Еще раз взглянул в сторону боя, потом на жену и дочь – беспомощных, стоявших возле него с пытливым взглядом, ищущих в его лице ответа на все их вопросы. Его рука, держа наган, несколько дрогнула. Но вот курок взведен. Сердце холодеет, предчувствуя что-то ужасное. Хочется отвернуться, чтобы не видеть, но глаза, как магнитом притянутые, не могут оторваться. Хочется крикнуть, удержать его от страшного шага. Но я стою как окаменелая. Поздно! Здесь ничто не поможет. Вижу его взгляд, полный любви и мольбы о прощении, взгляд, направленный к жене. В этом взгляде все: решимость, любовь, и тоска, и жажда запечатлеть в душе образ жены, так дорогой ему и близкий. Она поняла его, кивнула, прижала к своей груди ребенка и, страстно его поцеловав, обернулась снова к мужу.

«Не отдам! Большевики не будут издеваться над ними. Уйдем отсюда вместе!» – крикнул он каким-то хриплым, странным голосом. Махнул рукой. Раз! и… труп жены полковника лежал на земле, к нему бросилась девочка, рыдая и бросая вопросительные взгляды на отца, как бы желая узнать, что случилось. Почему ее бедная мама убита, зачем все это?

Едва успели промелькнуть эти вопросы в детской головке, как ребенок увидел холодное дуло револьвера, направленное на него. Девочка, как зверек, спасаясь от смерти, вскочила и в одно мгновение была около отца, схватив его за руку, державшую револьвер. Она заглянула ему в лицо светящимися от слез глазами и стала просить: «Папочка! Оставь меня! Дай мне жить. Оставь. Мне ничего не сделают большевики. Не лишай меня жизни!»

Детский голосок звучал как нежное щебетание птички во время бури и ветра. Так нежны, так тихи были ее слова в сравнении с пулеметной канонадой, с голосами бежавших солдат.

Рука отца давно свесилась бессильно, дрогнула, а другая отмахивала назойливую слезу. Усы дрожат от скрытого плача. Этот родной детский голос встрепенул неясную струну отцовского сердца и пробудил в нем сознание, что не ему принадлежит жизнь ребенка. Этот лепет, знакомый и близкий, разбудил в нем горячее безграничное чувство любви к своему детищу. Он поверил ей, что от большевиков она не увидит ничего злого. Поверил… и уступил, как уступал иногда, исполняя ее капризы.

А он так боялся этой минуты. Боялся встретиться с дочерью глазами. Это не те глаза, глаза жены, которая поняла, и простила, и согласилась на этот шаг. Эти глаза говорят иное. Они зовут и просят жизни. Она будет жить, ей ничего не сделают большевики, она ребенок, а я? И видимо, ужасным представилось ему будущее, так как рука с револьвером медленно поднялась. Не надо искать всепрощающего взгляда в этих детских глазах. В дорогих глазенках он прочтет или упрек, или просьбу сохранить жизнь, и это удержит его от того шага, на который он уже решился. Она не поймет его, так как не сознает всей опасности, какая угрожает ему. Он закрывает глаза, и усмешка муки и боли появляется на лице. Он не простился с ребенком, боялся оказаться малодушным. А девочка, стоя на коленях, обнимала его ноги, плача и прося: «Папочка, жить! Зачем все это. Бедная мама. Папочка, жить! Оставь меня. Жить! Жить!»

«Прощай! Я иду с тобой!» – вырвалось у него с запекшихся губ, и взгляд упал на труп жены.

Под лепет ребенка, под свист летящих пуль он простился с

жизнью, и его тело легло недалеко от неостывшего трупа жены. А ребенок, стоя на коленях, то бросался на труп матери, то на труп отца. Девочка плакала, что-то шептала, то вдруг закрывала посиневшими от холода ручонками заплаканное лицо и громко всхлипывала. Мы выскочили из нашего вагона, взяли на руки девочку и принесли ее в вагон. Маленькая, худенькая, посиневшая девочка дрожала всем телом и не отдавала себе отчета, что с ней и где она. Пока несли ее на руках, она не отрывала задумчивого взгляда от дорогих трупов. Ушли, оставили ее одну, маленькую, ничтожную и жалкую.

Мы отупели, застыли. Казалось, что-то тяжелое упало мне на голову, давит и не дает ни о чем подумать, дать отчет в том, что делается. В ушах еще звучит хриплый голос полковника и щебет ребенка, а глаза видят два еще теплых трупа.

Странным теперь кажется, что никто не мог повлиять, удержать малодушных людей от этого последнего шага. Но тогда, в те минуты, наоборот, малодушием и слабоволием считалось это добровольное ожидание издевательств, пыток и смерти от большевиков.

На наших глазах застрелился военный врач, который, выйдя из вагона, увидел, что большевики кругом и что спасения нет. Он выстрелил себе в висок из нагана. Это случилось в один момент, револьвер выпал из руки, а из виска сочилась алая кровь. Смерть была моментальна. Сестра милосердия, боявшаяся большевистского самосуда, выпила какую-то прозрачную жидкость из маленькой бутылочки, две-три конвульсии, и все кончено. Навсегда она ушла от нас. Польский солдат, к которому подходит офицер, кричит последнему, чтобы он отошел подальше, бросает гранату.

Треск разбитых стекол, пулеметная стрельба, взрыв гранаты, стоны, плач ребенка и голоса команды польской и русской – все смешалось вместе. Солдата уже не было, а вместо него были видны какие-то окровавленные куски мяса.

В вагоне тишина, каждый погружен в свои думы. Все как прибитые. Я время от времени чувствую, как отнимаются ноги и зуб на зуб не попадает. Но проходит и это. Деревенею вся и соглашаюсь со всеми вопросами, какие приходят в голову. «Умереть? Хорошо! Поведут на расстрел. Здесь будут издеваться?» И на все один ответ: «Только бы скорей конец».

Иногда даже кажется, что жить незачем. Наши размышления были прерваны неожиданным приходом Нотовича, который влетел в вагон как пуля. «Мы почти спасены! – кричал он. – Наши солдаты, под ужасным огнем, вытащили паровоз из депо и сейчас его прицепят к нашему поезду».

Мы не поняли его слов, они казались удивительной фантазией. Тут умирают, убивают детей, себя, а мы вдруг поедем. Куда? Зачем? Неправда все, что он сказал. «Мы должны будем проехать чрез цепь большевиков. Поэтому берегитесь, поедем под страшным огнем».

В подтверждение его слов наш вагон толкнуло. Кровь бросилась в голову, радость необъятная, безудержная охватила всем существом. Вера в недалекое спасение, жажда – не одолимая ничем, жажда жизни поглотила нас. Паровоз прицеплен. С грустью смотрю я на русский эшелон, обреченный на верную смерть. Девочка-сирота едет теперь в нашем эшелоне, в классном вагоне. Мой муж и князь искали ее родных или знакомых в русском поезде, нашли какую-то даму, которая взяла девочку под свое покровительство и теперь ехала с ней в нашем поезде.

Нотович рассказал нам, что, выйдя из вагона, он пошел в депо, где работали польские солдаты и спешили поправить два паровоза. Один удалось вытащить и прицепить к нашему поезду, а другой еще в депо.

Бой горячий, много убитых красноармейцев, главным образом во время атаки броневика «Забияка». Сражаются 1-й Польский полк, III батальон 2-го полка и штурмовой батальон, а из русских поистине по-богатырски сражается Пермский полк. Солдаты, как львы, послушно и мужественно идут вперед. Если наш эшелон пройдет благополучно, то будет послана поддержка полякам, так как мы дадим знать недалеко отошедшим польским эшелонам. А может быть, они уже знают и идут на помощь?

Последний взгляд на русский печальный поезд, на застывшие трупы, и мы едем. Видно, что мы подъезжаем к цепи большевиков, так как все слышнее русские голоса и чаще, чаще выстрелы.

«Спрячьтесь!» – командует кто-то. Все повинуются молча. Кто влез под перину, кто под мешок с мукой, а я и муж лучше всего устроились. Он сел против двери на нашу кровать, а я на пол и заставила себя стулом. И так проехали. Воображаю, какой комический вид мы представляли в тот момент, когда стреляли в наш вагон. При каждом стуке пули в стенку вагона я прятала голову под стул. Теперь я еще больше верю в судьбу, что «если кто должен быть повешен, не утонет». Ехали мы быстро. Все тише и тише дикие крики и канонада. Мы облегченно вздохнули, когда увидели чистое поле. Сколько разговору. Сколько мыслей каждый из нас хотел высказать. Говорили наперерыв, стараясь перекричать друг друга. Нам вторил стук колес и свист ветра. Зимний вечер тихий, задумчивый. Наш эшелон стоит в степи совсем близко от станции Судженка. То и дело открываются

двери вагона и входят польские солдаты, прорвавшиеся через цепь большевиков. Некоторые из них легко ранены, они ищут, где бы отдохнуть от пережитых минут. Но долго не засиживаются в нашем теплом вагоне. Идут на место сбора. Теперь поляки выдали оружие всем едущим, и время от времени дежурный по эшелону проходит вдоль поезда, стуча кулаком в дверь и кричит: «na pogotowie» (быть начеку). После такого сигнала из каждого вагона выходит один дежурный по вагону и, прохаживаясь вдоль него, всматривается в степную даль, нет ли чего подозрительного. Можно было ожидать нападения на поезд со стороны партизанских банд, бродивших во всех направлениях и появлявшихся иногда там, где их совсем не ожидали.

В нашем вагоне дежурили князь, муж и офицер – муж нашей спутницы из Ново-Николаевска. Нотович отдыхал, ему были мы благодарны за все и хотели хоть чем-нибудь отблагодарить.

Новый стук в двери. Вошел солдат с винтовкой. Его лицо говорит о том, что он устал и голоден. Тяжело опустился на стул, поданный нашим хозяином вагона, и попросил напиться. Из разговора с ним выяснилось, что идет он из Тайги, принадлежит к русскому Пермскому полку, который так храбро сражался. Он рассказал то же самое, что и Нотович: штурмовой батальон, 1-й Польский полк, Пермский полк и еще незначительное количество Колчаковской армии прорвали цепь неприятеля и ушли из Тайги. Большевиков погибло очень много. Тайга навсегда оставила у них кровавое воспоминание, так как от Омска до Тайги они не имели такого продолжительного боя. Пойманные в плен большевики все время говорили: «Вот сегодня-то было жарко всем. Уж не помним, когда так было».

Наш гость сидел долго, греясь около железной печки, и пил горячий чай. Рассказывал с большим воодушевлением, как прорывались они через цепь, сколько было убитых, раненых. Мы слушали затаив дыхание, и перед нашими глазами вставали кошмары сегодняшнего дня.

Впереди нас ждали новые неожиданности. Станция Судженка была уже занята местными большевиками; об этом говорил красный флаг. Но, видимо, все слышали о жарком бое в Тайге, и поэтому большевики встретили наш эшелон очень любезно. Спросили, сколько нам нужно угля. «Берите сколько надо и уезжайте скорей, мы пропускаем все польские эшелоны». Видимо, боялись, чтобы и здесь не заварилась каша. Прислали нам две платформы с углем.

Было как-то спокойнее, но все же не спалось нам в эту ночь. Впечатления дня разгоняли у нас сон и заставляли по нескольку раз вспоминать одно и то же. Вечером мы узнали, что только два

эшелона вырвались из Тайги, а остальные должны были отступать пешком, так как большевики разобрали железнодорожный путь. Наш поезд, не встречая задержки на своем пути, летит, как экспресс, весело разрезая зимнюю мглу и унося с собой нас, счастливых.

25 декабря. Станция Ижморская. Мы совсем акклиматизировались в этом гостеприимном эшелоне. Подружились с поручиком К., который перевел нас и наших новониколаевских спутниц в вагон 3-го класса. Только муж Марии Васильевны (так звали старшую дочь) остался в вагоне Нотовича. Странная была эта семья. Старуха мать, полукосая на один глаз, худая, говорливая, производила на всех неприятное впечатление. Старшая дочь, миловидная блондинка лет 22, была кумиром и деспотом семьи. Ей все подчинялись, угождали ей, слушались. Одна только двенадцатилетняя ее сестренка Фроська не признавала авторитета старшей сестры. Злостно и открыто высказывала свое возмущение не по летам развитая девочка. А возмущаться действительно было чем. Мария Васильевна, или Мурка, как называла ее мать, выдавала нам своего мужа за брата. Прогоняла его все время из эшелона, постоянно говоря, что он своим присутствием подвергает их, женщин, большой опасности в случае прихода большевиков (так как он был колчаковский офицер). Сама на его глазах немилосердно флиртовала с поручиком К., который просиживал в нашем вагоне целые вечера. Но переживания офицера – мужа Мурки – наводили нас на размышления, и в душу закрадывалось сомнение, может ли брат так плакать ночью в углу вагона и горячо просить Мурку: «Позволь мне остаться здесь… с тобой».

Во время ссоры Фроськи с Муркой мы узнали секрет, и Мурке пришлось открыто признаться нам, что Сергей Степанович действительно ее муж, но она боится ехать вместе с ним, так как потом ей придется нести тяжелые последствия, как жене офицера. Меня до глубины души возмущал ее поступок. Итак, любовь до первого горя. В тяжелую минуту уйти, бросить как ненужную вещь, не подумав о том, что именно теперь, может быть, больше, чем когда-либо, ему нужны твоя ласка, твой привет и поддержка.

Она ушла с нами в вагон 3-го класса, а он остался в теплушке Нотовича. Иногда он приходил к нам, грустный, задумчивый, бросая молящие, укоризненные взгляды на свою жену. Тогда выходила из вагона старуха мать или Мурка и убеждали его горячо, запальчиво. Он не изменял своего решения и был хоть не вместе, но все-таки недалеко от той, которая, может быть, одна только удерживала его тут, на земле.

В вагоне 3-го класса мы устроились по-буржуйски. Там два

купе были соединены в одно. Направо от дверей первые полки занимали мы, то есть я и муж, а верхнюю князь. «Папа» только и жил надеждой, что удастся увидеться с семьей. Каждая верста, отделявшая нас все больше и больше от большевиков, приводила его в великолепное настроение. Вечером то и дело приносили чайник с кипятком, и муж с князем, ярые любители чая, опоражнивали стакан за стаканом, рассказывая без умолку анекдоты и веселые эпизоды.

Немного нужно человеку, чтобы быть веселым. Теплый угол, горячий чай с сибирскими лепешками, которые мы жарили на железной печке, и увеличившееся расстояние между нами и большевиками создавали веселое настроение.

Малиневские как-то отдалились от нас. Были немного обижены на нас за то, что мы достали лучшее место. Но все же отношения между нами не изменились, они остались для нас такими же милыми и близкими. Муж и князь почти каждый день навещали Малиневских, а Малиневский и Чесик нас. Но мы, женщины, заняты были обедом, ужином, печением булок, стиркой, починкой, и зимний короткий день проходил быстро.

26 декабря. В Боготоле стояли два дня. Наш эшелон пришел первый на станцию, а теперь починяли паровозы всех новоприбывших польских эшелонов, каждый день по нескольку эшелонов уходило на восток.

На другой день стоянки отправились мы в Боготол за покупками. Тут припомнились тяжелые минуты нашей дороги, суета, беготня по улицам, повальное бегство из города, все повторялось, но не производило на нас такого угнетающего впечатления, как в начале дороги. «После Тайги привыкаешь ко всему», – смеясь, говорит князь. Зашли было в продовольственную лавку купить чаю, сахару, но там стояла громадная толпа. Продавались за бесценок материи, колониальные товары, и до прилавка трудно было добраться. Зашли к одной старушке выпить чаю. Она удивленно смотрела на наши веселые лица, а потом (видимо, мое лицо внушило ей большое доверие) спросила потихоньку: «Разве вы не боитесь большевиков? Может быть, вы остаетесь нарочно ждать их?» Мне хотелось смеяться. Именно ждать, мы всю дорогу их ждем.

29 декабря. Морозный солнечный день. Мы стоим на разъезде, мысли мои далеки, далеки. В сердце тупая боль. Припомнилось мне, что есть несчастнее нас близкие нам люди. Пришел к нам в вагон офицер, знакомый, из первого польского полка. Сказал нам, что на одной из станций видел моего брата, исхудалого, грязного и голодного. Сверх шинели надет был короткий полушубок, а глаза голодные, измученные. И

припомнился мне солдат, перенесший тиф, который приполз к нам просить хлеба. Брат искал нас в польских эшелонах, узнав от офицера, что мы едем. Но как-то не привела судьба встретиться. (Он ничего не знал о том, что мы уехали из Омска, так как был на фронте, а мы не знали, что одновременно с нами он едет на восток.)

Бедный мой мальчик! Увидимся ли мы с тобой, или ты погибнешь в числе тех юных сил, что беспощадно брошены на произвол судьбы? За что? За что эти дети-воины несут такую ужасную смерть?

А сколько у него было розовых надежд на будущее. Гражданская война безжалостно вырвала его из последнего класса художественного училища, надела на него красные гусарские брюки, длинную саблю и послала убивать таких же молодых, как и он. Напрасны были мои старания найти его потом. На каждой станции расклеивала я надписи, обращаясь к нему, говоря, где я, и прося его прийти к нам, если он едет этой же дорогой.

Он мог не заметить моих слов среди тысячи других, выражавших страстное желание найти, увидеть своих близких. «Мамочка! Мы едем, ждем в Красноярске тебя и Олю. Коля Муромцев!» «Наташа! Оставайся в Ачинске, приеду. Твой Миша Зыбин». «Дорогие любимые! Мы с папой едем, отступая, узнавайте о судьбе поезда морского ведомства, встретимся, даст Бог, не станции Ачинск. Мама!» «Папочка! Мы благополучно проехали эту станцию, о нас не беспокойся. Будь жив и здоров. Ждем. Твой сын Алеша Терехов!» В каждой надписи, в каждом слове звучало неодолимое желание дать знать, успокоить своих близких и любимых.

Но брат, отступая с остатками полка, в котором служил, погиб. Только где, неизвестно. Думали, что последняя его остановка была ст. Ачинск, если ужасный тиф не скосил его раньше где-нибудь в дороге. А мы ехали веселые и сытые. Отодвинулась от нас нужда и горе. Видимо, судьба хотела немного вознаградить нас за пережитые мучения. Уж очень она милостива к нам. Смеялись, шутили, но в душе оставалась какая-то боль горючая, жестокая. Боль за всех, за родных, близких и за чужих, гибнувших на наших глазах.

29 декабря. Наступает морозный вечер. Густая мгла поднимается к небу, откуда мерцают тусклые звезды, вечно зовущие нас в иной мир дальше от зла, земной суеты, в далекое царство правды и совершенства.

Уже недалеко станция Ачинск. Я стою у окна, прижавшись к грязному холодному стеклу. Уже мелькают эшелоны, освещенные

окна, черные паровозы.

Я не могу понять, что лежит везде на снегу. Кажется, человеческие фигуры. Но что они делают? Почему разбросаны там и тут? Поезд мчится, и я не нахожу ответа и не могу рассмотреть загадочные фигуры на белом снегу.

Поезд останавливается, я хочу выйти из вагона, но мне загораживает дорогу поручик К. Он идет к нам известить нас о том, что сегодня утром на станции Ачинск произошел ужасный взрыв. Большевики местные взорвали два вагона с динамитом. Уничтожена станция и все колчаковские эшелоны, стоявшие на станции. Много человеческих жертв. Какой-то колчаковский поезд стоял далеко, и поэтому только вагоны оказались поврежденными, а человеческих жертв не было.

Станция представляла ужасное зрелище – полуразрушенное, почти без крыши здание, кругом куски человеческого мяса. Здесь и ноги, и руки, и головы, и просто бесформенные кровавые куски. Кое-где эти куски сложены в небольшие кучки, замерзшие, исковерканные части тела – как они страшны, когда каждая из них отделена от тела. Неприятная сцена разыгралась около вагона. Какой-то солдат притащил дамскую, с затиснутыми в кулак пальцами руку. На пальцах были драгоценные два кольца.

«Что ты будешь делать с этой рукой?» – презрительно спросил другой солдат.

«Дурак я, что ли, оставить кольца большевикам». С этими словами он отрубил пальцы и снял все кольца, а отрубленную руку бросил на одну из мясных куч.

Никто не вышел из нашего вагона. Не хотелось ходить среди человеческого мяса и видеть головы с вытекшим мозгом. Слава Богу, что стоим тут недолго…

Дальше, дальше от этой открытой могилы. Мы так сжились с князем, что временами не верится, что это совсем посторонний человек. Привязался и он к нам, называя меня дочкой, не зная, как благодарить меня за заботы о нем. На каждой станции ходил выменивать свои и наши вещи на продукты, помогая в этом мужу. Они вдвоем с мужем носили воду и воровали дрова, а иногда уголь.

В длинные зимние вечера, начинавшиеся от 4 часов дня, наша тройка сидит в уголке и вполголоса разговаривает. Сумерки нежные, грустные окутывают нас. Не хочется пошевелиться, чтобы зажечь свечку, так как с этим светом исчезнет поэзия сумерек.

Князь много рассказывает о себе. Всегда что-нибудь новое, интересное. Показал нам золотые часы, массивные, с надписью: «За верную службу от Императора Николая Второго», а на другой стороне двуглавый орел. Эти часы – его гордость. Что с сыном?

Жив ли? Дочка тоже, наверное, изменилась, выросла? Эти вопросы он повторяет каждый день. Живет этими мыслями, мечтает, и даже все неудачи не сломили в нем скорую веру в новую встречу с семьей.

Скоро уже Рождество (мы празднуем по старому стилю). Всего несколько дней осталось. Где мы будем и что нас ждет? Решили испечь свежих булок, баранью ногу и устроить под праздник лукуллов пир. К нам присоединился корнет с женой, ехавший в соседнем купе. Он офицер Колчаковской армии, контужен два раза. Ехал в польском эшелоне, сев еще перед Тайгой. Влюблен был в свою жену, но часто с ней ссорился, и они так далеко заходили в своих семейных ссорах, что устраивали целые битвы. Мы в такие минуты притихали, и слышно было, как летели вещи в соседнем купе, а потом оба они плакали.

Красноярск перед нами, через полчаса уже будем на станции. Целый день будет в нашем распоряжении, а может быть, и больше, так как наш эшелон снова будет поправлять все паровозы и уйдет последним из Красноярска.

На станции Красноярск стояли два чешских эшелона, готовые к отъезду. Это были первые чешские эшелоны, которые мы догнали. Жизнь, полная неожиданностей! Что значит красный флаг на станции и эти молодцы, с гордым видом разгуливавшие по перрону. Это те, от которых мы удирали. Важно выпятив грудь, бряцая шашкой, обвешанные бомбами, гранатами и т. п. ужасными вещами, нагонявшие страх не только на такое боязливое создание, как я. Ходили красноармейцы, присматриваясь ко всему с любопытством. Спрашиваем какого-то мужичка в полушубке: «Кто теперь в городе?» – «Большевики-товарищи, пришли без боя. Пришли и заняли. Сказывают, что теперь бой будет», – говорит мужичок, с тревогой посматривая на товарищей.

Красноярск действительно был занят большевиками. Знаменитая партизанская банда Щетинкина, которой мы так боялись, пришла в город и при помощи местных большевиков заняла его, дожидаясь регулярной армии, шедшей за нами.

Вот тебе и Красноярск. Какой сюрприз нам приготовил, оставив всех нас в дураках. Уж очень подозрительной нам казалась любезность новых хозяев. Нас задержали и спросили, кто, и откуда, и куда. Милостиво разрешили ехать в город. Малиневские, мы, князь, спутницы новониколаевские, поручик К., все на извозчиках поехали в город. На главной улице царило оживление. Люди шли, бежали с озабоченными лицами, спешили, оглядываясь на героев дня. По временам слышался резкий смех. Мы остановились перед кафе. Это была замечательная кофейная,

держал ее наш знакомый поляк, молодой, предприимчивый. Его в 1918 году большевики арестовали в Омске. Он бежал, скрывался в Красноярске, открыл кофейню, а при втором большевизме в 1920 году уехал из Сибири, как машинист добрался до польской границы и там проскочил через границу.

В кофейной было полно. Столики везде заняты. Здесь и поляки, и красноармейцы. Смешно? Не правда ли? Здесь пьют кофе вместе, а через две станции, не доезжая Красноярска, проливают кровь. Почему? А потому, что поляков на станции Красноярск много и большевикам еще памятна Тайга. Кроме того, на восток от Красноярска стоят чешские эшелоны, а на запад от города идут польские. Отряды Каппе-ля (белые) подходят к городу. Большевиков же немного, только щетинковцы и местные рабочие. Нельзя начинать опасную игру.

Мы встретили в кафе много знакомых. Все наперерыв расспрашивали друг друга. Если бы в Красноярске был не отряд Щетинкина, а регулярная армия, то всех бы нас голубчиков отправили в Чека. Наше собрание «буржуев» было бы недопустимо, как «ярых контрреволюционеров».

Приехали мы домой в эшелоны, когда смеркалось. Все нашли по-старому, только настроение было повышенное. Каждый рассказывал, что видел в городе, какое впечатление произвели большевики. Оказалось, что на станции еще дежурный за начальника станции польский офицер. Станция в руках поляков, а город в руках большевиков. Большевики прислали делегатов в польский штаб, прося поляков соблюдать нейтралитет и выдать всех русских офицеров, ехавших в польских поездах. Полковник Р. ответил, что если хоть один волос спадет с головы польского солдата, то нейтралитет будет нарушен. Русские же офицеры выданы не были и ехали дальше в польских эшелонах. Позднее мы узнали, почему большевики требовали от поляков нейтралитета. Это требование было вызвано наступлением на Красноярск «каппелевцев» (Колчаковская армия под предводительством генерала Каппеля). Стрельба, начавшаяся на западе от города, подтвердила наше предположение.

Поезд наш стоял на горке, а под горой далеко происходил бой. Видны были (в бинокль) наступающие редкие цепи каппелевцев. Их было немного, вероятно, это было только прикрытие, а большая часть войска подходила с другой стороны, делая обход, продвинулась на желанный восток. Удивительно как-то сложилось. На одной станции бой большевиков с поляками, а тут один другого не трогает. «Но не надо доверять большевикам, они коварны. Они преследуют свои цели!» – говорил Малиневский.

«Надо быть как можно дальше от них!» И действительно, семья Малиневских попрощалась с нами, они пересели в поезд, в котором ехала артиллерия. Там устроил их один знакомый офицер-артиллерист. И на другой день Малиневских уже не было в Красноярске. Паровозы починялись, отправлялись эшелоны, пришла и наша очередь двинуться в путь. Русские эшелоны, стоявшие в Красноярске, дальше не шли, были задержаны большевиками, да и пути все равно были заняты.

Остался за нами Красноярск. Проезжая мост, через красивый широкий Енисей я смотрела на мигающие огоньки города, от которого нас отделяло все большее и большее расстояние. «Затишье перед грозой». Теперь еще тихо, спокойно, а что будет, как придет регулярная армия. Опять кровь и кровь.

По старому стилю 6/I – 25/XII. Уже Рождество (по старому стилю). Думали ли мы встретить этот праздник в вагоне и вдобавок где? За Красноярском, не где-нибудь во Владивостоке а здесь, но грех нарекать на свою судьбу. Тысячи людей несчастнее нас, а мы как буржуи едем. В сочельник я с Муркой ходила к железнодорожникам; испекли там булки, маленьких пирожных, баранью ногу, о которой полмесяца мечтали, и вернулись вечером в вагон. Там было темно. Муж с князем сидели в углу на нашей скамейке. Фроська с матерью спали. Поезд тронулся. В вагоне было тихо, какое-то спокойное молитвенное настроение царило, хотелось как можно тише говорить. Эта тишина и тихие рассказы полушепотом, равномерный стук колес убаюкивали, навевая далекие воспоминания и тихую грусть.

Вспомнился родной дом… Далекое детство… братья, один голодный и, может быть, больной, а другой где-то на востоке, еще ребенок. Эта ужасная война, вырвавшая из нашей среды столько близких и дорогих нашему сердцу, разбросала всех в разные стороны по великой широко-безбрежной России, даря нам жизнь, полную неожиданностей, сильных переживаний, оставляющих навсегда в нашей памяти неизгладимый след и уничтожающих иные давно прошедшие, полузабытые воспоминания. А где Россия могучая, цветущая, видавшая дни величия, славы?..

Неужели из-за кровавых туч не проглянет солнышко и не подарит измученному народу светлых, ясных дней? Рождество и Новый год пролетели, ничего нового не принеся с собой. Дни шли за днями. Ехали очень медленно, так как на ст. Клюквенная (120 верст от Красноярска) находились чешские эшелоны, мешавшие нашему продвижению.

Наш эшелон стоит в поле, в 3–4 верстах от станции. Морозный день склоняется к вечеру, вдали погас последний луч заходящего солнца. Я прогуливалась около эшелона. Впереди

перед моими глазами расстилалась равнина, а вдали, как синяя туча на горизонте, виднелась гора, поросшая лесом. Перед нашим эшелоном стоял единственный в Сибири латышский эшелон. Из польских наш поезд был первый, за нами стоял броневик «Познань». Далее штаб Польской дивизии и другой броневик «Краков». Броневые поезда были окрашены в защитный цвет. Я каждый раз останавливалась перед броневиком и издали смотрела в темные отверстия, загадочно пугавшие своей темнотой. Небольшая группа чехов прошла мимо меня, вызывая удивление на лицах польских часовых. Я вернулась в вагон и там узнала, что явилась в штаб Польской дивизии делегация чехов просить об уступке им паровозов, так как они свои заморозили. Поляки ответили, что свободных паровозов не имеют, просят чехов скорей нагреть и поправить свои паровозы и освободить дорогу для польских эшелонов, так как большевики идут, уже бой под Красноярском. Слова поляков никакого успокаивающего действия не оказали, чехи ушли и пригрозили занять путь, если не достанут паровозов. Через час-два пришли латыши в наш поезд и спрашивали, правда ли, что поляки хотят взорвать латышский поезд. Им так сказали чехи. Поляки успокоили латышей, и те ушли. Зато во всех польских эшелонах царило беспокойство. Отдан был приказ вооружиться. В нашем эшелоне все мужчины стояли около вагонов вооруженные. Ждали приказа о выступлении против дерзких чехов, которые не заставили себя долго ждать, явились вооруженные и направились к штабу Польской дивизии. Мы, женщины, сидели в вагоне, время от времени я выходила на площадку и присматривалась к тому, что творилось около эшелонов. Вдали за ними виднелся зеленый броневик, около него толпились польские солдаты, окружив тесным кольцом чехов, чехи неистово кричали, размахивали руками.

Видимо, визит чехов не принес им желанных результатов. С недовольными лицами они возвращались обратно. Кругом был расставлен польский караул. Солдаты узнали, что чехи хотели взорвать польский броневик, мотивируя это тем, что не хотят, чтобы все досталось большевикам. Не знаю, какие переговоры в действительности велись; пишу только то, что тогда мы узнали.

Я вернулась в вагон, было темно, в углу у окна сидели наши соседки и тихо разговаривали, показали мне в окно, и я увидела, как из леса, вернее кустарника, выскочил отряд конных. Увидев поляков с ружьями наготове, этот отряд бросился в сторону и, отъехав на почтительное расстояние от наших поездов, стал прислушиваться, чтобы узнать, к кому относятся крики, призывающие его. Поляки спрашивали, кто они и откуда.

Несколько смельчаков подъехали ближе, любопытно осматриваясь, и сообщили, что они принадлежат к отряду Каппеля. Большевики идут по пятам.

«Почему ваши поезда не идут дальше? Те, что остались в Красноярске, уже задержаны. Большевики не вспоминают теперь о нейтралитете, чувствуя за собой силу регулярной армии. Не теряйте времени, уезжайте».

Закончил свой рассказ молодой казак и, кивнув в сторону Клюквенной, поехал к своим товарищам, стоявшим в поле. Какое-то грустное впечатление производила на меня эта группа солдат, едущих куда глаза глядят.

В вагоне совсем темно, на небе зажигаются звезды, где-то за леском грохочет пулемет, идет стрельба. Там снова бой большевиков с поляками и оставшимися колчаковцами. Здесь тоже ходят с ног до головы вооруженные солдаты. Каппелевцы бегут, с запада идут большевики, а с востока чехи пугают, вооружаются; мысли невеселые, серые наводят уныние…

Не все ли равно, будем ли мы живы или умрем. Чехи или большевики? Все равно! Так сидела я, погруженная в думы, не заметив прихода мужа и князя. Зажгли свечу, как-то отраднее сделалось на душе, казалось, что с этим светом исчезли все невзгоды, и черные мысли разлетелись, как одуванчики от ветра. Но ненадолго! По выражению лица мужа поняла, что не все обстоит благополучно. Не хотелось даже спрашивать. Предчувствовала, что что-то ужасное, страшное приближается к нам. Положение действительно было безвыходное. Большевики догнали и задержали два польских эшелона, мы делали в сутки 15–20 верст, а большевики двигались со скоростью 30–40 верст. Идут дальше, постоянно воевать и бороться с регулярной армией и неожиданно появляющимися партизанскими отрядами не хватит сил, да и зачем эти ненужные невинные жертвы. В каждом эшелоне едут женщины и дети. На востоке дорогу закрыли чехи, узнав, что большевики идут, сформировали из двух эшелонов один и уехали, оставив на пути поезда с замерзшими паровозами. Чтобы расчистить дорогу, надо не мало времени, а полякам каждая минута стоит человеческих жизней.

«Итак, все кончено, – сказал поручик К., входя к нам в вагон. – Поблагодарим за все чехов и поклонимся большевикам, – с иронией и грустной улыбкой произнес он. Несколько пар любопытных глаз впились в него. – Начались переговоры поляков с большевиками. Дивизия должна сдаться, она между двух огней! Но заключим договор не позорный для нас. А может быть, я ничего не знаю… Исполнят ли большевики все условия? Где гарантия? Не могу сидеть, пойду узнаю, что делается».

Он ушел, а нас охватило беспокойство. Поздний вечер, никто не спит в нашем вагоне. То и дело открываются двери и входят офицеры и солдаты. В нашем вагоне поставлен телефон и сидит дежурный офицер.

Около поезда – штаба Польской дивизии – стоят взволнованные солдаты, они ждут, когда им прочтут условия сдачи. В штабе давно уже знали, что сдача дивизии неизбежна, а мы только поздно вечером узнали условия. Дежурный офицер прочитал их нам. И мы все с тяжелым сердцем слушали, мало веря в то, что действительно эти условия будут выполнены. А так хотелось верить. Если бы они были исполнены, то лучшего мы ничего не могли ждать.

Условия были следующие: 1) оружие должно быть сложено в один вагон, и таковой закрыт на замок, 2) караул при вагоне с оружием будет польский, 3) все польские эшелоны будут направлены в Красноярск, 4) запасы – продукты – будут оставлены на две недели, 5) никаких арестов и обысков производиться не будет, 6) в Красноярске будут формироваться новые эшелоны для отправки на запад, на польскую границу, одним словом, домой. Кто не захочет ехать, может остаться, где хочет. И т. д. и т. д. Что может быть лучше? Неприкосновенность личности, свобода действий, скорый отъезд домой. Все это красивые фразы. Никто не верил, но поневоле соглашались.

Все приуныли. «Папаша» срывается с места, тянет мужа за руку, усаживает его на лавку рядом со мной и говорит скоро, захлебываясь, как бы боясь забыть то, что теснится в мыслях. «Дети мои! За все вам сердечное русское спасибо. Бог вознаградит вас за доброе сердце. Спасали вы меня, но теперь и вы бессильны, и вы не знаете, что будет с вами завтра. Я хочу идти, идти куда глаза глядят. Я здесь не могу остаться, начнутся аресты офицеров, и я буду арестован в первую голову. Итак, я ухожу, не возьму от вас слово, что исполните мою просьбу, так как знаю, что все, что возможно будет, – сделаете. Я вам оставляю все, что дороже для меня здесь. Это карточка детей и жены…»

Голос прервался. Старичок суетился, торопливо шептал: «Оставлю еще свой дневник, который писал в одиночной камере. Никто не читал эти записки. Здесь я описал всю свою жизнь, свои переживания, начиная от светлого детства и ясной юности до теперешних тяжелых дней, хотел для сына оставить. Пусть не судит строго отца. Здесь он найдет все, что было или казалось ему непонятным. Мысленно буду всегда с ним. Итак, последняя моя просьба к вам: если можно, отдайте карточку детей жене или детям и дневник тоже. Не хочу, чтобы большевики, если арестуют меня, нашли эту карточку и дневник. Расскажите детям все, что

знаете обо мне, и… и последнее прости»…

Дрожащие руки держали фотографическую карточку, а глаза впились, смотрели не отрываясь, говорили о наболевшем сердце, об отцовской тоске.

«А это дневник, – сказал он, подавая мне черновую тетрадь. – Здесь камера, в которой я сидел, – показал князь рисунок на первой странице тетради. – Я сам рисовал. Здесь все полно моих мыслей. Из каждого угла смотрели на меня любимые тени, жил воспоминаниями и мечтами».

Рисунок представлял небольшую комнату, высоко помещалось маленькое окошечко с решеткой, направо кровать из досок, столик и табуретка.

«Итак, как только рассветет, я прощусь с вами. Слов не найду благодарить. Поймете сами», – прошептал он, берясь рукой за сердце.

«Не надо так волноваться! Надо обдумать, куда вы пойдете? Что вас ждет?» – говорили мы, сами мало веря в спасение, если оставаться здесь. Но куда идти? Мы могли остаться, так как муж был не военный, а князь? Решено, что он пойдет. Куда? Куда глаза глядят. На восток.

Этот одинокий бедный князь! С болью в сердце, с тоской о семье, с неугасимой жаждой увидеть своих близких и с маленьким, едва темнеющим огоньком надежды он идет вперед в недалекую туманную даль. Сидели молча. Ночь окутала темным саваном сонную землю.

«Ящик мой на вагоне, вещей там нет. Важные бумаги. Уничтожьте все, чтобы потом не пришлось отвечать».

Нет! Ночь никогда не была такой короткой, хотелось оттянуть рассвет. Князь уже успокоился. Не дрожал так сильно голос. Сидел спокойно, как бы заснув. Но он не спал. «Что с вами будет?» – задавал нам вопрос. Белье сложил в маленький ранец. Я приготовила бутерброды и полушубок, который заменил муж на шинель князя, и зашила часы в рукав. В этом полушубке князь не походил на офицера.

5 часов утра. Мимо эшелона идут, идут. Дамы в каракулевых шубах, с мешком, со свертками на плечах. Ноги одеты в валенках. Офицеры, штатские, все бросили, идут пешком вдоль железнодорожного пути так, как когда-то ехали мы. Князь спешит взволнованный, печальный.

Сергей Степанович пришел проститься. Глаза полные любви, с безмолвной грустью обнимает нежно Мурку, целует ее горячо и долго, прощается с нами и выходит. Князь целует мужа, подходит ко мне, крестит дрожащей рукой, целует в руку.

«За все спасибо! Благословите меня», – слышу несвязный

шепот. В дверях показывается корнет с женой, готовый к дороге.

Выходим все вместе. Перед нашими глазами тянется вереница беженцев, удивленно смотревших на нас, недоумевая: почему мы остаемся.

Скрылись вдали князь и корнет с женой. Мы возвращаемся в вагон. Шум на улице привлек наше внимание. Выяснилось, что польские солдаты выгружались. Польская кавалерия рвалась в бой с чехами, желая отомстить им за их коварство. «Не большевикам мы помогаем, а отомстим за себя, пусть знают, что шутки плохи».

Позднее мы слышали, что чехи имели бой с большевиками, принимали ли участие там польские солдаты, не знаю.

Время томительно тянется. Сидим и ждем, когда очистят путь от замерзших эшелонов и продвинут наш «состав» на станцию, где встретят нас наши победители. Но они явились раньше, чем мы предполагали. Только что успели мы принести ящик с бумагами в вагон, как наш поезд тронулся. С двух сторон эшелона едет отряд красных. Что делать с бумагами, сжечь? Дым привлек бы их внимание, и кто-нибудь из красноармейцев может войти. Я беру пачку бумаг, иду в уборную и по одной, по две рву и бросаю под вагон. Иду за новой партией бумаги, снова бросаю, предварительно оглядываясь, далеко ли красноармеец, который едет все время около нашего вагона.

Все следы пребывания князя с нами исчезли. Ничто уже не говорит о том, что он был здесь.

Вот уже станция. Мы выходим купить молоко, которое носят мальчишки и бабы. Выменяваем на белье, провизию, так как колчаковских денег уже не принимают. Нас никто не спрашивает, не задерживает.

Поезд наш поставлен на запасной путь. Мы уже несколько дней сидим в эшелоне, оружие сложено в один вагон, и стоит польский часовой. Запасы никто не отобрал, и никто не приходит, как будто забыли о нашем поезде. Сведений из Красноярска никаких. Эшелон 1-го Польского полка продвинули ближе к Красноярску.

Вечер. Мы сидим в вагоне. Горят две свечи, тускло освещая наше купе. Слышим шорох за дверями. Муж вышел узнать, что случилось, оказалось, что два красноармейца тащили наши запасы масла и муки, сложенные в коридорчике. А через минуту вышли трое солдат, вооруженных с ног до головы, и отобрали у нас свечку, говоря, что буржуи должны делиться всем. Все это глупости в сравнении с тем, что было ночью. Красноармейцы стащили все, что находилось на крышах вагона, в том числе и наш ящик со всеми ценными вещами. Никто не спал. Ждали

обыска. По вагонам шныряли пьяные солдаты, пугали нас, грозили револьверами и, неистово смеясь, уходили, довольные впечатлением, какое производили их шутки.

Утром на горке напротив нашего эшелона были расставлены пулеметы и польский часовой был заменен красноармейцем. Потом приступили к изъятию всего содержимого склада поезда, а польским рабочим «предложно» было идти работать в депо. Вечером отделили всех офицеров и, посадив в классный вагон, ночью отвезли в Красноярск. День прошел довольно спокойно, а ночью начались обыски. Оставили по две пары белья, забирали все, что попадалось на глаза, не брезгали ничем, даже иголки, найденные у меня, поделили между собой по-христиански.

Одним словом, все условия были только на бумаге. Чисто по-большевицки! Что оставалось делать? Рабочие (солдаты-железнодорожники) пошли в депо, а мы решили с мужем возвращаться домой, то есть туда, откуда выезжали с такой надеждой на избавление от большевиков. Пошли на станцию узнать, можно ли вернуться. Встретил нас комиссар – мальчишка белобрысый, уверенный, надменный. Смотрел на нас пренебрежительно и дерзко.

«А зачем ехали? Кто вас гнал? Только работай теперь из-за вас. Придите завтра, я вам дам свидетельство на выезд. А теперь, товарищ, – обратился он к моему мужу, – одолжите бритву побриться». Через полчаса бритва уже была передана представителю советской власти. А через час этот представитель удрал с первым отходящим эшелоном на восток, забыв об обещании и о бритве.

«Где-то папаша?» Часто вспоминали мы князя. Так хотелось, чтобы он спасся. Может быть, поехал в чешском поезде, если удалось догнать. Если бы мы могли дать ему крылья, чтобы он мог скорее быть у желанной цели.

В одно прекрасное утро в наш вагон явился корнет с женой. Оказалось, что большевики догнали их, обобрали и пустили на все стороны. Корнет искал наш поезд и, наконец, набрел на наш след. Князь в дороге был с ними. Его тоже задержали. Он сказал, что был военным чиновником, фамилию назвал иную, отобрали у него пару бриллиантовых колец, а платиновое возвратили, говоря, что серебряных колец они не носят.

«Итак, папаша жив! – радостно воскликнули мы. – Но где он?»

«Он пошел в Красноярск, хочет там зарегистрироваться как чиновник, а потом будет искать службы. Взволнован старик, боится, что узнают его, и тогда все кончено».

Невесело на душе, когда человек не знает, что с ним будет завтра. Положение наше становилось больше чем критическим.

Ехать нельзя, запасов никаких, а вещи отобраны. Муж пошел искать работы и вернулся утомленный и разбитый. Удалось найти работу – пилку дров. С непривычки к физическому труду болели руки и голова. А кроме того, голод давал себя знать.

Сегодня попрощался с нами поручик К., скрывавшийся до сих пор в соседней деревне. Теперь нельзя уже оставаться, могли обратить внимание на него, и потому он ушел на восток.

Раздел 2

А. Долгополов [183]
Алтайское казачье войско [184]

Присоединенный к России в 1709 году Алтай, равный по площади и красоте Швейцарии, находится на границе Монголии. Горные плато населены кочевниками-скотоводами калмыками и телегинцами, в долинах между гор находятся богатые поселки русских земледельцев-староверов. После захвата власти большевиками новая советская власть с ее беззаконием и грабежами пришлась жителям Алтая не по душе.

В 1918 году алтаец капитан Дмитрий Владимирович Сатунин, георгиевский кавалер, основал добровольческий партизанский отряд, начавший борьбу с большевиками. С помощью населения все красные отряды были уничтожены… Алтай объявил себя автономной областью. С очищением Западной Сибири от большевиков часть красноармейцев бежала в горный Алтай. Полковник Кабаков, комендант города Бийска, послал отряд под командованием капитана Любимцева, который преследовал красных, ушедших в горы.

С помощью отряда Сатунина красные были полностью уничтожены в битве на реке Катунь. Став Верховным Правителем, адмирал Колчак особым приказом благодарил алтайцев за верность Белому движению, и алтайцы вошли в состав личного конвоя адмирала.

Один из офицеров-алтайцев – штабс-капитан Александр Петрович Кайгородов – убедил генерала Дутова, походного атамана казачьих войск в Сибири, в создании нового казачьего войска. Вскоре последовал приказ адмирала Колчака о создании Алтайского казачьего войска. Первым атаманом был избран капитан Сатунин, человек решительный и храбрый. Было организовано Алтайское правительство, куда вошел подъесаул Кайгородов (переименованный из штабс-капитана), крупный миллионер с иностранным образованием калмык Аргамай, известный художник Гуркин и др. Начавшееся отступление Сибирской армии нарушило дальнейшую работу войска. По приказу генерала Пепеляева атаман Сатунин был назначен начальником всех белых отрядов, отступивших на Алтай. Атаманом Сатуниным было собрано три полка Алтайской конной дивизии, которой командовал ротмистр Склаутин; прожекторный дивизион с подрывной командой и радиотелеграфом под командой капитана Банникова; отряд партизан капитана Проскурякова и отряд капитана Смолянникова, каждый по 100

человек. Кроме того, в отряде было много одиночных офицеров со своими семьями, отбившихся от своих частей.

С отрядом шел серебряный обоз с 500 пудами мелкой серебряной монеты, взятый из областного казначейства в городе Бийске, под охраной офицерской полуроты. Не доходя до монгольской границы, атаман Сатунин был убит подосланным большевиками убийцей Надеиным в селе Иня при переправе отряда через реку Катунь. Убийца был схвачен алтайцами и, по приказу начальника штаба отряда капитана 2-го ранга Елачича, был немедленно повешен.

При переходе через горы отряд потерял весь обоз и конский состав, подвергся нападению красных и почти погиб. Кайгородову с сотней людей удалось спастись и достигнуть Монголии, обосновавшись на одном из островов на реке Кобдо. Вскоре его отряд пополнился бегущими из Алтая. К концу 1920 года отряд его уже насчитывал две сотни и команды разведчиков при формирующейся третьей сотне.

Отряд был одет в форму Алтайского казачьего войска, утвержденную адмиралом Колчаком, – папахи с желтым шлыком и сибирскую казачью форму – шаровары с желтыми лампасами. Начальником штаба был полковник Сокольницкий[185]. Официально отряд назывался «Партизанский инородческий отряд войск Горно-Алтайской области».

Монгольские князья очень дружественно относились к отряду и снабжали всем необходимым. Вооружение отряда состояло из сабель, самодельных пик из дерева с железными наконечниками и небольшого количества винтовок.

Задуманный поход на Алтай для поднятия восстания угнетенного народа закончился печально. Почти весь отряд погиб в схватках с красными войсками, в изобилии снабженных оружием и пулеметами. Только нескольким десяткам удалось уйти живыми.

По запискам одного из спасшихся, полковника Пастухова, Алтайского казачьего войска, составлен этот краткий очерк борьбы русских патриотов на далекой окраине России.

Прошло 27 лет. Несмотря на террор и гнет, наличие крупных советских частей, алтайцы, русские земледельцы в 1947 году восстали против большевиков. Понеся большие потери, только небольшая группа в 115 человек, отбиваясь от красных, достигла Монголии. Угоняя скот, обремененные своими семьями, уходили они на юг. По дороге часто присоединялись к монгольским и китайским партизанам, боровшимся против коммунистов.

В зной и непогоду, устилая свой путь костями близких, прошли они Монголию, пустыню Гоби, Тибет и добрались в

Индию. К Индийскому океану пришло 24 человека, совершив беспримерный легендарный поход. Стараниями Толстовского фонда они были допущены в Америку и все устроились на работы. Честь и слава русским земледельцам – алтайцам, калмыкам, жизнью своей пожертвовавшим для борьбы со всемирным злом – коммунизмом!

И. Акулинин[186]
Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками[187]

Покончив с Южной армией и заняв территорию Оренбургского войска, большевики перешли в наступление против уральцев. Небольшая Уральская армия, истощенная непосильной борьбой, с тающими – не столько от вражеских пуль, сколько от болезней и голода – рядами, не имеющая тыла и отрезанная от всего мира, стала постепенно отходить на юг. Командующий Уральской армией генерал-майор Толстов[188]вызвал на помощь уральцам остатки частей Южной армии, которые пришли на Жилую Косу: отряды «воеводы» Киселева, Фортунатова, Красноярцева и др.

11 ноября 1919 года был расформирован 1-й Оренбургский казачий корпус[189], части которого были направлены также на усиление Уральской армии на ее главном направлении – в районе города Лбищенска (штаб 1-го Оренбургского казачьего корпуса во главе с начальником штаба, полковником Пичугиным, и все корпусные управления, а также некоторые учреждения Южной армии, прибывшие в Уил, были переданы в распоряжение Уральской армии и переведены в Калмыков, Гурьев и другие места). В Уиле, для наблюдения за правым флангом, остался Оренбургский дивизион и Киргизская сотня под командой полковника Исаенко[190].

Генерал-майор Акулинин выехал на Северный Кавказ – хлопотать о помощи перед командованием Добровольческой армии и перед войсковыми правительствами Донского, Кубанского и Терского казачьих войск. По прибытии в Уил генерал Акулинин вскоре пришел к выводу, что Уральскую армию неминуемо постигнет участь Южной армии, если не придет помощь со стороны Добровольческой армии. Помощь эта могла выразиться в присылке на Урал подкреплений живой силой, которые можно было перевезти на судах Каспийской флотилии, или в операциях против Астрахани, Царицына и Саратова. Не имея точного представления о положении дел на Юге России, генерал Акулинин решил туда отправиться лично, чтобы попытаться привлечь внимание южнорусского командования – а также донцов, кубанцев и терцев – к Урало-Оренбургскому фронту. Наилучшим видом помощи генерал Акулинин считал присылку казачьих частей для совместных действий с Уральской армией с целью освобождения от большевиков Уральска и

Оренбурга. Перед отъездом на Северный Кавказ генерал Акулинин посвятил в детали своего плана войскового старшину Пивоварова, находившегося для связи при штабе Уральской армии. Предавать свой план широкой огласке генерал Акулинин не считал возможным. К моменту приезда генерала Акулинина в район действий генерала Деникина обстановка на Юге России была такова, что ни на какую помощь рассчитывать не приходилось. Все южнорусские вооруженные силы к концу 1919 года находились в полном отступлении.

Несмотря на ожесточенное сопротивление уральских казаков, большевики, имея громадное превосходство в силах, теснили их по обоим берегам реки Урала все более и более к югу. Киргизское правительство, напуганное успехами Красной армии, перешло на сторону большевиков. Чтобы выслужиться перед советской властью, киргизские части вероломно напали у м. Кзыл-Куга на Оренбургский дивизион, отходивший от Уила на присоединение к уральцам.

18 декабря пал город Гурьев, и Уральская армия была прижата к замерзшему Каспийскому морю. Войсковой атаман Уральского войска генерал-майор Толстов с остатками армии и многочисленными беженцами – всего до 15 тысяч человек – двинулся по совершенно пустынному восточному берегу Каспийского моря на форт Александровск. Этот поход был сплошной трагедией. До форта Александровска дошло не более 3000 человек – и то больных и отмороженных. Остальные погибли в пути от мороза, тифа и голода или перебиты красными и киргизами. Небольшая часть вернулась с дороги обратно. Из форта Александровска остатки Уральской армии предполагалось перевезти на Северный Кавказ. Но как раз в это время произошло крушение Добровольческой армии. В порт Петровск успели переправить только раненых, тяжело больных и сильно обмороженных. Остальные оставались еще на восточном берегу, как порт Петровск был занят большевиками. Астраханская красная флотилия неожиданно появилась в бухте форта Александровска и высадила здесь десант. В результате все, что осталось от Уральской армии в форту, попало в руки большевиков. Но атаману Толстову с небольшим отрядом удалось укрыться в степь и через Закаспийскую область уйти в Персию (в Персии отряд атамана Толстого был интернирован англичанами и отправлен в концентрационный лагерь в Месопотамию. Впоследствии из Месопотамии уральские казаки были перевезены на Дальний Восток).

Отдельные группы уральских и оренбургских казаков, из оправившихся больных и раненых, при эвакуации

Добровольческой армии попали в Закавказье: одни в Азербайджан, другие в Грузию. В Азербайджане казаки собрались в районе Елизаветполя, откуда пытались пробиться в Армению, но после стычек с отрядами большевиков, занявших к этому времени Баку, были захвачены в плен и частью перебиты, частью разосланы по тюрьмам и концентрационным лагерям. Из Грузии небольшая часть оренбургских казаков с генерал-майором Акулининым переехала в Крым, к генералу Врангелю, где оставалась до конца вооруженной борьбы с большевиками.

В Сибири в это время совершалась великая драма. Несмотря на ряд героических мер, предпринятых Верховным Правителем, положение в армиях адмирала Колчака, отходивших вдоль Омской и Сибирской железных дорог, ухудшалось с каждым днем; в тылу начались восстания; чехословацкие и польские отряды, оборонявшие Сибирскую магистраль, снялись и двинулись во Владивосток; вдоль железнодорожной линии и в сибирских городах воцарился невообразимый хаос и смятение – все было запружено двигавшимися эшелонами войск и обозами беженцев. 14 ноября пал Омск. Сибирское правительство переехало в Иркутск. Армия, при которой находился адмирал Колчак, под командой генерал-майора Каппеля, отступала на восток.

Вскоре в Иркутске произошел переворот. Власть захватили так называемые «земства» (состоявшие из социалистов-революционеров), которые передали ее большевикам. Все города Сибири были охвачены восстаниями. Верховный Правитель прибыл в Иркутск под охраной союзных миссий; здесь он был выдан большевикам и 7 февраля 1920 года расстрелян вместе с председателем Сибирского правительства Пепеляевым. Все «тылы», запрудившие железную дорогу от Омска до Иркутска, попали в руки красных. Небольшие остатки армии Верховного Правителя, во главе с Генерального штаба генерал-лейтенантом Войцеховским, заменившим скончавшегося в пути генерал-майора Каппеля, ушли в Забайкалье, к атаману Семенову, откуда впоследствии были вытеснены большевиками – вместе с войсками атамана Семенова – и перевезены в Приморскую область – в район Никольско-Уссурийского и Владивостока.

Что касается оренбургских казаков, объединенных атаманом Дутовым в районе Атабасара – Кокчетава в Оренбургскую армию, то история их такова. После оставления Омска и дальнейшего отступления Сибирских армий атаман Дутов вынужден был двинуться на восток; причем Оренбургская армия в это время находилась в периоде формирования. Отходить приходилось с боями: с фронта наседали регулярные красные части, а с тыла нападали повстанческие отряды, которыми кишела теперь вся

Сибирь. Первоначально взятое направление на Павлодар, с тем чтобы выйти на Великий Сибирский путь, вскоре пришлось оставить: город Павлодар, находившийся в 700 верстах в тылу Оренбургской армии, к этому времени оказался занятым красными. Постепенно снижаясь к югу, Оренбургская армия двигалась по малонаселенному и голодному краю на Акмолинск и Каркаралинск в общем направлении на Семипалатинск. В Каркаралинске атаман Дутов узнал, что из Павлодара ему наперерез двинуты красные части; в то же время пришло известие о занятии Семипалатинска красными (в 550 верстах в тылу).

Тогда решено было отходить на Сергиополь – в Семиречье. Путь от Каркаралинска до Сергиополя (650 верст) пролегал по пустынной и частью гористой местности без жилья, без воды. Редкие киргизские кочевья при приближении армии быстро откочевывали со всем своим скарбом и скотом на юг – к озеру Балхаш, некоторые просто разбежались. У войск и у беженцев никаких запасов продовольствия не было, и собрать их не представлялось никакой возможности. Армии в собственном смысле этого слова к этому времени уже не существовало. Двигались лишь многочисленные обозы, ехали группы всадников, шли кучки пеших людей, среди которых свирепствовала эпидемия тифа. Люди гибли и от морозов, и от голода, и от ран, и от болезней. В то же время приходилось вступать в бои с красными партизанами. Особенно много зла причинил казакам партизанский отряд красного князя Хованского, отбивший большое количество обозов с беженцами и с имуществом.

В двадцатых числах декабря 1919 года остатки Оренбургской армии добрались до Сергиополя, рассчитывая здесь отдохнуть. Северо-восточную часть Семиреченской области занимал со своими отрядами атаман Анненков. Считая себя хозяином всего Семиречья, он отказался признать атамана Дутова как старшего, командующим армией, и распорядился не давать оренбургским казакам ни квартир, ни продовольствия.

Чтобы выйти из критического положения, на совещании старших начальников обеих сторон было постановлено: остатки Оренбургской армии свести в отдельный отряд под командой генерал-майора Бакича[191]с подчинением его атаману Анненкову как командующему Семиреченской армией (Отряд имени атамана Дутова); атаману Дутову принять гражданское управление Семиреченским краем, с пребыванием в городе Лепсинске. За довольствие оренбургских частей и предоставление им квартир была передана атаману Анненкову значительная сумма денег.

Для обороны против красных, вторжения которых приходилось ждать со дня на день, был образован фронт между

озером Балхаш и горным массивом Тарбагатай. Части Анненкова заняли район Учерад (левый фланг), а отряд генерал-майора Бакича расположился в районе Уроджар (правый фланг), где крестьянское население подняло восстание против атамана Анненкова еще до прихода Оренбургской армии. С марта месяца 1920 года большевики повели наступление со стороны Семипалатинска по всему Семиреченскому фронту. После первых же столкновений конные отряды атамана Анненкова во главе с Аслановым перешли на сторону красных и признали советскую власть. Сам атаман Анненков с небольшим отрядом едва успел переправиться на китайскую территорию. Там он был схвачен китайцами, закован в колодки и посажен в тюрьму в городе Урумчи.

Генерал-майор Бакич должен был под напором красных спешно отходить к китайской границе, которую перешел у м. Бахты 14 марта 1920 года. Здесь его отряд был интернирован и поставлен лагерем на реке Эмиль, в 40 верстах от города Чугучака (в Западной Монголии). Всего с генерал-майором Бакичем ушло в Китай до 12 тысяч человек. Атаману Дутову, никем не предупрежденному и почти окруженному красными в городе Лепсинске, с большим трудом удалось выбраться, под прикрытием Отряда особого назначения, через ледниковый перевал Карасарык (19 000 футов высоты) в Кульджу. Китайские власти отнеслись к атаману Дутову с большой предупредительностью и отвели ему для стоянки казармы бывшего русского консульства в м. Суйдин, в 40 верстах от Кульджи (Синкиангской провинции в Западном Китае).

Весной 1921 года при попустительстве китайских властей и при содействии китайских войск отряд генерал-майора Бакича, двинувшийся вдоль русско-китайской границы (в сторону Урги), был окружен советскими войсками и частью уничтожен, частью захвачен в плен. Лишь небольшой группе в 350 человек удалось скрыться в степях Монголии. После года скитаний по диким и пустынным монгольским степям и после целого ряда приключений эта горсточка храбрецов вышла с полковником Кочневым к городу Гучену (в Северо-Западном Китае), где была помещена в концентрационный лагерь, но в течение весны и лета 1923 года все казаки из Гучена перебрались в Ханькоу, Пекин и Тяньцзин, а затем и в Шанхай.

Большая часть беженцев, бывшая при отряде генерал-майора Бакича, погибла в Монголии; часть вернулась в советскую Россию; и лишь немногим удалось пробраться в Пекин и в Маньчжурию. Генерал-майор Бакич, схваченный большевиками в Монголии, был отвезен в Иркутск и там после суда расстрелян. Его судьбу

разделил с ним и начальник штаба полковник Терванд[192]. 6 февраля 1921 года атаман Дутов пал от руки наемных убийц, подосланных большевиками из Семиречья. Отряд его остался предоставленным самому себе, и часть казаков вернулась в советскую Россию, другие остались в Кульдже; а остальные пробрались в Маньчжурию. (Сведения об отступлении Оренбургской армии из района Атбасара – Кокчетава в Семиречье и далее в пределы Китая почерпнуты автором из писем, полученных с Дальнего Востока. Часть сведений сообщена участниками похода, прибывшими из Китая в Западную Европу.)

* * *

Оренбургские казаки, сражавшиеся вне территории войска – бригада генерал-майора Кручинина[193]на Пермском фронте и дивизия генерал-майора Мамаева на Уфимском направлении, – отступили в составе армии адмирала Колчака в Забайкалье, совершив в жестокую зиму 1919/20 года легендарный Ледяной поход через всю Сибирь. Во время похода много офицеров и казаков погибло, в том числе доблестный генерал-майор Мамаев, покончивший с собой выстрелом из револьвера, и окружной атаман 3-го округа войсковой старшина Смирных[194], павший во время конной атаки во главе своего отряда.

В Забайкалье оренбургские части продолжали борьбу с большевиками в армии атамана Семенова. После оставления Забайкалья часть оренбургских казаков попала к большевикам в плен, часть рассеялась или осела вдоль полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги; остальные были перевезены с «каппелевцами» в Приморскую область, где составили бригаду, которая под командой генерал-майора Бородина принимала самое деятельное участие в вооруженной борьбе Приморского правительства с советской властью. В Приморье оренбуржцы держались – под общим руководством генерал-майора Анисимова[195]– до перехода края в руки большевиков. После падения Владивостока – что произошло в конце октября 1922 года – оренбургские казаки вместе с остатками «каппелевцев» отошли в Маньчжурию – к городу Гирину. Здесь китайские власти всех офицеров посадили в лагерь, а большинство казаков и солдат отправили в советскую Россию; наиболее упорствующих выслали внутрь Маньчжурии и разместили в лагерях по глухим городкам. Небольшая группа оренбуржцев (школа подхорунжих в 129 человек) была вывезена из Владивостока на пароходе в Корею – в порт Гензан, откуда ее

перевели на работы в район Сеула.

Со временем все отдельные группы оренбургских казаков разошлись по всему Китаю; большая часть их обосновалась в Харбине, Тяньцзине и Шанхае. Многие из оренбуржцев служили в Русской группе войск армии маршала Чжан Цзучана.

Войсковое правительство Оренбургского войска во главе с генерал-лейтенантом Тимашевым после падения Троицка переехало в Орск, а оттуда с отступающими частями Южной армии прибыло на ст. Джурун, где было устроено совещание по поводу дальнейшего маршрута. Командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса советовал направиться в пределы Уральской области в город Уил, куда уже был командирован с отрядом бывший комендант города Оренбурга подполковник Заваруев, но генерал-майор Тимашев[196], поддержанный большинством своих коллег, решил двигаться на восток и в тот же день выступил походным порядком, под прикрытием сотни атаманского дивизиона, в направлении на Тургал и Атбасар (сведения о пребывании оренбургских казаков в Приморье и в Китае взяты автором частью из писем и газетных сведений, частью сообщены лицами, прибывшими в Западную Европу с Дальнего Востока). Длинный небезопасный путь через киргизские степи был пройден благополучно. Войсковое правительство прибыло в Омск незадолго до его падения и, когда началась эвакуация, выехало по железной дороге в Иркутск.

Сибирская железная дорога в это время была забита поездами эвакуировавшихся тыловых учреждений; движение совершалось крайне медленно и с остановками; к тому же уходящие на Владивосток чехословацкие эшелоны не пропускали вперед русских составов. Под Красноярском, вследствие взрыва моста, образовался затор, и поезд, в котором следовало Войсковое правительство, проскочить на восток не мог. Все члены Войскового правительства и служащие со всеми войсковыми регалиями и войсковой казной попали в руки большевиков.

Положение в Оренбургском войске в конце 1919 года, то есть непосредственно после занятия его большевиками, было в общих чертах таково. Большевистские комиссары, учтя опыт прошлого, отказались от массового террора; станицы не жгли и не разоряли; казачьего хозяйства открыто не грабили, но обложили все население непосильными налогами и всевозможными поборами. Доверием со стороны большевиков казаки не пользовались: большевики по-прежнему считали казаков контрреволюционерами и врагами советской власти.

Все казаки были разделены на три категории: 1) надежных, которых забирали в Красную армию и отправляли на фронт; 2)

ненадежных расстреливали и 3) подозрительных – этих сажали в тюрьмы и отправляли на принудительные работы; часть из них потом отпускали на поруки по домам, часть оставляли заложниками. Наиболее жестоким репрессиям подверглись офицеры, из коих много было расстреляно; остальные разосланы по лагерям и тюрьмам; лишь немногие были взяты в Красную армию или приспособлены на службу в советских учреждениях вне территории войска – главным образом в Сибири.

Хлеб и скот в станицах были взяты на учет: зерно и мясо усиленно вывозились к железнодорожным станциям, но за недостатком транспорта внутрь Европейской России почти ничего не отправлялось; все гнило на складах без всякого присмотра. Строевые лошади, седла, оружие и обмундирование от всех казаков и офицеров были отобраны и возвращены лишь тем, кого зачисляли в Красную армию. В станицах и поселках правили Совдепы, составленные из казачьих отбросов и разночинцев (иногородних). Оренбург, по свидетельству приезжавшего туда председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета, товарища Калинина, выглядел «настоящим советским городом», так как был заполнен пришлым элементом с разных концов России.

В виде общего вывода относительно борьбы Оренбургского войска надлежит отметить следующие положения: на Восточном фронте Оренбургское войско, по зову атамана Дутова, выступило против советской власти первым и ушло с поля битвы в числе последних. За время борьбы войско проявило большую стойкость и выдержку и принесло неисчислимые жертвы всем своим достоянием. Оренбургские казаки вели борьбу не только за свои права и вольности – они прежде всего защищали Россию. Борьба их имела государственный смысл и велась в общерусском масштабе, не ограничиваясь защитой войсковой территории. Войсковое правительство никогда не отделяло казачьих интересов от общего дела, которому старались служить по мере сил и возможностей. Тысячи оренбургских казаков, не пожелав склониться перед комиссародержавием, сложили свои головы в непосильной борьбе с ненавистным врагом или пошли скитаться по чужим краям. Оренбургское войско долг свой перед Родиной выполнило.

Л. Масянов[197]
Гибель уральского казачьего войска[198]

В конце декабря 1919 года 6-я дивизия в составе полков – Сламихинского, Чижинского, 2-го партизанского и Поздняковского иногороднего – находилась в Рынь-Песках, недалеко от Ханской ставки Букеевской орды. Командовал ею полковник Горшков[199], вместо убитого в Лбищенске полковника Н.Н. Бородина[200].

Горшков – герой 2-го Партизанского полка – организовал связь с Гурьевом через нанятых для этой цели киргизов. Получил сведения о катастрофическом положении армии атамана и долгое время не решался – вести ли дивизию на соединение с атаманом, который уж вышел в поход на форт Александровск, или идти через Волгу на соединение с Добровольческой армией генерала Деникина.

Решено было пересечь Урал в тылу у красных в районе Кулагинской станицы и, выйдя на Зауральскую сторону, присоединиться к атаману где-нибудь в районе Жилой Косы. Вся дивизия, численностью 700–800 человек, была полна больными и деморализованными людьми. Вызвалось идти с Горшковым около 200 человек и несколько больных и раненых в санях. Остальные решили ехать по домам.

Этот небольшой отряд шел четверо суток до Урала, причем шли ночами, днями же скрытно пережидали. Вышли на Урал на зорьке около Горского поселка и увидели обоз красных, двигавшийся вниз.

Чижинскому взводу было приказано атаковать этот обоз. Развернулись казаки в лаву, а лошади-то не идут, шашки из ножен не вынешь закоченевшими руками. Но все же захватили обоз и 41 человека, среди них оказался наш чижинский казак, который сказал, что поселки заняты красными войсками и даже в одном поселке, Зеленом, два кавалерийских красных полка. Что было делать с этими пленными? Отпустили их с миром, взяли из обоза немного хлеба и двинулись дальше, чтобы быстро перейти Урал по льду. Перешли Урал и остановились на отдых в киргизских землянках. Почему красные не устроили погоню за нами, неизвестно.

На другое утро, отойдя от Урала верст на 30, снова остановились на ночлег. Случилось здесь следующее: Горшков случайно узнал, что где-то в землянках проездом находится его университетский товарищ киргиз Досмухамедов, игравший

большую роль при Алаш-Орде. Он его разыскал и имел с ним свидание ночью, а наутро нам преподнес сюрприз. Отошли мы от ночевки несколько верст, и в одной лощине Горшков собрал нас в круг в то время, когда нас начала уже окружать киргизская лава. На этом кругу он заявил, что дальше он не идет, не веря в успех, и предложил всем отрядом идти в киргизское селение Кызыл-Кугу и сдаться там красным.

Набралось всего тридцать человек, не пожелавших сдаться; простились с Горшковым, который дал отходящим денег и пожелал успеха. Впоследствии полковник Горшков был увезен в Москву и там расстрелян. О судьбе остальных не знаю.

Тридцать же человек выскочили из окружения киргизской лавы и пошли в направлении на восток. Я был в числе этих тридцати. Мои станичники уговаривали меня остаться с ними, говоря: чин у тебя небольшой и мы тебя не выдадим. Но я не послушался. Каким-то чудом наши уставшие и некормленные кони прошли 80 верст. Никого мы не встретили до первых киргизских аулов, где, оказывается, били пленных казаков. Киргизы, по-видимому, приняли нас за красных, и мы, ни с кем не заговаривая, как-то пересекли эти аулы и опять выдвинулись в степь.

Двигались без большой опаски, дошли до небольшой группы барханов и увидели верстах в трех большой тракт и аул. Хорунжий Плетнев[201], ведший отряд, остановил нас в барханах, чтобы выяснить обстановку. В это время мы увидели, что из аула бежит киргизская девка. Девка, запыхавшись, объяснила, что в ауле находится полк красной кавалерии и что она бежала потому, что ее хотели изнасиловать. И также добавила, что они, кажется, должны выступить для преследования казаков. И действительно, вскоре мы увидели, что полк двинулся на юг. Тогда мы свободно пересекли этот аул и, дойдя до реки Сагиз, выменяли коней на верблюдов и приобрели на деньги кое-какое пропитание, двинулись дальше.

В этой местности существует и бывает каждый год в начале января сильнейший ветер при морозе в 30 градусов по Реомюру. Эти ветры киргизы называют «Бис-Кунак», иначе пять гостей, и они длятся пять дней. Отряд выждал эти пять дней на реке Эмбе, где красных отрядов не было.

Я не предполагал описывать подробно этот поход маленькой группы, скажу лишь, что он длился 60 суток. Были незначительные стычки с киргизами, были засады, которые миновали благодаря знанию характера кочевников и их языка.

Отряд шел параллельно берегу Каспийского моря, верстах в ста пятидесяти от него, что являлось спасением для маленькой

группы людей, которые в эти зимние стужи могли находить ночлег в киргизских землянках. Дошли до форта Александровска одни из последних, в начале марта 1920 года, потеряв троих умершими: командира Чижинского полка С.Д. Хохлачева[202], сотника Железнова и казака Погодаева.

Не та картина была на берегу Каспийского моря, где шел атаман и где была нежилая пустыня. Группы беженцев, остатки частей, – плохо организованный поход окончился потрясающей трагедией. Атаманом была заранее выслана сотня казаков в форт Александровск для того, чтобы эта сотня подготовила форт для встречи уральцев и чтобы устроила питательные пункты по пути, где должны были идти отряды. Эта сотня кое-что сделала, но далеко не достаточно.

К уральцам также присоединились остатки русских отрядов, оперировавших где-то под Астраханью, отряд Юденича, Русско-Сербский, астраханские пластуны, енотаевцы, оренбуржцы и английская миссия, бывшая при нашей армии. Почти все вышли наспех и без должной подготовки к голой безлюдной пустыне в крещенские морозы. Много людей, особенно больных, осталось уже в Жилой Косе – рыбацкий поселок, находившийся сравнительно недалеко от Гурьева. Там же остался и бывший председатель Войскового правительства Фомичев[203]. Настигшие красные многих там прикончили. Фомичева же отправили в Уральск, где, после некоторого пребывания его в тюрьме, расстреляли.

Здесь-то эти «Бис-Кунаки», о которых я упомянул, поморозили великое множество людей. Рассказывали про одну пулеметную команду, которая была в составе 60 человек и которая, остановившись на ночлег прямо на снегу, замерзла вся. Один молодой офицер, у которого отмерзли руки, просил проходивших пристрелить его, но никто не решался это сделать.

Отдельные группы людей дошли до рыбацкого поселка Прорва, и здесь собралось много людей. Решили идти по льду до форта, этим путь сокращался, может быть, дней на двадцать – двадцать пять. Двинулись в море, но, пройдя некоторое расстояние, увидели, что лед поломан сильным встречным ветром. Вернулись обратно, ждали, когда лед снова замерзнет, и снова пытались.

И опять получилась та же картина, и на сей раз, когда они вернулись в Прорву, там уже были красные. В Прорве же очутилась и школа прапорщиков под командой полковника Донскова[204], с пулеметной командой, которой командовал подъесаул В. Карташев. Школа в это время насчитывала всего 30 человек. Донсков был болен, и школа решила сдаться. Подъесаул

Карташев отказался от сдачи и решил уходить дальше в поход. Он взял с собой войсковое знамя, четыре пулемета с пятью юнкерами, двумя офицерами и четырьмя казаками, ночью ушел из Прорвы и благополучно дошел до форта.

Полковник Донсков был сразу расстрелян появившимися красными, а с ним и оставшиеся юнкера. Там же был расстрелян и генерал В.П. Мартынов[205], который однажды избирался войсковым атаманом, в дальнейшем же был помощником Толстова по хозяйственной части. Он погиб вместе со своей канцелярией. Умер от тифа герой, командир 1-го Партизанского полка, Абрамов[206]. Застрелился член Войскового правительства подъесаул Савичев. Погиб полковник Семенов со своим отрядом.

Киргизы, воспользовавшись бедственным положением уральцев, как стаи волков, нападали на отдельные группы людей, убивали их и грабили. Нападали на питательные пункты и увозили провизию. Они же напали на отряд, который вез войсковую казну, состоявшую из серебряных рублей, находившихся в ящиках по 2–3 пуда каждый. Они убили войскового старшину Домашнева, заведовавшего казной, и увезли несколько ящиков серебра. Они же у замерзших казаков отрубали ноги, везли к себе в аулы, там оттаивали эти ноги и снимали сапоги. Небольшие части оренбургских казаков решили сдаться красным и стали заворачивать уральцев, но, как будто, зверств не чинили. Был слух, что передовые отряды красных, которые, настигая казаков, чинили непревзойденные зверства, были советскими властями притянуты к ответственности.

Поход длился два месяца, дошла до форта только четвертая часть вышедших, а по слухам, вышло из пределов войска 11 тысяч людей. Из этих дошедших много было помороженных. Дошли до форта только те, которые были молоды, здоровы и хорошо экипированы. Дошла английская миссия, потеряв лишь одного сержанта, пропавшего без вести.

Теперь я скажу немного о том, что сталось с теми, которые остались в войске. Все войско было заполнено советскими отрядами, которые вылавливали казаков и начали разгружать город Гурьев. Отправляли небольшими группами под конвоем в Уральск и, по свидетельству одного бежавшего оттуда уральца, когда конвой был из украинцев, то очень часто эти украинцы по дороге приканчивали всех. Почему у украинцев была такая злоба к уральцам – неизвестно. Затем красные набрали со всех сторон уральцев, сформировали полк и отправили его на Польский фронт, но казаки там быстро передавались полякам.

Форт Александровск представлял собой маленькую крепость, построенную когда-то русскими как базу для покорения

Туркестана. Киргизы называют его Кетык, что в переводе означает следующее: вообразите себе ряд зубов во рту и одного из зубов не хватает. Это беззубое пространство и есть Кетык. Весь берег полуострова Мангишлака довольно высокий и оканчивается у моря обрывом. Только в единственном месте берега раздаются, давая путь к морю. Вот там-то и находится форт Александровск. Выдвинувшаяся от форта песчаная коса образует небольшую бухту.

В 2 верстах от форта, на этой косе, находится русский рыбацкий поселок, называемый Николаевской станицей. Это название идет от когда-то поселенных здесь оренбургских казаков, которых теперь там и в помине нет. Вокруг форта жили оседлые киргизы и туркмены. Вот в такое-то место и докатились уцелевшие остатки Уральской армии. Русские рыбаки, жившие в станице, были почти все большевизаны и ранее имели сообщение с Россией через Астрахань, куда они отправляли рыбу, получая оттуда продукты питания и прочее. Я не мог определить, чем они жили в данное время, так как сообщения с Астраханью не было, заметил только, что в каждом доме был самогонный аппарат.

Атаман собрал Малый круг с председателем, казаком Котельниковым, и сформировал бригаду из уцелевших казаков. Бригадой командовал полковник К.И. Карнаухов[207], первым полком – старшина И.И. Климов[208], а вторым – есаул П.А. Фадеев[209]. Атаман немедленно приступил к эвакуации раненых, помороженных и больных в госпиталя на Кавказ, но у него сразу же начались нелады с Каспийской флотилией, и поэтому эвакуация шла медленно. Флот иногда присылал пароходы, но не грузили на них людей, а грузили соль или что-то еще такое. Во вторую очередь эвакуировали всех иногородних и все не казачьи части. И вот, наконец, дошла очередь до казачьих семейств.

Даны были пароходы «Опыт» и «Милютин», и началась погрузка казачьих семей и их небольшого имущества, а также и войсковой казны. В этот момент появились два советских корабля и выпустили несколько снарядов по форту. Капитаны «Опыта» и «Милютина» приказали пассажирам сойти на берег, сказав, что они сейчас примут бой. Все же имущество и половина войсковой казны осталось на пароходе. Полки по тревоге выстроились в ожидании дальнейших приказаний. Снаряды сыпались на бухту и не причиняли никакого вреда.

Уже совсем начало темнеть, когда наши пароходы вышли в море, и с тех пор мы их больше не видели. Они бросили уральцев на произвол судьбы и ни разу не попытались их выручить. Мало того, они все имущество уральцев и также войсковую казну – 24 ящика серебряных рублей по два пуда весом в каждом – поделили

между собой. Дальше события развернулись быстрым темпом. По радио красные прислали предложение уральцам сдаться, обещая сохранение жизни всем, даже атаману. Встрепенувшиеся местные рыбаки стали убеждать казаков сдаться, говоря, что теперь наступит настоящий мир и все вернутся по домам к своим семьям.

Раздававшиеся выстрелы орудий и пулеметов, полная темнота и казаки, вынесшие двухлетнюю Гражданскую жестокую войну и ужасы зимнего похода, помня разрушенные станицы и брошенные семьи, потеряли импульс к сопротивлению, тем более что впереди был снова поход по бескрайним пустыням Туркестана, и уже на сей раз без коней, верблюдов и безо всяких ресурсов – казаки сдались.

Красные отобрали головку и увезли в Москву; попал туда и старый генерал Толстов[210], отец атамана и знаменитый в войске генерал Г.К. Бородин[211], бывший командиром 1-го Уральского полка в германскую войну. Там их судили и расстреляли. Вот вам большевистская гарантия жизни!

Атаман был в ссоре с генералом Бородиным за то, что Бородин сильно критиковал действия атамана, вообще, атаман имел характер крутой и со многими своими сподвижниками был в ссоре. Многие казаки не могли ему простить, что он разогнал Войсковой круг.

Также не могли простить и то, что он приблизил к себе откуда-то взявшегося поручика Дзинциоло-Дзиндциковского, которому дал неограниченную власть в войске. Этот поручик имел право безнаказанно реквизировать лошадей у беженцев и все, что нужно было для армии, и он делал это грубо, иногда порол. Однажды он налетел на хорунжего И.Д. Яганова[212], сподвижника атамана в мергеневском событии. Яганов, раненый, в тарантасе, запряженном парой лошадей. Поручик потребовал этих, и только потому, что это был Яганов, пославший его к черту, он отошел ни с чем. Уральцы в форте решили с ним рассчитаться как следует и следили, чтобы он не удрал на Кавказ, но он все-таки удрал. Перед тем как последние пароходы вышли, он на лодке вышел в море, и там, по-видимому, один из пароходов его подобрал.

Сдалось всего 2 генерала, 27 офицеров и 1600 казаков, и с ними красные захватили и остальные 24 ящика серебра войсковой казны. По слухам, казаков отправили сначала в Астрахань, там частью мобилизовали и отправили на Врангеля. Но кто-то донес, что уральцы ненадежны и собираются сдаться Врангелю, тогда большевики их распылили по другим частям.

Но не все казаки в форте сдались красным. Атаман,

некоторые казаки из полков и отдельные личности вышли за околицу в 11 часов ночи 22 марта 1920 года. Так как все это произошло неожиданно, никакого плана не было на дальнейшее и не было на такой случай сборного пункта, то вышли люди, только случайно узнавшие, что атаман уходит. Некоторые, уже поздно узнавшие, не смогли присоединиться, так как оставшиеся стали их задерживать, и, наоборот, небольшая часть из тех, что вышли, особенно слабые здоровьем, вернулись обратно.

И так начался второй поход уральцев.

Когда читаешь о прежних Туркестанских походах, которые делало российское правительство для покорения Туркестана, то видишь, какая велась подготовка к этому: скупались лошади, верблюды, различные вьюки, бочата для воды, заготовлялся провиант и прочее. Здесь же вышло с атаманом 214 человек, среди которых было несколько женщин и детей, почти все пешие. Было штук пять фурманок, на которых разместили несколько мешков сухарей и муки, которые дальновидный Ив. Ив. Климов захватил с собой.

Атаман собрал в круг всех вышедших и обратился с речью, где предупредил всех, что поход будет опасный, тяжелый и долгий, но никто уже больше не захотел вернуться обратно. Отойдя немного от форта, на другое утро атаман послал киргиза в форт, чтобы узнать о событиях. А форт был еще виден, и видны были советские корабли. К ночи вернулся киргиз и привез письма атаману и некоторым другим лицам. Атаману писал председатель Малого круга и его отец, которого красные забрали на миноносец. Отец атамана уговаривал сына вернуться, говоря, что ему большевики гарантируют жизнь и что только увезут в Москву для суда.

Вышли в поход люди, не имея абсолютно ничего, даже чашки с ложкой и никакой подстилки для ночлега, но были у всех винтовки и было три-четыре пулемета и малое количество патронов. Были также взяты войсковые знамена. Прежде всего, атаман разбил людей на четыре взвода и назначил командиром 1-го взвода полковника К.И. Карнаухова, 2-го – войскового старшину И.И. Климова, 3-го – есаула Жигалина и 4-го – есаула П.А. Фадеева. Сам же атаман стал командиром сотни.

Немедленно были высланы пешие отряды в сторону от движения, чтобы найти киргизские кибитки и забрать у них верблюдов, баранов и все нужное для похода. Уральцы, как утопающие, хватались за каждую соломинку, чтобы найти какой-то выход из создавшегося положения. Прослышали, что генерал Акамеков с бухарской миссией возвращался с Кавказа и где-то должен был быть недалеко в степи. Посланный к нему полковник

Т.И. Сладков[213]разыскал его, но чем-либо помочь нам он или не хотел, или не мог.

26 марта оказалось в отряде 26 киргизских арб, 31 лошадь, 73 верблюда, муки и пшеницы 55 пудов. Так, постепенно, медленно подвигаясь вдоль берега Каспийского моря и делая все время налеты на киргизов, отряд обзаводится верблюдами, бочатами, а главное, баранами.

Увидели однажды корабль на море, и сразу появилась надежда – не выхлопотал ли наш помощник атамана Ал. Ал. Михеев, находившийся в это время в Баку, какой-нибудь корабль Добровольческого флота для нас. Этот корабль появлялся неоднократно и однажды открыл орудийную стрельбу по нам. Надежды, конечно, сразу рухнули. Поведение этого корабля было более или менее странное. Никакой высадки он не сделал и не старался связаться с нами.

В отряде было 53 офицера, большинство из них пожилые из штабных или тыловых должностей. Эта категория была большой обузой для казаков, так как в налеты на киргизов они не были способны ходить и казаки должны были им доставать все необходимое.

В отряде была небольшая группа боевого партизана, капитана Решетникова, выходца откуда-то из России. Решетников умудрился из форта вывезти муку, не знаю сколько, и когда атаман пожелал, чтобы эта мука пошла в общее пользование, то он выдать ее отказался и сказал, что покидает отряд. Куда он ушел, я не знаю, возможно, пошел в Россию, а было у него всего 17 человек. Между тем налеты на киргизов все продолжались, и теперь они не проходили безнаказанно, ранен был подхорунжий Ставкин.

Однажды ночью, когда отряд спал, посыпались откуда-то выстрелы и раздались бешеные крики киргизов. Киргизы хотели навести панику, а главное, спугнуть баранов. И действительно, бараны шарахнулись куда-то в темноту, и так мы их больше не видели. А было их 80 штук.

Наконец, в последний налет пошел сам атаман со своим адъютантом, есаулом Митрясовым[214], и налет был удачен: он привел достаточное количество верблюдов и баранов, так что теперь весь отряд сел на верблюдов. Но киргизы открыли стрельбу, и когда казаки стали отстреливаться, то у многих затворы винтовок не работали. Придя в лагерь, атаман всех разнес и приказал всем чистить оружие. Порезали баранов, посолили мясо и начали делать большие переходы.

Главная цель атамана была теперь – это находить колодцы. Карта была устаревшая, сорокаверстка – она была далеко не

достаточна. Все время захватывали киргизы проводников, но они иногда, наоборот, отводили от колодцев. Колодцы в Средней Азии были потрясающие, будто бы строились при Тамерлане. Они были иногда глубиной до 30 сажен и выложены до самого дна тесаным камнем, и у некоторых находились выдолбленные из камня колоды для водопоя скота. Колодцы эти были расположены маленькими группами.

Откуда люди в старину доставали этот камень? Приходилось удивляться. Колодцы были в великолепном состоянии, но редко в них мы находили хорошую воду, в большинстве из них вода была горько-соленая, а иногда это была просто горькая хина, которую даже верблюды не пили. Там, где попадалась хорошая вода, делали запас в бочонки и устраивали дневки. Чтобы напоить 200 верблюдов, это была работа на весь день. Бочку с выбитым дном окручивали веревкой и устраивали что-то вроде ворота, запрягали верблюда, и он тянул эту бочку, полную воды, с глубины 30 сажен.

Средний верблюд пил пять-шесть ведер, а феноменальный мастодонт хорунжего И. Карамышева[215]пил, кажется, без конца. Иногда по нескольку дней не поили верблюдов, да и сами иногда по двое суток не имели ни капли воды в те жары, которые наступили.

Достали у киргизов небольшие каменные жернова, чтобы размалывать пшеницу, но это была работа! Причем пшеница не могла быть размолотой как следует, и из этой штуки пекли хлеб. Такое питание и вода вызвали у всех ужасную дизентерию, которая продолжалась в течение всего похода. Люди назначались в наряд каждый третий день и на постах иногда спали; не было никакой возможности бороться со сном, пройдя 60 верст пешком или даже на верблюде.

Когда все было готово для длительного перехода, от отряда отделились три группы. Это произошло 18 апреля, когда отряд был всего в 350 верстах от форта Александровска. Ушел полковник Т.И. Сладков с 10–12 уральцами на рыболовный промысел Киндерм, там захватил большую рыболовную лодку и, выйдя в море, прошел мимо Красноводска и вышел на Персию. Он был удачлив.

Вторая группа с полковником Ереминым пошла на Аральское море к уральцам-уходцам, но была настигнута киргизами и вырезана. Третья группа с генералом Моторновым[216]пошла на Красноводск, и я не знаю, что с ней сталось.

Эти две последние группы были главным образом из тех штабных офицеров, о которых я говорил раньше. Причина их ухода была та, что они не разделяли плана атамана идти на

Персию и каждый предлагал свой план. Атаман им заявил, что он командир сотни, у него четыре взводных, с которыми он обсуждает все нужные вопросы, и советов со стороны ему не нужно. Кроме того, они не особенно доверяли казакам, возможно, боялись выдачи красным. Отряд оказался теперь в составе 163 человек, включая женщин и детей.

Вместе со Сладковым ушел командир 3-го взвода есаул Жигалин, вместо него атаман назначил хорунжего И. Карамышева. Вскоре произошло событие, довольно печальное для уральцев. В одной долине захватили двух киргизов с несколькими верблюдами и просили их быть проводниками, обещая их наградить и вернуть верблюдов. Остановившись на ночлег, стали их спрашивать о колодцах. Оба сказали, что они не знают. Всех удивило, что они не знают колодцев своей местности. Приступили к порке, так как в отряде совершенно не было воды и колодцы нужно было во что бы то ни стало найти. Один из киргизов, Сарман, вырвался у казаков, быстро, быстро прибежал к И.И. Климову и свернулся перед ним калачиком. Казаки не решились его отнять у такой уважаемой личности, как Климов. Благодарный Сарман сказал Климову: «Хоть ты и русский, но ты хороший человек». Другого же киргиза пороли, но он наотрез отказался указать колодцы. Отдали его под охрану в 4-й взвод есаула Фадеева. Ночью этот киргиз сбежал и, по-видимому, добежал до своих и организовал маленькую шайку, чтобы отомстить казакам. На заре раздались выстрелы по лагерю из киргизских могилок, которые были недалеко от нашего ночлега. Были убиты два верблюда. 4-й взвод немедленно пошел на выстрелы, но киргиза и след простыл, нашли только пустые патроны.

Атаман выслал полковника Корнаухова с шестью конными казаками его преследовать. Выскочили казаки на небольшую возвышенность, далеко растянувшись один от другого, и увидели справа группу киргизов.

Вахмистр Фофанов, с двумя казаками, кинулся на них. Киргизы вскочили на коней и скрылись в какой-то овраг. Один же из них, предполагают, что это был бежавший от нас, остался и, поставив свою винтовку на рогатки, взял первого казака на мушку, сшиб его, а затем второго и третьего. Сам же, сев на коня, спустился в овраг и бежал. Все трое казаков были ранены, один из них, Лифанов, очень тяжело. Атаман рассвирепел, расформировал 4-й взвод и включил людей в другие взводы. Едва ли атаман был прав в своем поступке. Таким образом, стало в сотне три взвода, четвертый никогда не был восстановлен.

После этого события двинулись дальше и верстах в пяти

нашли колодец с прекрасной водой. Киргиз безусловно знал его, но упорно не пожелал нам его указать. Киргизы сказали, что дальше, на протяжении 300 верст, будет мертвая полоса, так как киргизы и туркмены находятся во вражде между собой, то в эту полосу не решаются идти ни одни, ни другие.

Двинулся отряд тремя параллельными колоннами с интервалами в полверсты, с целью захватить большую дистанцию в поисках колодцев. Двигались по плоскогорьям, по возвышенностям и по барханам, не встречая ни одной живой души. Видели иногда сайгаков и в песках больших сухопутных черепах.

Совершенно неожиданно вышли на залив Кара-Бугаз и в начале мая совершили крутой и высокий спуск с плоскогорья в обширные долины, где встретили первых туркменов. Так как у нас хотя и скудно, но все было, вели мы себя с туркменами как агнцы, ничего у них не брали, купить же не могли ничего, так как бумажные деньги, которые нам приходилось всучивать киргизам, туркменами не принимались.

Иван Иванович Климов, в сущности, выручал отряд из всех трудностей. Он хорошо говорил по-киргизски и немного по-туркменски и знал прекрасно психологию и тех и других. Развел с ними такую восточную дипломатию, что туркмены иногда нас хорошо встречали, даже угощали и давали проводников. Но вместе с этим они были за большевиков, которые, занятые войнами, ничего им дурного не делали. Так постепенно отряд пересек старое русло Аму-Дарьи и в течение нескольких переходов дошел до линии железной дороги Ташкент – Красноводск.

Линия была занята отрядами красных, так же как Красноводск и вообще весь Туркестан. Остановились в песках, верстах в двадцати от железной дороги, и выждали вечера. Вдруг в небе появился аэроплан и, сделав два-три круга над нами, улетел. Люди своевременно попрятались за верблюдов и за кое-какие редкие кусты. Предполагали, что красные узнали о нашем движении и искали нас, но это не нарушило нашего основного плана, и с наступлением темноты тронулись в путь к железной дороге.

Вел нас туркмен, которому была обещана винтовка и лошадь. Момент был тревожный, по-видимому, это передалось и верблюдам, шли они очень ходко. Тишина была потрясающая, курить запрещено. На рассвете наткнулись на рельсы, перешли их и сразу уткнулись в глубокий овраг. Подались влево, нашли крутой, с уступом, переход через этот овраг, и тут все смешалось, весь порядок нарушился, так как верблюды не хотели прыгать с

этого уступа. Но как-то все обошлось, пересекли овраг и вошли в ущелье, которое было среди горного хребта. Пересекли железную дорогу недалеко от Кызыл-Арвата.

Когда вошли в ущелье, то совсем уже рассветало, сразу заговорили, закурили. Прошли какое-то расстояние и остановились на ночлег. Ночью посыпались выстрелы с горы. Потушили костры и недоумевали, кто мог стрелять? Двигаясь дальше, страдая от бешеной жары и жажды, находили громадные группы туркменских кибиток, иногда до трехсот, старались избегать в них заходить.

Местность была густо заселена туркменами. Дошли до реки Атрек, здесь произошли неприятности с проводниками. Все дело в том, что мы уставших верблюдов бросали в степи, проводники набрасывались на них, чтобы затаврить, рассчитывая по окончании своей миссии, на обратном пути, отдохнувших забрать. Проводники спорили, чуть не дрались из-за этих верблюдов, и отряд терял массу времени из-за этого. Атаман приказал пристреливать всех уставших верблюдов. Вот это-то проводникам не нравилось, и они отказывались сопровождать нас.

Переправившись через Атрек, увидели какой-то полуразвалившийся старый пограничный пост, расположились около него и пустили верблюдов на корм. В степи появились большие – в 200–300 человек – группы конных и до зубов вооруженных туркменов. Они, без всякого строя, скопом, начали вдали скакать вокруг нас с гортанными криками.

Когда наш отдых кончился, казаки пошли за разбредшимися верблюдами. В это время посыпались на нас пули. Атаман отделил часть казаков, чтобы вьючить верблюдов, а остальных рассыпал в цепь. Наши выстрелы сразу осадили туркмен. Убили у нас малолетка Болдырева, тяжело ранили урядника Маркова, который вскоре умер, и были убиты три верблюда.

Теперь пошли без проводников и отряд уже шел боевым порядком, в середине караван с женщинами, детьми и ранеными, спереди же, сзади и на флангах шли редкие цепи стрелков. По дороге, уже ночью, встретился крутой и широкий овраг, который сильно расстроил наш строй. Только что начали, переправившись, выходить на другой берег, посыпались выстрелы справа. Атаман, с криком «Ура!», бросился с казаками на выстрелы и сбил атаковавших, которые скрылись в овраг. Ранеными оказались барышня Таршилова и жена сотника Пастухова и убиты три верблюда, среди них попал и мой бедняга.

Немного спустя посыпались пули сзади, и выстрелы еще продолжались, как к отряду подъехали, с мирными знаками,

несколько старых туркменов. К туркменам подходит смешная пословица: «Я не я, и лошадь не моя, и сам я не извозчик». Они сказали, что их туркмены здесь ни при чем, а стреляло другое племя туркмен, спустившихся с гор. Их спешили, отобрали винтовки, понюхали стволы этих винтовок, определили, что это не они стреляли, и просили пойти в хвост отряда и кричать туркменам, чтобы они прекратили стрельбу. Туркмены отказались. Тогда есаул Митрясов взял одного за шиворот и повел. Туркмен здорово струсил под пулями и начал кричать во всю глотку, чтобы его собратья перестали стрелять.

Это подействовало, стрельба прекратилась. Так отряд двигался всю ночь, только наутро выбрали место для отдыха, на хорошем пастбище – кругом же были большие группы кибиток. Туркмен всех отпустили, возвратив их оружие, они обещали доставить отряду баранов, но, конечно, обещания не сдержали. Похоронили Болдырева и Маркова и только здесь обнаружили, что пропал урядник Юрков.

Когда отряд останавливался на десятиминутный отдых, все казаки падали на землю от усталости и некоторые сейчас же засыпали, так, вероятно, случилось и с ним, и никто этого не заметил. Атаман послал казаков на розыски, но на месте стоянки его не нашли, видели вдали двух конных туркмен, которые конвоировали пешего – вероятно, это был он.

Пришел в расположение отряда туркмен, отрекомендовавшийся «хозяином всех аулов», как выяснилось, советский комиссар, и сказал, что в Чикишляре, в 70 верстах от нас, находится полк красной кавалерии. Этот комиссар, по-видимому, не догадывался, кто мы, и обещал многое сделать для нас. Некоторое время спустя он куда-то сходил и принес десять чуреков и полудохлого барашка, и с ним вместе появилось несколько туркмен-гостей.

В это время верстах в двух от нас стали появляться конные группы туркмен. Спросили хозяина всех аулов: «Что это за всадники?» Он объяснил, что это группы едут сообща косить ячмень.

– А что же у них блестит?

– Это косы и серпы, – не моргнув глазом, отвечает туркмен.

Постепенно все туркмены исчезают, так же и сам «хозяин аулов», и отряд остался совершенно без туркмен. Неожиданно появились два конных старика. Их задержали силой.

Оставаться на стоянке становилось опасно, и отряд двинулся в боевом порядке дальше. Эти два туркмена на конях шли с головной цепью. Люди едва волокли ноги от усталости и жажды, под палящими лучами солнца. Вдруг один из туркмен раскачал

своего коня плетью и стал удирать. Есаул Митрясов вскинул винтовку, но атаман остановил его. Спешили второго туркмена, и атаман приказал неожиданно повернуть направление каравана и занять громадную группу кибиток, так как, по всем признакам, впереди была устроена засада.

Население кибиток в панике начало разбегаться, некоторых из них казаки задержали с той целью, чтобы не было нападения на аул. Киргизы и туркмены, как правило, никогда не будут атаковать аул, если там есть один из их сородичей. Напились казаки в кибитках айрану (жидкое кислое молоко), немного передохнули и пошли дальше. Оказалось, действительно была приготовлена засада, и казаки расстроили их планы, переменив направление.

Только что выдвинулись из аула, как снова появились конные группы туркмен, которые начали кружиться вокруг отряда и обстреливать его. Пешие цепи казаков, отстреливаясь, держали их на приличном расстоянии. Ранили в руку войскового старшину Климова. Под таким обстрелом и слыша со всех сторон воинственные гортанные крики туркмен, уставший и обессиленный отряд втянулся в ряд невысоких холмов. Эти холмы, иногда скрывая нас, давали возможность туркменам подбираться довольно близко к нам.

Дойдя до одной котловины, отряд собрался в кучу, и все попадали на землю, чтобы немного передохнуть. Ранее задержанный туркмен сказал, что колодцы есть в ущелье в цепи невысоких гор, в 5–6 верстах впереди отряда. И видно было, что туркмены не хотят к ним допускать казаков. Так как черные папахи туркмен подобрались совсем близко, то неутомимый Климов, с перевязанной рукой, первый выскочил с криком «Ура!» на гребень холма, за ним группа казаков. Атаман, простившись с семьей, также выскочил на гребень, как и остальные казаки, и начался бой, длившийся недолго.

Туркмены были сбиты. Поймали еще одного туркмена и приказали ему вести в ущелье к колодцам. Впереди пошли цепи казаков, а один взвод оставлен в прикрытие каравану. Были убиты подхорунжий Завалов, старший урядник Сергеев, прапорщик Горшков, ранены поручик Сидоренко, казаки Фадин и Зевакин и убито несколько верблюдов.

Дошли до ущелья уже ночью. В ущелье был небольшой аул и великолепные мелкие колодцы с прекрасной водой. Так закончился двухсуточный переход без сна и воды. Жители все разбежались. Много казаки нашли съестного в кибитках, а айран и воду пили без конца до одурения. Ночью появилось несколько туркмен-стариков и все уверяли, что они ни при чем, что

атаковали нас другие племена туркмен. Этих стариков оставили как заложников, выставили охрану и завалились спать. Наутро двинулись дальше.

Впереди нам предстояло пройти туркменский городок Кумет. Разноречивы были показания туркмен относительно населения этого городка, но миновать его было нельзя. Отряд шел медленно, на ходу кормя верблюдов. Встречались пустые аулы, то есть группы кибиток. Прошли весь день, и начавшийся к вечеру сильный дождь принудил нас остановиться на ночлег. Промокли до нитки, так как нечем было укрыться. Утром умер от раны казак Фадин. Похоронили его и, двинувшись дальше, увидели вдали какую-то башню. Это и был Кумет. Увидели красочную группу туркмен, едущих к нам навстречу.

Чтобы их достойно встретить, атаман собрал в отряде у кого брюки, у кого сапоги, чтобы иметь приличный вид. Туркмены выехали узнать, что за люди появились в их владениях. Сказали нам, что мы покинули страну туркмен Ак-Атабаевцев, здесь же были Джаф-Арбайцы. Атаман поехал с ними в город, отряд же последовал за ним вслед и, перейдя по мосту небольшую, быстро текущую, вздувшуюся от дождя речку, остановился на указанном берегу, очень близко от города.

Атаман, Климов и несколько казаков пошли в город на совещание с главарями туркмен. Туркмены очень хорошо их угостили. Когда атаман объяснил им, что отряд идет в Персию, в село Рамианы, и просил проводников, то туркмены запросили очень большое количество винтовок за услугу и вообще почувствовалось, что они проводников не дадут. Ни с чем вернулся в лагерь атаман.

В это время много туркмен наводнило лагерь. Наш киргиз Сарман, который сопровождал нас, оказался очень симпатичным и во время похода оказывал большие услуги, особенно по вывозке на верблюдах раненых. И на сей раз он оказал особенно важную услугу. Оказывается, в городе жил среди туркмен один киргиз, который также пришел посмотреть на русских и сказал по секрету Сарману, что туркмены нам отвели это место на берегу речки с намерением нас здесь ночью вырезать. Сарман сейчас же об этом доложил атаману.

Атаман немедленно приказал вьючить верблюдов, сам повел стрелков и занял центр города. Расположился отряд в каком-то караван-сарае. Город представлял собой потревоженный муравейник, всюду на улицах были группы вооруженных до зубов туркмен. Они все имели турецкие винтовки, кривые шашки и были обвешаны патронами. Провели ночь в полной тревоге, а наутро был выслан караван под прикрытием одного взвода во

главе с войсковым старшиной Климовым, чтобы начать переправу через вздутую горную речку Гюрчень, в 7 верстах от города.

Остались в караван-сарае с атаманом в полной боевой готовности 70 стрелков при одном пулемете. Кстати, о пулемете. Он был в распоряжении подъесаула Карташева, им пользоваться приходилось редко, потому что патроны были совсем на исходе, и только для устрашения из него иногда выпускали небольшую очередь.

В нашем расположении оказалась семья Мамета, главного из туркмен, и он просил уйти с этого места и занять другое. Для этой цели он предложил занять башню, которая находилась на окраине города, и водил туда атамана, чтобы он посмотрел. Между тем на мосту была поставлена стража, состоявшая из туркмен и казаков, будто бы Ан-Атабаевцы могли напасть на город, и ясно было, что туркмены готовят что-то, так как стража пропускала все время вооруженных всадников.

Наконец, к атаману прискакал гонец от Климова и сказал, что переправа началась. Тогда атаман заявил Мамету, что получено донесение, что переправа невозможна, и караван вернется в город и что он перейдет с отрядом к башне, где есть корм для верблюдов. Сам же вывел стрелков цепочкой по обеим сторонам улицы, повернув в противоположную сторону, вывел на околицу, захватил казаков с моста и, развернув стрелков в широкую цепь, начал медленно отходить в направлении переправы. Сейчас же на крышах домов появились туркмены и началась стрельба по казакам, но это нисколько не ускорило движения цепи, так как нужно было оттянуть время, чтобы дать возможность Климову переправить через речку караван.

Постепенно, отстреливаясь, цепь дошла до переправы и залегла. Туркмены преследовали все время, и часто видны были в траве их черные папахи. Эти папахи быстро исчезали при наших выстрелах. У самой переправы они энергичнее повели обстрел, но безрезультатно.

Переправа была необычайно трудная. Верблюды не хотели идти в быстроту, им накидывали на шею веревки и с другой стороны их тянули за эти веревки, а с этой стороны их сталкивали в воду. Была еще протянута веревка с маленьким плотом из бочонков, на которых перевозили раненых и женщин с детьми. С атаманской семьей произошло несчастье. С плота сорвалась теща атамана, имевшая в руках дочку атамана трех лет. Течение их быстро стало относить. С другого берега бросился казак Ковалев и спас их обеих, но девочку едва отходили, она наглоталась воды. Переправа закончилась, когда уже совсем стало темнеть, цепи начали отходить и переправляться вплавь

через речку. Были опять потери, и один убитый остался не вывезенным.

Была лунная ночь. Выяснилось, что туркмены приготовили засаду на большой дороге, но отряд прошел без дороги, и они временно потеряли связь с отрядом. Когда же они обнаружили отряд, то опять большими конными группами начали кружить вокруг казаков. К воинственным крикам туркмен присоединились дикие вопли шакалов, и это, вместе с раздававшимися выстрелами, являло кошмарную картину. Это продолжалось до тех пор, пока отряд не вошел в заросли бамбука в мелкой воде.

С трудом пробираясь среди этого бамбука, услышали какой-то шум. Это стадо буйволов, напуганное стрельбой, пронеслось, ломая бамбук, куда-то. Эти буйволы бежали из аула, расположенного на острове среди бамбука. Вышли на аул, который был пуст. Все жители бежали в панике. Ранен был казак Рыгин. Наш туркмен сбежал в бамбук, но его нашли. Он от всего отлынивал, и толку от него никакого не было.

Настало утро. Двигались дальше, пересекли овраги, поднимались на возвышенности, спускались в долины, все время преследуемые туркменами. Все же персидскую границу перешли и увидели слева большие горы, покрытые лесом, а прямо – спускающуюся долину с возделанными полями. Туркмены за границу не рискнули идти, послали нам вслед несколько пуль и, наконец, оставили нас.

К 9 часам утра добрели до первого персидского селения Рамианы, затерянного среди зеленых деревьев в подножии Персидского хребта. Это было 22 мая 1920 года. Так закончился второй поход уральцев, длившийся ровно 2 месяца.

Получили сведения, что в то время, когда мы остановились на ночлег из-за проливного дождя, за один переход до Кумета, нас преследовал отряд красных и что будто бы командир отряда, бывший офицер, умышленно отвел отряд от нас, за что поплатился жизнью. Был красными расстрелян. Но это только слух, что же касается города Кумета, сведения были таковы: в конце 1916 года во всем Южном Туркестане были крупные восстания восточных народностей против Российского государства. Все эти восстания были финансированы немцами и были вооружены турецким оружием. Так, по свидетельству нашего казака Петра Овчинникова, были крупные восстания в городе Пржевальске.

Овчинников, богатый казак, был коннозаводчиком и, как большой знаток лошадей, был послан туда правительством с комиссией для набора лошадей для русской кавалерии. В этот период и произошли восстания. Так как русские власти

растерялись и были бездеятельны, то Петр Овчинников, казак станицы Сламихинской, захватил власть в городе, всего с 13 солдатами гарнизона навел порядок и в окрестностях Пржевальска выручил до 5 тысяч русских, плененных туземцами и находившихся в плачевном состоянии на большом дворе какого-то здания.

Овчинников был награжден Георгиевским крестом. Так вот эта-то волна докатилась и до Кумета, и туркмены там вырезали все русское пограничное население, имущество их разграбили, а дома их заколотили. Мы эти заколоченные и нежилые дома и видели в Кумете, но не знали причины, почему они были заколочены. Вероятно, они так же хотели поступить и с нами, но нарвались на воинов с большим опытом.

В Рамианах в это время оказался сын персидского губернатора, молодой человек, весьма симпатичный, который нас расположил в гранатовом саду, отвел пастбище для наших верблюдов и послал гонца к своему отцу в город Астрабад. Расположились мы между деревьев и, наконец, могли вздохнуть после всех мучений и усилий похода. Похоронили поручика Сидоренко, умершего от тяжелой раны. Он не был казаком, но казаки его уважали и любили, и он выказал себя героем.

Через несколько дней прискакал гонец от губернатора. Он приказал сыну нас обезоружить, согласно международным обычаям, после чего отряд двинулся через Персидский хребет в город Шахруд, под охраной персидских воинов. В Шахруде атаман постарался войти в связь с англичанами, находившимися в Тегеране, а пока что отряд расположился в одном караван-сарае. Все люди отряда, как сговорившись, свалились больными малярией и дизентерией. Организмы у всех сдали.

Похоронили генерала Еремина[217], жену сотника Пастухова, раненную в походе, вахмистра Карташева, прапорщика Пономарева, стариков Истомина и Болдырева, казака Скачкова, маленькую дочку Таршилова и еще двух-трех казаков, фамилии их забыл.

Вернули киргизу Сарману его пять верблюдов и дали еще пять. Остальных же продали. Там же продал есаул Митрясов своего саврасого маштака, который совершил оба похода. Но персы решили воспользоваться нашей беспомощностью и устроили блокаду, сговорившись со всеми покупателями не давать больше 10–15 туманов за верблюда, тогда как настоящая стоимость была 100 туманов. Пришлось продать по их цене. Эти деньги были истрачены на наем фургонов, чтобы доехать до Тегерана, на уплату доктору и на медикаменты. Доктор, перс с французским образованием, тоже воспользовался случаем и

прекрасно на нас заработал.

Добрались до Тегерана. Там нас русская колония очень радушно приняла, вымыла в бане и поместила в здании русской гимназии, где в это время уже не было занятий. В Тегеране же войсковые старшины Климов, Мазинов, есаул Фадеев поступили в Персидскую дивизию, где почти весь кадр был русский и командовал дивизией русский, если не ошибаюсь, полковник Старосельский[218], начальником штаба был Кондратьев. Русский строй, русские формы и русские сигналы.

В это время Персия имела столкновения и бои с Советами и дивизия принимала главное участие. И вот наш уважаемый войсковой старшина И.И. Климов, с подлеченной рукой, сразу выдвинулся и получил награды и повышения, а через два-три боя уже был назначен персидским шахом начальником всей персидской кавалерии. А за один блестящий бой под одной деревней шах приказал эту деревню назвать Климовкой.

И.И. Климов, казак Глининской станицы, к началу германской войны 1914 года был вахмистром сверхсрочной службы в одной из сотен 3-го Уральского полка. Во время войны выказал себя героем и, когда к концу войны был приказ по армии организовать небольшие партизанские отряды из добровольцев-казаков, творил чудеса храбрости. Постепенно за отличия получил офицерский чин. Придя в войско после войны, он играл крупную роль в правительстве как Фомичева, так и атамана Толстова, у которого он был его помощником. Это был талантливый самородок. В походах он играл решающую и главную роль. Своей храбростью и распорядительностью он много способствовал успеху походов.

Через неделю после прибытия в Тегеран дали грузовики и отправили всех одиночек-уральцев в город Хамадан (библейский город, называвшийся в старину Сузы, там находятся крепость Александра Македонского и могила Есфири и Мардохея). Все же семейные, раненые и больные оставлены временно в Тегеране. В Хамадане группа находилась в английском военном лагере, расположенном в крепости Александра Македонского. Там произошли некоторые неприятные сцены с английскими солдатами.

Через 3 месяца приехал атаман с остальными, и все двинулись дальше на персидских фургонах, пересекли Курдистан, прошли по знаменитой дороге народов, где когда-то двигались великие завоеватели, прошли Багдад и дошли до города Басры в Месопотамии. В Басре англичане нас разместили в лагере среди финиковых пальм, на левом берегу Шатэль-Араба. Отношение англичан здесь было гораздо лучше, чем в Хамадане. В этом

лагере англичане собрали всех русских беженцев, ушедших от красных, и честь имели встретить моряков Каспийской флотилии, присвоивших наше и войсковое имущество. Нашлись два моряка, которые принесли атаману каждый по 150 серебряных рублей. К великому сожалению, не знаю их фамилий. Тут же встретил нашего полковника Сладкова с его спутниками, однажды отделившегося от отряда и на лодке добравшегося до Персии.

Атаман вел успешные переговоры с Сербией, и вопрос уже, можно сказать, был решен, как однажды было получено приказание от англичан приготовиться к погрузке на пароход, идущий во Владивосток. Атаман обратился к английскому правительству с просьбой отсрочить немного нашу отправку, имея в виду переброску нас в Сербию, но многоуважаемый Черчилль прислал телеграмму, – у меня нет ее под руками, но начало ее было таково: «Вы слишком долго пользовались добротой правительства Его Величества и т. д.»

Мы посчитали, что ответ был очень некорректный, и полагали, что такого ответа не заслужили, как бывшие союзники и как защитники Белой идеи. Как будто существовало соглашение Деникина с англичанами, что все русские беженцы, находившиеся на иждивении англичан, должны были быть доставлены к началу 1922 года в первый незанятый русский порт. Таким портом оказался Владивосток.

Не помню, какого числа и месяца, мы, после девятимесячного пребывания в Басре, были отправлены на Дальний Восток. Но англичане, которые оккупировали в это время Персию и Месопотамию, не только нас, бывших на их иждивении, попросили оттуда удалиться, но и вытряхнули всех русских офицеров, бывших в персидских войсках. Так блестящая карьера нашего И.И. Климова на этом и закончилась – он уехал в Чехию.

На пароходе англичане везли нас в трюме, как пленных, в портах, по дороге, пароход останавливался на рейде, но на берег нас нигде не пускали. После 35-дневного морского пути прибыли мы во Владивосток, где в это время была японская оккупация и было русское белое правительство Меркулова. В мою задачу не входит описание событий Владивостока, скажу лишь, что только стоило японцам уйти из Владивостока, как красные сейчас же его заняли и отряд уральцев ушел в Китай.

В Китае группа казаков из отряда решила вернуться в Россию. По слухам, красные сначала отправили их на копи в Сучан, а через 6 месяцев повезли домой. Оставшаяся часть отряда с атаманом перебралась в японские владения в город Чань-Чунь, недалеко от Харбина, и оттуда атаман привез их в Австралию, за исключением некоторых, которые предпочли остаться в Китае. С

атаманом уехали в Австралию человек шестьдесят.

Вот вам история уральских казаков. Как я уже сказал, у меня под руками не было никаких документов, все это погибло в России, так что многое описано то, что я сам видел и что сам слышал. Многие бойцы других казачьих войск еще имеют какую-то надежду на восстановление этих войск в будущем. У меня лично никаких надежд нет, после того как я видел всю трагедию гибели войска, и невольно приходит на память старинное казачье предсказание: «Яицкое войско на крови зародилось, на крови и погибнет». В 1962 году уральцев за границей осталось так мало, что едва ли наберется 100 человек во всех странах. Больше всего их во Франции, а затем в Австралии.

Н. Дорошин[219]
Уральское казачье войско[220]

15 ноября 1919 года собрались в Калмыкове остатки Уральской армии. В полках находилось по 200–300 бойцов, осталась одна батарея в четыре орудия. Всего на главном направлении набралось около 2 тысяч здоровых бойцов всех родов оружия. Красные в то время имели против казаков более 20 тысяч бойцов. Конечно, и у красных был тиф, но у них был большой тыл для размещения больных, они все время получали свежие пополнения в людях и снаряжении.

На Бухарской стороне, на правом фланге в киргизских степях, находился 2-й корпус генерала В.И. Акутина[221], всего около тысячи здоровых бойцов. Штаб корпуса находился в ауле Кызыл-Куга. На этом совещании атаман сообщил, что все меры для отхода армии на форт Александровский принимаются, а арьергардному отряду приказывается прикрывать отход армии, «огрызаясь и отходя». Отход морем был исключен, так как Гурьевский порт и северная часть Каспия уже замерзали и судоходные сообщения с фортом и Кавказом прекратились.

17 ноября красные возобновили свое наступление. Был сдан поселок Круглый. Потом был бой за Калмыков, продолжавшийся два дня. Отступление продолжалось. При вынужденном отходе уже не было и речи об эвакуации складов, больных и раненых. Отходили боевые части и с ними те, которые имели какие-либо свои средства передвижения. Остальное все оставалось в добычу и на расправу красным. Тем не менее, заградительный отряд 20 ноября дал бой под поселком Красноярским, отбил наступление, но на следующий день вынужден был оставить поселок. С боями казаки оставляли станицу за станицей. Урал замерз 21 ноября.

К 29 ноября казаки отошли к станице Кулагинской, где задержались на два дня. Ночью 30 ноября красные напали на Кулагин с трех сторон. Был ночной уличный бой. Казаки ушли, но потеряли обозы, часть пулеметов и три орудия из четырех. Казаки отошли в поселок Зеленовский, на полпути между Калмыковом и Гурьевом. Здесь фронт задержался на полторы недели. Прикрывающий отряд сократился до 600 шашек. Имелась дюжина пулеметов и одно орудие.

Утром 16 декабря красные прислали в поселок Зеленовский парламентера с письмом на имя «первого начальника дивизии или отряда». В этом письме стояло: «Ввиду полной бессмысленности и невозможности с вашей стороны дальнейшего

сопротивления, я предлагаю вам сдать оружие, все огнеприпасы и прекратить сопротивление. От имени советского правительства я гарантирую жизнь и неприкосновенность всем казакам, офицерам и генералам. Командующий 4-й советской армией Фрунзе».

Второе письмо, подписанное начальником дивизии, предлагало для гарантии безопасности красных парламентеров выслать такое же число казаков с нашей стороны. Последняя просьба была немедленно исполнена.

Был вызван по прямому проводу атаман, находившийся в Сарайчике, и было доложено ему. Атаман ответил: «Не предпринимайте ничего – я выезжаю на фронт!» К 11 часам утра атаман приехал на автомобиле в поселок Зеленовский. Вызвали красных парламентеров – они ничего не добавили к ультиматуму Фрунзе. Атаман написал ответ, в котором указывалось, что на сношения с нашим правительством необходимо три дня. На это было получено согласие красных.

За эти три дня перемирия в Уральской армии ломали, жгли, топили в Урале все, что не могли взять с собой. В это время в заслон приехал из Гурьева войсковой старшина И.И. Климов с Гурьевским конным дивизионом в 350 шашек и сменил потрепанные части прежнего заслона.

Меры к возможности благополучного отхода войск и беженцев по пустыне Мангышлака в форт Александровский были приняты атаманом Толстовым, но далеко не достаточные. Время было уже упущено, была уже глубокая осень 1919 года. Судоходство по морю в середине ноября всегда прекращается, так как море замерзает. Кроме того, в этот последний трагический период существования Уральского казачьего войска много проблем навалилось на атамана. Был недостаток бойцов на фронте, красные преследовали по пятам отступающую казачью армию, был недостаток транспорта и связи для эвакуации, многие распоряжения делались наспех, не было времени упорядочить хаос, сопутствующий каждому вынужденному отступлению, и т. д.

Кое-что было сделано: была послана еще на пароходе морем в форт Александровский команда казаков с офицером и припасами для установления пунктов питания на пути следования армии и беженцев в пустыне. Как оказалось после, пункты были выдвинуты недостаточно далеко – на 80 верст от форта. Солидные запасы провианта, одежды и обмундирования были вывезены заблаговременно в форт Александровский для Уральской армии еще во время навигации по морю.

Для выступивших в поход на Жилой Косе, около 200 верст от Гурьева, был устроен питательный пункт для армии и беженцев.

Была выдана мука по 1 фунту на человека в день на 30 дней и кое-какие другие продукты. Больше никаких питательных пунктов на всем пути до форта не было. Продовольствие, фураж и воду отступающие должны были везти с собой.

Не была организована закупка верблюдов для военных частей и беженцев у киргизов, хотя у войска были для этого средства: войсковое казначейство привезло в форт Александровский не менее 30 ящиков по 2 пуда весом каждый, наполненных серебряными рублями, да много вещевого добра брошено и оставлено было уходящими частями на нижней линии поселков, на которые можно было выменять у киргизов верблюдов для частей и беженцев, кибитки и кошмы для укрытия от холода.

В станице Сарайчиковской, от Гурьева выше по Уралу на 50 верст, скопилось большое количество частей обозов и беженцев, так как здесь предполагалось переходить через Урал на Бухарскую сторону в поход вокруг Каспия. Сюда съехалось много киргизов из окружающей местности с гуртами верблюдов на покупку и мену излишков имущества у казаков и беженцев. Там беженцы и казаки отрядов меняли коней на верблюдов, покупали за деньги, меняли за предметы одежды и т. д. Затем отступающие части и беженцы впрягали верблюдов в свои повозки вместо лошадей и отправлялись в дальнейший путь. Те, которым не хватило верблюдов, выехали в поход на лошадях и производили мену лошадей на верблюдов уже в пути у живущих на степных зимовках киргизов, – до Жилой Косы и даже до селения Прорва еще встречались зимовки киргизов по берегу Каспия. Кто не сумел или не имел случая выменять себе верблюдов, продолжал ехать на лошадях.

После Прорвы уже никаких зимовок не было. Продовольствие на дорогу каждый раздобывал себе сам. Главным образом, везли муку и постное масло. Некоторые оставляли себе молодых лошадей для убоя. Везли с собой воду и топливо, так как в пустыне росла реденькая трава, да и то не везде. Военные ехали отдельными отрядами, беженцы собирались группами по месту жительства.

Красные уже начали догадываться, что просимые три дня – только оттяжка времени, и, подтянув свою конницу, стали 19 декабря обходить поселок Зеленовский степью. Климов со своим отрядом перешел в следующий поселок, где задержался на день, потом отошел опять. Таким путем 21 декабря Климов с отрядом пришел в станицу Сарайчиковскую. Армия и беженцы уже оставили Сарайчик, переправившись по льду на Бухарскую сторону, и ушли на Соколинский Базар, по дороге на селение Ракушу, на побережье моря, минуя стороной Гурьев.

Отряд Климова перешел 22 декабря ближе к Гурьеву, в станицу Редутскую, а оттуда на другой день, не заходя в «Гурьевский мешок», переправился на Бухарскую сторону и пошел на Соколинский Базар по пути отряда атамана Толстова. Хотя отряд Климова являлся последним отрядом отступающей армии, беженские обозы продолжали тянуться за ним, пока их не захватывали преследовавшие казаков красные. Во время агонии Уральской отдельной армии на главном направлении по реке Уралу и на других направлениях происходило следующее: правительство Алаш-Орды со своими войсками, казаками, обученными и снабженными оружием, перешло на сторону красных. С их помощью красные напали на казачьи силы на Зауральской стороне. Часть казаков была перебита, часть взята в плен, а штаб генерала Акутина и все находящиеся при нем офицеры и казаки были вырезаны киргизами. Илецкая дивизия полковника Балалаева на реке Уил подверглась той же участи. Лишь один 3-й партизанский полк сумел выскочить из окружения, спустился к Жилой Косе, там присоединился к отходящим частям, с которыми и пришел в форт Александровский.

6-я конная дивизия полковника В. Горшкова, посланная в конце октября на левый берег Волги для связи с якобы находившимися там кубанскими и добровольческими дивизиями генерала Деникина, никого там не нашла. Фронт генерала Деникина в то время откатился уже далеко на юг. С остатками казаков (убыль от тифа была большой) Горшков возвратился на Урал и около Мергенева, уже занятого красными, незаметно по льду перешел Урал. Уральская армия уже ушла в поход, а Горшков с казаками был окружен киргизами Алаш-Орды и сдался им. Лишь есаул Плетнев с небольшим отрядом казаков вырвался из окружения, пошел по следам отступавшей армии и во главе 30 казаков пришел в форт Александровский. Из Гурьева находившиеся там тыловые учреждения и беженцы, оказавшиеся в стороне от движения отступающей армии, самостоятельно выехали из города с 21 по 23 декабря, переехали по льду на Бухарскую сторону и влились в общий поток на Ракушу.

Известный всем маршрут был: Соколинский Базар, Ракуша, Жилая Коса, Прорва и форт Александровский. Если от Соколка до Прорвы было около 280 верст, причем до Жилой Косы со сравнительно густо рассеянными киргизскими зимовками, то от Жилой Косы до Прорвы зимовки встречались значительно реже, а на пути от Прорвы до форта Александровского на протяжении более 700 верст идти было нужно по безлюдной, голой и безводной пустыне, руководствуясь следами прошедших впереди.

Атаман с отрядом из молодых здоровых казаков, на хороших верблюдах и хорошо экипированным, вышел из Сарайчика в Соколок 21 декабря 1919 года. Его отряд мог продвигаться много быстрее, чем обозы частей и беженцев. С хорошей экипировкой вышла английская военная миссия, захватив с собой несколько человек беженцев. Так же хорошо подготовленной выступила в поход партия управления Эмбенскими нефтяными промыслами.

До Жилой Косы отход проходил спокойно и благополучно. Обозы тянулись почти непрерывной лентой. Во время этого пути многим удалось сменять коней на верблюдов в придорожных зимовках.

На Жилой Косе всем частям, тыловым учреждениям и беженцам предлагалось зарегистрироваться у коменданта Жилой Косы для получения продовольствия на дальнейшую дорогу. В основном была получена-отпущена пшеничная мука из расчета 1 фунт на человека в день на 30 дней пути. Было выдано более 12 тысяч ордеров, но число вышедших в поход превышало эту цифру. Не все зарегистрировались – некоторые прошли раньше регистрации, другие позже, регистрация производилась только несколько дней. Некоторые прошли прямо в Прорву, не заходя на Жилую Косу. Многие беженцы, имевшие при себе достаточно продовольствия, не получали этой муки и не регистрировались. Дальнейший поход продолжался в самые крещенские морозы. Некоторые больные и раненые, а также женщины с маленькими детьми остались на Жилой Косе. Она была занята красными 29 декабря.

Поход до Прорвы был хуже. Туда было две дороги: степная хорошая дорога, но более длинная, обходившая ерики, заливаемые морской водой, и другая дорога, более короткая (зимняя), почти вдоль побережья, пересекавшая много узких морских рукавов (ериков), наполненных водою, зимою замерзавших. Так как стояли сильные морозы, то большинство поехало по второму пути. Но на второй день пути сильно потеплело, пошел дождь, поднялся сильный туман, вода в ериках стала прибывать, лед подмыло, он стал ломаться при переезде. Переправа через ерики сильно затруднилась, многие потопили свои повозки, некоторые не удалось вытащить.

Прорва была небольшим рыбацким поселком. Там не задерживались, пошли дальше. Кроме некоторого числа больных и раненых, в Прорве осталось небольшое число тех, которые хотели попытать счастья проехать в форт Александровский морем по льду – это скорее. На этот раз лед был взломан южным ветром, и выехавшие вернулись в Прорву, где и были захвачены красными в начале января 1920 года. Из Прорвы путь сначала проходил по

низкой заболоченной степи, где местами приходилось переезжать солончаковые трясины, по-киргизски «соры». Они не промерзали глубоко и были очень опасны. Нужно было их проезжать быстро, иначе колеса увязали, засасывались трясиной, и тогда повозку приходилось уже бросать. На второй день к вечеру подул сильный ветер с севера и начался степной буран со снегом и крепким морозом. Ветер был такой силы, что сбивал с ног, невозможно было ехать, все остановились, где кого застала буря. Буря продолжалась более двух суток. Некоторых буря застала перед плоскогорьем Усть-Урта, другие уже поднялись на него. Ровная степь не давала укрытия. Размокшая одежда замерзала на людях. Люди топтались на месте, чтобы согреться, жгли все, что могло гореть: телеги, седла, даже ложи винтовок. Некоторые люди пытались вырыть себе укрытия в мерзлой земле шашками или топорами (лопат с собой не было). Но укрытия от пронзительного ветра не было, и многие, выбившись из сил, замерзали. На 12–15 верст дорога до подъема на плоскогорье была усеяна трупами замерзших людей и даже коней между сожженными повозками, разбросанными мешками и прочими предметами. На плоскогорье была такая же картина.

Много жизней унес этот буран. Но и дальнейший путь уносил новые жертвы. Умирали больные, которых в большинстве случаев нельзя было похоронить из-за мерзлого грунта, и оставленные становища являлись кладбищами.

Помимо холода, голода, тифа – нападали полудикие киргизы-кочевники «алаевцы», которые грабили отстававшие повозки, убивая едущих, а иногда нападали на небольшие группы в пути или на остановках. Поход продолжался в среднем два месяца.

Как исключение, прошли этот поход без потерь только несколько хорошо экипированных групп, как, например, отряд английской военной миссии и партия управления Эмбенскими нефтяными промыслами. Потери людей в пути были колоссальные. Считается, что выступило в поход на форт Александровский до 16 тысяч человек, а пришло около 4 тысяч. Таким образом, погибло около 12 тысяч человек, или 75 процентов вышедших в поход.

Обмороженных, раненых и больных, нуждавшихся в госпитальном лечении, удалось вывезти на Кавказ на пароходах Каспийской флотилии Добровольческой армии. Вместе с ними выехали многие беженцы, все иногородние офицеры и войсковые офицеры с семьями, не прикрепленные к созданным в форте казачьим частям.

23 марта старого стиля 1920 года красная флотилия военных кораблей из Астрахани без боя заняла форт Александровский.

Атаман Толстов с отрядом в 200 человек офицеров с семьями и казаками ушел через Закаспийскую пустыню в Персию. Остальные сдались красным. Среди сдавшихся были 2 генерала, 27 офицеров и 1600 казаков и беженцев.

К. Хартлинг [222]
На страже Родины [223]

От прошлого нас отделяет всего каких-нибудь пятнадцать лет. Уроки этого прошлого на должны пройти даром. Оно должно быть изучено, и полученный опыт должен быть полностью использован. Находясь за рубежом нашей Родины, все мы отвлечены добыванием куска хлеба насущного, что не дает возможности работать в том направлении, каком хотелось бы и как было бы полезно для нашей Родины.

Живя вдали от каких-либо архивов, не имея достаточно средств на выписку нужных книг и, наконец, не имея просто даже возможности обменяться мнением с русским человеком, так как на всю среднюю Яву я являюсь единственным русским, я не беру на себя труд составления более или менее полного описания владивостокских событий 1919–1920 годов.

В данной книге я постараюсь изложить, возможно правдиво и полно, гайдовское восстание, затем опишу подавление бунта личного конвоя генерала Розанова и, наконец, расскажу о перевороте, приведшем к поднятию красного флага над Владивостоком. Мое повествование, главным образом, основывается на личных впечатлениях и переживаниях. Частично оно пополнено сведениями, полученными от ограниченного круга лиц, и подкреплено немногими документами. Наконец, отредактировано оно Б.Б. Филимоновым[224].

Полковник Б.И. Рубец-Мосальский

Начиная с Сучанского похода Учебной инструкторской школы на Русском острове в апреле 1919 года и кончая усмирением розановских егерей в январе 1920 года, на полковника Рубца выпала исключительная доля – силою оружия поддерживать порядок во Владивостоке и его окрестностях.

Я не был участником победоносного шествия на Сучан, а потому мои записки обнимают лишь события во Владивостоке с осени 1919 года до падения власти Верховного Правителя. В событиях этих главную роль играл полковник Рубец. Поэтому пусть книга эта, если когда-нибудь мои записки будут отпечатаны в виде отдельной книжки, явится светлой памятью об ушедшем от нас в лучший мир нашем любимом начальнике.

Биография Бориса Ивановича Рубца проста и вполне обычна

для десятка тысяч офицеров Российской Императорской армии. Единицы из них уцелели, остальные жизнью своей запечатлели подвиги русского на фронтах Великой войны и в братоубийственной бойне.

Борис Иванович окончил Первый кадетский корпус. Затем последовало Павловское военное училище, кратковременное пребывание в рядах «Железной» стрелковой бригады, Китайский поход в дни усмирения Боксерского восстания и японская война в рядах 36-го Восточно-Сибирского полка. Борис Иванович, между прочим, был участником боя под «сопкой с деревом», получившей впоследствии наименование «Путиловской сопки». Этот бой, как известно, был единственной победой Русской армии в японскую войну. С 1905 года и по выход на фронт в 1914 году Борис Иванович был начальником учебной команды 36-го Сибирского стрелкового полка. Редкий стаж! Вероятно, на этой должности и закалился окончательно его характер: он шел открыто к цели, энергично отстаивая свои требования.

Мировая война к двум серебряным полоскам на левом рукаве добавила еще три золотые. Пять эвакуаций за ранением! В последний раз его привезли с фронта в Москву тяжело раненным в голову. С этого времени у него и появилась привычка браться обеими руками за виски, когда обстановка требовала глубоко вникнуть в происходящие события. Едва подлечившись в Москве от последнего ранения, Борис Иванович получает в командование 20-й Запасный Сибирский стрелковый полк, квартировавший в Омске.

Грянула революция. Телеграммы из Петрограда сообщали невероятные события. Полковник Рубец не поверил «провокационным известиям из Петрограда» и приказал в районе полка не опубликовывать их. И в то время как в Омске уже шли митинги и манифестации «освобожденного народа», 20-й Запасный полк жил своей обычной жизнью. А через день соседний полк арестовал командира и офицеров 2-го Запасного Сибирского стрелкового полка.

С начала 1918 года полковник Рубец принял деятельное участие в подготовке свержения большевиков во Владивостоке. Осенью того же года ему пришлось пережить горькую обиду от союзников, разоруживших 1-й Сибирский стрелковый полк правительства Приморской области. Далее последовала служба в учебной инструкторской школе на Русском острове, закончившаяся арестом 28 января 1920 года и заключением в большевистскую тюрьму.

5 апреля 1920 года японцы освободили Бориса Ивановича из хабаровской тюрьмы. Некоторое время он укрывался от

преследования «товарищей» в окрестностях Владивостока, а затем навсегда перебрался в Маньчжурию. Большая часть его эмигрантской жизни прошла в службе ночным сторожем. Здоровье расстроилось, и 21 декабря 1933 года в тяжелых муках, от язвы в желудке, он скончался в городе Харбине, окруженный заботами своих былых товарищей – родных в Харбине у него не было.

Трехцветный флаг на берегах Восточного Босфора

«Там, где раз поднят русский флаг, он не может быть спущен» – такие слова были выбиты на памятнике адмиралу Г. Ив. Невельскому, поставленном во Владивостоке, в центре города, над бухтой Золотой Рог. Эти мудрые и великие слова приписываются Императору Николаю I, сказавшему их по поводу поднятия Г. Ив. Невельским, тогда еще лейтенантом, русского флага в устье реки Амура у селения Николаевка и последовавшего за сим протеста представителей Поднебесной империи, предъявившей притязания на этот край.

Г. Ив. Невельский, присоединивший к России всю нынешнюю Приморскую область, доказал, что все трактаты с Китаем очень смутно упоминают об этом крае и он, собственно говоря, являлся до того времени ничьим, ибо ни русские, ни китайцы о нем не имели никакого представления. Например, на картах того времени остров Сахалин изображался полуостровом. На месте Владивостока в те времена существовала маленькая туземная рыбацкая деревушка, налогов никому никогда никаких не плативша… Но вот в 1858 году первые русские появились в крае, на том месте, где теперь стоит город Хабаровск, а через два года, то есть в 1860 году, все земли по реке Уссури или Ус-суре, как прозвали ее русские переселенцы, по нижнему Амуру и все побережье до границ Кореи присоединены были уже к России. В этом же году был и основан город Владивосток.

Террасами красиво раскинулся Владивосток по гористому северному берегу бухты Золотой Рог, что находится на южной оконечности полуострова Муравьева-Амурского. Превосходное местоположение оказало благотворное влияние на быстрый рост молодого городка. Он стал также крепостью. Это русское окно в бассейн Великого океана! Это жемчужина Русского Дальнего Востока!..

Если Владивосток рос в мирное время, то за время Великой войны он приобрел огромное значение, ибо через него главным образом происходил ввоз товаров в Россию из-за границы. В

Гражданскую же войну снабжение товарами и оружием Белой Сибири происходило почти исключительно через него. В 1919 году это был уже крупный портовый город с населением в несколько сот тысяч жителей. Главная улица города – Светланская, проходящая параллельно бухте Золотой Рог, протянулась на шесть с лишним верст. Под прямым углом ее пересекает другая большая улица – Алеутская. От Светланки же исходит и третья большая улица – Китайская, пересекающая линию гор и ведущая в предместье Владивостока – Первую Речку, сливающуюся со следующим предместьем – Второй Речкой. Далее на север, вдоль по западному побережью Муравьев-Амурского полуострова, тянутся уже дачные места: Седанка, 18-я верста, Океанская, 26-я верста. По другую же сторону города самая южная часть оконечности полуострова изрезана бухтами, значительно меньшими по сравнению с Золотым Рогом, но красивыми и удобными. Это бухты: Диомид, Улисс и Патрокл. Еще дальше на юг, за проливом Босфором Восточным, тянется обширный Русский остров, в северной части своей разделенный глубокой бухтой Новик. По площади своей Русский остров равен приблизительно 120 квадратным верстам. До революции 1917 года доступ на Русский остров был обставлен очень большими трудностями – без пропуска коменданта крепости туда никого не пропускали, въезд же иностранцам туда был совершенно запрещен.

Но вот пришла «великая и бескровная»… Без окон, печей и дверей стояли огромные здания казарм. Владивосток был скоро наводнен иностранными десантами. Какие только флаги не развевались в русском городе и какие только иноземцы не бродили по русским фортам… На Русский же остров ехал и селился на нем всякий, кто хотел… Там образовались даже притоны преступников…

* * *

Весною 1918 года я стоял во главе сторожевого отдела «Лиги благоустройства Владивостока». Под этим неуклюжим названием скрывалась организация, которую хотели реорганизовать в международную полицию, если бы удалось Владивосток превратить в международный город. Моим помощником был полковник Борис Иванович Рубец. Большинство сторожей были офицеры и солдаты, не воспринявшие большевизма. Среди сторожей был даже один генерал – генерал-майор Иванов-Мумжиев[225]. Очень короткое время сторожем состоял полковник

Сотников[226], позднее доблестно командовавший стрелками на Уральском фронте, потом в Забайкалье и, наконец, в Приморье во время Хабаровского похода. В число сторожей попал и штабс-капитан Нельсон-Гирст, командовавший позднее полком в Народно-революционной армии Дальневосточной республики. За время службы в сторожевом отделе лиги штабс-капитан Нельсон-Гирст производил очень хорошее впечатление своей дисциплинированностью и на меня, и на полковника Рубца.

Полковник К.В. Сахаров, объезжавший в октябре 1918 года вместе с британским генералом Ноксом Уральский белый фронт, по своем возвращении в Омске получил назначение во Владивосток, дабы там, на Русском острове, собрав 500 офицеров и 1000 солдат, подготовить из них кадр для будущего армейского корпуса. Генерал Нокс при этом обещал от имени британского военного командования всевозможную помощь.

2 ноября 1918 года Сахаров вместе с генералами Ноксом и Степановым выехал из Омска, а в конце этого же месяца был уже во Владивостоке.

На первый курс «Учебной инструкторской школы на Русском острове», как официально была названа вновь образуемая школа (я хочу здесь отметить, что именно такое название носила школа и никакого иного у нее не было, хотя некоторые лица ее и называли «Школой Нокса», но заверяю, что подобного наименования ни официально, ни полуофициально школа не носила), Сахаров набрал до 500 офицеров и около 800 солдат. В течение двух-трех месяцев в полуразрушенных революцией воинских чинов нужно было вдохнуть здоровый дух, показать им все преимущества крепкой дисциплины и слить их в дружную семью. Времени было мало. Этого нельзя выпускать из виду. Но нужно также отметить, что и обязанности младшего офицера регулярной армии, в сущности, не так уж сложны: он должен, во-первых, очень отчетливо знать все то, что должен делать солдат, затем он обязан не растеряться, не промешкать и быстро решить в поле любую задачу в рамках взвода или роты. Такую задачу ставил себе и своей школе ее начальник, как об этом повествует генерал Сахаров в своей книге «Белая Сибирь». Поэтому курс был составлен самый простой, почти применительно к учебной команде и школе подпрапорщиков мирного времени. Упорным трудом и регулярностью казарменной жизни предполагалось снять с проходящих курс революционный налет. Проходящие курс весь день проводили строго по расписанию. Порядок жизни – строго по уставу внутренней службы. С 7 часов утра начинались занятия. Занятия в поле чередовались с лекциями. Кончались они в 7 часов вечера. Отпуск в город полагался только раз в неделю –

в воскресенье. На острове же генерал Сахаров постарался предоставить чинам школы весь возможный комфорт.

Учебная инструкторская школа была помещена на Русском острове. Для нее были отведены казармы 36-го Сибирского полка и 3-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка старой армии, находившиеся в глубине бухты Новик, на южном ее берегу. На северном берегу Новика, кажется в казармах 35-го Сибирского стрелкового полка, размещены были гардемарины, переведенные позднее в самый город Владивосток.

Проходящие курс школы были разбиты на три батальона. 1-й батальон был укомплектован офицерами, два других подготовляли унтер-офицеров. В 1-м батальоне в каждой из четырех рот изучались весьма основательно одна из следующих специальностей: в 1-й роте – пулеметное дело, во 2-й роте – саперное дело, в 3-й роте – служба связи, в 4-й роте – автомобильное дело. Командиром 1-го батальона оказался полковник Б.И. Рубец, о котором уже говорилось выше.

Первые две недели прохождения курса были всем очень тяжелы, но постепенно все втянулись, и через месяц налицо была уже разительная перемена: из беспорядочной толпы образовалась стройная воинская часть. Такие результаты появились во всех трех батальонах. После же трех месяцев работы строевая и полевая подготовка унтер-офицерских батальонов, не говоря уже о 1-м – офицерском батальоне, по собственному признанию генерала Сахарова, не оставляла желать ничего лучшего.

Генерал Нокс от имени британской армии преподнес школе подарок: знамя, представляющее собою соединение Русского национального и Андреевского флагов с образом святого Георгия Победоносца и с надписью «За Веру и Спасение Родины». 1 января 1919 года состоялось освящение этого знамени в военной церкви школы и парад.

К февралю 1919 года были уже разработаны все подробности плана разворачивания трех батальонов школы в две стрелковые бригады с оставлением небольшого кадра на Русском острове, долженствовавшего подготовлять укомплектования этим бригадам. Совсем неожиданно Главный штаб и военное министерство перерешили. Отчего и почему – этого генерал Сахаров так никогда и не смог разузнать. Во всяком случае, несколько раз менялись предположения и, наконец, офицеры и унтер-офицеры, прошедшие курс школы, были отправлены на укомплектования трех сибирских дивизий: 12, 13 и 14-й (Омск, Ново-Николаевск и Томск), где они и распылились.

Наладив дело с новым набором в школу офицеров и солдат для прохождения курса, генерал Сахаров в середине марта 1919

года отправился вслед за первым выпуском в Омск.

Здесь нелишне будет рассказать об одном, правда незначительном, но довольно характерном случае. С одной стороны, этот случай ярко характеризует генерала Сахарова – его решительность, а с другой, он не лишен будет впоследствии при разборе почти аналогичного случая с заместителем генерала Сахарова – полковником Плешковым[227].

За время Белой борьбы Владивосток был невероятно переполнен, и всякое вновь появляющееся в городе лицо обречено было или остаться без номера в гостинице, или же платить бешеные деньги за свое более чем скромное помещение.

В январе 1919 года генералу К.В. Сахарову надо было несколько дней пробыть по делам в городе. Он телефонировал с Русского острова коменданту крепости, полковнику Бутенко[228], чтобы для него и его адъютанта были бы освобождены два номера в какой-либо гостинице и чтобы от штаба крепости к приходу был бы прислан офицер с докладом, в какую гостиницу надо ехать генералу Сахарову.

Генерал Сахаров прибыл в город. Так как на пристани не оказалось офицера и вообще штаб крепости никаких распоряжений не сделал относительно гостиницы, то генерал Сахаров с адъютантом и чемоданами въехал в квартиру коменданта крепости, где и провел несколько дней. Такая решительность генерала Сахарова очень многим понравилась, и об этом не мало говорили в городе.

На место генерала Сахарова, ввиду его отъезда, начальником школы был назначен полковник Михаил Плешков. В выдвижении полковника Плешкова на пост начальника школы, вероятно, сыграло то обстоятельство, что последний был из гвардейской кавалерии, да к тому же спортсмен с мировой славой. Назначение полковника Плешкова на пост начальника школы должно считать неудачным, тем более что следующий за ним по старшинству в чине полковника полковник Рубец был совсем немного моложе его в этом чине, по выпуску же из военного училища полковник Рубец был старше полковника Плешкова на целых восемь лет; наконец, и что самое главное, полковник Плешков по характеру своему был мягким, миролюбивым, склонным проводить время в кругу своей семьи, в то время как полковник Рубец был властный, беспокойный, ушедший полностью в борьбу с красными, стремившийся захватить всех работой над усовершенствованием себя.

В первом же выпуске, в числе отлично окончивших школу, был штабс-капитан Нельсон-Гирст. Он был поэтому оставлен при школе с зачислением в постоянный состав школы на должность

младшего офицера 3-й роты.

В дальнейшем 1-й батальон укомплектовывался уже не офицерами, повторяющими курс и восстанавливающими в себе дух и облик офицера старой армии, но молодежью – юнкерами, кои по прохождении четырехмесячного курса должны были выпускаться в воинские части портупей-юнкерами, и здесь, по прошествии двух-трех месяцев, войсковые начальники могли представить их к производству в подпоручики.

В июне 1919 года, когда я прибыл на службу в школу, хотя я много и слышал хорошего о генерале Сахарове, но никогда я и не подозревал, что это тот самый Сахаров, что когда-то учился вместе со мною в Инженерном училище, считался там за юнкера неспокойного нрава, позднее, когда я состоял в Офицерской электротехнической школе, – был слушателем Военной академии. Только много спустя полковник Рубец сказал мне: «Да Вы же, вероятно, хорошо знаете Сахарова по Инженерному училищу?» Только тогда я узнал, кто был основателем и первым начальником школы, в которой мне пришлось служить.

В школе я принял в командование 3-ю роту. Нельсон-Гирст командовал у меня в роте 3-м взводом, и я считал его образцовым офицером. Осенью 1919 года из разговоров с ним я чувствовал, что он начинает разочаровываться в правлении адмирала Колчака, считая адмирала слишком мягким. Взгляд его на школу тоже был такой, что при мягком характере начальника школы, полковника Плешкова, школа постепенно распускается. Он неоднократно говорил: «То ли было при генерале Сахарове – он умел держать в руках школу, а теперь только полковник Рубец пытается держать свой батальон в ежовых рукавицах, но, при наличии мягкого характера начальника школы, это, конечно, удается слабо».

Приблизительно в это же время Нельсон-Гирст налег на изучение английского языка и не скрывал, что остается одно – «покинуть Родину».

Начальник края и опальный генерал

Летом 1919 года белый Уральский фронт стал откатываться на восток. Неудачи на фронте отразились в тылу тем, что цена сибирских денег стала сильно падать. Во Владивостоке, этом основном питательном пункте всей белой Сибири, в связи с неустойчивостью курса сибирских денег, с одной стороны, и с забитостью товарами, с другой стороны, развилась невероятная спекуляция. Товары, которыми был завален Владивосток,

предназначались для Сибири, но провозоспособность Сибирской магистрали далеко не удовлетворяла потребность Сибири и фронта. Спекулянты наживали колоссальные состояния, в то время как правительственные служащие получали крохотные оклады.

Ненормальность положения стала толкать многих правительственных служащих на мелкую спекуляцию и взяточничество. Еще больший развал вносили чехи, занявшиеся распродажей в тылу того, что ими было позахвачено в Поволжье и в Сибири. При таких обстоятельствах для наведения порядка в Приамурье нужна была сильная власть.

Когда пришло известие, что начальником Приамурского края назначен генерал-лейтенант Розанов, незадолго до этого проявивший себя как суровый усмиритель восстаний в Енисейской губернии, то многие владивостокцы, надеясь на установление порядка в крае, обрадовались этому.

Велико, однако, было разочарование, когда определилось, что, по прибытии своем во Владивосток, генерал Розанов себя ничем не проявляет. Даже по отношению к экс-генералу Гайде генералом Розановым никаких мер принято не было. Гайда, прибывший во Владивосток в своем шикарном отдельном поезде, продолжал в нем жить. Этот поезд занял один из запасных путей станции Владивосток. Как известно, Гайда, бывший командующий Сибирской армией, был отстранен от командования и даже лишен всех русских чинов и орденов, после того как аппетиты этого честолюбца перешли границы всего возможного. Однако во Владивостоке он продолжал носить не положенную ему теперь форму и отличия. Вокруг него стали группироваться все элементы, недовольные правлением адмирала Колчака. В эшелоне Гайды имелось несколько русских офицеров, отставленных Верховным Правителем от должности по различным причинам. У него же в эшелоне находили приют и застревали офицеры и солдаты, предназначенные владивостокским воинским начальником к отправке в Омск на главный Сибирский фронт.

Допустимо, что генерал Розанов и предполагал вначале принять те или иные меры против этого отставного и разжалованного генерала, но… Во Владивостоке русские власти в то время уже были стеснены в своих действиях присутствием интервентов – чехов и американцев. И те и другие более сочувствовали русским социалистам, а так как социалисты определенно действовали во вред адмиралу Колчаку, то и деятельность чехов и американцев являлась для нас вредной.

Не имея возможности обезвредить Гайду, разогнав всех его

приверженцев, штаб генерала Розанова все же вел наблюдение за вагонами Гайды и всеми там живущими. В это время во Владивостоке, собственно говоря, не имелось ни одной строевой части, которая могла бы ликвидировать гайдовцев. Это дело можно было поручить лишь военно-учебным заведениям: Учебной инструкторской школе на Русском острове или Морскому училищу[229], возродившемуся здесь из гардемаринских классов (во главе этих классов, позднее Морского училища, стоял капитан 1-го ранга Китицын[230]).

С августа месяца, когда по Владивостоку поползли слухи, что Гайда приехал не зря и что он совместно с Якушевым затевает политическое выступление, офицерам Учебной инструкторской школы становилось все более и более непонятным, почему начальник края, генерал Розанов, терпит такое положение – спокойное проживание Гайды, окруженного подозрительными элементами, продолжающими накапливаться и явно подготовляющимися к выступлению. Невольно закрадывалось подозрение. К контрразведке штаба округа офицеры школы относились с большим недоверием, а потому, с разрешения начальника школы, поручик Суражкевич организовал в школе свою контрразведку.

Поручик Суражкевич взялся проверять слухи о положении и докладывал полковнику Рубцу. Между прочим, я и подавляющее большинство остальных чинов школы считали, что всей контрразведкой школы руководит поручик Суражкевич. В действительности это было не совсем так: поручик Суражкевич был выполнителем предначертаний полковника Рубца, который, как властный человек, руководил деятельностью юного поручика.

Получая доклады поручика Суражкевича о положении, настроении и действиях оппозиционеров в городе, полковник Рубец высказал как-то раз поручику Суражкевичу следующее: «Пусть они там занимаются своей политикой сколько им влезет, но надо полагать, что дело без столкновения не обойдется. Тогда это уже касается нас. А раз так, то срочно узнайте, принимают ли они перебежчиков из правительственных войск, и если да, по просуньте им побольше верных людей, а потом я скажу, что делать».

5 сентября 1919 года начальник школы полковник Плешков получил приказание двинуть во Владивосток полтора батальона школы, так как, по сведениям контрразведки, в ночь с 5 на 6 сентября ожидается выступление Гайды.

Под командой командира 1-го батальона, полковника Рубца, с Русского острова в город были перевезены полностью 1-й батальон и две роты от 3-го батальона. Этот отряд был размещен

на огромном пароходе Добровольного флота «Печенга». Следует отметить, что пароход этот несколько лет уже не совершал плаваний и представлял собою скорее плавучую базу. В каютах 1-го и 2-го класса жило несколько семейств, имевших отношение к Добровольному флоту, так, например, там жил с семьей генерал Манакин[231], бывший губернатор. Юнкерам и стрелкам инструкторской школы были отведены помещения 3-го класса.

Первую ночь мы имели некоторую боевую готовность. Появление в городе полутора батальонов школы заставило, по-видимому, Гайду отложить с выступлением. Второй вечер на «Печенге» прошел совсем мирно: юнкера устроили что-то вроде концерта, воспользовавшись находившимся на корабле пианино; вечер закончился танцами, так как среди обитательниц «Печенги» нашлось несколько девушек и молодых дам, видевших в офицерах и юнкерах скорее кавалеров, чем бойцов. На третий день отряд полковника Рубца вернулся назад на Русский остров. Гайда же по-прежнему продолжал жить в вагонах.

Юнкеру 3-й роты Соколову была поставлена задача: заручившись доверием гайдовцев, войти в их организацию, дабы своевременно информировать школу о всем происходящем в вагонах Гайды.

В своей брошюре полковник Солодовников (гайдовец) пишет, что у них были свои агенты во всех ротах школы и только в 3-й роте не было таковых. Поэтому они с удовольствием приняли к себе Соколова, но вскоре они заподозрили его в двойной игре и убили в одном из своих вагонов. Мы торжественно похоронили Соколова, но недоумевали, почему убийцы его остались ненаказанными. Злоба в школе против гайдовцев нарастала.

Конфликт интервентов с российской властью

В первых числах сентября месяца во Владивостоке произошли следующие события. На перроне Владивостокского вокзала пьяный офицер Конно-Егерского полка (Конно-Егерский полк полковника Врашеля[232]квартировал в Никольске-Уссурийском и считался одной из наиболее надежных частей, упомянутый офицер находился во Владивостоке в кратковременном отпуске) зарубил шашкой солдата-чеха, а через день почти на том же месте пьяный американский солдат ударил по лицу коменданта станции подполковника Шарапова. Шарапов застрелил американца. Две эти смерти вызвали в среде чехов и американцев целую бурю. Взаимоотношения русских и интервентов обострились до крайности.

14 сентября военно-окружной суд вынес постановление по обоим этим делам: офицер Конно-Егерского полка был лишен воинского звания и осужден на десять лет каторжных работ; подполковник Шарапов по суду был оправдан. Такое постановление суда очень не понравилось американцам и чехам. Консульский корпус и войсковые начальники иностранных сил, возбуждаемые чехами и американцами, предъявили генералу Розанову требование о выводе из Владивостока всех русских воинских частей. Вот дословный текст этого предложения:

> «Письмо Председателя Междусоюзной Комиссии генерала Инагаки Командующему русскими войсками Приамурского военного округа, генералу Розанову.
>
> 26 сентября 1919 года № 183.
>
> Мой генерал. За последние дни во Владивостоке последовательно произошло несколько печальных инцидентов. Во время этих инцидентов приходится оплакивать смерть военных – союзных и русских. Междусоюзный Комитет военных представителей считает, что присутствие русских отрядов, недавно присланных во Владивосток и его ближайшие окрестности, является одной из главных причин указанных инцидентов. Ввиду того что эти русские отряды не должны были быть доставлены во Владивосток без разрешения старшего из командующих союзных войск и просьба, уже посланная представителем комитета генералу Розанову, удалить эти войска не была исполнена, комитет принимает следующее решение: к генералу Розанову обратился с просьбой старший из военных командующих союзников, генерал Оой, немедленно удалить за пределы крепости (то есть за Угольную) разные русские отряды, бронированные поезда и проч., доставленные во Владивосток или ближайшие окрестности его за последний месяц, то передвижение должно быть полностью закончено до 12 часов понедельника 29-го сентября. Генералу Розанову будет предложено в будущем не приводить во Владивосток еще другие войска без предварительного запроса старшего командующего союзных войск. Он будет уведомлен последним, что в случае, если генерал Розанов не пойдет навстречу предложению удалить до 12 часов 29-го сентября означенные русские войска, командующие союзными войсками примут все меры, чтобы его принудить, в случае необходимости,

вооруженной силой к выполнению этой меры. Командующий союзными войскам принимает ответственность за обеспечение общественного порядка во Владивостоке. Примите, генерал, уверение в моем совершенном почтении.

С. Инагаки.

Дивизионный генерал, председатель междусоюзной комиссии военных представителей. Пояснение штаба: Требование междусоюзного комитета о выводе русских войск относится к войскам, расположенным на Второй Речке».

Генерал Розанов растерялся и отдал приказ о выводе всех войсковых частей из Владивостока. Не знаю, какое впечатление произвел этот приказ в других частях, но в Учебной инструкторской школе на Русском острове царило настроение враждебное и к интервентам, и к генералу Розанову, рискнувшему приказать русским войскам покинуть коренной русский город Владивосток.

Командир 1-го батальона школы полковник Рубец приказал раздать в роты по 150 патронов на человека. Были также выданы на руки и ручные гранаты. Два имевшихся при школе орудия были поставлены на позицию, и у них назначен дежурный взвод из людей, обученных подполковником артиллерии Алексеевым. Все эти распоряжения не скрывались от британских офицеров – наших сослуживцев по школе, которые вполне разделяли наш взгляд на недопустимость вывода русских войск из Владивостока.

Какие события разыгрались бы во Владивостоке в результате стихийного озлобления русских против иностранцев – гадать не будем. Твердость и решительность Верховного Правителя спасли ситуацию, выведя с честью хозяев страны из тяжелого положения.

Телеграмма Верховного Правителя адмирала Колчака командующему русскими войсками Приамурского военного округа генералу Розанову. «29 сентября 1919 г. № 118. Повелеваю Вам оставить русские войска во Владивостоке и без моего повеления их оттуда не выводить. Интересы государственного спокойствия требуют присутствия во Владивостоке русских войск. Требование о выводе их есть посягательство на суверенные права Российского Правительства. Сообщите союзному командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют. Повелеваю Вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случае, ни перед чем. Об этом моем повелении уведомьте также

союзное командование. Адмирал Колчак».

Представители союзного командования в последний момент признали правильность русской точки зрения. Войска остались во Владивостоке. Этот инцидент произвел глубокое впечатление на все русские противобольшевистские круги и дал повод тревожно задуматься над истинными намерениями союзного командования.

Это событие чуть было не испортило добрых отношений, существовавших между нами и англичанами. В одну из ночей этих тяжелых дней патруль от 4-й роты Учебной инструкторской школы задержал на участке школы пьяного английского сержанта, и, когда сержант отказался исполнить требование начальника патруля следовать на гауптвахту, начальник патруля избил сержанта, вымещая на нем накипевшую злобу против вообще всех интервентов. Дабы не возбуждать еще больше страстей, пришлось этот инцидент замять.

Считали, что создавшееся положение использует со своими приверженцами Гайда. Со дня на день ожидалось его выступление, но он почему-то медлил.

Накануне выступления Гайды

15 ноября, по случаю годовщины организации Добровольческой армии, во Владивостоке состоялся парад. Полной уверенности в том, что во время этого парада не произойдет каких-либо антиправительственных выступлений, у властей не было, а потому чины войсковых частей, прибывших на парад, имели на руках боевые патроны. Однако парад прошел гладко. Вечером того же 15 ноября в Учебной инструкторской школе состоялись проводы английских офицеров, состоявших в течение ряда месяцев при школе и теперь отозванных своим правительством домой.

Утром 16 ноября по школе пролетела весть, что в только что истекшую ночь учебная команда и 2-я рота Крепостного артиллерийского батальона исчезли с Русского острова – были украдены гайдовцами. После этого остальные роты батальона по приказу начальника Русско-островного гарнизона, полковника Плешкова, тотчас же были разоружены 11-й ротой школы.

Здесь можно указать, что Крепостной артиллерийский батальон был укомплектован преимущественно чинами, всячески ловчившимися от боевых фронтов. Поэтому самозваному капитану Троецкому (в действительности он был прапорщиком запаса) совместно с какими-то типами, одетыми в форму

офицеров чехословацких войск, удалось увести вышеуказанную 2-ю роту школы и по дороге прихватить учебную команду. Кроме того, выяснилось, что и от склада с винтовками и патронами бесследно исчез караул в полном составе, а самый склад оказался дочиста разграбленным.

16 ноября, в воскресенье, только что были уволены юнкера в отпуск, как в школе было получено известие, что в городе не все спокойно, а потому туда вызываются полтора батальона школы.

К отправке в город полковник Плешков приказал приготовиться трем ротам 1-го батальона (4-я рота в поход назначена не была, так как она была только что укомплектована новым составом, курса стрельбы еще не проходившим, 3-я рота также далеко еще не закончила курса стрельбы) и двум ротам 3-го батальона. Этот отряд по только что указанной причине (нахождение в отпуску ряда юнкеров) оказался очень малочисленным – нас набралось всего 280 юнкеров и стрелков при 26 офицерах и 6 пулеметах.

Пароходы, долженствовавшие доставить отряд школы в город, почему-то запоздали, и наш отряд прибыл во Владивосток перед наступлением сумерек 16 ноября. Нас опять разместили на «Печенге» несмотря на то, что полковником Рубцом был уже сделан подробный доклад о преступности размещения на «Печенге» войск, вызванных на случай беспорядков. Нужно сказать, что «Печенга» соединялась с берегом шатким десятисаженным мостиком, размещенным на каких-то плавучих понтонах. Самый выход с корабля по длинному железному трапу был также крайне неудобен, и при выходе батальона повстанцы с берега могли бы всех нас по одному расстрелять. В общем, размещение войск на «Печенге» равносильно было загону их в ловушку.

Такая обстановка понудила полковника Рубца приказать командиру 2-й роты выставить сторожевое охранение на берегу. Сам же полковник, вызванный комендантом крепости, полковником Томилко, пошел в штаб крепости, оставив меня за старшего. Вместе с полковником в штаб крепости ушли адъютант 1-го батальона, поручик Суражкевич, и горнист.

С вечерним поездом группа юнкеров 1-го Артиллерийского училища[233]возвращалась после короткого воскресного отпуска из Владивостока домой – в Раздольное. Было около 10 часов вечера, когда, миновав Седанку и 18-ю версту, поезд подошел к ст. Океанская. Здесь покой дремавшей публики был неожиданно нарушен несколькими пробежавшими по вагонам офицерами, вызывавшими всех военных выйти из вагонов на станцию. Через несколько минут все юнкера 1-го Артиллерийского училища, а

было их всего примерно человек пятнадцать, и несколько офицеров и солдат различных частей собрались в маленьком зальце 1-го класса.

Два-три офицера кавказского типа и один офицер в форме батальона морских стрелков, без шапки и оружия, быстро и взволнованно объяснили вышедшим из поезда о том, что всего каких-нибудь полили три четверти часа назад батальон морских стрелков, расквартированный в казармах на Черной Речке (что всего в двух-трех верстах от ст. Океанская), вышел из повиновения своим офицерам. Дежурный офицер, вошедший в казарму, убит. Что случилось с другими офицерами и их семьями, никто не знал. Во всяком случае, их постигла, видимо, та же судьба, что и дежурного офицера. Возможно, что кое-кто бежал из своих квартир и сейчас скрывается где-либо в сопках. Возможно, что кое-кто забаррикадировался в своих квартирах и еще отбивается от взбунтовавшейся солдатни…

Выслушав весь этот доклад, подпоручик Любарский передал всех юнкеров своего училища кавказскому офицеру, принадлежавшему к чинам отряда полковника Патейшвилли, а сам, в сопровождении одного юнкера, решил следовать с поездом дальше, дабы доложить об обстановке начальнику училища.

Поезд ушел. Новообразованный отряд, не имевший на своих руках никакого оружия, кроме холодного, протоптался на ст. Океанская минут 20–30, пока «кавказские люди» не притащили откуда-то потребного числа винтовок. Но какие это были винтовки! Трехлинеек – ни одной. Вместо них имелись берданы, японские и какие-то совсем доисторические «мексиканские» карабины. Вооружившись, отряд выступил со станции. По узкой улочке, между дач, он поднимался в горы. Вот первая большая поперечная улица. Отряд свернул вправо. Его вел один из офицеров-кавказцев. По его словам, на той улице, у какой-то лавки, отряд должен был соединиться с отрядом конного дивизиона полковника Патейшвилли, двигающимся со стороны 18-й версты.

Стараясь возможно меньше производить шума, отряд следует по большой улице вправо. Луны нет, ее закрывают облака. Вдруг, чу! За горой, на востоке, слышен шум двигающейся колонны. Это они – взбунтовавшиеся стрелки. Слышен топот ног, говор людей, позвякивание походной кухни и шум повозок. Куда они идут? Отряд правительственных воинов на минуту застыл на месте, но кавказец-офицер вполголоса говорит: «Они далеко, это только эхо в горах». И снова движение, быстрое и возможно бесшумное. На углу, у лавки, соединились с всадниками полковника Патейшвилли. Их как будто совсем мало, да, кроме того, все они

пешие.

По тропе, в крутую гору, среди леса, шел правительственный отряд навстречу мятежникам, шум колонны которых становился все явственнее… У бойцов напрягаются нервы: в незнакомой местности, под командой неизвестных офицеров, с допотопными винтовками, с которыми не знаешь, как даже обращаться. Но вот шум колонны вдруг почему-то стал более глух. С каждой минутой он становился все менее ясным. Почему? В чем дело? Кавказец разъясняет: «Они свернули на дорогу, ведущую сопками ко Второй Речке. Теперь их не догонишь». Некоторое разочарование закрадывается в душу, но так же, как и раньше, шагаешь неутомимо вперед: скорей дойти до казарм, скорей узнать, что случилось с несчастными офицерами батальона и их семьями…

Дорога ведет теперь уже вниз. Отряд останавливается, разбивается на несколько групп, и они, теперь уже медленно, спускаются к казармам батальона с разных сторон: может быть, кое-кто из мятежников там еще и остался? На тропе фигура в офицерском пальто мирного времени. За ним другая и две-три женщины. Первый из них – штаб-офицер, далеко не молодой. Он взволнован, подавлен и вместе с тем радостен, что правительственный отряд прибыл на выручку их…

Полковник в полном здоровье и его спутники, также, видимо, не пострадавшие от мятежников, вызывают некоторую «неувязку» в умах чинов правительственного отряда. Вопросы, ответы… И что же выясняется: да, батальон взбунтовался, дежурный офицер чуть-чуть не был убит, но, слава Богу, все обошлось без крови: бунтовщики не тронули своих офицеров, не ограбили ни квартир, ни цейхгаузов. Свои собственные фельдфебели, унтер-офицеры и какие-то люди с бело-зелеными ленточками держали бунтовщиков в полном порядке. Быстро собравшись, построившись, погрузив нужное оружие, огнеприпасы и обмундирование, они в порядке покинули казармы, уйдя неизвестно куда и силой прихватив с собой одного из офицеров батальона (чуть ли не дежурного по батальону), дабы воспользоваться им как специалистом…

Дозорами пройден весь район казарм. Никого из мятежников нет, они все ушли. Все офицеры и их семьи целехоньки. Выставлены посты, остальные собрались в офицерском собрании батальона и, обмениваясь своими догадками и разгадками о странном поведении мятежников, не сорвавших с себя даже погон, их целях и задачах, мирно чаевали в обществе нескольких офицеров ушедшего батальона и членов их семейств… Поздно ночью, часа в два или три, в расположение казарм на Черной Речке прибыла броневая машина – она была послана навстречу

мятежникам, но разъехалась с ними, двигаясь не той дорогой, по коей ушел взбунтовавшийся батальон.

Прибыв в штаб крепости, полковник Рубец заявил коменданту крепости, полковнику Томилко, на недопустимость пребывания отряда на «Печенге». Полковник Томилко вполне согласился с доводами полковника Рубца и приказал перевести отряд с «Печенги» в здания штаба крепости, окружного суда и на вокзал. Все эти три здания находятся на разных сторонах вокзальной площади. Кроме того, одна рота должна была занять здание штаба округа (на Алеутской улице в расстоянии 5–6 минут ходьбы от вокзала).

Полковник Томилко передал в распоряжение полковника Рубца следующие части: 1) полуроту 35-го стрелкового полка при офицере, 2) батальон егерей (капитан Пономарев) – личная охрана начальника края, генерала Розанова, 3) взвод русских легионеров, недавно прибывших из Франции, 4) броневой поезд «Калмыковец». Казалось бы – войск достаточно для разгрома бунтовщиков, но когда полковник Рубец обратился к находившимся тут же начальникам, то выяснилось: 1) Командир полуроты 35-го полка указал, что его люди измотались, и поэтому он на них не надеется. 2) Капитан Пономарев заявил, что положиться можно только на 1-ю роту. Остальные роты не надежны, да и на 1-ю роту он не вполне надеется. 3) Командир «Калмыковца» ответил, что у него 60 бойцов, но так как поезд находится в тупике и за гайдовскими вагонами, то положение его тяжелое. Гайдовцы ему объявили, что если его люди будут участвовать в борьбе против них, то все они будут ими, гайдовцами, истреблены. Все же этот офицер обещал, выйдя из затруднительного положения, помочь полковнику Рубцу. Начальник бронепоезда произвел очень хорошее впечатление на полковника Рубца и во время боя вполне оправдал его предчувствие, несмотря на то что гайдовцы свели его броневой поезд с рельс. 4) Из легионеров в штабе крепости никого не было, и только перед окончанием боя начальник легионеров – штабс-капитан (ныне полковник) Ханков, явился со своими 38 бойцами к полковнику Рубцу.

После вышеуказанных заявлений полковник Рубец решил, что рассчитывать он может только на своих «школьников», но прежде всего ему надо было изъять свой отряд из западни. Полковник Рубец послал ко мне поручика Суржанского с горнистом, передавая через них приказание о выводе отряда в район вокзальной площади, решив встретить нас у вокзала.

Время до подхода школы Рубец потратил на выяснение всей обстановки через полковника Томилко и находившегося тут же

его начальника штаба – подполковника Кононова. Полковник Рубец узнал, что: 1) расквартированный на Черной Речке (близ станции Океанская) батальон морских стрелков вышел из повиновения офицеров. Один из офицеров там был убит солдатами. Этот батальон намеревается идти в город на помощь к гайдовцам, но 2) против этого батальона из города выслан броневой автомобиль; 3) по некоторым данным, среди гайдовцев находятся артиллеристы, уведенные накануне с Русского острова;

4) есть данные, что днем 17 ноября к гайдовцам присоединятся портовые рабочие, рабочие Дальневосточного казенного завода и грузчики – краса и гордость владивостокского пролетариата; 5) союзом моряков торгового флота на митинге, состоявшемся 16 ноября, была вынесена резолюция о неподдержке Верховного Правителя и всяческом содействии Гайде и эсерам. С этим союзом моряков все время поддерживают тесную связь чины крепостной флотилии, а потому надеяться на нее нельзя; 6) кроме того, не вполне надежны следующие войсковые части: местный батальон (на Русском острове), основная железнодорожная база (около 200–300 штыков) и автомобильная команда (бронемашина, ходившая навстречу морским стрелкам, как раз была из этой команды); 7) таким образом, полагаться вполне во Владивостоке можно только на Учебную инструкторскую школу и на гардемаринов Морского училища; 8) отношение к нам чехов и американцев подозрительное; остальные же интервенты подтвердили, что кто первый начнет военные действия, тот будет разоружен.

Только что ушел с «Печенги» полковник Рубец, как командир 2-й роты, капитан Волкович, донес мне, что его сторожевые посты вошли в соприкосновение с постами гайдовцев, что гайдовцы передают пачки своих воззваний юнкерам, в вагонах гайдовцев заметно движение, а на путях они установили против нас пулеметы. Прибыл поручик Суражкевич и доложил, что полковник Рубец требует немедленно покинуть «Печенгу», но… В это время мы со всех сторон были уже окружены гайдовцами.

Зная требование начальства «ни в коем случае не ввязываться в бой первыми», я был в нерешительности, как поступить. Приказал штабс-капитану Щедринскому попробовать со взводом пройти через двор Добровольного флота, но штабс-капитан Щедринский был остановлен гайдовцами и вернулся назад.

Суражкевич упорно настаивал, чтобы с бою пробраться к вокзалу. Юнкер 3-й роты Шнейдер заявил, что он переоденется в костюм кочегара и доставит коменданту крепости доклад о создавшемся положении. До выполнения этого я, по совету управляющего Добровольным флотом господина Кузьменко,

сделал попытку захватить пароход «Диомид», чтоб на нем перевезти постепенно наш отряд. Попытка эта не увенчалась успехом.

В это время мы увидели, что к нам подходит полковник Рубец, который, не дождавшись нас у вокзала, удачно прошел через посты гайдовцев, выдав себя за одного из постоянных жителей «Печенги». Часа через полтора Шнейдер возвратился из штаба и доложил, что в 2 часа ночи за нами прибудут пароходы.

По прибытии к нам катеров «Стрелок» и «Форт» мы, возможно тихо, погрузились, сняли в последний момент сторожевое охранение и без отличительных огней отошли в глубь бухты Золотой Рог. «Стрелок» и «Форт» пристали у Клубной пристани. Быстро поднявшись по крутому откосу, отряд Учебной инструкторской школы выбрался на главную улицу – Светланскую.

Мерно отбивая шаг, школа шла по мертвому городу: ни прохожих, ни проезжих. На Светланке много валялось прокламаций гайдовцев, призывающих свергнуть иго «колчаковцев». На пути к вокзалу 2-я рота отделилась для занятия штаба округа. По прибытии на вокзальную площадь полковник Рубец приказал: 1) 3-й роте (подполковник Хартлинг), с двумя пулеметами 1-й роты, занять штаб крепости, 2) 9-й роте (капитан Зайченко), с тремя пулеметами 1-й роты, занять вокзал, 3) 10-й роте (штабс-капитан Швейниц), с одним пулеметом 1-й роты, занять окружной суд.

По распределению своих рот приблизительно, около 5 часов утра 17 ноября полковник Рубец имел последний разговор с комендантом крепости – полковником Томилко.

На стр. 13 своих записок полковник Рубец пишет: «С этого момента я не получал никаких распоряжений и указаний от кого-либо из чинов штаба Крепости и штаба Округа, вплоть до атаки вокзала. По телефону я не мог добиться узнать местопребывание генерала Розанова, его начальника штаба и Коменданта Крепости. Все мои письменные донесения остались без ответа. Моя личная явка в штаб для доклада тоже осталась без результата, так как местопребывание указанных лиц никто не мог сообщить».

Между тем события в день 17 ноября развивались с невероятной быстротой, и, понятно, в такое время высшая военная власть в городе должна была бы поддерживать непрерывную связь с лицом, которому подчинены были все правительственные войсковые части, действовавшие против мятежников на важнейшем участке.

Интересно было бы выяснить, что происходило в это время в штабе округа? Ведь за два дня до описываемых событий

начальником штаба округа был полковник Сыромятников. В ночь же с 17 на 18 ноября, часа через два-три после того, как наши 9-я и 10-я роты под давлением гайдовцев покинули вокзал и мы готовились сделать контратаку, вдруг неожиданно зазвонил телефон. Я подошел к телефону вместо полковника Рубца, так как последний находился в это время в цепи стрелков 9-й и 10-й рот. Я отлично помню, и так занесено мною в моих записках – звонил Генерального штаба подполковник Смирнов, заявив, что он начальник штаба округа. Полковник Рубец в своих записках назвал звонившего полковником Сыромятниковым, но я уверен, что это ошибка (я не мог спутать полковника Сыромятникова с подполковником Смирновым, так как первого я никогда не видел и с ним никогда не разговаривал, подполковник же Смирнов – мой соратник по «Гродековскому Противобольшевистскому Фронту» 1918 года, там он был начальником штаба в отряде генерал-майора Маковкина[234], я же объединял там все инженерные войска) и что в это время начальником штаба округа полковник Сыромятников не был. Моя уверенность основывается еще на том, что под конец боя (18 ноября) я встретил у вокзала генерал-лейтенанта барона Будберга[235], которого я хорошо знал по службе во Владивостоке еще до начала Великой войны. Мы разговорились, и барон мне сообщил, что ему вчера (то есть 17 ноября) предлагали пост начальника штаба округа, но что он от него отказался. Таким образом, получается, что 17 ноября, то есть в самый критический момент, начальника штаба округа вообще не существовало.

А где был в это время генерал Розанов? По некоторым сведениям, со своим штабом генерал Розанов находился в эшелоне не то на Первой, не то на Второй Речке, откуда и руководил подавлением мятежа. По этим же сведениям, при Розанове находились бронепоезда и кое-какие надежные части. Насколько это показание соответствует действительности – проверить мне не удалось.

Первый день мятежа

С раннего утра 17 ноября чины нашей школы стали доставлять в штаб крепости, где расположился полковник Рубец, солдат, праздно шатавшихся по городу. Многие из них были вооружены винтовками при большом количестве патронов.

Один из офицеров штаба крепости предложил обыскать всех задержанных, затем под конвоем отправить их в штаб округа. Этот же офицер, взяв лист бумаги, стал записывать фамилии

арестованных с помет-кою, сколько денег было у кого отобрано. К великому нашему удивлению, на руках у этих нижних чинов оказывались довольно-таки порядочные суммы.

Вскоре после того, как я отправил партию задержанных человек в двадцать в штаб округа, они были возвращены мне оттуда обратно с ссылкой на то, что не было никаких распоряжений на пересылку арестованных в штаб округа. Полковник Рубец тут вспылил; он не мог добиться, где в настоящее время обретаются комендант крепости и начальник края, а между тем у полковника Рубца возникла масса вопросов, которые он сам не считал возможным разрешить. Полковник Рубец приказал мне вновь отправить партию задержанных в штаб округа и добавил, что он сам пойдет в штаб, чтобы лично повидать генерала Розанова.

Только ушел полковник Рубец, как капитан Зайченко донес мне, что вдоль железнодорожного пути и по Нижней Портовой улице в беспорядке идут морские стрелки и на подводах везут винтовки, пулеметы и патроны. Капитан Зайченко просил меня разрешить ему преградить путь морским стрелкам и не допустить их к гайдовцам. Я ему ответил, что если он найдет какую-либо уловку, чтобы не допустить морских стрелков к гайдовцам, то было бы очень хорошо, но нам строжайше запрещено первыми начинать действовать оружием.

Полковник Рубец в своих записках пишет, что с вокзала он сам наблюдал шествие морских стрелков. Очевидно, это шествие совпало с тем временем, когда он направлялся в штаб округа и, отвлеченный морскими стрелками, зашел на вокзал. Вскоре с виадука можно было наблюдать, как гайдовцы разбирали с подвод винтовки и патроны.

Незадолго до обеденного времени выяснилось, что гайдовцы захватили «Печенгу», «Свирь» и другие суда, стоявшие у причалов Добровольного флота. Вместе с «Печенгой» в их руки попали наши походные кухни и штабс-капитан Скороходов (командир 1-го взвода моей роты, заведовавший кухнями). Вместо обеда все чины школы получили по сибирской сторублевке. Но что можно было купить на эту сторублевку близ вокзала? Многие юнкера моей роты просили меня оставить при мне эти деньги.

Около 2 часов дня я получил приказание остановить движение частной публики по вокзальной площади и преградить движение по Алеутской улице в сторону Эгершельда. Меры эти предприняты были с целью не допустить рабочих военного порта Дальневосточного казенного завода соединиться с гайдовцами. Я вызвал из здания штаба крепости первый взвод и прервал движение. Кто-то из юнкеров преподнес мне огромную краюху

хлеба. Последний раз я ел на Русском острове, и потому я с аппетитом жевал хлеб и одновременно объяснялся с протестующей публикой, задержанной моей ротой.

Ровно в 2 часа дня со стороны гайдовцев раздались три отдельных выстрела, и сразу с обеих сторон началась ружейная стрельба и застрочили пулеметы… Из подъезда штаба крепости пробежал с мешком гранат подпоручик Игначак со своими бомбометчиками. С виадука они стали швырять гранаты в поезда с гайдовцами, подходившие в это время под виадук – к вокзалу.

Одним из первых выстрелов был убит юнкер-пулеметчик. Его сменил поручик Антохин, в свою очередь раненный в голову, и, хотя по его щеке текли струи крови, он спокойно продолжал стрелять из пулемета. Кровь мешала ему целиться, он отряхивал ее пальцами и вновь стрелял. К нему подбежал полковник Рубец, приказал ему уйти перевязаться. Антохин приказания полковника Рубца не исполнил и продолжал отстреливаться, пока не ослабел от потери крови. В это время он был уж ранен дважды. Мужество поручика Антохина в самом начале боя и на виду у всех произвело отличное впечатление на юнкеров. 2-й и 3-й взводы моей роты выбили стекла в окнах штаба крепости и открыли стрельбу по товарному двору и по подступам гайдовцев.

Я с 1-м взводом отстреливался от гайдовцев, наступавших по Алеутской со стороны казармы, занятой американцами. Эти гайдовцы залегли на возвышении, что было против гарнизонного собрания, и дальше им продвинуться не удалось. Они нас осыпали градом пуль, но потерь, даже ранеными, у нас не было. Юнкер Шлыков, лежавший близ меня на мостовой, один из первых открывший стрельбу, пятью первыми патронами уложил на месте четырех гайдовцев. Это также подняло настроение юнкеров.

Стрельба слышна была положительно со всех сторон, и надо полагать, что не случайно начался бой, а точно было назначено время и к этому сроку (2 часа) гайдовцы заняли исходное положение.

Пробежала вдоль переднего фасада штаба крепости рота японцев. Офицер-японец подбежал ко мне и спросил: кто с кем перестреливается: русские с чехами или русские с русскими? Я ответил: «Рус-Рус» и выразительно показал руками. Японец кивнул, улыбнулся, сказал: «Холосё, холосё» и побежал за своей ротой в сторону Эгершельда.

Здесь считаю нужным высказать свой взгляд на создавшееся положение. В 2 часа дня, когда началась перестрелка между нами и гайдовцами, японцы решили ограничить район боевых действий и отрезали нас от всего города, окружив нас и мятежников

своими войсками. В данном случае японцы преследовали одну вполне определенную задачу: не допустить столкновений в самом городе. Получился же такой курьез: гайдовцы уверяли, что японцы помогали нам; мы же проклинали японцев, так как считали, что наш малочисленный отряд предоставили на истребление гайдовцам, которых, после присоединения к ним батальона морских стрелков, набралось до 2000 человек.

Очевидцы рассказывают, что, когда у вокзала началась пальба, отряд американских войск был направлен туда. На нескольких грузовиках ехали американцы к месту боя. Стоя на своих грузовиках, они размахивали карабинами и кричали «коман», «коман»… Что у них произошло, неизвестно, но через несколько минут после того, как они попали в сферу огня, они летели на своих грузовиках назад по Светланке, направляясь в сторону Гнилого Угла. Этим эпизодом и закончилась вся «боевая» работа американских войск в дни гайдовского восстания.

Их ближайшие друзья чехи выглядели несколько иначе: все они были озабочены и серьезно-деловиты. В полной боевой готовности они держались в кулаке, будучи сосредоточены у штаба чехо-войск (бывший дом губернатора на Светланке).

По этим же сведениям, исключительно красочную картину представляли собой гардемарины, когда они тесным строем, в своих черных шинелях с белыми погонами, с развернутым знаменем, под огнем противника шли по Алеутской, направляясь в район вокзала.

Начался дождь. Я увел взвод в подъезд штаба крепости, оставив пару юнкеров перед подъездом в сточной канаве. Они из этой канавы стреляли по всем двигающимся с запада по Алеутской, а мы были готовы во всякую минуту их поддержать. Перед сумерками ко мне подбежал с вокзала полковник Рубец и сказал, что он решил вокзал оставить. 9-я и 10-я роты отойдут в здание окружного суда.

«А кто это у вас там из сточной канавы палит? – указал он мне на юнкера. – Он же весь промок, смените его другим». Я ответил, что это юнкер Дымченко, но он упорно отказывается от смены. (Этот юнкер Дымченко позднее, во время атаки вокзала на рассвете 18 ноября, первым вбежал на вокзал со стороны почтового отделения и был убит.)

С наступлением сумерек 9-я и 10-я роты оставили вокзал. Восторженный крик «Ура!» со стороны вокзала дал нам знать, что наши враги захватили оставленный нами вокзал. Я был одним из немногих, знавших, что никто из высшего начальства нами не интересуется – связи у полковника Рубца со штабом округа все еще не было. Поэтому в эти минуты мое настроение было крайне

подавлено. Полковник Рубец был также молчалив и угрюм. Под проливным дождем он выбежал из подъезда штаба крепости, сказав мне, что хочет в окружном суде повидать 9-ю и 10-ю роты и узнать, каково настроение стрелков.

Когда полковник Рубец вновь вернулся ко нам, то сказал, что на рассвете он решил атаковать вокзал и он настоит на том, чтоб в его распоряжение была дана хотя бы одна пушка. «Достаточно по вокзалу дать хоть пару выстрелов, чтобы подавить настроение мятежников», – добавил он.

Не помню, в котором приблизительно часу, но вдруг зазвонил телефон из штаба округа. Наконец-то! Подполковник Смирнов вызывал к телефону полковника Рубца. Так как полковник Рубец был среди стрелков 9-й и 10-й рот, то к телефону подошел я. Подполковник Смирнов, исправлявший в это время обязанности начальника штаба округа, хотел лично говорить с полковником Рубцом, но до прихода последнего он сообщил мне, что генерал Розанов крайне недоволен тем, что вокзал нами оставлен, тем более что штабу округа достоверно известно, что в настоящее время вокзал никем не занят. На это я возразил подполковнику Смирнову, что, вероятно, он слышит в телефон перестрелку: это идет перестрелка между нами и мятежниками, держащими передний фасад штаба крепости под ружейным и пулеметным огнем. На это подполковник Смирнов ответил, что в штаб округа только что прибыл ротмистр Х. и так как он всего несколько минут тому назад был на вокзале, то приходится верить ему, что вокзал не занят мятежниками. В это время подошел только что вернувшийся из цепей полковник Рубец, и я передал ему трубку.

Подполковник Смирнов не поверил и полковнику Рубцу, что вокзал занят гайдовцами. Подполковник Смирнов угрожал полковнику Рубцу и мне, что оба мы будем отставлены и командовать нашим отрядом будет вышеупомянутый ротмистр. Далее с полковником Рубцом говорил по телефону генерал Розанов. Он требовал вновь занять вокзал.

Для проверки того, что вокзал действительно занят противником, из штаба округа и нам был прислан артиллерийский офицер, который храбро пошел к вокзалу, но был схвачен мятежниками и тотчас же расстрелян (этот эпизод мне не был известен. Узнал об этом из записок полковника Рубца, может быть, это и был штабс-капитан Рейман?). Затем появился в нетрезвом виде офицер, назвавший себя личным ординарцем генерала Розанова. По его словам, он послан был из штаба, чтобы лично на месте убедиться в правильности донесений полковника Рубца.

На странице 23-й своих записок полковник Рубец так пишет

об этом ординарце: «После нескольких, пущенных с вокзала пуль он удостоверился и на мое предложение подойти поближе отказался и быстро скрылся. Все это было оскорбительно и обидно. К этому же времени в штаб Крепости явился подполковник Кононов и сообщил мне, что он назначен ко мне начальником штаба. Странно: 280 юнкеров и при них… начальник штаба! Но где же подчиненные мне комендантом крепости остальные части? Правда, полурота 35-го полка была здесь, но командир Егерского батальона так и не мог попасть к своей части, просидев в штабе до конца. Где была его часть – я до сих пор так и не знаю, да и не интересовался ею после заявления самого командира, что она ненадежна. Броневик «Калмыковец» со своей командой был изолирован, но бравый офицер прибыл ко мне для получения приказаний. В дальнейшем эти молодцы принесли существенную пользу своими действиями».

В пояснение этих строк из записок полковника Рубца считаю нужным добавить: в то время как капитан Пономарев был в штабе крепости, его батальон был по ту сторону японского кордона (кажется, на одной из Морских улиц (не смешивать с Матросскими улицами, находившимися на противоположном конце города). Лично мне капитан Пономарев сказал, что он хотел пройти к своему батальону, но японцы его не пустили. Слышал я от офицеров контрразведки, что и их с удостоверениями от штаба округа неохотно пропускали японцы, преградив на улице сообщение между штабом округа и нами. Задержали также японцы и полуроту нашей 2-й роты, шедшую из штаба округа к нам, и только вмешательство подполковника Кононова дало возможность этой полуроте вовремя присоединиться к нам. Во всяком случае, и полковник Рубец, и я подозрительно посматривали на сидевшего в бездействии на диване командира Егерского батальона капитана Пономарева: мы предполагали, что капитан Пономарев ждет, на чьей стороне будет перевес, и к той стороне он и присоединится со своим батальоном. Численный состав этого батальона мне известен не был.

Ночью, уже перед самым рассветом, незадолго до атаки вокзала, полковник Рубец узнал, что с Русского острова прибыл 2-й батальон школы. Этот батальон, совместно с гардемаринами Морского училища, занял боевой участок восточнее отряда полковника Рубца. Объединены они были командой полковника Добровольского (командир 2-го батальона УИШ). Штаб округа и ему прислал начальника штаба – подполковника Топоркова.

Подполковник Кононов, по своем прибытии в штаб крепости, доложил полковнику Рубцу, что он – полковник Рубец –

назначается командующим всеми правительственными войсковыми частями, назначенными на подавление мятежа. Ночью же к полковнику Рубцу прибыло одно орудие под командой штабс-капитана Реймана (убит перед атакой вокзала). Получить это орудие полковнику Рубцу стоило больших хлопот и трудов.

Разгром мятежников

Атака вокзала по первоначальному плану полковника Рубца была такова. Боевая часть: 9-я и 10-я роты Учебной инструкторской школы. Резерв: 3-я и 1-я роты Учебной инструкторской школы. Перед атакой орудие должно было выпустить шесть снарядов и в то же время на десять минут должен был открыться пулеметный огонь. Затем атака. Я был назначен начальником резерва и заместителем полковника Рубца, так как в это время нам еще не было известно о нахождении в городе отряда полковника Добровольского.

Мы вполне были готовы к атаке, как вдруг зазвонил звонок и из штаба крепости нам было приказано повременить с атакой: по сообщению начальника международной полиции, майора Джонсона, на вокзале находились люди, к восстанию непричастные.

Стоя в дверях штаба крепости, я наблюдал, как к вокзалу подъехали автомобили. Было темно, и нельзя было разобрать, что там, у вокзала, делалось. Во всяком случае, майор Джонсон оказал своим единомышленникам (он был русским эмигрантом времен первой революции и, по принятии американского гражданства, превратился в Джонсона) скверную услугу, ибо когда нам пришлось расправляться с противником, во много раз численно нас превышавшим, то многие наши бойцы особой пощады врагу не давали, рассуждая, что благодаря Джонсону на вокзале остались лишь люди, активно примкнувшие к мятежникам.

После отъезда Джонсона на вокзальной площади появился броневой автомобиль, сделал несколько выстрелов из пулемета и скрылся. Это была провокационная выходка штабс-капитана Чунихина и прапорщика Андреева. Чунихин должен был накануне задержать движение морских стрелков, шедших со станции Океанская к гайдовцам. Он этого не сделал, доложив, что его бронеавтомобиль неисправен. Теперь же он вновь не выполнил приказания – вступить в распоряжение полковника Рубца, так как, по его словам, его пулемет «заело».

Перед самой атакой вокзала полковник Рубец приказал усилить правый фланг цепи. Я выслал для этого полуроту 2-й роты, недавно прибывшую из штаба округа, и третий взвод (штабс-капитан Нельсон-Гирст) моей роты.

Стрелки 9-й и 10-й рот от долгого лежания на мостовой под дождем промокли и закоченели. Помню, штабс-капитану

Швейницу не легко было поднять свою цепь для атаки. В это время из моего резерва с гранатами в руках выскочил юнкер Слепухин, неистово завопил «Ура!»… В своем порыве он увлек мой 3-й взвод. Кое-кто выбежал из моего резерва, промелькнула фигура штабс-капитана Трофименко с полуротой 2-й роты, заодно поднялись 9-я и 10-я роты…

2-я, 10-я и 9-я роты бросились к главному подъезду вокзала. 4-й взвод моей роты побежал к малому виадуку (где находилась почтовая контора). Часть верхнего этажа вокзала немедленно перешла в наши руки. (Владивостокский вокзал двухэтажный. Второй этаж находится на высоте Алеутской улицы и вокзальной площади, все же железнодорожные пути расположены внизу – на высоте Нижней Портовой улицы и нижнего этажа вокзала.)

Ко мне подбежал полковник Рубец и сказал: «Назначаю Вас начальником боевого участка «Вокзал» – очищайте его от мятежников. Я бегу вправо, хочу распространиться по путям в направлении Эгершельда. Молодцы калмыковцы – вовремя подержали»…

Действительно, в момент, когда орудие начало стрелять, калмыковцы взяли под обстрел гайдовский поезд. Кроме того, какой-то миноносец поддержал нас огнем со стороны бухты Золотой Рог. Зато японский крейсер, освещая своим прожектором вокзал и здание штаба крепости, не только слепил, но и ставил нас под обстрел гайдовцев. 2-й батальон Учебной инструкторской школы и гардемарины в этот момент находились в районе городского сада. Когда под нашим натиском толпы мятежников, ища спасения, кинулись по Нижней Портовой улице, гардемарины встретили их стрельбой пачками. Под вечер 18 ноября я видел груду тел на Нижней Портовой – результат работы гардемарин.

Получив приказание от полковника Рубца, я с оставшимися при мне шестью юнкерами 1-го взвода побежал к главному подъезду вокзала. Кое-где горели огарки стеариновых свечей, и при их свете я увидел капитана Морозова, прикладом винтовки выбивавшего филенки двери в уборную 1-го класса. Капитанам Зайченко и Швейницу я сказал, что прежде всего займемся очисткой всего верхнего этажа вокзала, предложил им идти на соединение с 3-й ротой, находившейся у малого, правого подъезда. Собрав юнкеров 3-й роты, я с ними выбежал через главный подъезд с вокзала и бросился к почтовому отделению. Тут был мой 3-й взвод. Мы двинулись было по главному виадуку, но он был под сильным обстрелом мятежников. Пришлось задержаться и затем соединиться со Швейницем, то есть выбить дверь в коридор, идущий к главному зданию.

Вот выписка из «Описания военных действий чинов 3-й роты УИШ.», представленная мною начальству после возвращения нашего отряда на Русский остров: «Часть людей взвода (3-го) бросилась дальше по длинному виадуку, но там попала под пулеметный огонь и понесла следующие потери: юнкер Дымченко – убит, взводный портупей-юнкер Дьяченко – смертельно ранен, подпоручик Игначак, чиновник военного времени Мальберг и юнкер Яковлев – все трое ранены в левые ноги (двум последним ноги отняты по колено), юнкера Радецкий-Микулич и Ломакин – легко ранены и остались в строю»…

Во время атаки вокзала люди взводов по собственной инициативе выбегали из штаба крепости для бросания бомб (юнкера Гущин и Смирнов), оказания помощи стонавшим в темноте раненым, пять юнкеров бросились на пулемет, стоявший на подъезде вокзала, и захватили его (Панов, Маевский, Гущин, Захарьин, Нейерди). Юнкер Яблонский с юнкерами 2-й роты в зале 3-го класса захватил пулемет.

После подавления восстания во Владивостоке много говорили, что во время атаки нами вокзала нам содействовал японский пулемет, поставленный на Тигровой горе. Об этом даже упоминается в официальном докладе Крашенинникова. Я категорически отрицаю это и полагаю, что такое мнение получилось в результате следующего обстоятельства: перед началом атаки полковник Рубец приказал один пулемет установить на крыше окружного суда. Во исполнение этого приказания юнкера 1-й роты забрались на крышу окружного суда и хотели там поставить пулемет, но так как крыша великобританского консульства стесняла им кругозор, то они перебрались на эту крышу и установили пулемет близ флагштока, то есть под самым английским флагом. Когда этот пулемет заработал и когда консул узнал, что на его крыше стоит действующий пулемет, то его возмущению не было предела.

По его требованию к нему явился капитан Щедринский – инструктор пулеметного дела школы. Консул потребовал от капитана Щедринского, чтобы пулемет был бы немедленно убран с крыши консульства. На это капитан Щедринский, желая выиграть время, заявил, что он, конечно, понимает всю неловкость создавшегося положения, но вместе с тем без разрешения полковника Рубца сам ничего не может предпринять, а потому он может сделать и сделает только одно: пойдет и доложит полковнику Рубцу. Консул должен был с этим согласиться.

Конечно, капитан Щедринский не особенно старался встретиться как можно скорее с полковником Рубцом, а пулемет

тем временем наносил вред мятежникам, и так как направление на Тигровую гору совпадало с направлением на английский флагшток, то у большинства и получилось впечатление, что какой-то пулемет с Тигровой горы обстреливал вокзал.

Наши враги обвиняют нас в жестокой расправе с побежденными. На это отвечу: убитых и расстрелянных действительно было много и на вокзале, и близ него. Особенно много убитых было на лестнице, ведущей в 3-й класс. Нам приходилось подчас расправляться довольно сурово, ибо нас была горсточка против массы, и все же мы находили возможным огромные партии сдавшихся отсылать в здание штаба крепости и даже в штаб округа, выделяя юнкеров и стрелков из боевой линии (резерва-то у нас ведь не было) для сопровождения этих партий.

В тот момент, когда я с юнкерами моей роты перебегал с главного подъезда вокзала к виадуку на присоединение к моему 3-му взводу, я увидел на площади юнкера, раздававшего какие-то газеты. Это был экстренный выпуск газеты «Новый Путь», помеченный: «Вторник, 18-го ноября 1919 г. гор. Владивосток» (номера газеты нет).

Этот экстренный выпуск начинался приказом генерала Розанова такого содержания:

«Приказ Командующего Войсками Приамурского Военного Округа и Главного начальника Приамурского Края. № 203. Креп. Владивосток 17-ое ноября 1919 года.

Переживаемые минуты таковы, что всякий вред, приносимый правительству, как преступной агитацией, так и попытками остановить работу Государственного механизма путем забастовок и демонстраций – есть измена делу Родины. Предупреждаю: всякие попытки подобного рода будут с полной беспощадностью подавляться оружием. Захваченных с оружием приказываю расстреливать на месте без суда. Зачинщиков предавать полевому суду. Генерального штаба генерал-лейтенант Розанов».

Прочитав на ходу приказ № 203, я был и обрадован, и удивлен. Обрадовался тому, что теперь наши руки развязались, а удивился оттого, что генерал Розанов вдруг вновь оказался грозным начальником, каковым прослыл за дела в Енисейской губернии. А только ведь вчера он проявлял полное бездействие власти!

Полковник Солодовников в своей брошюре бросает «шикарным юнкерам» обвинение в мародерстве. Я был в бою и не заметил юнкеров-мародеров. Солодовников же, бежав из поезда Гайды в начале боя, все же считает для себя возможным бросить нам обвинение в мародерстве.

На самом деле было следующее: все мы были голодны, и

поэтому когда юнкер моей роты Мещеряков выбил дверь, ведущую от почтового отделения в коридор, соединяющий почтовое отделение с главным зданием вокзала, то он наскочил на чей-то продуктовый склад. Прежде всего на него посыпались макароны и вермишель. Мы были так голодны, что я и бывшие тут юнкера разобрали по карманам макароны и стали их тут же жевать. Когда же нами был очищен нижний этаж вокзала и в наши руки попался буфет 3-го класса, я приказал находившимся там бойцам есть все, что хочешь, но ничего «про запас» не брать. Все съедобное, что было там найдено, немедленно нами было уничтожено. Наконец, во время боя в районе железнодорожных путей, ко мне подбежал юнкер Зубарев и доложил: «Наши ребята (то есть тот же мой 3-й взвод) захватили вагон с обмундированием и просят Вашего разрешения переобуться в гайдовские сапоги». Зная, что все «ребята» в ботинках и обмотках, промокших еще во время вчерашнего дождя, и понимая, что каждому из бойцов лестно вместо ботинок с обмотками иметь на ногах «гайдовские сапоги», я разрешил переобуться.

Когда весь вокзал уже был в наших руках, бой постепенно затихал и только со стороны Эгершельда слышна была редкая стрельба, к полковнику Рубцу, стоявшему посреди вокзальной площади, подошел бравый штабс-капитан в пальто мирного времени и доложил, что он прибыл в распоряжение полковника Рубца с одним офицером и 38 бойцами «Русского легиона во Франции». На это полковник Рубец ответил, что бой уже окончен, но так как в эти самые минуты опять послышались выстрелы со стороны Эгершельда, то полковник Рубец предложил штабс-капитану Ханкову (так звали вновь прибывшего) двинуться по железнодорожным путям на Эгершельд. Штабс-капитан Ханков со своим отрядом направился туда…

После этого прошло несколько минут. Мои юнкера наскочили на генерала Гайду, который, будучи ранен в ногу, переходил железнодорожные пути, направляясь, по-видимому, к американской казарме, в которую уже успел скрыться революционный подполковник Краковецкий[236]. Гайда был в расстегнутом генеральском пальто мирного времени с двумя Георгиями и лентой через плечо, но на пальто вместо погон у него были нашиты поперек плеч две бело-зеленые ленточки. На френче же, как говорили потом, у него имелись золотые генерал-лейтенантские погоны.

Двигаясь по путям, штабс-капитан Ханков заметил группу из столпившихся юнкеров. Он подошел к ней и, увидев Гайду, окруженного юнкерами, вмешался в это дело, приказав Гайду и его начальника штаба, подполковника Чечека, направить в штаб

округа. Не вмешайся же Ханков – Гайду, вероятно, постигла бы участь наиболее рьяных его приверженцев, то есть он был бы расстрелян на месте захвата.

Утром 17 ноября обычный ход занятий в 1-м Артиллерийском училище был нарушен. Начальник училища, полковник Герцо-Виноградский[237], получив приказ о высылке части юнкеров его училища в район Владивостока, собрал батареи и вызвал желающих. Так как желающими оказались все юнкера обеих батарей, то полковник Герцо-Виноградский приказал комбату 1-й, подполковнику Теляковскому, сформировать сводный отряд от обеих батарей в 150 юнкеров.

С наступлением темноты этот отряд оказался на ст. Океанская, прибыв туда на товарном составе, шедшем из Никольска-Уссурийского по расписанию. Здесь отряд был остановлен, и совместно с всадниками отряда полковника Патейшвилли юнкера-артиллеристы несли охранную службу, арестовывая всех подозрительных.

Утром 19 ноября отряд подполковника Теляковского вернулся назад в Раздольное. Вместе с ним возвратились домой в училище и те юнкера, что в ночь на 17-е были сняты с поезда и участвовали в движении правительственного отряда на покинутые морскими стрелками казармы на Черной Речке.

Победители, побежденные и посредники

Весть о захвате в плен главаря восстания быстро распространилась среди нас. Я еще продолжал стоять посреди вокзальной площади, как ко мне подъехал автомобиль с огромным белым флагом, и из него вышли два офицера: один русский, другой чех.

Русский офицер доложил мне, что он прислан из штаба округа. Так как в это время к нам приближался полковник Рубец, то я указал офицерам на него как на старшего здесь начальника. Оба офицера одновременно стали докладывать полковнику Рубцу, что прибыли для прекращения излишнего кровопролития. В руках у них была записка приблизительно такого содержания: «Во избежание излишнего кровопролития приказываю борцам еще не сдавшимся прекратить борьбу». И далее следовала жирная подпись: «Генерал-лейтенант Гайда».

По-видимому, оба офицера были очень польщены выпавшей на них миссией и имели вид весьма самодовольный. Полковник Рубец, прочитав записку, сразу нахмурился и, приняв очень свирепый вид, обратился к чеху с вопросом: «Вы – гайдовец?»

Сказано это было так холодно, что у обоих офицеров сразу настроение изменилось настолько, что теперь оба они представляли вид довольно жалкий.

Чех вытянулся, приложил руку к головному убору и с сильным чешским акцентом пролепетал: «Никак нет, господин полковник». Тогда полковник Рубец, повернувшись в сторону русского офицера, промолвил: «Так, вы – гайдовец?» И в свою очередь русский офицер, заикаясь, ответил: «Никак нет, господин полковник».

«Какими же судьбами в Ваших руках, господа, оказался этот приказ главаря восстания?»

Тут оба офицера стали докладывать, что Гайда в настоящее время находится в штабе округа и написал эту записку с разрешения генерала Розанова. Полковник Рубец развел руками и сказал: «Ничего не понимаю! Неужели начальник края, генерал Розанов, вместо того чтобы приказать немедленно расстрелять главного бунтаря, как мы расстреляли сотню его единомышленников, он, генерал Розанов, вступил в разговоры с главарем восстания! Ничего не понимаю! – Сделав паузу, полковник Рубец продолжал: – Господа, вы поздно прибыли, бой уже закончен, хотя там, на Эгершельде, все еще слышны редкие выстрелы. Идите туда».

Возмущенный до глубины души, полковник Рубец отошел от нас, группы офицеров, желая, по-видимому, наедине пережить свое возмущение против своего начальника, которого со вчерашнего дня он не только не уважал, но ненавидел.

Штабс-капитан Нельсон-Гирст доложил мне, что весь его взвод (3-й) уже перевооружился, то есть все раздобыли себе винтовки Ижевского завода и побросали винтовки завода Ремингтон, качество которых было много ниже. Дело в том, что русское правительство во время Великой войны заказало в Америке, на заводе Ремингтон, русские трехлинейные винтовки. В 1919 году все владивостокские воинские части были вооружены этими американского изготовления винтовками. У этих винтовок почему-то очень часто патроны заклинивались в затворе. Кроме того, и приклады у них были не столь прочны, как наши, русские, березовые. Солдаты не любили «ремингтоновки». Гайда же откуда-то раздобыл для себя наши известные винтовки Ижевского завода.

После того как 3-й взвод перевооружился, я приказал тут же перевооружиться и остальным взводам моей роты и вслед за тем принялся за уборку на вокзале разбросанных винтовок и патронов.

В то время как мои люди занимались сбором винтовок и

патронов, на вокзал со своим штабом прибыл главнокомандующий японскими экспедиционными силами генерал Оой. Я сопровождал генерала во время обхода им вокзала, и вот, когда мы приблизились к лестнице 3-го класса, намереваясь подняться по ней, нашим глазам представилась ужасная картина: вся лестница была завалена трупами и их было так много, что нам невольно приходилось иногда ступать по ним. На площадке, между этажами, один умирающий слегка приподнялся и стал умолять добить его, так как «сил нет терпеть боль». Мы прошли мимо него, но, когда мы поднялись на второй этаж, один молодой японский офицер отделился от нас. Через несколько мгновений раздался выстрел. По-видимому, японец исполнил просьбу несчастного.

Посреди багажного отделения высилась огромная куча винтовок. Несколько кулей патронов россыпью и 105 ящиков патронов в упаковке. Отобрав от побежденных столько оружия и огнеприпасов, мы удивлялись, откуда у них все это понабралось. (Я не знал еще тогда, что накануне боя бесследно пропал караул у одного из артиллерийских складов, а самый склад оказался начисто разграбленным.)

Только поспел я выбрать лично для себя драгунскую винтовку Ижевского завода и приладить ее себе для носки через плечо «на ремень», как к вокзалу подкатил легковой автомобиль под американским флагом. Вслед за легковым автомобилем к вокзалу подошло несколько грузовых, по-видимому с какой-то хозяйственной кладью вояк-американцев. Это еще что за новость?

Из легкового автомобиля вышел американец-капитан и с ним переводчик. Увидев меня, переводчик подошел ко мне и заявил: «Так как вокзал и железнодорожные пути находятся в зоне американского влияния, то капитан предлагает Вам передать вокзал ему. Американские войска сейчас сюда прибудут».

Я ответил, прося переводчика передать капитану, что я, юнкера и солдаты, здесь находящиеся, являемся правительственными войсками, только что отобравшими вокзал от бунтовщиков. Никаких «зон влияния» я не знаю. Над собой имею начальников: 1) полковника Рубца и 2) генерала Розанова, а потому, пока я не получу приказания от вышеупомянутых лиц, я никому вокзала не передам.

Капитан, заметив мое возбужденное настроение, передал через переводчика, что «он, конечно, вполне со мною согласен». Со своей стороны я заявил, что, если будет приказание свыше о передаче вокзала, я это исполню, но винтовки и патроны, взятые в бою, я ни в коем случае американцам не передам и при них оставлю пару часовых. Капитан ответил, что ни патронов, ни

винтовок ему не надо.

Через четверть часа от полковника Рубца я получил приказание сдать вокзал американцам. Немедленно из грузовых автомобилей были сгружены походные кровати со всеми принадлежностями, и вскоре зал 1-го класса превратился в дортуар американских солдат, которые, кстати, еще и не прибыли к вокзалу. Я же получил приказание собрать свою роту и отвести ее на обед в ресторан Шуина, что в городском саду. Комфорт американских солдат меня и моих сослуживцев удивлял, невольно поднимался вопрос: «Боеспособна ли такая «комфортабельная» армия?»

Юнкера подтянулись и, оставив вокзал, с песнями двинулись вдоль по Алеутской улице. По лицам прохожих и знакомых было видно, что многие владивостокцы были рады нашей победе. Кое-где в толпе дамы махали платочками. Настроение стало бодрым. Все тяжелое, пережитое так недавно, временно улетучилось из памяти. И погода была в согласии с нашим настроением – ярко светило владивостокское ноябрьское солнце.

В ресторане старик Шуин, знавший меня еще в довоенное время, сердечно поздравил меня с победой, пожав мою руку обеими своими. Долго ли мы утоляли свой аппетит, я не помню, но, когда я с ротой вышел из ресторана, начиналась настоящая дальневосточная пурга.

Из ресторана Шуина я с ротой прошел в угол Коммерческой пристани, предполагая погрузиться на пароход для следования на Русский остров, но в будке 9-й дивизии (телефон у пристани) мне сообщили, что, ввиду наступившей пурги, рейс отменен, и действительно – парохода «Инженер» видно не было. На берегу, на том месте, к которому подходит обычно «Инженер», на мостовой, лежал труп юнкера Дымченко. Это его земляки притащили тело сюда, желая отвезти его на Русский остров.

На месте, где Нижняя Портовая улица сливается с набережной, был завал трупов. Стоявший тут же гардемарин, с винтовкой за спиной, объяснил нам, что это они, гардемарины, встретили залпами гайдовцев, когда те по захвате вокзала школой бросились по Нижней Портовой. Так как гардемарин сказал мне, что их пост на этом месте будет стоять до утра следующего дня, то я просил его принять во внимание, что у пристани лежит труп моего юнкера, и если в этом районе будут убирать трупы, то чтобы труп юнкера не убирали – мы заберем его завтра на Русский остров.

Прибыл посыльный от полковника Рубца и сообщил мне, что до завтра моей роте назначен отдых в здании окружного суда. В одной из комнат здания окружного суда расположилась моя рота.

Утомленные боем и бессонной ночью, а теперь насытившиеся обильной пищей ресторана Шуина, мы рано в этот вечер завалились спать, но, конечно, не имели того комфорта, как то было с американцами на нашем злополучном вокзале – и я, штаб-офицер, отдавший Родине двадцать лет службы в строю, подложив под голову шинель, завалился просто на паркетном полу. 2-я рота, менее других утомленная, охраняла наш покой.

На следующий день, 19 ноября, была чудная погода. Ярко светило солнце, выпавший вчера снег слепит глаза и под лучами солнца быстро тает. В кабинете прокурора окружного суда, где расположился полковник Рубец, собрались все ротные командиры, отдавая отчет своему начальству о всех подробностях вчерашних действий. Составляются списки особо отличившихся.

Работа эта была нарушена докладом вошедшего юнкера о том, что на вокзал прибыл какой-то артиллерийский полковник, который требует немедленно сдать ему все винтовки и патроны, забранные вчера ротами полковника Рубца у мятежников. На отказ караульного начальника в этом полковник приказал позвать к нему начальника отряда, то есть полковника Рубца. Полковник Рубец, выслушав доклад юнкера, приказал ему вернуться на вокзал и доложить артиллерийскому полковнику, что начальника отряда правительственных войск артиллерийский полковник может застать в здании окружного суда, а он, полковник Рубец, не имеет времени бегать по всяким пустякам на вокзал.

Мы возобновили прерванную работу, но вскоре к нам вошел артиллерийский полковник, который представился полковнику Рубцу как инспектор артиллерии округа.

«Прошу Вас, полковник, немедленно сделать распоряжение о сдаче мне всего оружия, забранного Вами от мятежников» – таковы были слова новоявившегося.

Эти слова не по вкусу пришлись здесь присутствующим ротным командирам. Четыре дня тому назад снабжение школы положительно всем нам необходимым англичанами прекратилось. Наступал период «самоснабжения». Поэтому понятно, с какой заинтересованностью ждали ротные командиры ответа полковника Рубца. Полковник Рубец поинтересовался, от кого исходит распоряжение о передаче оружия в артиллерийские склады, и, получив ответ, что такое распоряжение исходит от штаба округа, хотел было уже сдаться на доводы артиллерийского полковника. Но в это время вмешался командир 1-й роты, капитан Горно-Богоявленский, который своим громким басом стал докладывать полковнику Рубцу: «Если бы мы (ротные командиры) были бы уверены в том, что сданное нами оружие в артиллерийские склады будет добросовестно там храниться и по

мере надобности будет опять поступать к нам, то, конечно, и разговора никакого на эту тему не должно быть. Но к сожалению, все это оружие, с бою нами у мятежников отбитое, еще на днях лежало в артиллерийских складах, оттуда перешло в руки мятежников и было направлено против нас. Повторение подобной истории никто из чинов школы не хочет, а потому желательно, чтобы оружие не попало бы в ненадежные руки».

Подобные слова капитана Горно-Богоявленского изумили артиллерийского полковника. Из дальнейшего разговора выяснилось, что инспектор артиллерии округа только три дня тому назад впервые прибыл из Хабаровска и совершенно не в курсе местных дел. Тогда капитан Горно-Богоявленский возобновил свою речь и рассказал инспектору артиллерии о том, как исчез караул от складов, как исчезли роты крепостного артиллерийского батальона и что из всего этого получилось.

– Итак, Вы, господин полковник, теперь требуете, чтобы мы отдали оружие части, которая с нашей стороны не пользуется ни малейшим доверием? Среди гайдовцев было много солдат той исчезнувшей с Русского острова роты, и с ними мы расправлялись довольно-таки беспощадно. Поэтому в руки их единомышленников мы оружия совсем не хотим передавать, – закончил Горно-Богоявленский.

Инспектор артиллерии стоял пораженный, не зная, что предпринять. Горно-Богоявленский тогда еще добавил:

– В здешнем управлении артиллерии немало офицеров и чиновников, постоянно занимающих одни и те же места, какие бы перевороты в городе ни происходили. Они одинаково ревностно служат и белым, и красным. Вот, например, чиновник Зинченко. По своим убеждениям он, вероятно, большевик, а занимает ответственное место!..

Полковник Рубец решил прийти к какому-нибудь компромиссу и предложил инспектору артиллерии такой выход: «Все исправные винтовки, а также все патроны мы забираем к себе на Русский остров, и в управление артиллерии я дам о них точный отчет. Все же неисправное оружие мы немедленно передадим в местные склады для приведения его в порядок в мастерских крепостной артиллерии». Артиллерийский полковник с этим согласился, и я отправился на вокзал для приведения в исполнение данного решения.

Только вышел я из окружного суда, как встретил начальника школы, полковника Плешкова. Он поздравил меня с победой и спросил, каковы потери в бою моей роты. Я перечислил убитых и раненых, а затем добавил: «Со времени нашего выступления с Русского острова я ничего не знаю о юнкере Антоне Курилко». На

это мне полковник Плешков ответил:

– Как, разве Вам не известно, что Курилко расстрелян?

– Кем?

– Розановской контрразведкой за то, что Курилко, оказывается, работал на два фронта – и в нашу пользу, и в пользу гайдовцев.

Я был так поражен этим известием, что ничего даже не мог ответить, а полковник Плешков, по-видимому, куда-то спешил и потому, попрощавшись со мной, пошел дальше…

Известие о расстреле юнкера Курилко чинами контрразведки штаба округа меня ошеломило. Ведь наша школьная контрразведка была сформирована поручиком Суражкевичем потому, что мы не доверяли контрразведке штаба округа. Поручик Суражкевич из моей роты сам выбрал юнкеров Соколова и Курилко и отзывался похвально о работе их обоих. Первый из них верность службы нашему Белому делу запечатлел своей собственной гибелью. Может, и Курилко напал на такой след розановской контрразведки, что ей оставалось одно – покончить с юнкером?

Со времени описываемых мною событий прошло уже пятнадцать лет, и до сих пор я предполагаю, что в гибели юнкера Курилко таится преступление. Антон Курилко происходил из крестьян Приморской области. В январе 1918 года в Харбине сформировался отряд полковника Орлова. В этом отряде Антон Курилко был фельдфебелем одной из рот. Осенью 1919 года Курилко был зачислен в мою юнкерскую роту. Он был первым, на ком при формировании контрразведки остановил свой выбор поручик Суражкевич… Через два дня, то есть 21 ноября, мне пришлось пережить очень тяжелую сцену свидания с его родителями, стариками крестьянами села Полтавки. Горько плача, они просили меня, отца-командира их Антоши, сказать правду об их сынке. Я не имел права сказать им то, что думал, а потому мне было еще тяжелее. Старик поднял свою «старуху», плакавшую на коленях передо мною, и сказал твердым голосом: «Пойдем, старуха, здесь нет правды». Думаю, что Курилко-отец был прав.

Но вернусь к прерванному рассказу. Когда я пришел на вокзал, то там было большое оживление: после двухдневного перерыва поезда отходили сегодня по расписанию. Один из чинов караула при винтовке и патронах мне сказал, что когда вчера караул вступил на службу, то здесь, в районе вокзала, у всех трупов были выворочены карманы. Видно, после нашего ухода с вокзала какая-то шайка, несмотря на присутствие американских войск, занималась грабежом. Впоследствии в одной из японских

фотографий можно было купить снимки убитых с вывороченными карманами и со снятыми сапогами. На брошенное полковником Солодовниковым юнкерам школы обвинение в мародерстве я уже отчасти ответил. Теперь же, относительно вывороченных карманов, мне остается только засвидетельствовать, что в тот момент, когда я 18 ноября строил свою роту, дабы вести ее на обед, вывороченных карманов я не видел.

Узнав о восстании во Владивостоке, Верховный Правитель адмирал Колчак по телеграфу отдал приказ: «Всех изменников судить военно-полевым судом, причем в случае присуждения кого-либо из изменников к каторжным работам он, Верховный Правитель, повышает всем меру наказания до расстрела».

Важно отметить, что разгрому мятежников население Владивостока в своей подавляющей массе было чрезвычайно радо. «Четвертовать его» – таково было общее пожелание населения, относившееся к главарю восстания. И большинство, огромное большинство населения с малоскрываемой радостью ожидало, как бывший кумир и любимец Белой Сибири, а ныне мятежный экс-генерал будет всенародно казнен казнью давно отошедших времен, ибо так велика была ненависть и возмущение русских жителей Владивостока разнузданностью и наглостью «союзников». Самое интересное и характерное в данном положении было то, что восставшие не имели сочувствия среди населения главным образом из-за того, что во главе их стоял иноземец. Ведь восстание было делом рук эсеров, ведь Гайда только случайно возглавил мятеж, так как первый кандидат эсеров – бывший главковерх и член Директории, Болдырев[238], – уклонился от возглавления мятежа, считая эту «работу» слишком мелкой для своей персоны. (Болдырев хотя и не прочь был свергнуть адмирала Колчака и занять его место, но свое появление на одном из самых главных и руководящих мест будущего правительства он мыслил не иначе как в результате призвания его, приглашения его общественностью и народом, и ни в коем случае он не хотел и не собирался рисковать своим именем, связывая его с руководством повстанцами, которые могут быть при случае и разбитыми!) Между тем с первого дня и по сие время выступление этих дней во Владивостоке известно всем и каждому как «Гайдовское восстание», и только «Гайдовское».

Однако ожидания населения не оправдались. Успел только Гайда попасть в штаб Розанова, как его «почтенной» фигурой заинтересовались все «дорогие союзнички». Проявил ли Розанов излишнюю и непонятную мягкость к главарю восстания, испугался ли он возможности нового осложнения с интервентами, но, так или иначе, приказа Верховного Правителя он не

выполнил, донеся ему, что еще до получения приказа адмирала он должен был Гайду и других видных арестованных мятежников передать по требованию союзной миссии чехам. Согласно достигнутому соглашению, Гайда и его ближайшие и видные помощники сохранили свою (презренную) жизнь, но должны были немедленно выехать за границу. До отхода парохода, на котором они должны были выехать, они должны были находиться под арестом. Караул должен был быть русским, но, с другой стороны, караул этот с арестованными должен был находиться в среде союзных войск.

Между прочим, караул к Гайде был назначен от нашей школы. Штабом округа был вызван штабс-капитан Нельсон-Гирст с шестью юнкерами его взвода. Надо полагать, что это последовало именно оттого, что юнкера взвода Нельсон-Гирста пленили Гайду. Нельсон-Гирст, как ему было приказано, отвез Гайду на Русский остров на «Подножье», где находилась казарма чехов. Утром 20 ноября он вызвал меня к телефону и доложил, что караул, охраняющий Гайду и других арестованных, поставлен в невозможные условия: Гайда находится среди чехословацких войск. Солдаты-чехи глумятся над штабс-капитаном Нельсон-Гирстом, и он не берет на себя ответственность, что он и юнкера, выведенные из терпения, не перестреляют нахалов. Нельсон-Гирст просил меня убедить начальство или перевести Гайду в расположение Учебной инструкторской школы, или передать проклятого повстанца под охрану кого-либо иного. Я немедленно передал содержание доклада штабс-капитана Нельсон-Гирста полковнику Рубцу. Вечером того же дня штабс-капитан Нельсон-Гирст с шестью юнкерами возвратился в казармы, а охрана Гайды перешла к чехам.

К обеду 19 ноября весь наш отряд возвратился домой на Русский остров. Когда я доложил полковнику Рубцу, что тело юнкера Дымченко потерялось, полковник очень рассердился. Свое объяснение со мною по этому поводу он закончил словами: «Труп героя потеряли! Найти!» Это было сказано очень внушительно, и я не нашел иного плана действий, как так же внушительно потребовать от юнкеров разыскать тело Дымченко. На практике выполнить это было невозможно, так как весь день 19 ноября тела убитых убирались американцами и были ими куда-то свезены. Посланные мною в город на розыски тела Дымченко три юнкера вернулись с последним пароходом и доложили, что тело Дымченко найдено, уложено в гроб и находится вместе с остальными телами в Успенском соборе.

Не помню теперь уже когда, кажется 21 ноября, состоялось погребение жертв авантюры Гайды. Парадом войск, прибывших

для отдания почестей погибшим героям, командовал полковник Плешков. Здесь, среди войск, стянутых во Владивосток из всего Южно-Уссурийского района, я увидел впервые возродившихся приморских драгун[239]и недавно появившееся у нас в Приморье 1-е Артиллерийское училище.

Войдя в собор, я увидел, что двенадцать гробов с останками юнкеров и солдат нашей школы стоят отдельно от других. В ближайшем от меня гробу я увидел труп портупей-юнкера Дьяченко. Рядом с ним был труп, изуродованный до неузнаваемости. Я понял, что это мои юнкера, не найдя тела Дымченко, заменили его другим, быть может даже нашим врагом. Их тайну я не выдал, и таким образом в братской могиле «колчаковцев» оказалось тело постороннего.

Похороны состоялись на Эгершельдском военном кладбище. Перед открытой могилой говорились речи. Помню, что из всех речей мне больше всего понравилось слово Николая Дионисьевича Меркулова. Он говорил с большим подъемом…

Безвестные герои

Описав события в таком виде, как они представлялись рядовому бойцу правительственных войск, считаю нужным дополнить это описание повествованием о, так сказать, внутреннем механизме борьбы. Как о том было сказано выше, поручик Суражкевич получил от полковника Рубца приказание протолкнуть к Гайде побольше верных людей. Поручик Суражкевич приказание выполнил. К гайдовцам пролезли юнкера Соколов, Курилко, Потерня, Пашкеев, Ковалев, Смирнов. Пасечников и несколько других, всего 18 человек, из них 6 юнкеров и 12 из унтер-офицерских батальонов (2-го и 3-го), пройдя к Гайде как не желающие служить у Колчака и как верные идеям сибоблдумовцев (Якушев в это время распространял массу прокламаций).

Здесь я считаю своим долгом отметить, что юнкер Пашкеев был из моей роты и до получения письма поручика Суражкевича в январе 1935 года я не знал истинного положения вещей с побегом означенного юнкера; я считал, что Пашкеев предатель. Дело в том, что поручик Суражкевич с моего ведома выбрал только двух юнкеров из моей роты: Соколова и Курилко. Относительно же Пашкеева он тогда мне сказал, что это крайне ненадежный человек. Пашкеев вскоре бежал из роты. С описываемых событий прошло пятнадцать с лишним лет, и только сейчас, благодаря письму поручика Суражкевича, я узнал, что Пашкеев был верным

человеком, что мне была дана умышленно ложная его характеристика и само бегство его было подстроено Суражкевичем с ведома полковника Рубца.

Когда наступило начало ноября месяца, полковник Рубец получал полные сведения о всех делах Гайды. Соколов был убит в поезде гайдовцев потому, что его выдал предатель – юнкер Потерня, а знал он Соколова оттого, что был связан с ним: полковник Рубец установил такой порядок, что один связывался только с одним. Отправив к Гайде 18 человек, полковник Рубец и поручик Суражкевич рассчитывали, что из 18 человек трое будут провокаторами, и полагали, что трое агентов погибнут от рук гайдовцев и еще трое других погибнут от рук розановской контрразведки. Но среди агентов оказался только один провокатор – вышеупомянутый юнкер Потерня.

В первых числах ноября, когда все сведения говорили за то, что восстание будет вскоре, полковник Рубец дал поручику Суражкевичу следующую задачу. Всех агентов оставить у Гайды, но их роли распределить таким порядком, чтобы: первый перебежчик вернулся к нам и явился бы лично к поручику Суражкевичу за 20 часов до боя. Второй перебежчик проделал бы то же самое за 12 часов до боя. Третий – за 6 часов до боя. Четвертый – за полтора часа до боя. Пятый – через 1 час после начала боя. Шестой – через 3 часа после начала боя. Седьмой – через 6 часов после начала боя. Восьмой – через 12 часов после начала боя. Девятый – через 24 часа после начала боя. Десятый – через 2 суток после боя. Одиннадцатый – через 3 суток после боя. Двенадцатый – через 4 суток после боя.

Таков был расчет, произведенный на 12 человек. При этом люди до боя не менялись, люди же, назначенные к перебегу во время и после боя, были назначены парные, то есть если чины правительственных войск одного убьют, то к нам идет его заместитель. Об этом плане можно сказать только одно: «Что и говорить, план – смелый».

К началу ноябрьских событий у Гайды имелось 23 правительственных агента, из них 17 человек были от Учебной инструкторской школы, 3 человека – от крепостной роты, остальные 3 человека – от других частей правительственных войск.

Накануне боя к поручику Суражкевичу явился первый перебежчик. После этого последовала погрузка батальона школы и отбытие его в город. 18 ноября перебежчики являлись аккуратно. Был только один несчастный случай: чинами правительственных войск был убит агент восьмой очереди – юнкер Курилко, перебежавший через 12 часов после начала боя.

Заменен он никем не был, так как его пара была убита, как потом выяснилось, нами же (чинами правительственных войск), в рядах Гайды.

Во время боя то и дело раздавалось по штабу крепости: «Поручика Суражкевича требует вниз перебежавший какой-то гайдовец». Вспоминая это, поручик Суражкевич заявляет: «Крыли мы тогда гайдовцев, как хотели, потому что знали все. Вот поэтому-то весь бой полковник Рубец провел как по написанному и вот почему не удалась провокация Сыромятникова, когда он уверял нас, что вокзал никем не занят, и слал нас на гайдовские пулеметы, но мы-то знали все!»

Относительно приведенной дословно оценки обстановки, сделанной поручиком Суражкевичем, и самого хода боя, я, будучи вполне согласен с Б.Е. Суражкевичем, что полковник Рубец «все контрразведки за пояс заткнул», все же не согласен, что «бой он вел как по писаному». Были и у нас тяжелые минуты, которые поручик Суражкевич, как оптимист, быстро забыл. Счастливой случайностью было и то, что правительственными войсками командовал полковник Рубец – организатор контрразведки. Если бы на его месте оказался бы кто-либо другой, хотя бы полковник Добровольский, то результат мог бы получиться совсем иной.

Из 18 агентов, высланных полковником Рубцом к Гайде, погибло всего 7 человек: Соколов, Курилко, Пашкеев, Смирнов, два унтер-офицера (фамилии их поручик Суражкевич забыл) и сукин сын Потерня. Последний был выловлен и убит поручиком Суражкевичем, который всадил ему в затылок пулю на Корейской улице. Остальные 11 человек перешли к нам по взятии вокзала.

В заключение нужно отдать должное полковнику Рубцу за его ум и прозорливость. Да это был не только прекрасный строевой начальник, но и выдающийся организатор контрразведки, чины которой служили и гибли преданные идее, а не работали за хороший оклад жалованья! Нужно также отметить и умение молчать как полковника Рубца, так и поручика Суражкевича: о работе контрразведки в школе не знал даже как следует и начальник школы, полковник Плешков. Он ахнул только после убийства юнкера Соколова, когда начальнику контрразведки школы пришлось ему кое-что рассказать.

«На Шипке все спокойно»

Несмотря на то что правительственные войска одержали блестящую победу над гайдовцами, особого удовлетворения все же не чувствовалось. Прежде всего, 20 ноября во Владивостоке

стало официально известно об оставлении армией столицы Белой Сибири – Омска, последовавшем 14 ноября, а во-вторых, жизнь Владивостока продолжала течь по прежнему руслу разложения и разрушения. Разнузданность нравов, спекуляция и все прочие прелести тылового города были налицо. В ресторанах по-прежнему пьяные голоса надрывались, вопя на мотив «Шарабана»:

Погон российский,
Мундир английский,
Сапог японский —
Правитель Омский…

и открыто осуждали все мероприятия, исходившие от Верховного Правителя и его министров.

С победой над Гайдой Верховный Правитель школу поздравил по телеграфу и произвел всех юнкеров, участвовавших в подавлении восстания, в портупей-юнкера. Все портупей-юнкера были произведены в подпоручики. Офицеры же – представлены к наградам. Генерал Розанов выразил желание посетить школу и лично раздать Георгиевские кресты и медали юнкерам, особо отличившимся в бою 17–18 ноября.

Однако генерал Розанов не находил времени для посещения школы. Его поездка на Русский остров все откладывалась и откладывалась. Наконец, было решено, что награждение особо отличившихся состоится на параде 9 декабря (26 ноября ст. стиля), то есть в день Георгиевского орденского праздника. Однако и тут произошло опять недоразумение: мы долго ждали прибытия ледокола, на котором наш 1-й батальон должен был переотправиться в город. Не дождавшись его, позвонили, наконец, в штаб Сибирской флотилии. Оттуда получили ответ, что никаких распоряжений в штабе о высылке ледокола за батальоном школы не получалось. Тогда последовал ряд переговоров между нами, штабом округа и морским штабом. Наконец, ледокол «Патрокл» получил предписание идти за нами в бухту Новик. Предшествующая ночь была очень холодная. Вся бухта Новик покрылась довольно толстым слоем льда, и потому «Патрокл» с нами прибыл к Экипажной пристани лишь в первом часу дня. К этому времени парад в городе уж окончился. Генерал Розанов, не дожидаясь нас, роздал награды гардемаринам… Несолоно нахлебавшись, с сильно павшим настроением возвращались назад, на Русский остров, офицеры и юнкера 1-го батальона школы. Генерал Розанов вновь обещал в один из ближайших дней проехать на Русский остров и там раздать награды чинам школы.

Прошла, однако, еще одна неделя, а генерал Розанов все не мог найти времени посетить школу и раздать чинам ее награды. Тогда полковник Плешков решил лично раздать награды 19 декабря (6 декабря по ст. стилю).

В этот день в школе состоялся торжественный благодарственный молебен Господу Богу по случаю победы над гайдовцами, а кроме того, была отслужена панихида по зверски убиенным Императору Николае II и его семье. Начальник школы и протопресвитер сказали соответствующее слово в сугубо монархическом духе. Так впервые в стенах Учебной инструкторской школы на Русском острове наши юнкера услыхали монархические речи. До этого времени в школе монархическая пропаганда была воспрещена, хотя большинство офицеров, безусловно, были монархистами.

По окончании парада я зашел в канцелярию 3-й роты, дабы подписать текущие дела. Следом за мною в канцелярию вошел юнкер Поляков и со слезами на глазах доложил мне, что он не получил заслуженной им Георгиевской медали, так как в приказе по школе его, вероятно по ошибке, не поместили. Поляков показался мне крайне расстроенным происшедшим недоразумением. Я его утешил, сказав ему, что это дело вполне поправимо, так как в своем рапорте я его поместил и, вероятно, в завтрашнем приказе по школе ошибка будет исправлена. Повторяю, Поляков казался очень расстроенным, рукой он вытирал слезы, и мне, конечно, и в голову не могло прийти, что передо мною стоит красный провокатор – латыш, подосланный к нам, в школу, в целях осведомления красных. Об этом я узнал лишь в феврале 1920 года, уже после падения во Владивостоке власти Верховного Правителя.

Еще до этой истории в моей роте был такой случай. К нам в школу прибыл новый юнкер, совершенно белобрысый, с красным лицом. Его внешность была такова, что после первого с ним свидания его легко можно было запомнить. И действительно, стоило только штабс-капитану Нельсон-Гирсту взглянуть на вновь прибывшего, как он в нем узнал красного начальника пулеметной команды, набиравшейся во Владивостоке в начале 1918 года для отправки в распоряжение товарища Лазо, боровшегося в то время в Забайкалье с только что организовавшимся отрядом есаула Семенова. В те дни этот, мой новый юнкер, воинственно разъезжал по Владивостоку на белом коне. Его физиономия с тех дней запомнилась и некоторым иным чинам моей роты. Поэтому я о всем доложил по команде. Красный пулеметчик был арестован. Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Вот еще одна история из жизни нашей школы, но другого

рода. Как-то из города от полковника Плешкова мною было получено приказание: «Выслать первый взвод 3-й роты с офицером к такой-то гостинице». Если не ошибаюсь, юнкера получили даже по 15 боевых патронов. Взводным командиром был штабс-капитан Скороходов, атлетического сложения с восточным лицом – в общем, представительный и внушительный мужчина. По возвращении взвода из города я спросил Скороходова, в чем там было дело, но симпатичный штабс-капитан, мило улыбнувшись, застенчиво просил меня не расспрашивать, так как все дело уладилось. В общем, у начальника школы, полковника Плешкова, вышло какое-то недоразумение с одним из адъютантов коменданта крепости, которого Плешков решил силою оружия выселить из номера гостиницы. Мне показалось тогда, что Скороходов был больше всего смущен воинственностью нашего начальника школы. Эпизод этот совсем не сыграл в пользу полковника Плешкова, хотя подобный же эпизод с генералом Сахаровым, случившийся раньше, весьма значительно увеличил его популярность.

Юнкера 4-й роты, не участвовавшие в деле вместе с остальными ротами, казалось, были огорчены, и командир 4-й роты, капитан Пи-талев, выпросил у начальства, чтоб при первом же вызове на усмирение был бы послан он с его 4-й ротой. Желание капитана Питалева сбылось. Случай отличиться 4-й роте представился, вскоре ее послали в бухту Святой Ольги, где красные партизаны стали слишком дерзки. Однако 4-я рота вскоре возвратилась назад. Из ее состава несколько юнкеров перебежало к красным. Надо считать, что причиной тому являлась неудовлетворительность формирования этой роты: часть юнкеров была набрана из владивостокских интеллигентов, уклонявшихся от отбывания воинской повинности.

Относительно только что затронутого вопроса могу сказать следующее: 1, 2 и 3-я роты школы несколько раз высылались на «облавы интеллигентов». Для подобных облав выработался даже особый порядок их производства: по понедельникам та или иная рота школы оцепляла прибывающие на ст. Владивосток все дачные поезда, и в них войсковые чины находили богатую добычу – спекулянтов всех родов и сортов, весело проводивших свой воскресный отдых в живописных окрестностях Владивостока. Среди этой публики немало было и уклоняющихся от воинской повинности. Таковых мы снимали с поездов и направляли их к воинскому начальнику, последний же через день-другой кое-кого из задержанных отсылал к нам же в школу на пополнение наших редеющих рядов. Иногда облавы производились по ночным кабакам. Помню, как-то моя рота произвела такую облаву. В

одиннадцатом часу ночи прибыли мы в город, и сразу же по всем кабакам и публичным домам были направлены офицерские патрули. Добыча на сей раз была богатая, но… смогли ли стать хорошими воинами пойманные нами «интеллигенты»?..

Перед Рождеством в моей роте произошел большой скандал. Дело в том, что полковник Рубец всех студентов и сельских учителей (а их было немало в рядах школы) направлял всегда на пополнение моей роты, объясняя мне это тем, что я, мол, имею более спокойный характер и умею обращаться с интеллигентами. Поздней осенью, когда в Приморье прибыло 1-е Артиллерийское училище, десять юнкеров этого училища были почему-то переведены… к нам в школу. Полковник Рубец всех их передал в мою роту. С первого дня появления в роте артиллеристов они стали оказывать пренебрежительное отношение к «шагистике» и к стрелковому делу. Мои доводы относиться ко всем изучаемым предметам одинаково серьезно их мало трогали. И вот, перед самым Рождеством, отпросившись в отпуск, все они из него не вернулись больше, а, уехав в Раздольное, явились вновь в Артиллерийское училище, где бывшее их начальство приняло их.

Полковник Рубец поступком артиллеристов был крайне возмущен и настаивал на предании всех их суду, но начальник Артиллерийского училища, полковник Герце-Виноградский, иначе посмотрел на это дело и решил весь этот эпизод предать забвению. В связи с этой историей вспоминается мне, что еще летом 1919 года в наш батальон было зачислено несколько гардемарин. Все эти гардемарины окончили нашу школу и были произведены в портупей-юнкера, а затем и в подпоручики. Невольно напрашивается вопрос: какая цель была в этом прикомандировании к нашей школе сначала группы гардемарин, а потом этих злосчастных десяти артиллеристов?

Юнкера, после состоявшегося производства в портупей-юнкера, согласно Положению об учебных инструкторских школах, должны были быть отчислены от школы и распределены по воинским частям. Однако ввиду тревожности политического положения портупей-юнкера от школы отчислены не были, так как школа считалась вполне надежной боевой частью, а с отчислением от нее портупей-юнкеров ее боеспособность значительно пала бы, ибо тогда почти целиком разошелся бы весь 1-й батальон школы.

Неопределенность положения портупей-юнкеров скверно действовала на их настроение. А тут еще вышел приказ в праздничные дни не увольнять портупей-юнкеров в более как половинном составе, так как каждую минуту можно было ожидать вызова в город по тревоге.

С января месяца 1920 года, а может быть даже и еще несколько ранее, полковник Рубец заметил, что начальник школы, полковник Плешков, бросил совершенно интересоваться школьными делами, погрузившись всецело в свою семейную жизнь и проводя большую часть времени в городе, в компании сербских офицеров. Вместе с тем в школе, благодаря его супруге, наступило время вечеринок: офицеры и юнкера занимались всевозможнейшими театральными и тому подобными делами.

Что за порядок установился бы в школе, об этом может свидетельствовать хотя бы следующий факт. Зайдя однажды, около 9 часов утра, в 1-ю роту, полковник Рубец застал подпоручика Богговута (недавно произведенного в офицеры) спящим. На взбешенный вопрос о причине его спанья подпоручик ответил, что репетиция спектакля, производившаяся накануне, затянулась до позднего времени, а потому начальник школы и его супруга разрешили встать позже. Кроме подпоручика Богговута в этой же роте, полковник Рубец улицезрел еще нескольких офицеров с заспанными и утомленными физиономиями, которые также сослались на ту же репетицию с участием г-жи Плешковой и ее матери. (Мать г-жи Плешковой, г-жа Тетюкова, происходила из семьи богатых амурских купцов, которые первыми внесли щедрый дар атаману Семенову на ведение борьбы с большевиками. В январе 1918 года в Харбине говорили, что Семенов от Тетюковых получил около миллиона рублей.)

В это самое время события в Сибири развивались колоссальным темпом. О всех подробностях происходящего на Дальнем Востоке не было известно, так как сведения поступали далеко не регулярно, но те вести, что приходили, свидетельствовали, говоря мягко, о страшных затруднениях, ставших на пути Белой Власти. Оценивая обстановку, В.Г. Болдырев, проживавший в то время в Японии, пишет: «Игра безнадежна, пожалуй, и широкий творческий размах едва ли в состоянии исправить положение. Осталось только одно: герои будут умирать, обеспечивая бегство трусам и дельцам». 19 января Болдырев самовольно вернулся во Владивосток из-за границы. И был принят Розановым.

Дела школы были заброшены ее начальником, но, чтобы еще более облегчить себя, полковник Плешков назначил полковника Рубца своим помощником по строевой части, не дав, однако, последнему никакой власти. Таким образом, полковник Рубец как бы исполнял полицейские обязанности: обходил и объезжал район школы. Но когда указывал при своих докладах начальнику школы о том, что видел и что творилось в районах 2-го и 3-го батальонов, то ответы получал в смехотворном духе. На доклады

же полковника Рубца о необходимости самой энергичной работы и желательности инспекторского смотра не только школе, но и крепостному артиллерийскому и местному батальонам, подчиненным полковнику Плешкову как начгару Русского острова, последний буквально не обращал никакого внимания.

Полковник Рубец видел, как началось постепенное разложение в школе, но он не думал, что конец уже близок. Своими мерами полковник Рубец вооружил против себя (как он сам признает в одном из своих писем) некоторых офицеров школы: Лифанова, Васильева, Боровикова и многих других офицеров 2-го и 3-го батальонов. Поддержки же никакой со стороны полковника Плешкова он не видел.

Полковник Рубец жил на отшибе. Личное безысходное горе его убивало, и иногда ему все казалось безразличным, но это были лишь моменты: полковника все время занимала мысль о необходимости прекратить все эти вечеринки, усилить занятия, заполнить все время, делать обходы районов школы, крепостного и местного батальонов, принять боевую готовность…

В эти времена к полковнику Рубцу частенько заходил поручик Кузнецов, брат которого служил в отделе контрразведки штаба генерала Розанова. Из разговоров с поручиком Кузнецовым полковник Рубец узнавал о том, что творилось в штабе командующего войсками. Эти сведения были более чем тревожны – они указывали на то, что в штабе Розанова все готовы к бегству. Полковник Рубец обычно пытался успокаивать поручика Кузнецова, говоря, что вряд ли до этого дойдет дело, что положение, конечно, напряженное, но все же оно не выходит из рамок обычного тревожного настроения.

В разговорах с полковником Плешковым полковник Рубец, однако, несколько раз спрашивал: каково положение в городе и что ему вообще известно из Ставки Верховного Правителя и главнокомандующего? Дел школы полковник Рубец теперь касался осторожно, мягко указывая полковнику Плешкову на необходимость принять меры против замечающегося разложения… Полковник Рубец призвал внимание начальника школы на необходимость установления связи с атаманом Семеновым и со штабом самого адмирала. Полковник Рубец советовал полковнику Плешкову командировать офицеров с докладами о настоящем положении дела в Приморье и о преступной бездеятельности Розанова, от которого нельзя ждать хорошего, разве только бегства в тяжелую минуту (так, собственно говоря, и вышло впоследствии).

На все это полковник Рубец получал от полковника Плешкова ответы и заверения в том духе, что «все, мол, спокойно». При этом

у начальника школы был всегда самоуверенный тон. Он особенное значение придавал сведениям, якобы исходящим от сербских офицеров. В штаб округа полковник Плешков не ездил, а с комендантом крепости, семеновским генералом Вериго[240], он был в отношениях, ярко обрисованных уже ранее (попытка чуть ли не силой оружия выселить из гостиницы одного из адъютантов генерала Вериго).

Полковник Плешков вообще давал полковнику Рубцу понять, что все тревожные слухи о положении дел в крае и в штабе генерала Розанова не основательны. Но во время этих бесед полковник Рубец подметил, что начальник школы задумчив немного более, чем то нужно. Иногда полковнику Рубцу казалось, что полковник Плешков что-то от него скрывает. Тут следует отметить, что сам полковник Рубец в это время переживал тяжелое семейное горе, но все же был настроен оптимистически. Много позднее, касаясь в своих частных письмах этого времени, полковник Рубец писал: «И до сих пор думаю, что если бы тогда вошли бы в связь с Семеновым и на месте ген. Розанова был бы порядочный, энергичный начальник, то, может быть, все сложилось иначе».

Все двигалось к бездне, а начальник школы и его семья продолжали жить какой-то обособленной жизнью… Утром, примерно января 22, к полковнику Рубцу опять явился поручик Кузнецов и передал, что, по рассказу его брата, в городе что-то приготовляется и что контрразведка штаба округа приготовилась к бегству. Получив такие сведения, полковник Рубец вместе с поручиком Кузнецовым пошел к Плешкову на его новую квартиру. Придя к начальнику школы, они застали там гостей (один, кажется, был г-н Доброхотов, фамилию другого полковник Рубец забыл), а сам полковник Плешков и вся его семья были заняты елкой (елку поддерживали так долго из-за годовалого ребенка, которому елка нравилась). Полковник Рубец попросил начальника школы уединиться с ними. Кузнецов сообщил ему то, что говорил Рубцу. Плешков изменился в лице и глубоко задумался.

Полковник Рубец опять обратился к своему начальнику с просьбой съездить в штаб и повидать генерала Розанова, дабы выяснить обстановку, так как школа да и другие части никаких ориентиров из штаба давным-давно не получали. Полковник Рубец говорил: «Если Розанов хочет бежать, то Вас, г-н полковник, можно считать за единственную власть. Соединившись с гардемаринами Китицына, с 1-м Артиллерийским училищем Герцо-Виноградского, Драгунским полком, отрядом Врангеля и небольшим численно отрядом Патейшвилли, можно будет все же

постепенно выкурить большевистский угар по крайней мере из Владивостока и его окрестностей. Были бы лишь единая власть и решительные меры».

На это, после долгого раздумья, полковник Плешков ответил, что слухи все преувеличены и ничего особенно тревожного нет: атаман Семенов присылает сюда два полка. Как бы то ни было, полковник Плешков обещал полковнику Рубцу сегодня же проехать к генералу Розанову и с ним выяснить обстановку. С этим оба офицера и удалились от начальника школы. Полковник Рубец ушел от начальника школы на сей раз со спокойным чувством, а между тем в эти дни все более и более нарастало чувство беспокойства во всех трех батальонах школы. И это было не только беспокойство, тут были и тревога, и недоверие к своим начальникам… Полковник Плешков тогда, после разговора с Рубцом и Кузнецовым, в штаб не поехал…

Бунт Егерского батальона

В воскресенье, 25 января 1920 года, начальник штаба округа, подполковник Смирнов, передал по телефону нам, что в городе настроение тревожное и генерал Розанов приказывает 1-й батальон школы выслать в город.

За последнее время полковник Рубец часто прихварывал и я за него командовал 1-м батальоном. Так было и теперь. Я уже отдал кое-какие распоряжения в связи с предстоящим походом в город, жалея в душе, что во главе батальона не пойдет наш любимый и уважаемый полковник, как вдруг увидел его перед собою. Старый «царский» полковник, узнав, что его батальон вызывается в город, забыл о своей болезни, явился в свою часть и стал отдавать распоряжения к предстоящему передвижению батальона.

Здесь нелишне указать, что Борис Иванович Рубец настолько ушел в дело организации борьбы с красными, что для личной жизни у него совершенно не оставалось времени, последствием чего явилось то, что его жена – верная подруга жизни в течение десятка лет – ушла от него. Борис Иванович эту драму переживал очень тяжело, но и это не ослабило его энергии по поддержанию порядка в вверенной ему части и по ведению борьбы с красными, а наоборот, усилило. Сам по себе храбрый, он после этой драмы совершенно не боялся смерти – искал ее и потому появлялся перед противником даже и там, где это, собственно, и не нужно было.

Полковник Рубец решил, что к городу мы должны подойти

незаметно – с наступлением темноты. Вот мы спустились на лед бухты Новик и по ней, имея впереди походную заставу с поручиком Масленниковым во главе, направились к городу. Невольно вспоминался наш осенний поход на усмирение Гайды, только тогда поручик Масленников шел со своим взводом впереди на моторном катере «Русский Остров».

Было уже темно, когда мы проходили по каналу мимо радиостанции. Здесь недавно прошедший ледокол нагромоздил льдины одна на другую, но крепкий мороз уже успел покрыть льдом все полыньи, и мы благополучно вышли в Босфор Восточный. Сведения о том, что делается в городе, мы получали от юнкеров, возвращающихся из городского отпуска. Сведения эти были разноречивы, но в общем составлялась такая картина.

Личный конвой генерала Розанова, так называемый Егерский батальон, отказался повиноваться властям, выбрал комитет, во главе которого стал прапорщик Пономарев (родной брат командира батальона – капитана Пономарева, игравшего в дни Гайдовского восстания какую-то странную роль). Восставший батальон занял Коммерческое училище и не проявляет каких-либо действий, видимо выжидая, когда к нему присоединятся другие воинские части. Что делалось в это время в рабочих кварталах, двигающемуся в город 1-му батальону школы совершенно не было известно. Все же, по-видимому, там было спокойно, так как отпускные юнкера проходили как раз мимо Эгершельда – местожительства владивостокских грузчиков, не замечая там ничего подозрительного.

В город 1-й батальон проник через Эгершельд. Там все было спокойно. К 8 часам вечера батальон выстроился на так памятной всем нам вокзальной площади и, в ожидании получения распоряжений из штаба, составил винтовки. Ночь была звездная, морозная. Изредка со стороны Гнилого угла доносились одиночные ружейные выстрелы. Наконец, пришло распоряжение из штаба о проходе батальона в здание окружного суда, где люди должны были отдохнуть, проведя там часть ночи.

Батальон прошел в отведенное ему помещение. На случай экстренного вызова была назначена 2-я рота. Я со своей ротой занял одну из комнат окружного суда, разрешил всем снять амуницию и, сев на диван, совершенно неожиданно так крепко заснул, что меня еле-еле разбудили около полуночи, когда полковник Рубец потребовал к себе всех офицеров батальона для освещения положения.

Обстановка была такова. Розановские егеря уже вторые сутки управляются выборным комитетом, не признают власти генерала Розанова. Батальон этот главным образом укомплектован

татарами, безразлично относящимися ко всему происходящему. Поэтому при подавлении восстания нет никакой необходимости проявлять суровость к мятежникам, являющимся, по существу, не столько бунтовщиками, сколько послушным орудием в руках группы проходимцев-провокаторов. Полковник Плешков, коему было поручено подавить восстание, поэтому требовал, чтобы правительственные части при усмирении восстания проявили бы возможно большую гуманность и не проливали бы напрасно крови.

В его распоряжение для этого поступали: 1) 1-й батальон Учебной инструкторской школы на Русском острове, 2) гардемарины, 3) морская учебная рота, 4) эскадрон пластунов полковника Патейшвилли. Кроме того, к утру следующего дня ожидалось прибытие по железной дороге Конно-Егерского полка полковника Враштеля, квартировавшего в Никольске-Уссурийском, но полной уверенности в прибытии полка не было, так как в Никольске-Уссурийском округе не все было спокойно. 1-е Артиллерийское училище, квартировавшее в Раздольном, прибыть не должно было, так как и в Раздольнинском округе также не все было спокойно.

Полковник Рубец не задерживал долго офицеров, сказав напоследок, что под утро все ротные командиры получат от него задания в зависимости от обстановки. После этого все офицеры разошлись по ротам.

Таким образом, полковник Плешков должен был надеяться только на те части, что, находясь во Владивостоке, сразу поступили под его команду. Ввиду вызова военно-учебных частей в праздничный день, состав батальона школы и гардемарин был крайне незначителен, так как часть юнкеров и гардемарин находилась в отпуску. Лично я выступил в поход с ротой в 32 портупей-юнкера. Из них 6 человек были назначены для связи, и при мне, таким образом, осталось всего 26 бойцов. Еще хуже было с младшими офицерами; прежние мои младшие офицеры – штабс-капитаны Агапитов и Нельсон-Гирст – получили в командование роты; первый во 2-м батальоне, а второй – в формируемом на Русском острове «Русском легионе во Франции». Вместо этих двух опытных офицеров, за два дня до похода, в мою роту перевели двух на днях произведенных из портупей-юнкеров в подпоручики Богговута (за день до нашего выступления на усмирение розановских егерей подпоручик Богговут был переведен в мою роту с наказом мне от полковника Рубца «держать этого молодца в ежовых рукавицах»; причиной перевода был случай, описанный выше) и Х… (фамилию забыл) – оба мне совершенно неизвестные. Приблизительно такое же положение с

личным составом было и в других ротах.

26 января в 3 часа утра в здание окружного суда прибыл полковник Плешков. Он еще раз просил полковника Рубца настоять на том, чтобы мы по указанным выше причинам на расправлялись бы жестоко с восставшими. При этом свидании полковник Плешков разрешил с полковником Рубцом подробности действий в предстоящем наутро столкновении. Предполагалось, что: 1) батальон школы атакует Коммерческое училище со стороны Суйфунской площади, 2) правее батальона школы будут действовать пластуны полковника Патейшвилли, 3) Морская учебная рота должна была наступать по Нагорной улице, а 4) гардемарины – с улицы Петра Великого.

Полковник Плешков надеялся получить два орудия от только что прибывшего во Владивосток Амурского артиллерийского дивизиона, но оказалось, что атаман Калмыков, не доверяя этой части, отобрал у орудий замки. В это время на путях Владивостокской железнодорожной станции находилось только что прибывшее из Сибири 2-е Артиллерийское техническое училище[241]. В эшелоне этой части нашлась всего-навсего одна исправная пушка, но ни снарядов, ни лошадей не имелось. Полковник Плешков решили использовать это орудие. Но для этого надо было получить лошадей от Амурского артиллерийского дивизиона и передать их в училище. Кроме того, училище должно было получить снаряды из одного из владивостокских военных складов. На все это требовалось, конечно, время. Моя рота была назначена в прикрытие к таким способом сформированной одноорудийной батарее.

В 4.45 я поднял свою роту и поспешил с ней на вокзал к артиллеристам. По пути мою роту задержали японцы, категорически отказавшиеся пропустить меня дальше. Я пошел объясняться с японским комендантом станции Владивосток. Здесь окружившие меня японские офицеры не понимали меня. Не зная ни слова по-японски, я старался им объяснить, что я командир роты, верной правительству адмирала Колчака, но моих объяснений никто не понимал… Наконец, один японец, ткнув меня в грудь рукой, спросил: «Семенов? Калмыков?» Я ответил: «Да, да, Семенов, Калмыков». Японцы были очень рады, что мы, наконец, договорились, похлопали меня по плечу и пропустили меня с ротой.

Было еще темно. Артиллеристы-юнкера, при ограниченном количестве фонарей, занимались пригонкой постромок. С трудом разыскал я начальника Артиллерийского технического училища. Это оказался старичок полковник (фамилию его я забыл теперь). Нам до рассвета нужно было пройти на Суйфунскую гору мимо

бунтовщиков, и потому я стал торопить начальника училища; но артиллеристы делали все так медленно, что я принужден был пригрозить полковнику, что брошу их на произвол судьбы и с ротой присоединюсь к нашему батальону. «Обойдемся и без Вашей пушки!» – заявил я. Такое мое заявление, кажется, подействовало на артиллеристов, и они вскоре были готовы.

Так как начинало уже светать, то я предложил изменить маршрут и взобраться на Суйфунскую гору по Комаровской улице. Старичок полковник на это сказал: «Вы местный офицер, мы же только вчера приехали сюда из Омска, не разбираемся ни в здешней политической обстановке, ни в местности. Ведите нас, куда хотите!»

Только мы двинулись с вокзала, ко мне подошел артиллерийский подполковник и спросил: «А где же рота, которую нам обещали в прикрытие?» Я ответил ему, что я с ротой и являюсь их прикрытием. «Послушайте, – продолжал подполковник, – ведь это безумие, у Вас и взвода не наберется, а Вы это называете ротой! Разве Вы можете нас предохранить от всяких случайностей?» Я возразил, что мои 26 человек равняются 200 повстанцам, так как мы – сплоченная часть, что мы и показали во время Гайдовского восстания, когда 160 человек нашей школы атаковали вокзал, занятый не менее как 2000 повстанцев…

Подполковник, видимо, был из сварливых: все ворчал и все критиковал. Возмущало его, что теперь все восстания ликвидируются только одними военно-учебными заведениями, что так долго продолжаться не может, что надо идти на какие-то уступки. Я спросил его, не считает ли он возможным войти в соглашение с большевиками, но затем добавил, что в настоящий момент не время и не место вести такие разговоры и что нам теперь надо постараться возможно успешнее выполнить возложенную на нас задачу.

Комаровская улица оказалась слишком крутой. Лошади выбивались из сил. Их распрягли, и юнкера-артиллеристы и мои общими силами потащили орудие в гору… Я прошел вперед. В нескольких шагах за мною шел старичок полковник. На вершине по Комаровской улице показался полковник Рубец. Он сердито окрикнул меня: «Где Ваша пушка? Кто тут старший из артиллеристов? Почему до сего времени артиллерия не на позиции?»

Старичок полковник выдвинулся вперед. Полковник Рубец набросился на него: «Ведь Вам приказано было к 6 час. 30 мин. быть на позиции, а теперь уже без десяти 7. А где же Ваша пушка?» Начальник Технического артиллерийского училища

указал вдоль улицы, где юнкера с трудом тащили орудие.

«Через четверть часа пушка должна быть готова к выстрелу. Если это мое требование не будет исполнено, я прикажу Вас, полковник, расстрелять, как старшего артиллериста, за неисполнение моего боевого приказания. Поняли?» – «Так точно, господин полковник». Бедный старик совсем растерялся. Когда полковник Рубец отошел от нас, старичок подошел ко мне и спросил: «Неужели он мог бы выполнить свою угрозу?»

Мне хотелось загладить происшедшую неприятную сцену, и я сказал, что полковник Рубец всеми нами уважаем, как бесстрашный начальник, но вместе с тем он требует от всех беспрекословного повиновения и для проведения своих требований он не остановится ни перед чем. «Недаром же я с 5 часов все тороплю Вас, господин полковник», – закончил я.

Через четверть часа орудие было готово к открытию огня.

«Пушка-то русская, а снаряды французские! – сказал мне старик полковник. – Боюсь, как бы при выстреле не разорвало орудия».

По заранее условленному сигналу раздалось три или четыре (теперь уж не помню точно) орудийных выстрела. С высоты Суйфунской горы я видел, как по Суйфунской площади пошла в наступление наша 4-я рота. Бойцы этой роты не стреляли. Не было произведено ни одного выстрела и со стороны Коммерческого училища.

За Коммерческим училищем возвышалась горка с пожарной каланчой. Мне было хорошо видно, как небольшая группа людей, одетых в солдатские шинели, быстро взбиралась по склону этой горки. Только подумал я: «А ведь это революционный комитет утекает из Коммерческого училища, хорошо бы по нему дать несколько залпов», как моя мысль уже проводилась в жизнь капитаном Волковичем. Наша 2-я рота начала залпами стрелять по вышеозначенной группе. Расстояние было слишком велико, и, по-видимому, революционерам удалось утекнуть без потерь.

Прервав здесь повествование о боевых действиях, я хочу привести несколько бытовых картинок пережитого тогда нами времени.

Шла кровавая борьба между белыми и красными. Но большая часть населения не понимала сущности этой борьбы, так как не уяснила, чего же окончательно добивается каждая из враждующих сторон. Большевики обещали неимущим и сельскому населению положительно «все», но на дороге этой стояли здравомыслящие и благородные элементы, к которым примазалось, конечно, немало вредных субъектов, прикрывающихся для вида своею преданностью законности. Все эти элементы по терминологии

большевиков именовались «белыми офицерами» – сторонниками павшего режима. Малоимущие и полутемные массы легко шли на удочку большевиков, отдавая свои симпатии красным. Имущие же знали, что большевики национализируют имущество, а потому скорее симпатизировали «колчаковцам». К сожалению, правительственные служащие Владивостока получали свое жалованье сибирскими деньгами, ценность последних, ввиду неудач на фронте, катастрофически падала. Поэтому положение всех служащих с каждым днем становилось все более и более тяжелым. Часто со стороны этих служащих можно было услышать фразы, подобные такой: «А, чтобы сдох ваш Колчак!» В общем, обыватель не присоединялся ни к красным, ни к белым, а выжидал «сем-то все это кончится!».

Как только орудие было втянуто на Комаровскую улицу, я приказал портупей-юнкеру Михаилу Балышеву встать на перекрестке Суйфунской и Комаровской улиц и никого из прохожих не пропускать вниз по Суйфунской, так как через несколько минут над этой улицей должны были пролетать снаряды и она могла оказаться под пулеметным огнем со стороны розановских егерей.

Балышев остановил двух старушек, заявив, что сейчас начнется стрельба. Старушек это как-то совсем не удивило, и только одна спросила: «Как, опять «переворачиваетесь»?» А другая добавила: «Ну-ну, переворачивайтесь!» – и обе своротили на Комаровскую улицу. Подобное безразлично-беспечное отношение к переворотам жителей Владивостока объяснялось тем, что из-за присутствия интервентов Владивосток не знал особенно кровавых переворотов, а обыватель привык к тому, что время от времени нужно было «переворачиваться».

Грянул первый орудийный выстрел. Ко мне подошел какой-то американец, одетый в шубу. Из-под нее торчали пижамные штаны. Видно было, что он только что соскочил с постели. На скверном русском языке он заявил мне, что он американский гражданин, живет в ближайшем от орудия доме и желает знать, не угрожает ли ему и его семье опасность, если они будут находиться в этом доме? Мой ответ, что я не могу ручаться за безопасность его жизни в дни боевых действий в самом городе, американца как будто бы удивил, и он еще раз подтвердил, что он американский гражданин и хотел бы знать, к кому он должен обратиться, чтобы дом, им занятый, не подвергался обстрелу.

На Суйфунской улице стоял дом моего тестя. Его семья и мои дети были в это время в загородном доме. Я был знаком почти со всеми жильцами дома. Все они после первых же выстрелов орудия выбежали на улицу. Среди них был банковский служащий

господин Королев, который обратился ко мне с вопросом: «А где же мой сын?» Его сын был юнкером 4-й роты. Я указал господину Королеву на наступавшую по Суйфунской площади 4-ю роту и сказал, что его сын находится в рядах этой роты. Бедный старик стал креститься и молиться о сохранении жизни своего сына, идущего в бой на глазах отца. «А Вася Меркулов тоже там?» – спросил меня снова Королев. «Оба они, и Вася и Ваш сын, там. Бог даст, вернутся невредимыми».

Между тем 4-я рота школы, наступая на Коммерческое училище, скрылась за складкой местности, и с горы, где я находился, не было видно, как она добралась до подъезда училища. Слышно было лишь «Ура!», когда наши бойцы бросились в атаку.

Мне рассказывали потом, что первыми в подъезд вскочили полковник Рубец и капитан Питалев. По другой версии картина получалась иная. В то время, когда 4-я рота закричала «Ура!», к подъезду училища подкатил автомобиль, из него выскочил с бомбой в руках полковник Патейшвилли, и он первым ворвался в подъезд. В подъезде училища стояли два пулемета и при них несколько егерей. Все егеря, без единого выстрела, поднимая руки кверху, стали сдаваться 4-й роте. Туда же, к подъезду, подоспела наша 2-я рота.

Когда до меня дошли сведения о мирной сдаче егерей, я не знал, что делать: двинуться с ротой к Коммерческому училищу или оставаться на месте, охраняя пушку? Эта охрана меня связывала, и я решил пока что забежать к священнику, который звал меня отпить чайку со свежей булочкой. Не успел я выпить и одного стакана, как появился юнкер и доложил, что полковник Рубец требует меня с полуротой в здание Коммерческого училища, а другую полуроту приказывает оставить на прикрытие «артиллерии».

Делать нечего: поделил я своих 26 бойцов: 12 оставил при орудии, а 14 взял с собой. По прибытии в Коммерческое училище узнал, что революционный комитет исчез бесследно, егеря в деле потеряли 4 человек убитыми, у нас же потерь не было вовсе. Сдавшиеся егеря, в большинстве своем татары, строились на улице. Их было решено отвести на Русский остров и сдать в «Русский легион во Франции» на его укомплектование. Так закончилось усмирение розановских егерей.

Отобедав в ресторане Кокина, где был приготовлен обед для моей роты, мы отправились, согласно полученному приказу, к себе домой на Русский остров. Моя рота конвоировала повозки с оружием и патронами. Мы шли домой в полном порядке. Перед спуском на лед, близ Эгершельда, нас обогнала кавалькада –

несколько наших офицеров на верховых и обозных лошадях Егерского батальона. Они скакали, спускаясь на лед бухты. Шум и гам этой группы произвел на меня неприятное впечатление. Мелькнула мысль: «Наша школа стала терять дисциплину».

В поисках выхода

Дня два или три после разговора полковника Плешкова с полковником Рубцом и поручиком Кузнецовым, описанного выше, на квартиру к полковнику Рубцу явились вечером, часов в шесть, полковники Боровиков и Охлопков. Последний в это время командовал 2-м батальоном, так как командир батальона – полковник Добровольский – находился в отпуску в городе Харбине. Отношения у полковника Рубца с обоими штаб-офицерами были чисто официальные, и с их стороны по отношению к полковнику Рубцу, как полагал последний, наблюдалась некоторая предвзятость. На этот раз прибывшие штаб-офицеры просто обратились к полковнику Рубцу, указали ему на тревожное положение в школе, нервность состояния, в котором находятся люди, на все больше и больше распространяющееся смятение умов, на возможность, наконец, переворота в городе. Они говорили, что генерал Розанов со своим штабом, по слухам, чуть ли уже не погрузился на какой-то японский пароход, порицали начальника школы и высказывали мысль, что и он также готов к бегству. Оказывается, семья полковника Плешкова уже перебралась в город и туда же спешно на автомобиле перевозят весь его домашний скарб. Штаб-офицеры просили полковника Рубца выяснить у полковника Плешкова правдивость всех этих сведений, а затем предлагали предпринять меры к устройству тайного склада оружия на острове, созданию офицерской самообороны и тому подобные меры. Разговор этот не был еще закончен, когда зазвонил телефон. Оказалось, что полковник Плешков просит полковника Рубца зайти к нему на квартиру. Отвечая по телефону, полковник Рубец сообщил начальнику школы, что у него сейчас сидят с докладами полковники Боровиков и Охлопков и что Боровиков также просит разрешения прийти к начальнику школы. «А вот и отлично, – заявил полковник Плешков, – приходите вместе». Но по голосу Плешкова было заметно, что это ему не было приятно.

Когда штаб-офицеры прибыли на квартиру к начальнику школы, то застали его делающим указания прислуге, укладывающей вещи. Не дав прибывшим раскрыть рта, начальник школы провел их в кабинет и, усадив их, первым начал держать

речь.

С первых же слов полковник Рубец был поражен переменой настроения своего прямого начальника. По его словам, все сводилось теперь к следующему: «Положение безнадежное. Рассчитывать на что-либо благоприятное не приходится, поэтому он, полковник Плешков, решил ехать в Харбин, дабы доложить о положении генералу Хорвату и просить его помочь каким-либо образом вывезти школу с Русского острова в Харбин. Относительно юнкеров, – говорил начальник школы, – нам нечего беспокоиться. Со стороны большевиков им ничего не угрожает. Они разойдутся по домам. Главная моя цель – это спасти офицеров, так как ни меня, ни офицеров большевики не помилуют. Конечно, можно прихватить с собою и желающих юнкеров, но это вырешится не здесь, а в Харбине, куда я еду. За себя я оставляю полковника Рубца, который и вступит в командование школой с завтрашнего числа. Об этом адъютант Холин уже поставлен мною в известность».

Все сказанное начальником школы поразило штаб-офицеров до крайности. Оно огорошило даже полковника Боровикова, который, видимо, был подготовлен к подобному решению начальника школы. Плешков же до известной степени был, видимо, все же смущен.

Кто начал первым отвечать начальнику школы, сейчас сказать трудно, да это и не важно. Во всяком случае, смысл ответа был таков: отъезд начальника школы в такой момент повлечет за собой усиление тревоги в среде чинов школы, находившихся в полном неведении о происходящем, проявлявших также сильную нервность. Оставление же юнкеров на произвол судьбы – мера, или выход из положения, крайне жестокая. Для выполнения плана начальника школы достаточно, чтобы в Харбин, с обширным докладом к генералу Хорвату, отправится кто-либо из офицеров, вроде энергичного Кузнецова. Не должно забывать, что в Харбине в это время находился полковник Добровольский, отлично известный генералу Хорвату еще как по мирному времени (Добровольский – кадровый офицер Заамурской пограничной стражи – находился в подчинении у генерал-лейтенанта Хорвата, тогда начальника КВЖД), так и за время Великой войны.

Свое суждение полковник Боровиков высказал довольно резко, сказав, что отъезд полковника Плешкова «в настоящее время прямо недопустим». Плешков резко ответил, что «в роль батальонного командира не входит подача советов прямому начальнику». Затем, помолчав, с горечью добавил: «Всю жизнь я старался делать людям добро, а за это мне платят лишь

неблагодарностью. Так и теперь: я хочу сделать все возможное, чтобы спасти школу, а меня чуть ли не заподозревают в бегстве! Но все равно, все это меня не огорчает, и я приму меры, какие найду нужными». С этими словами он встал и, попрощавшись с Рубцом и Боровиковым, занялся разговором с прислугой относительно еще не переотправленных вещей, в чем большое участие принимал поручик Масленников.

С подавленным чувством вышли Рубец и Боровиков от своего начальника. Разговаривая друг с другом, они пришли к заключению, что это – настоящее бегство. Итак, положение создавалось крайне неблагоприятное: преступное положение Розанова, теперь еще почти бегство начальника школы…

Все же полковник Рубец считал, что можно еще создать такой оплот, чтобы большевики не посмели даже попытаться произвести переворот. Своими мыслями он поделился с полковником Боровиковым и сказал тому, что завтра он, полковник Рубец, соберет штаб-офицеров и, ввиду отсутствия высшего надежного начальства, обсудит со штаб-офицерами положение и те дальнейшие меры, которые следует предпринять.

На следующий день, то есть утром 27 января, по школе распространился слух, что полковник Плешков, получив отпуск на шесть дней, решил сейчас же уехать в Харбин…

Полковник Рубец об этом рассказывает так: «Едва я поднялся с кровати, как ко мне явился капитан Горно-Богоявленский (командир 1-й роты) и взволнованно сообщил, что Плешков уехал и увез и свою семью, и все свои вещи. Адъютант школы Холин, подполковник Алексеев и другие офицеры свои семьи и вещи перевезли в город еще раньше, теперь же и он, Горно-Богоявленский, отправляет свою семью в город и советует полковнику Рубцу последовать его примеру, переотправив его семью к знакомым Горно-Богоявленского».

На вопрос полковника Рубца о причинах столь спешной отправки Горный ответил, что в школе создалось крайне тревожное настроение и в любую минуту можно ожидать каких-либо «случайностей». Полковник Рубец на это возразил: «Мы сами создаем тревожное настроение и вносим панику. Поэтому моя семья никуда не поедет. Против паники я приму меры».

Прибыв в канцелярию школы, полковник Рубец узнал здесь, что весь вчерашний день и целую ночь автомобиль школы курсировал по льду между островом и городом, перевозя вещи начальника школы. Само собою разумеется, что весть об этом уже успела облететь все роты школы и, естественно, усилила брожение и недоверие чинов школы к начальству…

Полковник Рубец вступил во исполнение обязанностей

начальника школы. В командование 1-м батальоном он приказал вступить мне. В 11 часов утра, по приказанию полковника Рубца, все штаб-офицеры школы собрались в кабинете начальника школы. Собравшимся полковник Рубец заявил, что все, о чем здесь будет говориться, является величайшим секретом. Далее он изложил политическую обстановку.

Его доклад сводился к следующему: «Всюду вспыхивают восстания. Из всех войск, расквартированных в крепости Владивосток, надежными можно считать только нашу школу и гардемарин. Остальные части исполняют приказания «постольку-поскольку». В такой тяжелый момент нас покидает на шесть дней полковник Плешков, чтобы отправить свою семью в Харбин; это я считаю несвоевременным. Капитан Горно-Богоявленский, обладающий хорошим политическим чутьем, получил месячный отпуск. Мне кажется, что ген. Розанов быстро перекрасился. Это уже явствует из его приказа об освобождении красноармейцев из концентрационных лагерей. Ходят слухи, что полк. Враштель ведет переговоры с красными. Мы остаемся с гардемаринами одни. Поэтому мы должны немедленно разрешить – считаем ли мы ген. Розанова способным и достойным оставаться у власти или же его нужно немедленно устранить! Если мы остановимся на последнем решении, то мы должны одновременно с отказом признавать здесь власть Розанова довести об этом до сведения атамана Семенова, которому Верховный Правитель предал всю полноту власти на Дальнем Востоке. Повторяю, что все, что здесь сейчас говорится, должно оставаться в полной тайне, так как если переворот будет произведен высшими чинами, то мы избежим лишнего кровопролития».

Штаб-офицеры совещались недолго: было вынесено единогласное решение об устранении генерала Розанова от власти и передаче ее коменданту крепости – генералу Вериго («семеновец»). При этом коменданта крепости хотели просить, чтобы он о произошедшем довел до сведения атамана Семенова. Таков был единственный выход, какой еще имелся у Белого Приморья, доведенного генералом Розановым и иже с ним до края пропасти. В целях проведения принятого решения в жизнь было решено на следующий день командировать в город трех старших полковников – полковника Рубца, полковника Боровикова и полковника Охлопкова. Эти три лица должны были предупредить о предстоящих событиях генерала Вериго и высших чинов гражданского управления краем.

Днем 27 января в школу приехал военный инженер полковник Унтербергер[242], прибывший в форме полковника французской армии. Так как предполагалось, что по возвращении

полковника Плешкова из Харбина полковник Рубец займет должность помощника начальника школы, а полковник Унтербергер примет 1-й батальон, то полковник Рубец приказал мне теперь же сдать 1-й батальон полковнику Унтербергеру.

Несколько слов нелишне сказать о полковнике Унтербергере: Петр Павлович среднее образование получил в Нижегородской классической гимназии, которую он окончил первым с золотой медалью. Николаевское инженерное училище он окончил фельдфебелем с занесением на мраморную доску. Так же блестяще он окончил и Николаевскую инженерную академию. По Николаевскому инженерному училищу он был одного со мною выпуска (1902 года), поэтому мне было приятно встретиться с товарищем по училищу, а также передать батальон такому талантливому человеку. Передачу батальона мы порешили произвести утром 28 января.

Заговорщики действуют

28 января, около 10 часов утра, на школьном автомобиле с Русского острова в город выехали три старших штаб-офицера. С ними за адъютанта поехал поручик Кузнецов. Штаб-офицеры предполагали ехать сначала к коменданту крепости, семеновскому генералу Вериго, дабы узнать об обстановке, а затем предложить ему устранить от дел генерала Розанова. Далее они намечали поездку к капитану 1-го ранга Китицыну (начальнику Морского училища). С ним они хотели условиться о совместных действиях и, наконец, вернувшись в школу, собрать офицеров и юнкеров (по два или четыре от роты) и сообщить им о положении дел.

Однако судьба поставила на пути полковника Рубца и его спутников ряд препятствий. Началось с того, что, приехав к генералу Вериго на его квартиру, они его не застали дома. Правда, адъютант генерала, сообщив штаб-офицерам, что генерал Вериго находится в штабе крепости, просил их обождать, пока он сообщит коменданту об их прибытии. Через некоторое время генерал Вериго вернулся домой и на вопросы штаб-офицеров о тревожности положения и о деятельности генерала Розанова сообщил, что «ничего особенного не случилось и ничего угрожающего нет. Только вот в Никольске неблагополучно: партизаны заняли город, а полковник Враштель, пытавшийся с партизанами договориться, ими арестован, его же отряд частично разбежался, частично же перешел к партизанам». (В действительности полковник Враштель с частью своего отряда,

при вступлении партизан в город, оставил Никольск-Уссурийский и походным порядком направился по тракту к ст. Полтавка – к границе. Он почти достиг своей цели – до границы осталось всего 3–5 верст, когда его отряд был неожиданно окружен в глубоком ущелье, по которому протекает река Патохэза. Возможность благополучного выхода из положения, как результат боя, ввиду условий местности и сил противника исключалась. Не желая понапрасну проливать кровь своих подчиненных, полковник Враштель сдался на милость победителей[243].) Вокзал в Никольске охраняется японцами. Относительно Розанова Вериго сообщил, что он теперь не у дел и свою власть уже передал ему – коменданту крепости. По всей вероятности, атаманом Семеновым будет прислано лицо с большими полномочиями, так что устранять Розанова нет необходимости. Вот еще только находящаяся на «Печенге» часть 35-го Сибирского стрелкового полка объявила себя «самостийной», но, – продолжал генерал, – «они изолированы и вреда не принесут. Кроме того, у нас есть надежные части – это Ваша школа, затем гардемарины и пластуны Патейшвилли. Сюда же идет походным порядком атаман Калмыков, и ожидается прибытие одного полка из Забайкалья от атамана Семенова».

Затем, обратившись к полковнику Рубцу, генерал Вериго спросил: «Вы твердо уверены в верность Ваших юнкеров?» На это полковник Рубец ответил: «За первый батальон я ручаюсь». – «Ну вот и отлично! Мы можем быть спокойными. Об обстановке я буду Вас ежедневно осведомлять через офицера для связи, которого Вы назначайте ко мне». На этом штаб-офицеры инструкторской школы расстались с генералом Вериго. Своею бодростью, энергией и решительностью генерал произвел на полковника Рубца благоприятное впечатление.

Штаб-офицеры поехали дальше – к капитану 1-го ранга Китицыну. Но здесь, в Морском училище, они застали другую картину. По всему было видно, что шла спешная подготовка к погрузке. При офицерах школы к начальнику училища входили и уходили офицеры с докладами о предстоящей погрузке. Полковник Рубец был поражен: «Что сей сон значит? Что это за всеобщее стремление к бегству! Опасности никакой нет. Даже признаков на вооруженное выступление не имеется, а перед нами раскрываются тайны подготовки к бегству!» Из доклада полковник Рубец слышал мельком, как говорилось о дамских вещах и вообще о дамах.

Пораженные всем виденным, штаб-офицеры школы спросили, что означает эта погрузка? На это Китицын ответил, что все это делается на всякий случай, так как положение тревожное. Весь

необходимый груз и запас предварительно грузят на «Орла». «Но, – сказал Китицын, – занятия у нас ведутся обыкновенным порядком, и обычная жизнь ничем не нарушается. Да вообще, относительно дальнейших планов я говорил с Мих. Мих. Плешковым. Но вот я его не вижу среди вас?» На это штаб-офицеры ответили, что Плешков себя скомпрометировал своим отъездом, вернее бегством. «Он бросил школу, и мы приехали к Вам и к коменданту крепости, чтобы выработать план совместных действий, так как командующий войсками, генерал Розанов, собственно, фактически как власть не существует». Далее штаб-офицеры говорили, что школа может перейти в Морские казармы, соединиться с гардемаринами и пластунами. Предлагали вызвать из Раздольного 1-е Артиллерийское училище, пока оно еще может приехать и т. д. Китицын, услышав отзыв штаб-офицеров школы о Плешкове, сразу как-то подозрительно стал относиться к их словам. Очевидно, он сочувствовал Плешкову, и, видимо, между ними раньше были разговоры. Китицын, как-то нехотя, стал отделываться неопределенными фразами. С тяжелым чувством вышли от него представители школы и вновь поехали к коменданту крепости. Штаб-офицерам было ясно, что Китицын тоже, как говорится, «сматывался» так, за компанию с Розановым…

Раздумывая, обсуждая свой последний визит, штаб-офицеры не заметили, как их машину остановил капитан Горно-Богоявленский. Он сообщил им, что начальник школы еще не уехал, а находится здесь, в гостинице «Версаль». Горно-Богоявленский сообщил, что Плешков знает о приезде в город штаб-офицеров и просит их приехать к нему. Штаб-офицеры не могли игнорировать своего начальника, хотя бы тот и находился сейчас в отпуску, и направились к нему в гостиницу «Версаль». Как потом оказалось, Плешков не решился ехать ввиду событий в Никольске-Уссурийском. Железнодорожное сообщение прервалось. Плешков тогда стал подумывать о том, как бы, переодевшись сербским офицером, проскользнуть с семьей мимо Никольска-Уссурийского в Харбин.

Выйдя из «Версаля», Плешков поздоровался со штаб-офицерами, сел в автомобиль и приказал шоферу ехать в гостиницу, где был школьный номер. Прибыв в номер, Плешков с расстроенным лицом обратился к штаб-офицерам. Он говорил в том духе, что ему, мол, известно, как приняли его отъезд офицеры, считая это бегством. Дальше он говорил, как все это ему неприятно, обидно, и опять повторил, что он старался делать всегда добро, а ему платили злом. Штаб-офицеры ответили ему, что, действительно, его отъезд произвел очень неблагоприятное

впечатление на всех. Подполковник Охлопков довольно резко высказал свой взгляд. Плешков перебил его, сказав: чтобы покончить всякие слухи об его якобы бегстве, он поедет со штаб-офицерами на Русский остров, собрав офицеров, ознакомит их с создавшимся положением и объяснит им причину и цель своего отъезда. Что же касается объединения с гардемаринами и т. п., то завтра можно будет выслать квартирьеров в город и разместить Егерский 1-й батальон в Морских казармах, а 2-й и 3-й батальоны – в Коммерческом училище, оставив на Русском острове бывший мятежный батальон. Плешков сообщил штаб-офицерам, что с Китицыным он якобы раньше говорил и что завтра он, Плешков, будет у него и окончательно решит вопрос с переселением школы.

В то время как полковник Рубец с батальонными командирами объезжал начальствующих лиц в городе, у меня весь день 28 января прошел в передаче батальона полковнику Унтербергеру. Около полудня 28 января я надеялся получить от полковника Рубца приказание идти с ротой во Владивосток для ареста генерала Розанова. Я был уверен, что эта миссия выпадет на меня, так как из ротных командиров я единственный был посвящен в наш вчерашний заговор. Вместо ожидаемого приказания днем мы получили из города от полковника Рубца телефонограмму информационного характера, в которой сообщалось, что полковник Плешков в Харбин не выехал. Полковник Рубец приказывал к 5 часам вечера собраться всем офицерам штаба школы и 1-го батальона в офицерском собрании. На это собрание ротам командировать по два портупей-юнкера от каждой. Мне, на всякий случай, приказано было иметь связь с радиостанцией, что на канале, и туда же выслать двух портупей-юнкеров.

В 4 часа дня Унтербергер и я прошли ко мне на квартиру, дабы выпить чаю перед общим собранием. В это же время к моей квартире подъехал начальник радиостанции, капитан Дм. А. Плюцинский[244]. Приятна была встреча трех сослуживцев по Владивостокской крепостной саперной бригаде! В 5 часов вечера Плюцинский уехал к себе на станцию, а Унтербергер и я пошли в собрание, причем я, на всякий случай, сунул в карман себе бомбу Мильса.

С чувством неудовлетворения вышли «делегаты» школы из номера и все с полковником Плешковым поехали вместе обратно на Русский остров.

Уже смеркалось. Было холодно, и полковника Рубца беспокоила мысль об их слишком долгом отсутствии. Поэтому полковник Рубец обратился с просьбой к полковнику Плешкову

сейчас же объехать батальоны, чтобы, появившись, тем самым рассеять сомнения у юнкеров и ободрить офицеров. Плешков согласился, но, когда автомобиль подъехал к собранию, Плешков переменил решение, сказав, что он сначала переговорит с офицерами, а затем на лошадях с полковником Рубцом и командирами батальонов он объедет расположение школы, так как в автомобиле какая-то порча. «Все это было ложью!» – восклицает полковник Рубец, касаясь сего предмета через несколько лет в одном из своих частных писем.

Полковник Рубец пытался уговорить своего начальника ехать сразу, придавая этому объезду большое значение, но Плешков пренебрег советом своего помощника и направился в офицерское собрание.

Все офицеры штаба и 1-го батальона были в сборе, и томительно тянулось время в ожидании возвращения трех штаб-офицеров из города. Был уже седьмой час. В собрание вошел взволнованный поручик Масленников и сообщил, что на 1-й батальон идут 2-й и 3-й батальоны. Офицеры заволновались. Одни требовали проверки сообщенных Масленниковым сведений; другие настаивали взяться немедленно за оружие. Среди общего шума возник вопрос: кто же старший из присутствующих? Раздались голоса: «Полковник Лифанов!»…

Полковник Лифанов – заведующий учебной частью – совершенно растерялся, заявил, что он давно ушел из строя (до службы в Учебной инструкторской школе он был воспитателем 2-го Оренбургского кадетского корпуса), и указал на полковника Карпова, как на старшего из присутствующих здесь строевых начальников. Начальник хозяйственной части школы, полковник Карпов, заявил, что по закону начальник хозяйственной части не вступает в командование частью, и в свою очередь указал на полковника Унтербергера или на подполковника Аристова – начальника связи. Оба вышеуказанных штаб-офицера обратились ко мне, причем полковник Унтербергер сказал мне: «Я ведь человек совсем новый, только вчера приехал. Бери, брат, бразды правления». Молодые офицеры тоже просили меня вступить в командование.

Чтобы пересилить шум и гам, стоявшие в зале, мне пришлось полным голосом крикнуть: «Господа офицеры, пожалуйте ко мне!» Я взобрался на кафедру и с нее сделал следующие распоряжения: 1. Капитану Волковичу (командир 2-й роты) немедленно выставить сторожевую заставу для наблюдения за дорогой в 36-й полк (2-й и 3-й батальоны школы были расквартированы в местности, называвшейся «36-й полк», расстояние от «36-го полка» до нас было около двух верст, эти

пункты соединяла всего одна дорога, шедшая вдоль бухты Новик, с другой стороны дороги были скалы) и за бухтой Новик. 2. Всем строевым офицерам сейчас же разойтись по своим ротам. Роты иметь готовыми к немедленному вступлению в бой и держать со мной связь по телефону и людьми. 3. Начальнику пулеметной команды, капитану Щедринскому, прибыть с пулеметной командой к собранию. 4. Я и офицеры штаба будут находиться в собрании.

Только я это закончил, как преподаватель истории, поручик Степанов, с бледным как полотно лицом, истерично выкрикнул: «Господин полковник, Вы желаете кровопролития! Надо как-нибудь предотвратить кровопролитие! Может, это недоразумение? А если правда, разрешите мне взять автомобиль и поехать в 36-й полк? Может, мне удастся предотвратить безумие 2-го и 3-го батальонов?» Я ответил поручику Степанову, что все мои распоряжения должны быть выполнены. Насилие должно быть подавлено силою. Но если он надеется образумить 2-й и 3-й батальоны и остановить их поход против нас, то я разрешаю ему на автомобиле проехать в 36-й полк.

Сколько раз впоследствии я проклинал свою излишнюю доверчивость к людям! Да разве я мог предполагать, что поручик Степанов состоял в это время чуть ли не во главе заговора, целью которого было свержение власти Верховного Правителя, или, точнее, власти атамана Семенова?

Когда все строевые офицеры разошлись по своим ротам, я подошел к телефону и вызвал командира 9-й роты, капитана Зайченко. Капитан Зайченко говорил со мною со своей квартиры и сообщил, что в районе 2-го и 3-го батальонов никаких волнений не замечается – все тихо и спокойно. Этим известием я несколько успокоил офицеров штаба, оставшихся в собрании.

Вскоре меня вызвал к телефону штабс-капитан Скороходов, временно командовавший моей ротой, и спросил меня – не отдавал ли я приказания всем ротам 1-го батальона собраться в помещении 1-й роты? Скороходов добавил, что 2-я рота уже ушла, а 3-я построена и готова идти. На это я ответил: «Прикажите от моего имени 2-ю роту вернуть, 3-ю роту распустить, но всем быть готовыми по моему требованию идти к офицерскому собранию».

Сейчас же после этого моего разговора по телефону в собрание вошли полковники Плешков и Рубец, полковник Карпов, и я доложил им обо всем случившемся. «Это какое-то недоразумение, – сказал полковник Плешков, – так как, когда мы проезжали 36-й полк, там все было тихо и спокойно». Далее он выразил неудовольствие, что я разослал из собрания всех офицеров по ротам и приказал адъютанту школы, капитану

Холину, вызвать вновь в собрание всех офицеров 1-го батальона.

Через несколько минут все офицеры были в сборе в собрании. Капитан Холин, только что говоривший с кем-то по телефону, сообщил мне, что из 1-й роты ему передали, что там собрались все четыре роты. Это известие меня возмутило, но полковник Плешков, услыхав наш разговор, сказал: «Ну вот и прекрасно! Передайте, капитан Холин, в 1-ю роту, что через 10–15 минут я буду там. По крайней мере, сразу увижу все роты батальона!» Затем он обратился к окружившим его офицерам: «Господа, завтра в 8 часов утра вся школа, в полном составе выступит в го…»

Полковник Плешков не успел договорить. Дверь из прихожей приоткрылась, и в ней показался фельдфебель 1-й роты Витчик. Громким голосом он произнес: «Господа офицеры, вы арестованы»… Дверь захлопнулась, щелкнул замок…

Нащупав рукой бомбу в кармане, я бросился к двери. Она была уже на замке, и слышно было, что в прихожую входят люди, стуча прикладами об пол. Несколько офицеров бросились по коридору, идущему в кухню. Там дверь была также заперта на замок. Когда я подбежал к этой двери, кто-то сказал мне, что с той стороны стоит портупей-юнкер Трухин (фамилию точно не помню). Я не поверил, так как знал, что Трухин определенно правых убеждений. Я окликнул его. Он отозвался и сказал мне, чтобы я предупредил всех офицеров, что все двери и окна собрания взяты под обстрел пулеметов и если мы сделаем попытку выбраться из собрания, то попадем под пулеметный обстрел юнкеров 1-й роты, которые и затеяли все это.

Я пошел в малый зал. Передо мною мелькнул полковник Рубец. Увидев меня, он воскликнул: «Карлуша, прощайте!» и, вытащив из кармана револьвер, хотел его взвести. Не успел он это сделать, как на него набросились капитан Щедринский, я и еще несколько близстоявших офицеров. Мы отобрали у него револьвер. Щедринский и я стали убеждать Бориса Ивановича, что положение еще не столь критическое, чтобы начать стреляться. Полковник Рубец был крайне расстроен и убеждал нас дать ему возможность покончить с собой, так как он не желает принять смерть от мерзавцев-большевиков, не хочет принять от них страданий в пытках, не может и служить у них. «Лучше самому застрелиться, чем терпеть издевательства и мучения от хамов»…

Эта тяжелая сцена была прервана возгласом: «Господа, идут с обыском». У меня мелькнула мысль: «Куда же я дену ручную гранату?» В большом зале на буфете лежала чья-то папаха. Незаметно от других я сунул бомбу в папаху. Во время обыска

моя бомба была найдена. Обыск производился несколькими юнкерами и солдатами 2-го и 3-го батальонов.

Портупей-юнкера, бывшие во время общего собрания, были отпущены по ротам. В числе их был также и портупей-юнкер Кардаков, который у меня в роте числился ротным писарем. Я обратился к одному из проводивших обыск с просьбой вызвать ко мне портупей-юнкера Кардакова для передачи ему находящегося при мне жалованья для чинов моей роты в размере 333 тысяч сибирских рублей.

Между тем в собрание стали прибывать арестованные офицеры 2-го и 3-го батальонов. Большинство из них было арестовано на своих квартирах. От них мы узнали, что капитан Капусткин (командир 5-й роты) долго не сдавался и, когда стали выламывать двери его квартиры, он произвел два выстрела: первый в свою жену, а второй себе в висок. Стреляя в жену, он промахнулся, сам же скончался в тот же вечер.

В группе офицеров, окружавших полковника Боровикова, последний рассказывал, как он, услыхав о волнениях в его батальоне, решил обойти роты. В одной из рот на него напало несколько стрелков. При своем высоком росте полковник Боровиков отличался и крепким телосложением. Произошла свалка. Сопровождавший его дежурный офицер (кажется, подпоручик Куминг) выстрелил из револьвера в группу барахтавшихся. Тогда толпа солдат бросилась на подпоручика Куминга, и последний, отстреливаясь, бежал в горы, а затем (как то выяснилось впоследствии) спустился на лед бухты Новик и, пройдя до радиостанции, нашел приют у капитана Плюцинского, у которого и скрывался от преследований «товарищей» несколько дней. Дело в том, что радиостанция находилась под охраной японцев и чины школы после переворота не рисковали появиться в районе ее.

Кардаков явился вскоре, и я ему сказал, что на квартире у меня между двух тюфяков находится толстая пачка из двухсотрублевых билетов, а на столе лежит раздаточная ведомость. Через полчаса Карда-ков принес мне деньги полностью, хотя, по его словам, моя квартира, а также квартиры многих других офицеров подверглись ограблению. В тот момент, когда Кардаков подходил к моей квартире, из нее вышел наш школьный закройщик и в руках у него была моя сабля. Моих ружей уже не оказалось над моей кроватью. В последующие дни Кар-даков заходил ко мне за деньгами, и, при даче отчета, он рассказывал, что творится в ротах и городе.

В вечер ареста каждый из арестованных офицеров получил по тоненькому японскому тюфяку, подушку и одеяло. Ложиться же

спать предстояло прямо на полу, вповалку. После 12 часов, когда многие офицеры уже улеглись вповалку на полу, а кухонная дверь по-прежнему охранялась портупей-юнкерами моей роты, я решил побеседовать с часовым, который так же, как и прежний часовой, был далеко не левых убеждений. Из беседы с ним я узнал, что всей школой заправляет небольшая, но сплоченная компания, остальным же юнкерам и портупей-юнкерам, захваченным врасплох событиями, ничего не оставалось делать, как беспрекословно подчиниться этой небольшой группе. Я узнал также, что в настоящее время в помещении 1-й роты происходит общее собрание: выбирают начальствующих лиц. Штабс-капитан Нельсон-Гирст уже выбран на должность начальника школы. Портупей-юнкер Михаил Балышев выбран на должность командира 1-го батальона. Фельдфебель моей роты, портупей-юнкер Андрей Слепухин, за строгость не пользовался любовью юнкеров, и он оказался арестованным вместе с нами. Это был единственный из портупей-юнкеров, не оставшийся на свободе.

Так закончился последний день существования Учебной инструкторской школы на Русском острове, ибо под командой Нельсон-Гирста была уже не школа, а вооруженная революционная толпа.

Под красным флагом Областной Земской Управы

31 января все было уже кончено. Переворот совершен бескровно; об этом позаботились интервенты – международная полиция. Отряды ее сопровождали вступавшие в город отряды войск и партизан и все время поддерживали порядок. Заметно, что всем дирижируют американцы, а японцы как-то тушуются.

Новая власть – «демократическое правительство» – официально именуется «Временное правительство – Приморская Областная Земская Управа». Новая власть определенно пользуется симпатиями американцев и чехов и установила дружеские сношения с дипломатическими представителями Японии. Японское же военное командование относится заметно сдержаннее. Многие же японские офицеры искренне негодуют по поводу установления власти красных.

На следующий день, то есть 1 февраля, город был полон красных флагов, повсюду видны красные банты. Председатель правительства, между прочим, заявил, что «когда одна власть сменяет другую революционным порядком, то красного флага бояться нечего». Но тем не менее в среде эсеров и более правых элементов уже чувствуется смутная тревога, ибо скрывавшийся до

сего времени большевизм теперь открыто вышел на улицу.

Прошло несколько дней. Влияние коммунистов на молодое эсеровское правительство росло с каждым часом. И хотя председателем правительства состоял эсер Медведев, и хотя эсер Краковецкий и был назначен Главнокомандующим, и хотя начальником штаба у него и оказался старый опытный офицер Генерального штаба генерал Доманевский[245], но… главные нити управления всем «движимым и недвижимым» крепко держались товарищами из коммунистов.

Митинги, выборное начало, коммунистические газеты – все это ступени одной и той же лестницы, ведущей к торжеству «диктатуры пролетариата». И в этой обстановке, конечно, были недопустимы чины и погоны. Сначала, без официального приказа, один за другим, в угоду «товарищам из сопок», стали снимать погоны, а затем через несколько дней последовал приказ и об уничтожении чинов. На нас, арестованных и находящихся в помещении офицерского собрания инструкторской школы, эта весть произвела угнетающее впечатление. Капитан Зайченко предложил всем арестованным спороть погоны и сжечь их, дабы не допустить снятие погон «товарищами». С его предложением все согласились. Капитан Зайченко собрал все срезанные погоны в корзину, растопил печь и постепенно стал бросать погоны в огонь. Мы все толпились тут же, смотря, как огонь пожирает наши погоны. Полковник Плешков, чтобы не появляться в беспогонном мундире перед нами, с этого дня стал ходить в толстой канадской фуфайке без кителя.

10 февраля ко мне явился портупей-юнкер Кортаков. Думая обрадовать меня, он передал копию «Доклада», такого одержания:

«ДОКЛАД

Общее собрание портупей-юнкеров и егерей 3-й роты УИШк, обсудив вопросы, касающиеся личностей нижепоименованных офицеров, делает следующую о них характеристику:

Подполковник К.Н. Хартлинг, как человек в высшей степени гуманный и заслуживший любовь всех своих подчиненных. Во время гражданского столкновения 18 ноября 1919 года был только исполнителем долга офицера. Личной инициативы, которую проявляли многие офицеры, как ярые противники широких слоев общества и как мстители за старое прошлое, подполковник Хартлинг не проявлял. Находясь на должности ротного командира, к своим подчиненным был справедлив. В беседах с ротой подп. Хартлинг говорил, что долгое время служил

офицером в Инженерной части (минерная рота). На основании вышеизложенного 3-я рота просит подп. Хартлина из-под ареста освободить и предоставить ему, как специалисту, поступить в какую-либо из воинских частей Инженерного Ведомства. В случае же его отказа предложить выехать из пределов Российской республики.

Подпоручик Цейтлин (подпоручик Цейтлин был очень дельным и опытным офицером, он был офицером довоенного времени, но не продвинулся в чинах, так как в первых же боях 1914 года попал к немцам в плен и назад в Россию, Владивосток прибыл незадолго перед Гайдовским восстанием. – Авт.), занимая должность взводного офицера, о политическом моменте не высказывался, почему политические его убеждения нам неизвестны. 18 ноября 1919 участия в подавлении восстания не принимал. Как офицер и начальник стоял вполне на высоте своего призвания. Был аккуратен, добросовестно относился к службе, заботился о том, чтобы его подчиненные имели всегда вполне исправное обмундирование и отопляемое помещение. Как человек был в высшей степени корректен и вежлив, вне строя держался просто, избегая всевозможных строгостей и наказаний. Ввиду вышеизложенного просим освободить подпоручика Цейтлина из-под ареста и предложить вступить в ряды Рев. Армии.

Портупей-юнкер Слепухин, находясь в роте с самого начала курса и занимая различные командные должности, был придирчив и несправедлив. Среди своих сослуживцев зарекомендовал себя с дурной стороны. Для искупления всего прошлого предложить ему вступить в ряды действующих частей Р. А. в качестве рядового бойца. В случае же его отказа привлечь его к ответственности за уклонение от военной службы. Варвин, Кортаков, Ищенко, Шляховский и т. д.»

К удивлению Кортакова, я заявил ему, что «оба предложения для меня не приемлемы. Под властью большевиков я не служил ни минуты и надеюсь, и в дальнейшем мне удастся не идти против моей Родины. Службу в Народно-Революционной Армии я считаю все равно, что в Красной. Между ними отличие невелико. Что же касается до выезда за границу, то для этого надо и капитал, и знание иностранных языков, в частности английского. Я же никогда уроков английского языка не брал. Отпустят на свободу, так авось и на частной службе не помру с голоду».

Вечером того же дня среди арестованных распространился слух, что на днях будут освобождены 14 офицеров, а остальные переведены во владивостокскую тюрьму. Настроение среди арестованных сразу пало. Моей роты поручик Цейтлин под

большим секретом сообщил мне, что в числе подлежащих освобождению намечены я, он и штабс-капитан Агапитов и таким образом все офицеры 3-й роты будут на свободе (Агапитов хотя и командовал ротой во 2-м батальоне, но мои портупей-юнкера считали его своим и, настояв на освобождении всех офицеров роты, причислили и его к таковым).

После обеда 12 февраля все мы, арестованные, были выведены на мороз и долго ждали прибытия «начальника школы». Наконец появился Нельсон-Гирст со списком в руках. Действительно, 14 человек подлежало освобождению, остальные – в тюрьму. Я был в числе подлежащих освобождению. В последний раз крепко я пожал руку Борису Ивановичу Рубцу. (После этого мне не суждено было с ним встретиться.)

Нас, 14 человек, подлежащих освобождению, вернули в помещение собрания, и мы из окна долго смотрели на уводимых в тюрьму. Два ряда конвойных сопровождали их, идя по сторонам. Приблизительно часа через два нас тоже вывели и под конвоем повели в город. Нас сопровождал портупей-юнкер Балышев, который сказал мне, что прежде, чем нас выпустят на свободу, мы должны быть представлены чинам ВЧК «на опознание».

ВЧК помещалась в «Московском Подворье» на Полтавской улице. Не помню уж, сколько времени нам пришлось там ждать, но время тянулось бесконечно. Наконец, по одному нас стали выводить. Дошла очередь и до меня. Ввели в какую-то комнату. За столом сидели одна дама и четыре мужчины. Балышев назвал меня. Дама, с соболем на плече, долго всматривалась в меня и сказала: «Не он». Остальные члены коллегии тоже отрицательно покачивали головами, произнося: «Нет» или «Не он». Мне приказали выйти в другую камеру. Михаил Балышев крепко пожал мне руку и поздравил с освобождением из-под ареста. Я надел шубу и вышел на Полтавскую улицу…

Так закончилась моя военная служба! Куда было идти? Был десятый час вечера. Поезд на Седанку, где жила моя семья, отходил в полночь. Я решил зайти к знакомым – к Навским. Там был полный дом гостей – обыватели жили своей жизнью…

Послесловие

При внимательном рассмотрении события 28 января в Учебной инструкторской школе на Русском острове невольно вызывают недоумение: чувствуется какая-то «неувязка». Действительно, переворот в пользу красных производит та именно часть, которая в течение весьма продолжительного времени являлась одним из главных оплотов Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака во Владивостоке. В течение многих месяцев чины школы (многие – полных два года) боролись с большевиками. Как же они вдруг могли изменить своим идеалам? Что их толкнуло на арест своих прямых начальников?

Много лет спустя, когда уже в эмиграции у меня началась интенсивная переписка с полковником Рубцом, последний поделился со мною своими мыслями и впечатлениями того времени. Ниже привожу дословные выдержки из писем Б.И. Рубца ко мне: «Наша поездка оказалась бесцельной и завершилась неожиданным инцидентом. Если бы я знал, насколько обострилось положение, то я ни за что бы не поехал в город, так как наш отъезд и дал толчок к нашему аресту. Главной моей целью было: ознакомившись с обстановкой в городе, осведомить не только офицеров, но и юнкеров школы, чтобы этим внести успокоение, как мне казалось, нарушенное отъездом Плешкова и паническими сведениями, распространяемыми Масленниковым, Волковичем и многими офицерами второго и третьего батальонов. Повторяю, это была ошибка. Я до сих пор виню себя за это. Останься я и, объезжая все роты, назначь смотр батальонам, я бы отвлек юнкеров от мысли, что их бросают на произвол судьбы. До сих пор я остаюсь при мнении, что весь наш крах, т. е. арест, произошел от перепуга юнкеров, которые считали, что мы всех их бросим. Вспоминая теперь все происшедшее, прихожу к выводу, что «у страха глаза велики»…

Это письмо полковника Рубца подтвердило мое мнение, что не так уж виноваты перед нами юнкера – они были убеждены, что мы, офицеры, бросим их так же на произвол судьбы, как хотел это сделать наш начальник школы. Но мы, в большинстве своем, этого сделать не предполагали, а надеялись общими усилиями всех военно-учебных заведений отстоять от захвата большевиками Владивосток и его окрестности.

Без боя сдано было красным Приморье в 1920 году. Сдано в значительной степени из-за того, что «у страха глаза велики». Красная власть утвердилась во Владивостоке, но не долго властвовали там большевики: 3–4 апреля того же 1920 года

разразились новые события, после которых красное знамя хоть и не было спущено, но влияние коммунистической партии в Приморье оказалось сведенным почти на нет. А потом пришли каппелевцы и семеновцы. Трехцветный стяг вновь был поднят в Южно-Уссурийском крае. Наступила зима 1921/22 года, и белоповстанцы пошли в свой последний наступательный поход. Хабаровск был взят. Части генерала Молчанова уже у ст. Ин… Однако из Хабаровского похода ничего не вышло: у белых – Временного Приамурского правительства – денег не было, займа под успехи белоповстанцев не удалось получить, и еще через полгода, в октябре 1922 года, во Владивосток вступали уже стройные ряды регулярных полков Красной армии…

Здесь позволю себе отметить факт: с падением власти генерала Розанова во Владивостоке в руки красных перешло 100 миллионов рублей золотого запаса Российского государства, хранившегося во владивостокском отделении Государственного банка. Из этих 100 миллионов 70 миллионов было в валюте (чистым золотом). Кратковременное властвование во Владивостоке большевиствующих с 31 января по 3 апреля очистило владивостокское отделение Государственного банка – золото было вывезено в Благовещенск, являвшийся в том году центром коммунизма на Дальнем Востоке…

Останься же золото во Владивостоке до начала апрельских событий, оно неизбежно попало бы в руки каппелевцев и семеновцев, то есть тех, кто зимой 1921/22 года пошел в поход на освобождение России. Как сложилась бы тогда обстановка. Что вышло бы тогда из так называемого Хабаровского похода – гадать теперь бесполезно, но случай сей весьма поучителен. Вдумавшись, мы, во всяком случае, не можем не согласиться с мыслью, выраженной стихом:

…борись до последней минуты,
Мужайся и крепни в борьбе,

ибо они основаны на великой евангельской истине: «Претерпевший до конца – спасен будет».

Приложения

На «Лейтенанте Малееве»

Сибирская флотилия, имевшая своей базой Владивосток, в 1919 году состояла из отряда больших судов («Орел», «Якут», «Магнит», «Свирь» и еще несколько других судов) и дивизиона миноносцев («Лейтенант Малеев», «Твердый», «Бойкий», «Быстрый» и «Инженер-механик Анастасов»). Самое крупное из судов, «Орел», именовалось крейсером. В действительности же это был военный транспорт, превращенный в дни Великой войны во вспомогательный крейсер.

В середине ноября 1919 года миноносец «Инж. Механ. Анастасов» находился в починке, в строю, таким образом, оставалось только четыре миноносца. Ноября, примерно, 15-го из Морского штаба пришло приказание: взять воду, уголь, команду на берег не спускать и быть в боевой готовности.

17 ноября утром, примерно часов в 9—10, из Морского штаба был подан сигнал: «Стать на бочки». Миноносцы отшвартовались и вышли на середину Золотого Рога, где и стали согласно приказу.

Слегка покачиваясь, стояли миноносцы на бочках. Время шло. Около 2 часов дня со стороны Эгершельда донеслись звуки начавшейся пальбы. Выступление началось! На миноносцах ждали приказаний, но их пока не поступало из штаба. Пальба в районе вокзала продолжалась…

Около 5 часов из штаба семафором был передан сигнал: «Выйти на траверз вокзала».

«Лейтенант Малеев» (350 тонн, ход 23–24 узла) снялся с бочки и направился к вокзалу. Но тут оказалось, что в створе миноносца и вокзала находится махина американского крейсера «Албани». Когда миноносец подошел на сравнительно небольшую дистанцию к американцу, с него был передан в рупор совет командиру русского миноносца «подобру-поздорову отойти в сторону». Позднее американцы оправдывались тем, что боялись попасть под перекрестный огонь. Одновременно с сим на «Албани» заиграли боевую тревогу.

Делать было нечего: не тягаться же миноносцу с союзным крейсером-великаном: «Лейтенант Малеев» отошел и подался несколько далее к выходу из Золотого Рога. Здесь он занял наблюдательную позицию, но очень скоро по нему с берега был открыт огонь. Миноносец ответил. Загорелся бой…

Время шло. Бой миноносца с повстанцами, находившимися на берегу, продолжался. Обшивка и трубы миноносца были уже порядочно изрешечены пулями повстанцев. То немного утихая, то возгораясь с новой силой, бой продолжался до 11 часов вечера, когда огонь сошел почти что на нет.

Со своего снятия с бочки, «Лейтенант Малеев» никаких новых распоряжений из штаба не получал до 2 часов ночи (18 ноября), когда из штаба на миноносец прибыл старший лейтенант Королев[246]с приказанием. Оно говорило о том, что с рассветом правительственные войска пойдут в атаку на мятежников. «Лейтенанту Малееву» предписывалось взять под огонь своих 75-миллиметровых орудий вокзал и некоторые другие квадраты, дабы тем самым поддержать атакующих и подавить врага.

Начало сереть. «Лейтенант Малеев» открыл огонь и вел его до тех пор, пока не пришло известие о захвате правительственными частями вокзала и капитуляции мятежников. После этого миноносец отбыл на свою обычную стоянку.

Днем 18 ноября во Владивосток с Ольги прибыл транспорт с батальоном 36-го Сиб. стр. полка, под командой капитана Достовалова.

В конце ноября 1919 года «Лейтенант Малеев» был отправлен в залив Св. Ольги для связи с правительственным отрядом, занимавшим Ольгинский район и ведшим борьбу с красными партизанами. Во главе этого правительственного отряда стоял командир 36-го Сиб. стр. полка.

Прибыв в бухту Св. Ольги, командир «Лейтенанта Малеева» увидел, что его судно является единственным в гавани. Командир стрелкового полка посетил миноносец, высказав при этом свое удовлетворение по поводу прибытия судна и надежду на то, что с прибытием «Лейтенанта Малеева» положение в районе примет более устойчивый характер. Дело в том, что чины полка и приданной к нему артиллерии, не видя за собой каких-либо судов, проявляли известную нервность. Агенты красных сим пользовались, и в полку стали наблюдаться случаи дезертирства рядовых бойцов.

Прошло несколько дней. Командир стрелкового полка вновь посетил миноносец. На сей раз он был встревожен: дезертирство не только не прекратилось с приходом миноносца, но в последнюю ночь к красным ушла значительная партия распропагандированных стрелков. Красные также смелели. Начальник гарнизона спросил командира миноносца: «Возможно ли, в случае крайней надобности, принять на миноносец всех офицеров, верных стрелков и пушки?» На это, увы, миноносец, имевший и без того команду в 76 человек, мог принять в самом

крайнем случае еще человек 30–40, не больше. Никакого разговора о пушках и не могло быть. Взять их – это значило бы перевернуть миноносец… Приходилось ждать, пока Владивосток соблаговолит прислать транспорты за правительственным отрядом.

Дни бежали. Положение в районе принимало с каждыми сутками все более и более тревожный характер. Правительственный отряд прижался к самому городку (Ольга). Уход к красным стрелков стал теперь почти что обычным делом. А по воде залива уже заплавало «сало»…

Пришла холодная ночь, и… наутро миноносец оказался скованным льдом. А что такое миноносец, затертый во льду? Это уже не миноносец, а только батарея на открытой и гладкой местности. Неприятное было положение, но командир решил постараться как-нибудь выйти из положения. Своими средствами команда стала подрубать лед вокруг миноносца. Подрубили, миноносец заработал винтами и своим тонким носом стал подламывать лед… Полынья увеличивалась, и, постепенно прорубая дорогу, «Лейтенант Малеев» благополучно выбрался на середину бухты. Тут командир и команда вздохнули свободнее.

Прошли еще одни тревожные сутки, но вот на горизонте появились транспорты. Они шли за стрелковым полком. Свободно вздохнул начальник правительственного гарнизона. Не один десяток людей мысленно возблагодарили Бога…

Погрузившись на транспорты, правительственный отряд покинул Ольгу, направившись во Владивосток. Одновременно с ним ушел из Ольги и «Лейтенант Малеев». Это был последний поход. Вскоре пришли события 30–31 января 1920 года, а вместе с ними и оставление Родины на посыльном судне «Якут».

3-я рота Учебной инструкторской школы на Русском острове в бою 18 ноября 1919 года

К 50 чинам роты (1 портупей-юнкер, 1 рядовой офицер и 48 егерей) по собственному желанию присоединились, находившиеся в городском отпуску, 3 егеря 4-й роты.

Из общего числа 53 бойцов, рота понесла потери в бою: 2 убитых (егеря Дымченко Александр и Дьяченко Иван), 2 тяжело раненных (рядовой офицер Мальберг Иван и егерь Яковлев Георгий; у обоих отняты левые ноги), 1 легко ранен (егерь Шнейдер Владимир) и 2 легко раненных, оставшихся в строю (егеря Радецкий-Микулич Георгий и Ломакин Алексей), итого рота потеряла 5 чинов.

Из 53 бойцов, участвовавших в бою, один егерь (Владимир Шнейдер) был награжден Георгиевским крестом III степени, 22 егеря – Георгиевским крестом IV степени и остальные 30 человек получили Георгиевские медали.

notes

Примечания

1

Сахаров Константин Вячеславович, р. 18 марта 1881 г. Кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, академия Генштаба (1908). Полковник. В белых войсках Восточного фронта с осени 1918 г. (бежал из астраханской тюрьмы). С 2 ноября 1918 г. во Владивостоке, с 15 ноября 1918 г. генерал-майор, с 23 ноября 1918 г. начальник гарнизона Русского острова, с 5 декабря 1918 г. начальник Учебно-инструкторской школы («школы Нокса»), с 23 марта 1919 г. генерал для поручений при Верховном главнокомандующем, с 5 июня 1919 г. начальник штаба, с 20 июня командующий Западной армией, с 14 июля 1919 г. – 3-й армией, с 10 октября 1919 г. командующий Московской группой армий, с 4 ноября 1919 г. главнокомандующий армиями Восточного фронта, с 9 декабря 1919 г. в распоряжении Верховного главнокомандующего, с 23 января 1920 г. (с декабря 1919 г.) до 22 февраля 1920 г. снова командующий 3-й армией. Генерал-лейтенант (с октября 1919 г.). В эмиграции в Германии. Умер 23 февраля 1941 г. в Берлине.

2

Впервые опубликовано: *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.

З

2-я армия Восточного фронта. Образована 14 (22) июля 1919 г. на Курганском направлении в результате разделения Сибирской отдельной армии. Подразделялась на Северную (генерал П.П. Гривин; бывший 4-й Сибирский армейский корпус и отряды генерала Миловича и Редько), Южную (генерал Г.А. Вержбицкий; до 12 октября 1919 г. 3-й Степной Сибирский армейский корпус) и Конную (первоначально – Южная конная; генерал В.И. Волков; 1-я, а с 7 августа 1919 г. и 2-я Сибирские казачьи и 2-я Уфимская кавалерийская дивизии, Сводный Ударный Сибирский стрелковый корпус и Красноуфимская партизанская бригада) группы. До сентября 1919 г. в нее входила также 1-я кавалерийская дивизия. В феврале 1920 г. остатки армии вышли к Чите, где были переформированы во 2-й корпус. Командующие: генерал-майор С.Н. Войцеховский, генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий (с 29 июля 1919 г.). Начальник штаба – полковник К.К. Акинтиевский.

4

Войцеховский Сергей Николаевич, р. 16 октября 1883 г. в Витебске. Из дворян Витебской губ., сын подполковника. Великолуцкое реальное училище (1902), Константиновское артиллерийское училище (1904), академия Генштаба (1912). Подполковник, начальник штаба 176-й, 126-й пехотных дивизий, Чешско-Словацкой стрелковой бригады. В белых войсках Восточного фронта; 26 мая 1918 г. во главе группы Чехословацкого корпуса освободил Челябинск, с 11 июня врид. начальника штаба Чехословацкого корпуса с оставлением на должности командира 3-го Чехословацкого стрелкового полка и начальника Челябинской группы (с 11 июня 1918 г. полковник), с 17 октября 1918 г. командующий Самарской группой войск, командир 6-го Уральского армейского корпуса, с 6 января по 18 августа 1919 г. командующий 2-м Уфимским армейским корпусом (с 17 октября 1918 г. генерал-майор; с 8 марта 1919 г. на русской службе), с 29 августа по 1 октября 1919 г. командующий Уфимской группой, с 12 сентября 1919 г. командующий Уральской группой войск, затем командующий 2-й армией, с 25 января 1920 г. главнокомандующий Восточным фронтом, с 20 февраля 1920 г. командующий войсками российской восточной окраины (Дальневосточной армии), 27 апреля 1920 г. откомандирован для связи с армией Деникина. Орден Св. Георгия IV ст. 22 июня 1919 г., III ст. – 12 сентября 1919 г. В эмиграции в Чехословакии, военный министр, генерал армии. Арестован 11 мая 1945 г. в Праге. Пожизненное заключение отбывал на стройке 503. Умер 7 апреля 1951 г. в лагере под Тайшетом (Иркутская обл.).

5

Гривин Петр Петрович. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. формировал Иркутскую дружину, осенью 1918 г. начальник 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии, с 31 января 1919 г. генерал-майор, с февраля 1919 г. командир Восточно-Сибирского армейского корпуса, на 9 мая 1919 г. командир 4-го Сибирского армейского корпуса, с 20 июля до ноября 1919 г. командующий Северной группой 2-й армии. Генерал-лейтенант. Застрелен за отказ выполнить приказ командующим 2-й армией около 26 ноября 1919 г.

6

Устругов Леонид Александрович, р. 23 ноября 1877 г. Санкт-Петербургский институт путей сообщения (1902). Начальник Омской железной дороги, помощник начальника управления железных дорог. В белых войсках Восточного фронта; с 4 ноября 1918 г. министр путей сообщения Временного Сибирского правительства и правительства адмирала Колчака. Умер в 1938 г.

7

Румша Казимир Юрьевич. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командир Польского полка в Народной армии, с июля 1918 г. в Сибирской армии, учился в академии Генштаба в Екатеринбурге. С 1919 г. начальник штаба, затем командующий Польской дивизией.

8

Сыровы Ян, р. в 1888 г. Офицер австрийской армии, поручик, командир 2-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; командир группы, полковник, с августа 1918 г. командир Чехословацкого корпуса, до 4 февраля 1919 г. командующий войсками Западного фронта, генерал-майор (с августа 1918 г.). В эмиграции в Чехословакии, начальник Главного штаба, затем генеральный инспектор армии, осенью 1938 г. премьер-министр. Умер в 1971 г.

9

Семенов Григорий Михайлович, р. в 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г. в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской Особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 18 июня по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 августа 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 12 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 11 февраля 1920 г. главнокомандующий войсками российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г. – походный атаман всех казачьих войск российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Арестован 22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаши, под Дайреном. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

10

Гайда Радола (Гейдль Рудольф), р. в 1892 г. Офицер австрийской армии. Один из руководителей Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с 12 октября по 24 декабря 1918 г. генерал-майор, командующий Екатеринбургской группой войск, в январе – июле 1919 г. командующий Сибирской армией. Генерал-лейтенант (с 17 января 1919 г.). 17–18 ноября 1919 г. поднял во Владивостоке мятеж против адмирала Колчака, после подавления которого убыл в Чехословакию. 16 декабря 1927 г. лишен чина и заключен в тюрьму за попытку переворота по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Арестован в 1945 г. в Праге. Умер после заключения в 1948 г. там же.

11

Сибирская отдельная армия (нового формирования). Образована приказом адмирала Колчака от 24 декабря 1918 г. на Пермском направлении из Екатеринбургской группы. Включала 1-й Средне-Сибирский и 3-й Степной Сибирский корпуса, Воткинскую дивизию и Красноуфимскую партизанскую бригаду. В феврале – марте 1919 г. – 1-й Средне-Сибирский, 3-й Степной Сибирский и Сводный корпуса. На конец апреля 1919 г. боевой состав армии (штыков и сабель) насчитывал около 40 тысяч. 25 апреля 1919 г. в ее составе были выделены группы генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева (начальник штаба – генерал-майор А.А. Сурнин) и генерал-лейтенанта Г.А. Вержбицкого (начальник штаба – полковник Крузе). Включала 1-ю кавалерийскую дивизию, 8-й Камский, Сводный Ударный Сибирский, 1-й Средне-Сибирский (в группе Пепеляева), 3-й Степной Сибирский и 4-й Сибирский корпуса (в группе Вержбицкого), а также ряд отдельных частей: 1-й Ударный Бессмертный полк (полковник Власов), Королевский Сербский партизанский отряд (воевода Воскар), формирующуюся Особую бригаду, 1-й Отдельный дивизион бронепоездов (подпоручик Щербаков), 3-й этапный батальон (полковник Лебедев), 4-й железнодорожный батальон, 3-й (подполковник Парицкий), 7-й (подполковник Папин), 8-й (подполковник Ненашев) и 10-й батальоны охраны железных дорог, конвой командующего (ротмистр Тиме), Егерская (прапорщик Латынин), Отдельная охранная штаба армии (штабс-капитан Захаров) и Отдельная саперная (поручик Урусов) роты; кроме того, в группе Пепеляева имелись: 11-й Оренбургский казачий полк (полковник Сукин), Унтер-офицерский, Саперный (подполковник Зверев) и Железнодорожный батальоны, 1-й Сибирский драгунский дивизион (ротмистр Янерт), Сибирский дивизион бронепоездов, Воздухоплавательный и 2-й Сибирский (штабс-капитан Ильин) отряды, конвойная сотня, Отдельная телеграфная (штабс-капитан Александров), Отдельная автомобильная (подпоручик Мигай) и 1-я Сибирская прожекторная роты. В состав армии входила также Камская флотилия. В ходе весеннего наступления 1919 г. освободила Оханск, Осу, Сарапул и Ижевск, но в мае начала отход под угрозой обхода ее южного фланга. В июне наступала на Глазов, но к июлю отошла в Зауралье. К июню 1919 г. подразделялась на Северную (1-й Средне-Сибирский и 5-й Сибирский армейские корпуса) и Южную (3-й Степной Сибирский и 4-й Сибирский корпуса) группы, Сводный Ударный Сибирский и 8-й Камский

армейский корпуса и 1-ю кавалерийскую дивизию. Насчитывала 350 тысяч человек (56,6 тысячи штыков, 3,9 тысячи сабель, 600 пулеметов, 164 орудия, 4 бронепоезда и 9 самолетов). 22 июля 1919 г. разделена на 1-ю и 2-ю армии. Командующие: генерал-лейтенант Р. Гайда (1 января – 10 июля 1919 г.), генерал-лейтенант М.К. Дитерихс (11–22 июля 1919 г.). Начальник штаба – генерал-майор Б.П. Богословский.

12

Дитерихс Михаил Константинович, р. в 1874 г. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус (1894), академия Генштаба (1900). Генерал-лейтенант, с 3 ноября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего; 8 ноября 1917 г. уехал на Украину, где стал начальником штаба Чехословацкого корпуса (до января 1919 г.), с которым начал Белую борьбу в белых войсках Восточного фронта; с января 1919 г. начальник штаба русских войск Западного фронта, 20 июня – 4 ноября 1919 г. главнокомандующий армиями Восточного фронта, в июле 1919 г. также и командующий Сибирской армией, с 10 августа по октябрь 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 12 августа по 6 октября 1919 г. одновременно военный министр в правительстве адмирала Колчака. С 4 ноября 1919 г. – в распоряжении адмирала Колчака. В июне 1922 г. избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой Земской рати, 1/11 июня – 3 ноября 1922 г. воевода Земской рати. В эмиграции с 1923 г. в Шанхае, с 1924 г. начальник Дальневосточного отдела РОВС. Умер 8 октября 1937 г. в Шанхае.

13

1-я армия Восточного фронта. Образована 14 (22) июля 1919 г. на Тюменском направлении в результате разделения Сибирской отдельной армии из ее Северной группы. Первоначально ее основу составили 1-й Средне-Сибирский корпус, 7-я и 16-я Сибирские, 15-я Воткинская стрелковые дивизии, а также 17-я Сибирская отдельная стрелковая, штурмовая и егерская бригады и отряд полковника Бордзиловского. В сентябре 1919 г. 7-я и 15-я дивизии были изъяты из состава армии, но переведена из 2-й армии 1-я кавалерийская дивизия. В ноябре 1919 г. армия отведена в тыл для охраны Сибирской магистрали, и в ее составе с 18 ноября начал формироваться 2-й Сибирский егерский корпус (3-я и 4-я Сибирские егерские дивизии). В декабре 1919 г. после ряда мятежей разложилась и перестала существовать, ее остатки в 500–600 человек были присоединены ко 2-й армии. 11 марта 1920 г. из бывших чинов армии был сформирован Сибирский партизанский отряд. Командующий – генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев. Начальник штаба – подполковник К.Л. Кононов.

14

Пепеляев Анатолий Николаевич, р. 3 августа 1891 г. в Томске. Сын офицера. Омский кадетский корпус (1908), Павловское военное училище (1910). Офицер 42-го Сибирского стрелкового полка. Подполковник (капитан), преподаватель тактики в школе прапорщиков. Георгиевский кавалер. Служил у большевиков в охране лагеря австро-венгерских военнопленных. В белых войсках Восточного фронта; 27 мая 1918 г. во главе офицерской организации возглавил восстание в Томске, поддержанное чехами, с 13 июня 1918 г. командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, с августа 1918 г. полковник, с 10 сентября 1918 г. генерал-майор, с 25 апреля 1919 г. командующий группой (Северной) Сибирской армии, с 14 июля 1919 г. командующий 1-й армией, с 11 марта 1920 г. командир Сибирского партизанского отряда, сформированного из остатков армии. 20 апреля 1920 г. уехал в Харбин, работал извозчиком. Генерал-лейтенант (с 31 января 1919 г.). Взят в плен в 1923 г. в Якутии, до 4 июля 1936 г. в Ярославском политизоляторе. Работал краснодеревщиком на мебельной фабрике в Воронеже; 20 августа 1937 г. арестован. Расстрелян 14 января 1938 г. в Новосибирске.

15

Ивакин Аркадий Васильевич, р. в 1893 г. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; в августе 1918 г. начальник отряда Средне-Сибирского корпуса, на 9 мая, в декабре 1919 г. командир 2-го Новониколаевского (2-го Барабинского) Сибирского стрелкового полка, врио начальника 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Полковник (13 августа 1918 г.). Убит 7 декабря 1919 г. во время мятежа в Ново-Николаевске.

16

Иванов-Ринов Павел Павлович, р. 26 июля 1869 г. в Семипалатинской обл. Из дворян, сын офицера. Сибирский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Полковник, командующий Отдельной Сибирской казачьей бригадой. В белых войсках Восточного фронта; глава офицерских организаций Омска и Петропавловска. 7 июня 1918 г. возглавил антибольшевистское выступление в Омске, начальник гарнизона, с 13 июня по 7 сентября 1918 г. командир Степного корпуса (с 2 июля 1918 г. генерал-майор), с 15 августа 1918 г. войсковой атаман Сибирского казачьего войска, с 5 сентября врио (с 7 сентября 1918 г. постоянно) до 15 октября (2 или 4 ноября) 1918 г. управляющий военным министерством и 5 сентября – 13 октября 1918 г. командующий Сибирской армией (до 24 декабря 1918 г.), с 3 (23) декабря 1918 г. – одновременно помощник верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по военной части (до 15 (20) мая 1919 г.), с 23 декабря 1918 г. командующий войсками Приамурского военного округа (до 11 мая 1919 г.). С августа 1919 г. командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса (до 19 сентября 1919 г.). Осенью 1919 г. помощник командующего 3-й армией, с начала ноября 1919 г. помощник главнокомандующего Восточным фронтом по военно-административной части. Георгиевский кавалер (9 сентября 1919 г.). Генерал-лейтенант (10 августа 1919 г.). С 23 марта 1920 г. в Харбине, с 7 июля 1921 г. начальник штаба атамана Семенова (походного атамана казачьих войск Сибири и Урала) в Гродекове, в 1922 г. начальник тыла армии; в эмиграции в Китае. Осенью 1925 г. выехал в СССР.

17

Об этом подробно говорится в воспоминаниях К. Хартлинга (см. комментарий № 221).

18

Розанов Сергей Николаевич, р. 24 сентября 1869 г. Михайловское артиллерийское училище (1889), академия Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, командир 41-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); с 25 сентября 1918 г. врид начальника штаба Верховного главнокомандующего, с 22 декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Омского военного округа, с 4 марта 1919 г. в распоряжении Верховного главнокомандующего, с 15 марта 1919 г. командующий войсками в Енисейской губ. и Нижнеудинском уезде Иркутской губ., с 18 марта 1919 г. также уполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия по Енисейской губ., с 18 июля 1919 г. командующий войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 18 июля 1919 г. по 31 января 1920 г. командующий войсками Приамурского военного округа. В эмиграции во Франции, в начале ноября 1920 г. в Париже. Умер 28 августа 1937 г. в Медоне (Франция).

19

Артемьев Василий Васильевич, р. 14 июля 1862 г. в Полтавской губ. В службе с 1879 г., офицером с 1881 г., академия Генштаба. Генерал-лейтенант, командующий войсками Иркутского военного округа, командир 47-го армейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с 31 августа 1918 г. командир Самарского армейского корпуса, затем командующий Курганским военным округом, с 8 октября 1918 г. командующий войсками Приамурского военного округа, с 8 ноября 1918 г. помощник по военной части верховного уполномоченного на Дальнем Востоке и командующего войсками Дальнего Востока, с 23 декабря 1918 г. в распоряжении Верховного Правителя и Верховного главнокомандующего, с 7 февраля 1919 г. и на 15 января 1920 г. командующий войсками Иркутского военного округа, затем генерал для поручений при командующем ДВА, с 15 октября 1920 г. начальник гарнизона Читы, с 9 ноября 1920 г. снова генерал для поручений, с 22 июня 1921 г. председатель комиссии для фактической проверки личного состава, с 4 июля 1921 г. и на 17 июня 1922 г. штатный генерал для поручений, с августа 1922 г. главный начальник снабжений Земской рати, с 23 августа 1922 г. начальник резерва Земской рати. В эмиграции в Югославии. Умер 17 декабря 1929 г. в Белграде.

20

Вологодский Петр Васильевич, р. в 1863 г. Присяжный поверенный. Участник восстания юнкеров в Омске, в 1918 г. член Директории, министр иностранных дел, затем председатель Временного Сибирского правительства, с сентября 1918 г. председатель совета министров Директории в Уфе, до 23 ноября 1918 г. председатель Омского правительства, затем председатель совета министров и министр иностранных дел правительства адмирала Колчака. С 1919 г. в эмиграции. Умер в 1928 г.

21

Пепеляев Виктор Николаевич, р. в 1884 г. Окончил университет. Кадет, член Государственной думы, комиссар в Кронштадте. С 1918 г. – в Национальном центре в Москве и Петрограде. В белых войсках Восточного фронта с августа 1918 г.; с лета 1918 г. в Сибири, организатор переворота 18 ноября 1918 г., директор департамента милиции, товарищ министра и министр внутренних дел правительства адмирала Колчака, с 23 ноября 1919 г. премьер-министр. Расстрелян 7 февраля 1920 г. в Иркутске.

22

Дутов Александр Ильич, р. 5 августа 1879 г. в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище (1898), академия Генштаба (1908). Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 октября 1917 г.), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) декабря 1917 г. командующий войсками Оренбургского военного округа, с августа 1918 г. генерал-майор, с 17 октября 1918 г. командующий Юго-Западной армией (с 28 декабря 1918 г. Оренбургская отдельная армия). С 23 мая до 16 октября 1919 г. генерал-инспектор кавалерии, с 2 июня 1919 г. одновременно походный атаман всех казачьих войск, с 21 сентября по 16 октября (с 16 октября) 1919 г. командующий Оренбургской отдельной армией, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 14 октября 1918 г.). В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен 24 января в руку и живот и скончался 25 января (6 февраля) 1921 г. в Суйдине при попытке похищения.

23

Анненков Борис Владимирович, р. в 1890 г. Из дворян Новгородской губ. Одесский кадетский корпус (1906), Александровское военное училище (1908). Есаул 1-го Сибирского казачьего полка, начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с конца 1917 г. действовал в районе Омска со своим партизанским отрядом. С 28 июля 1918 г. войсковой старшина, с середины 1919 г. на Семиреченском фронте, командующий Отдельной Семиреченской армией. Генерал-майор. В эмиграции с весны 1920 г. в Китае. В 1925 г. выдан большевикам. Расстрелян 25 августа 1927 г. в Семипалатинске.

24

Каппель Владимир Оскарович, р. в 1881 г. в Белеве. Из дворян, сын офицера. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1900), академия Генштаба (1913). Офицер 17-го уланского полка. Подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. во главе Отряда особого назначения Народной армии («Добровольческого Партизанского отряда подполковника Каппеля»), на 15 августа 1918 г. командир бригады своего имени, в сентябре 1918 г. полковник, командир Самарского отряда, с 20 августа 1918 г. возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 17 ноября 1918 г. командир Сводного корпуса (генерал-майор), с 3 января 1919 г. – 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 г. – Волжской группы 3-й армии, с 4 ноября 1919 г. командующий 3-й армией и Московской группой армий, с 9 декабря 1919 г. – главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант. Орден Св. Георгия III (12 сентября 1919 г.) и IV (22 июня 1919 г.) ст. Умер 26 января 1920 г. у разъезда Урей.

25

1-й Средне-Сибирский армейский корпус. Сформирован из добровольческих офицерских дружин 12 июня 1918 г. Наскоро сформированные из офицеров и добровольцев три дружины – Томская, Ново-Николаевская и Барнаульская, под общей командой подполковника Пепеляева – примкнули к чешским частям капитана Гайды и, двигаясь из центра Сибири на восток в Забайкалье, очистили эту территорию от большевиков. После этого они были пополнены и развернуты в Средне-Сибирский корпус (с 26 августа – 1-й, с 30 сентября – армейский). Первоначально (к 26 августа) в корпус входили: 1-я Томская (см. 2-я Сибирская), 2-я стрелковая (см. 1-я Сибирская), 3-я Иркутская Сибирская дивизии и небольшие казачьи части. Он состоял сплошь из добровольцев, в основе – членов подпольных организаций. При выходе к Байкалу на передовой в корпусе было не менее 5000 штыков. Убыль регулярно пополнялась за счет новых добровольцев, и к концу лета в нем было 7–8 тысяч штыков, не считая местных партизанских отрядов. Большинство офицеров воевало рядовыми (даже в начале сентября в качестве солдат сражалось более 4500 офицеров, то есть половина всех имевшихся). В некоторых частях их было больше, чем солдат. На 2 сентября из 5261 человека с винтовками 2929 были офицерами. Формирование завершено в сентябре – октябре 1918 г. (4 октября кадровые бригады корпуса переформированы в 1-ю и 2-ю кадровые дивизии по 4 полка). Корпус совершил знаменитый марш на Пермь, а позднее сражался под Глазовом. Входил в состав Северо-Уральского фронта и Екатеринбургской группы Сибирской армии (1918 г.), с 24 декабря 1918 г. – Сибирской отдельной армии (нового формирования). В феврале – марте 1919 г. включал 1-ю и 2-ю Средне-Сибирские, 16-ю Сибирскую (Пермскую) стрелковые дивизии, 1-ю Сибирскую штурмовую отдельную бригаду, к 9 мая – и 17-ю Сибирскую отдельную стрелковую бригаду, а также Отдельные тяжелую (поручик Бушуев) и дальнобойную батареи, конвойную полусотню и телеграфную роту. Запасные полки дивизий были объединены в прифронтовую бригаду (подполковник Шнаперман). Ему был придан также 11-й Оренбургский казачий полк. С 14 июля 1919 г. – в составе 1-й армии. В конце октября 1919 г., потеряв более трех четвертей своего состава в боях и от эпидемий, части корпуса отведены с фронта в тыл, где разложились и распались в течение декабря 1919 г. К 6 января 1920 г. из всего корпуса остался один только 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый

полк, который благополучно отошел в Забайкалье. Кроме него, в Читу из состава корпуса пробрались отдельные лица, в том числе генерал Пепеляев, который сразу же по прибытии предпринял неудачную попытку сформировать отряд из бывших чинов корпуса. Осенью 1921 г. во Владивостоке занимавший один из видных постов в корпусе генерал-майор Е.К. Вишневский начал формировать 1-й Сибирский Стрелковый имени генерал-лейтенанта Пепеляева полк из бывших чинов корпуса, приезжавших из полосы отчуждения КВЖД (к январю – февралю 1922 г. не более 80—100 человек). Командиры: подполковник (генерал-лейтенант) А.Н. Пепеляев (с 13 июня 1918 г.), генералмайор Б.М. Зиневич (с мая 1919 г.). Начальники штаба: капитан К.Л. Кононов (с 13 июня 1918 г.), генерал-майор А.А. Сурнин (с 2 октября 1918 г.), полковник Турбин.

26

Зиневич Бронислав Михайлович, р. в 1874 г. В службе с 1891 г., офицером с 1895 г., академия Генштаба. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. командир 4-го Енисейского стрелкового полка, в 1919 г. в Иркутском военном училище, 22 июня 1919 г. начальник 2-й Сводной стрелковой дивизии Средне-Сибирского корпуса (с 26 августа 1918 г. – 1-й Сибирской стрелковой дивизии), с 14 июля 1919 г. командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса. Генерал-майор (13 августа 1918 г.). В декабре 1919 г. возглавил мятеж в Красноярске. Впоследствии расстрелян красными.

27

Сычев Ефим Георгиевич, р. 1 апреля 1879 г. Из казаков Амурского казачьего войска. Нерчинское горное училище, Иркутское военное училище (1899). Полковник, командир 2-й бригады Забайкальской казачьей дивизии, с 14 июля 1918 г. командир Забайкальской казачьей бригады, в августе 1918 г. командир 1-й Забайкальской казачьей дивизии, с 14 сентября 1918 г. командир Отдельной Амурской бригады, с 6 ноября 1918 г. начальник Иркутского военного района, с 5 декабря 1918 г. начальник Иркутской военно-инструкторской школы. Одновременно с января по 19 августа и с 30 августа 1918 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска. В начале 1919-го – январе 1920 г. комендант и начальник гарнизона Иркутска, с 23 февраля 1920 г. в распоряжении командующего Восточным Забайкальским фронтом, 29 февраля выехал в Харбин. В 1922 г. командующий Амурской военной организации, генерал-майор (с 11 июля 1919 г.). В эмиграции в Китае, в 1921–1923 гг. (1932) в Харбине, в 1933–1935 гг. редактор журнала «Россия и казачество». Член правления Восточного Казачьего союза. В 1941 г. перешел с сыном в СССР.

28

Трубчанинов Дмитрий Сергеевич, р. в 1890 г. Морской корпус (1912). Лейтенант Гвардейского Экипажа. В белых войсках Восточного фронта; в декабре 1919 г. личный адъютант адмирала Колчака. Взят в плен в 1920 г. в Иркутске. Отправлен в лагерь на Урал. В эмиграции в США, к 1930 г. член объединения Гвардейского Экипажа, на 1937 г. в Нью-Йорке. Умер в феврале 1981 г. в Вирджинии.

29

3-я армия Восточного фронта. Образована 14 (22) июля (1 августа) 1919 г. путем переименования Западной отдельной армии. Летом 1919 г. участвовала в Челябинской операции, в августе – октябре – в Петропавловской операции на реках Тобол и Ишим. 10 октября 1919 г. вошла в состав Московской группы армий. В феврале 1920 г. остатки армии, сведенные в отряды (Егерский, Уральский. Волжский, Ижевский, а также 1-я кавалерийская дивизия, 4-я Оренбургская казачья бригада и другие части), вышли к Чите, где 22 февраля были переформированы в 3-й корпус Дальневосточной армии. Командующие: генерал-лейтенант К.В. Сахаров (22 июля – ноябрь 1919 г.), генерал-лейтенант В.О. Каппель (ноябрь – 14 декабря 1919 г.), генерал-майор В.В. Петров (14 декабря 1919 г. – 23 января 1920 г.), генерал-лейтенант К.В. Сахаров (с 23 января 1920 г.). Начальник штаба – полковник В.И. Оберюхтин (22 июля – ноябрь 1919 г.).

30

Ярцев Георгий Владимирович, р. в 1890 г. Окончил академию Генштаба. Полковник л. – гв. Гренадерского полка. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. в пятерке организации помощи Царской семье. С 5 мая 1919 г., в январе 1920 г. начальник Екатеринбургской учебно-инструкторской школы, затем начальник школ в Томске и под Читой. Участник Сибирского Ледяного похода, на 1920 г. в действующей армии. В эмиграции в Китае, к 1932 г. в Шанхае. После 1949 г. в США. Умер в 1957 г. в Сан-Франциско.

31

Глудкин Петр Ефимович. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 г. формировал в Омске Егерский батальон охраны Ставки, в 1919–1920 гг. командир Егерского полка в Сибирской армии. Участник Сибирского Ледяного похода, начальник Егерской дивизии, с марта 1920 г. командир Егерского полка, с весны до осени 1921 г. командир 1-й стрелковой бригады. Перешел из 3-го корпуса в Гродековскую группу, затем командир Отдельной стрелковой бригады. Участник Хабаровского похода. Убит при попытке мятежа 2 июня 1922 г. в Никольске-Уссурийском.

32

Лебедев Дмитрий Антонович, р. в 1883 г. Сибирский кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903), академия Генштаба (1911). Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., на 30 декабря 1917 г. начальник штаба 1-го отряда армии. В феврале 1918 г. направлен в Сибирь (в январе 1918 г. через Москву или в марте 1918 г. с отрядом через степи на Волгу). В белых войсках Восточного фронта; с 21 ноября 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 6 января 1919 г. генерал-майор, с 23 мая по 12 августа 1919 г. также и военный министр, с 9 августа по 16 ноября 1919 г. командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 ноября 1919 г. командующий Уральской группой войск. В октябре 1922 г. начальник вооруженных сил Владивостока, генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, основатель газеты «Русская Мысль». Умер в 1928 г. в Шанхае (по другим данным – убит на Дальнем Востоке в 1921 г.).

33

Вержбицкий Григорий Афанасьевич, р. 25 января 1875 г. Из мещан г. Летичева. Каменец-Подольская гимназия (не окончил), Одесское пехотное юнкерское училище (1897). Полковник, командир бригады 134-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. При большевиках отказался от предложенной ему должности начальника 134-й пехотной дивизии, был приговорен за неповиновение к смертной казни, но, спасенный солдатами, уехал в Омск 8 декабря 1917 г. Спасаясь от преследования большевиков, перебрался в Усть-Каменогорск. В белых войсках Восточного фронта. Участник свержения большевиков и организации Усть-Каменогорского офицерского отряда, с 20 июня 1918 г. начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, с 20 июля 1918 г. генерал-майор, затем начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии. По очищении района реки Тура назначен уполномоченным правительства с правами генерал-губернатора по насаждению государственного и общественного аппаратов управления освобожденных районов Западной Сибири. В дальнейшем командовал Западно-Сибирским отрядом, с 12 января 1919 г. командующий 3-м Степным Сибирским армейским корпусом, с 10 апреля, на 26 июня 1919 г. командующий Южной группой Сибирской, затем 2-й армии. Орден Св. Георгия III ст. 20 февраля 1919 г. Орден Св. Владимира III ст. 2 мая 1919 г. Участник Сибирского Ледяного похода: начальник колонны на правах командующего армией в составе Южной и Тобольской групп, с января 1920 г. командующий 2-й армией, с 25 марта 1920 г. командир 2-го Отдельного Сибирского стрелкового корпуса, с 22 августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, командующий вооруженными силами Приморской области, с 31 мая 1921 г. командующий войсками Временного Приамурского правительства и с 12 октября 1921 г. одновременно управляющий военным и морским ведомством, в декабре 1921 г. – июне 1922 г. главнокомандующий Дальневосточной армией, с 8 августа 1922 г. помощник воеводы Земской рати. Генерал-лейтенант (с 31 января 1919 г.). В эмиграции в Китае; с 1930 г. помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС, в 1932 г. начальник отдела РОВС в Харбине, с 1936 г. – Тяньцзиньского отдела РОВС. Умер 20 декабря 1941 г. (1942 г.) в Тяньцзине.

34

Милович Дмитрий Яковлевич, р. в 1870 г. Из дворян, сын полковника. В службе с 1887 г., офицером с 1890 г. Офицер 5-го конно-артиллерийского дивизиона и 30-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, начальник 14-й кавалерийской дивизии. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в Самаре (в армию не вступил), с осени 1918 г. до января 1920 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии, летом 1919 г. начальник отряда Северной группы 2-й армии.

Воспоминания К. Семчевского публикуются ниже.

36

Глебов Фаддей (Федор) Львович, р. 25 июня 1887 г. (21 августа 1888 г.) в пос. Казанском Петропавловского уезда. Из казаков Сибирского казачьего войска. Произведен в офицеры из вахмистров в 1916 г. Подъесаул. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. сформировал в ст. Пре-сновской 5-ю сотню 1-го Сибирского казачьего полка, затем командир 1-й сотни того же полка. К маю 1919 г. есаул, помощник командира полка, с 6 августа 1919 г. командир 10-го Сибирского казачьего полка (с 9 сентября 1919 г. – войсковой старшина), с ноября 1919 г. полковник, командир Сибирской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода. С весны, на 21 сентября 1920 г. командир Сибирского казачьего полка, с осени 1920 г. генерал-майор, с весны 1921 г. командир Сводной казачьей бригады, затем начальник Сводной казачьей дивизии, 22 августа 1921 г. исключен из службы; с 1 сентября по 6 декабря 1921 г. командующий Гродековской группой войск. 20 ноября (фактически 9 декабря) 1921 г. отстранен и арестован (20 марта 1922 г. осужден к заключению в крепости на срок 1 год и 4 месяца), с 15 июня 1922 г. в распоряжении командующего войсками и флотом Временного Приамурского правительства, 1—18 июня 1922 г. командир Особой группы частей армии Приамурского Временного правительства, 4-го казачьего корпуса, с 18 июля (8 августа) 1922 г. командующий Дальневосточной казачьей группой. Генерал-лейтенант (1921 г.). В эмиграции в Китае. С 29 июня 1925 г. заместитель атамана Сибирского казачьего войска, в 1942–1944 гг. председатель Российского эмигрантского комитета. Умер 23 октября 1945 г. в Шанхае.

37

Катанаев Аполлос Всеволодович, р. 2 сентября 1890 г. Из казаков Сибирского казачьего войска ст. Новорыбинской. Сибирский кадетский корпус (1908), Николаевское кавалерийское училище (1910). Подъесаул (с 1916 г.), помощник командира пешего стрелкового дивизиона Сибирской казачьей дивизии. В Добровольческой армии с 8 ноября 1918 г. по 22 марта 1918 г. В белых войсках Восточного фронта; с 10 апреля по 2 июня 1918 г. в тайной организации в Сибири, 16 июня 1918 г. назначен во 2-й Сибирский казачий полк, с 1 июля 1918 г. командир 1-го Сибирского казачьего полка, с 21 сентября 1918 г. есаул, с 22 сентября 1918 г. войсковой старшина, с января 1919 г. командир бригады Сибирской казачьей дивизии. Участник Омского переворота 18 ноября 1918 г. Участник Сибирского Ледяного похода, в январе 1920 г. начальник 4-й Сибирской казачьей дивизии, с марта 1920 г. некоторое время командир Сибирского казачьего полка, с весны 1921 г. командир Сибирского казачьего полка, с лета – Сибирского казачьего дивизиона. Полковник (с 19 ноября 1919 г.). Убит в 1930 г. на ст. Пограничная.

38

15-я Воткинская стрелковая дивизия. Сформирована 3 января 1919 г. на фронте за Камой из реорганизованной Воткинской Народно-Революционной армии, созданной в августе 1918 г. в Воткинском Заводе и его округе. После отхода за Каму во второй половине ноября 1918 г. воткинские части были сведены в Сводную стрелковую дивизию Западной армии, 7 февраля переименованную в Воткинскую, с 16 апреля – 15-я. В январе 1919 г. состояла из 1, 2, 3 и 4-го (Сводного) Воткинских полков, Отдельного Воткинского Конного дивизиона и Отдельного Воткинского артиллерийского стрелкового дивизиона. Принимала участие в весеннем наступлении в составе 1-го Сводного Сибирского корпуса Сибирской отдельной армии, но сразу же по освобождении родного завода от красных была распущена по домам. Однако вскоре из добровольцев и призывников начала формироваться вновь. На 9 мая 1919 г. включала 57-й Воткинский заводской «17-го августа» (полковник Вольский), 58-й Сайгатский им. Чехословаков (полковник Крейер), 59-й Осинский им. Минина и Пожарского (поручик Жуланов), 60-й Воткинский им. Союзных держав (полковник Отмарштейн) стрелковые полки, 15-й прифронтовой (запасный) полк, 15-й легкий артиллерийский дивизион (поручик Курбаловский) и 16-й саперный батальон. 11 мая переформирована из добровольческой в регулярную. 27 июня 1919 г. была слита с 16-й Казанской (Сарапульской) стрелковой дивизией, вместе с которой с июня 1919 г. входила в состав 8-го Камского армейского корпуса. После слияния состав дивизии включал: 57-й Воткинский, 58-й Казанский, 59-й Лаишевский, 60-й Чистопольский стрелковые полки, Отдельный Воткинский Конный дивизион и 15-й отдельный Воткинский артиллерийский стрелковый дивизион. С июля 1919 г. вошла в 1-ю армию, с сентября – в Тобольскую группу. Во время Сибирского Ледяного похода у деревни Дмитриевской в Щегловской тайге 25 декабря 1919 г. почти полностью погиб Воткинский запасный полк, 58-й и 59-й полки попали в плен в начале января 1920 г. под Красноярском. В Забайкалье пехотные части дивизии были сведены в Воткинский стрелковый отряд Дальневосточной армии (потом Воткинский стрелковый полк). Воткинские части имели синий цвет (символ связи со своими заводами – железом и сталью) погон, выпушек и петлиц и буквы «Втк» на погонах. Галунных погон офицеры и подпрапорщики никогда не носили: на синих погонах были белые просветы, зигзаги, канты.

Начальники: капитан (полковник) Г.Н. Юрьев (до 11 января 1919 г.), подполковник Н.П. Альбокринов (с 11 января 1919 г.), полковник Михайлов, полковник фон Вах. Начальник штаба – ротмистр (полковник) фон Вах.

39

Ижевская дивизия. Образована из восставших рабочих Ижевского завода (см. Ижевское восстание и Ижевская Народная армия). Во второй половине ноября остатки восставших прорвались за Каму, где соединились с частями Народной армии. 3 января 1919 г. из ижевцев была сформирована Ижевская отдельная стрелковая бригада (более 2 тысяч человек), которая включена во 2-й Уфимский армейский корпус. На 8 февраля 1919 г. весь комсостав состоял из младших офицеров: командующий и начальник штаба были штабс-капитанами, полками командовали поручики и подпоручики, батальонами, дивизионами и батареей – 5 штабс-капитанов, 2 поручика и 3 прапорщика. С марта до середины апреля 1919 г. бригада потеряла 37 офицеров и 746 солдат. 29 августа 1919 г. развернута в дивизию. Пополнившись 1 августа 1919 г. 52 офицерами и 842 солдатами, к 31 августа она насчитывала 182 офицера и 1309 штыков и сабель, а с приданными частями – 223 и 1618. Ижевский конный полк в конце ноября 1919 г. насчитывал в строю 25 офицеров и 700 солдат. К середине декабря 1919 г. в дивизии в строю оставалось 400 человек. После Сибирского Ледяного похода сведена в Ижевский стрелковый полк. Ижевские части имели синий цвет (символ связи со своими заводами – железом и сталью) погон, выпушек и петлиц и буквы «Иж» на погонах. Галунных погон офицеры и подпрапорщики никогда не носили: на синих погонах были белые просветы, зигзаги, канты.

40

Феофилов Альвиан Иванович, р. в 1870 г. В службе с 1887 г., офицером с 1892 г. Генерал-майор, числящийся по армейской пехоте. В белых войсках Восточного фронта; в 1919–1920 гг. войсковой атаман Енисейского казачьего войска, командир Отдельной Енисейской казачьей бригады.

41

Молчанов Викторин Михайлович, р. 23 января 1886 г. в Чистополе. Сын чиновника. Елабужское реальное училище, Алексеевское военное училище (1906). Подполковник, командир 3-й отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В белых войсках Восточного фронта; в августе 1918 г. руководитель восстания в Елабужском уезде, затем начальник партизанского отряда в том же уезде (до 9000 вооруженных повстанцев), затем переформированного в 32-й Прикамский стрелковый полк. С февраля 1919 г. полковник, командир Ижевской бригады, затем начальник Ижевской дивизии, с марта 1920 г. командир 3-го стрелкового корпуса, с августа 1922 г. командир Поволжской группы. Генерал-майор (с марта по апрель 1919 г.). В эмиграции в США. Умер 10 января 1975 г. в Сан-Франциско.

42

Петров Павел Петрович, р. 26 января 1882 г. в Пскове. В службе с 1903 г. Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1906), академия Генштаба (1913). Офицер 3-го Финляндского стрелкового полка. Подполковник (1917 г.) штаба 1-й армии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. начальник оперативного отдела штаба Народной армии, затем командир 3-го Самарского стрелкового полка, с 31 декабря 1918 г. начальник штаба 6-го Уральского стрелкового корпуса, с июня 1919 г. дежурный генерал штаба Западной армии, с 18 сентября 1918 г. начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, с 14 декабря 1919 г. командующий 3-й армией, к июлю – августу 1920 г. начальник снабжений Дальневосточной армии, с 1 июня 1922 г. (10 августа – 3 ноября 1922 г.) начальник штаба войск Приамурского Временного правительства (Земской рати). Генерал-майор (с декабря 1919 г.). В эмиграции в 1931 г. начальник канцелярии Дальневосточного отдела РОВС в Мукдене. После 1949 г. в США, председатель Общества ветеранов Великой войны. Умер 24 июля 1967 г. в Сан-Франциско.

43

Впервые опубликовано: *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Рига, 1923.

44

4-я Уфимская стрелковая генерала Корнилова дивизия. Сформирована в Уфе летом 1918 г. (комендантом Уфы сразу же после переворота был полковник Моисеев, начальником штаба формирований Народной армии Уфимской губернии – полковник Ф.А. Пучков; 6 сентября 1918 г. этот штаб преобразован в штаб дивизии). Основой ее состава послужили крестьянские повстанческие отряды, в июне и июле 1918 г. при содействии чехов освободившие от большевиков почти всю Уфимскую губернию, а потом сведенные в полки. Три полка дивизии состояли исключительно из добровольческих повстанческих отрядов, четвертый был сформирован осенью 1918 г., но также в значительной степени был укомплектован добровольцами. Одна из самых больших на Восточном фронте по количеству штыков (от 16 до 20 тысяч) и наиболее прославленных дивизий. Укомплектовывалась русскими и татарами – жителями бассейна реки Белая и левого берега нижнего течения Камы. Офицеры в абсолютном большинстве – также местные уроженцы. С октября 1918 г. входила в состав 2-го Уфимского армейского корпуса, с 17 августа 1919 г. – Уфимской группы 3-й армии. 20 мая 1919 г. получила имя генерала Корнилова. Состав: 13-й и 14-й Уфимские, 15-й Михайловский, 16-й Татарский стрелковые полки и 4-й Уфимский артиллерийский дивизион, с июля 1919 г. – также 3-я Оренбургская казачья бригада. Сыграла ведущую роль при наступлении в марте 1919 г., а при отступлении в Уральские горы и далее к Челябинску принимала на себя основные удары красных. Под Красноярском потеряла приблизительно половину оставшихся в строю и, по приходе в Читу, была сведена в 4-й Уфимский стрелковый полк. Начальники: генерал-майор (генерал-лейтенант) С.Н. Люпов, полковник (генерал-майор) Косьмин, генерал-майор Г.И. Сахаров (врио), полковник Слотов, генерал Токмачев, генерал-майор В.В. Петров, полковник Карпов (врио, январь – февраль 1920 г.). Начальник штаба – штабс-капитан (полковник) Ивановский (до февраля 1920 г.).

45

Уфимская группа. Образована 17 августа (утв. 12 октября) 1919 г. при реорганизации Западной отдельной армии. Ядром ее являлся бывший 2-й Уфимский армейский корпус. Включала 4-ю Уфимскую, 8-ю Камскую, 12-ю Уральскую стрелковые дивизии и Сибирскую казачью бригаду, а с конца июля 1919 г. – также 13-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Командующие: генерал-майор Тарновский (врид; 19–29 августа 1919 г.), генерал-майор С.Н. Войцеховский (29 августа – 1 октября 1919 г.), генерал-майор Р.К. Бангерский (с 1 октября 1919 г.).

46

2-я Уфимская кавалерийская дивизия. Образована 2 ноября 1918 г. из Уфимской кавалерийской бригады (полки которой были созданы летом 1918 г. на Урале). С 9 января 1919 г. временно вошла в состав 2-го Уфимского армейского корпуса Западной отдельной армии. В конце мая при реорганизации армии дивизия вошла в состав Уральской группы. С 26 июля 1919 г. входила в состав Конной (Южной конной) группы 2-й армии, с 16 августа – конной группы Сводного казачьего корпуса. Состав: драгунский (бывший 1-й Русско-чешский отдельный кавалерийский партизанский отряд), гусарский, уланский и казачий (командир – Ридигер), Уфимские полки и 2-й конно-артиллерийский дивизион. Офицерский состав состоял в большинстве из пехотных офицеров, солдаты – в основном татары и башкиры, однако, уступая в выправке, дивизия почти не отличалась от 1-й кавалерийской по боевым качествам. Понесла большие потери и по прибытии в Читу была сведена в Уфимский гусарский (кавалерийский) полк (полковник Зеленцов), насчитывавший до 450 сабель и вошедший в состав 2-й Уфимской стрелковой дивизии, а в Приморье – в Сводно-кавалерийский полк. Начальники: полковник Павлов (врид; 22 ноября – 7 декабря 1918 г.), генерал-майор Джунковский (20–21 апреля, 3–8 мая, 14 мая – 20 июля 1919 г.), подполковник Петрушевский (врид; 22–29 апреля 1919 г.), подполковник Левшиновский (врид; 30 апреля – 2 мая, 9—13 мая 1919 г.), генерал-майор князь Кантакузен (с 18 октября 1919 г.).

47

8-я Камская стрелковая адмирала Колчака дивизия. Сформирована 30 сентября 1918 г. из частей Камско-Буйского фронта как Сводная Уфимская стрелковая (с 1 января 1919 г. – 8-я Камская). Основой ее состава послужили крестьянские повстанческие отряды в июне и июле 1918 г., при содействии чехов освободившие от большевиков почти всю Уфимскую губернию, а потом сведенные в полки. Три полка дивизии состояли исключительно из добровольческих повстанческих отрядов, четвертый был сформирован осенью 1918 г., но также в значительной степени был укомплектован добровольцами. Одна из самых больших на Восточном фронте по количеству штыков (от 16 до 20 тысяч) и наиболее прославленных дивизий. Укомплектовывалась русскими и татарами – жителями бассейна реки Белая и левого берега нижнего течения Камы. Офицеры, за небольшим исключением, – также местные жители, причем многие из них имели законченное среднее образование и окончили военные училища или школы прапорщиков. Входила в состав 2-го Уфимского армейского корпуса, с 17 августа 1919 г. в Уфимскую группу 3-й армии. Состав: 29-й Бирский, 30-й Аскинский, 31-й Стерлитамакский, 32-й Прикамский стрелковые полки, 8-й Камский стрелковый артиллерийский дивизион (позднее – артиллерийская бригада, потом – артиллерийский полк) и конный дивизион Щеголихина (развернут из партизанского отряда того же командира). В нее были влиты части бывшей 8-й Пермской стрелковой дивизии. Сыграла ведущую роль при наступлении в марте 1919 г., а при отступлении в Уральские горы и далее к Челябинску принимала на себя основные удары красных. Во второй половине ноября потери в полках дивизии достигли от 1/3 до 2/3 боевого состава, одно время оставалось по 150–200 боеспособных людей на полк. За время Сибирского Ледяного похода тифом переболело до 100 % солдат и 50 % офицеров. Под Красноярском потеряла приблизительно половину оставшихся в строю и, по приходе в Читу, была 22 февраля 1920 г. сведена в 8-й Камский стрелковый полк. Ее наследником в Приморье был также Отдельный Камский конный дивизион. Начальники: полковник (генерал-майор) Пронин, подполковник (генерал-майор) Ф.А. Пучков (до февраля 1920 г.). Начальник штаба – гвардии ротмистр Соболев.

48

Бангерский Рудольф Карлович, р. 21 июля 1878 г. в Паурупской вол. Лифляндской губ. Офицерский экзамен при Санкт-Петербургском пехотном юнкерском училище (1901), академия Генштаба (1914). Полковник, командир 17-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; 6 августа – 10 сентября, 18 сентября, 22 сентября – 5 октября, 29 октября 1918 г. начальник штаба 7-й Уральской горных стрелков дивизии, с 5 февраля 1919 г. генерал-майор, с 16 марта 1919 г. начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии, с 1 октября 1919 г. командир 2-го Уфимского армейского корпуса, в сентябре, декабре 1919 г. начальник 12-й Уральской стрелковой дивизии, с декабря 1919 г. по апрель 1920 г. командующий Уфимской группой, на сентябрь – октябрь 1920 г. командующий войсками Читинского района Дальневосточной армии, в 1920 г. начальник Союза чинов Дальневосточной армии. Генерал-лейтенант (май – сентябрь 1920 г.). В эмиграции в начале 1920-х гг. в Латвии, полковник в латвийской армии, с 1925 г. генерал-майор, командир дивизии, 4 года военный министр, с 1937 г. в отставке, в 1943–1945 гг. генерал-инспектор Латышского добровольческого легиона СС, с 1944 г. генерал-лейтенант. Погиб в автокатастрофе 25 февраля 1958 г. в Ольденбурге (Германия).

49

Азиатская конная дивизия. Сформирована 28 мая 1919 г. в Забайкалье из частей расформированного Туземного конного корпуса бароном Р.Ф. Унгер-ном фон Штернбергом (еще до мировой войны хорошо знакомым с Монголией) в составе 1-й конной – Даурский и Хамарский (с 22 сентября 1919 г. Татарский) полки, 2-й конной – 1-й и 2-й Бурятские полки и Инородческой конно-артиллерийской бригад. 11 октября 1919 г. расформирована с разделением на Азиатскую – 1-й (бывший Татарский) и 2-й (бывший 2-й Бурятский) Татарские конные полки (с 1 ноября – также Азиатский конно-артиллерийский дивизион), и Монголо-Бурятскую – Бурятский (бывший 1-й Бурятский) и Даурский конные полки. 5 февраля 1920 г. Азиатская бригада переименована в Азиатскую конную дивизию из двух бригад: 1-я (1-й и 2-й Татарские конные полки и Монгольский конный дивизион) и 2-я (1-й и 2-й Бурятские и Монголо-Бурятский конные полки; в состав ее вошла формировавшаяся с 6 декабря 1919 г. Отдельная Бурятская конная бригада). С 18 марта 1920 г. подчинялась непосредственно главнокомандующему всеми вооруженными силами российской восточной окраины, с 21 мая – Дальневосточной армии. 7 августа 1920 г. переформирована в партизанский отряд, который в августе самовольно ушел на монгольскую границу и 29 сентября исключен из состава армии (в Монголии снова именовался дивизией). Насчитывала до 400 русских и до 2 тысяч азиатов.

50

Барон **Унгерн фон Штернберг Роман Федорович**, р. в 1887 г. Павловское военное училище (1908). Есаул 3-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в конце 1917 г. начальник отряда в Даурии, в октябре 1918 г. начальник Инородческой дивизии, с 23 октября 1918 г. генерал-майор, с 8 декабря 1918 г. командир Туземного (Азиатского) корпуса, с 18 июня 1919 г. начальник Азиатской конной дивизии. Генерал-лейтенант. Взят в плен и расстрелян большевиками 15 сентября 1921 г. в Новосибирске.

51

Лохвицкий Николай Александрович, р. 7 октября 1868 г. в Москве. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын присяжного поверенного. 4-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1889), академия Генштаба. Офицер л. – гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, начальник 1-й Особой дивизии во Франции. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1919 г. в прикомандировании к штабу Верховного главнокомандующего, с 14 июля 1919 г., в августе 1919 г. командующий 2-й армией, с 27 апреля до 22 августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, с 2 июня по 1 октября 1920 г. одновременно начальник штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами российской восточной окраины. На 8 января 1922 г. во Владивостоке, член общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. В эмиграции с 1923 г. во Франции, с 1927 г. председатель Общества монархистов-легитимистов. Генерал от инфантерии. Умер 5 ноября 1933 г. в Париже.

52

1-й корпус (1-й отдельный, с 27 апреля 1920 г. 1-й Забайкальский) Дальневосточной армии. Образован 10 марта 1920 г. в Забайкалье из находившихся там войск, подчиненных атаману генерал-лейтенанту Г.М. Семенову (Забайкальская казачья и Маньчжурская сводная атамана Семенова дивизии и 1-я отдельная Забайкальская казачья бригада). По приходе в Приморье его части составили основу Гродековской группы войск. После Хабаровского похода в его состав вошли все казачьи части, и он стал включать: Оренбургскую казачью бригаду, Сводную казачью бригаду и Забайкальскую казачью дивизию. Командиры: генерал-лейтенант Д.Ф. Семенов (10 марта – 23 июля 1920 г.), генерал-майор Г.Е. Мациевский (с 23 июля 1920 г.). Начальник штаба – полковник К.Л. Соболев (1920 г.).

53

2-й корпус (2-й отдельный стрелковый, с 27 апреля 1920 г. 2-й Сибирский стрелковый) Дальневосточной армии. Образован 22 февраля 1920 г. в Забайкалье из остатков 2-й армии Восточного. Первоначально (к 21 марта 1920 г.) в него входили Иркутская (Иркутский, Воткинский и Тобольский стрелковые полки), Омская (4-й и 15-й Сибирские, 3-й Барнаульский стрелковые и 11-й Оренбургский казачий полки) стрелковые дивизии, отдельная Добровольческая бригада (два полка) и Сибирский казачий полк. Воткинский полк (см. Воткинский стрелковый отряд) затем вошел в состав Ижевско-Воткинской бригады 3-го корпуса. По приходе в Приморье располагался в Никольске-Уссурийском, Спасске и нескольких иных населенных пунктах по обеим веткам к северу от Никольска. После Хабаровского похода состоял из трех бригад: 1-й стрелковой, 2-й Сибирской стрелковой и 3-й Пластунской, но в целях приведения организации к большему однообразию 15 мая 1922 г. сильно потрепанная 3-я Пластунская бригада сведена в один полк, который влит в 1-ю стрелковую бригаду. После этого корпус состоял из 1-й и 2-й стрелковых бригад, все номера полков которых были изменены на новые – с 1-го по 6-й. Корпусу был также придан 2-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион. В августе 1922 г. переименован в Сибирскую группу (рать), насчитывавшую на 1 сентября 1922 г. 1450 штыков и сабель и 7 орудий. Состояла из трех стрелковых полков (отрядов): Западно-Сибирского (бывший 4-й Омский), Восточно-Сибирского (генерал-майор Е.К. Вишневский; бывший 3-й Иркутский и 3-й сводный Добровольческий полки, пополненные чинами бывшего 1-го Пластунского полка, изъявившими желание служить в частях 2-го корпуса и не пожелавшими отправляться в Дальневосточную группу) и Пограничного, а также Сибирской артиллерийской дружины (бывший 2-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион) и Сибирской инженерной дружины (бывший 2-й Сибирский инженерный дивизион). Командиры: генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий (февраль – 23 августа 1920 г.), генерал-майор И.С. Смолин (с 23 августа 1920 г.). Начальники штаба: полковник Волков, полковник Бодров (август – ноябрь 1922 г.).

3-й корпус (до 27 апреля 1920 г. 3-й отдельный стрелковый) Дальневосточной армии. Образован 22 февраля 1920 г. в Забайкалье из остатков 3-й армии Восточного фронта. В его состав вошли: Уфимская (4-й Уфимский, 8-й Камский, 12-й Уральский стрелковые, Уфимский кавалерийский полки и Енисейская казачья бригада), сводная стрелковая (Ижевский, Уральский и Егерский полки и одноименные конные дивизионы, Оренбургская казачья бригада) дивизии, Волжская сводная отдельная им. генерала Каппеля бригада (Волжские конный и стрелковый полки) и (до 8 мая 1920 г.) 1-я отдельная кавалерийская бригада (Казанский драгунский и Сводный уланский полки). Воткинский стрелковый отряд первоначально входил в состав 2-го корпуса, а затем вошел в состав Ижевско-Воткинской бригады 3-го корпуса. По приходе в Приморье располагался в основном в Раздольном, под Владивостоком. С 28 августа 1921 г. включал Поволжскую, Ижевско-Воткинскую и 2-ю отдельную Сибирскую стрелковую бригады, Сибирский казачий полк и Сибирскую казачью батарею. После Хабаровского похода состоял из двух стрелковых бригад: Поволжской и Ижевско-Воткинской. Корпусу был также придан 3-й стрелковый артиллерийский дивизион. В августе 1922 г. переименован в Поволжскую группу (рать), насчитывавшую на 1 сентября 1922 г. 2030 штыков, 805 сабель и 8 орудий. Состояла из двух стрелковых полков (отрядов): Прикамского (бывшая Ижевско-Воткинская бригада), Приволжского (бывшая Поволжская бригада), Московского конного полка (генерал-майор Хрущев; 300 штыков и 450 сабель) – сведенные в одну бригаду 1-й и 2-й кавалерийские полки 2-го корпуса и Анненковский конный дивизион, Поволжской артиллерийской дружины (бывший 3-й стрелковый артиллерийский дивизион) и Поволжской инженерной дружины (3-й отдельный инженерный дивизион). Командир – генерал-майор В.М. Молчанов. Начальники штаба: полковник Ловцевич, полковник Савчук (июнь – ноябрь 1922 г.).

55

Сукин Николай Тимофеевич, р. в 1878 г. Из дворян. Офицер с 1899 г., академия Генштаба. Полковник Оренбургского казачьего войска. В январе 1918 г. арестован за агитацию против войскового атамана. В белых войсках Восточного фронта; с 24 декабря 1918 г. командир 6-го Уральского корпуса, с 18 августа 1919 г. в распоряжении ВГК, с 30 августа 1919 г. в резерве чинов при управлении 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, затем командир 2-го Уфимского армейского корпуса. Участник Сибирского Ледяного похода, до середины февраля 1920 г. начальник Северной колонны 2-й армии. С лета 1920 г. начальник штаба главкома всеми вооруженными силами российской восточной окраины. Орден Св. Владимира III ст. с мечами (20 апреля 1919 г.). Генерал-майор (30 августа 1918 г.). В эмиграции в Китае, вернулся в СССР. Умер после 1937 г.

56

Создана на базе Особого Маньчжурского отряда, сформированного в декабре 1917 г. в Забайкалье есаулом Г.М. Семеновым. 18 апреля 1919 г. отряд преобразован в Особую Маньчжурскую атамана Семенова дивизию (с 25 апреля наименование «Особая» упразднено, с 6 июня – Сводная), с 18 июня 1919 г. входившую в 6-й Восточно-Сибирский армейский корпус. Состав: 1-й атамана Семенова (пластунский полк, сводный казачий и Сербский дивизионы) и 2-й атамана Дутова (с 16 июня – генерала Крымова; Приамурский конный полк и Ургинский отряд) конные полки. После переформирования, с 1 ноября 1919 г., включала две бригады: стрелковую – 1-й атамана Семенова и 2-й (бывший 31-й Читинский) Маньчжурские стрелковые полки, Егерский батальон и 1-й легкий Маньчжурский артиллерийский дивизион; и конную – 1-й конный атамана Семенова и 2-й Уссурийский казачий полки и 1-й конный Маньчжурский артиллерийский дивизион; а также авиаотряд, инженерный дивизион и артиллерийский парк. 21 марта 1920 г. дивизия сведена в Маньчжурскую стрелковую атамана Семенова бригаду: 1-й и 2-й Маньчжурские стрелковые полки, 1-й конный атамана Семенова дивизион и 1-й Маньчжурский стрелковый артиллерийский полк (образован 1 ноября 1919 г. из 1-го легкого стрелкового артдивизиона, Маньчжурской батареи и артиллерийского парка), инженерный дивизион и комендантская рота. 8 мая 1920 г. из этой и 1-й отдельной кавалерийской бригады сформирована 1-я Сводная Маньчжурская атамана Семенова дивизия в составе 1-й стрелковой Маньчжурской атамана Семенова (1-й и 2-й Маньчжурские стрелковые полки, легкий Маньчжурский артиллерийский дивизион, отдельный гусарский Бурятский дивизион) и 2-й конной (1-й конный атамана Семенова полк, отдельные драгунский Казанский, уланские Симбирский и Екатеринбургский и 1-й конный артиллерийский дивизионы) бригад. 26 января 1921 г. дивизия сведена в отдельную кавалерийскую бригаду (кавалерийский полк, отдельный конный атамана Семенова дивизион и отдельный кавалерийский эскадрон). Отдельный Маньчжурский дивизион под началом полковника Буйвида осенью 1921 г. (насчитывая тогда до 300 строевых чинов) вошел в состав Отдельной стрелковой бригады.

Савельев Николай. Полковник Уссурийского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; 12 августа 1920 г. командир сводной бригады. 12 сентября 1920 г. ему подчинены в строевом и оперативном отношениях все формирования, происходящие на территории Уссурийского казачьего войска. С октября по ноябрь 1920 г. генерал-майор, к 26 ноября 1920 г. заместитель Г.М. Семенова в должности главнокомандующего всеми вооруженными силами российской восточной окраины, с 7 декабря 1920 г. начальник Южно-Уссурийского военного района, с 25 мая по 1 сентября 1921 г. командующий Гродековской группой войск. Осенью 1921 г. не у дел, с августа 1922 г. командир формируемого партизанского отряда. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, к 1924 г. в Шанхае.

58

Мейбом Федор Федорович. Владимирское военное училище (1914). Штабс-капитан, командир батальона 497-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; к лету 1918 г. в офицерской организации в Казани и партизанском отряде, затем рядовой в 1-й офицерской роте в Казани, командир офицерского взвода, командир 1-го батальона и заместитель командира 1-го Казанского полка Волжской дивизии; в 1919 г. капитан, командир батальона, помощник командира и командир 49-го Сибирского стрелкового полка. Участник Сибирского Ледяного похода. В начале 1920 г. подполковник, командир Отдельной офицерской роты Волжской бригады, командир бронепоезда «Витязь». В эмиграции в США, председатель отдела РОВС в Мичигане. Умер 2 декабря 1978 г. в Лас-Вегасе (США).

59

Впервые опубликовано: Первопоходник. 1976. Февраль. № 29.

60

Фон Вах Борис Эммануилович, р. 10 мая 1888 г. Ротмистр. В белых войсках Восточного фронта; с зимы 1918/19 г. в Воткинской дивизии, на 9 мая 1919 г. начальник штаба 15-й Воткинской стрелковой дивизии, летом 1919 г. начальник той же дивизии (в январе 1920 г. подполковник). Участник Сибирского Ледяного похода, провел дивизию через Сибирь, в Чите командовал ею, по превращении ее в «Воткинский стрелковый отряд», затем командир Воткинского полка в Дальневосточной армии до осени 1922 г. Полковник. В эмиграции в Китае (в 1923 г. в Гирине), затем в США. Умер 26 июня 1958 г. в Сан-Франциско.

61

Сахаров Николай Павлович, р. в 1893 г. в Муроме. Муромское реальное училище (1911). Прапорщик запаса (1912), студент Московского сельскохозяйственного института. Подполковник 9-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. Член Союза защиты Родины и Свободы. Летом 1918 г. командующий Восточным отрядом Северной Добровольческой армии (Муром). Руководитель восстания в Муроме 8–9 июля 1918 г. В белых войсках Восточного фронта; начальник Арского боевого участка Казани, с лета 1918 г. полковник, затем командир 3-го Казанского (потом 50-го Арского) стрелкового полка, затем командир Волжской дивизии; в начале 1919 г. начальник Симбирской пехотной дивизии, с сентября 1919 г. помощник начальника 1-й Самарской стрелковой дивизии, с 6 ноября 1919 г. начальник той же дивизии, с декабря 1919 г. командир Волжской бригады 3-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода; с марта 1920 г. командир Отдельной Волжской бригады, с 1 по 13 июня 1921 г. начальник гарнизона Владивостока, с 25 августа 1921 г. командир Поволжской бригады. Участник Хабаровского похода, в декабре 1921 г. начальник колонны (5-го повстанческого отряда), с августа 1922 г. снова командир Поволжской бригады, в сентябре – ноябре 1922 г. командир Приволжского стрелкового полка. Генерал-майор (23 августа или 10 апреля 1919 г.). В эмиграции в Китае, к 1941 г. в Шанхае, после 1949 г. в США. Умер в 1951 г. в Сан-Франциско.

62

13-я Сибирская стрелковая дивизия. Составлена из частей 13-й Сибирской кадровой стрелковой дивизии, находившейся в Ново-Николаевске и его районе; формирование не было полностью закончено, когда в середине июля 1919 г. дивизия была отправлена на фронт в Западную армию и включена в Уфимскую группу. Состав: 49-й, 50-й Арский, 51-й, 52-й (полковник Поляков) Сибирские стрелковый полки. В полках дивизии было по 3800 штыков, а всего в дивизии не менее 12 тысяч человек. В ходе Сибирского Ледяного похода почти полностью растаяла. Например, 49-й Сибирский полк, войдя в Щегловскую тайгу в составе 680 штыков, перешел Байкал в числе 265 штыков при 38 офицерах (по приходе в Забайкалье насчитывал 200 человек, из которых 45 офицеров). В Забайкалье из остатков офицеров дивизии была сформирована «офицерская рота имени генерала Каппеля» при Волжской бригаде, достигшая вскоре 100 штыков и преобразованная в отряд. Начальник – генерал-майор А.П. Зощенко.

63

Смолин Иннокентий Семенович, р. в 1881 г. Иркутское военное училище (1905). Подполковник 43-го Сибирского стрелкового полка, 4-го Финляндского стрелкового полка, помощник командира 3-го Финляндского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 г. возглавлял подпольную организацию в районе Туринска, с 20 июня 1918 г. командир партизанского отряда своего имени, с июля 1918 г. полковник, затем командир 15-го Курганского стрелкового полка, особой колонны из нескольких полков, на 9 мая 1919 г. командир 3-го Степного армейского корпуса, с 8 июля 1919 г. начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода, с 27 января 1920 г. генерал-майор, командующий Южной группой войск, на 16 июня 1920 г. начальник Омской стрелковой бригады, с 23 августа 1920 г. командир 2-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 г. также начальник гарнизона Никольска-Уссурийского, с августа 1922 г. командир Сибирской группы. Орден Св. Владимира III ст., орден Св. Георгия IV ст., французский крест с пальмовой веткой. Генерал-лейтенант (1921 г.). В эмиграции в Китае и США. Член Общества Ветеранов. Умер 23 марта 1973 г. в Папеэте (Таити).

Барышников Семен Нилович. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1919 г. начальник штаба 3-го корпуса, с октября 1919 г. начальник штаба Волжской группы войск, в декабре 1919 г. врио командующего 3-й армией, в начале 1920 г. в Забайкалье начальник штаба 3-го корпуса. Генерал-майор (к октябрю 1919 г.). В эмиграции в США. Умер в 1934 г. в Сан-Франциско.

Впервые опубликовано: Первопоходник. 1971. Декабрь. № 4.

Лебедев Герман Д. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командир 2-го батальона 1-го Казанского полка Народной армии, в начале 1920 г. подполковник. Умер в США.

67

Попов Борис Иванович, р. 13 мая 1894 г. Из дворян, сын генерала (главы офицерской организации в Казани). Академия Генштаба (ускор). Полковник, командир 2-й батареи 8-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в 1-м Казанском стрелковом полку. Участник Сибирского Ледяного похода, к 15 сентября 1920 г. начальник штаба Волжской бригады. В ноябре – декабре 1921 г. начальник штаба Поволжской бригады, начальник штаба 5-го повстанческого отряда. В эмиграции в Китае, к 1936 г. член Офицерского собрания в Шанхае. После 1949 г. в США. Член и в 1964–1970 гг. председатель Общества Ветеранов, с 1967 г. член редколлегии журнала «Вестник ОВВВ в Сан-Франциско». Умер 8 мая 1970 г. в Сан-Франциско.

68

Зощенко Александр Петрович, р. в 1868 г. Константиновское военное училище (1889). Полковник. В белых войсках Восточного фронта с 5 марта 1919 г. начальник 3-й кадровой дивизии Омского военного округа, затем начальник 2-й Степной Сибирской кадровой стрелковой дивизии, с 17 марта 1919 г. генерал-майор, с 19 марта, в августе 1919 г. начальник 13-й Сибирской кадровой стрелковой дивизии; с 14 марта, на 3 мая 1919 г. также начальник гарнизона Ново-Николаевска. Участник Сибирского Ледяного похода; в 1920 г. генерал для поручений при командире 3-го стрелкового корпуса, с 16 октября 1921 г. генерал для поручений при командующем войсками Временного Приамурского правительства. В октябре 1922 г. при эвакуации Приморья глава всех семейных групп во Владивостоке. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, в 1930 г. в Харбине.

69

Осипов Василий Георгиевич. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 г. командир 9-го Иркутского стрелкового полка, с 20 января 1919 г. полковник, с 5 апреля 1919 г. начальник 3-й Сибирской стрелковой дивизии, летом 1919 г. атаман 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска, начальник 18-й Сибирской стрелковой дивизии, 7-й Сибирской стрелковой дивизии. В Дальневосточной армии: в сентябре – октябре 1920 г. начальник Отдельной Добровольческой стрелковой бригады Омской стрелковой дивизии 2-го стрелкового корпуса, с 31 марта 1921 г. начальник 2-й отдельной Сибирской стрелковой бригады, в марте перешел с бригадой из 2-го стрелкового корпуса в Гродековскую группу, с 31 июля 1921 г. – из Гродековской группы в 3-й стрелковый корпус. Генерал-майор (с 13 июля 1919 г.).

1-й Добровольческий полк. Сформирован летом 1919 г. в составе Добровольческой дивизии. После прихода в Забайкалье сохранил свое наименование в составе Добровольческой бригады Дальневосточной армии. В марте 1921 г. при расколе бригады и перехода полка в Гродековскую группу войск (см. 2-я отдельная Сибирская бригада) не желавшая этого часть солдат влилась в 3-й сводный Добровольческий полк. Летом 1921 г. значительно поредел (до 150 человек). Во время Хабаровского похода с ним был слит Отдельный Красноуфимский конный дивизион, и полк изменил название на Сводно-Добровольческий. Вошел в состав Ижевско-Воткинской бригады. В августе 1922 г. сведен в Пермский батальон (дружину) в составе Прикамского полка Поволжской группы или рати (см. 3-й корпус). На 1 сентября 1922 г. насчитывал 120 штыков. Командиры: полковник Зантьев (1919–1920 гг.; убит), полковник Черкес (1920–1922 гг.).

71

Черкес Евгений Владимирович. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. командир Тарского повстанческого отряда, в 1919 г. в Ижевско-Воткинских частях, затем командир батальона 1-го Добровольческого полка; в начале 1920 г. командир 1-го полка Добровольческой бригады, с лета 1920 г., в декабре 1921 г. командир 1-го Добровольческого полка Дальневосточной армии, в сентябре 1922 г. командир Пермского батальона (бывшего Сводно-Добровольческого полка). В эмиграции в Китае, к 1923 г. в Гирине. В эмиграции член КИАФ и РМО. Умер 27 января 1969 г. в Сиднее (Австралия).

72

Круглевский Александр Владимирович, р. 10 апреля 1891 г. Из дворян, сын полковника. Воронежский кадетский корпус (1908), Павловское военное училище (1910). Капитан, начальник команды конных разведчиков л. – гв. 2-го стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Формировал 1-й Уральский кадровый стрелковый полк (затем 41-й Уральский стрелковый полк), в октябре 1918 г. – январе 1919 г. полковник, командир того же полка; летом – осенью 1919 г. начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии, командующий Уральской группой 2-й армии (вывел остатки дивизии из-под Красноярска в Читу); в марте 1920 г. начальник Уральской дивизии, с марта 1920 г. начальник 1-й сводной стрелковой дивизии. Генерал-майор (18 мая 1919 г.). Орден Св. Владимира III ст. 24 июля 1919 г. Убит в ноябре 1920 г. на ст. Даурия.

73

Вырыпаев Василий Осипович, р. 18 декабря 1891 г. Коммерческое училище в Самаре. Капитан 5-го конно-артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в подпольной организации в Самаре, с июня командир 1-й отдельной конной батареи Народной армии. Полковник. В эмиграции с 1922 г. в Китае и с 1923 г. в Австралии, с сентября 1929 г. в США (Сан-Франциско), сотрудник журнала «Военная Быль». Умер после 1967 г.

74

Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. 1964. Август – ноябрь. № 35–38.

75

Прибылович Виктор Николаевич, р. в 1878 г. Офицер с 1898 г. Полковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; и. д. инспектора артиллерии 1-го Волжского армейского корпуса, с 29 марта 1919 г. полевой инспектор артиллерии фронта. Генерал-майор (с 8 марта 1919 г.).

Перхуров Александр Петрович, р. 1 января 1876 г. в с. Шерепове Тверской губ. Из дворян той же губернии, сын титулярного советника. 2-й Московский кадетский корпус (1893), Александровское военное училище (1895), академия Генштаба (1903). Полковник, командир 186-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. С марта 1918 г. начальник штаба Союза защиты Родины и свободы. Руководитель Ярославского восстания, затем в белых войсках Восточного фронта; с сентября 1918 г. начальник 1-й Казанской стрелковой дивизии Народной армии, с февраля 1919 г. командир Казанской стрелковой бригады и 13-й Казанской стрелковой дивизии, с середины июля 1919 г. начальник партизанских отрядов 3-й армии. Генерал-майор (с 17 июня 1919 г.). Взят в плен 11 марта 1920 г. в с. Подымахинском у Лены; с января 1921 г. служил в РККА. Арестован 20 мая 1921 г. Расстрелян 21 июля 1922 г. в Ярославле.

Галкин Николай Александрович. Подполковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 г. глава подпольной организации в Самаре. С 8 июня 1918 г. начальник Главного штаба и командующий Народной армией, с 28 июля – управляющий военным ведомством Комуча, с 24 октября 1918 г. председатель комиссии по реорганизации бывшей Народной армии, затем генерал для поручений при при ВГК. 31 января 1919 г. на него возложено формирование пехотных и специальных частей в пределах Уральской области (армии) из лиц не казачьего сословия с правами командира корпуса и присвоением наименования «начальника Яицкого отряда», с июня 1919 г. командир 11-го армейского корпуса в Южной армии, в августе 1919 г. начальник группы Южной армии. Генерал-майор (с 24 августа 1918 г.).

Воспоминания Д. Филатьева публикуются ниже.

79

Рябиков Павел Федорович, р. 24 марта 1875 г. Сын подполковника. Полоцкий кадетский корпус (1893), Константиновское артиллерийское училище (1896), академия Генштаба (1901). Офицер л. – гв. Финляндского полка. Генерал-майор, профессор академии Генштаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 7 мая 1919 г. экстраординарный профессор Военной академии, с 9 мая в прикомандировании к Главному штабу, с 28 мая 1919 г. 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного Правителя с оставлением в должности профессора, с 1 октября по 8 ноября 1919 г. начальник штаба Восточного фронта, одновремено в 1918–1919 гг. профессор академии Генштаба. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Японии, в Шанхае, в Чехословакии, в 1931 г. член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. Умер 27 августа 1932 г. в Праге.

80

1-я Самарская стрелковая дивизия. Входила в состав 1-го Волжского армейского корпуса. Состав: 1-й Волжский (полковник Миронов, капитан Меч), 2-й Самарский (подполковник Пирфаров, Калатц), 3-й Ставропольский (полковник Ромеров) и 4-й (под вопросом: существовал ли такой или его вовсе не было) стрелковые полки, Егерский батальон (штабс-капитан Максимов, Белянушкин), 1-й Самарский стрелковый артиллерийский дивизион. При дивизии находился и действовал 4-й Оренбургский казачий полк. 22 ноября 1919 г. в д. Николаевской погиб весь штаб дивизии. Фактически сведенная в полк уже в начале Сибирского Ледяного похода в районе Ново-Николаевска, дивизия (единственная из корпуса) уцелела под Красноярском и вышла к Чите в значительном числе. Начальники дивизии: генерал-майор А.С. Имшенецкий, генерал-майор Н.П. Сахаров. Начальник штаба – Смирнов.

81

Имшенецкий Александр Самойлович, р. в 1871 г. В службе с 1891 г., офицером с 1893 г., полковник. В белых войсках Восточного фронта; на 27 августа 1918 г. командир 1-го Казанского Добровольческого полка Народной армии, в начале 1919 г. начальник 1-й Самарской стрелковой дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода, с ноября 1919 г. командующий Московской группой войск. Умер от тифа в январе 1920 г. в с. Ук.

82

Марков Сергей Владимирович, р. в 1903 г. Кадет Сибирского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 г. в частях Каппеля. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции с корпусом в Шанхае, с 1925 г., по прибытии в Югославию, остался в 7-м классе Первого русского кадетского корпуса. Окончил Первый русский кадетский корпус (1927), Белградский университет, Военно-училищные курсы РОВС. Подпоручик. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Германии, преподаватель гимназии, к 1969 г. сотрудник журнала «Военная Быль», на 10 мая 1972 г. член СЧРК в Сан-Франциско. Умер 28 апреля 1973 г. в Сан-Франциско.

83

Впервые опубликовано: Военная Быль. 1972. Январь. № 114.

84

3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк. Создан на базе кадра 44-го Сибирского стрелкового полка Императорской армии, офицеры которого, вернувшись с фронта, организовали подпольную организацию и 14–15 июня 1918 г. свергли большевистскую власть в Барнауле. Через три дня Барнаульская дружина выступила на фронт и позднее была преобразована в 3-й Барнаульский полк, вошедший в состав 1-й Средне-Сибирской стрелковой дивизии. Единственный полк из состава всего 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, вышедший в Забайкалье (прошел крайним севером, глухой тайгой по глубоким снегам Лены и Витима). По приходе в Читу вошел в состав Омской стрелковой дивизии, а в Приморье был сведен в батальон в составе 4-го Омского стрелкового полка. Командиры: подполковник Вольский (июнь 1918 г.), капитан Богословский (врид), полковник Юрманов (май 1919 г.), полковник А.И. Камбалин (лето – сентябрь 1919 г.), капитан Богословский (сентябрь 1919 г. – январь 1920 г.).

Воспоминания А. Камбалина публикуются ниже.

86

Сукин Александр Тимофеевич. Есаул Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в марте 1918 г. руководитель восстания ст. Изобильной и Буранной, в апреле – мае 1918 г. командир повстанческого отряда Оренбургского казачьего войска; на 9 мая 1919 г. полковник, командир 11-го Оренбургского казачьего полка. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-майор (с 18 октября 1920 г.).

87

Казагранди Николай Николаевич. Штабс-капитан инженерных войск. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. организатор и командир 1-го партизанского офицерского отряда в Омске, в июне 1918 г. командир боевой колонны 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии (подполковник); на 9 мая 1919 г. командир 16-го Ишимского Сибирского стрелкового полка, с 26 марта (22 апреля – 22 июля) 1919 г. начальник 18-й Сибирской стрелковой дивизии. Затем командир отряда во 2-й армии, в начале 1920 г. – отряда в Северной группе. Участник Сибирского Ледяного похода. Полковник (1919 г.). С мая 1921 г. начальник офицерского отряда (бывш. Корюхина) в Монголии. Арестован и расстрелян в июле 1921 г. на хребте Эгин-Дабан.

88

Имеется в виду брат Александра – Николай Тимофеевич Сукин (см. выше).

89

Сальников Дмитрий Николаевич, р. 9 октября 1882 г. Холмская духовная семинария, Одесское военное училище (1903), академия Генштаба (1912). Офицер 8-го стрелкового полка. Подполковник, штаб-офицер для поручений при штабе 13-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода – начальник оперативного отдела штаба армии, на 26 июня 1918 г. в Донской армии, затем полковник, и. д. генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии, с 27 ноября 1918 г. по март 1919 г. командир 1-го Офицерского (Марковского) полка. В белых войсках Восточного фронта; в июне – сентябре 1919 г. начальник штаба Восточного фронта, с ноября 1919 г. командующий войсками Барнаульского и Бийского районов (не прибыл). Участник Сибирского Ледяного похода, в начале 1920 г., до середины февраля 1920 г. начальник штаба Северной колонны. С 17 июня по 1 октября 1920 г. начальник осведомительного (особого) отдела Дальневосточной армии. Участник Хабаровского похода, затем начальник Камчатской области. Генерал-майор. В эмиграции в Китае, техник путей сообщения, учитель. Один из организаторов и начальник штаба Союза военных. Умер 29 мая 1945 г. в Харбине.

Северо-Американские Соединенные Штаты. (Примеч. ред.)

91

Решетников Дмитрий Ионович. Техник, штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 г. в Красноуфимском артиллерийском дивизионе. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920 г. в 1-м стрелковом артиллерийском дивизионе, в декабре 1921 г. командир стрелковой роты артиллерийского дивизиона 1-й стрелковой бригады, в сентябре 1922 г. в Глудкинской батарее Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона. В эмиграции в США.

Впервые опубликовано: Вестник Общества русских ветеранов Великой войны (Сан-Франциско). 1985. Май. № 252.

93

Зольднер Герман Иванович, р. 12 ноября 1872 г. в Киеве. Из дворян Киевской губ. Киевское реальное училище (1889), Алексеевское военное училище (1891), Офицерская артиллерийская школа. Полковник, командир 115-й артиллерийской бригады. В 1918 г. в гетманской армии; 7 сентября 1918 г. назначен командиром 5-й легкой артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта; с октября 1919 г. в Омске, инспектор артиллерии Омской группы войск. Участник Сибирского Ледяного похода. Летом – осенью 1920 г. инспектор артиллерии Дальневосточной армии и член Военного совета. Генерал-майор. В эмиграции в Китае, в 1935 г. помощник начальника отдела РОВС в Харбине, председатель объединения Алексеевского военного училища. Умер 28 января 1938 г. в Харбине.

94

Бригада Морских стрелков. Сформирована на Восточном фронте в Красноярске к весне 1919 г. из чинов Волжской флотилии (около 200 человек) и мобилизованных в составе двух батальонов. Насчитывала около 2 тысяч человек. Командир – контр-адмирал Ю.К. Старк. Командиры батальонов: капитан 2-го ранга Н.Н. Степанов (1-й) и капитан 2-го ранга П.В. Тихменев (2-й).

Бордзиловский Антон Викентьевич, р. 3 ноября 1876 г. в Камышлове. Из дворян Могилевской губ. Сибирский кадетский корпус (1895), Константиновское артиллерийское училище (1897). Подполковник (с 1914 г.) с зачислением по гвардейской пехоте в ведомстве Министерства Императорского Двора. В белых войсках Восточного фронта; с 24 июня 1918 г. начальник формируемого в Тобольске отряда, с 28 июня начальник хозяйственной части и помощник командира 6-го Степного Сибирского стрелкового полка, с 16 сентября 1918 г. командующий тем же полком, с 18 февраля 1919 г. командующий 18-м (с 3 марта 1919 г. 25-й) Тобольским Сибирским стрелковым полком, с 8 марта 1919 г. полковник, с 12 марта и на 9 мая 1919 г. командир того же полка, в июле 1919 г. командир отряда в 1-й армии, с 3 сентября по 17 октября 1919 г. начальник 7-й Тобольской Сибирской стрелковой дивизии, затем помощник командира 2-го корпуса, в декабре 1919 г. во 2-й армии, в январе 1920 г. командующий отдельной Тобольской группой (начальник колонны), на 30 августа, в октябре 1920 г. начальник Иркутской стрелковой дивизии в Дальневосточной армии, в 1921 г. начальник гарнизона Спасска, в ноябре 1921 г. командир 1-й стрелковой бригады, с 11 мая 1922 г. помощник командира 2-го стрелкового корпуса. Генерал-майор (с 17 октября 1919 г.). Орден Св. Георгия IV ст. 6 апреля 1920 г. В эмиграции в Китае, в 1930 г. возглавлял Офицерский Союз в Харбине, председатель отдела РОВС и кадетского объединения в Харбине, до 1945 г. председатель объединения Сибирского кадетского корпуса в Шанхае. После 1945 г. в США, начальник отдела РОВС. Умер 30 мая 1962 г. в Принстоне (США).

3-я Иркутская Сибирская стрелковая дивизия. Сразу же по занятии Иркутска чехо-русскими силами летом 1918 г. полковник П.П. Гривин приступил к формированию Иркутской дружины. Через несколько дней эта дружина в составе трех батальонов выступила на фронт, где и приняла активное участие в боях за обладание Круго-Байкальской железной дорогой, разгроме красных под Танхоем, Посольской и преследовании их до соединения с отрядом атамана Семенова. В июне 1918 г. в составе 1-го Средне-Сибирского корпуса была сформирована Иркутская дивизия (полки Иркутский, Байкальский, Нижнеудинский и Хамардабанский – из добровольческих дружин тех же наименований). 26 августа 1918 г. стала 3-й Сибирской (полки получили номера с 9-го по 12-й), которая была переброшена в Екатеринбург, откуда выступила походным порядком на Бисертский завод, заняла Красноуфимск, сражалась у Песчаной горы, на реке Шаля, под Осой, Сарапулем и в других боях, в ходе которых была в конце концов обескровлена. С 3 октября 1918 г. временно включена в состав 2-го Степного Сибирского корпуса, 3 января на ее пополнение были обращены части 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса. С 26 марта 1919 г. вошла в 4-й Сибирский армейский корпус. Состав: 9-й Иркутский (подполковник Каупин), 10-й Байкальский (полковник Кухарев), 11-й Нижнеудинский (капитан Боярсков), 12-й Верхнеудинский (бывший Хамардабанский; капитан Попов) Сибирские стрелковые полки, 3-й Иркутский Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион (штабс-капитан Смолянинов), 3-й Сибирский инженерный дивизион (штабс-капитан Булыгин) и 3-й кадровый прифронтовой (запасный) полк. Осталась дивизией и в составе 2-го корпуса Дальневосточной армии (с марта 1920 г.). По оставлении Забайкалья многие чины дивизии, не желая далеко уходить от родных мест, оставили ее ряды и присоединились к Азиатской конной дивизии, ушедшей в Монголию. В Приморье свернута в 3-й Иркутский стрелковый полк. Начальники: полковник (генерал-майор) П.П. Гривин, генерал-майор Ракитин. Начальник штаба – подполковник Семенов.

97

Томский гусарский полк. Создан летом 1918 г. в Сибири. С начала 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. Под Канском 14 января 1920 г. в полном составе попал в плен. Командиры: полковник Клейн (май 1919 г.), полковник Зеленцов, полковник Хрущев.

Бек-Мамедов Лев Хаджиевич. Михайловское артиллерийское училище (1908). Капитан. В белых войсках Восточного фронта; с 10 июля 1918 г. в Офицерской кадровой роте (Челябинск), с 16 августа 1918 г. командир 1-го Уральского артдивизиона, выехал из-под Красноярска с одним только ординарцем, затем командир 11-го Уральского артиллерийского дивизиона, в мае 1922 г. командир 3-го артдивизиона, в октябре 1922 г. – Сводно-артиллерийского дивизиона. Полковник. В эмиграции в Китае (известен как Илларион Суворов). Умер 12 февраля 1966 г. в Сен-Питерсберге (США).

Енисейская казачья бригада (Отдельная Енисейская казачья бригада). В 1918 г. после освобождения Красноярска там стали формироваться два конных Енисейских казачьих полка и батарея. 1-й Енисейский казачий полк под командой полковника Розанова участвовал в победоносном движении на восток Сибирской армии. Две сотни этого полка (3-я и 4-я) даже последовали за генералом Пепеляевым на Уральский фронт, где и участвовали в боях под Пермью. Остальные четыре сотни 1-го полка, весь 2-й полк (шесть сотен) и батарея (три орудия) все время оставались в Красноярском районе, где принимали участие в подавлении ряда восстаний. С отводом в тыл на пополнение частей 1-й армии в Красноярск вернулся дивизион, бывший на Уральском фронте. Во время катастрофы под Красноярском енисейские казачьи части уцелели. Одна только сотня хорунжего Занина (до 350 человек), действовавшая отдельно, принуждена была отходить на юг в Урянхай. В Забайкалье енисейские части, собранные, наконец, вместе, образовали бригаду (всего до 700 человек: два полка по четыре сотни каждый и батарею в одно орудие). После оставления Забайкалья на ст. Маньчжурия бригада сведена в полк, прибывший в Гродековский район в числе 450 человек и разбитый там на два дивизиона: конный и пеший. При расколе армии конный дивизион (до 180 человек) из двух конных сотен (в 1-й сотне один взвод был пеший) во главе с войсковым старшиной Бологовым оказался в Гродековской группе войск (как Отдельный Енисейский казачий дивизион), а полк (фактически пеший дивизион сотника Вербицкого – 180 человек, в том числе 18 конных) стоял в окрестностях Владивостока (бухта Улисс). После Хабаровского похода енисейцы вошли в Сводную казачью бригаду 1-го корпуса. В августе переименованы в Енисейскую дружину (на 1 сентября 1922 г. 70 штыков и 40 сабель) в составе Сводного отряда Сибирской казачьей группы (см. 1-й корпус). Командиры бригады и полка: генерал-майор Феофилов, полковник Розанов (1920 г.), войсковой старшина Бологов (1921 г.; август – ноябрь 1922 г.), генерал-майор И.Н. Потанин (с марта 1921 г.).

100

Камбалин Александр Иннокентьевич, р. 20 августа 1888 г. Иркутское военное училище (1909). Полковник. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в августе – сентябре 1919 г. командир 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка, в ноябре – декабре 1919 г. врид командующего войсками Барнаульского и Бийского районов. Участник Сибирского Ледяного похода, в середине февраля 1920 г. начальник Северной колонны. В эмиграции в США. Умер 24 мая 1972 г. в Сан-Франциско.

101

Впервые опубликовано: Белая гвардия. Альманах. 1997–1998. № 1–2.

102

Мальчевский Модест Иванович. Подполковник. В 1918 г. командир 4-го Енисейского стрелкового полка, на 9 мая 1919 г. начальник 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Генерал-майор (с 6 января 1919 г.). Орден Св. Георгия IV ст. (1919 г.).

103

2-я Сибирская стрелковая дивизия. Развернута из добровольческих дружин в июле 1918 г. как 1-я Томская (1, 2, 3, 4-й Томские Сибирские стрелковые полки, 2-й Сибирский стрелковый артиллерийский полк, инженерный и конный дивизионы, с 14 августа – еще 2-й егерский батальон, затем полк). 26 августа переименована во 2-ю Сибирскую. Входила в 1-й Средне-Сибирский стрелковый корпус. Состав: 5-й Томский (бывший 1-й Томский; генерал-майор Кузьменский), 6-й Мариинский (бывший 2-й Томский; капитан Олифер), 7-й Кузнецкий (бывший 3-й Томский; полковник Щеткин), 8-й Бийский (бывший 4-й Томский; капитан Иованович) Сибирские стрелковые полки и 2-й Средне-Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион. К 9 мая 1919 г. – те же полки, 2-й Сводный Сибирский артиллерийский дивизион (подполковник Попов), 2-й Сибирский инженерный дивизион, 2-й Сибирский егерский полк (полковник Николаев) и 2-й Сибирский прифронтовой (запасный) полк (капитан Ерохин). 8 ноября 1919 г. отправлена на пополнение в тыл. В январе 1920 г. попала в плен в районе Мариинска – Красноярска. Начальники: полковник (генерал-майор) А.Г. фон Укке-Уговец, полковник Е.К. Вишневский. Начальники штаба: поручик Крепкогорский (27 июля – 17 августа 1918 г.), штабс-ротмистр Овчинников (18 августа – 31 октября 1918 г.), штабс-капитан Штальберг (1 ноября 1918 г. – 9 января 1919 г.), подполковник Остроумов (19 января – 1 июня, с 24 июля 1919 г.), поручик (штабс-капитан) Безобразов (с 2 июня 1919 г.).

104

Матковский Алексей Фелицианович, р. в 1877 г. В службе с 1894 г., офицером с 1897 г., академия Генштаба. Генерал-майор 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, профессор академии Генштаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 30 августа 1918 г. состоял при управляющем военным министерством, с 5 сентября 1918 г. инспектор кавалерии с зачислением по кавалерии и оставлением по Генеральному штабу, с 6 сентября 1918 г. командир 2-го Степного Сибирского армейского корпуса, в ноябре 1918 г. председатель военного суда, с 15 декабря 1918 г. командующий Сибирской армией, с 25 декабря 1918 г. командующий войсками Омского военного округа, в 1919 г. в Ставке, затем командующий войсками Томского военного округа. Генерал-лейтенант. Расстрелян большевиками.

105

Биснек Рейн Рейнович, р. 8 января 1863 г. В службе с 1882 г. Рижское пехотное юнкерское училище (1886). Генерал-майор, командир бригады пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; особоуполномоченный от штаба Томского военного округа в Алтайской губ., на 3 мая 1919 г. начальник гарнизона города Барнаула, с 28 июля 1919 г. уполномоченный командующего Омского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Барнаульском районе, затем командующий войсками Барнаульского военного округа. Расстрелян большевиками в конце 1919 г. в Сибири.

106

Поляков Василий Иванович. Полковник 44-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; с 11–14 июня 1918 г. начальник Барнаульского гарнизона, в декабре 1919 г. командир 52-го Сибирского стрелкового полка.

107

2-й Степной Сибирский армейский корпус. Сформирован в составе Сибирской армии из добровольческих офицерских дружин 12 июня 1918 г. в Омске как Степной корпус (с 26 августа – 2-й Степной Сибирский, с 30 сентября – армейский). Ядром его послужили полки 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, Отряд полковника Смолина и Первый партизанский офицерский отряд. Конница была представлена формированиями сибирских казаков – отрядом сотников Тимофеева и Вальшевского и 2-м Сибирским казачьим полком, артиллерия – батареями капитанов Плотникова, Остальского и Седова (в 1-й батарее из 33 чинов 25 были офицеры). В составе корпуса были также Украинский гетмана Сагайдачного курень (до марта 1919 г.) и Степной Сибирский польский легион. К 31 июля насчитывал 2384 офицера и 7992 добровольца, в том числе 1314 и 4502 на передовой (в ряде полков и во всех батареях офицеров было свыше половины). Формирование завершено в сентябре – октябре 1918 г. Включал 3-ю Иркутскую (временно с 3 октября 1918 г.), 4-ю и 5-ю Сибирские стрелковые дивизии. 24 декабря 1918 г. корпус был сделан отдельным, а 3 января 1919 г. из него были выделены части, летом 1918 г. входившие в Западно-Сибирский отряд генерала Г.А. Вержбицкого, и развернуты в 3-й Степной Сибирский армейский корпус (куда вошли 3-я и 4-я дивизии). В начале 1919 г. включал 5-ю Сибирскую стрелковую дивизию, Партизанский отряд атамана Анненкова, 2-ю Степную Сибирскую кадровую стрелковую дивизию (позднее – 13-я Сибирская кадровая стрелковая дивизия) и 6-ю Сибирскую сводную дивизию. В июле 1919 г. в состав корпуса входили Партизанская дивизия атамана Анненкова, 5-я Сибирская стрелковая дивизия, Отдельные Семиреченская казачья, Степная стрелковая и Киргизская конная бригады. В ноябре – декабре 1919 г. послужил основой Отдельной Семиреченской армии. Командиры: полковник (генерал-майор) П.П. Иванов-Ринов (июнь – сентябрь 1918 г.), генерал-майор (генерал-лейтенант) А.Ф. Матковский (с 6 сентября 1918 г.), генерал-майор В.В. Бржезовский (с 2 января 1919 г.; убит), генерал-майор И. Ефтин (с 13 сентября 1919 г.). Начальники штаба: капитан (полковник) Василенко (июнь 1918-го – апрель 1919 г.), полковник Щербаков (с мая 1919 г.), полковник И.И. Попов.

108

Попов Иван Иванович, р. в 1888 г. в Якутске. Иркутское военное училище (1909), академия Генштаба. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; начальник штаба 2-го Сибирского армейского корпуса, с ноября 1919 г. командующий войсками Барнаульского и Бийского районов. Участник Сибирского Ледяного похода в Северной колонне, с середины февраля 1920 г. начальник штаба колонны. В эмиграции в Австралии, к 1930 г. начальник Австралийского отдела РОВС. Председатель военного кружка и в 1930 г. Русского клуба в Брисбене.

109

Сатунин Дмитрий Васильевич (Владимирович), р. на Алтае. Штабс-капитан. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. руководитель первого партизанского отряда на Алтае, затем первый атаман новообразованного Алтайского казачьего войска, к ноябрю 1919 г. начальник всех белых войск на Алтае. Капитан. Убит при отступлении в декабре 1919 г. или в начале 1920 г. в с. Иня у монгольской границы.

110

Елачич Борис Михайлович, р. 22 октября 1885 г. Морской корпус (1907) (офицером с 1908 г.). Старший лейтенант 1-го Балтийского флотского экипажа. В Добровольческой армии с 2 января 1918 г. в Морской роте. С февраля 1918 г. в Баку. В эмиграции в Персии. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. капитан 2-го ранга, начальник штаба Алтайских отрядов, с декабря 1919 г. до января 1921 г. командир белых войск на Алтае после смерти капитана Сатунина. Капитан 1-го ранга. В эмиграции в Китае, в 1921–1923 гг. в Харбине. Убит в 1930-х гг.

111

Кайгородов Александр Петрович, р. в 1887 г. в с. Абай на Алтае, алтаец. Тифлисская школа прапорщиков (1917). Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта в конвое адмирала Колчака, в 1919 г. разжалован, с конца 1919 г. в войсках Горного Алтая. В начале 1920 г. восстановлен в чине и повышен до штабс-капитана, затем член Алтайского правительства, переименован в подъесаулы. Командующий войсками Горно-Алтайской области. В начале 1920 г. в Монголии, с января 1921 г. командующий белыми войсками на Алтае, начальник Сводного Русско-Инородческого партизанского отряда войск Горно-Алтайской области в Монголии. Совершил поход на Алтай. Есаул. Застрелился в окружении на Алтае в октябре 1921–1922 гг.

112

7-я Уральская горных стрелков дивизия. Сформирована 6 августа 1918 г. в Екатеринбурге (развернута из добровольческих формирований первых дней антибольшевистского восстания) как 2-я Уральская стрелковая дивизия (с 26 августа – 7-я Уральская горных стрелков, с новыми номерами полков). Входила в состав 3-го Уральского горных стрелков корпуса. Состав: 25-й (бывший 5-й) Екатеринбургский (позднее – имени Верховного Правителя адмирала Колчака; полковник Герасимов), 26-й (бывший 6-й) Шадринский (или Верхисетский), 27-й (бывший 7-й) Камышловский (Камышлово-Оровайский), 28-й (бывший 5-й) Красноуфимский (Ирбитско-Перновский гренадерский) горных стрелков полки (двойные названия полков объясняются тем, что эти полки имели знамена старых полков Императорской армии) и 7-й Уральский горных стрелков артиллерийский дивизион. Дивизия считалась лучшей из уральских частей. Выступила на фронт поздней осенью – зимой 1918 г., приняла участие в весеннем наступлении и к концу лета 1919 г. оказалась сильно потрепанной и малочисленной. Попытки пополнить дивизию не привели к цели, ибо прибывшие из Сибири пополнения отличались низким качеством. На нее было возложено прикрытие отхода в Щегловскую тайгу частей 3-й армии. У деревни Дмитриевской в Щегловской тайге 25 декабря 1919 г. дивизия почти полностью погибла, остатки сдались в плен 2 января 1920 г. под деревней Алтатской. Начальники: полковник (генерал-майор) В.В. Голицын (6 августа – 27 декабря 1918 г.), полковник (генерал-майор) Торейкин (29–31 декабря 1918 г., 13 января – 17 февраля, 2 марта – 6 мая, 21 мая – 27 июня, 14 июля, 17–19 октября 1919 г.), генерал-майор Тарасевич (врид; 18–19 февраля, 10–16 мая, 28 июня, 5 августа 1919 г.), полковник Пустовойтенко (1 июня, 6 августа – 13 сентября 1919 г.), полковник Выдрин (14 сентября – 4 октября 1919 г.), полковник (генерал-майор) Бондырев (5—15 октября, 20 октября – 1 декабря 1919 г.). Начальники штаба: полковник Р.К. Бангерский (6 августа – 10 сентября, 18 сентября, 22 сентября – 5 октября 1918 г.), подполковник (полковник) Рютель (11–17 сентября, 6—16, 19–28, 30 октября, 3, 4, 6—14 ноября, 20 ноября – 24 декабря 1918 г.), штабс-капитан Люба (19–21 сентября, 17 октября, 2, 5, 15–19 ноября 1918 г., 9 января – 18 февраля 1919 г.), подполковник Соколов (19 февраля – 29 апреля, 6 мая 1919 г.), капитан Андреев (врид; 1–5, 7 мая – 6 июня 1919 г.), подполковник Гуммель (10 июня – 2 сентября 1919 г.), штабс-ротмистр Покровский (10

сентября – 5 октября 1919 г.), подполковник Неловицкий (7, 18–21, 25 октября – 1 ноября 1919 г.), поручик Терещенко (2–4, 6—27 ноября 1919 г.), штабс-капитан Сафонов (врид; 16–17, 22–24 октября, 5 ноября 1919 г.).

113

Де Липпе-Липский Николай Иванович, р. в 1896 г. Капитан л. – гв. 2-го стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; в декабре 1919 г. командир Отряда особого назначения Алтайской губернии. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920 г. при штабе Дальневосточной армии. Полковник. В эмиграции в Китае (в Харбине), на 8 января 1922 г. член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке, на 8 мая 1935 г., 6 мая 1939 г. член полкового объединения.

Соколов Михаил Николаевич. Окончил академию Генштаба. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; с 8 ноября 1918 г. начальник штаба войск Дальнего Востока, затем до 20 августа 1919 г. начальник штаба Приамурского военного округа, с 20 октября 1919 г. инспектор всех полевых почтово-телеграфных учреждений фронта, с 29 мая 1920 г. член постоянной Георгиевской думы при штабе армии, затем начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии, с 1 сентября 1920 г. в резерве комсостава при штабе войск российской восточной окраны.

115

Впервые опубликовано: Тернистый путь. Однодневная газета. 1 февраля 1921 г. Издание Владивостокского объединенного комитета по устройству недели каппелевцев.

116

Пучков Федор Абрамович, р. 31 мая 1886 г. Виленское военное училище (1906), академия Генштаба (1914). Подполковник, старший адъютант штаба 57-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с 18 июля 1918 г. начальник штаба войск Народной армии Уфимской губернии, на 15 августа 1918 г. начальник штаба 4-й стрелковой дивизии, 4 октября – 5 декабря 1918 г., 18 января – 1 июля 1919 г. начальник штаба Уфимского отдельного корпуса (затем 2-го Уфимского армейского корпуса), затем начальник 8-й Камской стрелковой дивизии, участник Сибирского Ледяного похода. К 27 мая 1920 г. генерал-квартирмейстер, с 28 июля 1920 г. по 18 июня 1921 г. начальник штаба Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 г. по 10 августа 1922 г. начальник штаба войск Приамурского временного правительства и Земской рати, с декабря 1921 г. по 2 января 1922 г. одновременно войсковой атаман Уссурийского казачьего войска. Генерал-майор (1919 г.). В эмиграции в США. Председатель Общества Ветеранов. Умер 2 февраля 1953 г. в Сан-Франциско.

117

Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. Май 1965 – январь 1966. № 44–52.

118

8-я Камская стрелковая адмирала Колчака дивизия. Сформирована 30 сентября 1918 г. из частей Камско-Буйского фронта как Сводная Уфимская стрелковая (с 1 января 1919 г. – 8-я Камская). Основой ее состава послужили крестьянские повстанческие отряды в июне и июле 1918 г., при содействии чехов освободившие от большевиков почти всю Уфимскую губернию, а потом сведенные в полки. Три полка дивизии состояли исключительно из добровольческих повстанческих отрядов, четвертый был сформирован осенью 1918 г., но также в значительной степени был укомплектован добровольцами. Одна из самых больших на Восточном фронте по количеству штыков (от 16 до 20 тысяч) и наиболее прославленных дивизий. Укомплектовывалась русскими и татарами – жителями бассейна реки Белой и левого берега нижнего течения Камы. Офицеры, за небольшим исключением, также местные жители, причем многие из них имели законченное среднее образование и окончили военные училища или школы прапорщиков. Входила в состав 2-го Уфимского армейского корпуса, с 17 августа 1919 г. в Уфимскую группу 3-й армии. Состав: 29-й Бирский, 30-й Аскинский, 31-й Стерлитамакский, 32-й Прикамский стрелковые полки, 8-й Камский стрелковый артиллерийский дивизион (позднее – артиллерийская бригада, потом – артиллерийский полк) и конный дивизион Щеголихина (развернут из партизанского отряда того же командира). В нее были влиты части бывшей 8-й Пермской стрелковой дивизии. Сыграла ведущую роль при наступлении в марте 1919 г., а при отступлении в Уральские горы и далее к Челябинску принимала на себя основные удары красных. Под Красноярском потеряла приблизительно половину оставшихся в строю и, по приходе в Читу, была 22 февраля 1920 г. сведена в 8-й Камский стрелковый полк. Ее наследником в Приморье был также Отдельный Камский конный дивизион. Начальники: полковник (генерал-майор) Пронин, подполковник (генерал-майор) Ф.А. Пучков (до февраля 1920 г.). Начальник штаба – гвардии ротмистр Соболев.

119

2-й Уфимский армейский корпус. Создан в самом начале Белого движения из частей Уфимского района как штаб формирования частей Народной армии Уфимской губернии. С 30 сентября 1918 г. – Уфимский армейский корпус, с 19 октября – Уфимский отдельный корпус. Осенью 1918 г. составлял основу Камской группы. С 1 января 1919 г. входил в состав Западной отдельной армии как 8-й Уфимский армейский корпус в составе Воткинской и Сводной Уфимской дивизий. 10 января 1919 г. реорганизован во 2-й Уфимский армейский корпус, включал 4-ю Уфимскую и 8-ю Камскую стрелковые дивизии и Уфимскую кавалерийскую бригаду. Ему была также придана Ижевская бригада (с августа – дивизия). 14 июля 1919 г. вошел в состав 3-й армии, 17 августа (утв. 12 октября) 1919 г. преобразован в Уфимскую группу, которая по приходе в Читу была сведена во 2-ю Уфимскую стрелковую дивизию. Командиры: генерал-лейтенант С.Н. Люпов (30 сентября – 13 января 1919 г.), генерал-майор Джунковский (врид; 13 января – 23 марта 1919 г.), генерал-майор С.Н. Войцеховский (25 марта – 18 августа 1919 г.). Начальники штаба: подполковник (полковник) Ф.А. Пучков (4 октября – 5 декабря 1918 г.; 18 января – 1 июля 1919 г.), полковник Виноградов (врид; с 5 декабря 1918 г.), полковник Москаленко (врид; с 21 декабря 1918 г.), подполковник Финицкий (врид; 2 июля – 1 августа, 1 сентября 1919 г.), подполковник Бодров (врид; 1 августа – 1 сентября 1919 г.).

120

Макри Иван Георгиевич, р. 10 июля 1884 г. Аккерманская гимназия (1904), Тверское кавалерийское училище (1906). Офицер 11-го драгунского полка. Ротмистр Отдельного корпуса жандармов. До декабря 1918 г. в Южной армии, затем в Греции. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. начальник политического розыска, в январе 1920 г. полковник, командир частей особого назначения 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода, в начале 1920 г. начальник отряда, выделенного для взятия Красноярска. Генерал-майор. В эмиграции во Франции. Покончил самоубийством в марте 1927 г. в Париже.

121

Волков Вячеслав Иванович, р. в 1877 г. Офицер с 1896 г. Войсковой старшина 1-го Сибирского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; в мае 1918 г. организатор восстания в Петропавловске, начальник военного района, в ноябре 1918 г. полковник, начальник 1-й Сибирской казачьей дивизии. Участник Омского переворота 18 ноября 1918 г., с 1 декабря 1918 г. командующий 4-м и 5-м корпусными районами (1 декабря 1918 г. – 24 января 1919 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией), 24 декабря 1918 г. – 17 февраля 1919 г. главный начальник Иркутского военного округа, с 10 января 1919 г. командующий войсками Средне-Сибирского военного округа, с 18 марта 1919 г. командир Сводного казачьего корпуса, 12–27 июня командир Уральской группы войск, с 20 июля 1919 г. командир Южной конной (с конца июля Конной), с 20 ноября 1919 г. Сибирской казачьей группы 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-майор (с 19 ноября 1918 г.). Убит в январе (около 11 февраля) 1920 г. у деревень Пацаны и Пашки юго-восточнее Иркутска под ст. Ангара.

122

Беляев Владимир Тимофеевич, р. 12 января 1872 г. Сын генерал-лейтенанта. 2-й кадетский корпус (1890), Константиновское военное училище (1892). Офицер 23-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, командир 3-й батареи л. – гв. 3-й артиллерийской бригады, командир 2-й Особой артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта; с 25 ноября 1918 г. в резерве чинов при Ставке ВГК, командирован в Добровольческую армию, с июля 1919 г. в резерве чинов при штабе Омского военного округа, с 4 августа 1919 г. врид инспектора артиллерии Уральской группы, затем инспектор артиллерии 3-й армии, с 15 сентября 1919 г. временно командующий 11-й Уральской дивизией, с 12 февраля 1920 г. врид главного начальника снабжения 3-й армии, затем корпусной интендант 3-го стрелкового корпуса ДВА, на 2 сентября 1920 г. начальник снабжений 3-го корпуса.

123

Мамаев Юрий Ипполитович, р. 22 февраля 1888 г. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Войсковой старшина, командир сотни 1-го Оренбургского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с января 1918 г. член военной комиссии Оренбургского казачьего войска, в феврале 1918 г. командир 1-го партизанского отряда в Верхнеуральске, весной 1918 г. командир Троицкого, затем 1-го Оренбургского партизанского отряда, затем командир 3-го Оренбургского казачьего полка, в июле 1919 г. командир 3-й Оренбургской казачьей бригады, затем начальник Оренбургской казачьей дивизии на Уфимском направлении. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-майор. Покончил самоубийством 4 января 1920 г. на ст. Кемчуг. Жена и ребенок.

124

11-я Уральская стрелковая дивизия. Сформирована 4 октября 1918 г. в Челябинске в составе 3-го Уральского армейского корпуса как 1-я стрелковая кадровая из 1, 2, 3 и 5-го Уральских кадровых горных стрелков полков (преимущественно из мобилизованных), переименованных в 1-й – 4-й стрелковые кадровые, 1-й кадровой инженерной роты, школы подготовки унтер-офицеров и Украинского куреня Тараса Шевченко. 7 декабря 1918 г. переименована в 11-ю Уральскую стрелковую с новыми названиями полков. Состав: 41-й Уральский (полковник Круглевский, полковник Рык), 42-й Троицкий, 43-й Верхнеуральский (Азаров), 44-й Кустанайский стрелковые полки и 11-й отдельный Уральский стрелковый артиллерийский дивизион (полковник Бек-Мамедов). 42-й полк все время действовал отдельно от дивизии, находясь сначала в Отдельной Оренбургской, а затем в Южной армиях. 43-й полк имел знамя Инсарского пехотного полка Императорской армии. В составе 41-го полка имелась Егерская рота, в мае 1919 г. развернутая в батальон из трех рот (командир Кудрявцев). С января 1919 г. входила в состав 6-го Уральского армейского корпуса. Выступила на фронт поздней осенью – зимой 1918 г., приняла участие в весеннем наступлении и к концу лета 1919 г. оказалась сильно потрепанной и малочисленной. Прибывшие из Сибири пополнения были сильно распропагандированы и переходили на сторону противника. При расформировании 6-го Уральского стрелкового корпуса и реорганизации Западной армии дивизия 26 мая 1919 г. вошла в состав Уральской группы. 6 августа 1919 г. на ее укомплектование обращена расформированная 12-я Сибирская стрелковая дивизия, 45-й полк которой переименован в 42-й Троицкий. Погибла в январе 1920 г. под Красноярском. Остатки ее по проходе в Забайкалье были свернуты во 2-й Уральский стрелковый полк. Начальники: полковник Вельк (11 октября 1918 г. – 24 марта 1919 г.), полковник (генерал-майор) Ванюков (24 марта – 4 июня 1919 г.), генерал-майор Круглевский (4 июня – 4 сентября 1919 г.), генерал-майор Беляев (с 15 сентября 1919 г.). Начальник штаба – капитан Кугушев.

125

12-я Уральская стрелковая дивизия. Сформирована 4 октября 1918 г. в Екатеринбурге в составе 3-го Уральского армейского корпуса как 2-я стрелковая кадровая из 4, 6 и 8-го Уральских кадровых горных стрелков полков (преимущественно из мобилизованных), переименованных в 5, 6 и 8-й стрелковые кадровые, 2-й кадровой инженерной роты и Уральского кадрового артиллерийского дивизиона. 7 декабря 1918 г. переименована в 12-ю Уральскую стрелковую с новыми названиями полков. Состав: 45-й Сибирский, 46-й Исетский, 47-й Тагильский, 48-й Туринский стрелковые полки (все по три батальона) и 12-й Уральский стрелковый артиллерийский дивизион. С января 1919 г. входила в состав 6-го Уральского армейского корпуса. Выступила на фронт поздней осенью – зимой 1918 г., приняла участие в весеннем наступлении и к концу лета 1919 г. оказалась сильно потрепанной и малочисленной. При расформировании 6-го Уральского стрелкового корпуса и реорганизации Западной армии 26 мая 1919 г. была включена в состав Уфимской группы 3-й армии, с которой и совершила Сибирский Ледяной поход. В сентябре 1919 г. в состав дивизии были влиты два стрелковых полка и артиллерийский дивизион расформированной 6-й Уральской стрелковой дивизии. По прибытии в Читу остатки дивизии были сведены в 12-й Уральский стрелковый полк, а частью слиты с Алтайским конным дивизионом, образовав Урало-Алтайский конный полк. После оставления Забайкалья этот полк был расформирован, так как из-за недостатка подвижного состава железной дороги перебросить его в Приморье было нельзя. Первые два эскадрона (алтайцы) были влиты в кавалерийский полк, а уральцы (3-й, 4-й эскадроны и пулеметная команда) были влиты в 4-й Уфимский стрелковый полк. Распродав конский состав на станции Маньчжурия, уральцы частично проследовали в Приморье в составе этого полка, но большинство, получив отпуска впредь до распоряжения, осело в Харбине. Начальники: полковник (генерал-майор) Р.К. Бангерский, полковник Боржинский (с ноября 1919 г.), полковник Бутенко (до февраля 1920 г.). Начальники штаба: подполковник Шохов (ноябрь 1918 г. – 8 февраля 1919 г.), капитан Герасимович (10 февраля – апрель 1919 г.), капитан Голышев (май – сентябрь 1919 г.).

126

2-я Уфимская кавалерийская дивизия. Образована 2 ноября 1918 г. из Уфимской кавалерийской бригады (полки которой были созданы летом 1918 г. на Урале). С 9 января 1919 г. временно вошла в состав 2-го Уфимского армейского корпуса Западной отдельной армии. В конце мая при реорганизации армии дивизия вошла в состав Уральской группы. С 26 июля 1919 г. входила в состав Конной (Южной конной) группы 2-й армии, с 16 августа – конной групы Сводного казачьего корпуса. Состав: драгунский (бывший 1-й Русско-чешский отдельный кавалерийский партизанский отряд), гусарский, уланский и казачий (командир – Ридигер), Уфимские полки и 2-й конно-артиллерийский дивизион. Офицерский состав состоял в большинстве из пехотных офицеров, солдаты – в основном татары и башкиры, однако, уступая в выправке, дивизия почти не отличалась от 1-й кавалерийской по боевым качествам. Понесла большие потери и по прибытии в Читу была сведена в Уфимский гусарский (кавалерийский) полк (полковник Зеленцов), насчитывавший до 450 сабель и вошедший в состав 2-й Уфимской стрелковой дивизии, а в Приморье – в Сводно-кавалерийский полк. Начальники: полковник Павлов (врид; 22 ноября – 7 декабря 1918 г.), генерал-майор Джунковский (20–21 апреля, 3–8 мая, 14 мая – 20 июля 1919 г.), подполковник Петрушевский (врид; 22–29 апреля 1919 г.), подполковник Левшиновский (врид; 30 апреля – 2 мая, 9—13 мая 1919 г.), генерал-майор князь Кантакузен (с 18 октября 1919 г.).

127

Щепихин Сергей Арефьевич, р. в 1880 г. Кадетский корпус. Офицер с 1899 г., академия Генштаба (1908). Полковник, старший адъютант штаба 3-й армии. В белых войсках Восточного фронта; с 17 февраля (4 марта) 1918 г. по начало июня 1918 г. начальник штаба Уральской армии, начальник войскового штаба Уральского казачьего войска, с 15 августа 1918 г. начальник полевого штаба Поволжского фронта, осенью 1918 г. начальник штаба Народной армии, с октября 1918 г. начальник штаба Самарской группы войск, с 1 января 1919 г. начальник штаба Западной армии, с 20 мая 1919 г. начальник снабжений Южной (затем Оренбургской) армии, с 7 октября 1919 г. в распоряжении генерал-квартирмейстера Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода, в январе 1920 г. начальник штаба 2-й армии, с 27 января, к 27 февраля 1920 г. начальник штаба командующего войсками российской восточной окраины. Генерал-майор (с 24 декабря 1918 г.).

128

Варженский В. Поручик. В белых войсках Восточного фронта; весной 1919 г. в Чердынском полку Пермской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции. Умер после 1972 г.

129

Впервые опубликовано: Первопоходник. 1971. Июнь – август. № 2–3.

130

16-я Сибирская (Пермская) стрелковая дивизия. Сформирована на Восточном фронте в январе 1919 г. после освобождения Перми. Входила в 1-й Средне-Сибирский стрелковый корпус. С конца февраля и по начало июля 1919 г. находилась в боях вдоль линии железной дороги Пермь – Вятка и Пермь – Кунгур. Состав: 61-й Пермский (подполковник Бармин), 62-й Чердынский (капитан Рейнгардт), 63-й Добрянский (полковник Поляков), 64-й Соликамский (подполковник Правохенский) стрелковые полки, 16-й Сибирский артиллерийский дивизион (подполковник Стрижев), 16-й Сибирский инженерный дивизион (капитан Разумов) и 16-й Сибирский прифронтовой (запасный) полк (капитан Покровский). Добрянский полк перешел на сторону красных и сдался им 30 июня 1919 г. под Пермью. Пермский стрелковый полк упоминается в описании боя у ст. Тайга в двадцатых числах декабря 1919 г. (возможно, что это была Пермская школа прапорщиков). Чердынский полк после Красноярска имел около 300 бойцов. Начальник – генерал-майор Шаров. Начальник штаба – полковник Сухарский.

131

Ефимов Авенир Геннадьевич, р. 19 октября 1888 г. Симбирский кадетский корпус (1907), Николаевское инженерное училище (1910). В белых войсках Восточного фронта со взятия Казани. Участник Ижевско-Воткинского восстания. В сентябре – октябре 1918 г. командир Ижевского стрелкового полка. По окончании курсов военного времени академии Генштаба – в штабе 2-го Уфимского корпуса, с 24 февраля 1919 г. начальник штаба Ижевской бригады, капитан, затем Ижевской дивизии, с 11 декабря 1919 г. командир Ижевского конного полка, с 12 марта 1920 г. командир Ижевского полка, с 25 августа 1921 г. командир Ижевско-Воткинской бригады и колонны в Хабаровском походе, в сентябре 1922 г. командир Прикамского стрелкового полка. Полковник. В эмиграции в 1923 г. в Гирине и Шанхае, затем в 1932 г. в США. Член Общества Ветеранов, редактор «Вестника Общества Ветеранов Великой войны в Сан-Франциско», к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 25 апреля 1972 г. в Сан-Франциско (США).

132

Впервые опубликовано: *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы (борьба с большевиками 1918—20 гг.). Сан-Франциско, 1974.

133

Мягков Николай Александрович. Капитан л. – гв. Волынского полка. В белых войсках Восточного фронта; в июле 1918 г. в академии Генштаба в Екатеринбурге, прорвался к чехам, затем командирован во Владивосток, в 1919 г. начальник штаба Самарской дивизии. Подполковник. Убит 21 ноября 1919 г. в д. Николаевской под Ишимом.

134

Барон **Жирар де Сукантон бар Лев Львович**. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1919 г. командир Ижевского конного полка. Полковник. В эмиграции в Шанхае, с 1928 г. в Шанхайском Русском полку, до 28 декабря 1928 г. помощник командира, капитан.

135

Багиянц Яков Богданович. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта; в январе – марте 1919 г. командир эскадрона Ижевского дивизиона, с весны 1919 г. командир Ижевского конного дивизиона, в декабре 1919 г. поручик. Участник Сибирского Ледяного похода. В январе 1922 г. командир батальона Ижевского полка. Подполковник. Полковник. В эмиграции в Китае. Убит хунхузами 9 марта 1936 г. в Сан-Сине (Шитоухецзы) на Сунгари.

136

Ромеров Иван Феофанович, р. в 1887 г. в Волынске. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. командир 3-го Ставропольского стрелкового полка, затем начальник 13-й Казанской стрелковой дивизии. Действовал против партизан в Енисейской губ., в декабре 1919 г. в 3-й армии. Генерал-майор. Взят в плен и сварен красными в асфальте.

137

Ловцевич Леопольд Леопольдович. Окончил академию Генштаба (1917). Капитан. В белых войсках Восточного фронта; с 20 августа 1918 г. начальник штаба Симбирской группы войск Народной армии, в январе 1920 г. подполковник штаба 3-й армии, в декабре 1920 г. прибыл из Забайкалья во Владивосток с частями армии, в декабре 1921 г. начальник штаба 3-го стрелкового корпуса до 1 июня 1922 г. Полковник. В эмиграции в Китае, в ноябре 1922 г. вел переговоры в Мукдене.

138

Воткинский Конный дивизион (Отдельный Воткинский Конный дивизион). Сформирован в начале 1919 г. на фронте за Камой из кавалерии Воткинской Народно-Революционной армии. Входил в состав 15-й Воткинской стрелковой дивизии. Сохранялся отдельной частью в составе Дальневосточной армии и в Забайкалье, и в Приморье. Входил в состав Ижевско-Воткинской бригады. При выходе на фронт в Хабаровском походе в конце ноября 1921 г. выставил 184 строевых чина, из них 32 офицера при 3–4 пулеметах. Нестроевых в дивизионе было 4 офицера, 4 чиновника и 29 солдат. За исключением командира и 2–3 офицеров, все офицеры дивизиона были произведены из солдат за боевые заслуги. В августе 1922 г. переименован в Прикамский конный дивизион (дружину) в составе Прикамского полка Поволжской группы или рати (см. 3-й корпус). На 1 сентября 1922 г. насчитывал 110 сабель. Командир – подполковник Дробинин.

139

Ракитин Василий Александрович. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; с января 1918 г. командир роты Иркутской подпольной организации, осенью 1918 г. командир 12-го Верхнеудинского стрелкового полка, в январе 1919 г. полковник, командир группы из 3-й Иркутской и 15-й Воткинской стрелковых дивизий. Участник Сибирского Ледяного похода; в январе, весной 1920 г. начальник 3-й Иркутской стрелковой дивизии, к 21 сентября 1920 г. командир Иркутского стрелкового полка 2-го стрелкового корпуса; до 21 июня 1921 г. генерал для поручений при войсках Временного Приамурского правительства. Участник Якутского похода – начальник Охотского отряда. Генерал-майор. Застрелился 5 июня 1923 г. у Охотска (умер 7 июня).

140

Долгово-Сабуров Б.А. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; в январе 1920 г. командир 11-го Нижне-Удинского полка. В эмиграции в США, основатель музея Общества Ветеранов в Сан-Франциско. Умер в 1952 г. в Сан-Франциско.

141

Мей Ф.П. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; в декабре 1919 г. – феврале 1920 г. командир 49-го Сибирского стрелкового полка. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Китае, начальник Союза монархической молодежи, преподаватель гимназии Дризуль. Умер 25 ноября 1934 г. в Харбине.

142

Дробинин Владимир Никанорович, р. в 1890 г. Из крестьян Вятской губ. Реальное училище в Сарапуле (1913), Ораниенбаумская школа прапорщиков (1916). Поручик, командир батальона 75-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в августе 1918 г. участник Воткинского восстания, начальник Кельчинского боевого участка, в начале сентября 1918 г. командир 3-го батальона 1-го Воткинского Заводского 17-го Августа стрелкового полка Воткинской Народно-Революционной армии, в ноябре 1918 г. командир 2-го батальона Воткинского полка, адъютант штаба Воткинской дивизии, с 1 января 1919 г. врио командира 4-го Воткинского полка, штабс-капитан, начальник гарнизона Воткинска, с мая 1919 г. командир Воткинского конного дивизиона, в январе 1920 г. ротмистр, с 1920 г. подполковник. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 октября 1920 г. в Воткинском стрелковом полку. Участник Хабаровского похода; в марте – декабре 1921 г. командир Воткинского конного дивизиона (в сентябре 1922 г. – Прикамского конного дивизиона). В эмиграции в Китае, в 1923 г. в Гирине, затем в Харбине и Шанхае. Полковник. Умер 7 марта 1950 г. в русском беженском лагере на о. Тубабао (Филиппины).

143

Элерц-Усов Александр Васильевич, р. в 1875 г. В службе с 1896 г., офицером с 1900 г. Полковник, командир 58-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; с 20 января 1918 г. член Иркутской военной организации, с 30 января начальник отряда, с 11 мая командующий подпольным Восточно-Сибирским военным округом. 17 июля – 25 декабря 1918 г. главный начальник Иркутского военного округа, одновременно 10 сентября 1918 г. командир 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Иркутского военного округа, с 20 марта 1919 г. в распоряжении дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего, с 30 мая 1919 г. начальник военно-административного управления Сибирской армии, затем района Южной армии (он же уполномоченный командующего армией по охране государственного порядка и общественного спокойствия), с 23 июля 1919 г. командир 5-го Стерлитамакского армейского корпуса Южной армии, с 7 ноября 1919 г. в резерве чинов при штабе Иркутского военного округа, на 15 января 1920 г. в прикомандировании к штабу того же округа. Генерал-майор (с 18 сентября 1918 г.).

144

Красильников Иван Николаевич, р. в 1880 г. Есаул. В белых войсках Восточного фронта; в июле 1918 г. начальник отряда, освободившего Иркутск; в июле – августе 1918 г. командир Отряда особого назначения, в ноябре 1918 г. войсковой старшина, командир партизанского отряда в Сибири, участник Омского переворота, с ноября 1918 г. полковник. В сентябре 1919 г. командир партизанской бригады (отдельной Егерской бригады Сибирского казачьего войска), затем начальник северного антипартизанского фронта в Енисейской губернии. Генерал-майор (с 17 августа 1919 г.).

145

Добровольческая дивизия. Начала формироваться летом 1919 г. в Омске как особый отряд, создаваемый с целью установления в будущем связи между левофланговыми частями Восточного фронта и правофланговыми частями ВСЮР. Руководящую роль в создаваемых частях должны были играть и играли так называемые «южане», то есть чины Добровольческой армии, пробравшиеся в Сибирь с Юга России через южнорусские и среднеазиатские степи. Ко времени окончания формирования частей особого отряда обстановка на фронте уже не позволяла осуществить задуманный план. Поздней осенью 1919 г. особый отряд, переименованный в Добровольческую дивизию, принял участие в боях к востоку от Уральских гор, на территории Западной Сибири. Дивизия состояла из четырех (фактически из трех) стрелковых добровольческих полков и артиллерийского дивизиона. Приблизительно в это же время ей был придан Отдельный отряд Бахтерева в составе двух эскадронов и двух рот, сформированый в августе 1919 г. из чинов различных частей. Во время Сибирского Ледяного похода к остаткам дивизии присоединялись группы чинов различных частей, а также мелкие части: 4-й батальон морских стрелков, отряд генерала Макри и др. По приходе в феврале 1920 г. в Забайкалье дивизия была сведена в бригаду, состоявшую из 1-го Добровольческого полка, 3-го Сводного Добровольческого полка и Добровольческого артиллерийского дивизиона (две батареи). Отряд полковника Бахтерева, сведенный в Отдельный конный дивизион, остался при бригаде. Бригада вошла в состав 2-го стрелкового корпуса. В Приморье в марте 1921 г. бригада раскололась. На общем собрании чинов бригады генерал Осипов (комбриг), полковник Черкес (командир 1-го полка), полковник Хромов (командир Красноуфимского дивизиона) и подполковник Гайкович (командир батареи) заявили о своем переходе в Гродековскую группу войск, а полковник Урняж (командир 3-го полка) и полковник Бахтерев (командир конного дивизиона) остались в составе корпуса. Добровольцы носили черные погоны с красным кантом, офицеры – такие же погоны с красными просветами. На погонах – большая прописная буква «Д». Золотых погон офицеры-добровольцы не носили. Начальники дивизии и бригады: генерал-майор Крамаренко (до марта 1920 г.), генерал-майор Осипов.

146

Крамаренко Петр Павлович, р. в 1873 г. в Киеве. Киевская гимназия (1891), Чугуевское пехотное юнкерское училище (1895). Полковник, командир бригады и командующий 56-й пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР, с июля 1919 г. в белых войсках Восточного фронта, формировал в Омске Особый отряд (с осени 1919 г. – Добровольческая дивизия), начальник той же дивизии до марта 1920 г. Участник Сибирского Ледяного похода. Летом 1920 г. командир Добровольческой стрелковой бригады 3-й Иркутской стрелковой дивизии 2-го отдельного стрелкового корпуса Дальневосточной армии. Генерал-майор. В эмиграции в Китае, с 1921 г. на КВЖД (к 1935 г. в Харбине). Умер 16 сентября 1944 г. в Харбине.

147

Бельский Валентин Яковлевич, р. 24 октября 1898 г. в Санкт-Петербурге. Сын коллежского советника, военного ветеринарного врача. 2-й кадетский корпус (1915), Константиновское артиллерийское училище (1915). Офицер 4-й Сибирской артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта в 8-й Сибирской артиллерийской бригаде, затем младший и старший офицер и в июле 1919 г. командир батареи Читинского военного училища; в феврале 1920 г. комендант поезда, посланного атаманом Семеновым для встречи войск, перешедших Байкал. В январе 1922 г. командир артиллерийской сотни 1-го Пластунского полка и старший офицер Добровольческой батареи 2-го корпуса, в сентябре 1922 г. командир Добровольческой батареи Сибирского артдивизиона. Полковник (с 6 сентября 1921 г.). В эмиграции в Харбине, затем в США. Член Общества Ветеранов. Умер 26 июня 1974 г. в Сан-Франциско.

148

Семчевский Константин Васильевич. Пажеский корпус (1913). Офицер л. – гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в июле 1918 г. в академии Генштаба в Сибирской армии в Екатеринбурге. Участник Сибирского Ледяного похода, с января 1920 г. начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии, в марте 1920 г. генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии, в апреле 1920 г. в штабе 3-го корпуса. Полковник. В эмиграции в 1938 г. в Берлине. В 1945 г. сотрудник Красного Креста в Германии. Умер 28 марта 1978 г. в Пасифик Гро (США).

149

Впервые опубликовано: Часовой. 1970. Июль. № 529.

150

Киборт Иннокентий Владимирович. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в 1-м Енисейском казачьем полку, в 1920 г. сотник 2-го Енисейского казачьего полка Отдельной Енисейской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода, ординарец при штабе 3-й армии; в ноябре 1920 г. командир сотни Енисейского казачьего полка Сводно-казачьей дивизии. В эмиграции в Шанхае. Служил в Русском отряде во французской концессии (с 1932 г. лейтенант), с июля 1944 г. в Шанхайском Русском полку.

151

Впервые опубликовано: Первопоходник. 1974. Апрель. № 18.

152

Токмин Петр. Из казаков ст. Алтайской Енисейского казачьего войска. Вахмистр. В белых войсках Восточного фронта в Отдельной Енисейской казачьей бригаде; в 1920 г. произведен в прапорщики. Участник Сибирского Ледяного похода. Сотник (1921 г.). В эмиграции в Китае, умер в 1930-х гг. в Шанхае.

153

Панов Василий Михайлович, р. 17 декабря 1875 г. в ст. Усть-Уйской Оренбургской губ. Из казаков Оренбургского казачьего войска. 2-й Оренбургский кадетский корпус (1894), Николаевское кавалерийское училище (1896), академия Генштаба. Генерал-майор. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в октябре 1919 г., феврале – марте 1920 г. командир 2-й Оренбургской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода, в начале 1920 г. командир Оренбургской казачьей бригады 3-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии, с 18 ноября 1920 г., в начале 1921 г. начальник Сводной казачьей дивизии, весной и до лета 1921 г. командир Оренбургской казачьей бригады, к 15 июня 1922 г. генерал для поручений при командующем войсками и флотом Временного Приамурского правительства. Генерал-лейтенант. Умер 9 декабря 1936 г. в Шанхае.

Личность автора установить не удалось.

155

Впервые опубликовано: Часовой. 1959. Май. № 398.

156

Красноусов Евгений Михайлович. Кадет 7-го класса Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; в январе 1918 г. командир группы кадет на Ташкентском фронте. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, в начале 1919 г. юнкер Оренбургского военного училища, в декабре 1921 г. хорунжий, командир сотни Сибирского казачьего полка, затем в Сибирской казачьей батарее. Сотник. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку, капитан, в течение 20 лет адъютант полка. После 1949 г. на Филиппинах, затем в Австралии, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 14 марта 1969 г. в Брисбене (Австралия).

157

Впервые опубликовано: Военная Быль. 1963. Июль. № 61.

158

Впервые опубликовано: Часовой. 1959. Сентябрь. № 401.

159

Котомкин Александр Ефимович (Котомкин-Савинский), р. в 1885 г. Из крестьян. Алексеевское военное училище. Штабс-капитан, в 1917 г. редактор издания Казанского союза увечных воинов «К Свету». В белых войсках Восточного фронта. Полковник. В эмиграции в Германии. Фольклорист, поэт. Умер 26 ноября 1964 г. в Гамбурге.

160

Впервые опубликовано: *Котомкин А.* О чехословацких легионерах в Сибири. Париж, 1930.

161

Филатьев Дмитрий Владимирович, р. 7 сентября 1866 г. 2-й Московский кадетский корпус (1885), Александровское военное училище (1887), академия Генштаба. Генерал-лейтенант, помощник военного министра. В Добровольческой армии; с 1 сентября 1918 г. в Киевском центре (утв. 2 февраля 1919 г. в резерв армии), в ноябре – декабре 1918 г. начальник снабжения представителя армии в Киеве; в декабре 1918 г. в Одессе, участник организации десантной армии для захвата Петрограда, выехал по ее делам в Париж, затем в белых войсках Восточного фронта: профессор академии Генштаба; с 5 ноября 1919 г. помощник главнокомандующего по части снабжения, с 29 февраля 1920 г. главный начальник снабжений вооруженных сил российской восточной окраины; с 30 апреля 1920 г. руководитель комиссии по заграничным заготовкам в Харбине, летом 1920 г. выехал из Харбина для закупки патронов для атамана Семенова. В эмиграции во Франции. Умер 21 сентября 1932 г. в Ницце (Франция).

162

Впервые опубликовано: *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918–1922. Париж, 1985.

163

Князь **Кантакузен Владимир Юрьевич (Георгиевич)**, р. 7 июля 1872 г. Из дворян Бессарабской губ. 4-й Московский кадетский корпус (1892), Михайловское артиллерийское училище (1895). Генерал-майор, командир 19-й конно-артиллерийской батареи, 9-го конно-артиллерийского дивизиона, 9-го гусарского полка, л. – гв. Гусарского полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 11 июля 1919 г. в резерве чинов при управлении дежурного генерала штаба главнокомандующего, с 1 августа 1919 г. заведующий войсковым ремонтом армий фронта, с 5 сентября 1919 г. до 1 мая 1920 г. начальник 2-й Уфимской кавалерийской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. Эвакуирован до осени 1920 г. из Японии. В эмиграции в Румынии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Умер 16 июля 1937 г. в Бессарабии.

164

Ханжин Михаил Васильевич, р. 17 октября 1871 г. в Самарканде. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Михайловское артиллерийское училище (1893), Михайловская артиллерийская академия (1899), Офицерская артиллерийская школа (1903). Генерал-лейтенант, полевой инспектор при штабе ВГК. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. участник восстания на Урале. 8 июля – 24 декабря 1918 г. командир 3-го Уральского армейского корпуса (Уральский отдельный корпус) в Челябинске, 1 января (25 декабря 1918 г.) – 20 июня 1919 г. командующий Западной армией, с 6 октября 1919 г. по январь 1920 г. военный министр Всероссийского правительства. Генерал от артиллерии (20 апреля 1919 г.). В эмиграции в Китае, начальник Дальневосточного отдела РОВС в Дайрене. В 1945 г. арестован и вывезен в СССР, до 1956 г. в лагерях. Умер 14 декабря 1961 г. в Джамбуле.

165

Скипетров Леонид Николаевич, р. 23 марта 1883 г. в Виленской губ. Сын надворного советника. 1-я Виленская гимназия, Виленское пехотное юнкерское училище (1904). Георгиевский кавалер. Полковник, командир 170-го пехотного полка, и. д. генерала для поручений при командующем Иркутским военным округом. Руководитель восстания юнкеров в Иркутске в декабре 1917 г. В белых войсках Восточного фронта; с начала января 1918 г. начальник штаба Особого Маньчжурского отряда, затем помощник атамана Г.М. Семенова по политической и дипломатической части и по снабжению войсковых частей. С осени 1918 г. начальник 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, с 15 декабря 1918 г. пехотных частей Отдельной Восточно-Сибирской армии и военно-учебных заведений, с 21 декабря 1918 г. по 13 февраля 1919 г. и с 16 июня 1919 г. также начальник 1-го (Читинского) военного района Забайкальской области. Ранен и контужен. С конца декабря 1919 г. командир отряда, созданного с целью освобождения адмирала Колчака. Генерал-майор (6 сентября 1918 г.). В эмиграции в Польше, затем в США. Инициатор создания Южно-Калифорнийского отдела Союза русских военных инвалидов. Умер 22 августа 1956 г. в Лос-Анджелесе (США).

Арчегов Константин Иванович. Елисаветградское кавалерийское училище (1913). Ротмистр 14-го драгунского полка и Терского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в декабре 1919 г. начальник группы бронепоездов в отряде генерала Скипетрова. В эмиграции в 1930 г. в Австралии. Полковник Терского казачьего войска. Умер 10 ноября 1971 г. в Брисбене (Австралия).

167

Занкевич Михаил Ипполитович, р. 17 сентября 1872 г. Из дворян, сын полковника. Псковский кадетский корпус (1891), Павловское военное училище (1893), академия Генштаба (1899). Офицер л. – гв. Павловского полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер Генерального штаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта (прибыл с июля 1919 г. из Франции); генерал-квартирмейстер Ставки, в начале 1920 г. начальник штаба адмирала Колчака. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-лейтенант. В эмиграции на 1920 г. во Франции, на декабрь 1924 г. председатель объединения л. – гв. Павловского полка, к 1 января 1934 г. член Общества офицеров Генерального штаба, с 1934 г. председатель объединения Псковского кадетского корпуса. Умер 14 мая 1945 г.

168

Клерже Георгий Иосифович. Окончил академию Генштаба (1909). Полковник. В белых войсках Восточного фронта; помощник начальника Главного штаба. Участник Сибирского Ледяного похода; генерал для поручений при главнокомандующем всеми вооруженными силами российской восточной окраины (Дальневосточной армией), с 21 мая 1920 г. председатель комиссии для изучения офицерского вопроса, к 16 июня 1921 г. начальник штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами российской восточной окраины. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, к 1923 г. в Мукдене, в 1922–1927 гг. военный советник маршала Чжан Цзолина, к 1938 г. в Шанхае.

169

Впервые опубликовано: *Клерже Г.И.* Революция и гражданская война. Ч. 1. Мукден, 1932.

170

Степанов Николай Александрович, р. 2 мая 1869 г. 1-й кадетский корпус (1886), Михайловское артиллерийское училище (1889), академия Генштаба (1900), Офицерская кавалерийская школа. Генерал-майор, начальник штаба 4-го кавалерийского корпуса, начальник военно-сухопутного управления штаба Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 г. прибыл в Омск из Владивостока с генералом Ноксом; с 4 ноября 1918 г. по 30 января 1919 г. помощник военного и морского министра по организационно-инспекторской части, с 3 (30) января по 23 мая 1919 г. военный министр. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, затем во Франции. Умер 19 января 1949 г. в Шелль (Франция).

171

Марковский Василий Иосифович, р. в 1878 г. В службе с 1895 г., офицером с 1897 г., академия Генштаба (1905). Генерал-майор штаба Иркутского военного округа. В белых войсках Восточного фронта; с ноября 1918 г. начальник Главного штаба, с 3 января 1919 г. и. д. помощника военного министра по организационной части – начальник Главного штаба, затем командующий войсками Енисейской и части Иркутской губерний. Генерал-лейтенант. Умер в эмиграции.

172

Сукин Иван Иванович. Окончил Александровский лицей (1911). Чиновник МИД. В белых войсках Восточного фронта; в 1919 г. министр иностранных дел правительства адмирала Колчака. В эмиграции в Париже. Умер после 1929 г.

173

Оберюхтин Виктор Иванович, р. 31 октября 1887 г. в Воткинском Заводе. Казанское военное училище (1908), академия Генштаба (1914). Подполковник, помощник генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта. В белых войсках Восточного фронта с 6 августа 1918 г. в Казани (перешел от красных); с 13 сентября 1918 г. помощник начальника канцелярии военного ведомства, с 10 октября 1918 г. начальник отдела снабжений Главного штаба, с 25 октября 1918 г. начальник организационного отдела, с 25 марта 1919 г. генерал-квартирмейстер Западной армии, с 26 июня 1919 г. начальник штаба 3-й армии, осенью 1919 г. начальник штаба Московской группы армий, с 8 ноября 1919 г. по январь 1920 г. начальник штаба армий Восточного фронта, 9—11 декабря 1919 г. врид главнокомандующего фронтом, с 11 декабря 1919 г. инспектор школ и пополнений. Генерал-майор (с 12 сентября 1919 г.). Взят в плен 5 января 1920 г. под Красноярском. К 1923 г. в РККА (в 1935 г. полковник).

Богословский Борис Петрович. Генштаба подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с 22 июля 1918 г. штатный преподаватель военной академии, с 12 октября 1918 г. начальник штаба Екатеринбургской групы войск, на 9 декабря 1918 г. (полковник), с 4 января 1919 г. врид, с 17 марта начальник штаба Сибирской армии, с 7 августа 1919 г. инспектор фронта, с 8 сентября 1919 г. инспектор пополнений, в январе 1920 г. начальник штаба главнокомандующего фронтом. Генерал-майор (с 24 декабря 1918 г.). Взят в плен в январе 1920 г. под Красноярском и расстрелян.

175

Леонов Гавриил Васильевич. Виленское военное училище (1904), академия Генштаба (1911). Полковник, начальник штаба 132-й пехотной дивизии, начальник отдела формирований ГУГШ. В белых войсках Восточного фронта; преподаватель академии Генштаба, с 27 сентября 1918 г. врид 2-го генерал-квартирмейстера, затем дежурный генерал, с 19 апреля 1919 г. генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем, с 18 июня 1919 г. генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего, с 9 августа по 16 ноября 1919 г. начальник штаба Отдельной Степной группы войск. В декабре 1921 г. начальник штаба 3-й Пластунской бригады, 11–15 декабря 1921 г. начальник штаба Гродековской группы войск. Генерал-майор (с 20 апреля 1919 г.). В июне 1923 г. в Сибирской добровольческой дружине в Якутии. Выбрался в Японию.

176

Канабеев Лев Николаевич, р. в 1885 г. Сын офицера. В службе с 1904 г., офицером с 1906 г. Офицер л. – гв. Конно-гренадерского полка. Полковник. В белых войсках Восточного фронта с 1918 г., в июне 1920 г. у атамана Г.М. Семенова. В эмиграции на 1920–1932 гг. в Харбине, служил в управлении КВЖД, на 8 января 1922 г. секретарь Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. Расстрелян большевиками в 1945 г. в Харбине.

177

Песоцкий Вениамин Дмитриевич. Восточный институт (1911), академия Генштаба (1916). Подполковник, начальник оперативного отдела штаба Одесского военного округа. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1919 г. главный комиссар Сибирского правительства в Омске, затем командир учебного полка Морской дивизии. Попал в плен в январе 1920 г. на ст. Камышет. Служил в РККА.

178

Колегов Степан Николаевич, р. 24 марта 1890 г. в Минусинском уезде. Из крестьян. Киевская авиационная школа (1916), академия Генштаба (1917). Капитан, начальник штаба 39-го армейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта с июня 1918 г., помощник командира Морского учебного полка. Подполковник. Взят в плен в Иркутской губ. 4 февраля 1920 г., к 1923 г. в РККА.

179

Автору этих воспоминаний после пребывания в плену у большевиков удалось выехать в Латвию.

180

Впервые опубликовано: *С. Витольдова.* На Восток. Рига, 1931.

181

Князь **Голицын Лев Львович**, р. 23 марта 1877 г. в Саратовской губ. Санкт-Петербургский университет (1891). Действительный статский советник, самарский губернатор. В белых войсках Восточного фронта в санитарной части, уполномоченный Красного Креста в Западной армии. Арестован и умер 24 мая 1920 г. в тюрьме в Красноярске.

182

Князь **Путятин Константин Владимирович**, р. в 1863 г. В службе с 1882 г., офицером с 1884 г. Полковник. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода. Умер 3 марта 1920 г. под Красноярском.

183

Долгополов Александр Федорович. В Добровольческой армии; доброволец в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Капитан. В эмиграции председатель Союза Первопоходников в Калифорнии, в 1960 г. член правления ПРЭ США, в 1961–1968 гг. член редколлегии журнала «Вестник первопоходника», затем издатель журнала «Первопоходник», член редколлегии журнала «Родные дали». Умер 12 марта 1977 г. в Лагуна-Бич (США).

Впервые опубликовано: Первопоходник. 1972. Август. № 8.

185

Сокольницкий Владимир Юльевич. Полковник Туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта; в октябре 1919 г. дежурный штаб-офицер штаба главнокомандующего, в 1920 г. начальник штаба Партизанского инородческого отряда войск Горно-Алтайской области, с 15 марта 1921 г. начальник штаба отряда Кайгородова в Монголии. Участник похода на Алтай в 1921 г. В эмиграции в Китае (Шанхай), затем в США. Умер 10 января 1963 г. в Сан-Франциско.

186

Акулинин Иван Григорьевич, р. 12 января 1880 г. Из казаков ст. Урлядинской Оренбургского казачьего войска. Оренбургское военное училище (1902), академия Генштаба (1913). Полковник главного управления Генерального штаба, в 1917 г. помощник войскового атамана Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с декабря 1917 г. заместитель председателя Войскового правительства, с июня 1918 г. командующий войсками Оренбургского военного округа и с 19 октября 1918 г. главный начальник того же округа, с 7 марта по 24 мая 1919 г. командир 2-го Оренбургского казачьего корпуса Оренбургской армии, в 1919 г. начальник штаба походного атамана Оренбургского казачьего войска, с 17 июля до 11 ноября 1919 г. командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса в Уральской обл., затем через Кавказ и Крым с июня 1920 г. во ВСЮР и Русской Армии в отделе генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1 октября 1918 г.; Войсковым кругом Оренбургского казачьего войска, утв. 4 октября 1918 г.). Эвакуирован на корабле «Сцегед». В эмиграции в Югославии, затем во Франции. Умер 26 ноября 1944 г. в Париже.

187

Впервые опубликовано: *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками 1917–1920. Шанхай, б. г.

188

Толстов Владимир Сергеевич, р. 7 июля 1884 г. Из дворян, сын генерала, казак ст. Гурьевской Уральского казачьего войска. Николаевское кавалерийское училище (1905). Полковник, командир 6-го Уральского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; 23 марта 1919 г. избран войсковым атаманом Уральского казачьего войска с неограниченной властью в соответствии с приговорами станиц и остатков строевых частей армии. Генерал-майор. С 21 апреля 1919 г. по январь 1920 г. командующий Уральской отдельной армией. 20 декабря 1919 г. сложил с себя обязанности войскового атамана и передал власть Комитету Спасения Войска, оставаясь командующим Уральской отдельной армией. 5 апреля 1920 г. ушел из форта Александровского с отрядом офицеров и казаков из 214 человек (пересекли границу Ирана 4 июня 163 человека). К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). С 1921 г. член Русского Совета генерала Врангеля, с августа 1922 г. председатель правления казачьих войск и помощник Правителя по казачьим войскам. Генерал-лейтенант. В эмиграции с 1923 г. (с 1942 г.) в Австралии. Умер в 1956 г. в Сиднее.

189

1-й Оренбургский отдельный казачий корпус. Сформирован 8 октября 1918 г. в составе Оренбургской армии. Включал 1, 2 и 4-ю Оренбургские казачьи дивизии и 1-й Оренбургский казачий полк. 4-я дивизия с 16 февраля до 24 мая 1919 г. находилась в составе 2-го Оренбургского казачьего корпуса. Осенью 1919 г. остатки корпуса (около 2 тысяч человек) присоединились к Уральской армии, а часть отступила на восток. Командиры: генерал-майор Жуков (8 октября 1918 г. – 17 июля 1919 г.), генерал-майор И.Г. Акулинин (17 июля – сентябрь 1919 г.). Начальник штаба – есаул Пивоваров.

190

Исаенко Леонид Федорович, р. в 1869 г. В службе с 1888 г., офицером с 1891 г. Полковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. начальник артиллерийского управления Оренбургского военного округа, в ноябре 1919 г. командир Киргизской сотни бывшего 1-го Оренбургского казачьего корпуса.

191

Бакич Андрей Степанович, р. 31 декабря 1878 г. 3-я Белградская гимназия (1900), Одесское пехотное юнкерское училище (1902). Офицер 60-го пехотного полка. Полковник, командир 55-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командовал Сызранской группой Народной армии (прикрывавшей Самару со стороны Пензы), при отходе за Волгу – на 15 августа 1918 г. начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии; с 19 февраля 1919 г. командир 4-го Оренбургского армейского корпуса, с 5 апреля 1919 г. генерал-майор. Генерал-лейтенант (1920 г.). В эмиграции с марта 1920 г. в Китае. Возглавил «Голодный поход» остатков Оренбургской армии в Монголию. 17 декабря 1921 г. взят в плен и расстрелян в мае 1922 г. в Ново-Николаевске.

192

Терванд Иван Иванович (Смольнин-Терванд). Генерального штаба подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с 21 февраля 1919 г. начальник штаба 4-го Оренбургского армейского корпуса. С марта 1920 г. в Китае, весной 1921 г. начальник штаба отряда генерала Бакича. Полковник. Взят в плен и расстрелян в мае 1922 г. в Иркутске.

193

Кручинин Владимир Васильевич, р. в 1875 г. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; командир Султаевского отряда, с конца июня 1918 г. в распоряжении командира Уральского корпуса, с августа 1918 г., на 9 мая 1919 г. командир 17-го Оренбургского казачьего полка, затем командир 5-й Оренбургской казачьей бригады на Пермском фронте. Участник Сибирского Ледяного похода, к январю 1920 г. командир той же бригады. Генерал-майор (1919 г.). В эмиграции в Китае, с лета 1920-го до 1937 г. в Харбине владелец похоронного бюро.

194

Смирных Андрей Васильевич. Оренбургское военное училище (1908). Войсковой старшина 11-го Оренбургского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; начальник отряда, в 1918–1919 гг. атаман 3-го округа Оренбургского казачьего войска; участник Сибирского Ледяного похода. Полковник. Будучи ранен, покончил самоубийством 6 января 1920 г. у села Дрокина под Красноярском.

195

Анисимов Николай Семенович, р. в 1877 г. в п. Изяк-Никитинский Оренбургской губ. Войсковой старшина Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с декабря 1917 г. член Оренбургского войскового правительства, с 28 июня 1920 г. уполномоченный представитель Оренбургского казачьего войска в штабе походного атамана. Весной 1921 г. в Гродекове, глава оренбургских казаков в Приморье, заместитель атамана, в январе 1921 г. в Харбине, с 1 марта 1921 г. по 16 февраля 1923 г. атаман Оренбургского казачьего войска. Генерал-майор (к лету 1920 г.). В эмиграции в Шанхае в составе группы генерала Глебова. В марте 1925 г. поднял мятеж и вернулся в СССР. Арестован 15 августа 1930 г. Расстрелян большевиками по делу «Казачьего блока» 8 апреля 1931 г. в Москве.

196

Тимашев Леонид Петрович, р. в 1864 г. Оренбургская военная гимназия (1882), Александровское военное училище (1884), академия Генштаба. Офицер л. – гв. Сводно-Казачьего полка. Генерал-майор, начальник 2-й Оренбургской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; начальник управления учебных заведений военного ведомства Оренбургского военного округа, с марта 1919 г. главный начальник Оренбургского военного округа и помощник войскового атамана Оренбургского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 15 ноября 1918 г.). Взят в плен под Красноярском.

197

Масянов Леонтий Лукьянович. Оренбургское военное училище (1917). Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии. 17/4 мая 1919 г. назначен в Уральский конный полк, затем в Чижинском полку 6-й дивизии Уральского казачьего войска. Участник похода в Иран. Хорунжий. В эмиграции в 1930 г. в Париже, затем в США. Умер после 1963 г.

Впервые опубликовано: *Масянов Л.Л.* Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963.

199

Горшков Владимир Георгиевич. Войсковой старшина Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; с 21 марта 1919 г. командир 2-го Партизанского конного полка, 11 мая 1919 г. у села Рахмановка в 40 км к востоку от Николаевска уничтожил коммунистический полк «Красная Звезда», с 5 сентября 1919 г., в октябре – декабре 1919 г. начальник 6-й конной дивизии. Полковник. Взят в плен и расстрелян в начале 1920 г. в Москве.

200

Бородин Николай Николаевич, р. в 1870 г. Офицер с 1891 г. Офицер гвардейской кавалерии. Полковник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; в 1918 г. на Сламиханском фронте, весной, 13 июня 1919 г. командующий Сламиханским фронтом Уральской армии, затем начальник 6-й дивизии Уральской армии. Убит 5 сентября 1919 г. в Лбищенске.

201

Плетнев Георгий Павлович. Хорунжий Уральского казачьего войска. В 1917 г. организатор Белой гвардии в Уральске. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; с 21 марта и на 6 апреля 1919 г. сотник, затем подъесаул во 2-м Партизанском конном полку, с 5 сентября 1919 г. командир того же полка. В декабре 1919 г. в 6-й конной дивизии; вышел из окружения киргизов и в марте 1920 г. с небольшим отрядом пришел в форт Александровский. Есаул.

202

Хохлачев Семен Д. Войсковой старшина Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; на 5 сентября 1919 г. командир 3-го Чижинского конного полка в рейде на Лбищенск. Умер в марте 1920 г. в походе к форту Александровскому.

203

Фомичев Гурьян Макарович. Из казаков ст. Илецкой Уральского казачьего войска. Агроном. С 1917 г., в июле 1918 г. председатель правительства Уральского казачьего войска. Взят в плен и расстрелян весной 1920 г. в Уральске.

204

Донсков Виктор Иванович. Войсковой старшина Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; с весны 1918 г., на 6 апреля 1919 г. командир 1-го Уральского учебного конного полка, к ноябрю 1919 г. начальник школы прапорщиков Уральского казачьего войска. Полковник. Взят в плен и расстрелян в декабре 1919 г. (феврале 1920 г.) в пос. Прорва.

205

Мартынов Василий Патрикеевич, р. 20 августа 1863 г. Из дворян, сын генерал-майора. 2-я Санкт-Петербургская военная гимназия (1880), Павловское военное училище (1882). Офицер л. – гв. Уральской сотни. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; с 1917 г. по 26 декабря 1918 г. войсковой атаман и командующий войсками Уральской области, в 1919 г. заместитель войскового атамана по гражданской части, управляющий канцелярией войскового атамана, в ноябре – декабре 1919 г. член Уральского войскового правительства. Взят в плен. Расстрелян в декабре 1919 г. (или феврале 1920 г.) в Прорве.

206

Абрамов Николай Митрофанович, р. в Илецком городке. Из казаков Уральского казачьего войска. Оренбургское военное училище. Подъесаул (есаул) 1-го Уральского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта. С началом боевых действий в марте 1918 г. является их активным участником. До лета 1918 г. произведен в войсковые старшины. Летом 1918 г. в Самаре свел два уральских дивизиона в четырехсотенный Уральский сводный конный полк и вступил в командование им. В феврале 1919 г. член делегации к В.С. Толстову. Из остатков своего полка, лучших офицеров войска, добровольцев других полков, бывших сослуживцев-партизан к 21 марта 1919 г. сформировал Партизанскую отдельную конную бригаду. Командовал ею и 1-м Партизанским полком. 10 мая ранен и эвакуирован в тыл. В начале июня 1919 г. вернулся в строй. В начале июля 1919 г. тяжело ранен. С 29 июля снова командир 1-го Партизанского полка, вскоре произведен в полковники. Осенью 1919 г. заболел тифом и уехал в тыл. С подходом красных к Гурьеву пытался эвакуироваться. Умер в начале января 1920 г. в Прорве.

207

Карнаухов Константин Илларионович, р. около 1891 г. Полковник. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии, в марте 1920 г. командир бригады Уральского казачьего войска. Участник похода в Иран (командир взвода). К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия).

208

Климов Иван Иванович. Из казаков ст. Глининской Уральского казачьего войска. Произведен в офицеры из вахмистров за боевое отличие (1915). Сотник (1916). В белых войсках Восточного фронта; есаул, помощник войскового атамана Уральского казачьего войска, в начале 1919 г. член Уральского правительства. В декабре 1919 г. командир Гурьевского конного дивизиона, в марте 1920 г. командир 1-го полка Уральского казачьего войска, затем командир взвода в походе в Иран. Войсковой старшина. С июня 1920 г. в Персидской казачьей дивизии, затем начальник персидской кавалерии. В эмиграции в Чехословакии и Франции. Умер 4 сентября 1930 г. в Ницце (Франция).

209

Фадеев Павел Андреевич, р. в 1893 г. Из казаков ст. Илецкой Уральского казачьего войска. Сотник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии; командир 2-й Илецкой сотни Уральского сводного полка. В бою 26 октября 1919 г. лично зарубил 30 человек, за что награжден орденом Св. Архистратига Михаила. С 24 ноября 1919 г. командовал двумя Партизанскими сотнями из остатков 1-го и 2-го Партизанских полков, в марте 1920 г. есаул, командир 2-го полка в форте Александровском, затем командир взвода во время похода в Иран, с июня 1920 г. в Персидской казачьей дивизии. Войсковой старшина. В эмиграции во Франции, к 1963 г. заместитель Уральского атамана, член редколлегии журнала «Родимый край». Умер 8 января 1977 г. в Париже.

210

Толстов Сергей Евлампиевич, р. в 1849 г. Сын майора. В службе с 1867 г., офицером с 1869 г. Офицер Уральского казачьего войска. Генерал-лейтенант в отставке, бывший наказной атаман Терского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии. Взят в плен (март 1920 г.) в форте Александровском. Расстрелян в 1921 г. на Северной Двине.

211

Бородин Георгий Кондратьевич, р. 14 января 1860 г. Из дворян Уральской обл., сын полковника. Оренбургское казачье юнкерское училище (1878), Офицерская кавалерийская школа. Генерал-майор, командир Оренбургской казачьей бригады. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии, на 24 февраля 1919 г. командующий 2-й бригадой 1-й Оренбургской казачьей дивизии, с 3 июня 1919 г. в отставке. Взят в плен в марте 1920 г. в форте Александровском. Расстрелян в 1920 г. в Москве (в 1921 г. на Северной Двине).

212

Яганов Илларион Давыдович. Из казаков ст. Бударинской Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии, в 1919 г. подъесаул. Осенью 1925 г. в составе Терско-Астраханского казачьего полка в Болгарии. Есаул. В эмиграции во Франции. Умер 31 марта 1960 г. в Париже.

213

Сладков Тимофей Ипполитович. Из дворян, сын полковника, казак ст. Уральской Уральского казачьего войска. Елисаветградское кавалерийское училище. Полковник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; на 6 апреля 1919 г. в Лбищенском конном полку, летом 1919 г. командир 6-го Уральского казачьего полка, с 15 на 16 июня командир Северной конной группы 2-й дивизии, затем начальник 2-й конной дивизии, с конца 1919 г. начальник штаба Уральского казачьего войска. Участник похода в Иран.

214

Митрясов Борис Петрович, р. в 1891 г. Сотник Уральского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта в Уральской армии; на 6 апреля 1919 г. в Гурьевском конном полку, в марте 1920 г. адъютант атамана Уральского казачьего войска. Есаул. Участник похода в Иран. К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия).

215

Карамышев Иван Ферапонтович (Форофонтович), р. в 1885 (1887) г. Из казаков Уральского казачьего войска. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии; на 6 апреля 1919 г. в 2-м Гурьевском учебном пешем дивизионе. Участник похода в Иран, с 18 апреля 1920 г. командир взвода. Хорунжий. К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В эмиграции с 1923 г. в Австралии. Умер в 1968 г. в Брисбене.

216

Моторный Владимир Иванович, р. в 1883 г. Из дворян, сын генерал-майора. Академия Генштаба (1912). Подполковник, начальник штаба Уральской льготной казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии; летом 1918 г. начальник штаба Шиповского фронта и группы войск, полковник, с 18 (31) марта 1919 г. по апрель 1920 г. начальник штаба Уральской отдельной армии. Генерал-майор (с марта 1920 г.). 23 марта (5 апреля) 1920 г. ушел из форта Александровского с атаманом Толстовым, 18 апреля (1 мая) во главе отряда из 34 офицеров отделился от основной группы и решил из Киндерли двигаться на юг лодками вдоль берега моря. Взят в плен. С 1920-го по 1926 г. в лагерях, затем проживал в Саратове до 1929 г., преподаватель академии ВВС. Расстрелян 10 мая 1931 г. в Москве по делу «Весна».

217

Еремин Александр Михайлович, р. 21 августа 1872 г. Из казаков Уральского казачьего войска. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1891), Николаевское кавалерийское училище (1893), Офицерская стрелковая школа. Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. В белых войсках Восточного фронта; с марта 1918 г., после разгона Совдепа – командующий войсками Уральской обл. С 10 апреля (28 марта) 1919 г. сопредседатель комиссии для расследования обстоятельств эвакуации из Уральска и виновности должностных лиц. Возглавил управление генерал-квартирмейстера. Участник похода в Иран. Умер от малярии в июне 1920 г. в Шахруде (Иран).

218

Старосельский Всеволод Дмитриевич, р. в 1875 г. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г. Офицер гвардейской кавалерии. Полковник, командир Кабардинского конного полка. С 1919-го до декабря 1920 г. начальник Персидской казачьей дивизии.

219

Н.А. Дорошин. Офицер артиллерии. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии; в апреле 1918 г. доставил пушки в город Илек из пос. Чижинского. В эмиграции. Умер после 1982 г.

220

Впервые опубликовано: Голос Зарубежья. 1982. Август – сентябрь. № 25–26.

221

Акутин Владимир Иванович, р. 13 июня 1861 г. Из казаков ст. Уральской Уральского казачьего войска. Оренбургская военная прогимназия (1877), Оренбургское казачье юнкерское училище (1880). Генерал-майор, начальник Уральской льготной дивизии и гарнизона крепости Бобруйск. 29 декабря 1917 г. вернулся в Уральск с бригадой своей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; член правительства Уральского казачьего войска, с начала июня 1918 г. до 9 ноября 1918 г. командующий Уральским военным округом с правами командующего отдельной армией (в сентябре – ноябре 1918 г. командующий Уральской отдельной армией). Смещен решением Войскового съезда в октябре 1918 г. После оставления Уральска перебрался в Калмыково. Выставлял свою кандидатуру на выборах Войскового атамана. Затем без должности. С 14 июня 1919 г. командир 2-го Илецкого казачьего корпуса Уральской отдельной армии, в августе 1919 г. начальник частей у Гурьева. Взят в плен 27 декабря 1919 г. в Кызыл-Куче со штабом Илецкого корпуса. Расстрелян в 1920 г. в Москве.

222

Хартлинг Кирилл (Карл) Николаевич. 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1902). Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 г. глава сторожевого отдела лиги благоустройства во Владивостоке, начальник инженерных войск на Гродековском антибольшевистском фронте, с июня 1919 г. командир роты и командир батальона в Военно-учебно-инструкторской школе (школа Нокса) во Владивостоке. Полковник. В эмиграции. Умер 9 апреля 1937 г. в Батавии (Ява).

223

Впервые опубликовано: *Хартлинг К.Н.* На страже родины. Шанхай, 1935.

224

Филимонов Борис Борисович, р. в 1901 г. Сын офицера. Псковский кадетский корпус (1918). В белых войсках Восточного фронта; с августа 1918 г. доброволец Казанского артиллерийского дивизиона, участник защиты Казани, затем унтер-офицер 1-го артиллерийского технического училища. В 1919 г. юнкер 1-го артиллерийского училища во Владивостоке, в 1920 г. в Гродековской группе войск в Приморье и в батарее 1-й стрелковой бригады. Участник Хабаровского похода. Поручик. В эмиграции в Китае (Шанхай). Умер 12 июля 1952 г. на о. Тубабао (Филиппины).

225

Иванов-Мумжиев Петр Михайлович, р. 29 июля 1874 г. В службе с 1892 г., офицером с 1897 г., Восточный институт (1910). Полковник, командир 10-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 г. в сторожевом отделе лиги благотворительности во Владивостоке, с 11 июля до 27 августа 1918 г. командир 1-й бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии, затем командир 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии, с 23 декабря 1918 г. также начальник гарнизона Раздольного, с 30 апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Приамурского военного округа, с 29 июня по 1 августа 1919 г. командующий Уральской группой войск, с 7 октября 1919 г. генерал для поручений при начальнике штаба ВГК, с 8 октября 1919 г. председатель комиссии для устройства госпиталей и расквартирования войск в Омске, с 17 октября 1919 г. председатель комиссии по разрешению всех вопросов по расквартированию в Омске и по производству реквизиции, затем представитель начальника военных сообщений Дальневосточного района на ст. Пограничная, с 20 июля 1921 г. генерал для поручений при войсках Временного Приамурского правительства, на 4 сентября 1921 г. представитель командующего войсками Временного Приамурского правительства на ст. Пограничная, с августа 1922 г. начальник Камчатской обл. Генерал-майор (1918 г.). 2 ноября 1922 г. эвакуировался на пароходе «Сишан» в Японию и Китай.

226

Сотников Валериан Евгеньевич. Офицер с 1904–1905 гг. Академия Генштаба. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 г. сторож отдела лиги благоустройства Владивостока, в 1919 г. приехал с Дальнего Востока и назначен командиром 29-го Бирского стрелкового полка, осенью 1920 г. командир 8-го Камского стрелкового полка, с лета 1921 г. командир Камского полка в Дальневосточной армии, с 13 июня 1921 г. дежурный генерал штаба войск Приамурского Временного правительства, с 20 июня 1921 г. в распоряжении командира 3-го стрелкового корпуса. Участник Хабаровского похода; в декабре 1921 г. командир Поволжской бригады, в августе 1922 г. командир Камского полка, в сентябре 1922 г. – Камского батальона. В эмиграции в Китае, в 1923 г. в Гирине.

227

Плешков Михаил Михайлович. Полковник л. – гв. Кирасирского Ее Величества и л. – гв. Уланского Его Величества полков, командир 13-го гусарского полка, стрелкового полка 13-й кавалерийской дивизии, 7-го драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта; до 4 июня 1919 г. врид, затем начальник Владивостокской учебно-инструкторской школы, на 23 июня 1920 г. начальник гарнизона Харбина. Генерал-майор. В эмиграции на 1 января 1921 г. член объединения л. – гв. Кирасирского Ее Величества полка. Умер 12 ноября 1956 г. в Нью-Йорке.

228

Бутенко Харитон Ефимович, р. 27 сентября 1878 г. Из казаков Полтавской губ. Благовещенская гимназия (экзамен) (1898), Иркутское военное училище (1900). Полковник (с 1917 г.), командир 35-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 20 июля 1918 г. командир 2-й бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии, в августе 1918 г. начальник гарнизона Никольска-Уссурийского, с 2 сентября 1918 г. командующий военно-сухопутными и морскими силами Приморской обл. и комендант крепости Владивосток, с 1 декабря 1918 г. и на 19 февраля 1919 г. и. д. коменданта Владивостокской крепости. В 1919 г. начальник 12-й Уральской стрелковой дивизиии (принял ее около Татарской). Участник Сибирского Ледяного похода (дошел до Читы с 47-м стрелковым полком).

229

Морское училище во Владивостоке. Открыто в ноябре 1918 г. на базе направленной осенью 1917 г. из Петрограда во Владивосток 3-й роты Морского училища. Из 205 человек в ноябре добралось около 100 (в первой партии было 62 гардемарина при 5 офицерах). Пополненное морскими кадетами, гардемаринами, юнкерами флота и учащимися Морского инженерного училища, оно начало занятия в составе 129 гардемарин. При эвакуации 31 января 1920 г. насчитывало более 40 офицеров и более 250 кадет и гардемарин. В Сингапуре 11 апреля был произведен первый выпуск 116 человек в корабельные гардемарины. Часть гардемарин осталась в Югославии, а 111 прибыло в Крым за 5 дней до его эвакуации (49 из них были произведены в мичманы по пути в Константинополь). Взамен училища при восстановлении белой власти в Приморье в июле 1921 г. при Сибирской флотилии старшим лейтенантом Гарковенко была сформирована гардемаринская группа в 12 человек (в основном из кадет сибирских корпусов). Гардемаринский класс просуществовал до эвакуации, и 27 марта 1923 г. на Филиппинах оставшиеся 7 человек были произведены в корабельные гардемарины. Начальник – капитан 1-го ранга М.А. Китицын.

230

Китицын Михаил Александрович, р. 17 сентября 1885 г. в Чернигове. Сын чиновника. Морской корпус (1905), Офицерский класс подводного плавания (1909). Капитан 1-го ранга, начальник Отдельных гардемаринских классов, командир учебного отряда Сибирской флотилии. Георгиевский кавалер. В 1918 г. на крейсере «Орел» уехал в Японию. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1918 г. на Сибирской флотилии; с ноября 1918 г. заведующий гардемаринами, с 1919-го до января 1920 г. начальник Морского училища во Владивостоке, в январе 1920 г. на крейсере «Орел» ушел в Дубровник, где сдал крейсер Добровольному флоту и прибыл в Крым. 21 ноября 1920 г. командир канонерской лодки «Якут». Эвакуировался с флотом в Бизерту. На 25 марта 1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте, в феврале 1922 г. помощник директора, заведующий обучением в Морском корпусе. В эмиграции с осени 1922 г. в США, инженер в Нью-Йорке, затем в Айдахо. Основатель, в 1923–1925 гг. председатель, на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Умер 21–22 августа 1960 г. в Сент-Питерсберге (Флорида).

231

Манакин Михаил Михайлович, р. в 1862 г. В службе с 1880 г., офицером с 1882 г. Генерал-лейтенант, генерал-губернатор Приморской обл. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1919 г. с семьей во Владивостоке. В эмиграции в США. Член Общества Ветеранов. Умер в 1932 г. в Сан-Франциско.

232

Враштиль Виктор Владимирович, р. 30 октября 1885 г. Виленское пехотное юнкерское училище (1907). Ротмистр 2-го Заамурского пограничного конного полка. В белых войсках Восточного фронта; 20 декабря 1917 г. приступил к формированию эскадронов в Харбине, с 4 марта 1918 г. командир дивизиона пехотных войск, с 4 июля 1918 г., к 17 февраля 1919 г. командир Конно-Егерского полка в Приморье (в Никольске-Уссурийском), с 25 сентября 1918 г. подполковник. Полковник (с 18 октября 1918 г.). Взят в плен 28 января 1920 г. у ст. Полтавки и убит 9 апреля 1920 г. на ст. Верино или на мосту реки Хор под Хабаровском.

233

1-е Омское артиллерийское училище. Создано на Восточном фронте. Первоначально проектировалось как 1-е Артиллерийские военно-инструкторские курсы (курс – 4 месяца с выпуском портупей-юнкерами), которые предполагалось открыть в Омске 1 мая 1919 г. Открыто 1 июня 1919 г. и с 1 сентября переброшено во Владивосток (Раздольное). Состав: 2 батареи на 240 юнкеров. Курс, рассчитанный на 2 года, был сжат до 8 месяцев, и единственный выпуск произведен в феврале 1920 г. До 30–40 юнкеров поступило в Народно-Революционную армию, 42–45 человек к осени 1920 г. оказались на службе в Дальневосточной армии, почти исключительно в семеновских частях. Остальные около 140 человек распылились, оставшись во Владивостоке или уехав в Харбин. Начальник – полковник Н.А. Герцо-Виноградский. Помощник и командир дивизиона – полковник Е.Н. Сполатбог. Инспектор классов – полковник В.И. Коневега. Командиры батарей – подполковники Теляповский и Зинкевич.

234

Маковкин Александр Евплович, р. 7 июня 1876 г. Московский кадетский корпус (1894), Николаевское кавалерийское училище (1896). Офицер 1-го Лабинского полка Кубанского казачьего войска. Полковник, командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, командир бригады. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в июле 1918 г. начальник отряда на Гродековском антибольшевистском фронте, в августе – сентябре 1918 г. командующий Уссурийской группой войск, с сентября 1918 г. начальник Уссурийской отдельной бригады, с 30 декабря 1918 г. командир конной бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии, с 30 апреля 1919 г. командир Уссурийской отдельной конной бригады. Генерал-майор (1918 г.). В эмиграции в Китае. Умер 6 сентября 1928 г. в Тяньцзине.

235

Барон **Будберг Алексей Павлович**, р. 21 мая 1869 г. в Лифляндской губ. Из дворян той же губернии, сын полковника. Орловский кадетский корпус (1886), Михайловское артиллерийское училище (1889), академия Генштаба (1895). Офицер л. – гв. 3-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, командир 14-го армейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; в распоряжении начальника штаба ВГК, с 3 мая 1919 г. главный начальник снабжений и инспекций при Верховном главнокомандующем, с 23 мая 1919 г. помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра с правами военного министра по управлению военным министерством, с 27 августа 1919 г. и. д. военного министра, с 5 октября 1919 г. в распоряжении ВГК, с 19 ноября 1919 г. начальник штаба Приамурского военного округа. В эмиграции с 1921 г. в Сан-Франциско, начальник 1-го отдела РОВС в США, председатель Общества ветеранов Великой войны. Умер 14 декабря 1945 г. в Сан-Франциско.

236

Краковецкий Аркадий Антонович, р. в 1884 г. Кадетский корпус. Подпоручик, в 1905 г. разжалован и осужден как эсер, с мая 1917 г. подполковник. Руководитель восстаний юнкеров 27–29 октября 1917 г. в Петрограде и в декабре 1917 г. в Иркутске. В белых войсках Восточного фронта; с февраля 1918 г. военный министр Временного Сибирского правительства в Томске, с марта 1918 г. в Харбине, затем во Владивостоке и Омске. В 1919–1920 гг. руководитель выступлений против адмирала Колчака во Владивостоке, один из членов руководства «земской» власти Приморья в январе – феврале 1920 г. 16 февраля – 7 апреля 1920 г. командующий сухопутными и морскими силами Временного правительства Приморской областной земской управы. Затем на советской службе, в 1928–1934 гг. в ОГПУ. Расстрелян в 1938 г.

237

Герцо-Виноградский Николай Александрович, р. 20 марта 1875 г. 1-й кадетский корпус (1894), Михайловское артиллерийское училище (1897). Полковник л. – гв. 3-й артиллерийской бригады, командир батареи Константиновского артиллерийского училища, начальник сводной бригады 188-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта с октября 1918 г.; с 1 ноября 1918 г. командир 9-й стрелковой артиллерийской бригады, с 1 июня 1919 г. начальник Омского артиллерийского училища, с ноября 1919 г. до 31 января 1921 г. начальник 1-го артиллерийского училища во Владивостоке. В эмиграции в Харбине, на 8 января 1922 г. член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке, к 20 мая 1938 г. в США. Инициатор создания Общества ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. Умер 29 мая 1941 г. в Сан-Франциско.

238

Болдырев Василий Георгиевич, р. 5 апреля 1875 г. в Сызрани. Из крестьян. Военно-топографическое училище (1895), академия Генштаба (1903). Генерал-лейтенант, командующий 5-й армией. Георгиевский кавалер. В декабре 1917 г. – мае 1918 г. в тюрьме, затем в белых войсках Восточного фронта; с 4 сентября по 21 ноября 1918 г. Верховный главнокомандующий войсками Уфимской директории, затем командирован в Японию, весной 1920 г. вернулся во Владивосток, с 23 марта 1920 г. председатель комиссии при военном совете по разработке военных и военно-морских законопроектов сухопутных и морских сил Временного правительства Приморской областной земской управы, член правительства ДВР, 7 апреля – 12 декабря 1920 г. командующий сухопутными и морскими силами Дальнего Востока, на 7 октября 1921 г. экстраординарный профессор академии Генштаба. Остался во Владивостоке, в октябре 1922 г. арестован, летом 1923 г. освобожден и служил в советских учреждениях. Расстрелян 20 августа 1933 г.

239

Приморский драгунский полк. Возрожден на Восточном фронте на базе кадра этого полка Императорской армии. В состав соединений не входил. Располагался в Раздольном под Владивостоком, месте своей довоенной стоянки. В эмиграции кадр полка находился в Югославии (Белград) и входил в состав IV отдела РОВС. Начальник – полковник И.Ф. Проходовский.

240

Вериго Леонид Витальевич. Войсковой старшина. В белых войсках Восточного фронта; числился по армейской кавалерии. В 1918 г. начальник штаба Особого Маньчжурского отряда Г.М. Семенова, с 1918 г. полковник, 8 декабря 1918 г. начальник штаба Восточно-Сибирской отдельной армии, с 17 января 1919 г. комендант крепости Владивосток, с 21 февраля 1919 г. командующий войсками Амурской обл., с 4 апреля 1919 г. начальник гарнизона Хабаровска и уполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Хабаровске и уезде, в сентябре 1919 г. дежурный штаб-офицер штаба ОМО, с 22 декабря 1919 г. начальник Отдельной Бурятской конной бригады, с 17 января 1920 г. комендант крепости Владивосток. Генерал-майор (с 4 января 1919 г.). В эмиграции в Китае. Умер 1 марта 1944 г. в Харбине.

241

2-е артиллерийское техническое училище. Открыто в Омске 1 июня 1919 г. и позже было, как и 1-е артиллерийское, переброшено на Дальний Восток: сначала на станцию Никольск-Уссурийский (в эшелонах), а затем было перемещено на станцию Владивосток. Выпуск юнкеров в офицеры состоялся через несколько дней после выпуска из 1-го Омского артиллерийского училища.

242

Унтербергер Петр Павлович. Сын генерал-инженера. Нижегородская гимназия, Николаевское инженерное училище (1902), Николаевская инженерная академия. Полковник л. – гв. Саперного полка. В белых войсках Восточного фронта; с 27 января 1920 г. командир батальона в Учебно-инструкторской школе (Владивосток). В 1922 г. помощник секретаря Земского собора. В эмиграции в Китае, с 1927 г. штаб-офицер для поручений в Шанхайском Русском полку, к 1941 г. член Офицерского собрания в Шанхае.

Все сдавшиеся чины Конно-Егерского полка были затем зарублены большевиками.

Плюцинский Дмитрий Александрович. Капитан инженерных войск. В белых войсках Восточного фронта; в январе 1920 г. начальник радиостанции во Владивостоке. Полковник. В эмиграции в Индонезии. Умер 10 июня 1934 г. в Бандбенде (Ява).

245

Доманевский Владимир Николаевич, р. 12 марта 1878 г. в Санкт-Петербурге. Пажеский корпус (1897), академия Генштаба (1903). Офицер л. – гв. Конной артиллерии, командир 14-го гусарского полка. Генерал-майор, и. д. начальника штаба Приамурского военного округа. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в феврале 1918 г. у генерала Хорвата в Харбине, с 13 февраля по 12 апреля 1920 г. начальник штаба сухопутных и морских сил Временного правительства Приморской областной земской управы, с 7 марта 1921 г. в резерве чинов. Генерал-лейтенант. В эмиграции во Франции, к 1931 г. возглавлял группу л. – гв. Конной артиллерии в Париже. Умер 4 апреля 1937 г. в Сен-Женевьев-де-Буа (Франция).

246

Королев Анатолий Николаевич, р. в 1887 г. Морской корпус (1907) (офицером с 1908 г.). Старший лейтенант. В белых войсках Восточного фронта; в ноябре 1919 г. командир канонерской лодки «Манчжур» Сибирской флотилии, затем командир роты в Морском училище во Владивостоке. К лету 1921 г. в Маниле, на 31 января 1922 г. в Японии. В эмиграции там же, в 1933–1935 гг. подписчик «Морского журнала». Умер 26 августа 1975 г. в Токио.